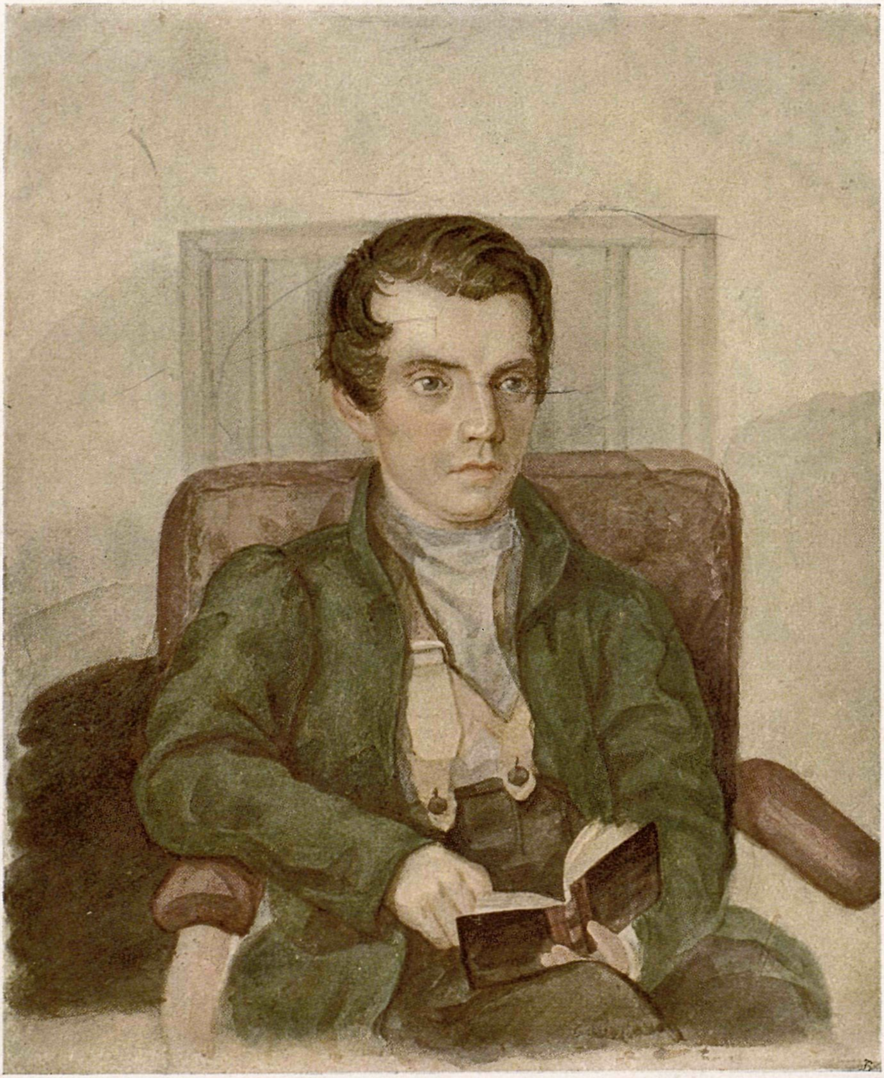
З. 20
Ш. 79
П. 2
№ 1 / 2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.



БѢЛИНСКІЙ

въ возрастѣ 27—28 лѣтъ.

Акварель, принадлежащая П. Г. Моравеку.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

С. А. Венгерова.

ТОМЪ II.

Съ приложеніемъ акварельнаго портрета Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ.

Гос. Публичная Б-ка
1918

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.
1900.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28

2952

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

*** Звѣздочка поставлена передъ статьями и указаніями, не входившими въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго или входившими съ сокращеніями.**

„Молва“ и „Телескопъ“ 1834 г.

стр.

*38. Беата. (Переводъ) . . . . 1—25

*39. Отчего въ Римѣ не было трагедіи. Соч. *Низара* (переводъ) . . . 25

40. Ночь на Рождество Христово. *К. Баранова* . . . . 26—28

41. Грамматика русскаго языка. Соч. *Калайдовича* . . . . 28—42

*42. *Сильвестръ де Саси.* Основы грамматики для дѣтей. (Переводъ) . 42

43. Повѣсти *Безумнаго*. . . . . 42—45

44. Регентство Бирона. Пов. Соч. *К. Масальскаго.* Графъ Оболнскій или Смоленскъ въ 1812 году. Соч. *И. Коншина.* Шигоны . . 45—48

„Молва“ и „Телескопъ“ 1835 г.

*45. Домовой или любовь стараго подьячаго. Соч. *Александра П—л—ва.* 48

*46. Веррексъ. Соч. м-съ *Чарльсъ-Горъ.* Пер. съ англ. *П. Др...ъ.* . —

*47. Изгнанникъ. Соч. *Богемуса.* Пер. съ нѣм. *В...ъ* . . . . . . 49—52

48. *Поселыщикъ.* Соч. *Н. Щ.* . . . . 52—57

49. Въ тихомъ омутѣ черти водятся. *Ѳедора Кони* . . . . 57—59

*50. Дворянскіе выборы, характеристическая картина въ четырехъ главахъ. Соч. *А.... Ч....* 59

51. Повѣсти, изд. *Александромъ Пушкинымъ.* . . . . 59—61

52. Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ . . . . 61—63

53. Краткое изложеніе главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ, неоспоримо утверждающихъ истину и божеств. происхожд. христіанскаго откровенія. Соч. Еп. Лонд. *Портьюса* 63

54. Новое не любо не слушай, а лгать не мѣшай, или любопытные отрывки изъ жизни Мины Минича Евстратенкова. *N. I.* 1835. 63—65

Двѣ гробовыя жертвы. Разсказъ *Касьяна Русскаго* . . . . . . —

*55. Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчета. *Ѳедора Кони.* 65

Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ. *Его же.* . . . . —

56. Баронъ Брамбеусъ. Пов. *Павла Павленки* . . . . 66—67

*57. Пантеонъ дружбы на 1834 годъ, собр. *И. О--мъ* . . . . . . 67—68

*58. Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ калмыкахъ, собр. на мѣстѣ *И. Нефедьевымъ* . . . . 68—70

стр.

59. Конекъ-Горбунокъ. Соч. *П. Ершова* . . . . 70—71
60. Путевыя записки *Вадима* . . . . 72—73
61. Были и небылицы *Казака Луганскаго*. 1835. . . . . 73—74
*62. Сказаніе о побоищѣ вел. князя Димитрія Іоанновича Донскаго съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ и съ безчисленными татары па Дону на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ, 1830 года 8 сент. Изд. *Николай Головинъ* 74
63. Абадонна. Соч. *Николая Полеваго*. . . . . 74—80
Мечты и жизнь. *Его же* . . . . —
64. Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго до Кульмскаго боя. . . . . 80—81
65. Хмѣльницкіе или присоединеніе Малороссіи. Соч. *П. Голоты* . . 81—83
66. Царь-Дѣвица 83
*67. Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ. Соч. г-жи *Ренневиль*. 83—84
Собраніе повѣстей. Соч. *Беркеня*, *Кампе*, *Гизо* и г-жи *Зонтагъ*. —
*68. Страсть къ должностямъ. Соч. *Скриба*. Пер. съ франц. *Василій Горскій* 84
69. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, *Константина Батюшкова*. . . 84—88
70. Досуги Инвалида (*В. А. Ушакова*) . . . . 88—90
71. Ангарскіе пороги. Соч. *Н. Щ*. . . . . 90—91
*72. Клятвопреступница. 91
*73. Современныя повѣсти модныхъ (??!!) писателей. Собр. (?!), перев. и изд. *Ѳедоромъ Кони* . . . . 91—92
*74. Достопамятный бракъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. *Николая Ѳомина* . . . . 92—93
*75. Тетрадь Русской Грамматики для русскихъ, сост. по порученію начальства 93
*76. Арабески. *Н. Гоголя*. . . . . 93—95
Миргородъ. *Его же* . . . . —
77. Таинственный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Ист. романъ (*Рафаила Зотова*) . . . . 95—97
*78. Похожденія червонца и послѣдняя участь его въ Макарьевской ярмаркѣ 97
*79. Стихотворенія *Евгенія Баратынскаго* . . . . —
80. Вѣдьма или страшныя ночи за Днѣпромъ. Соч. *А. Чуровскаго*. . 98—99
Черный кощей или заднѣпровскій хуторъ у Лунной горы. Соч. *Его же*. . . . . —
81. И мое мнѣніе объ игрѣ *г. Каратыгина* . . . . —
*82. Рахиль. Соч. *Евгеніи Фаа*, пер. съ франц. *Т—ы П..с..нъ* . . . 99—109
*83. Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. Соч. г-жи *Радклифъ*. . . . 109—110
84. Учебная книга Всеобщей исторіи. Соч. проф. *И. Кайданова*. . . 110—115
*85. Исторія Пугачевскаго бунта (*Пушкина*) 115
86. Сцены на морѣ. Соч. *И. Давыдова* . . . . 115—116
87. Корсунскія врата, находящ. въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. *Ѳедора Аделунга*. Съ нѣм. перев. *Петръ Артемовъ* . . . . 116—120
Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлецкаго бунта (*В. Берха*). . . . . —
Русская Вивліоѳика. Изд. *Николаемъ Полевымъ* . . . . —
*88. Забавные анекдоты *Полиньяка Финдюро*, придворнаго шута короля Сигизмунда 120

стр.

*89. Дитя поэзіи . . . . 120—124
Стихотворенія *Михаила Меркли* . . . . —
90. Наталія. Соч. г-жи ***. Пер. съ фр. *Александръ Шубяковъ*. . . 124—127
*Свѣтославичъ, вражій питомецъ. Соч. *А. Вельтмана*. 127
*91. Два мужа. Перед. съ фр. *А. И. Булгаковымъ*. . . . . 127—128
Женихъ мертвецъ или думалъ солгать, а сказалъ правду . . . . —
*92. Образецъ постоянной любви. *Скриба*. Передѣлка *А. П.* . . . . 128—129
93. О господинѣ Новгородѣ Великомъ. *А. В.* (*Вельтманъ*). . . . . 129—130
*94. Добрыя дѣвушки. Соч. г-жею *Алидіо де Савильякъ*. . . . . . 130—131
95. Борисъ Годуновъ. *М. Лобанова* . . . . 131—132
96. Художникъ. *Т.м.ф.а* (*Тимофеева*). . . . . 132—135
*97. Краткая исторія города Казани. Соч. *М. Рыбушкина*. . . . . 135—138
98. Исторія Донского войска, *Владиміра Броневскаго* . . . . . . 138—140
99. Тетушкины сказки. Соч. д-цы *В. М. Руссо*. . . . . 140—141
*100. Примѣчаніе къ „Олегу подъ Константинополемъ“. *К. Эврипидина*. 141—142
101. Жертва. Соч. г-жи *Монборнъ*. Пер. съ фр. *Z*. . . . . 142—149
*102. Ижорскій, Мистерія . . . . 149—154
103. Сынъ жены моей. Соч. *Поль-де-Кока* . . . . 154—157
104. Четыре вымысла. Соч. *Николая Лутковскаго*. . . . . 157—159
Эмилій Лихтенбергъ. Соч. *М. Лисицыной* . . . . —
*105. Ледяной домъ. Соч. *И. И. Лажечникова*. . . . . 159—160
*106. Малороссійскія повѣсти, разсказанныя *Грицкомъ Основьяненкомъ*. 160
Наськы украинськьи казки, запорозьця *Иська Матыренкы* . . . —
*107. Метода всеобщаго обученія *Жакото* . . . . 160—161
Метода Жакото. Изд. *Егоръ Гугель* . . . —
Чтенія для умственнаго развитія малолѣтнихъ дѣтей и обогащеніе ихъ познаніями. Сост. *Егоромъ Гугелемъ* . . . . —
*108. Артистъ. Перев. съ фр. *Д. И. Булгакова* . . . . 161—162
*109. Вечера моей бабушки. Пер. съ фр. *М.* и *Г.* 162
*110. Записки г-жи *Дюкре* о императрицѣ Іозефинѣ, о ея современникахъ и о дворахъ Наварскомъ и Мальмезонскомъ . . . . . 162—163
*111. Наслѣдница. Соч. *П. Сумарокова* . . . . 163—165
*112. Рейнскіе пилигримы. Соч. *Бульвера* . . . . 165—169
*113. Очерки Сѣвера. Соч. *Ампера*. . . . . 169—170
*114. Сестра Анна. Соч. *Поль-де-Кока*. Пер. съ фр. *А. Пр....въ*. . . 170—171
*115. Стихотворенія *А. Коптева* . . . . 172—176
*116. Карманный гомеопатическій лѣчебникъ. Изд. по руковод. *Гааса. Фр. Бѣлявскаго* . . . . 176—178
*117. Люди высшаго и низшаго круга. Соч. *Пикара*. Пер. съ фр. *Семенъ Мухачевъ*. 178—179
*118. Посланіе Петру Ивановичу Рикорду. Соч. *Графа Хвостова* . . 178—179
Стихи на освященіе собора. *Его же* . . . . —
Маньчжурская пѣснь. *Его же*. . . . . —
На памятникъ императору Александру I. *Мирзы Джафара Топчибашева*. . . . . —
*119. Полный и новѣйшій пѣсенникъ. Собр. *И—мъ Гурьяновымъ* . . . 179—182
*120. Кривой бѣсъ. Соч. *А. В—ва* . . . . 182—183
*121. Тише ѣдешь, дальше будешь. Перед. съ фр. *А. И. Булгаковымъ* . 183
*122. Начертаніе русской исторіи для училищъ. Соч. проф. *Погодина* . 183—185

стр.

*123. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. *Николая Полеваго.* 185—186
124. О русской повѣсти и повѣстяхъ *Г. Гоголя.* (Арабески и Миргородъ) . . . . 186—236
*125. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. *Ф. Ротганомъ* на 1835 годъ. . . . . 237—240
*126. Весенніе цвѣты 240
*127. Атаманъ Буря 240
*128. О стихотвореніяхъ *Баратынскаго* . . . . 241—249
(207). Просодическая реформа. (См. дальше № 207, стр. 514—515).
*129. Довмонтъ, князь Псковскій. Соч. *А. Андреева.* 1835. . . . . . 249—250
*130. Сцены изъ петербургской жизни. Соч. *В. В. В.* . . . . 250—251
*131. Повѣсти *Александра Никитина* 251
*132. Горе отъ тещи или женись да оглядывайся. Соч. *П. Григорьева* . 252—253
*133. Плачъ на кладбищѣ. Соч. *Ѳедота Кузмичева* . . . . 253—254
Сельскій колдунъ. *Его же* . . . . —
Незаконнорожденный или жизнь и смерть. Перед. съ польскаго *А. П. Протопоповымъ* . . . . —
*134. Нѣмецко-русскій словарь. Изд. *Я. Брифа* . . . . 254—256
*135. Практическая русская грамматика, изд. *Николаемъ Гречемъ* . . 256
*136. Опытъ полнаго учебнаго курса русской грамматики. *М. Д. И.* . . 256—257
137. Грамматическіе уроки русскаго языка *Димитрія Каширина* . . 257—258
138. Отвѣтъ критикамъ, разсуждающимъ при (объ?) моемъ объявленіи (*Гуслистаго*) . . . . 258—260
*139. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. *Ф. Ротганомъ* 260
*140. Эшафотъ или сынъ преступника. *А. Биньяна.* Перев. съ фр. *Ивана Гурьянова* 260-261
*141. Священная исторія церкви ветхаго и новаго завѣта. . . . . 261—262
*142. Барановскій или характеристическіе очерки частной жизни Малороссіи 262
*143. Валерій и Амалія. *Алексѣя Тимофеева* 262
144. О жизни и произведеніяхъ Сира Вальтера Скотта. Соч. *Аллана Каннингама.* Перев. *Дѣвицы Д*.... . . . . 262—267
*145. Московскія новости. . . . . 267—270
*146. Карманная книга географіи для дѣтей. Перев. съ нѣмецк. пасторъ *Зедергольмъ* . . . . 270—271
*147. Стихотворенія *Алексѣя Кольцова* 271
148. Театръ. Сынъ природы и др. . . . . 271—273
*149. Стихотворенія *Владиміра Бенедиктова* . . . . 274—290
150. Краткая географія для дѣтей. По руководству *И. А. Гейма.* . . 291—292
*151. Записки о Петрѣ Великомъ, соч. *Вилліамса.* Перев. съ англійск. *В. Н. Олинъ* . . . . 292—293
*152. О распространеніи Россійскаго государства съ единодержавія Петра I-го до смерти Александра I-го. Соч. *И. Гагемейстера.* 293—294
*153. Стихотворенія *Владиміра Бенедиктова* 294
*154. Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. Соч. *Константина Зеленецкаго* . . . . 294—295
*155. Валерія или слѣпая. Пер. съ фр. соч. *Г. Скриба*, дѣйств. студ. *Андреемъ Павловымъ* . . . . 295—296
*156. Новѣйшіе повѣсти и разсказы. Соч. (?) *Евгенія Сю, Бальзака* и *Ожера.* 296

стр.
*157. Сцены современной жизни. Соч. *Алекс. Москвичина* 297
*158. Весенняя вѣтка 297
159. Журнальная замѣтка . . . . 297—306
*160. Примѣчаніе къ стихотворенію *К. Эврипидина* „Воспоминаніе". . 307
*161. Стихотворенія *Кольцова* . . . . 307—315
*162. Осенній вечеръ. Изд. *В. Лебедевымъ* . . . . 315—319
*163. Театръ. Недовольные, соч. *М. Н. Загоскина* . . . . 319—326
164. Три сердца. *Александра Долинскаго* . . . . 326—327
*165. Исторія Японіи . . . . 327—328
166. Покойникъ мужъ и вдова его. *Өедора Кони* . . . . 328—330
Иванъ Савельичъ. *Его же* . . . . —
Заговоръ противъ себя или сонъ въ руку. Соч. *Гавр. фонъ-Бейера.* —
*167. Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ. Опис. *Платономъ Зубовымъ* . . . . 330—331
*168. Поединокъ. Соч. *Аполлинарія Беркутова* . . . . 331—332
*169. Цвѣты нравственности. *Михаила Третьякова*. . . . . 332—333
*170. Авторскій вечеръ 333
*171. Дѣтскій театръ. Соч. *Б. Өедорова* . . . . 333—335
*172. Примѣчаніе къ ст. Литературная новость. 335
*173. Бѣлинскій какъ редакторъ „Молвы" и „Телескопа" 335
*174. Осужденный. Соч. *А. Крылова* 336

„Телескопъ" и „Молва" 1836 г.

*175. Ничто о ничемъ или отчетъ г. издателю „Телескопа" за послѣднее полугодіе (1835) Русской литературы. . . . . 337—383
*176. Мѣсяцесловъ на (високосный) 1836 годъ . . . . 383—384
*177. Постоялый дворъ. Записки покойнаго *Горянова,* изд. его другомъ *Н. П. Маловымъ.* (*А. Степановъ*) . . . . 384—397
*178. О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ Задунайскихъ. Набросано *Юріемъ Венелинымъ*. . . . . 397—401
*179. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта. Сост. *Дюмонъ-Дюрвилемъ* . 401—403
*180. Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи. (*С. Строева*) . . . . 403—405
*181. Вастола или желанія. Соч. *Виланда* . . . . 405—408
*182. Пѣсни, романсы и разныя стихотворенія. *А. П.* . . . . 408—409
*183. Пѣсни *Т.м.ф.а.* (*Тимофеева*) 409
Елизавета Кульманъ. *Его же* . . . . 409—414
*184. Стихотворенія *Александра Пушкина* . . . . 415—417
*185. Естество міра. *А. Т.* 417
*186. Викторъ или слѣдствія худого воспитанія. Соч. *П.... С....ва* . 420—421
*187. Памятныя записки титулярнаго совѣтника Чухина. Соч. *Өаддея Булгарина* 421
*188. О должностяхъ человѣка. Соч. *Сильвіо Пеллико,* пер. съ итал. *Николаемъ Хрусталевымъ* . . . . 421—422
*189. Собраніе риѳмъ по алфавиту . . . . 422—423
*190. Провинціальныя бредни и записки *Дормедона Васильевича Прутикова* . . . . 423—429
*191. Прекрасная Астраханка или хижина на берегу рѣки Оки . . . 429—436
192. Отелло. *В. Гауфа*. 437
*193. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. *Ф. Ротганомъ*. . . . . 437—438

стр.
*194. Басни *Крылова* . . . . 438—439
*195. Кальянъ. Стих. *А. Полежаева* . . . . 439—440
196. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. *Николая Полеваго* . . . . 440—446
*197. Очерки Константинополя. Соч. *Константина Базили* . . . . 446—447
*198. Стелло или голубые бѣсы. Соч. графа *Альфреда де-Виньи* . . . 447
*199. Бетта и Томсъ или докторъ Эннеръ и его открытіе. Перев. съ нѣм. *С. П.* 147
*200. Дѣтская книжка на 1835 годъ, *Владиміра Бурнашева* . . . . 447—448
201. Предки Калимероса. *Вельтмана* . . . . 448—453
*202. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта. Сост. *Дюмонъ-Дюрвилемъ* . 453—454
*203. Оперы и водевили. Перев. съ фр. *Дмитрія Ленскаго* . . . . . 454—455
*204. Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей. Изд. *Николаемъ Надеждинымъ* 455
*205. Темные разсказы опрокинутой головы. Соч. *Бальзака* 456
*206. О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ „Московскаго Наблюдателя". 456—514
207. Просодическая реформа (относится къ 1835 году. См. между №№ 128 и 129) . . . . 514—515
Примѣчанія ко II тому . . . . 516—607
Объ акварельномъ портретѣ Бѣлинскаго 608

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Акварельный портретъ Бѣлинскаго, въ возрастѣ отъ 27—28 лѣтъ. Принадлежитъ П. Г. Моравеку.

---

*38. Беата [1]).

1780.

I.

Было не болѣе двухъ часовъ, какъ больные въ городѣ Спа, водопійцы, лѣнивицы и игроки, толпились въ залѣ гостинницы при ваннахъ, вдругъ дверь распахнулась на обѣ половинки. Сначала хлынулъ изъ нея густой паръ отъ чрезмѣрнаго жару, раздались грубые звуки голосовъ, показался блескъ тысячи восковыхъ свѣчъ, потомъ вышелъ синій фракъ съ длинными фалдами и отложнымъ воротникомъ, штаны изъ желтой кожи, запятнанные виномъ и пуншемъ, запыленные со шпорами сапоги, руки въ тонкихъ кружевныхъ манжетахъ; лице, сіяющее удовольствіемъ, чело сверкающее пòтомъ, щеки, побагровѣвшія отъ хмѣлю, двадцатилѣтняя голова, покрытая снѣгомъ пудры, однимъ словомъ, молодой человѣкъ, который, не оглядываясь ни на право ни на лѣво, толкалъ и натыкался на все встрѣчавшееся ему и прыгалъ по ступенькамъ лѣстницы, подобно влюбленному коту.

— Сударь! Сударь! вы уронили ваши перчатки и деньги!—

Безполезные крики, напрасные труды; онъ уже далеко, очень далеко, онъ уже за дверью; онъ перепрыгнулъ черезъ лѣстницу, черезъ перистиль, перебѣжалъ дворъ и аллеи сада, перескочилъ черезъ рѣшетку ваннъ и уже отдыхаетъ въ доброй почтовой коляскѣ, совершенно заложенной и готовой принять въ себя какого нибудь путешественника, только конечно не этого. Но что нужды? Баста! погоняй! ѣдемъ!

— Куда же прикажете ѣхать, сударь?

— Куда хочешь.

— Но, сударь!...

— Ступай, куда глаза глядятъ! вотъ пять флориновъ — затвори дверцы и пошелъ!—

Колеса лобызаютъ землю, лошади бьютъ ее, бичь свиститъ въ воздухѣ, почтальонъ куритъ трубку, и коляска катится въ прекрасную лѣтнюю ночь, подъ прекраснымъ звѣзднымъ небомъ, по дорогѣ,

совершенно противоположной той, по которой бы ей должно было слѣдовать... Послѣ продолжительнаго получасу, человѣкъ на тоненькихъ ножкахъ сходитъ съ лошади, оставляетъ повозку медленно взбираться на гору, вытряхиваетъ изъ трубки золу, набиваетъ ее снова табакомъ, и по троекратной затяжкѣ, еще въ первый разъ открываетъ свой ротъ, и бормочетъ про себя со всею нѣмецкою живостію: „мнѣ кажется, что этотъ молодой человѣкъ сошелъ съ ума... Да, онъ сошелъ съ ума отъ радости, такъ сошелъ съ ума, что его надобно связать, онъ пьянъ, во сто разъ пьянѣе человѣка, проведшаго воскресный день у заставы, пьянѣе Англійской каютъ-юнги, ѣдущей изъ Индіи, пьянѣе бабы, возвращающейся съ Гревской площади.—Онъ игралъ, онъ выигралъ..., 15,000 флориновъ скачутъ съ нимъ, у него вездѣ золото, въ фалдахъ, въ карманахъ, въ головѣ, въ ушахъ...

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ, ворчалъ онъ сидя въ колясхѣ, не смотря на ужасный скрипъ колесъ и качку экипажа, отъ которой онъ могъ прикусить языкъ.

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... Мое!—Извольте играть, господа.— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... Опять мое!—Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... И золото горой громоздится передъ нимъ, и при блескѣ свѣчъ горитъ, какъ пылающій Везувій... Эта туча головъ, взгромоздившихся и нависшихъ надъ столами, это множество рукъ, отъ зеленаго сукна переходящихъ къ карману, эта толпа игроковъ, зрителей—все исчезло; онъ видитъ только одну вещь—зеленое поле; одного человѣка—банкира; онъ слышитъ только стукъ катающихся шаровъ, онъ понимаетъ только то, что красный прошелъ, нечетъ выигралъ; у него руки только для того, чтобы загребать ими золото, которое ему мечутъ, у него чувства только для того, чтобы выигрывать.. Онъ въ забытьи.

— Пустые тѣ люди, которые бѣгаютъ игры, какъ бѣшеной собаки! вскричалъ онъ... Пустые тѣ люди, которые, живя на свѣтѣ, только и знаютъ, что ѣсть, спать и волочиться!.. Это скоты!.. О, тысячекратно благодарю васъ, милые друзья! вы сказали мнѣ: играй, и будешь человѣкомъ... благодарю, ибо первый мой флоринъ доставилъ мнѣ кучу золота и наслажденій... а что всего важнѣе, я сталъ жить полною жизнію; благодаря вамъ, я понялъ цѣль жизни; мнѣ извѣстны теперь ощущенія, скрывающіяся подъ четырьмя буквами слова: *игра!* О волшебное, очаровательное *красный или черный! выигрышъ или проигрышъ!* здѣсь нѣтъ середины! здѣсь какъ будто бы висишь въ воздухѣ, безъ голоса, безъ дыханія, готовый или вознестись къ небесамъ, или низвергнуться въ бездну; тутъ кажется тебѣ, что твоя голова лежитъ на плахѣ, ты видишь надъ нею топоръ, и

говоришь про себя: упадетъ она или нѣтъ? и это не случайно и не однажды, а шестьдесятъ разъ сряду въ продолженіи каждаго часа, и все это изъ какого нибудь флорина, какъ будто бы изъ милліона, изъ какого нибудь ліарда, какъ будто бы изъ королевства! О игра!... божественное раздраженіе нервовъ, распаляющее кровь; огненная горячка, которую сильные умѣютъ скрывать, хотя и чувствуютъ ее даже до оконечности своихъ волосъ; страсть, которая овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, и потрясаетъ его даже до истощенія силы и самой жизни; энергическій синапизмъ, отъ котораго пробуждаются мертвые, отъ котораго тѣло человѣческое до послѣдней степени изсушенное болѣзнями и годами, тѣло, изрытое морщинами, желтое, каждую минуту готовое обратиться въ прахъ, снова возвращается къ жизни при видѣ колоды картъ, прыгаетъ подъ гальваническимъ штемпелемъ (pile) золотой кучи!.. Нѣтъ, поцѣлуй дѣвы, страстныя лобзанія женщины, сценическое упоеніе, топанье партера,— все это, въ сравненіи съ игрою, только слабое щекотаніе, едва замѣтное прикосновеніе мухи. Ничего, ничего нѣтъ выше этого *красный прошелъ, нечетъ выигралъ*... О, для чего нѣтъ у меня довольно силы!.. Я помнилъ себя; я бы сорвалъ банкъ, игралъ бы день и ночь, всегда, всю жизнь мою, сталъ бы играть на землю, если бы только могла она умѣститься на столѣ; я бы сталъ играть съ самимъ чертомъ и выигралъ бы... Но счастіе разслабило мои нервы въ какіе нибудь три часа, и я вышелъ... Ахъ, бѣднякъ... я ни что иное, какъ баба, которой бы играть только въ погремушки съ своими дѣтьми! Ахъ, *красный прошелъ, нечетъ выигралъ*! ты повиновалось мнѣ цѣлые три часа какъ собака; кто знаетъ теперь, найду ли я когда нибудь?.. я задыхаюсь ..

И вотъ онъ высовываетъ свою пылающую голову въ окно коляски, и съ наслажденіемъ впиваетъ въ себя освѣжительное дыханіе вѣтра...

Его сердце облегчается, его артеріи бьются не такъ скоро, онъ отдыхаетъ; подобно дитяти, развертывающему свертокъ рисунковъ, онъ любуется, смотря на то, какъ гонятся за его коляскою мрачныя и фантастическія формы придорожныхъ деревьевъ, какъ бѣгутъ домы, долины, горы; водяные потоки, серебримые луною, сверкаютъ и браздятся въ глазахъ его, какъ молнія; сама луна, какъ истертая золотая монета, обращаетъ на него свое блѣдно-желтое лице; потомъ въ дѣвственной пучинѣ небесныхъ свѣтилъ онъ старается узнать свою звѣзду; наконецъ, забивается въ уголъ повозки, протягиваетъ ноги, шаритъ рукою въ жилетѣ и закрываетъ глаза...

Гремушки, висящія на ушахъ лошадей, глухое и безпрерывное движеніе колесъ, однообразный скрыпъ ресоръ, тотчасъ усыпили его. Но мысль бодрствуетъ и блуждаетъ въ странномъ видѣніи: онъ ме-

дикъ... и вотъ за нимъ приходятъ и зовутъ его пустить кровь какой-то женщинѣ *in extremis*: это въ одной кривой улицѣ, въ старомъ домѣ съ вѣтхою лѣстницею, въ пятомъ этажѣ, у какой-то престарѣлой дѣвицы; тамъ при слабомъ свѣтѣ отекшей свѣчи, онъ вынимаетъ свой ланцетъ, и выпускаетъ изъ больной жилы чашку крови. Потомъ старая сосѣдка хочетъ принести ему чѣмъ обмыть руки, ибо въ комнатѣ нѣтъ ни капли воды, ни лоскутка полотна, чтобы утереться; онъ вынимаетъ свой платокъ, который служитъ ему полотенцемъ; потомъ берется за шляпу, но старая дѣвица приподнимается, подзываетъ его къ себѣ, и даетъ ему, въ знакъ благодарности за его старанія, маленькій ящичекъ въ три дюйма величиною, обвязанный розовою полинялою ленточкою. Онъ открываетъ ящичекъ и въ маленькомъ чехолкѣ изъ желтой и истертой кисеи находитъ большаго чернаго паука, лежащаго на спинѣ и двигающаго своими длинными ногами маленькіе лоскутки бумаги, на которыхъ написаны номера, а на задней сторонѣ ящичка онъ читаетъ слѣдующія косыя литеры: *вѣрное средство выигрывать въ лотерею*; потомъ престарѣлая дѣвица снова ложится, плюетъ и умираетъ... Въ эту минуту коляска останавливается и нашъ мечтатель пробуждается, покрытый холоднымъ потомъ, трепещущій, какъ человѣкъ, къ горлу котораго приставленъ пистолетъ; имъ овладѣваетъ ужасная мысль, что онъ, въ такихъ юныхъ лѣтахъ, будучи покрытъ съ ногъ до головы золотомъ, можетъ быть убитъ или обокраденъ на дорогѣ, въ этой, совершенно незнакомой ему сторонѣ. Онъ наклоняется къ окну повозки и примѣчаетъ гору, деревья и въѣздъ въ деревню... Въ три скачка онъ выпрыгиваетъ изъ коляски и вотъ онъ подъ носомъ почталіона, который высѣкаетъ огонь, и повидимому, очень удивился, увидѣвъ такъ близко подлѣ себя путешественника.

— Гдѣ мы?

— Въ Соверніерѣ, сударь.

— Знаешь ли ты здѣсь кого нибудь?

— Да, сударь, къ вашимъ услугамъ.

— Хочешь ли получить пять флориновъ?

— Хочу, сударь.

— Ну, такъ назови мнѣ какого нибудь честнаго человѣка?

— Честнаго человѣка?—повторилъ почталіонъ, удивленный его вопросомъ.

— Да, самаго честнаго человѣка...

— Ну такъ Францъ Разманъ Венгерецъ; я бы повѣрилъ ему свою трубку и лошадь.

— Возьми, вотъ десять флориновъ за имя твоего честнаго человѣка, будь здѣсь и дожидайся меня.—

Онъ изчезъ. Удивленный почталіонъ позвенѣлъ золотыми монетами, и поднялъ руку, чтобы сунуть ихъ въ карманъ жилета... но его трубка упала на землю и расшиблась въ мелкіе куски объ камни.

Бѣда! Бѣда! вскричалъ онъ съ горестію, качая головою, моя трубка разбилась.

— Я продалъ имя честнаго человѣка глупцу... Jesus mein Gott, сжалься надо мною!.. Кто знаетъ, что изъ этого выйдетъ?—

II.

Если вы войдете въ хорошенькую деревеньку на берегахъ Рейна, по ту сторону Швейцаріи, въ лѣтній вечеръ, когда небо покрывается по мѣстамъ красными пятнами, подобно разгорѣвшемуся лицу молодой дѣвушки, то у каждыхъ дверей услышите пѣсни.

Тамъ на всякомъ порогѣ собираются, какъ птицы на вѣткѣ, группы всякихъ голосовъ, и очаровываютъ васъ мимоходомъ упоительной гармоніей... Правда, все это только одни вальсы, круговые напѣвы, пѣсенки, много что въ три или четыре ноты. простѣйшія аріи въ мірѣ; но вы промѣняли бы на эту мелодію прекраснѣйшія партиціи Беетховена и Моцарта и лучшую примадонну театра Saint-Charles и Scala: такъ много въ аккордахъ этихъ молодыхъ пѣвицъ чистоты и согласія въ голосахъ, которые восхищаютъ и трогаютъ васъ... Это значитъ, что вы въ Германіи, въ этой землѣ, гдѣ самыя грубыя уста одарены музыкальнымъ инстинктомъ, и гдѣ природа вѣроятно хотѣла вознаградить жителей за суровость климата, одаривъ ихъ этой божественною способностію. Музыка, языкъ поэтическихъ душъ, которыя не могутъ выражать своихъ мыслей словами; глаголъ живой, обильный, безмѣрный, безконечный, какъ душа, игривый какъ радуга, музыка есть роза Германіи, цвѣтокъ, разливающій столько поэзіи въ тяжеломъ и хладномъ воздухѣ Сѣвера; и съ ея-то благовоніемъ бѣдный Нѣмецъ, мрачный и задумчивый, создаетъ себѣ солнечный лучъ посреди своихъ тумановъ, и придаетъ нѣсколько небесной лазури своему сѣрому небу.

Mein Schatz ist ein Reiter, Ein Reiter muss er seyn; Das Ross ist dem Kaiser, Der Reiter ist mein, Der Reiter...	У меня любезный—всадникъ, Всадникъ, всадникъ долженъ быть онъ; Пусть король возьметъ коня, Всадникъ будетъ у меня, Всадникъ...

— Господи Іисусе!

Пѣвица, прерванная въ своемъ припѣвѣ, вскрикнула и отскочила назадъ... Но ея рука находилась въ рукѣ молодаго человѣка, который сжалъ ее.

— Прекрасная моя птичка, не здѣсь ли живетъ Францъ Разманнъ?

— Точно такъ, сударь, здѣсь, войдите.

Молодая дѣвушка, оправившись отъ страха, прыгнула какъ козочка, и толкнувшись въ дверь, снова принялась пѣть птичьимъ голосомъ:

Mein Schatz ist ein Reiter,
Ein Reiter muss er seyn;
Das Ross ist dem Kaiser,
Der Reiter ist mein,
Der Reiter ist mein.

III.

Низкая, закопченая комната, старыя рамы, старые портреты, огромныя занавѣски изъ красной парчи, окно, не много открытое, и совершенно окруженное вьющимися растеніями, виноградными лозами и душистымъ горохомъ, столъ, накрытый грубымъ сукномъ, стулья, печка въ одномъ углу, деревянные часы въ другомъ; на столѣ зажженная лампа, раскрытая Библія, очки, лежащія посреди книги, кучи разсыпаннаго золота; подлѣ стола молодая дѣвушка считаетъ, возлѣ нея молодой человѣкъ смотритъ... Часы бьютъ девять.

„Батюшка возложилъ на меня все дѣло, такъ я стану считать флорины. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... Нѣтъ, не такъ; дай-ко перечту. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть... Ей, ей, я не могу продолжать!

— Почему же, сударыня?

„Потому, что вы сбиваете меня съ толку своими глазами.

— Какъ?

„Вы слишкомъ пристально на меня смотрите.

— Эту бѣду легко можно поправить; вы не будетъ меня видѣть.

„Вы хотите уйдти?

— Нѣтъ, я сяду позади васъ; не угодно ли вамъ: моя колѣнка будетъ служить вамъ вмѣсто стула, а рука вмѣсто спинки.

„Очень рада, но только съ условіемъ.

— Все, что вамъ угодно.

„Чуръ не дотрогиваться до меня, а то я очень щекотлива и смѣшлива.

— Будь по вашему.

„Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть... Какъ блестятъ ваши прекрасные флорины!

— Это правда; но они замараютъ ваши прекрасные пальчики.

„Я пойду надѣну перчатки.

— Не безпокойтесь, вотъ вамъ мои.

„Онѣ мнѣ не въ пору.

— Неужели?

„Ахъ, какая маленькая рука! Неужели это точно ваша?

— Посмотрите и смѣряйте сами.

„О, нѣтъ: мнѣ стыдно.

— Плутовка, у меня рука такая слабая, что дитя можетъ раздавить ее.

„Въ самомъ дѣлѣ, сударь?

— Попробуйте, вложите свои пальцы между моими.

„О! если бы я могла заставить кричать мущину!

— Вы считаете это за большое счастіе, не правда ли? вы злы!

„Немного.

— Какое же зло сдѣлали вамъ эти бѣдные мущины, что вы такъ ненавидите ихъ?

„Никакого; это по инстинкту или по предчувствію.

— Любили ли вы когда нибудь?

„И очень. Развѣ это удивляетъ васъ?

— Вы еще совершенное дитя!

„Женщинамъ никогда любить не рано.

— Вы очаровательны.

„Нѣтъ, я глупа.

— Глупа, чтобы изъ другихъ дѣлать дураковъ, а въ томъ числѣ и изъ меня.

„Вольно вамъ говорить.

— Нѣтъ, я такъ думаю.

„Возможно ли это? Вы не знаете даже моего имени!

— Какая нужда до имени, когда я васъ вижу.

„Имя много значитъ въ любви.

— Имя! ровно ничего.

„Именно потому-то оно и важно, что ничего не значитъ.

— Я не понимаю.

„Безъ сомнѣнія, вѣдь вы не женщина.

— Ахъ, насмѣшница, да вы подшучиваете надъ мною.

„Можетъ статься, только мы не считаемъ флориновъ. Знаете ли, сударь, что если наши дѣла пойдутъ такимъ образомъ... такъ я не кончу до завтра...

— Дай, Богъ! моя красавица.

„Совсѣмъ нѣтъ, сударь, я хочу идти спать; ну дайте же мнѣ дочесть.

— Все, что вамъ угодно; но прежде мнѣ нужно другой счетъ сдѣлать съ вами.

„Я не понимаю.

— Я еще и не подумалъ объ этомъ: вѣдь вы нѣмка?

„Сударь, извините, венгерка.

— Все равно; это пустая игра словъ, я хотѣлъ вамъ сказать...

„Я васъ слушаю.

— Я хотѣлъ сказать, что я васъ люблю.

„Въ самомъ дѣлѣ? но вы меня видѣли только ночью.

— Какая же до этого нужда?

„Какъ, какая? но если у меня черная кожа?

— Не можетъ быть, вы блондинка.

„Но если я какая нибудь калека?

— Моя рука увѣряетъ меня въ противномъ.

„Но если у меня сѣрые глаза?

— Если бы это была правда, такъ вы не сказали бы мнѣ этого, такъ же какъ и того, что вы меня любите.

„Это-то васъ и обманываетъ.

— Ну хорошо; если вы такъ откровенны, то скажите мнѣ, любите ли вы меня?

„Нѣтъ!

— А почему?

„Потому что... много важныхъ причинъ.

— Однако же?

„Потому что, во первыхъ, вы графъ, а я ни что иное какъ бѣдная поселянка.

— Если только это, то я отдалъ бы цѣлый міръ флориновъ и пышныхъ титлъ за одинъ ароматъ вашихъ волосъ! Что жъ дальше?

„Потому что у меня есть что-то такое, что препятствуетъ мнѣ любить васъ.

— Сердце?

„О, совсѣмъ нѣтъ; но одна небольшая бумажка.

— Какой нибудь талисманъ, можетъ быть?

„Нѣтъ, сударь, маленькая бумажка, въ которой я намарала мой идеалъ, идеалъ того, о которомъ я мечтала.

— Какая глупость.

„Смѣйтесь, сколько вамъ угодно; вамъ вольно смѣяться, но только мой идеалъ—не вы.

— Не я; даже ничего похожаго на меня?

„Ни волоска: онъ брюнетъ, а вы совершенно бѣлы и напудрены; его имя Гейнрихъ, а ваше Отто.—Гадкое имя!

— О, плутовка! Но если бы случилось, что я назывался Гейнрихомъ, если бы у меня были черные волосы и темные глаза, то полюбилиль бы вы меня?

„Тогда, тогда бы я еще больше остерегалась этого.

— Да отъ чего же?

„Все отъ чего, да отъ чего! Ну, да отъ того, что вы стали бы тогда играть со мною, какъ кошка съ мышью.

— Ей ей, я бы съѣлъ васъ! (Обнимаетъ ее).

„О, батюшка, батюшка!

— Милое дитя...

Глубокое молчаніе... Лампа погасла, луна бросаетъ на стекло окошка три блѣдные луча; потомъ часы бьютъ полночь. Молодая дѣвушка давно уже спитъ или только дремлетъ. Что же касается до молодаго глупца, онъ скачетъ въ почтовой коляскѣ по дорогѣ въ Спа, и въ два часа утра входитъ въ гостинницу безъ денегъ и даже безъ росписки, которую приготовилъ ему старый венгерецъ, но довольный, но нетерпѣливый возвратиться на завтра въ Совеньеръ. На другой день онъ пустился по дорогѣ въ Парижъ; онъ получилъ изъ Франціи письмо: отецъ его былъ при смерти.

IV.

Въ 1780 году Парижъ былъ тоже, что и теперь—Содомъ Европы, горнило сильныхъ и новыхъ умовъ въ безпрерывномъ кипѣніи, пандемоніумъ философовъ, экономистовъ, болтуновъ и бумагомарателей, бездна, въ которую вербовалась черная шайка разрушителей троновъ и алтарей: короче, Парижъ былъ Титанъ, лежавшій въ грязи, раздавленный подъ каменною горою, но готовый потрясти міръ малѣйшимъ своимъ движеніемъ... И однакоже тамъ танцовали съ такимъ же усердіемъ какъ и нынѣ, только танцовали въ штанахъ и фижмахъ, съ мушками и съ пудрою, что впрочемъ ничуть не мѣшало mademoiselle Арнульдъ быть самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ, самымъ дерзкимъ лицемъ своего вѣка; господину Мирабо краснорѣчивѣйшимъ негодяемъ изъ тѣхъ, которые наносятъ вредъ женщинѣ и монархіи, а прекрасной, цвѣтущей Ламбалль самымъ бѣлымъ цвѣткомъ, какой только распускался когда либо въ цвѣтникѣ, цвѣткомъ, котораго когда либо сѣмена санкюлота изъ бѣлаго дѣлали впослѣдствіи краснымъ...

И такъ были танцы въ Парижѣ, въ предмѣстіи Сенъ-Жерменя, въ улицѣ Вареннь, у одной знатной вдовы, которая выдавала замужъ дочь свою: это былъ свадебный балъ,—великолѣпный пиръ, буфеты, наваленные въ три этажа, огромныя комнаты, живописныя изображенія à la Boucher, куча маркизовъ, толпа графовъ, лѣсъ шпагъ, дождь синихъ кордоновъ, градъ красныхъ коблуковъ, шаконны [1])

---

[1]) Старинный танецъ.

минуэты, бириби [1]) фараонъ, бездна серебра, бездна ума, бездна неблагопристойности. Малютка, чудо красоты, однимъ словомъ новобрачная, была бѣдная молодая дѣвушка, очень неловкая, очень невинная, еще не забывшая своего апостольника, дѣвочка, которую вытащили изъ монастыря, что бы нарумянить, какъ старуху и поставить, какъ жемчужину на длинный корпусъ, и впрятать въ фижмы въ восемь или десять локтей ширины. Со всѣмъ тѣмъ она была прекрасна, немного блѣдновата, несмотря на свои румяны и свои восьмнадцать лѣтъ, и происходила изъ хорошей фамиліи. Она носила d'or à la vivre d'azur, mise en bande par aucuns d'or à la bande vivrée d'azur.. все, что только есть самаго безполезнаго и самаго безтолковаго въ блазонической матеріи (en matière blazonique), все это при Графской коронѣ и двухъ стахъ тысячахъ ливровъ приданаго: это была, мнѣ кажется, Лабонъ-Мореверъ. Что же касается до жениха, про него говорили, что у него было больше предковъ, нежели ефимковъ, и что онъ для того только женился, чтобы поправить балансъ, ибо въ женщинахъ онъ любилъ одну только кожу, которая непременно должна быть нѣжна и бѣла. Что касается до сердца, онъ объ немъ заботился не болѣе, какъ о корѣ померанца или объ орѣховой скорлупѣ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что польза, получаемая отъ женщинъ, не равняется вреду, который онѣ намъ причиняютъ, и что, сверхъ того, съ ними всегда что нибудь да теряешь: или свое время, если онѣ любятъ насъ изъ тщеславія, или деньги, когда онѣ выходятъ за насъ по разсчету, или здоровье, когда онѣ приковываютъ насъ къ себѣ любовію. Это не значитъ, чтобы онъ зналъ тысячи женщинъ, но одна или двѣ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и разсмотрѣлъ, дали ему объ этомъ предметѣ лучшее понятіе, нежели какое могло бы доставить обладаніе цѣлымъ гаремомъ.

Впрочемъ это былъ очень любезный, ловкій малой, и большой оригиналъ; человѣкъ, который готовъ былъ отдать двадцать парижанокъ за одну Англійскую лошадь, и всю литературу осьмнадцатаго столѣтія за три неизвѣстныхъ стишка какого нибудь пріятеля гг. Панжей. Въ этотъ вечеръ онъ танцовалъ мало, а игралъ много, и между тѣмъ какъ его жена переходила изъ рукъ въ руки, бѣгала сломя голову, толкалась, вертѣлась и прыгала до того, что задохнулась и растеряла свои подвязки, онъ сыпалъ полными горстями золото на игорный столикъ.

Наконецъ, къ полночи, новобрачная удалилась въ свою комнату съ матерью и женщинами. Когда она ушла, мѣсто ея долго оставалось еще за дюжиною взбѣсившихся маркизъ, которыя танцовали до

[1]) Родъ Италіянской картежной игры.

упаду; но усталость наконецъ прогнала танцоровъ и танцорокъ. Все изчезло, и оркестръ и свѣчи. Даже игроки, обыкновенно составляющіе собою самое упорное и упрямое племя, мало-по-малу удаляясь изъ рядовъ, уходили одинъ за однимъ и, наконецъ, всѣ оставили залу, всѣ... кромѣ двухъ, и эти два... играли не въ карты, но въ кости, и находились въ самомъ пылу игры, и потому хотѣли скоро выйдти.

„Чортъ возми, пропадай Графиня, и все приданое. Тысячу луидоровъ, маркизъ?

— Очень хорошо, бросай кости;—три, пять; проиграно.

„Двѣ тысячи луидоровъ?

— Два, шесть; проиграно.

„Десять тысячъ, маркизъ?

— Одинъ, пять; проиграно. Вотъ двѣстѣ тысячъ ливровъ!

„Двѣстѣ тысячъ ливровъ!

– У тебя нѣтъ ничего больше?

„Нѣтъ!

— Такъ прощай!

„Послушай Маркизъ, вотъ вещь, которая стоитъ пятнадцать тысячь флориновъ. (Онъ вынимаетъ изъ за галстука локонъ бѣлокурыхъ волосъ, связанныхъ синею ленточкою, и бросаетъ ее на столъ).

— Не съ ума ли ты сошелъ? локонъ волосъ!

„Я говорю тебѣ, что это стоитъ пятнадцать тысячь флориновъ; даю тебѣ въ томъ честное слово; это лучше нежели иная хорошая аренда.

— Ну, очень хорошо. —Четыре, шесть; проиграно.

„Опять... чортъ побери!

— Больше ничего нѣтъ?—

Ничего...

— Такъ и быть; ты играешь несчастливо, но я не хочу твоей новой монеты, я дарю тебѣ ее.—До свиданія, Отто.

— Спокойной ночи.

Графъ остался въ своихъ креслахъ, какъ пораженный громомъ, съ глазами устремленными на локонъ волосъ, который сей часъ упалъ къ нему, и съ руками пригвожденными ко лбу.

Маркизъ поправилъ свой измятый галстукъ, выпустилъ манжеты, и поглаживая рукою волосы, сдѣлалъ пируэтъ на каблукѣ; потомъ скрылся, напѣвая сквозь зубы одну рождественскую пѣсню послѣдняго царствованія.

V.

Лишь только каблуки Маркиза оставили дверь залы, какъ старая фигура, покрытая толстымъ слоемъ румянъ и закутанная огромнымъ

катоганомъ, повисла на плечахъ погибающаго, и нашептывая ему на ухо разныя глупости, напомнила ему, что уже очень поздно, и что онъ супругъ... Это напоминаніе живо вывело его изъ терпѣнія; онъ всталъ и позволилъ себя вести туда, куда другіе бросаются съ восторгомъ и лихорадочною дрожью отъ радости. Онъ вошелъ къ своей женѣ, блѣдный и холодный какъ мраморъ, какъ статуя коммандора у Дона Джіованни.—Онъ очутился въ богатѣйшемъ будуарѣ, устланномъ прекраснымъ персидскимъ ковромъ, убранномъ цвѣтами, китайскимъ фарфоромъ, погруженномъ въ молчаніе, освѣщенномъ слабымъ и нѣжнымъ свѣтомъ; и по всѣмъ угламъ будуара разливался пріятный женскій ароматъ; атласное платье съ синими цвѣтами, газъ и кружева висѣли въ безпорядкѣ на спинкѣ софы; полуоткрытая постель была еще дѣвственна... новобрачная спала около нея въ креслахъ.

Это была одна изъ тѣхъ очаровательныхъ фигуръ, которыя часто выходили изъ подъ пріятной и роскошной кисти Ватто, одно изъ тѣхъ тысячи одного женскихъ одушевленій, которыя принадлежали только ему одному, и которыхъ онъ умѣлъ съ такою прелестію изображать спящими въ пріятной бесѣдкѣ, или прогуливающимися съ такою легкостію по террассѣ прекраснаго сада; милое, очаровательное личико, роза съ молокомъ, съ улыбкою тонкою и порхающею, какъ пчела, съ бѣлокурыми подвязанными волосами, съ черною лентою на шеѣ, съ плѣнительными формами, и, какъ паръ, плавающее въ большой волнующейся купальнѣ; дитя, спавшее отъ всего добраго сердца и со всею тишиною затворницы. Сколько ни говорили ей мать и толпа опытныхъ и услужливыхъ пріятельницъ: „ты находишься на границахъ новаго бытія, ты узнаешь источникъ доселѣ невѣдомыхъ тебѣ ощущеній: смотри же хорошенько". Не смотря на любопытство свойственное молодой дѣвушкѣ, и свое нетерпѣніе жены, не смотря на то, что сердце ея билось отъ желанія, усталость послѣ бала и танцевъ перемогла въ ней всѣ другія ощущенія. Она склонила свою головку и предалась сну. Ея щека, подпертая рукою, придавала ей видъ нѣсколько суровый, что чудеснымъ образомъ было ей къ лицу; другая опустившаяся рука мяла еще по временамъ листки розы, упавшей съ головы ея; а одна изъ ея прелестныхъ ножекъ, высвободившись изъ спальнаго башмака, тихо ударяла по креслу, какъ будто бы повторяя во снѣ мѣру и кадансъ гавота или сарабанды.

Отто не могъ ничего дѣлать, какъ только смотрѣть на нее: такъ была она прелестна и мила. Долго, очень долго разсматривалъ онъ ее, сначала какъ прекрасную вещь, которая привлекаетъ и плѣняетъ взоры, потомъ какъ кроткій свѣтъ, который освѣтилъ на минуту мракъ его мыслей, какъ ангела, который пролетѣлъ по аду его души; послѣ того, насмотрѣвшись на нее и надумавшись о такой юности, о такомъ

блаженствѣ, о такой красотѣ, онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что-то такое, чего никогда еще не испытывалъ, какой-то ледяной холодъ, заставившій стучать его зубы; родъ угрызенія совѣсти, что показалось ему очень шутовскимъ и заставило смѣяться. Но лице его очень скоро приняло опять свой сурьезный видъ; тогда, подобно дикому звѣрю въ своемъ логовищѣ, онъ, съ поникшею головою и свирѣпымъ взоромъ, началъ измѣрять комнату большими шагами взадъ и впередъ; и всякій разъ, когда мимоходомъ задѣвалъ ногою за кресло, на которомъ спала жена его, какое-то внезапное ощущеніе, какой-то магическій ознобъ пробѣгалъ по его тѣлу.

Послѣ проигрыша остается только или утопиться или лечь спать; выборъ того или другаго зависитъ отъ темперамента и важности проигранной суммы; иногда, если не прибѣгаютъ къ первому средству, то второе бываетъ чрезвычайно хорошо для успокоенія чувствъ и освѣженія головы.

О! какъ сладко, какъ пріятно, съ полнымъ сердцемъ и пустымъ карманомъ, навострить лыжи, и при вѣтрѣ, въ морозъ, въ ночь и бурю, вбѣжать на свой пятый этажъ, закутаться въ одѣяло, и тамъ въ безмолвіи и мракѣ, наединѣ съ своимъ позоромъ, топать ногами, скрежетать зубами, клясться, называть себя подлецомъ и негодяемъ, жаловаться на самого себя, проклинать самого себя, пережевывать свою желчь и злобу до тѣхъ поръ, пока сонъ и усталость не овладѣютъ вами и не перенесутъ васъ въ другой міръ! Но изъ за буйльота или рулетки очутиться среди своего семейства, приникнуть головою на грудь жены, слышать, какъ бьется отъ безпокойства подлѣ тебя другое сердце, видѣть устремленные на тебя глаза, слышать уста, которыя тебя вопрошаютъ, подавлять въ себѣ ярость и немочь, извергнуть ее изъ себя всѣми порами своего тѣла... о! это значитъ переходить изъ одного ада въ другой, изъ одной пытки въ другую, съ раскаленнаго желѣза бросаться въ растопленное олово... Это значитъ испытывать казнь Отто. Бѣднякъ выбился изъ силы: „Ни одного су! восклицалъ онъ тихимъ голосомъ; ни одного су! раззоренъ огложенъ до костей, всего лишенъ... и бѣдность, бѣдность для двоихъ, троихъ, четырехъ... потому что бѣдность дьявольски плодородна... бѣдность... невозможно!...“

На печкѣ стоялъ графинъ съ водою; Отто снялъ его, и съ силою втягивая въ себя вòду, опорожнилъ его, не переводя духу — такъ хотѣлось ему пить... Потомъ снова началъ онъ ходить большими шагами, и кружиться по комнатѣ, безпрестанно повторяя глухимъ голосомъ, подобно Гамлету: „Бѣдность... бррръ!...“ О! нѣтъ ничего хуже, какъ кружиться; волкъ кружится, колдунья кружится, орелъ кружится; круженіе призываетъ зло; адъ ходитъ кругомъ. Чѣмъ болѣе

Графъ удвоивалъ шаги и описывалъ круги, тѣмъ болѣе разгорячалась и кружилась его голова; онъ ходилъ, какъ молодая дѣвушка, дозволившая увлечь себя въ вихорь вальса, какъ дитя, которое идетъ въ туманѣ или которое страждетъ головною болью.... Его глаза и губы были бѣлы, а щеки пламенѣли; онъ изрыгалъ изъ устъ тысячу глухихъ и невнятныхъ словъ, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. То мялъ обоими руками локонъ волосъ, вынутый имъ изъ-за пазухи, то обвертывалъ его вокругъ шеи, то игралъ имъ въ бѣшенствѣ, какъ будто бы горстью золота; то схватывалъ шпагу, и вынималъ ее до половины изъ ноженъ; казалось, онъ хотѣлъ исполнить какое-то горестное намѣреніе; открывалъ окошко и смотрѣлъ внизъ; казалось онъ былъ въ нерѣшимости и колебался въ выборѣ, разсчитывая, какая смерть короче, и скорѣе; потомъ снова принимался ходить, но смерть все была въ его взорахъ, въ его костяхъ, въ его мысляхъ. Наконецъ, задыхаясь и выбившись изъ силъ, онъ остановился посмотрѣть на тихія и ясныя черты своей юной супруги. Бѣдная дѣвушка могла бы умереть въ эту минуту, если бы сонъ оставилъ ее и она увидѣла это обезображенное и вытянувшееся отъ отчаянія лицо; но она не проснулась, и мужъ, схвативши ее на руки, подбѣжалъ на край окна, и свѣсилъ ее надъ бездною въ тридцать футовъ. Окошко выдавалось на улицу. Все было пусто; виднѣлись одни камни мостовой. Онъ занесъ ногу на балконъ, посмотрѣлъ на спящую, и вскричалъ: „Ну, однимъ камнемъ два удара!“.. Но въ эту минуту часы Миссіи пробили четыре. Тогда было еще лѣто, и солнце проводило по небу бѣлыя и желтыя полосы. Свѣжій воздухъ и впечатлѣніе вѣтра пробудили малютку; она открыла свои большіе голубые глаза, будто цѣпью обвила руками шею мужа, и такъ близко, такъ близко приложила свою щеку къ губамъ Отто, что... негодяй предпочелъ жизнь, и бракъ былъ совершенъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Беата.

(Окончаніе).

Печаленъ конецъ осени: природа, которая такъ радуетъ васъ весною, которая просвѣтляетъ вашу душу какъ небо, и малѣйшею травкою возбуждаетъ на лицѣ вашемъ улыбку, природа опечаливаетъ и наводитъ на васъ тоску въ Ноябрѣ: небо тогда тускло, листья желты, деревья мрачны; становится холодно, душа содрогается въ тѣлѣ, и мысли о смерти ниспадаютъ на васъ съ деревьевъ, вмѣстѣ съ листьями. Тогда чувствуешь какую-то потребность встрѣчаться съ людьми, которые ходятъ, движутся, говорятъ и наслаждаются

совершеннымъ здоровьемъ; какую-то нужду въ движенiи, въ дѣятельности, чтобы не разувѣриться въ жизни. Особенно въ гористой и мало населенной сторонѣ этотъ закатъ времени призводитъ тяжелое впечатлѣнiе; тамъ все усиливаетъ грусть: и огромныя черныя массы, неподвижныя какъ гробы, и этотъ день, который съ трудомъ пробивается сквозь ихъ гладкiя и оборванныя вершины; нигдѣ не встрѣчаешь никакого живаго существа, развѣ увидишь корову, или козу, висящую на склонѣ косогора. Такимъ образомъ и пребыванiе на водахъ, столь восхитительное и прохладное въ горахъ, при началѣ дурнаго времени года дѣлается пустынею и ужаснымъ уединенiемъ. И такъ въ концѣ этой-то печальной осени ѣхала по дорогѣ изъ Спа въ Мальмеди ивовая одноколка, заложенная маленькою и худощавою лошадкою.

Внутренность одноколки была занята извощикомъ, ея владѣльцемъ и двумя путешественниками: младшiй сидѣлъ въ самой глубинѣ экипажа, на дорожныхъ узлахъ, закутавшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу на носъ; старшiй раздѣлялъ съ кучеромъ кòзлы. Послѣднiй былъ толстый Нѣмецъ, свѣжiй, молчаливый и страшный трубокуръ. Отъѣхавши отъ города небольшую милю, этотъ почтенный мужъ вынулъ кисетъ, набилъ трубку и высѣкъ огня; тогда щеки его превратились въ волканъ и выпускали изъ себя клубы дыма, которые могли бы задушить цѣлый мiръ Его товарищъ, сидѣвшiй съ правой стороны, лишь только почувствовалъ запахъ табаку, тотчасъ вынулъ изъ кармана толстый роговой чубукъ безъ трубки, и ни мало не безпокоясь, какъ будто бы онъ держалъ въ зубахъ прекраснѣйшую пенковую трубку, или лучшую Индiйскую гуку, принялся съ важностiю сосать этотъ роговой кусокъ, надувать свои щеки и харкать по временамъ, какъ будто настоящiй курильщикъ. Велико было изумленiе путешественника; но какъ Нѣмецъ, онъ изъявилъ его не прежде, какъ по прошествiи нѣсколькихъ минутъ; онъ все еще ожидалъ трубки, наконецъ чубука, табаку и огню, но ничего этого не было. Тотъ продолжалъ погонять кнутомъ свою сухую лошаденку и курить изъ своего роговаго чубука. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнiя, видя человѣка, курящаго безъ трубки, Нѣмецъ широко разинулъ свой ротъ и вскричалъ сердитымъ тономъ: „Sacremann! Эй, малой, или у тебя чортъ сидитъ въ тѣлѣ!“

— Какъ видите, отвѣчалъ извощикъ.—Нѣмецъ, изумленный этимъ отвѣтомъ совершенно побагровѣлъ, и сдѣлалъ крестное знаменiе; ибо онъ былъ хорошiй Христiанинъ, не смотря на то, что принадлежалъ къ Аугсбургскому исповѣданiю и, слѣдовательно, былъ раскольникъ.

„Дьяволъ! дьяволъ!“ возразилъ онъ.

— Да, сударь, самъ дьяволъ: одинъ разъ въ моей жизни я имѣлъ несчастіе быть его почталіономъ; по его милости я раскололъ лучшую трубку, которая была единственною въ своемъ родѣ, и съ того дня я сосу кусокъ рога, чтобы не потерять привычки цѣлой моей жизни и не дать моимъ губамъ смыкаться подобно табакерочной крышкѣ... Эхъ! охъ! охъ!..

„Дьяволъ, дьяволъ!“ продолжалъ толстый Нѣмецъ.

— Да, mein Herr, онъ самый съ мясомъ и костями. Сказать по совѣсти, прекрасный молодой человѣкъ, завитый, распудренный, облитый золотомъ, славный краснобай и большой руки повѣса, словомъ, Французъ... Это былъ точно дьяволъ, потому что укралъ у меня имя честнаго человѣка за шесть флориновъ, погубилъ молодую дѣвушку и раззорилъ честнаго служаку, стараго Рацмана Венгерца... Этому ужь скоро будетъ два года... Охъ! я буду помнить это долго, долго, всю жизнь мою... да, я могу объ этомъ только думать, потому что у меня нѣтъ слезъ... Эхъ! охъ! охъ!

„Берегись, малой, твоя лошадь оступилась; не вывали насъ...“

— Охъ! охъ! это ничего. Ну, Саксонъ, дружище, смѣлѣе: мы скоро пріѣдемъ... Этотъ бѣдный Рацманъ, раззоренный, совершенно раззоренный, принужденъ былъ жить въ бѣдной лачугѣ за деревнею, очень далеко за деревнею, бывши прежде богатымъ, довольнымъ, счастливымъ, и имѣвши такую красоточку дочь!... И сказать, что этому виною я... потому что одинъ разъ, только одинъ разъ везъ дьявола... О! это можетъ разорвать на части сердце всякаго человѣка, у котораго есть хотя капля совѣсти... Jesus, mein Gott! помилуй меня!..

„Сказать правду, молодецъ, если ты будешь продолжать, то и я заплачу съ тобою... Но скажи же мнѣ, какимъ образомъ дьяволъ?...“

— Ахъ, сударь! это слишкомъ печальная и слишкомъ длинная исторія!... Съ этого роковаго дня, я поклялся не курить больше трубки и ни слова не говорить объ этомъ происшествіи... Къ тому же, вотъ ужь мы и въ деревнѣ: мостовая стучитъ подъ копытами лошади, и огни въ окнахъ сіяютъ, какъ звѣзды... Ну, ну, Саксонъ, дружище, остановись! Охъ! охъ! охъ! охъ! стой, здѣсь будетъ овесъ.—

Лошадь остановилась; одноколка затрещала на своихъ ивовыхъ ребрахъ, и изъ нея вышли: извощикъ, Нѣмецъ и молодой человѣкъ въ плащѣ. Оба путешественника разплатились въ молчаніи за провозъ и разошлись другъ съ другомъ. Первый направилъ свои шаги къ дурной корчмѣ, украшенной желтою и вполовину ободранною вывѣскою, съ изображеніемъ сосновой вѣтви; второй остался подлѣ лошади, и между тѣмъ, какъ извощикъ развязывалъ у нея чересѣдѣльникъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами, тщательно закрываясь своимъ плащемъ:

„Вѣдь здѣсь Совеньеръ, добрый человѣкъ?“

— Здѣсь, сударь.—

„На долго ли ты здѣсь останешься?“

— До утра, сударь.—

„Ну, хорошо! Если ты хочешь довести меня до Спа, то будь готовъ рано поутру.“

— Хорошо, сударь.—

„Вотъ тебѣ на вино за мое здоровье!“

Молодой человѣкъ бросилъ въ руку извощику талеръ.

„Вотъ все, что я могу.“

— Вы очень милостивы, сударь! Завтра, у корчмы; прощайте, сударь!

Молодой человѣкъ исчезъ, и старый извощикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ ему, какъ будто бы пораженный какою-то знакомою мыслію, быстро промелькнувшею въ головѣ, какимъ-то возвратившимся воспоминаніемъ; ему казалось, что онъ слышалъ когда-то звукъ подобнаго голоса, что онъ видѣлъ гдѣ-то такую талію и два горящіе глаза, устремленные на него; онъ долго искалъ слѣдовъ этого воспоминанія въ хранилищахъ своей памяти; но, не будучи въ состояніи найти ихъ, онъ посмотрѣлъ на талеръ, спряталъ чубукъ, и поставилъ лошадь на конюшню.

VII.

Отто, ибо это онъ прибылъ въ Совеньеръ въ негодной одноколкѣ, Отто не долго искалъ хижину стараго Венгерца, и, на полвыстрѣла отъ деревни, нашелъ, посреди березовой кущи, на берегу быстраго ручья, довольно обширное строеніе, къ вершинѣ котораго была привѣшена, какъ гнѣздо ласточки къ стѣнѣ, длинная пихтовая крыша, спускавшаяся до самой земли. Эта кровля скрывала или покрывала одно или два окна, сквозь которыя проникалъ слабый красноватый свѣтъ. Къ этому-то сараю, къ этому-то дрянному домишку направилъ Графъ шаги свои.

Дверь была отворена, и онъ вошелъ въ низкую и сырую комнату. Сначала онъ ничего не могъ видѣть; но тотчасъ глаза его, при помощи множества угольевъ, тлѣвшихъ на очагѣ, и освоившись нѣсколько съ темнотою, какъ будто бы онъ находился въ погребѣ или тюрьмѣ, проникли мало по малу густой мракъ, и наконецъ разглядѣли у печки старика, вполовину погруженнаго въ большое дубовое кресло. Его чело, обнаженное и гладкое, какъ колѣно женщины, блестѣло при свѣтѣ огня; его руки, колеблемыя правильнымъ движеніемъ, поднимались и опускались въ гармоніи съ ногою. Можно было бы подумать, что онъ игралъ на какомъ нибудь инструментѣ

и выбивалъ тактъ; но онъ просто пряль ленъ на прялкѣ, ни мало не замѣтивъ, что кто-то вошелъ. Женская работа въ рукахъ мущины почти всегда есть признакъ дряхлости или слабоумія. Отто, не смотря на то, что былъ совершенно занятъ своими мыслями, не могъ удержаться, чтобы не подумать объ этомъ двѣ или три минуты; онъ стоялъ передъ этимъ старымъ прядьщикомъ, со сложенными руками, съ напряженнымъ взоромъ, какъ путешественникъ передъ развалиною, и думалъ о тяжелой рукѣ времени. Съ трудомъ вѣрилось ему, чтобы это было тѣло человѣка, нѣкогда столь крѣпкаго и здороваго, а теперь колеблющагося, подобно старой лампѣ безъ огня; чтобы эти сильныя колѣна, которыя нѣкогда понуждали къ бѣгу лошадь посреди битвы, были столь слабы и хилы; чтобы эта рука, которая нѣкогда такъ хорошо владѣла саблею, теперь едва была въ состояніи держать веретено; наконецъ, чтобы всѣ мысли человѣка могли быть обращены только на движеніе колеса.

О дряхлость, о несчастная старость! какъ хороша смерть въ то время, когда душа еще крѣпка и тѣло прямо! Какъ прекрасно пасть во цвѣтѣ лѣтъ и во всей своей силѣ!

Отто подошелъ къ прядьщику, и снявши свою шляпу, сказалъ: „Господинъ Рацманнъ, имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.“

Дряхлый старикъ не отвѣчалъ, и продолжалъ вертѣть колесо.

„Не съ Господиномъ ли Францомъ Рацманномъ имѣю я честь говорить?“ вскричалъ Отто громче.

Наконецъ старикъ остановился и посмотрѣлъ на него.

„Я не думаю, сударь, чтобы вы могли меня знать, потому что уже очень давно вы не видали меня; но мое имя, можетъ быть...

Старикъ всталъ, и кивнулъ слегка головою.

„Я Графъ Отто.“

Старикъ наморщилъ свой лобъ, приподнялъ голову и повторилъ протяжно: Графъ Отто!.. Потомъ еще разъ посмотрѣлъ на чужестранца, и затрепеталъ всѣми членами какъ бы въ лихорадкѣ, и, опустивъ руки, засверкавъ глазами, уронилъ на землю свое веретено. Вдругъ комната освѣтилась внезапнымъ свѣтомъ, и молодая женщина показалась съ лампою въ рукѣ между чужестранцемъ и старикомъ.—Батюшка, да пойдете ли вы спать!—Эти слова, казалось, произвели на него магнетическое дѣйствіе. Повиновеніе собаки своему господину котораго она вмѣстѣ и боится и любитъ, не покорнѣе того, которое этотъ старый отецъ оказывалъ своему дѣтищу.

Онъ всталъ, не говоря ни слова, съ своего большаго кресла, оставилъ работу, и подобно мартышкѣ, повинующейся голосу своей ма-

тери, вышелъ, запинаясь и шатаясь изъ стороны въ сторону, не думая ни разу оборотить назадъ головы. Онъ отворилъ дверь и изчезъ.

Молодая женщина осталась въ томъ же стоящемъ и неподвижномъ положенiи, опираясь руками на спинку креселъ, и слѣдя глазами за уходящимъ отцомъ; стремительное движенiе ея груди и колебанiе косынки обнаруживали ея смущенiе и волненiе.

Когда уже не слышно было никакого шума, она воскликнула слабымъ и прерывающимся голосомъ: такъ это вы, сударь?

Графъ не отвѣчалъ ни слова; онъ отряхнулъ свою шляпу, взмокшую отъ вечерней росы, отеръ свое чело, орошенное потомъ. и подошелъ къ огню.

— Такъ это вы, сударь? О! вы слишкомъ поздно пришли!

„Это правда, сударыня, я пришелъ очень поздно, можетъ быть, слишкомъ поздно.

— О, Господинъ Графъ! нѣтъ, нѣтъ, не думайте этого!—

И тотчасъ открывши косынку, покрывавшую ея грудь, она вынула изъ нея лоскутъ сложенной бумаги и подала его Графу, присовокупивъ съ нѣкоторымъ родомъ гордости:

Вотъ росписка въ 15,000 флориновъ, которую мой отецъ приготовилъ вамъ; вотъ она въ такомъ точно видѣ, какъ вы оставили ее... онъ никогда не оставлялъ мнѣ ее—и завтра, сударь... завтра...—

Она не могла докончить: такъ сильно трепеталъ ея голосъ. Усилiе, которое она сдѣлала, чтобы скрыть свое волненiе, тонъ, которымъ она удалила своего отца, эти новыя слова, присутствiе Графа, столько ударовъ, разомъ нанесенныхъ,—всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы поколебать нервы молодой дѣвушки. Ея колѣна подогнулись и она упала въ кресло, стоявшее у печки. Отто видя, какъ она колеблется, бросился къ ней, поддержалъ ее своими руками и сѣлъ подлѣ нея на дурномъ стулѣ Какъ скоро пришла она въ чувство, то начала смотрѣть на своего любовника съ совершенно небесною радостiю. Казалось, она не могла наглядѣться на него, не могла наслушаться его. Онъ былъ прекрасенъ какъ звѣзда, сладкозвученъ какъ лира. Не удовольствовавшись этимъ, она хватала его руки, подносила къ своимъ устамъ и цѣловала ихъ, какъ безумная.

— О Генрихъ! вскричала она, для чего вы такъ медлили своимъ возвращенiемъ! Сколько часовъ мученiя и нестерпимой тоски провела я въ ваше отсутствiе! Какъ я считала всѣ минуты съ того дня, какъ вы меня оставили! Три года, три цѣлыхъ года прислушиваться къ вашимъ шагамъ—о, это слишкомъ тяжело, слишкомъ продолжительно для такой дѣвушки, какъ я, слабой и живущей уединенно съ старикомъ посреди горъ! Ни одного раза не показывалась я въ Кермессахъ, не танцовала, не пѣла, какъ бывало прежде,—я все сидѣла

2*

у окна или у порога двери; я вязала чулокъ, и не могла сдѣлать ни одной петли; я ожидала васъ, а вы не приходили... Мужчины жестоки, не правда ли? очень жестоки!..—

Отто отнялъ свои руки отъ устъ Нѣмки, и смотрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Вы на меня смотрите, о мой любезный! Увы! я теперь не больше какъ нищая. Горячка сожрала все мясо моихъ костей. Сѣверный вѣтеръ помрачилъ прекрасный цвѣтъ моихъ ланитъ. Роза и лилія майская уже не будутъ мнѣ завидовать: я уже не румяна и не бѣла, подобно имъ; я уже не веселая птичка, которую вы застали нѣкогда поющую подлѣ гнѣзда! Вы наполнили любовію это бѣдное сердце; вы затопили его, какъ затопляется полевой цвѣтокъ первою каплею, упадшею съ неба... и оно сокрушилось! О! я теперь не больше, какъ тѣнь! Посмотрите на мои руки, какъ онѣ измождены! Посмотрите, какъ суха моя грудь! Теперь все это приводитъ въ ужасъ: вотъ какъ я страдала!

„Бѣдная дѣвушка!“

— О! такъ вы не ошиблись, называя меня бѣдною и жалкою! Нельзя быть бѣднѣе и достойнѣе сожалѣнія меня и моего отца! Жестоко впасть въ бѣдность, проведя свое дѣтство въ изобиліи; ужасно проводить жизнь свою въ шитьѣ и пряденіи, изъ чего же? Чтобы добыть кусокъ хлѣба! Что вы хотите? Несчастіе вошло въ нашъ домъ, какъ солдатъ; оно все ограбило, все раззорило. Батюшка два раза попадалъ въ тюрьму, и я не оставляла его, я раздѣляла его черный хлѣбъ. Когда мы оттуда вышли, со мною обошлись какъ съ сиротою, лишенною матери, и хотѣли меня похитить изъ рукъ батюшки; тогда онъ принужденъ былъ дать денегъ. И онъ столько ихъ отдалъ, сколько было нужно, чтобы оставить нашъ домъ въ Совеньерѣ и переселиться сюда, въ эту печальную развалину, гдѣ мы и живемъ кое-какъ, и иногда терпимъ недостатокъ почти во всемъ.—

„Возможно ли?“

— Это правда, возразила Беата, это чистая правда; стоитъ только окинуть глазами внутренность этой комнаты и посмотрѣть на пустоту ея стѣнъ, чтобы увѣриться, что я не лгу. И однакожъ, Генрихъ, я была рождена для счастливѣйшей доли; я была рождена носить, подобно вамъ, тонкій муслинъ съ кружевами; я сотворена быть большою дамою, потому что моя мать происходитъ отъ одной благородной Презбургской фамиліи. Домъ въ Спа, въ которомъ она жила въ то время, какъ брала воды, и въ которомъ я родилась на свѣтъ, еще и по сію пору имѣетъ на воротахъ живописную картину черныхъ и желтыхъ полосъ съ прекрасною золотою короною. Я ни-

когда не видѣла моей матери: она умерла, когда я была еще совершеннымъ ребенкомъ, Генрихъ, совершеннымъ ребенкомъ!..

Я едва помню это; только одного не забыла я—того, что она называла меня Беатою, своею прекрасною Беатою; по латынѣ это значитъ *счастливая*, потому что Венгерцы говорятъ на этомъ языкѣ также какъ и на Нѣмецкомъ. Батюшка выучилъ меня когда-то нѣсколькимъ словамъ этого языка; но теперь я ничего не знаю. Особенно года съ три я не умѣю различить одной буквы отъ другой: я даже не открывала моей Библіи, а это великій грѣхъ; за это Богъ долженъ жестоко наказать меня. Однако же я не жалуюсь, о нѣтъ, я не жалуюсь; Богъ привелъ ко мнѣ того, котораго я любила и люблю больше своей жизни.—

И говоря такимъ образомъ, она бросилась на шею къ своему любовнику.

Въ головѣ этой милой дѣвушки было какое-то помѣшательство; но сквозь этотъ хаосъ идей пробивался жаръ души, который смягчилъ бы самое жестокое сердце. Сверхъ того, надобно было всего ожидать отъ этого потока словъ, отъ этого восторга мыслей. Когда сердце бываетъ слишкомъ долго сжато, ему надобно расшириться. Для женщинъ особенно необходимо это изліяніе, и оно у нихъ всегда дѣлается или чрезъ уста, или чрезъ очи. Отто никогда не почиталъ важною побѣду надъ этою молодою дѣвушкою; онъ смотрѣлъ на свою связь съ нею, какъ на дѣло чувствъ, какъ на горное приключеніе, какъ на счастливый случай, который могъ бы встрѣтиться со всякимъ ловкимъ мущиною, и которымъ, по его мнѣнію, было бы глупо не воспользоваться, но не должно отнюдь считать этого важнымъ дѣломъ, налагающимъ какую нибудь обязанность. Очевидно, что онъ обманывался; противу всякаго ожиданія, онъ встрѣтилъ нервы нѣжные, организацію тонкую и превосходную. Тогда чувство, сообщенное имъ съ такою вѣтренностію, усилилось, а несчастіе, отсутствіе и множество другихъ обстоятельствъ постоянно поддерживали и раздражали его; теперь же новое происшествіе довело его до высочайшей степени силы.

Отто понялъ зло, которое онъ сдѣлалъ, но еще не видѣлъ слѣдствій, которыя могли произойти изъ этого. По безпечности ли, по довѣренности ли къ своей звѣздѣ, только онъ совершенно предался минутному впечатлѣнію, не смотря на видъ бѣдности, разлитой вокругъ него, не смотря на слова извощика и все то, что онъ самъ слышалъ сей часъ. Любовь Беаты, жаръ ея чувства, столь истинный, что его нельзя было считать притворнымъ, ручались ему за честность старика. Увѣренный въ томъ, что ему опять придетъ нѣсколько денегъ, онъ думалъ только о томъ, чтобы снова закрыть медомъ раны,

которыя были имъ открыты; чтобы предаться пламеннымъ ласкамъ доброй дѣвушки, и обѣщаніями и увѣреніями замѣнить ей будущность. Онъ поклялся ей, что всегда любилъ ее и никогда не забывалъ, и что только важныя и непредвидимыя обстоятельства могли отдалить его отъ нея.

Такъ мало нужно для того, чтобы утѣшить женщину, которая васъ любитъ: бездѣлка — взглядъ, поцѣлуй въ лобъ. Беата ему повѣрила; такъ какъ онъ былъ утомленъ дорогою и имѣлъ нужду въ деньгахъ, то и разтянулся на креслахъ, закрылся плащемъ и заснулъ.

VIII.

Ночь приближалась; природа была возмущена бурею. Слышно было, какъ стенали березы, и какъ сосны съ широкими вѣтвями трещали и выли подобно швартову корабля. Вѣтеръ, проходя въ скважины окошка и въ растворъ дверей, производилъ гамы пронзительнаго свиста, и спускаясь внизъ по кровлѣ, казалось, вертѣлъ тамъ огромными камнями и лавинами. Дождь хлесталъ въ стекла. Градины, упадая черезъ трубу на очагъ печки, погасили послѣдній огонь, который еще горѣлъ; свѣтъ изчезъ. Единственный свѣтъ, который иногда показывался, былъ блескъ луны, когда, плывя сквозь волны черныхъ облаковъ, она открывала свое лице и бросала блѣдное сіяніе на землю.

Однако же внѣшній шумъ не мѣшалъ путешественнику спать. Онъ ничего не слышалъ, даже Беаты, которая, подобно легкокрылой птичкѣ, кружилась около него. Сначала она зажгла въ очагѣ нѣсколько стебельковъ виноградной лозы, чтобы согрѣть ему ноги; но такъ какъ вода продолжала падать въ печь, то она принуждена была отказаться отъ своей работы, и, подобно доброй Руѳи, снова прилегла къ своему любовнику. Мало по малу руки ея открыли складки плаща, который покрывалъ его, и когда она приподняла ихъ на довольное разстояніе и увѣрилась, что онъ не проснется, то тихо прильнула къ его сердцу. Любящее созданіе! Какъ она была счастлива! Потерянное и возвращенное добро такъ дорого! Ей хотѣлось бы умереть такимъ образомъ; она желала бы, чтобы ея обѣ руки превратились въ мѣдныя цѣпи, чтобы не разлучаться болѣе съ своимъ кумиромъ!

Однако же Отто вдругъ зашевелился, поднялъ голову и открылъ глаза; онъ чувствуетъ, что холодная и костлявая рука шаритъ по его лицу и останавливается на шеѣ; трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ его членамъ. Онъ хочетъ высвободить свою руку изъ-подъ складокъ плаща; но прежде нежели успѣлъ онъ это сдѣлать, голосъ, по видимому, очень отдаленный отъ него, но который онъ тотчасъ узналъ, воскликнулъ: „Батюшка, батюшка, ступайте спать!“

И при блескѣ луны, увидѣлъ онъ фигуру человѣка, которая рисовалась между окномъ и печью. Эта колеблющаяся тѣнь останавливается, и по видимому, находится въ нерѣшимости, и потомъ безъ стона, безъ жалобъ, оборачивается и изчезаетъ въ темнотѣ. Ея появленіе произвело небольшой шумъ; ему показалось, что по полу что-то тащилось, и вдругъ все смолкло. Отто, который еще сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ и чувствовалъ,—такъ быстро появилась и изчезла эта тѣнь, — не сталъ мучить себя догадками, чтобы это такое могло быть; для него довольно было спросить: „Беата, вы это шумите?“

— Да, это я.—

„А для чего же, моя красавица?“

— Я не могу спать, такъ холодно отъ вѣтру.—

„Стало быть ночь очень дурна?“

— Да, очень дурна.—

И на этомъ разговоръ окончился. Графъ снова склонилъ свою голову и заснулъ. Что же касается до молодой дѣвушки, она, еще трепеща всѣмъ тѣломъ отъ волненія, опять помѣстилась у ногъ своего любовника, но уже не спала. Прошедшая сцена была для нея ужаснымъ открытіемъ: она узнала о безчестіи отца и спасла жизнь Графа.

IX.

Возьмите камень и бросьте его по произволу, на право или на лѣво; отъ паденія этого камня произойдетъ множество непрерывныхъ неизбѣжныхъ и жестокихъ приключеній. Такимъ точно образомъ рокъ овладѣваетъ. къ добру или къ худу, дѣйствіями и направленіемъ человѣческой свободы, и непремѣнно влечетъ за этимъ погибель или счастіе; такимъ точно образомъ вставшій день былъ печаленъ для семейства Венгерца и для самого Графа.

„Проснулся ли вашъ батюшка, Беата?“

— Не думаю; онъ не встаетъ такъ рано.—

„Развѣ вы больны? вы держитесь руками за голову.“

— Мнѣ дурно, у меня холодны ноги.—

„Для чего же не развести огня?“

— У насъ нѣтъ дровъ.—

„Можно взять у сосѣдей.“

— У насъ нѣтъ сосѣдей.—

„А это строеніе, которое находится подлѣ васъ?“

— Это заводъ, который еще не доконченъ.—

„Вы очень несчастны!“

— Ахъ, да—очень несчастны!--

„Что я могу сдѣлать для васъ?“

— Все!—увезти меня отсюда.—

„А вашъ отецъ?“

— Что за нужды, если вы меня любите?—

„Увы! я не могу этого сдѣлать.“

— Въ такомъ случаѣ, сжалься надо мною, милосердый Боже.—

Беата произнесла послѣднія слова такимъ странно-печальнымъ тономъ, что Графъ почувствовалъ себя тронутымъ до глубины души, и пристально посмотрѣлъ на нее; она сидѣла на своемъ стулѣ, неподвижная, съ оцепенѣлыми взорами и блѣднымъ лицемъ.

„Моя милая, вы вредите себѣ, оставаясь въ такомъ положеніи; выйдемъ изъ комнаты.“

— Куда?—

„На гору, вдоль дороги, освѣжиться на минуту воздухомъ.“

— Съ большою охотою—

Отто взялъ свой плащъ, накинулъ его на плеча Беаты, застегнулъ фракъ, и они вышли, держа другъ друга подъ руки.

Они готовились сойти на дорогу, которая вела къ деревнѣ Совеньеръ, какъ вдругъ увидѣли, что передъ ними идетъ какой-то человѣкъ; они воротились на прежнюю дорогу и стали подниматься по теченію большаго ручья, который пробѣгалъ около дома.

Солнце показалось немного; земля, обмытая дождемъ и отвердѣвшая отъ вѣтра, звучала подъ ногами, и тысячи маленькихъ камешковъ всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣтовъ блестѣли, какъ металлическія бляшки. Температура воздуха была теплѣе обыкновеннаго; что-то похожее на улыбку весны было въ этомъ послѣднемъ лучѣ осени, и, смотря на Отто и Беату, можно было подумать, что двое любовниковъ идутъ искать тѣни и уединенія. Однако же они ничего не говорили. Пока ручей извивался по лугу, ихъ дорога была хороша; но сцена тотчасъ перемѣнилась: показались скалы, и ручей превратился въ потокъ. Это была яростная и мутная волна, которая то стремилась на скалы, то низвергалась въ видѣ каскада; къ этому присоединялся оглушающій шумъ и безпрерывный ревъ стада быковъ. Препятствія усугублялись передъ ними, и скоро они очутились въ настоящей пустынѣ. Тамъ вѣтеръ и буря послѣдней ночи нагромоздили свои жертвы: раздробленныя скалы, огромныя деревья, согнутыя и низпроверженныя, потомъ громады сосенъ, наваленныхъ другъ на друга, или смятыхъ, какъ трава подъ ногами дитяти. Казалось, что самъ геній зла и разрушенія леталъ на просторѣ въ этомъ хаосѣ. Видно, что прогуливающіеся находили удовольствіе при видѣ этихъ гигантскихъ развалинъ природы; ибо они не останавливались и продолжали свой путь. Куда они шли, одинъ Богъ это зналъ. Они еще поднялись, до-

брались до скалы, вокругъ которой надобно было сдѣлать обходъ, и которая имѣла что-то ужасное въ своемъ видѣ.

Однако же, достигнувши нѣкоторой высоты, Отто почелъ благоразумнымъ воротиться назадъ; было уже поздно, и старикъ могъ проснуться. Онъ взялъ молодую дѣвушку за руку и сошелъ съ нею внизъ. Они шли по той же самой дорогѣ, то другъ за другомъ, то рядомъ, помогая другъ другу и взаимно поддерживая одинъ другаго.

Потокъ еще ревѣлъ подъ ними.

Беата, опустивъ голову, сходила въ молчанiи, и также медленно какъ и всходила.

Вдругъ она остановилась; надобно было переходить черезъ бревно соединявшее двѣ скалы.

„Чего вы боитесь, Беата?"

— Ничего, но я не могу перейти.—

„Это ребячество, вы давича хорошо прошли."

— Потокъ оглушилъ меня.—

„Дайте мнѣ руку."

— Вотъ она.—

„Осторожнѣе, мы падаемъ..."

— Простите меня, Генрихъ!....

. . . .

. . . .

О, пусть кто хочетъ презираетъ сердце женщины. Но это есть чистѣйшее существо, какое только образовала десница Всемогущаго! Ничего нѣтъ выше, какъ видѣть ангеловъ, съ покорностiю служащихъ человѣческой силѣ; видѣть женщинъ, поставляющихъ свое блаженство въ страданiи, и къ нимъ къ однимъ обращать горькiй сосудъ, который переходитъ изъ устъ мужчинъ. Бѣдныя женщины пусть кто хочетъ презираетъ ваши благородныя сердца. Ежели только есть рай, то ваше мѣсто въ немъ будетъ лучше нашего, и ежели есть правосудiе, то будетъ снисходительнѣе къ вашимъ преступленiямъ, нежели къ нашимъ проступкамъ.

Съ Франц. **В Б.**

*39. Отчего въ Римѣ не было трагедiи [2]).

(Соч. Низара).

См. въ примѣчанiяхъ.

40. Ночь на Рождество Христово. Русская повѣсть девятнадцатаго столѣтія (??!!). Соч. актера императорскихъ театровъ *К. Баранова*. Москва. Въ унив. тип. Ч. I—226, II—199, III—204. (8) [3]).

Еще новый романъ, и въ добавокъ романъ *девятнадцатаго столѣтія*! Еще новый романистъ, новый рыцарь, выѣзжающій на литературное поприще съ бѣлымъ щитомъ. *Soyez bien venu, beau chévalier*! Ну, какъ не скажешь съ остроумнымъ Марлинскимъ, что *по сочинителей у насъ не кличь кликать: стоитъ крякнуть да денежкой брякнуть, такъ налетитъ ихъ полторы тьмы съ потемками*? Каковъ же этотъ романъ, что пріобрѣла въ немъ наша литература? спросятъ насъ читали, еще не успѣвшіе насладиться симъ новымъ произведеніемъ. Не трудно отвѣчать на вопросъ: двухъ словъ было бы слишкомъ достаточно для этого. Но мы хотимъ сказать кое-что побольше, сколько потому, что появленіе этого романа, прочитаннаго нами по обязанности, пробудило въ насъ съ новою силою давно уснувшія мысли и чувствованія, столько и потому, что мы часто слышимъ жалобы читателей на бѣдность библіографическаго отдѣленія въ Молвѣ.

Сколько говорили уже, что въ литературномъ отношеніи нашъ вѣкъ есть вѣкъ романа, ибо-де всѣ пишутъ романы и всѣ читаютъ романы. Это однако, по зрѣломъ размышленіи, оказывается справедливымъ только отчасти. Правда: нынѣ гораздо болѣе пишется романовъ, чѣмъ прежде; но это отнюдь не мѣшаетъ процвѣтать драмѣ и даже лирѣ. Посмотрите, на примѣръ, на *Французскую* литературу: *Гюго*—романъ, драма и лира; *Дюма*—романъ и драма; *Делавинь*—драма и лира; *Альфредъ де Виньи*—романъ и лира; *Ламартинъ* и *Барбье*—лира, и проч. проч. Отчего же у насъ, за исключеніемъ нашего *Шекспира-Байрона-Кукольника*, все романъ да романъ?

Что такое *подражаніе*? *Геній* создаетъ оригинально, самобытно, т. е. воспроизводитъ явленія жизни въ образахъ новыхъ, никому недоступныхъ и никѣмъ неподозрѣваемыхъ; *талантъ* читаетъ его произведенія, упоятся, проникается ими, живетъ въ нихъ; эти образцы преслѣдуютъ его, недаютъ ему покоя, и вотъ онъ берется за перо, и вотъ его твореніе болѣе или менѣе дѣлается отголоскомъ творенія *генія*, носитъ на себѣ явные слѣды его вліянія, хотя и не лишено собственныхъ красотъ. Но въ семъ случаѣ *талантъ* не хотѣлъ и не думалъ подражать: онъ только заплатилъ невольную дань удивленія и восторга *генію*, онъ только былъ увлеченъ тяготѣніемъ его силы, какъ увлекается спутникъ тяготѣніемъ планетъ. Сколько твореній, прекрасныхъ и плохихъ, произвели на свѣтъ Разбойники *Шиллера*, между тѣмъ какъ самъ великій ихъ творецъ признавалъ

надъ собою могущество другаго болѣе великаго Творца? Сколько поэмъ родили поэмы *Байрона*? *Подражатели* такого рода по большей части бываютъ вмѣстѣ и *творцами*, и, въ свою очередь, увлекаютъ за собою таланты, которые ниже ихъ. Но есть еще особеннаго рода *подражатели*. Эти берутъ за образецъ какое-нибудь сочиненіе, хорошее или дурное, на примѣръ, хоть какой-нибудь забытый романъ въ родѣ *Бѣднаго Егора*, и не сводя съ него глазъ, слѣдя за нимъ шагъ за шагомъ, силятся слѣпить что-нибудь подобное. Прямые литературные горебогатыри, безталанные, не понимающіе значеніе великаго слова: *искусство*! Ихъ побужденіемъ иногда бываетъ несчастная манія къ авторству, дѣтское честолюбіе: въ такомъ случаѣ они только смѣшны и жалки; но чаще всего корысть: въ такомъ случаѣ они достойны презрѣнія, ибо унижаютъ искусство, унижаютъ достоинство человѣка. Не имѣя ни чувства, ни ума, ни познаній, ни образованности, ни воображенія, ни таланта, они доказываютъ въ своемъ романѣ, что должно любить ближняго, уповать на Бога и быть благочестивымъ, что воровство, пьянство, лихоимство, невѣжество не похвальны — это для *нравственности*; выводятъ, сколько возможно въ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ сутягу-подъячаго, вора-управителя, пьяницу-квартальнаго, дурака-помѣщика — это для *сатиры*, намараютъ грязною мазилкою своей дубовой фантазіи нѣсколько лубочныхъ картинокъ мѣщанскаго, купеческаго, дворянскаго, быта — это для *нравописанія*; ввернутъ въ свое твореніе нѣсколько мужицкихъ словъ, лакейскихъ поговорокъ, мѣщанскихъ остротъ— это для *народности*... и вотъ вамъ *нравственно-сатирическій* и *народный* романъ *девятнадцатаго вѣка*!.. Чегожъ вамъ больше? Вы говорите, что эти лица образцы безъ лицъ? Не правда: ихъ характеры написаны у нихъ на лбу: *Зарѣзины, Воровагины, Ножовы, Обдуваловы, Живодеровы, Скупаловы, Пьянюгины, Правдолюбины, Кривдины, Влюблинскіе, Добродѣевы, Свѣтинскіе, Бурлиловы*: не правдали, что все очень ясно?

Не говорите о *Вальтеръ-Скоттѣ, Куперѣ* и пр., не толкуйте о классицизмѣ и романтизмѣ, о восьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ: скажите, что *Иванъ Выжигинъ* раскупился, и вы будете знать, почему у насъ такъ много пишутъ романовъ.

Не смѣемъ утверждать, чтобы авторъ Ночи на Рождество Христово принадлежалъ къ числу подражателей послѣдняго рода: намъ пріятнѣе думать, что это человѣкъ просто обманывающій на счетъ своего призванія. Это тѣмъ естественнѣе, что найдется еще много читателей, которые поддержатъ его въ подобномъ заблужденіи. Въ такомъ случаѣ, намъ кажется страннымъ, какъ можно не понимать того, что творчество есть удѣлъ не многихъ избранныхъ, а не вся-

каго, кто только умѣетъ читать и писать; что тотъ еще не поэтъ, кто съумѣетъ слѣпить кое-какую сказку съ аллегорическими лицами, представляющими порокъ и добродѣтель; какъ можно не знать, что во времена оны много безталанныхъ людей подлаживали подъ тонъ *Державина* и пѣли оды, въ которыхъ было пропасть трескотни и шуму, но ни капли поэзіи; что въ наше время едвали найдется такой человѣкъ, который совершенно не бывши поэтомъ, не смогъ бы написать стишковъ, по гладкости и гармоніи языка не уступающихъ стихамъ *Пушкина*; не понимаемъ, какъ можно такъ смѣло и безбоязненно отдавать свое имя на позоръ, тѣмъ болѣе, если это имя есть имя честнаго артиста, честнаго чиновника, или честнаго гражданина; не понимаемъ, какъ можно... Но мы предоставляемъ самимъ читателямъ докончить наши нескромные вопросы...

—онъ—инскій.

41. Грамматика языка русскаго. Часть I. Познаніе словъ. Сочиненіе *Калайдовича* (Ивана Ѳедоровича). Москва, въ унив. тип. 1834. 102. X. [4]).

— Слышали вы новость; говорятъ, Грамматика *Калайдовича* поступила въ печать и скоро выйдетъ въ свѣтъ?—Въ самомъ дѣлѣ?—Право!—Знаете ли вы новость: вѣдь Грамматика *Калайдовича* уже вышла!—Нѣтъ?—Я сейчасъ видѣлъ ее своими глазами.—Ну чтоже, какова?—Да еще не знаю, я только мелькомъ заглянулъ кой-куда.—Надобно думать, что очень хороша: отъ *Калайдовича* больше чѣмъ отъ кого-нибудь другаго можно ожидать дѣльной Грамматики; кому неизвѣстны его глубокія и обширныя познанія по этой части?—Да, правда ваша, надо поскорѣе прочесть: вѣдь это любопытно.

Вотъ что̀, или почти вотъ что̀ еще недавно слышно было въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ. Судя по такимъ возгласамъ, можно подумать, что въ нашей ученой литературѣ воспослѣдовало событіе, долженствующее отмѣтить собою новую эру оной. Въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать — дай Богъ не разочароваться. Но отчего же съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали, всѣ надѣялись отъ него? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе было бы очень любопытно. Или и въ самомъ дѣлѣ это давно обѣщанное сочиненіе Г. *Калайдовича* должно разсѣчь всѣ Гордіевы узлы нашей мудреной Грамматики, должно рѣшить всѣ темные вопросы нашего упрямаго и еще не установившагося языка, должно, наконецъ, разсѣять всѣ недоумѣнія и сомнѣнія нашихъ записныхъ грамотѣевъ?... Гдѣ труды Г. *Калайдовича*, которые могли бы подать такія лестныя надежды и обезпечить исполненіе столь высокой миссіи, возложенной на него общественнымъ мнѣніемъ?.. Какіе его подвиги и заслуги на избран-

номъ имъ поприщѣ, которые бы оправдывали подобную довѣренность публики къ его силамъ?.. Не ужели его критическіе разборы пріятельскихъ Грамматикъ, разборы, правда, не безъ достоинства, но все-таки и не Богъ знаетъ что такое?.. Вотъ вопросы, которые вырвались у меня тотчасъ по прочтеніи сего новаго творенія, и которые прежде сего не приходили мнѣ въ голову, ибо, признаюсь, я самъ принадлежалъ доселѣ къ числу людей, много, слишкомъ много ожидавшихъ отъ Г. *Калайдовича*. Странное дѣло!..

Теперь мнѣ предстоитъ прекрасный случай распространиться о средствахъ, коими въ нашей литературѣ пріобрѣтаются иногда самые дорогіе авторитеты за самыя дешевыя заслуги. Хотите ли знать это? Не хотите ли сами составить себѣ литературную извѣстность самымъ легкимъ способомъ? Извольте, я со всею охотою поучу васъ. Вотъ видите ли, если вы хотите прослыть, на примѣръ, за великаго писателя, подобно Барону Брамбеусу, то попросите кого нибудь изъ вашихъ пріятелей написать письмо въ Лондонъ или Берлинъ о Русской литературѣ и назвать васъ геніемъ первой величины; потомъ помѣстите это письмо въ журналѣ, котораго вы издатель или редакторъ, или который вамъ съ руки: это пойдетъ какъ нельзя лучше, только не лѣнитесь писать какъ можно смѣлѣе, рѣзче, бойче и нелѣпѣе. Если жъ вы хотите купить себѣ въ долгъ славу ученаго, на пр. великаго филолога и знатока отечественнаго слова, то всего лучше поступить вотъ какимъ образомъ: выходитъ Грамматика Г. N N, вы напишите на нее нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, скажете, что Г. N N напрасно помѣстилъ среднiй родъ ваше женскаго, ибо-де это означаетъ неуваженіе къ прекрасному полу, потомъ скажите въ заключеніи, что вамъ бы очень было пріятно, еслибы Г. N N разобралъ вашу Грамматику, которую вы составляете уже нѣсколько лѣтъ, съ такимъ же безпристрастіемъ, съ какимъ вы разобрали Грамматику его, Г. N N. Поступайте точно такимъ же образомъ при выходѣ всѣхъ книгъ, относящихся къ сему предмету, и вашъ успѣхъ не сомнителенъ. Люди странныя созданія: они всегда вѣрятъ тѣмъ, кои сами себя называютъ геніями, ибо подобную Бюффоновскую откровенность считаютъ благороднымъ сознаніемъ истиннаго таланта. Только, смотрите, не слишкомъ торопитесь изданіемъ вашей Грамматики, если вы уже не шутя вздумаете написать ее; а всего лучше со всѣмъ не издавайте: въ такомъ случаѣ авторитетъ вашъ вѣрнѣе и надежнѣе... Но я заговорился... извините. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему распространяться о такомъ предметѣ, который вопервыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ Г. *Калайдовичу* и его Грамматикѣ, а вовторыхъ можетъ показаться щекотливымъ для самолюбія многихъ нашихъ доморощенныхъ геніевъ, любящихъ

дѣлать примѣненія. Скажу только, что на этотъ предметъ можно бы написать прекурьозную и презанимательную журнальную статейку съ эпиграфомъ: *не родись ни уменъ, ни пригожъ—родись счастливъ.*

Признаюсь: не безъ трепета приступаю къ разбору Грамматики Г. *Калайдовича.* Она еще до своего появленія и даже, можетъ быть, до своего рожденія, успѣла приобрѣсти себѣ такую громкую славу; общій голосъ ставитъ ея автора въ числѣ литераторовъ ученыхъ, опытныхъ и коротко знающихъ свое дѣло; я же не больше, какъ безвѣстный юноша, еще ничѣмъ не приобрѣвшій права голоса на литературномъ сеймѣ, еще не сочинившій ни одной афиши, не издавшій ни одной программы, не объявившій ни одной подписки и даже не обѣщавшій ни одною строчкою никакого творенія: очевидное неравенство! Прибавьте къ сему, что у насъ еще и по сію пору такъ сильно вліяніе авторитетовъ, еще такъ могущественно очарованіе именъ; что у насъ еще весьма не многіе осмѣливаются произнести свое сужденіе о стихотвореніи, журнальной статьѣ или книгѣ, не посмотрѣвши сперва на подпись, или не справившись въ Сѣверной Пчелѣ—этомъ литературномъ аукціонѣ—каково *сходитъ съ рукъ* то или другое сочиненіе, т.-е. сколько экземпляровъ онаго разошлось въ продолженіи того или другаго времени; сообразите все это—и вы признаетесь, что тутъ хоть у кого, такъ опустятся руки. Но какъ бы то ни было, а я рѣшаюсь на этотъ отчаянный подвигъ, и, прикрываясь мудрымъ правиломъ нашихъ предковъ—*страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ*—приступаю къ дѣлу.

Учебныя книги бываютъ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ пишутся для первоначальнаго обученія; главное ихъ достоинство должно состоять въ простомъ и ясномъ изложеніи предмета и искусномъ принаровленіи онаго къ дѣтскимъ понятіямъ. Другія же пишутся для людей взрослыхъ, мыслящихъ, и кромѣ ясности въ изложеніи, требуютъ новаго взгляда или на цѣлый предметъ, или хотя на нѣкоторыя части онаго, или по крайней мѣрѣ, представленія онаго въ его современномъ состояніи.

Къ которому изъ сихъ двухъ родовъ относится Грамматика Г. *Калайдовича*?

По запутанности и сбивчивости ея изложенія, по отсутствію новыхъ взглядовъ, худо прикрытому мѣлочными нововведеніями въ терминологіи, ни къ одному; по своей незначительности и неважности, къ первому; по претензіямъ же автора, ко второму.

Теперь у насъ четыре знаменитыя Грамматики: *Ломоносова, Россійской Академіи,* Г. *Греча* и Г. *Востокова.* Ихъ достоинство, исключая, можетъ быть, второй, находится въ прямомъ содержаніи

ко времени ихъ появленія. Безъ всякаго сомнѣнія, пятая Грамматика, чтобъ заслужить вниманіе, должна быть лучше всѣхъ сихъ четырехъ, ибо авторъ оной, кромѣ своихъ собственныхъ открытій, можетъ воспользоваться открытіями своихъ предшественниковъ, и смѣло взять у каждаго изъ нихъ все лучшее. Такъ ли поступилъ Г. *Калайдовичъ*? Посмотримъ. Сначала я брошу общій взглядъ на его сочиненіе, потомъ буду преслѣдовать его шагъ за шагомъ, сколько будетъ то возможно.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что способъ изложенія всякой науки бываетъ *аналитическій* и *синтетическій*, и что, въ слѣдствіе сего, всякая наука раздѣляется на *общую* и *частную*, на *теорію* и *приложеніе*. Грамматикъ (наукъ) можетъ быть столько, сколько языковъ и нарѣчій на земномъ шарѣ; но есть одна общая имъ всѣмъ Грамматика, есть Грамматика слова человѣческаго, Грамматика *Всеобщая* или *Философская*. Грамматикъ языковъ суть Грамматики *частныя*, относящіяся къ ней, какъ виды къ роду, и повѣряющіяся ею. Г. *Калайдовичъ* какъ будто даже и не слыхалъ объ этомъ. Онъ не говоритъ ничего о произхожденіи человѣческаго слова, о его назначеніи, его раздѣленіи на языки, о сходствѣ и различіи языковъ, о причинахъ такого сходства и различія и пр. и пр. Части рѣчи не выводятся у него изъ законовъ слова человѣческаго, или изъ законовъ Русскаго языка; нѣтъ: онѣ у него какъ будто съ неба упадаютъ, и притомъ въ такомъ ужасномъ количествѣ, что страшно и подумать. Бѣдные ученики! трепещу за васъ! Этого мало: онъ даже не почелъ за нужное опредѣлить каждую часть рѣчи, показать необходимость и назначеніе ея существованія.

На чемъ основывается раздѣленіе слова на отдѣлы, называемые *частями рѣчи*?

Въ природѣ все или предметъ или его дѣйствіе; изъ этихъ двухъ понятій слагается *смыслъ*; изъ выраженія этихъ двухъ понятій слагается *языкъ*. *Имя* (названіе предмета) и *Глаголъ* (названіе дѣйствія)— вотъ элементы человѣческаго слова вообще, вотъ стихіи каждаго языка въ особенности. Безъ *Имени* и *Глагола* не возможно выразить никакого понятія; безъ прочихъ частей рѣчи можно обойтись [1]).

---

[1]) *Прилагательныя*, т.-е. дополнительныя идеи предмета могутъ заключаться въ самомъ *имени;* или выражаться родительнымъ падежемъ другаго имени, на пр: *l'homme d'ésprit*, *l'anneau d'or*, *мужъ боя и совѣта*. *Нарѣчія*, т. е. дополнительныя идеи дѣйствія, могутъ заключаться въ самомъ *глаголѣ*, на пр: *поиграть* (т.-е. *немного играть*). Этимъ свойствомъ особенно отличается Арабскій языкъ, въ которомъ глаголы, чрезъ прибавленіе къ нимъ разныхъ частицъ, получаютъ знаменованіе глаголовъ съ нарѣчіями: *очень хорошо дѣлать*, *скоро идти* и пр. (См. Учен. Зап. И. М. У. 1834, № IV). О *причастіяхъ* и *дѣепричастіяхъ* въ

Слѣд. *Имя* и *Глаголъ* суть части рѣчи элементарныя, первостепенныя.

Мѣстоименія, *Прилагательныя* и *Нарѣчія*, по ихъ важности, суть части рѣчи *второстепенныя* и какъ будто бы *вспомогательныя*. *Мѣстоименіе* замѣняетъ *Имя* для избѣжанія повторенія одного и того же слова. По сему Г. *Калайдовичъ* справедливо относитъ слова: *мой*, *твой*, *сей*, *этотъ* и пр. къ *Прилагательнымъ*; но за чѣмъ же онъ не говоритъ, почему такъ дѣлаетъ? *Прилагательное* (слово) опредѣляетъ *качество*, *обстоятельство* и *количество* имени (*добрый человѣкъ*, *деревянный столъ*, *третій день*); а *Нарѣчіе—качество*, *обстоятельство* и *количество* дѣйствія (*онъ учится хорошо*, *я приду завтра*, *ты прочелъ дважды*). Посему *Прилагательныя* и *Нарѣчія* должны слѣдовать въ Грамматикѣ за *Именемъ* и *Глаголомъ*. Прочія части рѣчи называются *частицами*, что самое показываетъ ихъ относительную важность.

Спрашиваю: неужели всѣ этѣ вещи такъ ничтожны, что не стоютъ упоминовенія въ учебной книжкѣ? Знаю, что онѣ очень не новы, что онѣ извѣстны всякому сколько нибудь образованному человѣку; но сіе-то самое и доказываетъ ихъ важность. Г. *Калайдовичъ* ни мало не позаботился обо всемъ этомъ, и потому у него явилось *двѣнадцать* частей (или, по его *разрядовъ*) рѣчи: *имена*, *названія лицъ* (?), *прилагательныя*, *числительныя* (?), *слово бытія* (??), *глаголы*, *отглаголія* (??), *причастія*, *нарѣчія*, *дѣепричастія*, *предлоги*, *союзы* и *три-адцатая* прибавочная) *восклицанія* (!!). Не правда ли, что все это очень забавно?

Что такое разумѣетъ онъ подъ *названіемъ лицъ*? *Имена собственныя*? Да—какъ бы не такъ! Это—*Мѣстоименія*! Помилуй Богъ, какъ мудрено! Но это еще не самая важная мудрость: увидимъ лучшее. Назвавъ *Числительныя* особенною частію рѣчи, авторъ смѣшалъ видъ съ родомъ; ибо кому не извѣстно, что *Числительныя* суть только видъ *Прилагательныхъ*, какъ *качественныя* и *обстоятельственныя?* Но быть такъ, это все еще не *суть важно*; теперь не угодно ли вамъ знать, что за особенную часть рѣчи разумѣетъ

семъ отношеніи нечего и говорить: безъ нихъ всего легче обойтись. *Предлоги* можно замѣнить *оканчаніями именъ* и пр. Вотъ отчего *Греческій* и всѣ новѣйшіе Европейскіе языки имѣютъ особенную часть рѣчи, называемую *членомъ*, а *Латинскій и Русскій* языкъ не имѣютъ ея; вотъ отчего въ *Греческомъ* языкѣ есть *двойственное* число, котораго, кромѣ еще *Славянскаго*, нѣтъ ни въ одномъ языкѣ; вотъ почему по *Арабски* не льзя сказать *всѣ люди* или *великій человѣкъ*, а вмѣсто этого говорится *цѣлость людей* (*totalité des hommes*), *цѣлость изъ людей* (*totalité d'hommes*). См. *Principes de Grammaire Générale, mis á la portée des enfants, par Sylvestre de Sacy*.

авторъ подъ *словомъ бытія* или *бытословомъ?* Если вы не читали его Грамматики, то не ломайте напрасно головы: въ тысячу лѣтъ не разгадать вамъ этой сфинксовой загадки. Это ни больше ни меньше, какъ существительный, средній, вспомогательный и неправильный глаголъ: *быть*. Не правда ли, что, слѣдуя этому прекрасному образцу, можно надѣлать тысячи частей рѣчи! На пр.: *дѣлословъ* (*дѣлать*, *творить*, *производить* и пр.). Чего добраго? развѣ Г. *Ольдекопъ* не выдумалъ въ своемъ Русско-Французскомъ Словарѣ глагола *добротворить*, прилагательнаго *допропобѣдный*, и другихъ диковинокъ? Но всего курьознѣе у Г. *Калайдовича*, *отглаголія*: здѣсь авторъ, какъ говорится, превзошелъ самаго себя. Вы думаете, что тутъ дѣло идетъ о *причастіяхъ* или именахъ оканчивающихся на *ніе* и *тіе*, происходящихъ отъ глаголовъ. О, нѣтъ, совсѣмъ не то! Это, изволите видѣть, *неопредѣленное наклоненіе* глаголовъ, оканчивающееся на *то*. Не вѣрите, справьтесь сами. Авторъ основывается въ семъ случаѣ на томъ, что это quasi-*отглаголіе* замѣняетъ иногда имя (онъ вѣрно хотѣлъ сказать бываетъ иногда *подлежащимъ* рѣчи), напр: *учиться полезно*, гдѣ слово *учиться* замѣняетъ собою слово *ученіе*. Слѣд. *должно прощать врагамъ* и *должно, чтобы прощали врагамъ*, будетъ замѣнять собою: *должно прощеніе врагамъ*? Слѣд. и *прошедшее время* глаголовъ будетъ *отглаголіемъ*, и составитъ собою особенную часть рѣчи? Сами Французы, у которыхъ нѣкоторые глаголы въ *неопредѣленномъ наклоненіи* бываютъ именами (*le pouvoir*, *le devoir*), не смотря на это, не почитаютъ *неопредѣленнаго наклоненія отглаголіемъ*; тоже самое и Нѣмцы, у которыхъ каждый глаголъ въ *неопредѣленномъ наклоненіи* дѣлается *именемъ*, принимая предъ собою членъ. Вотъ до какихъ странностей доводятъ подобныя нововведенія, не основанныя на *Всеобщей Грамматикѣ*!

Изъ сего видно, какъ сбивчивы и темны понятія Г. *Калайдовича* о *Всеобщей Грамматикѣ*, на какомъ зыбкомъ основаніи зиждется зданіе его *Грамматики Языка Русскаго*, и чего должно ожидать отъ этого сочиненія, которое скорѣе можетъ назваться произведеніемъ творческой фантазіи, или, по крайней мѣрѣ, некстати разыгравшагося воображенія, чѣмъ плодомъ холоднаго ума и кропотливой учености!

(до слѣдующаго листка).

Грамматика языка русскаго. Часть I. Познаніе словъ. Сочиненіе *Калайдовича*. (Ивана Θедоровича). Москва, въ унив. тип. 1834. 102. X.

(*Окончаніе*).

Грамматикѣ Г. *Калайдовича*, какъ водится, предшествуетъ Азбука. Это отдѣленіе у него также недостаточно, сбивчиво и странно, какъ и всѣ прочія.

Гос. публичная б-ка Ленинград

„Звуки Русскаго языка раздѣляются на *тоны* и *полутоны*, *дыханія* и *полудыханія*". Эти *тоны* и *полутоны* Г. *Калайдовича* не больше, не меньше, какъ *гласныя* и *полугласныя* Г. *Греча*; *дыханія* же и *полудыханія*, вѣроятно, принадлежатъ къ разряду *бытослововъ* и *отглаголій*. Въ разсужденіи первыхъ, замѣчательно только то, что Г. *Калайдовичъ* опровергалъ нѣкогда (помнится, въ Московскомъ Вѣстникѣ) *полугласныя* Г. *Греча* математическою аксіомою, что двѣ половины составляютъ одно цѣлое, и что, слѣдовательно, *ъ* и ъ, *ь* и ь, или *й* и *й* должны бы составить одну *гласную* букву, если бы опредѣленіе Г. *Греча* было справедливо. Теперь спрашивается: неужели Г. *Калайдовичъ* думалъ, что его *полутоны*, дважды взятые, не могутъ также составлять *гласной* буквы? Однимъ словомъ, онъ гораздо бы лучше поступилъ, еслибы выписалъ цѣликомъ о *буквахъ* изъ Грамматики Г. *Греча*, въ которой этотъ предметъ обработанъ вообще очень хорошо, и требуетъ весьма не многихъ и не важныхъ измѣненій. По чему не пользоваться трудами своихъ предшественниковъ? Вѣдь въ этомъ-то и заключается условіе успѣховъ каждаго знанія. Одинъ человѣкъ не можетъ всего сдѣлать.

„Грамматика есть *наука и искусство* говорить правильно". Новая новость! *Говорить* есть даръ природы; знаніе же—*говорить правильно*, а искусство—*говорить красно*. Въ слѣдствіе такого прекраснаго опредѣленія Грамматики, подмосковный крестьянинъ, который, вѣроятно, говоритъ гораздо правильнѣе многихъ *Чухломскихъ* господъ, есть *грамотѣй* и *ораторъ*. Поздравляемъ!

„Грамматика раздѣляется на четыре части: *Познаніе Словъ*, *Составленіе Рѣчи*, *Произношеніе* и *Правописаніе*". Какъ все это ново и затѣйливо! Какъ далеко подвинутъ впередъ Русскую Грамматику подобныя перемѣны въ терминологіи, и какія безчисленныя выгоды произойдутъ отъ нихъ для Русскаго языка! Нечего сказать: Г. *Калайдовичъ* не скупится на новые термины. Но къ чему такая неумѣстная щедрость? Развѣ это главное? Правилъ языка, а не новыхъ терминовъ нужно намъ? Не спорю, перемѣны въ терминологіи важны и полезны, но только въ такомъ случаѣ, когда ведутъ къ чему нибудь. А развѣ *словопроизведеніе* и *словосочиненіе*, даже *этимологія* и *синтаксисъ*, термины общіе для всѣхъ Европейскихъ Грамматикъ, не хорошо выражаютъ сущность дѣла? Развѣ не все равно, что *возвратный*, что *обратный* глаголъ? Право, подобными мѣлочами въ наше время трудно прикрыть отсутствіе существеннаго дѣла!

Словопроизведеніе авторъ раздѣляетъ на три главы: *Различіе Словъ*, *Измѣненіе Словъ*, *Произвожденіе Словъ*. Въ слѣдствіе сего, склоненія *Именъ* и *Прилагательныхъ*, и спряженіе *глаголовъ* являются у него въ одной главѣ. Вотъ, можно сказать, единственная новость

автора, заслуживающая, по крайней мѣрѣ, опроверженія и наиболѣе обнаруживающая его претензіи на *самомыслительность.* Но правильно ли такое изложеніе Этимологіи? *Словопроизвожденіе* и теорія частей рѣчи должны заключаться во введеніи, какъ предметы, подлежащіе Всеобщей Грамматикѣ, должны составлять *аналитическую* часть Грамматики. Притомъ же изложеніе каждой части рѣчи особенно гораздо удобнѣе для учащихся; система же Г. *Калайдовича* не только не облегчаетъ изученіе, но еще болѣе затрудняетъ его.

Частныя замѣчанія автора о *Именахъ* и *Прилагательныхъ* по большей части дѣльны; но все это можно найти, и притомъ гораздо обширнѣе и удовлетворительнѣе, не только у Г. *Востокова*, но и у Г. *Греча.*

Въ началѣ моей рецензіи я сказалъ, что буду преслѣдовать автора шагъ за шагомъ: теперь вижу, что это было бы скучно и утомительно и безполезно, какъ для меня, такъ и для читателей. Посему ограничусь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями особенно на счетъ его нововведеній, и потомъ поговорю поподробнѣе о системѣ глаголовъ, этой запутаннѣйшей части Русской Грамматики, которую Г. *Калайдовичъ* не только не уясняетъ, но еще болѣе затемняетъ.

Что за раздѣленіе *степеней сравненія* на степени *равныя* (*равно мужественный, и благоразумный; честь столько же дорога, какъ и жизнь*—послѣ этого можетъ быть степень *многая сугубая, малая—много, сугубо, мало умный*), степени *высшія* и *низшія*? Не понимаю. Почему также авторъ не замѣтилъ, что окончаніе на *айшій* и *ѣйшій* есть полное, а на *ае* и *ѣе—усѣченное*, какъ то доказано Г. Проф. *Болдыревымъ*?

Съ какою цѣлію *Имена* раздѣляются на извѣстное число *склоненій*? Чтобы служить образцами, по коимъ бы можно было безошибочно употреблять въ разныхъ отношеніяхъ каждое слово, отдѣльно взятое. Не знаю, можетъ ли быть въ семъ случаѣ что-нибудь удовлетворительнѣе Латинскихъ склоненій: ученику, твердо заучившему примѣры на каждое изъ нихъ, трудно ошибиться въ склоненіи даннаго ему слова. Вотъ самое лучшее доказательство вѣрности раздѣленія Латинскихъ склоненій. Кажется, что наши грамматисты упустили изъ виду эту цѣль и думаютъ, что склоненіе можно дѣлить, какъ кому угодно. Г. *Гречъ* раздѣлилъ *Имена* по тремъ родамъ на *три* склоненія; отъ этого у него *вода* и *дверь* явились въ одномъ склоненіи, и отъ этого у него надѣлана бездна исключеній, изъ коихъ многія по необходимости сдѣлались, противъ его воли, особенными склоненіями: и такъ желая упростить систему склоненій, онъ только болѣе запуталъ оную. Гораздо удовлетворительнѣе раздѣленіе склоненій у Г. *Востокова*, который раздѣляетъ имена на *правильныя* и

неправильныя, а первыя на *семь отдѣловъ;* только у него не показано различія, по коему бы можно было безошибочно узнавать, къ какому *отдѣлу* принадлежитъ то или другое слово. У Г. *Калайдовича четыре* склоненія. Къ первому онъ относитъ имена муж. рода, оканч. на *ъ*, *ь* и *й;* ко второму имена муж. и жен. рода, оканч. на *а* и *я;* къ третьему жен. рода на *ь*, а къ четвертому средн. рода на *о*, *е* и *ё*. Не понимаю, какъ можно было не отнести послѣднихъ именъ къ первому склоненію, ибо вся разница въ *творительномъ* падежѣ единственнаго и *родительномъ* множественнаго числа; къ тому же, эта разница существуетъ и въ его первомъ склоненіи. Гораздо бы лучше было сдѣлать особенно склоненіе изъ именъ оканчивающихся на *мя.* Правда ихъ не много, но онѣ всѣ склоняются одинаковымъ образомъ, что доказываетъ *отдѣльность*, а не исключительность.

Перехожу къ *Глаголу.*

Вотъ самая запутаннѣйшая часть Русской Грамматики. Благодаря нашимъ досужимъ грамотѣямъ, спряженія нашихъ глаголовъ походятъ доселѣ на темный лѣсъ, непроходимую чащу, гдѣ безпрестанно натыкаешься на пни и колоды. И не ужели это отъ того, что нѣтъ никакой возможности привести наши спряженія въ ясную систему, основанную на духѣ языка? Совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, ничего не можетъ быть проще, яснѣе и удовлетворительнѣе теоріи Русскихъ *Глаголовъ;* вся бѣда отъ страннаго упрямства и неумѣстнаго чванства гг. грамматистовъ. Ибо во первыхъ, они хотятъ сочинять, выдумывать законы языка, а не открывать ихъ, не выводить изъ духа онаго; во вторыхъ, они не хотятъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ, какъ будто бы почитая это унизительнымъ для своего авторскаго достоинства. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ по сю пору нѣтъ Грамматики, которую бы можно было принять за руководство при обученіи дѣтей? Для людей, занимающихся преподаваніемъ отечественнаго языка, всего болѣе ощутителенъ недостатокъ въ подобныхъ руководствахъ. Если они сами не имѣютъ столько ума и силы, чтобъ быть въ состояніи выбиться изъ старой колеи, пробитой жалкою посредственностію, то должны пробавляться извѣстными Грамматиками, не смотря на то что однѣ изъ нихъ слишкомъ обширны, другія слишкомъ кратки, третьи слишкомъ мудрены, четвертыя слишкомъ нехитры: вотъ причина необыкновеннаго успѣха Грамматики велемудраго *Меморскаго* (вѣчная ему память!); она кратка, она искони вѣковъ слыветъ классическою книгою, и, сверхъ того, снабжена вопросами, слѣдовательно избавляетъ горемыку-педагога отъ излишнихъ хлопотъ. Если же преподаватель принадлежитъ къ числу людей мыслящихъ и понимаетъ важность и святость своей обязанности, то долженъ соста-

влять записки и по нимъ учить своихъ учениковъ; ибо, спрашиваю: какъ онъ можетъ рѣшительно предпочесть ту или другую изъ извѣстныхъ Грамматикъ? Кто не согласится, что Грамматика Г. *Греча* не безъ достоинствъ, что въ ней есть много дѣльныхъ замѣчаній, что ея авторъ умѣлъ иногда кстати пользоваться трудами и открытіями нашихъ филологовъ? Но кто, вмѣстѣ съ этимъ, не согласится, что эта Грамматика есть не иное что, какъ сборъ, или лучше сводъ матеріаловъ, книга полезная для составителя Грамматики, но отнюдь не то, что должно разумѣть подъ наукою въ высшемъ значеніи сего слова? И притомъ, сколько странностей, сколько клеветъ на бѣдный Русскій языкъ!.. Грамматика Г. *Востокова*, безъ всякаго сомнѣнія, есть лучшая изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ; она драгоцѣнна по многимъ важнымъ открытіямъ и тонкимъ замѣчаніямъ касательно свойствъ и особностей нашего языка; она обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, глубоко изучившаго свой предметъ, преслѣдовавшаго его съ неутомимою ревностію въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни, посвященной безкорыстному служенію родному слову. Но онъ не обработалъ своего сочиненія ученымъ образомъ, т.-е. не озарилъ его философіею человѣческаго слова, и потому его Грамматика есть только богатый и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ для составленія Русской Грамматики. Равнымъ образомъ она не можетъ быть принята безусловно за руководство при обученіи дѣтей [1]). Удовлетворить умъ ребенка еще можетъ быть труднѣе, чѣмъ умъ взрослаго человѣка; ему мало сказать, сколько частей рѣчи и какъ онѣ называются: объясните ему, что такое эти части рѣчи, для чего онѣ и почему ихъ столько, а не столько,—или обвиняйте самихъ себя въ его тупоуміи и непонятливости! Ему также, какъ и взрослому, нужно сперва объяснить философію слова человѣческаго, и потомъ уже изъ ней вывести теорію слова отечественнаго: дѣло въ томъ, чтобы умѣть изложить эту философію понятнымъ для него образомъ. Нѣкоторыя, оправдываясь слабостію дѣтскаго разсудка, представляютъ науки, назначаемыя для преподаванія дѣтямъ, въ ложномъ и искаженномъ видѣ. Такъ поступилъ Г. *Гречъ* въ своей Учебной Книгѣ Россійской Словесности, этомъ сборникѣ пошлыхъ и обветшалыхъ правилъ, взятыхъ изъ пресловутаго Словаря Древнія и Новыя Поэзіи Г. *Остo*-

[1]) Грамматика всякаго языка, безъ философическихъ выводовъ и опредѣленій, можетъ годиться только для взрослыхъ и то въ такомъ только случаѣ, когда имѣетъ предметомъ привести въ систему *особности* языка и не обнаруживаетъ претензій на новые взгляды въ построеніи науки вообще. Грамматики же, назначаемыя для обученія, не могутъ принести вполнѣ ожидаемой пользы, когда не основаны на Всеобщей Грамматикѣ, или, по крайней мѣрѣ, когда ученики не познакомлены предварительно съ основаніями сей послѣдней.

лопова. Странные люди! да неужели ребенку, потому только, что онъ ребенокъ, должно говорить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4? Посмотрите, какъ пишутся у иностранцевъ учебныя книги; и кѣмъ пишутся? Знаменитыми профессорами, великими учеными! Прочтите, на примѣръ, Principes de Grammaire Générale, mis à la portée des enfans, par Silvestre de Sacy: какія глубокія истины высказаны въ ней языкомъ самымъ простымъ, удобопонятнымъ. Дитя, пройдя эту книгу, положитъ самое твердое основаніе и изученію филологіи вообще и знанію роднаго языка въ частности [1]).

Г. *Гречъ* выдумалъ *три* спряженія (Г. *Гречъ* очень, очень любитъ тройственность!); и вотъ какимъ образомъ: глаголы перваго спряженія оканчиваются у него на *ть* съ предыдущими гласными *а*, *я*, *ѣ*, а въ первомъ лицѣ на *ю* съ предыдущею гласною и раздѣляется на *четыре* отдѣла; второе на *ть* съ предыдущими гласными *и* или *о*, также съ другими гласными, коимъ предшествуетъ буква согласная губная шипящая или измѣняемая, въ настоящемъ времени на *ю* съ предыдущею согласною, весьма рѣдко гласною, или по свойству предыдущей шипящей согласной, на *у*, и раздѣляется на *семь* отдѣловъ (не правдали что это удивительно какъ ясно и просто? бѣдные учители! бѣдные ученики!); глаголы третьяго спряженія оканчиваются на *нуть* и *ереть*, а въ первомъ лицѣ на *у* съ предыдущею поднебесною буквою, и раздѣляется на *два* отдѣла. И такъ, говоря собственно, у Г. *Греча тринадцать* [2]) спряженій. Уфъ!!.. Нужно ли доказывать чудовищность подобнаго раздѣленія?

У Г. *Востокова* два спряженія, кои различаются по второму лицу ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Въ разсужденіи сего, онъ ближе всѣхъ къ истинѣ. Какъ жаль что онъ только въ половину принялъ ее!

У Г. *Калайдовича четыре* спряженія. (Кому прикажете вѣрить?) Такъ какъ онъ неопредѣленное наклоненіе называетъ не формою глагола, а *неизмѣняемымъ именемъ*, то и различаетъ спряженія по первому лицу ед. ч. наст. врем. изъяв. наклоненія. Не стану терять времени на опроверженіе его раздѣленія; скажу просто, что оно также мило, какъ его *бытословъ* и *отглаголія*.

Но не смотря на все сіе разногласіе въ системахъ Русскихъ *Глаголовъ*, между ними есть одна истинная и непреложная. Она не сочинена, а открыта, не выдумана, а почерпнута изъ Русскаго языка, и потому проста, ясна и вполнѣ удовлетворительна. Читали ли вы

---

[1]) Большая часть сего превосходнаго сочиненія знаменитаго оріенталиста и филолога уже переведена мною, и все оно, надѣюсь, скоро будетъ издано. *Соч.*

[2]) Какъ не повѣрить теперь, что число *тринадцать* точно имѣетъ несчастное значеніе? Г. *Гречъ* придумалъ *тринадцать* спряженій, и Г. *Калайдовичъ*— *тринадцать* частей рѣчи. *Изд.*

статью Г. *Профес. Болдырева о системѣ Русскихъ глаголовъ*, помѣщенную въ Трудахъ Общества Россійской Словесности? Присоедините къ ней раздѣленіе спряженій по *Мелетію Смотрицкому*, и вотъ вамъ эта система! Увѣряю васъ, что *ларчикъ просто открывался*!

Отчего происходитъ главная путаница въ спряженіи нашихъ глаголовъ? Во первыхъ оттого, что у насъ для инаго глагола полагается три, для инаго пять, а для инаго семь и больше временъ, и что относятъ къ одному и тому же спряженію столь различные числомъ временъ глаголы. Во вторыхъ отъ сбивчивости въ раздѣленіи спряженій. Слѣдовательно, чтобы привести въ порядокъ этотъ хаосъ, нужно дать для каждаго спряженія опредѣленное, равное число временъ, и сдѣлать такое раздѣленіе спряженій, которое бы не допускало изключеній. Не такъ ли?

Что есть *Глаголъ*? Слово выражающее бытіе, состояніе, дѣйствіе и страданіе предмета, содержащееся во времени, такъ какъ *Имя* выражаетъ самый предметъ, содержащійся въ пространствѣ. Очевидно, что тотъ языкъ совершеннѣе и богаче, котораго глаголы способнѣе къ выраженію всѣхъ оттѣнковъ дѣйствія, развивающагося во времени. Эти оттѣнки выражаются *наклоненіями* и *временами*. Въ Латинскомъ языкѣ *четыре*, а во Французскомъ *пять* наклоненій, у насъ только *три*. Но такъ какъ *сослагательное* того и другаго и *условное* послѣдняго, у насъ совершенно выражаются чрезъ прибавленіе къ прошедшимъ временамъ частицъ, то въ семъ случаѣ нашъ языкъ ни чуть не бѣднѣе обоихъ упомянутыхъ. Въ Латинскомъ для всѣхъ наклоненій *десять* временъ, во Французскомъ *четырнадцать* (восемь для *indicatif*, четыре для *subjonctif* и два для *conditionel*) — какое богатство! Сколько же ихъ у насъ? Ни больше ни меньше *трехъ*: *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*. Дѣло въ томъ, что для выраженія оттѣнковъ дѣйствія у насъ употребляются не времена; нѣтъ: для выраженія каждаго оттѣнка дѣйствія, у насъ есть особенный глаголъ, имѣющій свое *неопредѣленное наклоненіе*. По сему наши глаголы раздѣляются на *виды*, изъ коихъ важнѣйшее суть:

1) *Неокончательный*, или коренной видъ глагола, показывающій дѣйствіе не вполнѣ совершившееся и не совсѣмъ оконченное, на пр: *говорить*, *дѣлать*.

2) *Совершенный*, показывающій дѣйствіе совсѣмъ оконченное; онъ разнится отъ *неокончательнаго*:

а) иногда перемѣною одной или двухъ буквъ на концѣ: прослав-*ля*-ть—прослав-*и*-ть, встав-*ля*-ть—встав-*и*-ть.

б) иногда выпускомъ одной или двухъ буквъ: да-*ва*-ть—дать, пос-*ы*-лать—послать.

в) но чаще всего предлогами: сдѣлать, *по*бранить.

3) *Многократный* выражаетъ дѣйствіе или давно бывшее, или много разъ совершавшееся, по большей части онъ оканчивается на *вать*, но иногда имѣетъ и обыкновенное окончаніе: дѣлы*вать*, читы*вать*, *слыхать*, *бирать*, *видать*.

4) *Однократный*, противоположенъ *Многократному* и выражаетъ дѣйствіе вполнѣ совершившееся и притомъ однажды и скоро произведенное, почти всегда оканчивается на *нуть*: *стукнуть*, *плюнуть*.

Изъ сего видно, что наши грамматики въ одинъ образчикъ спряженія упрятывали по нѣскольку глаголовъ, и оттого у нихъ такое множество временъ. Возьмемъ, для примѣра, глаголъ *толкать*: наст *толкаю*, прош. неоп. (imperfectum) *толкалъ*; пр. сов. (perfectum) *столкалъ*; пр. одн. *толкнулъ;* пр. сов. одн. *столкнулъ*; многокр. *талкивалъ*; многокр. сов. *сталкивалъ*; буд. *буду толкать*; буд. сов. *столкаю*; буд. одн. *толкну*; буду сов. одн. *столкну*. Здѣсь *одиннадцать* временъ, т. е. здѣсь въ одномъ спряженіи заключено цѣлыхъ *шесть* глаголовъ: *толкать*, *столкать*, *толкнуть*, *столкнуть*, *талкивать*, *сталкивать*.

Я уже сказалъ что *временъ* въ Русскихъ *Глаголахъ* должно быть только три. Глаголы видовъ *неокончательнаго* и *многократнаго* имѣютъ всѣ три времени, ихъ *будущее* составляется изъ *будущаго* времени вспомогательнаго глагола *быть* и *неопредѣленнаго наклоненія* спрягаемаго глагола. Глаголы же видовъ *совершеннаго однократнаго* имѣютъ только два времени: *будущее* и *прошедшее*; ибо *настоящаго* времени нѣтъ въ природѣ, когда дѣло идетъ о дѣйствіи вполнѣ совершившемся; посему же самому у нихъ нѣтъ и настоящаго причастія, дѣйствительнаго и страдательнаго, и настоящаго дѣепричастія. Вотъ о числѣ временъ; теперь о числѣ спряженій.

Очевидно, что нѣтъ ничего легче, какъ приложить къ сей системѣ глаголовъ раздѣленіе спряженій по второму лицу един. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Прошедшее время у насъ просто, и, измѣняясь въ родахъ, не измѣняется въ лицахъ: слѣд. вся разница въ *настоящемъ* времени глаголовъ вида *неокончательнаго* и *многократнаго*, и *будущемъ* глаголовъ вида *совершеннаго* и *однократнаго*. Посему Русскія спряженія можно безъ всякихъ исключеній раздѣлить на два; первое на *ешь*, второе *ишь*.

Первое спр.	Второе спр.
ешь,	*ишь*,
етъ,	*итъ*,
емъ,	*имъ*,
ете,	*ите*,
утъ или *ютъ*.	*атъ* или *ятъ*.

Чтобы уяснить еще болѣе эту систему, вотъ вамъ *первообразныя* формы глаголовъ, или то, что Французы называютъ *les tems primitifs*. Ихъ *три*:

I) *Неопредѣленное наклоненіе*, отъ коего

а) чрезъ перемѣну *ть* на *лъ, ла, ло, ли,* происходитъ прошедшее время глаголовъ всѣхъ залоговъ, кромѣ страдательнаго: и всѣхъ видовъ: дѣла-*ть*, дѣла-*лъ*, дѣли-*ть*, дѣли-*лъ*.

б) чрезъ перемѣну *ть* на *вшій*, причастія прошедшаго времени глаголовъ всѣхъ видовъ и залоговъ, кромѣ страдательнаго: говори-*ть*, говори-*вшій*, стоя-*ть*, стоя-*вшій*.

в) чрезъ перемѣну *ть* на *вши* и *въ*, дѣепричастіе прошедшаго времени: дуну-*ть*, дуну-*вши*, дуну-*въ*.

г) чрезъ перемѣну *ть* на *нный*, страдательное причастіе прошедшаго времени: посла-*ть*, посла-*нный*; въ глаголахъ, оканчивающихся на *ить*, буква *и* переходитъ въ *е*: люб-*и-ть*—люб-*ле-нный*, стро-*и-ть*, стро-*е-нный*.

II) *Первое лице ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія, отъ коего*

д) чрезъ перемѣну буквы ъ на *ый* происходитъ страдательное причастіе настоящаго времени: дѣлае-м-ъ – дѣлаем-*ый*, дѣлим-ъ – дѣлим-*ый*.

III) *Третіе лице ед. ч наст. вр. изъяв. наклоненія, отъ коего*

е) чрезъ перемѣну *тъ* на *щій*, происходитъ причастіе настоящаго времени глаголовъ всѣхъ залоговъ, кромѣ страдательнаго: читаю-*тъ* — читаю-*щій*, крася-*тъ* — крася-*щій*. Слѣд. наст. причастія глаголовъ перваго спряженія оканчивается на *ущій* или *ющій*, а втораго на *ащій* или *ящій*.

И такъ, подъ эти правила не подходятъ только первое лице и дѣепричастіе наст. времени, да повелительное наклоненіе, въ разсужденіи котораго можно замѣтить только то, что оно сходно съ первымъ лицемъ наст. времени: если сіе оканчивается на *у* или *ю* съ предыдущею гласною, то повелительное наклоненіе оканчивается на *й* съ предыдущею гласною; если же первое лице предъ *у* или *ю* не имѣетъ гласной, то на *и* и *ь*. Впрочемъ, это можетъ затруднить только иностранца, а не Русскаго.

Все прочее такъ ясно, просто и удовлетворительно, что не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эта система равно легка для Русскихъ и иностранцевъ. Для большаго же облегченія послѣднихъ надобно въ словаряхъ отмѣчать при глаголахъ второе лице наст. вр., видъ и первое лице.

Возвращаюсь къ Грамматикѣ *Калайдовича*. Послушайте, какъ онъ раздѣляетъ формы глаголовъ.

1. „*Будущее неопредѣленное время*, т.-е. не опредѣляющее ни начала, ни конца дѣйствія: *буду садить*“. Положимъ такъ!

2. „*Прошедшеее несовершившееся*, которое означаетъ, что дѣйствіе должно было совершиться, но по какому-либо случаю прервалось и не совершилось. Оно дѣлается чрезъ приложеніе слова бытія *было*, превратившаго въ союзъ, къ прошедшему времени глаголовъ современнаго (?) неопредѣлительнаго вида, но чаще современнаго же опредѣлительнаго, на пр: я *было попалъ* въ бѣду“.

3. „*Предварительныя времена* дѣлаются чрезъ приложеніе слова бытія *бывало*: лишь только соловей *бывало* запоетъ“. Часъ отъ часу не легче! Предварительное время! *Passé anterieur*! Не понимаю, какъ можно смѣшивать фразы и идіомы языка съ формами глаголовъ?

4. „*Уступительныя времена: пусть я сказалъ, пусть шумитъ буря*“. Еще милѣе!

5. „*Желательное наклоненіе: да научусь творить угодное тебѣ*“.

6. „*Подтвердительное желательное: читайже, читайтежъ*“. Посему *lisez-donc* есть подтвердительное желательное наклоненіе?

7. „*Смягчительное желательное: скажи-ка, пойдем-ка*“. Чудеса, да и только!

8. „*Предположительное наклоненіе: я бы сказалъ*“.

Не ужели все это стоитъ опроверженія? Не ужели читатели еще не убѣдились, что Г. *Калайдовичъ* силится прикрыть такими нововведеніями пустоту и ничтожность своей книжки? Что должно сказать объ этомъ?

Заключаю: Грамматика языка Русскаго Г. *Калайдовича* ровно ничего не прибавила къ нашей ученой литературѣ, ни на шагъ не подвинула впередъ теоріи отечественнаго языка, и не только не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ Грамматикою Г. *Востокова*, но даже гораздо ниже Грамматики Г. *Греча*, и весьма недалеко ушла отъ тѣхъ Грамматикъ, которыя мы считаемъ дюжинами.

—онъ—инскій.

***42. Сильвестръ де Саси (Silvestre de Sacy). Основы грамматики для дѣтей** [5]).

Переводъ съ фр.

См. въ примѣчаніяхъ № 5.

43. Повѣсти Безумнаго. Москва, въ типографіи Степанова, 1834. (8). 202 [6]).

Какъ пріятно, послѣ зимняго холода, появленіе весенняго солнца, роскошно изливающаго свою плодородную и зиждительную силу, животворящаго огнемъ своихъ лучей все прекрасное Божіе созданіе! Не есть ли оно символъ вѣчнотворящей любви Предвѣчнаго! Какая

кипучая жизнь заступаетъ мѣсто всеобщей смерти, когда цѣлое твореніе проникается пламенемъ любви и миріады новыхъ существъ вызываются изъ праха ничтожества!.. Не сходенъ ли съ этимъ солнцемъ и Геній? Не есть ли и онъ символъ творящей силы Всемогущаго? Не производитъ ли онъ также сонмы новыхъ созданій, сонмы новыхъ творителей?.. Но, увы! Какъ солнце, вмѣстѣ съ муравой и цвѣтами полей, вмѣстѣ съ златовидными мотыльками, вызываетъ и тмы эфемеровъ, тмы насѣкомыхъ и червей гадкихъ и отвратительныхъ, такъ и Геній, виновникъ созданій красоты и разума, бываетъ вмѣстѣ неумышленнымъ виновникомъ чадъ безобразія и нелѣпости. Не Иліада ли произвела Энеиду, Освобожденный Іерусалимъ и другія поэмы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не она ли была виною явленія Александроиды [7])? Почти такимъ же образомъ Юная Словесность произвела, общими силами всѣхъ своихъ представителей, *Барона Брамбеуса*, а одинъ изъ ея представителей, слишкомъ талантливый, если не рѣшительно геніальный, *Александръ Дюма*, произвелъ Повѣсти Безумнаго! Охъ, эта безпутная Юная Словесность! много творитъ она зла! По дѣломъ такъ бранитъ ее Библіотека для Чтенія!...

Наша литература, или, по крайней мѣрѣ, то, что называютъ нашею литературою, представляетъ самое плачевное зрѣлище. Сколько молодыхъ людей, которые моглибъ быть честными и добросовѣстными дѣйствователями для блага отечества на разныхъ ступеняхъ общественной жизни, предаются этой жалкой маніи авторства, которая дѣлаетъ ихъ предметомъ всеобщаго посмѣянія!.. Вмѣсто того, чтобы обогащать свой умъ познаніями и тѣмъ готовиться къ занятію какого-нибудь, сообразнаго съ ихъ талантами и склонностію, мѣста въ обществѣ, устремлять свою дѣятельность, благородные порывы своего сердца, избытокъ своихъ юныхъ силъ на святой подвигъ жизни и въ исполненіи своего долга находить свою высочайшую награду, они стремглавъ бросаются на эту презрѣнную арену, на этотъ литературный базаръ, гдѣ толчется и суетится жалкая посредственность, мѣлочное честолюбіе, и тѣшится дѣтскими побрякушками. Для пустаго призрака мгновенной извѣстности, они безразсудно разточаютъ свои юношескія силы, истощаютъ свою дѣятельность, становятся неспособными ни къ чему дѣльному и полезному; и что же изо всего этого выходитъ? Завѣса спадаетъ съ глазъ, похмѣлье проходитъ, остается головная боль, сердце пусто, самолюбіе глубоко уязвлено и горько страждетъ... А потомъ? Потомъ какъ водится, жалобы, проклятіе на жизнь, на судьбу, элегіи о развалинахъ разрушеннаго счастія, объ обманутыхъ надеждахъ, объ исчезнувшихъ призракахъ и пр. Знаете ли что? Эти плаксивыя

элегіи, надъ которыми у насъ столько смѣются, иногда заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ: сердце обливается кровью, когда подумать объ нихъ съ этой стороны! Да—горе тому отцу, который не высѣчетъ больно своего недоучившагося сына за его первые стихи, а всего пуще—за его первую повѣсть!..

Я хотѣлъ говорить о Повѣстяхъ Безумнаго, а занесъ Богъ вѣсть о чемъ. Посему считаю нужнымъ сдѣлать замѣчаніе для людей любящихъ примѣненія, что все сказанное мною они должны почитать чистою поэтическою фантазіею, не имѣющею никакого отношенія къ упомянутымъ повѣстямъ.

Что сказать объ этихъ Повѣстяхъ? Это ни больше ни меньше, какъ до крайности неудачная поддѣлка подъ тонъ повѣстей *Бальзака* и *Дюма*. Г. *Безумный* преуморительнымъ образомъ корчитъ изъ себя особенно *Дюма* и пребезбожно обкрадываетъ его. Такъ, на примѣръ, къ концу своей чудовищной повѣсти: Ктобы могъ ожидать этого? ни къ селу ни къ городу придѣлалъ окончаніе разказа *Дюма*: une Vengance, уже давнымъ давно переведеннаго [8]) въ Телескопѣ. Подобно *Дюма*, онъ создалъ, или, лучше сказать, *сварганилъ* себѣ апотеозъ прелюбодѣянія, и взявшись за изображеніе нравовъ нашего высшаго общества, сдѣлалъ изъ него родъ чего-то такого, чего не льзя и назвать печатно; на рѣдкой страницѣ его не найдете картинъ разврата, картинъ сладострастія, которыя такъ натянуты, что даже не возбуждаютъ ни обаянія, ни омерзѣнія; на нихъ можно смотрѣть, не боясь соблазна или тошноты. А слогъ? О! слогъ Г. *Безумнаго* есть верхъ совершенства! Въ этомъ случаѣ, онъ только въ одномъ *Баронѣ Брамбеусѣ* имѣетъ достойнаго себя соперника. Не угодно ли полюбоваться, на примѣръ, слѣдующими образчиками? „*Ей мнилось, что лица присутствующихъ сливались въ одно око упрека* (это выраженіе напечатано у него курсивомъ: знать хорошо!), *что всѣ голоса ихъ, заключенные въ одинъ ужасающій звукъ, оглашали ядовитымъ смѣхомъ отверженія* (ужасно!) *своды залы* (вотъ какъ!)“. Или: „*Время вѣчностію капало изъ столѣтія въ столѣтія* (ай! ай!)... *потъ крови, холодный какъ ледъ океана* (??)“ и пр. Или: „*Всякая буква этого имени оглушающими созвучіями* (??) *громила* (!!) *сердце страдалицы*“. Или: „*Избѣгать палящаго терзанія очей его*“. Или: „*Пламень еще дѣвственныхъ желаній, но уже заклейменныхъ своеволіемъ ничтожества и безчувственности*“... Но довольно: достаточно и сихъ выписокъ, сдѣланныхъ на удачу, чтобы убѣдить читателей, какого великаго писателя имѣемъ мы въ Г. *Безумномъ*.

Странное дѣло, какъ можно обманываться на счетъ своего призванія, не сознать своей бездарности въ наше время, когда законы и условія творчества болѣе или менѣе извѣстны, каждому хотя по

наслышкѣ? Когда всѣ хорошо понимаютъ, что какъ ни громка фраза, но если она не вырвалась мгновенно изъ души въ слѣдствіе глубокаго чувства, то она пошла и отвратительна, что всякій образъ безличенъ, когда авторъ не жилъ въ немъ всею своею жизнію, въ то время какъ творилъ его?.. Какъ, наконецъ, можно такъ безсовѣстно обирать великихъ писателей, и притомъ изъ сочиненій, уже переведенныхъ, и слѣдовательно, всѣмъ извѣстныхъ?.. Не ужели Г. *Безумный* думаетъ, что онъ можетъ, подобно *Шекспиру* и *Мольеру*, брать *свое*, или по крайней мѣрѣ, что почитаетъ *своимъ* [9]), гдѣ ни завидитъ?.. Чего добраго? вѣдь онъ Г. *Безумный*, а безумнымъ законъ не писанъ!..

—**онъ** — **инскій**.

44. Регентство Бирона. Повѣсть. Соч. *Константина Масальскаго*. С.-Петербургъ. Въ тип. К. Вингебера. 1834. 2 ч. I — 69, II — 165.

Графъ Обоянскій или Смоленскъ въ 1812 году. Разсказъ инвалида. Соч. *И. Коншина*. С.-Пбургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. 3 ч. I—280, II—233, III—253; съ эпиграфомъ:

Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.

Пѣв. въ Ст. Рус. Воиновъ.

Шигоны. Русская повѣсть XVI столѣтія. Съ точнымъ описаніемъ (??!!) житья-бытья Русскихъ бояръ, ихъ прибытія въ отчины, покорность (и?) женъ, пиры (овъ?) вельможей и наконецъ (слава Богу!) Царская вечеринка (ой? ки?). Мимоходомъ замѣчены (??!!) монахи того времени, ихъ поклонницы; не забыты (благодаримъ покорно!) и истинно святые мужи, какъ-то старцы: Семіонъ Курбскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ, въ достовѣрную эпоху вторичнаго брака Царя Василія Іоанновича. Выбрано изъ рукописей *издательницею Супругъ Владиміра*. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1834. 223 [10]).

Знаете ли, какая въ нашей литературѣ самая трудная и самая легкая вещь? Это писать рецензіи на художественныя произведенія нашихъ дюжинныхъ литературныхъ производителей. Трудная, потому что о каждомъ новомъ издѣліи такого рода надо говорить *idem per idem*, или, по Русски: *про одни дрожжи твердитъ трожди*; легкая потому, что можно бить ихъ гуртами съ одного маху, съ одного плеча. Наставьте въ заглавіи вашей библіографической статейки дюжину романовъ или драмъ, и, благословясь, катайте всѣхъ безъ разбору.

Многіе порицаютъ съ негодованіемъ рѣзкость въ литературныхъ сужденіяхъ и почитаютъ ее уголовнымъ преступленіемъ противъ законовъ общежитія и вѣжливости. „Развѣ, говорятъ они, вы образу-

мите этимъ какого-нибудь пустоголоваго рифмача, или дюжиннаго романиста? Какая же польза отъ вашихъ бранчивыхъ выходокъ?“ Но, милостивые государи, развѣ это не польза, если какой-нибудь степной помѣщикъ, прочтя мою рецензію, не купитъ глупой книги, въ ней освистанной, а назначенныя на нее деньги употребитъ на покупку какого-нибудь дѣльнаго сочиненія! При томъ, если оцѣниваемая книга есть первое произведеніе юноши, обольщеннаго ложнымъ призракомъ славы или угорѣвшаго отъ пріятельскихъ похвалъ и высокаго мнѣнія о своихъ дарованіяхъ, то развѣ не можетъ случиться, что откровенный отзывъ откроетъ ему глаза и обратитъ его дѣятельность къ ученію или занятію какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ? На сильныя болѣзни нужны и сильныя лѣкарства. Щадить посредственность, бездарность, невѣжество или барышничество въ литературѣ, значитъ способствовать къ ихъ усиленію. Вы скажете: но какое зло дѣлаютъ эти невинныя чада бездѣлья или безталанности? О, большое! увѣряю васъ. Во первыхъ они выманиваютъ деньги у добродушныхъ покупателей, и тѣмъ препятствуютъ разходу хорошихъ книгъ, которыя моглибы способствовать или къ распространенію въ обществѣ полезныхъ свѣдѣній или къ развитію чувства изящнаго; потомъ онѣ портятъ вкусъ у людей, жадныхъ до чтенія, но лишенныхъ образованности; наконецъ, каждое изъ сихъ сочиненій раждаетъ нѣсколько другихъ; слѣдовательно, онѣ причиняютъ зло положительное и зло большое, ибо препятствуютъ распространенію просвѣщенія. На Западѣ Европы такого рода книжныя издѣлія не могутъ причинять большаго вреда: тамъ всякій классъ людей, не исключая ни земледѣльцевъ, ни поденьщиковъ, можетъ найти для себя отличныя произведенія, слѣд. не имѣетъ нужды покупать безъ разбора всякую дрянь. Но у насъ: другое дѣло; и потому просимъ покорно не погнѣваться.

Другіе говорятъ еще: „для чего вы только бранитесь, а не доказываете?“ Но, милостивые государи, развѣ можно съ слѣпыми разсуждать о цвѣтахъ, а съ глухими о музыкѣ? Развѣ можно говорить гг. *Сиговымъ*, *Кузмичевымъ* и подобнымъ имъ о законахъ творчества, объ условіяхъ искусства. Разбирать съ доказательствами можно книгу, въ которой при недостаткахъ есть и достоинства.

Вотъ скажу вамъ, напримѣръ, о г. *Масальскомъ*: онъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу пошлыхъ бумагомарателей и безграмотныхъ писакъ; онъ человѣкъ умный, образованный, знаетъ, какъ слышно, много языковъ [11]) и даже до того ученъ, что уличаетъ въ матеріализмѣ, развратѣ и безбожіи Нѣмецкихъ философовъ XIX вѣка [1]), хотя и

---

[1]) Зри Библіотеку для Чтенія томъ VII, стран. 173, въ отдѣленіи Прозы.

плохо разумѣетъ ихъ. Но все это не мѣшаетъ ему быть бездарнымъ писателемъ; ибо умъ, образованность, знанія и даже способность сильно чувствовать, совсѣмъ не одно и тоже съ способностью творить. Прочтите любой его романъ; вы не найдете въ немъ ни одной грамматической погрѣшности, ни одного неуклюжаго выраженія, ни одной безсмыслицы; все гладко, умно и прилично. Но за то не найдете и ни одной оригинальной мысли, ни одного сильнаго чувства, ни одной занимательной картины: все такъ обыкновенно, старо, вяло, приторно. Сколько разъ твердили ему это въ журналахъ, и однакожъ онъ продолжаетъ пописывать, и, кажется, еще долго не перестанетъ. Что жъ тутъ прикажете дѣлать? Говорить комплименты, вѣжливости, повторять общія мѣста; предоставляемъ подвизаться другимъ на этомъ похвальномъ поприщѣ.

Регентство Бирона! Понимаете ли вы, что это за эпоха въ нашей исторіи и что можетъ изъ ней сдѣлать истинный талантъ? [1]) Чтожъ сдѣлалъ изъ ней Г. *Масальскій*? Написалъ скучную, вялую сказку, въ которой не видно ни *Бирона*, ни тогдашней Россіи, ни тогдашнихъ людей; ибо его *Биронъ*, его люди образы безъ лицъ; перемѣните имъ имена и перенесите ихъ въ какую вамъ угодно эпоху; все будетъ хорошо и ладно.

Что сказать о Графѣ Обоянскомъ? Судя по эпиграфу, вы подумаете, что тутъ дѣло идетъ о знаменитой войнѣ 1812 года и герояхъ, увѣковѣчившихъ въ ней имена свои? Ни чуть не бывало: это *Дюкредюменилевскій* романъ съ *Вальтеръ-Скоттовскими* приправами. Въ немъ нѣтъ ни слога, ни мыслей, ни созданія, ни характеровъ, ни занимательности; словно гора съ плечъ сваливается у васъ, когда вы дочитываетесь до отраднаго слова: *конецъ*. Тутъ вамъ по неволѣ придутъ на память сіи остроумные стихи:

Всю проповѣдь отца Тарасія хоть кинь;
Одно понравилось мнѣ слово въ ней: аминь!

Жаль, очень жаль; ибо, какъ ни плохо произведеніе г. *Коншина* [12]), а все видно, что онъ могъ бы сдѣлать лучшее употребленіе изъ своихъ дарованій.

Хотите ли вы знать, что такое Шигоны, т.-е. что въ нихъ обрѣтается? Прочтите заглавіе этого романа: въ немъ со всею подробностію, хотя и безъ грамматики, высказано все его содержаніе. Впрочемъ это произведеніе, не смотря на ученическія погрѣшности противъ языка, все-таки лучше обоихъ вышеупомянутыхъ. Жаль только, что въ немъ нѣтъ ни крошки XVI вѣка; ибо глупости вздорной и сумасшедшей бабы и дворскія сплетни еще не выражаютъ жизни

[1]) Этотъ долгъ теперь за г. *Лажечниковымъ*.

Русскаго народа въ царствованіе сына Іоанна III. Надобно также замѣтить, что авторъ въ иныхъ мѣстахъ, кажется, жестоко погрѣшаетъ противъ исторической истины, искажаетъ нравы и обычаи избранной имъ эпохи. Вообще должно сказать, что этотъ романъ былъ бы гораздо лучше, если бы его заглавіе было поскромнѣе. Подобное шарлатанство и самохвальство не только не располагаетъ образованнаго читателя къ сочиненію, но рѣшительно предубѣждаетъ противъ него. Кто мало обѣщаетъ, отъ того не много и требуютъ. Но когда вы обѣщаете много, а исполните мало, то пеняйте на самихъ себя, а не на публику и рецензента.

—онъ—инскій.

* **45. Домовой или любовь стараго подъячаго.** Сочиненіе *Александра П — л — ва.* М. Въ т. Пономарева. 1834. 2 Ч. I — 52, II—68. (8) [13]).

Вотъ еще одно изъ твореній школы Гг. *Сигова*, *Кузмичева* и *Орлова*, напечатанное въ типографіи *Г. Пономарева*, на оберточной бумагѣ, съ грамматическими и типографическими ошибками. Вѣрно, этотъ крохотный романчикъ былъ заказанъ какимъ нибудь досужнымъ нашимъ *Лявока* [14]) къ празднику Рождества Христова за десять рублей. Какіе быстрые успѣхи оказываетъ у насъ этого рода промышленность, въ какую строгую систему приведена она! Всмотритесь въ ея заглавіе: *сочиненіе Александра П — л — ва.* Если вы не поймете, въ чемъ тутъ дѣло, то вы самый недогадливый человѣкъ [15]). У насъ уже появились Русскія Повѣсти и Разсказы точно въ такой оберткѣ и точно съ такими наружными принадлежностями въ типографическомъ отношеніи, какъ и Русскія Повѣсти и Разсказы Г. *Марлинскаго*. Не ужели такого рода штучки удаются нашимъ *Лявока*, предсѣдательствующимъ въ трибуналѣ толкучаго рынка? Неужели они еще находятъ такихъ простачковъ между покупателями? Почемужъ и не такъ? *На ловца звѣрь бѣжитъ*, гласитъ мудрая Русская пословица.

(— ъ — й).

* **46. Веррексъ.** Соч. *М — съ Чарльсъ-Горъ.* Пер. съ Англійскаго *П. Др . . . . ъ.* С. Петербургъ, въ т. Конрада Вингебера. 1834. 49. (8) [16]).

Довольно посредственное произведеніе, и весьма хорошо переведено. Непонятно, какъ г. переводчикъ, знакомый съ Англійскимъ языкомъ и хорошо владѣющій своимъ отечественнымъ, не могъ найдти въ такой литературѣ, какова Англійская, книги позанимательнѣе и понужнѣе для насъ Русскихъ, чѣмъ скучный этотъ Веррексъ.

(— ъ — й.)

* **47. Изгнанникъ.** Историческій романъ изъ смутныхъ временъ Богеміи, въ продолженіи тридцатилѣтней войны. Сочиненіе *Богемуса*. Перев. съ Нѣмецкаго *В*.....ъ. С. Петербургъ, въ т. Вдовы Плюшаръ съ сыномъ, 1834. Три части. I — VII, 239; II — 219; III — 231. (8) [17]).

Неизвѣстный переводчикъ сего романа жалуется въ своемъ предисловіи, что *„въ послѣдніе годы почти исключительно удостоивались* (?) *перевода на Русскій языкъ Французскіе романы, Нѣмецкіе же сочиненія сего рода какъ бы вовсе не существовали*“, не смотря на то, что *„въ Германіи столько есть и ежегодно вновь* (?) *является отличныхъ беллетристовъ* (??), *коихъ геніальныя сочиненія не извѣстны въ Русской Словесности*“, и объявляетъ что, въ слѣдствіе сего онъ предпринялъ благое намѣреніе *„ознакомить благосклонныхъ* [1]) *читателей съ нѣкоторыми, заслужившими славу, современными писателями Германіи, и на тщательные переводы по одному изъ лучшихъ ихъ сочиненій посвятить часы своего досуга*“. Это объявленіе или обѣщаніе, не смотря на дѣтскій способъ выраженія и до крайности неправильную разстановку знаковъ препинанія, должно обрадовать всѣхъ истинныхъ любителей изящнаго, особенно незнакомыхъ съ Нѣмецкимъ языкомъ, и рецензентъ, съ своей стороны, отъ всей души благодаритъ неизвѣстнаго переводчика за прекрасное предпріятіе и желаетъ ему полнаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ вообще слишкомъ мало дорожатъ славою переводчика. А мнѣ кажется, что теперь-то именно и должна бы въ нашей литературѣ быть эпоха переводовъ или, лучше сказать, теперь вся наша литературная дѣятельность должна обратиться исключительно на одни переводы какъ ученыхъ, такъ и художественныхъ произведеній. Теперь курсъ на *Россійскія* издѣлія чрезвычайно понизился; публика требуетъ дѣльнаго и изящнаго, и, не находя на отечественномъ языкѣ ни того ни другаго, [2]) по неволѣ читаетъ одно иностранное. Новыя погудки на старый ладъ надоѣли всѣмъ пуще горькой рѣдьки; авторитеты обанкрутились и потеряли свой кредитъ; очарованіе именъ исчезло; словомъ, наше общество требуетъ уже не мыльныхъ пузырей, а дѣльнаго чтенія. Оригинальное уже не удовлетворяетъ его, ибо оно видимо обгоняетъ въ образованіи тѣхъ корифеевъ, которымъ бывало поклонялось. Посему надобно пользоваться подобнымъ направленіемъ общества и удовлетворять по возможности его требованіямъ. Для

---

[1]) Почему же именно *благосклонныхъ*, а не просвѣщенныхъ и образованныхъ читателей, или, по крайней мѣрѣ, не Русскую публику?

[2]) За весьма не многими исключеніями и то въ пользу ученой литературы разумѣю полезные и благородные труды Гг. *Устрялова*, *Сидонскаго* и нѣкоторыхъ другихъ, не смотря на всеобщее коммерческое направленіе, безкорыстно подвизающихся на пользу и славу отечества.

этого одно средство: знакомство съ Европейскими образцами въ искусствѣ, Европейскою ученостію и образованностію. У насъ только богатые люди, и притомъ живущіе въ столицахъ, могутъ пользоваться неизчерпаемыми сокровищами Европейскаго генія; но сколько есть людей, даже въ самыхъ столицахъ, а тѣмъ болѣе въ провинціяхъ, которые жаждутъ живой воды просвѣщенія, но по недостатку въ средствахъ, или по незнанію языковъ, не въ состояніи утолить своей благородной жажды! И такъ намъ надо больше переводовъ какъ собственно ученыхъ, такъ и художественныхъ произведеній. О пользѣ говорить нечего: она такъ очевидна, что никто не можетъ въ ней сомнѣваться; главная же польза послѣднихъ, кромѣ наслажденія *истинно* изящнымъ, состоитъ наиболѣе въ томъ, что онѣ служатъ къ развитію эстетическаго чувства, образованію вкуса и распространенію истинныхъ понятій объ изящномъ. Кто прочтетъ и пойметъ хотя одинъ романъ *Вальтера Скотта* или *Купера*, тотъ будетъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить какого нибудь *Димитрія Самозванца* [18]) или какую нибудь *Черную Женщину* [19]), ибо достоинство вещей всего вѣрнѣе познается и опредѣляется сравненіемъ. Да — *сравненіе* есть самая лучшая система и критика изящнаго. Сверхъ того переводы необходимы и для образованія нашего, еще неустановившагося, языка; только посредствомъ ихъ можно образовать изъ него такой органъ, на коемъ бы можно было разъигрывать всѣ неизчислимые и разнообразныя варіацiи человѣческой мысли.

И такъ — честь и слава г. переводчику *Изгнанника* за его прекрасное намѣреніе! Но *намѣреніе* и *исполненіе*, къ несчастію, не одно и тоже; и потому я хочу шепнуть ему на ушко нѣчто такое, о чемъ онъ, кажется, не думалъ, а именно: мало того, чтобы только *переводить*, надо знать: *что* и *какъ* переводить. Въ предисловіи своемъ онъ сказалъ, что рѣшился переводить сочиненія отличныхъ Германскихъ *беллетристовъ*, а между тѣмъ перевелъ намъ не только не отличное, но рѣшительно посредственное произведеніе. Ибо, что такое *Изгнанникъ Богемуса*? Ни больше, ни меньше, какъ довольно обыкновенный сколокъ съ романовъ *Вальтера Скотта*, а отнюдь не оригинальное и самобытное созданіе. *Богемусъ*, по крайней мѣрѣ въ своемъ *Изгнанникѣ*, шелъ по пути давно уже истертому и избитому; онъ хотѣлъ въ обветшалую раму любви двухъ лицъ вставить картину *Богеміи* во время *тридцатилѣтней войны*, и очень неудачно это выполнилъ. Вы не найдете въ его сочиненіи ни духа того времени, ни вѣрной картины тогдашняго быта, ни героевъ этой великой эпохи исторіи человѣчества. Правда, въ немъ появляется, мелькомъ, на минуту, и то только въ концѣ третьей части *Валленштейнъ*, но для романа не было бы ни малѣйшей потери, еслибы онъ совсѣмъ

не появлялся; правда, въ немъ вы видите *Графа Турна*, но вы ничего не потеряли бы, еслибы совсѣмъ его не видѣли; о *Густавѣ Адольфѣ* и другихъ персонажахъ великой драмы *тридцатилѣтней войны* нѣтъ и помину; да и дѣйствіе романа начинается почти съ того времени, какъ *Герцогъ Фридландскій* согласился на унизительныя просьбы *Фердинанда II* принять начальство надъ войскомъ. Только плутни и козни *Езуитовъ* изображены довольно занимательно. Характеровъ и положеній оригинальныхъ нѣтъ, почти все однѣ общія мѣста; словомъ, этотъ романъ даже и у насъ не былъ бы изъ первыхъ. И такъ г. переводчикъ сдѣлалъ очень неудачный выборъ пьесы для своего дебюта; вотъ первая и главная его ошибка. Чтобы заохотить публику къ произведеніямъ такой литературы, которая мало извѣстна, надобно выбирать творенія превосходныя и характеризующія духъ націи. *Историческій романъ* не Нѣмецкое дѣло. Романъ *философическій*, *фантастическій* — вотъ ихъ торжество. Нѣмецъ не представитъ вамъ, какъ Англичанинъ, человѣка въ отношеніи къ жизни народа, или какъ Французъ, въ отношеніи къ жизни общества; онъ анализируетъ его въ высочайшія мгновенія его бытія, изображаетъ его жизнь въ отношеніи къ высшей міровой жизни, и остается вѣренъ этому направленію даже и въ *историческомъ романѣ*. Таковъ онъ и въ другихъ родахъ поэзіи: *Маркизъ Поза* не Испанецъ, *Максъ*, *Текла и Фаустъ* — не Нѣмцы, а *люди*.

Если г. переводчикъ, знакомый съ Нѣмецкимъ языкомъ, мало знакомъ съ современною Нѣмецкою литературою, то почемубъ ему было не посовѣтываться съ какимъ нибудь хорошимъ критическимъ сочиненіемъ о Нѣмецкой литературѣ, на примѣръ, хотя съ твореніемъ Іенскаго Профессора *Вольфа* о *Изящной Литературѣ Европы въ новѣйшее время*, отрывокъ изъ коего былъ помѣщенъ въ Телескопѣ за 1833 годъ, и, вмѣсто псевдонима *Богемуса*, познакомить Русскую публику съ *Тикомъ*, *Штефенсомъ*, *Шпиндлеромъ* и *многими* другими романистами, о коихъ *Вольфъ* отзывается съ отличною похвалою, и изъ коихъ намъ извѣстенъ только первый, и то почти по наслышкѣ?

Теперь не льзя не упрекнуть г. переводчика также и за совершенство его перевода, хотя онъ и *„надѣется, что вѣрно переложилъ съ природнаго языка на отечественный смыслъ и красоту подлинника“*. *Смыслъ* можетъ быть и вѣренъ, по крайней мѣрѣ въ его переводѣ нѣтъ нигдѣ безсмыслицъ, хотя и есть темнота и сбивчивость въ слогѣ, происходящая отъ неумѣнія или непривычки владѣть языкомъ; но что касается до *красоты* слога, то, если переводъ точно вѣренъ, значитъ ея нѣтъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, такъ какъ этотъ переводъ есть еще первый опытъ, то можно надѣяться, что

послѣдующіе будутъ удачнѣе. Какъ бы то ни было, но трудъ Г. *В.....а* заслуживаетъ полное вниманіе и уваженіе, сколько по прекрасному намѣренію переводчика, столько и по его безкорыстности, которая доказывается даже и неудачнымъ выборомъ подлинника, отъ коего нельзя было ожидать выгодъ.

(**—онъ —инскій**).

48. Посельщикъ. Сибирская повѣсть. Соч. *Н. Щ.* Автора Поѣздки въ Якутскъ. С. Петербургъ. Въ т. Конрада Вингебера. 1834. Изданіе А. и И. Лазаревыхъ. III. 151 [20]).

Съ нѣкотораго времени въ нашей литературѣ появился особенный родъ романовъ, которые пишутся съ какою нибудь предположенною полезною цѣлію; эти романы называются *нравоописательными*, *сатирическими*, *административными*, *историческими*, *политико-экономическими*, *учеными* и пр.; но мнѣ кажется, что ихъ всего лучше назвать *заказными*, ибо, подобно платью и сапогамъ, они работаются на всякую мѣрку, заранѣе снятую. Разумѣется въ издѣліяхъ сего рода *басня* или *содержаніе* ничего не значитъ, ибо служитъ только рамою, въ которую вставляются диссертаціи на разные ученые предметы. Эта *басня* или *содержаніе* во всѣхъ романахъ бываетъ одна и таже, независимо отъ народа и эпохи, къ которымъ она относится: какой нибудь чувствительный и великодушный шутъ, герой добродѣтели въ родѣ *Эраста Чертополохова*, ищетъ руки и сердца какой-нибудь *Дульцинеи*; имъ мѣшаютъ, ихъ разлучаютъ какіе нибудь злодѣи, какіе нибудь *изверги естества*, въ лицѣ корыстолюбиваго опекуна или жестокосердыхъ родителей; но наши герои не унываютъ, и послѣ многихъ разлукъ, неудачь и опасностей соединяются на вѣки и начинаютъ *жить да поживать да добра наживать*. Бѣдный читатель зѣваетъ, морщится, клянетъ сквозь слезы и глупаго любовника и приторную героиню, и негодяевъ разлучниковъ, которые, вопреки здравому смыслу и на зло вольному мученику, мѣшаютъ *веселымъ пиркомъ да и за свадебку*. Но не жалѣйте слишкомъ этого читателя; онъ не въ потерѣ: вѣнецъ есть награда добровольнаго мученичества. За свою скуку, за свою зѣвоту онъ избавляется отъ ужасной необходимости читать и изучать систематическія ученыя и учебныя книги, и лежа у себя на постелѣ, въ домашнемъ *дезабилье*, узнаетъ, на примѣръ, нѣкоторыя подробности *Стрѣлецкаго бунта* при Петрѣ Великомъ, узнаетъ что и въ *Камчаткѣ* бываетъ свое лѣто, узнаетъ, что *Пекинъ* главный городъ Китая, что *Алжиръ* въ Африкѣ, и тому подобныя истины. Нашъ вѣкъ — чудный вѣкъ: никогда удобства жизни и средства къ выполненію самыхъ дорогихъ желаній самыми дешевыми средствами не были такъ легки и доступны для всѣхъ

и каждаго. Скоро бѣдные перестанутъ завидовать богатымъ: вы абонируетесь у *Семена*, *Эльцнера*, *Глазунова* — и вотъ вамъ за какія нибудь полтораста, двѣсти рублей въ годъ всѣ сокровища Европейскаго и *Россійскаго* генія; вы жертвуете, въ продолженіи шести лѣтъ, въ разные сроки сто восемдесятъ рублей — и, не топча пороговъ Университетскихъ аудиторій, не добиваясь ученыхъ степеней, не ломая головы надъ Нѣмецкими и Французскими Грамматиками и Словарями, знаете все, что знаетъ какой-нибудь многоученый Профессоръ Нѣмецкаго Университета, и между прочими диковинками. знаете званіе, производство въ чины и лѣта жизни *Ломоносова* [21]); издается ученая книга: она вамъ необходима, но по своему объему дорога, не по вашему карману: не печальтесь: она выходитъ тетрадями (par livraisons), а эти тетради продаются по гривеннику, много по двугривенному; откажите себѣ въ удовольствіи проѣхать нѣсколько разъ на *Ванькѣ* — и книга ваша. Слава нашему вѣку! Но этимъ еще не все кончилось: промышленность пошла далѣе. Вы, можетъ быть, не знаете языковъ и потому не можете читать иностранныхъ произведеній; вы, можетъ быть, человѣкъ *дѣловой* — вамъ некогда читать и Русскихъ книгъ; вы, можетъ быть, немножко лѣнивы или имѣете антипатію къ скучнымъ нынѣшнимъ путешествіямъ, и ко всему, что отзывается тяжелою ученостію, а между тѣмъ не хотите отстать отъ вѣка и прослыть невѣждою: не отчаявайтесь — къ вашимъ услугамъ романы, о которыхъ я говорилъ выше сего. Легкое средство! прекрасное средство! Что вамъ угодно знать? Исторію, Географію, Статистику, Политическую Экономію, Философію, Физику, Химію? Вы все это будете знать — увѣряю васъ; только не лѣнитесь читать романовъ и повѣстей Гг. *Булгарина*, *Греча*, *Масальскаго*, *Калашникова*, *Барона Брамбеуса* и мн. др. Одному только не выучитесь вы изъ нихъ — *Математикѣ*. Охъ, эта проклятая Математика! сердитъ я на нее: какъ ни бьюсь, а не лѣзетъ въ голову [22])! Гг. Русскіе романисты! напишите Бога ради, математическій романчикъ; уроки математики нынѣ очень вздорожали: вашъ романъ скоро разойдется.

Но шутки въ сторону; скажу серьозно слова два объ этомъ странномъ явленіи. Кто виновникъ этого ложнаго рода романовъ, этого святотатственнаго искаженія искусства? *Вальтеръ Скоттъ*: по дѣломъ такъ нападаетъ на него почтеннѣйшій *Баронъ Брамбеусъ*. Да, въ этихъ чудовищныхъ романахъ виноватъ одинъ *Вальтеръ Скоттъ*, но не будемъ слишкомъ строги къ великому генію, къ славѣ и гордости нашего вѣка; ибо онъ виноватъ въ семъ преступленіи такъ же точно, какъ, на примѣръ, у насъ *Пушкинъ* виноватъ въ *Киргизскихъ* и другихъ *Плѣнникахъ* [23]), какъ *Крыловъ* виноватъ въ басняхъ *Маз-*

дорфа и Г. *Зилова*[24]), какъ комедія *Горе отъ Ума* виновата въ комедіи: *Смѣшны мнѣ люди*[25]) и пр.? Развѣ человѣкъ, вѣнецъ Божія созданія, хуже отъ того, что обезьяна имѣетъ съ нимъ какое-то отвратительное сходство и безпрестанно передражниваетъ его? Развѣ искусство менѣе божественный даръ отъ того, что глупость и бездарность смѣшиваетъ его съ ремесломъ? Развѣ художникъ менѣе сынъ неба отъ того, что цѣховые мастера выдаютъ себя за художниковъ?

Вальтеръ Скоттъ создалъ, изобрѣлъ, открылъ, или лучше сказать, *угадалъ эпопею* нашего времени — *Историческій Романъ*. По его слѣдамъ пустились многіе люди, ознаменованные печатію высокаго таланта и даже генія; но, не смотря на то, онъ остался *единственнымъ* въ семъ родѣ геніемъ. Есть люди, которые отъ души убѣждены, что *историческій романъ* есть родъ ложный, оскорбляющій достоинство и Искусства и Исторіи. Одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ ихъ состоитъ въ томъ, что романисты часто искажаютъ историческую истину; но понимаютъ ли эти люди, что такое историческая истина? Понимаютъ ли они, что въ высшемъ-то значеніи сего слова, она состоитъ не въ вѣрномъ изложеніи фактовъ, а въ вѣрномъ изображеніи развитія человѣческаго духа въ той или другой эпохѣ? Но кто уловилъ этотъ духъ? Развѣ изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ не выводятъ различныхъ результатовъ? Одинъ историкъ говоритъ то, другой другое, и между тѣмъ они оба подкрѣпляютъ свои противоположныя мнѣнія одними и тѣми же фактами. И кто рѣшитъ, который изъ нихъ правъ? Причина этому очевидна: здѣсь искусство совпадаетъ съ наукою; историкъ дѣлается художникомъ, и художникъ историкомъ. Какая цѣль историка? Уловить духъ изображаемаго имъ народа или изображаемаго имъ человѣчества въ какую нибудь эпоху его жизни, такимъ образомъ, чтобы въ его изображеніи видно было біеніе этой жизни, чтобы сквозь его разсказъ трепетала та живая идея, которую выразилъ собою народъ или человѣчество, въ ту или другую эпоху своего бытія[26]). Въ семъ смыслѣ, *Вальтеръ Скоттъ*, въ своемъ *Иваногое* и *Карлѣ Безразсудномъ*, есть историкъ въ полномъ и высшемъ значеніи сего слова, ибо онъ въ сихъ созданіяхъ своего громаднаго генія, начерталъ намъ живой идеалъ среднихъ вѣковъ. Прочтя эти два романа, вы не будете знать исторіи среднихъ вѣковъ, но будете знать сокровенную жизнь этой эпохи человѣчества; прочтя ихъ, вы будете въ исторіи и въ фактахъ искать повѣрки этого поэтическаго синтеза, и эти факты не будутъ для васъ мертвы. И это очень естественно: между идеалами и дѣйствительностію со всѣмъ нѣтъ такого неизмѣримаго пространства, какое обыкновенно предполагаютъ; ибо что такое вся вселенная, какъ не воплощенный идеалъ, созданный Всемогущимъ

художникомъ? Развѣ вы можете постигнуть ея жизнь однимъ умомъ? Умъ анализируетъ жизнь вселенной, ибо не можетъ охватить ее вдругъ: искусству предоставленно синтетическое представленіе ея жизни, ибо цѣль искусства есть предображать явленія жизни. Развѣ есть предѣлъ художественнаго творчества, развѣ не можетъ явиться такой художникъ, который въ одномъ созданіи выразитъ цѣлую и полную идею міровой жизни, а не одни ея частныя явленія? Говорятъ еще, что не должно мѣшать вымысловъ съ истиною? Но вѣдь — *гдѣ жизнь, тамъ и поэзія* — это аксіома [27]); а гдѣ же, какъ не въ человѣчествѣ наиболѣе проявляется всеобщая жизнь вселенной, и слѣдовательно, что́ же, какъ не человѣчество наиболѣе должно служить предметомъ поэтическаго вдохновенія, и потому, что́ же, какъ не исторія должна доставлять, если можно такъ выразиться, матеріалы для художественныхъ созданій?

Теперь, очень понятно, въ чемъ состоитъ главное заблужденіе цѣховыхъ художниковъ, и въ чемъ заключается главный недостатокъ ихъ заказныхъ издѣлій. Они хотятъ знакомить насъ съ историческими подробностями какой нибудь эпохи, и неуклюже вставляютъ, или, лучше сказать, втискиваютъ ихъ въ пошлую и обветшалую раму любви двухъ лицъ. Жалкіе слѣпцы, они видятъ въ Исторіи человѣчества событія и подробности, нравы и обычаи, а не трепетаніе вѣчной идеи жизни человѣчества, и думаютъ, что они все сдѣлали, если вывели на сцену какое нибудь историческое лице, вложили ему въ уста нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ при жизни, если съумѣли избѣжать анахронизмовъ и довольно *вѣрно съ подлиннымъ* намалевать нѣсколько картинъ тогдашняго быта и въ примѣчаніяхъ или выноскахъ подтвердить ссылками на разныхъ авторовъ [1]) достовѣрность своихъ изображеній. И потому у нихъ вымыслъ съ истинною сливается, точно также, какъ масло съ водою, и потому ихъ произведеніе есть анатомическій препаратъ, а не живое созданіе. Бѣдняжки, они не знаютъ того, что и сама Исторія, при всей вѣрности представляемыхъ ею фактовъ, повѣренныхъ и очищенныхъ Критикою, жестоко грѣшитъ противъ исторической истины, если не выражаетъ идеи жизни народа; они не знаютъ, что *Вальтеръ-Скоттъ* потому такъ увлекателенъ, истиненъ и вѣренъ въ отношеніи къ исторической истинѣ, что выражаетъ духъ избранной имъ эпохи, и не гоняется за подробностями, и что, посему, ему никакого труда не стоило соблюдать мѣлочную вѣрность въ подробностяхъ.

Искусство есть представленіе явленій міровой жизни; эта жизнь проявляется не въ одномъ человѣчествѣ, но и въ природѣ; посему

---

[1]) На пр. на Г. *Успенскаго* и другихъ.

и явленія природы могутъ быть предметомъ романа. Но среди ея картинъ долженъ непремѣнно занимать какое нибудь мѣсто человѣкъ. Высочайшій образецъ въ семъ случаѣ *Куперъ*: его безбрежныя, безмолвныя и величественныя степи, лѣса, озера и рѣки Америки исполнены дыханія жизни; его дикія, въ соприкосновеніи съ бѣлыми, дивно гармонируютъ съ этою дѣвственною жизнію Американской природы. Вотъ другой поэтъ, который подобно *Вальтеру-Скотту*, породилъ своими геніяльными созданіями тысячи уродливыхъ чадъ бездарной подражательности. Сколько подобныхъ нелѣпостей въ одной нашей литературѣ! Но и здѣсь тоже ошибка: наши *Куперы* изображаютъ намъ не таинственную жизнь природы, вѣющую въ безмолвныхъ, современныхъ міру, лѣсахъ и степяхъ Сибири, но мѣстности Сибири. Подъ обольстительнымъ покровомъ поэзіи они хотятъ преподавать намъ скучные уроки Минералогіи, Зоогнозіи и Ботаники, Географіи и Топографіи.

Такъ врачь болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ;
Счастливецъ обольщенъ — пьетъ горькое цѣленье:
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ — ему спасенье!

Но увы! это *горькое цѣленье* хуже ревеню или рвотнаго порошка!..

О романѣ, заглавіе котораго съ дипломатическою точностію выписано передъ началомъ сей статейки, не льзя ничего сказать особеннаго, и потому я нарочно распространился о томъ родѣ литературныхъ явленій, къ которому онъ относится. Авторъ *Посельщика* говоритъ въ своемъ предисловіи: *Повѣсть сія написана въ* 1830 *году, во время пребыванія моего въ Сибири, какъ опытъ — выйдетъ ли что нибудь достойное чтенія изъ не тронутаго тогда еще нашими литераторами Сибирскаго быта*". Г. Н. Щ. сими не многими строками, обнаруживающими его понятія о творчествѣ, оцѣнилъ свое твореніе какъ не льзя лучше и избавилъ рецензента отъ скучнаго труда разбирать его. Хотя Г. Н. Щ. и даетъ намъ знать, что „*Сибиряки говорятъ о Г. Калашниковѣ, что онъ забылъ языкъ своей родины, гражданскій бытъ и ошибается противъ Географіи и Естественной Исторіи*", но оправдываетъ его тѣмъ, что *изъ рукъ человѣческихъ ничего совершеннаго не вышло*". Я же, съ своей стороны, скажу о Г. Н. Щ. что онъ не ошибается, по крайней мѣрѣ, противъ Географіи и Естественной Исторіи, ибо объ нихъ въ его романѣ нѣтъ и помину, да и вообще Сибирь въ немъ очень мало видна, ибо большая половина романическаго дѣйствія происходитъ въ Европейской Россіи, гдѣ герой романа разсказываетъ исторію своей жизни. О Сибири же собственно мы узнаемъ только то, что тамъ бываетъ очень холодно, что тамъ уходятъ съ заводовъ каторжные и рѣжутъ

глупыхъ мужиковъ, которые почитаютъ ихъ умѣющими заговаривать ружья; что Сибирь очень богата естественными произведеніями и т. п. Къ концу книги приложено объясненіе четырехъ словъ и трехъ Сибирскихъ фразъ. Чегожъ вамъ больше? Книжечка, ей Богу хороша — покупайте-съ!

(— **онъ — инскій**).

49. Въ тихомъ озерѣ черти водятся. Старая Русская Пословица въ лицахъ и въ одномъ дѣйствіи. *Ѳедора Кони.* Москва, въ т. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1834. 129 [28]).

Имя *Г. Кони* давно уже играетъ нѣкоторую роль въ нашей литературѣ, въ которой, по крайнему *безлюдью*, почти всѣ имена играютъ, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторую* роль. Впрочемъ, не льзя не отдать ему справедливости за его трудолюбіе на избранномъ имъ поприщѣ, на которомъ онъ, надо сказать правду, подвизается не безъ успѣха. Во всякомъ его произведеніи, или, справедливѣе, во всякой его *передѣлкѣ*, замѣтна способность, литературная образованность и драматическая замашка, замѣтно остроуміе, особенно въ водевильныхъ куплетахъ, словомъ, замѣтны, до нѣкоторой степени, многія качества, необходимыя для сочиненія миленькихъ и маленькихъ эфемеровъ, которые называются *водевилями*, которые родятся мгновенно и умираютъ разомъ, которыя нынѣ приводятъ въ восторгъ непостоянную толпу, а завтра забываются ею.

Не думайте, чтобы я хотѣлъ нападать на *водевиль* вообще; нѣтъ— сохрани меня Боже! Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы думать и вѣрить, что

Водевиль есть вещь, а прочее все гиль;

но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не думаю, чтобы *водевиль* былъ сущій вздоръ, дѣло отъ бездѣлья, незаконное чадо поэзіи! О, нѣтъ! И онъ можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, когда вѣрно изображаетъ характеръ *домашней* жизни того или другаго народа, со всѣми ея мѣлочами и странностями. *Водевиль* есть родъ, созданный Французами, понятный для Французовъ и прекрасный у Французовъ; это ихъ собственность, ихъ добро, ихъ достояніе, и онъ имѣетъ у нихъ глубокій смыслъ. Предоставляя *высшей драмѣ* [29]) живописать игру страстей, анализировать человѣка въ высочайшихъ мгновеніяхъ его бытія, въ сильнѣйшихъ изверженіяхъ внутренней полноты его жизни, въ замѣчательнѣйшихъ отношеніяхъ и соприкосновеніяхъ его индивидуальности съ обществомъ; или бичевать, подобно фуріи, падшаго, искаженнаго, утратившаго образъ и подобіе Божіе человѣка, въ его жалкой борьбѣ съ чувствомъ своего назначенія и обольщеніями эгоизма; предоставляя ей ругаться надъ обществомъ, которое столько времени

твердитъ ходячія истины о добрѣ и злѣ, и которое столько времени поступаетъ на перекоръ этимъ истинамъ—*водевиль* пародируетъ жизнь низшую, жизнь, такъ сказать, домашнюю, семейную, и человѣка и общества, подбираетъ крохи, падающія со стола *высшей драмы*. Онъ относится къ сей послѣдней точно также, какъ *эпиграмма* относится къ *сатирѣ*; онъ не хохочетъ яростно надъ жизнію, но строитъ ей рожи, не бичуетъ ее, а гримасничаетъ надъ нею; наконецъ, это ни больше, ни меньше, какъ экспромтъ на какой-нибудь житейскій случай. У насъ нѣтъ *водевиля*, какъ нѣтъ еще и кой-чего другаго многаго. Наши *водевили* суть *передѣлки* или *переломки* Французскихъ *водевилей*, другими словами, *водевили* на *водевили*, а не на жизнь; наше остроуміе выписное, выдохшееся на почтовой дорогѣ при пересылкѣ... Жаль: ибо, кажется мнѣ, наша Русская жизнь можетъ доставить истинному таланту неистощимый рудникъ матеріяловъ для *народнаго водевиля*, и, говорю, для одного только водевиля, больше ни для чего... [30]). Но чего нѣтъ, о томъ нечего и говорить!... А потому, какъ вамъ угодно, а труды Г. *Кони* достойны нѣкотораго вниманія и даже уваженія. Повторяю: онъ имѣетъ способности для *передѣлокъ* съ Французскаго этого рода литературныхъ эфемеровъ. Въ его: „Въ тихомъ озерѣ черти водятся", есть нѣчто такое, что можетъ васъ заставить если не прочесть, то выслушать эту піеску на театрѣ безъ скуки, даже не безъ удовольствія; въ ней есть нѣсколько забавныхъ положеній, *миленькихъ* куплетцовъ, исполненныхъ веселости... И такъ объ этомъ новомъ произведеніи Г. *Кони* нечего много говорить: оно какъ двѣ капли воды похоже на бывшія, сущія и будущія издѣлія, какъ его собственнаго пера, такъ и прочихъ нашихъ гг. водевилистовъ-передѣлывателей. Самая новая, самая диковинная вещица въ сей книжечкѣ есть предисловіе г. передѣлывателя, и объ немъ я хочу сказать слова два.

Г. *Кони* говоритъ: „*Комедія* (??) *должна быть зеркаломъ, но никогда вывѣскою порочнаго. Этой истинѣ научили меня и горькая участь Аристофана и неудачи первыхъ представителей Мольеровыхъ комедій*". Не понимаю: что̀ можетъ имѣть общаго Г. *Кони* съ *Аристофаномъ и Мольеромъ?* Одинъ жилъ такъ давно, а другаго ставятъ чуть-чуть не наровнѣ съ *Шекспиромъ!*

Въ заключеніе Г. *Кони* говоритъ: „*Знаю: піеса моя имѣетъ много недостатковъ и погрѣшностей; исправлять ихъ не могу и не хочу: пускай она явится передъ читателями въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ явилась въ первый разъ на подмосткахъ* (?) *театра, гдѣ пріобрѣла тотъ лестный успѣхъ, который я приписываю болѣе снисхожденію публики къ неусыпнымъ* (?!) *трудамъ моимъ для сцены, чѣмъ успѣхамъ слабаго моего таланта.*" Не понимаю: какъ можно намекать съ такою

наивностію о своихъ неусыпныхъ трудахъ на поприщѣ, столь легкомъ и столь *благодарномъ?*

— „М. г., говоритъ Испанскій нищій, протягивая руку къ проходящему, одолжите мнѣ на мѣсяцъ пять сотъ піастровъ.“ Проходящій подаетъ копейку, нищій беретъ ее и говоритъ съ гордостію: „Будьте увѣрены, м. г., что я ровно черезъ мѣсяцъ возвращу вамъ ваши пять сотъ піастровъ.“

О, бѣдная наша литература! о бѣдные наши авторитеты и авторитетики!!!...

(—**онъ—инскій.**)

* **50. Дворянскіе Выборы, характеристическая картина въ четырехъ главахъ.** Соч. *А.... Ч....* Москва, въ т. М. Пономарева. 1834. 2 Ч. (2) [31]).

Вотъ книжечка, состоящая изъ 27 страницъ, раздѣленная на 4 главы, написанная пренегодными стихами и напечатанная въ типографіи Г. *Пономарева!*

А мнѣ—живя въ тиши моей,
Имѣя слабый даръ поэта,
Пріятно въ тихій часъ ночей
Хоть строчку написать для свѣта!

Сими наивными стишками топорной работы заключаетъ г. авторъ свою *„характеристическую картину въ четырехъ главахъ.“* Не споримъ, г. авторъ, можетъ быть вамъ и въ самомъ дѣлѣ пріятно *писать строчки для свѣта*, да каково же этому свѣту отъ вашихъ строчекъ? О! Бога ради, пощадите его отъ нихъ!

(—**онъ—инскій.**)

51. Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ. Санкт-Петербургъ, печатано въ типографіи Х Гинце. 1834. XIII. 217. (8) [32]).

Всему свой чередъ, все подчинено неизмѣннымъ законамъ. За роскошною весною слѣдуетъ жаркое лѣто, а за нимъ унылая осень, а за сею холодная зима. Законы физическіе параллельны съ законами нравственными; юность человѣка есть прекрасная, роскошная весна, время дѣятельности и кипѣнія силъ; она бываетъ однажды въ жизни и болѣе не возвращается. Эпоха юности человѣка есть романъ, за коимъ начинается уже исторія: эта исторія всегда бываетъ скучна и уныла. Тоже самое представляется и въ дѣятельности художника: сколько огня, сколько чувства въ его произведеніяхъ! Послѣдующія бываютъ изящнѣе и выше, но за то и спокойнѣе; это спокойствіе называется зрѣлостію, возмужалостію таланта. Оно правда; но, горестная мысль! эта постепенная возвышенность генія

необходимо сопряжена съ постепеннымъ охлажденіемъ чувства. Найдите созданіе чудовищнѣе Разбойниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ найдите созданіе пламеннѣе этого перваго произведенія *Шиллера*. Воля ваша, а весна самое лучшее время года! Хорошо еще, если осень плодородна и обильна, если она озарена послѣдними прощальными лучами великолѣпнаго солнца; но что, когда она безплодна, грязна и туманна? А вѣдь это такъ часто случается! Вотъ, передо мною лежатъ Повѣсти, изданныя *Пушкинымъ*: не ужели *Пушкинымъ* же и написанныя? *Пушкинымъ*, творцемъ Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыганъ, Полтавы, Онѣгина и Бориса Годунова? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ не льзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать (conter); но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтетъ семья, собравшаяся въ скучный и длинный зимкій вечеръ у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ очи его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна—нѣтъ—послѣ нихъ можно задать лихую высыпку. Будь эти повѣсти первое произведеніе какого нибудь юноши—этотъ юноша обратилъ бы на себя вниманіе *нашей* публики; но, какъ произведеніе *Пушкина*... осень, осень, холодная, дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны, словомъ

. . . Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый вздоръ! [33]).

Странное дѣло — очарованіе именъ! Прочтите вы эту книгу, не зная кѣмъ она написана—и вы будете въ полномъ удовольствіи; но загляните на заглавіе — и ваше живое удовольствіе превратится въ горькое неудовольствіе. Будь поставлено на заглавіи этой книги имя Г. *Булгарина*, и я былъ бы готовъ подумать: ужъ и въ самомъ дѣлѣ *Ѳаддей Венедиктовичъ* не геній ли? Но *Пушкинъ*—воля ваша, грустно и подумать!

Эти повѣсти уже не новость. Въ нихъ новаго: препрославленная *Пиковая Дама*, по мнѣнію Библіотеки для Чтенія (въ которой она была помѣщена), превосходящая всѣ созданія чуднаго *Гофманова* генія, и два отрывка изъ Историческаго Романа: *Ассамблея при* Петрѣ Великомъ и *Обѣдъ у Русскаго Боярина*. Не помню, что касается до перваго, а послѣдній былъ напечатанъ давно въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ. Эти отрывки, особенно послѣдній, отличаются художественною занимательностію и возбуждаютъ живѣйшее желаніе прочесть весь романъ. Если этотъ романъ написанъ и будетъ изданъ вполнѣ, то Русскую публику можно будетъ поздравить съ

пріобрѣтеніемъ. Изъ повѣстей собственно, только первая: Выстрѣлъ, достойна имени *Пушкина* [34]).

(—онъ—инскій).

52. Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной Королевнѣ Ренцывенѣ. Печатано съ изданія 1829 года безъ исправленія. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1834. 172. (12) [35]).

Воп. Какія книги болѣе всего читаются, расходятся и печатаются на Руси?

Отв. Сочиненія *Матвѣя Комарова*, „*Жителя Москвы*", и творенія Гг. *Ѳ. В. Булгарина* и *А. А. Орлова* [36]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ NN Сѣверной Пчелы [37]) *Ѳ. В. Булгаринъ* учинилъ отчаянную вылазку противъ *Московскихъ* журналовъ, какъ бывшихъ, такъ и сущихъ. Онъ говоритъ, что въ Москвѣ не было и нѣтъ хорошихъ журналовъ. Мы избавляемъ читателей отъ выписки его подлинныхъ словъ; а представимъ только resumé его доказательствъ, которыя очень удобно привести въ форму двухъ слѣдующихъ силлогизмовъ:

Силлогизмъ I.

Предложеніе. *Мои сочиненія хороши.*

Посылка I. Что хорошо, то *читается*, *расходится* и *раскупается;* ergo

Conclusio. *Мои сочиненія хороши.*

Силлогизмъ II.

Предложеніе. Московскіе журналы ни куда не годятся.

Посылка I. Журналы, почему бы то ни было, не отдающіе справедливой похвалы хорошимъ сочиненіямъ, не могутъ быть хороши.

Посылка II. *Московскіе* журналы немилосердо издѣвались (дерзкіе!) надъ моими твореніями, которыя, въ слѣдствіе перваго силлогизма, превосходны; ergo

Conclusio. Московскіе журналы—дрянь.

Что *Ѳ. В. Булгаринъ* большой логикъ, объ этомъ нѣту спора; но судить *логически* и судить *истинно*, двѣ вещи разныя; по сему ни мало думая состязаться съ почтеннымъ авторомъ *Выжигиныхъ* на поприщѣ мышленія, я все-таки попытаюсь опровергнуть его силлогизмы силлогизмомъ моей собственной фабрики. Цѣль моего возраженія не та, чтобы убѣдить *Ѳаддея Венедиктовича* въ ложности его мнѣнія; нѣтъ, моя цѣль гораздо выше: польза науки (*Логики*) и польза публики. Людямъ мыслящимъ не должно скрывать новыхъ,

свѣтлыхъ и высокихъ истинъ; ибо это замедлило бы ходъ человѣчества на пути къ совершенству. И такъ приступаю.

Предложеніе. *Сочиненія А. А. Орлова безподобны.*

Посылка I. Все, что читается и раскупается, превосходно;

Посылка II. Сочиненія *А. А. Орлова* читаются и раскупаются; ergo

Conclusio. *Сочиненія А. А. Орлова безподобны.*

Не правда ли, что это аксіома? Почему же *Ѳ. В. Булгаринъ* медлитъ признать достоинства литературныхъ издѣлій своего знаменитаго и достойнаго соперника? Не ужели изъ *зависти?* Сохрани Богъ! Мы знаемъ, что *Сальери* завидовалъ *Моцарту*; но здѣсь *талантъ* завидовалъ *генію,* а *Ѳ. В. Булгаринъ* геній, и *А. А. Орловъ* геній, такъ зависти быть не должно; тѣмъ болѣе, что *геній* и *зависть* — не совмѣстныя свойства. Какъ бы то ни было, но, или *Ѳаддей Венедиктовичъ* долженъ признать высокое достоинство скромнаго *Александра Анфимовича,* или долженъ признать ложность своего перваго силлогизма, что *все то, что читается и раскупается, превосходно*, равно какъ и втораго силлогизма, который есть слѣдствіе перваго, что въ *Москвѣ не было и нѣтъ хорошихъ журналовъ.*

Не правда ли, что это аксіома?

Присовокуплю къ моему силлогизму, разумѣется для пользы нашей литературы и всего человѣчества, еще нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній. Повторяю: высокихъ и новыхъ истинъ (каковы: *должно уповать на Бога, любить добродѣтель, избѣгать порока* и пр.) не должно держать въ кулакѣ; если же онѣ были многократно повторены или въ дѣтскихъ прописяхъ или въ сочиненіяхъ *Ѳ. В. Булгарина*, то, для блага человѣчества, ихъ должно повторять какъ можно чаще.

Какая разница между *талантомъ* и *геніемъ?* Первый робокъ, второй смѣлъ, но эта смѣлость происходитъ отъ благороднаго сознанія въ своихъ силахъ. *Пушкина* читала и читаетъ съ восхищеніемъ вся Россія; однако онъ не только ни разу не объявлялъ о себѣ, что онъ хорошій поэтъ, но даже еще сознался печатно, что многіе изъ нападковъ его антагонистовъ были справедливы: явно, что *Пушкинъ* талантъ, а не геній. *Ѳ. В. Булгаринъ* неоднократно говорилъ о себѣ, что онъ знаменитый романистъ: явно, что *Ѳ. В. Булгаринъ* не *талантъ*, а *геній.* Только разъ онъ обмолвился, сказавъ что черезъ тысячу лѣтъ его имя не будетъ извѣстно, хотя сочиненія и будутъ продаваться на толкучихъ рынкахъ: но это ни чего не значитъ: скромность, какъ и хвастливость, есть удѣлъ генія. *Бюффонъ* говаривалъ: геніевъ три: „*Ньютонъ, Лейбницъ* и *я!*“ и *Бюффонъ* точно былъ геній; *Ѳ. В. Булгаринъ* тысячу разъ увѣрялъ, что его

романы превосходны, ибо потерпѣли не по одному тисненію: и ктожъ не повѣритъ ему въ этомъ? Собственное признаніе паче всякаго свидѣтельства.

А Францыль Венціанъ? Я и забылъ объ немъ, увлекшись *Г. Булгаринымъ*. Но что я скажу вамъ объ немъ? О произведеніяхъ такихъ авторовъ, каковы *Матвей Комаровъ*, „*Житель Москвы*", *Ѳ. В. Булгаринъ* и *А. А. Орловъ*, надо говорить *tout ou rien*; но для перваго у меня не достаетъ силъ, въ чемъ, какъ талантъ, а не геній, я сознаюсь откровенно; и потому умолкаю въ чувствѣ глубочайшаго удивленія и почтенія къ поименованнымъ мною авторамъ, съ каковымъ имѣю честь пребыть и пр.

(**—онъ—инскій**).

53. Краткое изложеніе главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ, неоспоримо утверждающихъ истину и божественное произхожденіе Христіанскаго Откровенія. Сочиненіе Епископа Лондонскаго *Портьюса*, Доктора Богословія. Переводъ съ шестнадцатаго изданія Англійскаго подлинника. С.-Петербургъ, въ типографіи Н. Греча. 1834. XXII. 183. (8) [38]).

Появленіе этой книги принадлежитъ къ числу тѣхъ предпріятій, которыя, при всей ихъ благонамѣренности, не приносятъ существенной пользы; ибо въ дѣлахъ добра мало одного усердія, нужно еще умѣнье. Цѣль этого сочиненія была, какъ видно изъ самаго ея заглавія, *доказать истину и божественное произхожденіе Христіанскаго откровенія.* Въ свое время подобное предпріятіе могло приносить свою пользу, ибо была несчастная пора, когда какое нибудь bon mot, какой нибудь пошлый каламбуръ убивалъ и религію, и истину, и плоды безкорыстнаго служенія знанію, и заслуженную репутацію человѣка. Это время уже кануло въ вѣчность; авторитетъ Вольтера и Энциклопедистовъ упалъ даже въ провинціяхъ; его признаютъ только развѣ какіе нибудь жалкіе развалины

Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма [39]).

Сверхъ того, подобныя книги только тогда могутъ быть полезны, когда содержащіяся въ нихъ истины изложены съ одушевленіемъ, съ теплотою чувства, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и подкрѣплены глубокою ученостію; ибо Христіанское ученіе основано на любви и разумѣ, и потому говоритъ сколько уму, столько и сердцу.

(**—онъ—инскій**).

54. Новое нелюбо не слушай, а лгать не мѣшай, или любопытные отрывки изъ жизни Мины Миныча Евстратенкова. N. I. Москва въ типографіи М. Пономарева. 1835. 32. (16).

— **Двѣ гробовыя жертвы. Разсказъ Касьяна Русскаго.** Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1834, 44. (12) [40]).

Въ нынѣшнее время любятъ дѣлить литературу на разные классы: такъ, на пр. бываетъ литература *классическая*, *романтическая* (миръ праху ихъ!), *юная*, *старая*, *неистовая*, *степенная*, и пр. и пр. Но этимъ не ограничились гг. классификаторы: они раздѣлили на множество отдѣловъ самые роды поэзіи, по главному элементу, составляющему ихъ внутренній характеръ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ солонѣе всего пришлосъ роману, этой альфѣ и омегѣ всѣхъ современныхъ литературъ. Есть романъ *историческій*, *сатирическій*, *нравоописательный*; есть романъ *сухопутный* и *морской* (школы *Купера* и *Евгенія Сю*); недостаетъ только *земноводнаго* романа; *подземный* же и притомъ *допотопный*, благодаря игривой фантазіи Барона *Брамбеуса* [41]), имѣется; словомъ, я долго бы не кончилъ, еслибы вздумалъ вычислять всѣ *роды* и *виды романа*, ибо классификація *романа*, по своей обширности, ничѣмъ не уступитъ классификаціи растеній или насѣкомыхъ.

Наша русская литература, равно какъ и Русской романъ, передѣлена нашими досужими классификаторами на безчисленное множество родовъ и видовъ. Я, нижеподписавшійся, кромѣ уже извѣстныхъ всѣмъ, открылъ еще новый родъ, или, лучше сказать, новую область въ нашей литературѣ. Прежде нежели объявлю во всеуслышаніе о моемъ открытіи, замѣчу мимоходомъ, что оно, по своей важности, стоитъ открытія Америки, и что, слѣдовательно, я заслуживаю безсмертіе наровнѣ съ *Колумбомъ*. Открытую мною область литературы надобно назвать *Пономаревскою*, ибо къ ней относятся только книги, печатаемыя въ типографіи Г. *Пономарева*. Всѣ эти книги отличаются однимъ, общимъ имъ, характеромъ, который состоитъ въ слѣдующихъ признакахъ:

а) Всѣ онѣ величиною не превышаютъ числа трехъ печатныхъ листовъ и никогда не бываютъ менѣе полулиста.

б) Всѣ онѣ пишутся и печатаются безъ всякаго соблюденія правилъ грамматики, т. е. исполнены ошибокъ противъ этимологіи, орѳографіи и синтаксиса до такой степени, что могутъ замѣнять всѣ какографическіе *экзерсисы* [42]) и пр.

в) Всѣ онѣ состоятъ въ явной враждѣ съ логикою и здравымъ смысломъ

г) Большая часть изъ нихъ печатается на оберточной бумагѣ.

Avis au lecteur. Чтобы избавить читателей отъ повторенія одного и того же, симъ имѣю честь объявить, что впредь я буду рецензировать книги, выходящія изъ типографіи Г. *Пономарева* сими краткими словами:

„*Творенiе*, по характеру, принадлежащее къ *Пономаревской* литературѣ, а по времени къ *Смирдинскому* перiоду [43]) Россiйской словесности".

(—**онъ —инскiй**).

*55. **Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчета.** Анекдотическая шутка, водевиль въ одномъ дѣйствiи, съ разнохарактернымъ дивертисманомъ, *Өедора Кони,* подражанiе Французскому. Москва, въ Типографiи Медико-Хирург. Академiи, 1834. 111. (12).

— **Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ.** Анекдотическiй водевиль въ одномъ дѣйствiи. Передѣланный съ Французскаго *Өедоромъ Кони*, Москва, въ Типографiи Н. Степанова. 1834, 100. (12) [44]).

Первая изъ сихъ пьесъ есть пошлый фарсъ не только безъ мысли, но даже и безъ смысла. Дѣйствiе происходитъ въ Америкѣ. Какой-то тутъ Французъ вздумалъ жениться на девяти женахъ; сначала его присудили-было къ висѣлицѣ, но потомъ велѣли въ наказанiе жить со всѣми девятью сожительницами, изъ коихъ одна *Голландка*, другая *Нѣмка*, третья *Русская*, четвертая *Француженка*, пятая *Италiянка*, шестая *Испанка*, седьмая *Шотландка*, восьмая *Швейцарка*, девятая *Турчанка*. Не смотря на такое различiе нацiональности, всѣ онѣ невѣжничаютъ и бранятся съ своимъ супругомъ на чистомъ Русскомъ языкѣ, съ Русскими народными пословицами, поговорками и прибаутками. Можете представить, каково бѣдному мужу отъ такого разнохарактернаго дивертисмана: однако повѣса не унялся: онъ вздумалъ жениться еще на *десятой* и, оставивъ *девять* первыхъ, уѣхать съ новой во Францiю. Но правосудное небо не допустило злодѣя насладиться плодами его новаго преступленiя: не успѣлъ онъ порядочно отдалиться отъ береговъ Мексики, какъ корабль взорвало на воздухъ отъ дѣйствiя грома и молнiи. Не правда ли, что это отнюдь не похоже на безпутную манеру неистовой словесности? О! Г. *Ө. Кони* нравственный писатель!..

Что касается до второй пьесы, то я очень жалѣю, что не былъ на представленiи оной; Г. *Щепкинъ*, вѣроятно, былъ безподобенъ въ ролѣ *Труфельяна*, Г. *Живокини* до крайности забавенъ въ ролѣ *Жана Коко*, а Гжа *Куликова* мила въ ролѣ *Генрiетты*. Въ этомъ водевилѣ есть все, что требуется отъ водевиля: и острота, и веселость и легкость, и игривость, забавныя положенiя и маленькiе куплетцы. Кромѣ того въ немъ есть *послѣсловiе*, въ которомъ г. *передѣлыватель* говоритъ довольно скромно о лестномъ отзывѣ публики, выраженномъ громкими рукоплесканiями и вызовомъ автора. И, надо сказать правду, это *послѣсловiе* забавнѣе всего водевиля; такъ и должно быть: *finis coronat opus!..*

(— **онъ — инскiй**).

56. Баронъ Брамбеусъ. Повѣсть *Павла Павленки.* Съ эпиграфомъ: C'est de l'histoire bourgeoise. Москва, въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1834. 55. (12) [45]).

Вотъ книга, заглавіе которой, вѣроятно, для всякаго покажется истиннымъ гіероглифомъ! Что это такое? Критика на сочиненія извѣстнаго *Барона Брамбеуса?* Или біографія сего знаменитаго мужа? Ни то ни другое, Гжа Почтеннѣйшая Публика! Васъ просто хотятъ морочить, надувать, изъ какихъ нибудь трехъ гривенниковъ. Это не критика, не біографія, не романъ, не драма, не ода, а просто на просто пошлое маранье, состоящее изъ 53 страницъ и относящееся, по времени появленія, къ *Смирдинскому* періоду *Россійской* словесности, а по внутреннему достоинству, къ *Пономаревской* литературѣ, хотя напечатано и не въ типографіи Г. *Пономарева.*

Кто такой авторъ этой вздорной книжонки? И какихъ ради причинъ появилась она на свѣтъ? И чего ради такъ обрадовалась ей Библіотека для Чтенія? Чего ради встрѣтила она ее съ распростертыми объятіями и разхвалила въ прахъ? Это загадка — не правда ли? Постараюсь дать вамъ, по возможности, удовлетворительныя объясненія на эти темные гіероглифы.

Кто такой авторъ этой книги?

Въ заглавіи стоитъ имя какого-то Г. *Павла Павленки.* Ктобы такой былъ этотъ Г. *Павелъ Павленко*? Это имя совершенно неизвѣстно и крайне затѣйливо: очевидно, что Г. *Павелъ Павленко* есть *псевдонимъ.* Теперь мода на *псевдонимство*; и такъ въ добрый часъ. Но какъ бы отгадать подлинное имя сочинителя Барона Брамбеуса? Не ужели, въ этомъ грѣхѣ виноватъ славный *А. А. Орловъ?* Нѣтъ, книженка до такой степени пошла, безсмыслена и безграмотна, что отъ нея, вѣроятно, и Гг. *Сиговъ* и *Кузмичевъ* отказались бы съ благороднымъ негодованіемъ. И такъ ктоже? По всему видно, что это неразгаданная тайна. Но что за дѣло до сочинителя?

Въ слѣдствіи какихъ причинъ появилась эта книжонка.

Помните ли вы, какъ въ нашей промышленной Москвѣ, тотчасъ послѣ появленія знаменитаго *Ивана Выжигина,* появилось посланіе *Сидора Пафнутьевича,* не помню къ кому-то посланіе посвященное почитателямъ *Ивана Выжигина*? Неизвѣстный авторъ онаго, соблазненный вещественнымъ успѣхомъ знаменитаго романа, хотѣлъ сдѣлать невинный оборотъ на счетъ славы его имени, и, сколько я помню, не ошибся въ своемъ разчетѣ: *книжечка разошлась.* Но Сѣверная Пчела тогда не поддалась ласкательству и встрѣтила посланіе довольно сердито [46]). Съ такою же цѣлію написанъ и Баронъ Брамбеусъ, но не такова его судьба. Не знаю, благополучно ли онъ, подъ щитомъ знаменитаго имени, разходится по рукамъ читающей публики;

знаю только, что Библіотека для Чтенія не послѣдовала примѣру Сѣверной Пчелы [47]). И чемужъ тутъ удивляться? Какъ ни сладостенъ ѳиміамъ дружескихъ похвалъ, но все пріятнѣе услышать похвалу вчужѣ, хотя бы эта похвала была сдѣлана и изъ корыстныхъ видовъ. Всѣ смертные подвержены слабостямъ, и у Барона Брамбеуса есть своя Ахиллесовская пятка, и притомъ такая нѣжная, что для ней довольно и булавки, не только стрѣлы.

Содержаніе Барона Брамбеуса совершенно въ духѣ Библіотеки для Чтенія. Какой-то дуралей помѣщикъ имѣетъ хорошенькую дочку, и хотя отъ роду ничего не читалъ и не смыслитъ въ литературѣ ни бельмеса, хочетъ во чтобы то ни стало отдать ее за литератора. Но у дочки свой вкусъ: она влюблена въ улана. Какъ тутъ быть? Уланъ рѣшается на ужасное самозванство: онъ является къ отцу подъ именемъ Барона Брамбеуса, и требуетъ руки его дочери. Отецъ внѣ себя отъ радости. Но уланъ, мучимый совѣстію, открывается отцу въ обманѣ. Отецъ бѣсится, да дѣлать нечего; слово дано, и уланъ женится — и конецъ исторіи. Все это расказано безъ всякаго остроумія, безъ всякой шутливости, безъ грамматики (охъ, эта проклятая грамматика—бѣда съ нею да только!) и часто на счетъ здраваго смысла. Можетъ быть, въ семъ послѣднемъ случаѣ, авторъ имѣлъ свою цѣль, ибо „*здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ*“, какъ уже теперь всѣмъ извѣстно [48]), давно не ладятъ другъ съ другомъ. *C'est de l'histoire bourgeoise* — гласитъ эпиграфъ: вотъ что правда, то правда!

(—онъ—инскій).

*57. **Пантеонъ дружбы на 1834 годъ.** Собранный *И. О—мъ*. Москва, въ Типографіи Н. Степанова, 1834. 348. (12) [49]).

Нѣкоторымъ жаркимъ патріотамъ до крайности непріятно, когда говорятъ, что у насъ не было и нѣтъ литературы. Да утѣшатся они: поименованная книга служитъ самымъ торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что у насъ, по крайней мѣрѣ, теперь, есть литература, и литература богатая. Да умолкнутъ дерзостные клеветники: эта книга изобличитъ и постыдитъ ихъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть у насъ, даже и въ настоящее время, богатой литературѣ? *Баронъ Брамбеусъ*, Гг. *Гречъ*, *Булгаринъ*, *Орловъ*, *Масальскій*, *Воейковъ*, *И. Щ.* (авторъ Посельщика и Ангарскихъ Пороговъ), *Калашниковъ*, *Ушаковъ*, и пр. и пр. Это все имена знаменитыя, ихъ авторитетъ крѣпокъ, какъ монументъ, воздвигнутый себѣ *Гораціемъ* и *Державинымъ*. А сколько еще именъ не извѣстныхъ, хотя и напечатанныхъ! Вотъ напримѣръ въ „Пантеонѣ Дружбы“, посмотрите-ко и порадуйтесь: *И. О—ъ*, *И. Ленскій*, *И.*, *М. Paul* (поэтъ весьма неутомимый и плодовитый), *Х. Сабуровъ*, *Я. Ѳедоровъ*, *Л. И. Со-*

болевъ, *Вортенъ*, *Баронъ Александръ Дельвигъ*, *А. П—въ*, *С—въ*, *Руфинъ Алексѣевъ*, *Т—въ!* Какое богатство именъ! Какое блистательное созвѣздіе талантовъ! Какая стачка геніевъ! Много, много диковинокъ въ этомъ Пантеонѣ Дружбы на 1834 годъ, собранномъ *И. О—мъ;* но всего чудеснѣе показались мнѣ двѣ вещи, прочитанныя въ немъ на удачу, а именно:

1. Слѣдующій длинно-*Брамбеусовскій* періодъ:

„*Верстахъ въ двухъ отъ Б...., находится помѣстье съ большимъ господскимъ домомъ, принадлежащее Госпожѣ З...., которая на старости лѣтъ своихъ съ сыномъ Николаемъ, отставнымъ Поручикомъ арміи, и племянницею лѣтъ около двадцати Настасьею Дмитріевною, получившею воспитаніе въ Полтавѣ отъ глубокоученнѣйшей Викторины Н., родомъ изъ Варшавы, поселилась безвыѣздно въ этомъ укромномъ, подгородномъ уголкѣ своего имѣнія, посѣщала иногда праздники, даваемые сосѣдями, болѣе для племянницы, чѣмъ изъ собственнаго желанія, и находя въ нихъ мало уже схожаго съ памятнымъ еще временемъ своей молодости, оставалась всегда ими недовольною, ворчала, называла бѣсовскими выдумками нынѣшнія веселости, а возвратившись съ балу, не пропускала вымѣстить на горничной свою досаду и съ гнѣвомъ отправлялась въ постель*“.

2) Слѣдующее замысловатое посвященіе:

„*Romance, Avec accompagnement de Piano paroles par Mr. Paul musique par M.*

Посвящается блистательной звѣздѣ
красавицѣ Э.... Х... Ф....“

Не знаю, какъ все это покажется вамъ, а по мнѣ, скажу откровенно, жалка та дружба, плодомъ коей бываютъ подобные *Пантеоны*.

(**— онъ — инскій**).

* **58. Подробныя свѣденія о Волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ И. Нефедьевымъ.** С. Петербургъ. Печатано въ Типографіи Карла Края. 1834 [50]).

Вотъ книга, появленіе которой должно радовать всякаго благомыслящаго читателя, сколько по ея внутреннему достоинству, столько и по рѣдкости подобныхъ книгъ въ нашей литературѣ. Г. *Нефедьевъ* описываетъ Калмыковъ во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, географическомъ, топографическомъ, политическомъ, религіозномъ; ни нравы, ни обычаи, ни повѣрья, и вообще ни нравственныя, ни физическія свойства описываемаго имъ народа не ускользнули отъ его наблюдательности. Въ 1832 и 1833 годахъ, онъ былъ откомандированъ, въ качествѣ чиновника, въ Калмыцкіе улусы, и по сему его описанія суть плодъ собственныхъ его наблюденій. Самая подробнѣйшая часть его книги есть *историческая*, а самая занима-

тельнѣйшая — изложеніе Калмыцкой космогоніи и вообще миѳологіи. Вся книга написана хорошимъ Русскимъ языкомъ, и вообще изложеніе отличается плавностію и пріятностію. Одно уже то, что Г. *Нефедьевъ* изложилъ свой предметъ не въ формѣ романа, какъ-то дѣлаютъ наши доморощенные *Куперы*, показываетъ въ немъ человѣка съ здравымъ смысломъ и понимающаго важность своего предмета. Его книга можетъ доставить пользу и удовольствіе и записному ученому, и простому любителю чтенія: тотъ и другой найдутъ въ ней для себя богатую сокровищницу фактовъ для важныхъ и любопытныхъ результатовъ. Благодаримъ Г. *Нефедьева* за его скромный и полезный трудъ. Дай Богъ, чтобы онъ какъ можно болѣе нашелъ себѣ подражателей, особенно между чиновниками, которые, по занимаемымъ ими мѣстамъ, имѣютъ средства доставить свѣденія, которыя съ такими трудами достаются частнымъ людямъ.

Вотъ содержаніе этой любопытной книги: *1) Свѣденія Географическія*; *II) Свѣденія Историческія*; *III) Число народа и раздѣленіе онаго на улусы и сословія*; *IV) Образъ жизни*; *V) Физическія свойства*; *VI) Пища и питье*; *VII) Одежда*; *VIII) Вѣроисповѣданіе: а) Исторія міра. б) Ученіе вѣры, в) праздники и обряды Богослуженія*; *IX) Нравы*; *X) Обычаи: а) рожденіе, имена, воспитаніе, б) сватовство и браки, в) погребеніе и поминки, г) народныя увеселенія, д) привѣтствія и знаки уваженія и любви*; *XI) Образованіе: а) языкъ и грамота, б) пѣніе, музыка, повѣсти и пословицы, в) врачи и способы врачеванія, г) счисленіе времени, д) счетъ и мѣра, е) искусства и ремесла*; *XII) Народное богатство*; *XIII) Повинности*; *XIV) Управленіе, судопроизводство и законы.* Сверхъ того, по мѣстамъ, приложены разныя статистическія таблицы; *карта Астраханской губерніи, съ показаніемъ землекочующихъ народовъ*, 1833 года: двѣ картины, представляющія: одна — Калмыцкое семейство (мужа, жену и ребенка), другая — внутренность *бурхани-орьгэ* (кибитки, посвященной молитвамъ), молящихся, *гемонговъ* (жрецовъ), ихъ инструменты и изображенія главнѣйшихъ *Бурхановъ* (второстепенныхъ добрыхъ и злыхъ божествъ); наконецъ ноты къ Калмыцкимъ пѣснямъ. Карта и картинки сдѣланы прекрасно. Изданіе вообще не только опрятно, но и красиво.

Чтобы дать нашимъ читателямъ какое-нибудь понятіе о изложеніи сей книги, и трудностяхъ, которыхъ стоили автору представленные въ ней наблюденія, выписываемъ изъ ней нѣсколько строкъ:

„Въ короткое время, испытавъ въ улусахъ всѣ невыгоды зимней кочевой жизни, прокоптѣвши дымомъ, какъ говорится, до послѣдней нитки, я терпѣлъ много между прочимъ и отъ неудобства заниматься письмоводствомъ, которое по несчастію было обширно. Сна-

чала я даже не постигалъ, какъ можно писать при жестокомъ морозѣ въ 25° и болѣе, когда не льзя ни на минуту обнажить рукъ, и когда чернила мгновенно замерзаютъ. Гдѣ взять столовъ и стульевъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ замѣнить оные? Но нужда научаетъ всему! Чернилицу обыкновенно приказывалъ я ставить близь пылающаго аргасука въ чашку съ горячею водою, и разогрѣвая чернила писалъ лежа возлѣ огня на коврѣ. Впрочемъ и тутъ, омоченнымъ разъ въ чернилицѣ перомъ, не отогрѣвъ его и руки на огнѣ, едва можно было успѣть написать одну букву: ибо чернила на перѣ, равно какъ и въ словахъ на бумагѣ, мгновенно замерзали. Такимъ образомъ все написанное составляло въ прямомъ смыслѣ *мерзлую прозу*. Оканчивая дневныя занятія, поздно вечеромъ искалъ я успокоенія на холодномъ, осребренномъ морозною пеленою ложѣ, тщательно завернутый въ нѣсколько шубъ и одѣялъ; и если въ продолженіи ночи удавалось хотя не много согрѣться и воспользоваться благодѣтельнымъ сномъ, то по утру разлука съ постелью была всего тягостнѣе. Почтенный Т., заслуженный офицеръ, по обязанности раздѣлявшій со мною поѣздку мою, неоднократно повторялъ мнѣ, что ни во всю кампанію 1812 года, ни въ послѣднюю Турецкую войну за Балканами, не находилъ онъ положенія своего столь непріятнымъ, какъ въ улусахъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь однѣ уже болѣзни, и особенно простуда, по не имѣнію ни малѣйшей надежды на какую либо помощь, или возможность выздоровленія, подвергаютъ человѣка всегдашней и самой близкой опасности". (121 — 122).

(—онъ — инскій).

59. Конекъ-Горбунокъ. Русская Сказка. Сочиненіе *П. Ершова*. Въ III частяхъ. Санктъ-Петербургъ, въ Типографіи X. Гинце, 1834. 122. (12) [51]).

Было время, когда наши поэты, даровитые и бездарные, лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы попасть въ *классики*, и изъ силъ выбивались *украшать природу искусствомъ*; тогда никто не смѣлъ быть естественнымъ, всякой становился на ходули и облекался въ мишурную тогу, боязь *низкой природы;* употребить какое нибудь простонародное слово или выраженіе, а тѣмъ болѣе заимствовать сюжетъ сочиненія изъ народной жизни, не исказивъ его пошлымъ облагороженіемъ, значило потерять на вѣки славу хорошаго писателя. Теперь другое время: теперь всѣ хотятъ быть *народными*; ищутъ съ жадностію всего грязнаго, сальнаго и дегтярнаго; доходятъ до того, что презираютъ здравымъ смысломъ, и все это во имя *народности*. Не ходя далеко, укажу на попытки *Казака Луганскаго* и на поименованную выше книгу. И такъ *нынѣ* совсѣмъ не то, что *прежде*; но *крайности сходятся*; при томъ же давно уже было сказано, что

Ни что ни ново подъ луною,
Что было, есть и будетъ въ вѣкъ.

И потому не смотря на такую очевидную разность въ направленіяхъ, поэты настоящаго времени споткнулись на одномъ ухабѣ съ поэтами былаго времени. Какъ тѣ искажали народность, *украшая* ее, такъ эти искажаютъ ее, стараясь приближаться къ ея естественной простотѣ. Что въ Русскихъ сказкахъ въ тысячу тысячь разъ больше поэзіи, нежели въ Бѣдной Лизѣ, не только въ Боярской Дочери и Марѳѣ Посадницѣ, объ этомъ, въ наше время, нечего много говорить: это аксіома. Какъ же хотите вы воспроизводить ихъ? Не то же ли это, что, подобно *Дюссису*, передѣлывать въ пошлыя трагедія геніяльныя драмы *Шекспира*? Не то же ли, что поправлять народныя Русскія пѣсни, вставляя въ нихъ паркетныя нѣжности и имена *Лилъ*, *Нинъ* и проч., какъ то дѣлывалось нашею доброю стариною! Эти сказки созданы народомъ: итакъ, ваше дѣло списать ихъ, какъ можно вѣрнѣе подъ диктовку народа, а не подновлять и не передѣлывать [52]). Вы никогда не сочините своей народной сказки, ибо для этого вамъ надобъ было, такъ сказать, омужичиться, забыть, что вы баринъ, что вы учились и Грамматикѣ и Логикѣ, и Исторіи и Философіи, забыть всѣхъ поэтовъ, отечественныхъ и иностранныхъ, читанныхъ вами, словомъ, переродиться совершенно; иначе вашему созданію, по необходимости, будетъ не доставать этой неподдѣльной наивности ума не просвѣщеннаго наукою, этого лукаваго простодушія, которыми отличаются народныя Русскія сказки. Какъ бы внимательно ни прислушивались вы къ эху Русскихъ сказокъ, какъ бы тщательно ни поддѣлывались подъ ихъ тонъ и ладъ, и какъ бы звучны ни были ваши стихи, поддѣлка всегда останется поддѣлкою, изъ за зипуна всегда будетъ виднѣться вашъ фракъ. Въ вашей сказкѣ будутъ Русскія слова, но не будетъ Русскаго духа, и потому, не смотря на мастерскую отдѣлку и звучность стиха, она нагонитъ одну скуку и зѣвоту. Вотъ почему сказки *Пушкина*, не смотря на всю прелесть стиха, не имѣли ни малѣйшаго успѣха [53]). О сказкѣ Г. *Ершова* — нечего и говорить. Она написана очень не дурными стихами, но по вышеизложеннымъ причинамъ не имѣетъ не только никакого художественнаго достоинства, но даже и достоинства забавнаго фарса. Говорятъ, что Г. *Ершовъ* молодой человѣкъ съ талантомъ; не думаю, ибо истинный талантъ начинаетъ не съ попытокъ и поддѣлокъ, а съ созданій, часто нелѣпыхъ и чудовищныхъ, но всегда пламенныхъ, и въ особенности свободныхъ отъ всякой стѣснительной системы или заранѣе предположеной цѣли.

(**— онъ — инскій**).

60. Путевыя Записки Вадима. Москва, въ Типографіи Семена Селивановскаго. 1834. 180. IV. (8) [54]).

Много чудесъ на бѣломъ свѣтѣ, но еще болѣе ихъ въ нашей литературѣ. Это истинное Вавилонское столпотвореніе, гдѣ люди толкутся взадъ и впередъ, шумятъ, кричатъ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, не понимая другъ друга; по видимому стремятся къ какой-то общей опредѣленной цѣли, а между тѣмъ бѣгутъ въ разныя стороны; суетятся и бросаются туда и сюда, и между тѣмъ ни на пол-шага впередъ.

Поклажа хоть не велика,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ тянетъ взадъ, а щука въ воду!

Въ самомъ дѣлѣ, что за противоположныя явленія! Цѣль одна— разпространеніе просвѣщенія; а средства къ достиженію этой цѣли... Боже мой! какъ различны! — Въ чемъ заключается причина этого разнохарактернаго дивертисмана, который такъ каррикатурно танцуетъ наша литература? Безъ всякаго сомнѣнія, въ дѣтскомъ и разнокалиберномъ образованіи нашемъ. Это образованіе есть плащь, сшитый изъ лоскутовъ разныхъ матерій, всевозможныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ цѣнъ. Посмотрите: тамъ *Брамбеусъ* силится блистать красотами *Поль-де-Кока*, приправленными, въ приличныхъ мѣстахъ, неистовствомъ „*Юной Словесности;*“ здѣсь Г. *Гречь* хлопочетъ воскресить нравственные романы почтенной старушки мадамъ *Жанлисъ* съ братіею; тамъ Г. *Лажечниковъ* готовитъ къ изданію романъ Европейскаго достоинства; тутъ Гг. *Булгаринъ* и *Орловъ* пишутъ ѣдкія сатиры на общество и стараются исправлять его пороки. Тамъ Г. *Устряловъ* издаетъ *Сказанія Современниковъ* о *Димитріи Самозванцѣ*; здѣсь Г. *Сенковскій* трактуетъ о *Сагахъ*, а какой-то *Вадимъ* грозится рѣшить споръ о *Словѣ о полку Игоревѣ. Тутъ* повѣсти Г. *Павлова* и *Грамматика Востокова* — тамъ повѣсти *Безумнаго* и *Грамматика* Г. *Калайдовича*... И все это пользуется чуть ли не равнымъ участкомъ славы!.. У насъ есть литераторы, принадлежащіе по своему образованію и образу мыслей ко всѣмъ вѣкамъ, начиная съ IX (или начала Россійскаго Государства—см. *Россійскую Исторію Г. Кайданова*) до XIX включительно. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ есть люди, надъ которыми рѣшительно безсиленъ полетъ времени, которые крѣпко держатся тамъ, гдѣ стали однажды. У насъ есть люди, которые во всю прыть гонятся за вѣкомъ, думаютъ, что идутъ наравнѣ съ нимъ, ни мало не подозрѣвая, что отдѣлены отъ него цѣлымъ океаномъ разстоянія. Вотъ, напримѣръ, къ какому класу книгъ отнесете вы „Путевыя Записки Вадима“, съ чѣмъ сравните ихъ? Чай съ Impressions de Voyage *par Dumas?* Какъ бы не такъ! Тоже, да не

то, увѣряю васъ. Въ ихъ появленіи на свѣтъ виноватъ не *Дюма*, а—Богъ вѣсть кто...

„Путевыя Записки Вадима“ — истинное диво дивное! Чего-то въ нихъ нѣтъ! И юношескія разсужденія, и археологическія мечты, и историческія чувствованія—все это такъ и рябитъ въ глазахъ читателя. А риторика, риторика — о! да тутъ разливанное море риторики! Не хотите ли примѣровъ троповъ, фигуръ, поэтическихъ выраженій? Берите ихъ горстями, черпайте ведрами? Не ищите грамматическихъ ошибокъ, не ищите безсмыслицъ; но не ищите и новыхъ мыслей, не ищите выраженій ознаменованныхъ теплотою чувства... Риторика все потопила!

Авторъ начинаетъ съ того, что онъ съ юности читалъ великую книгу природы, которую не всѣ читаютъ; потомъ описываетъ свой переѣздъ изъ Сибири въ Малороссію; въ продолженіи этой безконечной дороги задумывается надъ Кремлемъ и другими памятниками временъ былыхъ; потомъ простодушно объясняетъ, почему у насъ не развилось и не усовершенствовалось національнымъ образомъ Италіянское зодчество, занесенное къ намъ *Аристотелемъ Болонскимъ*, не догадываясь, что у насъ, до Петра Великаго, ничего не могло развиваться, какъ у народа, который самъ не развивался, который мирно прозябалъ за своими столами дубовыми и скатертями браными, на своихъ постеляхъ пуховыхъ за пологами шелковыми, и храбро, со всего плеча, крушилъ безпокойныхъ сосѣдей, которые мѣшали ему покоиться... Потомъ Г. *Вадимъ* разсуждаетъ и мечтаетъ о Руси, Малороссіи, о ихъ Исторіи, и объ многомъ, многомъ, о чемъ можете сами узнать, прочтя его „Путевыя Записки“.

(— **онъ** — **инскій**).

61. Были и Небылицы Казака Луганскаго. Русскія сказки. I. Царевна Милонѣга. II. Коровушка-бурёнушка. III. Жидъ и Цыганъ. Книжка вторая. Санктпетербургъ въ Типографіи Греча, 1835. 194. (8) [55]).

На нашемъ крохотномъ литературномъ небосклонѣ всякое пятнышко кажется или блестящимъ созвѣздіемъ, или огромною кометою. Лишь только появится на немъ какая-нибудь тучка, которую, по ея отдаленности, не льзя хорошенько опредѣлить, какъ наши любители литературной астрономіи тотчасъ вооружаются огромными критическими телескопами и съ важностію разсуждаютъ, чтобы это такое было: неподвижная звѣзда, новая планета или блудящая комета. Они смотрятъ, толкуютъ, измѣряютъ, спорятъ, удивляются, а тучка между тѣмъ разсѣвается и ихъ ненаглядная планета или комета низпадаетъ мѣлкимъ дождичкомъ и--исчезаетъ въ землѣ. Много можно бы привести подобныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе, что почти вся исторія на-

шей литературы состоитъ изъ такихъ забавныхъ анекдотовъ. Вотъ, напримѣръ, сколько шуму произвело появленіе *Казака Луганскаго:* Думали, что это и не вѣсь что такое, между тѣмъ, какъ это ровно ничего: думали, что это необыкновенный художникъ, которому суждено создать народную литературу, между тѣмъ, какъ это просто балагуръ, иногда довольно забавный, иногда слишкомъ скучный, нерѣдко уморительно веселый, и часто приторно натянутый. Вся его геніяльность состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ къ стати употреблять выраженія, взятыя изъ Русскихъ сказокъ; но творчества у него нѣтъ и не бывало; ибо уже одна его замашка передѣлывать на свой ладъ народныя сказки достаточно доказываетъ, что искуство не его дѣло. Во второй части его „Былей и Небылицъ" содержатся три сказки, одна другой хуже. Первая всѣхъ сурьознѣе: въ ней между прочими вещами говорится о Сатурнѣ, о богѣ любви, о счастливомъ островѣ наполненномъ нимфами (что-то похоже на островъ *Калипсы*); все это пересыпано сказочными Руссицизмами — не правда ли, что очень забавно? Вторая сказка—передѣлка, стало о ней нечего и говорить. Третья „о Жидѣ вороватомъ и Цыганѣ бородатомъ" состоитъ изъ ходячихъ армейскихъ анекдотовъ о жидахъ; грязно, сально, старо, пошло, но, не смотря на то, такъ забавно, что невозможно читать безъ смѣха... *Казакъ Луганскій* забавный *балагуръ!..*

(— онъ — инскій).

*62. **Сказаніе о побоищѣ великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ и съ безчисленными Татары на Дону на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ, 1380 года 8 Сентября.** Сочиненіе XV столѣтія. Издалъ *Николай Головинъ,* Москва, въ типографіи А. Семена. 1835. 32. (12) [56]).

Этотъ литературный памятникъ XV столѣтія, найденный Профессоромъ Тимковскимъ, былъ первоначально напечатанъ Г. *Снегиревымъ* въ Русскомъ Зрителѣ (№№ XVII, XVIII, XIX и XX) съ примѣчаніями и варіянтами, а потомъ имъ же изданъ особо. Не понимаемъ, какихъ ради причинъ и потребъ издана эта книжечка снова, и безъ всякихъ примѣчаній? Неужели это дѣло отъ бездѣлья?

(— онъ — инскій).

63. Аббаддонна. Сочиненіе *Николая Полеваго,* Москва, въ типографіи С. Селивановскаго. 1834. 4 части: I—302, II—246, III—292, IV—266. (12).

— **Мечты и жизнь.** Были и повѣсти, сочиненныя *Николаемъ Полевымъ.* Москва, въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико Хирургической Академіи. 1834. 4 части: I — 258, II — 384, III — 305, IV — 261. (12) [57]).

Скучно и тошно читать ex officio разныя вздоры и нелѣпости, изобрѣтаемыя плодовитою бездарностію и безстыдною меркантильностью; непріятно и досадно повторять тысячу разъ одно и тоже, или разыгрывать разныя варіяціи на одну и туже тему; жалко и унизительно высказывать съ грубою откровенностію рѣзкія истины рыцарямъ печальнаго образа и дразнить пискливое самолюбіе литературныхъ гусей! За то, какъ пріятно и отрадно, взявши въ руки какое нибудь многотомное произведеніе Россійскаго пера, осудивъ себя a priori на скуку и зѣвоту, а перо свое на безпощадную правду, обмануться въ ожиданіи и, вмѣсто пошлости, прочесть что нибудь сносное и порядочное! Но приняться за чтеніе книги такого автора, имя котораго обѣщаетъ твореніе, хотя и не геніяльное, но ознаменованное большею или меньшею степенью таланта — и не обмануться въ своей надеждѣ, и быть въ состояніи отдать должную справедливость подобному произведенію: о, это верхъ блаженства для человѣка, свободнаго въ своемъ образѣ мыслей отъ всякаго вліянія партій и чуждаго всякаго литературнаго сватовства и кумовства! Въ дѣлѣ литературы, какъ и въ дѣлахъ жизни, есть своя честность, своя добросовѣстность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и свои неизбѣжныя отношенія, которыя ставятъ иногда человѣка въ необходимость быть пристрастнымъ, не рѣдко для поддержанія своей репутаціи. Міръ журнальный есть міръ политическій въ миніатюрѣ; въ немъ есть своя оппозиція, свои союзы, свои войны и примиренія: кто не помнитъ прекрасной и остроумной статьи: Обозрѣніе Журнальныхъ Кабинетовъ, помѣщенной въ Московскомъ Вѣстникѣ за 1830 годъ? [58]). Посему для посвященныхъ въ таинства журнальнаго міра кажутся весьма понятны и извинительны такія явленія, которыя по справедливости возбуждаютъ все негодованіе непосвященныхъ. Какъ бы то ни было, но, чуждый такого рода отношеній, я чувствую всю цѣну моей независимости [59]), и спѣшу воспользоваться ею, чтобы высказать откровенно, по совѣсти и разумѣнію, мое мнѣніе о романѣ Г. *Полеваго*. Я не намѣренъ писать на него критики и принимать на себя важной роли судіи неумолимаго; нѣтъ: я хочу бросить только бѣглый взглядъ, просто и безъ затѣй, изложить, въ видѣ замѣтки, мое сужденіе, не какъ критика, но какъ просто любителя, представить читателямъ результатъ впечатлѣній, коими поразило меня это *новое* явленіе въ нашей литературѣ.

Аббаддонна есть второй романъ Г. *Полеваго*; первымъ его опытомъ въ семъ родѣ была Клятва при Гробѣ Господнемъ. Какъ то, такъ и другое произведеніе не имѣетъ себѣ образца и не похоже ни на какое сочиненіе того же рода въ нашей литературѣ; но участь сихъ обоихъ произведеній чрезвычайно различна: принятыя съ рав-

ною благосклонностію публикою, они были приняты различнымъ образомъ нашими записными аристархами. Первое было превознесено нѣкоторыми изъ нихъ до седьмаго неба, такъ что поставлено чуть ли не выше всего, что есть лучшаго въ семъ родѣ въ Европейскихъ литературахъ [60]); второе же, по мнѣнію тѣхъ же самыхъ людей, поставлено едва ли не наровнѣ съ издѣліями Г. *Александра Орлова*. Не пускаясь въ изслѣдованіе любопытныхъ причинъ столь противоположнаго мнѣнія о двухъ произведеніяхъ одного и тогоже автора, я замѣчу мимоходомъ, что ни то, ни другое изъ сихъ мнѣній не справедливо. Клятва при Гробѣ Господнемъ, какъ мнѣ кажется, ниже тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми столь бездоказательно осыпали ее наши неумытые литературные судьи; она едва ли заслуживаетъ имя художественнаго произведенія въ полномъ смыслѣ сего слова. Это есть просто попытка умнаго человѣка создать *Русскій романъ*, или, лучше сказать, желаніе показать — какъ должно писать романы, содержаніе коихъ берется изъ Русской Исторіи. И въ семъ случаѣ, этотъ романъ есть явленіе замѣчательное; одно уже то, что любовь играетъ въ немъ не главную, а побочную роль, достаточно доказываетъ, что Г. *Полевой* вѣрнѣе всѣхъ нашихъ романистовъ понялъ поэзію Русской жизни. Въ его произведеніи есть нѣсколько мѣстъ высокаго достоинства, есть много новаго, интереснаго, какъ вообще въ завязкѣ и ходѣ всего романа, такъ и во многихъ ситуаціяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ; но въ цѣломъ онъ вялъ и скученъ. Видно много ума, но мало фантазіи, видно усиліе, но не видно вдохновенія.

Аббаддонна несравненно выше Клятвы при Гробѣ Господнемъ; можетъ быть, это происходитъ оттого, что здѣсь Г. *Полевой* былъ, такъ сказать, болѣе въ своей тарелкѣ, ибо вообще его талантъ. не смотря на всю его многосторонность. особенно торжествуетъ въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ нему самому по опыту жизни. Представить художника въ борьбѣ съ мѣлочами жизни и ничтожностію людей — вотъ тема, на которую Г. *Полевой* пишетъ съ особенною любовью, и съ особеннымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому его повѣсть: Живописецъ, и разсматриваемый мною романъ. Эти два произведенія я почитаю лучшими произведеніями Г. *Полеваго*: въ нихъ онъ самъ является художникомъ. Впрочемъ его талантъ также весьма замѣчателенъ въ юмористическихъ картинахъ современной Русской жизни и въ превосходномъ изображеніи поэтической стороны нашихъ простолюдиновъ: причина очевидна: то и другое ему слишкомъ хорошо знакомо, а онъ, повторяю, не иначе можетъ быть хорошъ, какъ въ сферѣ, хорошо ему знакомой. Это есть общая участь *таланта*, и составляетъ, по моему мнѣнію,

его главное отличіе отъ *генія* [61]). *Геній* можетъ изображать вѣрно и сильно такія чувствованія и положенія, какія, по обстоятельствамъ его жизни, не могли быть имъ извѣданы; *талантъ* всегда находится подъ могущественнымъ вліяніемъ или обстоятельствъ своей жизни, или индивидуальности своего характера, и торжествуетъ въ изображеніи предметовъ, наиболѣе поражавшихъ его чувство или умъ; *геній* творитъ образы новые, ни кѣмъ даже не подозрѣваемые, не только что не видѣнные; *талантъ* только воплощаетъ въ новыя формы вѣчныя типы *генія*; оригинальность и красоты въ созданіи *генія* суть результатъ одной его творческой силы; красоты же въ произведеніи *таланта* суть слѣдствіе меньшей подчиненности вліянію *генія*, а особность есть слѣдствіе болѣе индивидуальности человѣка, нежели художника. Степенью сей-то подчиняемости вліянію *генія* опредѣляется сила таланта.

Основная мысль Аббаддонны не новость, хотя талантъ автора умѣлъ придать ей прелесть новости. Характеры персонажей, за исключеніемъ двухъ, всѣ оригинальны и суть созданія автора. Два же, а именно: *Элеоноры* и *Генріэтты*, суть пересозданные типы *Шиллера*, которымъ, впрочемъ, Г. *Полевой* умѣлъ придать столько оригинальности, что они не кажутся сколками съ своихъ образцовъ, а только напоминаютъ ихъ. Подобная подражательность, если только можно назвать ее подражательностію, замѣтна даже и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ: кромѣ сходства въ характерахъ, *Элеонора* и *Генріэтта* напоминаютъ собою *Леди Мильтфортъ* и *Луизу Шиллера*, и во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, какъ соперницы. Такъ, напримѣръ, прекрасная сцена свиданія *Элеоноры* съ *Генріэттою* (ч. IV, стр. 78—95) напоминаютъ сцену свиданія *Леди Мильтфортъ* съ *Луизою*. „И *онъ* передалъ ей душу свою — я видѣла это: у него привыкла она такъ смотрѣть, такъ говорить" (стр. 101). Эти слова изступленной любовію и ревностію *Элеоноры* показываютъ, что автору Аббаддонны какъ будто въ смутномъ снѣ представлялась помянутая сцена изъ Коварства и Любви, хотя его собственная отъ этого ни мало не теряетъ въ художественномъ достоинствѣ и имѣетъ свой характеръ и свою оригинальность.

Говоря, что двое изъ главныхъ персонажей Аббаддонны *напоминаютъ* типы *Шиллера*, я отнюдь не имѣю цѣлію унижать чрезъ то достоинство сего романа, а еще менѣе упрекать Г. *Полеваго* въ *подражательности*. Смѣшно и думать, чтобы въ наше время, хотя сколько нибудь, образованный человѣкъ поставилъ въ заглавіи своего сочиненія: *подраженіе такому-то*, и сталъ бы объяснять въ предисловіи, что̀ принадлежитъ въ его сочиненіи собственно ему, и что̀ взято имъ на прокатъ изъ того или другаго писателя; еще смѣшнѣе

думать, чтобы, въ наше время, человѣкъ съ истиннымъ талантомъ садясь за перо, съ намѣреніемъ создать что нибудь, разложилъ передъ собою твореніе генія, и сталъ бы съ него скопировывать. Нѣтъ: въ созданіи истиннаго таланта нашего времени вы никогда не замѣтите этой пошлой подражательности, которая почиталась нѣкогда необходимою принадлежностію чудовищныхъ и безобразнѣйшихъ произведеній такъ называемыхъ *классиковъ*. Этого мало: вы не всегда укажете на *одно* какое нибудь извѣстное произведеніе, которое было бы исключительнымъ образцемъ онаго; но вы всегда, или, по крайней мѣрѣ, часто откроете въ немъ слѣды вліянія одного или даже и нѣсколькихъ геніяльныхъ твореній. Эта зависимость есть невольная дань *таланта генію* — дань, которую онъ часто платитъ ему безсознательно и безъ своего вѣдома. Такъ, на примѣръ, *историческій* романъ XIX вѣка не есть изобрѣтеніе *Вальтера Скотта*, ибо всѣ роды и виды поэзіи безусловны, и ихъ прототипы скрываются въ непреложныхъ законахъ творчества; но я думаю, что *Вальтеръ Скоттъ* потому уже геній [62]) и стоитъ гораздо выше всѣхъ послѣдовавшихъ романистовъ, что онъ первый угадалъ этотъ родъ романа. *Колумбы* открываютъ неизвѣстныя части міра, а *Пизарры* и *Кортецы* только довершаютъ ихъ открытія.

Вотъ главныя персонажи Аббаддонны, на коихъ сосредоточивается интересъ романа: *Вильгельмъ*, молодой художникъ, созданіе вполнѣ принадлежащее Г. *Полевому* [63]), невольно привлекающее къ себѣ вниманіе читателя, борется между влеченіемъ своего генія и обольщеніями жизни, между голосомъ своего художническаго призванія и сомнѣніемъ въ своемъ художническомъ призваніи; *Элеонора*, чудное, дивное, высокое, прелестное созданіе, женщина, рожденная съ душою пламенною и энергическою, съ страстями знойными и волканическими, но увлеченная обстоятельствами въ бездну разврата, превосходная актриса, изступленная жрица и поклонница изящнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣнная любовница сильнаго временщика, бездушнаго старичишки, испытываетъ надъ собою высокое таинство любви, очищается въ ея священномъ пламени отъ ржавчины порока и возстаетъ отъ своего паденія въ мощномъ, исполинскомъ величіи [64]); потомъ *Генріэтта*, первая любовь *Вильгельма*, одно изъ этихъ милыхъ, кроткихъ созданій, Нѣмочекъ - кухарочекъ, которыхъ я люблю до смерти, и которыхъ еще никогда не видывалъ, которыя обѣщаютъ избранному ими юношѣ и супружескую вѣрность до гроба и вкусно сваренный супъ изъ картофеля, и тихое упоеніе романтической любви и самый классическій порядокъ въ домѣ и на погребѣ, которыя сначала изображаются съ серафимскими крыльями, а потомъ съ связкою ключей, которыя, наконецъ, начинаютъ свое поприще идеалами, а оканчиваютъ кухнею

и прачечною, *Генріэтта* испытываетъ муки отверженной любви и возбуждаетъ въ душѣ читателя живѣйшее состраданіе къ своему положенію. Второстепенныя лица также интересны. Разсказъ вообще живой и занимательный; положенія по большей части новыя и оригинальныя; обрисовка характеровъ мастерская, обличающая руку твердую и рѣзкую, множество картинъ и описаній истино художественныхъ, каковы: представленіе *Арминія*, сцена въ бесѣдкѣ, вольный переводъ изъ *Сутея* Индійской легенды *Аллоа*, столкновеніе *Вильгельма* съ дворомъ Князя и съ могущественнымъ Барономъ *Калькопфомъ*, поѣздка *Вильгельма* на родину, и, уже упомянутая мною прекрасная сцена свиданія *Элеоноры* съ *Генріэттою*, изображеніе директора театра, литераторовъ, поэтовъ, журналистовъ, ученыхъ, ползающихъ поочередно передъ сильными, закулисныя тайны, т.-е. театръ во время репетицій и до поднятія занавѣса; наконецъ прекрасный слогъ — вотъ достоинства новаго произведенія Г. *Полеваго*. Въ немъ цѣлость выдержана, по крайней мѣрѣ, *пока*, ибо этотъ романъ еще не составляетъ цѣлаго; его продолженіе и окончаніе будетъ въ другомъ романѣ. За одно только можно упрекнуть автора: это за излишнюю говорливость, которая иногда переходитъ въ совершенную болтливость; между многими прекрасными мыслями, у него особенно въ первой части, встрѣчаются мѣста состоящія изъ сентенцій, рѣшительно пошлыхъ. Конечно, подобныя *пошлыя* сентенціи могли бы составить блескъ и украшеніе романовъ *иныхъ* авторовъ, пользующихся на святой Руси большимъ авторитетомъ, но какъ-то непріятно и досадно встрѣчать ихъ въ романѣ Г. *Полеваго*. Желаемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, чтобы второй романъ, служащій окончаніемъ Аббаддоннѣ, вышелъ какъ можно скорѣе, и благодаримъ Г. *Полеваго*, что онъ, литераторъ Москвы, подарилъ нашу публику хорошимъ произведеніемъ, тогда какъ Петербургскіе литераторы подчуютъ ее заплеснѣвелыми крохами съ убогой трапезы *Поль-де-Кока*, *Жанлисъ* и *Дюкре-дю-Меииля* съ братіею.

Что касается до повѣстей Г. *Полеваго*, объ нихъ вообще можно сказать тоже, что и объ Аббаддоннѣ: это созданія не вѣковыя, не геніяльныя, но ознаменованныя печатію сильнаго таланта. Въ четырехъ частяхъ его: „Мечты и Жизнь“ заключается пять повѣстей: Блаженство Безумія, Эмма, Живописецъ, Мѣшокъ съ Золотомъ и Разсказы Русскаго Солдата. Первая слишкомъ какъ-то напоминаетъ *Гоффмана*, но отличается мастерскимъ разсказомъ; вообще большинство голосовъ остается на сторонѣ Эммы; но мнѣ больше всего нравится Живописецъ; самая слабая повѣсть есть Мѣшокъ съ Золотомъ, но Разсказы Русскаго Солдата — это прелесть! Въ этой пьесѣ такъ много чувства, такъ много оригинальности и вѣрности въ изображеніи

чувствъ и понятій простолюдиновъ, что съ нею не можетъ идти ни въ какое сравненіе ни одна повѣсть взятая изъ простонародной жизни. Истина вымысла доведена въ ней до совершенства, такъ что когда прочтешь эту повѣсть, то всѣ писанныя въ одномъ съ нею родѣ покажутся блѣдными и искаженными копіями. Странно, почему Г. *Полевой* не помѣстилъ въ своихъ „Мечты и Жизнь" своей прекрасной повѣсти Симеонъ Кирдяпа и своихъ занимательныхъ Святочныхъ Вечеровъ?

(**— онъ — инскій**).

64. Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго до Кульмскаго боя. Санкт-Петербургъ, въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. Двѣ части: I—158, II—103. (8) [65]).

Къ числу самыхъ необыкновенныхъ и самыхъ интересныхъ явленій въ умственномъ мірѣ нашего времени принадлежатъ *Записки* или *Memoires*. Это суть истинныя лѣтописи нашихъ временъ, лѣтописи живыя, любопытныя, писанныя не добродушными монахами, но людьми, по большей части, образованными и просвѣщенными, бывшими свидѣтелями, а иногда и участниками этѣхъ событій, которыя описываются ими со всею откровенностію, какая только возможна въ наше время, со всѣми подробностями, которыхъ ищетъ и романистъ и драматургъ и историкъ и нравоописатель и философъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть любопытнѣе этѣхъ Записокъ: это исторія, это романъ, это драма, это все, что вамъ угодно? Что можетъ быть важнѣе ихъ? Десять, двадцать человѣкъ пишутъ объ однѣхъ и тѣхъ же событіяхъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ своего конька, свою Ахиллесовскую пятку, свой взглядъ на вещи, свою манеру въ изложеніи, словомъ, свои дурныя и хорошія стороны: сличайте, сравнивайте, повѣряйте, сводите на очную ставку—сколько матеріяловъ для результатовъ, результатовъ вѣрныхъ и драгоцѣнныхъ, если только вы сумѣете хорошо сдѣлать ваше дѣло. *Записки* или *Memoires* есть собственность Французовъ, чадо ихъ народности. Ихъ успѣху и распространенію чрезвычайно много способствовали послѣднія перевороты; въ самомъ дѣлѣ: Монархія, Республика, Имперія, Ресторація, Сто дней, опять Ресторація—тутъ можно объясняться откровенно и безъ обиняковъ, и есть о чемъ поговорить!

Если кто сочтетъ „Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ" за подобныя *Memoires*, тотъ жестоко обманется въ своемъ ожиданіи. Это просто Исторія походовъ, изложенная въ связи, подобно извѣстному сочиненію *Бутурлина* [66]). Исторія эта, сколько я понимаю, есть произведеніе человѣка умнаго и знающаго свое дѣло: онъ былъ очевидцемъ и участникомъ въ описываемыхъ имъ походахъ, судитъ о

нихъ ученымъ образомъ, смотритъ на многія вещи съ новой точки зрѣнія. Главное достоинство сего сочиненія состоитъ въ благородномъ безпристрастіи: авторъ отдаетъ полную справедливость громадному генію Сына судьбы, удивляется ему до энтузіазма, какъ знатокъ военнаго искусства, и оправдываетъ свое удивленіе фактами; равнымъ образомъ, онъ говоритъ съ восторгомъ о храбрости Французовъ, что, впрочемъ, ни мало не мѣшаетъ ему приносить должную дань хвалы и удивленія своимъ соотечественникамъ. Вообще его энтузіазмъ къ тѣмъ и другимъ основанъ не на какомъ нибудь безотчетномъ чувствѣ, но на знаніи военнаго искусства, и посему, говоря съ похвалою о блистательныхъ подвигахъ какъ непріятельскихъ, такъ и отечественныхъ генераловъ, онъ безпристрастно говоритъ и объ ихъ ошибкахъ. Вообще эта книга можетъ читаться съ удовольствіемъ даже и непосвященными въ таинства военнаго ремесла, ибо, при всей своей дѣльности, она чужда утомительной сухости, и написана, за исключеніемъ не многихъ синтаксическихъ неправильностей, хорошимъ Русскимъ языкомъ.

65. Хмѣльницкіе, или присоединеніе Малоросіи. Историческій романъ XVII вѣка. Соч. *П. Голоты*. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1834. Три части: I—180, II—179, III—209. (12). Съ портретомъ Хмѣльницкаго. [67])

Авторъ сего, будто бы, „*Историческаго романа XVII вѣка*“, описывая, въ третьей и послѣдней части онаго, обрученіе одного изъ своихъ героевъ *Тимофея Хмѣльницкаго*, сына знаменитаго *Зиновія*, прозваннаго *Богданомъ*, съ Молдавскою Княжною, прекрасною *Розандою*, говоритъ тако: *Пріятно бы было оканчивать романы подобнымъ благополучіемъ* (?!), *гдѣ* (??) *порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ, гдѣ* (??) *слава и геройство доставляютъ блаженство и въ этой скучной жизни; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ*“. Не правда ли, что подобныя понятія и чувствованія дѣлаютъ большую честь сердцу автора? Подумаешь, что читаешь тираду изъ Дамскаго Журнала; но всемогущее время, въ быстромъ полетѣ, коснулось своимъ крыломъ и Г. *Голоты*, и потому онъ продолжаетъ тако: „*Слѣдуя исторіи, я съ прискорбіемъ долженъ придержаться истины и тѣмъ огорчить, можетъ быть, хотя одно чувствительное сердце*. Повторяю: все это такъ прекрасно и вмѣстѣ такъ обыкновенно, что этѣ слова, какъ и весь романъ, можнобъ совсѣмъ оставить безъ вниманія; но слѣдующія за ними строки удивляютъ своею наивностью и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе рецензента: „*Можетъ быть многіе воскликнутъ: Помилуйте Г. Голота вы дарите* (?!) *насъ уже третьимъ романомъ подобнаго почти окончанія!*“ Что это такое? Дерзкое само-

хвальство со стороны автора, или его смѣшное заблужденіе на счетъ своего дарованія и своей литературной значительности?... Въ томъ и другомъ случаѣ, я нижеподписавшійся [68]), долгомъ почитаю предложить ему, со всею вѣжливостію, два слѣдующихъ вопроса:

Милостивый Государь, Г. *Голота*, къ чему такія странныя претензіи! Повѣрьте, что онѣ смѣшны и забавны даже и у такихъ писателей, которые далеко ушли отъ васъ. Потомъ, съ чего вы вздумали сдѣлать несбыточное предположеніе, чтобы кто нибудь изъ читателей могъ дочитаться, безъ крайней необходимости, до третьей части вашего романа, и обратить въ вамъ, Гну *Голотѣ*, такое патетическое воззваніе? Ибо —

Вашъ романъ—не романъ, а дурной фарсъ, который гораздо ниже бездарныхъ издѣлій многихъ нашихъ романистовъ.

Всѣ ваши историческія лица изкажены и изуродованы; вмѣсто того великаго *Зиновія Хмѣльницкаго*, о которомъ народная дума говоритъ:

Тилько Богъ святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае!

вы представили въ свомъ романѣ какого-то *Дюкре-дю-Менилевскаго* героя, въ родѣ знаменитаго *Эраста Чертополохова*, который дѣйствуетъ какъ сумасшедшій и объясняется надутымъ, риторическимъ языкомъ персонажей „Россійскаго Ѳеатра“ [69]). Это произошло отъ того, что у васъ не было ни идей, не идеаловъ, а какія-то мертвыя куклы, въ которыхъ ваша фантазія не умѣла вдохнуть *душу живу*, которыхъ вы видѣли не ясно, какъ будто бы въ смутномъ снѣ. У васъ Малоросію угнѣтаютъ не Поляки, а какой-то сумасшедшій Ляхъ, *Чаплицкій*, лице весьма похожее на злодѣевъ классической трагедіи.

Въ вашемъ романѣ нѣтъ и тѣни Малороссіи, ни въ дѣйствіи, ни въ языкѣ, изключая развѣ нѣсколькихъ Малороссійскихъ поговорокъ, которыя вы, ни къ селу ни къ городу, разсадили въ разныхъ мѣстахъ?

Наконецъ, вашъ романъ написанъ дурнымъ Русскимъ языкомъ, отъ первой страницы до послѣдней. Для доказательства беру на выдержку слѣдующее мѣсто: „*Другъ мой, что ты сказалъ? доверши мое благополучіе. Могу ли обольщать себя чарующею надеждою быть любимымъ* отъ твоей сестры?“ Это говоритъ Нечай!!!...

Спрашиваю васъ, Г. Авторъ, не странны ли послѣ этого всѣ ваши авторскія претензіи?

Въ заключеніе скажу, что изъ множества эпиграфовъ, которыми усѣянъ вашъ романъ, удачнѣе другихъ подобранъ слѣдующій:

А намъ дукаты, и дукаты!...

Онъ какъ-то лучше идетъ къ роману...

66. Царь-Дѣвица. Съ эпиграфомъ:

Я у батюшки въ терему!
Я у матушки въ высокомъ!

Москва, въ типографіи А. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835. 23. (8) [70]).

Ну—пошла писать наша *народная* литература! Сказка за сказкою! Только успѣвай встрѣчать да провожать незванныхъ гостей! И правду говорятъ, что Русскій человѣкъ смышленъ: выдумать что нибудь свое глупое или умное—не его дѣло; за то ужъ если натолкнетъ его кто-нибудь—такъ держись только, да смотри въ оба! Охъ, *Царь Салтанъ Салтановичъ*! Богъ тебѣ судья! встормошилъ ты нашъ неугомонный народъ — житья не стало отъ сказокъ; хоть бѣги со свѣта долой! Не понимаю, какъ по сію пору никому не придетъ въ голову издать *Илью Муромца* Карамзина на лучшей веленевой бумагѣ. со всею типографическою роскошью и съ учеными примѣчаніями? Кажется теперь настало именно то время, когда это плохинькое произведеньице, которое самъ Авторъ почиталъ бездѣлкою и шуткою, должно казаться великимъ, геніяльнымъ твореніемъ, вѣковымъ типомъ почти всего, что нынѣ пишется. Право, пора бы сбыться надъ нимъ судьбѣ *Мильтонова потеряннаго Рая*, котораго современники оцѣнили въ $7^{1}/_{2}$ ф. ст., а потомство превознесло превыше свѣтилъ небесныхъ! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Илья Муромецъ уступитъ въ достоинствѣ Царю Салтану, Берендею, Коньку-Горбунку [71]) и пр. и пр.? Да — *крайности сходятся*!

Что такое Царь - Дѣвица? Право, не знаю! Три раза прочелъ, а ровно ничего не понялъ! Можетъ быть потому, что вся эта крохотная сказочка состоитъ изъ фантастическихъ сновъ, а

Когда же складны сны бываютъ?

Знаю только то, что эта книжечка написана гладенькими стишками, состоитъ ровнымъ счетомъ, со включеніемъ заглавнаго листка, изъ 23 страницъ и продается по *два рубля съ полтиною*.

*67. **Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ.** Сочиненіе Г-жи *Ренневиль*. Переводъ съ Французскаго. Съ картинками. Москва, въ типографіи М. Пономарева. 1835. 102.

За оною послѣдуетъ:

— **Собраніе повѣстей.** Сочиненіе *Беркеня, Кампе, Гизо и Гжи Зонтагъ*. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ типографіи М. Пономарева. 1835. 29. (16) [72]).

Эта книжонка, напечатанная въ типографіи Г. *Пономарева* на скверной оберточной бумагѣ, съ грамматическими и типографиче-

скими ошибками, съ пакостнѣйшими лубочными картинками, есть ужасная клевета на знаменитыхъ дѣтскихъ писателей, изъ коихъ якобы переведены въ ней разныя повѣсти. Болѣе всѣхъ оклеветана Гжа *Гизо*, которой прекрасныя дѣтскія повѣсти знакомы у насъ только однимъ знающимъ Французскій языкъ: можно ли повѣрить, чтобы въ этѣхъ двухъ книжонкахъ, обрѣтающихся, впрочемъ, въ одномъ переплетѣ, хотя и цензированныхъ разными лицами и посему имѣющихъ разныя заглавія, можно ли, говорю я, повѣрить, чтобы въ этѣхъ двухъ книжонкахъ, состоящихъ изъ 131 страницы, умѣстилось хотя одна повѣсть Гжи *Гизо*? Можно ли повѣрить, чтобы *Кампе* и *Беркенъ* писали не только во сто разъ хуже добренькаго и глупенькаго *Бульи* [73]), но даже и почтеннаго Г. *Бориса Ѳедорова*? Можно ли, наконецъ, повѣрить, чтобы шарлатанство и промышленность толкучаго рынка дошли до такой наглости, до такого безстыдства въ обманѣ родителей, покупающихъ для своихъ дѣтей книги? Набрать нѣсколько побасенокъ, выбранныхъ изъ старинныхъ дѣтскихъ книженокъ, изложить ихъ какимъ-то варварскимъ жаргономъ, начинить копѣичною моралью, приложить картинки, въ сравненіи съ которыми знаменитое „Погребеніе Кота“ есть художественное произведеніе, по красотѣ и изящности отдѣлки — и нагло выдать все это за переводы изъ лучшихъ Европейскихъ писателей для дѣтей—какова дерзость!...

*68 **Страсть къ должностямъ.** Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *Скриба*. Перевелъ съ Французскаго *Василій Горскій*. Москва, въ типографіи М. Пономарева. 1835. 85. (8) [74]).

Вѣроятно эта шутка очень мила въ подлинникѣ; въ этомъ ручается имя *Скриба*, если только онъ точно ея авторъ; но въ переводѣ она очень скучна, вяла и даже пошла. Что за странная мысль переводить Французскіе водевили? Это почти все тоже, что переводить на иностранныя языки Басни *Крылова*. Содержаніе передано вѣрно, а красотъ нѣтъ ни какихъ. Какъ не поймутъ наши переводчики того, что тó, чтó понятно для Француза, можетъ быть совсѣмъ непонятнымъ для Русскаго, и вмѣсто смѣха возбудить въ немъ зѣвоту? Тоже самое и наоборотъ. Ужъ если у нашихъ водевилистовъ недостаетъ силъ выдумать свой какой нибудь вздоръ, то пусть они передѣлываютъ на Русскіе нравы Французскіе водевили; это еще все таки сноснѣе.

(**— онъ — инскій**).

69. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Константина Батюшкова. Изданіе второе. Санктпетербургъ, въ типографіи И. Глазунова. 1834. Двѣ части: I—340, II—270. (8) [75]).

Наша литература, чрезвычайно богатая громкими авторитетами и звонкими именами, бѣдна до крайности истинными талантами. Вся ея Исторія шла такимъ образомъ: вмѣстѣ съ какимъ-нибудь свѣтиломъ, истиннымъ или ложнымъ, появлялось человѣкъ до десяти бездарныхъ людей, которые, обманываясь сами въ своемъ художническомъ призваніи, обманывали неумышленно и добродушную и довѣрчивую нашу публику, блистали по нѣскольку мгновеній, какъ воздушные метеоры, и тотчасъ погасали. Сколько пало самыхъ громкихъ авторитетовъ съ 1825 года по 1835? Теперь даже и боги этого десятилѣтія, одинъ за другимъ, лишаются своихъ алтарей и погибаютъ въ Летѣ съ постепеннымъ распространеніемъ истинныхъ понятій объ изящномъ и знакомства съ иностранными литературами. *Тредьяковскій*, *Поповскій*, *Сумароковъ*, *Херасковъ*, *Петровъ*, *Богдановичъ*, *Бобровъ* *Капнистъ*, Г. *Воейковъ*, Г. *Катенинъ*, Г. *Лобановъ*, *Висковатовъ*, *Крюковской*, *С. Н. Глинка*, *Бунина*, братья *Измайловы*, *В. Пушкинъ*, *Майковъ*, Кн. *Шаликовъ*—всѣ эти люди не только читались и приводили въ восхищеніе, но даже почитались поэтами; этого мало, нѣкоторые изъ нихъ слыли геніями первой величины, какъ-то: *Сумароковъ*, *Херасковъ*, *Петровъ* и *Богдановичъ*; другіе были удостоены тогда почетнаго, но теперь потерявшаго смыслъ, титла *образцовыхъ писателей* [1]). Теперь увы! имена однихъ изъ нихъ извѣстны только по преданіямъ о ихъ существованіи, другихъ потому только, что они еще живы, какъ люди, если не какъ поэты... Имя самаго *Карамзина* уважается теперь какъ имя незабвеннаго дѣйствователя на поприщѣ образованія и двигателя общества, какъ писателя съ умомъ и ревніемъ къ добру, но уже не какъ поэта-художника... Но хотя авторская слава такъ часто бываетъ не прочна, хотя удивленіе и хвала толпы бываютъ такъ часто ложны, однако, слѣпая, она иногда, какъ будто невзначай преклоняетъ свои колѣна предъ

---

[1]) Вотъ, на примѣръ, что писалъ о *Майковѣ* знаменитый драматургъ нашъ Кн. *Шаховскій*, въ краткомъ предисловіи къ своей *Ирои-комической* поэмѣ „Разхищенныя Шубы“, помѣщенной въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей Россійскаго Слова 1811 года“: „На нашемъ языкѣ Василій Ивановичъ Майковъ сочинилъ Елисея, шуточную поэму въ 4 пѣсняхъ. Отличныя дарованія сего поэта и прекраснѣйшіе стихи (!!), которыми наполнено (чѣмъ: отличными дарованіями или прекраснѣйшими стихами?) его сочиненіе, заслуживаютъ справедливыя похвалы всѣхъ любителей Русскаго слова; но содержаніе поэмы, взятое изъ само простонародныхъ происшествій и буйственныя дѣйствія его героя, не позволяютъ причесть сіе острое и забавное твореніе къ роду Ирои-Комическихъ поэмъ, необходимо требующихъ благопристойной шутливости (стр. 46)“. Такъ какъ это было давно, то я привожу это мнѣніе не въ укоръ знаменитому и много уважаемому мною драматургу, а какъ фактъ для Исторіи Русской Литературы и доказательство, какъ непрочно удивленіе современниковъ къ авторамъ [76]).

истиннымъ достоинствомъ. Но, повторяю, она часто дѣлаетъ это по слѣпотѣ, невзначай, ибо превозноситъ художника за то, за что порицаетъ его потомство и, наоборотъ, порицаетъ его за то́, за что̀ превозноситъ его потомство. *Батюшковъ* служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ сей истины. Что этотъ человѣкъ былъ истинный поэтъ, что у него было большое дарованіе, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Но за что́ превозносили его похвалами современники, чему удивлялись они въ немъ, почему провозгласили его *образцовымъ* (въ то время тоже, что нынѣ *геніяльнымъ*) [77]) писателемъ?... Отвѣчаю утвердительно: правильный и чистый языкъ, звучный и легкій стихъ, пластицизмъ формъ, какое-то жеманство и кокетство въ отдѣлкѣ, словомъ, какая-то классическая щеголеватость—вотъ что плѣняло современниковъ въ произведеніяхъ *Батюшкова*. Въ то время о *чувствѣ* не хлопотали, ибо почитали его въ искусствѣ лишнимъ и пустымъ дѣломъ, требовали *искусства*, а это слово имѣло тогда особенное значеніе и значило почти одно и тоже съ вычурностію и неестественностію. Впрочемъ была и другая важная причина, почему современники особенно полюбили и отличили *Батюшкова*. Надобно замѣтить, что у насъ *классицизмъ* имѣлъ одно рѣзкое отличіе отъ Французскаго *классицизма;* какъ Французскіе классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми, стихами и вычурно-обточенными фразами, такъ наши классики старались отличаться варварскимъ языкомъ, истинною альгамою славянщины и искаженнаго Русскаго языка, обрубали слова для мѣры, выламывали дубовыя фразы и называли это *піитическою вольностію*, которой во всѣхъ эстетикахъ посвящалась особая глава. *Батюшковъ* первый изъ Русскихъ поэтовъ былъ чуждъ этой *піитической вольности* — и современики его разъахались. Мнѣ скажутъ, что *Жуковскій* еще прежде *Батюшкова* выступилъ на поприще литературы: такъ, но *Жуковскаго* тогда плохо разумѣли, ибо онъ былъ слишкомъ не по плечу тогдашнему обществу, слишкомъ идеаленъ, мечтателенъ, и посему былъ заслоненъ *Батюшковымъ*. И такъ *Батюшкова* провозгласили образцовымъ поэтомъ и прозаикомъ и совѣтовали молодымъ людямъ, *упражняющимся* (въ часы досуговъ, отъ нечего дѣлать) *словесностію, подражать* ему. Мы, съ своей стороны, никому не посовѣтуемъ подражать *Батюшкову*, хотя и признаемъ въ немъ большое поэтическое дарованіе, а многія изъ его стихотвореній, не смотря на ихъ щеголеватость, почитаемъ драгоцѣнными перлами нашей литературы. *Батюшковъ* былъ вполнѣ сынъ своего времени. Онъ предощущалъ какую-то новую потребность въ своемъ художественномъ направленіи, но увлеченный классическимъ воспитаніемъ, которое основывалось на странномъ и безотчетномъ удивленіи къ Греческой и Латинской

литературѣ, скованный слѣпымъ обожаніемъ Французской словесности и Французскихъ теорій, онъ не умѣлъ уяснить себѣ того, что̀ предощущалъ какимъ-то темнымъ чувствомъ. Вотъ почему вмѣстѣ съ элегіею „Умирающій Тассъ“ — этимъ произведеніемъ, которое отличается глубокимъ чувствомъ, не поглощеннымъ формою, энергическимъ талантомъ, и которому въ параллель можно поставить только „Андрея Шенье“ *Пушкина*, онъ написалъ потомъ вялое, прозаическое посланіе къ Тассу (ч. II, стр. 98); вотъ почему онъ, творецъ: Элегии на развалинахъ замка въ Швеціи, Тѣнь друга, Послѣдняя весна, Омиръ и Гезіодъ, Къ другу, Къ *Карамзину*, И. М. М. А., къ Н., Переходъ чрезъ Рейнъ—подражалъ пошлому *Парни*, оставилъ намъ скучную сказку Странствователь и Домосѣдъ, отрывочный переводъ изъ Тасса, ужасающій Херасковскими ямбами, и множество стихотвореній рѣшительно плохихъ, и наконецъ, множество балласту, состоящаго изъ эпиграммъ, мадригаловъ и тому подобнаго; вотъ почему, признаваясь, что „*Древніе герои подъ перомъ Фонтенеля не рѣдко преображаются въ придворныхъ Лудовикова времени, и напоминаютъ намъ учтивыхъ пастуховъ тогоже Автора, которымъ недостаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ Королевской передней*“ (ч. I, стр. 101), онъ не видѣлъ тогоже самаго въ сочиненіяхъ *Расина* и *Вольтера* и восхищался [78]) *Рюриками, Оскольдами, Олегами Муравьева*, въ которомъ благороднаго сановника, добродѣтельнаго мужа, умнаго и образованнаго человѣка смѣшивалъ съ поэтомъ и художникомъ [1]). Кромѣ поименованныхъ мною стихотвореній, нѣкоторыя замѣчательны по прелести стиха и формы, какъ на пр.: Воспоминаніе, Выздоровленіе, Мои Пенаты, Таврида, Источникъ, Плѣнный, Отрывокъ изъ Элегіи (стр. 75). Мечта, къ П—ну, Разлука, Вакханка и даже самыя подражанія Парни. Все остальное посредственно. Вообще отличительный характеръ стихотвореній *Батюшкова* составляетъ какая-то безпечность, легкость, свобода, стремленіе не къ *благороднымъ*, но къ *облагороженнымъ* наслажденіямъ жизни; въ семъ случаѣ онѣ гармонируютъ съ первыми произведеніями *Пушкина*, исключая, разумѣется, тѣхъ, кои, у сего послѣдняго, проникнуты глубокимъ чувствомъ. Проза его любопытна, какъ выраженіе мнѣній и понятій одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Во всемъ прочемъ, кромѣ развѣ хорошаго языка и слога, она не заслуживаетъ никакого вниманія.

---

[1]) *Муравьевъ*, какъ писатель, замѣчателенъ по своему нравственному направленію, въ которомъ просвѣчивалась его прекрасная душа, и по хорошему языку и слогу, который, какъ то можно замѣтить даже изъ отрывковъ, приведенныхъ *Батюшковымъ*, едва ли уступаетъ *Карамзинскому*.

Впрочемъ, лучшія прозаическія статьи суть: Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи, о Поэзіи и Поэтѣ, Прогулка въ Академію, а самыя худшія: О легкой поэзіи, О сочиненіяхъ *Муравьева* и въ особенности повѣсть: Предслава и Добрыня.

Теперь объ изданіи. Наружность онаго не только опрятна и красива, но даже роскошна и великолѣпна. Не льзя не поблагодарить отъ души Г. *Смирдина* за этотъ прекрасный подарокъ, сдѣланный имъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что онъ уже не первый, и, надѣемся, не послѣдній. Цѣна, по красотѣ изданія, самая умѣренная: въ Петербургѣ 15, а съ пересылкою въ другіе города 17 рублей [79]). Вотъ чѣмъ должны заслуживать общее уваженіе Гг. книгопродавцы. Безкорыстныхъ подвиговъ мы можемъ *желать* отъ нихъ, но не *требовать;* цѣль дѣятельности купца есть барыши; въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, если только онъ пріобрѣтаетъ эти барыши честно и добросовѣстно, если онъ только не способствуетъ, своими денежными средствами и своею излишнею падкостью къ выгодамъ, распространенію дурныхъ книгъ и развращенію общественнаго вкуса.

Жаль только, что это изданіе, вполнѣ удовлетворяя требованія вкуса въ наружныхъ достоинствахъ, не удовлетворяетъ ихъ во внутреннихъ. Еще при выходѣ сочиненій *Державина*, Г. *Смирдину* было замѣчено въ одномъ Московскомъ журналѣ, что стихотворенія должны располагаться въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно со временемъ ихъ появленія въ свѣтъ. Такого рода изданія представляютъ любопытную картину постепеннаго развитія таланта художника и даютъ важные факты для Эстетика и для историка литературы. Напрасно Г. *Смирдинъ* не обратилъ на это вниманія.

Изданіе украшено портретомъ и двумя виньетками превосходной отдѣлки. Первый рисованъ Г. *Кипренскимъ*, а послѣднія *Брюловымъ;* гравированы же тотъ и другія Г. *Галактіоновымъ*.

70. Досуги Инвалида.—Часть вторая. Поручикъ Любимецъ. Москва, въ типографіи С. Селивановскаго. 1835. 275. (12) [80]).

Это новое произведеніе Г. *Ушакова;* Г. *Ушаковъ* писатель плодовитый! Не говоря уже о его длинныхъ и скучныхъ статьяхъ о Польской литературѣ и Русскомъ театрѣ, сколько повѣстей вышло изъ подъ его неутомимаго пера! Какъ всѣ замѣчательные люди, Г. *Ушаковъ* имѣетъ своихъ *завистниковъ*. Оно, кажется, чему бы завидовать... но онъ самъ сказалъ въ своемъ предисловіи, что *онъ имѣетъ счастіе не нравиться нѣкоторымъ* ученымъ *Журналамъ*. Слово *ученымъ*, какъ само собою разумѣется, отмѣчено у него позорнымъ клеймомъ курсива. Г. *Ушаковъ* не любитъ учености! Это уже давно извѣстно. Но не въ

томъ дѣло. За чѣмъ человѣку съ истиннымъ талантомъ прибѣгать къ такимъ страннымъ средствамъ для обращенія на себя вниманія публики! Что за *Гомеръ* такой Г. *Ушаковъ,* что у него есть свои зоилы! Мы знаемъ изъ *темныхъ* преданій нашей литературы, что были завистники у *Крылова,* у *Озерова,* у *Грибоѣдова:* это въ порядкѣ вещей, ибо сіи писатели могли возбудить къ себѣ зависть жалкой посредственности, которая думала подвизаться на одномъ съ ними поприщѣ; но чтобъ были завистники у Г. *Ушакова*... Это невѣроятно. Г. *Ушаковъ* написалъ очень хорошую повѣсть „Киргизъ Кайсакъ", и въ немъ признали талантъ тѣ самые люди, которые безжалостно насмѣхались надъ его журнальными статьями; Г. *Ушаковъ* написалъ нѣсколько плохихъ повѣстей, и ему всѣ безъ обиняковъ объявили, что эти повѣсти не достойны имени сочинителя Киргизъ-Кайсака: гдѣжъ тутъ зависть!..

Въ вышепоименованномъ новомъ своемъ произведеніи Г. *Ушаковъ* хотѣлъ практически развить очень истертую мысль, что *бракъ безъ взаимной любви есть преступленіе.* Самый коротенькій, и притомъ довольно пошлый, анекдотецъ разтянулъ онъ на цѣлую книгу. Дѣло въ томъ, что одинъ офицеръ, родомъ Черкесъ, взятый въ дѣтствѣ въ плѣнъ Русскимъ Генераломъ и воспитанный имъ со всею нѣжностію отца, влюбился въ одну княгиню. Такъ какъ онъ былъ стыдливъ какъ красная дѣвушка, то княгиня, не любившая излишнихъ проволочекъ, поспѣшила навести простячка на объясненіе, повиснуть на шеѣ бѣднаго малаго и взорвать его, какъ пороховой боченокъ, сладострастнымъ поцѣлуемъ. Не удовольствовавшись этимъ, она, жертва торговаго брака, назначаетъ ему свиданіе. Молодой человѣкъ, любившій ее цѣлые два или три года платоническою любовію, и ужасавшійся мысли осквернить брачное ложе ближняго, хочетъ ее образумить, выпиваетъ для смѣлости пуншу, нарѣзывается какъ сапожникъ, и говоритъ ей полу-Русскимъ и полу-Славянскимъ языкомъ самыя солдатскія любезности. (Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?). Бѣдная княгиня остолбенѣла и прогнала отъ себя пьянаго нахала. Онъ, послѣ такого дебюта, становится смѣлѣе съ женщинами, волочится за ними безъ устали, но мысль о княгинѣ преслѣдуетъ его; наконецъ его убиваютъ на сраженіи; княгиня умираетъ съ горя. Все это пересказано длинно, скучно, все это приправлено сентенціями о томъ и о семъ, а больше ни о чемъ. Странно то, что почтенный авторъ, бывшій нѣкогда отчаяннымъ *романтикомъ* и ратовавшій, *елико могъ*, за новизну, обнаруживаетъ теперь самое классическое направленіе; безпощадно бранитъ *Байрона* за то, что *„онъ надѣлилъ огнемъ и геройствомъ своихъ Конрадовъ и Чайльдъ-Герольдовъ, на злодѣянія, на прелюбодѣянія, на богохуленіе, на всѣ*

мерзости, украшающія его произведенія", словомъ, оказываетъ удивительное, впрочемъ весьма похвальное, благоговѣніе ко всему, что съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ бывало въ своихъ журнальныхъ статейкахъ. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ его скучномъ и вяломъ разсказѣ; все такъ обще, изтерто, старо, что ни какъ не можешь помириться съ мыслію, что читаешь произведеніе автора Киргизъ Кайсака.

Что время имѣетъ большое вліяніе на людей, это истина не сомнѣнная; но не менѣе того не сомнѣнно и то, что его вліяніе часто бываетъ совершенно противоположно, смотря по свойству людей. „Какъ уменъ этотъ человѣкъ", говорятъ иногда люди, „да и не мудрено: онъ такъ долго жилъ на свѣтѣ, такъ много видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ!" — Какъ страненъ и несносенъ этотъ человѣкъ — тоже случилось мнѣ слышать — и не мудрено: становится старъ!"...

71. Ангарскіе пороги. Сибирская быль. Сочиненіе *Н. Щ.* Съ эпиграфомъ: Nil intentatum nostri liquere poetae! Horat. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. 267. (12) [81]).

Г. *Н. Щ.* подражаетъ Г. *Калачникову*: Г. *Калачниковъ* [82]) великій писатель, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго или предосудительнаго въ томъ, что Г. *Н. Щ.* подражаетъ Г-ну *Калачникову*: Г. *Н. Щ.* называетъ нашу (т. е. Русскую) критику *пристрастною*: Г. *Н. Щ.* писатель съ геніемъ, слѣдовательно нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что онъ имѣетъ враговъ и завистниковъ—это общая участь генія. Я не умѣлъ отдать должной справедливости его первому произведенію „Посельщикъ", ибо не могъ возвыситься до него, и потому въ С. Пчелѣ [83]) мой взглядъ на это твореніе былъ названъ *однообразнымъ;* признаюсь откровенно, что мои взгляды на нашу литературу точно очень *однообразны;* впрочемъ, въ семъ случаѣ мнѣ можетъ служить оправданіемъ то, что наша литература съ нѣкотораго времени сдѣлалась очень *однообразна*. Какъ бы то ни было, но я каюсь въ моей винѣ предъ Г. *Н. Щ.;* и торжественно объявляю, что его новый романъ произвелъ на меня сильный эффектъ: онъ показался мнѣ до такой степени трогательнымъ и чувствительнымъ, что я, прочтя половину, залился слезами, и съ горя заснулъ: послѣ слезъ крѣпко спится! Такъ какъ въ это время я страдалъ безсонницею, то и почитаю за долгъ благодарить Г. *Н. Щ.* за его романъ; такъ какъ на другой вечеръ я почувствовалъ въ урочное время расположеніе ко сну, изъ чего и заключилъ, что безсонница оставила меня, то и не почелъ за долгъ дочесть занимательную повѣсть

Г. *Н. Щ*. Посему не могу довести до свѣденія читателя, какъ много, противъ прежняго романа, новыхъ географическихъ, топографическихъ, геологическихъ и прочихъ фактовъ о Сибири заключается въ новомъ романѣ Г-на *Н. Щ.*, и что такое „Ангарскіе Пороги".

(— **онъ – инскій**).

*72. **Клятвопреступница.** Русскій современный романъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1834. Три части: I—191; II—152; III—138. (12) [84]).

Этотъ романъ — новость очень старая, какъ по времени своего появленія на свѣтъ Божій, такъ и по своему художественному достоинству, въ родѣ извѣстныхъ романовъ: *Графини Рославлевой, Проклятаго* и другихъ имъ подобныхъ. Необыкновеннаго въ немъ то, что онъ написанъ, хотя безъ мысли, чувства и таланта, но съ смысломъ, по крайней мѣрѣ грамматическимъ, съ терпѣніемъ удивительнымъ, со множествомъ эпиграфовъ, изъ коихъ большая часть принадлежитъ какому-то таинственному *Ив – ву Г – ву*, и что всего важнѣе, съ учеными ссылками на реляціи и Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго, Г. *Кайданова...* Я говорю объ этомъ издѣліи книжныхъ фабрикъ для того, чтобы предостеречь довѣрчивыхъ читателей и покупателей, которые еще не успѣли за свои *десять* рублей купить себѣ, по крайней мѣрѣ, десять часовъ самой ужасной скуки.

*73. **Современныя повѣсти модныхъ** (??!!) **писателей.** Собраны (?!), переведены и изданы *Ѳедоромъ Кони.* Москва. Въ типографіи А. Семена. V, 230, III. (12) [85]).

Г. *Кони* предпринялъ прекрасное намѣреніе издать цѣлую Библіотеку сочиненій современныхъ авторовъ. Выборъ пьесъ въ этой первой книжкѣ не слишкомъ строгъ; ибо только первая повѣсть „Маскерадъ", которая въ краткомъ, молніеносномъ очеркѣ заключаетъ глубокую поэтическую мысль и живую картину человѣческаго сердца и носитъ въ себѣ яркую печать мощнаго и энергическаго таланта знаменитаго *Александра Дюма*, достойна особеннаго вниманія; остальныя пять повѣстей не безъ достоинствъ, но не могутъ назваться художественными созданіями, и Г. переводчикъ могъ бы безъ излишняго труда выбрать что-нибудь попревосходнѣе. Языкъ переводчика вообще чистъ, правиленъ и легокъ. Вотъ все, что можно сказать о семъ изданіи. Но въ книгахъ Г. *Кони* предисловія важнѣе книгъ: я уже имѣлъ случай замѣтить это два раза; теперь приступаю къ третьему.

Во-первыхъ: что такое разумѣетъ Г. *Кони* подъ словомъ *модныхъ* писателей? Бываютъ модные фраки, модныя шляпки и другія вещи,

продающіяся на Кузнецкомъ мосту и Невскомъ проспектѣ; но *модные* писатели—признаюсь, это что-то новое, *модное* и очень дурно рекомендующее взгляды Г-на *Кони* на изящное...

„Намѣреніе мое было, говоритъ Г. Переводчикъ, доставить Русской публикѣ чтеніе пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ не требующее постояннаго и продолжительнаго вниманія. Мнѣ хотѣлось ознакомить ее съ знаменитыми современными писателями, которые въ повѣствовательномъ родѣ пріобрѣли себѣ Европейскую извѣстность“.

Какъ! не ужели тѣмъ, что ихъ повѣсти *не требуютъ постояннаго и продолжительнаго вниманія*, другими словами, тѣмъ, что составляютъ собою пріятную болтовню, а не художественныя созданія? Хороша эстетика!...

Теперь, не угодно ли вамъ знать, кого называетъ г. *Кони* знаменитыми и *модными* современными писателями? — *Бальзакъ*, *Гюго*, *Сю*, *де Виньи*, *Тика и Друнно*, *Виконта д'Арлинкура* (котораго добрые люди прозвали у насъ очень впопадъ *Викентьемъ Дарленкуромъ*), *де-ла-Моттъ Жуке* [86]), *Клаурена*, *Пихлеръ* и другихъ. Хороша *знаменитость* и *современность!*

Въ заключеніе предисловія Г. *Кони* прекурьозно восклицаетъ: „Объясненіе кончено. Книга моя! ступай въ свѣтъ!“

Не правда ли, что это патетическое воззваніе напоминаетъ окончаніе первой главы Евгенія Онѣгина:

Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье,
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань!

И диво ли, что Г. *Кони* такъ хорошо сошелся съ *Пушкинымъ?* Развѣ его подвигъ маловажнѣе подвига *Пушкина?* Развѣ *собрать*, *перевести* и *издать* книжку повѣстей значитъ меньше, чѣмъ создать Евгенія Онѣгина?..

***74. Достопамятный бракъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго.** Историческая повѣсть, взятая изъ древняго Новгородскаго преданія *Николаемъ Ѳоминымъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. 68. (8) [87]).

Странная вещь! Какъ Московскіе литераторы, прославившіеся истинными талантами, превосходятъ Петербургскихъ, пользующихся тамъ большимъ авторитетомъ; такъ мѣлкіе литературные промышленники Петербурга превосходятъ свою Московскую собратію по ремеслу!.. Издѣлія нашихъ дюжинныхъ производителей вѣчно являются нечесанными, не умытыми, безъ Грамматики, безъ смысла; Петербургскіе же всегда опрятны, красивы, всегда съ Грамматикою (вѣрно по милости хорошихъ корректоровъ). Но въ этомъ и вся ихъ разница;

во всемъ остальномъ они одинаковы. Поименованная Историческая Повѣсть, есть не иное что, какъ скучная диссертація о дѣтствѣ Іоанна Грознаго, или лучше сказать, выбранная изъ Исторіи *Карамзина*, и принадлежащая къ роду произведеній Гг. *Голоты*, *Ив—на Г—ва* и другихъ.

*75. **Тетрадь Русской Грамматики для Русскихъ, составленная по порученію Начальства.** С.-Петербургъ. Въ типографіи Департамента Военныхъ Поселеній. 1835. 174. (8) [88]).

Эта книга не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она есть ничто иное, какъ краткая выборка изъ Грамматикъ ГГ. *Греча* и *Востокова*. Простота ея изложенія состоитъ въ ощущеніи систематическихъ раздѣленій склоненій и спряженій, и выпускѣ подробностей, не важныхъ для природныхъ Русскихъ. Впрочемъ, предисловіе сочинителя (Гвардіи Инженеръ-Капитана *Половцова* 1) и сводъ мнѣній Гг. Профессоровъ и Учителей, разсматривавшихъ сію книгу, приложенный въ началѣ оной, лишаютъ рецензента пріятной необходимости отдать сему сочиненію должную справедливость.

(—онъ—инскій).

*76. **Арабески.** Разныя сочиненія *И. Гоголя*, Санктпетербургъ. Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1835. Двѣ части: I—287, II—276. (8).

Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки. *Н. Гоголя.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли 1835. Двѣ части: I — 224, II — 215. (8). Съ эпиграфомъ:

„Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ, имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ“. *Географія Зябловскаго.*

„Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны“. *Изъ записокъ одного путешественника* [89]).

Конецъ 1833 и начало 1834 года были ознаменованы какою-то особенною мертвенностію въ нашей литературѣ; казалось, что уже все кончилось — и книги и журналы. Старые поэты, какъ заслуженные ветераны, или совсѣмъ сошли со сцены, или позамолкли, а новыхъ не являлось. Торквато Тассъ Г. *Кукольника* порадовалъ было любителей изящнаго, какъ пріятная, хотя и дѣтская грѣза. Прекрасные стихи, нѣсколько поэтическихъ мѣстъ въ семъ произведеніи заставили было публику поздравить себя съ новымъ поэтомъ, подававшимъ блестящія надежды... Несравненно выше и занимательнѣе былъ Дмитрій Самозванецъ Г. *Хомякова*; кромѣ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ достоинствъ сей драмы, ей придала особенную значительность пустота и ничтожность всѣхъ печатныхъ явленій того времени. Но

видно Г. *Хомяковъ* не такъ былъ богатъ журнальными благопріятелями, какъ Г. *Кукольникъ*. Да и чтожъ мудренаго — вѣдь говоритъ же пословица: *не родись пригожъ, не родись уменъ — родись счастливъ?...* Я не хочу этимъ сказать, чтобы драма Г. *Хомякова* была какимъ нибудь чудомъ или даже чѣмъ нибудь важнымъ; но если въ наше время пишутся преогромныя статьи о такихъ трагедіяхъ, которыя не заслуживаютъ рѣшительно ни малѣйшаго вниманія ни въ какомъ отношеніи, то почему же бы не сказать слова два о такомъ сочиненіи, которое замѣчательно если не большимъ достоинствомъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ заблужденіе замѣчательнаго таланта, которому не удается попасть на надлежащую дорогу? Но объ этомъ послѣ [1]). Моя рѣчь клонится къ тому, что гораздо лучше посчастливилось концу 1834 и началу 1835 года. Повѣсти Г. Г. *Павлова*, Аббаддонна Г. *Полеваго*, Арабески и Миргородъ Г. *Гоголя* принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ явленіямъ въ нашей литературѣ и всѣ появились въ этотъ промежутокъ времени. Если мы прибавимъ, что на дняхъ вышелъ новый романъ Г. *Вельтмана* „Свѣтославичъ Вражій Питомецъ", печатаются два новые романа Г. *Полеваго*, и оканчивается печатаніемъ давно ожидаемый романъ Г. *Лажечникова* „Ледяной Домъ" [2]) — то по неволѣ сознаемся, что 1835 годъ, въ литературномъ отношеніи, *въ сорочкѣ родился...* Дай Богъ, чтобы его начало было прекрасною зарею новаго лучшаго дня для нашей литературы....

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный талантъ Г. *Гоголя*. Его первое произведеніе: „Вечера на Хуторѣ близь Диканьки", возбудили въ публикѣ самыя лестныя надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ читателей, наученные горькимъ опытомъ, не смѣли слишкомъ предаваться этимъ надеждамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ богата наша литература такими писателями, которые первыми своими произведеніями подавали о себѣ большія надежды, а послѣдующими уничтожали эти надежды. У меня вертится на языкѣ нѣсколько твореній такого

---

[1]) Въ одномъ изъ №№ Телескопа я постараюсь отдать отчетъ о всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ, появившихся съ 1833 года по сіе время, которыя замѣчательны если не по внутреннему достоинству, то по именамъ ихъ авторовъ, о коихъ еще не было говорено ни въ Телескопѣ, ни въ Молвѣ. Къ сему меня понуждаютъ многія причины, а въ особенности *странная* критика Г. *Шевырева* на драму Г. *Кукольника* „Скопинъ Шуйскій". Разумѣется о всѣхъ нашихъ драмахъ говорить много нечего; но можно много сказать о направленіи нашихъ драматурговъ, силящихся создать *народную драму* и вообще о томъ, какъ смотрятъ у насъ на этотъ предметъ [90]).

[2]) Четыре листа послѣдней (четвертой) части сего романа уже отпечатаны, и весь онъ конченъ будетъ на дняхъ.

рода, къ которымъ такъ хорошо идетъ эпитетъ *счастливыхъ* или *удачныхъ*.... Есть люди, которые въ большихъ статьяхъ [91]) неудачу вторыхъ и третьихъ романовъ приписываютъ какому-то меркантильному направленію и торговымъ разсчетамъ гг. авторовъ; по моему мнѣнію это странное явленіе можно всего естественнѣе и всего справедливѣе объяснять *бездарностью* гг. авторовъ: истинный талантъ не могутъ убить ни хорошая плата за заслуженные труды, ни рѣзкая критика. Гораздо страннѣе успѣхъ такого рода литературныхъ рыцарей; но назвавши ихъ произведенія *счастливыми* или *удачными*, вы легко разгадаете и эту загадку.... Но не о томъ дѣло.... Я хочу сказать, что Г. *Гоголь* составляетъ прекрасное и утѣшительное исключеніе изъ сихъ столь общихъ и столь обыкновенныхъ у насъ явленій: двѣ его пьесы въ Арабескахъ" (Невскій Проспектъ и Записки Сумасшедшаго) и потомъ „Миргородъ" доказываютъ, что его талантъ не упадаетъ, но постепенно возвышается. Подробный отчетъ о сихъ двухъ его книгахъ будетъ помѣщенъ въ № 5 Телескопа; теперь же мы скажемъ только то, что этѣ новыя произведенія игривой и оригинальной фантазіи Г. *Гоголя* принадлежатъ къ числу самыхъ необыкновенныхъ явленій въ нашей литературѣ [92]), и вполнѣ заслуживаютъ тѣ похвалы, которыми осыпаетъ ихъ восхищенная ими публика.

(—онъ — инскій).

77. Таинственный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Историческій романъ. С. Петербургъ, въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1834. Три части: I—340, II—348, III—352. (12) [93]).

Начавъ читать этотъ романъ, я (на 14 страницѣ первой части) нашелъ, что бояринъ Хованскій, пришедши домой въ одинъ осенній вечеръ 1676 года, раздѣвшись до рубахи и надѣвши тулупъ, *приказалъ ставить самоваръ, чтобы напиться чаю*: и такъ въ осенніе вечера 1676 года наши бородатые бояре пили уже чай и держали въ дому самовары! Жаль, что почтенный авторъ, который, какъ видно изъ сего образчика, весьма силенъ въ знаніи отечественныхъ древностей, не сказалъ: употребляли ли наши бояре съ чаемъ ямайскій ромъ, или аракъ! Какъ бы то ни было, но я такъ обрадовался этому любопытному извѣстію, касательно образа домашней жизни нашей древней аристократіи, что въ восторгѣ не хотѣлъ далѣе читать и положилъ было книгу на столъ. Но человѣческія желанія ненасытимы; притомъ же кому не хочется выучиться всему, ничему не учась? И такъ, въ надеждѣ набрести еще на какіе нибудь драгоцѣнные историческіе и археологическіе факты, я снова взялъ въ руки книгу, прочелъ ее до конца — и не даромъ: надежда не обманула меня — я много нашелъ диковинокъ. Но не хочу лишать чита-

телей пріятнаго удовольствія, которое они могутъ получить, отыскивая сами дивныя дива „Таинственнаго Монаха“. Вмѣсто всего этого я хочу сказать кое что à propos. У меня предурная привычка говорить всегда не о главномъ дѣлѣ, а такъ, о чемъ нибудь постороннемъ: что дѣлать? Это мой конекъ [94]).

Съ какою цѣлію написанъ этотъ романъ? Если для того, чтобы обогатить Русскую литературу новымъ художественнымъ созданіемъ, то скажу откровенно почтенному, хотя и неизвѣстному мнѣ автору, что онъ не достигъ своей цѣли: онъ совершенно не поэтъ, не художникъ. Его Петръ, его Софія, его Хованскій, Голицынъ, Щегловитый, Меньщиковъ, Дорошенко, Мазепа, Карлъ XII и прочія выведенныя имъ историческія лица, суть не иное что, какъ общія риторическія мѣста, образы безъ лицъ, сбитыя кое-какъ на одну колодку.

Если авторъ имѣлъ цѣль дидактическую, т. е. хотѣлъ развить практически какія нибудь идеи, или, въ формѣ романа, представить новыя точки зрѣнія на событія избранной имъ эпохи изъ отечественной исторіи, то опять скажу ему съ тою же откровенностію, что и въ семъ случаѣ онъ ни мало не достигъ своей цѣли. Ибо дидактическое направленіе въ искусствѣ требуетъ современныхъ идей о предметахъ и просвѣщеннаго взгляда на вещи: но, спрашиваю всѣхъ и каждаго: есть ли что нибудь современнаго въ понятіяхъ автора объ искусствѣ въ сихъ строкахъ: „*Надобно предувѣдомитъ читателя, что онъ по всегдашней своей благосклонности* — (охъ ужъ этѣ авторскія надежды на благосклонность читателей!) *долженъ будетъ дѣлать мысленно за авторомъ скачки, не по днямъ, а по годамъ.* (Трудное дѣло — какъ разъ упрыгаешься: сужу по собственному опыту). *Это романическіе антракты, въ которые* (въ которыхъ?) *авторъ не находитъ: что бы ему написать путнаго*, — (хоть и говорятъ, что *дѣло мастера боится*, а видно не такъ-то легко!) — *а гоняясь за эффектами собираетъ произшествія многихъ лѣтъ, чтобъ поразить читателя сложностію явленій*“. Правда, сущая правда! именно такъ и дѣлали всѣ великіе романисты, начиная съ *Вальтера Скотта* до автора „Таинственнаго Монаха“. Этѣ прекрасныя и глубокія мысли о творчествѣ г. авторъ заключаетъ сими грустными, уныніе наводящими словами: „*Счастливы оба* (т. е. авторъ и его читатель), *если это удастся. Только многіе собираются, да мало являются. Можетъ быть и наша участь такова же*“. — Всесовершеннѣйшая и всеконечнѣйшая правда! Жаль только, что послѣдняя мысль выражена въ предположительной, а не утвердительной формѣ!

Если Г. авторъ хотѣлъ представить живую картину быта нашихъ предковъ въ самую занимательную эпоху Русской исторіи, то и здѣсь онъ не вполнѣ достигаетъ своей цѣли; ибо хотя у него факты и до

крайности вѣрны (что можно видѣть изъ самовара и чаю), но въ картинахъ нѣтъ никакой жизни.

Если г. авторъ хотѣлъ своимъ романомъ доставить публикѣ хорошо и складно написанную по Русски книгу; то, въ семъ отношеніи, онъ всего менѣе достигъ своей цѣли; ибо, увлеченный, можетъ быть порывами воображенія, онъ забылъ орѳографію, что видно изъ неправильной разстановки знаковъ препинанія, и въ особенности двоеточій, а болѣе всего въ ошибкахъ противъ синтаксиса, что можно видѣть изъ слѣдующихъ выдержекъ: „*Зная духъ Русскихъ*, онъ *предвидѣлъ, что покоривъ его однажды спасительному игу военнаго повиновенія*, солдаты *его будутъ первѣйшими въ свѣтѣ*". (Ч. II, стр. 149).

Это галлицизмъ, а такихъ галлицизмовъ въ семъ романѣ тьма. „*Она была заливишись слезами*" — это фраза изъ Петербургскаго жаргона, а такихъ фразъ въ семъ романѣ бездна. Замѣчу еще мимоходомъ объ эстетическомъ чувствѣ г. автора: на 203 страницѣ втораго тома у него помѣщена такая чудная картина (строка 16 — 22), что я, изъ уваженія къ читателямъ, и изъ страха возмутить ихъ душу и произвести тошноту [95]), не выписываю этого мѣста, не смотря на всю его краткость, а только совѣтую г. автору избѣгать этѣхъ отвратительныхъ пошлостей, которыми такъ любитъ щеголять игривая фантазія *Барона Брамбеуса*.

*78 **Похожденіе червонца и послѣдняя участь его въ Макарьевской ярмаркѣ**. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1834. 22. (12) [96]).

Довольно остроумная и хорошимъ языкомъ написанная шутка. Авторъ оной выводитъ наружу жидовскія плутни нѣкоторыхъ Русскихъ бородатыхъ купцовъ, наживающихся обтираніемъ Голландскихъ червонцевъ; а такъ какъ онъ не претендуетъ на преподаваніе пошлой морали и представляетъ довольно забавно смѣшную сторону этого мошенничества, то его маленькая книжечка можетъ читаться не безъ удовольствія.

*79 **Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.** Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835. Съ портретомъ Автора. Двѣ части: I — 240, II — 183. (8) [97]).

Первая часть сего собранія стихотвореній Г. *Баратынскаго* заключаетъ въ себѣ его мѣлкія пьесы, числомъ 131, а вторая его большія поэмы: Эду, Пиры, Балъ, Телема и Макару, Переселеніе душъ, Цыганку (переименованную такъ изъ Наложницы). Въ одномъ изъ №№ Телескопа мы надѣемся поговорить поподробнѣе о Стихотвореніяхъ Г. *Баратынскаго*.

(— **онъ — инскій**).

80. Вѣдьма, или страшныя ночи за Днѣпромъ. Русскій романъ, взятый изъ народнаго преданія. Соч. *А. Чуровскаго*, Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1834. Три части: 1 — 170, II — 157, III — 156. (12).

Черной (ый) Кощей, или за Днѣпровскій Хуторъ, у Лунной горы. Русскій романъ, изъ временъ Петра Великаго. Соч. *А. Чуровскаго*. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1834. Три части: I—99, II—68, III—51 (12) [98]).

Г. *А. Чуровскій* есть новое лице, недавно выступившее на поприще литературы. Но неизвѣстность его имени не мѣшаетъ совершенному успѣху его дебюта; пословица говоритъ: *видно птицу по полету, а добраго молодца по ухваткѣ!* Онъ подражаетъ почтенному *Н. И. Гречу*, знаменитому автору Черной Женщины, и, надобно сказать правду, подражаетъ ему съ большимъ успѣхомъ: его романъ не только ни на волосъ не уступаетъ въ достоинствѣ „Черной Женщинѣ", но еще превосходитъ ее занимательностію содержанія, обиліемъ всякаго рода чертовщины, т. е. участіемъ нечистой силы въ дѣлахъ слабыхъ смертныхъ, множествомъ картинъ мастерской отдѣлки въ родѣ сочиненій *Матушки Мадамъ Жанлисъ, Радклифъ, Дюкредюминиля* и всей честной братіи. Во всемъ этомъ Г. *Чуровскій* несравненно выше Г. *Греча*; но у него есть свои стороны, въ которыхъ онъ уступаетъ Г. *Гречу*: это вопервыхъ Грамматика, которая у Г. *Чуровскаго* жестоко страждетъ, тогда какъ у Г. *Греча* является во всемъ блескѣ совершенства; само собою разумѣется, что и не Г. *А. Чуровскому* далеко тягаться въ семъ случаѣ. И такъ Г. *А. Чуровскій* въ Грамматикѣ далеко уступаетъ ему, равно какъ и въ наружныхъ качествахъ своихъ романовъ: онѣ печатаны въ типографіи Г. *Пономарева*, и слѣдовательно на дурной сѣрой бумагѣ и съ типографическими ошибками, которыя въ соединеніи съ орѳографическими, синтаксическими и этимологическими, приводятъ въ трепетъ даже и меня, меня, за грѣхи жизни обреченнаго судьбою на чтеніе всѣхъ возможныхъ ужасовъ, начиная съ *невинныхъ* мечтаній Вадима*** [99]) до неистовой трескотни повѣстей *Барона Брамбеуса*. За то сочиненія Г. *Чуровскаго* превосходятъ твореніе Г. *Греча* внутренними качествами. Во первыхъ, въ нихъ чертовщины гораздо больше; во вторыхъ онѣ отличаются большею современностію, или, по крайней мѣрѣ, претензіями на современность. Но я чувствую, что я никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ разсматривать романы Г. *А. Чуровскаго*, въ отношеніи къ роману Г. *Греча*. Что бы не утомить читателей Молвы огромною рецензіею, я предоставляю имъ самимъ судить о достоинствѣ произведеній Г. *А. Чуровскаго*, по слѣдующей тирадѣ изъ его Чернаго Кощея:

„Ну, Ѳедюха Юла! распотѣшилъ ты давича мою головушку, говорилъ одинъ изъ нихъ; шутками, началъ передъ Матрешей какія

финтифанты разводить; ужь моли Бога, что не видалъ-те Гришуха Бурсакъ, а то отломалъ бы бока-то!

„Гришуха Бурсакъ“ — ну ужъ великая штука!.. Нѣтъ, братъ Сенюша, ты еще не видывалъ отъ меня рыси, я и не такую пыль въ глаза запущу; а что мнѣ Гришуха? — ни почёмъ!.. Я какъ поговорилъ дюжо съ Матрешей, такъ она теперь и плевать-то на него не захочетъ. — Да что и за полюбовникъ! какъ съ якшался съ Мишухой удалымъ, по недѣлѣ къ ней и глазъ не кажетъ!“ (Ч. II, 7).

Не правда ли, что въ этомъ маленькомъ отрывкѣ вся Малороссія видна какъ на ладони? что она выражена, возпроизведена въ немъ съ удивительно-поразительною вѣрностію?

Одно только странно, что Г. *А. Чуровскій* не разу не упомянулъ, въ своемъ „Черномъ Кощеѣ“, о Петрѣ Великомъ, имя котораго выставлено въ заглавіи! Неужели это можно объяснить излишнею подражательностію? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что геніи, подражая какому-нибудь творенію, и превосходя свой оригиналъ красотами, не рѣдко какъ бы противъ своей воли, отражаютъ его недостатки въ своихъ твореніяхъ. Г. *А. Чуровскій*, ради самаго Феба, не подражайте Г. *Гречу*; равнымъ образомъ, не учитесь Грамматикѣ; эта прозаическая наука генію ни къ чему не служитъ, и лишь только охлаждаетъ его пламенные восторги.

(**— онъ — инскій**).

81. И МОЕ МНѢНІЕ
ОБЪ ИГРѢ
Г. Каратыгина [100]).

Въ нашей вялой и прозаической жизни всякая новость возбуждаетъ всеобщее вниманіе и сильно занимаетъ собою умы всѣхъ и каждаго. Къ числу такихъ новостей принадлежитъ вторичный пріѣздъ въ Москву знаменитыхъ Петербургскихъ артистовъ, *Каратыгиныхъ*. Кто не помнитъ, какъ засуетилась наша бѣлокаменная во время ихъ перваго пріѣзда, какая была давка у театра, какъ трудно было доставать билеты, какъ толковали и спорили объ игрѣ любимцевъ Петербургской публики и въ аристократическихъ гостиныхъ и гостинницахъ, и въ плебейскихъ горницахъ и трактирахъ, и на улицахъ и перекресткахъ? Кто не помнитъ знаменитаго турнира, на которомъ было переломлено столько копій и pour contre, во имя *Каратыгиныхъ*, *П. Щ.* и Г. *Шевыревымъ* и ареною котораго была Молва [101]). Кто не помнитъ, какъ Г. *Шевыревъ*, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ и утомительныхъ схватокъ, оставилъ поле битвы и не кончилъ сраженія, обидѣвшись невѣжливостію своего хладнокровнаго и несговорчиваго противника, не хотѣвшаго поднять забрала своего

шлема и провозгласить своего рода и имени?.. Оно, кажется, тутъ бы не на что претендовать: вѣдь журнальные турниры со всѣмъ не то, что рыцарскіе турниры. Благородные рыцари почитали предосудительнымъ для себя сражаться съ безымянными противниками, ибо вмѣняли въ безчестіе подвергать свое благородное тѣло невѣжливымъ ударамъ какого нибудь плебея, и не видѣли ни какой для себя славы въ побѣдѣ надъ противникомъ незнатнаго рода и племени; но въ литературѣ геральдика вещь совершенно посторонняя; въ ней важны дѣла, а не имена. Но всѣмъ уже извѣстно, что Г. *Шевырев*ъ скрѣпу критическихъ статей именами ихъ авторовъ почитаетъ самымъ вѣрнымъ для избѣжанія отъ *навѣтовъ, коварства* и *недобросовѣстности критики* [101]) и крѣпко убѣжденъ, что критикъ, скрывающій свое имя, непремѣнно долженъ имѣть какіе нибудь недобрые умыслы въ отношеніи къ своему противнику... Какъ бы то ни было, дѣло не о томъ.... и потому я обращаюсь къ предмету моей статейки, подъ которой однако не подписываю полнаго моего имени, ибо хочу высказать мое мнѣніе, а не блеснуть моимъ именемъ, которое очень не важно, и до котораго посему никому нѣтъ дѣла.

И такъ всѣмъ памятны шумъ и движеніе, произведенные прежнимъ пріѣздомъ въ Москву Г-на и Г-жи *Каратыгиныхъ*.. Такое же ли точно дѣйствіе произвелъ теперешній ихъ пріѣздъ? Кажется, что нѣтъ. Правда, и теперь по утрамъ ужасная давка при раздачѣ билетовъ, и теперь ходенемъ ходитъ огромный Петровскій театръ отъ грома рукоплесканій нашей доброй и неслишкомъ взыскательной публики, и теперь въ той же самой Молвѣ, вышелъ къ арену таинственный Г. *П. Щ.* [103]); но рукоплесканія уже не такъ единодушны и дружны, уже часто онѣ прерываются и заглушаются ропотомъ неудовольствія; но таинственный Г. *П. Щ.* что-то рѣшительнѣе и рѣзче, хладнокровнѣе и насмѣшливѣе въ своемъ тонѣ, и пока еще не встрѣтилъ ни одного противника.. Что бы это значило?.. Не ужели Г. *Каратыгинъ*, этотъ артистъ, такъ горячо любящій свое искусство, такъ глубоко и усердно изучающій его, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, пошелъ назадъ и сдѣлался хуже?..

Нѣтъ: онъ все тотъжъ, но уже не тѣ обстоятельства: къ нему присмотрѣлись, его разглядѣли, а прелесть новости потеряла свою магическую силу. Вотъ и разгадка этой загадки. Въ искусствѣ есть два рода красоты и изящества, такъ же точно, какъ есть два рода красоты въ лицѣ человѣческомъ. Одна поражаетъ вдругъ, нечаянно, насильно, если можно такъ сказать; другая постепенно и непримѣтно вкрадывается въ душу и овладѣваетъ ею. Обаяніе первой быстро, но не прочно; второй медленно, но долговѣчно; первая опирается на новость, нечаянность, эффекты и не рѣдко странность; вторая бе-

ретъ естественностію и простотою. *Марлинскій* и *Гоголь* — вотъ вамъ представители того и другаго рода красоты въ искусствѣ. Я не отрицаю таланта въ Г. *Марлинскомъ* и, пока еще не вижу генія въ Г. *Гоголѣ* [104]), но хочу только показать разность между талантомъ *случайнымъ*, т. е. развившимся въ слѣдствіе или обстоятельствъ жизни, или направленія полученнаго съ дѣтства, и талантомъ самобытнымъ, независимомъ отъ обстоятельствъ жизни. Первый всему обязанъ образованіемъ, а безъ него ничего не значитъ; второму образованіе даетъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія и возвышаетъ его взглядъ на природу, но не усиливаетъ его ни на волосъ. *Шекспиръ* и *Вольтеръ* — вотъ два драматурга, оба съ талантомъ, но одинъ невѣжда, а другой всезнайка — нужно ли тутъ слишкомъ разпространяться? — Но изо всѣхъ признаковъ, которыми отличается талантъ природный отъ таланта случайнаго, для меня разительнѣе слѣдующій: талантъ самобытный всегда успѣваетъ, когда не выходитъ изъ своей сферы, когда остается вѣренъ своему направленію, и всегда падаетъ, когда хватается не за свое дѣло, въ слѣдствіе разсчета или системы; талантъ случайный берется за все, и нигдѣ не падаетъ совершенно; Г. *Марлинскій* во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, какъ ни разнообразны онѣ, одинаковъ и ровенъ — т. е. вполовину хорошъ, вполовину дуренъ; Г. *Гоголь* вздумалъ написать фантастическую повѣсть à *la Hoffmann* (Портретъ), и эта повѣсть рѣшительно никуда не годится.

(до слѣдующаго листка).

И МОЕ МНѢНІЕ
ОБЪ ИГРѢ
Г. Каратыгина.

(окончаніе).

Повидимому я отдалился отъ предмета моего разсужденія; но въ самомъ дѣлѣ, я гораздо ближе къ нему, нежели какъ можно ожидать. У насъ два трагическихъ актера, Г. *Мочаловъ* и Г. *Каратыгинъ*: хочу провести между ними параллель. „Какое невѣжество! *Каратыгинъ* и *Мочаловъ* — fi donc! Можно ли помнить о *Мочаловѣ*, говоря о *Каратыгинѣ*?..“ Не знаю, будутъ ли мнѣ сказаны подобныя слова; но я уже какъ будто слышу ихъ. У насъ это такъ натурально; мы такъ неумѣренны ни въ нашемъ удивленіи, ни въ нашемъ презрѣніи къ авторитетамъ. Теперь какъ-то странно и даже страшно произнести имя Г. *Мочалова*, не имѣя намѣренія посмѣяться надъ нимъ, какъ смѣются надъ *Александромъ Орловымъ*, говоря о *Вальтеръ-Скоттѣ*. Но я думаю иначе, и если каждый, въ дѣлѣ литературы и искусства, можетъ имѣть свое мнѣніе [105]), то почему же и мнѣ не имѣть своего,

хотя мое скромное имя и не значится въ литературныхъ Адрес-Календаряхъ?..

Всѣмъ извѣстно, что съ Г. *Мочаловымъ* очень рѣдко случается, чтобы онъ выдержалъ свою роль отъ начала до конца, однакожъ все-таки случается, хотя и рѣдко, какъ на пр. въ ролѣ Яромира въ Прародительницѣ, въ роли Тасса и нѣкоторыхъ другихъ. Потомъ, всѣмъ извѣстно, что онъ можетъ быть хорошъ только въ извѣстныхъ роляхъ, будто нарочно для него созданныхъ, а въ прочихъ по большей части бываетъ рѣшительно дуренъ. Наконецъ, всѣмъ также извѣстно, что, часто дурно понимая и дурно исполняя цѣлую роль, онъ бываетъ превосходенъ, неподражаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оной, когда на него находитъ свыше геній вдохновенія. Теперь, всѣмъ извѣстно, что Г. *Каратыгинъ* равно успѣваетъ во всѣхъ роляхъ, т. е. что ему равно рукоплещутъ во всевозможныхъ роляхъ, въ ролѣ Карла Моора и Димитрія Донскаго, Фердинанда и Ермака, Эссекса и Ляпунова. По моему мнѣнію, въ декламаторскихъ роляхъ онъ бываетъ еще лучше, и думаю, что онъ былъ бы превосходенъ въ ролѣ Димитрія Самозванца, трагедіи *Сумарокова*, и во всѣхъ главныхъ персонажахъ трагедій *Хераскова* и *Барона Розена*... Какое же должно вывести изъ этого слѣдствіе?.. Что Г. *Мочаловъ* талантъ низшій, *односторонній*, а Г. *Каратыгинъ* актеръ съ талантомъ *всеоблемлющимъ*, Гёте сценическаго искусства? Такъ думаетъ большая часть нашей публики, большая часть, но не всѣ, и я принадлежу къ малому числу этихъ *не всѣхъ*. По моему вотъ что̀: Г. *Мочаловъ* талантъ невыработанный, односторонній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильный и самобытный; а Г. *Каратыгинъ* талантъ случайный, не призванный, успѣхъ котораго зависитъ отъ огромныхъ природныхъ средствъ, т. е. роста, осанки, фигуры, крѣпкой груди, и потомъ отъ образованности, ума, чаще смѣтливости, а болѣе всего смѣлости... Послушайте: если Г. *Мочаловъ* могъ въ цѣлую жизнь свою ровно и искусно выдержать двѣ-три роли въ ихъ цѣлости, то согласитесь, что у него, кромѣ чувства, которое можетъ быть живо и пламенно и не у художника, есть рѣшительный сценическій талантъ, хотя и односторонній; если онъ бываетъ гигантски великъ въ нѣкоторыхъ монологахъ и положеніяхъ, дурно выдерживая цѣлость и ровность роли, то согласитесь, что онъ обладаетъ чувствомъ неизмѣримо-глубокимъ. Почему же онъ не можетъ выдерживать цѣлости не только всѣхъ, но даже и большей части ролей, за которыя берется? Отъ трехъ причинъ: отъ недостатка образованности, соединеннаго съ упрямою невнимательностію къ искреннимъ совѣтамъ истинныхъ любителей искусства, потомъ, отъ односторонности своего таланта, и наконецъ оттого, что онъ для эффектовъ не профанируетъ своимъ чувствомъ... Не правда ли, что

послѣдняя причина кажется вамъ слишкомъ странною? Погодите — я объяснюсь прямѣе, для чего пока оставлю въ покоѣ Г. *Мочалова* и обращусь къ Г. *Каратыгину*.

Г. *Каратыгинъ*, какъ я уже сказалъ, берется рѣшительно за всѣ роли, и во всѣхъ бываетъ одинаковъ, или, лучше сказать, ни въ одной не бываетъ несносенъ, какъ то не рѣдко случается съ Г. *Мочаловымъ*. Но это происходитъ скорѣе не отъ *всесторонности* таланта, но отъ недостатка истиннаго таланта. Г-ну *Каратыгину* нѣтъ нужды до роли: Ермакъ, Карлъ Мооръ, Димитрій Донской, Фердинандъ, Эдипъ—ему все равно, была бы роль, а въ этой роли были бы слова, монологи, а пуще всего возгласы и риторика: съ чувствомъ, безъ чувства, съ смысломъ, безъ смысла, повторяю, ему все равно! Я очень хорошо понимаю, что одинъ и тотъ же актеръ можетъ быть превосходенъ въ роляхъ: Отелло, Шайлока, Гамлета, Ричарда III, Макбета, Карла и Франца Моора, Фердинанда, Маркиза Позы, Карлоса, Филиппа II, Теля, Макса, Валленштейна и проч., какъ ни различны эти роли по своему духу; характеру и колориту; но я никакъ не могу понять, какъ одинъ и тотъ же талантъ можетъ равно блистать и въ бѣшеной кипучей роли Карла Моора, и въ декламаторской, надутой роли Димитрія Донскаго, и въ естественной, живой роли Фердинанда, и въ натянутой роли Ляпунова. Такой актеръ не то ли же самое, что поэтъ, готовый во всякой часъ, во всякую минуту проимпровизовать вамъ прекрасными стихами и *буриме*, и *мадригалъ*, и *эпиграмму*, и *акростихъ*, и *оду*, и *поэму*, и *драму*, и все что ни зададутъ ему? Здѣсь я вижу не талантъ, не чувство, а чрезвычайное умѣніе *побѣждать трудности*, это умѣніе, которое такъ высоко цѣнилось Французскими критиками XVIII вѣка, и которое такъ хорошо напоминаетъ дивное искусство фокусника, метавшаго горохъ сквозь игольное ушко.

Я сценическое искусство почитаю творчествомъ, а актера самобытнымъ творцемъ, а не рабомъ автора. Найдите двухъ великихъ сценическихъ художниковъ, геній которыхъ былъ бы совершенно равенъ, дайте имъ сыграть одну и ту же роль и вы увидите тоже да не то. И это очень естественно: ибо невозможно найдти даже двухъ читателей, съ равною образованностію и равною способностію принимать впечатлѣнія изящнаго, которые бы совершенно одинаковымъ образомъ представляли себѣ героя драмы. Они оба поймутъ одинаковымъ образомъ идею и идеалъ персонажа, но различнымъ образомъ будутъ представлять себѣ тонкія черты и оттѣнки его индивидуальности. Тѣмъ болѣе актеръ: ибо онъ, такъ сказать, *дополняетъ* своею игрою идею автора, и въ этомъ-то дополненіи состоитъ его творчество. Но этимъ оно и ограничивается. Изъ пылкаго харак-

тера, созданнаго поэтомъ, актеръ не можетъ и не имѣетъ права сдѣлать хладнокровнаго, и на оборотъ. Теперь спрашиваю я, какимъ же образомъ дастъ онъ жизнь персонажу, если авторъ не далъ ему жизни, какимъ образомъ заставитъ онъ его говорить страстно, пламенно, изступленно, когда авторъ заставилъ его говорить натянуто, надуто, риторически? *Отъ высокаго до смѣшнаго — только шагъ*, и потому, при неудачномъ исполненіи, чѣмъ выше идея, тѣмъ каррикатурнѣе ея впечатлѣніе. Другое дѣло комедія. Тамъ актеръ является болѣе творцемъ, ибо иногда можетъ придать персонажу такія черты, о которыхъ авторъ и не думалъ. И вотъ почему нашъ несравненный *Щепкинъ* часто бываетъ такъ превосходенъ въ самыхъ плохихъ роляхъ. Онъ пересоздаетъ ихъ, а для этого ему нужно, чтобы онѣ были только что не безсмысленны. И это очень естественно, ибо здѣсь, если авторъ не вдохновляетъ актера, то актеръ можетъ *вдохнуть душу живую* въ его мертвыя созданія, потому что здѣсь нужно одно искусство, а не чувство, не душа [1]). Но въ драмѣ актеръ и поэтъ должны быть дружны, иначе изъ ней выйдетъ презабавный водевиль. Въ ней роль должна одушевлять и вдохновлять актера, ибо и обыкновенный читатель, совсѣмъ не бывши актеромъ, можетъ потрясти душу слушателя декламировкою какого нибудь сильнаго мѣста въ драмѣ. Искусство и здѣсь орудіе важное, но второстепенное, вспомогательное.

Я видѣлъ Г. *Каратыгина* въ четырехъ роляхъ: (не упоминаю о пустой ролѣ, игранной имъ въ драмѣ: „Мужъ Жена и Сынъ,“) въ Ермакѣ, Ляпуновѣ, Эссексѣ (въ прошлый пріѣздъ его въ Москву), и Карлѣ Моорѣ (во второй разъ). Чтобы подкрѣпить мои мысли фактами, буду говорить о послѣдней. Ни въ одной ролѣ онъ не казался мнѣ такъ рѣшительно дуренъ, такъ холоденъ, такъ натянутъ, такъ эффектенъ. Ни одного слова, ни одного монолога, отъ котораго бы забилось сердце, поднялись дыбомъ волосы, вырвался тяжкій вздохъ, навернулась бы на глазахъ восторженная слеза, отъ котораго бы затрепеталъ судорожно зритель, бросило бы его въ ознобъ и жаръ! Пробуждалось по временамъ какое-то странное чувство, похожее на чувство, происходящее отъ страха, или отъ давленія

---

[1]) Я здѣсь разумѣю однѣ смѣшныя, или уже слишкомъ посредственныя роли, и не говорю о роляхъ высшей художественной комедіи, въ которой актеръ непремѣнно долженъ понять автора, чтобы успѣть. Доказательствомъ этого можетъ служить игра Г. *Щепкина* въ Венеціанскомъ Купцѣ и Матросѣ, гдѣ нѣтъ чисто высокаго и гдѣ много комическаго, но гдѣ, при всемъ томъ, совсѣмъ не до смѣха. Тоже доказываетъ его же игра въ чисто-комической ролѣ Фамусова, въ которой актеръ глубоко понялъ поэта, и не смотря на свою отъ него зависимость, самъ является творцемъ.

домоваго; но это чувство было мимолетно, мгновенно, ибо, лишь только зритель начиналъ подчиняться его обаянію, какъ тотчасъ все оказывалось ложною тревогою, и актеръ спѣшилъ разрушить подобное впечатлѣніе, или какимъ нибудь изысканнымъ эффектомъ, или совершеннымъ отсутствіемъ чувства при крайнемъ усиліи возвыситься до чувства, въ чемъ разумѣется, онъ уже нисколько не виноватъ. Какъ, на примѣръ, сыгралъ Г. *Каратыгинъ* эту славную, потрясающую сцену, въ которой Карлъ Мооръ выводитъ отца своего изъ башни и выслушиваетъ ужасную повѣсть его заключенія: онъ стремительно обратился къ спящимъ разбойникамъ: это движеніе и выстрѣлъ изъ пистолета, были сдѣланы грозно и благородно, а вопль: „*вставайте!*“ былъ превосходенъ; но что же онъ сдѣлалъ потомъ, какъ произнесъ лучшій монологъ въ драмѣ? Онъ (слушайте слушайте!), онъ отвелъ за руки, на край сцены, троихъ изъ главныхъ разбойниковъ, и обратившись къ одному и, помнится, сжавши его руку, сказалъ: „*Посмотрите, посмотрите: законы свѣта нарушены!*“ къ другому: „*Узы природы прерваны!*“ къ третьему: „*Сынъ убилъ отца!*“ Оно и дѣльно—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, чтобъ ни одной не было завидно. Нѣтъ, не такъ произноситъ *иногда* этотъ монологъ Г. *Мочаловъ*: въ его устахъ это лава всеувлекающая, всепожирающая, это черная туча, внезапно разраждающаяся громомъ и молніею, а не придуманныя заранѣе театральныя штучки. Въ одномъ только мѣстѣ этой драмы Г. *Каратыгинъ* былъ не дуренъ, когда говорилъ: „*Какъ величественно заходитъ солнце!... Въ юности моя любимая мысль была—жить и умереть подобно ему... Дѣтскія были мечты мои!*“... И то не потому, чтобы онъ придалъ этимъ словамъ особенное чувство, но потому, что произнесъ ихъ просто, безъ натяжки, безъ фарсовъ.

За чѣмъ мы ходимъ въ театръ, за чѣмъ мы такъ любимъ театръ? За тѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплесневѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни, мощными и разнообразными впечатлѣніями, за тѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями, и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страстей и жизни! Въ душѣ человѣческой есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другою душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенія, гдѣ тысячи *я* сливаются въ одно общее цѣлое *я* въ гармоническомъ сознаніи безпредѣльнаго блаженства?.. Когда этотъ поэтическій

Мооръ, этотъ падшій ангелъ, указываетъ на разпростертаго безъ чувствъ старца-мученика, и нечеловѣческимъ голосомъ восклицаетъ: „*о посмотрите, посмотрите—это мой отецъ!* когда онъ, въ награду за великодушный поступокъ своего товарища возлагаетъ на него обязанность мстить за своего отца, и, поднявъ руки къ небу, проклинаетъ изверга-брата: о! въ васъ нѣтъ души человѣческой, нѣтъ чувства человѣческаго, если при этомъ вы не обомрете, не обомлѣете отъ ужаснаго и вмѣстѣ сладостнаго восторга!.. [106]) Но полное сценическое очарованіе возможно только подъ условіемъ естественности представленія, происходящей сколько отъ искусства, столько и отъ ансамбля игры. Но у насъ невозможенъ этотъ ансамбль, не возможна эта цѣлость и совокупность игры, ибо, у насъ, съ бѣшеными воплями Г. *Мочалова* мѣшается ревъ и кривлянье Гг. *Павла Орлова, Волкова,* Г-жи *Рыкаловой* и многихъ, многихъ иныхъ прочихъ. Чтожъ тутъ дѣлать? Остается смотрѣть внимательно на главный персонажъ драмы, и закрыть глаза для всего остальнаго. Но ежели и актеръ, занимающій главное амплуа, не выдерживаетъ цѣлости роли, будучи превосходенъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оной? Тутъ что остается дѣлать?—Ловить эти немногія мѣста и благодарить художника за нѣсколько глубокихъ потрясеній, за нѣсколько сладкихъ минутъ восторга, которыя вы уносите изъ театра, и память о которыхъ долго, долго носится въ душѣ вашей. Такъ смотрю я на игру Г. *Мочалова*, этого требую я отъ игры его, это не рѣдко [1]) получаю, и за это благодарю его. Напримѣръ, нынѣшнимъ годомъ на масляницѣ, я видѣлъ его въ ролѣ Отелло: роль, какъ обыкновенно, была дурно выдержана, но за то было нѣсколько мѣстъ, отъ которыхъ я потерялъ свое мѣсто, и не помнилъ и не зналъ, гдѣ я и что̀ я, отъ которыхъ всѣ предметы, всѣ идеи, весь міръ и я самъ слились во что-то неопредѣленное, и составили одно цѣлое и нераздѣльное, ибо я услышалъ какіе-то ужасные, вызванные со дна души, вопли, и прочелъ въ нихъ страшную повѣсть любви, ревности, отчаянія — и эти вопли еще и теперь раздаются въ душѣ моей. Я даже понималъ, отъ чего такъ дурно была выдержана цѣлость роли: давали Отелло, какъ и всегда, пошлой фабрики варвара-*Дюсиса* [107]); а Г. *Мочаловъ* въ своей игрѣ живетъ жизнію автора, и тотчасъ умираетъ, какъ скоро умираетъ авторъ. Чуть несообразность, чуть натяжка—и онъ падаетъ. Въ моихъ глазахъ, этотъ недостатокъ искусства есть высочайшее достоинство, ибо служитъ вѣрнымъ ручательствомъ добросовѣстности

---

[1]) Къ сожалѣнію, это *не рѣдко* становится день ото дня все *рѣже* и *рѣже*. О. Г. *Мочаловѣ* должно теперь говорить часто уже въ *прошедшемъ*, или даже въ *давно-прошедшемъ* времени. *Зам. Изд.* (т.-е. *Надеждина*).

артиста и неподдѣльности его чувства. Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на Г. *Мочалова* въ *Шекспировскомъ* Отелло...

Не таковъ Г. *Каратыгинъ*; роли надутыя, неестественныя, декламаторскія суть торжество его; онъ заставляетъ забывать о ихъ несообразности и нелѣпости; тамъ гдѣ Г. *Мочаловъ* насмѣшилъ бы всѣхъ, тамъ онъ особенно хорошъ. Возьму для примѣра Ермака Г. *Хомякова*. Закрывши рукой имена персонажей, я могу съ наслажденіемъ читать эту пьесу, ибо это собраніе элегій и поэтическихъ думъ о жизни исполнено теплоты чувства и поэзіи. Еще съ большимъ наслажденіемъ я выслушалъ бы ихъ отъ Г. *Каратыгина*, только не въ театрѣ, а въ комнатѣ. Но какъ пьеса драматическая, Ермакъ просто нелѣпость. Чтобы заставить насъ восхищаться имъ на сценѣ, надо сперва воротить насъ ко временамъ *классицизма*, къ этимъ блаженнымъ временамъ наперстниковъ, злодѣевъ, героевъ, фижмъ, румянъ, бѣлилъ и декламаціи. Но Г. *Каратыгинъ* не побоялся взять на себя этой миссіи, и онъ не совсѣмъ ошибся въ своемъ разчетѣ. Его всегдашнее орудіе — эффектность, граціозность и благородство позъ, живописность и красота движеній, искусство декламаціи. Напрасно обвиняютъ его въ излишествѣ эффектовъ; его игра не можетъ существовать внѣ ихъ. Я думаю, онъ былъ бы очаровательно-прекрасенъ въ ролѣ Димитрія Самозванца, и на вопросъ Шуйскаго:

Какая предстоитъ Димитрію бѣда?

мастерски бы отвѣтилъ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

Да, я увѣренъ, что театръ потрясся бы до основанія отъ грома рукоплесканій. И это очень вѣроятно, ибо позы, движенія и декламація Г. *Каратыгина* менѣе зависятъ отъ содержанія и достоинства пьесы, чѣмъ отъ его удивительнаго искусства. Когда онъ бываетъ особенно хорошъ, когда онъ наиболѣе получаетъ рукоплесканій? Когда падаетъ въ ноги отцу, обнимаетъ его колѣна, бросается въ объятія къ женѣ, цѣлуетъ сына и, держа его на рукахъ, бѣгаетъ съ нимъ по сценѣ, бросается въ Иртышь, когда уноситъ на плечахъ отравленнаго Скопина-Шуйскаго, допрашиваетъ Фидлера и выбрасываетъ его въ окошко. Надобно замѣтить, что наша публика вообще очень смѣшлива: она смѣется, когда ужасный Шейлокъ точитъ ножъ о свой сапогъ, когда мстительный Жидъ въ грозныхъ словахъ изливаетъ ядъ ненависти своей къ Христіанамъ-палачамъ его племени, она хохочетъ надъ страданіями бѣднаго, благороднаго Матроса. Сцена между Ляпуновымъ и Фидлеромъ должна бы разсмѣшить ее; но

Г. *Каратыгинъ* такъ благородно и граціозно выбросилъ за окно Г. *Усачева*, что никто даже и не улыбнулся, кромѣ развѣ райка. Напротивъ, чудное дѣло! Эта же самая публика рукоплещетъ отъ восторга каррикатурнымъ возгласамъ Ляпунова къ своему мечу, или, когда онъ такъ уморительно-комически говоритъ Скопину: „*Здорово Князь*!" Г. *Каратыгинъ* вполнѣ разгадалъ нашу публику и глубоко понялъ ея требованія; вотъ вамъ и причина, почему на нынѣшній разъ много фарсовъ такъ прибавилось противъ прежняго. Если же онъ иногда ужъ черезъ чуръ пересаливаетъ въ нихъ, такъ это оттого, что онъ испытываетъ, понравятся ли публикѣ его новыя выдумки.

И такъ какой же вообще характеръ игры его? Преодолѣвать трудности, дѣлать все изъ ничего. А для этого, разумѣется, нужны одни эффекты, одно искусство, обдуманность, предварительное изученіе роли, созданной не авторомъ, но актеромъ. Смотря на его игру, вы безпрестанно удивлены, но никогда не тронуты, не взволнованы. Искусство безъ чувства — это *классицизмъ*, холодный какъ зима, выглаженный какъ мраморъ, но плѣняющій искусно-отдѣланными формами. Впрочемъ можетъ быть, я и не правъ, ибо на счетъ этого у меня свой образъ мыслей, въ которомъ меня цѣлый свѣтъ не переувѣритъ: я не понимаю, какъ могъ восхищать своею игрою *Тальма*, ибо не понимаю, какъ можно восхищаться трагедіями *Корнеля, Расина, Вольтера*, въ которыхъ отличался этотъ любимецъ Наполеона [1])... Гдѣ нѣтъ истины, природы, естественности, тамъ нѣтъ для меня очарованія. Я видѣлъ Г. *Каратыгина* нѣсколько разъ, и не вынесъ изъ театра ни одного сильнаго движенія; въ его игрѣ все такъ удивительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поддѣльно, придуманно, изысканно. Г. *Каратыгинъ*—*Марлинскій* сценическаго искусства [108]); у него есть талантъ, но талантъ образованный силою воли, прилѣжнымъ изученіемъ, но не самобытный, не природный, какъ у Г. *Мочалова*; талантъ ходить, говорить, разчитывать эффекты, понимать, гдѣ и что надо дѣлать, но не увлекать души зрителей собственнымъ увлеченіемъ, не поражать ихъ чувства собственнымъ чувствомъ... Пластика, граціозность движеній и живописность позъ составляютъ сущность балетовъ, а въ драмѣ суть средства вспомогательныя, второстепенныя. Чувствомъ можно замѣнить недостатокъ оныхъ, но никогда ими не возможно замѣнить недостатокъ чувства. А чѣмъ восхищались еще три года назадъ тому жаркіе поклонники таланта Г. *Каратыгина?* О, нѣтъ! давайте мнѣ актера-плебея, но плебея *Марія*, не выглаженнаго лоскомъ паркетности, а энергическаго

---

[1]) *Тальма* восхищалъ своею игрою не въ однихъ классическихъ Французскихъ трагедіяхъ. *Зам. Изд.*

и глубокаго въ своемъ чувствѣ. Пусть подергиваетъ онъ плечами и хлопаетъ себя по бедрамъ; это дерганье и хлопанье пошло и отвратительно, когда дѣлается отъ незнанія, что надо дѣлать: но когда оно бываетъ предвѣстникомъ бури, готовой разразиться, то что мнѣ вашъ актеръ-аристократъ!...

Я сказалъ все, что хотѣлъ сказать. Почитаю нужнымъ замѣтить, что никогда не бывалъ за кулисами, никогда не находился ни въ какихъ отношеніяхъ съ Гг. артистами, о коихъ сужу, и не знакомъ ни съ однимъ изъ прочихъ, и потому судилъ безъ всякихъ личныхъ предубѣжденій, безъ всякаго личнаго пристрастія по моей совѣсти и разумѣнію. Легко можетъ статься, что мое мнѣніе будетъ очень не важно, какъ въ глазахъ артиста, такъ и въ глазахъ публики, но оно должно быть важно для меня, ибо тотъ недобросовѣстенъ, кто не дорожитъ своими мнѣньями, какъ человѣкъ, если не какъ литераторъ... Стыжусь и краснѣю, дѣлая эту пошлую оговорку; но чтожъ дѣлать, когда не только толпа, но и нѣкоторые изъ людей, руководствующихъ мнѣніями этой толпы, во всякомъ сужденіи, откровенно и рѣзко высказанномъ не въ пользу судимаго лица, видятъ *навѣты, недобросовѣстность и недоброжелательство?* [109]).

(**—онъ —инскій**).

***82. Рахиль.** Сочиненіе *Евгеніи Фоа*, переводъ съ Французскаго *Т—ы П...с...нъ*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 400. (12) [110]).

Эта книжка содержитъ въ себѣ девять повѣстей, сочиненныхъ дамою. Но ни то, ни другое обстоятельство ни мало не отнимаетъ достоинства и сочиненія и перевода. Правда, этѣ повѣсти не первоклассныя, даже не художественныя, въ высшемъ значеніи; но тѣмъ не менѣе онѣ достойны всякаго вниманія по своему внутреннему достоинству. По большей части, ихъ содержаніе представляетъ картины Еврейской жизни, но жизни Еврейской не въ Европѣ; въ Азіи и Африкѣ, почему сіи повѣсти отличаются чисто восточнымъ колоритомъ и персонажи ихъ представлены съ другой, лучшей, человѣческой стороны. Лучшія изъ девяти повѣстей суть: Тирза или Разводъ, Калисса и Смоляная Маска. Переводъ хотя сдѣланъ и дамою, но обличаетъ руку мужскую, твердую, и вообще такъ хорошъ, что не къ чему и придраться, кромѣ развѣ типографическихъ ошибокъ, вкравшихся потому что книга печаталась за глазами переводчицы. Этихъ ошибокъ довольно: даже самое имя переводчицы изкажено; вмѣсто *П...с...нъ*, надобноб *П...с...къ* [111]).

***83. Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу.** Сочиненіе *І-жи Радклифъ.* Англійское сочиненіе. Переводъ съ Французскаго. Изданіе третіе. Москва, въ

типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1835. 192. (12) (Съ плохою картинкою, а подъ нею, съ безграмотною надписью) [112]).

Въ 1835 году, когда всякому грамотному и читающему человѣку извѣстны романы *Вальтера-Скотта*, романъ покойницы Г-жи *Радклифъ*! Это должна быть спекуляція кого нибудь изъ нашихъ досужихъ *Ладвока* [113]). Переводъ этой книги, вѣроятно, былъ сдѣланъ во время оно, а теперь просто перепечатанъ. Страшное дѣло, не ужели эти вздоры находятъ еще читателей? Въ такомъ случаѣ, хвала нашимъ *Ладвока*, нашимъ букинистамъ, нашимъ ярморкамъ, и особенно нашимъ добрымъ провинціаламъ! Въ самомъ дѣлѣ, еслибы эти добрые люди не покупали такихъ книгъ и не читали ихъ во здравіе, то чтобы осталось дѣлать на бѣломъ свѣтѣ книгопродавцамъ Никольской улицы и толкучаго рынка?... Чтобы осталось дѣлать на бѣломъ свѣтѣ такимъ авторамъ, каковы Гг. *Орловъ*, *Сиговъ*, *Кузмичевъ*, *Свѣчинъ*, *Чуровскій*, авторъ Ольги Милославской, Графини Рославлевой и т. д.?... И такъ пишите, переводите и продавайте, почтеннѣйшіе!

(**—онъ —инскій**).

84. Учебная Книга Всеобщей Исторіи. (Для юношества.) Сочиненіе Профессора *И. Кайданова*. Древняя Исторія. Отъ сотворенія міра и произхожденія первыхъ Государствъ до переселенія народовъ и паденія Западной Римской Имперіи. Продается по 5 руб., у книгопродавца Ивана Сленина. С. Петербургъ, при Императорской Академіи Наукъ. 1834. XIV—336. (8) [114]).

Въ предисловіи къ этой книгѣ Г. Сочинитель говоритъ: „*Просвѣщенные читатели сей книги замѣтятъ, что, составляя Древнюю Исторію, я разсматривалъ многіе* (почему же не всѣ?) *предметы, входящіе въ составъ ея, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели съ каковой я смотрѣлъ на нихъ лѣтъ за пятнадцать передъ симъ, и вообще изложилъ Древнюю Исторію въ другомъ, противъ прежняго, видѣ.*“ Тоже самое объявила и Сѣверная Пчела при извѣстіи о выходѣ этой книги, увѣдомляя своихъ читателей, что Г. *Кайдановъ* представляетъ въ своемъ новомъ трудѣ результаты успѣховъ, сдѣланныхъ наукою въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Признаюсь, какъ выписанныя мною строки изъ предисловія почтеннаго автора, такъ и объявленія Сѣверной Пчелы поразили умы многихъ читателей глубокимъ удивленіемъ. Что за чудо такое совершилось въ наше время, думали мы. Мы имѣли полное право не довѣрять Пчелѣ, въ глазахъ которой всѣ предметы книжнаго Петербургскаго міра представляются въ увеличительномъ видѣ; но удостовѣреніе самаго автора, котораго скромность всѣмъ извѣстна, сдѣлало насъ по неволѣ суевѣрными. Но прочтя опредѣленіе исторіи, какъ науки, и первую страницу Введе-

нія, мы тотчасъ увидѣли, что это чудо очень естественно и обыкновенно. Правда, въ этой книгѣ много перемѣнъ и улучшеній, словомъ, много новаго; но это *новое* ново только для одного автора, и не носитъ на себѣ ни какихъ признаковъ успѣховъ науки. Изъ этого читатели не должны однако заключать, что Г. *Кайдановъ* хотѣлъ умышленно придать своей книгѣ больше цѣны для лучшаго ея сбыта, какъ-то дѣлаютъ многіе, которыхъ мы не называемъ. Нѣтъ: онъ, также скроменъ и добросовѣстенъ, какъ былъ всегда: онъ, можетъ быть, многихъ читателей ввелъ въ заблужденіе, но это потому, что самъ находится въ заблужденіи. Разбирать его книгу настоящимъ образомъ невозможно, ибо подробный разборъ вышелъ бы больше самой книги. И такъ ограничусь легкими замѣтками.

„Исторія есть *описаніе великой, долговремянной жизни рода человѣческаго*. По сему предметомъ ея суть дѣянія и судьбы людей.“— Такъ опредѣляетъ въ 1835 году Исторію Г. *Кайдановъ*, опредѣлявши ее въ 1817, 24 и 32 годахъ *„повѣствованіемъ о достопамятныхъ явленіяхъ въ мірѣ“*. По видимому это есть значительный шагъ впередъ для автора, но въ самомъ дѣлѣ это не иное что, какъ круговое движеніе мѣльничнаго колеса, которое безпрестанно вертится, а впередъ ни на шагъ. Что такое *„описаніе великой, долговремянной жизни рода человѣческаго?“* Наборъ словъ—съ грамматическимъ смысломъ. *„Предметъ Исторіи суть дѣянія и судьбы людей.“* Это есть предметъ *Біографіи*; предметъ Исторіи не *люди*, а *человѣчество*. Пора бы удостовѣриться Г. *Кайданову*, что Исторія есть *картина успѣховъ человѣчества на поприщѣ самосовершенствованія*, или другими словами: *„наука, показывающая, какимъ образомъ, и въ слѣдствіи какихъ причинъ жизнь человѣчества, развивавшаяся подъ формою политическихъ обществъ, явилась въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находится“* [115]). Это опредѣленіе не ново, да благо ужь готово. Въ наше время можно имѣть на Исторію взглядъ еще высшій; но имѣть на нее взглядъ низшій, значитъ совершенно не понимать ее.

Во Введеніи въ Исторію, у Г. *Кайданова* цѣлый параграфъ, состоящій изъ шести страницъ, означенъ рубрикою: *„польза знанія исторіи.“* Чего можно ожидать отъ человѣка, который добродушно разсуждаетъ о *пользѣ знанія исторіи?* И какъ разсуждаетъ? „Люди, говоритъ онъ, *прежде* насъ жили, и передали намъ сокровища своего разума и опытности, кои они пріобрѣли долговременными трудами, иногда же бѣдствіями, страданіями и слезами, — а мы, пользуясь сими сокровищами, не уже ли не захотимъ и знать о тѣхъ, кои оставили ихъ намъ въ наслѣдство?“ Не правда ли, что этѣ слова суть не иное что̀, какъ перефразировка словъ *Карамзина*, утверждавшаго, что мы потому должны знать о нашихъ предкахъ, что они

терпѣли и страдали за насъ, и своими бѣдствіями пріуготовили наше блаженство? Есть люди, которые утверждаютъ, что и *Карамзинъ* не имѣлъ права судить такъ поверхностно, ибо въ его время жилъ *Гердеръ* и другіе знаменитые писатели, начавшіе своими сочиненіями новую эру Исторіи; что же должно сказать о Г. *Кайдановѣ*, который съ 1817 года по 1835 годъ, повторяетъ такія старыя, истертыя вещи? „*Исторія переноситъ насъ, какъ бы волшебною силою, въ протекшіе вѣки, повелѣваетъ падшимъ царствамъ возстать изъ праха своего, разверзаетъ гробы, вдыхаетъ жизнь въ прахъ умершихъ... Исторія, показывая прежнія событія, указываетъ и слѣдствія ихъ, ибо люди дѣлаются умнѣе, осторожнѣе тогда только, когда почувствуютъ слѣдствія собственныхъ ошибокъ своихъ*“ и пр. и пр.—Первая изъ этихъ мыслей есть наборъ фразъ, въ которыхъ много шуму и треску, но которыя ровно ни къ чему не ведутъ; вторая такъ стара, что совѣстно и опровергать ее. Нѣтъ, Г. *Кайдановъ*, человѣчество дѣлается лучше не отъ знанія Исторіи, не отъ опытности, почерпаемой изъ ея уроковъ, но отъ полнаго гармоническаго сознанія своего назначенія, цѣли своего существованія; а это сознаніе можетъ произойдти отъ повсемѣстнаго, общаго просвѣщенія. Мы всякую науку, всякое знаніе можемъ приложить къ жизни; но истинная, настоящая и непосредственная цѣль знанія есть знаніе [116]). Погодите; можетъ быть, и изъ Астрономіи нѣкогда сдѣлаютъ родъ булхгалтеріи и употребятъ ее на спекуляціи и торговлю; но это не будетъ главною пользою отъ Астрономіи. И такъ, ищите въ Исторіи не уроковъ опытности, завѣщанной отъ предковъ потомкамъ, не удовлетворенія простаго любопытства; ищите въ ней дыханія жизни Божіей, проявляющейся или хотящей проявить себя въ человѣчествѣ!.. [117]) А всѣ этѣ вещи мы давно уже прочли и давно уже забыли ихъ; для чего же повторять намъ ихъ?

И такъ, въ чемъ же состоитъ усовершенствованіе Исторіи Г. *Кайданова*? О! во многомъ, если хотите! Онъ уже начинаетъ не съ Ассиріи, а съ *Индіи* и *Китая*, говоритъ о кастахъ, и объясняетъ ученіе *Браминовъ*, хотя и не правильно, ибо въ Индійскомъ пантеизмѣ видитъ одну вѣру въ переселеніе душъ — не больше; причисляетъ *Семирамиду* къ *миѳамъ*! Вообще справедливость требуетъ замѣтить, что теперь у него меньше лишнихъ и пустыхъ подробностей о сомнительныхъ или неважныхъ событіяхъ, и больше дѣла. Доказательствомъ этого можетъ служить одно уже то, что Ассиріяне, Вавилоняне и Египтяне занимаютъ у него теперь несравненно меньшее число страницъ, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Потомъ, онъ измѣнилъ совершенно планъ своей исторіи, ибо вмѣсто прежняго *Геерeнова* [118]) этнографическаго изложенія принялъ изложеніе синхронистическое. По

моему мнѣнію послѣднее лучше, ибо въ Древней Исторіи есть свои точки отдохновенія, или, лучше сказать, точки соединенія, въ которыхъ древніе народы сливались, хотя и насильственно, въ одно общее цѣлое. Таковыя точки суть *Киръ*, *Александръ* и *Пуническія войны*. Этотъ способъ изложенія очень удобенъ для преподаванія, хотя, можетъ быть, изолированная жизнь древнихъ народовъ и противорѣчитъ ему. Синхронистическая картина жизни народовъ въ каждомъ принятомъ періодѣ скорѣе всего можетъ впечатлѣться въ памяти ученика. Г. *Кайдановъ* раздѣлилъ Древнюю Исторію на IV періода: первый, какъ само собою разумѣется, отъ сотворенія міра до *Кира*; второй отъ *Кира* до *Александра*; третій отъ *Александра* до превращенія Римской республики въ Имперію; четвертый отъ *Августа* до паденія Рима. Мнѣ кажется [119]), что эпохою четвертаго періода надо полагать *Пуническія войны*, а не *Имперію*, ибо въ древней исторіи было три, такъ сказать, мгновенія, въ которыхъ человѣчество соединялось во едино посредствомъ меча. Оно явилось огромною монархіею при *Кирѣ*, потомъ при *Александрѣ*; Пуническія войны положили основаніе третьей монархіи, ибо Римляне со второй Пунической войны оставили свою оборонительную систему войны и начали быстро обращать міръ въ Римъ, и съ тѣхъ поръ всѣ народы начали, какъ рѣки въ морѣ, исчезать въ Римскомъ народѣ, и съ тѣхъ поръ Исторія Рима есть Исторія Міра.

Я уже показалъ, что взглядъ Г. *Кайданова* на дѣла и событія ни сколько не перемѣнился. Приведу еще нѣсколько доказательствъ. Хотя онъ уже и не осуждаетъ *Сарданапала* за самоубійство—этотъ ужасный проступокъ, возпрещаемый всѣми Божескими и человѣческими законами—но все еще начинаетъ Исторію не съ появленія на свѣтѣ первыхъ политическихъ обществъ, все еще упускаетъ изъ виду, что человѣкъ внѣ общественной жизни отнюдь не составляетъ предмета исторіи, и что не для чего вводить въ Исторію вещей, не принадлежащихъ Исторіи [120]). Онъ говоритъ, что народы, первоначально поселившіеся въ Греціи, были до того дики и невѣжественны, что „*и тотъ имѣетъ право на благодарность ихъ, кто научилъ ихъ строить хижины, питаться жолудями*—(а прежде они, бѣдняжки, со всѣмъ не умѣли ѣсть? если же умѣли, то развѣ жолуди слишкомъ лакомое блюдо, чтó за нихъ Г. *Кайдановъ* обязываетъ Грековъ благодарностію первому гастроному, научившему ихъ питаться ими?)—*одѣваться въ звѣриныя кожи, и употреблять въ свою пользу огонь*". Но въ слѣдъ за этимъ говоритъ, что „*въ гражданскомъ отношеніи Греція раздѣлялась на множество мѣлкихъ частей, изъ коихъ каждая состояла подъ властію особеннаго начальника.*"—Какъ? Общество волковъ раздѣлялось на области и имѣло начальниковъ? Впрочемъ, почемужъ и не такъ:

вѣдь пчелы имѣютъ же начальника въ своей маткѣ? Но и то сказать пчелы все цивилизованнѣе волковъ.—„*Сіи начальники Грековъ часто*—(однакожъ не всегда)—*были предводителями бродягъ и разбойниковъ, и сами подавали примѣръ грабежей.*“—Разбойникомъ можно назвать того, кто разбойничаетъ, зная что это ремесло предосудительное; волковъ мужики убиваютъ за разбои въ стадахъ овечьихъ, но не представляютъ ихъ въ *Земскій Судъ* для допроса и суда.—„*Объяденіе и опійство считали* (начальники Грековъ) *геройствомъ и величіемъ.*“—Да чѣмъ же они однако объѣдались? Неужели жолудями? А *опійство?* Такъ стало быть они и винцо попивали?—„*Жены и дочери ихъ умѣли только пасти стада, мыть бѣлье и готовить грубую пищу.*“—Какъ? Такъ они щеголяли не въ однихъ звѣриныхъ кожахъ? Они носили бѣлье? Воля ваша, г. авторъ, а вы противорѣчите самому себѣ.—„*И готовить грубую пищу.*“—Изъ чего же? не ужели все изъ жолудей? Какъ бы то ни было, а поваренное искусство всегда признакъ цивилизаціи!—„*Кекропсъ... изъ Аттическихъ дикарей сдѣлалъ гражданъ.*“—Творецъ небесный! Да возможное ли это дѣло! *Кекропсъ*—одинъ одинехонекъ—съумѣлъ изъ нѣсколькихъ десятковъ, а, можетъ быть, и сотенъ тысячь дикихъ звѣрей сдѣлать гражданъ!.. Экіе молодцы были въ древности, не то, что нынче! Исполать ихъ досужеству! Такимъ же чудеснымъ образомъ *Нума-Помпилій* у Г. *Кайданова* изъ Римлянъ, бывшихъ настоящими *mauvais sujets*, сдѣлалъ людей *comme il faut*.—„*Тщеславіе свойственное языческимъ народамъ—вести свое произхожденіе отъ боговъ* и пр.“—А я все думалъ, что причина этой охоты скрывается не въ тщеславіи, а въ склонности къ миѳамъ, свойственной не *языческимъ*, а всѣмъ *младенчествующимъ* народамъ... [121]) Но довольно, я никогда не кончилъ бы, если бы вздумалъ продолжать... На каждую страницу Г. *Кайданова* можно написать другую. Заключаю однако: какъ ни плоха новая книга Г. *Кайданова*, но если кому уже суждено учиться Исторіи по книгамъ Г. *Кайданова*, то я совѣтую ему учиться по этой, изданной въ 1834 году...

Замѣчу еще о слогѣ. Онъ дуренъ до крайности, и дуренъ не отъ неумѣнія писать, а отъ какого-то страннаго понятія о слогѣ. Г. *Кайдановъ* любитъ мѣшать съ Русскими словами Славяно-церковныя, любитъ: *сей, оный, поелику*, которыхъ посправедливости не любитъ почтенный *Баронъ Брамбеусъ*. Я, конечно, не такъ ожесточенъ противъ этихъ словъ, какъ вышереченный мужъ, и даже почитаю необходимымъ ихъ употребленіе въ иныхъ случаяхъ, для бóльшей ясности въ слогѣ, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ догматическихъ, ученыхъ; но я противъ ихъ употребленія безъ всякой нужды. Конечно въ наше время никто не скажетъ подобно знаменитому *Жоффруа* [122]): „*Мессіяда, поема Г. Клопштока! Fi donc! Г. Клопштокъ!*

какое варварское имя! можетъ ли имѣть хоть каплю ума господинъ, который называется Клопиткомъ?" Но многіе могутъ сказать: „Можетъ ли написать хорошую книгу человѣкъ, который пишетъ, *сіе мое сочиненіе... „сей книги... совсѣмъ съ другой точки зрѣнія: нежели съ каковой... источникомъ такихъ жалобъ есть незнаніе исторіи... посему предметомъ ея суть дѣянія и судьбы людей?*"..

Книга Г. *Кайданова* особенно изобилуетъ полонизмами, образцы которыхъ читатели могутъ видѣть въ послѣднихъ двухъ фразахъ.

***85. Исторія Пугачевскаго Бунта.** Санктпетербургъ. 1834. Двѣ части: I—168 и 110; II—336. (8) [123]).

Мы опоздали отчетомъ объ этомъ примѣчательномъ явленіи въ области нашей ученой литературы, и потому удовольствуемся однимъ извѣстіемъ объ немъ. Это давно обѣщанное и долго ожидаемое сочиненіе *А. С. Пушкина*. Самая Исторія содержитъ въ себѣ первую половину (168 стр.) первой части; вторая половина оной (110 стр.) состоитъ изъ примѣчаній; а вторая часть вся заключаетъ въ себѣ приложенія и раздѣлена на три отдѣленія: *I) Манифесты, Указы и Рескрипты, относящіеся къ Пугачевскому бунту; II) Рапортъ Графа Румянцева въ Военную Коллегію, и письма Нурали-Хана, Бибикова, Графа Панина и Державина; III) Сказанія современниковъ.*

86. Сцены на морѣ. Сочиненіе *И. Давыдова*. Санктпетербургъ, въ типографіи И. Греча. 1835. 336. (12) [124]).

Эта книга, несмотря на то, что заключаетъ въ себѣ не болѣе 336 страницъ, печатанныхъ цицеро, чрезвычайно длина для того, кто, прочтя 10 или 15 страницъ оной, не можетъ ее бросить, а долженъ прочесть до конца. Да — она покажется ему безпредѣльна, какъ то море, которое въ ней описывается, и какъ этоже море водяниста. Немастерство писать, изтертыя сентенціи о томъ и о семъ, геніяльныя замашки à la Marlinsky: вотъ отличительныя ея качества. Напрасно г. авторъ „Сценъ на Морѣ" оправдывается тѣмъ, что *ему только 21 годъ*, что *онъ живетъ сердцемъ, а не умомъ*, напрасно увѣряетъ, что *въ немъ теперъ все кипитъ:* въ комъ есть талантъ и въ комъ кипитъ чувство, тотъ не напишетъ въ 21 годъ водянаго сочиненія.

И такъ книга плоха: тутъ не чему дивиться; другое дѣло, если бы она была хороша—тогда бы я отъ всей души подивился. Но вотъ что удивительно: въ Московскомъ Наблюдателѣ, новомъ журналѣ, издаваемомъ, извѣстно, людьми умными, образованными и благонамѣренными, объ этой книжкѣ сказано, что „Сцены на Морѣ" *обнаруживаютъ дарованіе замѣтное, рисовку вѣрную, хотя кисть весьма,*

весьма несвободную." Какъ! не ужели Московскій Наблюдатель хочетъ покровительствовать своимъ авторитетомъ посредственности? Сохрани Богъ! Посредственность и въ Петербургскихъ журналахъ имѣетъ для себя очень сильныхъ защитниковъ и покровителей, и, благодаря имъ, наводнила собою Русскую литературу: кудажъ будетъ дѣваться отъ ней, когда Московскіе Журналы, въ которыхъ она доселѣ видѣла неумолимыхъ и неутомимыхъ враговъ своихъ, будутъ способствовать ея успѣхамъ? Увидѣвъ изъ первой книжки Наблюдателя, что библіографія не входитъ въ составъ сего журнала, а что въ немъ будутъ разсматриваться только замѣчательныя явленія въ нашей литературѣ, я подумалъ, что въ цѣломъ годовомъ изданіи Московскаго Наблюдателя будетъ много двѣ-три критики; и каково же было мое удивленіе, когда во второй книжкѣ прочелъ довольно благосклонные отзывы о „Сценахъ на Морѣ" и (о верхъ ужаса!) о „Ангарскихъ Порогахъ," сочиненіи въ высочайшей степени бездарномъ и пошломъ! Мнѣ скажутъ, что въ Московскомъ Наблюдателѣ больше хулятъ, чѣмъ хвалятъ этѣ книги: положимъ такъ, но уже одно то, что въ немъ упоминается объ этихъ книгахъ, должно придать имъ значительность, ибо въ немъ предположено говорить только о такихъ книгахъ, которыя заслуживаютъ какое нибудь вниманіе. Жаль, очень жаль, ибо Московскій Наблюдатель не Петербургскій журналъ, и отъ него должно ожидать, что онъ не измѣнитъ тѣмъ надеждамъ, которыя подалъ о себѣ публикѣ!..[125]).

(**— онъ — инскій**).

87. Корсунскія Врата, находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Описаны и объяснены *Ѳедоромъ Аделунгомъ*, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, Кавалеромъ, Членомъ многихъ Академій и ученыхъ обществъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ *Петръ Артемовъ*, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, Соревнователь. Съ девятью гравированными рисунками. Москва. Въ Университетской типографіи. 1834. 8—225. (4).

— Царствованіе Царя Ѳедора Алексѣевича и Исторія перваго Стрѣлецкаго бунта. Санктпетербургъ, печатано въ типографіи X. Гинце. 1834. Двѣ части: I—VII, 122; II—VI, 162. (8). (Съ изображеніемъ Кремля въ 1679 году).

— Русская Вивліоѳика, или собраніе матеріяловъ для Отечественной Исторіи, Географіи, Статистики, и древней Русской литературы, издаваемое *Николаемъ Полевымъ*, Членомъ-Корреспондентомъ Императорской Санктпетербугской Академіи наукъ, Дѣйствительнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, и Кавалеромъ. Томъ первый. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1833. 414[126]).

Вотъ три книги, которыя служатъ яснымъ доказательствомъ, что у насъ занимаются не одними вздорами и пустяками, но иногда и

дѣломъ. Утѣшительная истина! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вотъ три тѣже самыя книги, которыя служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ мало умѣютъ у насъ дорожить *дѣломъ* и отдавать справедливость *дѣльному*. Горькая истина! Скажите, спрашиваю васъ: кто изъ переводчиковъ, авторовъ и издателей подобныхъ книгъ, могъ надѣяться на барыши, на славу или, по крайней мѣрѣ, хоть на признательность? Не имѣетъ ли передъ ними, во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, преимущества всякій пошлый романистъ или плохой стихотворецъ? Эти жалкіе пачкуны всегда имѣютъ свой кругъ читателей или почитателей, всегда достигаютъ своей цѣли—денегъ или гаерской извѣстности на литературныхъ рынкахъ; между тѣмъ какъ бѣдные труженники полезнаго и дѣльнаго тратятъ свои собственныя деньги, убиваютъ время и въ награду слышатъ брань и холодныя насмѣшки. Изъ чего тутъ хлопотать?.. Вотъ, на примѣръ, какъ отозвались наши журналы о первой и послѣдней изъ поименованныхъ мною книгъ? Первую изъ нихъ уничтожили, или хотѣли уничтожить за то, что она велика и скучна. Важная и достаточная причина! Но вѣдь занимательность ученаго сочиненія зависитъ не отъ самаго него, а отъ степени участія, принимаемаго въ немъ читателемъ. Меня не заинтересуетъ книга, подобная „Корсунскимъ Вратамъ“, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была скучна: изъ этого видно только то, что подобные предметы не занимаютъ моего ума. Другое дѣло скучное произведеніе искусства, назначенное для удовольствія читателя, какъ примѣръ иныя *фантастическія путешествія*, въ которыхъ всѣ предметы представляются вверхъ ногами, какъ въ глазахъ у пьянаго [127]),—такого рода книги ужасны, нестерпимы, если онѣ скучны и притомъ толсты; въ такомъ случаѣ онѣ вполнѣ оправдываютъ мысль *Бакона* или, если угодно, *Бекона*, что *большая книга — большое зло...* Вторую изъ упомянутыхъ книгъ разбранили за неважность и незначительность содержащихся въ ней матеріяловъ, забывъ старинное правило, что отъ книги не должно требовать больше того, что обѣщаетъ ея заглавіе.

Начинай съ начала — мудрое правило, великая истина! Зданія строятся изъ приготовленныхъ матеріяловъ; труду зодчаго предшествуетъ трудъ кирпичника, каменьщика. Надъ этими бѣдными каменьщиками много издѣвались у насъ остроумцы, которые сами ничего не произвели, кромѣ нѣсколькихъ мыльныхъ пузырей беззубаго остроумія, которые теперь разлетѣлись, лопнули и забыты вмѣстѣ съ именами своихъ творцовъ. Не прочно то зданіе, хотя бы оно было и храмъ, которое построено изъ дурнаго матеріяла: не удивительно, что въ немъ какъ разъ оснуютъ свое мѣстопребываніе филины и совы. Исторія въ послѣднее время оказала въ Европѣ удивительные успѣхи; но въ числѣ многихъ причинъ, эти успѣхи много

зависѣли отъ разработки матеріяловъ, отъ очистки фактовъ. Всякому свое: одинъ разбираетъ грамматическій смыслъ ветхихъ хартій, другой читаетъ въ нихъ судьбу народовъ и ходъ человѣчества, и между обоими ими находится тѣсная связь, одинъ безъ другаго не можетъ существовать. Очень естественно, что многихъ можетъ привести въ трепетъ одно заглавіе „Корсунскихъ Вратъ“, написанное Ломоносовскимъ слогомъ и съ полнымъ гражданскимъ и литературнымъ титуломъ автора и переводчика, а тѣмъ болѣе содержаніе и объемъ самаго сочиненія; но чтожъ дѣлать? *Карамзинъ*, помнится, сказалъ, что *для успѣховъ науки необходимы педанты*—это правда. Человѣкъ, слишкомъ увлеченный какимъ нибудь отдѣльнымъ и особенно не слишкомъ важнымъ предметомъ, не можетъ не впасть въ нѣкотораго рода маленкій педантизмъ—умѣйте же уважать въ немъ самый этотъ педантизмъ, ибо его источникъ есть любовь къ предмету, въ которомъ авторъ умѣлъ открыть новую сторону. Какая вамъ нужда, если авторъ немножко излишне говорливъ, подробенъ: вашъ долгъ— извлечь сущность и овладѣть результатами его сочиненія.

Впрочемъ книга „Корсунскія Врата“, не такъ обширна: 225 страницъ крупнаго цицеро, изъ коихъ одна половина посвящена объясненію (весьма любопытному и занимательному) изображеній находящихся на Вратахъ, а другая самому трактату—это еще очень милостиво. Къ книгѣ приложено девять огромныхъ рисунковъ, книга издана по ученому, in Quarto—вотъ что развѣ можетъ испугать иного боязливаго читателя; но вѣдь она писана не для боязливыхъ читателей. Въ Библіотекѣ для Чтенія [128]) сказано, что она переведена *языкомъ, ужасающимъ слухъ и зрѣніе:* видно, что строгій рецензентъ прочелъ одно предисловіе, которое, какъ на бѣду, въ самомъ дѣлѣ переведено слишкомъ *ученымъ* образомъ, тогда какъ самое сочиненіе передано ясно, просто и свободно, безъ насилія родному языку и не въ ущербъ здравому смыслу.

Скажутъ: зачѣмъ Г. переводчикъ выбралъ такую книгу, есть-де много предметовъ ближайшихъ къ намъ и нужнѣйшихъ для насъ? Мнѣ кажется затѣмъ, что ему такъ хотѣлось; пусть всякій дѣлаетъ, что ему угодно, лишь только дѣлаетъ. Трудъ безъ любви есть каторжная работа — а переводчикъ вѣрно былъ живо заинтересованъ этою книгою, если взялся перевести ее.

Вторая изъ сихъ книгъ принадлежитъ покойному *Берху*, трудолюбивому составителю этого рода книгъ, который очень трудно опредѣлить: ни матеріялы для исторіи, ни разысканія, ни исторія, а что-то похоже и на то и другое и третье. У *Берха* не должно искать ни взглядовъ, ни теоріи, ни обзоровъ политическаго состоянія государства въ описываемую имъ эпоху: у него все простой разсказъ,

безъ всякой мысли, которая бы одушевляла и проникала собою цѣлое сочиненіе, безъ всякаго колорита, который бы отличалъ одно повѣствованіе отъ другаго, безъ всякаго философическаго или политическаго взгляда, который бы объяснялъ событія. Разумѣется, что безъ этихъ качествъ, книги такого рода теряютъ все свое достоинство и бываютъ скучны, вялы, сухи и трудны для памяти; но пусть всякой дѣлаетъ, что можетъ, а мы за все—спасибо! Пересказать кое-какъ, въ хронологическомъ порядкѣ, событія какого нибудь царствованія, приложить къ этому нѣсколько историческихъ документовъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, сдѣлать нѣсколько замѣчаній на какія нибудь подробности—вотъ работа Гг. *Берха, Вейдемейера* [129]) и другихъ, которыхъ у насъ все-таки не много. Такія книги хороши для справокъ и могутъ облегчать трудъ настоящаго историка, слѣдовательно полезны, и слѣдовательно заслуживаютъ вниманіе и благодарность своимъ составителямъ. При малочисленности нашихъ дѣятелей на поприщѣ исторіи, всякой посильный трудъ, могущій доставить хотя малѣйшую пользу, есть дѣло почтенное. Такова и послѣдняя книга покойнаго *Берха*.

Несравненно важнѣе обѣихъ предшествующихъ, по ближайшему своему отношенію къ нашимъ потребностямъ, книга Г. *Полеваго*. Давайте намъ больше фактовъ, фактовъ для историка, для драматика, для романиста, для нравоописателя! Каждая черта, самая малѣйшая, временъ былыхъ — драгоцѣнна. Тутъ не можетъ быть ничего неважнаго, лишняго, безполезнаго. Если мы съ благоговѣніемъ смотримъ на мѣдную монету временъ Царей и хранимъ ее какъ святыню, то что̀ же должно сказать о всякой строкѣ, которая или обогащаетъ важнымъ историческимъ фактомъ, освѣщая темную сторону какого нибудь событія, или свидѣтельствуетъ намъ объ образѣ жизни о понятіяхъ, объ обычаяхъ нашихъ предковъ? Мнѣ кажется чрезвычайно странными упреки, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ [130]) Г. *Полевому* за неважность матеріяловъ, помѣщенныхъ имъ въ первой части его Вивліоѳики; я не могу добиться, чего требуютъ эти господа! Издатель давно уже объявилъ, что онъ будетъ помѣщать безъ разбора и безъ систематическаго и хронологическаго порядка *все, что только касается старины*. А кто имѣетъ право требовать отъ дѣлателя на какомъ бы то ни было поприщѣ больше того, что онъ обѣщалъ, или предположилъ себѣ. Притомъ же, кромѣ исторической важности, развѣ не любопытны подробности, на примѣръ, объ Албазинскихъ герояхъ „*не помышлявшихъ ни о славѣ, ни о потомствѣ, въ ихъ собственныхъ, просто писанныхъ сношеніяхъ между собою*, письма *Суворова* и пр.? Нѣтъ, не такъ хладнокровны къ подобнымъ предметамъ иностранцы: у нихъ все важно и потому все

описано по тысячѣ разъ, начиная, напримѣръ, съ собора „Notre Dame de Paris“, до послѣдняго зубчика всякой старой башни, съ *Марсова* поля до послѣдняго клочка земли, на которомъ ступала нога *Карловъ* и *Людовиковъ*. Каждая ничтожная записка историческаго лица имѣетъ право у нихъ печататься и перепечатываться. Какая причина этого вниманія, доходящаго до мѣлочности, ко всему, что носитъ на себѣ печать старины? Любовь къ своему, къ родному. Дай Богъ, чтобы и у насъ пробудилась эта любовь на дѣлѣ, а не на словахъ! Дай Богъ, чтобы предпріятія, подобныя предпріятію Г. *Полеваго*, нашли себѣ соревнователей и цѣнителей! [131]).

(**—онъ—инскій**).

*88 **Забавные анекдоты Полиньяка Финдюро, придворнаго шута короля Сигизмунда (котораго же?)**. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1834. 23. (12) [132]).

Не знаю для чего было издавать забавные анекдоты о такомъ шутѣ, котораго шутки были не только совсѣмъ не забавны, но еще рѣшительно тупы, пошлы, тривіальны, и который, сверхъ того, писалъ предурные вирши? Неужели для того, чтобы за дурную книжонку, состоящую изъ 23 страницъ, брать съ довѣрчивыхъ и простодушныхъ покупателей по 150 копѣекъ?.

*89. **Дитя Поэзіи**. Казань. Печатано въ Университетской типографіи. 1834. X—III. (12). Съ эпиграфомъ:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ
Не ждалъ за чувства воздаянья!

— **Стихотворенія Михаила Меркли**. Москва. Въ типографіи Николая Степанова. 1835. 108. (8). Съ эпиграфами:

— La poesie a une sainte et consolante mission à remplir ici-bas: c'est de jeter un voile brillant et fantastique sur toutes les realités désespérantes.

Victor Hugo.

Товарищи, какъ думаете вы?...
Для васъ я пѣлъ?...
. . . .
Нѣтъ! не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравился разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ!..

Н. Языковъ. [133])

Въ наше прозаическое время появленіе альманаха, поэмы и собранія стихотвореній — есть ужасный анахронизмъ: смотришь и не вѣришь глазамъ! Въ такомъ случаѣ никогда не бываетъ середины— или что нибудь слишкомъ замѣчательное, или что нибудь слишкомъ посредственное. Такъ было и прежде, отъ 1820 до 1830 года, съ тою однакожъ разностію, что тогда на все смотрѣли какъ-то снисходительнѣе, и такія предпріятія какъ-то легче сходили съ рукъ. Но теперь наступила пора разочарованія; это разочарованіе горько, оно мститъ жестоко и переходитъ въ очарованіе осторожно, съ оглядкою, строго взвѣсивши и разсчитавши, и при чемъ нибудь необыкновенномъ. Все это очень естественно; пословица говоритъ, *обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду*... По сему, какую жалкую роль играютъ въ нашей литературѣ несчастные, запоздалые путники, которые появляются съ этими устарѣлыми плодами своей досужей фантазіи, отъ которыхъ уже всѣмъ набило оскомину, которые всѣмъ уже пріѣлись, и только своимъ авторамъ кажутся молодыми, сочными и вкусными! Читающая публика, въ одномъ отношеніи, похожа на beau monde. Этотъ *beau monde* или *большой свѣтъ*, свято чтитъ уставы моды и приличія, и никому не позволитъ отступить отъ нихъ; но иногда онъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу людей *замѣчательныхъ*, въ какомъ бы то ни было отношеніи; онъ иногда прощаетъ ихъ неловкость, ихъ оригинальность, любуется ими и называетъ ихъ *геніяльною странностію*. Такъ точно и читающая публика: когда бываетъ мода на *оды*, она ласково принимаетъ всѣхъ *одистовъ*, отъ *Державина* до *Капниста* и *Петрова*; когда бываетъ мода на *поэмы*, она съ благосклонностію улыбается всѣмъ *поэмистамъ* отъ *Пушкина* до автора „Киргизскаго Плѣнника“ [134]), и иныхъ прочихъ, и т. д. Но горе тому, кто придетъ къ ней съ поэмою въ рукахъ, когда бываетъ мода на романы, повѣсти и драмы! Только одинъ истинный талантъ, или даже геній, можетъ спасти сочинителя отъ свиста и шиканья. И такъ публика, какъ и большой свѣтъ, прощаютъ анахронизмы только генію, таланту и вообще истинной заслугѣ.

Авторы поименованныхъ мною книжекъ находятся именно въ этомъ неловкомъ и затруднительномъ обстоятельствѣ: они, на похоронный обѣдъ или поминки по усопшемъ, пріѣхали въ синихъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ, и при томъ безъ всякихъ правъ на извиненіе въ несоблюденіи приличія... Между ними находится чрезвычайно большое сходство и чрезвычайно большое различіе... Сходство состоитъ въ положеніи, а разница въ томъ, что одинъ провинціалъ, а другой столичный житель. Костюмъ перваго, кромѣ его неумѣстности, отличается еще стариннымъ, вышедшимъ изъ моды фасономъ; костюмъ втораго неумѣстенъ, но спитъ по модѣ.

И вотъ почему авторъ „Дитяти Поэзіи“, съ дѣтскою наивностію и провинціальнымъ простосердечіемъ разсуждаетъ, въ своемъ предисловіи *„о какой-то изключительной способности, склонности или влеченіи, которое мы приносимъ съ собою въ свѣтъ, и которое, облеченное въ человѣческую форму, совершенствуется съ развитіемъ сей разумно-органической формы, и наконецъ является* геніемъ“. Вотъ почему онъ потомъ, въ семъ же предисловіи, докладываетъ своимъ читателямъ съ удивительною скромностію и откровенностію, которыми всегда отличаются люди, *приносящіе съ собою въ свѣтъ изключительную способность, склонность или влеченіе,* что *онъ еще въ раннемъ возрастѣ* (разсказывали ему) *любилъ читать стихи и прибирать, безъ всякой связи и смысла, слово къ слову; потомъ бывши въ ученіи и проходя Реторику и Поэзію, дѣлалъ посредственные успѣхи въ послѣдней на заданные предметы, и наконецъ показалъ своему другу первую свою балладу,* что *другъ ее прочиталъ, много смѣялся и началъ поправлять ее въ его глазахъ, растолковывая ему правила, совѣтывалъ ими заниматься и читать образцовыя сочиненія,* что *онъ ему послѣдовалъ и часто, бывъ съ нимъ вмѣстѣ, читалъ лучшихъ Русскихъ поэтовъ, послѣ Нѣмецкихъ и Французскихъ, позднѣе же Латинскихъ, Италіянскихъ и Англійскихъ,* что *по окончаніи ученія, онъ посвятилъ свои дни другой наукѣ и обучаясь въ Университетѣ, въ свободное время занимался литературою и осмѣливался излагать свои мысли въ стихахъ* и наконецъ, *издать въ свѣтъ сіи занятія досуга, сіи первые робкіе опыты своей стыдливой музы* и пр.“ Наконецъ, вотъ почему, зная столько языковъ и будучи знакомъ съ сокровищами столькихъ литературъ, онъ напоминаетъ своими *робкими опытами* мудрую пословицу, что *не разумному сыну не въ помощь богатство,* и пишетъ ужасныя, варварскія вирши подобныя слѣдующимъ:

Я терзался,
Сокрушался
Одинокій.
На глубокой
Вздохъ печали
Всѣ молчали.
Терпѣливый,
Молчаливый
Я крушился;

Злобный геній
Въ упоеньи
Веселился.
Я молился —
И моленье
Провидѣнье
Услыхало
И послало:
Утѣшенье!..

Не правда ли, что эти стихи, глубокостію чувства, прелестью выраженія и паденіемъ стопъ, напоминаютъ слѣдующіе, давно забытые, но тоже очень хорошенькіе стишки:

Въ Понедѣльникъ
Я влюбился;

Весь Авторникъ
Прострадалъ;
Въ Середу въ любви открылся,
Въ Четвертокъ рѣшенья ждалъ,
Въ Пятницу пришло рѣшенье,
Чтобъ не ждалъ я утѣшенья.

Но оставимъ въ покоѣ наивнаго автора „Дитяти Поэзіи" изъявивъ ему наше сожалѣніе, что онъ не послѣдовалъ смыслу избраннаго имъ эпиграфа, и обратимся къ Гну *Меркли*.

Г. *Меркли* далеко превосходитъ автора „Дитяти Поэзіи", и по языку и по стиху, и по мысли и по предметамъ своихъ поэтическихъ вдохновеній, и неудивительно: авторъ „Дитяти Поэзіи", провинціалъ; Г. *Меркли* житель столицы, авторъ „Дитяти Поэзіи" былъ студентомъ *Казанскаго* Университета, Г. *Меркли* былъ студентомъ *Московскаго* Университета: а во всемъ этомъ чрезвычайно большая разница и все это естественнымъ образомъ даетъ сильный перевѣсъ Гну *Меркли*. Но говоря безъ шутокъ, что̀ заставило Гна *Меркли*, который, какъ видно изъ его стиховъ, человѣкъ не безъ образованія, не безъ смысла и даже не безъ блестокъ таланта, что̀ заставило его издать свои стихотворенія въ свѣтъ? Обратить ими на себя вниманіе современниковъ онъ не могъ, ибо теперь прошла мода на стихи, теперь только превосходные стихи станутъ читать, а стихи Г. *Меркли* вообще посредственны; еще болѣе не льзя ему надѣяться на потомство, ибо маленкія блестки таланта вообще какъ-то скоро тускнутъ. И такъ чего же онъ добивался? Право не знаю; а жаль: онъ, повторяю, какъ видно изъ его стиховъ, человѣкъ образованный. Мнѣ скажутъ, что очень естественно ошибаться на счетъ своего таланта, что въ своемъ дѣлѣ ни кто не судья и что то же побужденіе проявляетъ себя, которое двигало *Державина* и *Пушкина*, двигало *Тредьяковскаго* и *Сумарокова?* Оно такъ да не такъ! Отличительная черта образованности человѣка нашего времени именно и состоитъ въ благородномъ сознаніи своей неспособности къ искусству, если онъ не способенъ къ нему. Нынче тотъ не современенъ, кто пишетъ повѣсти или стихи, не имѣя истиннаго таланта. Кто способенъ чувствовать изящное и наслаждаться имъ, кому доступны всѣ человѣческія чувства, тотъ еще не художникъ, ибо можно сильно, живо и пламенно чувствовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣть выражать своихъ чувствъ. Вотъ что̀ сказалъ бы я Гну *Меркли*, если бы онъ захотѣлъ послушать меня: М. Г. пишите стихи и читайте ихъ *той*, которая внушила ихъ вамъ: *она* пойметъ и оцѣнитъ ихъ, *она* и наградитъ автора; печатайте ихъ даже въ журналахъ, ибо во первыхъ, инымъ журналамъ надобно же чѣмъ нибудь наполняться, а,

во вторыхъ, ваши стихи лучше большаго числа стиховъ, которые помѣщаются въ Библіотекѣ для Чтенія. — но Бога ради, не издавайте ихъ вполнѣ, цѣлыми книгами, а употребите вашъ умъ, вашу образованность, ваши таланты и вашу дѣятельность на предметы болѣе полезные и болѣе достойные".

(—онъ —инскій).

90. Наталія. Сочиненіе *Госпожи* ***. Изданіе Сальванди. Перевелъ съ Французскаго *Александръ Шубяковъ*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 396. (12) [135]).

Было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть — *счастіе*. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго, и взапуски спѣшили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнію во чтобы то ни стало. Разумѣется всякой по своему понималъ и толковалъ счастіе жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя, почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами необходимыми для связи политическаго тѣла но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились во храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія; и знали, въ слѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо — и принаровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.
. . . .
. . . .
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно:
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ! [136])

Это была еще самая высочайшая нравственность; самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала оной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ эти понятія, начали называть, говоря любимымъ словомъ *Барона Брам-*

беуса, *надувателями* человѣческаго рода. Явились новые *надуватели* — Нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышереченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ Г. *Масальскій*, въ превосходной своей повѣсти: Донъ Кихотъ XIX вѣка — этомъ истинномъ chef-d'oeuvre Русской литературы — и которыхъ, наконецъ, не давно убила на повалъ Библіотека для Чтенія [137]). Эти новые *надуватели*, съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила въ слѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ, будто бы, не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость опасныхъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая будтобы есть бо́льшее или ме́ньшее приближеніе къ жизни животной [138]). Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ то: что человѣкъ непремѣнно долженъ выразить, хоть какую нибудь человѣческую сторону своего бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію; или отдать всего себя знанію для самого знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звеньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ; или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствователя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, а не призваніе кармана: или полюбить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила!

или, наконецъ, просто имѣть какой нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами [139]). Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства [140]): но за то ужъ и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный *Баронъ Брамбеусъ!* Я, съ своей стороны, право, не знаю, кто правъ: прежніе ли Французскіе философы или нынѣшніе Нѣмецкіе,

который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю что между тѣми и другими, между тѣмъ и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ. Не говоря о другихъ, укажу на искусство. Прежніе романы всегда оканчивались бракомъ, богатствомъ и, слѣдовательно, возможнымъ человѣческимъ блаженствомъ; нынѣшніе почти всѣ такъ гадко оканчиваются, что на́ ночь страшно и дочитывать ихъ. Прежде только въ трагедіяхъ допускалась плачевная развязка, и то ex-officio, изъ подражанія Грекамъ; но за то былъ выдуманъ новый родъ — *драма*, герои которой хотя и претерпѣвали много гоненій за свою добродѣтель, но за то къ концу пьесы женились и дѣлались богаты; про нынѣшнія драмы я не говорю: срамъ да и только! Прежде въ комедіяхъ осмѣивались маленькіе людскіе недостатки, какъ-то: привычка нюхать много табаку, употреблять часто въ разговорѣ любимыя поговорки, какъ напр, *милой мой*! и тому подобныя; нынче въ комедіяхъ хлещутъ (да вѣдь какъ?.. со всего плеча!) чиновниковъ, которые вмѣсто того, чтобы служить Государю вѣрою и правдою, думаютъ только о чинахъ и взяткахъ, какъ *Фамусовъ*, людей, которые, вмѣсто того, чтобы любить, разпутничаютъ, словомъ вмѣсто того, чтобъ быть людьми, бываютъ скотами — и пр.

Во Франціи пишутъ многія женщины; нѣкоторыя изъ нихъ пишутъ (дивное дѣло!) хорошо. Неизвѣстная сочинительница Натальи не принадлежитъ къ числу хорошо пишущихъ, по новымъ понятіямъ. Героиня ея романа въ восторгѣ отъ Матильды Г-жи *Коттенъ* [141]), и авторъ хлопочетъ о томъ, чтобы показать способъ застраховать жизнь женщины отъ *несчастія на землѣ*. Средствомъ къ этому, по ея мнѣнію, должна быть слѣпая покорность судьбѣ и избѣжаніе страстей и глубокихъ чувствъ. Ей нѣтъ до того дѣла, что можно быть несчастною, живя съ немилымъ мужемъ, что жизнь безъ страстей и чувствъ, есть не жизнь, а оцѣпенѣлый сонъ Альпійскаго сурка во время зимы; она не говоритъ женщинамъ, что бракъ безъ любви есть или торговая сдѣлка, противная совѣсти и религіи, или дѣтскій легкомысленный поступокъ, за которой немудрено въ послѣдствіи дорого поплатиться, что для избѣжанія размолвки съ мужемъ или измѣны ему, не надо шутить замужествомъ прежде замужества: нѣтъ, она лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобъ показать *гибельныя слѣдствія пылкихъ страстей*, на манеръ Г-жи *Жанлисъ*, *Коттенъ* и прочей литературной сволочи [142]) добраго стараго времени. Не смотря на то, что въ этомъ романѣ есть мысль, есть нѣкоторая занимательность, происходящая не отъ таланта автора, а отъ его литературной цивилизованности, если можно такъ сказать, нельзя не удивиться неудачному выбору г. переводчика, и еще болѣе неудачному исполненію его труда. Видно, что онъ хорошо знаетъ

Французскій языкъ, но въ размолвкѣ съ Русскимъ синтаксисомъ, ибо его переводъ биткомъ набитъ фразами, подобными слѣдующимъ: „*Печальный и торжественный видъ Графини, произнося слова сіи, со общился всѣмъ*“.. (Печальный и торжественный видъ Графини *произносилъ* слова сіи и сообщился всѣмъ!).. „*Онъ говоритъ, что онъ мнѣ уже не супругъ, но это онъ еще. Усталость наша, всходя на оный, была хорошо вознаграждена*“... (Усталость всходила на *оный* и была хорошо вознаграждена!)... „*И вспомни, что тотъ, который такъ занимался мною, былъ благородный Эрнестъ, получившій отъ Бога достойнѣйшую душу, чтобы произтекать отъ Него!*“ (Просто безсмыслица!)... „*Я думаю, что онъ истинно несчастливъ*“... *но не будетъ имъ долгое время*. (Вѣрно, Г. переводчикъ хотѣлъ сказать: я думаю что онъ истинно несчастливъ... но *не надолго*?))... „*Я была въ Лобредѣ съ тою же горестію, въ какой была*“... и пр. и пр. и пр.

Куда ужъ намъ, бѣднымъ, думать о томъ, чтобы наши собственныя произведенія какою нибудь мыслію выкупали недостатокъ таланта, когда мы еще плохо знаемъ, или совсѣмъ не знаемъ Русской Грамматики, и не умѣемъ написать правильно ни одной Русской фразы!..

* **Свѣтославичъ, вражій питомецъ.** Диво временъ краснаго солнца Владиміра. Соч. *А. Вельтмана*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части: I — 208, 22; II — 245, 10. (12) [143]).

Мы поговоримъ въ Телескопѣ объ этомъ *странномъ* и примѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ произведеніи Г. *Вельтмана*.

(**— онъ — инскій**).

* **91. Два мужа,** водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго *А. И. Булгаковымъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Х. Гинце. 1834. 56. (8).

— **Женихъ мертвецъ или думалъ солгать, а сказалъ правду.** Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Санктпетербургъ, печатано въ типографіи вдовы Байковой. 1834. 62. (12) [144]).

Два водевиля—одинъ другаго хуже, и оба съ большими претензіями. Послѣдній куплетъ перваго гласитъ:

Дѣтей пугаютъ букомъ злымъ,
Дѣвицъ—беззубыми мужьями,
Старушекъ—вѣдьмой, домовымъ,
Мужей какими-то рогами;
Актеровъ, Автора и насъ (кого же это—насъ?)
Пугаетъ публики сужденье!..
Но средство есть за то у насъ,
Чтобъ выводить изъ заблужденья.

Кто пойметъ смыслъ послѣднихъ двухъ стиховъ, тому предоставляемъ судить о достоинствѣ всей пьесы, которая, впрочемъ, довольна сносна въ представленіи.

Послѣдній куплетъ втораго водевиля гласитъ:

Авторъ нашъ не ищетъ славы, (еще бы!..)
Ни награды, ни похвалъ;
Нѣтъ онъ просто для забавы (хороша забава!)
Мертвеца вамъ написалъ.
Счастливъ будетъ въ полной мѣрѣ,
Если скажутъ наконецъ:
Въ ложахъ креслахъ и партерѣ.
Пусть живетъ женихъ—мертвецъ!

Что сказать объ этомъ водевилѣ? Онъ пошлъ, нелѣпъ и глупъ до невозможности; онъ напечатанъ на сѣрой оберточной бумагѣ и безъ Грамматики—все это вещи очень обыкновенныя. Было время, я отъ души удивлялся имъ, но теперь уже не удивляюсь, потому что привыкъ, притерпѣлся. Гораздо удивительнѣе то, что это бездарное, безвкусное и вульгарное произведеніе мѣщанскаго остроумія дается на театрахъ обѣихъ нашихъ столицъ, и что ему отъ души смѣются и апплодируютъ не только въ райкѣ, но и въ креслахъ, что̀ я самъ видѣлъ и слышалъ. Для кого же дается этотъ водевиль? О, безъ сомнѣнія, для райка! Увѣряю васъ, что и тутъ нечему дивиться: раекъ есть страшное могущество, сильная держава: онъ имѣетъ союзниковъ и въ креслахъ и въ ложахъ, и вездѣ, гдѣ вамъ угодно!..

* **92. Образецъ постоянной любви.** Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго языка (?), изъ театра (??) *Скриба. А. П.* Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1834. 64. (12) [145].

Этотъ „Образецъ Постоянной Любви“ есть ни что иное, какъ „Валерія или Слѣпая“, которою умѣла такъ заинтересовать нашу публику прекрасная игра Гжи *Каратыгиной*. Не знаю, какъ названа эта пьеса *Скрибомъ*; но не думаю, чтобы *Скрибъ* могъ дать ей такое пошлое, классическое названіе, какое носитъ она въ переводѣ! Не знаю, который изъ этихъ двухъ переводовъ—разбираемый ли мною, или даваемый на театрѣ — ближе къ подлиннику; знаю только, что между ними много разницы и не въ пользу перваго. Въ переводѣ, даваемомъ на нашихъ театрахъ, Валерія, въ послѣднемъ явленіи, въ которомъ такъ прекрасна, такъ восхитительна бываетъ Гжа *Каратыгина*, увидѣвъ Эрнеста и признавъ его, бросается съ воплемъ восторга и радости въ его объятія; въ переводѣ Гна А. П. она подноситъ ему букетъ, а Эрнестъ бросается къ ея ногамъ и говоритъ: „*Ахъ, я счастливо награжденъ*!“ Это должно быть клевета на бѣднаго

Скриба, такъ безпощадно терзаемаго нашими передѣлывателями: не возможно, чтобы онъ самъ могъ выдумать такую пошлость.

Петербургъ въ одномъ отношении имѣетъ большое преимущество передъ Москвою: если въ немъ нѣтъ и никогда не было хорошихъ журналовъ, если въ немъ мало хорошихъ литераторовъ, собственно ему принадлежащихъ; то въ немъ мѣлочная торговая литература несравненно выше Московской. Тамъ переведутъ романъ, водевиль, повѣсть, если не всегда слишкомъ хорошо, то почти всегда съ смысломъ, съ Грамматикою, напечатаютъ всегда опрятно, даже красиво; въ Москвѣ напротивъ, почти всегда безъ смысла, безъ грамматики, почти всегда на оберточной бумагѣ. Переводъ Гна *А. П.* принадлежитъ къ числу самыхъ чудовищныхъ, самыхъ безобразныхъ произведеній мѣлочной литературной промышленности Москвы: безграмотность и безсмыслие его превосходятъ всякое вѣроятіе.

93. О Господинѣ Новгородѣ Великомъ. (Письмо) съ приложеніемъ вида Новгорода въ 12-мъ столѣтіи и плана окрестностей. *А. В.* Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго 1834. 42. (8) [146]).

Какимъ живымъ, легкимъ, оригинальнымъ талантомъ владѣетъ Г. *Вельтманъ!* Каждой бездѣлкѣ, каждой шуткѣ умѣетъ онъ придать столько занимательности, прелести! О, онъ истинный чародѣй, истинный поэтъ! Поэтъ въ искусствѣ, *поэтъ въ наукѣ!* Да — онъ и въ наукѣ поэтъ [147]), поэтъ-археологъ! Въ романѣ, въ повѣсти, онъ разгадываетъ своимъ поэтическимъ чувствомъ эту поэтическую Русскую старину, которая, какъ самъ онъ говоритъ, такъ хитро умѣла его влюбить въ непостижимую красоту свою! Онъ переселяетъ васъ въ эту глубокую древность, разказывая о ней были и небылицы: пока читаете вы этѣ небылицы, вы отъ души вѣрите имъ сами не зная почему; когда перестанете читать ихъ, то онѣ мерещатся передъ глазами вашими, и этому нечего дивиться: таково всегда произведеніе истиннаго таланта! Послѣ всякаго романа, Г. *Вельтманъ* прилагаетъ нѣсколько страницъ *ученыхъ* примѣчаній, и только одна *ученая* ихъ форма мѣшаетъ вамъ принять ихъ за прелестныя поэтическія грезы: такъ много въ нихъ поэзіи, поэзіи Гна *Вельтмана*, поэзіи, запечатлѣнной всею оригинальностію, всею прихотливостію, всѣмъ своенравіемъ его таланта! Такъ, напримѣръ, ему случилось взглянуть мимоходомъ на Новгородъ, и онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ, составляющихъ первую половину его „Письма о Господинѣ Новгородѣ Великомъ". Вторая половина посвящена историческимъ мечтаніямъ о Варягахъ, о Днѣпровскихъ Порогахъ и пр. Этимъ несчастнымъ порогамъ довольно досталось и отъ этимологической дыбы *Струве, Тунмана* и другихъ; но Г. *Вельтманъ*

подвергъ ихъ новой этимологической пыткѣ, и Русскія ихъ названія, сохраненныя Константиномъ Багрянороднымъ, доконально объяснилъ изъ Скандинавскаго языка. Самый городъ *Валдай*, славный своими сайками, происходитъ у него отъ *Wald* (лѣсъ) и *Ey* (островъ); онъ подкрѣпляетъ это мнѣніе еще и тѣмъ, что подлѣ *Валдая*, на озерѣ, есть острова, изъ коихъ одинъ покрытъ лѣсомъ, который называется *Темный лѣсъ*. Не правда ли, что въ этихъ археологическихъ мечтаніяхъ много поэзіи? Въ такомъ же духѣ писаны Г. *Вельтманомъ* и его ученыя примѣчанія къ его роману: „Свѣтославичь, Вражій Питомецъ", въ нихъ у него все происходитъ отъ Нѣмцевъ; самъ Адамъ чуть ли не Нѣмецъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ все происходитъ отъ Славянъ и самъ Адамъ чуть ли не Славянинъ.

Видъ Новгорода въ XII столѣтіи, приложенный къ брошуркѣ Г. *Вельтмана*, и снятый съ „Древняго изображенія Великаго Новгорода во время осады онаго, въ 1169 или 1170 году, Суздальскими Князьями, находящагося въ Иконостасѣ на дскѣ деревянной, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ Новогородскомъ Знаменскомъ Соборѣ, за рѣшеткою и занавѣской", доказываетъ ясно, какъ хорошо умѣли у насъ еще въ XII столѣтіи снимать планы съ городовъ, и какъ далеко отодвинуло назадъ Русь Татарское иго, ибо до Петра Великаго у насъ не умѣли снять вида съ какого нибудь поля или деревушки. Вотъ новый и сильный фактъ противъ Скептиковъ!.. [148]).

* **94. Добрыя Дѣвушки.** Повѣсти, сочиненныя Г-жею *Алидію де Савильякъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи И. Глазунова. 1834. 234. (16) [149]).

Довольно порядочныя дѣтскія повѣсти. По крайней бѣдности нашей литературы по сей части, мы отъ души благодаримъ переводчика за его скромный, полезный трудъ. Жаль только, что переводъ не совсѣмъ хорошъ; дѣтскія книги должны отличаться особенною легкостію, чистотою и правильностію языка; ихъ портятъ подобныя періоды и выраженія: „Меня зовутъ Дювалемъ, не имѣя никакого состоянія, я вознаградилъ этотъ недостатокъ блестящимъ ученіемъ, (?) которое дало мнѣ возможность *отправлять почетное званіе адвоката*, люди, имѣвшіе ко мнѣ довѣріе, доставляли мнѣ средства жить въ изобиліи, и я тридцати лѣтъ женился по склонности на женщинѣ, которая *принесла приданое*, равное съ моимъ имуществомъ". Прочтя этотъ періодъ, подумаешь, что Г. переводчикъ не умѣетъ ставить никакихъ знаковъ препинанія кромѣ запятыхъ, и за то, онъ ужь и не скупится на запятыя: у него каждое нарѣчіе отдѣлено отъ своего глагола двумя запятыми, а что за фразеологія? *Отправлять почетное мѣсто адвоката*. Можно отправлять должность, ремесло, профессію,

а званіе можно носить. „*Не хотѣвши употреблять свободной власти своей*“. Что это за свободная власть? Вѣрно въ подлинникѣ дѣло шло о свободной волѣ? Такихъ періодовъ и фразъ въ этой книжкѣ довольно, хотя вообще переводъ еще довольно сносенъ. Вся книжка состоитъ изъ шести повѣстей, изъ коихъ къ каждой приложено по лубочной картинкѣ.

95. Борисъ Годуновъ. Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ *М. Лобанова*. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи X. Гинце. 1835. 110. (8) [150]).

Авторъ этой трагедіи былъ нѣкогда въ числѣ *знаменитыхъ*. Въ какомъ-то плохомъ журналѣ, кажется въ „Новостяхъ Литературы“, издававшихся Г. *Воейковымъ*, въ 20 годахъ, переводъ Гна *Лобанова* Расиновой Федры былъ названъ лучшимъ Русскимъ переводомъ *первой* въ свѣтѣ трагедіи. Увы! съ тѣхъ поръ много утекло воды! Много произошло перемѣнъ! *Первая* Трагедія въ свѣтѣ забыта неблагодарнымъ потомствомъ, вмѣстѣ съ нею забытъ и ея знаменитый переводчикъ. Такъ, его забыли; но онъ не измѣнился, хотя и все измѣнилось вокругъ него—и люди, и мнѣнія. Впрочемъ, ни мало не измѣнившись самъ, онъ замѣтилъ всеобщую перемѣну во вкусахъ и понятіяхъ. Въ слѣдствіе этого онъ вышелъ на знакомое ему поприще съ тѣми же словами, съ тѣми же старыми вещами, но въ новомъ, модномъ костюмѣ. Тяжелый, Херасковскій шестистопный ямбъ замѣнилъ онъ пятистопнымъ безрифменнымъ; надъ завѣтными три-единствами наругался безжалостно; вмѣсто Грековъ и Римлянъ древнихъ временъ вывелъ Русскихъ XVI вѣка. Но, повторяю, это только костюмъ, сущность же все таже, старая, классическая, бездушная. Ни страстей, ни характеровъ, ни стиховъ, ни интереса — нѣтъ ничего этого; все холодно, поддѣльно, придумано, нарумянено, все на ходуляхъ, безъ всякой естественности. Напримѣръ, Борисъ, этотъ великій характеръ, который и въ самомъ злодѣйствѣ долженъ быть великъ, признается въ своемъ преступленіи женѣ и дочери съ жалкою трусостью неопытнаго новичка въ порокѣ. Его жена и дочь истинныя наперсницы классическихъ трагедій. Грустно читать подобныя произведенія, тѣмъ болѣе грустно, когда онѣ, не смотря на свою юродивость, бываютъ плодомъ жалкаго заблужденія, а не шарлатанства, не меркантильности! Г. *Лобановъ* писалъ эту трагедію съ 1825 года, т. е. почти *десять* лѣтъ: не классицизмъ ли это? Не явное ли это доказательство, что почтенный авторъ совсѣмъ не поэтъ? что онъ сдѣлалъ, а не создалъ свою поэму? Было время, когда всѣ были увѣрены, что немножко стихотворнаго дарованія при знаніи правилъ и литературной образованности составляютъ поэта, что чѣмъ долѣе сочинялась пьеса и чѣмъ большихъ трудовъ стоила своему автору,

тѣмъ она была лучше: не ужели все это надо опровергать? Повторяю: грустно видѣть человѣка, можетъ быть, съ умомъ, съ образованностію, но заматорѣвшаго въ устарѣвшихъ понятіяхъ и застигнутаго потокомъ новыхъ мнѣній! Онъ трудится честно, добросовѣстно, а надъ нимъ смѣются; онъ ни кого не понимаетъ, и его ни кто не понимаетъ. Нэ могу представить себѣ ужаснѣйшаго положенія!.. [151]).

(— онъ — инскій).

96. Художникъ. *Т. м. ф. а.* Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи X. Гинце. 1834. Три части: I — 114; II — 71; III — 106. (12) [152]).

Въ этомъ сочиненіи есть мысль, и мысль прекрасная, поэтическая. Но исполненіе этой мысли весьма неудачно; авторъ хотѣлъ изобразить жизнь художника въ борьбѣ съ людьми, обстоятельствами, судьбой и самимъ собою, и написалъ довольно большую книгу, которая наполнена общими мѣстами и до крайности утомляетъ читателя, не доставляя ему никакого удовольствія. Причина очевидна: онъ не составилъ себѣ ясной, отчетливой, глубокой и вѣрной идеи о художникѣ, идеи, почерпнутой изъ фактовъ и повѣренной собственнымъ чувствомъ; онъ смотритъ на художника съ той жалкой и устарѣлой точки зрѣнія, съ которой у насъ вообще смотрятъ на этотъ предметъ, больше по привычкѣ, больше по стародавнимъ преданіямъ, чѣмъ въ слѣдствіе глубокаго наблюденія и несомнѣнныхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ жизни извѣстныхъ художниковъ. Какъ, по общему повѣрью Русскаго народа, всякой *умница, дѣлецъ* или *мастеръ* непремѣнно долженъ быть горькимъ пьяницею, малымъ, какъ говорится, *сорви-голова;* такъ, по общепринятому мнѣнію многихъ нашихъ авторовъ и литераторовъ, художникъ непремѣнно долженъ быть чудакомъ, оригиналомъ, который со всѣми бранится, ни съ кѣмъ не можетъ ужиться, который безпрестанно вдохновенъ, восторженъ, никогда не знаетъ прозаическихъ минутъ, который въ глаза называетъ всѣхъ подлецами, негодяями, а самъ святъ, какъ праведникъ, и незлобивъ, какъ голубь; его клянутъ, гонятъ, терзаютъ, а онъ всѣхъ любитъ, какъ братьевъ, всѣхъ благословляетъ, и ненавидитъ одно *злато* и *стяжаніе*; потомъ дѣлается человѣконенавистникомъ, мизантропомъ и ищетъ уединенія. Нѣтъ, не таковъ художникъ! Все это черты индивидуальности человѣка, а отнюдь не общая характеристика художника! Художники, особенно въ наше время, и пьютъ и ѣдятъ и любятъ денежки, какъ и всѣ смертные. Да и много ли изъ нихъ такихъ, которые особенно прославились своими страданіями; многіе ли изъ нихъ испытали участь *Тасса?* Начнемъ съ Древнихъ: изъ Греческихъ, *Гомеръ* — миѳъ; прочіе жили счастливо, были любимы и уважаемы своими согражданами; хотя *Демос-*

венъ сюда собственно и не относится, какъ не художникъ, но и тотъ погибъ не за свой удивительный даръ, а за политическія мнѣнія; изъ Римлянъ, *Виргилій* и *Горацій*, жили очень хорошо, и послѣдній цѣлый вѣкъ, потягивая *Тибурское*, восклицалъ:

Хвала, умѣренность златая!

Изъ новыхъ, особенно не посчастливилось Испанскимъ и Португальскимъ поэтамъ, и то за то, что они захотѣли быть умнѣе глупыхъ своихъ соотчичей, но вѣдь и то сказать: гдѣ же это и любятъ? *Шекспиръ* жилъ въ ладу съ людьми и умеръ владѣльцемъ порядочнаго помѣстья, а развѣ это не большое счастіе? Французскіе поэты, съ *Расина* до *Вольтера*[1]) включительно, были очень счастливы: *Жильбертъ* и *Андрей Шенье* составляютъ изключеніе, да объ нихъ мало и знаютъ; притомъ же они хотѣли быть честными людьми и плохо знали философію XVIII вѣка! О нынѣшнихъ Французскихъ поэтахъ нечего и говорить: всѣ они богаты, слѣдственно счастливы, хвалимы, слѣдственно довольны; нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ, знаменитый *Викторъ Гюго*, хорошіе граждане, хорошіе супруги, отцы и люди, не смотря на кровавый и безчинный характеръ своей музы. Изъ Англичанъ, *Байронъ*... да онъ былъ большой чудакъ, жертва самого себя, своей мысли, и это-то, кажется мнѣ, всего болѣе можетъ быть истиннымъ несчастіемъ художника. *Вальтеръ-Скоттъ* былъ богатъ, знатенъ, славенъ, добръ, честенъ, любилъ людей и жилъ съ ними въ ладу. Изъ Нѣмцевъ, почти не было несчастныхъ поэтовъ; *Гете*, одному изъ представителей Нѣмецкой литературы, вездѣ было хорошо, можетъ быть, потому, что онъ былъ выше всего; *Шиллеру*, другому представителю Нѣмецкой литературы, тоже вездѣ было хорошо, потому что его счастіе было *не отъ міра сего*.

Перечтите біографіи всѣхъ великихъ художниковъ, и вы увидите, что художникъ совсѣмъ не синонимъ слову сумасшедшій и мученикъ; многіе изъ нихъ рѣшительно гнусны, какъ люди, и только въ поэтическія мгновенія бываютъ велики; и это очень понятно, ибо поприще поэта есть больше чувствованіе, чѣмъ дѣйствованіе.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,

---

[1]) Кромѣ *Руссо*, который былъ слишкомъ благороденъ и высокъ, чтобъ быть счастливымъ во времена *Вольтеровъ*, *Мармонтелей*, *Лагарповъ* и пр.

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Вообще надо замѣтить, что художникъ у насъ еще загадка, неуловимая, какъ женщина, и его невозможно подвести подъ общія черты. Въ одномъ мѣстѣ онъ царь и пророкъ, какъ *Давидъ*, въ другомъ мученикъ какъ *Тассъ*, въ третьемъ богачъ, какъ *Байронъ*, въ четвертомъ нищій, какъ *Сервантесъ*, тамъ Министръ, какъ *Державинъ*, тутъ беззаботный весельчакъ-политикъ, какъ *Беранже;* здѣсь его гонятъ, ненавидятъ, тамъ ласкаютъ и любятъ, и пр. и пр.

Художникъ Гна *Т. м. ф. а* принадлежитъ къ числу тѣхъ нескладныхъ и нелѣпыхъ созданій, которые были бы въ тягость и себѣ и людямъ, еслибъ были возможны. Къ счастію, это только мечта, самая неудачная и неестественная. Г. *Т. м. ф. ъ.* не извелъ этотъ идеалъ изъ міра души своей, а слѣпилъ его по разчетамъ возможностей. Поэтому, его герой не возбуждаетъ никакого участія, не имѣетъ никакого опредѣленнаго образа, и его тотчасъ забываешь, какъ скоро закроешь книгу. И между тѣмъ, надо быть справедливымъ, завязка повѣсти и многія ситуаціи *придуманы* авторомъ чрезвычайно счастливо. Всего несноснѣе онъ тамъ, гдѣ прибѣгаетъ къ такимъ пружинамъ, которыя уже по одному тому трудно привести въ движеніе, что къ нимъ всѣ прибѣгаютъ. Такъ на примѣръ: бѣдный живописецъ, будучи еще ребенкомъ, завидуетъ ласкамъ, которыми его товарищей по ученію осыпали ихъ родители, и чувствуетъ при этомъ зрѣлищѣ глубокую тоску и темное желаніе назвать кого нибудь своимъ отцомъ или матерью — вы ожидаете услышать изъ устъ его какое нибудь недоговоренное слово, какой нибудь глухой вопль души, подобный молніи, проблестнувшей надъ бездною и открывшей на минуту всю глубину ея; вы ожидаете увидѣть лице, мгновенно передернутое судорогою, уста, искривившіяся страданіемъ, взоръ, который изобличалъ бы предсмертную муку, а Г. *Т. м. ф. ъ* вмѣсто всего этого заставляетъ своего художника проговорить нѣсколько скучныхъ, растянутыхъ страницъ водяной прозы, общихъ мѣстъ риторической шумихи. И между тѣмъ, книга Гна *Т. м. ф. а* принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій въ нашей литературѣ. Отчего же такая несообразность? Оттого, что у насъ еще худо знаютъ различіе между словами *творить* и *дѣлать*, между способностію *чувствовать* и *заставлять другихъ чувствовать;* оттого, что у насъ, кто сознаъ себя хоть на вершокъ выше толпы, тотъ уже и почитаетъ себя поэтомъ...

Въ заключеніи скажу, что Художникъ Гна *Т. м. ф. в. а* отзывается часто слишкомъ замѣтнымъ подраженіемъ прекрасной повѣсти

Г. *Полеваго* „Живописецъ", и, какъ всякое подраженіе, вольное или невольное, неизмѣримо далеко отстоитъ отъ своего высокаго образца.

***97. Краткая Исторія города Казани.** Соч. Адъюнкта *М. Рыбушкина.* Казань. Въ Университетской типографіи. 1834. Двѣ части: I — 161; II — 168. (8) [153]).

Трудъ Г. *Рыбушкина* достоинъ всякаго уваженія, не смотря на все свое несовершенство. Главный его недостатокъ состоитъ въ заглавіи: ибо, такъ называемая, „Краткая Исторія Города Казани", есть ни что иное, какъ собраніе болѣе или менѣе важныхъ матеріаловъ для Исторіи Казани. Исторія требуетъ единства, основной мысли, какого нибудь взгляда, а всего этого нѣтъ и слѣду въ книгѣ Г. *Рыбушкина.* Исторія — великое слово: имъ не должно шутить, Стоитъ только взглянуть на оглавленіе этого сочиненія, чтобы, даже не читая его, убѣдиться, что оно ни съ заду, ни съ переду не похоже на Исторію. Вотъ оно: I. Географическое описаніе Казани. II. Построеніе Казани и приступы къ оной. III. Покореніе Казани. IV. Торжественное шествіе Іоанна Грознаго и его учрежденія. V. Житія Св. Гурія, Варсонофія и Германа. VI. Кремль. VII. Церковь Купріана и Іустины. VIII. Монастырь Спасо-Преображенскій. IX. Каѳедральный Благовѣщенскій Соборъ. X. Башня Сююмбекина. XI. Успѣнскій Зилантовъ Монастырь. XII. О явленіи Чудотворной иконы Казанской Богоматери и строеніе Дѣвичьяго Монастыря. XIII. Обрѣтеніе Мощей Св. Гурія и Варсонофія. XIV. Моровое повѣтріе. XV. О пребываніи въ Казани одного изъ тѣхъ гвоздей, коими пригвождено было ко кресту тѣло Христа Спасителя. XVI. О посѣщеніи Казани Императоромъ Петромъ I-мъ. XVIII. Основаніе Семинаріи. XIX. Школы Новокрещенскія. XX. Школа Баталіонная. XXI. Учрежденіе Гимназіи. XXIII. О драматическомъ искусствѣ въ Казани (???). О пребываніи въ Казани Императрицы Екатерины II-й. XXIV. Галера Тверь. XXV. Нашествіе Пугачева. XXVI. О положеніи (какомъ? географическомъ?...) города Казани до нашествія Пугачева. XXVII. О бывшихъ въ Казани пожарахъ. Второй части: I. Жизнеописаніе Митрополита Веніамина. II. О бывшихъ въ Казани Архіереяхъ. III. О возобновленіи Казани послѣ Пугачевскаго нашествія. IV. Учрежденіе Губерніи. V. Главное народное училище. VI. Пороховой заводъ, VII. Основаніе Гимназіи Императоромъ Павломъ I-мъ. VIII. Учрежденіе Университета. IX. О сооруженіи памятника въ честь убіенныхъ при покореніи Казани воиновъ. X. О промышленности, торговлѣ, фабрикахъ и проч. XI. О раскольническихъ сектахъ въ Казани. XII. О нравахъ и обычаяхъ жителей. XIII. Объ образованіи между Татарами. XIV. О праздникахъ Татарскихъ. XV. О состояніи

температуры въ Казани. XVI. Порядокъ Казанскихъ Царей и Хановъ, въ каковомъ они другъ за другомъ отъ основанія города до покоренія онаго Россіянами слѣдовали. XVII. Списокъ Боярамъ, Воеводамъ и прочимъ управлявшимъ городомъ Казанью лицамъ отъ 1552 по 1834 годъ.

Гдѣжь тутъ Исторія? Это просто матеріалы болѣе для этнографіи, чѣмъ Исторіи Казани, хотя многіе изъ этихъ матеріаловъ и очень любопытны. У насъ такъ мало заботятся о сохраненіи всего касающагося до старины, такъ много презираютъ скромною славою собирателей подобныхъ матеріяловъ, что никакъ не льзя быть слишкомъ взыскательнымъ къ книгамъ этого рода. Посему, тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженіе скромный, но полезный трудъ Г. *Рыбушкина*. Многія изъ страницъ его книги, особенно въ 2 части, не льзя читать безъ удовольствія. Старина имѣетъ столько очарованія, столько привлекательной, непобѣдимой прелести, что по неволѣ заглядываешься на каждую, даже малѣйшую, черточку оной. Самую интересную часть книги Г. *Рыбушкина* составляютъ документы для Исторіи учебныхъ заведеній въ Казани, и статья о нравахъ жителей сего города. Чрезвычайно любопытно письмо Іоанна Грознаго къ Св. Гурію: не знаю только, было ли оно гдѣ нибудь напечатано: Г. *Рыбушкинъ* не говоритъ объ этомъ ни слова. Особенно замѣчательны въ семъ письмѣ слѣдующія слова, свидѣтельствующія о религіозныхъ понятіяхъ Грознаго Царя: „*Не вопроситъ Господь на судищи своемъ, како много молистеся, како много постистеся, како чиновнѣ во храмѣ воспѣваете, аще и вся сія добра; а спроситъ, колико бѣднымъ милости явисте, и колико научисте, яко святый Матөей пишетъ*“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ узнаёмъ изъ книги Г. *Рыбушкина*, что Казанскіе Татары отличаются нѣкоторою цивилизованностію и даже образованностію. Они вѣжливы, обходительны, каждый изъ нихъ долженъ умѣть читать и писать, если не хочетъ подвергнуться презрѣнію своихъ единоплеменниковъ; у нихъ есть свой курсъ ученія, продолжающійся, по крайней мѣрѣ, 5 лѣтъ. Ученіе ихъ начинается съ Азбуки; послѣ нея они читаютъ *Гафтіакъ*, книгу, содержащую въ себѣ извлеченія изъ Алкорана; потомъ читаютъ: *Бургумъ, Субатулъ-Гаджезинъ*, *Сейфунъ-Мумокъ*, *Стуани*, книги, содержащія въ себѣ изъясненіе Корана, въ стихахъ и прозѣ; наконецъ, *Мухамедъ-Эффенди*, книгу, содержащую наставленія касательно торговли; иногда и *Нахy* (Грамматику) Арабскаго языка, сколько нужно для поверхностнаго разумѣнія Алкорана. Многіе учатся языкамъ Персидскому и Бухарскому для торговыхъ сношеній съ народами, говорящими на этихъ языкахъ. Татары посѣщаютъ театръ

и даже очень любятъ его. Только однажды неосторожное представленіе какой-то пьесы, въ которой былъ представленъ съ смѣшной стороны ихъ Пророкъ, чуть было не лишило театра самыхъ ревностныхъ его посѣтителей. Но этотъ случай уже давно забытъ, и Татары по прежнему посѣщаютъ театръ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ и общихъ недостатковъ книги Г. *Рыбушкина* заключается въ слогѣ, который можно назвать смѣсью *Ломоносовскаго* съ Татарскимъ. На примѣръ, какова разстановка словъ въ этой фразѣ: *„Порядокъ Казанскихъ Царей и Хановъ, въ каковомъ они одинъ за другимъ отъ основанія города до покоренія онаго Россіянами слѣдовали?“* Къ немалому моему удивленію узналъ я изъ этого сочиненія, что Казанскій купецъ Г. *Каменевъ*, авторъ теперь забытой, но нѣкогда бывшей въ славѣ Баллады „Громвалъ“, почитается въ Казани человѣкомъ, *прославившимъ себя на литературномъ поприщѣ и полагается въ числѣ образцовыхъ писателей*. Наружность и вообще типографическія достоинства сего сочиненія самыя провинціальныя — стыдно взять въ руки. Къ обѣимъ частямъ приложено четыре рисунка, не дурно сдѣланныхъ. Первый представляетъ видъ Казанской крѣпости; второй планъ Казани въ 1552 году; третій планъ осады Казани въ 1552 году; четвертый планъ Казани въ 1834 году.

Въ заключеніе выписываю любопытное извлеченіе изъ донесенія *Главнаго камандира надъ Гимназіями* Ассессора Михайла *Веревкина* къ куратору *Шувалову* о празднествѣ, данномъ всей Казани, 1760 года, 26 Апрѣля, обѣими Казанскими Гимназіями, учрежденными 1758 года 25 Іюня, Императрицею Елисаветою Петровною. Это донесеніе есть интересный фактъ нашей доброй и наивной старины. Вотъ оно:

„Весь городъ принялъ живѣйшее участіе въ великолѣпномъ празднествѣ, данномъ Гимназіями. Здѣшній Архіепископъ Гавріилъ, по расположенію своему къ сему учебному заведенію, съ пышною церемоніею началъ торжество служеніемъ благодарственнаго молебствія за безцѣнное здравіе Всероссійской, Чадолюбивой и Прещедрой Матери отечества, въ приходской Гимназической церкви. При провозглашеніи многолѣтія производилась пальба изъ пушекъ, а послѣ молебена духовныя и свѣтскія знатныя особы и Президентъ Магистрата, Аникіевъ, вошли въ домъ Гимназической, гдѣ произнесены были рѣчи. Всѣ посѣтители, числомъ до 117 чел., угощены были обѣдомъ. Столы составляли собою три длинныя линіи. Въ концѣ каждаго стола поставлены были изображенія *трехъ* частей свѣта: Европы, Азіи и Африки. Въ срединѣ же залы сдѣлана была крутая и утесистая гора, ведущая къ вершинѣ весьма узкими тропинками. Сто человѣческихъ фигуръ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, идутъ по симъ тропинкамъ. Многіе изъ нихъ, какъ на примѣръ, искатели Философскаго камня и сочинители гороскоповъ, падаютъ почти при самомъ началѣ пути, другіе едва доходятъ до половины, а самая малая часть до вершины горы. Аполлонъ съ музами, стихотворцы *Ломоносовъ* и *Сумароковъ* входятъ на гору по приказанію Юпитерову, приславшему къ нимъ Меркурія съ изображеніемъ въ одной рукѣ Вензеловаго имени Ея Императорскаго Ве-

личества, а въ другой съ жезломъ, которымъ, показывая на имя Государыни, даетъ знать жителямъ Парнасса, чтобъ они, забывъ все прошедшее, превозносили похвалами Августѣйшую Елисавету.

Послѣ обѣда, когда стало уже смеркаться, гости приглашены были въ комедію. Въ театрѣ, нарочно для сего торжества устроенномъ, представлена была комедія *Мольера*: Школа Мужей.

Вотъ, милостивый государь Мольеръ и въ Татаріи сталъ извѣстенъ! Партеръ въ театрѣ, состоявшій изъ 12 лавокъ, былъ обитъ красною каразеею и могъ помѣстить въ себѣ до 400 человѣкъ. Въ парадизѣ была такая тѣснота, что зрители казались картиною, и пр.

На другой день, чрезъ особые билеты, приглашены были Гимназическимъ начальствомъ 270 знатнѣйшихъ особъ изъ духовенства и свѣтскихъ людей на загородный Губернаторскій дворъ, что на Арскомъ полѣ. Здѣсь данъ былъ ужинъ и сожженъ фейерверкъ. Могу при смерти моей сказать, что имѣлъ райскія минуты въ моей жизни.

Подумайте, близко 17.000 было тутъ гостей; нѣсколько быковъ, барановъ и жареной живности съ самыми простыми напитками, что все стоило 60 руб., не въ состояніи были привести гостей въ восторгъ желанный! Кромѣ сего въ два раза разбросано было простому народу по двадцати рублей, размѣненныхъ на полушки.

98. Исторія Донскаго войска, Владиміра Броневскаго. Часть первая. Санктпетербургъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленій Государственныхъ бумагъ. 1834. VII. 311 (8) [154]).

Великое дѣло терпѣніе! Оно точно есть одно изъ необходимѣйшихъ качествъ генія, но оно, вопреки *Бюффону*, со всѣмъ не то, что геній, даже совсѣмъ не то, что талантъ: *Третьяковскіе, Сумароковы и Херасковы* не единственные свидѣтели этой истины. И въ наше время можно найдти этихъ несчастныхъ мучениковъ терпѣнія и безталанности. Трудятся неутомимо, хлопочутъ безпрестанно, вѣчно заняты, считаютъ десятками плоды своего трудолюбія, а толку все ни на грошъ. Не помогаетъ имъ даже и ихъ ученость, которая обыкновенно состоитъ въ кропотливомъ знаніи однихъ фактовъ, знаніи мѣлочномъ и скрупулёзномъ, не проникнутомъ никакою мыслію, никакимъ воззрѣніемъ, которыя составляютъ душу и жизнь всякого знанія, наконецъ, въ этомъ сухомъ и мертвомъ знаніи, котораго они ни къ чему не умѣютъ приложить, не умѣютъ привязать ни къ какой мысли, ни къ какой цѣли, ни къ какому плану. Вотъ, на примѣръ, говоря впрочемъ безъ всякихъ примѣненій, къ чему можетъ служить „Исторія Донскаго Войска", составленная покойнымъ *Броневскимъ?* Ровно ни къ чему, хотя она стоила своему почтенному автору большихъ трудовъ, большаго терпѣнія. Вы прочитываете ее всю, или ex officio, какъ я, или желая почерпнуть изъ нея какія нибудь свѣденія, прочитываете ее, скрѣпивъ сердце, терпя скуку, и наконецъ, видите вожделѣнный брегъ; спросите же

теперь себя, что́ у васъ осталось въ головѣ, что вы упомнили, чѣмъ хорошимъ или полезнымъ обогатили свою память? Увѣряю васъ, что не найдти вамъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ мудреный вопросъ. Если вы слишкомъ неопытны въ дѣлахъ этого рода, и при этомъ еще слишкомъ добросовѣстны, если вы благоговѣете передъ всякимъ честнымъ, благонамѣреннымъ трудомъ, вы, можетъ быть, станете обвинять самихъ себя или въ недостаткѣ памяти, или, наконецъ, въ недостаткѣ основныхъ, пріуготовительныхъ познаній, безъ которыхъ не льзя читать подобныхъ книгъ? О, будьте спокойны, не обвиняйте себя: вы правы, совершенно правы, виноватъ одинъ авторъ! Книги, къ числу которыхъ относится „Исторія Донскаго Войска", бываютъ двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ должны представить систематическую исторію какого нибудь отдѣльнаго предмета, какъ хотѣлъ это сдѣлать Г. *Броневскій;* другія должны представить факты для этой исторіи. Книги перваго рода должны быть проникнуты какою нибудь мыслію, должны быть согрѣты живымъ участіемъ автора въ описываемыхъ имъ событіяхъ, должны, наконецъ, представить полную и одушевленную картину цѣлой жизни народа, или только одного момента ея. Такова „Тридцатилѣтняя Война" и „Отпаденіе Нидерландовъ отъ Испаніи", *Шиллера.* Книги втораго сорта должны быть или просто сборникомъ матеріаловъ, и въ такомъ случаѣ ихъ важность опредѣляется степенью важности и вѣрности документовъ; или повѣствованіемъ, въ которомъ соединены и примирены по возможности всѣ извѣстные матеріалы и изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Такое повѣствованіе должно быть просто, ясно; все дѣло въ фактахъ, и составитель не долженъ позволять себѣ никакихъ разсужденій, не долженъ, такъ сказать, выглядывать изъ-за фактовъ: его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы выбрать изъ историческихъ источниковъ все нужное и расположить въ такомъ строгомъ и ясномъ порядкѣ, чтобы событія плавно текли другъ за другомъ, не забѣгали другъ другу въ глаза, не перебивали другъ у друга дороги, и чтобы читателю не трудно было удерживать ихъ въ своей памяти. Ничего не можетъ быть драгоцѣннѣе такого рода книгъ: онѣ были бы важны и для простаго читателя и для критика, и для писателя исторіи.

„Исторія Донскаго Войска", Г. *Броневскаго,* принадлежитъ къ числу книгъ перваго разряда, и вмѣстѣ къ числу самыхъ неудачныхъ попытокъ. Прочтите ее сто разъ и ничего не узнаете, ничего не удержите въ памяти. Что такое Донцы, какую идею выразили они собою, какое мѣсто должны они занимать въ Русской исторіи? — Обо всемъ этомъ и не спрашивайте автора. Онъ перефразировываетъ вамъ дурнымъ Ломоносовскимъ слогомъ то исторію *Карамзина,* то

статью *Полеваго,* то что нибудь другое; толкуетъ о событіяхъ въ Россіи, и Донцы въ его драмѣ являются аксессуарными персонажами. Онъ всегда былъ компилляторомъ, онъ не измѣнилъ себѣ и въ послѣднемъ своемъ сочиненіи; какъ въ водевиляхъ набирается музыка изъ разныхъ авторовъ, такъ и онъ сшилъ свою книгу изъ разныхъ чужихъ лоскутовъ, и потому у него яркость и достоинство этихъ лоскутовъ зависитъ оттого, у кого онъ ихъ бралъ. Такъ на пр. лучшее мѣсто его книги есть взятіе Донцами Азова, потому что это мѣсто есть ничто иное, какъ списокъ (разумѣется, немного изскаженный Г. Компиляторомъ) извѣстной статьи Г. *Полеваго* [155]). Трудно, скучно, да и безполезно было бы наводить справки, откуда и по скольку бралъ онъ чужаго, и что̀ собственно принадлежитъ ему. Странно то, что онъ въ предисловіи показалъ всѣ свои, какъ говоритъ онъ, источники, и умолчалъ о статьѣ „Взятіе Азова“ хотя послѣ, когда дошло дѣло до этого событія, и признается, въ сноскѣ, въ своемъ, какъ говоритъ онъ, заимствованіи. Много и еще кое чего можнобъ было сказать... но довольно... *de mortuis aut bene aut nihil*... и то, что я написалъ, — для *живыхъ*, а не для покойника.

99. Тетушкины сказки. Сочиненіе Дѣвицы *В. М. Руссо.* Переводъ съ Французскаго. Съ виньеткою и картинками (тремя). Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1835. Двѣ части: I — 247; II — 266. (16) [156]).

Дѣтскія повѣсти, если хотите, довольно сносныя въ сравненіи со множествомъ дѣтскихъ книгъ, издаваемыхъ у насъ; но къ чему онѣ, если ихъ достоинство только относительное? Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ напоминаютъ собою слова, кажется, *Фокіона,* по случаю отправленія Аѳинянами небольшаго флота, для сбора подати съ нѣкоторыхъ острововъ: *„Если это для войны, то флотъ слишкомъ малъ; если же для сбора подати, то слишкомъ великъ“*. Если этѣ повѣсти назначались ихъ авторомъ для чтенія дѣвицъ, уже готовящихся сдѣлаться невѣстами, то онѣ нелѣпы и глупы; если же для малолѣтныхъ дѣвочекъ, то неприличны, ибо ихъ персонажи, по большей части, дѣвушки отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, и всѣ за хорошее поведеніе награждаются выгоднымъ замужествомъ. Конечно, для дѣвушки въ пятнадцать лѣтъ, которая уже питаетъ желаніе быть замужемъ, — такая награда слишкомъ достаточная причина вести себя хорошо, по крайней мѣрѣ, при людяхъ; но что тутъ лестнаго для дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ? Если уже люди должны быть добры изъ выгодъ, если уже имъ непремѣнно надо получать плату за свою добродѣтель, то для маленькой дѣвочки фунтъ конфектъ обольстительнѣе всякаго богатаго мужа. Вотъ нравственность XVIII вѣка!.. [157]). Какихъ высокихъ чувствъ

можно ожидать отъ дѣвушки, напитанной, или лучше сказать, напичканной такою прекрасною моралью?.. И между тѣмъ, эта мораль проповѣдуется всѣми, и едва ли не каждый изъ насъ (исключенія очень рѣдки) былъ упитываемъ этою небесною манною. Горькая мысль!.. Едва появится на свѣтъ новый житель міра, новый членъ огромнаго человѣческаго семейства и уже ему предлагаютъ тонкій ядъ разврата, ядъ, истребляющій сѣмена добраго и посѣевающій въ юной, ангельской душѣ терніи эгоизма и ничтожества въ помыслахъ, желаніяхъ и стремленіи! И все это добродушно, отъ искренняго сердца, нерѣдко съ чистымъ желаніемъ добра. Такъ напримѣръ, *Коцебу* написалъ для своихъ дѣтей нѣсколько, надо сказать правду, презанимательныхъ повѣстей, подъ названіемъ „Подарокъ Дѣтямъ на Новый годъ;“ такъ сладенькій и добренькій *Дюкре-дю-Мениль* издалъ тоже довольно занимательныя Дѣтскія Повѣсти, подъ названіемъ: Вечернія Бесѣды въ Хижинѣ или Наставленія Престарѣлаго Отца“. Въ тѣхъ и другихъ всякое достоинство награждено, а порокъ и недостатокъ вездѣ наказаны, и изо всего этаго выведено мудрое правило, что надо быть добрымъ. Добрые наши отцы и наставники готовы божиться и клясться, что въ этихъ книжкахъ самая чистѣйшая нравственность!...

„Тетушкины сказки“ не выдержатъ ни малѣйшаго сравненія съ повѣстями *Коцебу* и *Дюкре-дю-Мениля*, которыя, какъ я уже сказалъ, отличаются нѣкоторымъ литературнымъ достоинствомъ и дурны только отъ косаго взгляда на вещи и пошлаго понятія о нравственности. Это просто плохенькія сказочки, состоящія изъ общихъ мѣстъ и въ содержаніи и въ сентенціяхъ. Переводъ и такъ и сякъ, но правописаніе немного криво.

(**—онъ —инскій**).

***100. Примѣчаніе къ „Олегу подъ Константинополемъ“.** *К. Эврипидина* [158]).

Увѣдомляемъ почтеннѣйшую публику, что одинъ молодой человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ, оканчиваетъ, въ часы досуга, большую романтическую трагедію, въ 5 дѣйствіяхъ. Сюжетъ ея взятъ изъ отечественной исторіи (источникомъ служила И. Г. Р. *Карамзина*); характеръ чисто-народный, Русскій, ибо, вслѣдствіе глубокихъ соображеній молодаго Автора, когда пьеса будетъ даваться на театрѣ (что очень скоро совершится), персонажи будутъ съ бородами, въ зипунахъ и лаптяхъ (источникомъ служилъ Несторъ). Хотя трагедія и носитъ названіе „Олегъ подъ Константинополемъ“, но истинный герой ея есть *Игорь*, коего *фантастическій* и *колоссальный* образъ основанъ на четырехъ могучихъ чув-

ствахъ: любви къ своему народу, идеальной любви къ одной неземной дѣвѣ, любви къ войнѣ и, наконецъ, падкости къ грабежу. Къ чести сего произведенія, котораго большую часть мы слышали изъ устъ скромнаго автора, скажемъ, что оно не только не напоминаетъ, какъ многія Русскія сочиненія въ семъ родѣ, „Разбойниковъ", но и не похоже ни мало ни на одно изъ твореній *Шиллера*: нашъ авторъ хочетъ быть совершенно оригинальнымъ, ибо пора безусловной подражательности уже миновалась для Русской Литературы. **Б.**

101. Жертва. Литературный эскизъ. Сочиненіе Г-жи *Монборнъ*. Переводъ съ Французскаго *Z*.... Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 300. (12) [159]).

Въ послѣднее время въ Европѣ, или, лучше сказать, во Франціи (а это почти одно и тоже) глухо началъ раздаваться какой-то ропотъ противъ священнѣйшаго гражданско-религіознаго установленія—*брака*; начали обнаруживаться какія-то сомнѣнія на счетъ его законности и даже необходимости: теперь этотъ ропотъ превратился въ какой-то неистовый вопль, а сомнѣнія начали предлагаться во всеуслышаніе, въ видѣ какой-то аксіомы. Теоретическихъ доказательствъ нѣтъ, да, благодаря нелѣпости этой мысли, и не можетъ быть; и такъ прибѣгли къ другому способу, къ практическому, и избрали орудіемъ *искусство*, которое во Франціи никогда не существовало само для себя, но всегда служило какимъ нибудь внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ. И вотъ, начиная съ первыхъ корифеевъ Французской литературы [1]) до нищенской литературной братіи, всѣ, тайно или явно, вооружились противъ брака, у всѣхъ, въ основаніи каждаго произведенія, начала пробиваться эта *arrière pensée*. Но женщины-писательницы, главою которыхъ явилась знаменитая *Жоржъ Зандъ*, и которыхъ во Франціи также много, какъ на Руси бездарныхъ стихотворцевъ и романистовъ, женщины-писательницы, говорю я... но постойте... позвольте мнѣ на минуту уклониться отъ матеріи... я страхъ какъ люблю отступленія; это мой конекъ.. [161]).

Что такое женщина-писательница? Женщина имѣетъ ли право быть писательницею?

Вопросъ очень не новый: его предлагала и рѣшала еще покойница бабушка-Мадамъ *Жанлисъ*, которая, какъ всѣмъ извѣстно, была изъ самыхъ задорныхъ писательницъ. Брюзгливая старушка (я не умѣю представить ее иначе, какъ подъ формою старой брюзги) сказала и доказала (не помню, гдѣ именно), что авторство ни въ какомъ случаѣ не есть дѣло женщины. По истинѣ, безпримѣрное самоотверженіе!.. Впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ случаѣ, ей хотѣлось

---

[1]) См. Тел. 1834. Часть XXIII, стр. 249 [160]).

упрочить за собою литературную монополію, и потому мы въ правѣ ей не повѣрить, и разсмотрѣть этотъ вопросъ по своему.

Въ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе, все прекрасно въ предѣлахъ своего назначенія и дурно внѣ его; это вѣчный, неизмѣняемый законъ Провидѣнія. Женщина-Амазонка, какая нибудь храбрая Брадаманта [162]), въ поэмѣ, можетъ быть не больше какъ смѣшна, но въ дѣйствительности, она существо въ высочайшей степени отвратительное и чудовищное; мущина съ женоподобнымъ характеромъ есть самый ядовитый пасквиль на человѣка.

Tout est bon, tout est bien, tout est grand à sa place!

Жизнь человѣческая есть не сонъ, не мечта, не грѣза; цѣль ея не наслажденіе, не счастіе, не блаженство: нѣтъ, она есть великій даръ Провидѣнія. Безумный хватается за этотъ даръ, какъ за игрушку и легкомысленно играетъ имъ какъ игрушкою; мудрый принимаетъ его съ покорностію, но и съ трепетомъ, ибо знаетъ, что это есть драгоцѣнный залогъ, который онъ долженъ будетъ нѣкогда возвратить въ чистотѣ и цѣлости, что это есть тяжкій, страдальческій крестъ, наградою котораго будетъ терновый вѣнецъ и чувство исполненнаго долга. Выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества—вотъ назначеніе смертнаго, и вотъ почему, въ слѣдствіе справедливаго закона вѣчной премудрости, сила заключается въ слабости, величіе въ ничтожествѣ, безконечность въ ограниченности, и вотъ почему скудѣльный, волнуемый своекорыстными страстями, сосудъ человѣка можетъ быть жилищемъ *Духа Святаго*. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ усилій нѣтъ побѣды. Два пути ведутъ человѣка къ его цѣли: путь *разумѣнія* и путь *чувства*, и благо ему, когда они оба сливаются въ пути *дѣятельности!* Безгранично поприще дѣятельности для мущины: едва сознаетъ онъ свое бытіе, едва почувствуетъ свои силы, и ему, юному жителю міра, весь міръ отверзаетъ свои сокровища, и, покорный могуществу его мысли, предлагаетъ всѣ орудія, какія нужны ему для совершенія его подвига [163]).

Если онъ чувствуетъ въ груди своей тревогу генія, если во внутреннемъ слухѣ души его раздается какой-то таинственный зовъ манящій его, подобно колокольчику Вадима [164]), въ туманную, не извѣданную даль, — онъ перомъ, кистью, рѣзцомъ, звуками вызываетъ изъ души свои новые міры, полные жизни и очарованія, или углубляется въ природу, допытывается ея тайнъ и сообщаетъ ихъ людямъ въ живомъ знаніи, или властвуетъ ими, для ихъ же блага, мечемъ, волею, дѣломъ и словомъ. Если же природа и не дала ему генія, то и тогда обширно его поприще, велико его назначеніе: ему остается честнымъ, безкорыстнымъ трудомъ, благороднымъ презрѣніемъ лич-

ныхъ выгодъ, готовностію самопожертвованія въ дѣлѣ правды, водворять добро въ томъ маломъ и тѣсномъ кругу, который назначило Провидѣніе для его дѣятельности, по мѣрѣ его душевныхъ силъ. Кто не можетъ быть *Маркизомъ Позою*, тотъ можетъ быть *Феликсомъ Феномъ*: [1]) ибо сила въ безсиліи, величіе въ ничтожности, безконечность въ ограниченности, ибо *овому талантъ*, *овому два*, а дѣло въ томъ, чтобы не закопать въ землю своего таланта, но возвратить его Вертоградарю съ ростомъ. Тотъ подлъ [166]), кто беретъ на себя трудъ выше силъ своихъ, или, обольщаясь ложнымъ блескомъ, идетъ на перекоръ врожденнымъ склонностямъ и дарованію; величайшая мудрость состоитъ въ смиренной покорности своему назначенію. Кто противится ему, тотъ бунтовщикъ противъ вѣчныхъ и справедливыхъ законовъ Провидѣнія. Если тебѣ едва подъ силу должность секретаря въ какомъ нибудь судѣ уѣзднаго города, не лѣзь въ Губернаторы, хотябъ ты и имѣлъ возможность добиться этого мѣста, но предоставь его достойнѣйшему себя; если природа осудила тебя на смиренную прозу дѣловыхъ бумагъ и приходноразходныхъ книгъ, то занимайся же честно и добросовѣстно этою бѣдною прозою, а не надѣвай на себя, подобно самозванцу, вѣнка поэта, хотя бы ты и могъ сдѣлаться предметомъ удивленія не только для своего муравейника, но и всего современнаго человѣчества и коварно выманить у него незаслуженные лавры: тогда ты будешь великъ, истинно великъ, будучи малымъ и неизвѣстнымъ. Найдешь и безъ того средства быть полезнымъ и совершить свой подвигъ, было бы стремленіе, а міръ и жизнь безконечны!

И такъ цѣлый міръ есть открытое поприще дѣятельности мущины; цѣлый міръ есть его владѣніе; какое же поприще, какой же міръ отданъ во владѣніе женщинѣ?

Какъ бы ни тѣсенъ, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ дѣятельности, избранный мущиною, но всякая сознательная дѣятельность есть путь къ совершенію подвига жизни, а подвигъ жизни равно для всѣхъ тяжелъ и ужасенъ. Но правосудное и любящее Провидѣніе Божіе, возложивъ на человѣка бремя его жизни и подвига, разочло и взвѣсило силы его человѣческой природы, и, въ семъ намѣреніи, дало ему новый, внѣ его самого находящійся, источникъ силы, въ той таинственной симпатіи, въ той высокой душевной гармоніи, въ томъ чистомъ, эѳирномъ пламени любви, которое соединяетъ его съ *женщиною*. Женщина ангелъ-хранитель мущины на всѣхъ ступеняхъ его жизни [167]): *ея* бдящій, попечительный взоръ встрѣчаетъ онъ при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, и, прильнувъ къ источнику

---

[1]) См. Тел. годъ 1834. Часть XX, стр. 485 [165]).

любви и жизни, къ *ней* обращаетъ онъ, съ безсознательною любовію, свою первую улыбку; *ея* имя произноситъ онъ въ своемъ первомъ, младенческомъ лепетѣ; *ея* любовь напутствуетъ его до самаго того мгновенія, когда жизнь исторгаетъ его изъ *ея* нѣжныхъ, материнскихъ объятій; потомъ, *ея* взоръ возбуждаетъ въ немъ, необузданномъ юношѣ, пламень благородныхъ страстей, порывы къ высокому въ дѣлахъ и помыслахъ, крѣпитъ его душу, кипящую избыткомъ силъ, и укрощаетъ дикіе порывы его буйной воли, и его, юнаго, мощнаго льва, безсознательно стремитъ, съ удвоенною энергіею, къ его цѣли, маня сладостною наградою своей взаимности — этимъ послѣднимъ, возможнымъ на землѣ блаженствомъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается желать *для себя*. И какая нужда, если смерть или обстоятельства жизни не дадутъ ему выпить до дна фіалъ блаженства, или если, вмѣсто чаръ взаимности, онъ вкуситъ муки отверженной любови?..

Но если мущинѣ суждено и блаженство взаимности и блаженство соединенія, то *она* же, все *она*, въ лѣтахъ его мужества, путеводная лучезарная звѣзда его жизни, опора, источникъ силы, который не даетъ душѣ его остынуть, очерствѣть и ослабнуть. Въ старости, она блѣдный лучь солнца, напоминающій ему, что для него было нѣкогда другое яркое и пламенное солнце, роскошно освѣщавшее дорогу его жизни и давшее вкусить ему всѣ человѣческія радости!.

Итакъ поприще женщины—возбуждать въ мущинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувства долга и стремленіе къ высокому и великому — вотъ ея назначеніе, и оно велико и священно! Для нея—представительницы на землѣ красоты и граціи, жрицы любви и самоотверженія — въ тысячу разъ похвальнѣе внушить Освобожденный Іерусалимъ, нежели самой написать его, также какъ въ тысячу разъ похвальнѣе вручить своему избранному щитъ съ завѣтомъ *„съ нимъ или на немъ!“* нежели самой броситься въ пылъ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Утѣшительница въ бѣдствіяхъ и горестяхъ жизни, радость и гордость мущины, она—гибкая лоза, зеленый плющь, обвивающій гордый дубъ, благоуханная роза, растущая подъ кровомъ его могучихъ вѣтвей и украшающая его уединенную и суровую жизнь, обрѣченную на дѣятельность и борьбу. Предметъ благоговѣйной страсти нѣжная мать, преданная супруга—вотъ святой и великій подвигъ ея жизни, вотъ святое и великое ея назначеніе! Природа дала мущинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства замѣнила избытокъ ума, и опредѣлила ей быть весталкою огня кроткихъ и возвышенныхъ

страстей: и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный акордъ составляютъ эти два, совершенно различныя, инструмента! Воспитаніе женщины должно гармонировать съ ея назначеніемъ, и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣденію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ, простодушномъ незнаніи; въ этомъ смыслѣ, ея односторонность, въ ней достоинство; мущинѣ открытъ весь міръ, всѣ стороны бытія.

Что же такое женщина-писательница? Женщина имѣетъ ли право и можетъ ли быть писательницею?

Прекрасны изображенія *Сафо* и *Коринны*, прекрасны, какъ поэтическія грезы, какъ созданія фантазіи; но что такое онѣ въ самомъ дѣлѣ? Амазонки, Брадаманты, *академики въ чепцахъ*, *семинаристы въ желтыхъ шаляхъ!* Уму женщины извѣстны только немногія стороны бытія, или, лучше сказать, ея чувству доступенъ только міръ преданной любви и покорнаго страданія; всезнаніе въ ней ужасно, отвратительно, а для поэта долженъ быть открытъ весь безпредѣльный міръ мысли и чувства, страстей и дѣлъ. Знаемъ много женщинъ-поэтовъ, но ни одной женщины-генія; ихъ созданія недолговѣчны, ибо женщина только тогда поэтъ, когда любитъ, а не тогда, когда творитъ. Природа удѣляетъ имъ иногда искру таланта, но никогда не даетъ генія: *Коринна* побѣждала *Пиндара* на играхъ Олимпійскихъ, но *Пиндаръ* побѣдилъ *Коринну* въ потомствѣ, ибо потомство рукоплещетъ созданію, а не творцу, и его не подкупить роскошью стана, прелестью лица! И вотъ почему, когда читаешь произведеніе женщины, дышущее живымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, блещущее искорками таланта, то невольно жалѣешь, думая, чѣмъ бы могла быть такая женщина, и на что̀ бы могла обратить прекрасный даръ природы—пламень своего чувства.

Женщина должна любить искусства, но любить ихъ для наслажденія, а не для того, чтобъ самой быть художникомъ. Нѣтъ, никогда женщина-авторъ не можетъ ни любить, ни быть женою и матерью, ибо *самолюбіе* не въ ладу съ *любовію,* а только одинъ геній или высокій талантъ можетъ быть чуждъ мѣлочнаго самолюбія, и только въ одномъ художникѣ-мущинѣ эгоизмъ самолюбія можетъ имѣть даже свою поэзію, тогда какъ въ женщинѣ онъ отвратителенъ.. Словомъ, женщина-писательница съ талантомъ жалка; женщина-писательница бездарная смѣшна и отвратительна.

И должно ли, и можетъ ли это оскорблять женщину? Все прекрасно и высоко въ предѣлахъ своего назначенія, и все должно гордиться и радоваться своимъ назначеніемъ, ибо оно есть воля Провидѣнія. Кто въ юности не почиталъ себя поэтомъ, кто избытка

чувствъ не принималъ за пламень вдохновенія, кто не писалъ стиховъ? Эта слабость простительна въ мущинѣ; но и онъ смѣшонъ и презрителенъ, если, на зло разсудку и вопреки природѣ, грѣхъ своей юности сдѣлаетъ грѣхомъ своей жизни, ибо въ такомъ случаѣ, онъ есть самозванецъ, бунтовщикъ противъ вѣчныхъ уставовъ Провидѣнія. Чтожъ должно сказать о женщинѣ?..

Но мое отступленіе ужъ чрезъ-чуръ длинно, и, вѣроятно, также и скучно, а все оттого, что я не люблю женщинъ-писательницъ! Богъ съ ними! Обращаюсь къ прерванной нити моего разсужденія. Я остановился, помнится, на томъ, что во Франціи, женщины-писательницы съ особеннымъ ожесточеніемъ возстали на бракъ. Нужно ли говорить, чего хочется этимъ женщинамъ, чего добиваются онѣ? Если бы еще онѣ увлекались ложными, но поэтическими идеями о добренькомъ старичкѣ платонизмѣ, или не менѣе ложными и не менѣе поэтическими идеями объ отрѣченіи отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ и принесеніи ихъ въ жертву какой нибудь задушевной мысли,—такъ и быть! Но нѣтъ, очень понятенъ этотъ *сен-симонизмъ*, эта жажда *эманципаціи:* ихъ источникъ скрывается въ желаніи имѣть возможность удовлетворять порочнымъ страстямъ. *Une femme emancipée* — это слово можнобъ очень вѣрно перевести однимъ Рускимъ словомъ, да жаль, что его употребленіе позволяется въ однихъ словаряхъ, да и то не во всѣхъ, а только въ самыхъ обширныхъ. Прибавлю только то, что *женщина-писательница*, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть *la femme emancipée.*

Но какая причина тому, что писатели стали такъ возставать противъ брака? Причина очевидна: они не умѣютъ отличить идеи брака отъ злоупотребленій брака. Люди все опрофанировали; они торгуютъ своими чувствами, совѣстію, они изъ брака, одного изъ священнѣйшихъ установленій, сдѣлали родъ торговой сдѣлки, и надо сказать правду, ничто такъ не пострадало отъ злоупотребленій развращенной человѣческой воли, какъ бракъ. Но довольно: нѣтъ ничего смѣшнѣе и глупѣе, какъ съ важностію доказывать, что $2 \times 2 = 4$. Но, скажутъ многіе, каковы же должны быть всѣ этѣ люди, которые отвергаютъ святость и необходимость брака? Не истинныя ли они чудовища?— О нѣтъ, милостивые государи, я совсѣмъ не такъ думаю о нихъ. По моему мнѣнію, многіе изъ нихъ, можетъ быть, очень добрые и почтенные люди, даже способные сдѣлаться хорошими супругами и отцами: отличайте преувеличеніе отъ злонамѣренности. Яростная волна подмываетъ песчаный берегъ и съ безсиліемъ разбивается о гранитную скалу: для *сомнѣнія* также есть свои песчаныя берега, свои гранитныя скалы. Не бойтесь за бракъ, не страшитесь *эманципаціи* женщинъ: все это вздоры довольно милыя и забавныя,

но ни мало не опасныя. — Но какая же польза отъ этихъ новыхъ мнѣній, этихъ безнравственныхъ филиппикъ противъ вѣковой, очевидной истины? О, очень большая! Знаете ли что? У людей преслабая память; они находятъ истину и слѣдуютъ ей; потомъ эта истина, по ихъ похвальному обычаю, мало по малу искажается и наконецъ дѣлается совершенною ложью; люди привыкаютъ къ ея искаженному, обезображенному виду, отъ души вѣря, что она всегда была такова; когда какой нибудь безпокойный чудакъ посмѣется надъ ихъ истиною, они разсердятся, начнутъ ее защищать, подвергнутъ ее строгому анализу и доищутся до ея начала, и вспомнятъ ее въ ея первобытной чистотѣ. Споры кончатся и истина возстановится во всемъ своемъ блескѣ. И такъ, заключаю: „Провидѣніе ведетъ человѣчество къ его цѣли путями дивными и таинственными, часто тò самое, чтò, по видимому, должно бы отдалить его отъ этой цѣли, приближаетъ его къ ней: *это попятныя движенія впередъ*".

Да—можетъ быть уже не далеко то время, когда люди не только перестанутъ вооружаться противъ брака, но перестанутъ и торговать имъ; когда женщины не только перестанутъ авторствовать, но даже перестанутъ и вѣрить тому, чтобы когда нибудь существовали женщины-писательницы!..

А что же мой романъ, что моя „Жертва?" Гдѣ она, я уже и забылъ о ней, увлекшись мыслями, которыя она во мнѣ возбудила. Или, лучше сказать, что скажу я вамъ о ней? Какъ выскажу я вамъ въ сотый разъ давнишнюю, старую новость? Но дѣлать нечего, не радъ, а готовъ — охота пуще неволи. И такъ, изволите видѣть: „Жертва, Литературный эскизъ," есть одна изъ тысячи и одной филиппикъ противъ брака. Дѣло въ томъ, что злодѣй-опекунъ влюбляется въ свою племянницу, и волочится за нею, а сиротка была дѣвушка comme il faut, да къ тому ужъ и любила другаго. Дядюшка остался съ носомъ и взбѣсился. Что бы отомстить ей, онъ выдаетъ ее насильно за негодяя, который ничему не вѣритъ, проматываетъ ея имѣніе и дѣлаетъ ее несчастною. Да за чѣмъ же она выходила за него? спросите вы. Развѣ во Франціи нѣтъ законовъ противъ насилія? О, есть, и очень справедливые, даже очень снисходительные въ отношеніи къ свободѣ выбирать и перемѣнять мужей и женъ. Такъ въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ: дѣвушка была слабаго характера, не посмѣла противиться ненавистному дядѣ, хотя и знала, что имѣетъ право не слушаться его, да автору надо было какъ нибудь прицѣпиться къ браку, хоть онъ тутъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная логика! Дѣвушка погибаетъ отъ слабости характера, а бракъ виноватъ! Но довольно, романъ такъ плохъ, такъ дуренъ, что не стòитъ ни критики, ни внимательнаго

разсмотрѣнія. Мадамъ *Монборнъ* не имѣетъ ни искры дарованія, и, вѣроятно, во Франціи пользуется такимъ же авторитетомъ, какъ у насъ, на Руси, Г-да А. В. С. D. и другіе прочіе. Не знаю, съ чего вздумалось какому-то Гну, или какой-то Гжѣ *Z*.... перевести этотъ романъ на Русскій языкъ, какъ будто бы на Руси и безъ него мало дурныхъ романовъ; еще менѣе понимаю, съ чего этому таинственному Гну или этой таинственной Гжѣ *Z*.... вздумалось перевести его самымъ безграмотнымъ образомъ, однимъ словомъ, самымъ *Московскимъ* переводомъ. Вѣрно это *заказецъ* какого нибудь Московскаго Лавока?.. Не угодно ли вамъ полюбоваться фразеологіею литературы Толкуна и Смоленскаго рынка? „*Обожая свою страну, любовь къ отечеству сдѣлалась страстью его пламенной и чистой души.— Слушаю, сударъ! говоритъ бѣдный кучеръ, немного разувѣренный* (вѣрно *rassuré*, то есть, успокоенный?) *сими словами.—Поди разузнай* (развѣдай?) *въ этомъ домѣ о молодой и хорошенькой, которая тамъ живетъ.— Видя ее такою, непостижимое предчувствіе говорило всѣмъ сердцамъ* и пр. Кажется довольно? Гнъ или Гжа *Z*....! Если уже вамъ не льзя не переводить, то, Бога ради, переводите романы только въ родѣ этой „Жертвы," и не дѣлайте хорошихъ сочиненій „Жертвами" вашей безграмотности!..

***102. Ижорскій, Мистерія.** Санктпетербургъ, въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1835 X. 151. (8) [168]).

Знаете ли, что должно составлять необходимую принадлежность всякой книги, чего долженъ искать при всякой книгѣ читатель? — *Предисловія*. О, предисловіе великое, необходимое дѣло! Я имѣлъ тысячу случаевъ замѣтить это. Предисловіе для книги гораздо важнѣе, чѣмъ для человѣка платье: по платью можно ошибиться, по предисловію никогда. Пословица говоритъ: *по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ*; для чего нѣтъ пословицы, которая бы говорила: *по предисловію книгу встрѣчаютъ, по предисловію и провожаютъ*, т. е. кладутъ на столъ или подъ столъ? Для чего позволяютъ печатать книги безъ предисловій? Отъ какой скуки, отъ какой потери денегъ и времени избавились бы читатели, и сколькихъ бы читателей лишились многіе Гг. Авторы!

Когда я прочелъ предисловіе къ Ижорскому, то содрогнулся отъ ужаса при мысли, что, по долгу добросовѣстнаго рецензента, мнѣ должно прочесть и книгу; когда прочелъ книгу, то увидѣлъ, что мой страхъ былъ глубоко-основателенъ. Господи Боже мой! И въ жизни такая скука, такая проза, а тутъ еще и въ поэзіи заставляютъ упиваться этою скукою и прозою!.. Но мнѣ надо обратиться къ моему

разсужденію о предисловіяхъ: оно будетъ самою лучшею критикою на Ижорскаго.

Было время, когда правила творчества были очень просты, ясны, опредѣленны, не многосложны и для всѣхъ доступны: кто прочелъ Словарь Древнія и Новыя Поэзіи Г. *Остолопова*, тотъ смѣло могъ вербоваться въ поэты, кто же, къ этому, прочелъ лекціи и критики *Мерзлякова*, тому ничего не стоило сдѣлаться великимъ поэтомъ и даже написать эпическую поэму не хуже Иліады. Всѣ писали на одинъ ладъ: прочитаешь двѣ-три страницы, и ужь знаешь впередъ, что̀ слѣдуетъ и чѣмъ кончится. Отъ того и предисловія были очень кратки: въ нихъ авторъ обыкновенно говорилъ, кому подражалъ и изъ кого заимствовалъ. Это блаженное время кануло въ вѣчность, и вдругъ законы творчества сдѣлались такъ мудрены, высоки и многочисленны, что самые записные законники, какъ ни бились, не могли понять въ нихъ ни слова, и, разсердясь, торжественно объявили ихъ нелѣпыми. Потомъ видя, что ихъ принимаетъ вся талантливая и пылкая молодежь, а съ нею и публика, они пріуныли точно также, какъ пріуныли теперь старые крючкотворцы отъ новаго Свода Законовъ. Слѣдствіемъ этой реформы было то, что всѣ книги стали появляться съ предисловіями и предисловіями длинными, въ видѣ разсужденій, диссертацій, разговоровъ, писемъ и пр. Дѣло въ томъ, что наши авторы какъ-то пронюхали, что созданія Гете, Шиллера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шекспира и другихъ геніяльныхъ поэтовъ суть поэтическіе символы глубокихъ философическихъ идей. Въ слѣдствіе этого и наши молодцы начали тормошить Нѣмецкую философію и класть въ основу своихъ издѣлій философическія идеи. Все было это очень хорошо, но вотъ въ чемъ бѣда: они не знали того, что мысль тогда только поэтична, если можно такъ сказать, когда проведена черезъ чувство и облечена въ форму дѣйствіемъ фантазіи, а что, въ противномъ случаѣ, она есть пошлая, холодная, бездушная аллегорія. Они не знали, что великіе поэты, соблазнившіе ихъ своимъ примѣромъ, оттого сообщали своимъ созданіямъ глубокость мысли и высокость идей, что они жили и дышали этѣми мыслями и идеями, что они не придумывали этѣхъ мыслей и идей, но только освобождались отъ тяготившаго ихъ избытка оныхъ, что они не искали этихъ [169]) мыслей и идей, но что этѣ мысли и идеи искали ихъ, такъ какъ истинный поэтъ не ищетъ риѳмы, но риѳма ищетъ его, что, наконецъ, они не старались развивать практически этихъ мыслей и идей для убѣжденія ума читателей, но выражали ихъ безсознательно и безцѣльно. Наши авторы думали, что здѣсь дѣло идетъ только о томъ, чтобы взять какую нибудь идею, обдумать ее логически, да и придѣлать къ ней сказку, романъ или драму. И

поэтому они стали, въ длинныхъ предисловіяхъ, объяснять свою идею, какъ бы предчувствуя, что безъ того она осталась бы для читателя неразрѣшимою загадкою.

Къ числу такихъ-то авторовъ принадлежитъ и Авторъ „Ижорскаго“. Не имѣя поэтическаго таланта, онъ дурно понимаетъ и искусство. Жалко видѣть, какъ онъ, въ своемъ предисловіи, острить надъ какими-то, будто бы, защитниками трехъ единствъ, которыхъ, на святой Руси, уже давно видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, ибо теперь и самые ультра-классики хлопочутъ уже не о трехъ единствахъ, но о „нравственности въ изящномъ“. Жалко видѣть, какъ онъ силится развить теорію того рода сочиненій, къ которому относитъ своего „Ижорскаго“ — *Мистерій*. Увы! все это труды напрасные! Въ чемъ есть чувство, поэзія, талантъ, то́ не можетъ повредить себѣ странностію или новостію формы: его всѣ тотчасъ поймутъ безъ комментарій.

Авторъ представляетъ какого-то *Ижорскаго разочарованнаго* человѣка, тысячу первую пародію на *Чальдъ-Гарольда*. Этотъ *Ижорскій* ничему не вѣритъ, ибо во всемъ *разочаровался* отъ нечего дѣлать; страшный „*Буки*“ повелитель духовъ, отдаетъ его во власть проказнику *Кикиморѣ*, (что-то въ родѣ Русскаго, доморощеннаго *Мефистофеля*); этотъ *Кикимора* влюбляетъ его, для собственной потѣхи, въ *Княжну Лидію*; бѣднякъ страдаетъ, удаляется въ деревню и дѣлается совершеннымъ отшельникомъ; потомъ *Кикимора* влюбляетъ въ него *Княжну Лидію*, но такимъ образомъ, что мизантропъ съ этой минуты охладѣваетъ въ ней и вымещаетъ на ней свои прежнія страданія; какъ бы желая извѣдать, точно ли она его любитъ, говоритъ ей слѣдующими дурными стихами:

. . . . Одно довѣрье
Довѣрье можетъ породить во мнѣ,
И вотъ вопросъ мой вамъ, Сіятельной Княжнѣ:
Вы въ силахъ ли презрѣть высокомѣрье,
Спѣсь рода своего, молву и санъ отца?
Принадлежать мнѣ до вѣнца
Вы въ силахъ ли?.. Молчишь, блѣднѣешь... слушай:
кто я?
Цѣною счастья и покоя,
Отъ роковыхъ, отъ грозныхъ силъ
Драгой цѣною я купилъ
Единственный мой даръ: сей даръ свобода,
Не святы для меня ни одного народа
Обычьи, предразсудки, бредъ, и пр.

Княжна обѣщаетъ, и вдругъ исчезаетъ, приходитъ пѣшкомъ въ Петербургъ, въ нарядѣ молодаго крестьянина; является къ *Вескову*,

молодому человѣку съ душою и сердцемъ, который давно уже любилъ ее, выдаетъ себя за крестьянина *Ижорскаго* и предлагаетъ ему вылѣчить своего барина, къ которому *Весковъ* питалъ энтузіастическое уваженіе, отъ его меланхоліи. *Весковъ* соглашается. Они приходятъ оба очень кстати: на Ижорскаго напали Разбойники и Весковъ спасаетъ его. Они живутъ у него въ домѣ. *Кикимора* возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, что казачекъ *Вескова* есть пропавшая *Княжна. Ижорскій* думаетъ, что она надъ нимъ насмѣхается, закалываетъ *Вескова* и бѣжитъ съ *Кикиморою* и *Княжною*, которую бросаетъ на дорогѣ спящею. Въ бѣдной княжнѣ принимаетъ участіе Титанія. Наконецъ *Шишимора* является *Ижорскому* въ собственномъ видѣ и заставляетъ его низвергнуться со скалы длинною рѣчью, окончаніе которой заключаетъ въ себѣ смыслъ всей этой длинной и скучной аллегоріи. Смыслъ рѣчи, какъ отдѣльная мысль, обнаруживаетъ въ Авторѣ человѣка съ умомъ и чувствомъ, и самые стихи въ ней болѣе другихъ одушевлены, хотя и мало отзываются поэзіею. Выписываю ея окончаніе.

Терзайся, рвися и внемли!
Ты призванъ былъ въ свѣтило міру,
Былъ созданъ солью быть земли:
Но самъ раздралъ свою порфиру,
Съ главы вѣнецъ свой сорвалъ самъ,
Державу сокрушилъ златую (?)
И бросилъ часть свою святую
На оскверненье, въ жертву псамъ,
Ты волю буйнымъ далъ мечтамъ;
Межу ты сдвинулъ роковую
И такъ въ строптивомъ сердцѣ рекъ:
„Да будетъ Богомъ человѣкъ!“
Но человѣка человѣкомъ
Вездѣ, всегда ты обрѣталъ;
Тогда неистовымъ упрекомъ
На сына праха ты возсталъ
И бѣсомъ смертнаго назвалъ.
Но я твоею слѣпотою,
Но я бездонной, вѣчной тьмою,
Грядущимъ, жребіемъ твоимъ,
Но я презрѣніемъ моимъ
И вѣчною къ тебѣ враждою
Клянусь, но я клянуся *Имъ*,
Кого назвать я не дерзаю,
Тебѣ клянуся и вѣщаю:
Не безпорочный сынъ небесъ
Могущій, чистый, совершенный,
Не сынъ же бездны, нѣтъ! не бѣсъ
Земнаго міра гость мгновенный.

И се—неизцѣлимый ядъ
Въ твою раздавленную душу
Волью—и съ хохотомъ обрушу,
Безумецъ, на тебя весь чадъ: (??)
Ты червь презрѣнный, подлый адъ, [1])
Своею дерзостью надменной
Ты сталъ въ посмѣшище бѣсовъ
И въ мерзость области священной
Блаженныхъ, радостныхъ духовъ!

Всего страннѣе въ этой Мистеріи участіе персонажей небывалой Русской Миѳологіи. За неимѣніемъ на Руси духовъ, авторъ надѣлалъ своихъ, но къ несчастію его *Бука, Кикимора, Шишимора, Зничъ*, его *Русалки, лѣшiе, совы*, и пр. очень плохо вяжутся съ *Гномами, Сильфами, Ондинами, Саламандрами, Титаніею, Аріэлемъ* и пр. Миѳологія тогда только имѣетъ смыслъ, поэзію и фантастическую прелесть, когда она есть созданіе фантазіи народа, который питаетъ въ своихъ вымыслахъ суевѣрный страхъ и отъ души имъ вѣритъ.

Грустно видѣть человѣка съ умомъ, съ бо̀льшею или меньшею степенью образованія, человѣка съ уваженіемъ къ святымъ предметамъ человѣческаго обожанія, любящаго искусство, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ жестоко обманывающагося на счетъ своего призванія, такъ дурно понимающаго значеніе высокаго слова: искусство! Для того, чтобъ быть поэтомъ, мало ума: нужно чувство и фантазія. *Дѣлать* поэмы можетъ всякій, *творить* одинъ поэтъ. Работа всегда остается работою, какъ бы не высока была ея цѣль. Нѣтъ, тотъ не поэтъ, даже не стихотворецъ, не версификаторъ, кто пишетъ такими стихами, каковы слѣдующіе:

Здорово, милый мой раекъ!
Здорово, другъ партеръ! мое почтенье креслы!
Безъ васъ наскучило: препоясалъ я чреслы,
Взялъ посохъ и суму; шелъ, шелъ, все на востокъ—
И наконецъ прибрелъ на этѣ доски.
„А для чего?“ кричитъ Фирюлинъ, мой Зоилъ:
„И прежде ты довольно насъ бѣсилъ;
„Твои всѣ шуточки такъ глупы и такъ плоски!
„И я душой былъ радъ, когда ты объявилъ,
„Что, къ прекращенью нашей муки,
„Здѣсь съ нами глазъ на глазъ
„Ты видишься въ послѣдній разъ...
„И чтожъ? опять ты здѣсь? Гдѣжъ плеть и палка
Буки?“
Трофимъ Михайловичъ, не торопитесь бить;
Позвольте напередъ вамъ доложить:

[1]) Прошу замѣтить, что это говоритъ злой духъ, бѣсъ. *Примѣч. Рецен.*

Бѣсенокъ я, а сотворенъ для дружбы;
Для ней ни отъ какой не откажуся службы.
Есть другъ и у меня, предобрый человѣкъ,
Пречистая душа — писатель;
И вотъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „Пріятель,
„Преемникъ твой не то, что ты; онъ ввѣкъ
„Со сцены съ публикой не вступитъ въ разговоры.
„Къ томужъ угрюмые, косые взоры,
„Его коварный, злобный нравъ,
„Ну, право, созданы не для забавъ!
„А, братъ, необходимъ съ партеромъ мнѣ посредникъ,
„Веселый, умный собесѣдникъ,
„Который бы подъ часъ, какъ Шекеспировъ хоръ,
„Имъ пояснялъ мой вздоръ". [1])
И ну просить и лестными словами
Превозноситъ меня, хвалитъ мой умъ, мой даръ!
Чтожь? просьбы и хвалы,—вы вѣдаете сами,—
Хоть въ комъ, а породятъ усердіе и жаръ;
Я къ Букѣ; Бука молвилъ: „отпускаю";
И вотъ я здѣсь и въ должность я вступаю!

И цѣлая-то поэма написана такими стихами!..

103. Сынъ жены моей. Романъ. Сочиненіе *Поль-де-Кока*. Переводъ съ Французскаго. Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Вингебера. 1835. Двѣ части: I — 230; II — 210. (12). Съ эпиграфомъ:

Casu magis et felicitate rem gessit
quam virtute et consilio [170]).

„Это сочиненіе хорошо, но только безнравственно; а это и хорошо и отличается чистѣйшею нравственностію и прекраснымъ слогомъ". Такъ думалъ и говаривалъ, бывало, покойникъ XVIII вѣкъ, который, какъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо, самъ отличался чистѣйшею нравственностію и въ дѣлахъ и въ помыслахъ. „Какъ безнравственна юная Французская литература! Не льзя ничего дать прочесть молодому человѣку, не говоря уже о дѣвушкѣ и даже всякой женщинѣ!" Такъ вопіютъ нынѣ почтенные развалины почтеннаго XVIII вѣка, обломки добраго стараго времени. „Нравственность въ литературѣ!" Да — это вопросъ и вопросъ глубокій, многосложный, на который Французъ можетъ написать два томика, въ двѣнадцатую долю, а Нѣмецъ двѣнадцать томовъ in quarto. Не почитая себя способнымъ ни къ тому, ни къ другому труду, я постараюсь, въ легкой журнальной статейкѣ, бросить взглядъ на „Нравственность въ литературѣ".

---

[1]) Это говоритъ *Кикимора*, въ пятомъ явленіи третьяго дѣйствія второй части, обращаясь къ зрителямъ, вѣроятно для того, чтобы замѣнить собою Шекеспировъ хоръ! . . .

На языкѣ человѣческомъ есть слова, которыя люди повторяютъ не вникая въ ихъ значеніе, не условливаясь въ ихъ смыслѣ, повторяютъ и сердятся, когда кто нибудь осмѣлится сказать: „да что же это такое, Милостивые Государи?“ Къ числу такихъ странныхъ словъ принадлежитъ „Нравственность вообще, и Нравственность въ литературѣ“. Древніе передали намъ въ изящныхъ формахъ кровавую исторію Эдипа и фамиліи Атридовъ, исторію полную мрачныхъ злодѣйствъ, возмутительныхъ преступленій, какъ то: отцеубійства, братоубійства мужеубійства, кровосмѣшенія, и блюстители нравственности находили тутъ бездну нравственности; потомъ, писатели появившіеся въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, начали изображать жизнь во всей ея ужасающей наготѣ и истинѣ, и хотя они, въ ужасномъ, далеко не превзошли Древнихъ, но блюстители нравственности оглушающимъ хоромъ заревѣли противъ безнравственности новѣйшихъ писателей. Воля ваша, а тутъ есть недоразумѣніе? Кажется, все дѣло въ томъ, что дурно условились въ значеніи слова „нравственность“.

Что такое нравственность? Въ чемъ должна состоять нравственность? — Въ твердомъ, глубокомъ убѣжденіи, въ пламенной, непоколебимой вѣрѣ въ достоинство человѣка, въ его высокое назначеніе [171]). Это убѣжденіе, эта вѣра есть источникъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей, всѣхъ дѣйствій. Если я твердо убѣжденъ въ томъ, что міръ обширная торговая площадь, гдѣ люди обманомъ, и мытьемъ и катаньемъ, выторговываютъ другъ у друга тепленькое мѣстечко, гдѣ бы можно было и поѣсть сладко и соснуть мягко и погулять весело, площадь. на которой всякій думаетъ только о своихъ барышахъ и почитаетъ позволительными всѣ средства къ достиженію своей цѣли, и между тѣмъ повторяетъ общія мѣста морали, не вѣря имъ, — то скажите Бога ради, за чѣмъ же я долженъ быть добрымъ, честнымъ, великодушнымъ, за чѣмъ осужу я себя на лишенія, на страданія, когда могу наслаждаться благами жизни? Я былъ бы, въ такомъ случаѣ, очень глупъ, не правда ли? — Развѣ изъ страха угрызеній совѣсти? Но за чѣмъ же мнѣ и злодѣйствовать? за чѣмъ губить ближняго? я буду только обманывать его, заставлять его служить мнѣ, предоставляя и ему какія нибудь выгоды, но только помня твердо, что *своя рубашка къ тѣлу ближе*, и видя зло, угнетенія, неправосудіе, не вмѣшиваться не въ свои дѣла, если меня не трогаютъ. Такъ и думалъ XVIII вѣкъ [172]). Всѣ писали и говорили о нравственности, и ни въ комъ не было нравственности, ибо никто не вѣрилъ достоинству человѣка, великости его назначенія.

Но ежели я вѣрю, что я долженъ дать отчетъ въ моей жизни, долженъ употребить ее на святой подвигъ, какъ завѣщалъ это намъ Разпятый за насъ, — я могу и въ такомъ случаѣ заниматься мѣло-

чами жизни, быть пустымъ, даже злымъ человѣкомъ, но уже прости счастіе жизни, оно не возможно для меня, прости счастливое самодовольство, я уже не могу обмануть себя. Такъ думаетъ XIX вѣкъ, ибо онъ, если еще не вполнѣ увѣрился, то уже начинаетъ вѣрить въ достоинство человѣка, въ великость его назначенія.

Весьма не трудно приложить это понятіе о „нравственности вообще", къ „нравственности въ литературѣ". Какое мнѣ дѣло, что въ романѣ или драмѣ добродѣтельный погибаетъ, а порочный торжествуетъ? Если добродѣтельный боится пасть за правду, если онъ ропщетъ на Провидѣніе зато, что оно попускаетъ торжествовать надъ нимъ пороку, онъ уже не добродѣтеленъ: онъ поденьщикъ, просящій платы за труды, онъ любитъ добро не для добра, а изъ желанія награды. Нѣтъ если онъ добродѣтеленъ истинно, то благодари Провидѣніе за бѣдствіе, лобызай карающую руку. Если во мнѣ есть чувство добра, меня не испугаетъ зрѣлище ужасовъ и страданій, вопль проклятій и богохуленій, представляемыхъ мнѣ *Евгеніемъ Сю*, *Бальзакомъ*, *Лакруа* и другими, ибо царство добраго *не отъ міра сего*.

Вотъ другое дѣло литература XVIII вѣка, она не такъ глубока и ужасна; она напротивъ очень весела и снисходительна къ слабостямъ человѣческимъ, но за то и убійственна для чувства нравственности, соблазнительна и развратна. Этѣ сцены сладострастія, набросанныя игривою кистію съ чувствомъ самоуслажденія, этѣ невинные экивоки, отъ которыхъ закипаетъ молодая кровь юноши и волнуется грудь дѣвушки — вотъ она, вотъ ядовитая отрава нравовъ! Это хорошо извѣстно многимъ, которые, еще бывши дѣтьми, читали философическіе повѣсти *Вольтера*, Contes et vers *Лафонтеня*, *Кавалера Фобласа* и другія chefs-d'oeuvres XVIII вѣка:

Передо мной лежитъ Романъ *Поль-де Кока* „Сынъ моей Жены", перелистываю его съ разстановкою и трепещу при мысли, что это подлое и гадкое произведеніе можетъ быть прочтено мальчикомъ, дѣвочкою и дѣвушкою; трепещу при мысли, что *Поль-де-Кокъ* [173]) почти весь переведенъ на Русскій языкъ и читается съ услажденіемъ всею Россіею!.. Боже Великій! и есть люди, которые печатно хвалятъ его и находятъ его самымъ нравственнѣйшимъ изъ современныхъ Французскихъ писателей, его, грязнаго осадка отъ мутной воды XVIII вѣка, его, угодника площадной черни!.. А мы слушаемъ и вѣримъ!.. Слава намъ!..

Что такое *Поль-де-Кокъ?* Кто онъ и откуда? О, это писатель удивительный! Хотите ли имѣть понятіе о созданіи и характерѣ его безчисленныхъ твореній. У него по бо̀льшей части герой романа дитя природы, который ничему не учился, не знаетъ даже грамотѣ, и потому свѣжъ, крѣпокъ и смѣлъ, ѣстъ за троихъ и пьетъ за де-

сятерыхъ. Надобно еще замѣтить, что онъ всегда незаконнорожденный: *Поль-де-Кокъ* Сен-Симонистъ! [174]). Юность молодца проходитъ въ буянствѣ, въ волокитствѣ за деревенскими дѣвками, потомъ онъ вступаетъ въ военную, или пускается въ путешествіе, дѣлая вездѣ извѣстнаго рода проказы и тысячи пошлыхъ глупостой; потомъ влюбляется, по незнанію, въ родную сестру... дѣлается кровосмѣсителемъ... Это самая ужасная катастрофа, которою разрѣшаются всѣ гордіевскіе узлы романовъ *Поль-де-Кока*, ибо всѣ его герои очень пламенны и нетерпѣливы, а онъ самъ имѣетъ свои собственныя понятія о блаженствѣ любви... Наконецъ, дѣло какъ нибудь улаживается, выходитъ, что обезчещенная не сестра молодцу, и что онъ почиталъ ее сестрою по ошибкѣ и романъ оканчивается счастіемъ, т. е. свадьбою и богатствомъ, и слѣдовательно „нравственно". Для полноты картины, выведенъ какой-нибудь гусаръ, пьяница, буянъ и волокита на старости лѣтъ; на сценѣ безпрестанно мужики, обманываемыя женами, трактиры, кабаки и т. д. Вотъ вамъ *Поль-де-Кокъ*.

Въ разсматриваемомъ мною романѣ, *Поль-де-Кокъ* превзошелъ самого себя въ пошлости и безнравственности; это самое худшее изъ его произведеній. Переводъ я сначала почелъ Московскимъ, и очень удивился, когда, выписывая его заглавіе со всѣми библіографическими подробностями, увидѣлъ: „С. Петербургъ". Переводъ есть истинная *какографія* Логики, Грамматики и здраваго смысла. Не выписываю фразъ, ибо не могу рѣшиться выборомъ.

104. Четыре вымысла. Сочиненіе *Николая Лутковскаго*. Санктпетербургъ, въ типографіи И. Бенкена и А. Лыткина. 1834. 220. (12).

Эмилій Лихтенбергъ. Повѣсть. Соч. *М. Лисициной*. Изданіе второе безъ прибавленій. (??!!) Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1835. Двѣ части: I—165; II—88. (12) [175]).

Les beaux esprits se rencontrent—говоритъ Французская пословица: правда, истинная правда! Вотъ два сочиненія, принадлежащія особамъ разнаго пола, написанныя въ разныя времена (послѣднее издается въ другой разъ и *безъ прибавленій*): а сколько въ нихъ общаго, сходнаго, роднаго! Добрый дѣдушка *Лафонтенъ* (вѣчная ему память!) былъ, для обоихъ нихъ, образцомъ и вдохновителемъ, и весьма естественно, что онѣ далеко отстоятъ отъ него въ литературномъ достоинствѣ, ибо когда же подражатели бываютъ выше своихъ образцовъ, или даже равны имъ?

Мнѣ какъ-то совѣстно не познакомить васъ хоть сколько нибудь съ красотами этихъ сочиненій, этими красотами, самородными и блестящими, какъ алмазъ! Разскрываю Четыре Вымысла и читаю: „*Подобно охотнику, пробирающемуся въ тѣснинѣ густаго лѣса, Алексѣй же-*

лалъ сперва раздвинуть вѣтви Александровыхъ чувствованій, чтобъ, такъ сказать, посмотрѣть, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, за этими вѣтвями—потаеннаго логовища змѣи, лисицы или тетерева; потомъ предполагалъ онъ, въ другой визитъ, продолжить свое любопытство; а въ третій надѣялся уже обстоятельно узнать, соперника ли для себя имѣетъ онъ въ Александрѣ, или просто откровеннаго знакомца". Творецъ небесный! *Раздвинуть вѣтви чувствованій и посмотрѣть, нѣтъ ли за ними потаеннаго логовища змѣи, лисицы или тетерева* (ужъ вѣрно глухаго!); *сдѣлать цѣлыхъ три визита въ чувствованія!* Ай, ай! да это новый элементъ, кромѣ *Августа Лафонтена* элементъ восточный, оріентальный—а я и не замѣтилъ этого! Это точно, какъ будто переводъ съ Персидскаго. Раскрываю „Эмилія Лихтенберга" и читаю: — „*Такъ по вашему рѣшительно нѣтъ несчастія? — Есть, сударь! оно по моему состоитъ въ заблужденіяхъ и порокахъ людей; но отъ насъ зависитъ предохранить спокойствіе чистой совѣсти, съ которою никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни человѣкъ не можетъ быть несчастливъ. — О, повѣрьте, сударыня, что много есть людей, которые были всегда игрушкой рока и которые даже противъ воли впадали въ преступленія. — Не говорите мнѣ объ нихъ; они были игрушка страстей своихъ*".

Каково? Но теоретическій догматизмъ еще не главное достоинство произведенія Гжи М. *Лисицыной*: у ней факты всего убѣдительнѣе. Она хочетъ заставить любить добро, ея герои всѣ добры, и зато всѣ женятся и выходятъ за мужъ по склонности, по любви, и живутъ богато и счастливо? И посмотрите, какъ вѣренъ, какъ несомнѣненъ призъ, предлагаемый сочинительницею: когда кто нибудь изъ персонажей ея романа любитъ глубоко, пламенно, энергически, до безумія, до исступленія, и ему измѣняетъ его любезная — вы думаете, что бѣдняжка сходитъ съ ума, застрѣливается, или просто умираетъ отъ отчаянія? Да, какъ бы не такъ! Нѣтъ—авторъ тотчасъ сводитъ горемыку съ другою дѣвушкою и, прежде, нежели вы успѣете мигнуть глазомъ, или понюхать табаку, заставляетъ его влюбиться въ нее, а ее влюбляетъ въ него — и дѣло съ концемъ. Правда, нѣкоторые и добрые у него умираютъ, но это не отъ чего другаго, какъ отъ старости — но вѣдь и то сказать, не два же имъ вѣка жить! Вы не повѣрите, какъ убѣдительны этѣ истины въ устахъ автора Эмилія Лихтенберга, тѣмъ болѣе, что онѣ высказаны языкомъ, надо сказать правду, правильнымъ и чистымъ, хотя нерѣдко и сбивающимся на подъяческій отъ неумѣреннаго употребленія слова „*оный*" во всѣхъ падежахъ. Но этотъ маленькій недостатокъ ничего не значитъ, ибо съ избыткомъ выкупается прелестью разказа, живымъ изображеніемъ характеровъ, страстей и положеній. Рѣшено! съ

завтрешняго же дня не шутя принимаюсь за себя: стану ѣсть и пить умѣренно, спать мало, вставать ровно въ пять часовъ, а ложиться въ десять, по утрамъ наслаждаться природою, плакать и трогаться при видѣ всего прекраснаго, дарить всякаго несчастнаго хоть слезою, если въ карманѣ не случится ни копѣйки (что̀ очень часто со мною случается), а пуще всего какъ можно чаще повторять нравственныя правила. Да—мнѣ больше, чѣмъ кому нибудь другому, надо быть добрымъ: ибо, во первыхъ, я бѣденъ и живу трудомъ [176]); во вторыхъ, одинокъ, что̀ очень скучно; нѣтъ, нѣтъ! скорѣе быть добрымъ, скорѣе жениться на какой нибудь прекрасной, образованной, добродѣтельной, влюбленной въ меня, а главное, богатой дѣвушкѣ, зажить барономъ и мечтать съ милой женою о счастіи при любви и подъ соломенною кровлею, о блаженствѣ и при нищетѣ, а больше всего, о выгодѣ быть добрымъ! Совѣтую и вамъ, любезный читатель, послѣдовать моему примѣру, если вы бѣдны и не женаты!...

***105. Ледяной домъ,** сочиненіе *И. И. Лажечникова.* Москва. Въ типографіи Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835. Четыре части: I—197; II—205; III—198; IV—198. (12) [177]).

Наконецъ этотъ романъ, такъ долго ожиданный, вышелъ, и вѣрно, теперь уже разпался по рукамъ нетерпѣливыхъ читателей. У насъ такъ мало выходитъ истинно изящнаго, что явленія, къ числу коихъ принадлежитъ Ледяной Домъ, должны возбуждать живѣйшее вниманіе и читающей публики и людей, взявшихъ на себя обязанность быть ѻрганами общаго сужденія. Такъ какъ предѣлы Молвы, а въ особенности, замѣчательность и достоинства поименованнаго сочиненія, не позволяютъ намъ теперь же высказать вполнѣ наше мнѣніе, то мы и предоставляемъ себѣ исполнить этотъ долгъ въ одномъ изъ №№ Телескопа [178]). Теперь же ограничиваемся увѣреніемъ, что новое произведеніе И. И. *Лажечникова,* представляющее въ поэтическомъ очеркѣ одну изъ занимательнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи, достойно имени своего Автора, и вполнѣ удовлетворитъ ожиданію публики.

Такъ какъ Романъ печатанъ за глазами Автора, то и не удивительно, что въ него вкралось много типографическихъ ошибокъ, изъ коихъ нѣкоторыя очень важны, даютъ превратный смыслъ нѣкоторымъ мѣстамъ. Кромѣ вычисленныхъ при концѣ каждаго тома, осталось нѣсколько просмотрѣнныхъ, почему почтенный Авторъ и просилъ насъ исправить ихъ въ Молвѣ, что̀ и исполняемъ. Въ первой части, на страницѣ 80, строкѣ 3, напечатано: *по обширнымъ плечамъ*, должно читать: *по обнаженнымъ плечамъ;* на стран. 196, стр. 12: *даны были права*, должно читать: *даны были имена*; въ четвертой части, на стран. 80, стр. 6 *на другой площадкѣ*, должно читать: *на*

одной площадкѣ; на стран. 131, стр. 1: *на котораго,* должно читать: *на которую.*

***106. Малороссійскія повѣсти,** разсказываемыя *Грицкомъ Основьяненкомъ.* Книжка первая. 1834. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 380. (12).

Наськы Украинськьы Казкы, Запорозьця *Исъка Матыренкы.* Москва. Въ Университетской типографіи. Року 1835. XX—47. (16) [179]).

Мы очень жалѣемъ, что давно не занялись разборомъ перваго изъ этихъ сочиненій, которое отличается высокимъ литературнымъ достоинствомъ, произходящимъ отъ оригинальности предмета и оригинальности таланта. Но *mieux tard, que jamais*: мы сдѣлаемъ это въ Телескопѣ, а теперь ограничимся простымъ библіографическимъ извѣстіемъ.

Второе изъ этихъ сочиненій отличается самымъ чистымъ Малороссійскимъ языкомъ, который совершенно недоступенъ для насъ, Москалей, и потому лишаетъ насъ возможности оцѣнить его по достоинству. Мы слышали, что это произведеніе есть плодъ отдыха человѣка, посвятившаго себя занятію науками, и написано безъ всякихъ авторскихъ претензій, какъ то доказываетъ приложенный къ нему эпиграфъ:

Якъ у насъ, якъ у насъ—пѣсни до казкы:
Послухайте, добры люды, зъ вашои ласкы..

есть, наконецъ, усердное и посильное приношеніе своей родинѣ, какъ то свидѣтельствуетъ простое, но поэтическое посвященіе: „Матери моій ридненькіи, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ“.

***107. Метода Всеобщаго Обученія Жакото.** Изложеніе основныхъ началъ методы Всеобщаго обученія. Москва. Въ Университетской типографіи, 1834. XII—259. (12).

Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ. Издалъ *Егоръ Гугель,* Инспекторъ классовъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ. Часть первая. Чтеніе. Письмо. Отечественный языкъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. VIII—118. (8).

Чтенія для умственнаго развитія малолѣтныхъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены *Егоромъ Гугелемъ,* Инспекторомъ классовъ Императорскаго Воспитательнаго дома въ Гатчинѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Продается у Издателя Ивана Заикина, въ книжныхъ лавкахъ подъ № 18, 28 и 31. Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя, 1834. XII—156. (8) [180]).

У насъ вообще слишкомъ мало обращаютъ вниманія на книги, издаваемыя по части педагогіи. Чтò, на примѣръ, было сказано въ

нашихъ журналахъ о поименованныхъ книгахъ? Одни промолчали, другіе отдѣлались общими мѣстами, третьи посмѣялись къ слову надъ методою Жакото — этимъ все и кончилось! Знаемъ, что мы сами себѣ изрекаемъ этимъ приговоръ, и именно по этому самому хотимъ поговорить объ этихъ книгахъ, которыя заслуживаютъ величайшаго вниманія. Но такъ какъ подробное разсмотрѣніе такого обширнаго предмета, какова метода Жакото, имѣющая такое близкое отношеніе къ воспитанію вообще, требуетъ объема, превосходящаго предѣлы Молвы, то мы намѣрены высказать о немъ свое мнѣніе въ особенной статьѣ, которая будетъ помѣщена въ Телескопѣ [181]). Принимая живѣйшее участіе въ дѣлѣ первоначальнаго, пріуготовительнаго обученія, имѣя, касательно него, свой взглядъ и свои понятія и пользуясь нѣкоторою опытностію въ его преподаваніи [182]), мы вмѣняемъ себѣ въ непремѣнную обязанность изложить наше мнѣніе какъ вообще о семъ предметѣ, такъ и объ учебныхъ книгахъ, изданныхъ въ послѣднее время. Цѣль наша будетъ состоять сколько въ томъ, чтобы высказать свое мнѣніе, котораго, въ общемъ дѣлѣ добра, никто не долженъ скрывать, кто думаетъ о себѣ, что имѣетъ какое нибудь свое мнѣніе, столько и въ томъ, чтобы обратить вниманіе другихъ на этотъ предметъ. По сему, всякое чужое мнѣніе и всякое дѣльное возраженіе на наше собственное будетъ съ благодарностію помѣщено въ нашемъ журналѣ. Мы предполагаемъ обратить особенное вниманіе на одинъ предметъ, который почитается краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, всякой учености, и въ особенности, первоначальнаго обученія — на *Словесность*, т. е. на идею, возможность, систему и границы *словесности*, какъ науки. Теперь такъ много выходитъ книгъ по этой части, такъ много появилось системъ словесности, что было бы грѣшно не разсмотрѣть этого предмета со всѣхъ сторонъ. Посему, въ Молвѣ будутъ помѣщаемы только однѣ библіографическія извѣстія о сочиненіяхъ по части педагогіи, и учебныхъ книгахъ, въ особенности по предмету словесности, развѣ только съ краткими и бѣглыми замѣчаніями: чтобы не повторять одного и тогоже и удовлетворительнѣе разсмотрѣть столь многосложный вопросъ, мы однажды и навсегда, въ общемъ взглядѣ, выскажемъ свое мнѣніе.

***108. Артистъ,** водевиль въ одномъ дѣйствіи; вольный переводъ съ Французскаго *Д. И. Булгакова.* Музыка аранжирована *Г. Дюромъ.* Санктпетербургъ. Въ типографіи X. Гинце. 1834. 67. (8) [183]).

Трудно предположить, чтобы въ цѣлой Французской литературѣ, которая наводнена и потоплена водевилями, можно было найдти водевиль нескладнѣе, безтолковѣе и нелѣпѣе „Артиста“. А вольный

переводъ Г. *Булгакова?* О, онъ сдѣланъ съ смысломъ, съ Грамматикою, чегожь вамъ больше?

*109. **Вечера моей бабушки,** или собраніе нравоучительныхъ дѣтскихъ повѣстей. Переводъ съ французскаго *М. и Г.*—Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. 124. (16) [184]).

Плохая дѣтская книжка, напечатанная на оберточной бумагѣ и съ лубочными картинками и содержащая въ себѣ пошленькія и глупенькія сказочки.

*110. **Записки Гжи Дюкре о Императрицѣ Іозефинѣ, о ея современникахъ, и о Дворахъ Наварскомъ и Мальмезонскомъ.** Переводъ съ Французскаго. Санктпетербургъ. Въ типографіи Временнаго Департамента Военныхъ поселеній. 1835. Четыре части. I—300; II—211; III—237; IV—217. (12) [185]).

Не смотря на то, что „Записки Гжи Дюкре о Іозефинѣ" получили во Франціи справедливый успѣхъ и заслужили о себѣ отзывы многихъ Французскихъ литераторовъ" какъ говоритъ переводчикъ *(Г. Андрей де Шаплетъ)* и чрезвычайно понравились Бурьенну, знаменитому мемуаристу — эта книга мнѣ очень не понравилась, и я думаю, что она не стоила перевода. Гжа Дюкре не имѣетъ ни дара наблюдательности, ни умѣнья схватывать рѣзкія черты характеровъ и дѣлъ, ни таланта разсказывать. Ея повѣствованіе вертится на пустякахъ и мѣлочахъ; содержаніе его составляютъ пустые анекдоты и дворскія сплетни. Ея взглядъ на вещи самой картофельный, самый пансіонскій: она удивляется всѣмъ и всему, начиная съ Гжи Жанлисъ до брильянтовъ Императрицы Жозефины; у ней всѣ хороши и она всѣхъ оправдываетъ. Ея понятія — понятія XVIII вѣка; она добродушно признается, что „подобно всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, имѣла преувеличенныя и ложныя понятія о необходимости быть влюбленною въ своего мужа" и пренаивно разкаевается, что не вышла за мужъ за богатаго и умнаго, но нетерпимаго ею человѣка, который за нее сватался. Но это, скажутъ, дѣла домашнія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ авторству. — Напротивъ, очень большое, ибо отъ образа взгляда много зависитъ достоинство сочиненія. Одинъ хохолъ-мужикъ сказалъ, что еслибы его сдѣлали царемъ, то онъ укралъ бы сто рублей, да и убѣжалъ: мужикъ сказалъ глупо потому, что имѣлъ глупыя понятія о вещахъ. Спросите Калмыка, кто истинно великій человѣкъ. Кто имѣетъ счастіе быть Калмыкомъ и знаетъ великую тайну *Арчилана-Хубильгана (переселенія душъ)* отвѣтитъ онъ вамъ. Въ слѣдствіе этого отвѣта, Наполеонъ и Шекспиръ будутъ исключены изъ числа великихъ людей, и глупъ ли, уменъ ли этотъ отвѣтъ, но онъ есть результатъ того взгляда на вещи, который имѣетъ Калмыкъ.

Можетъ быть, многія подробности, находящіяся въ книгѣ Гжи Дюкре, имѣютъ свою относительную важность въ глазахъ Французовъ; но Русскимъ читателямъ отъ этаго не легче: книга для нихъ также скучна и утомительна. Они увидятъ изъ нея, что *Жозефина*, или, по переводу Г. *де Шаплета*, *Іозефина*, оказывала многія благодѣянія, любила Наполеона, своихъ дѣтей, позволяла управлять собою льстецамъ и наушникамъ, и въ семъ отношеніи обнаруживала удивительную слабость воли и характера; словомъ, увидятъ въ *Жозефинѣ* женщину, какихъ много; но не увидятъ той необыкновенной *Жозефины*, странная судьба которой такъ тѣсно была соединена съ судьбою дива нашего времени: эта послѣдняя *Жозефина* ускользнула отъ близорукой наблюдательности Гжи *Дюкре*.

Теперь о переводѣ. Онъ очень посредственен, чтобы не сказать, очень дуренъ, а вотъ и доказательства: *Нѣтъ въ Парижѣ ни одного остраго слова, которое бы ему не приписывали, что доказываетъ способность его говорить оныя.—Тяжело быть Королемъ, не взросши для этого званія.—Я очень желала узнать этого человѣка, столь знаменитаго своимъ умомъ и въ особенности твердостью своего поведенія и мнѣнія, тогда какъ было столь опасно обнаруживать такое мнѣніе какого онъ держался. — Я скоро достигну временъ смутовъ, несчастій когда каждый, болѣе или менѣе былъ призываемъ играть роль, или имѣть мнѣніе. Мое, какъ у всѣхъ женщинъ, основывалось совершенно на однихъ чувствахъ, а потому я буду говорить объ этихъ роковыхъ годахъ, приведшихъ спокойствіе, коимъ мы наслаждаемся, послѣ столькихъ буръ, не какъ строгій порицатель или глубокомыслый политикъ, но какъ женщина, которая огорчалась бѣдствіями своего отечества.— Въ послѣдствіи я слышала Гг. Борера, Ромберга и Бодіо; но они не заставили меня забыть ихъ старѣйшину въ лѣтахъ и въ талантахъ.*— Но довольно—этѣ выписки сдѣланы на удачу, и не могутъ служить образцами, ибо весь переводъ есть образецъ сактаксической какографіи. Кромѣ до крайности сбивчиваго, темнаго и тяжелаго слога, происходящаго отъ дурной разстановки предложеній, чрезмѣрное изобиліе *сихъ* и *оныхъ* дѣлаютъ эту книгу несносною для чтенія.

(— онъ — инскій).

* **111. Наслѣдница.** Быль вмѣсто романа, или романъ вмѣсто были. Сочиненіе *П. Сумарокова*. Москва. 1835. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. Двѣ части: I—302; II—336. (12) [186].

Скромное имя Г. *Сумарокова* не блеститъ въ нашихъ литературныхъ адресъ-календаряхъ; оно почти незамѣтно между лучезарными созвѣздіями и свѣтилами, окружающими его. Но это просто несправедливость судьбы, ибо, если о достоинствѣ вещей должно судить

не безотносительно, а по сравненію, то имя Г. *Сумарокова* должно принадлежать къ числу самыхъ громкихъ, самыхъ блестящихъ именъ въ нашей литературѣ, особенно въ настоящее время. Но видно, онъ не участвуетъ ни въ какой литературной компаніи, издающей журналъ, и, особенно, не умѣетъ писать предисловій къ своимъ сочиненіямъ, и не имѣетъ духу писать на нихъ рецензей и печатать ихъ, разумѣется, подъ вымышленными именами, въ журналахъ, что̀ также въ числѣ самыхъ вѣрныхъ средствъ къ прославленію. Но, оставя всѣ шутки, скажемъ, что Г. *Сумароковъ,* не отличаясь особенною силою таланта, и даже совершенно не будучи поэтомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, заслуживаетъ вниманіе, какъ пріятный разскащикъ былей и небылицъ, почерпаемыхъ имъ изъ міра Русской, преимущественно провинціальной жизни, и отличающихся занимательностію и хорошимъ языкомъ. Его повѣсти, помѣщавшіяся въ *Телеграфѣ* и недавно изданныя особо, съ удовольствіемъ читались и читаются нашею публикою. Онѣ не отличаются ни глубиною мысли, ни энергіею чувства, ни поэтическою истиною, ни даже большою современностію; но въ нихъ есть что-то не совсѣмъ истертое и обыкновенное, а у насъ и это хорошо. Онѣ не заставятъ васъ задрожать отъ восторга, онѣ не выжмутъ изъ глазъ вашихъ горячей слезы, но вы съ тихимъ удовольствіемъ прочтете ихъ въ длинный зимній вечеръ, но вы не бросите ни одной изъ нихъ, не дочитавши, хотя и заранѣе догадываетесь о развязкѣ. Герои повѣстей Г. *Сумарокова* люди не слишкомъ мудреные, не слишкомъ глубокіе или страстные; это люди, какихъ много, но вы полюбите ихъ отъ души, примите участіе въ ихъ судьбѣ и, сколько нибудь познакомившись съ ними, непремѣнно захотите узнать, чѣмъ кончились ихъ похожденія.

Всякій долженъ слѣдовать своему таланту, всякій долженъ оставаться въ предѣлахъ, отмежеванныхъ ему природою; мы не совѣтывали бы Г. *Сумарокову* писать романовъ, ибо его поприще есть повѣсть. Изъ самаго его романа „Наслѣдница" вышла повѣсть противъ его собственной воли, повѣсть довольно занимательная, но очень растянутая, почему, вѣроятно, она и показалась своему автору романомъ. Множество пустыхъ подробностей, бездна самыхъ жалкихъ сентенцій, чрезвычайно какъ много вредятъ этому роману, который впрочемъ не безъ достоинствъ. Первая часть, по причинѣ ужасной растянутости, скучна и утомительна, но вторая, въ которой ходъ дѣйствія живѣе и быстрѣе, читается съ бо̀льшимъ удовольствіемъ. Авторъ хорошо подсмотрѣлъ многія черты общества и удачно схватилъ ихъ. Молодая дѣвушка, воспитанная въ деревнѣ, съ душою пламенною, любитъ молодаго небогатаго человѣка. Мать замѣчаетъ эту любовь и не мѣшаетъ ей развиваться, видя въ молодомъ чело-

вѣкѣ выгодную партію для своей дочери. Вдругъ дочь дѣлается наслѣдницею огромнаго имѣнія и, для принятія его, ѣдетъ съ матерью въ Москву, къ промотавшимся родственникамъ, которые до того времени не хотѣли ихъ и знать, а когда онѣ сдѣлались богаты, то вдругъ почувствовали къ нимъ самую нѣжную привязанность. Промотавшееся столичное семейство изображено очень хорошо. Столичная тетушка и кузина сообщаютъ своей провинціяльной родственницѣ правила разврата и подлости, которыя въ свѣтѣ называются правилами нравственности, разлучаютъ ее, посредствомъ клеветы, съ ея любезнымъ, и посредствомъ разныхъ обмановъ, истерзавъ юное сердце бѣдной дѣвушки всѣми муками ревности, уговариваютъ ее выйдти за мужъ за генерала, человѣка благороднаго и умнаго, но уже пожилаго. Бѣдная жертва кидается, съ отчаянія, въ объятія уважаемаго, но не милаго ей человѣка, и затаиваетъ въ сердцѣ свои страданія. Въ деревнѣ, когда мужъ ея занимается охотою съ гостями, за ней волочится графчикъ, мальчишка, воспитанный въ правилахъ XVIII вѣка, и, взбѣшенный ея презрѣніемъ, ищетъ средствъ погубить ее. Бѣдный молодой человѣкъ, котораго она любила, входитъ въ садъ генерала и встрѣчается съ нею, не видавши ея пять лѣтъ. Объясняются, мирятся и расходятся, чтобъ больше не видаться. Горничная дѣвка это замѣчаетъ, сообщаетъ графчику, тотъ мужу; слѣдствіемъ—дуель и смерть обоихъ страдальцевъ. Всю эту повѣсть разсказываетъ другъ героя повѣсти князю и княгинѣ N, которые купили владѣніе генерала Бронскаго, и вотъ ихъ сужденіе о разсказѣ ихъ сосѣда.

— Какой несносный человѣкъ! сказала княгиня; я бы желала, чтобы онъ пояснилъ мнѣ нѣкоторыя темныя мѣста.

„Напротивъ, ябы желалъ, чтобы его разсказъ былъ еще меньше ясенъ, сказалъ князь; чтобы онъ былъ не такъ растянутъ и длиненъ; чтобъ я чаще встрѣчалъ въ немъ эти темные, Байроновскіе намеки, которые чрезвычайно мнѣ нравятся“.

— А для меня ничего нѣтъ несноснѣе этихъ темныхъ, недосказанныхъ мѣстъ, которыя ввели въ моду нынѣшніе писатели, и по милости которыхъ иногда ничего не понимаю.

„Это значитъ, что ты еще принадлежишь къ старинной, классической школѣ.“

Мы совершенно согласны съ Княземъ.

***112. Рейнскіе Пилигримы.** Соч. *Бульвера.* Переводъ съ Французскаго. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Четыре части: I—130; II—142; III—120; IV—131. Съ эпиграфомъ:

„*Забудешь ли ты когда нибудь восхитительные часы, проведенные нами въ тихихъ рощахъ, посвященныхъ любви, гдѣ мы могилу жизни, вмѣсто земли, усыпали зелеными листьями и благоуханными цвѣтами!*“

Шиллеръ.

„*Ты хочешь показать мнѣ всѣ роды существъ сотворенныхъ и научить меня узнавать своихъ братьевъ, витающихъ и въ безмолвныхъ рощахъ, и въ воздухѣ, и въ водѣ*“.

Гете [187]).

Европейскіе журналы, преимущественно Англійскіе, сколько мы могли замѣтить изъ Revue Britanique[188]), часто удивляютъ самыми странными, если не нелѣпыми, сужденіями о литературныхъ предметахъ, сужденіями, которыя даже и у насъ смѣшны; часто они хлопочутъ о такихъ вопросахъ, которые даже и у насъ уже не вопросы. Не ходя далеко, укажемъ на статью о новой драмѣ Виктора Гюго, помѣщенную въ одномъ изъ №№ „Артиста“ Французскаго журнала, и переведенную въ Наблюдателѣ. Но Англійскіе журналы особенно свидѣтельствуютъ о незавидномъ состояніи критики въ Англіи. Недавно мы прочли въ Revue Britanique статью о *Эдуардѣ Литтонѣ Бульверѣ* — новой Англійской и, слѣдовательно, Европейской знаменитости, о которой такъ много говорятъ и у насъ. Эта статья переведена въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, повторена въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и поэтому должна быть извѣстна Русской публикѣ. Изъ нея видно то̀, что духъ Англичанъ принимаетъ новое направленіе, представителемъ котораго есть—*Бульверъ*. Въ чемъ же состоитъ это новое направленіе духа Англійской націи? Въ стремленіи къ жизни мечтательной, идеальной, совершенно противоположной ихъ положительной, разчетливой, раціональной жизни. Правда ли это? Возможное ли это дѣло? Не знаю; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ авторъ статьи объ *Эдуардѣ Литтонѣ Бульверѣ*; прибавлю еще, что онъ видитъ въ этомъ новомъ направленіи много худаго и предсказываетъ близкую и ужасную реформу въ Англіи, обвиняя *Бульвера* въ томъ, что онъ, своими романами, способствуетъ этому вредному направленію и, своимъ огромнымъ авторитетомъ, ускоряетъ его развязку. Какъ бы то ни было, этотъ вопросъ чисто Англійскій, обстоятельство семейное и для насъ совершенно постороннее; а вотъ въ чемъ дѣло: судя по великому вліянію, которое авторъ статьи о

Бульверъ, приписываетъ этому писателю, судя по огромному авторитету, которымъ пользуется въ Англіи этотъ ея любимецъ и баловень, не имѣете ли вы права заключить, что *Бульверъ* есть писатель геніяльный, что цвѣты его поэзіи роскошны, благоуханны, какъ плодородная природа Индіи, что его картины чудесны и разнообразны, какъ безпредѣльный міръ Божій, что онъ представляетъ природу и жизнь преображенными, въ новомъ, волшебномъ, фантастическомъ свѣтѣ — не правда ли? Но увы! ничего этого нѣтъ: *Бульверъ* поэтъ, какихъ много, поэтъ второкласный, если не третьекласный; его романы какъ романы—середка на половинѣ, хотя въ нихъ и блестятъ искры истиннаго, неподдѣльнаго таланта[189]). И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли думать, чтобы Британецъ гордый, разчетливый, пресыщенный жизнію, усталый отъ ея впечатлѣній, соскучившійся ея прозою, сталъ искать отдохновенія и освѣженія для своей души, не въ *Шекспирѣ*, не въ *Байронѣ*, не въ *Вальтеръ-Скоттѣ*, не въ *Куперѣ*, или *Томасѣ Мурѣ*, а въ *Бульверѣ?* Развѣ поэзія этихъ поэтовъ положительна, суха, утомительна, неспособна потрясти самую холодную душу, разпалить самое вялое воображеніе? Развѣ геній этихъ поэтовъ не великъ, развѣ онъ ниже генія *Бульвера?* Странно! Чтожъ такое этотъ *Бульверъ*, что̀ онъ за чародѣй такой, что, мановеніемъ своего волшебнаго жезла, заставляетъ Англичанъ забывать свои конторы и биржу, свои проэкты всемірной торговли и бросаться въ фантастическій міръ Нѣмцевъ? Въ чемъ находитъ онъ свои могущественныя средства, гдѣ беретъ свои орудія? Ужъ не въ родствѣ ли онъ съ феями и гномами, ужъ не подарилъ ли ему Оберонъ своего лилейнаго скипетра? Мы это сей часъ увидимъ, бросивши взглядъ на „Рейнскихъ Пилигримовъ".

„Рейнскіе Пилигримы" единственный романъ *Бульвера*, прочитанный мною; но судя по его характеру и по упомянутой статьѣ въ Revue Britanique, они могутъ дать полное понятіе о *Бульверѣ*. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ содержаніе: *Тревеліянъ*, молодой человѣкъ, съ душою сильною и характеромъ возвышеннымъ, любитъ *Гертруду Ванъ*, дѣвушку, которая имѣетъ все, что̀ дѣлаетъ женщину на землѣ представительницею неба — красоту и способность къ нѣжной, пламенной любви, безграничному самоотверженію, преданности и высокой покорности судьбѣ; отецъ этой дѣвушки, лицо, тоже имѣющее свою физіономію, есть третій персонажъ романа *Бульвера*. Прелестная, очаровательная *Гертруда* страждетъ неизлѣчимою болѣзнію — чахоткою, и, по совѣту докторовъ, пускается въ путешествіе, по берегамъ Рейна, въ сопровожденіи своего отца и любовника. *Тревеліанъ*, имѣя пылкое воображеніе, зная наизустъ почти всѣ преданія, всѣ древне-Нѣмецкія хроники и притомъ обладая способностію пріятнаго

разсказщика, разсказываетъ *Гертрудѣ* отрывки изъ этихъ преданій и хроникъ, чтобы отклонить ея вниманіе отъ собственнаго ея положенія. Все это очень естественно, все вѣрно, прекрасно и занимательно. Эта *Гертруда*, прекрасный, благоуханный цвѣтокъ, рожденный для того, чтобы заставить другое существо полюбить жизнь, эта *Гертруда*, стоящая на краю могилы и живѣе ощущающая прелесть жизни и сильнѣе желающая жить, и до послѣдней минуты обманывающая себя лестною надеждою на счетъ жестокой истины своего положенія; потомъ, этотъ *Тревеліанъ*, сосредоточившій въ самомъ себѣ всѣ силы души своей, и кажущійся спокойнымъ и холоднымъ, тогда какъ въ его сердцѣ горитъ пламя любви и чувства, этотъ гордый, крѣпкій дубъ, опершійся на розу и долженствующій пасть, когда она увянетъ; наконецъ, этотъ старикъ *Ванъ*, извѣдавшій жизнь, утомившійся ея обманами, опершійся на самаго себя, и въ своемъ безстрастіи, еще глубоко любящій дочь свою — всѣ этѣ лица, повторяю, имѣютъ собственную физіономію и живо занимаютъ вниманіе читателя своею судьбою, своимъ положеніемъ, своею личностію. Но не здѣсь *Бульверъ*, онъ въ эпизодахъ, онъ въ разсказахъ *Тревеліана*; въ нихъ силится онъ оживить старину съ ея волшебными воспоминаніями, съ ея романической жизнію, такъ противоположною разчетливой жизни. Эти эпизоды прекрасны, когда дѣло идетъ о изображеніи чувствъ и положеній человѣческихъ, общихъ всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ народамъ и понятнымъ во всѣхъ вѣкахъ и для всѣхъ народовъ. Таковъ эпизодъ: „Молодая дѣвушка изъ города Мелина“, въ коемъ прекрасно изображена женщина, существо любящее и преданное; таковъ эпизодъ „Братья“, въ которомъ воскресаетъ поэтическая жизнь среднихъ вѣковъ, съ ея рыцарствомъ, ея любовію, ея вѣрностію, страданіемъ и религіозностію; но и не здѣсь еще *Бульверъ*, онъ въ разсказахъ фантастическихъ, которыя тоже прекрасны; ихъ два: „Душа въ Чистилищѣ“ и „Падшая Звѣзда“. Но особенно *Бульверъ*, такой *Бульверъ*, какимъ представляетъ его авторъ статьи въ Revue Britanique, *Бульверъ* мечтатель, *Бульверъ*, недовольный современною жизнію, видѣнъ въ повѣствованіи о феяхъ и геніяхъ, которые Богъ знаетъ, по какимъ правамъ и ради какихъ причинъ, вмѣшиваются у него въ людскія дѣла, и здѣсь-то *Бульверъ* смѣшонъ, жалокъ и нелѣпъ до крайности. Эти феи, эти геніи, ихъ разсказы о любви кошекъ и собакъ—суть ничто иное, какъ натяжки, самые скучныя и утомительныя, рѣзныя украшенія Русскихъ крестьянскихъ избъ на домѣ Италіанской архитектуры, ломанье паяца въ антрактахъ хорошей драмы. Если въ этомъ состоитъ мечтательность и идеальность Бульвера, то едва ли ему удастся ниспровергнуть существующій порядокъ дѣлъ въ Англіи, и изъ Англичанъ, народа

дѣятельнаго, торговаго, положительнаго, сдѣлать мечтательныхъ, созерцающихъ, сумазбродныхъ Нѣмцовъ, по идеалу Тика. *Бульверъ* часто, или, лучше сказать, безпрестанно жалуется на прозу нашей жизни, и очень замѣтно, что ему хочется быть мечтательнымъ, хочется создать какую-то идеальную жизнь; это видно изъ самыхъ его эпиграфовъ; онъ старается заставить своихъ читателей вѣрить въ бытіе существъ особеннаго рода, наполняющихъ глубину лѣсовъ, ущелія горъ, дно морей и рѣкъ, воздушныя пространства; словомъ, онъ силится возвратить міръ къ его первобытному состоянію, когда юное человѣчество населяло природу небывалыми существами, и отъ души вѣрило ихъ дѣйствительности. Намѣреніе нелѣпое! Развѣ нѣтъ поэзіи въ нашей жизни, развѣ сама истина и дѣйствительность не есть высочайшая поэзія? Развѣ естественное и вѣрное изображеніе любви *Тревеліана* и *Гертруды* не лучше въ тысячу разъ глупыхъ разсказовъ о небывалыхъ феяхъ и геніяхъ, разсказовъ каррикатурныхъ, блѣдныхъ и холодныхъ? Развѣ пошлая аллегорія о Добродѣтеляхъ есть поэзія?

Словомъ, *Бульверъ*, писатель не геніяльный, но съ талантомъ, хорошъ только тамъ, гдѣ естественъ, гдѣ пишетъ въ духѣ времени, гдѣ противорѣчитъ своимъ мыслямъ о жизни, и несносенъ, гдѣ силится, вопреки своему таланту, быть идеальнымъ. Ему надо чувствовать, а не мыслить, надо безсозначительно слѣдовать внушенію своего таланта, а не корчить изъ себя трубадура съ вѣнкомъ на остриженной головѣ и букетомъ розъ на модномъ фракѣ: тогда онъ будетъ лучше. Равнымъ образомъ, ему не надо судить ни объ Англійской, ни о Нѣмецкой литературѣ, ни о вкусѣ, ибо его сужденія объ этихъ предметахъ похожи на его разсказы о феяхъ и о добродѣтеляхъ.

Переводъ хорошъ, хотя мѣстами и нерадивъ.

*113. **Очерки Сѣвера.** Сочиненіе *Ампера.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1835. 107. (8)[190]).

Очень занимательное и хорошо переведенное сочиненіе. Амперъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ литераторовъ Франціи, и съ особенною любовію занимается всѣмъ, касающемся до Скандинавіи. Кстати замѣтимъ здѣсь о раздѣлѣ трудовъ у иностранныхъ литераторовъ. У нихъ каждый избираетъ себѣ, по своимъ способностямъ и склонности, какую нибудь часть вѣденія, или какую нибудь страну въ историческомъ, литературномъ, или другомъ какомъ отношеніи, и съ любовію и усердіемъ обработываетъ избранный предметъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный литераторъ *Ксаверій Мармье* постоянно занимается всѣмъ относящимся до умственнаго образованія

Германіи и знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ литературою, философіею и вообще просвѣщеніемъ Нѣмцевъ; такъ другой литераторъ, *Карлъ Дидье*, посвятилъ себя на изученіе Италіи и знакомитъ съ нею Французовъ и журнальными статьями и романами. Этого мало, всѣмъ извѣстно, что во Франціи уже давно издается журналъ „Revue Britanique", который состоитъ изъ переводовъ статей, выбираемыхъ изъ всѣхъ лучшихъ Англійскихъ журналовъ; потомъ, „Revue Germanique", въ которомъ принимаетъ самое дѣятельное участіе *К. Мармье* (такъ, что почти во всякомъ № есть его статья, что̀ однако не мѣшаетъ ему помѣщать свои статьи и въ другихъ журналахъ) и который весь наполняется или переводами съ Нѣмецкаго, или оригинальными статьями обо всемъ Нѣмецкомъ [1]).

Въ своихъ „Очеркахъ Сѣвера" Амперъ бѣгло, но вѣрно и занимательно обозрѣваетъ Данію, Норвегію и Швецію, страны, совершенно неизвѣстныя намъ. Въ маленькой книжкѣ онъ представляетъ множество фактовъ касательно нравовъ, домашней жизни, народнаго духа и характера описываемыхъ имъ странъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны его описанія Норвегіи, которая намъ наиболѣе неизвѣстна. Битва Романтизма съ Классицизмомъ въ Швеціи и побѣда перваго надъ послѣднимъ, которая, раньше или позже, была имъ одержана, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, почти во всѣхъ странахъ Европы и которую, мнѣ кажется, гораздо справедливѣе должно назвать побѣдою здраваго смысла надъ невѣжествомъ и предразсудками, описана Амперомъ чрезвычайно занимательно. Отрывки изъ его путешествія помѣщались во французскомъ журналѣ „Revue des deux Mondes" и, кажется, одинъ былъ переведенъ оттуда въ Телескопъ подъ названіемъ „Стокгольмъ и Упсала". Благодаримъ неизвѣстнаго переводчика, подарившаго Русскую литературу хорошимъ Европейскимъ сочиненіемъ, и желаемъ его труду совершеннаго успѣха, который онъ вполнѣ заслуживаетъ сколько по выбору предмета, столько и по прекрасному выполненію.

***114. Сестра Анна.** Сочиненіе *Поль-де-Кока*. Перевелъ съ французскаго *А. Пр. . . . . въ* С.-Петербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. Четыре части: I—250; II—246; III—239; IV—270. (12) [191]).

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что, не смотря на возгласы нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, не шутя увѣряющихъ, что Французскіе журналы никуда не годятся, журналистика, въ настоящее время, ни гдѣ такъ не процвѣтаетъ, какъ во Франціи. Revue Britanique, истинный представитель или зеркало Англійскихъ журналовъ, теперь много потерялъ, противъ прежняго, въ достоинствѣ своихъ статей; съ другой стороны, Нѣмецкіе журналы, исключая собственно ученыхъ, не заслуживаютъ большаго вниманія, ибо, по бо̀льшой части, сплошь наполняются переводами изъ Французскихъ.

Этакое мнѣ счастіе на романы Поль-де-Кока! Недавно раздѣлался съ однимъ, и ужъ долженъ возиться съ другимъ, но это въ послѣдній разъ.

„Сестра Анна" какъ и всѣ произведенія *Поль-де-Кока*, этого корифея кабаковъ и лакейскихъ, должна доставить полное удовольствіе любителямъ неблагопристойныхъ сочиненій, въ родѣ *Кавалера Фобласа*, романовъ *Пиго-Ле-Брена*, *Крамера*, Contes *Лафонтена*, нувеллей *Боккачіо* и множества извѣстнаго рода книжекъ въ двѣнадцатую, шестнадцатую и восьмнадцатую долю съ гравюрами, которыя въ большомъ изобиліи издавались въ XVIII вѣкѣ, и которыхъ охотники всегда читаютъ тайкомъ и держутъ подъ рукою. Молодой мальчикъ, у котораго не развилось еще чувство, но уже развилась чувственность, и который имѣетъ особенный вкусъ къ *анакреонтической* поэзіи—найдетъ тутъ для себя прекрасные уроки и богатый запасъ опытности на извѣстные случаи; человѣкъ возмужалый, съ эмпирическимъ взглядомъ на вещи, предпочитающій положительное и существенное идеальному и мечтательному — найдетъ тутъ для себя тьму воспоминаній, а можетъ быть, и почувствуетъ охоту снова приняться за опытныя знанія; старецъ, привиллегированный гражданинъ Цитеры и Паѳоса, поклонникъ Киприды, ученикъ *Парни* и *Богдановича* въ наукѣ жизни, съ желаніемъ еще не угасшимъ, но и съ сознаніемъ своего безсилія, — подогрѣетъ этимъ чтеніемъ свою охладѣлую кровь и обрѣтетъ хотя мгновенные силы на новые подвиги. Словомъ, *Поль-де-Кокъ* есть истинный оракулъ для людей обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній. Это сокращенный кодексъ нравственности XVIII вѣка.

И однакожь, ни одному писателю такъ не посчастливилось на Руси, какъ *Поль-де-Коку*: знакъ добрый!.. И чемужь дивиться, если нѣкоторые критики не шутя увѣряютъ, что *Поль-де-Кокъ* есть par excelence нравственный писатель... Г. *Гоголь* былъ ими пожалованъ *въ Поль-де-Коки*, ими, которые сами истинные *Поль-де-Коки!..*[192]). И всѣ романы *Поль-де-Кока*, какъ на зло, переведены, по большей части, очень хорошо! Правда, что *не родись уменъ, не родись пригожъ, родись счастливъ!*

„Сестра Анна" къ сожалѣнію переведена очень не дурно, хотя изрѣдка и встрѣчаются выраженія, подобныя этому: „*Проходя лѣсъ, сколько воспоминаній волновало ея душу*".

*115. **Стихотворенія А. Коптева.** Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Вингебера. 1834. 127. VIII. VI. (12). Съ эпиграфомъ.

Чувствительность есть даръ, поэзія искусство,
Природа сердце мнѣ, судьба дала перо [193]).

Вы не повѣрите, какъ обрадовали меня Стихотворенія Г. *А. Коптева*, въ какое восхищеніе привели онѣ меня! Онѣ напомнили мнѣ то невинное, золотое время дѣтства, когда, еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія *Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова* и другихъ, когда я плакалъ, читая Бѣдную Лизу и Марьину Рощу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицемъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ *Жуковскаго*, не хуже *Раисы Карамзина*, отъ которой я тогда сходилъ съ ума. Теперь вамъ вѣрно ни мало не покажется удивительнымъ, что Стихотворенія Г. *А. Коптева* привели меня въ чрезвычайное восхищеніе и даже исторгнули изъ глазъ моихъ нѣсколько слезинокъ чувствительности. Чтобы еще лучше объяснить вамъ, почему Стихотворенія Г. *А. Коптева* произвели на меня такое сильное дѣйствіе, скажу вамъ, что я, будучи ученикомъ уѣзднаго училища, самъ писалъ стихи точно въ такомъ же родѣ и съ такимъ же успѣхомъ, въ этомъ родѣ, ча(и?)сто классическомъ и совершенно чувствительномъ; съ романтическимъ я познакомился уже тогда, какъ во мнѣ совсѣмъ прошло стихотворное неистовство.

Стихотворенія Г. *А. Коптева* очень живо и вѣрно напоминаютъ собою ту эпоху нашей литературы, когда умолкли громкіе и торжественные звуки пѣсенъ *Державина*, когда *Карамзинъ* съ *Дмитріевымъ* (И. И.) дали совершенно новое направленіе нашей словесности и когда появилось тысячи унылыхъ и слезливыхъ пѣвцовъ. Онѣ отличаются чувствительностію, нѣжностью, пастушескою простотою и піитическими вольностями, наполнены похвалами тихой убогой жизни подъ соломенною кровлею, на берегу чистаго ручья, подлѣ вѣтвистой рощицы, гдѣ пастухъ мирно пасетъ стадо барашковъ, воспѣваетъ на свирѣли счастіе дней своихъ и свою дорогую пастушку, свою милую Хлою. Но что́ мои прозаическія похвалы передъ поэзіею Г. *А. Коптева?* онѣ

Какъ предъ солнцемъ блескъ свѣчи!

Сами факты всего лучше говорятъ за себя, и потому осмѣливаюсь взять изъ книги Г. *А. Коптева* нѣсколько драгоцѣнныхъ перловъ его поэзіи и ослѣпить ими взоры удивленныхъ читателей. Я буду выписывать самое лучшее, не заботясь о цѣлости пьэсъ.

Грусть.

Веселье свѣтъ душѣ, а скука темнота.
Херасковъ.

Слезы, ахъ! льются,
Сердце трепещетъ
Бѣдно мое.
Нѣтъ здѣсь любезныхъ,
Я воздыхаю —
Милыхъ здѣсь нѣтъ.
Гдѣ всѣ сокрылись,
Въ грусти оставя —
Въ горѣ меня?
Въ мрачной могилѣ,
Гдѣ обитаетъ
Вѣчный покой,
Тамъ безмятежно,
Крѣпко почіютъ
Съ *миромъ* они.
Лейтесь же, слезы,
Нѣтъ коль любезныхъ —
Милыхъ коль нѣтъ!
. . . .
Дикіе враны!
Горесть вѣщайте
Крикомъ своимъ.
Вязы вѣтвисты,
Сосны высоки,
Войте со мной.
Горы кремнисты!
Искры посыпьте
Съ трескомъ вездѣ.
Эхо! — мой вторя
Трепетъ сердечной,
Ужасъ сугубъ. — — и пр.

Вотъ здѣсь я у прудочка
Объ другѣ помышлялъ;
А тутъ возлѣ лужочка
Летѣть къ нему желалъ.
Ахъ, я вздохнулъ, садочикъ!
Объ чемъ? — ты хочешь знать, —
Послушай, мой дружочикъ,
Что буду здѣсь вѣщать:

Конечно я завяну,
Поблекну какъ и ты;
Но также я возстану,
Весною какъ цвѣты.
Надеждою питаюсь
Безсмертнымъ быть и я;
Сей мыслью утѣшаюсь
Зимой, весной, всегда.

Пруды, сады, чертоги
Во вкусѣ я имѣлъ:
Цари! — земные боги!
Подобну жизнь я велъ.
Въ садахъ рога гремѣми,
Друзей тѣмъ забавлялъ;
Цыганки пѣсни пѣли,
А я подъ тактъ плясалъ, и пр.

Къ М. М. Хераскову.

Царь Кадмъ, Чесменскій бой, Владиміръ, Россіяда,
Вотъ дивный обелискъ — вотъ славный монументъ!
А пьедесталъ его — другихъ поэмъ громада,
Херасковъ! торжествуй — тебѣ дивится свѣтъ.

Къ кн. М. М. Долгорукову.

Напрасно ты, о Князь! свою оставилъ лиру,
Весну, Парфена, Споръ, Парашу и Глафиру;
Однажды прочитавъ, не льзя, чтобъ не сказать:
„Возможно ли безъ чувствъ такъ нѣжно написать?"

Къ моей Библіотекѣ.

Пространныхъ здѣсь не сыщешь фоліантовъ,
Безсмертныхъ въ ней пѣвцовъ творенія стоятъ;
Мильтоновъ, Геснеровъ, Клопстоковъ, Стерновъ,
Кантовъ [1]),
Великіе умы кого не восхитятъ.

Къ Фіялкѣ.

Въ уединеніи живи, цвѣти, гордись,
О дружества символъ, фіялка пѣта мною!
Скромна, любезна ты, во всемъ сходна съ драгою,
Нѣтъ, нѣтъ! лишь слабый ты тѣхъ прелестей эскизъ.

Но нѣтъ—довольно! я утомился выписывать этѣ блестящія красоты классицизма, я опускаю прелестныя двустишія, четверостишія

---

[1]) Вѣрно, здѣсь слово „Кантовъ" попало для риѳмы къ слову „Фоліантовъ". Въ самомъ дѣлѣ, богатая риѳма!

„къ друзьямъ; къ Парашѣ; къ Л. И; къ живописцу, къ соснѣ“, остроумные акростихи на „Лизу, Сонѣ“, Экспромты, къ Москвѣ [1]), къ Пафнутичу, къ Мотыгину и пр. и пр. Кто желаетъ вполнѣ упиться поэзіею Г. *А. Коптева*, того отсылаю къ его книгѣ: мое дѣло только познакомить съ красотами сочиненія. Для этой послѣдней цѣли, выписываю нѣкоторыя изъ примѣчаній, приложенныхъ въ концѣ книжки, какъ тò всегда дѣлается при изданіи твореній геніяльныхъ поэтовъ ибо, безъ комментарій, онѣ не совсѣмъ понятны. Примѣчанія, приложенныя къ Стихотвореніямъ Г. *А. Коптева*, чрезвычайно любопытны, какъ факты о почтенной старинѣ.

„*Стихи сіи были написаны, подражая нѣжной музѣ Н. М. Карамзина, бѣлыми хореями; но одна почтенная женщина велѣла мнѣ перемѣнить хореи на ямбы и украсить риѳмами*“. Вотъ какъ въ старину-то наши поэты уважали дамъ и повиновались имъ; это былъ вѣкъ истинной вѣжливости, вѣкъ истиннаго царства красоты!

„*Почтеннымъ издателямъ Московскаго Курьера угодно было назвать сію піэсу* прекрасною; *чувствительно благодаря ихъ за лестную похвалу, скажу: я буду доволенъ и тѣмъ, ежели благосклонные читатели найдутъ оную* посредственною“. Вотъ какъ скромны были въ старину наши поэты! Не то, что нынѣ, когда всякой лезетъ въ Байроны и Шиллеры!

„*Премного благодарю, хотя не знакомую мнѣ, но милую, любезную дѣвицу, которая извѣстна многимъ своими рѣдкими талантами, за-то, что въ одномъ дружескомъ собраніи пѣла она сію элегію на голосъ:* Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить и пр. *а тѣмъ самымъ заставила многихъ списывать сію піесу.—Признаюсь, это трогаетъ мое самолюбіе*“. Вотъ какими средствами въ старину наши поэты входили въ славу! Все черезъ дамъ—такъ и должно!

„*Сіи стихи я написалъ въ угодность одной прелестной дѣвушкѣ; прелестной, слѣдовательно и любезной, которая сама часто посвящаетъ Музамъ праздные часы свои, охотница до ландышей, любитъ стихи сего размѣра*“.

„*Въ словахъ* Пашалика и Акалцика, *правописаніе то самое, какое находится въ Географіи Г. Гейма, изданной въ* 1819 *году, см. стр.* 276 *и* 279“.

„*Кому неизвѣстенъ Илья Муромецъ, писанный неподражаемымъ перомъ* Н. М. Карамзина“. Ужъ что и говорить—конечно всякому!

„М. М. Херасковъ *написалъ подобными же стихами Бахаріану,*

---

[1]) Къ Москвѣ особенно хорошъ:

По истинѣ Москва есть всѣхъ красотъ столица: —
Прелестна и ловка въ ней каждая дѣвица

написалъ и еще лучемъ безсмертія тѣмъ болѣе пріобрѣлъ себѣ". То-то же – вотъ что̀ значитъ хорошій размѣръ!

„Весна П. И. Шаликова *кого не плѣнитъ прелестными картинами, пылкостію воображенія и живостію мыслей; словомъ*, всѣмъ, *тотъ вѣрно нечувствителенъ. Смотр. Вѣстникъ Европы* 1803 *года*, № 9.". И я тоже скажу, что тотъ совсѣмъ нечувствителенъ, кто не восхитится пылкостію воображенія *Князя Шаликова*.

„*Меланхолическая прогулка одной молодой Россіянки. Вотъ что сказалъ о ней любезнѣйшій поэтъ нашъ: „Издатель не знаетъ имени сочинительницы, но знаетъ что она умна и любезна; читатели тоже узнаютъ. Вопреки всему, что сказано и написано противъ женщинъ-авторовъ, ихъ творенія имѣютъ для насъ какую-то особенную пріятность*". *Смотр. Вѣстникъ Европы* 1803 *года*, № 7. — *Ктожъ не захочетъ повторить сію нельстивую истину?* Разумѣется, что всякій; по крайней мѣрѣ, я первый.

Прочтя Стихотворенія Г. *А. Коптева* и примѣчанія къ нимъ, кто не захочетъ отъ души повѣрить, что былъ на землѣ золотой вѣкъ, было то время, когда волкъ мирно пасся съ овцою, тигръ ласкался къ газели, а удавъ цѣловался съ голубемъ?...

*116. **Карманный Гомеопатическій лечебникъ**, съ подробнымъ изложеніемъ симптомовъ болѣзней, наименованныхъ по алфавиту на Французскомъ, Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, съ показаніемъ врачебныхъ средствъ противъ оныхъ и съ прибавленіемъ практическихъ правилъ и примѣровъ, какъ поступать въ выборѣ Гомеопатическихъ врачевствъ у постели больныхъ. Изданный по руководству *Гааса*, съ Французскаго изданія Журдана, со многими прибавленіями, *Фр. Бѣлявскимъ*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. V. 331. 6. XIII. (12) [194].

Имя Г. *Бѣлявскаго* принадлежитъ къ малому числу нашихъ ученыхъ, которые съ любовію и усердіемъ обработываютъ доставшееся на ихъ долю поле науки. Такія явленія у насъ очень рѣдки и заслуживаютъ большое вниманіе. Недавно подаривши Русскую публику прекраснымъ медико-этнографическимъ сочиненіемъ, Г. *Бѣлявскій* знакомитъ ее теперь съ Гомеопатическимъ способомъ леченія, оказывающимъ теперь такія быстрые успѣхи. Не мое дѣло разсуждать о справедливости или ложности Гомеопатической методы, но никакъ не могу представить себѣ, чтобы столько умныхъ и ученыхъ людей могли грубо ошибаться въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ очевидность и опытъ самый лучшій судья. Съ другой стороны, чему приписать эту довѣренность, которую, со дня на день, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ Гомеопатизмъ? Неужели модѣ? Признаюсь, надо быть слишкомъ ничтожнымъ и отважнымъ, чтобъ рѣшиться, для угожденія модѣ, подвергать опасности свою жизнь. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что новая

школа преслѣдуется многими съ такимъ ожесточеніемъ: это неизбѣжная судьба всякаго новаго открытія въ области вѣденія. Не имѣя никакихъ причинъ подозрѣвать Г. *Бѣлявскаго* въ *карманныхъ* причинахъ, будтобы заставившихъ его сдѣлаться поборникомъ Гомеопатизма, какъ-то недавно было объявлено рецензентомъ Библіотеки для Чтенія, которому такъ хорошо извѣстны всѣ *карманныя* побужденія, я вижу въ скромномъ и полезномъ трудѣ Г. *Бѣлявскаго* доказательство его добросовѣстнаго убѣжденія въ истинѣ проповѣдуемой имъ методы и желанія распространить ее. Слѣдующая выписка изъ предисловія почтеннаго Автора, на добросовѣстность котораго вполнѣ можно положиться, дастъ самое лучшее понятіе о его книгѣ тѣмъ, которые еще не читали ее.

„При настоящемъ распространеніи Гомеопатіи и безпрестанно увеличивающимся числѣ послѣдователей ея въ нашемъ отечествѣ, встрѣчая многихъ желающихъ лѣчить и лѣчиться по оной, я рѣшился, по существующему у насъ недостатку книгъ въ этомъ родѣ, передать моимъ соотечественникамъ на Русскомъ языкѣ одно изъ полезнѣйшихъ сочиненій для гомеопатическаго лѣченія, содержащее въ себѣ наблюденія и опыты всѣхъ извѣстнѣйшихъ гомеопатовъ, какъ-то: самаго Ганеманна, Гартмана, Гартлуба, Тринкса, Штафа, Камельбаха, Кейзера, Мисершмидта, Гартунга, Бижеля, Геринга (въ Суринамѣ), Граса, Каспара и проч. — сочиненіе признанное необходимымъ для сего пособіемъ въ Германіи и Франціи, гдѣ оно печатается уже 3-имъ изданіемъ.

„Предлагая послѣдователямъ новой методы книгу мою, какъ руководство къ ея вѣрному опредѣленію припадковъ болѣзней и назначенію надлежащихъ противъ оныхъ врачебствъ, я желалъ при томъ доставить публикѣ въ ней какъ нѣчто положительное — какъ фактъ въ наукѣ, еще только что возникающей и не успѣвшей еще освятить правъ своихъ давностію вѣковыхъ опытовъ и потому гонимый безвинно духомъ партіи, предразсудками, закоренѣлостію привычекъ и легкомысліемъ; но истина раноль, позднoль, должна наконецъ возторжествовать: въ предлагаемой мною книгѣ, безпристрастіе найдетъ собраніе живыхъ опытовъ, которые сами за себя говорятъ. — Пусть умолкнутъ нелѣпые толки самолюбія и легкомыслія, и не мѣшаютъ безпристрастной любознательности слѣдить истину и содѣйствовать къ усовершенствованію науки-младенца.

„Почитая разборъ мнѣній антагонистовъ Гомеопатіи здѣсь неумѣстнымъ, я ограничился въ началѣ книги моей изложеніемъ условій при лѣченіи по сей методѣ и правилъ діэтетики, принаровленной къ климату и произведеніямъ нашего отечества: въ оныхъ всякій ясно увидитъ ложность мнѣнія, что будтобы при гомеопатическомъ леченіи

не лѣкарства, а только діэта излѣчиваетъ болѣзни (что впрочемъ было бы очень желательно“).

*117. **Люди высшаго и нисшаго круга**, или картины нравовъ во время Наполеона. Сочиненіе *Пикара*, Члена Института (Французской Академіи). Перевелъ съ Французскаго *Семенъ Мухачевъ.* Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ, 1834. Двѣ части: I—273; II—280. (8) [195]).

Этотъ романъ есть самое лучшее доказательство того, что можно быть членомъ Академіи и вмѣстѣ плохимъ романистомъ. *Пикаръ* хотѣлъ представить картину нравовъ во время Наполеона и намаралъ, словно помеломъ, весьма дурныя изображенія, которыя, въ литературѣ, тоже самое, что, въ живописи, знаменитое „Погребеніе кота мышами“ и другія произведенія Русской лубочной гравировки. Какъ человѣкъ ученый и членъ Академіи, Пикаръ хотѣлъ, слѣдуя святому правилу, завѣщанному *Гораціемъ* и такъ уважавшемуся восьмнадцатымъ вѣкомъ, *„соединить пріятное съ полезнымъ“*. Для этого онъ и написалъ плохую диссертацію на тему: *„Честные люди во всякомъ званіи составляютъ хорошее общество; а плуты, будь они хоть и именитые, суть подлая чернь“* и далъ своей диссертаціи форму *историко-нравственно-сатирическо-описательнаго* романа, въ родѣ романовъ Г. *Булгарина*. Чтоже касается до Г. Семена Мухачева то мы совѣтуемъ ему, вопервыхъ, бросить совсѣмъ употребленіе *„оныхъ“* потомъ, вообще переводить потщательнѣе, а главное, выбирать для своихъ переводовъ книги получше, ибо и безъ того довольно переводится всякаго вздору на Русскій языкъ.

*118. **Посланіе Петру Ивановичу Рикорду**, Вице-Адмиралу и Кавалеру въ Кронштадтѣ. 1834 года Іюля 28 дня. Соч. *Графа Хвостова*. Санктпетербургъ, въ типографіи Конрада Вингебера. 1834.

Стихи на освященіе Собора всѣхъ Учебныхъ Заведеній въ Россіи Іюля 20 дня 1835 года.

Маньчжурская пѣснь съ перевода въ прозѣ, переложенная стихами. 20 Января 1834 года. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834.

На памятникъ Императору Александру I. Два стихотворенія на Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ *Мирзы Джафара Топчибашева*,, Адьюнктъ-Профессора Персидскаго языка при И. С. Петербургскомъ Университетѣ и въ Институтѣ Восточныхъ языковъ, состоящемъ при Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Надворнаго Совѣтника, Кавалера Орденовъ Св. Анны второй и Св. Владиміра четвертой степени, и члена Лондонскаго Королевскаго Азіятскаго Общества. С. Петербургъ, въ типографіи И. Академіи Наукъ. 1835. [196]).

Всѣ этѣ четыре стихотворенія ясно показываютъ, что поэзія у насъ еще процвѣтаетъ роскошно и благоуханно, вопреки мнѣнію

нѣкоторыхъ невѣждъ, нагло утверждающихъ, что будто она не то что кончилась, а опала, какъ пустоцвѣтъ, не принеся никакихъ плодовъ. Мы очень радуемся, что имѣемъ случай зажать ротъ этимъ безпокойнымъ и невѣжливымъ крикунамъ, торжественно указавъ имъ на этѣ произведенія Россійской музы. Первыя три изъ нихъ принадлежатъ нашему маститому поэту *Графу Хвостову*, который называетъ себя и котораго называетъ *Князь Шаликовъ „Пѣвцомъ Кубры"* — титулъ вполнѣ заслуженный имъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ такъ много поэзіи, свѣжести и могучести таланта не охлажденнаго холодомъ долговременной жизни, что ихъ можно почесть первыми порывами юнаго воображенія. Третье стихотвореніе особенно отличается удивительною энергіею таланта, иногда возвышающагося до истинной геніяльности, что можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ, наудачу нами выбранныхъ:

Для подданныхъ отъ высоты престола
Присвоилъ онъ, межъ подвиговъ, трудовъ,
Безцѣнное пріобрѣтенье дола —
Законовъ даръ — превыше всѣхъ даровъ.
Онъ воинамъ знамена далъ, отряды,
Священныхъ службъ установилъ обряды;
Создатель онъ и капищъ и божницъ;
Онъ при дворѣ три учредилъ чертога,
Гдѣ зрѣлся чинъ и наблюденье строго,
Гдѣ предъ царемъ все повергалось ницъ.

Надобно замѣтить, что это стихотвореніе есть переложеніе прозаическаго перевода съ Манджурскаго языка, сдѣланнаго Г. *Захаромъ Леонтьевскимъ*. Г. *Захаръ Леонтьевскій* въ восторгѣ отъ переложенія *Графа Хвостова*: мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ восторгъ.

О стихотвореніяхъ почтеннаго Мирзы Джафара мы ничего не можемъ сказать, во первыхъ потому, что онѣ не принадлежатъ къ Русской Литературѣ, во вторыхъ, потому, что онѣ недоступны для насъ, какъ писанныя на восточныхъ языкахъ; впрочемъ, мы увѣрены, что онѣ несравненно лучше своихъ переводовъ.

(— онъ — инскій).

* **119. Полный и новѣйшій пѣсенникъ**, въ тринадцати частяхъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ лучшихъ пѣсенъ извѣстныхъ нашихъ авторовъ какъ то: *Державина, Карамзина, Дмитріева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Барона Дельвига, Князя Вяземскаго, Ѳедора Глинки, Бориса Ѳедорова, Веневитинова, Слѣпушкина* и многихъ другихъ литераторовъ. Расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждаго предмета. Собранный *И — мъ Гурьяновымъ*. Москва, въ типографіи Н. Степанова. 1835. Тринадцать частей: I — 191; II — 144; III — 114;

IV—160; V—148; VI—97; VII—190; VIII—176; IX—120; X—137; XI—114; XII—144; XIII—144. (16). [197]).

Достоинство этой книги совершенно соотвѣтствуетъ замысловатости ея заглавія. Г. Гурьяновъ обогатилъ рыночную литературу новымъ произведеніемъ. Тутъ нѣтъ ничего худаго: г. Гурьяновъ слѣдуетъ внушенію своего генія. Да вотъ бѣда: его геній ужь черезчуръ игривъ. Мы не говоримъ о томъ, что онъ изъ нашихъ писателей составилъ такое разнохарактерное общество, какого не представляетъ и самая Библіотека для Чтенія; что онъ свелъ *Державина*, *Пушкина*, *Жуковскаго*, *Мерзлякова*, *Козлова*, *Батюшкова*, *Веневитинова* и др. въ одну компанію съ *Богдановичемъ*, *Нелединскимъ-Мелецкимъ*, *Капнистомъ*, *Борисомъ Ѳедоровымъ* и *Слѣпушкинымъ*; мы не удивляемся поистинѣ удивительному хладнокровію знаменитыхъ корифеевъ нашей литературы, съ какимъ они видять себя въ такомъ прекрасномъ обществѣ; мы не удивляемся незаконной дерзости, осмѣливающейся ругаться надъ правами собственности: все это вещи очень обыкновенныя въ Москвѣ: объ этомъ много говорится въ петербургскихъ журналахъ, объ этомъ бываетъ рѣчь и въ московскихъ журналахъ. Но мы, при всей нашей привычкѣ къ подобнымъ явленіямъ, не можемъ надивиться одному: какъ могутъ быть на свѣтѣ такіе люди, которые не умѣютъ сдѣлать порядочно ни хорошаго, ни дурнаго дѣла.

Кто далъ право г. *Гурьянову*, помѣстивши, безъ позволенія авторовъ, піесы, изказить ихъ пропусками и переправками своей фантазіи и орѳографическою безграмотностію? Не угодно ли полюбоваться его поправочками:

Скинь мантилью, ангелъ милый
И явись, какъ яркій день.
Ножку дивную продѣнь
Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ... и пр.

Или:

„Скажи, что смотришь на дорогу?"
Мой храбрый вопросилъ.
„Еще *попьй*, ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

Къ груди поникнувъ головою,
Я *громко просвисталъ*.
„Гусаръ! ужъ нѣтъ ее со мною!"
Сказалъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ покалъ.

„Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ!"
Сказалъ и замолчалъ.

Или:

Скучно, грустно... завтра, *нынѣ*,
Завтра къ милой *возврашусь*
Я забудусь *при каминѣ*
Загляжусь, *не нагляжусь*,

Или:

Ты *изъ* житейскихъ обличитель
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты дружба, сердца изцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

Съ чего вздумалось г. *Гурьянову* пропѣть одно и то же стихотвореніе Пушкина въ двухъ разныхъ частяхъ и на разные голоса? Въ отдѣленіи пѣсенъ *простонародныхъ* и *хороводныхъ*, это стихотвореніе напечатано такъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты,
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты!

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ?
Живу печальный, одинокій
И жду—придетъ ли мой конецъ.

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ;
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ!..

Въ отдѣленіи пѣсенъ *любовныхъ*, это стихотвореніе напечатано такъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ однѣ страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ,
И жду, печальный, равнодушный
Когда же придетъ мой конецъ.

A propos: знаете ли, какія піесы помѣщены въ отдѣленіи пѣсенъ *застольныхъ*, *дружескихъ* и *круговыхъ? Вечерній звонъ* (Козлова), *Даруетъ небо человѣку* (изъ Бахчисарайскаго Фонтана), *Мой другъ, хранитель-ангелъ мой* (Жуковскаго), *Небо, дай мнѣ длани* (Хомякова), *Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ* (Жуковскаго). И знаете, между ка-

кими произведеніями? *Саша ангелъ, какъ не стыдно; Пожалуйте, сударыня, сядьте со мною рядомъ; Братья, рюмки наливайте* и пр. А сколько другихъ нелѣпостей! Стихотвореніе г. *Шевырева* — Супруги (Военная пѣсня, помѣщенная въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827) приписано *Пушкину*, подъ заглавіемъ — Свадьба, съ пропусками и безсмысленными изкаженіями; нѣкоторыя піесы напечатаны по шести разъ (разумѣется, съ *варіянтами*); большая часть сборника состоитъ изъ старинныхъ сочиненій, отличающихся площаднымъ вкусомъ и дурными стихами. Для образчика выписываемъ *куплетецъ* изъ одной такого рода *невинной* пѣсенки:

Однажды я Лилету
Зефирами раздѣту,
Забвенну сномъ—зрѣлъ здѣсь;
На ту красу взирая,
Я таялъ обмирая—
И... если бы не честь...

Какъ ни непріятно, ни отвратительно рыться въ подобномъ сорѣ, но положивши себѣ за непремѣнную обязанность преслѣдовать, литературнымъ судомъ, литературныя штуки всякаго рода, обличать шарлатанство и бездарность, я почелъ долгомъ выставить, передъ глазами публики, поступокъ г. *Гурьянова*. Если я этимъ не предупрежу другихъ подобнаго рода литературныхъ предпріятій, то, можетъ-быть, спасу многихъ довѣрчивыхъ читателей отъ покупки и прочтенія дурной книги: въ такомъ случаѣ, моя цѣль достигнута и труды не пропали. Еще прибавлю, что эта книга напечатана на сѣрой дурной бумагѣ и украшена чудовищными картинками, отличающимися лубочною работою и площаднымъ вкусомъ [1]).

* **120. Кривой бѣсъ**. Русская сказка. Соч. *А. Я—ва*, Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Вингебера. 1835. 35. (12). Съ эпиграфомъ:

Конь куда съ копытомъ
Туда и ракъ съ клешней!.. [199]).

„Книжечку эту, какъ первые труды неопытнаго еще бумагомарателя, повергая на судъ публики, надѣюсь, что читатель, пробѣжавъ ее—улыбнется, а П.... прожужжитъ:

И Боже упаси
Читать подобные стихи!

А. Я—въ.

---

[1]) Въ Библіотекѣ для Чтенія, г. Степановъ названъ издателемъ этого сборника вмѣстѣ съ Г. Гурьяновымъ: это, вѣрно, по ошибкѣ, ибо Г. Степановъ столько-же виноватъ въ этомъ грѣхѣ, сколько фабрикантъ, дѣлавшій обверточную бумагу, на которой напечатаны неблагопріобрѣтенныя пьесы пѣссенника [198]).

Вотъ что̀ гласитъ курьёзное предисловіе къ этой курьёзной книженкѣ; это предисловіе намъ кажется самою удовлетворительною критикою на „Криваго Бѣса", только къ слову „неопытнаго бумагомарателя" мы, на мѣстѣ почтеннаго автора, прибавили бы еще „*безграмотнаго, и не знающаго правилъ версификаціи*".

На оберткѣ значится, что оная книжечка, напечатанная на дурной сѣрой бумагѣ и состоящая изъ 35 страницъ, продается по два рубля: жалѣемъ и о томъ, кто заплатитъ за нее и *двѣ копѣйки*.

* **121. Тише ѣдешь, дальше будешь!** или Бенефисная піеска, водевиль-фарсъ передѣланный съ Французскаго *А. И. Булгаковымъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера 1835. 62. (12). [200]).

Дурной фарсъ, безъ всякаго вкуса, безъ всякой остроты, но со смысломъ, съ грамматикою, и напечатанный опрятно и красиво. И эта книжка стоитъ *два рубля!* Говорятъ, что люди деньги цѣнятъ всего дороже въ свѣтѣ: вотъ вамъ самое ясное доказательство, что это не правда, что ихъ нерѣдко цѣнятъ дешевле щепокъ...

(**— онъ — инскій**).

***122. Начертаніе Русской Исторіи** для училищъ. Сочиненіе профессора *Погодина*. Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. 323. (8). [201]).

Наша литература особенно бѣдна учебными книгами: истина не новая, даже очень старая; но мы все-таки повторяемъ ее, хотя нѣкоторые и почитаютъ это излишнимъ и несправедливымъ въ настоящее время, когда, по ихъ мнѣнію, множество, вновь появившихся книгъ, въ этомъ родѣ, доказываютъ противное. Не хотимъ спорить объ этомъ: у всякаго свой взглядъ на вещи, а на наши глаза *множество* ничего не доказываетъ. И такъ наша литература очень бѣдна учебными книгами, и преимущественно, по части исторіи. Причина этого заключается сколько въ трудности составленія хорошей учебной книги, столько и въ ложномъ понятіи, какое вообще имѣютъ у насъ касательно этого предмета. Здѣсь невольно подвертываются мнѣ подъ перо слова Г. *Шевырева*: „Ахъ, эти бѣдные дѣти! Что̀ не годится для взрослыхъ, что̀ боится критики — то все ссылается на подачу дѣтямъ. Ихъ невинность какъ будтобы должна оправдывать всѣ недостатки сочиненій". Замѣтьте, что Г. *Шевыревъ* говоритъ это по поводу книги, изданной Жанэномъ, не примѣняя къ нашей литературѣ. Чтоже у насъ?.. О, сердце обливается кровью при мысли о безтолковомъ учебникѣ и варварѣ-педагогѣ, общими силами убивающихъ юные таланты и изъ дѣтей съ человѣческимъ организмомъ дѣлающихъ идіотовъ.. Да и чего хорошаго можно ожидать отъ нашихъ учебныхъ книгъ, когда истинные ученые прези-

раютъ заниматься ихъ составленіемъ, и когда ихъ дѣлаютъ шарлатаны и невѣжды?.. Много ли у насъ учебныхъ книгъ, скрѣпленныхъ именемъ профессора или извѣстнаго ученаго? А за этѣ книги не должны браться даже ученые по ремеслу: самый разительный примѣръ этого есть „Учебная Книга Русской Словесности“, Г. *Греча*— этотъ сборникъ устарѣлыхъ правилъ и дурныхъ примѣровъ, скорѣе способныхъ убить чувство вкуса и склонность къ изящному, чѣмъ развить ихъ. Такихъ примѣровъ много...

Г. *Погодинъ* предпринялъ вознаградить недостатокъ учебныхъ книгъ по части отечественной исторіи. Не льзя выразить того восхищенія, съ какимъ мы узнали объ этомъ намѣреніи, того нетерпѣнія, съ какимъ мы ожидали появленія этой книги, за прекрасное исполненіе которой ручалось имя Г. *Погодина*. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ Г. *Погодину*, какъ къ человѣку и писателю [202]), мы поставляемъ себѣ непремѣннымъ долгомъ сказать во всеуслышаніе, что никогда не испытывали мы такого жестокаго разочарованія, никогда не обманывались такъ ужасно въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ... Мы едва вѣрили глазамъ своимъ. Эта книга рѣшительно недостойна имени своего автора, отъ котораго публика всегда была вправѣ ожидать чего-нибудь дѣльнаго и даже прекраснаго. Одно ея раздѣленіе на періоды, неосновательность котораго уже доказана Г. *Скромненкомъ* [203]), ясно показываетъ, что она составлена слишкомъ *на скорую руку*. Представьте себѣ: событія до Петра Великаго занимаютъ 249 страницъ — сколько же, вы думаете, занимаютъ событія отъ вступленія Петра Великаго до смерти Александра Благословеннаго? — Страницъ, по крайней мѣрѣ *пятьсотъ*, если не *тысячу*? — Нѣтъ—всего на все 64 страницы!!.. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобъ думать, что Г. *Погодинъ* не былъ въ состояніи написать не только порядочной, но и хорошей учебной книги; мы скорѣе готовы подумать, что онъ *не хотѣлъ* этого сдѣлать, и что причина совершенной неудовлетворительности его сочиненія заключается въ крайней невнимательности и поспѣшности, съ какою оно составлялось. Это доказываетъ все: и отсутствіе хронологіи, безъ которой учебная книжка есть фантомъ или образъ безъ лица, и параграфы въ нѣсколько страницъ безъ перерыву, и самый языкъ, неправильный и необработанный, общія мѣста и неопредѣленность въ выраженіяхъ [1]), это доказываетъ, на-

---

[1]) На примѣръ, что̀ значатъ эти фразы: „Кромѣ Волкова *прославился* вскорѣ Дмитревскій?“ Какъ и чѣмъ прославился? Не такъ ли точно, какъ прославляются герои Подновинскаго? Ибо что тогда были за цѣнители театра? „Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, *прославились* своими сочиненіями“. Но вѣдь своими же сочиненіями прославились и Сумароковъ, Херасковъ и даже Тредьяковскій и ими же прославились Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ? Признаемся откровенно,

примѣръ, и слѣдующее мѣсто: „*Датскій принцъ Іоаннъ, братъ Христіана, былъ вызванъ въ Россію въ женихи Ксеніи, послѣ раздора съ Густавомъ, воевать съ Турками и изгнать ихъ изъ Европы, не оставляла Бориса*“.

Много, очень много можнобъ было сказать о недостаткахъ Исторіи Г. *Погодина*; но для этого слишкомъ тѣсны предѣлы простой библіографической статейки. Намъ обѣщана цѣлая критика, которая и будетъ помѣщена въ одномъ изъ NN Телескопа[205]). Мы вполнѣ увѣрены, что Г. Погодинъ увидитъ въ этомъ подробномъ отчетѣ объ его книгѣ, равно какъ и въ нашемъ отзывѣ, тоже безпристрастіе, туже благонамѣренность, туже любовь къ истинѣ и желаніе общаго добра, которые руководили имъ въ его отзывахъ, на примѣръ, объ историческихъ трудахъ Г. Полеваго и прочихъ...[206]).

*123. **Русская Исторія** для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полеваго*. Москва. Въ типографіи А. Семена, при Императорской Медико-Хирург. Академіи. 1835. Двѣ части: I—V, 379; II - 457. (12)[207]).

Это половина новаго труда благонамѣреннаго и неутомимаго дѣятеля на поприщѣ Русскаго просвѣщенія, *Н. А. Полеваго*. Этимъ сочиненіемъ совершенно пополняется важный недостатокъ въ нашей литературѣ: теперь юнымъ поколѣніямъ безпредѣльной Россіи есть средство, играючи, изучать отечественную исторію и, слѣдовательно, съ пользою и удовольствіемъ занимать свои дѣтскіе досуги. Книга Г. *Полеваго*, какъ этого и должно было ожидать, написана просто, умно, безъ излишнихъ подробностей и безъ сухой сжатости, хорошимъ языкомъ; событія разположены ясно, разставлены въ перспективѣ, облегчающей память, переданы съ живостію и увлекательностію. Прибавимъ еще, что это сочиненіе годится не для однихъ малолѣтнихъ дѣтей: оно будетъ полезно и для взрослыхъ и даже старыхъ дѣтей, которыхъ у насъ еще такъ много. Его прочтетъ съ пользою и купецъ и баринъ; въ него заглянетъ и студентъ, готовящійся къ репетиціи. Необычайно дешевая цѣна дѣлаетъ ее доступною для всѣхъ и каждаго: Четыре тома, состоящія почти изо *ста* печатныхъ листовъ, стоютъ *двѣнадцать* рублей.

Конечно, Исторія Г. *Полеваго*, при многихъ достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, особенно первая часть; вторая, можно сказать, превосходна; думаемъ, что интересъ и увлекательность въ послѣднихъ двухъ превзойдетъ всякое ожиданіе. Такъ какъ это есть трудъ

такія фразы хороши только у Г. Кайданова. Къ чему этѣ безпрестанныя мѣстоименія „мы?“[204]). Развѣ оффиціяльный слогъ, какимъ пишутся реляціи, приличенъ Учебной исторической книгѣ? Mais ces pourquois ne finirons jamais...

важный по своей цѣли и своему назначенію, примѣчательный по своему исполненію, трудъ честный и добросовѣстный, а не дюжинная плотническая работа, наскоро произведенная топоромъ и скобелью, съ цѣлію *зашибить деньгу*; то мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность, поговорить объ немъ подробнѣе, въ одномъ изъ ближайшихъ NN Телескопа [208]). Теперь же ограничиваемся простымъ библіографическимъ извѣстіемъ, что двѣ вышедшія части состоятъ изъ десяти разсказовъ, заключающихъ въ себѣ событія отъ первоначальныхъ временъ нашей исторіи до принятія Іоанномъ Грознымъ Царскаго титула, и составляютъ *тридцать шесть* печатныхъ листовъ. Третья часть уже поступила въ печать, четвертая будетъ печататься тотчасъ вслѣдъ за третьею.

(—**онъ** —**инскій**).

124. О русской повѣсти и повѣстяхъ Г. Гоголя [209]).

(Арабески и Миргородъ).

Русская литература, не смотря на свою незначительность, не смотря даже на сомнительность своего существованія, которое теперь многими признается за мечту, Русская литература испытала множество чуждыхъ и собственныхъ вліяній, отличилась множествомъ направленій. Такъ какъ это имѣетъ прямое отношеніе къ предмету моей статьи, то укажу, въ краткихъ очеркахъ, на главнѣйшія изъ этихъ вліяній и направленій. Литература наша началась вѣкомъ *схоластицизма*, потому что направленіе ея великаго основателя было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзіи, въ слѣдствіе его ложныхъ понятій объ искусствѣ. Сильный авторитетъ его бездарныхъ послѣдователей, изъ коихъ главнѣйшими были Сумароковъ и Херасковъ, поддержалъ и продолжилъ это направленіе. Не имѣя ни искры генія Ломоносова, эти люди пользовались не меньшимъ и еще чуть ли не бо̀льшимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ и сообщили юной литературѣ характеръ *тяжелопедантическій*. Самъ Державинъ заплатилъ, къ несчастію, слишкомъ большую дань этому направленію, чрезъ что̀ много повредилъ и своей самобытности и своему успѣху въ потомствѣ. Въ слѣдствіе этого направленія, литература раздѣлилась на „оду“ и „эпическую, инако героическую пііму“. Послѣдняя, въ особенности, почиталась торжественнѣйшимъ проявленіемъ поэтическаго генія, вѣнцомъ творческой дѣятельности, альфою и омегою всякой литературы, конечною цѣлію художественной дѣятельности каждаго народа и всего человѣчества [1]).

---

[1]) Это смѣшное и жалкое направленіе до того было сильно и такъ долго продолжалось, что многіе литераторы, въ 1813 году, совѣтывали Г. *Иванчину-Писа-*

Петріяда произвела достойныхъ себя чадъ — Россіяду и Владиміра; а этѣ, въ свою очередь, нѣсколько длинныхъ Петровъ и наконецъ пресловутую Александроиду...[211]). Потомъ, только и слышно и было, какъ наши лирики, *упиваясь одопѣніемъ*, по выраженію одного изъ нихъ, въ своихъ громогласныхъ одахъ, взапуски заставляля *плясать рѣки* и *скакать холмы*... Это было главное, характеристическое направленіе; еще тогда же и послѣ были другіе, хотя и не столь сильные: Крыловъ родилъ тьму баснописцевъ, Озеровъ трагиковъ, Жуковскій балладистовъ, Батюшковъ элегистовъ. Словомъ, каждый замѣчательный талантъ заставлялъ плясать подъ свою дудку толпы бездарныхъ писателей. Еще вѣкъ тяжелаго схоластицизма не кончился, еще онъ былъ, какъ говорится, во всемъ своемъ разгарѣ, какъ Карамзинъ основалъ новую школу, далъ литературѣ новое направленіе, которое, вначалѣ, ограничило схоластицизмъ, а въ послѣдствіи совершенно убило его. Вотъ главная и величайшая заслуга этого направленія, которое было нужно и полезно, какъ реакція, и вредно, какъ направленіе ложное, которое сдѣлавши свое дѣло, требовало, въ свою очередь, сильной реакціи [212]). По причинѣ огромнаго и деспотическаго вліянія Карамзина и многосторонней его литературной дѣятельности, новое направленіе долго тяготѣло и надъ искусствомъ, и надъ наукой, и надъ ходомъ идей и общественнаго образованія. Характеръ этого направленія состоялъ въ *сантиментальности*, которая была одностороннимъ отраженіемъ характера Европейской литературы XVIII вѣка. Въ то время, когда это *сантиментальное* направленіе было во всемъ цвѣту своемъ, Жуковскій ввелъ литературный *мистицизмъ*, который состоялъ въ *мечтательности*, соединенной съ ложнымъ *фантастическимъ*, но который, въ самомъ-то дѣлѣ, былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный *сантиментализмъ*, и хотя породилъ тьму бездарныхъ подражателей, но былъ великимъ шагомъ впередъ [1]). Съ половины втораго десятилѣтія XIX вѣка, совершенно кончилась эта однообразность въ направленіи творческой дѣятельности: литература разбѣжалась по разнымъ дорогамъ. Хотя огромное вліяніе Пушкина (который, скажемъ мимоходомъ, составляетъ, на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы, вмѣстѣ съ Державинымъ и Грибоѣдовымъ, пока единственное поэтическое созвѣздіе, блестящее для вѣковъ) и этому

реву, написавшему довольно фразистую „Надпись на полѣ Бородинскомъ", написать — чтобы вы думали? — *Эпическую поэму*!... [210]).

[1]) Говоря о Жуковскомъ, я имѣю въ виду направленіе, произведенное имъ на литературу, а не оцѣнку его литературныхъ заслугъ, разумѣю его баллады и малое число оригинальныхъ пьесъ, а не переводы вообще, которыми наша литература по справедливости гордится.

періоду нашей словесности сообщило какой-то общій характеръ; но, вопервыхъ, самъ Пушкинъ былъ слишкомъ разнообразенъ въ тонахъ и формахъ своихъ произведеній, потомъ, вліяніе старыхъ авторитетовъ еще не потеряло своей силы, и, наконецъ, знакомство съ Европейскими литературами показало новые роды и новый характеръ искусства. Вмѣстѣ съ поэмой *Пушкинскою*, появились — романъ, повѣсть, драма, усилилась элегія, и не были забыты — баллада, ода, басня, даже самая эклога и идиллія.

Теперь совсѣмъ не то: теперь вся наша литература превратилась въ романъ и повѣсть. Ода, эпическая поэма, баллада, басня, даже такъ называемая, или, лучше сказать, такъ называвшаяся, *романтическая поэма*, поэма *Пушкинская*, бывало наводнявшая и потоплявшая нашу литературу — все это теперь не больше, какъ воспоминаніе о какомъ-то веселомъ, но давно минувшемъ времени. Романъ все убилъ, все поглотилъ, а повѣсть, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ, изгладила даже и слѣды всего этого, и самъ романъ съ почтеніемъ посторонился и далъ ей дорогу впереди себя. Какія книги больше всего читаются и раскупаются? Романы и повѣсти. Какія книги доставляютъ литераторамъ и домы и деревни? Романы и повѣсти. Какія книги пишутъ всѣ наши литераторы, призванные и непризванные, начиная отъ самой высокой литературной аристократіи до неугомонныхъ рыцарей Толкуна и Смоленскаго рынка? Романы и повѣсти. Чудное дѣло! но это еще не все: въ какихъ книгахъ излагается и жизнь человѣческая, и правила нравственности, и философическія системы и, словомъ, всѣ науки? Въ романахъ и повѣстяхъ.

Въ слѣдствіе какихъже причинъ произошло это явленіе? Кто, какой геній, какой могущественный талантъ произвелъ это новое направленіе?... На этотъ разъ нѣтъ виноватаго: причина въ духѣ времени, во всеобщемъ, и, можно сказать, всемірномъ направленіи.

Правда, и здѣсь было вліяніе иностранныхъ литературъ, что̀ очень естественно, ибо народъ, начинающій принимать участіе въ жизни образованной части человѣчества, не можетъ быть чуждымъ никакого общаго умственнаго движенія. По крайней мѣрѣ, это уже не было слѣдствіемъ успѣха или сильнаго авторитета одного какого нибудь лица, но было слѣдствіемъ общей потребности. Правда, мы еще не забыли, хотя по имени, прадѣдушку нашихъ романовъ—Ивана Выжигина; но онъ былъ ихъ прадѣдушкою только по времени своего появленія, а не по внутреннему достоинству. Не успѣхъ его заставилъ всѣхъ писать романы, но онъ доказалъ общую потребность. Надобно же было кому нибудь начать. Притомъже, вопросъ состоялъ не въ томъ: будетъ ли имѣть успѣхъ на Руси романъ? Этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ, ибо тогда переводные Романы Вальтера

Скотта уже начали разливаться по Россіи широкимъ потокомъ. Вопросъ состоялъ въ томъ: можетъ ли имѣть, на Руси, успѣхъ Русскій романъ, написанный порусски и почерпнутый изъ Русской жизни. Г. Булгарину случилось прежде другихъ рѣшить этотъ вопросъ: вотъ и все.

Романъ и теперь еще въ силѣ, и, можетъ быть, надолго или навсегда будетъ удерживать почетное мѣсто, полученное, или лучше сказать, завоеванное имъ, между родами искусства; но повѣсть во всѣхъ литературахъ, теперь есть исключительный предметъ вниманія и дѣятельности всего, что̀ пишетъ и читаетъ, нашъ дневной насущный хлѣбъ, наша настольная книга, которую мы читаемъ, смыкая глаза ночью, читаемъ открывая ихъ поутру. Есть еще третій родъ поэзіи, который долженъ бы, въ наше время, раздѣлять владычество съ Романомъ и повѣстью: это *драма*, хотя ея успѣхи и заслонены успѣхомъ романа и повѣсти. Въ слѣдствіе этого всеобщаго направленія, и въ нашей литературѣ господствующими родами поэзіи сдѣлались романъ и повѣсть, и сдѣлались, повторяю, не столько въ слѣдствіе слѣпаго подражанія, или преобладанія какого-нибудь сильнаго дарованія; или, наконецъ, обольщенія слишкомъ необыкновеннымъ успѣхомъ какого-нибудь творенія, сколько въ слѣдствіе общей потребности господствующаго духа времени.

Въ чемъ же заключается причина этой общей потребности, этого господствующаго духа времени, которыя всѣ литературы подвели подъ форму романовъ и повѣстей?

Поэзія двумя, такъ сказать, способами объемлетъ и воспроизводитъ явленія жизни. Эти способы противоположны одинъ другому, хотя ведутъ къ одной цѣли. Поэтъ или пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его воззрѣнія на вещи, отъ его отношеній къ міру, къ вѣку и народу, въ которомъ онъ живетъ, или возпроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности. Поэтому, поэзію можно раздѣлить на два, такъ сказать, отдѣла—на *идеальную* и *реальную*. Объяснимся [213]).

Поэзія всякаго народа, въ началѣ своемъ, бываетъ согласна съ *жизнію*, но въ раздорѣ съ *дѣйствительностію*, ибо у всякаго младенчествующаго народа, какъ и младенчествующаго человѣка, *жизнь* всегда враждуетъ съ *дѣйствительностію*. Истина жизни недоступна ни для того, ни для другаго; ея высокая простота и естественность не понятна для его ума, неудовлетворительна для его чувства. То̀, что̀, для народа возмужалаго, какъ и для человѣка возмужалаго, кажется торжествомъ бытія и высочайшею поэзіею, для него былобы горькимъ, безотраднымъ разочарованіемъ, послѣ котораго уже не за-

чѣмъ и не для чего жить. Разоблаченная и обнаженная отъ своихъ ложныхъ красокъ, жизнь представилась бы ему сухою, скучною, вялою и бѣдною прозою, какъ будтобы истина и дѣйствительность не совмѣстны съ поэзіею; какъ будтобы солнце менѣе великолѣпно и лучезарно, когда оно только простой и темный шаръ, а не торжественная колесница Феба; какъ будтобы лазурный куполъ неба менѣе прекрасенъ, когда онъ уже не звѣздный олимпъ, жилище боговъ безсмертныхъ, а ограниченное нашимъ зрѣніемъ, безпредѣльное пространство, вмѣщающее въ себѣ міріады міровъ; какъ будтобы, наконецъ, земля, жилище человѣка, менѣе дивна, когда она лежитъ не на раменахъ Атланта, держится и движется, въ воздушномъ океанѣ, не поддерживаемая ничьею рукою, повинующаяся одному простому закону тяготѣнія!.. Такимъ-то образомъ, первобытное человѣчество, въ лицѣ Грека, во всей полнотѣ кипящихъ силъ, во всемъ разгарѣ свѣжаго, живаго чувства и юнаго, цвѣтущаго воображенія, объясняло явленія физическаго міра вліяніемъ высшихъ, таинственныхъ силъ. Такимъже образомъ объясняло оно и явленія нравственнаго міра, подчинивъ ихъ вліянію какой-то грозной и неотразимой силы, которую оно назвало *Судьбою*. Для Грека не было законовъ природы, не было свободной воли человѣческой. И вотъ почему все, входящее въ кругъ обыкновенной жизни, все, объясняющееся простою причиною, почиталъ онъ недостойнымъ поэзіи, униженіемъ искусства, словомъ, *низкою природою*—выраженіе такъ глупо понятое, такъ нелѣпо принятое Французами XVIII столѣтія. Для него не существовало человѣка съ его свободною волею, его страстями, чувствами и мыслями, страданіями и радостями, желаніями и лишеніями, ибо онъ еще не созналъ своей индивидуальности, ибо его Я исчезало въ Я его народа, идея котораго трепещетъ и дышитъ въ его поэтическихъ созданіяхъ. Его лирическія пѣсни не носятъ на себѣ отпечатка воззрѣнія на міръ, слѣдовъ стремленія допытаться его тайнъ, въ нихъ нѣтъ унылой думы, грустной мечтательности: это просто или торжественный гимнъ благодарности, или пламенный диѳирамбъ радости, выраженіе безсознательной *хары* [214]), ибо онъ смотрѣлъ на природу взоромъ любовника, а не мыслителя, любилъ ее, а не изслѣдовалъ и вполнѣ былъ доволенъ и очарованъ ею. При взглядѣ на нее, не вопросы, а восторгъ тѣснился въ его душу, и онъ изливалъ этотъ восторгъ или въ благодарственномъ гимнѣ, или бѣшеномъ диѳирамбѣ, или торжественной одѣ. Это его лиризмъ; теперь посмотримъ на его эпопею и драму. Чтò ему жизнь и судьба какого нибудь частнаго человѣка—этотъ романъ, такъ простой и такъ обыкновенный? Давайте ему царя, полубога, героя! Что ему картина частной жизни, съ ея заботами и хлопотами, съ ея высокимъ и смѣшнымъ,

съ ея горемъ и радостью, любовью и ненавистію—эта повѣсть, такъ мѣлочно-подробная, такъ суетно-ничтожная? Разверните передъ нимъ картину борьбы народа съ народомъ, представьте ему зрѣлище боевъ и кровопролитій, въ которыхъ принимаютъ участіе сами небожители и которыя оканчиваются по изволу и замыслу судьбы самовластной! Романъ и повѣсть для него пошлы—дайте ему поэму, поэму огромную, величественную, полную чудесъ, поэму, въ которойбы отражалась и виднѣлась вся жизнь его, со всѣми оттѣнками, какъ отражается и виднѣется, въ чистомъ, спокойномъ зеркалѣ безбрежнаго океана лазоревое небо съ своими облаками,—дайте ему *Иліаду*!... Но проходитъ вѣкъ чудесъ, волею и неволею, народъ сближается съ дѣйствительною жизнію и, вмѣсто поэмы, требуетъ драмы. Но онъ и тутъ не измѣняетъ себѣ: онъ только отдалился отъ прошедшаго, но онъ не забылъ его, не охладѣлъ къ нему, не развыкся съ нимъ. Онъ уже начинаетъ приглядываться къ жизни, но, недовольный ею, не ее хочетъ перенести въ поэзію, но поэзію хочетъ перенести въ нее. Оставляя настоящее, онъ въ прошедшемъ ищетъ элементовъ для своей драмы; и потому его драма не *наша*, не *Шекспировская* драма представительница жизни дѣйствительной, борьбы страстей съ волею человѣка,—нѣтъ: это родъ таинственнаго, религіознаго обряда, мрачная мистерія, жрица и пророчица Судьбы, словомъ, это *Трагедія*, трагедія высокая и благородная, въ царственномъ, героическомъ величіи, трагедія подъ маскою и на котурнѣ. Ея героемъ долженъ быть царь, полубогъ, герой, съ вѣнцомъ, вѣнкомъ или шлемомъ на головѣ, съ скипетромъ, мечемъ или щитомъ въ рукѣ, въ длинной, волнующейся мантіи; ея содержаніемъ долженъ быть жребій цѣлаго поколѣнія царей, полубоговъ или героевъ, тѣсно связанный съ судьбой какого-нибудь народа или какого-нибудь великаго событія, ибо участь простолюдина и подробности частной жизни оскорбили бы ея царственное величіе, исказили бы ея религіозный характеръ, ибо народъ хотѣлъ видѣть на сценѣ себя, свою жизнь, а не человѣка, не его жизнь. Для своей драмы, точно также какъ и для своей поэмы, выбираетъ онъ изъ жизни одно высокое, благородное и выбрасываетъ все обыкновенное, повседневное, домашнее, ибо его жизнь на площади, на полѣ брани, во храмѣ, въ судилищѣ, и тамъ его поэзія, а не въ домашнемъ кругу; персонажи его трагедіи должны говорить языкомъ высокимъ, облагороженнымъ, поэтическимъ, ибо они цари, полубоги, герои; его хоръ долженъ выражаться языкомъ таинственнымъ, мрачнымъ и вмѣстѣ торжественнымъ, ибо онъ есть органъ, истолкователь воли ужаснаго Рока.

Таковъ бываетъ характеръ поэзіи первобытныхъ народовъ; такова была поэзія Грековъ [215]).

Но младенчество не вѣчно для человѣка, не вѣчно для народа, не вѣчно для человѣчества; за нимъ слѣдуетъ юность, потомъ возмужалость, а тамъ и старость. Поэзія также имѣетъ свои возрасты, которые всегда параллельны возрастамъ народа. Вѣкъ поэзіи идеальной оканчивается младенческимъ и юношескимъ возрастомъ народа, и тогда искусство должно или перемѣнить свой характеръ или умереть. Съ искусствомъ человѣчества нашего, новѣйшаго, случилось, какъ увидимъ ниже, первое; съ исскуствомъ человѣчества древняго, случилось послѣднее, ибо народу, котораго поэзія, вначалѣ, была идеальная, въ слѣдствіе его идеальной жизни, невозможно перейдти къ поэзіи реальной. Упрямо, на зло природѣ, держится онъ прошедшаго и въ духѣ и въ формахъ, и, опытный мужъ, невозвратно утратившій вѣру въ чудесное, освоившійся съ опытомъ жизни, силится придать своимъ поэтическимъ созданіямъ колоритъ идеальный. Но такъ какъ у него поэзія не въ ладу съ жизнію, чего никогда не должно быть, то удивительно ли, что онъ становится на ходули, за малостію роста, румянится за неимѣніемъ природнаго цвѣта юности, надувается, за недостаткомъ голоса, что его чудесное переходитъ въ холодную аллегорію, героизмъ въ донкихотство? Такова была поэзія Греческая, когда, кончивъ свой кругъ, блѣдною тѣнью промелькнула въ Александріи. Но чаще всего это случается съ народами, у которыхъ поэзія развилась не изъ жизни, а явилась въ слѣдствіе подражательности: она всегда бываетъ пародіею на свой образецъ; ея величіе, благородство и идеальность похожи на паяца, въ мишурной порфирѣ и бумажной коронѣ, важно разхаживающаго надъ входомъ въ балаганъ. Такова была литература Латинская и Французская классическая (преимущественно драматическая). Мнимое благородство и возвышенность Французской классической трагедіи было ничто иное, какъ мѣщанство во дворянствѣ, лакей во фракѣ барина, ворона въ павлиныхъ перьяхъ, обезьянское передражниванье Грековъ, ибо оно не согласовалось съ жизнію. Но всего разительнѣе видно это въ поэмахъ. Иліада была создана народомъ, и въ ней отражалась жизнь Эллиновъ, она была для нихъ священною книгою, источникомъ религіи и нравственности— и эта Иліада безсмертна. Но, скажите, Бога ради, что такое этѣ Энеиды, эти Освобожденные Іерусалимы, Потерянные Раи, Мессіады[216])? Не суть ли это заблужденія талантовъ, болѣе или менѣе могущественныхъ, попытки ума, болѣе или менѣе успѣвшія привести въ заблужденіе своихъ почитателей? Кто ихъ читаетъ, кто ими восхищается теперь? Не похожи ли они на старыхъ служивыхъ, которымъ отдаютъ почтеніе не за заслуги, не за подвиги, а за старость лѣтъ? Не принадлежатъ ли они къ числу тѣхъ предразсудковъ, созданныхъ воображеніемъ, которые народъ уважаетъ, когда имъ вѣритъ, и которые

онъ щадитъ, когда уже имъ не вѣритъ, щадитъ или за ихъ древность, или по привычкѣ или по лѣности и неимѣнію свободнаго времени, чтобы разомъ разсмотрѣть ихъ окончательно и разшибить въ прахъ?.. Но это вопросъ посторонній: обращаюсь къ дѣлу.

Младенчество Древняго міра кончилось; вѣра въ боговъ и чудесное умерла; духъ героизма исчезъ; насталъ вѣкъ жизни дѣйствительной, и тщетно поэзія становилась на подмостки: въ ней уже не было этого высокаго простодушія, этого простаго, благороднаго, спокойнаго и гигантскаго величія, причина которыхъ заключалась прежде въ гармоніи искусства съ жизнію, въ поэтической истинѣ. Міръ преобразился крестомъ, и обновленное и одухотворенное человѣчество пошло другою дорогою. Родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношеній, въ самомъ себѣ... Унылая пѣснь трубадура, въ которой изливалось горе любви, жалоба тоскующей поселянки или заключенной принцессы, пѣснь торжества и побѣды, повѣсть любви, мщенія, подвига чести— все это получило отзывъ... Поэма превратилась въ романъ. Правда, этотъ романъ былъ рыцарскій, мечтательный, смѣсь бывалаго съ небывалымъ, возможнаго съ невозможнымъ, но уже и не поэма, и въ немъ зрѣли сѣмена настоящаго романа. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ, совершилась окончательная реформа въ искусствѣ: Сервантесъ убилъ своимъ несравненнымъ Донъ-Кихотомъ ложно-идеальное направленіе поэзіи, а Шекспиръ навсегда помирилъ и сочеталъ ее съ дѣйствительною жизнію. Своимъ безграничнымъ и мірообъемлющимъ взоромъ, проникъ онъ въ недоступное святилище природы человѣческой и истины жизни, подсмотрѣлъ и уловилъ таинственныя біенія ихъ сокровеннаго пульса. Безсознательный поэтъ-мыслитель, онъ воспро изводилъ, въ своихъ гигантскихъ созданіяхъ, нравственную природу, сообразно съ ея вѣчными, незыблемыми законами, сообразно съ ея первоначальнымъ планомъ, какъ будтобы онъ самъ участвовалъ въ составленіи этихъ законовъ, въ начертаніи этого плана. Новый Протей, онъ умѣлъ вдыхать *душу живу* въ мертвую дѣйствительность; глубокій аналистъ, онъ умѣлъ, въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствахъ и дѣйствіяхъ воли человѣка, находить ключь къ разрѣшенію высочайшихъ психологическихъ явленій его нравственной природы. Онъ никогда не прибѣгаетъ ни къ какимъ пружинамъ или подставкамъ въ ходѣ своихъ драмъ; ихъ содержаніе развивается у него свободно, естественно, изъ самой своей сущности, по непреложнымъ законамъ необходимости. Истина, высочайшая истина — вотъ отличительный характеръ его созданій. У него нѣтъ идеаловъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; его люди—настоящіе люди, какъ они есть, какъ должны быть. Каждая его драма есть символъ,

отдѣльная часть міра, сосредоточенная фокусомъ фантазіи въ тѣсныхъ рамахъ художественнаго произведенія, и представленная какъ бы въ миніатюрѣ. У него нѣтъ симпатій, нѣтъ привычекъ, склонностей, нѣтъ любимыхъ мыслей, любимыхъ типовъ: онъ безстрастенъ, какъ

Думный дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,

который

Спокойно зритъ на лица подсудимыхъ,
Добру и злу внимая равнодушно [217]).

Онъ былъ яркою зарею и торжественнымъ разсвѣтомъ эры новаго истиннаго искусства, и онъ нашелъ себѣ отзывъ въ поэтахъ новѣйшаго времени, которые возвратили искусству его достоинство, униженное, поруганное Французскими классиками. Еще въ концѣ XVIII вѣка, въ лицѣ Гёте и Шиллера—двухъ великихъ геніевъ, начавшихъ свое поприще изученіемъ Шекспира—они пошли по его слѣдамъ. Въ началѣ XIX вѣка, явился новый великій геній, проникнутый его духомъ, который докончилъ соединеніе искусства съ жизнію, взявъ въ посредники Исторію. Вальтеръ Скоттъ въ этомъ отношеніи былъ вторымъ Шекспиромъ, былъ главою великой школы, которая теперь становится всеобщею и всемірною [218]). И кто знаетъ? можетъ быть, нѣкогда исторія сдѣлается художественнымъ произведеніемъ и смѣнитъ романъ, такъ какъ романъ смѣнилъ эпопею?.. Развѣ уже и теперь не всѣ убѣждены, что Божіе твореніе выше всякаго человѣческаго, что оно есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить, и что высочайшая поэзія состоитъ не въ томъ, чтобы украшать его, но въ томъ, чтобы воспроизводить его въ совершенной истинѣ и вѣрности?..

И такъ вотъ, другая сторона поэзіи, вотъ поэзія *реальная*, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, наконецъ, истинная и настоящая поэзія нашего времени [219]). Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее, и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкою зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины. Объемомъ и границами содержимаго этой картины должны опредѣляться великость и геніяльность поэтическаго созданія. Чтобы докончить характеристику того, что я называю *реальною* поэзіею, прибавлю, что вѣчный герой, неизмѣнный предметъ ея вдохновеній, есть человѣкъ, существо самостоятельное, свободнодѣйствующее, индивидуальное, символъ міра, конечное его проявленіе, любопытная загадка для самого себя, окончательный вопросъ собственнаго ума, послѣдняя загадка своего любознательнаго стре-

мленія... Разгадкою этой загадки, отвѣтомъ на этотъ вопросъ, рѣшеніемъ этой задачи — должно быть полное *сознаніе*, которое есть тайна, цѣль и причина его бытія!.. [220]).

Удивительно-ли, послѣ этого, что, въ наше время, преимущественно развилось это реальное направленіе поэзіи, это тѣсное сочетаніе искусства съ жизнію? Удивительно-ли, что отличительный характеръ новѣйшихъ произведеній вообще состоитъ въ безпощадной откровенности, что, въ нихъ, жизнь является какбы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи [221]) и во всей ея торжественной красотѣ, что, въ нихъ, какъ будто вскрываютъ ее анатомическимъ ножемъ? Мы требуемъ не идеала жизни, но самой жизни, какъ она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотимъ ее украшать, ибо думаемъ, что, въ поэтическомъ представленіи, она равно прекрасна въ томъ и другомъ случаѣ, и потому именно, что истина, и что гдѣ истина, тамъ и поэзія.

И такъ, въ наше время невозможна *идеальная* поэзія? Нѣтъ, именно въ наше-то время и возможна она, и нашему времени предоставлено развить ее, только не въ томъ смыслѣ, какъ у Древнихъ. У нихъ, поэзія была *идеальною* въ слѣдствіе ихъ идеальной жизни; у насъ, она существуетъ въ слѣдствіе духа нашего времени. Говоря о поэзіи *реальной*, я упоминалъ только объ эпопеѣ и драмѣ и ничего не сказалъ о лиризмѣ. Чѣмъ отличается лиризмъ нашего времени отъ лиризма древнихъ? У нихъ, какъ я уже сказалъ, это было безотчетное изліяніе восторга, происходившаго отъ полноты и избытка внутренней жизни, пробуждавшагося при сознаніи своего бытія и воззрѣнія на внѣшній міръ и выражавшагося въ молитвѣ и пѣснѣ. Для насъ, внѣшняя природа, безъ отношеній къ идеѣ всеобщей жизни, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія, мы не столько наслаждаемся ею, сколько стремимся постигнуть ее; для насъ, наша жизнь, сознаніе нашего бытія, есть болѣе задача, которую мы ищемъ рѣшить, нежели даръ, которымъ бы мы спѣшили пользоваться. Мы приглядѣлись къ *ней*, мы свыклись съ *нимъ*; для насъ жизнь уже не веселое пиршество, не празднественное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій. Отсюда проистекаетъ эта тоска, эта грусть, эта задумчивость и, вмѣстѣ съ ними, эта мыслительность, которыми проникнутъ нашъ лиризмъ. Лирическій поэтъ нашего времени болѣе грустить и жалуется, нежели восхищается и радуется, болѣе спрашиваетъ и изслѣдуетъ, нежели безотчетно восклицаетъ. Его пѣснь—жалоба. его ода—вопросъ. Если его пѣснь обращена на внѣшнюю природу, онъ не удивляется ей, не хвалитъ ее, а ищетъ въ ней допытаться тайны своего бытія, своего назначенія, своихъ страданій. Для всего этого, ему кажутся

тѣсны рамы древней оды, и онъ переноситъ свой лиризмъ въ эпопею и въ драму. Въ такомъ случаѣ, у него естественность, гармонія съ законами дѣйствительности — дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ, онъ какбы заранѣе условливается, договаривается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ его созданіи не жизни, а мысли. Мысль — вотъ предметъ его вдохновенія. Какъ въ оперѣ, для музыки пишутся слова и придумывается сюжетъ; такъ онъ создаетъ, по волѣ своей фантазіи, форму для своей мысли. Въ этомъ случаѣ, его поприще безгранично; ему открытъ весь дѣйствительный и воображаемый міръ, все роскошное царство вымысла, и прошедшее и настоящее, и исторія и басня, и преданіе, и народное суевѣріе и вѣрованіе, земля и небо и адъ! Безъ всякаго сомнѣнія, и тутъ есть своя логика, своя поэтическая истина, свои законы возможности и необходимости, которымъ онъ остается вѣренъ, но только дѣло въ томъ, что онъ же самъ и творитъ себѣ этѣ условія. Эта новѣйшая *идеальная* поэзія ведетъ свое начало отъ Древней, ибо у нея заняла она благородство, величіе и поэтичный, возвышенный языкъ, столь противоположный обыкновенному, разговорному, и уклончивость отъ всего мѣлочнаго и житейскаго. Чтобы не говорить много, скажу, что къ созданіямъ такого рода принадлежатъ, напримѣръ: Фаустъ Гёте, Манфредъ Байрона, Дзяды[222]) Мицкевича, Лалла-Рукъ Томаса Мура, Фантастическія видѣнія Жанъ-Поля, подражанія Гёте и Шиллера Древнимъ (Ифигенія, Мессинская Невѣста) и пр. Теперь думаю, что я довольно удовлетворительно объяснилъ различіе между тѣмъ, что я называю *идеальною* и *реальною* поэзіею.

Впрочемъ, есть точки соприкосновенія, въ которыхъ сходятся и сливаются эти два элемента поэзіи. Сюда должно отнести, во первыхъ, поэмы Байрона, Пушкина, Мицкевича, этѣ поэмы, въ которыхъ жизнь человѣческая представляется, сколько возможно, въ истинѣ, но только въ самыя торжественнѣйшія свои проявленія, въ самыя лирическія свои минуты; потомъ, всѣ этѣ юныя, незрѣлыя, но кипящія избыткомъ силы, произведенія, которыхъ предметъ есть жизнь дѣйствительная, но въ которыхъ эта жизнь какбы пересоздается и преображается, или въ слѣдствіе какой-нибудь любимой, задушевной мысли, или односторонняго, хотя и могучаго, таланта, или, наконецъ, отъ избытка пылкости, не дающей автору глубже и основательнѣе вникнуть въ жизнь и постичь ее такъ какъ она есть, во всей ея истинѣ. Таковы Разбойники Шиллера — этотъ пламенный, дикій диѳирамбъ, подобно лавѣ исторгнувшійся изъ глубины юной, энергической души — гдѣ событіе, характеры и положенія, какъ будто придуманы для выраженія идей и чувствъ, такъ сильно волновавшихъ автора, что для нихъ былибы слишкомъ тѣсны формы лиризма.

Нѣкоторые находятъ, въ первыхъ драматическихъ произведеніяхъ Шиллера, много фразъ, напримѣръ, говорятъ они, изъ всего огромнаго монолога [1]) К. *Моора*, когда онъ объявляетъ разбойникамъ о своемъ отцѣ, человѣкъ, въ подобномъ положеніи, могъ бы сказать развѣ какихъ нибудь два-три слова. По моему такъ онъ не сказалъ бы ни слова, а развѣ только показалъ бы безмолвно рукою на своего отца, и однакожь, у Шиллера, *Мооръ* говоритъ много, и однакожь въ его словахъ нѣтъ и тѣни фразеологіи. Дѣло въ томъ, что здѣсь говоритъ не персонажъ, а авторъ; что въ цѣломъ этомъ созданіи нѣтъ истины жизни, но есть истина чувства; нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ драмы, но есть бездна поэзіи; ложны положенія, неестественны ситуаціи, но вѣрно чувство, но глубока мысль; словомъ, дѣло въ томъ, что на Разбойниковъ Шиллера должно смотрѣть не какъ на драму, представительницу жизни, но какъ на лирическую поэму въ формѣ драмы, поэму огненную, кипучую. На монологъ Карла Моора должно смотрѣть не какъ на естественное, обыкновенное выраженіе чувствъ персонажа, находящагося въ извѣстномъ положеніи, но какъ на оду, которой смыслъ или предметъ есть выраженіе негодованія противъ извергов-дѣтей, попирающихъ святостію сыновняго долга. Въ слѣдствіе такого взгляда, мнѣ кажется, должны исчезнуть всѣ фразы въ этомъ произведеніи Шиллера и уступить мѣсто истинной поэзіи.

Вообще можно сказать, что почти всѣ драмы Шиллера, больше или меньше, таковы (исключая Маріи Стюартъ и Вильгельма Теля), ибо Шиллеръ былъ не столько великій драматургъ въ частности, сколько великій поэтъ вообще. Драма должна быть въ высочайшей степени спокойнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ дѣйствительности, и личность автора должна исчезать въ ней, ибо она есть по преимуществу поэзія *реальная*. Но Шиллеръ даже въ своемъ Валенштейнѣ выказывается, и только въ Вильгельмѣ Телѣ является истиннымъ драматикомъ. Но не обвиняйте его въ недостаткѣ генія или въ односторонности; есть умы, есть характеры, столь оригинальные и чудные, столь не похожіе на остальную часть людей, что кажутся чуждыми этому міру, и за то міръ кажется имъ чуждъ, и, недо-

---

[1]) *К. Мооръ.* Неужели слова этого старца не могли пробудить васъ! И вѣчный сонъ нарушилсябы отъ нихъ! О, посмотрите, посмотрите! законы природы сдѣлались игрушкою злодѣя, узы природы разрушились! Сынъ убилъ отца своего!

Разб. Что говоритъ атаманъ?

К. М. Нѣтъ! это слово еще уменьшаетъ его злодѣяніе! Нѣтъ! онъ не умертвилъ: онъ мучилъ, томилъ, колесовалъ—но всѣ этѣ слова недостаточны—и самый адъ содрогнулся-бы предъ этимъ злодѣяніемъ.—Сынъ... отца своего!.. О, посмотрите посмотрите! онъ лишился чувствъ! въ этотъ погребъ ввергнулъ сынъ отца своего—холодъ—нагота, жажда!—посмотрите посмотрите: это—мой отецъ!..

(Разб. перев. Г. Кетчера, стр. 167).

вольные имъ, они творятъ себѣ свой собственный міръ и живутъ только въ немъ: Шиллеръ былъ изъ числа такихъ людей. Покоряясь духу времени, онъ хотѣлъ быть *реальнымъ* въ своихъ созданіяхъ, но *идеальность* оставалась преобладающимъ характеромъ его поэзіи, въ слѣдствіе влеченія его генія.

И такъ, поэзію можно раздѣлить на *идеальную* и *реальную*. Трудно былобы рѣшить, которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ быть, каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т. е. когда *идеальная* гармонируетъ съ чувствомъ, а *реальная* съ истиною представляемой ею жизни. Но кажется, что послѣдняя, родившаяся въ слѣдствіе духа нашего положительнаго временн, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности. Впрочемъ, здѣсь много значитъ и индивидуальность вкуса. Но какъ бы то ни было, въ наше время, та и другая равно возможны, равно доступны и понятны всѣмъ; но совсѣмъ этимъ, послѣдняя есть попреимуществу поэзія нашего времени, болѣе понятная и доступная для всѣхъ и каждаго, болѣе согласная съ духомъ и потребностію нашего времени. Теперь Мессинская Невѣста и Анна (?) д'Аркъ Шиллера найдутъ сочувствіе и отзывъ; но задушевными, любимыми созданіями времени всегда останутся тѣ, въ коихъ жизнь и дѣйствительность отражаются вѣрно и истинно.

Не знаю, почему, въ наше время, драма не оказываетъ такихъ большихъ успѣховъ, какъ романъ и повѣсть? Ужь не потому-ли, что она непремѣнно требуетъ Гёте, Шиллеровъ, если не Шекспировъ, на произведенія которыхъ природа особенно скупа, или потому, что драматическіе таланты вообще особенно рѣдки? Не умѣю рѣшить этого вопроса. Можетъ быть, романъ удобнѣе для поэтическаго представленія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, его объемъ, его рамы до безконечности неопредѣленны; онъ менѣе гордъ, менѣе прихотливъ, нежели драма, ибо, плѣняя не столько частями и отрывками, сколько цѣлымъ, допускаетъ въ себя и такія подробности, такія мѣлочи, которыя при всей своей кажущейся ничтожности, если на нихъ смотрѣть отдѣльно, имѣютъ глубокій смыслъ и бездну поэзіи въ связи съ цѣлымъ, въ общности сочиненія; тогда какъ тѣсныя рамки драмы, прямо или косвенно, больше или меньше, но всегда покоряющейся сценическимъ условіямъ, требуютъ особенной быстроты и живости въ ходѣ дѣйствія и не могутъ допускать въ себя большихъ подробностей, ибо драма, преимущественно предъ всѣми родами поэзіи, представляетъ жизнь человѣческую въ ея высшемъ и торжественнѣйшемъ проявленіи. И такъ форма и условія романа удобнѣе для поэтическаго представленія человѣка, разсматриваемаго въ отношеніи къ общественной

жизни, и вотъ, мнѣ кажется, тайна его необыкновеннаго успѣха, его безусловнаго владычества.

Но *повѣсть?* Ея значеніе, тайна ея владычества, теперь деспотическаго, своенравнаго, нетерпящаго соперничества? что такое и для чего эта повѣсть, безъ которой книжка журнала, есть тоже, что былъ-бы человѣкъ въ обществѣ безъ сапогъ и галстука, эта повѣсть, которую теперь всѣ пишутъ и всѣ читаютъ, которая воцарилась и въ будуарѣ свѣтской женщины и на письменномъ столѣ записнаго ученаго, наконецъ, эта повѣсть, которая какъ будто вытѣснила самый романъ?... Когда-то и гдѣ-то было прекрасно сказано, что „*повѣсть есть эпизодъ изъ безпредѣльной поэмы судебъ человѣческихъ*". Это очень вѣрно; да — повѣсть распавшійся на части, на тысячи частей, романъ; глава, вырванная изъ романа. Мы люди дѣловые, мы безпрестанно суетимся, хлопочемъ, мы дорожимъ временемъ, намъ некогда читать большихъ и длинныхъ книгъ—словомъ, намъ нужна повѣсть. Жизнь наша, современная, слишкомъ разнообразна, многосложна, дробна: мы хотимъ, чтобы она отражалась въ поэзіи, какъ въ граненомъ, угловатомъ хрусталѣ, милліоны разъ повторенная во всѣхъ возможныхъ образахъ, и требуемъ повѣсти. Есть событія, есть случаи, которыхъ, такъ сказать, не хватилобы на драму, не сталобы на романъ, но которыя глубоки, которыя въ одномъ мгновеніи сосредоточиваютъ столько жизни, сколько не изжить ея и въ вѣка: повѣсть ловитъ ихъ и заключаетъ въ свои тѣсныя рамки. Ея форма можетъ вмѣстить въ себѣ все, что хотите—и легкій очеркъ нравовъ, и колкую саркастическую насмѣшку надъ человѣкомъ и обществомъ, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вмѣстѣ, она перелетаетъ съ предмета на предметъ, дробитъ жизнь помѣлочи и вырываетъ листки изъ великой книги этой жизни. Соедините эти листки подъ одинъ переплетъ, и какая обширная книга, какой огромный романъ, какая многосложная поэма составилась бы изъ нихъ! Что въ сравненіи съ нею ваша безконечная Тысяча и одна ночь или обильная эпизодами Магабъарата и Рамайяна! Какъ бы хорошо шло къ этой книгѣ заглавіе: Человѣкъ и Жизнь!...

Въ Русской литературѣ повѣсть еще гостья, но гостья, которая, подобно ежу, вытѣсняетъ давнишнихъ и настоящихъ хозяевъ изъ ихъ законнаго жилища. Я уже говорилъ, въ началѣ моей статьи, и теперь повторяю, что романъ и повѣсть суть единственные роды, которые появились въ нашей литературѣ не столько по духу подражательности, сколько въ слѣдствіе потребности. Думаю, что предыдущее разсужденіе содержитъ въ себѣ довольно удовлетворительное

объясненіе причины ея появленія и успѣховъ. Теперь бросимъ взглядъ на ея ходъ въ нашей литературѣ.

(окончаніе слѣдуетъ).

О русской повѣсти и повѣстяхъ Г. Гоголя.

(Арабески и Миргородъ.)

(*Окончаніе*).

Повѣсть наша началась недавно, очень недавно. а именно съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. До тогоже времени, она была чужеземнымъ растѣніемъ, перевезеннымъ изъ-за моря по прихоти и модѣ, и насильственно пересаженнымъ на родную почву. Можетъ быть, поэтому она и не принялась. Карамзинъ первый, впрочемъ съ помощію Макарова [223]), призналъ эту гостью, набѣленную и нарумяненную, какъ Русская купчиха, плаксивую и слезливую, какъ избалованное дитя-недотрога, высокопарную и надутую, какъ классическая трагедія, скучно-поучительную и приторно-нравственную, какъ лицемѣрная богомолка, воспитанницу мадамъ *Жанлисъ* [224]), крестницу добренькаго *Флоріана*[225]). Къ такому роду повѣстей принадлежатъ всѣ повѣсти, писавшіяся до двадцатыхъ годовъ, да ихъ, къ счастію, и немного было написано. Марьина Роща Жуковскаго, нѣсколько повѣстей покойнаго В. Измайлова [226]) и... право не помню, какія еще.

Въ двадцатыхъ годахъ обнаружились первыя попытки создать истинную повѣсть. Это было время всеобщей литературной реформы, явившейся въ слѣдствіе начинавшагося знакомства съ Нѣмецкою, Англійскою и новою Французскою литературами и съ здравыми понятіями о законахъ творчества. Если повѣсть не оказала тогда настоящихъ успѣховъ, по крайней мѣрѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе по своей новости и небывалости. Чтобы не говорить много, скажу, что Г. Марлинскій былъ первымъ нашимъ повѣствователемъ, былъ творцомъ, или, лучше сказать, зачинщикомъ Русской повѣсти.

Я уже имѣлъ случай высказать мое мнѣніе объ этомъ писателѣ [227]), и такъ какъ потомъ, по собственномъ размышленіи и по соображеніи съ общимъ мнѣніемъ, не только не имѣлъ причинъ отказаться отъ него, но еще болѣе утвердился въ немъ. то теперь повторю уже сказанное мною прежде. Г. Марлинскій владѣетъ неотъемлемымъ и замѣтнымъ талантомъ, талантомъ разсказа, живаго, остроумнаго, занимательнаго, но онъ не измѣрилъ своихъ силъ, не созналъ своего направленія и потому, доказавши, что имѣетъ талантъ, не сдѣлалъ почти ничего. Въ художественной дѣятельности есть своя добросовѣстность, и многіе авторы пришли бы въ большое

замѣшательство, еслибы попросили ихъ разсказать исторію своихъ сочиненій, то есть: побужденія, въ слѣдствіе которыхъ онѣ написаны, обстоятельства, сопровождавшія ихъ появленіе на свѣтъ, а болѣе всего, душевное, психическое состояніе автора въ то время, когда онъ писалъ. Вдохновеніе есть страдательное, можно сказать, болѣзненное, состояніе души, и его симптомы теперь хорошо всѣмъ извѣстны. Человѣкъ въ горячкѣ, безъ труда, безъ усилій и безъ вреда себѣ поднимаетъ ужасныя тягости: это называется у медиковъ *энергіею*, или напряженнымъ состояніемъ жизненной дѣятельности. Человѣкъ здоровый можетъ возбудить въ себѣ насильственно, до нѣкоторой степени, эту энергію, да бѣда въ томъ, что она должна дорого обойдтись ему. Вдохновеніе, въ этомъ смыслѣ, есть энергія души, возбужденная не волею человѣка, но какимъ-то независящимъ отъ него вліяніемъ, и поэтому, оно непринужденно и свободно. Есть еще другаго рода вдохновеніе—вдохновеніе, усиленное волею, желаніемъ, цѣлію, расчетомъ, какъ будто пріемомъ опію. Плоды этого вдохновенія иногда блестящи на видъ, но ихъ блескъ есть блескъ фольги, а не золота, блескъ, тускнѣющій отъ времени. Правда, въ комъ нѣтъ таланта, тому не льзя приходить даже и въ напряженный восторгъ, ибо напрягать можно только что-нибудь существующее, положительное, хотя и слабое; напрягать или натягивать чувство, фантазію, словомъ талантъ, можетъ только тотъ, кто, хотя въ нѣкоторой степени, владѣетъ всѣмъ этимъ, и Г. Марлинскій точно владѣетъ всѣмъ этимъ въ нѣкоторой степени, и, усиліемъ, возбуждаетъ все это до высшей степени. Между множествомъ натяжекъ, въ его сочиненіяхъ, есть красоты истинныя, не поддѣльныя, но кому пріятно заниматься химическимъ анализомъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться поэтическимъ синтезомъ, и сверхъ того, кто можетъ довѣрчиво любоваться и истинною красотою, если и найдетъ такую, когда замѣтитъ множество поддѣльныхъ?... Но это частности, чтоже касается до общности, цѣлости произведеній Г. Марлинскаго, то объ нихъ еще менѣе можно сказать въ его пользу. Это не *реальная* поэзія—ибо въ нихъ нѣтъ истины жизни, нѣтъ дѣйствительности, такой, какъ она есть, ибо въ нихъ все придумано, все разсчитано по разсчетамъ вѣроятностей, какъ это бываетъ при дѣланіи или сочиненіи машинъ; ибо въ нихъ видны нитки, коими сметано ихъ дѣйствіе, видны блоки и веревки, коими приводится въ движеніе ходъ этого дѣйствія: словомъ—это внутренность театра, въ которомъ искусственное освѣщеніе борется съ дневнымъ свѣтомъ и побѣждается имъ. Это не *идеальная* поэзія—ибо въ нихъ нѣтъ глубокости мысли, пламени чувства, нѣтъ лиризма, а если и есть всего этого по немногу, то напряженное и преувеличенное насильственнымъ усиліемъ, что до-

казывается даже самою черезчуръ цвѣтистою фразеологіею, которая никогда не бываетъ слѣдствіемъ глубокаго, страдательнаго и энергическаго чувства.

Г. Марлинскій началъ свое поприще съ повѣстей Русскихъ, народныхъ, т. е. такихъ, содержаніе которыхъ берется изъ міра Русской жизни. Какъ опытъ, какъ попытка, онѣ были прекрасны, и въ свое время заслужили справедливое вниманіе; но, какъ произведенія не созданныя, а сдѣланныя, онѣ теперь утратили свою цѣну. Въ нихъ не было истины дѣйствительности, слѣдовательно, не было и истины Русской жизни. Народность ихъ состояла въ Русскихъ именахъ, въ избѣжаніи явнаго нарушенія вѣрности событій и обычаевъ и въ поддѣлкѣ подъ ладъ Русской рѣчи, въ поговоркахъ и пословицахъ, но не болѣе. Русскіе персонажи повѣстей Г. Марлинскаго говорятъ и дѣйствуютъ, какъ Нѣмецкіе рыцари; ихъ языкъ риторическій, въ родѣ монологовъ классической трагедіи, и посмотрите, съ этой стороны, на Бориса Годунова Пушкина—то ли это?... Но не смотря на все это, повѣсти Г. Марлинскаго, не прибавивши ничего къ суммѣ Русской поэзіи, доставили много пользы Русской литературѣ, были для нея большимъ шагомъ впередъ. Тогда въ нашей литературѣ было еще полное владычество XVIII вѣка, Русскаго XVIII вѣка; тогда еще всѣ повѣсти и романы оканчивались счастливо; тогда нашу публику могли занять похожденія какого нибудь выходца изъ собачей конуры, тысяча первой пародіи на Жилблаза, негодяя, который съ молоду подличалъ, обманывалъ, вдавался самъ въ обманъ, обольщалъ женщинъ и самъ былъ ихъ игрушкою, а потомъ изъ негодяя дѣлался вдругъ порядочнымъ человѣкомъ, влюблялся по разчету, женился счастливо и богато, и, съ милліономъ въ карманѣ, принимался проповѣдывать пошлую мораль о блаженствѣ подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго источника, подъ тѣнью развѣсистой березы [228]). Въ повѣстяхъ Г. Марлинскаго была новѣйшая Европейская манера и характеръ; вездѣ былъ видѣнъ умъ, образованность, встрѣчались отдѣльныя прекрасныя мысли, поражавшія и своею новостію и своею истиною; прибавьте къ этому его слогъ, оригинальный и блестящій въ самыхъ натяжкахъ, въ самой фразеологіи—и вы не будете болѣе удивляться его чрезвычайному успѣху.

Почти въ то самое время, какъ Русская публика переходила съ изумленіемъ отъ новости къ новости, часто принимала новость за достоинство, равно удивлялась и Пушкину и Марлинскому и Булгарину, въ то самое время начали появляться разные литературные опыты К. Одоевскаго. Эти опыты состояли большею частію изъ аллегорій и всѣ отличались какимъ то необщимъ выраженіемъ своего характера. Основной элементъ ихъ составлялъ дидактизмъ, а ха-

рактеръ гуморъ [229]). Этотъ дидактизмъ проявлялся не въ сентенціяхъ, но былъ всегда какою-то arriere pensée, идеею невидимою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осязаемою; этотъ гуморъ состоялъ не въ веселомъ разположеніи, понуждающемъ человѣка добродушно и невинно подшучивать надо всѣмъ, что́ ни попадется на глаза, но въ глубокомъ чувствѣ негодованія на человѣческое ничтожество во всѣхъ его видахъ, въ затаенномъ и сосредоточенномъ чувствѣ ненависти, источникомъ которой была любовь. Поэтому, аллегоріи К. Одоевскаго были исполнены жизни и поэзіи, несмотря на то, что самое слово *аллегорія* такъ противоположно слову поэзія. Первою его повѣстью, помнится, былъ „Элладій“: жалѣю, что у меня теперь нѣтъ подъ рукою этой повѣсти, а по прошлымъ впечатлѣніямъ судить боюсь! Не знаю, произвела ли она тогда какое-нибудь вліяніе на нашу публику, не знаю даже, была ли она замѣчена ею; но знаю, что, въ свое время, эта повѣсть была дивнымъ [230]) явленіемъ, въ литературномъ смыслѣ: не смотря на всѣ недостатки, сопровождающіе всякое первое произведеніе, несмотря на разтянутость по мѣстамъ, происходившую отъ юности таланта, не умѣвшаго сосредоточивать и сжимать свои порывы, въ ней была мысль и чувство, былъ характеръ и физіономія; въ ней, въ первый разъ, блеснули идеи нравственности XIX вѣка, новаго гостя на Руси [231]); въ первый разъ была сдѣлана нападка на XVIII вѣкъ, слишкомъ загостившійся на святой Руси и получившій въ ней свой собственный, еще безобразнѣйшій характеръ. Въ послѣдствіи К. Одоевскій, въ слѣдствіе возмужалости и зрѣлости своего таланта, далъ другое направленіе своей художественной дѣятельности. Художникъ—это дивная загадка—сдѣлался предметомъ его наблюденія и изученій, плоды которыхъ онъ представлялъ не въ теоретическихъ разсужденіяхъ, но въ живыхъ созданіяхъ фантазіи, ибо художникъ для него былъ столькоже загадкою чувства, сколько и ума. Высшія мгновенія жизни художника, разительнѣйшія проявленія его существованія, дивная и горестная судьба, были имъ схвачены съ удивительною вѣрностію и выражены въ глубокихъ, поэтическихъ символахъ. Потомъ, онъ оставилъ аллегорію и замѣнилъ ихъ чисто-поэтическими фантазіями, проникнутыми необыкновенною теплотою чувства, глубокостію мысли и какою-то горькою и ѣдкою иронiею. Поэтому, не ищите въ его созданіяхъ поэтическаго представленія дѣйствительной жизни, не ищите въ его повѣстяхъ повѣсти, ибо повѣсть была для него не цѣлію, но, такъ сказать, средствомъ, не существенною формою, а удобною рамою. И не удивительно: въ наше время и самъ Ювеналъ писалъ бы не сатиры, а повѣсти, ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени. Но объ этомъ я говорилъ выше; дѣло въ томъ, что

К. Одоевскій поэтъ міра идеальнаго, а не дѣйствительнаго. Но вотъ что́ странно: есть нѣсколько фактовъ, которые не позволяютъ такъ рѣшительно ограничить поприще его художественной дѣятельности. Есть, въ нашей литературѣ, какой-то Г. *Безгласный* и какой-то дѣдушка *Ириней*[232]), люди совсѣмъ не идеальные, люди слишкомъ глубоко проникнувшіе въ жизнь дѣйствительную и вѣрно возпроизводящіе ее въ своихъ поэтическихъ очеркахъ: вы вѣрно не забыли курьёзной исторіи о томъ, какъ у почтеннаго городничаго города Ржева завелась въ головѣ жаба и какъ уѣздный лѣкарь хотѣлъ ее вырѣзать, и не менѣе курьёзной исторіи подъ названіемъ „Княжна Мими" — этихъ двухъ вѣрныхъ картинъ нашего разнокалибернаго общества? Знаете-ли что? мнѣ кажется, будто эти люди пишутъ подъ вліяніемъ К. Одоевскаго, даже чуть-ли не подъ его диктовку: такъ много у нихъ общаго съ нимъ и въ манерѣ и въ колоритѣ и во многомъ... Впрочемъ, это одно предположеніе, котораго прошу не принимать за утвержденіе; можетъ быть, я и ошибаюсь, подобно многимъ...

Слѣдуя хронологическому порядку, я долженъ теперь говорить о повѣстяхъ Г. *Погодина*. Ни одна изъ нихъ не была историческою, но всѣ были народными, или, лучше сказать, *простонародными*. Я говорю это не въ осужденіе ихъ автору и не въ шутку, а потому, что, въ самомъ дѣлѣ, міръ его поэзіи есть міръ простонародный, міръ купцовъ, мѣщанъ, мелкопомѣстнаго дворянства и мужиковъ, которыхъ онъ, надо сказать правду, изображаетъ очень удачно, очень вѣрно. Ему такъ хорошо извѣстны ихъ образъ мыслей и чувствъ, ихъ домашняя и общественная жизнь, ихъ обычаи, нравы и отношенія, и онъ изображаетъ ихъ съ особенною любовію и съ особеннымъ успѣхомъ. Его „Нищій" такъ естественно, вѣрно и простодушно разсказывающій о своей любви и своихъ страданіяхъ, можетъ служить типомъ благородно-чувствующаго простолюдина. Въ „Черной Немочи" бытъ нашего средняго сословія, съ его полу-дикимъ, полу-человѣческимъ образованіемъ, со всѣми его оттѣнками и родимыми пятнами, изображенъ кистью мастерскою. Этотъ купецъ, который такъ крѣпко держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ и жену и сына, который, при милліонахъ, живетъ, какъ мужикъ, который чванится своимъ богатствомъ, какъ глупый баринъ своимъ дворянствомъ, который, по прочтеніи реестра приданаго, говоритъ, что „*Божьяго-то благословенія маловато*", который, наконецъ, убиваетъ роднаго сына, изъ родительской любви, и боится, какъ дьявольскаго навожденія, всякой человѣческой мысли, всякаго человѣческаго чувства, чтобъ не погрѣшить противъ „чистѣйшей нравственности", которой держались столько столѣтій его отцы и праотцы; эта купчиха глупая и толстая, которая такъ боится кулака и плети своего дра-

жайшаго сожителя, что не смѣетъ, безъ его спросу, выйдти со двора, не смѣетъ сказать передъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ въ его присутствіи свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья то бранящая батрака и разпоряжающаяся на погребѣ, то, мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая, сквозь замочную щель, разговоръ своего мужа съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулькѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать, что́ въ немъ обрѣтается; эта сваха, *Савишна*, эта всемірная кумушка, сплетчица и сводчица, безъ которой Русскій человѣкъ, бывало, не умѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуетъ счастіемъ и судьбою людей точно также, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными экивоками *честное компанство* бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста, „дѣвочка низенькая, но толстая, претолстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная и всякими драгоцѣнными каменьями изукрашенная“, наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая, изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого попа, который выраженіе самыхъ священныхъ, самыхъ человѣческихъ чувствъ своихъ располагаетъ по правиламъ Бургіевой риторики и самую краснорѣчивую рѣчь свою прерываетъ выходкою противъ плута-лавочника, отпустившаго дурнаго масла на лампадку, который рукой сморкается и рукой утирается; потомъ этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками — и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ Русской жизни, съ ея положительнымъ и ея исключеніями. Самый языкъ этой повѣсти, равно какъ и „Нищаго“ отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. И такъ „Черная Немочь“ есть повѣсть совершенно народная и поэтически нравоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніяльнаго, отмѣченнаго перстомъ провидѣнія, юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не вполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него не достало силы таланта возпроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна: талантъ Г. Погодина есть талантъ нравоописателя нисшихъ слоевъ нашей общественности, и потому онъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло. „Невѣста на Ярмаркѣ“ есть какъ будто вторая часть „Черной Немочи“, какъ будто вторая

галлерея картинъ въ Теньеровомъ родѣ, картинъ, безпрерывно восходящихъ, чрезъ всѣ степени нисшей общественной жизни, и тотчасъ прерывающихся, когда дѣло доходитъ до жизни цивилизованной или возвышенной. Словомъ, „Нищій“, „Черная Немочь“ и „Невѣста на Ярмаркѣ“, суть три произведенія Г. Погодина, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія; о прочихъ умалчиваю [233]).

Одно изъ главнѣйшихъ, изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между нашими повѣствователями (которыхъ впрочемъ очень немного) занимаетъ Г. Полевой. Отличительный характеръ его произведеній составляетъ удивительная многосторонность, такъ что трудно подвести ихъ подъ общій взглядъ, ибо каждая его повѣсть представляетъ совершенно отдѣльный міръ. Чтò есть общаго или сходнаго между „Симеономъ Кирдяпою“ и „Живописцемъ“, между „Разсказами Русскаго Солдата“ и „Эммою“, между „Мѣшкомъ съ Золотомъ“ и „Блаженствомъ Безумія“? Правда, этѣхъ повѣстей немного и онѣ не всѣ одинаковаго достоинства, но можно сказать утвердительно, что каждая изъ нихъ ознаменована печатію истиннаго таланта, а нѣкоторыя останутся навсегда [234]) украшеніемъ Русской литературы. Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ“ этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучею и широкою кистью, поэзія Русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ, и въ этомъ созданіи историкъ-философъ слился съ поэтомъ. Прочія повѣсти всѣ отличаются теплотою чувства, прекрасною мыслію и вѣрностію дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нихъ пристальнѣе, и вы увидите такія черты, схваченныя съ жизни, которыя вы часто можете встрѣтить въ жизни, но рѣдко въ сочиненіяхъ, увидите эту выдержанность и оригинальность характеровъ, эту вѣрность положеній, которыя основываются не на разсчетахъ возможностей, но единственно на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ, можетъ быть, никогда не былъ и не могъ быть. Профаны, люди, не посвященные въ таинства искусства, часто говорятъ: „*Да, это очень вѣрно да и не могло быть иначе—авторъ такъ много страдалъ, слѣдовательно, писалъ по опыту, а не съ чужаго голоса*“. Мнѣніе нелѣпое! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко возпроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственныя страданія и радости—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ, о счастіи, когда самъ находится въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и пр. Напротивъ, это означаетъ скорѣе односторонность и ограниченность таланта, нежели его истинность. Отличительная черта, тò, чтò составляетъ, чтó дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности, всегда и безъ всякихъ отношеній

къ своему образу мыслей, понимать всякое человѣческое положенiе. И вотъ, почему поэтъ такъ часто противорѣчитъ самому себѣ въ своихъ созданiяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной, эпикурейской жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ, о подвигѣ жизни, объ отреченiи отъ благъ земныхъ. Бальзакъ носитъ на фракѣ золотыя пуговицы, трость съ золотымъ набалдашникомъ (послѣдняя степень прихотливой роскоши), живетъ какъ принцъ какой-нибудь, и между тѣмъ, его картины бѣдности и нищеты леденятъ душу своею ужасающею вѣрностiю. Гюго никогда не былъ осужденъ на смертную казнь, но какая ужасная, раздирающая истина въ его „Послѣднемъ днѣ Осужденнаго"! Конечно невозможно, чтобы обстоятельства жизни самого поэта, не имѣли бо̀льшаго или мѐньшаго влiянiя на его произведенiя; но это влiянiе имѣетъ свое ограниченiе, и бываетъ, по большей части, какбы исключенiемъ изъ общаго правила. Эта способность понимать явленiя жизни очень не чужда Г. Полевому. Сколько истины въ его „Живописцѣ" и „Эммѣ"! Дѣтство художника, его безсознательное стремленiе къ искусству, его любовь къ пустой дѣвчонкѣ, его недовольство собственными произведенiями, его безмолвное страданiе при сужденiяхъ глупой, безмысленной толпы о лучшемъ, задушевномъ его произведенiи, его отчаянiе, когда онъ увидѣлъ въ своемъ идеалѣ не больше, какъ ребенка, который игралъ съ нимъ въ любовь; потомъ, этотъ старикъ-отецъ, всю жизнь недовольный сумазбродствомъ любимаго сына, проклинавшiй, можетъ быть, отъ чистаго сердца и его страсть къ живописи и самую живопись, и, наконецъ, предъ смертiю, съ умиленiемъ смотрящiй на его послѣднюю картину и рыдающiй, не понимая ея; теперь, эта мечтательная мѣщанка, существо святое и чистое, но не имѣющее въ нашей Русской жизни никакого смысла, никакого значенiя, эта бѣдная дѣвушка, передъ которою подличаетъ богатая и знатная графиня, и которая, всею своею жизнiю, возвращаетъ жизнь сумасшедшему, и потомъ, требуетъ, въ свею очередь, всей его жизни, чтобы не умереть самой, и, вмѣсто всего этого, видитъ, съ его стороны, одно холодное уваженiе, а со стороны графини, худо скрытое чувство неблагодарности, тонъ покровительства, который, для души благородной, хуже самаго жестокаго гоненiя—все это не придумано, не разочтено, не вычислено, а вылилось прямо изъ души. „Блаженство Безумiя" отличается мѣстами теплотою чувства, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, излишнимъ владычествомъ мысли, какъ будто авторъ задалъ себѣ психологическую задачу и хотѣлъ рѣшить ее въ поэтической формѣ. Отъ этого въ ней, какъ будто чего-то недостаетъ; впрочемъ много отдѣльныхъ прекрасныхъ мѣстъ.

Теперь, въ „Святочныхъ Разсказахъ" и „Разсказахъ Русскаго

Солдата", сколько того, что называется *народностію*, изъ чего такъ хлопочутъ наши авторы, что имъ менѣе всего удается, и что всего легче для истиннаго таланта! Это міръ совершенно отдѣльный, міръ полный страстей, горя и радостей, все человѣческихъ же, но только выражающихся въ другихъ формахъ, по своему. Тутъ нѣтъ ни одной побранки, ни одного плоскаго слова, ни одной вульгарной картины, и между тѣмъ такъ много поэзіи, и, мнѣ кажется, именно потому, что авторъ старался быть вѣрнымъ больше истинѣ, чѣмъ народности, искалъ больше человѣческаго нежели Русскаго и, въ слѣдствіе этого, *народное* и *Русское* само пришло къ нему.

Прежде нежели перейду къ повѣстямъ Г. Гоголя, главному предмету моей статьи, я долженъ остановиться еще на одномъ авторѣ повѣстей, недавно успѣвшемъ обратить на себѣ общее вниманіе—Г. Павловѣ, сколько потому, что его повѣсти суть явленіе пріятное, столько и потому, что о нихъ почти нигдѣ ничего не сказано[235]). О рецензіи Библіотеки для Чтенія умалчиваю; сказала ли о нихъ что-нибудь Пчела, не знаю; Молва ограничилась почти простымъ библіографическимъ объявленіемъ, а изъ отзыва Наблюдателя видно только то, что повѣсти Г. Павлова написаны какимъ-то небывалымъ у насъ хорошимъ языкомъ и что авторъ *открылъ новые ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца*—выраженіе, сбивающееся на гиперболу въ восточномъ вкусѣ[236]).

Трудно судить о повѣстяхъ Г. Павлова, трудно рѣшить, что онѣ такое: дума умнаго и чувствующаго человѣка, плодъ мгновенной вспышки воображенія, произведеніе одной счастливой минуты, одной благопріятной эпохи въ жизни автора, порожденіе обстоятельствъ, результатъ одной мысли, глубоко запавшей въ душу—или созданія художника, произведенія безусловныя, безотносительныя, свободное изліяніе души, удѣлъ которой есть творчество?.. Меня поймутъ, если я скажу, что этѣ повѣсти еще первый опытъ Г. Павлова на новомъ для него поприщѣ; а какъ часто, въ нашей литературѣ, второй романъ, вторыя повѣсти, уничтожали славу перваго романа, первыхъ повѣстей!.. Поприще Г. Павлова еще только начато, но начато такъ хорошо, что не хочется вѣрить, чтобы оно кончилось дурно... Но предоставимъ времени рѣшить этотъ вопросъ, а теперь постараемся откровенно и безпристрастно высказать наше мнѣніе по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя уже имѣются.

Всѣ три повѣсти Г. Павлова ознаменованы однимъ общимъ характеромъ, и только ихъ содержаніе придаетъ имъ чрезвычайное наружное несходство. Потому ли, что онѣ еще первый опытъ, носящій на себѣ всѣ недостатки перваго опыта, или почему другому, но только мнѣ кажется, что онѣ не проникнуты слишкомъ глубокою истиною жизни;

въ нихъ есть эта вѣрность, которая заставляетъ говорить: „*это точно списано съ натуры*“, но эта вѣрность видна не въ ихъ цѣломъ, но въ частяхъ и подробностяхъ, и есть слѣдствіе наблюдательности, пріобрѣтенной прилѣжнымъ и внимательнымъ изученіемъ описываемаго имъ міра. Въ „Ятаганѣ“ есть черты, съ удивительною вѣрностію схваченныя: этотъ полковникъ, добрый, честный, но ограниченный по своему уму и чувству, который, принявъ намѣреніе жениться на княжнѣ, какъ-бы нечаянно раздумывается о трудностяхъ военной службы, о счастіи брачной жизни, о томъ, какъ хорошъ домъ и садъ князя, и какъ бы пріятно было прогуливаться по этому саду подъ руку съ молодою женою и пр., эта княжна, которая, сидя съ своимъ милымъ солдатомъ, на докладъ лакея о пріѣздѣ полковника, отвѣчаетъ протяжнымъ „что?“, которая такъ хорошо умѣетъ вести себя съ полковникомъ, не подавая ему никакой надежды и, въ то же время, не лишая его надежды — всѣ этѣ тонкія черты, эти рѣзкіе оттѣнки доказываютъ, что авторъ смотрѣлъ на жизнь проницательнымъ взоромъ, что онъ внимательно изучалъ ее, что много видѣлъ, много замѣтилъ и много уловилъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этиже самые пассажи доказываютъ, что они плодъ больше наблюдательности, ума и высокой образованности, чѣмъ таланта, что онѣ скорѣе списаны съ дѣйствительности, чѣмъ созданы фантазіею. Ибо, гдѣже эта истина, эта вѣрность цѣлаго, столь замѣтная, столь поразительная въ подробностяхъ? гдѣ же эти характеры, индивидуальные и типическіе, которые-бы доказывали не одно знаніе общества, но и сердца человѣческаго?.. Ихъ нѣтъ, или, справедливѣе, они только что очерчены, но не оттушованы и потому лишены почти всякой личности. Я вполнѣ сострадаю несчастію корнета, но такъ, какъ бы я сострадалъ всякому человѣку, въ подобномъ положеніи, даже и такому, котораго бы я никогда не видалъ, никогда не зналъ, но о которомъ слыхалъ, что онъ человѣкъ добрый и благородномыслящій. Скажите, имѣетъ ли этотъ корнетъ какой нибудь характеръ, какую нибудь физіономію? Скажите мнѣ, какой у него образъ мыслей, какія у него страсти, желанія, чувства, стремленіе, словомъ, все, что составляетъ человѣка, что даетъ его видѣть во весь ростъ. Всѣ его дѣйствія и слова самыя общія; по нимъ можно узнать касту, но не человѣка, не индивидуума. Также безхарактерна княжна, ибо въ ней видна больше свѣтская дѣвушка съ тонкимъ, инстинктуальнымъ чувствомъ приличія, нежели существо любящее, любящее по своему, существо, которое бы можно было узнать изъ тысячи. Вообще Ятаганъ есть анекдотъ мастерски разсказанный и, въ художественномъ отношеніи, замѣчательный больше частностями, нежели цѣлостію; кажется, какъ будто авторъ услышалъ отъ

кого-нибудь анекдотическую исторію, сдѣлалъ изъ нея повѣсть, и, не зная лично ея дѣйствователей, не могъ вѣрно написать ихъ портретовъ. Но частности, но отдѣльныя мысли, отдѣльныя картины и описанія превосходны, исполнены поэзіи; а многія черты, какъ я уже и замѣтилъ, схвачены съ удивительною и поразительною вѣрностію, а мѣстами вспыхиваетъ и чувство, особливо тамъ, гдѣ авторъ увлекается поэзіею самыхъ фактовъ. Вообще „Ятаганъ“ повѣсть съ большими достоинствами, большими красотами въ частяхъ; но его цѣль обнаруживаетъ болѣе талантъ разсказа, нежели творчества. Если онъ многимъ нравится особенно предъ прочими двумя повѣстями, то причина этого заключается въ поэзіи самого содержанія, которое произвелобы всегда сильный эффектъ и въ простомъ изустномъ разсказѣ.

„Именины“ больше отличаются художественнымъ достоинствомъ, чѣмъ „Ятаганъ“. Въ этой повѣсти есть яркіе проблески чувства, рѣзкія черты характеровъ (особенно въ главномъ персонажѣ), есть много истины въ ситуаціяхъ. Этотъ музыкантъ-плебей, который говоритъ: „Понимаете-ли вы удовольствіе отвѣчать грубо на вѣжливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимаютъ передъ вами шляпу, и развалиться въ креслахъ передъ чопорнымъ баричемъ, предъ чиннымъ богачемъ?“ или: „Я уже умѣлъ довольно смѣло предстать предъ многочисленное собраніе гостиной. Когда я говорю: „довольно смѣло“ это значитъ, что я уже ступалъ всею ногою, и ноги мои уже не путались, хотя еще не было въ нихъ этой красивой свободы, съ которою я теперь кладу ихъ одну на одну, подгибаю и стучу... Я могъ уже при многихъ перейдти съ одного конца комнаты на другой, отвѣчать вслухъ; но все мнѣ было покойнѣе держаться около какого-нибудь угла; но все, желая пощеголять знаніемъ свѣтской вѣжливости, я, къ каждому слову, прибавлялъ еще: „*съ*“; потомъ отчаяніе музыканта, который „лежалъ и взглядывалъ на Распятіе, стараясь вспомнить, что̀ оно значитъ“—во всемъ этомъ есть поэзія, есть истинное творчество.

„Аукціонъ“ есть живописный очеркъ, набросанный рукою небрежною, но твердою и опытною. Здѣсь авторъ особенно свободнѣе, вольнѣе и какъ будто больше, нежели гдѣ нибудь, въ своей сферѣ. Его „Именины“ есть произведеніе прекрасное, но какъ будто случайное, какъ будто порывъ чувства; его „Ятаганъ“ есть родъ очерковъ высшаго общества, въ которомъ авторъ хотѣлъ или думалъ найдти поэзію; его „Аукціонъ“ есть живой, мимолетный эпизодъ изъ жизни этого общества, и онъ въ немъ нашелъ поэзію, ибо взглянулъ на него съ точки зрѣнія болѣе истинной. Здѣсь какъ-то болѣе къ лицу и этотъ разсказъ свѣтскій, щегольской и немного манерный

при всей его наружной простотѣ; здѣсь болѣе кстати и этотъ періодъ обдѣланный, красивый и изящный, но въ тоже время, немного и изысканный въ самой его небрежности. Вообще, замѣчу здѣсь кстати, что слогъ не составляетъ такой важности, какую вообще ему приписываютъ: форма всегда прекрасна, когда согласна съ идеею. За примѣрами ходить не далеко: возьму два выраженія изъ послѣдняго сочиненія Г. Павлова, помѣщеннаго въ Наблюдателѣ (№ 2): „Она, драгоцѣнный камень въ роскошной оправѣ фантастическаго наряда“ или: „звѣзды, брилліанты неба“. Чтó въ нихъ хорошаго? первое есть натянутая пародія на выраженіе Шекспира объ Альбіонѣ, выраженіе, о которомъ, по крайней мѣрѣ, я узналъ не раньше, какъ съ первой лекціи Г. Шевырева; второе просто не имѣетъ никакого смысла, а если и имѣетъ, то самый истертый. Что касается до правильности языка, до его плавности, чистоты, ясности и стройности, то этѣ качества, при большой зависимости отъ идеи, зависятъ и отъ навыка, упражненія, старанія, и ихъ точно можно причесть въ заслугу автору. Въ этомъ отношеніи Г. Павловъ принадлежитъ къ немногому числу нашихъ отличныхъ прозаиковъ. Заключаю: талантъ Г. Павлова подаетъ лестныя надежды, но его развитіе и степень силы теперь еще вопросъ, который рѣшатъ будущія его произведенія.

И такъ — Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь—здѣсь полный кругъ исторіи Русской повѣсти. Да—полный, можетъ быть, черезчуръ полный; но я говорилъ здѣсь о всѣхъ повѣстяхъ, въ какомъ-бы то не было отношеніи примѣчательныхъ, а эта примѣчательность состоитъ не въ одной художественности, но и во времени появленія, и во вліяніи, хорошемъ или дурномъ, на литературу, и въ бóльшей или меньшей степени таланта, и, наконецъ, въ самомъ характерѣ и направленіи. Поименованные мною авторы должны быть упомянуты въ исторіи Русской повѣсти, по всѣмъ этимъ отношеніямъ, и суть истинные ея представители. О другихъ, которыхъ много, очень много, умалчиваю, ибо, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они не касаются предмета моей статьи, и потому, перехожу къ Г. Гоголю. Имъ заключу исторію Русской повѣсти, имъ заключу и мою статью, которая, противъ моей воли и ожиданія, сдѣлалась очень длинна.

Приступая къ разбору сочиненій Г. Гоголя, я не безъ намѣренія распространился о поэзіи вообще, о повѣстяхъ, какъ о родѣ, и о повѣсти Русской: если я только умѣлъ развить мою мысль, то читатели увидятъ, что всѣ эти предметы находятся въ существенной связи между собою. Мнѣ кажется, что, для надлежащей оцѣнки всякаго замѣчательнаго автора, нужно опредѣлить характеръ его твореній и мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ литературѣ.

Первый можно объяснить не иначе, какъ теоріею искусства (разумѣется, сообразно съ понятіями судящаго); второе, сравненіемъ автора съ другими, писавшими или пишущими въ одномъ съ нимъ родѣ [237]). Мы видѣли, что у насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Г. Марлинскій замѣчателенъ, какъ первый, намекнувшій намъ о томъ, что такое повѣсть; для К. Одоевскаго повѣсть есть только форма; два-три удачныхъ опыта Г. Погодина еще не составляютъ авторитета, сколько потому, что ихъ достоинство одностороннее, столько и потому, что онѣ были для своего автора дѣломъ постороннимъ, отдыхомъ отъ ученыхъ занятій. И такъ остаются только Г. Павловъ и Г. Полевой; но Г. Павловъ еще только началъ свое поприще, а какъ бы ни прекрасно было начало, по немъ нельзя произнести рѣшительнаго сужденія о писателѣ; слѣдовательно первенство поэта-повѣствователя остается за Г. Полевымъ. Но въ его повѣстяхъ, или, справедливѣе, въ большей части его повѣстей, есть одинъ важный недостатокъ, о которомъ я съ намѣреніемъ умолчалъ въ своемъ мѣстѣ. Этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ, какъ и въ его романахъ, при многихъ очевидныхъ признакахъ истиннаго творчества, истинной художественности, замѣтно и большое участіе ума, этого ума пытливаго, свѣтлаго и многосторонняго, который въ художнической дѣятельности ищетъ отдохновенія, и для котораго и самая фантазія есть какбы средство изучать природу и жизнь человѣка. Это, по большей части, синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнію [238]). Посмотримъ, нѣтъ ли между нашими такого поэта-повѣствователя, для котораго поэзія составляла бы цѣль жизни, а наука былабы ея отдохновеніемъ, для котораго повѣсть была бы *родомъ,* а не *формою*, родомъ столькоже необходимымъ и безотносительнымъ, какъ повѣсть для Бальзака, пѣсня для Беранже, драма для Шекспира, который былъ бы только поэтъ, а не другое что-нибудь, поэтъ по призванію, поэтъ по невозможности не быть поэтомъ. Мнѣ кажется, что, подъ этѣми условіями, изъ современныхъ писателей, [1]) никого не можно назвать поэтомъ, съ большею увѣренностію и нимало не задумываясь, какъ Г. Гоголя.

Я уже сказалъ, что задача критики и истинная оцѣнка произведеній поэта непремѣнно должны имѣть двѣ цѣли: опредѣлить характеръ разбираемыхъ сочиненій и указать мѣсто, на которое онѣ даютъ право своему автору въ кругу представителей литературы. Отличительный характеръ повѣстей Г. Гоголя составляютъ—простота

---

[1]) Я не включаю въ это число Пушкина, который уже свершилъ кругъ своей художнической дѣятельности.

вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія [239]). Причина всѣхъ этѣхъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Г. Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной.

Знаете-ли, какой вообще недостатокъ находится въ нашей критикѣ? Она не совсѣмъ хорошо принаровлена къ нашимъ потребностямъ. Критикъ и публика — это два лица бесѣдующія: надобно чтобы онѣ заранѣе условились, согласились въ значеніи предмета, избраннаго для ихъ бесѣды. Иначе, имъ трудно будетъ понять другъ друга. Вы разбираете сочиненіе, съ важностію говорите о законахъ творчества, прилагаете ихъ къ разбираемому сочиненію и, какъ $2 \times 2 = 4$, доказываете, что оно превосходно. И чтожъ? публика восхищена вашею критикою и вполнѣ соглашается съ вами, видя, что, въ самомъ дѣлѣ, пункты эстетическихъ законовъ подведены правильно и что въ сочиненіи *все обстоитъ благополучно*. Но вотъ что худо: часто случается, что она забываетъ о превознесенномъ сочиненіи еще прежде, чѣмъ забудетъ о вашей критикѣ. Отчего же такъ? Оттого, что разбираемое вами сочиненіе была хитрая, галантерейная работа, а не изящное созданіе, что оно, можетъ быть, имѣло эстетическую форму, но было лишено духа жизни эстетической. У насъ еще такъ зыбки понятія объ изящномъ и вкусъ еще въ такомъ младенчествѣ, что наша критика по необходимости должна отступать, въ своихъ пріемахъ, отъ Европейской. Хотя нѣкоторые досужіе наши эстетики [240]) и говорятъ, что будто-бы законы изящнаго опредѣлены у насъ съ математическою точностію; но я думаю иначе, ибо, съ одной стороны, собственныя издѣлія этихъ эстетиковъ, слишкомъ отличающіяся топорною работою, рѣзко противорѣчатъ законамъ изящнаго, опредѣленнымъ съ математическою точностію, а съ другой стороны, законы изящнаго никогда не могутъ отличаться математическою точностію, потому что они основываются на чувствѣ, и у кого нѣтъ пріемлемости изящнаго, для того всегда кажутся незаконными. И притомъ, изъ чего должны выводиться законы изящнаго, какъ не изъ изящныхъ созданій? А много ли у насъ ихъ, этѣхъ изящныхъ созданій? Нѣтъ, пусть каждый толкуетъ по своему объ условіяхъ творчества и подкрѣпляетъ ихъ фактами, это самый лучшій способъ развивать теорію изящнаго. Цѣль Русскаго критика должна состоять ни(е?) столько въ томъ, чтобы расширить кругъ понятій человѣчества объ изящномъ, сколько въ томъ, чтобы распространять въ своемъ отечествѣ уже извѣстныя, *осъдлыя* понятія объ этомъ предметѣ. Не бойтесь, не стыдитесь, что вы будете повторять зады и не скажете ничего новаго. Это *новое* не такъ легко и часто, какъ обыкновенно думаютъ: оно едва примѣтными атомами налипаетъ на глыбы

стараго. Самое старое будетъ у васъ ново, если вы человѣкъ съ мнѣніемъ и глубоко убѣждены въ томъ, что говорите: ваша индивидуальность и вашъ способъ выраженія и самому вашему *старому* должны придать характеръ новости.

И такъ, по моему мнѣнію, первый и главный вопросъ, предстоящій для разрѣшенія критика, есть — *точно-ли это произведеніе изящно, точно ли этотъ авторъ поэтъ?* Изъ рѣшенія этого вопроса сами собою вытекаютъ отвѣты о характерѣ и важности сочиненія.

Способность творчества есть великій даръ природы; актъ творчества, въ душѣ творящей, есть великое таинство; минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія; творчество безцѣльно съ цѣлію, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостію: вотъ основные его законы. Они будутъ очень ясны, когда выведутся изъ акта творчества.

Художникъ чувствуетъ потребность творить. Эта потребность приходитъ къ нему вдругъ, нежданно, безъ спросу и совершенно независимо отъ его воли, ибо онъ не можетъ назначить ни дня, ни часа, ни минуты для своей творческой дѣятельности: вотъ свобода творчества, вотъ его независимость отъ лица творящаго! Потребность творить приводитъ за собою *идею*, которая залегаетъ въ душу художника, овладѣваетъ всю(ею?), тяготитъ ее. Эта идея можетъ быть одною изъ общихъ человѣческихъ идей, давно уже извѣстныхъ; но художникъ беретъ ее не по выбору, но невольно, беретъ ее не какъ предметъ ума созерцающаго, но воспринимаетъ ее въ себя своимъ чувствомъ, обладаемый трепетнымъ предчувствіемъ ея глубокаго, таинственнаго смысла. Это дѣйствіе прекрасно выражается непереводимымъ Французскимъ словомъ „concevoir". Художникъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе воспринятой (conçue) имъ идеи, но, такъ сказать, не видитъ ее ясно и томится желаніемъ сдѣлать ее осязаемою для себя и другихъ: вотъ первый актъ творчества. Положимъ, что эта идея есть идея *ревности* и будемъ слѣдить за ея развитіемъ въ душѣ поэта. Заботливо и томительноноситъ онъ ее въ сокровенномъ святилищѣ своего чувства, какъ носитъ мать младенца въ своей утробѣ; постепенно эта идея проясняется передъ его глазами, облекается въ живые образы, переходитъ въ *идеалы*, и ему, какбы въ туманѣ, видится пламенный *Африканецъ Отелло*, съ его челомъ смуглымъ и изрытымъ морщинами, слышатся его дикіе вопли любви, ненависти, отчаянія и мщенія, видятся плѣнительныя черты кроткой любящей *Дездемоны*, слышатся ея тщетныя мольбы и стоны, среди глухой полуночи. Эти образы, эти идеалы, въ свою очередь, вынашиваются, зрѣютъ, выясняются постепенно; наконецъ, поэтъ уже видитъ ихъ, говоритъ съ ними, знаетъ ихъ рѣчь, движенія, манеры,

походку, черты лица, видитъ ихъ во весь ростъ, со всѣхъ сторонъ, видитъ обоими глазами и такъ ясно, какбы на яву, на самомъ дѣлѣ, видитъ ихъ прежде, нежели его перо дало имъ формы, точно также какъ Рафаэль видѣлъ передъ собою небесный нерукотворенный образъ Мадонны прежде, нежели его кисть приковала этотъ образъ къ полотну, точно также, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ слышали вызванные ими изъ души дивные звуки прежде, нежели ихъ перо приковало эти звуки къ бумагѣ. Вотъ второй актъ творчества. Потомъ поэтъ даетъ своему созданію видимыя, доступныя для всѣхъ формы: это третій и послѣдній актъ творчества. Онъ не такъ важенъ, ибо есть слѣдствіе двухъ первыхъ.

И такъ главный, отличительный признакъ творчества состоитъ въ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнабулѣ. Еще созданіе художника есть тайна для всѣхъ, еще онъ не бралъ въ руки пера, а уже видитъ ихъ ясно, уже можетъ счесть складки ихъ платья, морщины ихъ чела, избраждённаго страстями и горемъ, а уже знаетъ ихъ лучше, чѣмъ вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также онъ знаетъ и то̀, что̀ они будутъ говорить и дѣлать, видитъ всю нить событій, которая обовьетъ ихъ и свяжетъ между собою. Гдѣ-же онъ видѣлъ этѣ лица, гдѣ слышалъ объ этѣхъ событіяхъ и что̀ такое его творчество? слѣдствіе долговременнаго многосторонняго опыта, тонкой наблюдательности, глубокаго умѣнья схватывать сходства и обозначать ихъ рѣзкими чертами? Что̀же его идеалы? Неужели это различныя черты, разсѣянныя въ природѣ и собранныя въ одно для образованія извѣстныхъ типовъ, составленныхъ по мѣркѣ, заранѣе взятой, какъ думали и говорили добрые и почтенные эстетики былыхъ временъ?... О, ничего этого, равно ничего!... Онъ нигдѣ не видѣлъ созданныхъ имъ лицъ, онъ не копировалъ дѣйствительности, или нѣтъ: онъ видѣлъ все это въ вѣщемъ, пророческомъ снѣ, въ свѣтлыя минуты поэтическаго откровенія, въ этѣ минуты, знакомыя одному таланту, видѣлъ ихъ всезрящими очами своего чувства. И вотъ почему созданные имъ характеры такъ вѣрны, ровны, выдержаны; вотъ почему завязка. развязка, узлы и ходъ его романа или драмы такъ естественны, правдоподобны, свободны; вотъ почему, прочтя его созданіе, вы какъ будто были въ какомъ-то мірѣ, прекрасномъ и гармоническомъ, какъ міръ Божій; вотъ почему вы такъ хорошо освоиваетесь съ нимъ, такъ глубоко понимаете его и такъ крѣпко удерживаете его въ своей памяти. Тутъ нѣтъ противорѣчій, нѣтъ поддѣлокъ и изысканности; ибо тутъ не было разсчета вѣроятностей, не было соображеній, не было старанія свести концы съ концами, ибо этопроизведеніе было не сдѣлано, не сочинено, а создалось въ душѣ художника какбы наитіемъ какой-то высшей,

таинственной силы, въ немъ самомъ и внѣ его и находившейся; ибо, въ этомъ отношеніи, онъ самъ былъ какбы почвою, воспринявшею въ себя плодородное зерно, заброшенное рукою невѣдомою, прозябшее и разросшееся въ вѣтвистое, широколиственное дерево... Какогобы рода ни было такое произведеніе—*идеальнае, реальное*—то всегда истинно, *истинно поэтически.* Буря Шекспира есть произведеніе нелѣпое, есть странная прихоть своего творца; въ немъ дѣйствуютъ и люди и духи безплотные, въ немъ дѣйствуетъ *Калибанъ*, созданіе чудовищное, плодъ любви демона съ колдуньею; но и это сочиненіе истинно, истинно поэтически; ибо читая его, вы всему вѣрите, все находите естественнымъ; ибо, прочтя его, никогда не забудете его, и передъ вашими взорами всегда будутъ носиться чудные образы *Проспера, Миранды, Аріэля*, образы воздушные, сотканные изъ ночныхъ тумановъ, облитые пурпуромъ зари, осеребренные лучемъ мѣсяца. Какого-бы рода ни было такое созданіе, оно всегда совершенно и чуждо недостатковъ. Но отчего же и въ произведеніяхъ самыхъ геніяльныхъ поэтовъ находятъ, при великихъ красотахъ, и великіе недостатки? Оттого что такія созданія или не выношены въ душѣ, не рождены, а выкинуты, какъ недоноски, прежде времени, или оттого, что авторы, въ слѣдствіе своихъ ложныхъ понятій объ искуствѣ, или въ слѣдствіе цѣлей и разчетовъ какихъ нибудь, хитрили и мудрили, или писали иногда въ холодныя, прозаическія минуты, ибо поэтическія идеи и идеалы—этѣ небесныя тайны—должны и высказываться въ свѣтлыя минуты откровенія, которыя называются минутами вдохновенія, художническаго восторга. Словомъ, недостатки всегда тамъ, гдѣ оканчивается творчество и начинается работа.

Теперь, кажется, легко объяснить, что также *безцѣльность съ цѣлію, безсознательность съ сознаніемъ.* Когда поэтъ творитъ, то хочетъ выразить, въ поэтическомъ символѣ, какую нибудь идею, слѣд. имѣетъ цѣль и дѣйствуетъ съ сознаніемъ. Но ни выборъ идеи, ни ея развитіе не зависитъ отъ его воли, управляемой умомъ, слѣд. его дѣйствіе *безцѣльно* и *безсознательно* [241]).

Теперь, что такое *свобода творчества отъ лица творящаго при зависимости отъ него?*—Поэтъ есть рабъ своего предмета, ибо не властенъ ни въ его выборѣ, ни въ его развитіи, ибо не можетъ творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной волѣ, если не чувствуетъ вдохновенія, которое рѣшительно не зависитъ отъ него: слѣд. творчество свободно и независимо отъ лица творящаго, которое здѣсь является столькоже страдательнымъ, сколько и дѣйствующимъ. Но отчегоже въ созданіи художника отражается и вѣкъ и народъ и собственная его индивидуальность? Отчего въ немъ отражается и жизнь и мнѣнія и степень образованности художника? Слѣд.

творчество зависитъ отъ него, слѣд. онъ столькоже и господинъ его, сколько и рабъ его? Да—оно зависитъ отъ него, какъ зависитъ душа отъ организма, какъ зависитъ характеръ отъ темперамента. Это всего лучше можно объяснить сномъ. Сонъ есть нѣчто свободное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и зависящее отъ насъ. Меланхолику снятся сны страшные, фантастическіе; флегматикъ и во снѣ спитъ или ѣстъ; актеръ слышитъ рукоплесканія, военный видитъ битвы, подъячій взятки и т. д. Такъ и художникъ выражается въ своихъ созданіяхъ. Герои Байрона—это типы гордости, съ нечеловѣческими страстями, желаніями и страданіями; созданіе Гофмана—фантастическіе сны и т. д.

Очень не трудно ко всему этому приложить сочиненія Г. Гоголя, какъ факты къ теоріи. Я подъ этимъ не разумѣю, чтобы этотъ поэтъ былъ равенъ Шекспиру, Байрону, Шиллеру и пр. Но здѣсь вопросъ не о степени, не о великости таланта, а о талантѣ; для генія и таланта, одни законы, не смотря на все ихъ первенство. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть Г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: „Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!“ Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову таже самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъже самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами. такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно-художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы, своимъ воображеніемъ его портрета, и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи-ли прибавить къ нему новыя черты, какъ будто забытыя авторомъ, не въ состояніи-ли вы разсказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ будто-бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите-ли вы на слово, не готовы-ли вы побожиться, что все разсказанное авторомъ есть сущая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что этѣ созданія ознаменованы печатію истиннаго таланта, что онѣ созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мѣлочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій—суть вѣрныя, необманчивыя признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко знакомой намъ. Я нимало не удивляюсь,

подобно нѣкоторымъ, что Г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ ровно никакого умѣнья: умѣнье предполагаетъ разсчетъ и работу, а гдѣ разсчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ съ дѣйствительности. И чѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ пошлѣе такъ сказать, содержаніе повѣсти, слишкомъ заинтересовывающей вниманіе читателя, тѣмъ большій талантъ со стороны автора обнаруживаетъ она. Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры, онъ можетъ стать на дыбы, натянуться, наговорить громкихъ монологовъ, насказать *прекрасныхъ вещей*, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ, мастерскимъ разсказомъ, цвѣтистою фразеологіею—плодами своей начитанности, ума, образованности, опыта жизни Но возьмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической—о повѣрьте, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое. холодное и бездушное сочиненіе уморитъ васъ зѣвотою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ. глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество—это удивительно, но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"—вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! [242]). И возьмите почти всѣ повѣсти Г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется *жизнію*. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! [243]). И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!...

Въ каждомъ человѣкѣ должно различать двѣ стороны: общую, человѣческую и частную, индивидуальную; всякой человѣкъ прежде всего человѣкъ, и потомъ уже Иванъ, Сидоръ и т. д. Точно также и въ художественныхъ созданіяхъ должно различать два характера: характеръ творчества, общій всѣмъ изящнымъ произведеніемъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностію автора. Я уже коснулся, въ общихъ чертахъ, перваго характера въ повѣстяхъ Г. Гоголя: теперь разсмотрю его подробнѣе; потомъ буду говорить объ

индивидуальномъ характерѣ его созданій, и, наконецъ, заключу мою статью бѣглымъ взглядомъ на тѣ изъ его повѣстей, о которыхъ можно будетъ сказать что-нибудь въ частности.

Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній Г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность—все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокомъ чувствомъ грусти и унынія—черта индивидуальная.

Простота вымысла, въ поэзіи реальной, есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта. Возьмите любую драму Шекспира, возьмите, напримѣръ, его „Тимона Аѳинскаго“ [244]): эта пьеса такъ проста, такъ немногосложна, такъ скудна путаницею происшествій, что, право, невозможно и разсказать ея содержанія. Люди обманули человѣка, который любилъ людей, наругались надъ его святыми чувствованіями, лишили его вѣры въ человѣческое достоинство, и этотъ человѣкъ возненавидѣлъ людей и проклялъ ихъ: вотъ вамъ и все тутъ, больше ничего нѣтъ. И чтожь? Составилили вы себѣ, по моимъ словамъ, какое нибудь понятіе объ этомъ великомъ созданіи великаго генія? О, вѣрно, никакого! ибо эта идея слишкомъ обыкновенна, слишкомъ извѣстна всѣмъ, каждому, слишкомъ изтерта и изтреплена въ тысячахъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, начиная отъ Софоклова Филоктета, обманутаго Улиссомъ и проклинающаго человѣчество, до „Тихона Михеевича“, обманутаго вѣроломною женою и плутомъ-родственникомъ [1]). Но форма, въ которой выражена эта идея, но содержаніе пьесы и ея подробности? Послѣднія такъ мѣлочны, такъ пусты и притомъ такъ всякому извѣстны, что я наскучилъбы вамъ смертельно, еслибы вздумалъ ихъ пересказывать. И однакожь, у Шекспира, этѣ подробности такъ занимательны, что вы не оторветесь отъ нихъ, и однакожь, у него мѣлочность и пустота этѣхъ подробностей приготовляетъ ужасную катастрофу, отъ которой волосы встаютъ дыбомъ—сцену въ лѣсу, гдѣ Тимонъ въ бѣшенныхъ проклятіяхъ, въ горькихъ, язвительныхъ сарказмахъ, съ сосредоточенною, спокойною яростію, разсчитывается съ человѣчествомъ. И потомъ, какъ выразить вамъ то чувство, которое возбуждаетъ въ душѣ извѣстіе о смерти добровольнаго отверженца отъ людей! И вся эта ужасная, хотя и безкровная, трагедія, ужасная даже въ своей простотѣ, въ своемъ спокойствіи, приготовляется глупою комедіею, отвратительною картиною, какъ люди обжираютъ человѣка, помогаютъ ему разориться и потомъ забываютъ о немъ, эти люди, которые

[1]) Піюша, повѣсть Г. Ушакова, въ Б. д. Ч. [245]).

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей!

И вотъ вамъ жизнь, или, лучше сказать, прототипъ жизни, созданный величайшимъ изъ поэтовъ! Тутъ нѣтъ эффектовъ, нѣтъ сценъ, нѣтъ драматическихъ вычуръ, все просто и обыкновенно, какъ день мужика, который, въ будень, ѣстъ и пашетъ, спитъ и пашетъ, а въ праздникъ ѣсть, пьетъ и напивается пьянъ [246]). Но въ томъ-то и состоитъ задача реальной поэзіи, чтобы извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни, и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни. И какъ сильна и глубока поэзія Г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мѣлкости! Возьмите его „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ": что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, и ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчегоже это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, каррикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Палемономъ [247]) о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на негодяя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ! И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слыхалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и слѣд. очень вѣрно; оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка. Знаете ли вы что̀ такое привычка, это странное чувство, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана:
Замѣна счастія она!

Можетели вы предположить возможность мужа, который рыдаетъ надъ гробомъ своей жены, съ которой сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакою? Понимаетели вы, что можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой вы жили много лѣтъ, къ которой вы привыкли, какъ душа къ тѣлу и съ которою у васъ соединяются воспоминанія о простой однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ и, можетъ быть, о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, и которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаетели вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ си-

дѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо ея проходили?.. О, привычка великая психологическая задача, великое таинство души человѣческой. Холодному сыну земли, сыну заботъ и помысловъ житейскихъ замѣняетъ она чувства человѣческія, которыхъ лишила его природа или обстоятельства жизни. Для него она истинное блаженство, истинный даръ провидѣнія, единственный источникъ его радостей и (дивное дѣло!) радостей человѣческихъ! Но что̀ она для человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы! И онъ платитъ ей свою дань, и онъ прилѣпляется къ пустымъ вещамъ и пустымъ людямъ, и горько страдаетъ, лишаясь ихъ! И чтоже еще? Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое, человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка, и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ потупя глаза и не зная, что̀ отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока передъ своимъ учителемъ!... Такъ вотъ гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О бѣдное человѣчество! жалкая жизнь! И однакожь вамъ все-таки жаль Аѳонасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! вы плачете о нихъ, о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, Г. Гоголь истинный чародѣй, и вы не можете представить, какъ я сердитъ на него, зато, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли!

Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ Г. Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее: онъ радъ выставить наружу все, что̀ есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и, въ тоже время, не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ, онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она, у него, настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до Русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ извѣстью; отъ колоссальной физіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего на свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и съ саблею въ рукахъ, до стоическаго философа Хомы, который не боялся ничего на свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ, и рюмка въ рукахъ. „Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни. „Это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ „одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сей часъ приказываетъ Гапкѣ при„нести двѣ дыни. И уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ осо-

„бую бумажку и начинаетъ кушать. Потомъ велитъ принести Гапкѣ „чернилицу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: *сія дыня съѣдена такого-то числа*. Если при „этомъ былъ какой-нибудь гость, то: *участвовалъ такой-то...*“ Иванъ „Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по „горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, „и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ“. Скажите, Бога ради, можно-ли язвительнѣе, злобнѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушнѣе и любезнѣе наругаться надъ бѣднымъ человѣчествомъ?... И все оттого, что слишкомъ вѣрно! А вотъ посмотрите на жизнь Палемона и Бавкиды: „Не льзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: „вы, Аѳонасій Ивановичъ; вы Пульхерія Ивановна.—Это вы продавили стулъ, Аѳонасій Ивановичъ?—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.. „Или“: Послѣ этого Аѳонасій Ивановичъ „возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи „Ивановнѣ: А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего-нибудь? Чегоже бы теперь закусить, Аѳонасій Ивановичъ? „развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ!—Пожалуй хоть и рыжиковъ или „пирожковъ, отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда, Аѳонасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную „чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и „прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. „Мнѣ кажется, будто эта каша, говаривалъ обыкновенно Аѳонасій „Ивановичъ, немного пригорѣла; вамъ этого не кажется, Пульхерія?“— „Нѣтъ, Аѳонасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она „не будетъ пригорѣлою, или вотъ возмите этого соуса съ грибками „и подлейте къ ней.—„Пожалуй“ говорилъ Аѳонасій Ивановичъ и „подставлялъ свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ“.. Вотъ „попробуйте, Аѳонасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.—Да вы не „вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный“ говорилъ Аѳонасій „Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: бываетъ, что и красный, „да не хорошій“. Замѣчаетели вы здѣсь всю тонкость Аѳонасія Ивановича, который хочетъ разными околичностями отвести глаза своей сожительницы отъ своего ужаснаго аппетита, котораго онъ какъ будто самъ стыдится? Но посмотримъ на его дальнѣйшіе подвиги. „Послѣ „этого Аѳонасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріею Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ,

„а онъ садился подъ навѣсомъ... Немного погодя онъ посылалъ за „Пульхеріей Ивановной и говорилъ: „чегобы такого поѣсть мнѣ, „Пульхерія Ивановна? — Чегоже бы такого? — говорила Пульхерія „Ивановна: развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ „съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить!— „И то добре отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ... Или, можетъ быть, вы „съѣли-бы киселику?“ —И то хорошо“ отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ. „Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, „съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳонасій Ивановичъ еще кое-чего за„кушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать.... Ночью иногда „Аѳонасій Ивановичъ, ходя *по спальнѣ* [1]), стоналъ. Тогда Пульхерія „Ивановна спрашивала: „чего вы стонете, Аѳонасій Ивановичъ?“— „Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, такъ какъ будто немного животъ „болитъ“ говорилъ Аѳонасій Ивановичъ. „Можетъ быть, вы бы чего „нибудь съѣли Аѳонасій Ивановичъ?..—Не знаю, будетъ ли оно хорошо, „Пульхерія Ивановна! впрочемъ, чегожъ бы такого съѣсть? - Кислаго „молочка, или жиденькаго узвару съ сушенными грушами“.—*Пожа„луй, развѣ только попробовать*“ говорилъ Аѳонасій Ивановичъ. Сонная „дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ и Аѳонасій Ивановичъ „съѣдалъ тарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: теперь „такъ какъ будто сдѣлалось легче“.

Какъ вы думаете объ этомъ? По моему, такъ, въ этомъ очеркѣ, весь человѣкъ, вся жизнь его, съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ! А супружеская любовь двухъ старцевъ, а насмѣшечки Аѳонасія Ивановича надъ своею сожительницею, касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ, или, что̀ еще ужаснѣе, касательно его намѣренія идти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада, и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытываемое Аѳонасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своею дражайшею половиною! О, этѣ картины, этѣ черты—суть такія драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ настоящій горохъ!.. И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ, въ минуту поэтическаго откровенія! Еслибы я вздумалъ выписывать всѣ мѣста, доказывающія, что Г. Гоголь уловилъ идею описываемой жизни и вѣрно возпроизвелъ ее, то мнѣ пришлось-бы списать почти всѣ его повѣсти, отъ слова до слова.

---

[1]) Такъ какъ подробныя выписки были бы длиннѣе самой статьи, которая и безъ того длинна, то я позволилъ себѣ дѣлать пропуски и, для связи, нѣкоторыя перемѣны въ словахъ.

Повѣсти Г. Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться о ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другаго народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ, формахъ, слѣд. если изображеніе жизни *вѣрно*, то и *народно*. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ Малороссу, Г. Гоголю съ дѣтства знакома жизнь Малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одною Малороссіею. Въ его „Запискахъ Сумасшедшаго", въ его „Невскомъ Проспектѣ" нѣтъ ни одного Хохла, все Русскіе, и, въ добавокъ, еще Нѣмцы; а каково изображены имъ эти Русскіе и эти Нѣмцы! Каковъ Шиллеръ и Гофманъ? Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, порабы намъ перестать хлопотать о народности, также какъ порабы перестать писать, не имѣя таланта; ибо эта народность очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова: Г. Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашиваетея къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ—одну тривіяльность [249]).

Почти тоже самое можно сказать и объ *оригинальности*. какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойдтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то еще менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неистощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: „О чемъ мнѣ писать? ужъ все переписано!" или:

О боги, для чего я поздно такъ родился?

Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самаго творчества, состоитъ въ этомъ *типизмѣ*, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лице — типъ, и каждый типъ, для читателя, есть *знакомый незнакомецъ*. Не говорите: вотъ человѣкъ съ огромною душою, съ пылкими страстями, съ обширнымъ умомъ, но ограниченнымъ разсудкомъ, который до такого бѣшенства любитъ свою жену, что готовъ удавить ее руками при малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности — скажите проще и короче: вотъ Отелло! Не говорите: вотъ человѣкъ, который глубоко понимаетъ назначеніе

человѣка и цѣль жизни, который стремится дѣлать добро, но, лишенный энергіи души, не можетъ сдѣлать ни одного добраго дѣла и страдаетъ отъ сознанія своего безсилія — скажите: вотъ Гамлетъ! Не говорите: вотъ чиновникъ, который подлъ по убѣжденію, зловреденъ благонамѣренно, преступенъ добросовѣстно—скажите: вотъ Фамусовъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который подличаетъ изъ выгодъ, подличаетъ безкорыстно, по одному влеченію души — скажите: вотъ Молчалинъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который во всю жизнь не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, безсонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды, есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, анбаровъ и хлѣвовъ, есть честолюбіе, выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ нибудь захолустьѣ; о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ — скажите просто: вотъ Иванъ Ивановичь Перерепенко, или, вотъ Иванъ Никифоровичь Довгочхунъ! И повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Зарѣцкій, Репетиловъ, Хлестова, Тугоуховскій, Платонъ Михайловичь Горичь, княжна Мими, Пульхерія Ивановна, Аѳанасій Ивановичь, Шиллеръ, Пискаревъ, Пироговъ: развѣ всѣ этѣ собственныя имена теперь уже не нарицательныя? И, Боже мой! какъ много смысла заключаетъ въ себѣ каждое изъ нихъ! Это повѣсть, романъ, исторія, поэма, драма, многотомная книга, короче: цѣлый міръ въ одномъ, только въ одномъ словѣ! Что передъ каждымъ изъ этѣхъ словъ ваши завѣтныя: „qu'il mourût, Moi, Ахъ, я Эдипъ"? [250]). И какой мастеръ Г. Гоголь выдумывать такія слова! не хочу говорить о тѣхъ, о которыхъ и такъ уже много говорилъ, скажу только объ одномъ такомъ его словечкѣ, это—*Пироговъ!*.. Святители! да это цѣлая каста, цѣлый народъ, цѣлая нація! О единственный, несравненный Пироговъ, типъ изъ типовъ, первообразъ изъ первообразовъ! Ты многообъемлющее, чѣмъ Шайлокъ, многозначительнѣе, чѣмъ Фаустъ! Ты представитель просвѣщенія и образованности всѣхъ людей, которые „любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ *Булгарина*, *Пушкина* и *Греча*, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ *А. А. Орловѣ*". Да, Господа, дивное словцо этотъ—Пироговъ! Это символъ, мистическій миѳъ, это, наконецъ, кафтанъ, который такъ чудно скроенъ, что придетъ по плечамъ тысячи человѣкъ! О, Г. Гоголь большой мастеръ выдумывать такія слова, отпускать такія bons mots! А отчего онъ такой

мастеръ на нихъ? Оттого, что оригиналенъ. А отчего оригиналенъ? Оттого, что поэтъ.

Но есть еще другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность, у Г. Гоголя, состоитъ, какъ я уже сказалъ выше, въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи, Русская поговорка: „началъ во здравіе, а свелъ за упокой," можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ этѣ картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорилъ о „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ"—объ этой *слезной комедіи* во всемъ смыслѣ этого слова. Возьмите „Записки Сумасшедшаго" этотъ уродливый гротескъ, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнію и человѣкомъ, жалкою жизнію, жалкимъ человѣкомъ, эту каррикатуру, въ которой такая бездна поэзіи, такая бездна философіи, эту психическую *исторію болѣзни*, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ и возбуждаетъ сострадание. Я уже говорилъ также и о „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ" въ семъ отношеніи; прибавлю еще, что, съ этой стороны, эта повѣсть всего удивительнѣе. Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ" вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, покрайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка всеже человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣд. еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичь и Иванъ Никифоровичь существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до трагикомической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ онѣ, этѣ чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!..

Комизмъ или гуморъ Г. Гоголя имѣетъ свой, особенный характеръ: это гуморъ чисто Русскій, гуморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какбы прикидывается простачкомъ. Г. Гоголь съ важностію говоритъ о бекешѣ Ивана Ивановича, и иной простакъ

нешутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого что у него нѣтъ такой прекрасной бекеши. Да, Г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, и истинный-то гуморъ Г. Гоголя всетаки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и прибавлю еще, нимало не зависитъ отъ каррикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить „Тарасъ Бульба“ эта дивная эпопея, написанная кистію смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчествующаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба герой, Бульба человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волею: описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и, въ тоже время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшить васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукою роднаго сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнъ надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что, въ этомъ ремеслѣ, они не уступаютъ батюшкѣ, и изъявляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой каррикатурности изображеній, заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если Г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но тѣмъ не менѣе, это все-таки гуморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это гуморъ спокойный, и, можетъ быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ „Горе отъ Ума“ я не знаю ничего, на Русскомъ языкѣ, чтобы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и чтобы могло

имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти Г. Гоголя. О, предъ такою нравственностію я всегда готовъ падать на колѣна! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ. Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожь не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣд. только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ! [251]).

И такъ гуморъ Г. Гоголя есть гуморъ спокойный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой гуморъ грозный и открытый; онъ кусаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ направо и налѣво своимъ бичемъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, гуморъ желчный, ядовитый, безпощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его — смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей, ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, позоръ людей и безсловесныхъ; вотъ балъ: „между толпами бродятъ разныя лица, „подъ веселый напѣвъ контроданса свиваются и развиваются тысячи „интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся „вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей „жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глу„бокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ „великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь „тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ „на себѣ печать отверженія“... Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ: „вода! вода! Въ другомъ концѣ бала играетъ еще „музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ „еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надо „сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не ду„маютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, „все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ этѣ лица?... Какъ М. Г. „такъ есть на свѣтѣ нѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, „происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять на„ступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! „свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до

„новаго мѣста!.. Но вы не слушаете, вы трепещете, холодный потъ „обдаетъ васъ, вамъ страшно! И подлинно — вода все растетъ — вы „отворяете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури „и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренные тигры, кидаются въ „свѣтлыя окна!—Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! еще минута, и взмок-„нутъ этѣ роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! еще „минута — и честолюбивыя украшенія на груди вашей лишь при-„бавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно.—Страшно! „страшно! Гдѣже всемощныя средства науки, смѣющейся надъ уси-„ліями природы? М. Г. наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ. — „Гдѣже сила молитвы, двигающей горы? — М. Г. вы потеряли зна-„ченіе этого слова.—Чтоже остается вамъ! — смерть! смерть! смерть „ужасная! медленная! Но ободритесь, что̀ такое смерть? — вы люди „мудрые, благоразумные, какъ зміи! неужели то̀, о чемъ посреди „глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, мо-„жетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою „прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя сред-„ства: испытайте, не льзя ли подкупить ее, оклеветать? не испу-„гается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда“?... [252]).

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ гумора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ былъбы также нелѣпъ, какъ вопросъ о превосходствѣ оды надъ элегіею, романа надъ драмою, ибо изящное всегда равно самому себѣ, въ какихъ бы видахъ не проявлялось. Есть вещи, столь гадкія, что стоитъ только показать ихъ въ собственномъ ихъ видѣ, или назвать ихъ собственнымъ ихъ именемъ, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе; но есть еще вещи, которыя, при всемъ своемъ существенномъ безобразіи, обманываютъ блескомъ наружности. Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, неприкрытое, грязное, вонючее, въ лохмотьяхъ; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолѣпное, приводящее въ сомнѣніе объ истинномъ благѣ самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ѣздящее въ каретѣ, покрытое золотомъ, умно говорящее, вѣжливо кланяющееся, такъ что вы уничтожены передъ нимъ, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величіе, что оно-то знаетъ цѣль жизни, и что вы-то обманываетесь, вы то гоняетесь за призраками. Для того и другаго рода ничтожества нуженъ свой, особенный бичь, бичь крѣпкій, ибо то и другое ничтожество покрыто тройною бронею. Для того и другаго рода ничтожества нужна своя Немезида, ибо надобноже, чтобы люди иногда просыпались отъ своего безмысленнаго усыпленія и вспоминали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; ибо надобноже, чтобы громъ иногда раздавался надъ ихъ головами и напоминалъ имъ о ихъ Творцѣ;

ибо надобноже, чтобы, за пиршеннымъ столомъ, посреди остатковъ безумной роскоши, среди утѣхъ бѣснующейся масляницы, унылый и торжественный звукъ колокола возмущалъ внезапно ихъ безумное упоеніе и напоминалъ о храмѣ Божіемъ, куда всякій долженъ предстать съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ гимномъ на устахъ!...

Г. Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими „Вечерами на хуторѣ". Это были поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ обольстительнаго, все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этѣхъ первыхъ поэтическихъ грезахъ Г. Гоголя Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви... Читайте вы его „Майскую ночь", читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго комелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и мятелями; вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти злой мачихи, это оставленное жилище съ однимъ растворенным окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ... Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе „Сонъ въ Лѣтнюю Ночь" Шекспира [253]). „Ночь предъ Рождествомъ Христовымъ" есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, словомъ, тутъ вся поэзія его жизни. „Страшная Месть" составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ" и обѣ этѣ огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ Г. Гоголя. Но я никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ разбирать „Вечера на Хуторѣ". „Арабески и Миргородъ" носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія, и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы. Москали, и не подозрѣвали ея!... „Невскій Проспектъ" есть созданіе стольже глубокое, сколько и очаровательное; это двѣ полярныя стороны одной и тойже жизни, это высокое и смѣшное обокъ другъ другу. На одной сторонѣ этой картины, бѣдный художникъ, безпечный и простодушный, какъ дитя, замѣчаетъ на Невскомъ Проспектѣ женщину ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которыя могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, онъ дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть,

ибо онъ еще не знаетъ ее, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно; онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку и „кареты казались ему недвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и аллебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой ресницѣ его глазъ". Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входитъ за нею въ третій этажъ большаго дома, и чтоже представляется ему?... Она, все также прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо, нагло, какбы говоря ему: „Ну! чтоже ты?"... Онъ бросается вонъ. Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, втораго и единственнаго, послѣ сна Татьяны Пушкина: здѣсь Г. Гоголь поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того, въ этомъ дивномъ снѣ, дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое, такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго, оборваннаго, запачканнаго художника, потеряннаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними, уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, и они безпрестанно разлучаютъ его съ ней, они, эти кресты и звѣзды, которыя смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна, и какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не живетъ болѣе въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ... Наконецъ, въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучь надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... „А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна"—это говоритъ ему она, все также прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно-ли было жить даже и въ грезахъ?.. И нѣтъ художника, онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины, вы видите Пирогова и Шиллера, того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ, того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ расходовъ на табакъ; того Шиллера, который говоритъ съ гордостью, что онъ Швабскій Нѣмецъ, а не Русская свинья и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое Русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ теченіи 10 лѣтъ, составить капиталъ изъ 50 тысячь и у котораго это было

уже такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели Нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово", наконецъ того Шиллера, который „положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ нибудь не поцѣловать лишній разъ, никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ." Чего вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ, вся исторія его жизни!... А Пироговъ?.. О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!... Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои притерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло, помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ съѣденныхъ кондитерскихъ пирожковъ и прочтенія Пчелы?... Чудные пирожки! Чудная Пчела! Пискаревъ и Пироговъ — какой контрастъ! Оба они начали, въ одинъ день, въ одинъ часъ, преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ нихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ! Пискаревъ и Пироговъ, одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!... Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!...

„Портретъ" есть неудачная попытка Г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ [254]) картинъ и очерковъ во вкусѣ Г. Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи; потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою, — и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ; въ ней совсѣмъ не видно Г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается Г. Гоголю, и мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Г. Шевырева, который говоритъ, что „ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность: если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ

какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое“ [255]). Но зато картины Малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портреты бурсаковъ и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь. О несравненный *Dominus* Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоистическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся и горя и страху, ты чуть не попался въ кохти чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія; ты на вопросъ о видѣнныхъ тобою страстяхъ, машешь рукою и говоришь: „Много на свѣтѣ всякой дряни водится?“, у тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопываешь тропака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ Пусть судитъ всякій какъ хочетъ, а по мнѣ такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ, помните-ли вы невольное путешествіе философа Хомы, помните-ли попойку въ шинкѣ, этого Дорошa, который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непремѣнно узнать, чему учатъ въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонёра, который божился, что „все должно оставить такъ, какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно“ и наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А этѣ поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ „обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что̀ находится внутри земли, и кто видѣлъ волка?“ А сужденія этѣхъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? А портретъ пана сотника, и кто̀ перечтетъ?.. Нѣтъ, не смотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія, безподобны.

Я еще мало говорилъ о „Тарасѣ Бульбѣ“ и не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо, въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья, не менѣе самой повѣсти... „Тарасъ Бульба“ есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если, въ наше время, возможна Гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!.. Если говорятъ, что въ „Иліадѣ“ отражается вся жизнь Греческая, въ ея героическій періодъ, то развѣ однѣ піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать тоже самое и о „Тарасѣ Бульбѣ“ въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка?.. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все Козачество, съ его странною цивилизаціею, его удалою, разгульною жизнію, его

безпечностію и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?.. Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ этой картинѣ? чего не достаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ Богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа Запорожцевъ, дружно отдирающая на площади тропака, этотъ Козакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какбы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, ктобы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что „многіе Запорожцы позадолжались въ шинки Жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ“; эта мать, которая является какбы мимоходомъ, что бы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ Козацкой жизни... А Жиды и Ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа, его воззваніе къ отцу и „слышу“ [1]) Бульбы и наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?.. И это не эпопея?. Да чтó же такое эпопея?.. И какая кисть, широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски, яркія и ослѣпительныя!.. И какая поэзія, энергическая, могучая, какъ эта Запорожеская Сѣчь, „то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!..“

Чтó еще сказать вамъ? можетъ быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, чтó я уже сказалъ: чтó дѣлать? Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его! Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: „это правда“, или, покрайней мѣрѣ: „во всемъ этомъ есть и правда“; если другіе, прочтя ее, захотятъ прочесть и разобранные въ ней сочиненія,—мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

---

[1]) Впрочемъ я не ставлю въ слишкомъ большую заслугу Г. Гоголю этого „слышу“ и не думаю, подобно нѣкоторымъ, что еслибы Г. Гоголь и не изобрѣлъ ничего другаго, кромѣ этого славнаго „слышу“, то однимъ имъ могъ бы заставить молчать злонамѣренность критики; ибо, вопервыхъ, злонамѣренность критики нельзя обезоружить изящными созданіями, чему примѣромъ можетъ служить этотъже самый Г. Гоголь, нѣкоторыми благонамѣренными критиками пожалованный въ Поль-де-Коки; потомъ это славное „слышу“ не имѣло бы никакого смысла, безъ отношенія къ цѣлой повѣсти и безъ связи съ нею; и наконецъ, теперь уже прошло то время, когда, въ примѣръ высокаго представляли: *Qu'il mourût*, *Moi*, *Ахъ я Эдипъ*, *я Россъ* и т. п.: зачѣмъ же обогащать педантовъ новымъ примѣромъ *высокаго въ выраженіи?* [256]).

Но какойже общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что̀ такое Г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго? Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что Г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово „поэтъ“ потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ „писатель“. У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіями, но нѣтъ поэтовъ. Поэтъ высокое и святое слово; въ немъ заключается неумирающая слава! Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Шиллеръ: эти люди поэты, но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шиллеръ или Гёте? Развѣ общій голосъ не назвалъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задачи критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но Г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣд. наше дѣло высказывать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Этѣ надежды велики, ибо Г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ [257]). Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще Г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Въ „Арабескахъ“ помѣщены два отрывка изъ романа. Объ этѣхъ отрывкахъ не льзя судить какъ объ отдѣльномъ и цѣломъ созданіи; но о нихъ можно сказать, что они вполнѣ могутъ служить залогомъ тѣхъ надеждъ, о которыхъ я говорилъ. Поэты бываютъ двухъ родовъ: одни только доступны поэзіи, и она у нихъ бываетъ болѣе способностію, чѣмъ даромъ или талантомъ, и много зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни; у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто положительное, нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые, иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь, выскажутъ какую нибудь прекрасную поэтическую грезу, и, какъ будто обезсиленные тяжестью свершеннаго ими подвига, ослабѣваютъ и падаютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ; и вотъ отчего, у нихъ первый опытъ, по бо́льшей части, бываетъ прекрасенъ, а послѣдующіе постепенно подрываютъ ихъ славу. Другіе, съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнутъ: Г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно!

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній; это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святаго чувства любви — сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ-ли онъ юную красоту—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи—это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните-ли вы его описаніе безбрежныхъ степей Днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у Г. Гоголя!..

Въ одномъ журналѣ [258]) было изъявлено странное желаніе, чтобы Г. Гоголь попробовалъ своихъ силъ въ изображеніи высшихъ слоевъ общества: вотъ мысль, которая въ наше время отзывается ужаснымъ анахронизмомъ! Какъ! неужели поэтъ можетъ сказать себѣ: дай опишу то или другое, дай попробую себя въ томъ или другомъ родѣ?.. И притомъ, развѣ предметъ дѣлаетъ что-нибудь для достоинства сочиненія? Развѣ это не аксіома: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія? [259]). Но мои „развѣ" никогда бы не кончились, еслибы я захотѣлъ высказать ихъ всѣ, безъ остатка. Нѣтъ, пусть Г. Гоголь описываетъ то́, что́ велитъ ему описывать его вдохновеніе, и пусть страшится описывать тѝ, что̀ велятъ ему описывать или его воля или Гг. критики. Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, независящею отъ него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!.. [1]).

В. БѢЛИНСКІЙ.

---

[1]) Я очень радъ, что заглавіе и содержаніе моей статьи избавляетъ меня отъ непріятной обязанности разбирать ученыя статьи Г. Гоголя, помѣщенныя въ Арабескахъ. Я не понимаю, какъ можно такъ необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести, или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать нѣкоторыя мѣста изъ исторіи Миллера, перемѣшать ихъ съ своими фразами, значитъ написать ученую статью?.. Неужели дѣтскія мечтанія объ архитектурѣ ученость?.. Неужели сравненіе Шлецера, Миллера и Гердера, ни въ какомъ случаѣ не идущихъ въ сравненіе, тоже ученость?.. Если подобные этюды ученость, то избавь насъ Богъ отъ такой учености! Мы и безъ того богаты ею. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту Г. Гоголя, какъ поэта, мы, движимые чувствомъ той же самой справедливости, того же самаго безпристрастія, желаемъ, чтобы кто нибудь разобралъ подробнѣе его ученыя статьи. Б.

*125. **Библіотека романовъ и историческихъ записокъ**, издаваемая книгопродавцемъ *Ф. Ротганомъ* на 1835 годъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. Тринадцать частей: I—244; II—247; III—118; IV—199; V—493; VI—99 (XIV); VII—126; VIII—217; IX—217; X—167; XI—222; XII—206; XIII—206. (12) [260]).

У насъ часто слышатся жалобы на равнодушіе публики ко всему отечественному, и преимущественно на ея холодность къ Русской литературѣ. Кто правъ, кто виноватъ: публика или тѣ, которые на нее жалуются? Можетъ быть, ни то ни другое. Но вотъ вопросъ: кто виноватъ — публика или литература? Это вопросъ важный, обширный; его изслѣдованіе привело-бы къ самымъ любопытнымъ и поучительнымъ результатамъ. У меня давно вертится въ головѣ цѣлая статья на этотъ предметъ, и я очень жалѣю, что недостатокъ свободнаго времени не даетъ мнѣ возможности приняться за это дѣло. А статейка вышла-бы прекурьезная! Но дѣлать нечего, и вмѣсто того, чтобы угощать обѣщаніями, скажу здѣсь мимоходомъ словца два объ этомъ вопросѣ, на который меня особенно наводитъ „Библіотека Романовъ“ Г. Ротгана. Съ одной стороны, возмемъ въ соображеніе, много ли у насъ пишется, и много ли годится для чтенія изъ того, что́ пишется; съ другой стороны, подумаемъ о томъ: если наша публика равнодушна къ отечественной литературѣ, то ктоже даетъ нашимъ литераторамъ возможность превращать свои журнальныя статьи въ медвѣжьи шубы, Казанскія сани и вороныя лошади, а свои романы въ домы и деревни? Кто же даетъ нашимъ книгопродавцамъ возможность издавать журналы, Энциклопедическія Словари, Живописныя обозрѣнія и Библіотеки романовъ? Не эта ли Русская публика, столь равнодушная и невнимательная къ отечественной литературѣ?.. Нѣтъ, воля ваша, а Русская публика не только не равнодушна, но даже слишкомъ пристрастна къ своей литературѣ, и еслибы ея простодушная довѣрчивость не была иногда слишкомъ нагло обманываема, то думаю, что она была бы еще пристрастнѣе къ литературѣ. Но что̀ же дѣлать, если литература такъ жестоко издѣвается надъ нею. Точно также нелѣпо обвиняютъ публику въ холодности къ Русскому театру. Но, Боже мой, кто же, какъ не эта публика наполняла театръ, когда на немъ играла чета Каратыгиныхъ? Сколько давки при покупкѣ билетовъ, какая тѣснота въ театрѣ!.. Но что́ прикажете ей дѣлать въ театрѣ на обыкновенныхъ спектакляхъ? Слушать охриплый ревъ Мельпомены, или плоскія шутки Таліи и зѣвать?.. Нѣтъ, воля ваша, а я хочу заступиться за публику, хочу оправдать ее...

Теперь у насъ вся почти литературная дѣятельность произво-

дится по подпискѣ, и публика усердно помогаетъ Господамъ антрепренерамъ. Дай Богъ! Но вотъ что худо: большая часть нашихъ затѣйщиковъ худо помнятъ это безцѣнное правило великаго нашего баснописца:

Услуга намъ при нуждѣ дорога,
Да за нее не всякъ умѣетъ взяться!

Въ наше время, когда романъ и повѣсть сдѣлались, въ умственной пищѣ, такою же необходимою и всеобщею потребностію, какую необходимую и всеобщую потребность составляетъ чай въ физической пищѣ, когда исторія, тоже сдѣлавшаяся страстію вѣка, не только подала руку роману, но даже и сама превратилась въ романъ и начала появляться въ видѣ Историческихъ Записокъ или Мемуаровъ; въ наше время, говорю я, какимъ бы драгоцѣннымъ подаркомъ для публики была многотомная книга, состоящая изъ мемуаровъ, романовъ и повѣстей! И Г. Ротганъ даритъ публику такою книгою. Необходимымъ достоинствомъ такой книги долженъ быть строгій выборъ сочиненій, входящихъ въ ея составъ, тѣмъ болѣе строгій, что есть изъ чего выбирать. И что́ же выбралъ Г. Ротганъ, какимъ произведеніемъ дебютировала его Библіотека? „Еленою" романомъ Миссъ Эджевортъ!.. Что́ такое Миссъ Эджевортъ? Горничная Г-жъ Жанлисъ и Коттэнъ, которая наслушавшись ихъ мудрости, приглядѣвшись къ ихъ манерѣ, вздумала проповѣдывать въ XIX вѣкѣ, ту мораль и разсказывать тѣ поучительные и скучные вздоры, надъ которыми смѣялись и въ XVIII вѣкѣ [261]). Что̀ такое „Елена?" Длинное и скучное, убійственно скучное поученіе о томъ что *дѣвушка должна вести себя въ свѣтѣ съ крайнею осторожностію и благоразуміемъ, а пуще всего никогда не лгать и всегда говорить правду*, и что *за сіи добродѣтели оная дѣвица должна непремѣнно получить награду*, т. е. выйдти замужъ за богатаго человѣка. По долгу рецензента, я было старался, въ нѣсколько пріемовъ, прочесть убійственный романъ; но мое терпѣніе лопнуло на половинѣ третьей части. Пять частей, т. е. 1301 страница, или 54 печатныхъ листа!.. Мнѣ пуще всего жаль бумаги, хотя эта бумага и походитъ на оберточную!.. А добровольные мученики? Ну да Богъ съ ними: коль купили, такъ пусть читаютъ; вѣдь имъ надо же что нибудь читать! За скучною и длинною „Еленою" слѣдуетъ тощій и забавный „Дебюро" родъ біографіи одного знаменитаго паяцца, набросанной игривымъ перомъ балагура Жанэна. Но и этой повѣсти не слѣдовало бы помѣщать въ Библіотекѣ Романовъ; она не имѣетъ у насъ большаго значенія, ибо это есть насмѣшка надъ современнымъ Французскимъ театромъ, да и къ тому же кромѣ ея есть много такого, что̀ слѣдовало бы перевести.

За „Дебюро“ слѣдуютъ „Альбигойцы“ романъ Матюреня. Матюренъ странный писатель! [262]). Это смѣсь Вальтера Скотта съ Левисомъ [263]) и отчасти съ Радкливъ. Его фантастическое воображеніе самую дѣйствительную жизнь превращаетъ въ родъ какой-то мистеріи, разыгрываемой совокупно людями и чертями и дирижируемой судьбою. Не смотря на множество натяжекъ, подставокъ, множество ребяческихъ странностей, его романы имѣютъ непреодолимую прелесть. Начавши читать романъ Матюреня, вы не заснете спокойно, не дочитавъ его. И не знаю, съ чѣмъ можно сравнить впечатлѣніе его отъ романовъ? Это какой-то сонъ, тяжкій, мучительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сладкій, невыразимо сладкій! Кому не извѣстенъ его „Мельмотъ Скиталецъ“ это мрачное, фантастическое и могущественное произведеніе, въ которомъ такъ прекрасно выражена мысль объ эгоизмѣ, этомъ чудовищѣ, жадно пожирающемъ наслажденія и, въ свою очередь, пожираемомъ наслажденіями? Въ „Альбигойцахъ“ есть много хорошаго: рыцари, монахи, принцессы, еретики, колдовство, словомъ, Среднія вѣка, со всѣми принадлежностями, изображены очаровательно, не смотря на множество недостатковъ, которыми отличается это произведеніе.

Я думаю еще, что одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги, какъ „Библіотека Романовъ“ Г. Ротгана, должно состоять въ томъ, чтобы всѣ переводы были сдѣланы съ подлинниковъ. Но у Г. Ротгана все переведено съ Французскаго. Не ужели онъ не могъ найдти въ Петербургѣ переводчиковъ съ Англійскаго?.. Странно!.. Потомъ, я думаю, что также одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги должно состоять въ томъ, чтобы переводы были превосходны; но у Г. Ротгана переводы очень посредственны, а переводъ „Елены“ очень плохъ. Не угодно ли доказательствъ? Извольте. „Но, какъ говорила Елена Графини (ѣ?) Давенанъ, въ человѣкѣ съ подобнымъ характеромъ трудно различить, что должно отнести къ его чувству гостепріимства, къ тому, чѣмъ онъ обязанъ единственному другу своей жены, или на все это должно смотрѣть какъ на доказательство, что онъ самъ искренно желаетъ раздѣлить эту дружбу и хочетъ, чтобы Елена продолжала жить у нихъ“. Или: „Люди обыкновенные, и я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣхъ тѣхъ, у которыхъ обыкновенныя чувства, хотя бы они были изъ самаго высшаго круга, такого рода люди поздравляли меня съ этимъ замужествомъ, только въ отношеніи къ богатству и знатности... (Генералъ имѣетъ въ виду быть герцогомъ); но что касается до меня, то я рада этому замужеству потому только, что нахожу въ немъ залогъ счастія моей дочери, и я увѣрена, что вы въ состояніи понимать меня и раздѣлять со мною чувства“. Или: „Леди Давенанъ узнавъ

обо всемъ, не изъявила тотчасъ своего удовольствія безъ всякой примѣты, котораго ожидала Елена". Довольно ли?.. Наконецъ, мы думаемъ, что одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книгъ, должно состоять также и въ красивости и даже роскоши изданія; но изданіе Г. Ротгана слишкомъ скромно. Перемѣшанная цыфровка страницъ, неправильная разстановка знаковъ препинанія и вообще множество типографическихъ ошибокъ доказываютъ, что эта книга какъ будто дѣлается на фабрикѣ и хочетъ взять поспѣшностію, а не достоинствомъ. Не знаю, будетъ ли имѣть успѣхъ это литературное предпріятіе Г. Ротгана; знаю только то, что если оно не будетъ имѣть успѣха, то не публика будетъ въ этомъ виновата...

* **126. Весенніе цвѣты**, или собраніе романсовъ, балладъ и пѣсенъ. *А. Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Баратынскаго, Туманскаго, Ѳ. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземскаго.* Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. 221. IX. (12) [264]).

Вотъ новое средство наживать деньги литературными спекуляціями: наберите разныхъ пьесъ знаменитыхъ и незнаменитыхъ авторовъ, придумайте къ нимъ какое нибудь нелѣпое названіе и напечатайте ихъ, разумѣется, безъ позволенія авторовъ, въ типографіи Г. Пономарева или Г. Кузнецова, на оберточной бумагѣ, съ типографическими и орѳографическими ошибками, а, для большей важности, и съ безсмысленными искаженіями, и пустите по *восьми* рублей. Оно и не хлопотно и наживно...

* **127. Атаманъ Буря,** или вольница Заволжская. Русскій Романъ изъ преданій старины. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. Три части: I—117; II—99; III—98. (12) [265]).

Эта книга принадлежитъ къ извѣстному числу произведеній, которыхъ первоначальная идея заращдается на Толкучемъ рынкѣ, а возпроизводится въ типографіи Г. Пономарева; она отличается такою народностію, что побранокъ и мужицкихъ фразъ и не оберешься. Странно, что она такъ дорога! Представьте себѣ — первая часть стоитъ *семь* рублей, вторая тоже *семь* рублей, а третья *десять* рублей ассигнаціями: такъ значится на оберткѣ. Какъ можно продавать такъ дорого какихъ нибудь *тринадцать* листовъ оберточной бумаги, набитой безсмысленнымъ вздоромъ?..

(**— онъ — инскій**).

*128. О стихотвореніяхъ

Г. Баратынскаго [266]).

Часто думаю я о томъ, какое рѣзкое отличіе находится между поэзіею первобытныхъ народовъ и поэзіею новыхъ народовъ, которыхъ религія, цивилизація, просвѣщеніе и литература образовались подъ разными чуждыми вліяніями. Представьте себѣ народъ, у котораго еще нѣтъ ни идеи творчества, ни слова для выраженія этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открылъ ему эту тайну, кто навелъ его на эту мысль? Одна природа и больше никто. Самое просвѣщеніе, въ этомъ случаѣ, дѣло совершенно постороннее, ибо онъ только сообщаетъ поэзіи другой характеръ. И это очень естественно: чѣмъ безсознательнѣе творчество, тѣмъ оно глубже и истиннѣе. Поэтъ, который творилъ, не сознавая своего дѣйствія, не понимая, что̀ онъ дѣлаетъ—онъ болѣе поэтъ, нежели тотъ, который, чувствуя вдохновеніе, говоритъ: „Хочу писать". Кто слагалъ наши народныя пѣсни? люди, которые даже и не подозрѣвали, что есть поэзія, есть вдохновеніе, есть поэты, есть литература. Какъ слагали они свои пѣсни? экспромтомъ, за пиршественною чашею, среди ликующаго круга, или, всего чаще, въ минуты тоски и унынія, когда душа просилась вонъ и хотѣла излиться или въ слезахъ или въ звукахъ [267]). Какъ смотрѣли эти геніяльные люди на свои произведенія? какъ на дѣло пустое и, можетъ быть, когда проходили обстоятельства, породившія ихъ пѣсню, когда стихали чувства и уступали полное владычество разсудку, они удивлялись, какъ пришла имъ въ голову странная мысль заниматься такимъ вздоромъ, и стыдились своей пѣсни, какъ стыдится протрезвившійся человѣкъ дурнаго или смѣшнаго поступка, сдѣланнаго имъ въ пьяномъ видѣ. Я часто мечталъ объ одномъ созданіи, идеалъ котораго смутно носился въ душѣ моей, и который мнѣ очень хотѣлось увидѣть когда нибудь осуществленнымъ; мнѣ хотѣлось прочесть романъ или драму, въ которой бы содержаніе было взято изъ Русской жизни, до Петра Великаго, и въ которой была бы представлена борьба генія съ своими порывами, для него непонятными. Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ этомъ народѣ, сознавшемъ себя нѣсколько столѣтій и занимавшемъ такое обширное пространство, не было своихъ Шекспировъ, Шиллеровъ!.. И такъ, представьте себѣ народъ, у котораго было поэтическое чувство, но котораго условія жизни были совершенно противоположны поэзіи жизни; котораго религія покровительствовала искусству и требовала отъ него служенія, но который въ религіи довольствовался однѣми формами, а искусство сдѣлалъ ремесломъ обыкновеннымъ и положи-

тельнымъ, такъ что геній и посредственность были въ немъ подведены подъ уровень; народъ, который любилъ временемъ и спѣть пѣсню и поплясать въ присядку, но который, въ тоже время, и пѣніе и пляску почиталъ бѣсовскою потѣхою, грѣхомъ тяжкимъ; народъ, который довольствовался скудною житейскою философіею, лѣниво наслѣдованною имъ отъ праотцевъ и заключенною въ формы пословицъ и поговорокъ; народъ, который святое чувство любви почиталъ дьявольскимъ навожденіемъ, отчитывался отъ него молитвами, отпрыскивался нашоптанною водою; народъ, который женщину — эту поэзію жизни, которою одною бываетъ жизнь красна, женщину сдѣлалъ своей рабынею, родомъ домашняго животнаго, немного выше коровы или лошади; наконецъ, народъ, который былъ чуждъ всякаго движенія впередъ, всякаго стремленія къ совершенствованію, былъ похожъ на обледенѣлую массу воды, по которой тщетно скользятъ блѣдные лучи зимняго солнца. Теперь, среди этого народа, представьте себѣ юношу-генія: какой контрастъ, какія подробности, сколько красокъ, какая драма, высокая и ужасная въ своей простотѣ и каррикатурности!... Этотъ юноша есть единственная опора, единственная надежда престарѣлой матери. Какой-нибудь добрый монахъ учитъ его грамотѣ, чтобъ онъ могъ современемъ сдѣлаться писцомъ въ приказѣ, дьякомъ, или земскою ярыжкою. Это все одно и тоже, ибо одинаково прибыльно, а Русскій народъ смотрѣлъ всегда на судопроизводство, какъ на средство жить; наши мужички и теперь еще не шутя говорятъ, *„Онъ на то и алистраторъ, чтобъ взятки брать“*. И такъ, юношѣ приготовляется блестящая будущность; надо, чтобъ онъ умѣлъ воспользоваться ею. Но вотъ бѣда: юноша болѣнъ страннымъ недугомъ; ему снятся на яву дивные сны, слышатся чудные звуки, ему хочется и самъ онъ не знаетъ чего; онъ забываетъ свое дѣло, и, какъ одержанный бѣсомъ, то плачетъ, то хохочетъ, самъ не зная, отчего. Мать плачетъ о немъ, какъ о потерянномъ, взбалмашномъ, помѣшанномъ; добрые люди, говоря о немъ, пожимаютъ плечами и набожно произносятъ: Господи, спаси насъ отъ лукаваго! Все это очень обыкновенно, но вотъ что́ не совсѣмъ обыкновенно: онъ самъ увѣренъ, что онъ одержимъ злымъ духомъ, постигнутъ чернымъ недугомъ, что его мысли грѣшны, желанія и помыслы не чисты. Онъ молитъ Бога, чтобы Онъ избавилъ его отъ злаго бѣса, который его мучитъ и преслѣдуетъ, чтобы Онъ направилъ его на путь истинный; онъ плачетъ и раскаевается, и все остается такимъ же чуднымъ и не похожимъ на добрыхъ людей. Не правда-ли, что это прекрасный предметъ для драмы, не правдали, что такая драма, плодъ генія, въ тысячу-бы разъ лучше и яснѣе всѣхъ курсовъ и теорій эстетики объяснила

дивную и великую тайну, которая, здѣсь, на землѣ, называется поэтомъ, художникомъ?...

Исторія первобытной Греческой поэзіи достойна глубочайшаго изученія. Сравните съ нею исторію первобытной Индійской, Арабской поэзіи — и сколько драгоцѣнныхъ фактовъ получите вы для теоріи изящнаго. Въ самомъ дѣлѣ, поэтъ, который сочиняетъ, не зная, что̀ такое поэзія, что́ такое поэтъ, не зная, чтобы когда нибудь, и кто-нибудь, подобно ему, сочинялъ, который сочиняетъ по непреодолимому побужденію, котораго не умѣетъ ни понять, ни назвать, не есть ли онъ поэтъ по преимуществу? И такіе поэты бываютъ только у народовъ младенчествующихъ, и ихъ имена или изчезаютъ для потомства, или передаются ему въ миѳическихъ о́бразахъ Гомеровъ, Оссіановъ. Созданія такихъ поэтовъ суть типическія, оригинальныя и вѣчныя. Они творятъ роды и формы искусства, ибо по странной ошибкѣ человѣческаго ума, служатъ образцами для послѣдующихъ творцовъ. Они вполнѣ принадлежатъ своему вѣку и народу, ибо творятъ свободно отъ всякаго посторонняго вліянія. Какое дѣло, если у Индійцевъ была драма прежде, чѣмъ Эсхилъ явился въ Греціи... Эсхилъ все-таки творецъ Греческой трагедіи, этого рода, такъ отличнаго отъ новѣйшей драмы. Типъ эпическихъ рапсодъ, типъ Эсхиловской драмы, есть типъ истинный, естественный, законный, если можно такъ сказать, ибо онъ найденъ въ природѣ, а не выдуманъ. Можно-ли усомниться въ призваніи первобытныхъ поэтовъ?...

Не такъ бываетъ у народовъ, у которыхъ поэзія является тогда, какъ имъ уже извѣстна идея поэтовъ по опыту первобытныхъ народовъ. Не самобытны, не оригинальны, незаконны роды и формы ихъ созданій. Если онѣ и носятъ на себѣ признаки таланта, то похожи на зданіе, котораго планъ начертанъ однимъ художникомъ, а выполненъ другимъ, принадлежащимъ другому вѣку и народу; похожи на пламенное произведеніе юноши поэта, написанное на тему, потомъ переправленное и передѣланное варваромъ-педагогомъ. Такова Энеида и всѣ поэмы, существующія на свѣтѣ потому только, что существовала прежде нихъ Иліада, а не почему иному. У этихъ народовъ, обыкновенно, тотъ и поэтъ, кто началъ писать прежде другихъ, кто вышелъ на арену и громко закричалъ: Смотрите, я поэтъ! И вотъ причина деспотическаго владычества Ронсаровъ, Кантемировъ, Тредьяковскихъ, Сумароковыхъ [268]). Но это владычество непродолжительно; оно оканчивается тотчасъ, какъ народъ начнетъ понимать истинное значеніе поэзіи. Тогда новое и горе: тогда является множество другаго рода незаконныхъ поэтовъ. Это люди, больше или меньше доступные поэзіи, т. е. способные понимать ее; часто владѣющіе талантомъ формы, вмѣсто таланта творчества, т. е. умѣющіе

дать изящную форму всякой мысли, даже пустой. Они обыкновенно угождают, льстят своему времени и, посему, пользуются успѣхом только в свое время, тотчас забываемые, как наступит другое время и приведет с собою другія идеи, другія потребности. Хотите ли знать имена таких поэтов? Это Дезульер, Флоріаны, Делили, Богдановичи, Капнисты, Гнѣдичи и пр. и пр.

В дѣлѣ литературы, у всякаго народа бывают свои эпохи очарованія и разочарованія. Сначала господствует безотчетное удивленіе; все кажется прекрасным, великим, безсмертным, авторитеты царствуют, как Олимпійскіе боги, и едва соблаговоляют преклонять свой слух к гимнам хваленій. И какой многолюдный Олимп! Еслибы он сошел на землю, то не достало-бы ни мѣст, ни матеріялов для построенія ему приличных храмов. Это эпоха веселая, как и всѣ эпохи очарованія, но глупая и нелѣпая, как всѣ эпохи торжества посредственности, самозванства, безвкусія, униженія искусства, истины, здраваго смысла. Потом наступает эпоха разочарованія и приводит за собою дух реакціи, критики, анализа. Знаменитости подвергаются строгому изслѣдованію; самозванство развѣнчивается; истинной заслугѣ отдается должная почесть; Олимп пустѣет, но его пустота почтенна, ибо если немногія, зато яркія звѣзды сіяют на его вершинѣ. Есть люди, которые упорно остаются вѣрными своим прежним богам, и, видя разбитыя капища, сокрушенных идолов, с воплем и слезами восклицают: „Выдыбай, боже!“ Какая причина этого страннаго упорства? Посредственность и мѣлочное самолюбіе. Эти люди остервеняются не за идолов своих, а за самих себя, ибо в низпроверженіи своих идолов видят низпроверженіе своих понятій об изящном, упадок своего кредита во вкусѣ, чувствѣ, умѣ, познаніях. Жалкая и между тѣм вредная братія! Чтобы любить истину, должно жертвовать ей своими задушевными мыслями, привычками, предубѣжденіями. А легко ли это? Из одного и тогоже источника выходят различные результаты. Один так любит искусство, что посвящает всю жизнь свою на служеніе ему в качествѣ дѣйствователя, не думая о том, что у него нѣт таланта, и что он своею дѣятельностію оскорбляет святость и великость этого искусства, которому хочет служить; это любовь нечистая: к ней примѣшано много эгоизму, мѣлочнаго самолюбія. Другой так любит искусство, что, начавши писать по увлеченію и пріобрѣтши лестные успѣхи, но видя, что его произведенія, которым рукоплещет толпа, далеко не соотвѣтствуют тому идеалу поэзіи, который он создал себѣ, останавливается в началѣ поприща, успѣшно начатаго, с стѣсненным сердцем рвет и попирает ногами свои вялые лавры и рѣшается

никогда не оскорблять святости и великости искусства, которое обожаетъ. Вотъ это любовь къ искусству, любовь высокая, благородная! И можетъ ли такой человѣкъ хладнокровно видѣть, какъ жалкая посредственность или низкая злонамѣренность профанируетъ святость и великость боготворимаго имъ искусства, профанируетъ своимъ удивленіемъ къ блестящему ничтожеству, или своими кривыми толками объ изящномъ, или уродливыми созданіями—батардами искусства, выдаваемыми имъ за созданія творчества?... Можетъ ли онъ не подать голоса, остаться нѣмымъ, страшась преслѣдованій раздраженной посредственности, или боясь имени „ругателя“?

Въ нашей литературѣ теперь именно наступила эта эпоха анализа. Мы наконецъ хотимъ владѣть сокровищемъ немногимъ, но истиннымъ. А чтò то за сокровище, которое безпрестанно боишься потерять? Чтò тотъ за авторитетъ, который каждую минуту готовъ пасть? Что та за истина, которая боится изслѣдованія, темнѣетъ отъ взоровъ ума? Нѣтъ, пусть будетъ воздаваемо каждому должное, пусть заслуга пользуется уваженіемъ, а бездарность обличится и всякій займетъ *свое* мѣсто! Неужели наши мѣлкіе расчеты, наше жалкое самолюбіе, наши ничтожныя отношенія, дороже и важнѣе истины, общественнаго вкуса, общественной любви къ искусству, общественныхъ понятій объ изящномъ. Неужели мы всегда будемъ ѣздить верхомъ на палочкахъ? неужели наша литература всегда будетъ представляться въ формѣ Ивана Ивановича Перерепенко, который, съѣвши дыню, завертывалъ въ бумажку зерна и своей рукой надписывалъ: „Съѣдена тогда-то“?... Надо направлять общественный вкусъ и понятія объ изящномъ, распространять общественную склонность къ изящному. Мы уже теперь не ослѣпляемся знаменитостію рода, незаслуженными отличіями: зачѣмъ еще будемъ мы ослѣпляться знаменитостію литературныхъ именъ, незаслуженными авторитетами? Имя—ничего; важно дѣло.

Приступая къ оцѣнкѣ стихотвореній Г. Баратынскаго, я не безъ намѣренія сдѣлалъ такое обширное вступленіе. У насъ еще такъ много людей, которые, зная, что *говорить правду—потерять дружбу*, что хвалить гораздо выгоднѣе, чѣмъ хулить, почитаютъ говорящихъ правду людьми безпокойными и злонамѣренными; также точно, какъ у насъ еще много людей, которые почитаютъ злонамѣренностію и безнравственностію воставать громко противъ взяточничества, ибо у насъ еще и теперь многіе думаютъ, что никто не имѣетъ права мѣшать другому наживаться, а, по ихъ мнѣнію, всякое средство къ наживѣ позволительно. Неужели и въ литературѣ должно находиться такое-же *подъячество* мнѣній?..

Я не буду слишкомъ распространяться въ разборѣ стихотвореній Г. Баратынскаго; вопросъ не обширный и притомъ очень ясный.

Г. Баратынскій поэтъ ли? Если поэтъ, какое вліяніе имѣли на нашу литературу его сочиненія? какой новый элементъ внесли онѣ въ нее? какой ихъ отличительный характеръ? Наконецъ, какое мѣсто занимаютъ онѣ въ нашей литературѣ?

Нѣсколько разъ перечитывалъ я стихотворенія Г. Баратынскаго и вполнѣ убѣдился, что поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ въ нихъ [269]). Основный и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами. Слѣдующее стихотвореніе, взятое на выдержку, всего лучше характеризуетъ свѣтскую, паркетную музу Г. Баратынскаго.

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я фиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ староверца.

Скажите, Бога ради, неужели это чувство, фантазія, а не игра ума? И перечтите всѣ стихотворенія Г. Баратынскаго: чтó вы увидите въ каждомъ изъ лучшихъ? Два-три поэтическіе стиха, вылившіеся изъ сердца; потомъ риторику, потомъ нѣсколько прозаическихъ стиховъ; но вездѣ умъ, вездѣ литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку и больше ничего. Читая эти два тома, вы видите, что они написаны человѣкомъ, для котораго жизнь была не сномъ, который мыслилъ, чувствовалъ, котораго занимали и интересовали предметы человѣческаго уваженія, но ни одно изъ нихъ не западетъ вамъ въ душу, не взволнуетъ ее могущею мыслію, могущимъ чувствомъ, не истомитъ ее сладкою тоскою и не наполнитъ тревожнымъ упоеніемъ, отъ котораго занимается духъ и по тѣлу пробѣгаетъ электрическій холодъ. Я не хочу сравнивать, въ этомъ отношеніи, Г. Баратынскаго съ Пушкинымъ; такое сравненіе было-бы не добросовѣстно. Возмемъ параллель пониже, возмемъ Г. Козлова и противопоставимъ его Г. Баратынскому—то ли это? Г. Козловъ, поэтъ не геніяльный, поэтъ обыкновенный, но вотъ чтò значитъ быть истиннымъ поэтомъ въ какой бы то ни было степени! Можете ли вы читать безъ упоенія его дивную, роскошную, таинственную, благоухающую и блестящую „Венеціянскую ночь" [270]) и многія другія

мѣлкія стихотворенія; не пробуждаютъ-ли всей вашей души многія мѣста изъ его Чернеца и не вызываютъ-ли они всѣхъ вашихъ задушевныхъ думъ, не откликаетесь-ли вы на нихъ своимъ чувствомъ? Есть и у Г. Баратынскаго нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній, какъ-то: „Элегія на смерть Гете, О счастіи съ младенчества тоскуя, Дало двѣ доли провидѣніе, Когда печалью вдохновенный, Бѣжитъ невѣрное здоровье, Не искушай меня безъ нужды, Притворной нѣжности не требуй отъ меня, Черепъ, Послѣдняя смерть“ [271]) но однѣ изъ нихъ хороши по мысли, но холодны, а всѣ вообще оставляютъ въ душѣ такое-же слабое впечатлѣніе, какъ дуновеніе устъ на стеклѣ зеркала: оно легко и скоропреходяще. Въ наше время, холодное, прозаическое время, надо въ поэзіи огня да огня: иначе насъ трудно разогрѣть.

Въ числѣ необходимыхъ условій, составляющихъ истиннаго поэта, должна непремѣнно быть современность [272]). Поэтъ больше, нежели кто нибудь, долженъ быть сыномъ своего времени. Скажите, Бога ради, можетъ-ли *поэтъ* нашего времени написать два длинныхъ, вялыхъ, прозаическихъ посланія, каковы къ Богдановичу и Гнѣдичу, въ которыхъ самый механизмъ стиховъ скрыпитъ, какъ тяжелыя ворота на вереяхъ, и въ которыхъ нѣтъ не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли? Можетъ ли *поэтъ* нашего времени написать, а если уже имѣлъ несчастіе написать, то помѣстить въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, напримѣръ, вотъ такое стихотвореньице:

Не знаю, милая, Не знаю!
Краса плѣнительна твоя:
Не знаю, я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я?

Чѣмъ это сентиментальное стихотвореніе лучше „Тріолета Лилетѣ“ написаннаго Карамзинымъ?..

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться-ли мнѣ, идти-ли прочь,
Межь нами долго шли совѣты.
Но въ чашу свѣтлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой,
Послушай, молвила она,
Вино совѣтникъ самый здравый.
Я пилъ; на что-жь рѣшился
Благимъ внушеньямъ полной чаши?
Побрелъ по слякоти, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

И это поэзія?.. И это хотятъ насъ заставить читать, насъ, которые

знаютъ наизустъ стихи Пушкина?.. И говорятъ еще иные, что XVIII вѣкъ кончился!..

Она придетъ? къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;
Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близь любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.

Не правда ли, что два послѣдніе стиха похожи на заключеніе хріи?

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры! посвятилъ;
Меня ты плохо наградилъ,
Далъ мало сердцу на разживу!
Подобно мнѣ любилъ-ли кто?
И что-жь я вспомню не тоскуя?
Два, три, четыре поцѣлуя!..
Быть такъ; спасибо и за то.

Но зачѣмъ-же вы выбираете такія стихотворенія? можетъ быть, спроситъ меня иной недовѣрчивый читатель. Зачѣмъ-же помѣщены онѣ? отвѣчаю я. Въ наше время, поэты должны быть осторожны и не представлять изъ себя Далай Ламу... [273]).

О поэмахъ Г. Баратынскаго я ничего не хочу говорить: ихъ давно никто не читаетъ. Нападать на нихъ было бы грѣшно, защищать странно. Однако замѣчу мимоходомъ, что въ „Пирахъ" блестятъ мѣстами искры остроумія и даже изрѣдка чувства, какъ напримѣръ, въ этихъ стихахъ:

Кричали вы, смѣлѣе пей!
Развеселись, товарищъ милой,
Вздохнувъ, разсѣяно-послушный,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшія уста,
„Богъ съ ней" невнятно лепетали.
И гдѣ измѣнщица любовь!
Ахъ, въ ней и грусть очарованье!
Я испытать желалъ-бы вновь
Ея знакомое страданье!
И гдѣ-жь вы, рѣзвые друзья,
Вы, кѣмъ жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:

И каждый съ ропотомъ вздохнулъ
И брату руку протянулъ
И вдаль побрелъ своей дорогой;
И каждый въ горести нѣмой,
Быть можетъ, праздною мечтой
Теперь былое пролетаетъ,
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаетъ!

Предоставляю читателю вывести результатъ изъ всего, что̀ я сказалъ.

В. Бѣлинскій.

*129. **Довмонтъ. Князь Псковскій.** Историческій романъ XIII вѣка. Соч. *А. Андрѣева.* Москва. Въ типографіи Степанова. 1835. Двѣ части: I—137; II—148, III. (12). Съ лубочною картинкою и эпиграфомъ:

Въ дни мирны быть во всемъ полезнымъ гражданиномъ,
Во дни военныхъ бурь быть Россомъ, Славяниномъ,
Вотъ свойство Россіянъ, отечества сыновъ! [274]).

Чудный романъ! Удивительный романъ! Я, признаться, не дочелъ его второй части, не потому, чтобы онъ показался мнѣ скученъ, вялъ, безтолковъ и бездаренъ; но потому, что я люблю *хорошаго понемножку* и всегда имѣю привычку дочитывать хорошія книги по листочку въ день, вмѣсто лакомства, вмѣсто конфектъ. Но не смотря на то, что я остановился на половинѣ третьей главы второй части этого романа, я могу вполнѣ оцѣнить его и дать понятіе о его характерѣ и достоинствахъ. Характеръ и достоинства „Довмонта, Князя Псковскаго", составляютъ — историческая вѣрность, съ какою схваченъ духъ Руси въ XIII вѣкѣ, народность вообще, патріотизмъ, чистѣйшая нравственность и слогъ. Русь изображена какъ не льзя лучше: тутъ дѣва на скалѣ крутояраго берега рѣки Москвы, при громѣ, молніи и завываніи яростнаго аквилона, произноситъ трагическій монологъ, закалывается кинжаломъ и упадаетъ въ пѣнистыя волны Москвы; тамъ удалой *Налетъ*, сдѣлавшійся атаманомъ разбойнической шайки, въ слѣдствіе несчастной любви, совершаетъ великодушные подвиги въ родѣ *Карла Моора:* не правда ли, что

Здѣсь Русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ?

Чувство патріотизма у почтеннаго автора доходитъ до nec plus ultra: всѣ Татары у него подлецы и трусы, которые бѣгаютъ толпами отъ одного взгляда Русскихъ богатырей; Русскіе всѣ благородны, великодушны и храбры, ѣдятъ и дерутся, какъ истинные герои

Владиміровыхъ временъ [1]). Даже иновѣрцы, служащіе Руси, отъ Литвина *Довмонта* до Черкеса *Сайдака*, отличаются храбростію, чистѣйшею нравственностію и превосходнымъ аппетитомъ. Что касается до нравственности—ею проникнутъ весь романъ, начиная съ заглавія до обвертки. Слогъ самый *ученый*, ибо преизобильно усѣянъ, словно веснушками на лицѣ, *сими* и *оными*; языкъ персонажей есть языкъ лучшаго общества. Вотъ примѣръ:

„*Кикиморы?* Нѣтъ. Да какія?..

— Тѣже самыя, которыя *удостоили посъщеніемъ своимъ* тебя и вчера и за которыя ты чуть было не задушилъ меня.

„Да, твоя правда, отвѣчалъ Бояринъ, теперь дѣло должно идти не о *Кикиморахъ*, а объ завтракѣ. Положимъ, что *ты постигнулъ таинственный смыслъ моихъ словъ*, которыхъ племянникъ совсѣмъ и не понялъ, а между тѣмъ приготовимъ „то, что *составляетъ ихъ основаніе*".

Не правда ли, что выраженія: *удостоили посъщеніемъ своимъ; ты не постигнулъ таинственнаго смысла моихъ словъ; составляетъ ихъ* (моихъ словъ) *основаніе*—всѣ этѣ выраженія удивительно какъ отзываются *тринадцатымъ въкомъ?* Чудный романъ! Удивительный романъ!

***130. Сцены изъ Петербургской жизни.** Соч. *В. В. В.* Часть первая Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча. 1835. 133. (12) [275]).

Ба! ба! ба! старые знакомцы! милости просимъ!.. А я было и не узналъ сначала! Но трудно обмануть глазъ опытный и присмотрѣвшійся къ литературнымъ мистификаціямъ, компиляціямъ и спекуляціямъ!. Этотъ таинственный господинъ В. В. В. украшаетъ Сынъ Отечества пародіями на Бальзака [2]), которыя онъ однакожъ называетъ повѣстями и теперь издаетъ отдѣльными книжками.

На что, подумаешь, народъ не ухитрится!

Бальзакъ написалъ „Сцены Частной Жизни" и „Сцены Парижской Жизни:" какъ было не написать Г-ну В. В. В. „Сценъ Петербургской Жизни?" Теперь намъ остается ждать, чтобы какой нибудь рыцарь Толкуна или Смоленскаго рынка написалъ „Сцены Московской Жизни", и чтобы Г. Логиновъ издалъ этѣ „Сцены Московской Жизни" и приложилъ къ нимъ картинки своей собственной литографіи. Въ такомъ случаѣ, „Сцены Московской Жизни", взяли бы

[1]) *Рязанцы* особенно храбры: у нихъ не только живые, но и мертвецы *оказываютъ послъднія усилія отчаяннаго мужества*. (Ч. I, ст. 99).

[2]) Такъ на примѣръ, въ каррикатурной повѣсти „Домикъ на Литейской" жалкимъ образомъ перепародирована „La vendetta" Бальзака.

верхъ надъ „Сценами Петербургской Жизни“ и прекрасными картинками и тѣмъ, что онѣ были бы оригинальнымъ произведеніемъ, а не пародіею на Бальзака. Чего добраго! того и гляди!..

(— **онъ — инскій**).

***131. Повѣсти Александра Никитина.** Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части: I—107; II—84. (12) [276]).

Еще новый повѣствователь — и повѣствователь съ душою, чувствомъ, талантомъ! Кромѣ многихъ безусловныхъ достоинствъ истиннаго художественнаго созданія, повѣсти Г. *Никитина* въ особенности отличаются удивительно цвѣтистымъ и поэтическимъ слогомъ, и съ этой-то стороны мы преимущественно рекомендуемъ ихъ читателямъ. Чтобы дать хотя маленькое понятіе о ихъ слогѣ, выписываю нѣсколько фразъ, наиболѣе характеризующихъ его.

„*Восторгъ оторвалъ всѣ струны моего сердца, которыя* вотъ сію минуту *настроивала память* объ васъ, идеалъ мой!“

„Ахъ! было отвѣтомъ Прилуцкой, и въ поцѣлуяхъ, *не свѣтскихъ*, но *въ простыхъ поцѣлуяхъ, заклубился слезный паръ восторженныхъ ихъ чувствованій*“. „Говоръ обѣдающихъ вторитъ очаровательному оркестру, который, въ безконечномъ развитіи тоновъ, разноситъ гармоническіе звуки по пространству залъ. То искусные смычки выражаютъ страстное томленіе упоеннаго любовника или бурные восторги его сладострастія, то унылыя флейты выливаютъ мелодію любви элегической, то фаготы и контробасы завываютъ бурями и сливаютъ громовые свои звуки съ сладострастными тонами нѣжныхъ инструментовъ. Искрокипучія вина точутъ изъ граненыхъ бокаловъ алмазную пѣну во здравіе молодыхъ супруговъ. Стулья затрещали и *музыка собрала гостей въ длинную галлерею Польскаго.* Вдругъ молодой супругъ говоритъ, что ему тошно, дурно. Онъ блѣднѣетъ, шатается и падаетъ на полъ. Кровавая пѣна клубится *въ устахъ, увѣнчанныхъ поцѣлуями любви.* Блестящая сцена восторга, блеска, гармоніи, внезапно превращается въ отчаянные крики, вопли, суматоху и *буйный разгромъ всего созданнаго порядкомъ и вкусомъ.* Восторженные пиры брака, мгновенно *ударившись съ разрушительными ужасами смерти*, превратили все въ хаосъ непонятный“.

Но довольно—не хочу заранѣе лишать читателей того удовольствія, которое предстоитъ имъ отъ чтенія повѣстей Г. *Александра Никитина.* Удивляюсь одному: какъ этѣ повѣсти не попали въ Библіотеку для Чтенія? Ужъ не помѣшало ли этому достаточное количество „*сихъ* и *оныхъ*“, которыми украшенъ цвѣтистый и поэтическій слогъ Г. *Александра Никитина?..*

***132. Горе отъ тещи или женись да оглядывайся.** Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. Григорьева.* Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Х. Гинце. 1835. 90. (8) [277]).

Великое дѣло театральное представленіе! Вы сидите въ театрѣ, смотрите на водевиль и не рѣдко отъ души хохочете и удивляетесь и оригинальности характеровъ и занимательности положеній и остротѣ куплетовъ. Потомъ, вы читаете у себя дома этотъ же самый водевиль, который доставилъ вамъ столько удовольствія въ театрѣ, и что-же?.. Да, великое дѣло искусная игра! Актеръ столько творецъ, сколько и поэтъ! Это всего виднѣе въ водевиляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ актеру не для чего угадывать автора; нѣтъ, въ этомъ случаѣ, его дѣло творить. И это тѣмъ легче, что водевильные персонажи похожи на платье, которое всѣмъ по плечу: искусный актеръ изъ одного персонажа можетъ создать двадцать характеровъ. Тѣмъ лучше! Помните ли вы Г. Щепкина въ ролѣ Кузьмы Петровича Курскаго, а Г. Живокини въ ролѣ Тимофея Васильевича Зябликова? Какъ не помнить! Вы такъ много смѣялись надъ этимъ бѣднымъ и старымъ мужемъ и зятемъ, который боится и жены и тещи, и надъ этимъ провинціяльнымъ чиновникомъ, его другомъ, который въ такомъ отчаяніи отъ мнимой невѣрности своей жены! И что же? Вы читаете этотъ водевиль у себя въ комнатѣ—и дивитесь, какъ вы могли смѣяться, когда его давали на театрѣ. Впрочемъ, этотъ водевиль хорошъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ слишкомъ рѣзкихъ экивоковъ, которые заставили Г. Гоголя сказать про нашъ театръ, что „Русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ вѣрно не услышишь и въ театрѣ". Прибавьте къ этому смыслъ, грамматику, опрятность изданія—и вы не захотите слишкомъ тратиться порохомъ на этотъ водевиль. Сверхъ того, въ немъ есть довольно забавные куплетцы, какъ напримѣръ, вотъ эти:

Я сказалъ одно лишь слово,
И невѣсту отыскалъ;
Впрочемъ, тутъ всему основа
И подмога капиталъ!
Капиталъ
Мнѣ невѣсту отыскалъ!
Деньги есть, и все готово,
Васъ любить почтутъ за честь;
Пусть здѣсь нѣтъ чего другова,
А невѣстъ премного есть!
Крикни только: *деньги есть!*
Такъ невѣстъ не перечесть.
Здѣсь безъ денегъ молодова
Недостойнымъ всѣ почтутъ,

А при деньгахъ хоть сѣдова
Такъ съ руками оторвутъ!
Оторвутъ!
Если много только тутъ (въ карманѣ).
А про мундиръ я то сказать обязанъ,
Что можетъ васъ невольно оживить:
Весь женскій полъ къ мундирамъ такъ привязанъ,
Что радъ бы самъ въ мундирѣ вѣкъ ходить.
Въ глазахъ невѣстъ мундиръ предметъ безцѣнный,
Предметъ любви, безумья, счастья ихъ;
Такъ у дѣвицъ *одинъ* военный
Идетъ за штатскихъ *четверыхъ.*
Красивый вашъ мундиръ *насъ* убиваетъ!
Какъ часто онъ здѣсь прелестью своей
Плѣняетъ женъ, васъ тѣшитъ, украшаетъ,
И краситъ лбы у пожилыхъ мужей?

***133. Плачь на кладбищѣ**, или Сельская дѣвица. Сочиненіе *Ѳедота Кузмичева*. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. 36. (12).

Сельскій колдунъ, или крестьянская свадьба. Сочиненіе *Ѳедота Кузмичева*. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. 96. (12).

Незаконнорожденный или Жизнь и Смерть. Нравственно-фантастическій романъ (??!!), передѣланный (?!...) съ Польскаго *А. П. Протопоповымъ*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части: I—VIII, 126; II—126. (16). Съ эпиграфомъ:

Ты сынъ любви, ты жертва рока
Въ зародышѣ убитый плодъ,
Дитей постыднаго порока
Слѣпая чернь тебя зоветъ?... [278]).

Я ни слова не хочу говорить о двухъ новыхъ произведеніяхъ неутомимаго пера почтеннаго *Ѳедота Кузмичева*: его имя говоритъ за него лучше и громче всѣхъ похвалъ. Да, именно: для такихъ авторовъ, какъ Гг. *Кузмичевъ*, *Орловъ* и *Сиговъ* не нужно похвалъ: они выше ихъ, да и притомъ же публика (т. е. ихъ собственная публика) слишкомъ хорошо знаетъ своихъ любимцевъ. Другое дѣло Г. *А. П. Протопоповъ*: онъ еще новичекъ въ литературѣ и далеко ниже той славы, которою пользуются помянутые мною авторы, хотя и принадлежитъ къ ихъ категоріи. Странно только то̀, что, подражая всѣмъ имъ троимъ въ духѣ и красотахъ своего сочиненія, онъ только съ однимъ Г. *Сиговымъ* сошелся въ бранчивомъ и неугомонномъ тонѣ своихъ объясненій съ рецензентами. Да! онъ написалъ ужасное воззваніе къ рецензентамъ, такъ что теперь едва ли у кого подымутся руки на его *нравственно-фантастическій* романъ. Вотъ

оно, это ужасное, зловѣщее и *нравственно-фантастическое* воззваніе—слушайте и дивитесь храбрости *нравственно-фантастическаго* автора:

„Къ Рецензентамъ.

„Гг. Рецензенты! честь имѣю (????) рекомендовать вамъ мой романъ! прошу *любить его да жаловать!* Если судьба заброситъ его въ вашъ кабинетъ (*мудрено, впрочемъ!*), то прочитайте его со вниманіемъ (*ай! ай! Что вы, Г. сочинитель? Господь съ вами!*), оцѣните безпристрастно (*вотъ это извольте, готовы служить, тѣмъ больше, что это легко сдѣлать и не читая его)* и потомъ наваляйте грозное *разругали* (*конечно, есть изъ чего и хлопотать*). Не думайте, что я осержусь на васъ (*о, помилуй Богъ!*), если замѣтите, быть можетъ, что онъ годится на обертку (*о, будьте спокойны—годится и на другое что-нибудь!*), или нѣтъ, я не буду сердиться, но отъ души посмѣюсь надъ вами, какъ надъ мужичькомъ (*какъ вѣжливо и откровенно!*), въ глазахъ котораго какой-нибудь *Францылъ Венеціанъ* имѣетъ болѣе цѣны, нежели словесность (*какая*?) Николая Ивановича Г. Греча (*а! понимаемъ, въ чемъ дѣло!*), или Кавказскій Плѣнникъ Александра Сергѣевича Пушкина.

„*Apropos*. Замѣтьте, если увижу ваше ужасное *разругали* неправдоподобнымъ, смѣшнымъ, неосновательнымъ, глупымъ (*ай! ай!*), то трепещите (*утоли, Господи, командирское сердце!*). Бумага есть, перьевъ много, чернилъ также—*ego vos*!!... Смотрите, совѣтую вамъ поступать дружелюбно, иначе и сами согрѣшите и меня въ грѣхъ введете. *Au revoir*. А. П. Протопоповъ. Черная Грязь. (*именно, черная грязь*!) 1834, Іюня 24“.

Мы не намѣрены *валять* на Г. *А. П. Протопопова* грознаго „разругали“, не хотимъ дѣлать этого сколько изъ уваженія къ читателямъ, столько и по собственному отвращенію къ такой черной работѣ; мы только замѣтимъ мимоходомъ Г. *А. П. Протопопову*, что не мѣшало бы ему быть повѣжливѣе, что литература не рынокъ, и что въ ней есть свои законы приличія, что литераторъ не боксеръ; къ этому еще совѣтуемъ ему заучить потверже премудрый совѣтъ *Чадскаго Репетилову:*

Послушай, ври, да знай же мѣру.

Au revoir, Г. А. П. Протопоповъ!

(В. Б.).

***134. Нѣмецко-Русскій словарь**, составленный по лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ списка употребительнѣйшихъ именъ мужскихъ и женскихъ, географическаго словаря и пространной таблицы неправильныхъ глаголовъ. Составленный обществомъ любителей обоихъ языковъ. С. Петер-

бургъ, иждивеніемъ книгопродавца *Я. Брифа*. **Въ типографіи III-го отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи.** 1834—1835. **Двѣ части:** I—(XIX) 940; I—1318 (16) [280]).

Публика должна быть очень благодарна Г. Брифу: изданный имъ словарь есть неоцѣненное сокровище во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ какъ въ немъ расположеніе совершенно новое, то для не привыкшихъ къ нему, очень затруднительно пріискивать слова; но когда привыкнешь, нѣтъ ничего легче. Новость этого расположенія состоитъ въ томъ, что въ немъ выставлены одни главныя слова, по большей части однѣ имена и глаголы, и, вмѣстѣ съ ними, всѣ происходящія отъ нихъ прилагательныя, нарѣчія, всѣ предлоги, дающія этимъ словамъ другое значеніе. Вотъ примѣръ, *springen* значитъ прыгать, скакать, а *spr(u?)ng* значитъ ключь: послѣдняго слова вы нигдѣ не найдете особенно, въ началѣ статьи выставленнаго, но должны искать подъ рубрикою *springen*; тамъ же выставлены и всѣ частицы, въ соединеніи съ которыми этотъ глаголъ принимаетъ другія значенія; частицы выставлены, а глаголъ замѣненъ черточками, чрезъ чтò выигрывается множество мѣста, а экономія мѣста въ словаряхъ дѣло великое, ибо очень непріятно рыться въ огромномъ фоліантѣ. Внѣшнія качества въ словарѣ составляютъ большую важность; самый форматъ играетъ въ немъ большую роль, и, въ этомъ отношеніи, я не знаю ничего лучше словаря Г. Брифа и ничего хуже словаря Г. Сергѣя Татищева, который, впрочемъ, есть лучшій и полнѣйшій Французско-Русскій (или Французско-*Россійскій* по Г. Татищеву) словарь. Пока еще трудно сказать что нибудь удовлетворительное о внутреннихъ достоинствахъ или недостаткахъ словаря Г. Брифа: сперва надо хорошенько присмотрѣться къ нему, а для этого нужно время. Впрочемъ и теперь видно, что онъ полнѣе и удовлетворительнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему, хотя впрочемъ нѣкоторыя и говорятъ, что иныхъ словъ и въ немъ не льзя найдти, также жалуются и на скудость фразеологіи: этого жаль, ибо мы думаемъ, что для поправленія этого недостатка предостаточно пяти лишнихъ листовъ, а *сто шестдесятъ* страницъ не сдѣлали бы слишкомъ замѣтной разницы въ толщинѣ книги. Еще одинъ недостатокъ этого словаря состоитъ въ томъ, что слова, пишемыя различнымъ образомъ, въ немъ означены только по употребительнѣйшей ороографіи, чрезъ чтò люди, не коротко знакомые съ Нѣмецкимъ языкомъ, приводятся въ большое затрудненіе. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, словарь Г. Брифа есть неоцѣненный подарокъ публикѣ, и мы увѣрены, что, въ послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ, вѣроятно, будетъ много, онъ исправитъ всѣ его недостатки. Умѣренная, можно

сказать, неслыханно-умѣренная, цѣна [1]) этого словаря, заслуживаетъ особенную благодарность Г. Брифу, какъ доказательство его благонамѣренности, добросовѣстности и усердія. Какая разница съ Французскимъ словаремъ Г. Ольдекопа, словаремъ недостаточнымъ, дурно составленнымъ и продающимся по *двадцати* рублей!..

***135. Практическая Русская Грамматика**, изданная *Николаемъ Гречемъ*. Второе изданіе, исправленное. Санктпетербургъ, въ типографіи издателя. 1834. (VIII) 526. (8) [281]).

О такихъ книгахъ, какъ Грамматика Г. Греча, надо говорить все или не говорить ничего; поступить иначе было бы недобросовѣстно. Мы не хотимъ говорить о ней всего, во первыхъ потому, что о ней и такъ ужъ много было говорено, во-вторыхъ, мы не имѣемъ для этого ни времени, ни охоты, а въ третьихъ, почитаемъ это безполезнымъ дѣломъ, ибо, для полнаго и удовлетворительнаго разбора, надо начертать цѣлую систему грамматики. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, сказать тому или другому грамматисту: „вы не вѣрно смотрите на этотъ предметъ, не такъ излагаете тò, ошибаетесь въ этомъ“ не значитъ ли это, что я думаю объ этомъ не такъ, какъ Г. Гречь, ибо гдѣ у насъ основныя, *осѣдлыя* понятія о Русской Грамматикѣ, на которыя бы можно было опереться при разборѣ чьего бы то ни было грамматическаго сочиненія? А *мое* собственное мнѣніе ни для кого не законъ. Но для рецензента остается другая задача: показать, всегда ли вѣренъ авторъ собственнымъ своимъ понятіямъ, не противорѣчитъ ли онъ иногда самому себѣ, ясно ли онъ излагаетъ свою систему. Эта работа трудна, но безполезна, да мы и не имѣемъ для нея свободнаго времени, къ тому же можетъ быть, насъ бы и читать не стали, потому что такіе предметы не для всѣхъ интересны. Невѣрностей, сбивчивости, странностей, словомъ недостатковъ въ грамматикѣ Г. Греча очень много, но много и достоинствъ. Вообще эта книга, какъ магазинъ матеріяловъ для Русской грамматики, есть сочиненіе драгоцѣнное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горькій упрекъ намъ, Русскимъ, которыхъ даже и нашему-то родному языку учатъ иностранцы [282]).

***136. Опытъ полнаго учебнаго курса Русской Грамматики**, для преподаванія Русскимъ и иностранцамъ. *М. Д. И.* Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. (VIII) 71. (8) [283]).

Г. сочинитель этаго „Опыта полнаго учебнаго курса Русской грамматики для преподаванія Русскимъ и иностранцамъ“, въ своемъ пре-

---

[1]) За обѣ части *десять рублей асс.*

дисловіи, усѣянномъ *сими* и *оными* и обнаруживающемъ неумѣніе выразиться порядочнымъ Русскимъ языкомъ на какихъ нибудь четырехъ страницахъ, затѣялъ реформу въ Русской грамматикѣ: въ добрый часъ! Теперь грамматическимъ реформаторамъ и счету нѣтъ—

Чего! плодятся годъ отъ году!

Мы прочли этотъ опытъ и не нашли въ немъ ничего новаго; всеобщей же грамматики, о которой Г. авторъ говоритъ въ предисловіи и духу нѣтъ; все старое, взято то у Г. Греча, то у Г. Востокова, но больше у перваго. Тѣже три склоненія, тѣже три спряженія, неправильныя, сбивающія съ толку бѣднаго ученика; тоже *имя* прилагательное, тѣже мѣстоименія *мой, твой, свой, нашъ, вашъ*, которыя никогда мѣстоименіями не бывали, но которыя суть слова опредѣлительныя или прилагательныя [284]), словомъ, все какъ было и притомъ какъ было у Г. Греча; новаго ровно ничего. Новаго только тó, что Г. авторъ такъ называемыя количественныя числительныя причисляетъ къ имени, а не къ прилагательному, и это намъ кажется справедливымъ. Впрочемъ, надо сказать, что этотъ Опытъ, не заключая въ себѣ ничего новаго, не можетъ дѣлать никакого вреда въ преподаваніи, какъ сокращеніе Грамматики Г. Греча.

137. Грамматическіе уроки Русскаго языка. *Димитрія Каширина*, старшаго учителя Пинскаго дворянскаго училища, нравственно-политическихъ наукъ дѣйствительнаго студента. Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. 68. (16) [285]).

Мы долго добивались значенія и цѣли этой книжки и никакъ не могли добиться. Сколько мы могли понять и тутъ дѣло идетъ о грамматической реформѣ и точно въ такомъ же духѣ, какъ и у всѣхъ нашихъ грамматическихъ реформаторовъ. Перемѣнятъ терминъ, не перемѣнивши вещи, и думаютъ, что очень много сдѣлали. На пр. дѣло давно рѣшено, что буквы ъ, ь и *й* суть полугласныя, такъ нѣтъ: для послѣдней изъ нихъ Г. Каширинъ выдумываетъ новое названіе—*подручной* или *краткой*; *мѣстоименіе*, этотъ терминъ такъ правильно, такъ удачно составленный, такъ хорошо выражающій идею и значеніе этой части рѣчи, *мѣстоименіе*, къ которому мы такъ привыкли, такъ прислушались, съ которымъ такъ освоились съ самаго дѣтства, мѣстоименіе Г. Каширинъ перекрещиваетъ въ *лицесловіе* или *лицеуказаніе* и думаетъ, что онъ этимъ далеко подвигаетъ впередъ Русскую грамматику. Странное дѣло, какъ можно придавать столько важности такимъ мѣлочамъ, какъ можно заниматься ими! Неужели наука ограничивается только этимъ? Неужели для человѣка, для его мысли, его чувства, не существуетъ другихъ, высшихъ

интересовъ въ самой грамматикѣ? Не ужели тотъ болѣе христіянинъ, кто вступаетъ въ церковь правою ногою, нежели тотъ, кто вступаетъ въ нее лѣвою?.. Вѣдь были же такія времена, когда люди и объ этомъ спорили фанатически!

Съ удивленіемъ увидѣлъ я изъ этой первой тетради Грамматическихъ уроковъ, что въ Русскомъ языкѣ только *пять* гласныхъ буквъ: *а, о, у, і, э*; кудаже дѣвались: *е, ы, я, ю, и*? Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что частей рѣчи въ Русской грамматикѣ *десять*; числительныя прилагательныя (составляющія одно отдѣленіе съ прилагательными обстоятельственными) составляютъ особенную часть рѣчи; что есть особенная часть рѣчи—глаголъ коренной (вѣроятно *быть*) и пр. и пр., всего не перечтешь.

Мы желаемъ узнать отъ Г. Каширина, какую принялъ онъ систему въ изложеніи грамматики, ибо изъ первой тетради, которой титулъ мы выписали, вмѣстѣ съ гражданскимъ титуломъ Г. автора, мы этого не видимъ. Кажись дѣло идетъ о буквахъ и словахъ, но зачѣмъ же тутъ вмѣшалось правописаніе, не понимаемъ. Чтоже касается до правописанія, то мы въ этомъ отношеніи вполнѣ согласны съ рецензентомъ Библіотеки для Чтенія, который говоритъ, что наше правописаніе пестритъ страницу, безъ всякой нужды, прописными буквами и что „кланяться большими буквами извѣстнымъ званіямъ ни на что не похоже, потому что буквы не созданы для поклоновъ и должны стоять прямо“. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ прописныя буквы существуютъ въ произношеніи, развѣ онѣ не суть дѣло условное? Если въ началѣ рѣчи и въ собственныхъ словахъ принято писать большія буквы, то зачѣмъ же писать ихъ въ словахъ нарицательныхъ? А развѣ королевство, профессоръ, генералъ, и *даже* дѣйствительный студентъ, не такія же нарицательныя слова, какъ уѣздъ, округъ, ученикъ, солдатъ? По моему мнѣнію, такъ и прилагательныя, происходящія отъ собственныхъ именъ, должно писать строчными буквами; вѣдь нарѣчія, произходящія отъ собственныхъ прилагательныхъ (*порусски, понѣмецки*) обходятся же безъ прописныхъ буквъ?

138. Отвѣтъ критикамъ, разсуждающимъ при (объ?) моемъ объявленіи: Краткая система Русской грамматики, заключающая въ себѣ многія новѣйшія правила и критическій разборъ другихъ грамматикъ и пр., по которой обучаясь, легко можно изучать и грамматику употребительнѣйшихъ иностранныхъ языковъ, какъ-то: Французскаго, Латинскаго и Нѣмецкаго. Москва. (Типографіи не означено). 1835. 20. (4) [286]).

Удивительные успѣхи оказываетъ у насъ литературная промышленность! Право не льзя не подивиться ея ловкости, изворотливости и дѣятельности! Какая у ней смѣтливость! какое у ней чутье! Она

знаетъ, когда надо пускать въ оборотъ романы, когда повѣсти, когда драмы, когда учебныя книги! Этого мало, она знаетъ, когда и какія именно надо дѣлать учебныя книги! Она теперь принялась за грамматику! Бѣдная грамматика! Чего не дѣлаетъ она съ нею!

Г. *Гуслистый* выдаетъ себя за педагога; сперва онъ издавалъ разные буквари, способы выучивать дѣтей въ нѣсколько часовъ грамотѣ, но видно это не выгодно; теперь онъ прикинулся грамматическимъ реформаторомъ и грозится показать намъ истинную систему Русской грамматики. Для этого онъ вывѣсилъ въ книжной лавкѣ Н. Н. Глазунова огромную программу, напечатанную крупными литерами разныхъ шрифтовъ; но и этого ему показалось мало: онъ выдумалъ, что у него есть враги, завистники, которые будтобы разобидѣли его систему еще до появленія ея на бѣлый свѣтъ. Я никогда и ничего не слышавшій о системѣ Г. Гуслистаго, ни о его врагахъ и завистникахъ, тщетно ломалъ себѣ голову, чтобы узнать который изъ нашихъ журналовъ былъ такъ не самолюбивъ, такъ не уважателенъ къ самому себѣ, что обнаружилъ непріязнь и зависть къ Г. Гуслистому? Наконецъ, къ крайнему удивленію моему увидѣлъ, что Г. Гуслистый *сочинилъ* себѣ непріятелей завистниковъ, за неимѣніемъ настоящихъ. Чтò за литераторъ у котораго нѣтъ враговъ? Чтò за книга, которую даже и не бранятъ?

Но чтò за система Г. Гуслистаго? Этого я никакъ не могъ понять; это что-то въ родѣ сфинксовой загадки, на которую едвали найдется новый Эдипъ. И потому я не стану разбирать ее, а потѣшу васъ выпиской изъ брошурки Г. Гуслистаго: изъ этой выписки вы лучше узнаете, чтò за система Г. Гуслистаго и можетъ ли она возбудить непріязнь и зависть. И такъ слушайте: „Вотъ задача, надъ рѣшеніемъ которой я теперь тружуся! вотъ основа моего сочиненія!— Не знаю, понравится ли это нашимъ лингвистамъ? Впрочемъ *согласятся* они или *нѣтъ*, я на это мало смотрю! Четыре года трудился я надъ *сею* идеею и отъ нее (я?) не отступлю. *Четыре года!*—Скажутъ *мало, очень мало!!*—Конечно, не много, но я доказалъ, что я могъ въ два часа найдти, а въ *три* мѣсяца издать *то*, чего другіе долго и даже очень долго не находили. Я указываю на мой *способъ обученія чтенію*. Да! смѣло могу гордиться *симъ* произведеніемъ. Его многіе еще не понимаютъ или не хотятъ понять, это меня не безпокоитъ, будетъ время, поймутъ и по неволѣ со мною согласятся. Ежели бы я въ силахъ былъ такъ отчетливо изложить грамматику, *сію* великую, необходимую науку народовъ, я былъ бы благодаренъ провидѣнію. Не принесъ бы 100 воловъ, какъ Пиѳагоръ, на 100 дней пожертвовалъ бы Тому, отъ Котораго вся наша и мысль и воля и совершеніе ея. Но, признаюсь, при всемъ моемъ усиліи представить

въ семъ отношеніи что-либо похожее на chef-d'oeuvre, вижу высокую трудность и еще не напечатавши своей системы—готовъ оную перепечатать, но увѣренъ также, что перечернивши, опять буду чернить". Что сказать на это?..

(В. Б.).

***139. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ**, издаваемая книгопродавцемъ *Ф. Ротганомъ*, на 1835. Санктпетербургъ. 1835. Части: XIV—124, 77; XV—156; XVI—VI, 288. (12) [287]).

Въ Москвѣ получено еще три *большихъ* тома „Библіотеки романовъ и историческихъ записокъ", издаваемой Г. Ротганомъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти томы очень велики: самый большой состоитъ изъ *двѣнадцати*, а самый меньшой состоитъ изъ *шести* листовъ: неужели этого мало?.. Хорошаго по немногу. Но многоли этого хорошаго у Г. Ротгана? Въ четырнадцатой тетрадкѣ, или четырнадцатомъ *большомъ* томѣ, какъ забавно увѣряетъ въ этомъ Г. Ротганъ, содержатся двѣ повѣсти: „Проклятый Сынъ" Бальзака и „Принцъ Ахмедъ Ал-Каменъ, или Пилигримъ любви" Вашингтона Ирвинга. Въ первой много поэзіи и ея не льзя читать безъ наслажденія; вторая не смотря на знаменитое имя своего творца, показалась намъ скучна, можетъ быть, потому, что вѣкъ сказокъ прошелъ. И въ самомъ дѣлѣ, ужъ коль читать сказки, такъ Арабскія, созданныя народомъ и характеризующія народную фантазію, а, слѣдовательно, и народный духъ сыновъ пустыни. Въ пятнадцатой тетради, или пѣтнадцатомъ томѣ, какъ еще забавнѣе выражается Г. Ротганъ, помѣщена прекрасная повѣсть, не сказано чьего автора, „Портретъ Наполеона". Жаль только, что эта повѣсть ужъ не новость: она была помѣщена въ Московскомъ Телеграфѣ; неужели Г. Ротганъ не заботится о томъ, чтобы его изданіе, въ числѣ другихъ достоинствъ, интересовало и новостію? Въ шестнадцатой книжкѣ находятся „Записки Доктора соч. Гаррисона", переведенныя неизвѣстно съ какого языка; впрочемъ не трудно догадаться. Не смотря на то, что „Записки Доктора", были помѣщаемы отрывками въ нашихъ журналахъ, Г. Ротганъ дѣлаетъ ихъ переводомъ истинный подарокъ нашей публикѣ. Переводъ во всѣхъ трехъ книжкахъ показался намъ хорошъ.

***140. Эшафотъ, или сынъ преступника**, историческій романъ новѣйшихъ временъ Франціи *А. Биньяна*. Переводъ съ Французскаго *Ивана Гурьянова*. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1835. Двѣ части: I—101; II—134. (12) [288]).

Г. Гурьяновъ, недавно издавшій тринадцать томовъ чужихъ стихотвореній, нашелъ новый способъ достойно подвизаться на поприщѣ

литературы: теперь онъ перефразируетъ чужіе переводы и выдаетъ ихъ за свои. Въ 1833 году, въ Петербургѣ вышелъ переводъ этого посредственнаго романа подъ симъ заглавіемъ: „Артюръ сынъ осужденнаго. Сочиненіе Биньяна. Переводъ съ Французскаго": въ 1835 году Г. Гурьяновъ передѣлываетъ этотъ переводъ, не видавши подлинника, и даетъ ему слѣдующее затѣйливое и заманчивое для провинціяловъ заглавіе: Эшафотъ или Сынъ Преступника, историческій (??!!) романъ новѣйшихъ временъ Франціи". Не угодно ли вамъ полюбоваться на то искусство, съ какимъ онъ пародировалъ переводъ скромнаго Петербургскаго переводчика?

Петербургскій переводъ.	*Московскій переводъ.*
Это былъ тотъ часъ, когда судьи, собравъ въ урну неумолимые свои голоса, осуждающіе на заключеніе въ темницу или смерть, спокойно расходятся вкусить всю сладость роскошныхъ ужиновъ, концертовъ и театровъ. Ихъ день кончился: и не должны ли они радоваться? Они обрекли тюремщику и палачу ежедневную пищу: окровавленныя руки и головы несчастныхъ жертвъ!..	Было уже за полдень, былъ тотъ часъ, въ который Судьи, рѣшивъ уже участь нѣсколько несчастливцевъ, и подписавъ инымъ приговоръ смертный, другимъ вѣчнаго заточенія. покойно пошли садиться за сытную, веселую трапезу, или въ театръ. Должностной день ихъ кончился; лихоимецъ-Секретарь (??!!) прочелъ написанный имъ по его условному разумѣнію (?) — экстрактъ дѣла (!!); они подписали приговоръ и довольны.

Очевидно, что Г. Гурьяновъ хотѣлъ придать своему переводу колоритъ Русской народности, и если вышла тривіяльность и нелѣпость ему до этого мало нужды. Его романъ стоитъ *шесть* рублей; ходебщики разпродадутъ его по *три гривенника* — и дѣло съ концомъ.

*** 141. Священная Исторія церкви ветхаго и новаго завѣта**, въ вопросахъ и отвѣтахъ. для обученія дѣтей. Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. 189. (12) [289]).

Мы не хотимъ распространяться о томъ, какъ важны и полезны книги, въ которыхъ излагаются основанія религіи для дѣтей и простаго народа: это истина несомнѣнная. Равнымъ образомъ, не хотимъ говорить и того, что составленіе такихъ книгъ требуетъ большой опытности, умѣнія и таланта: это также истина несомнѣнная. Еще менѣе намѣрены мы толковать о нелѣпости и вредѣ вопросо-отвѣтнаго изложенія всякаго знанія: въ этомъ также уже давно не сомнѣваются. Другое дѣло, вопросы, прилагаемые внизу страницы и

заставляющіе ученика пріискивать отвѣты собственнымъ соображеніемъ, какъ то и сдѣлано въ прекрасной книгѣ подъ названіемъ: „Сто четыре Священныя Исторіи“, соч. Гибнера, хорошо переведенной и нѣсколько разъ изданной. Не знаемъ, съ какою цѣлію написана эта книга, такъ дурно составленная и напоминающая учебныя сочиненія Меморскаго. Книжка эта состоитъ изъ *семи съ половиною* листовъ; половину ея занимаютъ вопросы, которые повторяются въ отвѣтахъ; тѣ и другіе изложены варварскимъ языкомъ и напечатаны на дурной бумагѣ.

*142. **Барановскій, или характеристическіе очерки частной жизни Малороссіянъ.** Малороссійская быль XVIII столѣтія. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части: I—126, II—165. (12) [290]).

Авторъ „Барановскаго“ имѣетъ странную привычку всѣхъ героевъ своего плохаго романа, говоря его собственными словами, *повергать въ объятія Морфея*: читателей, если они найдутся, ожидаетъ такаяже участь.

*143. **Валерій и Амалія** или несчастное семейство. Повѣсть *Алексѣя Тимофеева.* Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1835. 67. (12) [291]).

Самая чувствительная и притомъ по просьбѣ друзей написанная повѣсть! Въ концѣ ея, авторъ съ удивительною скромностію говоритъ: „Замѣчать и судить погрѣшности можетъ каждый читатель,—но *про себя* журналисты—выскажутъ *вслухъ*“. Увѣряемъ почтеннаго автора что его опасеніе въ томъ и другомъ случаѣ было напрасно.

(В. Б).

144. **О жизни и произведеніяхъ Сира Вальтера Скотта.** Сочиненіе *Аллана Каннингама.* Переводъ *Дѣвицы Д.....* Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. XVIII—143. (8) [292]).

Переводъ и изданіе этой книги принадлежитъ къ числу рѣдкихъ и утѣшительныхъ явленій въ нашей литературѣ, которыя бываютъ результатомъ мысли, исполняются con amore и съ толкомъ. Кому неизвѣстно великое имя Вальтера Скотта, оглашавшее своимъ громомъ болѣе четверти вѣка, а теперь сіяющее для потомства кроткимъ и благотворнымъ свѣтомъ? Кто не знаетъ созданій этого громаднаго и скромнаго генія, который былъ литературнымъ Колумбомъ и открылъ для жаждущаго вкуса новый, неисчерпаемый источникъ изящныхъ наслажденій, который далъ искусству новыя средства, облекъ его въ новое могущество, разгадалъ потребность вѣка и соединилъ дѣйствительность съ вымысломъ, примирилъ жизнь съ

мечтою, сочеталъ исторію съ поэзіею. Кто не читалъ и не перечитывалъ этѣхъ разнообразныхъ созданій, въ которыхъ Среднія Вѣка возстаютъ, и движутся, и проходятъ передъ нами, дышущія всею полнотою своей жизни, играющія всѣми радужными и мрачными лучами своей волшебной фантасмагоріи? Кто, наконецъ, не жилъ въ этомъ роскошномъ и разнообразномъ мірѣ чудесныхъ событій, дивныхъ физіономій, начиная отъ фанатическихъ войнъ Пуританскихъ до войнъ за вѣру въ Азіи, отъ колосальной фигуры фанатика Бурлея до фантастическихъ образовъ Ричарда, Лудвига XI, Карла Смѣлаго? Боже великій! Что̀ за дивный міръ, сколько портретовъ, сколько физіономій,

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

О—это цѣлая и огромная панорама вселенной, въ которой движутся и толпятся всевозможныя явленія человѣческой жизни, заключенныя въ волшебныя рамы вымысла! И есть люди, которые сомнѣваются и отвергаютъ поэтическій талантъ Вальтера Скотта, называя неестественнымъ и нелѣпымъ соединеніе исторіи съ вымысломъ... Стоютъ-ли эти люди опроверженія?.. Какъ! стало быть и большая часть драмъ Шекспира, Шиллера, Гете суть незаконныя чада воображенія, а ихъ творцы не художники, не поэты? Иначе, за что̀-же такое предпочтеніе драмѣ предъ романомъ? За что эта монополія на исторію въ пользу драмы? Стало быть, жизнь историческая не можетъ быть предметомъ поэтическаго представленія, такъ же какъ и жизнь частная? Развѣ законы той и другой не тождественны? Развѣ народная жизнь образуется не изъ дѣйствія частныхъ интересовъ и побужденій, характеризующихъ человѣка? И потомъ, развѣ мы можемъ видѣть въ исторіи всѣ тайныя пружины и причины великихъ событій, часто теряющихся въ самыхъ частныхъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ? Въ исторіи мы видимъ сцену и декораціи; почемуже роману не обнажать намъ тайнъ закулисныхъ, имѣющихъ такое тѣсное отношеніе съ сценою? Вы не любите, чтобы нарушали историческую истину? Странное дѣло! Кто будетъ такъ нелѣпъ, что бы не отличить истины отъ вымысла, или учиться исторіи по романамъ. Къ томуже, самъ историкъ болѣе или менѣе есть творецъ характеровъ историческихъ, ибо при всемъ своемъ стараніи быть вѣрнымъ фактамъ, каждый историкъ болѣе или менѣе придаетъ особенный оттѣнокъ каждому историческому лицу, сколько потому, что часто сами факты бываютъ недостаточны, темны, противорѣчащи, столько и потому, что всякій индивидуумъ имѣетъ свой собственный образъ воззрѣнія на предметы. Почемуже поэту не позволено понять по своему то или другое историческое лицо и возпроизвести его въ ху-

дожественномъ созданіи сообразно съ своимъ о немъ понятіемъ и обставивъ его обстоятельствами, частію истинными, но больше вымышленными, которые-бы характеризовали его историческую и человѣческую личность?

Какъ ни нелѣпы сомнѣнія на счетъ законности художественнаго сочетанія исторіи съ вымысломъ, какъ ни безнравственны упреки, дѣлаемые Вальтеру Скотту въ безнравственности его созданій, но все это ничто предъ сомнѣніемъ въ поэтическомъ талантѣ автора Пуританъ и Ивангое. Здѣсь было-бы неумѣстно и безполезно распространяться объ этомъ вопросѣ, давно уже рѣшенномъ Европейскою, или, лучше сказать, всемірною славою Вальтера Скотта. Авторитетъ не доказательство, скажете вы? Нѣтъ—я съ этимъ не согласенъ. Знаете-ли что̀! У народа есть какое-то чутье, столь вѣрное, что онъ никогда не обманывается ни въ своихъ любимцахъ, ни въ предметахъ своего равнодушія. Я не знаю изъ нашихъ Русскихъ поэтовъ никого, чья бы слава и народность была такъ прочна, такъ безсмертна, какъ слава Пушкина и Грибоѣдова. Державина, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова и нѣкоторыхъ другихъ будутъ помнить записные литераторы, люди книжные; Пушкина и Грибоѣдова будетъ помнить и знать народъ. Сюда должно причислить еще Крылова. Правда, нашъ вѣкъ слишкомъ уменъ, важенъ, хитръ и лукавъ, слишкомъ занятъ высшими, человѣческими интересами, и не можетъ плѣняться ни простодушіемъ, ни затѣйливостію басни, не можетъ почерпать въ ней уроковъ мудрости; онъ смотритъ на нее, какъ на поэтическую игрушку, какъ смотрѣлъ прошлый вѣкъ на тріолеты, мадригалы и рондо; но для басни остается еще обширный кругъ почитателей: это народъ, масса народа. Съ постепеннымъ образованіемъ въ Россіи нисшихъ и среднихъ классовъ народа, число читателей Крылова будетъ безпрестанно умножаться, и придетъ время, когда онѣ сдѣлаются ходячею философіею народа, въ полномъ смыслѣ этого слова, когда онѣ будутъ издаваться десятками тысячь экземпляровъ; онѣ, а вмѣстѣ съ ними и слава Крылова, погаснутъ только съ жизнію народа. Вы скажете: но вѣдь и авторитеты Тредьяковскаго, Сумарокова, Хераскова, и другихъ были не меньше авторитетовъ Крылова, Пушкина и Грибоѣдова? Такъ—но педанты, толпа и чернь еще не народъ. Точно тоже было и въ другихъ литературахъ: Нѣмецъ призналъ Гёте и Шиллера своею національною славою; Франція апплодируетъ на улицѣ, когда видитъ Беранже, Джонъ Буль любилъ и любитъ своего *стараго Вилля*. Но этотъ же Джонъ Буль, скажете вы, заплатилъ 7 съ половиною фунтовъ стерлинговъ за Потерянный Рай. Такъ, но знаете ли что̀? у меня престранный и пренелѣпый вкусъ: я самъ не дорого-бы далъ этому забытому на-

родомъ и прославленному восьмнадцатымъ вѣкомъ поэту, котораго неестественная и напряженная фантазія изобрѣла порохъ и пушки еще прежде Адама и Еввы, и заставила дьяволовъ стрѣлять изъ этихъ пушекъ въ ангеловъ. Многіе находятъ въ этомъ удивительное величіе и исполинскую силу воображенія, но я (и очень многіе, если не всѣ) нахожу тутъ одну уродливость, которой истинный художникъ ни когда не могъ бы выдумать. Нѣтъ, воля ваша, *а гласъ народа гласъ Божій*, и народъ и вѣка самые непогрѣшительные критики. На Вальтера Скотта и народъ и народы и человѣчество давно уже возложили вѣнецъ поэтической славы: остается вѣкамъ и потомству скрѣпить опредѣленіе современниковъ—и это будетъ! Такъ какому-ли нибудь самозванному барону удастся снять этотъ вѣнокъ съ лучезарной головы геніяльнаго баронета?..

Переводчица сочиненія Аллана Каннингама о жизни и сочиненіяхъ Вальтера Скотта, въ довольно обширномъ предисловіи, отстаиваетъ съ жаромъ поэтическую славу геніяльнаго Шотландца отъ нападеній барона Брамбеуса. Въ ея разсужденіи виденъ свѣтлый, образованный умъ и теплое чувство; мы прочли его съ живымъ удовольствіемъ и оно показалось намъ лучше самой книги. Жаль только, что она сражалась съ почтеннымъ барономъ неравнымъ оружіемъ, отчего и бой былъ очень не равенъ. Причина та, что она ошибочно поняла нападки барона на Вальтера Скотта и приняла его шутки и мистификаціи за дѣло. Баронъ Брамбеусъ человѣкъ очень умный и надо умѣть понимать его, чтобъ быть въ состояніи съ нимъ сражаться. Да, я почитаю за шутки, очень милыя и остроумныя, его нападки на автора Пуританъ, на Юную Словесность, такъ же какъ почитаю за шутки критики Г. О. О. [293]) на Черную Женщину Г. Греча, Мазепу Г. Булгарина, и въ тоже время высоко цѣню критики тогоже лица на Роксолану Г. Кукольника, рецензію на Притчи Крумахера и нѣкоторыя другія книги. Въ самомъ дѣлѣ, надо знать, когда человѣкъ говоритъ дѣло, когда шутитъ, и на дѣло надо отвѣчать сурьёзно, а на шутки шутками. Посмотрите, какъ мило и тонко поступаетъ, въ этомъ случаѣ, Г. Булгаринъ, заставляя Бѣлорусскаго мужика защищать противъ Барона Брамбеуса свои любезныя „*сіи* и *оныя*!“ И въ тоже время, посмотрите, какъ неловко и неуклюже начала воевать съ Библіотекою для Чтенія С. Пчела, еще недавно ея постоянная и усердная партизанка [294]). Но какъ бы то ни было, а предисловіе Дѣвицы Д........ написано умно и можетъ быть полезно для многихъ читателей. Жаль только, что она, возражая барону со всемъ достоинствомъ и всею твердостію человѣка, чувствующаго правоту своего дѣла, слишкомъ *смиренно* обезоруживаетъ,

на всякій случай, его гнѣвъ, давая ему замѣтить, что въ ея книгѣ нѣтъ опальныхъ „*сихъ* и *оныхъ*“.

Теперь о самой книгѣ. Она довольно интересна, какъ всѣ книги, даже посредственныя, въ которыхъ содержатся какія нибудь подробности о жизни великаго человѣка. Но книга все-таки посредственна, потому что Г. Алланъ Каннингамъ человѣкъ очень недальный въ литературѣ, и, какъ кажется, принадлежитъ къ числу литературныхъ рыцарей печальнаго образа. Его критическіе взгляды на сочиненія Скотта довольно мѣлки и поверхностны, понятія о творчествѣ тоже очень не далеки. Впрочемъ онъ добрый человѣкъ и очень любитъ Вальтера Скотта; да какъ и не любить: онъ имѣлъ благосклонность похвалить его сочиненіе, всѣми разруганное. Переводчица книги Каннингама обѣщаетъ еще перевести нѣсколько сочиненій о жизни горячо любимаго ею автора: мы отъ всей души желаемъ, чтобы она выполнила свое обѣщаніе.

Переводъ вообще очень хорошъ, хотя мѣстами и встрѣчаются неправильности и даже темнота въ слогѣ, какъ напр. „В. С. въ 1813 году *объявилъ* (*publia—издалъ?*) Матильду Ракби“ или: „Каждый день писалъ болѣе десяти печатныхъ листовъ“ т.-е. по цѣлой книгѣ? Это невозможно; вѣрно есть ошибка въ переводѣ. Впрочемъ это все мѣлочи, которыя ни мало не вредятъ достоинству перевода вообще, и я выставляю ихъ не для публики, а для переводчицы, чтобы она обратила на нихъ свое вниманіе при своихъ слѣдующихъ переводахъ. Но вотъ о чемъ хочу я еще замѣтить--о правописаніи. Это предметъ теперь очень важный, въ нашей письменности. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: съ одной стороны, Библіотека для Чтенія, съ которою мы, въ этомъ отношеніи, совершенно согласны, производитъ въ языкѣ, и особенно въ правописаніи, реформу, съ другой безпрестанно появляющіяся грамматики, каждая по своему, также силятся произвести реформу. Чтò это значитъ? Тó, что намъ надоѣла разноголосица, что мы хотимъ согласиться хотя въ правописаніи. Давно бы пора! Спорный пунктъ больше всего о прописныхъ буквахъ. Кажись дѣло очень ясно, и не о чемъ бы и спорить: такъ нѣтъ, наши литераторы упрямо держатся старины, даже тогда, какъ сами хлопочутъ изъ всѣхъ силъ о преобразованіи языка. Напримѣръ: въ слѣдствіе какихъ причинъ, переводчица книги Каннингама ставитъ прописныя буквы въ началѣ словъ: *геній*, *литература*, *литераторъ*, *искусство*, *поэзія*, *поэтъ*, *поэма*, *ода*, *драма*, *романъ*, *романистъ*, *драматикъ*, *океанъ* (жизни) и пр. Мы знаемъ, что геній гораздо выше не только *титулярнаго совѣтника*, но и *коллежскаго асессора*, мы знаемъ, что слова: *поэзія*, *искусство*, *романъ*, *драма* и пр. выражаютъ предметы священныя для нашего чувства; но вѣдь геній

такое же нарицательное слово, какъ и глупецъ, но вѣдь *добродѣтель*, *слава*, *честь*, *храбрость*, *самоотверженіе* также выражаютъ идеи, священныя для нашего человѣческаго чувства, зачѣмъ же въ словахъ: *глупецъ*, *добродѣтель*, *самоотверженіе* начальныя литеры пишутся маленькія? Собственное имя есть то, съ которымъ соединяется понятіе о какомъ нибудь индивидуумѣ; Алексѣевъ много, но когда я говорю: *я видѣлъ вчера Алексѣя*, то разумѣю здѣсь извѣстное лицо, единственное въ мірѣ, представляю себѣ въ это время его образъ, черты лица и всѣ его особенности; также точно и съ словомъ: *Пушкинъ*, я разумѣю творца Онѣгина, одного въ мірѣ, но когда говорю: *Байронъ былъ геній*, то словомъ *геній* означаю не индивидуальность, а принадлежность, аттрибутъ, какъ и словомъ *уменъ*, *высокъ*, *глупъ*, *низокъ*. Если мы будемъ изъявлять свое уваженіе къ идеямъ, выражающимъ человѣческое достоинство, большими буквами, то наша печать должна превратиться въ какую-то пеструю и безобразную набойку, и здравый смыслъ требуетъ, чтобы для словъ, выражающихъ идеи низкія, какъ-то: *подлость*, *неблагодарность*, *коварство* и пр. были придуманы особенныя буквы, или кривыя, или самыя маленькія. Конечно, странно въ наше время съ важностію разсуждать о такихъ мѣлочахъ, какъ стихотворные размѣры, октавы, или о большихъ и малыхъ буквахъ, и придавать этимъ вздорамъ какую нибудь важность; но надо же и въ мѣлочахъ слѣдовать здравому смыслу; если есть опредѣленныя формы въ платьѣ, въ обращеніи, почемуже не быть имъ и въ печати. Вамъ нравится человѣкъ, одѣвающійся опрятно и со вкусомъ, соблюдающій условія вѣжливости и хорошаго тона: почему же вы не хотите позаботиться о томъ, чтобы ваша книга была напечатана опрятно, красиво, изящно; а если такъ, то зачѣмъ же вы безобразите ее, безъ всякой нужды. этою отвратительною пестротою, которая такъ непріятно рябитъ въ глазахъ? Можно одѣться богато, но безвкусно; можно напечатать книгу великолѣпно и безвкусно. Нашъ вѣкъ любитъ во всемъ совершенство и иностранныя книги, даже слишкомъ скромно изданныя, всегда отличаются какою-то изящностію, происходящею отъ вкуса, отпечатокъ котораго онѣ на себѣ носятъ.

(В. Б.).

*145. Московскія Новости.

На будущій 1836 годъ въ Москвѣ издается новый журналъ, который ни мало не относится къ литературѣ и учености, но тѣмъ не менѣе найдетъ себѣ почитателей и цѣнителей. Мы говоримъ о „Вѣстникѣ Парижскихъ Модъ". Въ доброе старое время наши почтенные сатирики, комики, нравоучители и нравоописатели, между

прочими ужасными пороками, губящими бѣдное человѣчество, съ особеннымъ ожесточеніемъ нападали на деспотическое владычество моды. О! тогда не то́, что нынѣ, тогда отъ нашихъ писателей не было ни покоя, ни простора порокамъ, и если бы писанія этихъ почтенныхъ мужей не были забыты неблагодарнымъ человѣчествомъ, неблагодарными соотечественниками, то человѣчество и наше отечество теперь жили-бы жизнію возрожденною и преображенною, пороки изчезли-бы съ лица земли, въ мірѣ воцарился-бы снова золотой вѣкъ Астреи, и наша счастливая планета превратилась-бы въ цвѣтущую Аркадію. Правда, люди попрежнему подличали бы изъ выгодъ, унижались передъ глыбами позлащенной грязи, торговали-бы своими священнѣйшими чувствами, своими священнѣйшими обязанностями, попрежнему были-бы холодны къ дѣлу религіи, общественнаго блага, искусства, и попрежнему были-бы ревностны и пламенны въ дѣлѣ подлости, взяточничества; они не читали-бы Шекспира, Вальтера Скотта, Шиллера, Гёте, Байрона, не знали-бы Юной Словесности, но читали-бы Иліяду въ переводѣ Гнѣдича, и Энеиду въ переводѣ Петрова, и Освобожденный Іерусалимъ въ переводѣ Мерзлякова, трагедіи Расина въ переводѣ Лобанова и Идилліи Дезульеръ въ переводѣ Мерзлякова; не читали-бы Пушкина, Грибоѣдова, и не взяли-бы въ руки Гоголя, но читали бы стихи Сумарокова, Хераскова и Петрова, романы Дѣвицы Марьи Извѣковой [296]) и повѣсти Владиміра Измайлова, Карамзина и Князя Шаликова; но они ложились-бы спать въ десять часовъ, вставали-бы въ пять, восхищались-бы восхожденіемъ солнца, пили-бы ключевую воду, дышали-бы однимъ запахомъ розъ и лилей, плели-бы изъ нихъ вѣночки для своихъ пастушекъ, не нюхали и не курили-бы табаку и наслаждались бы цвѣтущимъ здравіемъ, румяные и томные, нѣжные и чувствительные: а во всемъ этомъ, согласитесь, большая выгода для человѣчества. Но, увы! почти всѣ наши писатели, особенно писатели добраго стараго времени, о которыхъ я говорю, отличаются слабостію здоровья и не долговѣчностію. И вотъ отчего люди и по сію пору еще не исправились, вотъ почему на свѣтѣ и по сію пору царствуютъ пороки и владычествуетъ ненавистная мода. Теперь совсѣмъ не то́, теперь другое время, теперь люди спокойно смотрятъ на измѣнчивый ходъ нравовъ, обычаевъ, вкусовъ, и вооружившись мудрымъ правиломъ:

Къ чему напрасно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей!

спокойно подчиняютъ себя тираніи моды. Да! теперь совсѣмъ другое время! Теперь презрятъ человѣка, который убилъ-бы на паркетѣ свое человѣческое чувство и данный ему Богомъ талантъ, который

очерствѣлъ-бы для всего высокаго, гоняясь за мѣлочами и суетностію свѣтскихъ требованій: но теперь уже не презрятъ человѣка потому только, что онъ одѣтъ по модѣ, со вкусомъ и даже изысканно, что его манеры благородны, формы изящны, обращеніе деликатно, также, какъ не презрятъ человѣка съ душою и сердцемъ, зато только, что онъ одѣтъ безвкусно, не по модѣ или бѣдно, что его манеры грубы, обращеніе неловко; нынче о такомъ человѣкѣ скажутъ только: Жаль, что обстоятельства лишили его свѣтской образованности! Теперь не уважатъ пустаго человѣка, безъ души и сердца, какого нибудь глупаго фата, за одну элегантность его внѣшней жизни, за однѣ ничтожныя формы, безъ внутренняго сознанія своего достоинства; но теперь не поставятъ въ достоинство грубости, цинизма или вульгарности формъ и въ самомъ отличномъ человѣкѣ [297]). Въ слѣдствіе этого убѣжденія, мы нападки на моды причисляемъ къ числу этѣхъ жалкихъ и ничтожныхъ выходокъ, какъ и нападки на роскошь, на блескъ и изящество цивилизованной жизни, условія которой такъ тѣсно соединены съ условіями высшей человѣческой жизни. Поэтому, мы желаемъ полнаго успѣха „Вѣстнику Парижскихъ Модъ“, видя въ немъ необходимое явленіе нашей общественной жизни. Надѣемся, что Г-жа Издательница, болѣе посвященная въ таинства дамскаго туалета и болѣе знакомая съ его требованіями, нежели Гг. журналисты, не замедлитъ составить себѣ огромнаго авторитета въ будуарахъ. Конечно, авторитетъ въ будуарахъ очень завиденъ для каждаго; но такъ какъ для этого много другихъ средствъ, то мы не видимъ въ предпріятіи Г-жи *Кошелевской* никакого соперничества съ нашими журналами. Занимаясь исключительно однимъ предметомъ, она, вѣроятно будетъ имѣть больше возможности довести свое изданіе до желаемаго совершенства.

„Вѣстникъ Парижскихъ Модъ“ будетъ выходить въ числѣ 75 №№, чрезъ каждые 5 дней; каждый № будетъ состоять изъ четверти листа веленевой бумаги, наполненной описаніемъ модъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, чрезъ что́ подписчики этого журнала будутъ избавляемы отъ необходимости выписывать разныя Парижскія изданія. При каждомъ № будетъ находиться отлично выгравированная и раскрашенная картинка модъ, и кромѣ того каждый мѣсяцъ будетъ прилагаемо по одной картинкѣ мужскихъ модъ, слѣдовательно, картинки будутъ въ числѣ 96. Цѣна по отношенію къ дороговизнѣ средствъ, необходимыхъ для подобнаго изданія, чрезвычайно умѣренна: въ Москвѣ 20 руб. асс., съ пересылкою 25 руб. асс. Подписка принимается, въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: *К. А. Полеваго*, *Н. Н. Глазунова*, *А. С. Ширяева*, и *А. В. Глазунова*; въ

Петербургѣ, у *А. Ф. Фарикова*; иногородные могутъ адресоваться въ Газетную экспедицію Московскаго Почтамта.

***146.** **Карманная книга географіи** для дѣтей съ 21 раскрашенною ландкартою, перевелъ съ нѣмецкаго докторъ философіи Пасторъ *Зедергольмъ*. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1835. 473. (16) [298]).

Обращая нѣкоторое вниманіе на всѣ вновь издаваемыя руководства для дѣтей и разсмотрѣвъ эту книгу, имѣемъ полное право поздравить дѣтей съ прекраснымъ руководствомъ для обученія географіи, и думаемъ, что просвѣщенные родители поблагодарятъ достопочтеннаго и ученаго мужа, извѣстнаго своими полезными учеными трудами во многихъ родахъ. Но рекомендуя книгу, отдадимъ отчетъ въ сказанномъ безусловно и замѣтимъ, что̀ находимъ нужнымъ.

Можно сдѣлать замѣчаніе, хотя и болѣе лестное, нежели непріятное, что Г. Зедергольмъ напрасно прибавилъ слова: „*для дѣтей*" въ заглавіи такой книги, которая доставитъ большую пользу не только дѣтямъ, но и всѣмъ молодымъ людямъ, не знакомымъ еще ни съ какимъ лучшимъ руководствомъ на иностранныхъ языкахъ.—Удивительно то̀, что въ такой маленькой книгѣ соединено такое множество свѣденій. Весьма пріятно читать, какъ хорошо изложенъ характеръ каждой стороны и государства; вездѣ представлена отличительная особенность въ отношеніи къ естественному состоянію; вездѣ прекрасныя и вѣрныя статистическія и топографическія свѣденія; въ каждой странѣ вычислено гораздо болѣе городовъ, нежели въ какомъ либо другомъ руководствѣ къ географіи. Но чего не сдѣлано было ни въ одной географіи на Русскомъ языкѣ—показаны доходы и военная сила каждаго самостоятельнаго владѣнія и число жителей не только страны, но и каждаго города. Можно сдѣлать еще замѣчаніе, и это, какъ мнѣ кажется, важнѣйшее, именно, что мало мѣстныхъ историческихъ воспоминаній; это тѣмъ болѣе жаль, что легко было заимствовать нѣкоторыя изъ нихъ изъ географіи, Г. Арсеньева, Шульгина [1]), и проч.; говоримъ: нѣкоторыя, разумѣя, что изъ помѣщаемыхъ обыкновенно въ географіяхъ мало истинно замѣчательныхъ. Впрочемъ въ *Географіи для дѣтей* самоважнѣйшія выставлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Показаніе числа жителей въ разсматриваемой книгѣ гораздо точнѣе, нежели въ прочихъ. Если говорить о карманной книгѣ географіи сравнительно съ прочими книгами этого рода, то она, превосходя почти всѣ, можетъ равняться только съ географіею Г. Арсеньева, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

---

[1]) По моему мнѣнію, географія Г-на Шульгина была бы лучшею изъ всѣхъ, еслибы вышло новое и усовершенствованное изданіе этого сочиненія.

и у нея оспариваетъ преимущество. Впрочемъ, желательно-бы, чтобъ при новомъ изданіи Г. Зедергольмъ воспользовался предложенными замѣчаніями.

Скажемъ теперь о раскрашенныхъ ландкартахъ и скажемъ правду, что это чрезвычайно трудное дѣло, особливо у насъ, представить на ландкардтѣ въ восьмнадцатую долю листа одно или нѣсколько государствъ со всѣми важнѣйшими горами, рѣками и городами; но эта трудность не устрашила полезнаго предпріятія, и маленькія (раскрашенныя) ландкарты при карманной географіи выполнены такъ хорошо, что заслуживаютъ совершенное одобреніе; жаль только, что онѣ не переложены Китайскою бумагою. Разсмотрѣвъ географію для дѣтей, невольно подивишься состоянію учебнаго образованія и превосходству книгъ этого рода въ Германіи и Франціи, сравнительно съ Русскими, и пожелаешь, чтобы всѣ учебныя руководства для дѣтей были такъ хороши, какъ географія, переведенная Г-мъ Зедергольмомъ. Когда публика ознакомится съ этою книгою, весьма полезною по достоинству и ландкартамъ, а по цѣнѣ [1]) доступной для всѣхъ состояній, тогда можно напередъ сказать, что она пріобрѣтетъ себѣ очень многихъ хвалителей и защитниковъ, и скоро потребуется новое изданіе ея. Покрайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе, а у всякаго свое.

В—ъ.

*\ **147. Стихотворенія Алексѣя Кольцова.** Москва. Въ типографіи Николая Степанова. 1835. 40. (8) [2]).

Мы поговоримъ въ Телескопѣ объ этомъ примѣчательномъ явленіи въ нашей литературѣ, объ этомъ истинномъ сюрпризѣ въ наше время, когда уже почти не чему удивляться, особенно въ отношеніи къ стихамъ [299]).

148. Театръ.

Сынъ Природы или ученье свѣтъ, а не ученье тьма. Комедія-водевиль въ 3 отдѣленіяхъ, взятая изъ романа *Поль-де-Кока* (!!!!). Покойникъ Мужъ и его вдова. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи *Ѳ. А. Кони*. Заимствована изъ Французской комедіи. Царство женщинъ или свѣтъ наизворотъ, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, переводъ съ Французскаго, Гг. *Де-таго* и *Ку-кова*. Маскарадъ, разнохарактерный дивертисманъ и пр. Бенефисъ Г. Живокини [300]).

Я давно уже не былъ въ театрѣ, разумѣется, по разнымъ недосугамъ; бенефисъ Г. Живокини взманилъ меня. Въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) 4 р. 50 к.

[2]) Стихотворенія Г. Кольцова продаются въ книжныхъ Магазинахъ *К. А. Полеваго*, *Н. Н. Глазунова* и, для Московскихъ, въ *Редакціи Телескопа* и *Молвы*.

Г. Живокини артистъ съ истиннымъ талантомъ, и когда не кривляется для угожденія райку (я даю этому слову обширное значеніе), то его умная, обдуманная игра доставляетъ зрителямъ большое удовольствіе. Я разъ пять былъ на водевилѣ „Хороша и Дурна“, и не откажусь еще быть двадцать разъ, и все для Г. Живокини, хотя этотъ водевиль и всѣми актерами играется прекрасно. И такъ, я прочелъ афишку и подумалъ: „Вечеръ наслажденія, добродушной веселости, благороднаго удовольствія! Гмъ!.. но комедія-водевиль, передѣланная изъ неблагопристойнаго романа Поль-де-Кока“?.. Однакожъ, подумалъ и пошелъ. Открывается занавѣсъ — и театръ изчезаетъ и уступаетъ свое мѣсто балагану... A propos! Не случалось-ли вамъ когда нибудь приглядываться къ штукамъ паяцовъ и прислушиваться къ ихъ остроумнымъ шуткамъ? Мнѣ случалось, потому что я люблю иногда посмотрѣть на нашъ добрый народъ, въ его веселыя минуты, чтобы получить какія нибудь данныя на счетъ его эстетическаго направленія. Теперь я могу удовлетворять моей наблюдательности и всегда и ближе, не дожидаясь масляной и Пасхи и не ходя на Москву рѣку и въ Подновинское... Но пока еще не о томъ дѣло. Посмотрите: вотъ паяцъ на своей сценѣ, т. е. на подмосткахъ балагана; внизу, передъ балаганомъ тьма эстетическаго народа, ищущаго *своего* изящнаго *своего* искусства; остроты буфона сыплются какъ искры отъ огнива; все смѣется добродушнымъ смѣхомъ; въ толпѣ виденъ Татаринъ: „*Эй*, кричитъ ему паяцъ, *эй, князь, поди, я припеку тебѣ пукли*“! Земля и небо потряслись отъ хохота. Какъ вамъ это покажется? Жюль Жанэнъ говоритъ, что современный Французскій театръ представляется въ лицѣ паяца Дебюро: гдѣжъ-бы онъ сталъ искать нашего? Въ доброе старое время, въ это время холоднаго классицизма, пѣвучей декламаціи, въ это время царей, наперсниковъ, ироевъ добродѣтели, злодѣевъ, опекуновъ, горничныхъ, любовниковъ, въ это добро старое время, говорю я, театръ понимали лучше. Идеи объ искусствѣ не было; цѣль была забава, но забава благопристойная, умная, благородная, приличная, забава людей образованныхъ. А теперь?.. Теперь идея искусства только на журнальныхъ оберткахъ и афишкахъ, но въ художественныхъ произведеніяхъ и на театрѣ ея и духу нѣтъ. Но мы все-таки въ выигрышѣ противъ нашихъ дѣдовъ: мы въ театрѣ какъ дома, нѣтъ! что́ я сказалъ! мы въ театрѣ, какъ... какъ.. право не знаю гдѣ!.. Къ чорту приличіе, долой благопристойность! Это классицизмъ, а мы романтики. Зачѣмъ намъ Мольера! онъ классикъ! Давайте намъ Поль-де-Кока—онъ романтикъ! Да, мы не хотимъ лицемѣрить, давай намъ жизнь, какъ она есть, безъ прикрасъ; природу не льзя украшать! давай намъ жизнь такъ, какъ она есть на площадяхъ, на рынкахъ,

въ харчевняхъ, въ романахъ Поль-де-Кока и въ Фантастическихъ Путешествіяхъ барона Брамбеуса!.. „А что̀ дѣлается на Французскомъ театрѣ? Развѣ тамъ не даютъ водевилей, содержаніе которыхъ вертится на... говорите вы. Такъ, но тамъ въ самой неблагопристойности есть благопристойность, есть грація, которая хоть сколько нибудь выкупаетъ отсутствіе приличія. Помните-ли вы басню Крылова: Оселъ и Собака?.. Перенимать надо умѣючи. И такъ, слава намъ! нашъ театръ уже не пародія на жизнь, а представленіе самой жизни, такъ какъ она есть, жизни на распашку, безъ... слава намъ!.. Сколько чудесъ было на бенефисѣ Г. Живокини! Нѣтъ, никогда не забуду я бенефиса Г. Живокини! никогда не забуду я, какъ Г. Живокини жаловался королевѣ, что его... что его... лишили невинности, и ктоже? дама, министръ внутреннихъ дѣлъ... Никогда не забуду я, какъ королева (Г-жа Рѣпина) и ея министры обольщали на сценѣ мущинъ, совѣтывали имъ оставить застѣнчивость, приличную нѣжному мужскому полу... я думалъ, я ждалъ, что все до конца пойдетъ наизворотъ; къ несчастію, этого не было; видно оставлено до слѣдующаго бенефиса Г. Живокини. И такъ, Г. Живокини со слезами и съ стыдливостію (истинно Аретинскою) жаловался на насиліе, а въ ложахъ хлопали, въ креслахъ хлопали, раекъ просто торжествовалъ и въ немъ точно былъ рай... И вотъ оно, то высокое и божественное искусство, которое возвышаетъ душу, волнуетъ сердце благородными, человѣческими ощущеніями, которое предображаетъ человѣческую жизнь и возноситъ нашу мысль къ идеи всеобщей жизни!.. Милостивые Государи, у насъ нѣтъ высокой комедіи, у насъ одна только комедія „Горе отъ Ума“; ну, на нѣтъ и суда нѣтъ; но если наши комики, водевилисты не могутъ постигать высокаго комическаго, какъ постигалъ его Грибоѣдовъ, если они не могутъ клеймить ничтожество и эгоизмъ печатію позора, почему же-бы имъ не издѣваться добродушно надъ нашею домашнею жизнію, нашими повседневными отношеніями, но смѣяться остро, умно и благопристойно?... Если у насъ только одна комедія, то давайте намъ хоть Богатоновыхъ, Добрыхъ Малыхъ или Ссору двухъ сосѣдовъ [301]): это все лучше...

Водевиль „Покойникъ Мужъ“ показался намъ, въ представленіи, не дуренъ, хотя немного и растянутъ; Гг. Живокини и Ленскій прекрасно разыграли его.

В. Б.).

* 149. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. Спб. 1835 [302]).

Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ-ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Пушкинъ.

Что̀ такое критика? оцѣнка художественнаго произведенія. При какихъ условіяхъ возможна эта оцѣнка, или, лучше сказать, на какихъ законахъ должна она основываться? На законахъ изящнаго, отвѣчаютъ записные ученые. Но гдѣ кодексъ этихъ законовъ? Кѣмъ онъ изданъ, кѣмъ утвержденъ и кѣмъ принятъ? Укажите мнѣ на этотъ сводъ законовъ изящнаго, на это уложеніе искусства, котораго начала были-бы вѣчны и незыблемы, какъ начала творчества въ душѣ человѣческой; котораго параграфы подходили-бы подъ всѣ возможные случаи и представляли-бы собою стройную систему законодательства, обнимающаго собою весь безконечный и разнообразный міръ художественной дѣятельности во всѣхъ ея видахъ и измѣненіяхъ! Давно-ли *„украшенное подражаніе природѣ“* было краеугольнымъ камнемъ эстетическаго уложенія? Давно-ли эта формула равнялась въ своей глубокости, истинѣ и непреложности первому пункту магометанскаго ученія: *„Нѣтъ Бога, кромѣ Бога—и Мугамедъ пророкъ Его?“* Давно-ли три знаменитыя единства почитались фундаментомъ, безъ котораго поэма или драма была-бы храминою, построенною на пескѣ? Давно-ли Корнель, Расинъ, Мольеръ, Буало, Лафонтенъ, Вольтеръ, давно-ли эта чета талантовъ почиталась лучезарнымъ созвѣздіемъ поэтической славы, блистающимъ немерцающимъ свѣтомъ для вѣковъ? Давно-ли Буало, Батте и Лагарпъ почитались верховными жрецами критики, непогрѣшительными законодателями изящнаго, вѣщими оракулами, изрекавшими непреложные приговоры?.. А что теперь?.. *„Украшенное подражаніе природѣ“* и знаменитое *„тріединство“* причислено къ числу вѣковыхъ заблужденій человѣчества, неудачныхъ попытокъ ума; ученые и свѣтскіе боги Французскаго Парнасса были помрачены и навсегда заслонены *пьянымъ дикаремъ* [1])

---

[1]) Въ Сѣверной Пчелѣ обвиняютъ меня, между многими литературными преступленіями, въ томъ, что я называю Шекспира *пьянымъ дикаремъ*. Стыжусь оправдываться въ этомъ передъ публикою, и только движимый состраданіемъ къ жалкому невѣденію С. Пчелы, объявляю ей за новость (для нея), что это выраженіе принадлежитъ Вольтеру, обкрадывавшему Шекспира, а мною оно употребляется въ шутку. Бѣдная Пчела, какъ еще много пустыхъ вещей, недоступныхъ для ея мушиной любознательности! (В. Б.) [303]).

Шекспиромъ, а оракулы критики поступили въ архивъ рѣшенныхъ и забытыхъ дѣлъ. И давно-ли все это совершилось?.. Давно-ли бились на смерть покойники *классицизмъ* и *романтизмъ?*.. Гдѣ-же, спрашиваю я, гдѣ-же эта мѣрка, этотъ аршинъ, которымъ можно мѣрить изящныя произведенія; гдѣ этотъ масштабъ, которымъ можно безошибочно измѣрять градусы ихъ эстетическаго достоинства? Ихъ нѣтъ — и вотъ какъ непрочны литературные кодексы! Какъ, съ постепеннымъ ходомъ жизни народа, измѣняется его законодательство чрезъ отмѣненіе старыхъ законовъ и введеніе новыхъ, сообразно съ современными требованіями общества; такъ измѣняются и законы изящнаго съ полученіемъ новыхъ фактовъ, на которыхъ они основываются. И развѣ мы получили всѣ факты; развѣ мы изучили всѣ литературы, подъ этѣми безчисленными національными, вѣковыми и историческими физіономіями; развѣ мы изслѣдовали жизнь каждаго художника порознь? Развѣ, въ этомъ отношеніи, для будущаго уже ничего не остается?.. Нѣтъ—еще долго дожидаться полнаго и удовлетворительнаго кодекса искусствъ, какъ долго дожидаться этаго совершеннаго гражданскаго законоположенія, которое должно осуществить мечты о золотомъ вѣкѣ Астреи. Стало быть, нѣтъ законовъ изящнаго, по которымъ можно и должно судить произведенія искусствъ? Есть: потому что, если теперь не вполнѣ постигнутъ весь міръ изящнаго, то уже извѣстны многіе изъ его законовъ, извѣстны самыя его основанія; но будущему времени предоставлено открыть существующія отношенія между этими законами и основаніями и привести ихъ въ полную и гармоническую систему. Критику должны быть извѣстны *современныя* понятія о творчествѣ; иначе онъ не можетъ и не имѣетъ права ни о чемъ судить.

Но этого еще мало. Часто случается, что критикъ, изложивши свой взглядъ на условія творчества сообразно съ современными понятіями объ этомъ предметѣ, прилагаетъ его ложно, и вѣрно описавши характеръ Греческаго ваянія, показываетъ вамъ разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ варили щи, и божится и клянется, что это Греческая ваза? Отчего это? Оттого, что эстетика не алгебра, что она, кромѣ ума и образованности, требуетъ этой пріемлемости изящнаго, которая составляетъ своего рода талантъ и дается не всѣмъ. Прислушайтесь внимательнѣе къ нашимъ литературнымъ толкамъ и сужденіямъ — и вы согласитесь со мною. Развѣ у насъ нѣтъ людей, съ умомъ, образованіемъ, знакомыхъ съ иностранными литературами; и которые, несмотря на все это, отъ души убѣждены, что Жуковскій выше Пушкина; которые иногда восхищаются восьмикопѣечными стихотвореніями и талантами Гг. А. Б. С. и т. д.? Отчего это? Оттого, что эти люди часто руководствуются въ своихъ

сужденіяхъ однимъ умомъ, безъ всякаго участія со стороны чувства, оттого, что принимаютъ за поэзію свои любимыя мысли, или видятъ удобный случай приложить и оправдать свои собственныя мысли объ изящномъ; а этѣ мысли часто бываютъ парадоксами и предразсудками. Въ предметахъ человѣческаго чувства, умъ безъ чувства всегда ведетъ за собою предразсудки и строитъ парадоксы. Умъ очень самолюбивъ и упрямо довѣрчивъ къ себѣ; онъ создалъ систему и лучше рѣшится уничтожить здравый смыслъ, нежели отказаться отъ нея; онъ гнетъ все подъ свою систему и что не подходитъ подъ нее, то ломаетъ. Въ этомъ случаѣ, онъ похожъ на Мольеровыхъ лѣкарей, которые говорили, что они лучше рѣшатся уморить больнаго, чѣмъ отступить хоть на іоту отъ предписаній Древнихъ. Въ дѣлѣ изящнаго, сужденіе тогда только можетъ быть правильно, когда умъ и чувство находятся въ совершенной гармоніи. И вотъ отчего такая разноголосица въ сужденіяхъ о литературныхъ сочиненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: одному нравятся „Цыгане" Пушкина и не нравится сказка о Бовѣ Королевичѣ, а другой въ восхищеніи отъ Бовы Королевича и не видитъ ни малѣйшаго достоинства въ „Цыганахъ" Пушкина. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ? Говоря собственно, они оба совершенно правы: сужденіе того и другаго основано на чувствѣ, и никакая эстетика, никакая критика, не можетъ быть посредницей въ этомъ дѣлѣ. Да! тонкое поэтическое чувство, глубокая пріемлемость впечатлѣній изящнаго — вотъ что должно составлять первое условіе способности къ критицизму, вотъ посредствомъ чего съ перваго взгляда можно отличать поддѣльное вдохновеніе отъ истиннаго, риторическія вычуры отъ выраженія чувства, галантерейную работу формъ отъ дыханія эстетической жизни, и только вотъ при чемъ сильный умъ, обширная ученость, высокая образованность имѣютъ свой смыслъ и свою важность. Въ противномъ случаѣ, изучите всѣ языки земнаго шара, отъ Китайскаго до Самоѣдскаго, изучите всѣ литературы, отъ Санскритской до Чухонской,— вы все будете мѣтить не впопадъ, говорить не кстати, пропускать мимо глазъ слоновъ и приходить въ восторгъ отъ букашекъ. Развѣ тяжелая Россіяда не подходила подъ эстетическіе законы добраго стараго времени; развѣ скучный и водяный „Дмитрій Самозванецъ" Г. Булгарина не отличается общею манерою и замашками историческаго романа? Развѣ въ свое время трудно было доказать художественное достоинство того и другаго произведенія эстетическими правилами двухъ эпохъ времени, т. е. семидесятыхъ годовъ прошлаго и двадцатыхъ текущаго столѣтія? О, нѣтъ ничего легче! Но вотъ что́ очень было трудно: спасти ихъ отъ чахоточной смерти. Вотъ отчего такъ часто бываютъ неудачны попытки иныхъ высоко-

ученыхъ, но лишенныхъ эстетическаго чувства, критиковъ уронить истинный талантъ, не подходящій подъ школьную мѣрку и возвысить мишурнаго фразера.

У насъ еще и теперь тайна искусства есть истинная тайна, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, для многихъ людей, посвящающихъ себя этому искусству или по влеченію, или ex-officio, или отъ нечего дѣлать. Цвѣтистая фраза, новая манера — и вотъ уже готовъ поэтическій вѣнокъ *изъ калуфера и мяты*, нынче зеленѣющій, а завтра желтѣющій. Цвѣтистая фраза принимается за мысль, за чувство, новая манера и стихотворные гримасы — за оригинальность и самобытность. Помните-ли вы остроумный апологъ, разсказанный въ одномъ нашемъ журналѣ, какъ *человѣкъ съ умомъ на три страницы* хотѣлъ отъ скуки бросить лавровый вѣнокъ поэта первому прошедшему мимо его окна, и какъ онъ бросилъ его чрезъ форточку бездарному стихотворцу, который на этотъ разъ проходилъ мимо окошка человѣка съ умомъ на три страницы?.. [304]). Вотъ вамъ объясненіе, почему въ нашей литературѣ бездна самыхъ огромныхъ авторитетовъ. И хорошо еще, если человѣкъ-то, раздающій поэтическіе вѣнки, точно съ умомъ хоть на три страницы: тутъ нѣтъ еще большаго зла, потому что онъ можетъ, одумавшись или разсердившись на свое неблагодарное созданіе, уничтожить его также легко, какъ онъ его и создалъ, чему у насъ и бывали примѣры. Это даже можетъ быть и забавно, если сдѣлано умно и ловко Но вотъ эти добрые и *безнавѣтные* критики, которые, въ сердечной простотѣ своей, не шутя принимаютъ Русскій горохъ за Эллинскіе цвѣты, сѣверный чертополохъ и крапиву за райскія крины: они-то истинно и вредны. Души добрыя и честныя, пріобрѣтя когда-то и какъ-то какое-нибудь вліяніе на общественное мнѣніе, они добродушно обманываютъ самихъ себя и невинно вводятъ и другихъ въ обманъ.

„Но чтожъ въ этомъ худаго?“ можетъ быть, спросятъ иные. О, очень много худаго, милостивые государи! Если превознесенный поэтъ есть человѣкъ съ душою и сердцемъ, то неужели не грустно думать, что онъ долженъ идти не по своей дорогѣ, сдѣлаться записнымъ фразеромъ, и послѣ мгновеннаго успѣха, эфемерной славы, видѣть себя заживо похороненнымъ, видѣть себя жертвою литературнаго безславія? Если это человѣкъ пустой, ничтожный, то неужели не досадно видѣть глупое чванство литературнаго павлина, видѣть незаслуженный успѣхъ, и, такъ какъ нѣтъ глупца, который не нашелъ-бы глупѣе себя, видѣть нелѣпое удивленіе добрыхъ людей, которые, можетъ быть, не лишены нѣкотораго вкуса, но которые не смѣютъ имѣть своего сужденія? А святость искусства, унижаемаго бездарностію?.. Милостивые государи! если вамъ понятно чувство любви къ истинѣ, чувство уваженія къ

какому нибудь задушевному предмету, то будете-ли вы осуждать порывъ человѣка, который иногда къ своему вреду, вызываетъ на себя и мщеніе самолюбій и общественное мнѣніе, имѣя полное право *не вмѣшиваться*, какъ говорится на святой Руси, *не въ свое дѣло?..* Долженъ-ли этотъ человѣкъ оскорбляться или пугаться того, что люди посредственные, холодные къ дѣлу истины, лишенные огня Прометеева, провозгласятъ его *крикуномъ* или *ругателемъ?* Вамъ понятно-ли это чувство? Вамъ понятна-ли эта запальчивость, для васъ справедлива-ли она въ самой своей несправедливости?.. А понимаете-ли вы блаженство взбѣсить жалкую посредственность, разшевелить мѣлочное самолюбіе, возбудить къ себѣ ненависть ненавистнаго, злобу злаго?.. „Но какая-же изо всего этого польза?" А общественный вкусъ къ изящному, а здравыя понятія объ искусствѣ? „Но увѣрены-ли вы, что ваше дѣло направлять общественный вкусъ къ изящному и распространять здравыя понятія объ искусствѣ; увѣрены-ли вы, что ваши понятія здравы, вкусъ вѣренъ?" Такъ, я знаю, что тотъ былъ-бы смѣшонъ и жалокъ, кто-бы сталъ увѣрять въ своемъ превосходствѣ другихъ; но, вопервыхъ, вещи познаются по сравненію и дѣла другихъ заставляютъ иногда человѣка приниматься самому за этѣ дѣла; вовторыхъ, если каждый изъ насъ будетъ говорить: *„да мое-ли это дѣло, да гдѣ мнѣ, да куда мнѣ, да что я за выскочка!"* то никто ничего не будетъ дѣлать. Гадокъ наглый самохвалъ; но не менѣе гадокъ и человѣкъ безъ всякаго сознанія какой-нибудь силы, какого-нибудь достоинства. Я терпѣть не могу ни Скалозубовъ, ни Молчалиныхъ.

Я слишкомъ хорошо знаю нашъ литературный міръ, наши литературныя отношенія и потому почти каждая новая книга возбуждаетъ во мнѣ такія думы и ведетъ къ такимъ размышленіямъ, какія она не во всѣхъ возбуждаетъ, и вотъ почему у меня вступленіе или мысли *à propos* почти всегда составляютъ главную и самую большую часть моихъ рецензій [305]). Къ числу такихъ книгъ принадлежатъ стихотворенія Г. Бенедиктова; онѣ возбудили въ моей душѣ множество элегій, до которыхъ я большой охотникъ; но обстоятельства, сопровождавшія ея появленіе, и безотчетные крики, встрѣтившіе ее, только одни заставили меня взяться за перо. Правда, стихотворенія Г. Бенедиктова не принадлежатъ къ числу этѣхъ дюжинныхъ и бездарныхъ произведеній, которыми теперь особенно наводняется наша литература; напротивъ, въ этой печальной пустотѣ, онѣ обращаютъ на себя невольное вниманіе, и съ перваго взгляда, легко могутъ показаться чѣмъ-то совершенно выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ явленій. Но это-то самое и заставляетъ рецензента, отложивъ въ сторону пошлыя оговорки и околичности, прямо и рѣзко выска-

зать о нихъ свое мнѣніе. Это будетъ не критика, а отзывъ, простое мнѣніе, или, какъ говорятъ, рецензія, потому что тутъ критикѣ нечего дѣлать. Дѣло коротко, просто и ясно, а вопросъ болѣе о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся дѣла, нежели о самомъ дѣлѣ.

Я сказалъ, что стихотворенія Г. Бенедиктова обращаютъ на себя невольное вниманіе: прибавлю, что это происходитъ не столько отъ ихъ независимаго достоинства, сколько отъ различныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли надо таланта, чтобы обратить на себя вниманіе *стихами* въ наше прозаическое время? Кромѣ того, стихотворенія Г. Бенедиктова обнаруживаютъ въ немъ человѣка со вкусомъ, человѣка, который умѣетъ всему придать колоритъ поэзіи; иногда обнаруживаютъ превосходнаго версификатора, удачнаго описателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ видна эта дѣтскость силы, эта безпрестанная невыдержанность мысли, стиха, самаго языка, которыя обнаруживаютъ отсутствіе чувства, фантазіи, а слѣдовательно и поэзіи. Сказавши, надо доказать, и я не вижу для этого никакого другаго средства, кромѣ анализа и сравненія.

Кажется, въ наше время никто не долженъ сомнѣваться въ томъ, что, въ истинно художественномъ произведеніи, не можетъ быть погрѣшностей и недостатковъ, какъ думаютъ школяры и люди посредственные. Чтò создано фантазіею, а не холоднымъ умомъ, то всегда истинно, вѣрно и прекрасно; погрѣшности-же тамъ, гдѣ фантазія уступаетъ свое мѣсто уму, и умъ работаетъ безъ участія чувства, по источникамъ изобрѣтенія. Въ романѣ, въ драмѣ, словомъ, во всякомъ большомъ сочиненіи, недостатки едва-ли избѣжны, потому что поэту надо имѣть слишкомъ гигантскую фантазію, чтобъ не допустить никакого вліянія со стороны ума, разсчета, труда. Но лирическое сочиненіе есть плодъ мгновенной вспышки фантазіи, мгновенное изліяніе чувства; слѣдовательно, въ немъ всякое неестественное или вычурное выраженіе, всякій прозаическій стихъ, обличаетъ недостатокъ фантазіи. Я никакъ не умѣю понять, что за поэтъ тотъ, у кого недостанетъ фантазіи на 20 или на 40 стиховъ, кто съ стихами вдохновенными мѣшаетъ стихи дѣланные. Какъ въ романѣ или драмѣ, невыдержанность характеровъ, неестественность положеній, неправдоподобность событій, обличаютъ работу, а не творчество; такъ въ лиризмѣ, неправильный языкъ, яркая фигура, цвѣтистая фраза, неточность выраженія, изысканность слога, обличаютъ туже самую работу. Простота языка не можетъ служить исключительнымъ и необманчивымъ признакомъ поэзіи; но изысканность выраженія всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ отсутствія поэзіи. Стихъ, переложенный въ прозу и обращающійся отъ этой операціи въ на-

тяжку, также какъ и темныя, затѣйливыя мысли, разложенныя на чистыя понятія и теряющія отъ этого всякій смыслъ, обличаетъ одну риторическую шумиху, наборъ общихъ мѣстъ. Я представлю вамъ теперь нѣсколько фразъ изъ большей части стихотвореній Г. Бенедиктова, обращенныхъ мною въ прозаическія выраженія, со всею добросовѣстностію, безъ малѣйшаго изкаженія—и сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ, поставивъ судьею въ этомъ дѣлѣ вашъ собственный здравый смыслъ.

— Юноша сорвалъ розу и украсилъ этою *пламенною жатвою* чело дѣвы.— Вы были-ли, прекрасные дни, когда *сверкали одни веселья*; небесныя звѣзды очами судей взирали на землю съ лазурнаго свода (??); милая дикость равняла людей (?!)!—Любовь не *гнѣздилась въ ущельяхъ сердецъ*, но, повсюду разкрытая и *сверкая всѣмъ въ очи* (??), надѣвала на міръ всеобщій вѣнецъ.—Дѣва, у которой уста кокетствуютъ улыбкою, изобличается гибкій станъ и все, что дано прихотямъ, то украшено рѣзцемъ любви (??!!).—Ребенокъ (на пожарѣ) простираетъ свои рученки къ жаламъ неистовыхъ огненныхъ змѣй (т. е. къ огню).— Передъ завистливою толпою, я вносилъ твой станъ, на огненной ладони, *въ вихрь* круженія (т. е. вальсировалъ съ тобою). — Струи времени возрастали *мохъ забвенія на развалинахъ любви* (!!..).—Въ твоемъ гибкомъ, эѳирномъ станѣ я утоплялъ горящую ладонь.—За жизненнымъ концемъ (?!) есть лучшій міръ— тамъ *я обручусь съ тобою кольцомъ вѣчности*.—Любовь преломлялась, блестѣла цвѣтными огнями сердечнаго неба. — Чудная дѣва *магнитными прелестями* влекла къ себѣ *желѣзныя сердца*. — Къ кому приникнуть головою, гдѣ *разтопить свинецъ несчастія*.—Фантазія вдуваетъ разсудку свой сладкій дымъ.— Море опоясалось мечемъ молній. — Солнце вонзило въ дождевыя капли пламя своего луча. — Въ черныхъ глазахъ Адели могила безстрастія и колыбель блаженства. — Искра души прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины. — Матильда, сидя на жеребцѣ (!!), гордится красивымъ и *плотнымъ усѣстомъ*, а жеребецъ подъ дѣвою топчется, храпитъ и пляшетъ. — Грудь стонетъ свинцовымъ гробомъ, и въ немъ ляжетъ прахъ моей любви. — Конь понесетъ меня вдаль *на молніяхъ отчаяннаго бѣга*. — Любовь есть капля меду на остромъ жалѣ красоты. — Ея тихая мысль, зрѣя въ свѣтломъ разумѣ, разгоралася искрою, и потомъ, оперенная словомъ, вылетала изъ ея устъ плѣнительнымъ голубемъ. — На первомъ жизни пирѣ, возникалъ посѣвъ грѣха. — Да не падетъ на *пламя красоты морозный паръ безстрастнаго дыханья*. — Могучею рукою вонзить сталь правды въ шипучее (?) сердце порока. — Его рука перевила лукавою змѣею станъ молодой дѣвы, вползла на грудь и на груди уснула. —

Что это такое? неужели поэзія, неужели вдохновеніе, юное, кипучее, тревожное, пламенное, полное глубины мысли?.. И столько фразъ на какихъ-нибудь *ста шести* страницахъ, или *пятидесяти* трехъ листкахъ!.. Въ четырехъ частяхъ мѣлкихъ стихотвореній Пушкина, хорошихъ дурныхъ, въ трехъ частяхъ поэмъ, заключается около *двухъ тысячъ* страницъ: найдите-же мнѣ хоть пять

такихъ выраженій [1]), и я позволю печатно назвать себя клеветникомъ, ругателемъ, человѣкомъ, ничего не смыслящимъ въ дѣлѣ искусства! Но я дурно и, можетъ быть, недобросовѣстно поступилъ, указавъ на Пушкина: прошу извиненія у великаго поэта и у публики. Возмите Жуковскаго, возмите даже Козлова, Языкова, Туманскаго, Баратынскаго—найдите у всѣхъ нихъ хоть половинное число такихъ вычуръ—и я сознаюсь побѣжденнымъ. Вы скажете: „Это не доказательство: это обнаруживаетъ только не выработанный талантъ, не укрѣпившееся перо, словомъ, литературную неопытность", хорошо, но вы, милостивые государи, какъ понимаете искусство? Неужели ему можно выучиться, пользуясь безпристрастными и благоразумными замѣчаніями опытныхъ писателей? Талантъ можетъ зрѣть не отъ навыка, не отъ выучки, но отъ опыта жизни; а лѣта и опытъ жизни могутъ возвысить взглядъ поэта на жизнь и природу, могутъ сосредоточить его энергію и пламень чувства, но не усилить ихъ, могутъ придать глубину его мысли, но не сдѣлать ее живѣе и тревожнѣе. А когда, какъ не въ первой молодости художника чувство его бываетъ живѣе и пламеннѣе, фантазія игривѣе и радужнѣе? А гдѣ, какъ не въ первыхъ произведеніяхъ поэта кипитъ и горитъ и колышется бурною волною его свѣжее чувство? Слѣдовательно, какія же, какъ не первыя его произведенія, болѣе вѣрны, истинны, не натянуты, живы, вдохновенны, чужды вычуръ и гримасъ риторическихъ?... Помните-ли вы юнаго *поэта* Веневитинова? Посмотрите, какая у него точность и простота въ выраженіи, какъ у него всякое слово на своемъ мѣстѣ, каждая риѳма свободна и каждый стихъ раждаетъ другой безъ принужденія? Развѣ онъ обдумывалъ или обдѣлывалъ свои поэтическія думы? Тò-ли мы видимъ у Г. Бенедиктова? Посмотрите, какъ неудачны его нововведенія, его изобрѣтенія, какъ неточны его слова? Человѣкъ у него *витаетъ* въ рощахъ; волны грудей у него превращаются въ *грудныя волны*; *каменъ лопаетъ* (вм. *лопается*); *преклоняется къ заплечью красавицы, сидящей въ креслахъ; степь безпредметна; стоитъ безглаголенъ; сердце пляшетъ*; *солнце сентябревое*; валы *лижутъ* пяты утеса; *пирная* роскошь и веселіе; *прелестная сердцегубка* и пр. Такія фразы и ошибки противъ языка и здраваго смысла никогда не могутъ быть ошибками вдохновенія: это ошибки ума, и только въ одной Персидской поэзіи могутъ онѣ составлять красоту.

Гдѣ-то было сказано, что въ стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова владычествуетъ мысль: мы этого не видимъ. Г. Бенедиктовъ воспѣ-

---

[1]) Боюсь только четвертой части, которой еще не видалъ и за которую, поэтому, не отвѣчаю [306]).

ваетъ все, чтò воспѣваютъ молодые люди: красавицъ, горе и радости жизни; гдѣ-же онъ хочетъ выразить мысль, то или бываетъ слишкомъ теменъ, или становится холоднымъ риторомъ. Вотъ примѣръ:

Утесъ.

Отвсюду объятый равниною моря,
Утесъ гордо высится,—мраченъ, суровъ,
Незыблимъ стоитъ онъ, въ могуществѣ споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты,
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты,—
Сѣдая вершина престолъ для орла.
Какъ въ плащъ исполинъ весь во мглу завернулся;
Поникъ, будто въ думахъ *косматой* главой;
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся
И грозно повиснулъ надъ бездной морской;
Вы ждете,—падетъ онъ,—не ждите паденья!
Наклонно (?) онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать!
Онъ хладенъ, но жаръ въ немъ закованъ природный:
Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Онъ силой огня—сынъ огня первородный—
Изъ сердца земли мощно выдвинутъ былъ!—
Взлетѣлъ и застылъ онъ твердыней гранита.
Ему не живителенъ солнечный лучъ;
Для нѣгъ его грудь вѣковая закрыта;
И дикъ и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!
За то онъ неистовой радостью блещетъ,
Какъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь,
Когда въ него море бурунами хлещетъ
И прыгаетъ жадно гиганту на грудь.—
Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
Перунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ—
Чтожъ? огненный змѣй изломилъ свое жало,
И весь невредимый хохочетъ утесъ.

Скажите, чтò тутъ хорошаго? Вопервыхъ, тутъ не выдержана метафора: сперва утесъ является покрытымъ только мхомъ, а потомъ уже *косматымъ*, т. е. покрытымъ кустарникомъ и даже деревьями; вовторыхъ, это не поэтическое возсозданіе природы, а наборъ громкихъ фразъ; это не солнце, которое освѣщаетъ и вмѣстѣ согрѣваетъ, а воздушный метеоръ, забавляющій человѣка своимъ ложнымъ блескомъ, но не согрѣвающій его. Очень понятно, что авторъ хотѣлъ выразить здѣсь идею *величія въ могуществѣ*; но здѣсь идея не сливается съ формою; ея не чувствуешь, но только догадываешься о ней. Мицкѣвичъ, одинъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, хорошо

понималъ это великолѣпіе и гиперболизмъ описаній, и потому, въ своихъ „Крымскихъ Сонетахъ“ очень благоразумно прикидывался правовѣрнымъ музульманиномъ; и въ самомъ дѣлѣ, это гиперболическое выраженіе удивленія къ Чатырдаху кажется очень естественнымъ въ устахъ поклонника Мугаммеда, сына Востока. Вообще, громкія, великолѣпныя фразы еще не поэзія. При всемъ моемъ энтузіастическомъ удивленіи къ Пушкину, мнѣ ни что не помѣшаетъ видѣть фразы, если они есть, даже и въ такихъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ есть и истинная поэзія, и я, въ первой половинѣ его „Андрея Шенье“ до того мѣста, гдѣ поэтъ представляетъ Шенье говорящимъ, вижу фразы и декламацію. Вотъ, напримѣръ, найдите мнѣ стихотвореніе, въ которомъ-бы твердость и упругость языка, великолѣпіе и картинность выраженій, были доведены до бо̀льшаго совершества, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Видалъ-ли очи львицы гладной,
Когда идетъ она на брань,
Или съ весельемъ ноготь хладный
Вонзаетъ въ трепетную лань?
Ты зрѣлъ гіенну съ лютымъ зѣвомъ,
Когда грызетъ она затворъ.
Какъ разкаленъ упорнымъ гнѣвомъ
Ея окровавленный взоръ!
Тебѣ случалось въ мракѣ ночи,
Во весь опоръ пустивъ коня,
Внезапно волчьи встрѣтить очи,
Какъ два недвижные огня!
Ты помнишь, какъ твой замеръ голосъ
Какъ потухалъ въ крови огонь,
Какъ подымался дыбомъ волосъ
И подымался дыбомъ конь!
Тѣ очи—страшныя явленья!
Но видѣлъ я и тѣхъ страшнѣй:
Не позабыть душѣ моей
Ихъ роковаго впечатлѣнья!
Изъ всѣхъ огней и всѣхъ отравъ
Огня тѣхъ взоровъ не составить
И лишь безумно обезславить
Наукъ всевѣдущій уставъ!
Отъ нихъ все чувство каменѣетъ,
Ихъ огнь и жжетъ и холодитъ;
При мысли, сердце вновь горитъ
И стихъ, робѣя, леденѣетъ.
Моли всѣхъ ангеловъ вселенной,
Чтобъ въ жизни не видать своей
Неправой местью раздраженной
Коварной женщины очей!

И между тѣмъ, спрашиваю васъ, неужели это поэзія, а не стихотворная игрушка; неужели этѣ выраженія вылились въ вдохновенную минуту изъ души взволнованной, потрясенной, а не прибраны и не придуманы, въ напряженномъ и неестественномъ состояніи духа; неужели это безсознательное изліяніе чувства, а не наборъ фразъ, написанныхъ на тему, заданную умомъ?.. И вглядитесь пристальнѣе въ этотъ фальшивый блескъ поэзіи: что̀ вы найдете въ немъ? Одно умѣнье, навыкъ, литературную опытность и вкусъ. Посмотрите, какъ искусно Г. стихотворецъ умѣлъ придать ложный колоритъ поэзіи самымъ прозаическимъ выраженіямъ, съ семнадцатаго стиха до двадцать пятаго. Было время, когда подобныя натяжки принимались за поэзію; но теперь—извините!

Обращаюсь къ мысли. Я рѣшительно нигдѣ не нахожу ея у Г. Бенедиктова. Что такое мысль въ поэзіи? Для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, должно рѣшить сперва, что такое чувство. Чувство, какъ самое этимологическое значеніе этого слова показываетъ, есть принадлежность нашего организма, нашей плоти, нашей крови. Чувство и чувственность разнятся между собою тѣмъ, что послѣднее есть тѣлесное ощущеніе, произведенное въ организмѣ какимъ нибудь матеріяльнымъ предметомъ; а первое есть тоже тѣлесное ощущеніе, но только произведенное *мыслію*. И вотъ отчего человѣкъ, занимающійся какими-нибудь вычисленіями или сухими мыслями, подноситъ руку ко лбу, и вотъ почему человѣкъ, потрясенный, взволнованный чувствомъ, подноситъ руку къ груди или сердцу, ибо въ этой груди у него замираетъ дыханіе, ибо эта грудь у него сжимается или расширяется и въ ней дѣлается или тепло или холодно, ибо это сердце у него и млѣетъ и трепещетъ и порывисто бьется; и вотъ почему онъ отступаетъ и дрожитъ и поднимаетъ руки, ибо по всему его организму, отъ головы до ногъ, проходитъ огненный холодъ и волосы становятся дыбомъ. И такъ очень понятно, что сочиненіе можетъ быть съ мыслію, но безъ чувства; и въ такомъ случаѣ, есть-ли въ немъ поэзія? И на оборотъ, очень понятно, что сочиненіе, въ которомъ есть чувство не можетъ быть безъ мысли. И естественно, что чѣмъ глубже чувство, тѣмъ глубже и мысль, и на оборотъ. „Вселенная безконечна“ говорю я вамъ: эта мысль велика и высока, но въ этѣхъ словахъ еще не заключается художественнаго произведенія, и не будетъ его, еслибы я распространилъ эту мысль хоть на десяти страницахъ. Но „Die Grösse der Welt“ это стихотвореніе Шиллера, въ которомъ облечена въ поэтическую форму эта же самая мысль, и которое такъ прекрасно, полно и вѣрно передано на Русскій языкъ Г. Шевыревымъ, дышитъ глубокою поэзіею, и въ немъ мысль уничтожается въ чувствѣ, а чувство

уничтожается въ мысли; изъ этого взаимнаго уничтоженія раждается высокая художественность. А отчего! Оттого, что эта мысль, родившись въ головѣ поэта, дала, такъ сказать, толчокъ его организму, взволновала и зажгла его кровь и зашевелилась въ груди. Таковъ „Демонъ“ Пушкина, это стихотвореніе, въ которомъ такъ неизмѣримо глубоко выражена идея *сомнѣнія*, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа; такова-же его дивная „Сцена изъ Фауста“, выражающая почти туже идею; таковъ его „Бахчисарайскій Фантанъ“ гдѣ, въ лицѣ Гирея, выражена мысль, что, чѣмъ шире и глубже душа человѣка, тѣмъ менѣе способенъ онъ удовлетворить себя чувственными наслажденіями; таковы его „Цыганы“, гдѣ выражена идея, что, пока человѣкъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы ни посреди цивилизаціи, ни въ таборахъ кочующихъ дѣтей вольности [1]). Я не говорю о другихъ его произведеніяхъ, я не говорю о его „Онѣгинѣ“, этомъ созданіи великомъ и безсмертномъ, гдѣ что̀ стихъ, то мысль, потому что въ немъ что̀ стихъ, то чувство.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ..
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ,
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

или:

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,

---

[1]) Вспомните этѣ слова отца Земфиры:

Ты *для себя* лишь хочешь воли.

Или эти стихи, которыми оканчивается эпилогъ:

Но счастія нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ!

Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой!
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Вотъ вамъ мысль въ поэзіи! Это не разсужденіе, не описаніе, не силлогизмъ—это восторгъ, радость, грусть, тоска, отчаяніе, вопль! Но мое любимое правило—*вещи познаются всего лучше чрезъ сравненіе;* и такъ возмите стихотвореніе Жуковскаго „Русская Слава“ и стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ сравните ихъ; или, лучше, противопоставьте „Русской славѣ“ эти немногіе стихи изъ „Онѣгина“

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
. . . .
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ, въ думу погруженъ
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

тогда вы вполнѣ поймете, что̀ такое мысль въ поэзіи и что̀ такое въ ней чувство, и что одно безъ другаго быть не можетъ, если только данное сочиненіе художественно. Теперь, укажите мнѣ хоть на одно стихотвореніе Г. Бенедиктова, которое-бы заключало въ себѣ мысль въ изложенномъ значеніи, въ которомъ-бы эта мысль томила душу, тѣснила грудь; въ которомъ былъ-бы хотя одинъ сильный, энергическій стихъ, невольно западающій въ память и никогда не оставляющій ея! „Полярная Звѣзда“ по красотѣ стиховъ—чудо:

этому стихотворенію можно противоставить только „Ганимеда“ Г. Теплякова; но оно сбивается на описаніе, и я не вижу въ немъ никакой мысли; а это, не забудьте, единственное, по стихамъ, стихотвореніе Г. Бенедиктова. Кстати объ описаніяхъ: описаніе—вотъ основный элементъ стихотвореній Г. Бенедиктова; вотъ гдѣ старается онъ особенно выказать свой талантъ, и, въ отношеніи ко внѣшней отдѣлкѣ, къ прелести стиха, ему это часто удается. Но это все прекрасныя формы, которымъ недостаетъ души. Встарину (которая, впрочемъ, очень недавно кончилась) всѣ питали теплую вѣру въ описательную поэзію, а старовѣры, всегда вѣрные старопечатнымъ книгамъ и стародавнимъ преданіямъ, и теперь еще признаютъ существованіе описательной поэзіи. Объ этомъ спорить нечего—вопросъ давно рѣшенный! Описательной поэзіи нѣтъ и быть не можетъ, какъ отдѣльнаго вида, въ которомъ-бы проявлялось изящное; но описательная поэзія можетъ быть вездѣ въ частяхъ и подробностяхъ. Описаніе красотъ природы создается, а не списывается; поэтъ изъ души своей возпроизводитъ картину природы, или возсоздаетъ видѣнную имъ; въ томъ и другомъ случаѣ, эта красота выводится изъ души поэта, потому что картины природы не могутъ имѣть красоты абсолютной; эта красота скрывается въ душѣ, творящей или созерцающей ихъ. Поэтъ одушевляетъ картину своимъ чувствомъ, своею мыслію; надобно, чтобы онъ или любовался ею, или ужасался ее, если онъ хочетъ прельстить или ужаснуть насъ ею. Картины Кавказа и Таврическихъ ночей у Пушкина плѣнительны, потому что онъ одушевилъ ихъ своимъ чувствомъ, потому что онъ рисовалъ ихъ съ этѣмъ упоеніемъ, съ которымъ юноша описываетъ красоту своей любезной. Можетъ быть, увидя Кавказъ и слича дѣйствительность съ поэтическимъ представленіемъ, вы не найдете никакого сходства: это очень естественно—все зависитъ отъ разположенія нашего духа, потому что жизнь и красота природы таятся въ сокровищницѣ души нашей; природа отражается въ ней, какъ въ зеркалѣ: тускло зеркало, тусклы и картины природы; свѣтло зеркало, свѣтлы и картины природы. Я, право, не вижу почти никакого достоинства въ описательныхъ картинахъ Г. Бенедиктова, потому что вижу въ нихъ одно усиліе воображенія, а не внутреннюю полноту жизни, все оживляющей собою. Вотъ, напримѣръ, эта картина имѣетъ свой смыслъ, потому что вышла прямо изъ души:

День угаснулъ – потемнѣли
Воды, рощи и поля;
Какъ младенецъ въ колыбели
Спитъ прекрасная земля.
Сонъ ея благоговѣйно

Добрый геній сторожитъ;
Все такъ мирно, все молчитъ,
Только вѣтеръ тиховѣйный,
Въ часъ, какъ дремлетъ долъ и садъ,
Размаринный и лилѣйный
Переноситъ ароматъ
Вотъ и онъ—красавецъ ночи—
Мѣсяцъ по небу взошелъ,
И на спящую навелъ
Онъ серебренныя очи.
Рѣже сумракъ, свѣтъ темнѣй,
И какъ будто изъ лучей
Вдругъ соткалось покрывало
И на грудь земли упало.
О мѣсяцъ, мѣсяцъ, сколько разъ
Ты въ небѣ весело сіяешь,
Но какъ-же мало свѣтлыхъ глазъ,
Какъ много слезъ ты озаряешь!
Тебя не тотъ съ тоскою ждетъ,
Кто не извѣдалъ съ рокомъ битвы,
Кто благодарныя молитвы,
За день свой ночью отдаетъ!
Но отъ восхода до заката
Тотъ глазъ не сводитъ отъ тебя,
Чья жизнь утратами богата,
Кто часто плакалъ про себя! [1]) и проч.

Въ стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова все не досказано, все не полно, все поверхностно, и это не потому, чтобы его талантъ еще не созрѣлъ; но потому, что онъ, очень хорошо понимая и чувствуя поэзію воспѣваемыхъ имъ предметовъ, не имѣетъ этой силы фантазіи, посредствомъ которой всякое чувство высказывается полно и вѣрно. У него нельзя отнять таланта стихотворческаго; но онъ не поэтъ. Читая его стихотворенія, очень ясно видишь, какъ онѣ дѣланы. Если Г. Бенедиктовъ будетъ продолжать свои занятія по стихотворной части, то онъ со временемъ *выпишется*, овладѣетъ поэзіею выраженія, выработаетъ свой стихъ, не будетъ дѣлать этихъ дѣтскихъ промаховъ, на которые я указалъ выше; словомъ, будетъ писать также хорошо, какъ Г. Трилунный [307]), Г. Шевыревъ, Г. М. Дмитріевъ [308]), но едва-ли когда нибудь будетъ онъ поэтомъ. Первые стихи поэта похожи на первую любовь: они живы, пламенны, естественны, чужды изысканности, вычурности, натяжекъ; но таковы-ли первые стихи Г. Бенедиктова? Дай Богъ, чтобы мое предсказаніе оказалось ложнымъ и нелѣпымъ, чтобы мои основанія, которыми я руководствовался въ моемъ сужденіи, были опровергнуты фактомъ: мнѣ было-бы

---

[1]) Изъ Борскаго, поэмы Г. Подолинскаго.

очень пріятно обмануться такимъ образомъ! Но до тѣхъ поръ, пока это не сбудется, я останусь твердъ въ своемъ мнѣніи, которое не есть слѣдствіе личности или какихъ нибудь разсчетовъ, но слѣдствіе любви къ истинѣ. Въ заключеніе скажу, что какъ ни неестественно обмануться стихами Г. Бенедиктова, но изданная имъ книжка, въ наше прозаическое время, многими можетъ быть принята за поэзію. Словомъ, если Г. Бенедиктовъ не оставитъ своихъ стихотворныхъ занятій, онъ скоро пріобрѣтетъ себѣ большой авторитетъ; его стихи будутъ приниматься съ радостію во всѣхъ журналахъ, во многихъ будутъ разхваливаться, по крайней мѣрѣ, года два: а что̀ будетъ послѣ?... Тоже, что̀ стало теперь съ стихотворцами, которыхъ такъ много было въ прошломъ десятилѣтіи, и изъ которыхъ многіе обладали талантомъ повыше Г. Бенедиктова... Увы! что дѣлать! Рѣка времени все уноситъ, все истребляетъ, и немного, очень немного всплываетъ на ея сокрушительныхъ волнахъ!..

Многія изъ стихотвореній Г. Бенедиктова очень милы, какъ весьма справедливо замѣчено въ одномъ журналѣ [309]). Ихъ съ удовольствіемъ можно прочесть отъ нечего дѣлать; онѣ не дадутъ душѣ поэтическаго наслажденія, но и не оскорбятъ, не возмутятъ ея безвкусіемъ или нелѣпостію; нѣкоторыя даже будутъ пріятны для читателя, какъ апельсинъ въ лѣтній день, или чашка кофе послѣ обѣда. Зато есть (хотя и очень немного) и такія, которыхъ-бы рѣшительно не слѣдовало печатать. Таково „Наѣздница“ [310]); мы не выписываемъ его, потому что наша цѣль доказать истину, а не повредить автору. У кого есть въ душѣ хоть искра эстетическаго вкуса, а въ головѣ хоть капля здраваго смыслу, тотъ, вѣрно, согласится съ нами. Мы не требуемъ отъ поэта нравственности; но мы вправѣ требовать отъ него граціи въ самыхъ его шалостяхъ; и, подъ этѣмъ условіемъ, мы ни одного стихотворенія Г. Языкова не почитаемъ безнравственнымъ, и, подъ этѣмъ же условіемъ, мы почитаемъ упомянутое стихотвореніе Г. Бенедиктова очень неблагопристойнымъ, и сверхъ того видимъ въ немъ рѣшительное отстутствіе всякаго вкуса. Тоже можно сказать и обо многихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ другихъ его стихотвореній. Мы очень рады, что этотъ фактъ можетъ служить подтвержденіемъ истины, всѣми признанной, что *только одинъ истинный талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ*. Въ поэтическихъ шалостяхъ, *грація*—великое дѣло, потому что безъ нея этѣ шалости могутъ показаться отвратительными; а эта грація есть удѣлъ одного вдохновенія. Мы сказали, что нѣкоторыя стихотворенія Г. Бенедиктова очень милы, какъ поэтическія игрушки: такими почитаемъ мы „Къ полярной Звѣздѣ, Озеро, Прощаніе съ

саблею, Ореллана, Незабвенная, Къ Н—му“ но особенно намъ понравилось „Два Видѣнія“, которое и выписываемъ здѣсь вполнѣ.

Я дважды любилъ: двѣ волшебницы-дѣвы
Сіяли мнѣ въ жизни средь Божьихъ чудесъ;
Онѣ мнѣ внушали живые напѣвы,
Знакомили душу съ блаженствомъ небесъ.
Одну я любилъ, *какъ слезою печали*
Ланита прекрасной была нажжена;
Другую, когда ея очи блистали
И сладко, роскошно смѣялась она.
Изчезло, чѣмъ прежде я былъ *разволнованъ*,
Но слѣдъ волнованья остался во мнѣ;
Донынѣ ихъ образъ чудесный закованъ
На сердцѣ желѣзномъ въ *грудной глубинѣ*.
Когда-жь я въ глубокомъ тону размышленьи
О темномъ значеньи грядущаго дня,—
Незапно меня посѣщаетъ видѣнье
Одной изъ двухъ дѣвъ, чаровавшихъ меня.
И первой любви моей дѣва приходитъ,
Какъ ангелъ скорбящій, блѣдна и грустна,
И влажныя очи на небо возводитъ,
И къ персямъ, тоскою разбитымъ, она
Крестомъ прижимаетъ лилѣйныя руки;
Каштановый волосъ струями разлитъ...
Явленіе дѣвы, исполненной муки,
Мнѣ день благодатный въ грядущемъ сулитъ.
Когда-жь мнѣ является дѣва другая,
Черты ея буйнымъ весельемъ горятъ,
Глаза ея рыщутъ, какъ пламя, сверкая,
Уста, напрягаясь, какъ струны, дрожатъ;—
И дѣва та дико, безумно хохочетъ,
Колышась ея надрывается грудь:
И это видѣнье мнѣ горе пророчитъ,
Паденіе терній на жизненный путь.
Предъ лаской судьбы и грозой ея гнѣва
Одна изъ предвѣстницъ всегда прилетитъ;
Но рѣдко мнѣ видится первая дѣва,—
Послѣдняя часто мнѣ смѣхомъ гремитъ:
И въ жизни я вижу не многія розы,
По многу блуждаю въ тернистыхъ путяхъ:
Но въ радостяхъ рѣдкихъ даются мнѣ слезы,
При частыхъ страданьяхъ есть хохотъ въ устахъ.

Мы думаемъ, что это стихотвореніе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія вообще о стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова [311]).

В. Бѣлинскій.

150. Краткая Географія для дѣтей, изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера *И. А. Гейма*. Девятое изданіе. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1835. 144. (12) [312]).

Эта крохотная книжечка принадлежитъ къ числу тѣхъ жалкихъ спекуляцій и неудачныхъ компиляцій, о которыхъ не слѣдовало-бы и упоминать, еслибы онѣ не были въ высочайшей степени вредны. Мы не будемъ подкрѣплять своего мнѣнія неумѣстными доказательствами, мы не будемъ осыпать нашихъ читателей собственными именами и утомлять сухою ученостію; такъ какъ дѣло очень ясно и коротко, но мы опираемся на ихъ здравый смыслъ и спрашиваемъ ихъ: можно-ли въ книжонкѣ, состоящей изъ *шести* печатныхъ листовъ, помѣстить описаніе цѣлаго земнаго шара, разсматриваемаго въ трехъ обширныхъ значеніяхъ? Географія есть по преимуществу наука обширная; краткость ея изложенія всего скорѣе дѣлаетъ ее недоступною для изученія, сообщая ей характеръ сухости, темноты и сбивчивости. Напротивъ, чѣмъ въ обширнѣйшемъ объемѣ излагается она, тѣмъ дѣлается занимательнѣе, живѣе, интереснѣе, понятнѣе, и слѣдовательно, доступнѣе для изученія. Господинъ компиляторъ начинаетъ, какъ водится, дурнымъ опредѣленіемъ географіи, изъ котораго не выводится раздѣленія науки на три части; на пяти листикахъ излагаетъ математическую, физическую географію и, сверхъ того, введеніе въ политическую; говоритъ, что „круглота земли доказывается неодинаковымъ временемъ восхожденія и захожденія солнца, лунными затмѣніями, морскими путешествіями и возвышеніемъ и пониженіемъ полярной звѣзды“, не объясняя ни однимъ словомъ этѣхъ доказательствъ и забывая еще объ одномъ, т. е. различности звѣздъ, видимыхъ жителями сѣвернаго полушарія и ихъ антиподами; потомъ вычисляетъ земные круги, тоже ни однимъ словомъ не объясняя ихъ значенія. Въ политическомъ описаніи Россіи подробно распространяется о системѣ водныхъ сообщеній, чтò можетъ имѣть мѣсто только въ обширной географіи, состоящей, по крайней мѣрѣ, изо ста листовъ, и по необходимости опускаетъ важные предметы. Ну, господа защитники всего, чтò дѣлается въ нашей литературѣ, какъ прикажете журналисту поступать съ такими явленіями книжнаго міра? Молчать о нихъ? но это было-бы подло, потому что учебная книга не романъ, и если дурно составлена, то дѣлаетъ вреда не меньше чумы или холеры. Говорить о ней правду, но коротко и вѣжливо,—невозможно, потому что кровь невольно кипитъ, а вѣжливый тонъ не будетъ понятенъ ни для компиляторовъ, ни для покупателей. Браниться? Но это унизительно для рецензента и противно приличію. Чтò-жъ остается дѣлать? рѣшите сами, а я, между тѣмъ, замѣчу вамъ еще объ одномъ обстоя-

тельствѣ, такъ общемъ и обыкновенномъ въ нашей современной литературѣ. Благодаря просвѣщеннымъ усиліямъ правительства и духу времени, у насъ проходитъ уже наглое невѣжество, гордящееся своимъ безобразіемъ; жажда къ просвѣщенію замѣтна во всѣхъ классахъ, и поэтому учебныя книги сдѣлались самымъ выгоднымъ товаромъ для книжныхъ производителей. Какъ же пользуются эти производители этимъ направленіемъ общества? Какія употребляютъ они средства удовлетворить его настоящей потребности? Они сокращаютъ и искажаютъ учебныя сочиненія старинныхъ авторовъ: оно и лучше, вѣдь умершій авторъ не будетъ требовать удовлетворенія изъ гроба за нанесенное ему оскорбленіе! Обыкновенно они выбираютъ такое сочиненіе, которое было когда-то въ славѣ и уродуютъ его. Въ то время, когда иностранные журналы безпрестанно представляютъ результаты новѣйшихъ путешествій, когда многіе находятъ не вполнѣ удовлетворительными и не слишкомъ обширными творенія Бальби и Мальте-Брёна, наши компиляторы довольствуются *господиномъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ И. А. Геймомъ* [313]).

* **151. Записки о Петрѣ Великомъ,** сочиненіе *Вилліамса* (Sir Charles Ganbury Williams), бывшаго въ Россіи полномочнымъ посланникомъ отъ Великобританскаго двора при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и въ первыя года царствованія Екатерины II, съ замѣчаніями автора: 1) о земледѣльческомъ, мануфактурномъ и торговомъ состояніи Россіи, и 2) о доходахъ и финансовыхъ средствахъ оной; о ея сухопутныхъ и морскихъ силахъ. Перевелъ съ Англійскаго *В. Н. Олинъ.* Съ примѣчаніями переводчика. Часть первая. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. VII, 281. 34. (8) [314]).

Мы не нашли въ этой книгѣ ничего новаго и ничего такого, на что̀ было-бы взглянуто съ новой точки зрѣнія. Г. переводчикъ въ своемъ предисловіи, написанномъ языкомъ и складомъ Русской Ѳемиды временъ Царя Алексѣя Михайловича, говоритъ: „Вилліамсъ не есть просто повѣствователь обнаженный (??), онъ почти вездѣ разсуждаетъ; вездѣ, рисуя характеръ въ очеркѣ общемъ (??), онъ естественно развиваетъ его въ мысляхъ читателя (?), представляетъ событія въ чертахъ рѣзкихъ, располагая умъ къ размышленію“, потомъ: «Въ образѣ мысли его видѣнъ вездѣ благородный Британецъ; вездѣ, наблюдатель строгій и глубокомысленный, онъ смотритъ на предметы, какъ министръ, какъ дипломатъ несравненно менѣе обильный изложеніемъ мѣлочныхъ происшествій, чѣмъ общимъ и философическимъ, или, какъ выражается одинъ изъ нашихъ писателей, высшими взглядами на предметы“. Признаемся откровенно, что мы ничего этого, а особливо „высшихъ взглядовъ“ не нашли въ этой книгѣ, переведенной, повторяю, юридическимъ языкомъ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма, испещренной до отвратительности

„сими и оными", толико вожделенными и возлюбленными нѣкоторымъ литераторамъ. Книга наполнена обыкновенными и всѣми извѣстными фактами, безъ всякихъ, нисшихъ или высшихъ взглядовъ. Въ предисловіи Г. переводчикъ говоритъ еще, что намъ рано писать исторію Петра Великаго, и вмѣстѣ съ этимъ, осуждаетъ иностранцевъ, что они до сихъ поръ не обработали надлежащимъ образомъ исторіи Великаго преобразователя Россіи: странный образъ сужденія! Послѣ этого, можно смѣло осуждать Русскихъ писателей за то, что они не обработали исторіи Карла Великаго! Развѣ они потому могутъ быть извинены, что ихъ предупредили Нѣмцы и Французы.

* **152. О распространеніи Россійскаго государства съ единодержавія Петра I-го до смерти Александра I-го.** Сочиненіе *И. Гагемейстера.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1835. V. 129. (8) [315]).

Эта книга въ родѣ первой, и по слогу и по исполненію вообще. Авторъ хотѣлъ начертать картину постепеннаго приращенія Россіи, со временъ Петра Великаго до смерти Александра I, и доказать, что это приращеніе было слѣдствіемъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, а не того, чтобы Россія была завоевательнымъ государствомъ. Въ этомъ никто не сомнѣвается, потому что, въ послѣднія времена, когда развились понятія о народномъ правѣ, и когда всѣ Европейскія государства стремятся къ полному выраженію своего національнаго духа, завоевательное государство было-бы страннымъ анахронизмомъ. Гдѣ-то было сказано, что Г. Гагемейстеръ оскорбляетъ Россію, приписывая ея пріобрѣтенія стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, а не силѣ народнаго духа, храбрости и приверженности къ своимъ царямъ; напротивъ, по нашему мнѣнію, авторъ не могъ сдѣлать Россіи лучшей похвалы, потому что, вопервыхъ, онъ и не думалъ оспоривать у Русскаго народа его непоколебимой преданности престолу и желѣзной храбрости, безъ которой народу не помогли-бы ни какія обстоятельства, а во вторыхъ его главная мысль была доказать *законность* пріобрѣтеній Русскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, неужели оно нарушило Народное Право, покоривъ себѣ Крымцевъ и Горцевъ, этѣ разбойничьи шайки, не имѣвшія никакого понятія ни о народномъ и ни о какихъ правахъ, и сверхъ того, причинявшія столько зла Россіи и тѣмъ оскорблявшія ея величіе? Неужели оно нарушило народное право, освободивши Грузію и Арменію отъ тираніи Азіятскихъ деспотовъ, и тѣмъ выполнивши ожиданія и надежды этѣхъ христіянскихъ земель? Да и возможно-ли Европейско-Христіянскому государству быть несправедливымъ къ самой даже несправедливости въ отношеніи къ Азіятскимъ варварамъ? Открытіе острововъ на Восточномъ океанѣ, принятіе ихъ подъ свою

власть Русскимъ правительствомъ и распространеніе кроткими мѣрами Христіянскаго ученія между дикими ордами Сибирскими и прикаспійскими, также не есть нарушеніе правъ человѣческихъ и народныхъ. И такъ, Г. Гагемейстеръ ни сколько не виноватъ въ оскорбленіи нашего національнаго достоинства; его скорѣе можно обвинить въ томъ, что начертанная имъ картина пріобрѣтеній Россіи не имѣетъ ни перспективы, ни полноти, ни ясности въ изложеніи, и что его книга написана, сверхъ того, дурнымъ Русскимъ языкомъ, хотя при всемъ томъ, можетъ быть не безполезна.

***153. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова.** Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1834. IV, 106 [316]).

Въ XI № Телескопа, который долженъ скоро выдти, помѣщенъ подробный отчетъ о стихотвореніяхъ Г. Бенедиктова, обращающихъ на себя вниманіе не собственнымъ достоинствомъ, которое очень не велико, но шумными обстоятельствами (разумѣется, литературными), сопровождавшими ихъ появленіе въ свѣтъ.

(**В. Б.**).

***154. Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ.** Сочиненіе *Константина Зеленецкаго*. Книжка первая. Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. 64. (8). Съ эпиграфомъ:

> Si malgré tous mes efforts, je m'égare, j'aurai toujours ecarté quelques-unes de ces erreurs, qu'il faut epuiser, dit-on avant d'arriver à la verité. *Lettre sur hier, 1802.—Ch.* [317]).

Мы не можемъ быть слишкомъ строги къ брошуркѣ Г. Зеленецкаго, потому что всякое усиліе къ мышленію, всякое уваженіе къ высокимъ человѣческимъ предметамъ, невольно располагаютъ насъ въ пользу автора. Бездарный риѳмоплетъ, безталанный романистъ, въ нашихъ глазахъ, творенія гадкія, ненавистныя, вредныя и не заслуживающія никакой пощады; но люди, обнаруживающіе какую нибудь мыслительность, или, по крайней мѣрѣ, какую нибудь любовь къ мыслительности, заслуживаютъ въ нашихъ глазахъ высокое уваженіе, когда хорошо исполняютъ свое дѣло, и снисхожденіе, когда обнаруживаютъ слабость мысли или дѣтскость въ сужденіяхъ. Мы не нашли въ книжкѣ Г. Зеленецкаго ни какихъ нелѣпостей, ни какихъ вздоровъ, хотя въ тоже время, не нашли ни чего новаго, или заслуживающаго особенное вниманіе. Онъ разсуждаетъ о трехъ предметахъ: *а)* О мѣстѣ, занимаемомъ логикою въ системѣ философіи. *б)* О содержаніи и расположеніи географіи. *в)* О предметѣ и

значеніи политической исторіи. Въ первомъ авторъ излагаетъ мнѣнія извѣстныхъ философовъ о значеніи логики, какъ науки, и доказываетъ, что логику не должно условливать метафизикою, какъ то думаетъ Шеллингъ, что ея не должно смѣшивать съ метафизикою, какъ то̀ сдѣлалъ Гегель, но что лучше принимать ее въ томъ значеніи, которое придаетъ ей Кантъ, называя ее наукою чисто-формальною; взглядъ Канта кажется автору болѣе подходящимъ къ истинѣ. Во второмъ разсужденіи, которое намъ кажется слабѣе всѣхъ, авторъ нападаетъ, отчасти справедливо, на преподаваніе въ Россіи географіи, и представляетъ свой планъ географіи, въ которомъ мы не нашли ничего новаго, кромѣ того, что авторъ почитаетъ необходимымъ „этнографическое обозрѣніе человѣческаго рода" прежде изложенія политическаго раздѣленія племенъ человѣческихъ. Вотъ результатъ третьяго разсужденія: „*Политическая исторія народа есть исторія его личности; есть изложеніе основной его жизни, жизни той стихіи, которую проявить въ извѣстномъ періодѣ человѣчества суждено сему народу. Всеобщая политическая исторія, какъ исторія взаимно-отношеній народовъ, т. е. ихъ личностей, есть представитель жизни всѣхъ стихій человѣчества, во всѣ періоды его бытія*".

Книжка Г. Зеленецкаго порадовала насъ, какъ безкорыстное стремленіе къ мыслительности, до которой у насъ такъ мало охотниковъ и для которой у насъ такъ много самыхъ ожесточенныхъ враговъ. Но она глубоко огорчила и оскорбила насъ въ другомъ отношеніи, а именно, какъ доказательство, что у насъ еще не умѣютъ складно и общежительно выражаться на Русскомъ языкѣ. Скажите, чего вы должны ожидать отъ какого нибудь риѳмача или дюжиннаго романиста, если человѣкъ, разсуждающій о Кантѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ, о значеніи логики и исторіи, выражается языкомъ старопечатныхъ Россійскихъ книгъ? Неужели грамматика мудренѣе философіи? Неужели умѣніе порядочно выразиться труднѣе умѣнія порядочно мыслить? Спрашиваемъ, захочетъ-ли кто-нибудь прочесть книгу въ началѣ которой обрѣтается подобное *ученое* предисловіе:

„Явленіе *нѣсколька* книжекъ въ родѣ той (?), которая предлагается теперь *благосклонному* взору читателя, не предосудительно уже потому, что литература наша слишкомъ не богата учеными разсужденіями. Недостатокъ ихъ ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сочинитель предлагаемыхъ опытовъ ничуть не думаетъ однакожъ *восполнитъ* его, въ какой бы то ни было степени, ими. По крайней мѣрѣ, *сей* самый недостатокъ даетъ ему право открыто высказать свои мысли и плоды своихъ трудовъ".

* **155. Валерія или слѣпая.** Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Переведена съ Французскаго изъ сочиненія (??) *Г. Скриба*. Дѣйстви. Студ. *Андреемъ Павловымъ*. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ 1835. 64. (12) [318]).

Эта пьеса очень мила и занимательна въ представленіи, особенно когда въ ней играютъ Гг. Каратыгины; также-ли она хороша въ чтеніи, не знаемъ; въ подлинникѣ мы ея не читали, въ переводѣ тоже, потому что переводъ есть сама безграмотность. Стòитъ только вглядѣться въ заглавіе, чтобы увѣриться въ этомъ; не угодно ли еще какихъ нибудь доказательствъ? Извольте—

Ганри. А тайное ваше съ нимъ свиданіе?

Каролина. Продолжалось на *тотъ конецъ* (?), чтобы дать ему замѣтить... о ходѣ нашего дѣла; но къ крайнему моему удивленію, *не подавши повода думать о себѣ, какъ о кокеткѣ* — вы меня, безъ всякой причины, подозрѣваете?

Женщина говоритъ мущинѣ, что этотъ мущина, не подавши (ей—женщинѣ) никакого повода думать о себѣ (о мущинѣ) какъ о кокеткѣ, подозрѣваетъ (мущина) ее (женщину).

Неужели Г. Дѣйстви. Студ. не знаетъ этого простаго правила Русскаго синтаксиса, что дѣепричастіе придаточнаго и глаголъ главнаго предложенія должны выражать дѣйствіе одного и тогоже предмета?

* **156. Новѣйшія повѣсти и разсказы.** Сочиненіе (?) *Евгенія-Сю, Бальзака, и Ожера,* Переводъ съ Французскаго. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части: I—136; II—132. (12) [319]).

Въ обѣихъ частяхъ этой книжки заключается девять повѣстей; не знаемъ, почему Г. переводчику вздумалось скрыть имена авторовъ при каждой повѣсти; но не смотря на то, изъ прочитанныхъ нами мы признали, сколько позволялъ это чрезвычайный переводъ, одну повѣсть Бальзака (Эль-Вердюго) и отрывокъ изъ романа Сю Атаръ-Гюль. Первыя двѣ повѣсти, въ первой части, такъ ничтожны и безтолковы, что мы почитаемъ ихъ за мистификацію Г. переводчика, который приложилъ произведенія своего пера къ произведеніямъ новѣйшихъ Французскихъ писателей. А переводъ?—Читайте— и казнитесь:

„Кардиналы, епископы *разглагольствовали* хладнокровно у подножія *сихъ* мраморныхъ боговъ. Карлосъ трепеталъ въ виду той, которую ему означали изображающую мать Браккіановъ (????). Сіе воспоминаніе еще занимало его воображеніе въ ту минуту, когда Варвара своею поступью гордо-прелестною, своими чертами нѣжно-суровыми представила ему другія черты, другую поступь. Вздохи жгли его грудь... Карлосъ приближается, она также. Онъ говоритъ, нѣжный и чистый голосъ ему отвѣтствуетъ; онъ протягиваетъ руку, рука въ *оную* влагается; онъ пожимаетъ *оную* нѣжно, такое-же пожатіе ему *соотвѣтствуетъ*... Боги! это уже не мраморъ!..“

Совѣтую *сему* Г. переводчику не терзать болѣе *оныхъ* Французскихъ писателей.

* **157. Сцены современной жизни.** Соч. *Алек. Москвичина.* Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. Три части: I—142; II—118; III—113. (12) [320]).

Сцены Петербургской жизни! Сцены современной жизни! Да что̀ же это Г. Логиновъ не издаетъ такъ долго Сценъ Московской жизни?.. Мы ихъ ждемъ не дождемся, чтобы въ сравнительной картинѣ представить достоинство всѣхъ нашихъ самодѣльныхъ „Сценъ Жизни“. Въ ожиданіи „Сценъ Московской жизни“, мы скажемъ о „Сценахъ Современной жизни“, что ихъ авторъ, Г. Москвичинъ, очень удачно идетъ по слѣдамъ Гг. Орловыхъ, Кузмичевыхъ, Сиговыхъ и прочей литературной братіи этого разряда.

* **158. Весенняя вѣтка.** Стихотворенія. Санктпетербургъ, печатано въ типографіи В. Крыловскаго. 1835. 69. (12) [321]).

Самая *невинная* книжка! Стихи отзываются классицизмомъ, мысли дѣтскостію, за то въ нихъ все нравственно. Не угодно-ли полюбоваться, напримѣръ, „Мыльными пузырями“?

Забаву видѣлъ я дитяти:
Черезъ соломенку пускалъ онъ пузыри;
И такъ кричалъ въ восторгѣ тятѣ:
Взгляни-ка тятя, посмотри,
Какъ пузырки летятъ высоко, какъ играютъ
Различнымъ радужнымъ огнемъ!..

Они ребенка забавляютъ,
Еще онъ съ свѣтомъ не знакомъ;
А мнѣ они напоминаютъ
Тщеславье свѣта и тщету;
Подобно имъ они стремятся
Черезъ соломенку,—мечту,
Въ одно мгновеніе родятся,
И изчезаютъ на лету.

Какая *аркадская* невинность, какая *аркадская* философія, какая *аркадская* поэзія въ этихъ стихахъ!

(В. Б.).

159. Журнальная замѣтка [322]).

Время полемики миновалось въ нашей литературѣ. Это сдѣлалось естественнымъ образомъ: публикѣ наскучилъ шумъ и крикъ, въ которомъ она ничего не понимала, а литераторы утомились. Мы не желаемъ возвращенія этого шумливаго времени; мы всегда высказываемъ открыто и прямо свое сужденіе о томъ или другомъ литературномъ произведеніи и не отвѣчаемъ на упреки, дѣлаемые намъ будтобы за пристрастіе и несправедливость нашихъ сужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли-бъ было возражать на этѣ обвиненія? всякій судитъ по своему разумѣнію, всякій, если онъ честный человѣкъ, долженъ быть убѣжденъ въ справедливости своего сужденія, слѣдовательно по одному чувству уваженія къ самому себѣ, ни кто не долженъ оправдываться въ своихъ литературныхъ дѣйствіяхъ, да своему дѣлу никто и не судья. Но когда, по поводу какого-нибудь литературнаго дѣла, васъ упрекаютъ въ дѣлахъ совсѣмъ не-литературныхъ, когда оскорбляютъ вашу личность человѣка и гражданина, то неужели вы должны молчать? А если будете отвѣчать, то неужели этѣмъ введете полемику? И притомъ, неужели одинъ журналъ будетъ пользоваться правомъ ругать своихъ противниковъ невѣждами, *ренегатами*, измѣнниками отечеству а другіе не будутъ имѣть права замѣтить этому журналу неприличность и неблагопристойность его выходокъ, не будутъ имѣть права сказать ему:

Послушай, ври, да знай-же мѣру?..

Знаемъ, что есть журналы, которымъ совѣстно отвѣчать; какъ есть люди, съ которыми войдти въ какія-нибудь объясненія значитъ унизить себя въ собственныхъ глазахъ и въ общемъ мнѣніи. Презрительное молчаніе — лучшій отвѣтъ такимъ журналамъ и такимъ людямъ. Но чтó-же прикажете дѣлать, если у насъ, въ литературѣ, нападающій непремѣнно правъ, если у насъ, въ литературѣ молчаніе, хотя-бы оно было слѣдствіемъ презрѣнія, почитается за безмолвное сознаніе или своего безсилія, или неправости своего дѣла! И притомъ, повторяю, я неуклонно слѣдую правилу, что въ своемъ дѣлѣ никто не судья, и потому положилъ себѣ за обязанность не отвѣчать ни на какія возраженія, если подобный отвѣтъ не поведетъ къ рѣшенію какихъ нибудь истинъ и не будетъ достоинъ прочтенія людей мыслящихъ; но я не могу молчать, когда на меня клевещутъ, взводятъ небылицы и, наконецъ, ругаютъ нагло, называя *ренегатомъ* и тому подобными не-литературными названіями [323]).

Дѣло вотъ въ чемъ: всѣмъ извѣстно и вѣдомо, что Сѣверная Пчела приходитъ въ крайне дурное расположеніе духа и выпускаетъ все свое мушиное жало, къ концу года, когда дѣло идетъ о подписчикахъ. Политика очень благоразумная и разсчетливая! Когда кончится подписка, тогда не дурно заговорить объ умѣренности, безпристрастіи, добросовѣстности, не худо по временамъ нападать на полемику, бранчивый тонъ рецензій и тому подобное. Пчела неуклонно слѣдуетъ этому благоразумному правилу; такъ поступаетъ она и теперь: мало того, что она бранитъ истинно непріязненные ей журналы, она нападаетъ даже на тѣ, которымъ сама недавно падала до ногъ. Мало того, что она, о чемъ-бы ни говорила, всегда

скажетъ какое-нибудь недоброе слово о *Телескопѣ* и *Молвѣ;* она, о ужасъ! нападаетъ теперь, на кого-бы вы думали? на *Библіотеку для Чтенія!!!...* Истинное осуществленіе басни Крылова о Полканѣ и Барбосѣ! Да и чему тутъ дивиться: развѣ этого не должно было ожидать? Развѣ этого уже и не бывало съ Пчелою? Развѣ подписчики не такая жирная кость, за которую бы не льзя было *онымъ* Орестамъ и Пиладамъ не пожалѣть зубовъ и нѣсколькихъ клочковъ шерсти?... О войнѣ, или лучше сказать о нападкахъ Пчелы на Библіотеку для Чтенія (потому что Библіотека для Чтенія слишкомъ благоразумна и слишкомъ горда, чтобы вступить въ открытую войну съ Пчелою; она скорѣе пришибетъ ее мимоходомъ, à propos, какимъ-нибудь апологомъ) можетъ быть, поговорю особенно, по поводу нравоописательной и нравственно-сатирической статейки Г. Булгарина, въ которой очень длинно и очень скучно описывается поѣздка знаменитаго романиста двадцатыхъ годовъ въ Бѣлоруссію [324]), и въ которой очень много прекурьезныхъ и премилыхъ вещицъ; а теперь обращаюсь къ настоящему вопросу.

И такъ Пчела къ концу нынѣшняго года стала особенно нападать на *Телескопъ* и *Молву;* намъ было это всегда очень пріятно, потому что подавало пищу для смѣха. Нѣтъ ничего забавнѣе и утѣшительнѣе, какъ видѣть безсильнаго врага, который, стараясь вредить вамъ, противъ своей воли служитъ вамъ. Разумѣется, мы смѣялись про себя, а въ журналѣ сохраняли презрительное молчаніе и оставляли доброй Пчелѣ трудиться для нашей пользы и нашего удовольствія. Недавно Баронъ Розенъ поднесъ публикѣ, въ своемъ „Петрѣ Басмановѣ“ новый огромный (не помню который уже по счету) кубокъ воды прозаической; Пчела воспользовалась этимъ случаемъ отдѣлать *Телескопъ*, въ особенности *Молву*, а болѣе всего рецензента, пишущаго въ томъ и другомъ журналѣ и пользующагося лестнымъ счастіемъ не нравиться журнальному насѣкомому. Я буду по порядку выписывать обвинительныя пункты и отвѣчать на каждый особенно [325]).

Первое обвиненіе состоитъ въ томъ, что будто-бы въ Телескопѣ и Молвѣ, „нѣкоторые знаменитые критики отъ времени до времени наѣзжаютъ изъ-за угла на нашу словесность съ опущенными забралами, [1]) съ ужасными копьями, вырванными изъ гусиныхъ крыльевъ, съ картонными щитами, на которыхъ красуются девизы неизвѣстныхъ рыцарей. Девизы замѣчательные и многозначущіе! Тутъ найдешь

---

[1]) Что это за *словесность съ опущенными забралами* и прочими аттрибутами, которые придаетъ ей сотрудникъ Пчелы, по неумѣнію ставить въ приличныхъ мѣстахъ запятыя?

и А и Б и В, словомъ сказать: всю нашу азбуку, отъ аза до ижицы включительно. Девизы эти имѣютъ двоякую цѣль: вопервыхъ, они приводятъ въ трепетъ всѣхъ писателей, живыхъ и мертвыхъ; вовторыхъ, за неимѣніемъ букваря, могутъ употребляться въ школахъ, для изученія складовъ, и такимъ образомъ, распространять просвѣщеніе, содѣйствовать успѣхамъ нашей словесности."

Не правдали, что этѣ остроты очень злы и тонки? О, Пчела не любитъ шутить! Жаль только, что остроумный авторъ статейки немножко клевещетъ, т. е. говоритъ неправду. Въ Телескопѣ не было ни одной рецензіи, подписанной буквою; да и покуда годъ въ немъ всѣхъ рецензій было двѣ, и подъ обѣими ими стоитъ полная моя фамилія. Въ Молвѣ всѣ рецензіи, за исключеніемъ весьма немногихъ, принадлежатъ тоже мнѣ; сперва я подъ ними подписывался—онъ—инскій, а теперь В. Б.: не ужели въ этѣхъ В. Б. заключается вся Русская азбука? Можетъ быть сотруднику Пчелы такъ померещилось: вѣдь у страха глаза велики. Все сказанное о неизвѣстныхъ рыцаряхъ, скрывающихся за Русскою азбукою, скорѣе можно отнести къ С. Пчелѣ, гдѣ подъ всѣми рецензіями, кромѣ писанныхъ Г. Булгаринымъ и Г. Скромненко, стоятъ буквы, только не всегда Русскія; Z встрѣчается всего чаще.

Я никакъ не могу понять, что за ненависть питаютъ нѣкоторые литераторы къ безыменнымъ рецензіямъ? Какая нужда имъ до имени? Пройдетъ два-три года, и всѣ рецензіи, которыми наполняются всѣ, безъ исключенія, наши журналы, канутъ въ Лету, вмѣстѣ съ безсмертными твореніями, на которыя онѣ пишутся. Если-же то или другое твореніе истинно велико и безсмертно; то все-таки ему, а не рецензіи, не критикѣ на него, жить въ вѣкахъ. Конечно, есть люди, которые, написавши журнальную статейку, отъ души убѣждены, что они сдѣлали великое дѣло; такъ какъ Иванъ Ивановичь, съѣвши дыню, бывалъ отъ души убѣжденъ, что онъ тоже свершилъ немаловажный подвигъ. Я не принадлежу къ числу такихъ людей, и смотрю пофилософски какъ на свои, такъ и на чужіе журнальные труды, и потому, не обращаю на имена ни какого вниманія. Конечно рецензенты С. Пчелы почитаютъ свои рецензіи безсмертными произведеніями ума человѣческаго и потому придаютъ именамъ большую важность. У всякаго свой взглядъ на вещи!..

Второе обвиненіе на *неизвѣстныхъ рыцарей*, или, лучше сказать, на меня, состоитъ въ томъ, что я осмѣлился усомниться въ существованіи Русской словесности. [1]) „Напрасно, говоритъ Пчела, воз-

[1]) Въ моихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ".

ражалъ имъ ученый, остроумный критикъ въ Библіотекѣ для Чтенія [1]) что 12,000 Русскихъ книгъ, означенныхъ въ каталогѣ нашей книжной торговли, ни какъ не льзя счесть за 12,000 Голландскихъ селедокъ, и что поэтому можно нѣсколько подозрѣвать существованіе Русской литературы. Нѣтъ ея! Кричатъ рыцари, и между тѣмъ сами безпрестанно повторяютъ: наша словесность, нашей словесности, нашу словесность. Да о чемъ-же вы кричите, господа? Неужто вы, по примѣру знаменитаго *рыцаря печальнаго образа*, нападаете на какого нибудь великана-невидимку?" Что на это отвѣчать? 12,000 книгъ! Въ самомъ дѣлѣ, убѣдительное доказательство! И въ числѣ этѣхъ книгъ, изъ классиковъ — Симеона Полоцкаго, Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, Майкова, Хераскова, Петрова, Николева, Грузинцева, Майкова, и пр. и пр.; а изъ романтиковъ — Орлова, Кузмичева, Сигова, А. П. Протопопова, Глхрва, Гурьянова и пр. и пр. И въ числѣ этѣхъ-же книгъ, книги поваренныя, о истребленіи клоповъ и таракановъ; и въ числѣ этѣхъ-же книгъ, безчисленное множество переводовъ.. И потомъ, если изъ всего этого останется №№ 500 хорошихъ книгъ, то сколько между ними будетъ *условно* хорошихъ, и сколько останется *безусловно* хорошихъ?.. Но довольно объ этомъ: мы не поймемъ другъ друга. Я не умѣю опредѣлить достоинства литературы *вѣсомъ* и *счетомъ*. Притомъ-же, я отвергаю существованіе Русской литературы, только подъ тѣмъ значеніемъ литературы, которое я ей даю, а подъ всѣми другими значеніями вполнѣ убѣжденъ въ ея существованіи. Но въ этомъ пунктѣ, мы еще менѣе поняли-бы другъ друга, а потому оставляю этотъ вопросъ и обращаюсь къ другимъ.

„Нѣтъ у насъ словесности, да и критики нѣтъ! Повторяютъ хоромъ рыцари. Помилуйте! А Полевой, *а критикъ* Библіотеки для Чтенія [2]), а Булгаринъ, а Марлинскій, а Шевыревъ... Неужели вы ничего не читали изъ ихъ превосходныхъ разборовъ?" [3]).

---

[1]) При разборѣ „Черной Женщины," Г. Греча, или „Мазепы," Г. Булгарина— не помню, право [326]).

[2]) Критикъ Библіотеки для Чтенія? А какъ его имя? Или и онъ принадлежитъ къ числу безыменныхъ рыцарей?

[3]) Въ самомъ дѣлѣ, я что-то плохо помню *превосходные разборы* Г. Булгарина: у меня преслабая память. Виноватъ! я помню одинъ *превосходный разборъ* Г. Булгарина — это разборъ VII главы „Онѣгина," разборъ, въ которомъ *сей* знаменитый Г. критикъ прокричалъ паденіе Пушкина на двухъ языкахъ, Русскомъ и Французскомъ (*совершенное паденіе*! *Chûte complète*!) и, какъ 2×2=4, доказалъ что *оная* VII глава „Онѣгина" есть такой вздоръ, такая ничтожная и бездарная болтовня, въ сравненіи съ которою и „Евгеній Вельскій" кажется чѣмъ-то дѣльнымъ. Да—этотъ *превосходный* разборъ точно превосходенъ; онъ дѣлаетъ Г. Булгарину большую честь, свидѣтельствуя о его безпристрастномъ, благородномъ и не-

Противъ этого я ни чего не буду возражать. Замѣчу только, каковъ комплиментъ Гг. Марлинскому и Шевыреву? А потомъ, каковъ комплиментъ Г. Полевому? Да —

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

„Давно-ли знаменитый критикъ, краса Московскихъ рецензентовъ, алмазъ Молвы А., или Б., не упомнимъ (полно, правда-ли! мнѣ сдается, что очень помните!) совершенно уничтожилъ незаслуженную славу самозванца-писателя Марлинскаго и неопровержимо, наперекоръ всѣму свѣту доказалъ, что у Марлинскаго нѣтъ ни идей, ни ума, ни чувства; что у него только есть *потуги чувства, ходульки остроумія, калейдоскопическая игра мишурныхъ фразъ*. Напрасно ученый, глубокомысленный, снисходительный Ж. старался *поощрить* и поддержать возникающій, юный талантъ Марлинскаго. На Ж. напали остороумный В. и мудрый нашъ Русскій Гегель, Д., и доказали, что А. совершенно правъ.“ Я нарочно дѣлаю такія длинныя и точныя выписки: дѣла говорятъ сами за себя, и когда ребенокъ бросается на взрослаго человѣка съ топоромъ, то скорѣе всего можетъ ранить самого себя этимъ тяжелымъ оружіемъ, которое слишкомъ ему не по силамъ. Остроуміе вещь прекрасная; но усиліе быть остроумнымъ очень опасно для того, кто прикидывается острякомъ. Я никогда не отнималъ у Г. Марлинскаго ни идей, ни ума, потому что иногда встрѣчаю въ его сочиненіяхъ первыя, и всегда вижу много втораго; о чувствѣ — дѣло другое: здѣсь мы, т. е. я и мой противникъ, опять не поймемъ другъ друга, и потому я не хочу объ этомъ распространяться „*Потуги чувства*,“ и подобныя имъ фразы, можетъ быть, очень хороши, только я не употреблялъ ихъ. И такъ опять, въ *одномъ* обвинительномъ пунктѣ, *двѣ* клеветы. Посмотримъ нѣтъ-ли и третьей. Кто такой этотъ *ученый, глубокомысленный, снисходительный* Ж., который напрасно старался поощрить и поддержать талантъ Г. Марлинскаго? Не знаю. Кто эти — остроумный В. и мудрый нашъ Русскій Гегель Д., которые напали на Ж.? Это все я-же. О, сотрудникъ Пчелы очень остроуменъ! Да — *что за перо у Ивана Ивано-*

зависимомъ образѣ сужденія, и его высокихъ и глубокихъ понятіяхъ объ изящномъ, и становитъ его на ряду самыхъ превосходныхъ Россійскихъ критиковъ. Если сотрудникъ Пчелы, Г. *Пси, такіе* разборы называетъ *превосходными*, то я могъ-бы вспомнить и еще очень многіе *превосходные* разборы Г. Булгарина. Но только, въ такомъ случаѣ, Г. *Пси* напрасно называетъ превосходными разборы Г. Полеваго: они рѣшительно дурны и ничтожны, если прототипомъ критики должны быть *превосходные* разборы Г. Булгарина.

вича! Но когда-же была эта война за Г. Марлинскаго? Рѣшительно никогда. Вѣрно, она приснилась остроумному *Пси.* [1])

„Давно-ли извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ [2]) Е., или нѣтъ не Е., а И. (неужто вы про него ничего не слыхали?) [3]) доказалъ, что Державинъ былъ такой-же романтикъ, какъ и Пушкинъ, и что причина этого скрывается въ его *невѣжествѣ*; что Карамзинъ писалъ *подѣтски*, плаксиво и *растлительно*, что цѣлые томы его Исторіи — одна *риторическая шумиха*; что Жуковскій не сынъ XIX вѣка, а прозелитъ, что въ Батюшковѣ мысли дѣтскія.“

Да — этѣ мысли мнѣ принадлежатъ, и я не отпираюсь отъ нихъ, и готовъ защищать ихъ противъ всякаго, кромѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ рыцарей С. Пчелы, потому что мы, т. е. я и они, не поняли-бы другъ друга.

„Что Шекспиръ *пьяный дикарь*, Расинъ *накрахмаленъ*, Шатобріанъ *крестный отецъ*, а Г-жа Сталь *повивальная бабка* юнаго романтизма. Мы вовсе не шутимъ; всѣ эти прелести напечатаны въ Молвѣ“. М. Г. они напечатаны не въ одной Молвѣ; они напечатаныи въ одной статьѣ высоко уважаемаго вами Г. Марлинскаго. Но я не хочу отпаливаться отъ этой остроты: мнѣ васъ искренно жаль, а лежачаго не бьютъ!..

„Давно-ли этотъ-же первоверховный критикъ И. показалъ всю цѣну, весъ геній П., о которомъ до того ни кто и не слыхалъ.“ Понимаете-ли вы эту остроту? Знаете-ли вы, кто этотъ П., котораго превознесъ И., и о которомъ дотолѣ никто не слыхалъ? Это Г. Гоголь, котораго прекрасныя, поэтическія созданія подали мнѣ поводъ написать большую статью, помѣщенную въ VII и VIII №№ Телескопа. Не вѣрите! Ну такъ вотъ вамъ и доказательство —

„Нѣсколько завистливый Н. соединился съ У., [4]) и блестящимъ софистическимъ разборомъ затмилъ-было достоинство П.; но всѣ наши геніи, философы, ученые, всѣ первостепенные таланты, и Ч. и Ц. и Ш. и Щ. и даже простодушный, безпечный Ы, горячо вступились за П. и доказали..“ Позвольте на минуту прервать моего *остроум-*

---

[1]) Такъ подписался подъ этой роковою статьею мой остроумный противникъ.

[2]) Каково остроуміе! „Извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ!“ Не случалось-ли вамъ слышать брани кухарокъ или площадныхъ торговокъ—„Эка ты княгиня, эка ты графиня, эка краля какая!“ Въ этомъ состоитъ иронія и сарказмъ черни. Какъ жаль, что эта иронія и сарказмъ площади переходитъ такъ часто въ *превосходные разборы* С. Пчелы.

[3]) Покрайней мѣрѣ, вы, мой остроумный противникъ, много, очень много *про него* слыхали.

[4]) Ужъ это не тѣ-ли господа, которые въ Библіотекѣ для Чтенія и С. Пчелѣ разругали сочиненія Г. Гоголя?.,

наго противника, и увѣдомить васъ, что вся эта война опять вымышленная, что весь этотъ наборъ словъ ни что̀ иное, какъ остроты моего *остроумнаго* противника, что весь этотъ наборъ буквъ означаетъ одного меня, нижеподписавшагося; дѣло еще только начинается, и такъ слушайте: „и доказалъ, что П. нашъ Байронъ, Шекспиръ, и что всѣ наши самозванцы-литераторы, безпрестанно поражаемые Московскими журналами, какъ-то: Баратынскій, Булгаринъ, Сенковскій, Гречь, Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій, Загоскинъ, Лажечниковъ, Марлинскій, Масальскій, Ушаковъ, Баронъ Розенъ, Калашниковъ, Козловъ, Михайловскій-Данилевскій, Давыдовъ, Погодинъ, Погорѣльскій, Полевой, Скобелевъ, Хомяковъ, Языковъ, Вельтманъ, однимъ словомъ, всѣ литературные торговцы (особенно *Петербургскіе*), принуждающіе долготерпѣливую публику покупать по четыре тысячи ихъ жалкихъ издѣлій, не стоятъ ни одного мизинца геніяльнаго П.“

Видите-ли вы, что между этѣми литератуными свѣтилами нѣтъ одного Г. Гоголя?..

Всей Русской читающей публикѣ извѣстно, что въ одной повѣсти Г. Гоголя описанъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые „любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ *Булгарина, Пушкина* и *Греча*, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ *А. А. Орловѣ*[1]). Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго или предосудительнаго — люди военные, они занимаются литературою между службою и отдыхомъ, имъ простительно ставить на одну доску *Булгарина, Пушкина* и *Греча*; но какъ ихъ построила въ одинъ фронтъ С. Пчела? Какъ? вотъ нашли чему удивляться! Своя рука владыка, а свой журналъ, что̀ свой домъ: что́ хочу, то́ и дѣлаю въ немъ; кто мнѣ запретитъ объявить въ *моемъ* журналѣ, что я выше Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона?.. И вотъ, извольте послѣ этого дорожить славою: *Пушкинъ* на одной доскѣ съ Гг. Калашниковымъ, Ушаковымъ, Барономъ Розеномъ! Полевой и Лажечниковъ на одной доскѣ съ Г. Масальскимъ, Погорѣльскимъ, Булгаринымъ и *иными*!.. Не правда-ли, что мой антагонистъ очень ловокъ на комплименты, что къ нему не льзя примѣнить этихъ стиховъ:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться?..

Я пропускаю нападки моего *остроумнаго* противника на высокія философическія сужденія объ изящномъ, о XIX вѣкѣ, объ идеяхъ, о требованіяхъ вѣка: я знаю, что всѣ эти предметы не по плечу

[1]) Этотъ-то офицеръ и былъ причиною того, что Г. Гоголь выключенъ Пчелою изъ списка великихъ Русскихъ писателей.

извѣстнымъ и неизвѣстнымъ рыцарямъ С. Пчелы. Въ чемъ не знаешь толку, чего не понимаешь, то̀ брани: это общее правило посредственности. Бывали примѣры, что и посредственность толковала, какъ умѣла, объ этихъ-же самыхъ предметахъ, но это было время, когда ее признавали за геніяльность; это золотое время прошло, и посредственности ничего не остается дѣлать, какъ нападать на новыя идеи, называя ихъ вольнодумными и мятежными. Посредственность видитъ мятежника во всякомъ, кто выше ея, или кто не признаетъ ея величія.

Мой *остроумный* противникъ обвиняетъ меня еще въ томъ, что я называю Миссъ Эджевортъ горничною Г-жъ Жанлисъ и Коттень; это правда: она точно ихъ горничная, щеголяющая въ обношенныхъ капотахъ, подаренныхъ ей ея госпожами.

Мой *остроумный* противникъ мимоходомъ даетъ знать, что для того, чтобы понравиться критикамъ, подобнымъ мнѣ, художники должны доказывать, въ своихъ сочиненіяхъ, что „*измѣна дѣло не худое и даже похвальное*.“ Вотъ какъ мило бранятся въ Петербургѣ, не помосковскому! Нѣтъ, М. Г. я глубоко убѣжденъ, что всякая измѣна есть дѣло гнусное, подлое, нечеловѣческое; я глубоко-бы презрѣлъ человѣка, который-бы, на примѣръ, изъ злобы къ Русскимъ, сперва леталъ-бы подъ Французскимъ орломъ, а потомъ-бы перешелъ опять къ Русскимъ... [327]).

„Мы искренно любимъ всѣхъ достойныхъ Русскихъ литераторовъ, и отъ души радуемся каждому новому произведенію, обогащающему нашу родную словесность, которой *яко-бы* вовсе нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые завистливые иностранцы, не знающіе вовсе Россіи, да еще (Богъ имъ судья!) *ренегаты*, безбородые юноши, доморощенные Гегели, Шеллинги.“

Какъ! кто говоритъ, что у насъ нѣтъ литературы, тотъ ренегатъ? Кто находитъ въ своемъ отечествѣ не одно хорошее, тотъ тоже ренегатъ?.. Стало быть Китайцы, Персіяне и другіе восточные варвары, которые презираютъ всѣхъ иностранцевъ и не видятъ ни кого выше и образованнѣе себя, только одни они не ренегаты?.. Стало быть Петръ Великій былъ не правъ, давши пощечину одному переводчику, который, переведши книгу о Россіи, выпустилъ изъ нея все, что̀ говорилось въ ней дурнаго о Русскихъ?.. И притомъ, М. Г. какое вы имѣете право называть кого-нибудь ренегатомъ? Я могъ-бы переслать эту посылку къ вамъ назадъ; но я не хочу этого сдѣлать, потому что человѣкъ, пользующійся гражданскими правами, не можетъ быть ренегатомъ, хотя-бы онъ и не нравился мнѣ... Нѣтъ, М. Г., на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т.-е. этакихъ выходцовъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ разстригъ

и патріотическихъ предателей, которые-бы, играя двойною присягою, попадали въ двойную цѣль, и избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали-бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство [328]).

Теперь, ктожъ-бы это былъ мой *остроумный* противникъ? „Я тотъ, восклицаетъ онъ, котораго знаетъ Русь, и кажется, любитъ, *поелику* моихъ литературныхъ издѣлій разходилось по четыре тысячи экземпляровъ и болѣе". Еслибы мы вѣрили возможности голоса съ того свѣта, то подумали-бы, что это взываетъ и гласитъ къ намъ тѣнь Г. *Матвѣя Комарова* [329]), *Московскаго жителя*, переводчика Маркиза Глаголя, жизни и дѣяній Картуша, автора Никанора Несчастнаго Дворянина, Милорда Англійскаго, жизни Ваньки Каина и другихъ сочиненій, которые разошлись по Россіи больше, нежели въ числѣ четырехъ тысячь экземпляровъ; или тѣнь *Курганова* [330]), знаменитый Письмовникъ котораго имѣлъ на Руси гораздо большій успѣхъ, нежели самъ Иванъ Выжигинъ; или тѣнь блаженнаго *Михайлы Ѳедорыча Меморскаго* [331]), котораго учебныя книжицы и теперь еще даютъ хлѣбецъ нѣкоторымъ спекуляторамъ... Изъ живыхъ писателей я ни одного не смѣю назвать авторомъ этой статейки, потому что, въ такомъ случаѣ, названный мною писатель имѣлъ-бы право поступить со мною, какъ съ публичнымъ клеветникомъ и нарушителемъ законовъ приличія и вѣжливости. Настоящій авторъ очень благоразумно поступилъ, что скрылъ свое имя [332]).

Въ заключеніе, желаю, чтобы урокъ, данный мною, неизвѣстнымъ юношею, знаменитому литератору, котораго сочиненія разходятся по четыре тысячи экземпляровъ и который теперь скрывается за буквою Пси, не остался безъ пользы. Скажу ему еще за тайну, что не удаются остроты тому, кто не остеръ отъ природы и кто, сверхъ того, еще сердится. Напрасно вы, М. Г. прикидываетесь хладнокровнымъ: вы горячитесь, сами не замѣчая этого; напрасно вы притворяетесь, будто не знаете настоящаго имени молодого философа. И по тону вашей статьи очень замѣтно, что вы твердо знаете мое имя; напрасно вы увѣряете, что будто-бы вы не читаете Молвы и даже не знаете, существуетъ-ли она: вы читаете ее, вы знаете наизустъ много изъ того, что въ ней пишется, вы помните въ ней все гораздо лучше, нежели я, который, по слабости памяти, скоро забываетъ все, что̀ читаетъ написаннаго бо̀льшею частію великихъ писателей, изчисленныхъ вами, и что̀ пишетъ самъ. Прощайте, и умѣйте, если можете, забыть меня также скоро, какъ я васъ забылъ, ибо, оканчивая послѣднее слово моей отповѣди, я уже забываю васъ, чтобы никогда о васъ не помнить" [1]).

В. Бѣлинскій.

---

[1]) Я еще забылъ упомянуть объ одной диковинкѣ, обрѣтающейся въ бранной

*160. Примѣчаніе къ стихотворенію К. Эврипидина „Воспоминаніе“ [333]).

Наши читатели вѣрно не забыли юнаго поэта Г. Эврепидина, котораго отрывокъ „Олегъ подъ Константинополемъ“, помѣщенный въ Молвѣ, доставилъ имъ такое удовольствіе. Увѣдомляемъ почтеннѣйшую публику, что молодой поэтъ нашъ оставилъ кинжалъ Мельпомены и взялся за лиру. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ онъ еще окончить своей прекрасной драмы, какъ мода на драмы уже упала вмѣстѣ съ падшею славою модныхъ драматурговъ; а нашъ молодой поэтъ твердо рѣшился не отставать отъ времени, и потому, пока еще не замолкли лиры новыхъ пѣвцовъ, недавно обратившихъ на себя общее вниманіе и успѣвшихъ, въ самое короткое время, заслужить себѣ безсмертіе, по единодушному приговору нашихъ критиковъ, онъ поспѣшилъ, какъ говорится, *взять свое*, пока не ушло время. И мы пророчимъ нашему скромному и юному поэту, что онъ непремѣнно займетъ первое мѣсто между нынѣшними лирическими знаменитостями и что *другой вѣнокъ* не замедлитъ украсить его побѣдоноснаго чела. **Б.**

*161. Стихотворенія Кольцова. Москва 1835 [334]).

Даръ творчества дается не многимъ избраннымъ любимцамъ природы, и дается имъ не въ равной степени. У однихъ, степень его силы зависитъ рѣшительно отъ одной природы; у другихъ, она зависитъ сколько отъ природы, столько и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Есть художники, произведеніямъ которыхъ обстоятельства ихъ жизни могутъ сообщить тотъ или другой характеръ, но на творческій талантъ которыхъ онѣ не имѣютъ ни какого вліянія: это художники-

---

статейкѣ С. Пчелы, это—*классико-романтическое* упоминовеніе объ Аполлонѣ. „Этимъ способомъ, говоритъ мой противникъ, можно уронить, изуродовать сочиненіе самаго Аполлона, бога поэзіи, еслибы онъ вздумалъ ихъ напечатать, и сошелся въ условіяхъ съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ“. Неправда-ли, что этотъ намекъ на Аполлона совершенно въ *классико-романтическомъ* духѣ? *Классическимъ* онъ можетъ почесться потому, что теперь уже вышло изъ моды тормошить Парнасскую и Олимпійскую сволочь, а Г. Пси еще не отстаетъ отъ этой похвальной привязки добраго стараго времени; *романтическимъ* этотъ намекъ можетъ назваться потому, что Г. Пси—Аполлона, этого бога свободнаго и благороднаго искусства, какимъ представляли его себѣ простодушные Греки, дѣлаетъ *романтикомъ*, т.-е. литературнымъ торгашемъ, заставляя его продавать книгопродавцамъ свои свободныя и творческія вдохновенія. Какое смѣлое воображеніе у Г. Пси! Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову сдѣлать самого Аполлона литературнымъ торгашемъ и заставить его въ книжной лавкѣ смиренно продавать свою рукопись Россійскому книгопродавцу, который съ важностію, приличною торговой особѣ, вымѣриваетъ эту тетрадь аршиномъ и кладетъ ее на вѣсы!.. Какъ *невольно* иногда *высказывается* человѣкъ!..

геніи. Отличительный признакъ ихъ геніяльности состоитъ въ томъ, что они властвуютъ обстоятельствами и всегда сидятъ глубже и дальше черты, отчерченной имъ судьбою, и, подъ общими внѣшними формами, свойственными ихъ вѣку и ихъ народу, проявляютъ идеи, общія всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Шекспиръ и при дворѣ Лудвига XIV остался-бы Шекспиромъ; его генія не задушилъ-бы заразительный воздухъ двора этого блистательнаго, но отнюдь не великаго, короля Франціи; его геніяльнаго взгляда на жизнь — этой природной философіи не убило-бы мишурное величіе *золотаго* вѣка Французской словесности; его могущественныхъ порывовъ не оковали-бы схоластическія понятія объ изящномъ. Но Расинъ и при дворѣ Елизаветы былъ-бы придворнымъ поэтомъ, перелагалъ-бы дворскія сплетни въ трагедіи и писалъ-бы по той мѣркѣ, которую давали-бы ему люди, общественное мнѣніе, приличіе, или вкусъ королевы и лордовъ. Творенія геніевъ вѣчны, какъ природа, потому что основаны на законахъ творчества, которые вѣчны и незыблемы, какъ законы природы, и которыхъ кодексъ скрытъ во глубинѣ творческой души; а не на преходящихъ и условныхъ понятіяхъ объ искусствѣ, того или другаго народа, той или другой эпохи; потому что въ нихъ проявляется великая идея человѣка и человѣчества, всегда понятная, всегда доступная нашему человѣческому чувству, а не идеи двора или общества въ то или другое время, у того или другого народа. Геній есть торжественнѣйшее и могущественнѣйшее проявленіе сознающей себя природы, и потому есть явленіе рѣдкое; не многіе вѣка озарялись этѣми роскошными солнцами, у не многихъ сіяло на небосклонѣ по нѣскольку этѣхъ солнцевъ... Но ежели вся цѣпь созданія есть ни что̀ иное, какъ восходящая лѣстница сознанія безсмертнаго и вѣчнаго духа, живущаго въ природѣ, то и служители искусства представляютъ собою туже самую лѣствицу, которая восходитъ или низходитъ, смотря по тому, съ начала или съ конца будете вы обозрѣвать ее. Безконечная и всегда неразрывная цѣпь! Есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почтить высокимъ именемъ геніевъ, но которыхъ вы поколеблетесь отнести къ талантамъ; которые какбы начинаютъ собою низходящую ступень лѣствицы и какбы припадлежатъ къ этому дивному поколѣнію духовъ, которыми пламенное воображеніе младенчествующихъ народовъ населило и лѣса и горы, и воды и воздухъ, и которыхъ назвало сильфами и пери, и поставило ихъ на чертѣ между высшими небесными духами и человѣкомъ. Наконецъ, есть еще эти художники, ознаменованные большею или меньшею степенью таланта творческаго, эти *люди*, на которыхъ небо взираетъ, какъ на любимыхъ, хотя и занимающихъ свое мѣсто послѣ духовъ безплотныхъ, чадъ своихъ. Хвала

и поклоненіе наше генію, хвала и удивленіе высокому таланту!—Но не откажемъ-же хотя во вниманіи и этому меньшому и юнѣйшему сыну неба! Не равно лучезарны лучи, сіяющіе на ихъ главахъ, но всѣ они дѣти одного и тогоже неба, всѣ они служители одного и того же алтаря. Пусть одинъ будетъ ближе, другой дальше къ алтарю—воздадимъ каждому почтеніе наше по мѣсту, занимаемому имъ; но уважимъ всякаго, кому дано свыше высокое право служенія алтарю...

Я хочу сказать, что художникъ по призванію есть всегда предметъ достойный вниманія нашего, на какой-бы ступени художественнаго совершенства ни стоялъ онъ, какъ-бы ни было невелико его творческое дарованіе. Если онъ точно художникъ, если точно природа помазала его при рожденіи на служеніе искусству, если онъ только не дерзкій самозванецъ, непосвященно и самовольно присвоившій себѣ право служенія божеству,—то, говорю я, не пройдемъ мимо его съ холоднымъ невниманіемъ, но остановимся передъ нимъ и посмотримъ на него испытующимъ взоромъ: можетъ быть, на его челѣ подглядимъ мы печать высокой думы, которая не для всѣхъ замѣтна; можетъ быть, въ его очахъ мы уловимъ этотъ лучъ вдохновенія, который всегда бываетъ гостемъ небеснымъ; можетъ быть, его уста выскажутъ намъ какую нибудь святую тайну, взволнуютъ нашу грудь какимъ нибудь сладкимъ, хотя и тихимъ чувствомъ...

Такимъ поэтомъ почитаемъ мы Г. Кольцова; съ такой точки зрѣнія смотримъ мы на талантъ его; онъ владѣетъ талантомъ не большимъ, но истинымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но неподдѣльнымъ и не натянутымъ, а это, согласитесь, не совсѣмъ обыкновенно, не весьма часто случается. Поспѣшимъ-же встрѣтить новаго поэта съ живымъ сочувствіемъ, съ привѣтомъ и ласкою...

Я сказалъ, что геній-художникъ независимъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что этѣ обстоятельства даютъ тотъ или другой характеръ его созданіямъ, но не возвышаютъ и не ослабляютъ силы его фантазіи. Не таковы обыкновенные таланты: ихъ не льзя разсматривать внѣ обстоятельствъ ихъ жизни, потому что этѣми обстоятельствами объясняется иногда и ихъ чрезвычайный успѣхъ и ихъ паденіе, этѣми обстоятельствами опредѣляется, что́ они могли-бы сдѣлать и почему они сдѣлали столько, а не столько, такъ, а не этакъ, и, слѣдовательно, опредѣляется важность и степень ихъ таланта. Чтобы написать въ наше время нѣсколько строфъ, не уступающихъ въ звучности и великолѣпіи нѣкоторымъ строфамъ Ломоносова, нужно одно умѣніе и навыкъ, а въ то время, въ которое жилъ Ломоносовъ, для этого нуженъ былъ талантъ. И развѣ самъ Шекспиръ не стано-

вится выше въ нашихъ глазахъ отъ того самаго, что онъ жилъ въ XVI, а не въ XIX вѣкѣ? Представьте себѣ Державина, поэта вѣка Екатерины II, поэтомъ вѣка Петра Великаго: развѣ ваше удивленіе къ нему не удвоится? И развѣ самъ Ломоносовъ не геній уже по одному тому, что онъ былъ Холмогорскимъ рыбакомъ? Развѣ Слѣпушкинъ [335]) и другіе, совершенно не будучи поэтами, не обратили на себя общаго вниманія потому только, что они принадлежали къ нисшему классу общества и самимъ себѣ были обязаны тѣмъ образованіемъ, которое какъ они сами, такъ и публика приняла за даръ творчества?.. Кольцовъ тоже принадлежитъ къ числу этихъ поэтовъ-самоучекъ, съ тою только разницею, что онъ владѣетъ истиннымъ талантомъ.

Кольцовъ—Воронежскій мѣщанинъ, ремесломъ прасолъ. Окончивъ свое образованіе приходскимъ училищемъ, т.-е. выучивъ букварь и четыре правила ариѳметики, онъ началъ помогать честному и пожилому отцу своему въ небольшихъ торговыхъ оборотахъ и трудиться на пользу семейства. Чтеніе Пушкина и Дельвига въ первый разъ открыло ему тотъ міръ, о которомъ томилась душа его, оно вызвало звуки, въ ней заключенные. Между тѣмъ домашнія дѣла его шли своимъ чередомъ; проза жизни смѣняла поэтическіе сны; онъ не могъ вполнѣ предаться ни чтенію, ни фантазіи. Одно удовлетворенное чувство долга награждало его и давало ему силы переносить труды чуждые его призванію. Можетъ быть, и еще другое чувство охраняло поэзію этой души, которая всего чаще высказывала свое горе въ степяхъ, у огней,

Подъ пѣснь родную чумака (стр. 20).

Какъ тутъ было созрѣть таланту? Какъ могъ выработаться свободный, энергическій стихъ? И кочевая жизнь, и сельскія картины, и любовь, и сомнѣнія, попеременно занимали, тревожили его; но всѣ разнообразныя ощущенія, которыя поддерживаютъ жизнь таланта, уже созрѣвшаго, уже воспитавшаго свои силы, лежали бременемъ на этой неопытной душѣ; она не могла похоронить ихъ въ себѣ и не находила формы, чтобы дать имъ внѣшнее бытіе.

Этѣ немногія данныя объясняютъ и достоинства, и недостатки, и характеръ стихотвореній Кольцова. Немного напечатано ихъ изъ большой тетради, присланной имъ, не всѣ и изъ напечатанныхъ равнаго достоинства; но всѣ онѣ любопытны, какъ факты его жизни. Природа дала Кольцову безсознательную потребность *творить*, а нѣкоторыя вычитанныя изъ книгъ понятія о творчествѣ, заставили его *сдѣлать* многія стихотворенія. Изъ помѣщенныхъ въ изданіи, найдется два-три слабыхъ, но ни одного такого, въ которомъ не

было-бы хотя нечаяннаго проблеска чувства, хотя одного или двухъ стиховъ, вырвавшихся изъ души. Бо́льшая часть положительно и безусловно прекрасны. Почти всѣ онѣ имѣютъ близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ автора, и потому дышатъ простотою и наивностію выраженія, искренностію чувства, не всегда глубокаго, но всегда вѣрнаго, не всегда пламеннаго, но всегда теплаго и живаго. Но при всемъ этомъ, онѣ разнообразны, какъ впечатлѣнія, которыхъ плодомъ онѣ были. Въ „Великой Тайнѣ" читатель найдетъ удивительную глубину мысли, соединенную съ удивительною простотою и благородствомъ, выраженія, какое-то младенчество и простодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенность и ясность взгляда. Это дума Шиллера, переданная Русскимъ простолюдиномъ, съ Русскою отчетливостію, ясностію и съ простодушіемъ младенческаго ума. Въ „Пѣснѣ Старика, Удальцѣ, Совѣтѣ Старца" дышитъ этотъ разгулъ юнаго чувства, которое просится наружу, выражается широко и раздольно, и которое составляетъ основу Русскаго характера, когда онъ, какъ говорится, *разходится*.

Мнѣ-ли молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать?
Мнѣ-ль траву косить?
Затоплять овинъ?
Молотить овесъ?

Мнѣ поля—не другъ;
Коса—мачиха;
Люди добрые—
Не сосѣди мнѣ.

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Любо въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить...
Но душой за кровь
Злодѣй платится!

Лучше-жь воиномъ,
За Царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову!

Въ „Пирушкѣ Русскихъ поселянъ, Размышленіи Поселянина и Пѣсни Пахаря" выражается поэзія жизни нашихъ простолюдиновъ. Вотъ

этакую *народность* мы высоко цѣнимъ: у Кольцова она благородна, не оскорбляетъ чувства ни цинизмомъ, ни грубостію; и въ тоже время, она у него неподдѣльна, не натянута и истинна. Простота выраженія и картинъ, прелесть того и другаго, у него не подражаемы. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, мы не имѣли никакого понятія объ этомъ родѣ народной поэзіи, и только Кольцовъ познакомилъ насъ съ нимъ. Но что̀ составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ его поэзіи, это тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ изливаетъ свое тихое и безотрадное горе любви; онѣ слѣдующія: „Люди добрые скажите; Ты не пой соловей; Первая Любовь; Не шуми ты рожь; къ N.“ Четвертое особенно прелестно; вотъ оно:

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ,
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ.

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

Тяжелѣй горы
Темнѣй полночи,
Легла на сердце
Дума черная!

Сколько тоски, сколько грусти, сколько благородства, простоты и поэзіи въ этой пѣснѣ!

Ахъ, та пѣснь была завѣтная—
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать-бы хотѣлося.
Не разсталась-бы вѣкъ съ ней! [336]).

Теперь, послушайте еще разъ этого крестьянина, который выражаетъ тоску любви своей уже другимъ напѣвомъ, другимъ тономъ:

Что́ душу въ юности плѣнило,
Что́ сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило—
И полюбило не на часъ,
То́ все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Не льзя забыть!—
Уснешь—непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!...
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою..
Когда-жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою?...

И это не поэзія?...

Не знаю, будутъ-ли имѣть успѣхъ стихотворенія Кольцова, обратитъ-ли на нихъ публика то вниманіе, котораго онѣ заслуживаютъ, будутъ-ли умѣть наши журналы отдать имъ должную справедливость, —все это покажетъ время. Но мы не можемъ не признаться, что Кольцовъ является съ своими прекрасными стихотвореніями не во время, или, лучше сказать, въ дурное время. Хорошо еще для него, еслибы онъ явился среди всеобщаго затишья нашихъ неугомонныхъ лиръ, а то вотъ бѣда, что онъ является среди дикаго и нескладнаго рева, которымъ терзаютъ уши публики Гг. непризванные поэты, преизобильно и преисправно наполняющіе, или, лучше сказать, наводняющіе нѣкоторые журналы; является въ то время, когда хриплое карканье ворона и грязные картины будто-бы народной жизни съ торжествомъ выдаются за поэзію... Грустная мысль! неужели и въ самомъ дѣлѣ, гудокъ, волынка и балалайка должны заглушить звуки арфы? Неужели и въ самомъ дѣлѣ, стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзію?.. Чего добраго! поэзія Кольцова такъ проста, такъ неизысканна и, что̀ всего хуже, такъ истинна! Въ ней нѣтъ ни дикихъ, напыщенныхъ фразъ объ утесахъ и другихъ страшныхъ вещахъ; въ ней нѣтъ ни моху забвенія на развалинахъ любви, ни плотныхъ усѣстовъ, въ ней не гнѣздится любовь въ ущельяхъ сердецъ, въ ней нѣтъ ни другихъ подобныхъ диковинокъ. Толпа слѣпа: ей нуженъ блескъ и

трескъ, ей нужна яркость красокъ, и ярко-красный цвѣтъ у ней самый любимый... Но нѣтъ—этого быть не можетъ! Вѣдь есть-же и у самой толпы какое-то чутье, которому она слѣдуетъ наперекоръ самой себѣ и которое у ней всегда вѣрно! Вѣдь есть-же люди, которые, предпочитая Пушкину и того и другаго поэта, тверже всѣхъ поэтовъ знаютъ наизустъ Пушкина и чаще всѣхъ читаютъ его?.. Кажется, теперь-бы и должно быть этому времени, въ которое все оцѣнивается вѣрно и безошибочно?—Увидимъ!

Не знаемъ, разовьется-ли талантъ Кольцова, или падетъ подъ игомъ жизни? —Этотъ вопросъ рѣшитъ будущее, намъ остается только желать, чтобы этотъ талантъ, котораго дебютъ такъ прекрасенъ, такъ полонъ надеждъ, развился вполнѣ. Это много зависитъ и отъ самаго поэта; да не падетъ-же его духъ подъ бременемъ жизни, или убитый ею, или обольщенный ея ничтожностію, да будетъ для него всегдашнимъ правиломъ эта высокая мысль борьбы съ жизнію и побѣды надъ нею, которую онъ такъ прекрасно выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Къ другу.

Развеселись, забудь что́ было!
Чего ужъ нѣтъ—не будетъ вновь!
Все-ль намъ на свѣтѣ измѣнило
И все-ль съ собой взяла любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,
Поладимъ, можетъ быть, съ другимъ!
И что́ мы въ жизни потеряли,
У жизни снова мы найдемъ!
Что́ намъ мгновенныя печали?
Мы-ль ихъ съ собою не снесемъ?
Что̀ грусть земли? Ужель за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?
Уже-ли тамъ, за синимъ сводомъ,
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ заживо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ.
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба

Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ.
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тлѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!

Мы отъ души убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока Г. Кольцовъ будетъ сохранять подобныя чувства и будетъ основывать на нихъ неизмѣнное правило жизни, его талантъ не угаснетъ!.. [337]).

В. Бѣлинскій.

***162. Осенній вечеръ.** Изданный *В. Лебедевымъ.* Санктпетербургъ. Въ типографіи К. Вингебера. 1835. V, 238. (12). Съ плохою картинкою и эпиграфомъ.

Желтѣлъ печально злакъ полей,
Брега взвѣвалъ источникъ мутный,
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощѣ безпріютной.
Е. Баратынскій [338]).

Знаете-ли что̀ это за книга—Осенній Вечеръ? Это—альманахъ! не вѣрите—такъ справьтесь сами. Всѣ признаки альманаха—наборъ прозаическихъ и стихотворныхъ статеекъ, подписанныхъ самыми громкими именами. Оно такъ и должно быть: что̀ за альманахъ, если онъ не образуетъ собою яркаго созвѣздія лучезарныхъ именъ, если въ немъ не участвуютъ представители литературы? Въ эпоху своего цвѣтенія наши альманахи украшались именами *Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Козлова, Веневитинова, Марлинскаго, Ѳ. Глинки, Баратынскаго, Кн. Одоевскаго, Хомякова, Языкова, Д. Давыдова,* и пр. и пр. Нынѣшній альманахъ не уступаетъ прежнимъ ни на волосъ; имена, украшающія его, ни чѣмъ не меньше и не ниже изчисленныхъ мною именъ; вотъ они: *Андрей Куцый, Безмолвный, Бурмановъ, Гребенка, Десбутъ, Кисловъ, Лебедевъ, Алферовъ, Бенедиктовъ, Глѣбовъ* (это чуть-ли не изъ старыхъ знаменитостей!) *Деревицкій, Ершовъ, Комсинъ, Марковичъ.* Ну, спрашиваю я, чѣмъ отсталъ новый альманахъ отъ Полярной Звѣзды, Сѣверныхъ цвѣтовъ, Денницы и прочихъ?.. Я желалъ-бы познакомить васъ съ новыми свѣтилами нашей литературы; но это было-бы очень трудно, и такъ ограничусь нѣкоторыми. Вельскій игралъ, въ одномъ обществѣ, на святочномъ вечерѣ, въ фанты: очень милая эта игра въ фанты, въ провинціяхъ она и теперь въ большомъ употребленіи. Но не въ томъ дѣло. Вячеславу Вельскому вышелъ фантъ, и хозяйка, умная, милая женщина, зная, что молодой человѣкъ умѣетъ лучше писать, нежели представлять статую и прыгать черезъ стулья (прыгать черезъ стулья—одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ показать свою ловкость въ порядочномъ обществѣ, особенно гдѣ хозяйка умна и

мила), сказала *оному* Г. Вячеславу Вельскому написать какую-нибудь историческую быль, пока прочіе собесѣдники сдѣлаютъ двѣ фигуры котильона. Хозяйка основала свое право задавать своимъ гостямъ сочиненія, въ силу Французской пословицы: charbonnier est maitre en sa maison. Чтó-бы сталъ дѣлать въ такомъ затруднительномъ положеніи всякій обыкновенный человѣкъ? Пропалъ-бы да и только. Но генія не скоро собьешь съ толку: Г. Вельскій прочелъ поутру коечто объ этой пословицѣ изъ Монтлюка [339]), и онъ рѣшился писать на тему: charbonnier est maitre en sa maison. Это было принято, какъ удачное à propos, и еще не кончилась вторая фигура котильона, какъ уже поспѣла цѣлая повѣсть, которой и переписать невозможно въ продолженіи трехъ безконечныхъ котильоновъ. Эта повѣсть называется „Фантъ", авторъ ея Г. *Владиславъ Бурмановъ*. Ну, знакомы-ли вы теперь съ талантомъ Г. *Владислава Бурманова?*.. „Малороссійское преданіе" Г. *Гребенки* отличается пѣвучимъ языкомъ; это истинная поэтическая, Оссіановская проза, а все отъ того, что почтенный авторъ, вопреки духу и законамъ Русскаго языка, ставитъ опредѣлительныя слова всегда послѣ опредѣляемыхъ.

„Горько рыдалъ безутѣшный отецъ о потерѣ сына, рвалъ сѣдины и ломалъ руки *изсохшія*. Кто, *возопилъ* онъ, будетъ подпорою моей старости? старшій сынъ мой, получивъ богатство, забылъ меня, и я остался одинъ съ дочерью *слабою*. Кто нагрузитъ возъ мой снопами *тяжелыми?* кто впряжетъ въ него воловъ *круторогихъ* и привезетъ на гумно мое богатые дары Всевышняго? Кто зимою *холодною*, когда зашумятъ мятели по полямъ и лѣсамъ *обнаженнымъ*, согрѣетъ старика *беззащитнаго*. Чей топоръ *трудолюбивый* застучитъ въ рощѣ *ближней?* Чья рука *попечительная* разложитъ огонь въ хатѣ моей?"

Вотъ какимъ высокимъ слогомъ выражается Г. Гребенка! Этотъ отрывокъ можно почесть за надгробный плачъ какого-нибудь Пріама *многолѣтнаго*, оплакивающаго сына *быстроногаго*, Паркою *безпощадною* сведеннаго въ могилу *раннюю*. Но это говоритъ не царь, а простой козакъ, *Иванъ добрый человѣкъ*. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: геній все украшаетъ, все облагороживаетъ, а творчество въ томъ и состоитъ, чтобы украшать природу. Ну, знакомы-ли вы теперь съ талантомъ Г. Гребенки?..

„Жертва Обольщенія, новая Петербургская быль," принадлежитъ Г. *Безмолвному*. Чтó это за господинъ Безмолвный? спрашиваете вы. Вотъ нашли о чемъ спрашивать! вѣдь въ нашей литературѣ есть Г. *Безгласный*, такъ непремѣнно должно быть и Г. *Безмолвному;* у насъ ужъ такъ изстари ведется. Но какова-же эта „Жертва Обольщенія?" хотите вы знать. О, чудо да и только! Самая нравственная повѣсть: въ ней, какъ $2 \times 2 = 4$ доказано, что дѣвушки не должны слишкомъ довѣрять красивымъ и статнымъ офицерамъ. Истина несомнѣнная! Но нравственность составляетъ не конечное достоинство повѣсти

Г. *Безмолвнаго*: она отличается еще и удивительною оригинальностію въ мысляхъ и выраженіи а пуще всего чувствительностію. Вотъ вамъ образчикъ всего этого:

„Не знаю, если люди, которые-бы болѣе меня любили и любятъ прекрасный полъ? *(недостаетъ смысла—зато, что за мысль!)* Я уже отдалъ имъ половину жизни—и не раскаиваюсь, и остальные, безцвѣтные дни свои, посвящаю прелестнымъ очаровательницамъ. Не будь ихъ, и я не желалъ бы существовать. Тотъ не можетъ назваться человѣкомъ, кто не зналь или не знаетъ, что такое есть любовь. Не повѣрю даже самому ожесточенному человѣконенавистнику, чтобы въ сердцѣ его не таилось это благороднѣйшее, возвышенное чувство. Иначе онъ не человѣкъ, но олицетворенная фигура человѣческая. Люблю невыразимо, но естественно васъ, мои повелительницы; одинъ нѣжный взглядъ вашъ составляетъ величайшее счастіе моей жизни. Я только живу, и бываю доволенъ жизнію при видѣ васъ и подлѣ васъ. Но въ объятіяхъ вашихъ, кажется, я испарюсь, изчезну; а потому опасаюсь еще жениться; подожду еще лѣтъ десять, пока съ лѣтами обезсилитъ *(кого?)* жгущее меня пламя. Но я слишкомъ заболтался; простите откровенности—такая натура моя: люблю говорить про себя и про другихъ, проклятая привычка!"

Нѣтъ! да будетъ благословенна эта привычка почтеннаго автора: безъ нея не узнали-бы мы прекрасныхъ чувствъ души его, безъ нея не узнали-бы мы, что можно писать нѣжно, чувствительно, трогательно, не зная грамматики! Ну, знакомы-ли вы теперь съ талантомъ Г. *Безмолвнаго*?..

За „Жертвою Обольщенія" слѣдуетъ „Чаша изъ Дѣвичьяго Черепа", повѣсть Г. *Владислава Бурманова*. Я не буду говорить о ней: вопервыхъ потому, что она очень страшна и въ нравственно-фантастическомъ родѣ; а вовторыхъ, вы уже и безъ того довольно знакомы съ безподобнымъ талантомъ Г. *Владислава Бурманова*.

И заслуженный ветеранъ нашей литературы Г. *Скобелевъ* украсилъ этотъ альманахъ своею небольшою, но прекрасною пьескою „Къ Благороднымъ воинамъ", въ которой онъ доказываетъ, что кто вступаетъ въ военную службу по разчету, чтобъ дослужиться знатнаго чина, разбогатѣть и сдѣлаться современемъ вельможею, тотъ никогда не будетъ у цѣли! Въ этой статейкѣ много и другихъ свѣтлыхъ мыслей, которыя почтенный авторъ такъ убѣдительно излагаетъ, что съ нимъ невозможно не согласиться.

„Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ", отрывокъ изъ романа, сочиняемаго Г. *Кисловымъ* и имѣющаго въ скоромъ времени появиться предъ глазами нетерпѣливой публики, подъ названіемъ „Тушинскій Воръ"—безподобенъ, удивителенъ. Въ этомъ отрывкѣ описана драка пьяныхъ Поляковъ—Князя Адама Вишневецкаго—страшнаго дурака и обжоры, Николая Оленицкаго—страшнаго гримасника и кривляки, пана Лисовскаго—страшнаго нахала и буяна, пана Рожинскаго—страшнаго пьяницы и невоздержника, и, наконецъ, шута Кошелева. Многимъ,

можетъ быть, эта оргія и драка покажется вульгарною, глупою и нелѣпою; но что-жъ до этого—вѣдь и то сказать: на всѣхъ не угодишь. По крайней мѣрѣ, намъ чрезвычайно понравился этотъ отрывокъ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода цѣлаго романа Г. *Кислова*. Ну, знакомы-ли вы съ талантомъ Г. *Кислова*?

„Гомеопатія" Г. *Куцаго*... но довольно — обо всемъ не переговоришь. Изъ прозаическихъ статей намъ лучше всѣхъ показалась „Сто сорокъ пять", какого-то Г-на Г. Такъ какъ она не велика, то мы выписываемъ ее всю:

„Дворяне ....ской губерніи, ...скаго уѣзда, избрали изсреды себя судью 0,000000.

— Я намѣренъ, говорилъ новоизбранный, входя въ первый разъ въ уѣздный судъ, да — я намѣренъ обращать самое строгое вниманіе на грамматику, ибо *(потому что?)* многіе господа служащіе такъ пишутъ!.. и судья, иронически улыбаясь, обвелъ глазами всѣхъ канцеляристовъ.

— Ваша фамилія? продолжалъ онъ, указывая на одного изъ нихъ.

— Гриценковъ.

— Ну, напримѣръ, Г. Гриценковъ, покажите, какую бумагу вы пишите?

— Дѣло о нашествіи мертваго тѣла и о нахожденіи при ономъ ста сорока пяти рублей денегъ, утаенныхъ якобы земскимъ засѣдателемъ Охрѣменковымъ и о прочемъ.

— Посмотримъ! такъ и есть, на первой страницѣ грамматикальная ошибка!.. Вы до сихъ поръ не понимаете тонкостей Русскаго языка; возможно-ли писоть сорокъ пять? Послушайте: играли-ли вы когда въ карты? не въ дурачки, а игры благородныя, въ вистъ, бостонъ?

— Нѣтъ, не игралъ

— То-то-же и есть, замѣтьте-же: люди значительные, т. е. люди съ вѣсомъ, съ образованіемъ, всегда говорятъ: *дама сама пятъ козырей, тузъ самъ шестъ бубенъ*, а отнюдь не самъ пять, самъ шесть. Слѣдовательно и писать должно сто сорокъ пятъ — это яснѣе дня. Надѣюсь, впередъ такихъ ошибокъ не будетъ.

Тутъ судья важно поворотился и вошелъ въ присутствіе; низко поклонились ему уѣздные засѣдатели, и онъ, садясь за красное сукно, спросилъ у одного изъ нихъ съ большимъ участіемъ:—Каковы ваши собаки?—

Съ этого времени въ ....скомъ уѣздномъ судѣ пишутъ—пятъ, шестъ, семъ, и такъ далѣе, на основаніи прежнихъ примѣровъ."

Теперь о стихотворной части — она тоже безподобна. Г. *Ершовъ* открываетъ сцену. Всѣмъ извѣстно, что Г. *Ершовъ* знаменитость уже утвержденная, авторитетъ уже установившійся, и потому намъ остается только хвалить его, что̀ мы и сдѣлаемъ. Лучшая изъ его пьесъ, помѣщенныхъ въ „Осеннемъ вечерѣ", есть „Ѳома Кузнецъ", отрывокъ изъ драматической повѣсти. Какъ это интересно, у насъ еще ни кто не пытался дѣлать кузнецовъ героями драмы. Но это очевидно была ошибка: чѣмъ кузнецы не люди, чѣмъ они хуже другихъ? И такъ, кузнецы должны быть очень благодарны Г. *Ершову* за его о нихъ память, за его неоставленіе. Послушайте пѣсню, ко-

торую поетъ старый кузнецъ Лука, аккомпанируя себѣ молотомъ на наковальнѣ; эта пѣсня прекрасна, потому что въ чисто народномъ духѣ, и

Въ ней Русскій духъ, въ ней Русью пахнетъ!

И такъ слушайте-же—

Вдоль по улицѣ широкой
Молодой кузнецъ идетъ;
Охъ! идетъ кузнецъ, идетъ,
Пѣсни съ посвистомъ поетъ.
Тукъ! тукъ! въ десять рукъ
Приударимъ, братцы, вдругъ!

Соловьемъ слова раскатитъ,
Дробью рѣчь онъ поведетъ,
Охъ! рѣчь дробью поведетъ,
Словно меду поднесетъ.
Тукъ! тукъ! и проч.

„Полюби, душа-Параша
Ты лихаго молодца;
Охъ! лихаго молодца
Что въ Тобольскѣ кузнеца.
Тукъ! тукъ! и проч.

„Какъ полюбишь, разголубишь,
Словно царствомъ подаришь,
Охъ! ужъ царствомъ подаришь,
Енераломъ учинишь.
Тукъ! тукъ! въ десять рукъ
Приударимъ, братцы, вдругъ!

Каково?

Г. *Бенедиктовъ* есть другая знаменитость, украсившая этотъ альманахъ своими произведеніями. Ихъ два, и оба они доказываютъ, что Г. *Бенедиктовъ*, когда набьетъ руку, то будетъ дѣлать славные стишки. О прочихъ поэтахъ, украсившихъ своими произведеніями „Осенній Вечеръ", умалчиваю, потому что и такъ усталъ, дѣлая похвалы и комплименты; пора перестать, а то спина заболитъ отъ поклоновъ.

(В. Б.).

163. Театръ.

Недовольные. Оригинальная комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *М. Н. Загоскина*. Дивертисманъ, вновь сочиненный (?) и поставленный Г-жею Гюллень. Спектакль 2 Декабря [340]).

Театръ былъ полонъ: ни одного пустаго кресла, ни одной пустой ложи; не говоримъ уже о прочихъ мѣстахъ. Самая внѣшность театра

отзывалась какою-то бенефисною торжественностію; необыкновенное освѣщеніе, суетливость и давка въ дверяхъ, множество экипажей всѣхъ родовъ возвѣщали, что во внутренности должно произойдти что-то необыкновенное и важное... Не знаю, недавняя-ли и еще живая у всѣхъ въ памяти слава Г. Загоскина, какъ романиста, обратила общее вниманіе на его новый драматическій трудъ, или рѣдкость новыхъ оригинальныхъ пьесъ, даваемыхъ на нашемъ театрѣ, произвела сильное движеніе въ публикѣ и возбудила ея участіе. Какъ-бы то ни было, но съѣздъ былъ необыкновенный. Это насъ чрезвычайно радуетъ, какъ доказательство, что Русская публика никогда и не думала быть холодною къ отечественной литературѣ и особенно театру, какъ изволятъ увѣрять въ этомъ люди, или совсѣмъ незнающіе нашей публики, или имѣющіе особенныя причины сердиться за ея холодность.

Подобно другимъ и мы спѣшили увидѣть новую комедію Г. Загоскина, спѣшили увѣриться, выигралъ-ли нашъ бѣдный театръ хоть что́-нибудь въ этой комедіи. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы, когда поднимется занавѣсъ, и онъ поднялся, и мы увидѣли новую комедію Г. Загоскина. Несмотря на то̀, что мы изъ третьяго акта узнали о завязкѣ и развязкѣ комедіи, мы просидѣли и четвертый актъ...

Цѣль комедіи Г. Загоскина была—осмѣять этѣхъ невѣждъ, старыхъ и молодыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, которые, не будучи ни на что̀ способны и видя себя забытыми и неуважаемыми, обвиняютъ общественный порядокъ, находятъ все Русское дурнымъ, все иностранное хорошимъ, не зная хорошо ни того, ни другаго; которые не замѣчаютъ успѣховъ цивилизаціи, просвѣщенія и добра въ своемъ отечествѣ; видя въ немъ хорошее закрываютъ глаза, затыкаютъ уши и молчатъ или перетолковываютъ дѣло наизнанку; видя дурное, кричатъ, что́ есть мочи. Вотъ „Недовольные“ Г. Загоскина; они очень возможны, они есть вездѣ, гдѣ только есть люди, потому что гдѣ люди, тамъ и эгоизмъ, а когда эгоизмъ оскорбленъ, онъ всѣмъ недоволенъ. Истинное достоинство молчитъ, хотя-бы оно было и не оцѣнено и оскорблено; мѣлочное самолюбіе и ничтожество громко вопіютъ о сдѣланной имъ несправедливости, громко трубятъ о своихъ заслугахъ и своей важности. Если смотрѣть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то нельзя не согласиться, что автору предстояло поле обширное, обѣщавшее богатую жатву. Посмотримъ, какъ онъ имъ воспользовался.

И такъ основная идея и цѣль комедіи Г. Загоскина намъ очень нравится. Честь и слава художнику, который дѣлаетъ такое благородное употребленіе изъ своихъ дарованій; честь и слава художнику, который употребляетъ свой высокій, данный ему Богомъ талантъ

на осмѣяніе невѣжества и эгоизма, на исправленіе общества! Но еще болѣе ему чести и славы, если эта благородная цѣль гармонируетъ съ направленіемъ его таланта, если она дружна съ его вдохновеніемъ, если она есть слѣдствіе его привычныхъ думъ, если она составляетъ религію его души и его творческаго генія, если она сливается съ его безцѣльною потребностію творить, словомъ, если она у него не обдуманный разсчетъ, а безсознательный порывъ... Только подъ этѣмъ условіемъ его цѣль будетъ цѣлью художника, а не ремесленника, не поставщика на заказъ литературныхъ произведеній; только подъ этѣмъ условіемъ его портреты будутъ живыя созданія, а не мертвыя копіи; только подъ этѣмъ условіемъ невѣжество устыдится своего изображенія; въ противномъ-же случаѣ, оно не узнаетъ себя въ немъ и будетъ надъ нимъ-же издѣваться!..

Хорошая цѣль во всемъ похвальна; въ искусствахъ тѣмъ болѣе. Но, въ послѣднемъ случаѣ, выполненіе этой цѣли—вотъ одно, что̀ составляетъ торжество поэта. Мы отдали полную справедливость благородной цѣли Г. Загоскина; теперь посмотримъ, каково онъ ее выполнилъ.

Тоже самое чувство безпристрастія, которое заставило насъ отдать справедливую похвалу прекрасной цѣли автора, заставляетъ насъ, къ крайнему нашему неудовольствію, признаться, что выполненіе этой цѣли показалось намъ неудовлетворительнымъ. Прежде, нежели представимъ наши доказательства, мы почитаемъ нужнымъ замѣтить, что нашимъ сужденіемъ будетъ руководствовать одна любовь къ истинѣ, что оно будетъ чуждо всякаго пристрастія, всякой личности. Мы ни въ какомъ случаѣ не смѣшаемъ Г. Загоскина съ представителями литературной черни и будемъ умѣть говорить о его произведеніи съ должнымъ уваженіемъ къ нему, къ публикѣ и къ самимъ себѣ. Мы увѣрены, что какъ публика, такъ и много уважаемый нами писатель, не сочтутъ нашей твердости, нашего убѣжденія, за невѣжливость или неуваженіе къ личности автора, хотя наше сужденіе будетъ и не въ его пользу. Мы всегда умѣли отдавать должную справедливость его литературнымъ заслугамъ. Мы уважаемъ его „Юрія Милославскаго“, уважаемъ этотъ романъ за благородное чувство любви къ отечеству, которымъ онъ согрѣтъ, за степень таланта, съ которою онъ выполненъ, хотя и видимъ въ немъ произведеніе слабое въ художественномъ отношеніи; мы уважаемъ его „Рославлева“ за картины простонародной жизни, довольно удачно схваченныя, хотя и видимъ въ немъ еще меньше художественности. Мы уважаемъ даже его „Аскольдову Могилу“ за хорошій языкъ, которымъ она написана, хотя и видимъ въ ней удачную попытку. И такъ, да не осуждаютъ насъ въ пристрастіи къ Г. Загоскину!

Представьте себѣ, каково было наше удивленіе, когда мы въ первомъ актѣ „Недовольныхъ“ узнали что-то знакомое намъ, хотя и давно забытое нами! Помните-ли вы отрывокъ изъ комедіи Г. Загоскина „Столичные Жители въ Провинціи“, помѣщенный въ первой части Московскаго Вѣстника за 1829 годъ? Сначала мы подумали, что Г. Загоскинъ, строго держась предписаній классицизма, писалъ свою комедію „Недовольные“ цѣлыя шесть лѣтъ; но когда снова прочли напечатанный отрывокъ, то увидѣли, что въ „Недовольныхъ“ онъ передѣланъ и переиначенъ. „Столичные Жители въ Провинціи“ превратились въ „Недовольныхъ“ и изъ провинціи переѣхали опять въ столицу. Тутъ нѣтъ ничего особенно худаго: автору не трудно перенести своихъ героевъ не только изъ какой-нибудь губерніи въ Москву, но даже изъ Іеддо въ Лиссабонъ—переѣздъ обойдется дешево, какъ ни великъ онъ. Но вотъ что̀ приводитъ насъ въ соблазнъ: мы доселѣ ни какъ не думали, чтобы однажды созданное поэтъ могъ передѣлывать по своей прихоти, какъ хозяинъ можетъ перестроить по новому плану домъ, котораго прежнимъ планомъ онъ остался недоволенъ. Неужели творчество есть ремесло, фантазія настругъ, которымъ можно помыкать, какъ угодно?.. Странно, и однакожъ, въ отношеніи ко многимъ нашимъ авторамъ, это выходитъ такъ!..

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи и характерахъ комедіи. О ея планѣ, завязкѣ и развязкѣ, мы предоставляемъ себѣ поговорить поподробнѣе въ другое время. Вотъ дѣйствующія лица комедіи: *Князь Радугинъ*, аристократъ, богачь, промотавшій пять тысячь душъ отъ того, что на Рождество ѣлъ свѣжую малину, а на Крещенье свѣжіе огурцы (маленькая гипербола!); онъ человѣкъ пустой и глупый до послѣдней крайности; онъ не способенъ ни къ какому дѣлу, ни къ какой службѣ, живетъ въ отставкѣ и сердится, что правительство не замѣчаетъ его великихъ талантовъ, его геніяльности, и не даетъ ему мѣста, приличнаго его богатству, уму и знатности. У князя есть знакомый, Глинскій, второй томъ Сурскаго, близкая родня Холмину [341]): этотъ человѣкъ олицетворенная ходячая мораль; онъ говоритъ не иначе, какъ сентенціями; вы не станете съ нимъ спорить, вы согласитесь съ нимъ во всемъ до послѣдняго слова, но смертельно соскучитесь, если поговорите съ нимъ хоть десять минутъ. Не смотря на его правильное сужденіе, на здравый образъ его мыслей, онъ немножко смѣшонъ, немножко bon homme, какъ всѣ люди, которые бросаютъ бисеръ передъ свиньями, которые съ важностію разсуждаютъ съ слѣпыми о цвѣтахъ, съ глухими о музыкѣ. Вотъ главныя лица комедіи: на нихъ вертится все ея зданіе. Князь Любскій, министръ, приглашаетъ Глинскаго вступить въ службу и предлагаетъ ему мѣсто своего товарища. Князь Радугинъ, давно уже про-

сившій князя Любскаго о мѣстѣ, ожидалъ въ это время отвѣта отъ него; разумѣется, министръ прислалъ ему отказъ. Случись-же такъ, что судьбѣ, или, лучше сказать, автору угодно было сыграть престранную шутку. Письмо министра къ Глинскому попалось въ руки князя Радугина, который показалъ его (третье дѣйствіе все происходитъ на водахъ) своимъ знакомымъ и началъ павлиниться, играя роль товарища министра. Только что уходитъ князь, какъ является Глинскій и говоритъ, что ему попалось, по ошибкѣ въ адресахъ, письмо, принадлежащее князю, а его находится въ рукахъ князя. Вотъ вамъ завязка комедіи „Недовольные": не правда-ли что она очень проста и естественна? Въ четвертомъ дѣйствіи, къ князю являются съ поклономъ люди, всегда надъ нимъ смѣявшіеся и сверхъ того поклявшіеся не подличать передъ нимъ. Забавнѣе всего ихъ предлоги, будто бы заставившіе ихъ заѣхать нечаянно къ князю: эти предлоги также естественны, также приличны людямъ хорошаго тона, какъ прилична ошибка въ адресахъ министерской канцеляріи. Повторяю, что простота и естественность составляютъ главное достоинство комедіи Г. Загоскина. Что-жъ далѣе? Разумѣется, князь ломается, корчитъ изъ себя товарища министра, принимаетъ своихъ поклонниковъ въ халатѣ, обѣщаетъ имъ милости; поклонники расходятся съ самыми канцелярскими поклонами; человѣкъ докладываетъ о пріѣздѣ Глинскаго; князь говоритъ съ удовольствіемъ, что и этотъ моралистъ пріѣхалъ къ нему съ поклономъ и велитъ его принять; Глинскій является и выводитъ дурака изъ его сладкаго заблужденія. Въ этоже время, повѣренный по дѣламъ князя докладываетъ ему, что его имѣніе описано за долги. Князь бѣсится и бранитъ Россію. Вы думаете, что онъ бранитъ ее за то, что въ ней нѣтъ снисхожденія къ такимъ знатнымъ особамъ, какъ онъ, что въ ней передъ закономъ всѣ равны: ничего не бывало! онъ бранитъ ее точно такъ, какъ дитя бьетъ вещь, о которую оно ушиблось, т.-е. безъ всякаго резону, безъ всякой причины. Вы думаете, что Глинскій возпользуется этимъ, чтобы спросить его, неужели во Франціи законы протежируютъ должниковъ, а не кредиторовъ, и фактомъ докажетъ ему превосходство Россіи передъ Франціею, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта князя: ничуть не бывало! онъ говоритъ князю грубости, которыхъ никогда не позволитъ себѣ человѣкъ хорошаго тона. Князь говоритъ, что въ Россіи невозможно жить человѣку съ умомъ и душою, и этимъ оканчивается комедія. На первый случай, довольно о самой комедіи, скажемъ слова-два о прочихъ дѣйствующихъ лицахъ. У Князя Радугина есть теща, Анисья Дмитріевна Камская, чтò прежде была Матреной Савишною Линскою: это лице хоть кого такъ поставитъ въ тупикъ; по своему происхожденію, своему богатству и положенію

въ обществѣ, она кажется аристократкою; но по своему образу мыслей и выраженія, она очень похожа на этѣхъ торговокъ толкучаго рынка, которыя продаютъ ситцовыя рубашки, бумажные платки и бѣлевые носки. Въ этомъ отношеніи даже знаменитая сваха Савишна, въ „Черной Немочи" [342]), въ сравненіи съ нею, кажется аристократкою. Камская говоритъ, что ей придется *положить зубы на полку; пожалуй, незамай, съ души претъ;* видя, какъ посѣтители водъ пошли принимать ихъ, она говоритъ:

Ну, батюшки, пошли на водопой.

Она подсылаетъ своихъ лакеевъ вывѣдывать тайны чужихъ домовъ, чтобъ имѣть пищу для своихъ сплетней; шпіонъ ея, Афонька, хотѣлъ посмотрѣть, что̀ дѣлается въ домѣ у *Волгиныхъ*; тамъ былъ балъ, и хозяинъ дома, оставивъ гостей, вышелъ на улицу

Какъ вдругъ съ наскоку
Брякъ въ щоку!—
Послушайте, за что?—
— А вотъ за что?—да хлысть въ другую..
. . . .
Ужъ онъ его каталъ, каталъ!
Натѣшился, усталъ,
Людишки приняли...

Камская бѣсится —

Ужъ я-жъ его, мерзавца, доканаю!

говоритъ она. Скажите, Бога ради, что все это значитъ? Неужели это картина нашего высшаго общества? Неужели эта картина снята съ него послѣ „Горе отъ Ума", въ 1835 году?.. Гдѣ видѣлъ Г. Загоскинъ такія лица? И говорятъ еще, что комедіи Фонъ-Визина теперь уже анахронизмъ! Мы тоже думали, пока не увидѣли „Недовольныхъ". Но повѣримъ Г. Загоскину въ существованіи такого рода „Недовольныхъ"—теперь другой вопросъ: зачѣмъ выводить ихъ въ комедіи? Развѣ для утѣшенія райка? И въ самомъ дѣлѣ, раекъ такъ горячо хлопалъ разсказу Аѳоньки, какъ никогда не хлопалъ прошлый вѣкъ разсказу Терамена [343]). Въ „Горе отъ Ума" почти всѣ лица гнусны, какъ люди, но всѣ они естественны, всѣ они люди, а не куклы, пляшущія по ниткамъ, дергаемымъ руками дирижёра комедіи...

Потомъ, у князя есть сынъ и дочь. О дочери мы не будемъ много говорить: это просто бездушная и притомъ устарѣвшая кокетка; это еще не бѣда: жаль только, что она походитъ немного на горничную. Но сынъ князя—лице, важное въ комедіи. Это мальчикъ, который заучилъ нѣсколько модныхъ выраженій, подобныхъ слѣдующему, которое удалось намъ упомнить:

. . . . Когда никто изъ насъ не постигалъ
Ни любомудрія высокой цѣли,
Ни просвѣщенья свѣтлый идеалъ.

Молодой князёкъ былъ въ Парижѣ, прекрасно говоритъ и пишетъ на многихъ языкахъ, и только одинъ Русскій знаетъ плохо; онъ обожаетъ все Европейское, ненавидитъ все Русское, разумѣется, не зная хорошо ни того, ни другаго: онъ служитъ, но очень нерадиво; три недѣли не является къ должности, получаетъ выговоръ отъ начальника, который, между прочимъ, совѣтуетъ ему поучиться Русской грамматикѣ; князекъ отвѣчаетъ своему начальнику грубостями, выгоняется изъ службы съ худымъ аттестатомъ и въ восторгѣ отъ того, что толпа не поняла его. Сверхъ того, князекъ мотъ, картежный игрокъ, фатъ, волокита; онъ смѣется надъ роднымъ отцомъ и почти въ глаза называетъ его дуракомъ; словомъ, это человѣкъ безъ познаній, безъ правилъ, безъ души, безъ ума, безъ чести и совѣсти. Здѣсь явное преувеличеніе. Вѣрно, Г. Загоскинъ слѣдовалъ тѣмъ эстетикамъ, въ которыхъ говорится, что идеалъ есть совокупленіе всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ, въ одно лице, для выраженія той или другой идеи. Врутъ эти эстетики, и слѣдовать имъ опасно. Вообще у Г. Загоскина любимая замашка—утрировать. Такъ, напр. въ своей повѣсти „Три Жениха" онъ представилъ либерала, который безпрестанно толкуетъ о правахъ человѣчества, вопіетъ противъ феодальнаго тиранизма, и который въ тоже время, держитъ своего мальчишку въ желѣзномъ ошейникѣ, бьетъ его не щадя, изъ своихъ рукъ, плетью; и который, наконецъ, такъ неостороженъ, такъ простъ, что не умѣетъ скрыть своихъ варварскихъ поступковъ и позволяетъ застать себя на дѣлѣ... Увѣряемъ Г. Загоскина, что молодые люди, подобные князю Владиміру Радугину, не существуютъ въ природѣ, что только подобные имъ были у насъ когда-то, но что теперь и ихъ уже нѣтъ. Неужели у насъ нѣтъ ничего смѣшнаго, ничего порочнаго, что авторы принуждены прибѣгать къ выдумкамъ и небылицамъ? Нѣтъ, для Грибоѣдова общество представляло богатые матеріялы; теперь онъ не написалъ-бы „Горе отъ Ума", но написалъ-бы новую и вѣрную картину *настоящаго* общества и также-бы насмѣшилъ ею? Но вѣдь у Грибоѣдова былъ огромный талантъ, если не геній!..

Скучно, утомительно и безполезно говорить о другихъ персонажахъ: это все одно и тоже, только въ разныхъ костюмахъ и съ разными именами. Въ *Запяткинѣ*, задушевномъ другѣ *Владиміра Радугина*, авторъ хотѣлъ представить что-то въ родѣ *Молчалина*: это тотъже подлецъ, только понаглѣе, а главная разница между ними та, что одинъ живой портретъ, а другой восковая фигура, безъ при-

знака жизни и дурно слѣпленная. Княгиня Глафира Савишна Душикова такъ глупа и нелѣпа, что совѣстно и говорить о ней. Федосья Львовна Полкалова, какъ двѣ капли воды, похожа на Г-жу Простакову, Фонъ-Визина. Графъ Мишурскій, баронъ Турухтановъ — глупцы и подлецы, тоже безъ малѣйшей тѣни естественности. Только Котомкинъ и камердинеръ князя Радугина, котораго имени мы не можемъ сказать, по причинѣ его дурнаго этимологическаго значенія — показались намъ естественными и вѣрными портретами, подобныхъ которымъ можно найдти по крайней мѣрѣ въ провинціи. Анюта, что̀ прежде была Наташей, изъ магазейной швейки превращена авторомъ въ компаніонку, и очень удачно.

Представленіе было лучше комедіи и однакожъ не произвело на публику никакого впечатлѣнія. Всѣхъ лучше игралъ, разумѣется, Г. Щепкинъ; если онъ походилъ не на князя, столичнаго жителя, а на Богатонова [344]), провинціяла въ столицѣ, это не его вина; всѣхъ хуже игралъ Г. Живокини, который, представляя хотя и пустаго, но свѣтскаго человѣка, очень походилъ на сидѣльца овощной лавки. Послѣ комедіи, мы видѣли какой-то Китайскій танецъ, а въ этомъ будто-бы Китайскомъ танцѣ видѣли разныя ломанья, кривлянья и Русскія *антраша вприсядку*, видѣли круги, полукруги, прямые углы въ 90 градусовъ и тупые углы въ 150 и болѣе градусовъ, описываемые ногами. Долго-ли эти прямые и тупые углы будутъ ругаться надъ благопристойностію и требованіями вѣка?..

(**В. Б.**).

164. Три сердца. *Александра Доминскаго.* Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. III, 145. (12) [345]).

Несносенъ мальчикъ, который, заложивъ руки въ карманы, принявъ на себя сурьёзный видъ, ходитъ большими шагами по комнатѣ и представляетъ изъ себя *большаго*; несносенъ мѣщанинъ во дворянствѣ, человѣкъ, рожденный въ пятнадцатомъ классѣ и добившійся какъ-нибудь четырнадцатаго, и который подходитъ къ ручкѣ къ дамамъ, говоритъ съ *барышнями* о погодѣ, прибавляетъ ко всякому слову *съ*, требуетъ къ себѣ большой аттенціи и изо всего этого заключаетъ, что онъ благородная особа; несносенъ лакей, который павлинится передъ своею братьею, надѣвъ украдкою фракъ своего барина; но несноснѣе всего этого базталанный бумагомаратель, который пародируетъ знаменитыхъ писателей и суется тудаже „подмѣчать первый яркій румянецъ на лицѣ дѣвушки и подслушивать первое біеніе сердца ея, первый вздохъ ея."

„Кто-бы — продолжалъ Бетинъ — смотря на эту малютку, не сказалъ, что одна изъ розъ этого сада вдругъ ожила! Проклятая шампанская зараза! Те-

перь я долженъ сидѣть въ этомъ карантинѣ, гдѣ судьба состроила заставу изъ трехъ бутылокъ, и я не могу пройти сквозь нее... не могу получить аудіенціи до тѣхъ поръ, пока не буду чистъ какъ правовѣрный музульманинъ, который сроду [не] нюхалъ благословеннаго напитка! А до тѣхъ поръ сердце мое можетъ десять разъ превратиться въ пепелъ отъ этого чистилищнаго огня, который пылаетъ въ глазахъ ея!.. А эти волосы.. клянусь всѣмъ, что *каждый волосокъ ея прицѣпитъ на себя по десятку сердецъ нашихъ*... о, тогда бѣда, если она надѣнетъ шляпку: они задохнутся!"

Не ужели въ этомъ пошломъ мадригальничаньи есть что-нибудь остраго, умнаго, затѣйливаго, достойнаго вниманія образованнаго читателя?.. Правда, у Г. Долинскаго говоритъ это пьяный пьянюшка; но, вопервыхъ, неужели все, что можетъ взбрести въ голову пьяному дураку, должно доводиться до свѣденія публики; а, вовторыхъ, у Г. Долинскаго и трезвые говорятъ не умнѣе пьянаго.

***165. Исторія Японіи,** или Японія въ настоящемъ видѣ часть первая, содержащая самое первое начало сего государства за 660 лѣтъ до Рождества Христова, и потомъ по Рождествѣ по 1730-й годъ; географію сего государства, съ показаніемъ всѣхъ подробностей и описаніе разстояній морскаго пути вокругъ всего государства и генеральною картою онаго. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. VII, 145. (8).

Исторія Японіи, или Японія въ настоящемъ видѣ часть вторая, содержащая въ себѣ описаніе климата по различному расположенію сего государства, рѣкъ, озеръ, мѣталловъ, царства растеній, и животныхъ. Качества Японцевъ, образъ ихъ жизни въ подробности, обѣихъ столицъ Міано и Ѣддо; съ относящимися обстоятельствами къ обѣимъ государямъ. Комерція: Португальцевъ, Голландцовъ, Корейцовъ, Китайцовъ, островскихъ житѣлей, и разныхъ сѣктъ. Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1835. 138. (8) [346]).

Мы не безъ причины выписали особо заглавіе каждой части: какъ видно изъ заглавія той и другой, каждая изъ нихъ можетъ почесться особеннымъ сочиненіемъ. Намъ стоило чрезвычайно большаго труда выписать этѣ заглавія: читатели сами могутъ видѣть, что почтенный авторъ *(Н. Горловъ)* изобрѣлъ для своего сочиненія не только совершенно особенное правописаніе, ни мало не похожее на общепринятое, но даже особенный складъ рѣчи и особенный языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго сходства ни съ однимъ языкомъ земнаго шара. Мы не умѣемъ опредѣлить градусъ достоинства этого ученаго сочиненія, потому что еще не читали его, а только мѣстами заглядывали въ него; но мы можемъ смѣло увѣрить публику, что почтенный авторъ, своею рѣшительною реформою Русскаго языка и здраваго смысла, принесъ чрезвычайную пользу педагогіи: ученикъ, который будетъ въ состояніи угадывать, какъ-бы долженъ былъ Г. реформаторъ выразиться общепринятымъ складомъ и толкомъ въ томъ или другомъ мѣстѣ своего несравненнаго творенія, тотъ уче-

никъ, говоримъ мы, докажетъ, какъ нельзя лучше, что онъ уже очень успѣлъ въ Русской словесности. И такъ, нѣтъ худа безъ добра!..

(**В. Б.**).

166. Покойникъ мужъ и вдова его. Комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи *Ѳедора Кони.* Москва, въ типографіи Н. Степанова. 1835. 132. Съ эпиграфомъ:

Почтеннѣйшіе мужья!
Коль есть охота умирать,
Пожалуй, съ Богомъ, умирайте!
Но чуръ потомъ не воскресать!
Или хлопотъ не миновать:
Бѣды вы дома ожидайте.

(изъ этого-же водевиля).

Иванъ Савельичъ. Московская шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. *Ѳедора Кони.* Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 136. (12). Съ эпиграфомъ:

En faveur du badinage,
Faites grace â la raison.

BEAUMARCHAIS.

Заговоръ противъ себя, или сонъ въ руку. Сценическая бездѣлка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. *Гавр. фонъ-Бейера.* С. Петербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. 56. (8) [347]).

Не все тó легко, чтó кажется легкимъ съ перваго взгляда. Ничего нѣтъ легче, какъ *сочинить* водевиль, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ *сдѣлать* водевиль. Очевидно, что тайна этого противорѣчія заключается въ талантѣ: есть онъ—и легко; нѣтъ его—и трудно, а кажись, въ обоихъ случаяхъ нѣтъ ничего легче. Наши водевили могутъ служить лучшимъ доказательствомъ этой истинѣ. Вопервыхъ, они по бòльшей части суть передѣлки французскихъ водевилей, слѣдовательно, куплеты, остроты, смѣшныя положенія, завязка и развязка—все готово, умѣйте только возпользоваться. И чтò-жъ выходитъ! Эта легкость, естественность, живость, которыя невольно увлекали и тѣшили ваше воображеніе, во французскомъ водевилѣ, эта острота, этѣ милыя глупости, это кокетство таланта, эта игра ума, этѣ гримасы фантазіи, словомъ, все это исчезаетъ въ русской копіи, а остается одна тяжеловатость, неловкость, неестественность, натянутость, два-три каламбура, два-три экивока—и больше ничего. Не будемъ строги къ нашимъ водевилистамъ, не будемъ требовать отъ нихъ особенной живости, большаго остроумія; но можемъ-ли мы не требовать отъ нихъ естественности и здраваго смысла? Здравый

смыслъ особенно вещь очень нужная: безъ него и водевилю также не льзя обойтись, какъ драмѣ или комедіи. И при этой-то нищетѣ даже въ здравомъ смыслѣ, при этой-то безталанности, столько претензій, столько важничанья! Вообразите себѣ, къ водевилю, вмѣсто предисловія, сцена изъ „Фауста"!.. Гдѣ-же тутъ здравый смыслъ?.. Бумажная корона очень забавна на головѣ буфона, но золотая... Воля ваша, гг. водевилисты, а есть вещи, которыми не должно шутить!..

„Покойникъ мужъ" на сценѣ очень милъ, очень забавенъ; даже въ самомъ чтеніи (тотчасъ послѣ обѣда, особенно послѣ сытнаго обѣда) онъ забавенъ. Но „Иванъ Савельичъ"—воля ваша, г. авторъ, такъ не шутятъ добрые люди! Въ шуткѣ, какъ и во всемъ, здравый смыслъ важнѣе всего; но гдѣ-же онъ, этотъ здравый смыслъ въ „Иванѣ Савельичѣ?" Старикъ, дядя, уходитъ спать, а его племянникъ и племянница затѣваютъ пиръ на весь міръ и думаютъ, что больной и добрый ихъ дядинька не узнаетъ о ихъ проказахъ... И потомъ, этотъ дядюшка, играющій роль шута въ собственномъ домѣ, этотъ племянникъ и эта племянница, которыхъ характеръ и поступки также естественны и возможны, какъ чудеса въ волшебныхъ сказкахъ—неужели все это можетъ служить забавою не только дѣтей но даже и взрослыхъ людей?... А этѣ клеветы на общество (разумѣется, самыя невинныя и самыя незлонамѣренныя) — неужели во всемъ этомъ есть здравый смыслъ?.. Конечно, ни кому не должно шумѣть изъ пустяковъ, ни кому не должно придавать большаго значенія малымъ вещамъ; смѣшонъ писатель, который снабжаетъ свои водевили и громкими предисловіями, и замысловатыми эпиграфами, и затѣйливыми заглавіями: смѣшонъ и рецензентъ, который-бы разкричался изъ водевиля, вмѣсто того, чтобы улыбнуться слегка и заставить другихъ улыбнуться слегка; но, господа, положимъ, что водевиль вздоръ, но вѣдь здравый-то смыслъ не вздоръ; положимъ, что изъ водевиля не должно горячиться, но вѣдь за изкаженіе здраваго-то смысла не льзя не горячиться! Вы авторъ, слѣдовательно, вы требуете и похищаете мое вниманіе и мое время, а согласитесь, что досадно терять на вздоры то и другое.

И между тѣмъ „Иванъ Савельичъ" надѣлалъ много шуму и произвелъ своимъ появленіемъ великія событія въ нашей литературѣ. Вопервыхъ, онъ подалъ поводъ рецензенту „Библіотеки для Чтенія" написать предлинную рецензію [348]) и выказать въ ней весь блескъ этого удивительнаго остроумія, которому должно уступить остроуміе всѣхъ нашихъ водевилистовъ безъ исключенія; вовторыхъ, онъ навлекъ, со стороны остроумнаго критика, несправедливое нареканіе на нашу Москву. Въ самомъ дѣлѣ,

Москва вишь виновата!

Москва, вишь, не *шутитъ*, а *ругается*. Бѣдная Москва! Какъ не вспомнить при *сей оказіи* этихъ стиховъ:

На Москву послалъ Богъ кару:
Безъ копеечной свѣчи
Не бывать-бы въ ней пожару.

Богъ судья г. Кони!..

„Заговоръ противъ себя, или сонъ въ руку" не водевиль, а, изволите видѣть, сценическая бездѣлка. Бездѣлки вообще очень милы, когда искусно сдѣланы; чѣмъ вещь миніатюрнѣе, тѣмъ больше она требуетъ и искусства и тонкости въ отдѣлкѣ. Но г. фон-Бейеръ не мастеръ на галантерейныя вещицы: его бездѣлка носитъ на себѣ слишкомъ рѣзкіе слѣды топора и скобели. Я не говорю уже о томъ, что эта комедія нелѣпа въ высочайшей степени въ своей завязкѣ и ходу, что она есть жалкое подражаніе старой пьесѣ „Романъ на большой дорогѣ": все это еще кудабъ ни-шло. Но каково встрѣтить въ *сценической бездѣлкѣ* подобныя несценическія красоты:

Глядь: ваша матушка бѣжитъ въ ужасномъ горѣ.
„Представьте—говоритъ—здѣсь, право, воръ на ворѣ!
„Ей, ей, дневный грабежъ! Какой-то тамъ пострѣлъ,
„Въ толкучемъ, *на сорокъ рублей меня огрѣлъ!*"

Прочтя комедію, въ которой есть подобные стишки, поневолѣ вспомнишь стишки изъ другой тоже преострой комедіи:

Для барышей какихъ напуталъ ты комедью?
Вотъ здѣсь насъ четверо: кто дастъ полтину мѣдью?

*167. **Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ**, съ 1800 по 1834 годъ. Съ присовокупленіемъ біографій главнѣйше замѣчательныхъ лицъ дѣйствовавшихъ въ первое тридцатитрехлѣтіе русскаго владычества за Кавказомъ, историко-статистическаго описанія мѣстъ, прославившихъ русское оружіе въ кавказскихъ странахъ, 25 портретовъ, видовъ и плановъ сраженій, и общей карты кавказскаго края. Описанные *Платономъ Зубовымъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. Томъ первый, двѣ части: I—219; II—143. (8) [349]).

Настоящая эпоха русской литературы представляетъ зрѣлище безотрадное и плачевное: никогда не появлялись въ такомъ чудовищно-ужасномъ количествѣ плохія драмы, романы, пошлыя повѣсти, плоскія стихи, какъ теперь; никогда бездарности и меркантильности не было такого простора, какъ въ настоящую минуту. Но „нѣтъ худа

безъ добра“ говоритъ пословица, и, какъ всѣ русскія пословицы, говоритъ справедливо. Если теперь не чаще прежняго появляются сочиненія дѣльныя, фактическія, зато теперь публика оказываетъ несравненно больше симпатіи къ такого рода сочиненіямъ. Знакъ добрый! мы отъ души этому радуемся. Поименованная книга, по своей цѣли и назначенію, принадлежитъ къ числу книгъ *дѣльныхъ*: это можно видѣть изъ самаго ея заглавія. Но цѣль цѣлью, а исполненіе исполненіемъ — каково-жъ оно? На это мы не задумываясь и рѣшительно можемъ отвѣчать, что цѣль этого сочиненія гораздо и даже несравненно выше ея исполненія. Не смѣемъ судить о вѣрности фактовъ, какъ о дѣлѣ для насъ недоступномъ; но, въ то же время, не можемъ не замѣтить, что самые *добродушные* читатели приводятся въ соблазнъ изчисленіями числа убитыхъ и раненныхъ, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, которыми г. Зубовъ оканчиваетъ описанія всѣхъ сраженій и стычекъ. Но главный недостатокъ состоитъ въ слогѣ, который обличаетъ руку не твердую, не привычную, словомъ, не литературную. Несмотря на все это, авторъ заслуживаетъ благодарность публики за свой трудъ: если онъ самъ не достигаетъ предположенной имъ цѣли, то пролагаетъ, своимъ сочиненіемъ, дорогу другимъ къ достиженію этой цѣли. Всякій благонамѣренный и добросовѣстный трудъ не можетъ не принести какой-либо пользы. Притомъ же, всякій *первый* опытъ очень труденъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько трудовъ, и какихъ трудовъ, стоило автору составленіе подобнаго сочиненія! И зато, несмотря на всѣ его недостатки, оно чрезвычайно любопытно и читается съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ; первый томъ, состоящій изъ двухъ частей, раздѣленъ у него на три періода—первый, отъ первоначальнаго вступленія русскихъ войскъ въ Грузію до принятія княземъ Цыціановымъ начальства надъ кавказскимъ краемъ, или съ 1800 по 1803; второй, отъ 1803 до смерти князя Цыціанова или до 1806; третій, отъ смерти князя Цыціанова до принятія начальства генераломъ Ермоловымъ, или по 1816 годъ. При первомъ томѣ приложенъ „Атласъ къ описанію подвиговъ русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ; выпускъ первый состоящій изъ семи рисунковъ; Санктпетербургъ, 1835“. Этотъ атласъ, а особенно стоящее въ его заглавіи слово „Санктпетербургъ“ удивили насъ чрезвычайно: изображеніе трехъ крѣпостей сдѣлано еще порядочно, но портреты напоминаютъ *вольныя* суздальскія типографіи и литографіи.

* **168. Поединокъ.** Сочиненіе Славянофила *Аполлинарія Беркутова.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. 276. (8). Съ эпиграфомъ:

Напрасно -- бранны человѣки! —
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору дожно бы беречь.

Державинъ[350]).

Вотъ содержаніе этого романа: молодой корнетъ Любинъ влюбляется въ крестьянку, дочь мужика-Хохла, товарищи надъ нимъ подшучиваютъ, Урагановъ особенно: не довольствуясь разными обидными шутками, Урагановъ хочетъ сдѣлать насиліе трогательной Агатѣ, и слѣдствіемъ этого была дуель, дуель англійская, на смерть, черезъ платокъ; Урагановъ, какъ злодѣй, принялъ достойное возмездіе за свое ехидство и злорадство, то есть, былъ убитъ; Любинъ, за свою добродѣтель и сантиментальность, остался живъ, его судятъ за дуель и дѣлаютъ солдатомъ; но наступаетъ турецкая кампанія, и Любина производятъ опять въ корнеты и даютъ орденъ Св. Анны; отъ поединка до послѣдняго событія проходитъ слишкомъ два года, и въ это время чувствительная Агата умираетъ; Любинъ отпрашивается въ отпускъ, ѣдетъ къ своимъ родителямъ, которые уже стары и совѣтуютъ ему выйти въ отставку, чтобы замѣнить ихъ въ управленіи имѣніемъ, и жениться, чтобъ больше не влюбляться въ прекрасныхъ мужичекъ и не доходить до дуелей; Любинъ соглашается и теперь рыскаетъ по всѣмъ деревнямъ знакомыхъ его отцу дворянъ, чтобы найти себѣ невѣсту, которая была-бы также хороша, какъ трогательная Агата, а попросту Агашка; авторъ не говоритъ намъ, успѣлъ-ли въ своемъ похвальномъ намѣреніи *романическій* Любинъ. Да, это содержаніе романа, а вотъ его украшенія: облака табачнаго дыму, казарменныя остроты, шампанское, рейнвейнъ, стукъ сабель, пьянство, безсмыслица, безграмотность, пошлая и приторная сантиментальность, а болѣе всего, скука, ужасная, убійственная скука. Но забавнѣе всего эпиграфы, это истинное Вавилонское столпотвореніе: вмѣстѣ съ эпиграфами изъ Пушкина и Жуковскаго, вы найдете и эпиграфы, подобные слѣдующимъ:

Пусть счастье коловратно—
Нельзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

или

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

***169. Цвѣты нравственности**, собранные изъ лучшихъ писателей, къ назиданію юношества, *Михаиломъ Третьяковымъ*. Москва. Въ Университетской типографіи. 1835. 269. (12)[351]).

Долгомъ считаемъ увѣрить нашихъ читателей, что „лучшіе писатели“ ни сколько не виноваты въ составленіи этой книги. Мысли, слогъ и языкъ — все это принадлежитъ семинаріи, а не „лучшимъ писателямъ“ и посильный трудъ г. Третьякова можетъ служить къ пользѣ развѣ однихъ работниковъ на фабрикахъ, а больше никому. Не угодно-ли доказательствъ? Вотъ одно изъ самыхъ убѣдительнѣйшихъ: „Бѣгай пьянства, какъ безумія. Не люби пировать съ *винопійцами*: ибо всякой, любящій пьянство и мотовство, обнищаетъ. Во все теченіе твоей жизни храни воздержаніе и трезвость: врата храма премудрости тѣсный имѣютъ входъ; упитанный и тучный не можетъ ими пройти. Ругатель вино, виновникъ безпорядковъ – пьянство. Поставляющій въ немъ удовольствіе не будетъ мудрымъ. Излишество вина дѣлаетъ человѣка, предавшагося одному, *дикообразнымъ*, къ трудамъ неспособнымъ, препятствуетъ размышленію, отвлекаетъ отъ исполненія должностей, дѣлаетъ нерадивымъ, безполезнымъ, презрительнымъ, и не рѣдко ведетъ къ преступленіямъ самымъ ужаснымъ“. Мы во всемъ совершенно согласны съ почтеннымъ моралистомъ; но кто-жъ всего этого не знаетъ; и, слѣдовательно, для кого все это списано?..

*170. **Авторскій вечеръ**. Странный случай съ моимъ дядею. Санктпетербургъ. Въ типографіи департамента внѣшней торговли. 1835. 274. (12) [352]).

Авторъ этой книги, Платонъ Крутеневъ, имѣлъ цѣлію осмѣять писателей, которые употребляютъ слѣдующія слова и выраженія: *залетная мечта*, *крутъ*, *высказывать*, *подсмотрѣть* и пр. Нѣсколько глупыхъ и молодыхъ бумагомарателей собираются къ г. Платону Крутеневу по вторникамъ; читаютъ другъ другу свои нелѣпости и величаютъ другъ друга геніями. Старый дядя автора увѣряетъ юношей, что они употребляютъ слова не по формѣ; юноши ему противорѣчатъ изо всѣхъ силъ, племянникъ больше всѣхъ. Наконецъ, дядюшка побѣждаетъ племянника и заставляетъ его сознаться побѣжденнымъ. Вотъ вамъ и вся исторія. Она убійственно скучна — больше мы ничего не можемъ о ней сказать.

*171. **Дѣтскій театръ**. Соч. *Б. Ѳедорова;* изданіе второе, дополненное тридцатью піесами. Иждивеніемъ купца Никифора Петрова. С. Петербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1835. Четыре части: I—XVIII, 386; II—244; III—222; IV—189. (16). Съ восьмнадцатью лубочными картинками [353]).

Былъ мальчикъ, Алеша, ребенокъ очень добрый, но чрезвычайно опрометчивый: вздумаетъ завести часы — оборветъ цѣпочку, хочетъ засыпать бумагу пескомъ—и заливаетъ чернилами. Разумѣется, эта опрометчивость не прошла ему даромъ: однажды онъ вздумалъ влѣзть

на грушевое дерево: лѣстница упала, и онъ повисъ на суку, и сталъ требовать помощи слѣдующими плохими виршами:

Ай, ой, Денисъ!
Ай, ай, Петруша.
Я здѣсь повисъ:
Злодѣйка груша.

Разумѣется, Алеша послѣ этого исправился и пересталъ быть опрометчивымъ. Потомъ была дѣвочка Катинька, которая имѣла дурную привычку подслушивать и дѣлать сплетни. Вотъ она однажды, желая подслушать братьевъ, сестеръ и бывшихъ у нихъ маленькихъ гостей, подставила стулъ къ окну бесѣдки, стулъ упалъ, и она сама упала на кустъ розановъ, была изколота, ушибена, испугана, пристыжена, и дала слово исправиться. Это г. Б. Ѳедоровъ называетъ „дѣтскимъ театромъ": бѣдныя дѣти! Но это еще куда-бы ни шло—дѣло не въ названьи, а вотъ въ чемъ: г. Б. Ѳедоровъ думаетъ и увѣренъ, что слишкомъ немудрыя и нехитрыя комедьицы въ три странички способны воспитать въ дѣтяхъ чувство нравственности, чувство добра и изящнаго: бѣдныя дѣти! А каковы стишки!

Когда-то жили двѣ царевны
Въ большомъ высокомъ терему,
Предъ нимъ (?) носились тучи *темны*,
Крылатый змѣй леталъ къ нему.
Царевнамъ каждый разъ твердили,
Чтобъ не смотрѣли изъ окна:
Окно рѣшеткой оградили
Желѣзной, толстой *въ полбревна*.
Но любопытныя *легонько*
Мотаютъ шелкъ съ веретена,
А сами подойдутъ тихонько
И обѣ сядутъ у окна.
На пяльцы локоткомъ склоняся,
Царевны видятъ: змѣй летитъ,
И вдругъ кольцомъ перекатяся —
Въ прекрасный обратился видъ.
Не змѣй, а витязь передъ ними!
И въ колесницѣ золотой —
Везется чудами морскими,
Въ окно кидаетъ перстень свой;
Къ рѣшеткамъ перстнемъ дотронуться,
Онъ проситъ младшую княжну:
Она спѣшитъ... и прикоснуться
Едва успѣла *лишь* къ окну...
Предъ ней разсыпалась рѣшетка,
Но вдругъ прекрасный князь изчезъ,
Царевну охватила клѣтка,—
И въ клѣткѣ змѣй—ее унесъ!

Это, изволите видѣть, сказка, которую нянюшка разсказываетъ дѣтямъ; положимъ такъ—но каковы вирши!.. А вотъ въ нравственномъ родѣ:

Опрометчивость всегда,
Много дѣлаетъ вреда.
Въ свѣтѣ жить намъ должно
Очень осторожно.
Опрометчивость бѣда!
Поспѣшить не трудно;
Только послѣ самъ глядишь,
Поспѣшишь, да насмѣшишь.
Выдетъ безразсудно.

И этими-то жалкими сентенціями, и этѣми-то варварскими виршами, г. Б. Ѳедоровъ думаетъ сдѣлать пользу маленькимъ читателямъ: бѣдныя дѣти! Ожидайте отъ нихъ какой нибудь любви къ изящному, какого-нибудь эстетическаго вкуса, когда головы ихъ будутъ съ малолѣтства набиты такими убійственными виршами!..

Но скажутъ намъ, гдѣ-же взять лучше, если никто изъ людей съ умомъ и дарованіемъ не хочетъ трудиться для пользы дѣтей; пусть всякой дѣлаетъ, что можетъ; согласенъ, но скажите, въ свою очередь, имѣетъ-ли право писать что-бы то ни было и для кого-бы то ни было тотъ, кто не знаетъ грамматики? А знаетъ-ли тотъ грамматику, кто пишетъ: семѣйство, песѣнка (т. е. пѣсенка), слетелъ?.. Не говорю уже о разстановкѣ знаковъ препинанія...

(В. Б.).

***172. Примѣчаніе къ ст. Литературная Новость**[354]).

Перепечатавъ это объявленіе изъ „Московскихъ Вѣдомостей", мы думаемъ доставить публикѣ не малое удовольствіе; такія извѣстія и о такихъ литературныхъ произведеніяхъ принадлежатъ къ явленіямъ рѣдкимъ и поучительнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода сочиненій г. Штабсъ-Капитана Телегина: объявленіе о ихъ подпискѣ и ихъ поименная перечень ручаются за ихъ высокое достоинство. Какъ скоро онѣ выйдутъ въ свѣтъ, мы тотчасъ отдадимъ публикѣ подробный отчетъ въ нихъ.

Б.

***173. Бѣлинскій какъ редакторъ „Молвы" и „Телескопа".**

См. примѣч. № 355.

***174 Осужденный.** Повѣсть въ четырехъ частяхъ. Сочинялъ по московскому преданію *А. Крыловъ*. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. I—160; II—150; III—199; IV—243. (12) [356]).

Какъ ни умно и ни затѣйливо заглавіе этого романа, но самъ романъ еще умнѣе и затѣйливѣе. Жаль только, что авторъ слишкомъ наклоненъ къ плебеизму въ своихъ чувствахъ и понятіяхъ, жаль также и того, что онъ слишкомъ плодовитъ: эти два обстоятельства много повредятъ успѣху его творенія: ибо люди, для которыхъ онъ писалъ, не купятъ его романа, потому что книга, состоящая изъ 752 страницъ, должна продаваться гораздо дороже *трехъ гривенниковъ*; люди, которые не жалѣютъ большихъ денегъ на пріобрѣтеніе книгъ, тоже не станутъ покупать его романа, ибо имъ будутъ не по вкусу похожденія купцовъ, мѣщанъ, юристовъ во фризовыхъ шинеляхъ, дворниковъ, кухарокъ, прачекъ и, наконецъ, такой героини, которая, еще будучи дѣвушкою, читала съ охотою и удовольствіемъ Сказки Лафонтена; имъ будетъ непріятенъ и запахъ чесноку, ерофеичу, печенки и другихъ лакомствъ харчевенъ, которыми сильно пахнетъ „Осужденный". Равнымъ образомъ не понравятся имъ и нѣкоторыя картины этого романа, которыя, при всемъ своемъ эстетическомъ достоинствѣ, слишкомъ ослѣпительны для глазъ, по яркости своего колорита и по излишней откровенности и отчетливости въ подробностяхъ. Замѣтимъ еще автору, что онъ напрасно стѣснилъ себя единствомъ мѣста и ограничился одними трактирами, погребками, сараями и кабаками. Какъ *романтикъ*, онъ могъ бы избѣжать этого скучнаго однообразія касательно мѣста дѣйствія. Не мѣшало бы ему быть поопрятнѣе и въ выраженіи: слогъ долженъ быть, во всякомъ хорошемъ сочиненіи, причесанъ, умытъ и приформенъ. Впрочемъ несмотря на всѣ эти недостатки, романъ *Г. А. Крылова* отличается и яркими достоинствами, въ особенности „чистѣйшею нравственностію" въ сентенціяхъ, въ которыхъ, къ счастію, въ его книгѣ нѣтъ недостатка, жаль только, что, въ слѣдствіе моды, у него погибаютъ безъ разбора всѣ персонажи и злые и добрые: но это, вѣрно, для эффекта и въ этомъ отношеніи авторъ вполнѣ достигъ своей цѣли, ибо предупредилъ желаніе всѣхъ читателей, которые захотятъ прочесть его книгу до конца. Приложенныя картинки, хотя и отзываются лубочною работою, но чрезвычайно какъ гармонируютъ съ тономъ романа и вполнѣ довершаютъ очарованіе эффекта цѣлаго сочиненія. Когда я былъ ребенкомъ, то до смерти любилъ сказки *въ лицахъ*: эта страсть еще и теперь не охладѣла во мнѣ; думаю что читатели, вкусъ которыхъ сходенъ съ моимъ, вмѣстѣ со мною, отъ души поблагодарятъ *Г. А. Крылова* за приложеніе къ роману этихъ картинокъ.

(—онъ —инскій).

*175. Ничто о Ничемъ

или

ОТЧЕТЪ Г. ИЗДАТЕЛЮ „ТЕЛЕСКОПА“

за послѣднее полугодіе

(1835)

Русской Литературы [357]).

Вы обязали меня сдѣлать легкій и короткій обзоръ хода нашей литературы, во время вашего пребыванія за границей, и привели меня тѣмъ въ крайнее затрудненіе. Развѣ вамъ не извѣстно, что *ничто не ново подъ луною?* Какихъ-же хотите вы новостей отъ русской литературы, и въ такой короткій періодъ ея существованія? „Тѣмъ лучше для васъ, тѣмъ меньше вамъ труда“, скажете вы. Нѣтъ, вы неправы: труда отъ этого мнѣ не только не меньше, но предстоитъ истинно геркулесовскій подвигъ: я долженъ написать статью, а изъ чего я вамъ напишу ее, о чемъ буду повѣствовать вамъ въ ней? О *ничемъ?*.. И такъ надо сдѣлать *что-нибудь* изъ *ничего*? — Помните-ли вы, какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ геніевъ, угомонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о *ничемъ* [358]), и весь вылился въ *ничто?*.. Конечно, я не пользуюсь литературною славою, и слѣдовательно не подвергаюсь опасности посадить ее на мель роковаго *ничто*; но у меня другой страхъ, и очень основательный. Если я не пользуюсь ни тѣнію той лучезарной славы, которою сіялъ нѣкогда помянутый великій писатель, то вмѣстѣ не имѣю и искры его генія, который нашелся, хотя и въ конечной погибели своей репутаціи, высказаться въ *ничемъ* на нѣсколькихъ страницахъ. Притомъ-же, хотя я, въ отсутствіе ваше, волею или неволею, игралъ роль сторожа на нашемъ Парнассѣ, окликая всѣхъ проходящихъ и отдавая имъ, своею аллебардою, честь по ихъ званію и достоинству, хотя неутомимо и неусыпно стоялъ на своемъ посту; однакожъ многое ускользнуло отъ моей бдительности. Бывало, нахлынетъ цѣлая толпа— и тутъ некогда было распрашивать каждаго порознь; стукнешь аллебардою по всѣмъ и пропустишь. А теперь неужели мнѣ надо дѣлать поголовную перекличку, бѣгать по всѣмъ закоулкамъ и собирать народъ православный? Нѣтъ — отрекаюсь отъ этого труда; и такъ было много хлопотъ и, можетъ быть, много шуму изъ пустяковъ! — Да и притомъ, возможное-ли это дѣло? Много-ли изъ тѣхъ, которые промчались мимо моей сторожки, остались теперь въ живыхъ?.. И такъ я скажу вамъ только развѣ о тѣхъ лицахъ, которыя особенно врѣзались въ моей памяти, буду повѣствовать только о тѣхъ событіяхъ и случаяхъ, которые особенно поражали мое вниманіе.

Мой обзоръ будетъ отрывчатъ, безпорядоченъ и несвязенъ, какъ всякій расказъ наскоро о предметѣ многосложномъ, разнообразномъ и ничтожномъ.

И такъ, я *обозрѣваю*, становлюсь *обозрѣвателемъ*! — *Обозрѣвать, обозрѣватель* — вы помните, какъ громко звенѣли нѣкогда эти два словца въ нашей литературѣ? — Кто не обозрѣвалъ тогда? Гдѣ не было обозрѣній? Какой журналъ, какой альманахъ не имѣлъ своего штатнаго обозрѣвателя? — И это была должность не трудная, легкая, казенная; за нее брался всякой, не запасаясь дорогимъ лорнетомъ учености, даже иногда вовсе безъ очковъ грамматики и здраваго смысла! — Отъ чегожъ теперь такъ мало пишется обозрѣній? Куда дѣвались всѣ эти обозрѣватели? — Я прошу у васъ позволенія заняться предварительно разрѣшеніемъ этого любопытнаго вопроса, хотя по крайней мѣрѣ для того, чтобъ наполнить мою статью объясненіемъ причинъ, почему она не можетъ быть *нѣчто?* —

Обозрѣнія всякаго рода бываютъ результатомъ или сознанія силы, или сомнѣнія въ ней. Кто часто пересчитываетъ свои деньги, повѣряетъ счеты и подводитъ итоги, тотъ или богатѣетъ день-ото-дня, или бѣднѣетъ; само собою разумѣется, что въ первомъ случаѣ онъ хочетъ удостовѣриться въ улучшеніи своего состоянія и опредѣлить степень этого улучшенія, а во второмъ случаѣ хочетъ измѣрить глубину своего паденія, хочетъ взглянуть въ бездну, отверстую передъ нимъ, какбы съ намѣреніемъ пріучить себя заранѣе къ ея ужасному виду, или какъ будто находя жестокое наслажденіе въ сознаніи своего бѣдственнаго положенія, веселясь собственнымъ своимъ отчаяніемъ. У насъ была уже литература, былъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Державинъ, Фон-Визинъ, Хемницеръ, Богдановичъ, Капнистъ; потомъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Мерзляковъ, и наконецъ, Батюшковъ и Жуковскій: всѣ эти люди пользовались почти равнымъ участкомъ славы, всѣми ими восхищались почти въ равной степени, по крайней мѣрѣ, всѣ они слыли равно за *художниковъ* и геніевъ (или, по тогдашнему, за *образцовыхъ писателей*) [359]). Критиковать тогда значило хвалить, восхищаться, дѣлать возгласы, и много-много, если указывать на нѣкоторые неудачные стишки въ цѣломъ сочиненіи, или на нѣкоторыя слабыя мѣста, съ совѣтомъ поэту, какъ ихъ *починить*. Понятія о творчествѣ тогда были готовыя, взятыя на прокатъ у французовъ; критики не было, потому что критика болѣе или менѣе есть сестра сомнѣнію, а тогда царствовало полное убѣжденіе въ богатствѣ нашей литературы, какъ по количеству, такъ и по качеству; литературныхъ обозрѣній тогда тоже не было и не могло быть, потому что въ обозрѣніе всегда входитъ критика, а вмѣсто ихъ иногда случались по временамъ, и то

рѣдко, реестры писателей и ихъ писаній, перемѣшанные съ извѣстнымъ числомъ хвастливыхъ восклицаній. Мерзляковъ вздумалъ-было напасть на авторитетъ Хераскова, и, взявши ложныя основанія [360]), высказалъ много умнаго и дѣльнаго, но какъ его критицизмъ былъ явнымъ анахронизмомъ, то и не принесъ никакихъ плодовъ. Но вдругъ все перемѣнилось: явился Пушкинъ, и вмѣстѣ съ нимъ такъ называемый *романтизмъ*. Въ чемъ состоялъ этотъ романтизмъ? Въ отношеніи къ Пушкину, этотъ романтизмъ состоялъ въ томъ, что, изо всѣхъ нашихъ поэтовъ, Пушкина одного можно было назвать поэтомъ-художникомъ и не ошибиться, что онъ, вмѣсто того, чтобы писать громкія и торжественныя оды на современныя событія, обыкновенно или теряющія свою прелесть для потомства, или представляющіяся ему въ другомъ свѣтѣ, сталъ говорить намъ о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, всѣмъ болѣе или менѣе доступныхъ, всѣми болѣе или менѣе испытанныхъ; что онъ напалъ на истинный путь и, будучи рожденъ поэтомъ, свободно слѣдовалъ своему вдохновенію. Да! воля ваша, а я крѣпко убѣжденъ, что *народъ* или *общество* есть самый лучшій, самый непогрѣшительный критикъ. Я однажды высказалъ, или, лучше сказать, повторилъ чужую мысль [361]), что *Державина спасло его невѣжество*: отрекаюсь торжественно отъ этой мысли, какъ совершенно ложной [362]). Державинъ не былъ ученъ, но находился подъ вліяніемъ современной ему учености, раздѣлялъ вѣрованія и мнѣнія своего времени объ условіяхъ творчества и, на зло своему генію, всю жизнь свою шелъ по ложному пути. Поэтому, тѣ изъ его созданій, которыя противорѣчили современной ему эстетикѣ, отличаются истинною поэзіею. Возьмите н. п. „Водопадъ“: похоже-ли это на оду, диѳирамбъ, кантату? Это просто элегія, которая, по своей формѣ и своему духу, только тѣмъ отличается отъ элегій даже самыхъ крошечныхъ нашихъ поэтиковъ, что запечатлѣна геніемъ Державина. И за то, какъ прекрасна и глубока эта элегія! — Но возьмите его торжественныя оды: что̀ это такое? Посмотрите, какъ онъ въ нихъ никогда не могъ поддержать до конца своего напряженнаго восторга, какъ онъ въ концѣ каждой изъ нихъ падалъ и, начавши высоко и громко, оканчивалъ ровно ничѣмъ! — И кто станетъ теперь читать эти торжественныя оды?.. Измаилъ, Прага, Рымникъ, Кагулъ — всѣ эти имена напоминаютъ о дѣйствіяхъ великихъ; но то-ли онѣ, эти великія дѣйствія, для насъ, чѣмъ были для современниковъ? Мы, юноши нынѣшняго вѣка, мы, бывши младенцами, слышали отъ матерей нашихъ не объ Измаилѣ, не о Кагулѣ, не о Рымникѣ, а объ двѣнадцатомъ годѣ, о Бородинской битвѣ, о сожженіи Москвы, о взятіи Парижа. Эти событія и ближе къ намъ по времени и поважнѣе прежнихъ въ своей сущности; да и онѣ сла-

бѣютъ уже въ нашемъ воображеніи, заглушаемыя громами Араратскими, Забалканскими, Варшавскими. Но поэзія всѣхъ этихъ великихъ происшествій сама по себѣ такъ необъятна, что ее трудно уловить, увѣковѣчить въ звукахъ. Сверхъ того, мы уже увѣрились теперь, что фактъ или событіе сами по себѣ ничего не значатъ: важна идея, выражаемая ими. И такъ чтоже значатъ всѣ эти торжественныя оды, какой интересъ могутъ имѣть для потомства всѣ эти громогласныя описанія? Скажутъ: это питаетъ народную гордость, даетъ наслажденіе святому чувству любви къ отечеству. Русскіе брали непреодолимыя твердыни и всему свѣту доказали свою храбрость; это подвиги, которые поэзія должна передавать потомству: очень хорошо! но вѣдь храбрость есть неотъемлемое свойство русскихъ; но вѣдь они доказывали ее всегда и вездѣ, какъ только былъ случай; но вѣдь ничтожная-жъ горсть русскихъ удержала за Россіею Грузію и уничтожила всѣ попытки персидкой арміи; но вѣдь ничтожная-же горсть русскихъ отбила Арменію и защитила ее противъ Персіи и Турціи?.. Эти подвиги у насъ такъ часты, такъ обыкновенны; они составляютъ ежедневную жизнь народа русскаго... Да! Державинъ шелъ путемъ слишкомъ тѣснымъ: онъ льстилъ современности, нападалъ на интересы частные, современные, и рѣдко прибѣгалъ къ интересамъ общимъ, никогда не старѣющимъ, никогда не измѣняющимся — къ интересамъ души и сердца человѣческаго! И въ этомъ виновата ученость вѣка, которой онъ былъ непричастенъ, но подъ вліяніемъ которой онъ всегда находился. Не зная по-латыни, онъ подражалъ Горацію, потому что тогда всѣ подражали Горацію; не постигнувъ духа и возвышенной простоты псалмовъ Давида, онъ перелагалъ ихъ съ прозы на громкіе, напыщенные стихи, потому что всѣ наши поэты, начиная съ Ломоносова, дѣлали это, не говоря уже о французахъ. Горацій воздвигнулъ себѣ *памятникъ*, Державинъ тоже; но что у перваго было, вѣроятно, вдохновеніемъ, то у втораго было подражаніемъ. Обратимся назадъ. И такъ, романтизмъ, въ отношеніи къ Пушкину, состоялъ въ томъ, что онъ искалъ поэзіи не въ современныхъ и преходящихъ интересахъ, а въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ интересѣ души человѣческой [1]). Въ отношеніи къ другимъ поэтамъ, вышедшимъ вслѣдъ за Пушкинымъ, романтизмъ сотоялъ въ томъ, что ода была рѣшительно замѣнена элегіей, высокопарность унылостью, жесткій, ухабистый и неуклюжій стихъ гармоническимъ, плавнымъ, гладкимъ. Въ отношеніи къ цѣлой литературѣ, романтизмъ состоялъ въ томъ, что было отвергнуто, какъ

---

[1]) Этотъ вопросъ будетъ подробно разсмотрѣнъ нами въ особенной статьѣ о Пушкинѣ, которая уже пишется. Б. [363]).

нелѣпость, драматическое тріединство, хотя не было написано ни одной хорошей драмы. И такъ, вотъ весь нашъ романтизмъ! Тогда явилось множество поэтовъ (стихотворцевъ и прозаиковъ), стали писать въ такихъ родахъ, о которыхъ въ русской землѣ дотолѣ было видомъ не видать, слыхомъ не слыхать. Тогда-то наши критики пустились въ обозрѣнія: они увидѣли, что у насъ есть писатели и въ классическомъ романтическомъ родѣ, и захотѣли повѣрить свое родное богатство, подвести его итоги. Это была эпоха очарованія, упоенія, гордости: новость была принята за достоинство, и эти поэты, которыхъ мы теперь забыли и имена и творенія, казались чѣмъ-то необыкновеннымъ и великимъ [364]). И это было очень естественно: новость направленія и духа сочиненій всегда бываютъ камнемъ преткновенія для критики.

И такъ, очень ясно, что раннее очарованіе, непрочныя надежды, родили гордость и самоувѣренность въ нашихъ критикахъ; а гордость и самоувѣренность породили множество обозрѣній. Только одинъ Пушкинъ былъ предметомъ достойнымъ и обозрѣній, и критикъ, и споровъ, а между тѣмъ все шло заурядъ въ обозрѣнія. И разумѣется, эти обозрѣнія были важны, горды и веселы, какъ молодыя надежды, какъ неопытная юность, гордящаяся силами, еще не удостовѣрясь въ нихъ. Новость за новостью, поэма за поэмою, романъ за романомъ, повѣсть за повѣстью, альманахъ за альманахомъ, журналъ за журналомъ, а элегіи и отрывки безъ числа, безъ мѣры, и все это возбуждало участіе, восторгъ, удивленіе, потому что все это было ново. Слѣдовательно, обозрѣвателю было, что̀ обозрѣвать, было о чемъ потолковать. Одна голая и сухая перечень годовыхъ явленій литературнаго міра могла составить статейку; а, разведенная фразами, разжижженная чувствованьицами, сдобренная теоріями и идеями, эта перечень превращалась въ большую статью. И эту статью читали наперерывъ, и съ гордостью повторяли находившіеся въ ней итоги и возгласы.

Между тѣмъ начиналась уже и критика. Такъ какъ романтизмъ привелъ за собой эманципацію, то естественнымъ образомъ начало закрадываться сомнѣніе насчетъ достоинства писателей прежней школы. Нападая на классицизмъ, стали нападать и на классиковъ, не подозрѣвая, что, съ немногими исключеніями, выигрышъ состоялъ только въ Пушкинѣ, а что все остальное была таже старина, только на новый ладъ. Но пока управлялись со стариками, и новички успѣли состарѣться и наскучить. Разумѣется, это совершилось не вдругъ, а постепенно. Тогда обозрѣнія начали терять свой кредитъ, и вмѣсто ихъ начала усиливаться основательная критика.

И такъ теперь—что̀ теперь обозрѣвать? Новаго ужъ нѣтъ ничего,

все старо. У меня страстная охота писать, и я, во чтò-бы тò ни стало, хочу написать романъ—но чтò-же? Я во всемъ предупрежденъ! Хочу писать романъ историческій — старо; перерываю всѣ эпохи русской исторіи — старо; хочу писать романъ нравоописательный и нравственно-историческій—но и это старо и пошло; хочу писать романъ географическій, статистическій, топографическій—опять старо; вздумалъ-было однажды нравственно-фантастическій — но и тутъ какой-то злодѣй предупредилъ меня; хочу писать подземный, представить людей маленькихъ съ мизинецъ и потомъ большихъ съ коломенскую версту—куда! этимъ еще восьмнадцатый вѣкъ воспользовался, а я ничего не хочу имѣть общаго съ восьмнадцатымъ вѣкомъ; но вотъ вдругъ блеснула свѣтлая мысль: хочу вывесть людей допотопныхъ и потомъ людей ходящихъ, мыслящихъ и говорящихъ вверхъ ногами—и тутъ предупредила меня игривая фантазія барона Брамбеуса. Ну, повѣрите-ли, почтенный Издатель Телескопа, куда я ни бросался, какъ ни ломалъ свою бѣдную голову, а кончилъ тѣмъ, что пришелъ въ отчаяніе, и рѣшился не писать ничего по части поэзіи. Но наши писатели не такъ робки и, можетъ быть, не такъ горды и самолюбивы, въ этомъ отношеніи, какъ я: они, знай свое—тормошатъ старину и слушать не хотятъ ни публики, ни рецензентовъ. Честь и слава ихъ храбрости, но каково публикѣ-то отъ этой храбрости? — Но публикѣ подѣломъ: кто ее заставляетъ пробавляться истертою стариной!—А каково рецензентамъ-то? — Но и имъ подѣломъ: кто ихъ заставляетъ писать рецензіи и горячиться изъ пустяковъ?—А каково обозрѣвателямъ-то—что имъ остается обозрѣвать? — А кто ихъ заставляетъ обозрѣвать, когда нечего обозрѣвать? — Они и не обозрѣваютъ!.. И слава Богу!...

И послѣ этого, вы, милостивый государь, требуете отъ меня — чего-же?—обозрѣнія!... Но, видно, дѣлать нечего—и я, въ угожденіе вамъ, посвящаюсь въ обозрѣватели!...

Увы! миновалось то золотое, прекрасное время, когда наши краснорѣчивые обозрѣватели, въ сердечной простотѣ, съ теплою вѣрою, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они дѣлаютъ дѣло, а не порютъ вздоръ, начинали свои обозрѣнія взглядами на состояніе земнаго шара, когда еще на немъ не было людей, или съ яицъ Леды, или съ потопа, или, по крайней мѣрѣ, съ Греціи и Рима, чтобы прошедшимъ объяснить настоящее [365]). Обозрѣвателю нашихъ дней не для чего залетать такъ далеко: онъ долженъ начать съ предмета, самаго близкаго къ сердцу всѣхъ и каждаго, самаго необходимаго въ жизни — съ *кармана*... Да! въ карманѣ долженъ видѣть онъ таинственный рычагъ этой литературной дѣятельности, которая промышляетъ и оптомъ и по мелочи; въ немъ долженъ искать онъ рѣшенія на всѣ мудре-

ныя загадки современной русской литературы. Увы! миновалъ золотой вѣкъ нашей литературы, наступилъ желѣзный, а

....Въ сей вѣкъ желѣзный,
Безъ денегъ, слава—ничего!

Что дѣлать! покоримся судьбѣ — видно, такъ должно быть, а чему быть, тому не миновать! Теперь всѣ пустились въ литературу, всѣ сдѣлались поэтами, романистами и повѣствователями. Классическій періодъ нашей литературы былъ не умнѣе, но какъ-то благороднѣе нынѣшняго; тогда пускались въ литературу изъ славы, изъ извѣстности, и притомъ только люди, по крайней мѣрѣ, знавшіе грамматику, знакомые съ литературнымъ тактомъ своего времени, не чуждые здраваго смысла; теперь-же романтизмъ освободилъ насъ и отъ грамматики, и отъ приличія, и отъ здраваго смысла. Тогда литература была удѣломъ какого-то привилегированнаго класса; теперь-же пишутъ и сапожники, и пирожники, и подъячіе, и лакеи, и сидѣльцы *авошныхъ* и *мушныхъ* лавокъ, словомъ, всѣ которые только умѣютъ чертить на бумагѣ каракульки. Откуда набралась эта сволочь? Отчего она разхрабрилась? Гдѣ рычагъ этой внезапной и живой литературной дѣятельности? Я уже сказалъ, что его надо искать въ *карманѣ*.... Знаете-ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичь! Я душевно люблю православный русскій народъ, и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой въ его массѣ; но моя любовь сознательная, а не слѣпая. Можетъ быть, вслѣдствіе очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго народа, но это ни сколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть его странностей, и я не почитаю за грѣхъ пошутить, подъ веселый часъ, добродушно и незлобиво, надъ его странностями, какъ всякой порядочный человѣкъ не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться иногда надъ собственными своими недостатками. Знаете-ли вы, въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? Въ какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности. Его упрекаютъ въ подражательности и безхарактерности; я самъ, грѣшный, вслѣдъ за другими взводилъ эту небылицу (въ чемъ и каюсь); но этотъ упрекъ неоснователенъ: русскому человѣку вредитъ совсѣмъ не подражательность, а напротивъ излишняя оригинальность. Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его исторію — и доказательства явятся передъ глазами. Вотъ онѣ.... Но постойте, чтобъ яснѣе выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что русскій человѣкъ, съ чрезвычайною оригинальностью и самобытностью, соединяетъ и удивительную недовѣрчивость къ самому себѣ, и, вслѣдствіе этого, страхъ какъ любитъ перенимать чужое, но, перенимая, кладетъ типъ своего генія на свои заимствованія. Такъ, еще въ давніе вѣки, про-

слышалъ русскій человѣкъ, что за моремъ хороша вѣра и пошелъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ, онъ, по счастію, не ошибся; но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной вѣрой? Перенесъ ея священныя имена на свои языческіе предразсудки: Св. Власію поручилъ должность бога Волоса, Перуновы громы и молніи отдалъ Ильѣ-Пророку, и т. д. И такъ, вы видите: перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣже! Потомъ, явился на Руси Царь умный и великій, который захотѣлъ русскаго человѣка умыть, причесать, обрить, отучить отъ лѣни и невѣжества: взвылъ русскій человѣкъ гласомъ веліемъ и замахалъ руками и ногами; но у Царя была воля желѣзная, рука крѣпкая, и потому, русскій человѣкъ, волею или неволею, а засѣлъ за азбуку, началъ учиться и шить, и кроить, и строить, и рубить. И въ самомъ дѣлѣ, русскій человѣкъ сталъ походить съ виду какъ будто на человѣка: и умытъ, и причесанъ, и одѣтъ по формѣ, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваньемъ, и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ. Все это хорошо, да вотъ что худо: кланяясь съ пришаркиваньемъ, онъ, говорятъ, разшибалъ носъ до крови, а подходя къ ручкамъ прелестныхъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣпляясь за свою шпагу и не умѣя справляться съ трехуголкою; выучивъ наизусть правила, начертанныя на зерцалѣ рукою великаго Царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголъ *брать* подъ всѣми *видами*, во всѣ *времена*, по всѣмъ *лицамъ* безъ изъятія, по всѣмъ *числамъ* безъ исключенія; надѣвши мундиръ, онъ смотрѣлъ на него не какъ на форму идеи, а какъ на форму парада, и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни, что присутственное мѣсто не лавка, гдѣ отпускаютъ и права и совѣсть оптомъ и по мѣлочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ враговъ и разбойниковъ. Потомъ былъ на Руси другой Царь умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корня тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученье обѣщалъ ему и большой чинъ и знатное мѣсто [366]), думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но чтожъ вышло?... Правда, русскій человѣкъ смышленъ и понятливъ, коли захочетъ, такъ и самаго нѣмца за поясъ... И точно, русскій принялся учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ тотчасъ книги, и принимался за карты — оно и лучше!... И такъ, не ясно-ли послѣ этого, что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, а только бралъ изъ-за границы формы, оставляя тамъ идеи, и одѣвалъ въ эти формы свои собственныя идеи, завѣщанныя ему предками. Конечно, къ этимъ доморощенымъ идеямъ не совсѣмъ шелъ заморскій нарядъ, но къ чему не льзя привыкнуть, къ чему не льзя приглядѣться?...

Обратимся къ литературѣ. Съ нею русскій человѣкъ поступилъ точно также, какъ и со всѣмъ тѣмъ, о чемъ я уже говорилъ. Какъ все прочее, она у него — цвѣтокъ пересаженный, и надо сказать, какъ все хорошее, не имъ самимъ, а правительствомъ. Литература наша началась при Елисаветѣ, а получила нѣкоторую осѣдлость при Екатеринѣ II. Намъ извѣстно, что, въ царствованіе этой великой Жены, наша литература находилась, подобно почти всѣмъ европейскимъ литературамъ, подъ вліяніемъ французской. Французская литература была тогда полнымъ выраженіемъ XVIII вѣка, а что такое XVIII вѣкъ, объ этомъ всякой знаетъ. Мы скажемъ только, что XVIII вѣкъ былъ малой веселый и разгульный, любилъ мягко поспать, сладко поѣсть, пьяно попить и ни о чемъ не тужить. *Веселиться*—была его цѣль, и всѣ средства почиталъ онъ позволенными къ достиженію этой цѣли. Всѣмъ извѣстна мудрая русская пословица: „богатый на деньги, а голь на выдумки". Поэты и вообще литераторы были тогда люди бѣдные и неважные, но это не помѣшало имъ веселиться наровнѣ съ людьми богатыми и веселыми: они надѣли на себя ливреи людей богатыхъ и важныхъ, и, за ихъ столами, *въ восторгѣ радости, запѣли пѣсни дивныя, живыя.* Когожъ они воспѣвали? Героевъ тогда не было; греческая литература была плохо понимаема, но хорошо была понята литература латинская — и стали во́спѣвать меценатовъ! Да какъ было и не воспѣвать ихъ? Люди были они богатые, поэтовъ кормили сладко, хотя иногда и употребляли ихъ вмѣсто плевальницъ, но чтожъ за бѣда — вѣдь утереться не трудно. Этого было довольно для русскаго человѣка: онъ такъ хорошо, на этотъ разъ, сошелся съ французомъ, что взялъ и идею и форму, и, слѣдовательно, еще въ первый разъ, явился совершеннымъ подражателемъ. Тогда-то пошли наши оды, съ любимымъ словечкомъ: „*о ты*", и пр. Но въ мірѣ все оканчивается, кончился и XVIII вѣкъ. кончился вездѣ, а у насъ еще здравствовалъ, и только въ одной литературѣ сталъ измѣняться. Въ этомъ отношеніи, мы должны съ благодарностью произносить имя Жуковскаго, познакомившаго насъ съ германскою литературой, и передавшаго намъ нѣсколько благоуханныхъ цвѣтовъ ея. Были дарованія, но иныя изъ нихъ шли не своею дорогою, сбиваемыя XVIII вѣкомъ, и остались только въ литературныхъ обозрѣніяхъ, а не въ памяти народа; другія, по своей незначительности, успѣли добиться только эфемерной славы. Идея искусства и потребность искусства проявились только въ началѣ третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка; но кромѣ Пушкина и Грибоѣдова, не было поэтовъ; за то, какъ я уже и говорилъ выше, было много обозрѣній.

Какое-жъ слѣдствіе изъ всего этого? А вотъ какое: сначала наша

литература родилась вслѣдствіе мысли правительства и симпатіи характера русскаго народа къ господствовавшему тогда характеру французовъ; потомъ она сдѣлалась подражательницей вдругъ нѣсколькихъ литературъ; теперь... теперь...—Но позвольте мнѣ послѣ вывесть полный и удовлетворительный результатъ. Я такъ уже усталъ, а впереди предстоитъ большой трудъ: трудно обозрѣть цвѣтущую долину, но еще труднѣе безплодную аравійскую степь и потому

до слѣдующей книжки.

Ничто о Ничемъ

или

ОТЧЕТЪ Г. ИЗДАТЕЛЮ „ТЕЛЕСКОПА“

за послѣднее полугодіе

(1835)

Русской Литературы.

(*Продолженіе*).

Начинаю мое обозрѣніе съ журналовъ, потому что какъ ни мало теперь у насъ журналовъ, но все больше чѣмъ книгъ. Разумѣется, на тѣ другія я смотрю, какъ обозрѣватель, которому нужны матеріялы для обозрѣнія и для котораго важно только то, о чемъ онъ что-нибудь можетъ сказать; каковы-бы ни были наши журналы, о нихъ все-таки можно сказать много и *за* и *противъ*; но книгъ, стоющихъ вниманія, въ какомъ-бы тó ни было отношеніи, вышло безъ васъ не болѣе двухъ или трехъ. Здѣсь я опять долженъ употребить оговорку: такъ какъ моему разсмотрѣнію подлежатъ книги только по части художественной и притомъ оригинальныя, то и не удивительно, что я нахожу такъ мало книгъ, вышедшихъ въ послѣднее полугодіе прошлаго года. И такъ, обращаюсь къ журналамъ, и приступаю къ дѣлу.

Но съ какихъ журналовъ должно мнѣ начать? Съ московскихъ или съ петербургскихъ? И потомъ, съ какого именно?—Начинаю—по старшинству и важности—съ „Библіотеки для Чтенія“, а — за нею брошу взглядъ и на прочіе петербургскіе журналы. У меня есть причина, и причина очень достаточная, для этого предпочтенія въ пользу „Библіотеки для Чтенія“: журналъ, владѣющій большимъ противъ своихъ собратій числомъ подписчиковъ и въ продолженіе не одного уже года поддерживаемый постояннымъ вниманіемъ публики, такой журналъ, говорю я, можетъ быть не лучшій, но безъ сомнѣнія, долженъ быть важнѣйшій; потому что все, что̀ пользуется авторитетомъ, заслуженнымъ или незаслуженнымъ, все, что имѣетъ

на публику большое влiянiе, хорошее или вредное, все то важно и достойно вниманiя и прилежнаго изслѣдованiя; а „Библiотека для Чтенiя", во всѣхъ этихъ отношенiяхъ, есть первый и важнѣйшiй въ Россiи журналъ, и, слѣдовательно, обозрѣватель съ него долженъ начинать свой разборъ. О прочихъ петербургскихъ журналахъ я буду говорить тотчасъ послѣ „Библiотеки" и прежде московскихъ изданiй, не для соблюденiя порядка, а тоже вслѣдствiе основательной и важной причины: всѣ петербургскiе журналы, какъ я покажу это ниже, имѣютъ, въ своемъ направленiи, духѣ и правилахъ, много общаго съ „Библiотекою", хотя, въ тоже время они суть не болѣе, какъ жалкiя пародiи на этотъ соблазнительный для нихъ образецъ: тѣже цѣли, тѣже замашки, тѣже усилiя, хотя и не та ловкость, не то умѣнье, не та сила, не то исполненiе! — Да! не даромъ петербургская книжная производительность не въ ладу съ московскою: каждая изъ нихъ, не смотря на видимое разногласiе съ самой собою, имѣетъ общiй характеръ, одно направленiе, одно основанiе, и, вслѣдствiе совершенной противоположности другъ съ другомъ, во всѣхъ этихъ отношенiяхъ, обѣ онѣ должны находиться одна къ другой въ естественной непрiязни, какъ теперь прямодушный турокъ къ хитрому персiянину, какъ, нѣкогда, тяжелый англичанинъ къ легкому французу. И я постараюсь показать, сколько возможно, отличительныя черты, отличающiя ихъ одну отъ другой, и поставляющiя ихъ въ непрiязненное отношенiе одну къ другой.

„Библiотека для Чтенiя" начинаетъ уже *третiй* годъ своего существованiя, и, что очень важно, она ни сколько не измѣняется ни въ объемѣ, ни въ достоинствѣ своихъ книжекъ, ни въ духѣ и характерѣ своего направленiя; она всегда вѣрна себѣ, всегда равна себѣ, всегда согласна съ собою; словомъ идетъ шагомъ ровнымъ, поступью твердою, всегда по одной дорогѣ, всегда къ одной цѣли; не обнаруживаетъ ни усталости, ни страха, ни непостоянства. Все это чрезвычайно важно для журнала, все это составляетъ необходимое условiе существованiя журнала и его постояннаго кредита у публики; въ тоже время, это показываетъ, что „Библiотекою" дирижируетъ одинъ человѣкъ, и человѣкъ умный, ловкiй, смѣтливый, дѣятельный—качества, составляющiя необходимое условiе журналиста; ученость здѣсь не мѣшаетъ, но не составляетъ необходимаго условiя журналиста, для котораго, въ этомъ отношенiи, гораздо важнѣе, гораздо необходимѣе универсальность образованiя, хотя-бы и поверхностнаго, многосторонность познанiй, хотя-бы и верхоглядныхъ, энциклопедизмъ, хотя-бы и мелкiй. О „Библiотекѣ" писали и пишутъ, на нее нападали и нападаютъ, сперва враги, а наконецъ и друзья, поклявшiеся ей въ вѣрности до гроба, пожертвовавшие ей собствен-

ными выгодами, разумѣется въ чаяніи большихъ отъ союза съ сильнымъ и богатымъ собратомъ [367]); а „Библіотека" все-таки здравствуетъ, смѣется (большею частію, молча) надъ нападками своихъ противниковъ! — Въ чемъ-же заключается причина ея неимовѣрнаго успѣха, ея неслыханнаго кредита у публики? — Еслибы я сталъ утверждать, что „Библіотека" журналъ плохой, ничтожный, это значило-бы смѣяться надъ здравымъ смысломъ читателей и надъ самимъ собою: факты говорятъ лучше доказательствъ; и первенство и важность „Библіотеки" такъ ясны и неоспоримы, что противъ нихъ нечего сказать. Гораздо лучше показать причины ея могущества, ея авторитета. На „Библіотеку", на Брамбеуса и на Тю-тюнджи-оглу [368]) (что все почти тождественно), было много нападковъ, часто безсильныхъ, иногда сильныхъ, было много аттакъ, часто невѣрныхъ, иногда впопадъ, но всегда безполезныхъ. Не знаю, правъ я или нѣтъ, но мнѣ кажется, что я нашелъ причину этого успѣха, столь противорѣчащаго здравому смыслу, и такъ прочнаго, этой силы, такъ носящей въ самой себѣ зародышъ смерти, и такъ постоянной, такъ не слабѣющей. Не выдаю моего открытія за новость, потому что оно можетъ принадлежать многимъ; не выдаю моего открытія и за орудіе, долженствующее быть смертельнымъ для разсматриваемаго мною журнала, потому что истина не слишкомъ сильное орудіе тамъ, гдѣ еще нѣтъ литературнаго общественнаго мнѣнія. „Библіотека" есть журналъ *провинціяльный*: вотъ причина ея силы. Разсмотримъ это. Но я долженъ взять нѣсколько повыше, долженъ упомянуть о ея началѣ, ея зарожденіи на свѣтъ. Всякому извѣстно, что этотъ журналъ основанъ книгопродавцемъ, который пріобрѣлъ у публики большую довѣренность, и пріобрѣлъ по справедливости, по заслугѣ; всякому извѣстно, что этотъ книгопродавецъ ведетъ торговлю большую и, слѣдовательно, въ состояніи дѣлать большіе обороты и пускаться въ важныя предпріятія; это обстоятельство ручалось за исправный выходъ книжекъ, за ихъ типографическое достоинство, за хорошую и честно выполняемую плату сотрудникамъ журнала. Правда, это обстоятельство, съ одной стороны благопріятствуя зарождавшемуся предпріятію, съ другой могло и повредить ему, потому что публика знала, что владѣлецъ журнала не могъ быть ни его издателемъ, ни его редакторомъ, ни даже его сотрудникомъ, что по этому, онъ долженъ былъ поручать изданіе своего журнала разнымъ лицамъ, одному послѣ другаго, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего должно быть разногласіе въ мнѣніяхъ, противорѣчіе въ духѣ и направленіи изданія; притомъ, публикѣ были извѣстны въ числѣ редакторовъ имена гг. Греча и Булгарина, издателей очень посредственныхъ журналовъ и авторовъ очень плохихъ романовъ, и она

лишь впослѣдствіи могла увидѣть, что гг. Гречъ и Булгаринъ были и остались только вкладчиками своихъ статеекъ и корректорами „Библіотеки“, что Тю-тюнджи-оглу не имѣлъ ничего общаго съ ними въ своей ловкости, умѣ, остроуміи, что самый языкъ и правописаніе всѣхъ статей, особенно послѣднее, принадлежали ему же, а не имъ: но нашей публикѣ до этого не было нужды; ей обѣщаны были толстыя книги и участіе почти всѣхъ знаменитостей — этого для ней было достаточно. И такъ, одно уже то обстоятельство, что новый журналъ былъ собственностію богатаго и честнаго книгопродавца, было одною изъ сильнѣйшихъ причинъ его успѣха. Потомъ, это участіе почти всѣхъ знаменитостей нашего письменнаго міра, *эти* [369]) имена, выставленныя въ программѣ и на оберткахъ „Библіотеки“, какъ залогъ того, что вся литературная дѣятельность должна сосредоточиться въ одномъ изданіи, чего никогда не бывало, о чемъ самая мысль всегда казалась несбыточною — какая приманка для *нашей* довѣрчивой публики!... Правда, нѣкоторые изъ авторовъ, имена которыхъ двѣнадцать разъ въ годъ повторялись на оберткахъ журнала, не подарили его ни одною статьею; правда, нѣкоторые изъ знаменитостей сошли съ обертки, къ немалому вреду репутаціи журнала; правда, и половина оставшихся именъ, при второмъ годѣ, совсѣмъ изчезла съ обертки; правда, большая часть этихъ знаменитостей была совсѣмъ не знаменита, и между этими [370]) знаменитостями многія были сдѣланы на скорую руку, ради предстоящей потребности, многія незнаменитости были произведены въ знаменитости, произведены самимъ этимъ журналомъ, ради предстоящей нужды; но *нашей* публикѣ не было до того нужды: она по прежнему встрѣчала постоянно нѣкоторыя имена, или въ самомъ дѣлѣ любимыя ею, или къ которымъ она приглядѣлась, что для ней все равно, и, довѣрчивая, невзыскательная, питала теплую вѣру ко всему, что выдавали ей за талантъ и геній, сами эти же таланты и геніи. Дѣло было сдѣлано, а русскій человѣкъ вообще сговорчивъ, и въ литературныхъ дѣлахъ за неустойкой не гонится, если вы исполнили хоть часть условій — такъ мало избалованъ онъ полными устойками. Присоедините къ этому его уваженіе къ авторитетамъ, къ громкимъ именамъ, его довѣрчивость ко всему, что другими или самимъ собою провозглашается за дарованіе. И такъ, вотъ вторая и очень важная причина успѣха „Библіотеки“ при самомъ ея началѣ. Теперь слѣдуетъ третья, не менѣе важная: кто не помнитъ хвастливаго и, можно сказать, безстыдно-самохвальнаго объявленія [371]) объ изданіи „Библіотеки“? кто не помнитъ возгласовъ „С. Пчелки“, которая прожужжала всѣмъ уши, что кто не подпишется на „Библіотеку“, тотъ не патріотъ, тотъ не любитъ отечества, не желаетъ ему добра, что

тотъ ренегатъ, измѣнникъ?—И что-же?—Это хвастливое объявленіе, эти вопли, эти возгласы, во всякомъ другомъ обществѣ были-бы почтены, по крайней мѣрѣ, за неприличные, возбудили-бы подозрѣніе, недовѣрчивость и убили-бы предпріятіе въ самомъ его зародышѣ; но у насъ, это-то чуть-ли и не есть вѣрнѣйшее средство успѣха. Я часто замѣчалъ за самимъ собою, что когда мнѣ случалось ходить для покупокъ въ городъ и когда слухъ мой оглушался, а мое человѣческое достоинство оскорблялось невѣжливой и грубою политикою нашей національной коммерціи, громко и неистово превозносящей свои товары, и нагло и почти насильно затаскивающей покупателя въ свою лавку, то я замѣчалъ, что чуть-ли не всегда попадалъ я въ самую горластую, въ самую наглую лавку: что дѣлать—человѣкъ русскій!—Проклинаешь это азіятское самохвальство, эту предательскую вѣжливость, сбивающуюся на униженіе, эту безстыдную наглость, и къ ней-то именно и попадаешь, какъ рыба на удочку—на Руси такъ изстари ведется!... И такъ вотъ три причины, сдѣлавшія „Библіотеку“ сильною, когда еще „Библіотеки“ не было и на свѣтѣ!—

Теперь посмотримъ, какими средствами умѣла она поддержать себя во мнѣніи публики, или, лучше сказать, какими средствами умѣла сдѣлать себя необходимою для публики и, всѣми осуждаемая, всѣми ненавидимая, сдѣлать всѣхъ своими подписчиками? Я сказалъ, что тайна постояннаго успѣха „Библіотеки“ заключается въ томъ, что этотъ журналъ есть по преимуществу журналъ *провинціяльный*, и въ этомъ отношеніи, невозможно не удивляться той ловкости, тому умѣнью, тому искусству, съ какими онъ принаровляется и поддѣлывается къ провинціи. Я не говорю уже о постоянномъ, всегда правильномъ выходѣ книжекъ, одномъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ журнала; остановлюсь на числѣ книжекъ и продолжительности срока ихъ выхода. Я думалъ прежде, что это должно обратиться во вредъ журналу; теперь вижу въ этомъ тонкій и вѣрный расчетъ. Представьте себѣ семейство степнаго помѣщика, семейство, читающее все, что ему попадется, съ обложки до обложки; еще не успѣло оно дочитаться до послѣдней обложки, еще не успѣло перечесть, гдѣ принимается подписка и оглавленіе статей, составляющихъ содержаніе номера, а ужъ къ нему летитъ другая книжка, и такая-же толстая, такая-же жирная, такая-же болтливая, слово-охотливая, говорящая вдругъ однимъ и нѣсколькими языками. И въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе!—Дочка читаетъ стихи гг. Ершова, Гогніева, Струговщикова, и повѣсти гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальскаго; сынокъ, какъ членъ новаго поколѣнія, читаетъ стихи г. Тимоѳеева и повѣсти барона Брамбеуса; батюшка читаетъ статьи о

двухпольной и трехпольной системахъ, о разныхъ способахъ удобренія земли, а матушка о новомъ способѣ лѣчить чахотку и красить нитки; а тамъ еще остается для желающихъ критика, литературная лѣтопись, изъ которыхъ можно черпать горстями и пригоршнями готовыя (и часто умныя и острыя, хотя рѣдко справедливыя и добровѣстныя) сужденія о современной литературѣ; остается пестрая, разнообразная смѣсь; остаются статьи ученыя и новости иностранныхъ литературъ. Не правдали, что такой журналъ—кладъ для провинціи?...

Но постойте, это еще не все: разнообразіе не мѣшаетъ и столичному журналу, и не можетъ служить исключительнымъ признакомъ провинціяльнаго. Бросимъ взглядъ на каждое отдѣленіе „Библіотеки", особенно и по порядку. Стихотворенія занимаютъ въ ней особое и большое отдѣленіе: подъ многими изъ нихъ стоятъ громкія имена, каковы Пушкина, Жуковскаго; подъ большею частію стоятъ имена знаменитостей, выдуманныхъ и сочиненныхъ наскоро самою „Библіотекою": но нѣтъ нужды: тутъ все идетъ за знаменитость; до достоинства стиховъ тоже мало нужды: имена, подъ ними подписанныя, ручаются за ихъ достоинство, а въ провинціяхъ этого ручательства слишкомъ достаточно. Тоже самое, въ отношеніи именъ, должно сказать и о русскихъ повѣстяхъ: иностранныя подписаны именами, которыя для провинцій непремѣнно должны казаться громкими, хотябы и не были громки на самомъ дѣлѣ; подписаны именами журналовъ, громкихъ и извѣстныхъ во всемъ мірѣ. Тоже должно сказать и о прочихъ отдѣленіяхъ Библіотеки. Теперь, скажите, не большая ли это выгода для провинцій?—Вамъ извѣстно, какъ много и въ столицахъ людей, которыхъ вы привели-бы въ крайнее замѣшательство, прочтя имъ стихотвореніе, скрывши имя его автора и требуя отъ нихъ мнѣнія, не высказывая своего; какъ много и въ столицахъ людей, которые не смѣютъ ни восхититься статьею, ни осердиться на нее, не заглянувъ на ея подпись. Очень естественно, что такихъ людей въ провинціяхъ еще больше, что люди съ самостоятельнымъ мнѣніемъ попадаются туда случайно и составляютъ тамъ самое рѣдкое исключеніе. Между тѣмъ, и провинціялы, какъ и столичные жители, хотятъ не только читать, но и судить о прочитанномъ, хотятъ отличаться вкусомъ, блистать образованностью, удивлять своими сужденіями, и они дѣлаютъ это, дѣлаютъ очень легко, безъ всякаго опасенія компрометтировать свой вкусъ, свою разборчивость, потому, что имена, подписанныя подъ стихотвореніями и статьями „Библіотеки", избавляютъ ихъ отъ всякаго опасенія посадить на мель свой критицизмъ и обнаружить свое безвкусіе, свою необразованность и невѣжество въ дѣлѣ изящнаго. А это не шутка!—

Въ самомъ дѣлѣ, кто не признаетъ проблесковъ генія въ самыхъ сказкахъ Пушкина, потому только, что подъ ними стоитъ это магическое имя „Пушкинъ“? Тоже и въ отношеніи къ Жуковскому. А чѣмъ ниже Пушкина и Жуковскаго гг. Тимоѳеевъ и Ершовъ? Ихъ хвалитъ „Библіотека“, лучшій русскій журналъ, и принимаетъ въ себя ихъ произведенія?—Можетъ-ли быть посредственна или не хороша повѣсть г. Загоскина? Вѣдь г. Загоскинъ авторъ „Милославскаго“ и „Рославлева“; а въ провинціи никому не можетъ придти въ голову, что эти романы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, теперь уже не то, чѣмъ были, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ казались нѣкогда. Можетъ-ли быть не превосходна повѣсть г. Ушакова, автора „Киргизъ-Кайсака, Кота Бурмосѣка“, бывшаго сотрудника „Московскаго Телеграфа“, сочинителя длинныхъ, скучныхъ и ругательныхъ статей о театрѣ? Провинція и подозрѣвать не можетъ, чтобъ знаменитый г. Ушаковъ теперь былъ уволенъ изъ знаменитыхъ въ чистую.—Кто усумнится въ достоинствѣ повѣстей гг. Панаева [372]), Калашникова, Масальскаго?—Да, въ этомъ смыслѣ, „Библіотека“ журналъ провинціяльный!—

(*опять до слѣдующей книжки*).

Ничто о Ничемъ

или

ОТЧЕТЪ Г. ИЗДАТЕЛЮ „ТЕЛЕСКОПА“

за послѣднее полугодіе

(1835)

Русской Литературы.

(*продолженіе*).

Теперь я буду слѣдить за „Библіотекою“ шагъ за шагомъ; я обнаружу всю ея политику, изъясню подробнѣе причины ея могущества. Я не буду пускаться о „Библіотекѣ“ въ излишнія разсужденія, буду представлять одни факты, а тамъ пусть понимаютъ ихъ, какъ угодно. До сихъ поръ я сдѣлалъ только предисловіе, опредѣлилъ точку зрѣнія, съ которой гляжу на „Библіотеку“, теперь покажу, что̀ я вижу въ ней. Прошу васъ не забывать, что основная мысль моя о „Библіотекѣ“ состоитъ въ томъ, что этотъ журналъ *провинціяльный*, что онъ издается для *провинціи* и силенъ одною *провинціею*. И такъ приступаю къ подробнѣйшему объясненію признаковъ ея привиллегированнаго провинціялизма. Я не почитаю за нужное слишкомъ распространяться о стихотворномъ отдѣленіи „Библіотеки“. Пора стиховъ миновала въ нашей литературѣ; наступила пора смиренной прозы. Хорошихъ стиховъ теперь не достанешь ни за какія

деньги, и потому „Библіотека“ не виновата, что помѣщаетъ дурные стихи; но она виновата въ томъ, что выдаетъ ихъ за хорошіе [1]). Это съ ея стороны расчетъ, расчетъ, въ который входитъ преимущественно провинція. И такъ, о стихахъ нечего много говорить; но можно побольше поговорить о прозаическомъ отдѣленіи русской словесности.

Разумѣется, это отдѣленіе состоитъ преимущественно изъ повѣстей, и можетъ назваться по преимуществу провинціяльнымъ. Пересматриваю „Библіотеку“, и чьи имена встрѣчаю въ отдѣленіи повѣстей русской фабрики?—Во первыхъ, гг. Загоскина, Ушакова: въ „Библіотекѣ“ это знаменитости первой величины, авторитеты, лучезарнымъ свѣтомъ которыхъ она озаряется съ особеннымъ удовольствіемъ, съ особенною хвастливостью; потòмъ, повѣсти гг. Степанова, Маркова, и многихъ другихъ, именъ которыхъ я не могу упомнить, по причинѣ ихъ множества; это знаменитости недавнія, авторитеты юные. Чтобы яснѣе развить мою мысль, я долженъ разсмотрѣть попристальнѣе нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей. Въ такомъ случаѣ, мнѣ надобъ было начать съ г. Загоскина, какъ первой знаменитости „Библіотеки“, въ которой онъ помѣстилъ двѣ повѣсти: „Вечера на Хопрѣ“ и „Три Жениха, Провинціяльные Очерки“; но первой я совсѣмъ не читалъ, а о второй упомянулъ слегка при отзывѣ о „Недовольныхъ“, и мнѣ кажется, довольно удачно уловилъ ея характеристику, чтò, разумѣется, очень не трудно было сдѣлать. И такъ, не желая повторять одно и тоже, замѣчу только, что г. Загоскинъ очень удачно назвалъ свою повѣсть „Провинціяльными очерками“: этимъ названіемъ онъ написалъ на нее самую лучшую критику a priori, а помѣщеніемъ ея въ „Библіотекѣ“ сдѣлалъ на нее самую лучшую критику a posteriori!.. Обращаюсь къ г. Ушакову.

Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, извѣстенъ гибкій и универсальный талантъ г. Ушакова [373]); вы, вѣрно, еще не забыли, что онъ писалъ нѣкогда предлинныя, преисполненныя славянскаго остроумія, и прескучныя статьи о театрѣ; вы помните также, что онъ, г. Ушаковъ, писалъ презлыя, хотя ужъ и черезъ-чуръ холодныя, сатирическія аллегоріи, и въ этомъ родѣ явился основателемъ и главой важной, хотя и безлюдной школы: я разумѣю „Кота Бурмосѣка“, потóмъ, знаете, что онъ написалъ очень порядочный романъ „Киргизъ-Кайсакъ“. Да, все это должно быть вамъ давно извѣстно, но вотъ чего вы навѣрное не знаете: г. Ушаковъ не удовольство-

---

[1]) Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что между множествомъ плохихъ стихотвореній знаменитыхъ и не-знаменитыхъ авторовъ, въ „Библіотекѣ“ было помѣщено два-три стихотворенія г. Козлова, отъ которыхъ вѣетъ прежнимъ благоуханіемъ его поэзіи. Особенно замѣчательна піэска „Къ Невѣрной“.

вался пріобрѣтенною славою въ этихъ трехъ родахъ, пошелъ далѣе, какъ и слѣдуетъ всякому сильному дарованію. Сперва онъ сдѣлалъ попытку воскресить на Руси духъ покойнаго Августа Лафонтена и написалъ повѣсть „Марихенъ“, но этотъ опытъ не удался: „Марихенъ“ не только не разбудила Августа Лафонтена, но и сама заснула съ нимъ сномъ непробуднымъ. Эта неудача не лишила однако бодрости г. Ушакова: какъ просвѣщенный и опытный литераторъ, онъ понялъ, что нельзя идти противъ духа времени, и бросился въ другую сторону, въ которой вполнѣ сознаілъ свое направленіе и свое назначеніе: онъ рѣшился сдѣлаться *народнымъ*. Расказавши намъ довольно увлекательно о страданіяхъ юной аристократки, расказавъ о страданіяхъ Киргизъ-Кайсака, плебея по рожденію, но аристократа по мысли и чувству, онъ теперь бросился совершенно въ противоположную сторону и принялся за плебеевъ, плебеевъ по рожденію, плебеевъ по уму, чувству и образованности. Уже не балы, а вечеринки рисуетъ теперь намъ его чудотворная кисть, и само собою разумѣется, что отъ этихъ вечеринокъ слухъ нашъ поражается не звуками кадрилей и мазурокъ, зрѣніе не блестящими люстрами и кенкетами, обоняніе не благовонными парфюмами, а побранками и плоскими шутками, чадомъ сальныхъ свѣчей и запахомъ водки, ерофеича, разнаго сорта наливокъ, а иногда и простой сивухи, сельдей, икры паюсной и зернистой, луку зеленаго и ряпчатаго, жареной печенки, и пр. и пр.; вмѣсто князей, кавалеристовъ, дамъ, теперь онъ выводитъ и скромныхъ отставныхъ пѣхотинцевъ, и купцовъ третьей гильдіи, и мѣщанъ всѣхъ разрядовъ, словомъ все, что́ носитъ бороду, одѣвается въ зипунъ, или въ длиннополый сертукъ съ высокимъ лифомъ, въ тѣлогрѣйку, или даже въ поняву, а голову повязываетъ бумажнымъ или парчевымъ платкомъ. Короче сказать: почтеннѣйшій г. Ушаковъ сдѣлался теперь прозаическимъ г. Измайловымъ [374]). Переходъ удивительный, метаморфоза чудесная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень понятная: г. Ушаковъ покорился духу времени и увлекся народностью.

Народность въ литературѣ!.. Позвольте мнѣ, почтенный издатель „Телескопа“, сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе отъ матеріи и оставить на минутку-другую г. Ушакова. Я хочу сказать, или скорѣе повторить уже сказанное мною когда-то о народности [375]); этотъ предметъ занимаетъ теперь всѣхъ, вы сами пишете объ немъ [376]), и потому я считаю теперь кстати подать и свой голосъ. Что такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами—не такъ-ли?— Если такъ, то мнѣ кажется, нѣтъ нужды поставлять такой народ-

ности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непремѣнно должна проявляться въ творческомъ созданіи. Вы признаете большее или меньшее вліяніе индивидуальности поэта на его произведенія, какъ-бы онѣ разнообразны ни были! Вы не станете отрицать, что чѣмъ дарованіе поэта сильнѣе, тѣмъ оно оригинальнѣе! И такъ, если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народность? Развѣ всякой поэтъ, прежде чѣмъ онъ *человѣкъ*, не есть Русскій, Французъ, или Нѣмецъ?—Возьмемъ поэта русскаго: онъ родился въ странѣ, гдѣ небо сѣро, снѣга глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лѣто знойно, земля обильна и плодородна: развѣ все это не должно положить на него особеннаго характеристическаго клейма? Онъ, въ младенчествѣ, слышалъ сказки о могучихъ богатыряхъ, о храбрыхъ витязяхъ, о прекрасныхъ царевнахъ и княжнахъ, о злыхъ колдунахъ, о страшныхъ домовыхъ; онъ съ малолѣтства пріучилъ свой слухъ къ жалобному, протяжному пѣнію родныхъ пѣсень; онъ читалъ исторію своей родины, которая не похожа на исторію никакой другой страны въ мірѣ; онъ провелъ лѣта своей юности среди общества, которое не похоже ни на какое другое общество; онъ принадлежитъ къ народу, который еще не живетъ полною жизнью, но у котораго настоящее уже интересно какъ шагъ, какъ переходъ къ прекрасному будущему, у котораго это будущее еще въ зародышѣ, еще въ зернѣ, но уже такъ богато надеждами... Потòмъ, если онъ поэтъ, поэтъ истинный, то не долженъ-ли сочувствовать своему отечеству, раздѣлять его надежды, болѣть его болѣзнями, радоваться его радостями?... Кто не согласится съ этимъ, кто будетъ противорѣчить этому?—И такъ спрашиваю: можетъ-ли истинный русскій поэтъ не быть русскимъ поэтомъ, русскимъ не по одному рожденію, а по духу, по складу ума, по формѣ чувства, какъ бы ни глубоко былъ онъ проникнутъ европеизмомъ?—Да, почтеннѣйшій издатель, если поэтъ владѣетъ истиннымъ талантомъ, онъ не можетъ не быть народнымъ, лишь бы только творилъ изъ души, а не мудрилъ умомъ, не бралъ работою?... Возьмите Крылова: оставляя покуда въ сторонѣ вопросъ о баснѣ, какъ художественномъ произведеніи, и смотря на него самаго, даже не какъ на поэта, а какъ на краснобая, не видите-ли вы въ немъ чистѣйшей народности, безъ всякой примѣси тривіальности; не доказывается-ли его народность, и живымъ сочувствіемъ къ нему народа русскаго, и его непереводимостью ни на какой языкъ въ мірѣ? — Теперь, возьмемъ другую сторону, совершенно противоположную этой, возьмемъ „Онѣгина", лучшее произведеніе Пушкина: развѣ эта Татьяна, Ольга, этотъ Ленскій, эти старики Ларины, эти провинціяльныя фигуры, Буяновы, Пѣтушковы,

Зарѣцкіе, самый Онѣгинъ—развѣ они, будучи лицами типическими, человѣческими и, слѣдовательно, всемірными, не принадлежатъ исключительно къ русскому міру, не взяты изъ русской жизни; развѣ, перемѣнивъ имъ имена на Адольфовъ, Генріеттъ, Эрнестовъ, Амалій, вы не уничтожите ихъ смысла, ихъ значенія?—Но—скажутъ, можетъ быть, иные—это доказываетъ только, что поэтъ, зная хорошо свое общество, вѣрно описалъ его, а не то, чтобы онъ былъ народенъ, потому что онъ также бы вѣрно могъ описать и нѣмецкое общество, слѣдовательно народность состоитъ во взглядѣ на вещи и формахъ проявленія чувствъ и мыслей!—Такъ, милостивые государи, вы почти правы, но вотъ въ чемъ дѣло; могъ-ли-бы поэтъ вѣрно описать свое общество, еслибъ онъ не симпатизировалъ ему, еслибъ не былъ участникомъ его жизни, повѣреннымъ его тайнъ? Если-жъ онъ также вѣрно могъ изобразить какой-нибудь эпизодъ изъ европейской жизни, это значитъ только, что мы, русскіе, также причастны и европейской жизни, какъ своей собственной. Что касается до народности собственно поэта, то вамъ стоитъ только попристальнѣе вглядѣться въ „Онѣгина", чтобы въ мысляхъ и чувствахъ самаго автора увидѣть всѣ элементы народности; чтобы признать, что только русскій поэтъ, и притомъ въ извѣстный моментъ русской жизни, могъ такъ мыслить и чувствовать и такъ выражать свои мысли и чувства! — Наконецъ, возьмемъ еще третью сторону, совершенно не похожую на обѣ первыя, возьмемъ сочиненія г. Гоголя. Въ нихъ поэтизируется по большей части жизнь собственно народа, жизнь массы, и автору очень естественно было-бы впасть въ простонародность, но онъ остался только народнымъ, и въ томъ же самомъ смыслѣ, въ которомъ народенъ Пушкинъ. Отчегожъ это? Оттого что г. Гоголь поэтъ, что онъ владѣетъ высокимъ и могучимъ талантомъ; оттого что въ его описаніи какой-нибудь глупой ссоры двухъ идіотовъ, или пошлой жизни двухъ простаковъ, я вижу взглядъ на жизнь, взглядъ грустно-шутливый; я воображаю, сколько въ мірѣ людей, которыхъ жизнь проходитъ въ мелочахъ эгоизма, въ ѣдѣ, питьѣ и спаньѣ, и которые думаютъ, что они живутъ и дѣлаютъ должное; воображаю, и мнѣ становится грустно... Самыя такъ называемыя сальности и плоскости, которыя у всякаго другаго былибъ неминуемо отвратительны, въ повѣстяхъ г. Гоголя отличаются какою-то граціею, смягчаются какою-то наивностью; встрѣчая самыя рѣзкія изъ нихъ, вы прощаете ихъ автору, какъ прощаете гримасу прекрасной и любимой женщинѣ! — Что-же слѣдуетъ изъ всего этого? А то, что у кого есть талантъ, кто поэтъ истинный, тотъ не можетъ не быть народнымъ!—[377])

Но у кого нѣтъ таланта, и кто захочетъ быть народнымъ, тотъ всегда будетъ простонароднымъ и тривіяльнымъ; тотъ, можетъ быть,

вѣрно спишетъ всю отвратительность нисшихъ слоевъ народа, кабака, площади, избы, словомъ, черни [378]), но никогда не уловитъ жизни народа, не постигнетъ его поэзіи. Самымъ лучшимъ и самымъ живымъ доказательствомъ этой истины можетъ служить г. Ушаковъ. Онъ народенъ въ пошло-понимаемомъ смыслѣ этого слова, но избавь насъ Богъ отъ такой народности—она и такъ ужъ надоѣла намъ!— Оставляя въ покоѣ народность твореній г. Ушакова, я покажу здѣсь только ихъ провинціяльность и, слѣдовательно, ихъ важность для „Библіотеки для Чтенія". Очень жалѣю, что у меня нѣтъ теперь подъ рукой той книжки „Библіотеки", гдѣ помѣщена повѣсть г. Ушакова „Сельцо Дятлово". То-то славная, то-то чудная повѣсть! Вотъ ужъ истинно народная и совершенно провинціяльная! Въ ней описывается прежалостная исторія, а провинція такъ любитъ жалостныя исторіи; развязка ея счастливая, а провинція еще больше любитъ счастливыя развязки. Если я только не совсѣмъ забылъ, то дѣло, изволите видѣть, вотъ въ чемъ: одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ сиротокъ, мальчика и дѣвочку; едва дѣвочка успѣла сдѣлаться дѣвушкою, какъ злодѣй лишилъ ее невинности. Она отъ него, кажется, скрылась, и пропала изъ глазъ его лѣтъ на десять. Чтоже? Онъ, кажется, опять пошелъ служить и, мучимый совѣстью, искалъ свою жертву, чтобъ какъ-нибудь загладить свое преступленіе. Наконецъ, будучи уже маіоромъ, узналъ ее въ толстой богатой вдовѣ-купчихѣ, женился на ней, началъ пить вмѣстѣ ерофеичъ, браниться съ ней по военному, а она съ нимъ по купечески; иногда доходило и до драки: онъ, какъ водится, справлялся съ своею дражайшею половиною кулаками и пинками, а она, какъ водится, отдѣлывалась отъ аттакъ своего сожителя когтями и ухватами; проспавшись, они мирились, и такимъ образомъ въ мирѣ и любви прожили до глубокой старости. Братъ ея былъ отданъ въ полкъ, и старый маіоръ писалъ къ нему поучительныя посланія, исполненныя нравственности овощныхъ лавочекъ, отличавшіяся канцелярско-мѣщанскимъ слогомъ. Все это у г. Ушакова ужасть какъ мило и занимательно и поучительно для всѣхъ вообще читателей, для провинціяльныхъ въ особенности. Потомъ, въ седьмой книжкѣ „Библіотеки" уже за прошлый годъ безъ васъ, помѣщена другая повѣсть г. Ушакова: „Піюша"; эта повѣсть названа почтеннымъ авторомъ каррикатурою, и названа такъ не безосновательно. Ею-то займусь я здѣсь въ особенности, потому что она для васъ должна быть новостью.

Былъ жилъ въ Москвѣ Тихонъ Михеевичъ, сынъ небольшаго чиновника, который оставилъ своему сыну душъ съ полсотни, плодъ взяточничества. Хотя почтенный г. Ушаковъ и не скрываетъ отъ своихъ читателей, что батюшка героя его повѣсти былъ воръ, однако

замѣчаетъ, что онъ „пользовался разположеніемъ и одобреніемъ своихъ покровителей, дружбою своихъ товарищей и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его“. Послѣ чего почтеннѣйшій г. Ушаковъ съ удивительною наивностію прибавляетъ: „этотъ капиталецъ стóитъ нѣсколькихъ ревижскихъ душъ!“ Нечего сказать—хорошъ капиталецъ, хороша и логика!... Тихонъ Михеевичь до сорока пяти лѣтъ волочился за дѣвушками, но шутницы всегда измѣняли ему, и онъ послѣ каждой измѣны со вздохомъ восклицалъ: „ахъ измѣнницы!“ Когда-жъ ему минуло сорокъ пять лѣтъ, онъ не шутя задумалъ жениться на кубической. или, какъ замѣчаетъ остроумный авторъ, эллипсоидической дурищѣ, Липашѣ. Не смотря на то, что Тихонъ Михеевичь не зналъ „французскаго языка и теорій изящнаго, онъ зналъ хорошо дѣла, любилъ чтеніе, въ особенности былъ страстенъ къ стихамъ, говорилъ хорошо, судилъ здраво и мастерски писалъ дѣловыя бумаги“. Мы должны прибавить еще, что онъ не только былъ мастеръ на дѣловыя бумаги и любилъ стихи, но и самъ былъ въ душѣ глубокой поэтъ, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее четверостишіе его работы, сдѣланное имъ для своей глупой и уродливой невѣсты:

Кривошеина прелестна;
Льзя-ль тебя мнѣ не любить?
Безъ тебя въ груди мнѣ тѣсно;
Не могу тебя забыть.

Не смотря на то, что Тихонъ Михеевичь былъ чрезвычайно смѣшной и уродливый наружности, длиненъ до нельзя ростомъ, „онъ былъ человѣкъ умный, добрый и честный“. Не правда-ли, что такой герой для провинціяльной повѣсти лучше всякаго Ахила и Джяура? Не правда-ли также, что для столицы онъ рѣшительно не годится?—О! „Библіотека“ знаетъ, какія нужны для провинціи повѣсти, а г. Ушаковъ знаетъ, какія нужны для „Библіотеки“ повѣсти!...

Тихонъ Михеевичь женился, и вышла прекрасная пара: жена была мала ростомъ и толста, за то мужъ былъ длиненъ и худощавъ; оба были глупы, какъ не льзя больше, и мужъ съ большимъ резономъ могъ-бы пропѣть этотъ куплетъ изъ одной старинной пѣсни:

Ѳекла ты каррикатура,
Гуръ [1]), нетесаный чурбакъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ!

Женясь, наши дурачки такъ разнѣжились, что жена мужа стала называть *Тишею*, а мужъ жену *Піюшею*, и вотъ отчего повѣсть получила названіе „Піюши“, это же слово произведено отъ Олимпіяды,

[1]) По Далю - индюкъ, индѣйскій пѣтухъ. *С. В.*

а не отъ пьяницы (Піюша уже въ послѣдствіи сдѣлалась пьяницей, когда, къ немалому удовольствію своего сожителя, пристрастилась къ пиву). Какъ любилъ Тихонъ Михеевичь свою дражайшую половину, Боже мой, какъ онъ любилъ ее! Она была его утѣхою, радостью, игрушкою; она бросалась со всего размаха на его тощія ноги, прыгала ему на шею, скакала по комнатѣ, такъ что дребезжали окна. Но земное счастье не прочно, рано или поздно, а долженъ-же быть ему конецъ, и онъ насталъ, этотъ роковой конецъ, счастію нѣжнаго мужа. И что лишило блаженства добраго Тихона Михеевича: болѣзнь или смерть жены, чума или холера? О, нѣтъ все не то! вѣкъ будете думать, а все не придумаете; только чудотворная фантазія г. Ушакова могла изобрѣсть такую ужасную и непредвидѣнную катастрофу супружескаго счастія. Слушайте—и дивитесь-дивитесь, какъ изобрѣтательна, какъ смѣла бываетъ провинціяльная фантазія...

Однажды, когда Тихонъ Михеевичь сидѣлъ въ туфляхъ, во фланелевой фуфайкѣ, и любовался, какъ прыгала его ненаглядная Піюша, а она, говоритъ авторъ, „прыгала такъ увѣсисто, что каждымъ ея прыжкомъ можно было вколотить сваю на вершокъ“, ему вдругъ пришла въ голову охота запищать:

— Піюша! Піюшечка моя! Піюсеночикъ!

— Ну, что?

— Дай мнѣ табачку понюхать, моя милочка!

— Вишь какой! лѣнь самому встать!

— Изъ твоихъ пальчишечекъ мнѣ пріятнѣе, мой котеночекъ!

— Хорошо! хорошо!

И Піюша сунула ему табаку въ носъ.

— Какъ пріятно! какъ вкусно! говорилъ Тиша, протягивая губы къ толстымъ пальцамъ Піюши. Любишь-ли ты меня?

— Люблю.

— А вотъ, сейчасъ узнаемъ!.. А... а... а... а... чихъ!.. правда! правда!

— Ну такъ не люблю!

— Не любишь?.. Нѣтъ неправда. Не чихается!

— Понюхай еще!

И Піюша забила ему такую щепоть, что Тиша еще не донюхавши разчихался.

— Ха, ха, ха! Вотъ видишь!

— По... постой... а... чихъ!.. а... пос... той!.. Вотъ... а... чихъ!.. Вотъ я тебя!

— Я убѣгу!

— А я поймаю!

И Тихонъ Михеевичь, расширивъ руки и ноги въ сажень, началъ передвигаться на право и на лѣво, ловя Піюшу, которая такъ прыгала, что стѣны дрожали.

— Поймалъ, поймалъ!.. Постой же, подъ арестъ тебя, подъ караулъ!

Онъ усадилъ ее въ небольшія кресла, или табуретъ, стоявшій въ углу.

— Сиди тутъ! Смирно!.. Пока я не позову. Смирно!

И, скорчившись, онъ началъ пятиться до самой двери, приговаривая:

сидѣть! сидѣть!—Тутъ онъ, все скорчившись, приподнялъ обѣ ладони противъ лица, и началъ манить пальцами, крича: цыпъ, цыпъ, цыпъ, сюда, сюда!

На этотъ крикъ Піюша вскочила и побѣжала.

— Ахъ!

— Что случилось?

— Ахъ!.. ой!..

Случилась бѣда, и какая бѣда! Вотъ здѣсь-то надо видѣть всю широту, всю размашистость кисти г. Ушакова, и удивляться ей! Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ ужъ извѣстно, что Тиша посадилъ свою Піюшу въ табуретъ, который былъ съ ручками, какъ кресла, и такъ какъ содержащее было ограниченнѣе содержимаго, то, когда Піюша побѣжала къ мужу, содержащее какъ будто обхватило содержимое и приросло къ нему. Какая картина! Дорого-бы я далъ, чтобъ увидѣть ее въ натурѣ! О, г. Ушаковъ обладаетъ изобрѣтательнымъ геніемъ! Не всякому-бы пришла въ голову такая чудная идея! —

Піюша разсердилась и назвала своего мужа „толстолапымъ медвѣдемъ". Въ дверяхъ раздался хохотъ, излетавшій изъ горла молодаго человѣка съ усами, отвратительно нахальнаго вида. Это былъ Виссаріонъ Кривошеинъ, двоюродный братъ Піюши. Чудное лице этотъ Виссаріонъ Кривошеинъ, или попросту Висяша! Онъ злодѣй — что̀ передъ нимъ Францъ Мооръ? въ ученики не годится. Да, фантазія Шиллера должна замерзнуть передъ фантазіей г. Ушакова! Вы не можете представить, какъ я радъ, что русскій поэтъ побѣдилъ нѣмецкаго. А вѣдь, знаете-ли что? одна и таже причина произвела Франца Моора и Висяшу Кривошеина—ненависть къ пороку! Висяша былъ облагодѣтельствованъ отцемъ Піюши, который его, сироту, выучилъ *„франиузскому языку и другимъ наукамъ"*, и отдалъ въ университетъ. Висяша не учился, пилъ и буянилъ въ трактирахъ, за что и былъ исключенъ изъ университета; но ни сколько не унылъ отъ этого, а только назвалъ съ презрѣніемъ своихъ наставниковъ „отсталыми". Потомъ онъ поступилъ въ военную службу, кое-какъ дослужился до офицерскаго чина, послѣ чего былъ выгнанъ и изъ военной службы за свое нахальство и дерзость. Потомъ обаялъ своими дерзкими сужденіями одного помѣщика, который возымѣлъ высокое понятіе о его достоинствалъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей; но такъ какъ Висяша сдѣлалъ ихъ негодяями, то и былъ выгнанъ изъ дому. Эта исторія повторилась съ нимъ и въ другомъ домѣ. Не правда-ли что Висяша мерзкій, негодный человѣкъ? Впрочемъ, не удивительно, что онъ былъ такимъ: „Висяша судилъ и рядилъ о Фихте и о Гегелѣ, и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ *Я*". Теперь дѣло,

кажется, очень ясно: можетъ-ли быть не буяномъ, не пьяницею и не нахаломъ человѣкъ, который читаетъ Фихте, Гегеля и Шеллинга, разсуждаетъ объ идентитетѣ и о *Я?..*

Почтеннѣйшіе, за что такая ненависть къ философіи? Или—*хорошъ виноградъ, да зеленъ—набьешь оскомину?*—Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глаза въ верхъ, если только вы можете поднимать ихъ вверхъ, и узнайте, что на этомъ-то дубѣ растутъ ваши желуди...

Обратимся къ Висяшѣ. Ему нечего было ѣсть, онъ вспомнилъ, что его кузина вышла замужъ за достаточнаго человѣка, и отправился къ ней. Онъ былъ принятъ Тишею радушно, Піюшею тоже, и, въ благодарность, началъ толковать Тишѣ, что онъ живетъ для того только, чтобъ жить, и пр., а Піюшу сталъ вразумлять, что ея мужъ дуракъ. Потомъ сманилъ Піюшу и увезъ это сокровище отъ его обожателя, Тиша съ горя умеръ, и пр. и пр.

Чтожъ за идею хотѣлъ выразить г. Ушаковъ своимъ Висяшею? А вотъ какую:

Мой Висяша существо не выдуманное и не заимствованное изъ каррикатуры Гюи-де-Кари. Нѣтъ, онъ существуетъ и духомъ и плотью, но существуетъ не въ одномъ лицѣ, а въ тысячѣ, въ сотняхъ тысячь лицъ. Геніемъ царитъ онъ надъ просвѣщенною Европою, и силится доказать, что онъ не болѣе и не менѣе, какъ духъ времени, представитель успѣховъ разума новѣйшаго и лучшаго поколѣнія.

Но, чтожъ тутъ худаго? Если такъ, то, право, Висяша славный малой, и мы не понимаемъ ненависти къ нему почтеннаго г. Ушакова. Но, постойте, я сейчасъ найду ключь къ разрѣшенію этого недоразумѣнія.

Висяша теперь всѣмъ недоволенъ, даже и тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Такъ, почтенный читатель, когда вы въ театрѣ, сидя въ креслахъ, съ удовольствіемъ смотрите на пьесу и на игру актеровъ, и слышите, что позади васъ кто-то ропщетъ, презрительно насмѣхается, и говоритъ въ полголоса, порусски: что за мерзость! пофранцузски: quelle horreur! вы, не оглядываясь, знайте, что за вами сидитъ Висяша. Когда вы читаете хорошую книгу и, наслаждаясь ею въ душѣ, говорите спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ таже книга оцѣнена ниже поношеныхъ лаптей, повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею.

А такъ вотъ что! Вотъ въ чемъ вся бѣда то! Понимаемъ!.. Г. Ушаковъ теперь ужъ не критикъ, не рецензентъ; это ремесло не далось ему, и онъ оставилъ его; онъ теперь писатель, онъ ужъ не судья, а подсудимый! Конечно, чего бояться хорошему автору? Какъ-бы ни была злонамѣренна критика, но она никогда не уронитъ хорошаго сочиненія, особенно художественнаго. Вѣдь и на Байрона нападали съ ожесточеніемъ, Вѣдь и Гете преслѣдовали запальчиво, а всетаки Байронъ остался Байрономъ, а Гете—Гете. Зачто-жъ это

ожесточеніе противъ рецензентовъ? Не есть-ли это сознаніе своей посредственности, ропотъ авторитета, чувствующаго свое паденіе?.. Ктому-же, давно-ли почтенный г. Ушаковъ былъ такимъ грознымъ, такимъ неумолимымъ гонителемъ бѣднаго нашего театра? Давно-ли онъ былъ такимъ неутомимымъ рыцаремъ противъ классиковъ и осыпалъ ихъ, бѣдныхъ, съ ногъ до головы, картечью своихъ *тяжело-словенскихъ* остротъ, за неимѣніемъ чисто-русскихъ?.. Что-жъ это такое? Или сознаніе несправедливости своихъ прежнихъ мнѣній?.. Нѣтъ! не то означаетъ это отступничество отъ самаго себя, это возвращеніе къ классицизму, это покровительство посредственности; тутъ есть двѣ другія причины; первая: г. Ушаковъ увидѣлъ, что онъ, въ излишней запальчивости, колотилъ *своихъ;* вторая: онъ хотѣлъ написать повѣсть для „Библіотеки" и, слѣдовательно, для провинціи; и тутъ и тамъ онъ, вѣроятно, успѣлъ. И такъ, поздравляемъ!.. [379]).

Есть еще въ „Библіотекѣ" курьозная повѣсть „Бѣда, еслибъ не Медвѣдь": съ этою я познакомлю васъ какъ можно короче.

Прапорщикъ Рамирскій влюбился въ княгиню Златопольскую, прекрасную и молодую вдову. Будучи семнадцати лѣтъ, прелестная Марія вышла за семидесятилѣтняго скареда. Мужъ ея вскорѣ заболѣлъ, а она передъ его смертью уѣхала въ Италію. Въ ея отсутствіе вкралась въ довѣренность издыхающаго скелета капитанша Дарья Климовна Борщъ, и вслѣдствіе ея плутней, князь сдѣлалъ такое завѣщаніе, что если княгиня выйдетъ замужъ по выбору капитанши, то наслѣдуетъ милліонъ двѣсти тысячь, въ противномъ-же случаѣ, должна удовольствоваться только стами тысячами, а остальныя пойдутъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Капитанша имѣла очень важную причину способствовать такому распоряженію со стороны стараго сластолюбца: у ней былъ племянникъ въ родѣ Митрофанушки, и за него-то прочила она княгиню. Эта, разумѣется, отказалась, взяла свои сто тысячь, и очень скоро ихъ промотала. Между тѣмъ ея любезный Рамирскій возвратился изъ польской кампаніи уже поручикомъ, увѣшанный орденами, и началъ наступательно требовать руки княгини. Княгиня рѣшилась застрѣлиться, а передъ смертью задать пиръ на славу. Надобно сказать, что у капитанши былъ задушевный другъ, маіоръ Фролъ Силычъ Торопенко, который питалъ удивительную симпатію къ скотамъ и любилъ ихъ выкармливать; такъ выкормилъ онъ медвѣженка и тайкомъ отъ капитанши держалъ его въ домѣ. Капитанша, напившись шампанскаго до несостоянія держаться на своихъ капитанскихъ ногахъ, и намазавъ себѣ щеки мастикою своего изобрѣтенія, растворенною въ меду, легла въ комнатѣ, смежной съ комнатою маіора. Вдругъ раздался крикъ: спасите!

спасите!.. умираю!—Въ комнату ввалила толпа, а съ нею и Рамирскій—и что-жъ представилось изумленнымъ глазамъ зрителей?

Одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ частной жизни. Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики, изволилъ облапить Дарью Климовну, и прехладнокровно облизывалъ ея тучныя ланиты.

Какова сцена?.. И для кого она?.. Ужъ, конечно не для столицы, а для провинціи!—Но посмотримъ, чѣмъ кончилось дѣло?

Рамирскій бросился въ комнату княгини, которой онъ отдалъ на сохраненіе свои пистолеты. Вбѣгаетъ, что-жъ? Княгиня лежитъ на полу, распростертая передъ образомъ, а подлѣ ней, на полу, пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ. Ужасъ, да и только! Женщина, которая, первая изъ своего пола, хочетъ попробовать застрѣлиться!—Очевидно, что и этотъ эффектъ совершенно въ провинціяльномъ духѣ, потому-что и провинціяльное воображеніе тоже находитъ неизъяснимую, таинственную прелесть въ ужасномъ (ужасномъ въ его вкусѣ).

А потомъ что? Разумѣется, Рамирскій заставилъ капитаншу дать слово, что она не будетъ противорѣчить княгинѣ въ выборѣ жениха, и застрѣлилъ медвѣдя. Ужасть, какъ мило и затѣйливо!

Въ этой-же повѣсти, авторъ, описывая Петергофскій праздникъ перваго іюля, и замѣчая, что въ этотъ день, въ Петергофѣ, заняты людьми даже щели, говоритъ:

Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Кокомъ.

Жаль, право, жаль! А это-бы очень пригодилось для „Библіотеки“ и, слѣдовательно, для провинцій.

Читали-ль вы еще остроумную повѣсть г. Тимофеева „Утрехтскія Происшествія“? Очень занимательная повѣсть: въ провинціяхъ, я думаю, всѣ безъ ума отъ ней. Въ ней описанъ бунтъ женщинъ противъ мужчинъ, которыхъ онѣ, при помощи какой-то волшебницы, спровадили подъ землю. Но что-жъ вышло? Женщины скоро возчувствовали необходимость мущинъ и поняли ихъ значеніе; перессорились между собою изъ лоскутковъ, раздѣлились на двѣ партіи; дѣло дошло до генеральнаго сраженія, обѣ враждующія стороны явились на мѣсто битвы съ оружіемъ въ рукахъ, но бросили это оружіе, а вцѣпились другъ другу въ волосы и принялись въ потасовку. Здѣсь авторъ весьма основательно удивляется силѣ природы. Дѣло кончилось тѣмъ, что мущины были возвращены. Какая злая и умная насмѣшка надъ Сен-Семонистами и надъ госпожею Дюдеванъ!..

Приведу еще примѣръ, который, какъ самый сильный, я съ умысломъ берегъ къ концу, чтобъ оправдать пословицу: „конецъ вѣнчаетъ дѣло“. Есть въ „Библіотекѣ“ повѣсть г. Шидловскаго: „Уѣздная

Казначейша“. Въ этой повѣсти между прочимъ повѣствуется, какъ толпа гулявшихъ вечеромъ по городу дамъ и кавалеровъ шла мимо казначеева огорода, плетень котораго во многихъ мѣстахъ обвалился, шла въ то время, когда, въ огородѣ, въ густой и высокой крапивѣ, казначейша объяснялась въ любви какому-то мелкому уѣздному чиновнику, и какъ любопытная исправница, смекнувъ дѣломъ, поползла на четвереренькахъ, чтобъ поближе разсмотрѣть неясно представлявшійся вечеромъ предметъ, и какъ собесѣдникъ казначейши влѣпилъ исправницѣ въ лобъ полѣно....

Но я чувствую, что зашелъ далеко, что слишкомъ глубоко разрылъ эту кучу перепрѣлаго и фосфорическаго навоза, что моимъ читателямъ можетъ сдѣлаться дурно; но я не виноватъ въ этомъ, я не выдумываю, а только представляю экстракты изъ тѣхъ *изящныхъ* произведеній, которыми *лучшій* русскій журналъ подчуетъ *нашу* публику....

(*опять до слѣдующей книжки*).

Ничто о Ничемъ
или
ОТЧЕТЪ Г. ИЗДАТЕЛЮ „ТЕЛЕСКОПА“
за послѣднее полугодіе
(1835)
Русской Литературы
(*окончаніе*).

Перехожу къ отдѣленію „Иностранной Литературы“ въ „Библіотекѣ“. Это почти тоже, что̀ отдѣленіе „Русской Литературы“. Всѣ иностранныя повѣсти, подобно русскимъ, отъ первой строки до послѣдней, проникнуты провинціялизмомъ. Все, что̀ составляетъ послѣдніе ряды французской литературы, все, что̀ составляетъ балластъ французскихъ, иногда и англійскихъ журналовъ, что̀ чуждо всякой изящности, что́ отзывается пустотою, посредственностью, мѣлочностью, и что̀ отзывается провинціяльнымъ остроуміемъ, провинціяльною забавностью, все это переводится въ „Библіотекѣ“. Тщетно стали бы вы искать въ этихъ повѣстяхъ анализа души и сердца человѣческаго, идей вѣка, взгляда на жизнь, глубокаго чувства, роскошной фантазіи; тщетно стали-бы вы искать между этими повѣстями такой, которая бы заставила васъ или воскликнуть въ порывѣ восторга: „прекрасна жизнь!“ или воскликнуть въ тоскѣ: „скучно жить на свѣтѣ!“ Скорѣй вы воскликните, прочтя нѣсколько переводныхъ повѣстей „Библіотеки“: „скучно читать повѣсти въ „Библіотекѣ“, очень скучно!“... Такъ какъ я обѣщался ничего не говорить безъ доказательства, все подкрѣплять фактами, то приведу

примѣра два, какъ ни скучно и ни тяжело для меня это. Въ одной, напримѣръ, повѣсти описывается, какъ одинъ чудакъ купилъ себѣ домъ, которымъ не могъ нарадоваться. Въ самомъ дѣлѣ, домъ былъ настоящее чудо, да вотъ бѣда, что онъ стоялъ на какомъ-то перекрестномъ пунктѣ, котораго не льзя было миновать, куда-бы вы ни ѣхали изъ тѣхъ мѣстъ, куда вамъ надо ѣздить, и, вслѣдствіе этого, къ чудаку стали заѣзжать въ гости и его и женнина родня, и оставались у него по недѣлѣ и больше, чѣмъ, разумѣется, и раззоряли его и надоѣдали ему безмѣрно, такъ что онъ принужденъ былъ бросить свой домъ. Чудная, прелюбопытная и препоучительная повѣсть!— Въ другой описывается, какъ одинъ французъ, начитавшись въ „путешествіяхъ" о прекрасныхъ чугунныхъ дорогахъ, о превосходныхъ паровыхъ дилижансахъ, объ отличныхъ трактирахъ въ Англіи, рѣшился посмотрѣть все это собственными глазами, и что-жъ?.. Вмѣсто прекрасныхъ чугунныхъ дорогъ, онъ нашелъ мерзкую, тряскую, изрытую рытвинами дорогу; вмѣсто превосходныхъ паровыхъ дилижансовъ, онъ принужденъ былъ ѣхать въ одной повозкѣ, въ которой избилъ себѣ голову и намялъ бока, на тощихъ клячахъ, которыя, ступивши два шага впередъ, отступали шагъ назадъ; вмѣсто отличныхъ трактировъ, онъ провелъ часовъ шесть въ вонючей крестьянской лачугѣ, гдѣ чуть-было не умеръ съ голоду. Вотъ и все тутъ. Какое-же слѣдствіе долженъ вывести провинціяльный читатель изъ этой повѣсти? А то, что чугунныя дороги Англіи существуютъ только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", и что *славны бубны за горами!* — Вообще надо замѣтить, что эта поговорка принята „Библіотекою" за тезисъ, который она и развиваетъ самымъ ловкимъ образомъ. Провинція этому сочувствуетъ, это ободряетъ, и не удивительно: человѣкъ безграмотный съ особеннымъ удовольствіемъ слушаетъ брань на грамотность, потому-это эта грамотность есть позоръ и безславіе. Льстить толпѣ всего выгоднѣе, это игра навѣрняка. Кажется, „Библіотека" очень хорошо поняла эту истину. И за то, мнѣ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что „Библіотека" проникла даже въ такія мѣста, куда едва проникали доселѣ азбуки и календари. И такъ, честь и слава ея ловкости, ея дѣятельности!...

За отдѣленіемъ русской и иностранной словесности слѣдуетъ въ „Библіотекѣ" ученое отдѣленіе, подъ рубрикою „Науки и Художества". Это отдѣленіе самое лучшее: въ немъ встрѣчаются иногда статьи истинно заслуживающія вниманія, истинно прекрасныя и любопытныя. Разумѣется, лучшія изъ этихъ статей, по бо̀льшей части, переводныя; но случаются иногда хорошія и изъ оригинальныхъ. Такъ, напр. мы прочли нѣсколько занимательныхъ и мастерски написанныхъ отрывковъ изъ „Записокъ Дениса Васильевича Давыдова";

прочли статью, кажется, подъ названіемъ „Воспоминанія о Сиріи", статью интересную, живую, проникнутую чувствомъ. Говорятъ, что сочинитель ея есть не кто иной, какъ редакторъ „Библіотеки" [380]): мнѣ до этого нѣтъ дѣла; чья-бы ни была статья, она прекрасна, этого для меня довольно. И такъ, отдѣленіе „Наукъ и Художествъ" есть лучшее въ „Библіотекѣ", но оно имѣетъ одинъ недостатокъ и очень важный: къ этому отдѣленію не льзя имѣть полной довѣренности, по-крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ переводнымъ статьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если читателямъ этого журнала извѣстно, что онъ не только поправляетъ и передѣлываетъ Бальзака, но даже укорачиваетъ выпусками и оригинальныя статьи, какъ то было сдѣлано имъ съ статьей г. Шевырева „Сикстъ V", то кто-жъ имъ поручится, что, читая статью иностраннаго ученаго, они получаютъ понятіе о взглядѣ на извѣстный предметъ этого ученаго, а не какого-нибудь неизвѣстнаго (или, пожалуй, и извѣстнаго) рыцаря, который изъ-за знаменитаго имени выставляетъ имъ свою не знаменитую личность?... Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что всѣ статьи „Библіотеки", ученыя и неученыя (исключая немногихъ оригинальныхъ), отличаются какимъ-то общимъ характеромъ и во взглядѣ и изложеніи, а этотъ общій характеръ отличается какимъ-то провинціяльнымъ брамбеизмомъ. Такая манера намъ кажется очень недобросовѣстною. Возьму, для примѣра, повѣсть Бальзака „Дѣдъ Горіо". Для кого переводятся въ журналахъ иностранныя повѣсти? Для людей, или не знающихъ иностранныхъ языковъ, или знающихъ, но не имѣющихъ средствъ пользоваться иностранными книгами. Теперь, для чего эти люди читаютъ иностранныя повѣсти? Я думаю, не для одной забавы, даже и не для одного эстетическаго наслажденія, но и для образованія себя, чтобъ имѣть понятіе, что̀ пишетъ тотъ или другой иностранный писатель, и какъ пишетъ? Какое-же понятіе получаетъ онъ о Бальзакѣ, прочтя его повѣсть въ „Библіотекѣ"? — Но „Библіотекѣ" до этого нѣтъ дѣла: она себѣ на умѣ, она смѣло придѣлываетъ къ „Старику Горіо" пошло-счастливое окончаніе, дѣлая Растиньяка милліонеромъ, она знаетъ, что провинція любитъ счастливыя окончанія въ романахъ и повѣстяхъ. Напротивъ, если она встрѣчаетъ въ иностранной статьѣ какую-нибудь плоскость во вкусѣ провинціи, то не выпуститъ ее; нѣтъ! она скорѣй еще свою прибавитъ. Такъ, въ шестой книжкѣ этого журнала, въ отдѣленіи „Иностранной Словесности" есть статья, очень забавная и занимательная „Амброзіянскія Ночи". Въ ней двое пріятелей, Скотоводъ и Нортъ, разговариваютъ о безсмертіи души, а потомъ переходятъ къ переселенію душъ, и Скотоводъ сказалъ, что прежде, чѣмъ сдѣлался

Скотоводомъ, онъ былъ львомъ, и очень мило началъ разсказывать исторію своей львиной жизни:

Нортъ. Скажи, пожалуй, правда-ли, что левъ предпочитаетъ человѣчье мясо всякому другому, и, отвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлается антропофагомъ?

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлаться и можетъ не дѣлаться антропофагомъ, потому что я не знаю, что̀ такое антропофагъ. Что касается до предпочтенія, оказываемаго имъ человѣческому мясу, то это много зависитъ отъ его качества и доброты. Я, напримѣръ, никогда не могъ безъ принужденія съѣсть старой бабы, какъ-бы она жирна ни была, не говоря ужъ о старикахъ. *A la longue*, предпочиталъ я серну даже самой молоденькой и мягкой дѣвушкѣ. Дѣвчатина хороша въ двѣ, въ три недѣли разъ, а всякой день надоѣстъ до смерти...

Спрашивается: для кого, какъ не для провинціи, переведена, или, что́ вѣроятнѣе, придѣлана послѣдняя фраза?...

Но я началъ говорить объ ученомъ отдѣленіи „Библіотеки"; возвращаюсь къ нему, чтобы сказать слова-два объ одной изъ его статей: „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку". Это статья оригинальная, мы даже знаемъ, кому она принадлежитъ, хотя подъ ней и не стоитъ никакого имени [381]). Странно заглавіе этой статьи, но еще страннѣе ея содержаніе, и еслибы я не напалъ на счастливую идею основанія, цѣли, усилій и успѣховъ „Библіотеки", выражаемыхъ однимъ словомъ „провинція"—то былъ-бы принужденъ возложить на свои уста перстъ молчанія и сознаться, что умъ мой сталъ коротокъ, или, другими словами, сѣлъ на пятки. Но Аллахъ-керимъ! теперь я догадался, такъ ничему не дивлюсь, и все понимаю. Знаете-ли вы, Николай Ивановичь, какая главная, основная мысль этой статьи?... А вотъ какая: всѣ путешественники по Востоку врутъ и порютъ дичь, не понимая въ особенности Турціи, и именно не догадываясь, что Турція въ тысячу разъ цивилизованнѣе и образованнѣе Европы, что она пользуется не искусственною, фальшивою цивилизаціею, а истинною, основанною на нравственномъ достоинствѣ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ эту имперію... Мысль, по истинѣ, смѣлая и совершенно новая!... Знаете-ли, что́ было-сдѣлала со мной эта статья? Меня уже одинъ разъ и такъ обвиняли въ *ренегатствѣ*, какъ вамъ извѣстно, и обвиняли напрасно [382]); но когда я прочелъ эту статью, то —дивитесь—чуть-было и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлался ренегатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и чуть было не укатилъ въ благословенную Турцію... Правда, мнѣ хорошо, очень хорошо и въ своемъ отечествѣ; правда, живя въ немъ, я каждый вечеръ засыпаю спокойно, въ полной увѣренности, что встану поутру живъ, что, если могу умереть ночью, то по волѣ

Божіей, а не по прихоти или злобѣ людской; правда, я всегда смѣло хожу по улицамъ, не боясь, что меня кто-нибудь хватитъ кинжаломъ въ бокъ, да и былъ таковъ, или что начальникъ города велитъ посадить меня на колъ для своего удовольствія, или отдуть по пятамъ для наставленія на путь истинный; правда, я всегда увѣренъ, что если буду вести себя какъ слѣдуетъ благородному человѣку и не буду мѣшаться не въ свои дѣла [383]), то никогда не узнаю даже, чтó такое заключеніе, тюрьма. Да! все это я знаю и во всемъ этомъ сердечно увѣренъ; но страна, гдѣ люди всѣ справедливы въ высшемъ значеніи этого слова, гдѣ они не дѣлаютъ зла, не потому, чтобы боялись наказанія, а потому что ненавидятъ зло... спрашиваю васъ, у кого-же не родится сильнаго, непреодолимаго желанья взглянуть на эту страну хоть однимъ глазкомъ?... А у меня, каюсь въ грѣхѣ, родилось даже преступное желаніе водвориться тамъ навѣки... Сказать правду, мнѣ приходило на мысль — во-первыхъ сажаніе на колъ, — потóмъ, палочное щекотаніе по пятамъ, далѣе, прибиваніе гвоздемъ за ухо къ дереву, съ размалевкою лица медомъ, для накормленія насѣкомыхъ — наконецъ, погруженіе женщинъ въ мѣшкахъ на дно морей и океановъ... Но что-жъ, подумалъ я, можетъ быть, мы, европейцы, принимаемъ, въ этомъ случаѣ, слова за вещи, забывая, что восточные жители, обладающіе пламеннымъ воображеніемъ, любятъ выражаться иносказательно, что *сажать на колъ* у нихъ означаетъ, можетъ-быть, возносить человѣка на верхъ почестей и славы; *бить по пятамъ*, посвящать въ кавалеры какого-нибудь ордена; что *прибиваніе гвоздемъ за ухо* значитъ симпатическій способъ леченія отъ какой-нибудь болѣзни, напр. отъ водянки, или полнокровія; что *бросить женщину на дно моря, завязанную въ мѣшкѣ*, значитъ завязать женщину въ мѣшокъ любви и бросить на дно сердца, или что-нибудь подобное... По счастію, я вѣрю и вѣрилъ всегда, что какъ всякій народъ въ частности, такъ и человѣчество вообще, могутъ быть одолжены своимъ *нравственнымъ* совершенствомъ только благодѣтельному вліянію христіанской вѣры, единой истинной вѣры на землѣ, а не чувственному и грубому мухаммеданизму. Эта увѣренность удержала меня, и только ей обязаны вы, что не лишились своего дѣятельнаго сотрудника, а отечество вѣрнаго сына; безъ ней я носилъ-бы теперь чалму, и, можетъ быть, имѣлъ-бы случай на опытѣ перевесть на прозаическій языкъ поэтическія выраженія жителей Востока. Впрочемъ, надо вамъ сказать, что соблазнъ такъ силенъ, что я долго еще колебался; оставилъ-же совершенно свое намѣреніе не прежде, какъ напалъ на счастливую мысль, что „Библіотека“ журналъ *провинціяльный*, и что она часто съ умысломъ отпускаетъ про-

винціяльныя *bons-mots*, къ числу которыхъ принадлежитъ и статья „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку“.

За отдѣленіемъ „Наукъ и Художествъ“ слѣдуетъ отдѣленіе „Промышленности и Сельскаго Хозяйства“: о немъ я умалчиваю, какъ о предметѣ для меня неинтересномъ и совершенно мнѣ незнакомомъ. Слѣдующія за нимъ отдѣленія: „Критика“ и „Литературная Лѣтопись“, вызываютъ меня — и я спѣшу къ нимъ.

„Критика“ есть самое жалкое, самое плохое отдѣленіе, а „Литературная Лѣтопись“ одно изъ немногихъ отдѣленій, которыми „Библіотека“ по справедливости можетъ гордиться. Странное противорѣчіе!.. Какъ хотите, однакожъ такъ въ самомъ дѣлѣ, и это опять не совсѣмъ удивительно: есть люди, у которыхъ ума хватаетъ на статью въ нѣсколько страницъ, но есть также люди, у которыхъ ума хватаетъ только на нѣсколько строкъ. Причина этому заключается въ раздѣлѣ труда, на который природа обращаетъ вниманія гораздо больше, чѣмъ политическая экономія. Притомъ-же *иному талантъ, иному два*...

Я не хочу нападать на явное отсутствіе добросовѣстности и благонамѣренности въ критическомъ отдѣленіи „Библіотеки“, не хочу указывать на безпрестанныя противорѣчія, на какое-то хвастовство умѣньемъ смѣяться надъ всѣмъ, надъ приличіемъ и истиною: обо всемъ этомъ много говорили другіе и мнѣ почти ничего не оставили сказать. Скажу только, что недобросовѣстность критики „Библіотеки“ заключается въ какой-то непонятной и высшей причинѣ, кромѣ обыкновенныхъ и пошлыхъ журнальныхъ отношеній. Г. Тютюнджи-Оглу ненавидитъ всякой родъ истинной славы, гонитъ съ ожесточеніемъ все, что̀ ознаменовано талантомъ, и оказываетъ всевозможное покровительство посредственности и бездарности: гг. Булгаринъ и Гречь у него писатели превосходные, таланты первостепенные, а г. Гоголь есть русскій Поль-де-Кокъ, и, конечно, нейдетъ ни въ какое сравненіе съ этими геніями. Но это все ужъ старо и довольно пошло и скучно для повторенія: приведу примѣръ поновѣе и посвѣжѣе. Выходитъ новый романъ г. Лажечникова, произведеніе, конечно, не геніяльное, не великое, не безсмертное, но ознаменованное печатью истиннаго дарованія, но дышущее живою, неподдѣльною теплотою, кипящее благороднымъ жаромъ, словомъ, плодъ искренней, задушевной и образованной мысли, и въ тожъ почти время выходитъ какое-то бездарное произведеніе, подъ именемъ „Записокъ Горянова“ [384]). Что̀-же? Критикъ „Библіотеки“ берется разсматривать въ *одной* статьѣ оба этѣ произведенія, отпускаетъ нѣсколько плоскихъ остротъ на счетъ перваго, и превозноситъ до небесъ послѣднее!.. Конечно, это шутка, и для г. забавника очень удачная, потому-что

умные тотчасъ догадаются, что онъ „изволитъ потѣшаться“, и не придутъ въ сомнѣніе на счетъ его ума и вкуса, а глупые подивятся его уму и вкусу и повѣрятъ ему на-слово: въ томъ и другомъ случаѣ расчетъ вѣрный, и шутка хоть куда!—Все такъ, но можетъ-ли и долженъ-ли человѣкъ, для котораго истина что̀-нибудь значитъ, который имѣетъ уваженіе къ своему человѣческому достоинству, можетъ-ли и долженъ-ли онъ такъ шутить?.. Нѣтъ, воля ваша, а тутъ что-нибудь да не то!—Этотъ таинственный г. Тютюнджи-Оглу—кто онъ!.. Ужъ не турокъ-ли онъ и въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не для того-ли онъ усвоилъ себѣ европейскую образованность и знаніе нашего языка и нашихъ обычаевъ, чтобы отомстить намъ за униженіе своего отечества, сбивая съ прямаго пути образованія наши провинціи, смѣясь такъ злодѣйски и надъ правдою и надъ ними самими?.. Чего добраго—съ нами крестная сила!.. Но не одной недобросовѣстностью удивляетъ отдѣленіе „Критики“ въ „Библіотекѣ“: оно, сверхъ того, носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то посредственности, какой-то скудости, негибкости и нерастяжимости ума, котораго не становится даже на нѣсколько страницъ. Но нашъ критикъ умѣетъ этому помочь: на двѣ строки своего сочиненія, онъ выписываетъ двѣ, три, четыре страницы изъ разбираемой книги, и этимъ часто избавляетъ себя отъ большихъ затрудненій. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀-бы онъ сталъ писать, онъ, для котораго не существуетъ никакихъ теорій, никакихъ системъ, никакихъ законовъ и условій изящнаго? Намъ скажутъ, что всего этого не существуетъ и для знаменитаго Жюль-Жанена, который не смотря на то говоритъ обо всемъ, даже и о томъ, о чемъ не имѣетъ никакого понятія; намъ скажутъ, что остаются еще личныя впечатлѣнія, и что критикъ можетъ ихъ излагать. Все это такъ, да вѣдь личныя впечатлѣнія, получаемыя образованнымъ человѣкомъ отъ какого-нибудь произведенія, непремѣнно должны быть согласны съ тою или другою теоріею, системою, или, по-крайней-мѣрѣ, съ тѣмъ или другимъ закономъ изящнаго, потому-что, даже оставляя въ сторонѣ теоріи и системы, теперь извѣстны многіе законы, выведенные изъ самой сущности творчества; притомъ, можно-ли говорить хорошо о прекрасныхъ впечатлѣніяхъ отъ такой книги, которая нагнала на васъ скуку?.. Нѣтъ, очень понятно, отъ чего критики г. Тютюнджи-Оглу такъ тощи, сухи и скудны даже источниками изобрѣтенія, даже общими мѣстами. Онъ написалъ только двѣ критики, которыя могутъ служить образцомъ журнальной политики и ловкости. Первая, на „Черную Женщину“ г. Греча, гдѣ критикъ очень ловко и занимательно изложилъ теорію анатоміи, физіологіи, электричества и магнетизма человѣческаго тѣла, и не сказавъ ничего о романѣ, ска-

залъ только, что̀ онъ говоритъ о всякой книгѣ, которую хочетъ пустить въ ходъ — что онъ ни на одномъ языкѣ земнаго шара не читалъ такого прекраснаго произведенія. И что-жъ было слѣдствіемъ этой критики? Разумѣется, провинція, думая найти въ романѣ г. Греча всѣ чудеса, которыхъ она не понимаетъ и о которыхъ такъ хорошо говорилъ критикъ, раскупила „Черную Женщину". Оно и прекрасно: критикъ и себя показалъ и пріятеля одолжилъ! — Вторая, на романъ г. Булгарина „Мазепу", гдѣ критикъ какъ будто нападаетъ на автора за духъ новѣйшаго литературнаго неистовства, а между тѣмъ, изложеніемъ содержанія и выписками изъ романа, показываетъ, что разбираемое имъ сочиненіе написано въ совершенно неистовомъ духѣ, такъ соблазнительномъ для провинціи. Слѣдствіе критики было опять тоже самое! — Позвольте, виноватъ я еще забылъ третью на „Роксолану" г. Кукольника: эта критика не только умно и основательно написана, но даже и добросовѣстна. Странно только, что г. критикъ, уничтожая въ прахъ эту драму, осыпаетъ ея автора съ головы до ногъ комплиментами которые напоминаютъ стихъ изъ „Горя отъ Ума:"

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ.

Слѣдствія этой критики были совсѣмъ другія, нежели двухъ прежнихъ: г. Кукольникъ нашелся принужденнымъ защищать и хвалить самъ себя въ „С. Пчелѣ" [385]).

И такъ, за цѣлые два года, въ „Библіотекѣ" была только одна критика и умная и безпристрастная вмѣстѣ, критика на „Роксолану", да двѣ критики недобросовѣстныя, но очень ловкія на „Черную Женщину" и „Мазепу". Всѣ прочія, исключая недобросовѣстность, чрезвычайно неловки, неудачны, холодны, водяны, и состоятъ большей частью изъ выписокъ изъ разбираемыхъ сочиненій. Конечно, это самый легкій способъ писать въ самое короткое время самыя большія критики, и, сказать правду, критикъ „Библіотеки" въ высочайшей степени владѣетъ этимъ искуствомъ! —

Теперь слѣдуетъ „Литературная Лѣтопись". Какъ плохо въ „Библіотекѣ" отдѣленіе критики, такъ хороша ея „Литературная Лѣтопись". Въ этомъ отдѣленіи рецензентъ, хотя также угождаетъ провинціи, но имѣетъ въ виду и столицу. О добросовѣстности и безпристрастіи „Литературной Лѣтописи" много говорить нечего; находить въ ней что-нибудь удивительное и чрезвычайное было-бы странно; но ей не льзя отказать въ одномъ, очень важномъ достоинствѣ: въ ловкости, умѣньи, знаніи литературной манеры, въ шутливости и часто остроуміи. Въ „Сынѣ Отечества" утверждаютъ, что передъ авторомъ „Литературной Лѣтописи" ни гроша не

стòитъ ни *Менцель, уступающій ему въ обширности и глубокости свѣденій, ни Жюль-Жаненъ, который славится остроуміемъ и не имѣетъ сотой доли насмѣшливости критика* „Библіотеки для Чтенія“. Я не шучу: этѣ слова, право, напечатаны въ „Сынѣ Отечества“. Но я этому не дивлюсь, не дивитись и вы: я знаю, *кто* написалъ этѣ строки [386]). Въ мірѣ физическомъ есть существа столь маленькія, что для нихъ все горы да утесы; вы помните басню Крылова, въ которой крыса извѣщаетъ свою куму, что врагъ ихъ, кошка, попала въ когти льву, но кума не повѣрила, говоря, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ?.. И такъ дѣло не о томъ. Что касается до учености, ею нынче трудновато обморочить; всѣ знаютъ, откуда она почерпается и какими средствами составляется. Напишите намъ книгу съ систематическимъ изложеніемъ предмета съ новой точки зрѣнія, и тогда мы взвѣсимъ вашу ученость и поклонимся ей; а на три страницы у кого не станетъ учености и ума? Что-жъ касается до удивительнаго остроумія критика „Библіотеки“, то мы все-таки не видимъ, почему Жюль-Жаненъ долженъ сократиться въ нуль передъ его остроуміемъ. Тайна остроумія рецензента „Библіотеки“, значительности и занимательности „Литературной Лѣтописи“, заключается больше въ современности способа выраженія и знаніи литературнаго такта, нежели въ истинномъ остроуміи. Чтобъ дѣло было яснѣе, укажу на „С. Пчелу“, этотъ неистощимый рудникъ тупоумныхъ рецензій. Выходитъ трагедія г. Лобанова, и „Пчела“ начинаетъ жужжать: „*Злополучный* Борисъ! Развѣ мало тебѣ, что при жизни терпѣлъ ты отъ козней бояръ, отъ преслѣдованій враждебной тебѣ судьбы, отъ злыхъ навѣтовъ и отъ Гришки! Тебѣ и за гробомъ нѣтъ спокойствія! Начиная съ Нарѣжнаго и кончая М. Г. Лобановымъ [1]), всякій поднимаетъ тебя изъ могилы, бѣдный старецъ; выводитъ на позорище, заставляетъ говорить такія вещи, которыхъ тебѣ никогда и въ голову не приходило. Бѣдный Борисъ!“ — „Бѣдная Пчела“! скажемъ мы отъ себя... Выходитъ казарменный романъ, и она пускается въ предлинное и прескучное поученіе о томъ, что книги должны выдаваться опрятно, потому-что ихъ читаютъ дамы. Въ рецензіяхъ „Библіотеки“ не льзя найти такихъ пошлостей, такихъ беззубыхъ остротъ, такой тупоумной шутливости, такихъ истертыхъ, истасканныхъ общихъ мѣстъ. „Библіотека“ смѣется не всегда остроумно, но всегда умно, или, покрайней-мѣрѣ, никогда глупо. Жаль только, что ея рецензентъ иногда покупаетъ свое остроуміе незаконными средствами. Мы, право, не понимаемъ, что хорошаго или забавнаго въ томъ, что онъ смѣ-

---

[1]) Отчего-жъ тутъ пропущенъ г. Булгаринъ, отъ котораго Годунову чуть-ли не больше всѣхъ досталось?

шиваетъ глупаго автора, или пошлаго издателя чужихъ сочиненій съ содержателемъ типографіи, въ которой напечатана дурная книга. Такъ, напримѣръ, онъ укорялъ г. Степанова, нашего почтеннаго типографщика, шестой годъ служащаго своими неутомимыми станками „Телескопу“ и „Молвѣ“, будто онъ, г. Степановъ, вмѣстѣ съ г. Гурьяновымъ подалъ лакеямъ дурной примѣръ присвоенія чужой собственности и пропѣлъ *піаниссимо* неблагопріобрѣтенныя пьесы изданнаго послѣднимъ сборника?.. Стыжусь вчужѣ, напоминая о такомъ жалкомъ поступкѣ г. рецензента; какъ онъ, при всемъ своемъ умѣ и всей своей смѣтливости, не понялъ, что клевета не есть остроуміе, и что, въ этомъ отношеніи, его рецензія пропѣта *препіано, препіаниссимо?..* [1]) Не понимаемъ также, что́ за странная замашка у г. рецензента „Библіотеки“, выписывая отрывокъ изъ разбираемой имъ книги, вставлять въ выписку пошлости своего изобрѣтенія и приписывать ихъ автору разбираемаго имъ сочиненія, какъ онъ сдѣлалъ это, напримѣръ, съ г. Кони, при разборѣ его водевиля „Иванъ Савельичъ?“ — Повторяемъ опять, неужели клевета есть остроуміе? Если остроуміе, то ужъ, безъ сомнѣнія, *провинціяльное*, а не столичное! —

„Смѣсь“ составляетъ послѣднее отдѣленіе „Библіотеки“, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ занимательныхъ и самыхъ полныхъ. Тутъ вы найдете все: и брань на французскую литературу, и остроты надъ французскими водевилями, остроты цѣликомъ взятыя изъ французскихъ-же журналовъ, и ученыя извѣстія, и пр. и пр. Я думаю, что такое отдѣленіе необходимо для всякаго журнала, какъ десертъ для стола. Конечно, чтобы хорошо составлять подобную смѣсь, нужно быть только *великимъ человѣкомъ на малыя дѣла;* но журналъ странная вещь, и если для него нужны люди, способные на что-нибудь прекрасное и даже великое, то не менѣе ихъ нужны и *великіе люди на малыя дѣла.* Редакторъ „Библіотеки“ хорошо понялъ это, и, новый Протей, преображается по своей волѣ и въ повѣствователя, и въ ученаго, и въ критика, и въ рецензента, и въ составителя смѣси; жаль только, что во всемъ этомъ онъ сохраняетъ одинъ тонъ, одну манеру, одинъ духъ, употребляетъ однѣ замашки...

Довольно — я у берега! Пора оставить „Библіотеку для Чтенія“, оставить во всѣхъ отношеніяхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какое-же слѣдствіе выведу я изъ всего сказаннаго мною объ

---

[1]) Это, вѣрно, любимая замашка „Библіотеки“. Она и со мной поступила также: обругала меня какъ переводчика „Сорока одной повѣсти“, которыя только *изданы* мною, какъ и напечатано въ ихъ заглавіи, и въ добавокъ назвала меня поэтомъ, оттого что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣстей есть стихи, именно въ тѣхъ, которыя переведены покойнымъ А. А. Шишковымъ. *Изд.*

этомъ журналѣ? Слѣдствіе у меня должно сойтись съ приступомъ: „Библіотека“ есть журналъ *провинціяльный*, и въ этомъ заключается тайна ея могущества, ея силы, ея кредита у публики. Выкинь она стихотворное отдѣленіе, выкинь повѣсти гг. Загоскина, Ушакова, Тимофеева, Брамбеуса, Булгарина, Масальскаго, Маркова, Степанова, и другихъ, замѣни ихъ повѣстями г. Марлинскаго, Одоевскаго, Павлова, Полеваго, Гоголя; переводи повѣсти лучшихъ писателей современной Европы; перемѣни свой циническій тонъ; введи критику строгую, безпристрастную, основательную—и трехъ четвертей подписчиковъ у ней какъ не бывало!.. Впрочемъ, не льзя не дивиться вѣрному расчету, съ которымъ она основана, неизмѣняемости и постоянству ея направленія, вѣрности самой себѣ, аккуратности въ изданіи, и, надо сказать правду, хорошему языку, особливо въ переводныхъ статьяхъ, въ чемъ ей должны уступить всѣ наши журналы; наконецъ, ея дѣятельности, проворству, а болѣе всего—ея безсмѣнному и настоящему редактору...

Теперь мнѣ должно говорить о „Сынѣ Отечества“, но я ничего не могу о немъ сказать, потому-что не только не читалъ, даже не видалъ его, какъ ни старался объ этомъ. „Сынъ Отечества“ у насъ въ Москвѣ считается какимъ-то призракомъ-невидимкою, о существованіи котораго всѣ знаютъ, но котораго никто не видитъ. „Сынъ Отечества“ самъ замѣтилъ, самъ сознаЛъ эту странность и сомнительность своего существованія, и вздумалъ—нынѣшній годъ *возродиться*, т.-е. перемѣнить цвѣтъ своей обложки и блеснуть критикою—да, критикою!... Этой диковинки я кое-какъ добился. И чтожъ? Въ самомъ дѣлѣ, *возрожденный* журналъ размахнулся со всего плеча критическою статейкою, въ которой началъ похваляться—чѣмъ-бы вы думали?—безпристрастіемъ!.. Какова-же эта критика, спросите вы? Отвѣчаю вамъ: ее написалъ г. ВВВ., авторъ очень плохихъ повѣстей, жалкій перелагатель Бальзака на русско-мѣщанскіе нравы, рецензентъ „С. Пчелы“ и, наконецъ, *отставной* сотрудникъ „Библіотеки“, какъ увѣряетъ въ этомъ публику сама „Библіотека“... И такъ, довольно о критикѣ *возрожденнаго* „Сына Отечества“: есть вещи, которыя стоитъ только назвать по имени, чтобъ дать о нихъ настоящее понятіе!... [387]) Перехожу къ „Пчелѣ“.

Вамъ извѣстно, что „Пчела“ жужжитъ уже давно, что она любитъ и ужалить, въ чемъ ей, разумѣется, никогда не удается, потому-что жало ея тупо. Вамъ извѣстно также, что этотъ журналъ есть двойчатка: одну половину его составляютъ политическія извѣстія, а другую разныя разности. Бѣда большая пришла-бы этимъ разнымъ разностямъ, еслибы отъ нихъ отнять политическія извѣстія! Вы, почтенный Николай Ивановичъ, не читаете „Пчелы“ (ее и многіе давно

ужъ не читаютъ), но вы нѣкогда ее читали: она все таже, надъ нею тяготѣетъ все тотъже уровень золотой посредственности, по прежнему она судитъ и рядитъ обо всемъ, бранитъ и хвалитъ одну и туже книгу, отъ чего, разумѣется, для книги ни лучше ни хуже; словомъ, „Пчела" журналъ ежедневный, нуждается въ оригиналѣ, такъ готова помѣстить брань на все, кромѣ самой себя. Я не буду слишкомъ распространяться о „Пчелѣ", я укажу только на одну ея характеристическую черту. Авторъ критическаго размаха *возрожденнаго* „Сына Отечества" ужасно разхваливаетъ „Пчелу", и находитъ въ ней одинъ только порокъ. „Пчела", говоритъ онъ, „вообще отличается безпристрастіемъ (?!), и ее можно только укорить въ излишней добротѣ: она печатаетъ слишкомъ много похвалъ! Впрочемъ, хотите-ли имѣть талисманъ, чтобъ узнавать, какая статья принята по доброй волѣ, и какая статья подсунута ей насильными просьбами? Это очень просто: подъ статьями послѣдняго рода всегда пишется роковое слово: *сообщено*". Что̀ это такое? Насмѣшка надъ публикою, ругательство надъ здравымъ смысломъ? Какъ? Стало-быть, журналистъ имѣетъ право расхвалить дурную книгу и разбранить хорошую, если поставитъ подъ своей статьею словечко „*сообщено*"?... Стало-быть, онъ имѣетъ право принять въ свой журналъ чужое и притомъ нелѣпое мнѣніе о той или другой книгѣ, не читавши этой книги, или думая о ней иначе, и правъ, когда поставитъ подъ глупой рецензіею „сообщено"?... Послѣ этого, можно-ли даже упоминать о „Пчелѣ"?... [388])

А знаете-ли вы о войнѣ, которую „Пчела" ведетъ противъ „Библіотеки"? Вотъ потѣха-то! *Ну такъ и рвется, что есть мочи!* Бѣдная! мнѣ жаль ее! Какимъ тупымъ оружіемъ сражается она съ мощнымъ врагомъ, который не удостоиваетъ ее даже взгляда, какъ неловко, неуклюже нападаетъ на него, она, которая недавно, очень недавно, такъ низко кланялась ему, такъ усердно прославляла его!

Враги!—давно-ли другъ отъ друга
Ихъ жажда *злата* отвела?... [389]).

Въ одномъ изъ нумеровъ *возрожденнаго* старца помѣщена критическая статейка нѣкоего Г. Павла Крутенева, автора очень плоской книжонки, на Барона Брамбеуса: прочтите ее, когда вамъ будетъ слишкомъ грустно. Можетъ-быть, вы заплачете, только не отъ горя, а отъ смѣху... [390])

Теперь-бы мнѣ слѣдовало говорить еще объ одномъ литературномъ петербургскомъ журналѣ, да я его и въ глаза не видалъ. Вы догадаетесь, что я говорю о „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду", которыя справедливѣе-бъ было назвать „Инвалидными

Повтореніями Литературы"? Скорѣе можно отрыть въ Москвѣ допотопную мамонтову кость, чѣмъ найти этотъ журналъ. И между тѣмъ „Московскія Вѣдомости" и „Пчела" увѣдомляли о его изданіи на нынѣшній годъ: стало-быть, онъ существуетъ. Говорятъ, что почтенный издатель этого журнала-невидимки [391]) очень сильно ратуетъ противъ „Библіотеки для Чтенія" и вашего журнала: можетъ-быть! да почему-жъ-бы и не такъ? Почтенный старецъ самъ пишетъ, самъ и читаетъ, слѣдовательно, никому зла не дѣлаетъ, слѣдовательно его бранныя выходки суть не что иное, какъ невинная забава на старости лѣтъ. И такъ, въ часъ добрый!—пусть продолжаетъ тѣшиться!—

И вотъ всѣ *литературные* петербургскіе журналы! Несмотря на разность ихъ направленія и неравенство въ силахъ, всѣ они стремятся къ одной цѣли, къ мирному и единодушному преуспѣянію въ наградѣ за труды и хлопоты, и потому всѣ они очень не любятъ безпокойныхъ крикуновъ, мѣшающихъ ихъ мирнымъ и полюбовнымъ сдѣлкамъ между собою и съ публикою. Они стараются жить въ ладу другъ съ другомъ, и если у нихъ бываютъ между собою размолвки, то всегда не изъ пустяковъ какихъ-нибудь, не изъ вздорныхъ мнѣній объ изящномъ, о безпристрастіи, добросовѣстности, и другихъ подобныхъ бездѣлкахъ, но всегда изъ чего-нибудь важнаго, существеннаго и необходимаго въ жизни [392]). Одни изъ нихъ—(такъ какъ ихъ немного [393]), то и не считаю за нужное называть по именамъ)—плывутъ на всѣхъ парусахъ, дѣлаютъ обороты большіе, оптовые; другіе, не столь сильные, изворачиваются и такъ и сякъ, и иногда, въ мутной водѣ, вынимаютъ ловы довольно счастливые. Еслижъ мелкіе извороты имъ не удаются, если кредитъ ихъ у публики падаетъ. то они прибѣгаютъ къ *возрожденію*, или къ перерожденію, смотря по обстоятельствамъ. Если у нихъ нѣтъ чего-другаго, за то они могутъ похвалиться постоянствомъ, дѣятельностью, устойкою въ условіяхъ, разумѣется, внѣшнихъ, касающихся до выхода номеровъ, качества бумаги, цвѣта обложки и тому подобнаго. Однимъ словомъ, одни оптомъ, другіе по мелочи—но, какъ-бы ни было, всѣ болѣе или менѣе успѣваютъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляютъ московскіе журналы настоящаго времени. Въ нихъ можно замѣтить и мысль, и какіе-то порывы благородные и чуждые внѣшнихъ расчетовъ, большое усердіе къ своему дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда неудачу, неуспѣхъ, какую-то медленность, и, вслѣдствіе этого, неустойку во внѣшнихъ условіяхъ программы; словомъ, московскіе журналы — люди добрые и честные, но какіе-то *злополучные*, какъ будто-бы подъ несчастною звѣздою рожденные, и съ самаго начала своего существованія осуж-

денные на бѣдствія. Всмотритесь въ нихъ пристальнѣе: что̀ это такое! Идутъ, кажется, къ цѣли опредѣленной, видимой, а все не доходятъ до ней, а все сбиваются съ пути, ворочаются назадъ, начинаютъ свое путешествіе снова, а все ни шагу впередъ!.. Всегда постоянные въ цѣли, они никогда не постоянны въ средствахъ, противорѣчатъ сами себѣ, не вѣрны своей идеѣ, хотя и никогда не измѣняютъ ей. А злые-то петербургскіе собратія тому и рады: видя неудачи, смѣются; слыша себѣ громкіе и справедливые укоры, выставляютъ въ отвѣтъ числа своихъ подписчиковъ. Странное дѣло! То-ли были московскіе журналы назадъ тому не больше, какъ два года? Что тогда были передъ ними петербургскіе журналы? Притча во языцѣхъ, предметъ посмѣянія! — А теперь, кажется, произошелъ размѣнъ въ роляхъ... Грустно, и однакожъ справедливо!..

Но къ чему я пою такую жалобную прелюдію? Не будетъ-ли эта прелюдія длиннѣе самой пѣсни, эта присказка длиннѣе самой сказки? Гдѣ они, эти московскіе журналы, о которыхъ я сбираюсь говорить? Много-ли ихъ?.. Передо мною носится, какъ-бы на крылахъ бури, множество призраковъ; но все это тѣни бойцовъ умершихъ... А живые... о, грустно!.. [394])

О какихъ же московскихъ журналахъ буду я говорить? Много-ли ихъ? Мнѣ-бы слѣдовало начать съ „Телескопа и Молвы“, подражая петербургскимъ журналамъ. Тамъ на этотъ счетъ не слишкомъ застѣнчивы и скромны. „Библіотека для Чтенія“ давно ужъ объявила, что такой журналъ, какъ она, „былъ настоящею потребностью публики“. Еслибы писавшій этѣ строки прибавилъ *„провинціяльной“*, то мы ни мало не подивились-бы его откровенности, которой онъ самъ дивится. „Пчела“, безъ зазрѣнія совѣсти, объявила, что она между газетами тоже, что̀ „Библіотека“ между журналами, что ея рецензіи прекрасны и всѣ статьи превосходны. Соблазнительный примѣръ откровенности! Но, говоритъ пословица, *что городъ, то норовъ, что село, то обычай:* въ Петербургѣ изстари заведено, между журналами и литераторами, хвалить себя самихъ, если другіе не хвалятъ, въ Москвѣ-же, напротивъ, это всегда почиталось неприличнымъ и смѣшнымъ. И потому я, слѣдуя московскому обычаю, умалчиваю о „Телескопѣ“ и „Молвѣ“. Вы сами, почтеннѣйшій Издатель, вслѣдствіе вашего отсутствія, имѣете полное право быть судьей этихъ журналовъ, какъ они издавались безъ васъ. Я поручусь только за добросовѣстность и усердіе свое; объ исполненіи судите сами. Поспѣшу къ „Московскому Наблюдателю“.

Петербургскіе журналы увѣряютъ, что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлію уронить „Библіотеку“, и видятъ въ этомъ большую злонамѣренность. Мы этому не вѣримъ, вопервыхъ потому, что уронить

„Библіотеку“ трудно: книга большая, толстая, *жирная*, какъ увѣряла насъ сама „Библіотека“, а какъ жиръ и сало тождественны, то и *сальная*, прибавимъ мы отъ себя; вовторыхъ, мы скорѣе можемъ предположить что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлію сдѣлать реакцію дурному и вредному вліянію „Библіотеки“ на *нашу* публику, и въ этомъ мы не только не видимъ ничего худаго или предосудительнаго, но видимъ много хорошаго и благороднаго. По объявленію „Наблюдателя“ было замѣтно, что это будетъ журналъ дѣятельный, настойчивый, упорный, журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, характеромъ. Имена участниковъ въ изданіи утверждали насъ въ этой вѣрѣ. [395]) Мы ждали „Наблюдателя“ съ нетерпѣніемъ, какъ торжества Москвы надъ Петербургомъ, какъ побѣды честной литературной дѣятельности надъ литературною промышленностію. Въ самомъ дѣлѣ, журналъ новый, юный, съ свѣжими, неистощимыми силами, съ прекрасными именами, съ хорошею репутаціею еще до своего рожденія—чего мы не были въ правѣ надѣяться отъ него?.. Правда, искушенные холоднымъ опытомъ, обманутые не разъ въ самыхъ лучшихъ своихъ надеждахъ, утратившіе вѣру въ авторитеты, мы иногда задумывались грустно, улыбались недовѣрчиво; но неужели-же „Библіотека“, литературная промышленность и посредственность, должны торжествовать, неужели-же голосъ правды уже безсиленъ, уже заглушенъ кликами „*къ намъ! къ намъ! у насъ лучше?*“ восклицали мы, и ласково, съ улыбкою посматривали на объявленіе о новомъ журналѣ. Наконецъ онъ появился: вышла книжка — Петербургъ привсталъ; вышла другая—Петербургъ пріосанился и улыбнулся; вышла третья, четвертая — Петербургъ захохоталъ, смотря на пронесшуюся мимо его бурю; Москва пріуныла—и наши надежды разлетѣлись въ прахъ!.. Да, господа, прекрасно очарованіе, мила вѣра въ достоинство всего, что̀ хочется видѣть хорошимъ, но и холодный, угрюмый скептицизмъ имѣетъ свою добрую сторону: если съ нимъ слишкомъ мучаетъ васъ зѣвота, за то съ нимъ не попадешь въ дурачки, а быть въ дурачкахъ всего хуже!..

Прежде нежели мы объяснимъ, почему „Наблюдатель“, обладая всѣми средствами, необходимыми для журнала, нисколько не оправдалъ надеждъ, которыя подавалъ о себѣ, мы должны сказать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ предпріятіемъ честнымъ, добросовѣстнымъ, благонамѣреннымъ, что редакція его употребляла и употребляетъ всѣ средства сдѣлать его лучшимъ, что она не щадитъ для этого ни издержекъ, ни труда. Роскошное, великолѣпное изданіе, полнота книжекъ, мелкій шрифтъ статей, доказываетъ это. Со стороны своей благонамѣренности, „Наблюдатель“ не измѣнилъ своей

программѣ; но благонамѣренность и талантъ или умѣнье, къ несчастію, не одно и тоже!..

Журналъ долженъ имѣть прежде всего физіономію, характеръ; альманачная безличность для него всего хуже. Физіономія и характеръ журнала состоятъ въ его направленіи, его мнѣніи, его господствующемъ ученіи, котораго онъ долженъ быть òрганомъ. У насъ въ Россіи могутъ быть только два рода журналовъ — ученые и литературные; говоря, могутъ быть, я хочу сказать—могутъ приносить пользу. Журналы собственно ученые у насъ не могутъ имѣть слишкомъ обширнаго круга дѣйствія; наше общество еще слишкомъ молодо для нихъ. Собственно литературные журналы составляютъ настоящую потребность нашей публики; журналы учено-литературные искусно дирижируемые, могутъ приносить большую пользу. Теперь, какія мнѣнія, какое ученіе должно господствовать въ нашихъ журналахъ, быть главнымъ ихъ элементомъ? Отвѣчаемъ, не задумываясь: литературныя, до искуства, до изящнаго относящіяся. Да—это главное! Вы хотите издавать журналъ, съ тѣмъ чтобы дѣлать пользу своему отечеству, такъ узнайте-жъ прежде всего его главныя, настоящія, текущія потребности. У насъ еще мало читателей: въ нашемъ отечествѣ, составляющемъ особенную, *шестую* часть свѣта, состоящемъ изъ шестидесяти милліоновъ жителей, журналъ, имѣющій пять тысячь подписчиковъ, есть рѣдкость неслыханная, диво дивное. И такъ, старайтесь умножить читателей: это первая и священнѣйшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кромѣ предосудительныхъ, наклоняйтесь до своихъ читателей, если они слишкомъ малы ростомъ, пережевывайте имъ пищу, если они слишкомъ слабы, узнайте ихъ привычки, ихъ слабости и, соображаясь съ ними, дѣйствуйте на нихъ. Въ этомъ отношеніи, не льзя не отдать справедливости „Библіотекѣ": она надѣлала много читателей; жаль только, что она безъ нужды слишкомъ низко наклоняется, такъ низко, что въ рядахъ своихъ читателей не видитъ никого ужъ ниже себя; крайности во всемъ дурны; умѣйте наклонить и заставьте думать, что вы наклоняетесь, хоть вы стоите и прямо. Потòмъ, вторая ваша обязанность, развивая и распространяя вкусъ къ чтенію, развивать вмѣстѣ и чувство изящнаго. Это чувство есть условіе человѣческаго достоинства: только при немъ возможенъ умъ, только съ нимъ ученый возвышается до міровыхъ идей, понимаетъ природу и явленія въ ихъ общности; только съ нимъ гражданинъ можетъ нести въ жертву отечеству и свои личныя надежды и свои частныя выгоды; только съ нимъ человѣкъ можетъ сдѣлать изъ жизни подвигъ и не сгибаться подъ его тяжестію. Безъ него, безъ этого чувства, нѣтъ генія, нѣтъ таланта, нѣтъ ума — остается

одинъ пошлый „здравый смыслъ“, необходимый для домашняго обихода жизни, для мелкихъ разчетовъ эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцемъ, а ногами, чью грудь не томитъ, чью душу не волнуетъ музыка; кто видитъ въ картинѣ только галантерейную вещь, годную для украшенія комнаты и дивится въ ней одной отдѣлкѣ; кто не полюбилъ стиховъ смолоду, кто видитъ въ драмѣ только театральную пьесу, а въ романѣ сказку, годную для занятія отъ скуки; тотъ не человѣкъ, хотябы онъ умѣлъ болтать о Россини, о Робертѣ-дьяволѣ, о чугунныхъ дорогахъ и паровыхъ машинахъ. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности[396]. Пусть процвѣтаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ гражданское благоденствіе, пусть цивилизація дошла до послѣдней степени, пусть тюрьмы тамъ пусты, трибуналы праздны: но если тамъ, какъ увѣряютъ насъ, нѣтъ искуства, нѣтъ любви къ изящному, я презираю этимъ благоденствіемъ, я не уважаю этой цивилизаціи, я не вѣрю этой нравственности, потому-что это благоденствіе искусственно, эта цивилизація безплодна, эта нравственность подозрительна. Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борятся со зломъ, а избѣгаютъ его, избѣгаютъ его не по ненависти ко злу, а изъ расчета. Цивилизація тогда только имѣетъ цѣну, когда помогаетъ просвѣщенію, а, слѣдовательно, и добру — единственной цѣли бытія человѣка, жизни народовъ, существованія человѣчества. Погодите, и у насъ будутъ чугунныя дороги и, пожалуй, воздушныя почты, и у насъ фабрики и мануфактуры дойдутъ до совершенства, народное богатство усилится; но будетъ-ли у насъ религіозное чувство, будетъ ли нравственность — вотъ вопросъ! Будемъ плотниками, будемъ слѣсарями, будемъ фабрикантами; но будемъ-ли людьми — вотъ вопросъ!

Чувство изящнаго развивается въ человѣкѣ самимъ изящнымъ, слѣдовательно, журналъ долженъ представлять своимъ читателямъ образцы изящнаго; потóмъ, чувство изящнаго развивается и образуется анализомъ и теоріею изящнаго, слѣдовательно журналъ долженъ представлять критику. Тамъ, гдѣ есть уже охота къ искусству, но гдѣ еще зыбки и шатки понятія объ немъ, тамъ журналъ есть руководитель общества. Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постояннымъ его отдѣленіемъ, длинною, не прерывающеюся и не оканчивающеюся статьею. И это тѣмъ важнѣе, что она для всѣхъ приманчива, всѣми читается жадно, всѣми почитается украшеніемъ и душой журнала. Первая ошибка „Наблюдателя“ состоитъ въ томъ, что онъ не сознаԓъ важности критики, что онъ какбы изрѣдка и неохотно принимается за нее. Онъ выклю-

чилъ изъ себя библіографію, эту низшую, практическую критику, столь необходимую, столь важную, столь полезную и для публики и для журнала. Для публики здѣсь та польза, что, питая довѣренность къ журналу, она избавляется и отъ чтенія и отъ покупки дурныхъ книгъ, и въ тожъ время, руководимая журналомъ, обращаетъ вниманіе на хорошія; потòмъ, развѣ по поводу плохаго сочиненія не льзя высказать какой-нибудь дѣльной мысли, развѣ къ разбору вздорной книги не льзя привязать какого-нибудь важнаго сужденія? Для журнала библіографія есть столькоже душа и жизнь, сколько и критика. „Библіотека" очень хорошо поняла эту истину, и за то, браните ее какъ угодно, а у ней всегда будетъ много читателей. Теперь я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній на „Наблюдателя", а потòмъ перейду къ его критикѣ.

„Наблюдатель" есть журналъ *энциклопедическій:* и вотъ еще одинъ изъ главныхъ его недостатковъ, одна изъ причинъ, мѣшающихъ его успѣху. Мы не говоримъ уже о томъ, что энциклопедизмъ безполезенъ, вреденъ, что онъ теперь, къ нашему несчастію, овладѣлъ нами и кружитъ наши головы, мы не говоримъ, что энциклопедизмъ есть не универсальность, а скорѣе односторонняя поверхностность; мы спрашиваемъ только, сообразенъ-ли планъ и границы „Наблюдателя" съ энциклопедизмомъ? „Библіотека" имѣетъ полное право быть энциклопедическимъ журналомъ: въ книгѣ изъ двадцати слишкомъ листовъ можно поговорить о многомъ. Но и „Библіотека" раздѣлена на извѣстное число отдѣленій, и въ каждой книжкѣ ея вы видите одно и тоже расположеніе, однѣ и тѣже отдѣленія, и въ одинаковомъ числѣ; и потому, если вы не занимаетесь, напримѣръ, сельскимъ хозяйствомъ, то можете его отдѣленіе оставлять неразрѣзаннымъ — для васъ и такъ много останется, чего почитать. Въ „Наблюдателѣ", напротивъ, такой энциклопедизмъ невозможенъ. Положимъ, статья г. Давыдова „о Свекловичносахарномъ Производствѣ" есть статья превосходная, европейская, да она имѣетъ интересъ частный, она тяжела для такого журнала, какъ „Наблюдатель"; ея мѣсто въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" или, что всего лучше, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", у которыхъ, говорятъ, около десяти тысячь подписчиковъ [397]). Притомъ, мы не видимъ полнаго энциклопедизма въ „Наблюдателѣ": его поприще ограничивается очень немногими и опредѣленными предметами: литературою, исторіею, сельскимъ хозяйствомъ и политическою экономіею. Напротивъ, намъ кажется, что его энциклопедизмъ состоитъ въ какомъ-то отсутствіи общности, порядка, характера. Это альманахъ, это тетради, гдѣ сшиваются и дурныя, и посредственныя, и хорошія, и отличныя статьи. Только періодическій выходъ его книжекъ дѣлаетъ его жур-

наломъ. Конечно, въ немъ бываютъ статьи превосходныя, но этѣ статьи не составляютъ регулярнаго войска, это настоящая милиція, которая идетъ неровнымъ шагомъ, нападаетъ недружно, не впопадъ, нестройно, и, сильная своимъ многолюдствомъ, своею храбростію, вездѣ проигрываетъ сраженія, вездѣ отступаетъ. Поэтому, я не буду пересчитывать статей „Наблюдателя" и отдавать въ каждой изъ нихъ отчеты. „Наблюдатель" особенно щеголяетъ стихотвореніями, но въ этомъ онъ не далеко ушелъ отъ „Библіотеки". Кромѣ того, что въ немъ было не болѣе двухъ или трехъ порядочныхъ стихотвореній, въ немъ есть множество такихъ, которыя рѣшительно не дѣлаютъ чести его вкусу, какъ напр. „Своя Семья", уродливая и грязная каррикатура на поэзію [398]). Собственно изъ изящныхъ произведеній замѣчательны: „Иванъ Барабашъ" г. Срезневскаго, „Маскарадъ" г. Павлова и „Себастіанъ Бахъ" г. Безгласнаго, а изъ теоретическихъ: „Взглядъ на Направленіе Исторіи" г. Ястребцова. О переводныхъ умалчиваю: между ними есть и очень хорошія и очень посредственныя. Обращаюсь къ критикѣ.

Критика въ „Наблюдателѣ" такъ странна, такъ удивительна, что стоитъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія, для котораго я теперь не имѣю времени, да и у васъ не достанетъ мѣста. Надобно сказать, что эта критика характерная, вѣрная самой себѣ, добросовѣстная и убѣжденная, если можно такъ выразиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ не достигающая своей цѣли, не приносящая пользы, не понимаемая публикою. Причина этому заключается въ томъ, что она не современна, что она отзывается классицизмомъ, не имѣетъ никакого основнаго начала, никакого центра, изъ котораго-бы выходила, что она, наконецъ, похожа на аббата Баттё во фракѣ XIX вѣка. Знаю, что я сказалъ слишкомъ много, что подобныя вещи или вовсе не говорятся, или говорятся съ доказательствами: я представлю ихъ въ особенной статьѣ „о Критикѣ Московскаго Наблюдателя". Пусть какъ хотятъ судятъ о моемъ поступкѣ, но я твердо убѣжденъ, что можно уважать чужія мнѣнія и быть съ ними несогласнымъ, что уваженіе уваженіемъ, приличіе приличіемъ, а правда правдою, что комплименты и мадригалы хороши въ гостиной, на паркетѣ, а не въ журналѣ, гдѣ всего важнѣе честное, независимое, чуждое личностей, но и твердое, стойкое мнѣніе.

Этимъ пока оканчиваю мои замѣчанія о литературныхъ журналахъ. Что-жъ касается до книгъ, относящихся къ изящной словесности, то въ Петербургѣ, въ ваше отсутствіе, не вышло ни одной достойной вниманія; въ Москвѣ вышелъ „Ледяной Домъ", новый романъ И. И. Лажечникова. Этотъ романъ былъ истиннымъ подаркомъ русской публикѣ, прекрасною, лучезарною звѣздою на пустын-

номъ небосклонѣ нашей литературы. Но я не буду говорить о немъ: онъ стòитъ подробнаго разсмотрѣнія; и такъ какъ *mieux tard, que jamais*, то въ „Телескопѣ“, безсомнѣнія, будетъ помѣщенъ полный отчетъ объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Не мало надѣлало шуму появленіе „Стихотвореній г. Бенедиктова“: одни увидѣли въ нихъ зарю новой поэтической жизни въ нашей литературѣ, другіе не признаютъ въ нихъ даже таланта версификаціи; середины между этими двумя крайностями нѣтъ; публика также раздѣлена, какъ и журналы, въ отношеніи къ г. Бенедиктову. Вамъ извѣстно объ ней мое мнѣніе: можетъ быть оно несправедливо, но оно было плодомъ убѣжденія, чуждаго всякой личности. Какъ-бы то ни было, но я рѣшился не говорить болѣе объ этомъ предметѣ; пусть рѣшитъ этотъ вопросъ время, лучшій рѣшитель такихъ вопросовъ. Къ числу пріятныхъ явленій нашей бѣдной литературы принадлежатъ „Стихотворенія г. Кольцова“, которыя вамъ также извѣстны. Но г. Кольцову не такъ посчастливилось, какъ г. Бенедиктову.

И вотъ я кончилъ.... А слѣдствіе?... Къ чему его выводить, когда оно и такъ ясно? Факты говорятъ иногда краснорѣчивѣе разсужденій. Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія, а для исключеній нѣтъ правила....

В. Бѣлинскій.

*176. **Мѣсяцесловъ на (высокосный) 1836 годъ.** Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 300. (8) [399]).

Все идетъ къ совершенству, календари также. Поговорка: „лжетъ, какъ календарь“, теперь не имѣетъ рѣшительно никакого смысла. Пророчества о погодѣ и вообще воздушныхъ явленіяхъ давно уже исключены изъ статей, составляющихъ содержаніе мѣсяцеслововъ. Теперь Календарь есть въ полномъ смыслѣ книга настольная и необходимая для всѣхъ сословій, для среднихъ въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ немъ нѣтъ? Чего онъ въ себѣ не заключаетъ? Это и святцы, и ручная географія, и ручная статистика, и ручная хроника годовыхъ событій, и книжка, знакомящая читателя съ именами всѣхъ коронованныхъ особъ современной Европы. О чемъ хотите вы узнать? О явленіи планетъ въ Петербургѣ, о явленіи кометъ на сѣверномъ полушаріи, о долготѣ и широтѣ достопримѣчательныхъ мѣстъ земнаго шара, о ихъ разстояніи отъ отечественныхъ столицъ, о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, о времени возхожденія солнца

въ разныхъ мѣстахъ Россіи, о сравнительной мѣрѣ монетъ европейскихъ государствъ, объ относительномъ содержаніи всѣхъ родовъ вѣса и мѣры въ Европѣ, о почтахъ, дилижансахъ, библіотекахъ, состояніи учебныхъ заведеній въ Россіи? Все вы безъ труда найдете въ Календарѣ, безъ труда поймете. Книга народная, повседневная, необходимая!

И въ календарѣ на нынѣшній годъ сдѣланы нѣкоторыя прибавленія, а именно: 1) таблица о числѣ учебныхъ заведеній и учащихся въ главнѣйшихъ городахъ Россійской имперіи, за 1833; 2) таблица о состояніи главнѣйшихъ библіотекъ въ Россіи; 3) о страховыхъ отъ огня обществахъ; 4) таблица средней температуры года и четырехъ временъ его, а равно географическаго положенія болѣе ста разныхъ мѣстъ земнаго шара.

***177. Постоялый дворъ.** *Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ Н. П. Маловымъ.* Санктпетербургъ, въ тип. Александра Смирдина 1835. Четыре части: I—315; II—282; III—249; IV—249. (12) [400]).

Сорокъ пять печатныхъ листовъ мелкимъ шрифтомъ — есть чего почитать! Въ этомъ отношеніи никто не можетъ такъ хорошо оцѣнить достоинства этого романа, какъ я. Нечего сказать — свершилъ геркулесовскій подвигъ! Уфъ! дайте перевести духъ!..

De mortuis aut bene, aut nihil — говоритъ латинская пословица; почтеннѣйшій Горяновъ покойникъ, а Н. П. Маловъ только издатель его записокъ: одинъ правъ тѣмъ, что скончался; другой тѣмъ, что онъ только исполнитель воли покойнаго, душеприкащикъ, и ни сколько не виноватъ въ проказахъ своего друга. Какъ же тутъ быть? Гдѣ взять виноватаго, кого судить? Но вотъ счастливая мысль! Я нашелъ средство успокоить мою совѣсть: вѣдь о покойникахъ грѣхъ судить только въ такомъ случаѣ, когда они умираютъ вполнѣ, совсѣмъ, безъ всякихъ претензій на вниманіе живыхъ, безъ всякихъ притязаній безпокоить живыхъ своею личностію; а г. Горяновъ, отдавши тѣло свое землѣ, а духъ небу, не сошелъ съ житейскаго поприща, не оставилъ этаго треволненнаго моря: онъ завѣщалъ намъ, живущимъ и здравствующимъ, свои мысли, чувства, страданія, мечты, исторію своей многотрудной и многострадальной жизни, исторію большаго числа лицъ, съ которыми судьба поставила его въ тѣсныя соотношенія, короче, онъ завѣщалъ намъ четыре огромныя книги отъ которыхъ вмочь головѣ и сердцу, напечатанныя мѣлкимъ шрифтомъ, отъ котораго не вмочь глазамъ. И такъ миръ праху страдальца, благословеніе его памяти! Но его книга — другое дѣло! Онъ самъ вызвался на судъ, прежде наказавши насъ тяжкою казнію и безъ всякаго суда. Теперь наша очередь, и мы не откажемся отъ нашихъ

правъ. Г. издатель—другое дѣло! Къ нему не льзя придраться ни съ которой стороны, развѣ только со стороны неумѣнія ставить правильно знаки препинанія. Противъ этого ему рѣшительно нечего сказать: мы были при смерти покойника, мы слышали его послѣднюю волю, и мы знаемъ, что онъ не заказывалъ своему другу слѣдовать въ точности своей ороографіи. Можетъ быть, почтенный Н. П. Маловъ, по личной дружбѣ и уваженію къ покойному, не хотѣлъ ни на іоту отступить отъ текста завѣщанныхъ ему тетрадей. Въ самомъ дѣлѣ, это очень можетъ статься: а воля умирающаго священна, уваженіе къ его памяти тоже!..

Богъ судья г. Горянову! Взялъ онъ на свою душу (во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно праведную) тяжкій грѣхъ, а мы, не виноватые ни душой ни тѣломъ, должны отдуваться за него. Разчетъ не совсѣмъ добросовѣстный! Но дѣло сдѣлано, поправить его нельзя; можно только избавить отъ добровольной пытки многихъ довѣрчивыхъ читателей и мы постараемся это сдѣлать.

Что такое „Записки покойнаго Горянова"? Это романъ, записки—только форма. Къ какому роду романовъ относится онъ по своему характеру и содержанію? Трудно отвѣчать удовлетворительно на этотъ вопросъ, трудно найти типъ этого романа. Онъ принадлежитъ къ какому-то смѣшанному роду: въ немъ найдете вы манеру и Дѣвицы Марьи Извѣковой, и Г-жи Жанлисъ, и Миссъ Эджвортъ, и Поль-де-Кока, и даже частію Александра Анфимовича Орлова. Сколько постороннихъ вліяній, сколько чуждыхъ вдохновеній! Но у покойнаго Горянова много и своего собственнаго, отъ чего читателю ни чуть не легче. Нынче всѣ жалуются на несправедливость критики, никто не хочетъ вѣрить ея добросовѣстности, требуютъ доказательствъ и выписокъ, чтобъ дѣло было яснѣе дня, чтобы читатель имѣлъ данныя для сужденія о разбираемой книгѣ и повѣркѣ самаго разбора. Требованіе очень справедливое, хотя и рѣдко возможное для исполненія! И такъ мнѣ должно изложить вкратцѣ содержаніе романа и ходъ его дѣйствія отъ начала до конца, отдать отчетъ въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ: я-бы и сдѣлалъ это, еслибъ была какая-нибудь возможность! Но я утомилъ-бы васъ, утомилъ-бы себя, и все безъ пользы, безъ нужды. Нѣтъ—отъ такого подвига отказался-бы и самъ Геркулесъ!—Романъ *длинный, длинный, и поучительный, и чинный* [401]); происшествій бездна, дѣйствующихъ лицъ тьма тьмущая; притомъже, на этотъ разъ, и сама память мнѣ какъ-то измѣнила: не больше двухъ часовъ, какъ я дочитался до отраднаго слова „конецъ", а уже забылъ множество подробностей, и долженъ пересматривать, перелистывать всѣ безконечныя четыре части, долженъ безпрестанно наводить справки, дѣлать выписки; легкій-ли это трудъ—сами посу-

дите! Но дѣлать нечего; взялся, такъ прочь отговорки! Постараюсь схватить главныя черты, характеризующія этотъ романъ, указать на самыя яркія и цвѣтистыя; у кого много лишняго времени и охоты, кто не трусить умереть вдругъ тысячу разъ, тотъ можетъ прочесть самый романъ. И такъ, приступаю къ дѣлу, со страхомъ и трепетомъ, иду на новую пытку съ самоотверженіемъ и преданностію волѣ судьбы неумолимой.

Августа 14, въ пять часовъ утра, въ день своего ангела, проснулся Горяновъ, и, не вставая съ постели, сказалъ довольно длинное и витіеватое воззваніе къ Богу, собственнаго сочиненія. За симъ слѣдуетъ описаніе физическихъ примѣтъ оратора, потомъ описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ имъ въ жизни. Горяновъ принадлежалъ къ числу чудаковъ и оригиналовъ: утомленный жизнію, онъ купилъ себѣ семь десятинъ песчаной земли, удобрилъ ее, развелъ садъ, построилъ постоялый домъ, одну половину котораго занималъ самъ, а въ другую пускалъ проѣзжихъ, и имъ-же сбывалъ произведенія своего сада. Надобно замѣтить, что онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденскую звѣзду. Тутъ слѣдуетъ самое подробное описаніе усадьбы, дома и сада Горянова; словоохотный г. Маловъ описываетъ все это съ такою отчетливостію, съ какою Вальтеръ Скоттъ описывалъ замки рыцарей. Эту страсть къ скучнымъ утомительнымъ описаніямъ на нѣсколькихъ страницахъ почтенный издатель занялъ у своего покойнаго, какъ увидимъ ниже. Онъ описываетъ, въ какомъ порядкѣ размѣщены были плодовитыя деревья, какіе цвѣты и какъ расположены были въ партерѣ. Я пропускаю описаніе утренняго туалета Горянова и глубокомысленныя его разсужденія (вслухъ, съ самимъ собой), по поводу каприфоліи, обвивающейся вокругъ дома. Горяновъ былъ человѣкъ пожилой, а старики вообще болтливы. Я пропускаю его разговоръ съ ключницею Ольгою, и богатые подарки на водку своей прислугѣ, талерами и рублевиками. Горяновъ былъ человѣкъ щедрый и благодѣтельный. Равнымъ образомъ, я пропускаю описаніе кабинета Горянова, которое, конечно, длиннѣе и поэтичнѣе описанія Армидина сада у Тасса. Но вотъ къ Горянову приходитъ другъ его, Н. П. Маловъ, и между ними начинается преглубокомысленный разговоръ о „*животворящемъ духѣ великаго разумѣнія*, какъ силахъ дѣйствующихъ и страдательныхъ; о *веществѣ*, какъ составѣ формы, органахъ, и объ *общемъ законѣ*—рожденіи, жизни и смерти“. Этотъ разговоръ такъ мудренъ, что я ни слова не понялъ въ немъ, потому что въ немъ есть такія вещи, которыхъ

Нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ.

За сими глубокими мыслями, слѣдуютъ нападки на умъ, на *этого гордеца здѣшняго міра*. Ужъ достается-жъ ему отъ обоихъ друзей—и по дѣломъ мука!—Вдругъ входитъ мальчикъ весь въ слезахъ, докладываетъ, что какой-то проѣзжій избилъ его и требуетъ на лицо самаго хозяина. Горяновъ надѣлъ звѣзду и пошелъ къ проѣзжему. Едва переступилъ онъ черезъ порогъ, какъ проѣзжій проревѣлъ: „такъ это ты!“ вонзилъ ему въ бокъ охотничій ножъ, выскочилъ изъ комнаты, и слѣдъ простылъ. Истинная сцена изъ испанской жизни! Только охотничій ножъ, вмѣсто кинжала, разрушаетъ немного очарованіе. Но вы, пожалуй, скажете, что на Руси такихъ романическихъ убійствъ не бываетъ, а если и случаются, то не остаются безнаказанными; погодите, еще не то увидите: увидите похищенія среди бѣлаго дня, удары кинжалами, не въ грудь, а... Но послѣ скажу, и тогда вы сознаетесь, что русская жизнь ни чѣмъ не разнится отъ италіянской или испанской. Бѣдный Горяновъ умираетъ и завѣщаваетъ свои тетради Н. П. Малову.

Каждая тетрадь начинается сентенціями о томъ и о семъ, а чаще ни о чемъ. Если сентенціи выкинуть то двухъ частей романа какъ не бывало. Но гдѣ-же романъ, и чтó-же онъ? Постойте—сейчасъ. Горяновъ не есть герой романа, онъ въ немъ лицо аксессуарное; его постоялый домъ тоже не играетъ въ романѣ никакой роли. Впрочемъ, очень трудно найти настоящаго героя романа; въ трехъ первыхъ частяхъ, его роль играетъ, если не ошибаюсь, дочь генерала Катенева, Катерина Михайловна. Горяновъ купилъ у ея отца землю и черезъ это познакомился съ нимъ. Описаніе физическихъ и нравственныхъ примѣтъ отца и дочери составляетъ нѣсколько страницъ. Здѣсь скажу кстати и однажды навсегда, чтобъ избѣжать повтореній, что Горяновъ не скупился на описанія, и еслибы ихъ выкинуть, то еще части романа какъ не бывало. Чуть появится новое лице, онъ описываетъ его съ ногъ до головы и съ головы до ногъ; онъ ничего не упуститъ, ничего не забудетъ, начиная отъ цвѣта глазъ и волосъ до устройства ноги, отъ формы головы до бородавки на щекѣ. И нечего сказать, въ этомъ отношеніи труды его не тщетны: стоитъ только заучить описаніе кого-нибудь изъ дѣйствователей, такъ узнаешь его, не читая его паспорта. Но этимъ все и оканчивается: какъ ни подробно рисуетъ авторъ физіономію души, какъ ни тщательно анализируетъ характеръ того или другаго лица, это лице для васъ всегда—привидѣніе безплотное!—У генерала есть еще сынъ; онъ въ полку, украшенъ двумя ранами и нѣсколькими орденами. Катерина Михайловна любитъ Долинскаго, ловкаго, умнаго и храбраго офицера, поляка по происхожденію, русскаго по обстоятельствамъ жизни и по службѣ. Генералъ полюбилъ молодаго До-

линскаго за его личныя достоинства, но когда узналъ о любви его къ своей дочери, то запретилъ ему входъ въ свой домъ. Генералъ ненавидѣлъ поляковъ, а о любви имѣлъ самыя военныя идеи. Но свиданія продолжаются, любовь *гнѣздится въ ущельяхъ сердецъ* молодыхъ людей. Ахъ! кто можетъ повелѣвать сердцу? оно не признаетъ надъ собой никакой власти, ни отцовской, ни генеральской!.. Генералъ зналъ о свиданіяхъ, зналъ о перепискѣ и, почитая все это за вздоръ, не обращалъ на это никакого вниманія. Чудакъ! онъ не зналъ, что подливаетъ масло въ огонь, и безъ того сильно пылавшій. Наконецъ, онъ на отрѣзъ сказалъ своей дочери, что ей не бывать за Долинскимъ. Упрямый старикъ! жестокій старикъ! Но какъ вы ни сердитесь на него, а все сознаетесь, что онъ лицо необходимое: безъ тирана, что́ за романъ, что́ за драма? а Катеневъ тиранъ очень добрый, очень милый во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Надобно вамъ сказать, что Катерина Михайловна предостойная дѣвица; она создана авторомъ по образу Шиллеровскихъ героинь, этихъ идеальныхъ, небесныхъ созданій, и только одинъ разъ, какъ увидимъ ниже, сбивается на тонъ и характеръ Поль-де-Коковскихъ гризетокъ, этихъ созданій чисто земныхъ и магазейныхъ. Но кто изъ рожденныхъ отъ жены не падалъ?.. Дочь въ отчаяніи, но сила духа ее превозмогаетъ тяжесть страданія: она исторгаетъ у отца своего позволеніе *остаться*, какъ выражается авторъ, *въ дѣвкахъ*, и устроить гостепріимный домъ изъ семи помѣщеній для безпріютныхъ семействъ. Генералъ согласился на то и на другое. Правда, первое-то условіе было для него слишкомъ тягостно, потому что ему, какъ аристократу, хотѣлось видѣть въ будущемъ распространеніе своей фамиліи; но у него оставался еще сынъ, бравый молодецъ, который могъ постоять за себя. Виноватъ! первая просьба была сдѣлана дочерью и утверждена отцомъ гораздо послѣ второй, когда уже генералъ, пригласившій гостить къ себѣ въ домъ графа Чижова, который страстно влюбился въ Катерину Михайловну и за котораго генералу страстно хотѣлось отдать свою дочь. Графъ Чижовъ... но о немъ послѣ. Теперь остановимъ наше вниманіе на богоугодномъ заведеніи сердобольной дѣвицы Катеневой.

Когда уже принято было нѣсколько безпріютныхъ женщинъ, мамзель Катенева, принявшая на себя званіе и должность президента своего заведенія (формы—дѣло прекрасное, ихъ не мѣшаетъ соблюдать и дѣвицамъ), открыла совѣтъ о принятіи новыхъ несчастныхъ. Совѣтъ происходилъ со всею торжественностію, приличною присутственному дому: президентъ сидѣлъ въ углубленіи залы, за большимъ столомъ, покрытымъ до пола зеленымъ сукномъ; надъ

нимъ висѣлъ портретъ ея отца, а вокругъ стола члены совѣта, состоявшіе изъ призрѣнныхъ женщинъ.

— Здравствуйте, Алексѣй Павловичь! сказала она мнѣ (Горянову); садитесь возлѣ меня. Мы работаемъ въ первый день праздника (Пасхи); но работа наша посвящена Ему, какъ молитва. Мы судимъ и рядимъ о принятіи новыхъ семействъ, потому что еще три отдѣленія не замѣщены.—Она обратилась къ молодой Картуковой, которая сидѣла у противоположнаго конца стола и *занимала должность секретаря*. Прочтите, сказала она, выписки изъ бумагъ нужныхъ для нашего свѣденія.

И *секретарь* прочелъ извѣстіе о лишившейся мужа, раззорившейся отъ пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ и обремененной дѣтьми, купчихѣ Сысоевѣ(ой?)

Катенева *повела глаза* (??...) по членамъ совѣта.—Что скажете? спросила она. — Принять! принять! билъ отвѣтъ. Картукова продолжала: Анна-Мирль Герценсбуле, дѣвица изъ Тапсала, по просьбѣ госпожи Маловой. Мѣстопребываніе въ здѣшней губерніи, въ городѣ Н...

— Что же ты, Настинька, остановилась? спросила дѣвица Катенева: *пороки другихъ не касаются до насъ*. Помнишь, какъ привели къ Спасителю на судъ женщину дурнаго поведенія. Неужели бы ты не стала читать этой притчи? Продолжайте, Настинька!

— Анна-Мирль имѣетъ двухъ дѣтей...

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло! Секретарь былъ застѣнчивѣе председателя; оно такъ и слѣдуетъ: подчиненные всегда застѣнчивы въ присутствіи начальниковъ. Впрочемъ, какъ ни странно слышать, что идеальная дѣвица, съ возвышенною душою и любящимъ сердцемъ, такъ храбро разсуждаетъ о человѣческихъ слабостяхъ извѣстнаго рода, и не краснѣя даетъ знать, что она имѣетъ о нихъ ясное понятіе, но мы нисколько не поставляемъ этой *опытности* и *знанія* къ стыду *идеальной* дѣвы. Мы выписали это мѣсто потому, что оно привело насъ въ истинное умиленіе. Теперь обратимся назадъ.

Пріѣзжаетъ графъ Чижовъ, въ этоже время былъ въ отпуску и сынъ Катенева. Чтобы дать понятіе о наружности и характерѣ графа, надобнобъ было списать слово-въ-слово нѣсколько страницъ, а у насъ для этого не достало-бы ни времени, ни мѣста. Графъ былъ двадцати осьми лѣтъ, пригожъ собою, съ лукавыми глазами, и очень уменъ и образованъ, хотя изъ его разговоровъ и поступковъ этого и не видно; но мы вѣримъ на слово автору. Какъ ни бился графъ, съ которой стороны ни заходилъ онъ къ Катеневой, но успѣлъ пріобрѣсть только ея дружбу и заставить ее полюбить себя, какъ брата. Катерина Михайловна, на зло отцу и брату, къ отчаянію графа, была вѣрна Долинскому, какъ и должно героинѣ романа. Вдругъ получаетъ она письмо отъ Долинскаго, который увѣдомляетъ ее, что онъ женился и разрѣшаетъ ее отъ клятвъ. Съ бѣдной дѣ-

вушкой сдѣлалась апоплексія, продолжавшаяся нѣсколько дней; она была при смерти и умерла-бы, еслибы лѣкарь Крузе не спасъ ее. Этотъ Крузе, не смотря на свою молодость, былъ очень искусенъ, и если авторъ романа доводитъ кого-нибудь изъ героевъ до гроба, но не хочетъ совсѣмъ уморить, то Крузе творитъ чудеса. Упомяну объ одномъ дѣйствіи его чудеснаго искусства воскрешать мертвыхъ. Хотя генералъ и былъ палачемъ своей дочери, но въ прочихъ отношеніяхъ былъ, какъ я уже и сказалъ, прекрасный человѣкъ, только съ большими странностями. Такъ, наприм., онъ былъ чрезвычайно недовѣрчивъ и подозрителенъ, и за нимъ водился грѣшокъ — подслушивать. У него гостилъ племянникъ Ершовъ, промотавшійся повѣса, а впрочемъ добрый малой; этотъ Ершовъ растворилъ со всего размаха дверь и поразилъ подслушивавшаго разговоръ своей дочери съ Горяновымъ въ високъ костылькомъ замка. Старикъ чуть не умеръ, дочь его также, но чудотворный геній Крузе все поправилъ.

И такъ, Катенева чуть не умерла. Братъ ея, тотчасъ по прочтеніи роковаго письма, вскричалъ: „смерть!" и рѣшился ѣхать въ Вильно, чтобъ убить Долинскаго. Отецъ еще больше подстрекалъ его ко мщенію, и тщетно добрый Горяновъ читалъ имъ длинныя и поучительныя диссертаціи; безумцы не опомнились, а bon homme понапрасну сорилъ цвѣты своего краснорѣчія, доводы ума и убѣжденія чувства. Между тѣмъ, Катенева была спасена, но избавившись отъ физической болѣзни, она впала въ нравственную, да въ какую! стыдно ужъ сказать. Изъ Шиллеровской дѣвы, она сдѣлалась Поль-де-Коковскою дѣвкою. Будучи свидѣтельницею ласкъ, оказываемыхъ облагодѣтельственной ею дѣвушкѣ женихомъ ея, и потомъ супружескихъ ласкъ четы Маловыхъ, которые при людяхъ не очень женировались, она почувствовала какое-то преступное любопытство, и, выдумывая средства, какъ удовлетворить ему, вступила въ разговоры съ своею горничною. Мы выше видѣли, что Катенева и безъ того была довольно свѣдуща in rerum natura, но, видно, горничная была еще опытнѣе. Но послушаемъ саму Катерину Михайловну:

— Мой умъ начинаетъ разстроиваться. Я боюсь мужчинъ: взглядъ на нихъ заставляетъ меня трепетать всѣми членами. Я боюсь сама себя; боюсь собственныхъ глазъ своихъ, языка, рукъ: этихъ обличителей моего безумія. Цѣломудренная еще тѣломъ, я готова утратить все при первомъ удобномъ случаѣ.

Какова?... О, покойный Горяновъ хорошо зналъ людей, и особенно молодыхъ идеальныхъ дѣвушекъ!... И такъ, есть надежда, что Катенева далеко уйдетъ; но, къ счастію, ее спасаетъ другой врачь, уже духовный—Горяновъ. Онъ-же узналъ случайно, что письмо Долинскаго было подложное, что все это были штуки Чижова; графъ уѣзжаетъ отъ Катеневыхъ съ яростію въ душѣ и планами о мщеніи.

Молодой Катеневъ въ окрестностяхъ Полоцка. Онъ получаетъ чинъ полковника, встрѣчается случайно съ Долинскимъ, который былъ уже бригаднымъ генераломъ, и дружится съ нимъ. Графъ Чижовъ чуть-было не убилъ исподтишка Катенева, но Долинскій спасъ его. Однажды генералъ Катеневъ читалъ С. Пчелу и увидѣлъ изъ ней, что Долинскій спасъ двадцать четыре человѣка отъ потопленія, подвергая опасности собственную свою жизнь; старикъ пришелъ въ умиленіе и сказалъ своей дочери, что Долинскій—ея! Надо прибавить здѣсь, для ясности, что Долинскій принужденъ былъ выдавать себя за сына часоваго мастера, когда свелъ знакомство съ Катеневыми; потомъ открылось, что онъ принадлежитъ къ хорошей фамиліи: генералу это было извѣстно еще прежде. И такъ, веселымъ пиркомъ да и за свадебку? Оно такъ, но сперва надо было преодолѣть множество препонъ. Чижовъ съ сообщникомъ своимъ, бѣглымъ солдатомъ, нашелъ средство проникать, когда ему было нужно, въ одну пустую залу генеральскаго дома, и по ночамъ, подобно домовому, пугалъ всѣхъ жителей его. Когда пріѣхалъ Долинскій, онъ хотѣлъ его убить, но Провидѣніе не попустило восторжествовать злодѣю. Въ домѣ генерала ночевалъ однажды Тараторинъ... Но позвольте познакомить васъ съ этимъ лицомъ: оно очень оригинально.

Тараторинъ—глупецъ, мать его—дура, отца у него нѣтъ, но онъ наслѣдникъ большаго имѣнія. Ему хочется жениться, также какъ хотѣлось жениться Митрофанушкѣ. Онъ волочится за всѣми дѣвицами, и всѣ надъ нимъ смѣются, онъ говоритъ на изнанку: напр. онъ хотѣлъ сказать: „точно какъ теленокъ облизалъ", а сказалъ: „точно какъ *лизенокъ обтелялъ*". Неправда-ли, что это очень мило? О! покойный Горяновъ мастеръ былъ рисовать характеры!

Дѣвица Картаулова отвѣчала Тараторину: „Вы надо мною шутите, мнѣ, бѣдной, безродной сиротѣ, можно-ли быть вашею женою?" — Какъ это, Федосья Андреевна—(отвѣчалъ Тараторинъ)—*быть мнѣ вашею женою*... что вы *надъ* этимъ разумѣете?—

Ну, теперь имѣете-ли вы понятіе о г. Тараторинѣ? —Однакожь, онъ добрый малой: когда графъ похитилъ Катеневу, онъ смѣло бросился въ воду, ухватился за лодку, и только добрый ударъ по рукѣ не допустилъ его свершить рыцарскаго поступка. Но этимъ, какъ увидимъ ниже, не кончились его бѣды. Прибавлю еще послѣднюю характеристическую черту къ изображенію Тараторина. Онъ, наконецъ, женился на одной изъ призрѣнныхъ Катеневой дѣвицъ; а Ершовъ, которому удалось спасти свою кузину отъ Чижова, женился на сестрѣ Тараторина. И вотъ что́ говорилъ Ершовъ насчетъ семейственныхъ дѣлъ своего шурина:

— Что вы думаете? (говорилъ Ершовъ) замѣтили вы, какъ бѣдная Марья

Андреевна похудѣла въ два мѣсяца? Это не даромъ—отъ болѣзненныхъ припадковъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Онъ больше, чѣмъ звѣрь: не знаетъ ни времени, ни мѣста; не имѣетъ ни соображенія, ни жалости; какъ заладитъ свое, ничто не можетъ остановить его.

И такъ, этотъ-то Тараторинъ остался однажды ночевать въ домѣ генерала; спать ему досталось въ одной комнатѣ съ Долинскимъ, который, положивъ его на свою постель, пошелъ спать къ комнату молодаго Катенева. Вдругъ оба друга услышали ужасный крикъ; прибѣгаютъ, и чтó-же видятъ?... Вѣдь вздумалось-же судьбѣ сыграть такую плоскую шутку! Тараторинъ лежалъ весь въ крови и плескалъ ее рукою. Рана была не на головѣ и не на груди, а пониже немного спины; ударъ былъ нанесенъ кинжаломъ, и такъ какъ Тараторинъ, вѣроятно, спалъ на боку, то имѣлъ четыре раны. Фуй!... Крузе его вылѣчилъ, однакожъ онъ долго не могъ сидѣть.

Наконецъ мамзель Катенева сдѣлалась мадамъ Долинская. Мужъ ея, въ угожденіе генералу, вышелъ въ отставку и остался жить при немъ. Онъ перевелъ на ея имя свои двѣ тысячи душъ; молодой Катеневъ отказался, въ пользу сестры, отъ *Крутыхъ Верховъ*; словомъ, всѣ сражаются взапуски великодушіемъ, плачутъ, рыдаютъ, цѣлуютъ, обнимаютъ другъ друга, и говорятъ сентенціи и рѣчи, вопреки мнѣнію добраго Горянова, что *кто много чувствъ имѣетъ, тотъ много говоритъ*.

Но Катенева нашла въ бракѣ только душевное блаженство и, въ своемъ откровенномъ разговорѣ съ Горяновымъ, котораго мы не выписываемъ, потому что и такъ боимся, за эти выписки, негодованія со стороны нашихъ читателей, призналась ему, что „однѣ только обязанности жены могутъ ее принудить пользоваться земными наслажденіями“.

А графъ Чижовъ? Онъ получилъ достойную награду за свои злодѣянія: свалился съ моста черезъ Оку, сперва попалъ на колъ ляжкою, потомъ сорвался и снова попалъ на него, на манеръ какъ казнятъ въ Турціи преступниковъ. Fi donc!

Третьею частью оканчиваются похожденія Катерины Михайловны; въ четвертой она играетъ второстепенную роль, и только дѣлаетъ, что ораторствуетъ о преимуществѣ небесной любви передъ земною. Героинею четвертой части является княжна Серпуховская. Какъ ни усталъ я самъ, какъ ни утомилъ васъ, но—дѣлать нечего—познакомлю васъ и съ этою *гисторіею*, которая весьма поучительна.

Княгиня Серпуховская знакома и дружна съ семействомъ Катеневыхъ. У ней дочка лѣтъ четырнадцати, ангелъ собою, умница неописанная. Мать ее воспитываетъ прекрасно, только убила въ ней волю, и, въ этомъ отношеніи, сдѣлала ее автоматомъ.

— Какъ я люблю, мама, эту мимозу! прошептала княжна. — А какъ ты смѣешь любить? сказала княгиня, шутя, и дочь въ одну секунду перепорхнула съ кушетки въ объятія матери.

Княжна имѣетъ чувствительное сердце. Горяновъ разсказалъ исторію объ одномъ несчастномъ семействѣ:

— Мама, другъ мой, мама! что хотите со мной дѣлайте, только позвольте выкупить это бѣдное семейство.

А вотъ другой случай.

„Мама! милая мама! сказала Аннета матери, сложа свои рученки, пустите меня къ Харламовнѣ! Страхъ какъ хочется проститься съ нею и съ Парашею".

— „Давно ли ты была больна, мой другъ? хочешь еще простудиться и огорчить мать?"

„Ежели-бы вы знали, голубчикъ мой мама! У Параши нѣтъ ни шубки, ни тепленькихъ ботинокъ. Въ чемъ она поѣдетъ?"

— „Пошли къ ней все это съ своею горничною. Послушай что я тебѣ скажу! Тебѣ хочется самой любоваться ея благодарностію".

И Анюты не было уже въ комнатѣ. Она воротилась не прежде какъ черезъ полчаса, и кинулась на шею къ матери.

„Мама! дружочикъ мой! сказала она, я послала еще Парашѣ два платьица; а старушкѣ штучку домашняго полотна и сто рублей".

Мать поцѣловала ее въ лобъ и въ глаза.

Какая милая дѣвушка! А посмотрите, какъ она невинна, какъ наивна!

„Скажите, Борисъ Михайловичъ. кто изъ насъ богаче?"

— „У насъ четыре тысячи душъ".

„Такъ я богаче".

— Мама, спросила Анюта, на что это богатство?"

„Чтобъ дѣлать пособіе другимъ", отвѣчала мать.

— „Развѣ такъ! а я могла бы прожить, какъ живетъ Лугина".

„Кто это такая?" спросилъ Катеневъ.

„Бѣдная дворянка, отвѣчала Княгиня; денежный ея доходъ ограничивается тысячью рублями... Она впрочемъ родственница какой-то знатной фамиліи".

— „Что такое, мама, знатной?"

„Человѣкъ извѣстный родомъ и заслугами, или однѣми заслугами".

— „Въ такомъ случаѣ, уважаю лучше послѣдняго".

„По этому вы любите славу!" спросилъ капитанъ.

— „Мама, что такое слава?"

Княгиня увезла свою дочь въ Москву, и начала ее учить всѣмъ наукамъ. Княжнѣ уже шестнадцать лѣтъ, и, по свидѣтельству профессора Чумакова, ея учителя, она прошла уже полный курсъ геометріи и алгебры; черезъ годъ она прослушала курсъ эстетики и исторію философіи, и занималась даже механикою, физикою и химіею. Можетъ быть, вамъ не понравится это, можетъ быть, вы, подобно мнѣ, не можете терпѣть *академиковъ въ чепцѣ* и *семинаристовъ*

въ желтыхъ шаляхъ; но не безпокойтесь, княжна не сдѣлалась педантомъ; ея обширныя познанія въ естественныхъ наукахъ помогли ей сдѣлаться *эклектическою кухаркою* и *домоводчицею*; она примѣняла свои знанія къ стряпнѣ, къ крашенію нитокъ, и пр. Также она довольно успѣла и въ *анатоміи*, посредствомъ гипсовыхъ и анатомическихъ слѣпковъ. Послѣднее знаніе, какъ увидимъ ниже, очень пригодилось ей. Когда княжна была столько учена, что могла уже выдержать докторскій экзаменъ, она отправилась съ матерью путешествовать по Европѣ. Разумѣется, путешествіе еще болѣе возвысило достоинства этого идеальнаго существа. И вотъ онѣ возвратились изъ путешествія; княжнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, а Катерина Михайловна Катенева давно уже была госпожею Долинскою. Княжна прекрасна, ростъ ея малъ, но талія прелестна, характеръ живой, огненный, страстный. Она любитъ все необыкновенное, все гигантское, особенно высокихъ и складныхъ мущинъ; идеалъ ея мужа стройный гренадиръ, и не удивительно: сама она мала, а противоположности нравятся. Мать ея, видя, что дочка давно уже на возрастѣ, и притомъ утомившись заботами о поддержаніи своего имѣнія, хочетъ видѣть ее за мужемъ Ей нѣтъ нужды, кто будетъ мужемъ ея дочери, дуракъ-ли, уродъ-ли, былъ-бы богатъ. Да, княжна очень перемѣнилась, возвратясь изъ путешествія! Въ княжну влюбленъ молодой Катеневъ, полковникъ, увѣшанный орденами и крестами, украшенный ранами, и какой умница, Боже мой, какой умница! Чтó ни шагъ, тó проповѣдь, чтó ни слово, тó сентенція. Но бѣдный напрасно вздыхаетъ, напрасно томится — ему сулятъ братскую любовь, а все отъ того, что онъ обыкновеннаго росту. Потомъ княгиня выписала князя Таракутова; этотъ князь генералъ и, несмотря на тó, большой дуракъ и скряга. Какъ ни хотѣлось матери упрятать свою дочку за этого молодца, но ни тутъ-то было! На подставку князю нашелся камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шебаровъ, человѣкъ ловкій, свѣтскій и чрезвычайно умный, но такой дурной собою, что на него не льзя было смотрѣть безъ отвращенія. Онъ толковалъ съ княгинею о *тайнѣ плодородія природы*, идею которой древніе обожали подъ именемъ Изиды. Вдругъ съ княжною совершается чудо чудное, диво дивное... Но послушаемъ самаго автора:

Княжна Серпуховская начала совершенно отливаться въ формы порока... Свѣжесть ея изчезла, румянецъ обратился въ блѣдность: глаза помутились, *подъ глазами легли свинцовыя полосы*. И все это въ нѣсколько дней! Какъ быстро этотъ огонь разрушаетъ прелести земныя? Высокая грудь ея безпрестанно волнуется; походка приняла видъ сладострастный; всѣ поступки сдѣлались рѣшительны; въ одеждѣ открылась *неопрятность*, соблазнительная

небрежность... Она не можетъ ничего дѣлать и ничѣмъ заняться: однѣ только мечты нечистыя въ груди ея, однѣ желанія неукротимыя.

Какъ не повѣришь, послѣ этого, что отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ! Наполеонъ правъ; но не менѣе его правъ и Державинъ, который сказалъ:

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Да! кто созданъ Поль-де-Кокомъ, тому не бывать Шиллеромъ!... Все дѣло въ томъ, что княжна повстрѣчалась съ мужчиною въ $14^{1}/_{2}$ вершковъ, стройнымъ и гибкимъ: этого ей было достаточно, чтобъ влюбиться безъ памяти. Пламенное воображеніе княжны любило мѣры большія, количества огромныя. Но кто же былъ этотъ мужчина? Убійца, дѣлатель фальшивой монеты, нѣсколько разъ наказанный кнутомъ, заклейменный нѣсколькими печатями позора. Онъ убѣжалъ (не помню, въ который разъ) изъ Сибири и убилъ Горянова, который, находясь въ службѣ, судилъ его за одно уголовное преступленіе и способствовалъ его ссылкѣ въ Сибирь. Этого злодѣя звали Зарембскимъ; на его атлетическомъ тѣлѣ была голова Антиноя; на лицѣ—Байроновская улыбка; глаза—глаза змѣя райскаго; онъ быстро и правильно объяснялся на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ описалъ его Горяновъ, который зналъ его еще двадцатидвухлѣтнимъ юношею и отставнымъ маіоромъ одного кирасирскаго полка. Зарембскій воровалъ, грабилъ, жегъ и рѣзалъ людей, основывалъ раскольничьи секты, и пр. и пр. И въ этомъ-то широкоплечемъ, длинномъ и статномъ героѣ, украшенномъ тремя клеймами на лицѣ, нашла свой идеалъ юная, прекрасная, пламенная сердцемъ, возвышенная душою, украшенная всѣми дарами природы и воспитанія, княжна Серпуховская! Горяновъ объясняетъ это психическое явленіе тѣмъ, что княжна много училась и всю вину кладетъ на науки. Довольно религіи! говоритъ онъ добродушно, не понимая, что только при просвѣщенномъ разумѣ и образованномъ сердцѣ человѣкъ способенъ постигать вполнѣ высокія истины христіанской религіи; что, у невѣждъ, религія превращается или въ фанатизмъ, или въ суевѣріе. И чѣмъ-же все это кончилось? Княжна ввела своего друга въ италіянскую ферму въ саду, подкупила дворецкаго и черезъ горничную пересылала ему пищу и необходимыя вещи, не забывая и сама какъ можно чаще посѣщать его. Тотъ открылся ей во всемъ, и тѣмъ еще болѣе выигралъ въ ея къ нему расположеніи. Наконецъ, она бѣжала съ нимъ и поселилась въ какомъ то раскольничьемъ скитѣ—и слухъ о ней пропалъ навѣчно... Вотъ вамъ нѣ-

сколько строкъ, вырванныхъ тамъ и сямъ изъ оставленнаго ею нарочно своего журнала:

Я лежала въ это время на его тюфякѣ, оперщись рукою на подушку. Онъ хотѣлъ меня обнять и закинулся на меня всею грудью. Я взрогнула, прижалась въ уголъ и сжавши руки на груди моей, смотрѣла на него глазами, въ которыхъ изображался страхъ.

Онъ смотрѣлъ внимательно: я захохотала.

„Не сердись на меня, другъ мой! вскричала я, бросившись къ нему на шею, не думай, чтобъ это было какое-нибудь ощущеніе, кромѣ внезапнаго страха. Я все еще не могу привыкнуть къ твоей великанской стати.“

Онъ улыбнулся.

„Наказывай меня теперь, какъ тебѣ хочется, не балуй моихъ порывистыхъ прихотей.“

...Онъ отбросилъ со мною всѣ пустыя ужимки. Онъ мужъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ этихъ поръ, я не имѣю своей воли и не желаю даже имѣть ее: мое наслажденіе предупреждать, исполнять всѣ его прихоти. Нѣтъ ничего низкаго тамъ, гдѣ все облагороживается любовью.

Ну, вотъ вамъ по возможности полный очеркъ этого романа: довольны-ли вы имъ? Я старался схватить самыя характеристическія черты, и потому о многомъ не сказалъ. Сколько тутъ характеровъ, и какіе характеры! Объ одномъ Н. П. Маловѣ, издателѣ записокъ Горянова, можно написать большую отдѣльную статью: какъ занимателенъ этотъ характеръ! А его супруга, Аделаида Францовна — это, какъ выразился покойный Горяновъ *вочеловѣченное сладострастіе снаружи и благочестіе внутри!..*

Постойте, потѣшу васъ еще одною выписочкою, которая должна довершить характеристику романа:

... „Чтоже? подхватила англичанка, смерть не важное дѣло.“

— „Смотрите, миссъ, я вамъ отплачу“.

„Конечно смерть ничего, подхватила француженка; но г. докторъ прежде сдѣлаетъ водяную.“

— „То есть, вы хотите сказать, какъ у бѣдной Марьи, къ которой призвали меня за недѣлю до смерти. Постойте, мамзель Фуше, я съ вами справлюсь.“

„А что вы сдѣлаете, докторъ.“

— „Во-первыхъ, пущу кровь.“

„Во-вторыхъ?“ спросила мамзель Фуше.

— „Волью въ васъ большое количество тизана изъ алтеи.“

„Потомъ?“ спросила безотвязная француженка.

— Потомъ, потомъ, отвѣчалъ Крузе, сдѣлаю вамъ водяную.“

Литераторъ прибавилъ: „то есть, *удвоитъ ваше существованіе.*“

Теперь мнѣ должно познакомить васъ съ внѣшними качествами этого романа. Языкъ, надо признаться, очень плохъ. Горяновъ человѣкъ стариннаго покроя и грамотѣ, какъ видно, учился на желѣзные гроши. Какъ, напримѣръ, покажется вамъ эта фраза: „Вице-губернаторъ, великій знатокъ въ винахъ, пилъ ихъ съ большимъ

удовольствіемъ, *смакуя* на губахъ и журча ими между зубами; прокуроръ *глоталъ безусловно* (?)". Вообще покойный Горяновъ придерживался какого-то жаргона, непонятнаго для насъ; такъ, напримѣръ, есть-ли въ русскомъ языкѣ подобныя слова, *изконно* (т. е. древне); заготовя себѣ *загодя* (заблаговременно, заранѣе?); *подлюбливать плоды*; капитанъ собирался было говорить *докапо* [402]), и т. д.? А что за правописаніе? чѣмъ объяснить это уваженіе, которое Горяновъ питалъ къ иностраннымъ словамъ? *Стадія*, *кредиторъ*, *каста*, *идеалъ*, *гастрономія*, *гумористика*—въ началѣ всѣхъ этихъ словъ авторъ ставилъ прописныя буквы. Разстановка знаковъ препинанія обнаруживаетъ ужасную безграмотность: дополняемыя слова вездѣ отдѣлены отъ дополнительныхъ запятыми, какъ н. п. въ этой фразѣ, которою оканчивается романъ: „По степени приложенія къ чистѣйшему началу есть возможность постигать единственно духъ истиннаго Изящества."

Мы охотно прощаемъ покойнику и безтолковость, и безграмотность, и непристойность его романа, но мы не можемъ ему простить той убійственной скуки, которою проникнутъ его романъ отъ первой страницы до послѣдней...

Бѣдный Горяновъ! сперва былъ убитъ злодѣемъ, а потомъ самъ зарѣзалъ себя! Успокой, Господи, душу страдальца!..

Въ одномъ журналѣ, „Постоялый Дворъ" превознесенъ до небесъ; тамъ найдены въ этомъ романѣ такія мѣста, которыхъ, будто-бы, нельзя встрѣтить ни на какомъ языкѣ земнаго шара [403]). Не споримъ; у всякаго свой вкусъ: ссылаемся на тульскія стальныя печати, съ забавною эмблеммою, о которыхъ упоминаетъ Горяновъ въ своихъ запискахъ (ч. I, стр. 152).

*178. **О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ.** *Набросано Юріемъ Венелинымъ. I. Османъ Шеовичь. Женитьба Павла Плетикосы.* Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 118. (8) [1]) [404]).

Изданная, въ 1833 году, Вукомъ Стефановичемъ, четвертая часть „Народныхъ Сербскихъ Пѣсенъ", подала поводъ г. Венелину написать прекрасную статью, которая была помѣщена въ Телескопѣ. Г. Венелинъ издалъ эту статью отдѣльною брошюркою, подъ № 1, какъ первый приступъ къ цѣлому ряду статей въ этомъ родѣ, имѣющихъ цѣлію знакомить Русскую публику съ народною поэзіею Задунайскихъ Славянъ. Намѣреніе прекрасное и благородное! Мы такъ мало знакомы въ этомъ отношеніи съ нашими соплеменниками, что должны радоваться всякому добросовѣстному труду, который можетъ

---

[1]) Продается въ книжномъ магазинѣ Н. Н. Глазунова; цѣна 3 р. 50 к. ассиг.

обогатить насъ хотя нѣсколькими фактами. Книжка г. Венелина содержитъ въ себѣ много богатыхъ и, что всего важнѣе, освѣщенныхъ идеею, фактовъ.

Первобытная поэзія народовъ заслуживаетъ особенное вниманіе, потому что она юна и свѣжа какъ жизнь юноши, непритворна и простодушна какъ лепетъ младенца, могущественна и сильна какъ первое, дѣвственное сознаніе жизни, чиста и стыдлива какъ улыбка красоты. Это творчество истинное, безсознательное, безцѣльное, хотя, въ тоже время, и одностороннее, одноцвѣтное. Оно вполнѣ, истинно и живо, проявляетъ духъ, характеръ и всю жизнь народа, которыя высказываются въ немъ непринужденно и безыскусственно. Отъ этого, произведенія младенчествующихъ народовъ вѣчно юны и неумирающи. Мы не знаемъ этихъ безыменныхъ пѣвцовъ, добродушно и безразчетно изливавшихъ свое чувство въ минуты радости или тоски; они творили не для безсмертія, не для цѣли нравственной или политической, не для всѣхъ этихъ разсчетовъ, корыстныхъ и безкорыстныхъ, которые нерѣдко западаютъ въ кабинетныя произведенія, какъ черви вредоносные, и подъѣдаютъ корень жизни художественнаго произведенія.

Пѣсни Задунайскихъ Славянъ, сколько мы можемъ судить по образцамъ, предложеннымъ авторомъ разсматриваемой нами статьи, представляютъ самыя лучшія данныя для подтвержденія этого мнѣнія о первобытной поэзіи, этого мнѣнія, котораго мы не смѣемъ назвать своимъ, потому что теперь оно принадлежитъ всѣмъ людямъ съ здравымъ смысломъ и родилось гораздо прежде насъ. Пѣсни Задунайскихъ Славянъ выражаютъ всю жизнь народа, которымъ онѣ созданы, также какъ Иліада выражаетъ всю жизнь Грековъ въ ея героическій періодъ. Прочтя ихъ, вы не будете имѣть нужды ни въ описаніяхъ путешественниковъ, ни въ пособіи исторіи, чтобы познакомиться вполнѣ съ народомъ. Въ нихъ вся его жизнь, внѣшняя и домашняя, всѣ его обычаи и повѣрья, всѣ задушевныя вѣрованія, надежды и страсти. Но мы не будемъ слишкомъ распространяться о пѣсняхъ Задунайскихъ Славянъ, потому что, въ такомъ случаѣ, мы невольно повторили-бы все, что́ о нихъ такъ умно, такъ основательно, такъ вѣрно и такъ увлекательно высказано г. Венелинымъ; вмѣсто того бросимъ бѣглый библіографическій взглядъ на его сужденіе.

Статья начинается выпискою двухъ пѣсенъ, на сербскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій. Переводъ сдѣланъ самимъ авторомъ статьи, и сдѣланъ прекрасно. Онъ близокъ, вѣренъ, поэтиченъ, если можно такъ сказать, и русскій языкъ нигдѣ не изнасилованъ, нигдѣ не страждетъ на счетъ этой близости. Мы были-бы очень благодарны

автору, еслибъ онъ дарилъ намъ чаще и больше подобными переводами пѣсенъ славянскихъ народовъ, которые ему такъ хорошо знакомы. Послѣ пѣсенъ, авторъ начинаетъ разсуждать о характерѣ и обычаяхъ Болгаръ и Сербовъ, и особенно о ихъ *дѣвохищеніи*. Факты, сообщаемые имъ, чрезвычайно любопытны. Потомъ онъ выводитъ изъ нихъ заключеніе о характерѣ пѣсенъ этихъ народовъ. Потомъ разсуждаетъ объ историческихъ причинахъ, дающихъ иногда тому или другому народу другой характеръ, нежели какой онъ имѣлъ. Мысли его объ этомъ предметѣ прекрасны, глубоки, и подкрѣплены фактами. Изъ этого разсужденія онъ объясняетъ кровавый и мрачный характеръ Задунайцевъ, отразившійся въ ихъ пѣсняхъ. Характеръ поэзіи Задунайцевъ, по его мнѣнію, чисто Гомерическій, и мы съ этимъ вполнѣ согласны: *героизмъ* и *юначество*—одно и тоже. Въ заключеніе, авторъ говоритъ вообще объ *эпопеѣ*, разумѣя подъ этимъ словомъ такого рода художественныя произведенія, которыя создаются не какимъ-либо лицомъ, а цѣлымъ народомъ. Вслѣдствіе этого, онъ очень основательно отвергаетъ художественное и *эпическое* достоинство всѣхъ кабинетныхъ произведеній, какъ-то: Энеиды, Освобожденнаго Іерусалима, Генріады, Россіады [1]) и пр., какъ сочиненій заказныхъ, какъ *нарочныхъ трудовъ по части героизма*. Этаже идея привела его къ разсужденію объ Иліадѣ, какъ твореніи самобытномъ и живомъ, созданномъ народомъ, а не какимъ-то Гомеромъ. Мысль не новая, но хорошо развитая авторомъ. Онъ доказываетъ, что *омиросъ* есть слово нарицательное и значитъ *слѣпца*. Прекрасно также развита авторомъ мысль о томъ, что каждый народъ имѣетъ своего представителя и его-то выводитъ въ своихъ созданіяхъ: эпопеѣ и пѣсняхъ; Греки Ахилла, Испанцы Донъ-Жуана, Нѣмцы Фауста и т. д. Герой Болгаровъ есть *Марко Королевичъ*.

Однимъ словомъ, статья или брошюрка г. Венелина принадлежитъ къ тѣмъ пріятнымъ явленіямъ, которыя у насъ очень рѣдки. Но, отдавая должную справедливость достоинствамъ этого сочиненія, мы, съ тѣмъ же безпристрастіемъ, замѣтимъ и его недостатки. Мы пропускаемъ, что языкъ г. Венелина нерѣдко бываетъ неправиленъ и страненъ, что онъ любитъ употреблять слова и выраженія, никѣмъ не употребляемыя, какъ-то: *кухонность человѣческаго рода* и тому подобныя, которыхъ не мало; все это не важно. Но насъ удивили нѣкоторыя его мысли, изложенныя частію въ выноскахъ, частію въ прибавленіяхъ къ статьѣ; онѣ кажутся намъ въ совершенной дисгармоніи съ тѣми, о которыхъ мы говорили выше. Съ трудомъ вѣрится, чтобы тѣ и другія принадлежали одному и томуже

---

[1]) Вмѣсто которой ошибкою напечатано: „Лузіады“.

лицу. Что значитъ, напримѣръ, эта насмѣшка надъ Гёте, за то что онъ выдалъ Елену Иліады за нѣмца Фауста? Неужели почтенному автору неизвѣстно, что есть художественныя сочиненія, которыя, будучи неестественны, несбыточны и нелѣпы въ фактическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе истинны поэтически? Неужели ему неизвѣстно, что, въ творчествѣ, сказка или расказъ бываетъ иногда только символомъ идеи? Чтò за насмѣшка надъ красавицею Еленою, которую авторъ грозится наказать самымъ славянскимъ, т. е. самымъ варварскимъ наказаніемъ? За что такая немилость? Неужели почтенный авторъ думаетъ, что дѣйствующія лица въ поэмѣ должны быть всегда резонабельны, нравственны, словомъ, должны отличаться хорошимъ поведеніемъ? Неужели ему неизвѣстно, что самыя понятія о нравственности не у всѣхъ народовъ и не во всѣ вѣка сходны? Елена нисколько не оскорбляла своимъ поведеніемъ жизни древнихъ; она совершенно въ духѣ народа и въ духѣ времени. Ее также смѣшно упрекать въ безнравственности, какъ смѣшно упрекать Задунайскихъ Славянъ въ томъ, что они головорѣзы.

Потомъ, что это за нападки на Гердера и Гизо? И за что-же? за то, что они находили духъ рыцарства и героизма только въ нѣмецкихъ племенахъ, а не въ славянскихъ? Странно! — Конечно, героизмъ, т. е. непосѣдность, предпріимчивость и страсть къ кровопролитію, свойственны болѣе или менѣе всякому младенчествующему народу; но и самый этотъ героизмъ имѣетъ большій или меньшій кругъ дѣйствія. Нордманы переплывали моря и завоевывали отдаленныя страны, а Славяне дрались съ своими сосѣдями, или другъ съ другомъ. Чтó-же касается до рыцарства, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ исключительно одной Европѣ среднихъ вѣковъ, и именно нѣмцамъ. Рыцарство и героизмъ очень похожи другъ на друга, но между ними есть и большая разница: героизмъ бываетъ почти всегда безсмысленъ, а рыцарство водится идеею. Гдѣ-же надо искать этой идеи? Неужели въ безсмысленной рѣзнѣ Задунайскихъ Славянъ съ Турками или Кавказскихъ племенъ между собою? За что-же Г. Венелинъ такъ сердится на Гизо и особенно на великаго Гердера, что они были неуважительны къ Славянамъ? Я презираю это дѣтское обожаніе авторитетовъ, вслѣдствіе котораго не льзя сказать о Мильтонѣ, что онъ не поэтъ, или, по крайней мѣрѣ, не великій поэтъ, и тому подобное; но съ тѣмъ вмѣстѣ противъ неуважительнаго тона къ людямъ, оказавшимъ человѣчеству большія услуги, каковъ Гердеръ; и слова: „*Гердеръ дѣтствуетъ, Гердеръ ребячествуетъ*“, мнѣ кажутся неумѣстными. Гердеръ могъ ошибаться, могъ не знать чего-либо, но никогда онъ не могъ ни дѣтствовать, ни ребячиться. Намъ желательно, чтобы г. Венелинъ,

въ слѣдующихъ своихъ брошюркахъ, объяснился точнѣе насчетъ всѣхъ нашихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что эти вопросы не одними нами повторяются.

Но не смотря на все это, мы признаемъ сочиненіе г. Венелина пріятнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, достойнымъ прочтенія людей мыслящихъ, и увѣрены, что г. Венелинъ приметъ наше откровенное мнѣніе какъ о достоинствахъ, такъ и недостаткахъ его статьи, за доказательство нашего къ нему уваженія.

*179. **Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта**, содержащее извлеченія изъ путешествій извѣстнѣйшихъ донынѣ мореплавателей, какъ-то: Магеллана, Тасмана, Дампіера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картерета, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Блея, Ванкувера, Антркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Билленгсгаузена, Галля, Дюперре, Паульдинга, Бигея, Литке, Диллона, Лапласа, Морелля, и многихъ другихъ, составленное *Дюмонъ-Дюрвилемъ*, капитаномъ французскаго королевскаго флота, съ присовокупленіемъ картъ, плановъ, портретовъ и изображеній замѣчательныхъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта. Часть первая. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835. 493, IX. (8)[405]).

Есть два рода просвѣщенія: просвѣщеніе *ученое* и просвѣщеніе *эмпирическое*. Первое есть достояніе касты, удѣлъ немногихъ избранныхъ, обрекшихъ себя на храненіе священнаго огня въ храмѣ недоступномъ для профановъ; второе есть достояніе общее, потребность массы, умственное богатство *цѣлаго* народа. Парижъ есть первый городъ Европы въ умственномъ отношеніи; всѣ ученые, которыми гордилась и гордится Франція, были и суть граждане великаго города; и однакожъ на статистической картѣ народнаго просвѣщенія, составленной Дюпенемъ, департаментъ Сены означенъ краскою чуть-чуть не черною. И, наоборотъ, въ Норвегіи всякой мужикъ есть человѣкъ грамотный, а мы не знаемъ именъ норвежскихъ ученыхъ, намъ неизвѣстны академіи и другія общества Норвегіи. Государство, которое гордится міровыми именами геніевъ науки, въ которомъ высшіе классы общества стоятъ на самой высокой степени просвѣщенія, а масса народа коснѣетъ въ дикомъ невѣжествѣ; такое государство еще не проявило вполнѣ всей своей жизни, не дошло до цѣли своего существованія; словомъ, оно еще молодо, юно, незрѣло. Государство, масса котораго стоитъ на извѣстной и одинаковой степени возможнаго для массы просвѣщенія, но которое не возрастило науки и не имѣло представителей знанія, это государство показываетъ, что, или Провидѣніе судило ему играть незначительную роль въ великомъ семействѣ человѣческаго рода, или что оно еще менѣе,

чѣмъ младенецъ. И такъ, то и другое просвѣщеніе должно быть въ полной гармоніи, чтобы вполнѣ развилась жизнь народа, вполнѣ было выполнено имъ его значеніе.

Въ наше время эта истина глубоко постигнута, и у просвѣщенныхъ народовъ Европы сближеніе науки съ жизнію составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ихъ усилій и дѣятельности. Ученѣйшіе люди проповѣдуютъ знаніе, принаравливаясь къ языку и понятіямъ своихъ слушателей, снисходя до нихъ и нарумянивая, такъ сказать, науку, чтобы сдѣлать ее привлекательнѣе для толпы. Народу нужны познанія чисто-фактическія, идея не для него; но народъ есть общество, а общество представляетъ, въ своей совокупности, множество ступеней; поэтому и самый образъ изложенія *свѣтской* науки долженъ быть различенъ. У насъ народу, т. е. самой грубой массѣ народа, нужна еще только азбука, а когда выучится ей, ему нужно ознакомиться съ основаніями религіи и другими первоначальными человѣческими идеями; другаго знанія для него пока не нужно. Но въ другихъ сословіяхъ, одни почитаютъ себя вправѣ ничего не знать и ничему не учиться, а другіе и должны-бы по всѣмъ законамъ, божественнымъ и гражданскимъ, да не хотятъ. Вотъ для этихъ-то людей должно трудиться нашимъ литераторамъ и ученымъ; эти-то люди должны представлять для нихъ обширное поле дѣятельности, не блистательной, но благородной, не славной, но почтенной. Я не говорю о людяхъ, которые жаждутъ знанія и не имѣютъ никакихъ средствъ удовлетворить этой жаждѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что у насъ сдѣлано до сихъ поръ для употребленія общаго, народнаго? У нас есть ученые, именами которыхъ мы по справедливости гордимся, у насъ есть нѣсколько ученыхъ сочиненій, которыхъ достоинство не подлежитъ никакому сомнѣнію; но у насъ все-таки нѣтъ ни ученыхъ книгъ, ни книгъ для общаго чтенія съ цѣлію самообразованія. Думаемъ, что это происходитъ отъ того, что у насъ всѣ ищутъ и добиваются больше эфемерной славы, нежели хотятъ служить добру.

„Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля“ есть книга народная, для всѣхъ доступная, способная удовлетворить и самаго привязчиваго, глубоко ученаго человѣка, и простолюдина, ничего не знающаго. Дюмонъ-Дюрвиль объѣхалъ кругомъ свѣта и рѣшился почти въ формѣ романа изложить полное землеописаніе, соединивъ въ немъ факты, находящіеся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ путешественниковъ и пріобрѣтенные имъ самимъ. Заманчивость и прелесть его описаній не даютъ оторваться отъ книги, когда возьмешь ее въ руки. Но читатели должны уже имѣть понятіе о достоинствѣ этого сочиненія изъ объявленія, напечатаннаго переводчикомъ въ „Московскихъ Вѣдомо-

стяхъ", и потому мы не считаемъ за нужное слишкомъ распространяться на этотъ счетъ, замѣтимъ только, что эта книга переведена со всею тщательностію, со всею добросовѣстностію, что ея изданіе опрятно, даже великолѣпно, и. въ этомъ отношеніи, не уступитъ петербургскимъ изданіямъ. *Портретъ Кука* и *сорокъ восемь* рисунковъ нисколько не уступаютъ французскимъ оригиналамъ. Цѣна самая умѣренная: за шесть частей, изъ которыхъ одна первая состоитъ *слишкомъ изъ двадцати-пяти листовъ*, *тридцать* рублей. *Вторая* часть выйдетъ къ марту, а *шестая* въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года.

Мы сказали о книгѣ; теперь намъ остается сказать объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ къ ней близкое отношеніе. Предпріятіе г. Полеваго давно было всѣмъ извѣстно; онъ напечаталъ большой отрывокъ, кажется, изъ втораго тома, въ „Наблюдателѣ" и другой отрывокъ въ „Сынѣ Отечества". Вдругъ летитъ въ Москву программа объ изданіи „Путешествія Дюмонъ-Дюрвиля", par livraisons, съ приложеніемъ образчиковъ перевода и картинокъ: это дѣло г. Плюшара. Конечно, иностранное сочиненіе ни кому не принадлежитъ исключительно, и всякій имѣетъ право переводить его, даже и не зная, что другой занимается такимъ-же переводомъ; но добросовѣстное-ли дѣло подрывать кого-бы то ни было въ его предпріятіи? У г. Полеваго переводъ весь готовъ, чего не можетъ не знать г. Плюшаръ; первая книга была уже напечатана, картинки готовы, и на все это разумѣется употреблены были деньги. У г. Плюшара, напротивъ, ничего не готово; доказательствомъ можетъ служить его намѣреніе издавать это многотомное сочиненіе тетрадями: что же заставило его мѣшать, перебивать успѣхъ у Московскаго литератора? И что за мысль издавать подобную книгу по тетради въ мѣсяцъ?

Лишь только читатель заинтересуется содержаніемъ этой тетради, какъ вдругъ долженъ отложить удовлетвореніе [своего любопытства на мѣсяцъ; ему приносятъ другую тетрадь, а онъ уже забылъ первую. И добро бы изданіе г. Плюшара было лучше, но оно во всѣхъ отношеніяхъ далеко отстаетъ отъ изданія г. Полеваго: переводъ образчиковъ сдѣланъ наскоро, языкъ дуренъ, шероховатъ, печать хуже, и картинки лубочныя въ сравненіи съ картинками московскаго изданія. Само собою разумѣется, что предпріятіе г. Плюшара *не повредитъ* московскому: онъ еще только обѣщаетъ, а г. Полевой уже исполняетъ.

*180. **Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи.** Часть первая. Съ картинкою, изображающею дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны, сломанный Императоромъ Павломъ I. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча, XVI, 216. (12) [406]).

Въ одномъ журналѣ [407]) было сказано, что эта книга есть плодъ трудовъ какого-то молодого человѣка, успѣвшаго, въ самое короткое время, составить себѣ огромную славу своими трудами по части отечественной исторіи и своимъ свѣтлымъ взглядомъ на этотъ предметъ. Это объявленіе могло бы показаться намъ истинною сфинксовою загадкою, еслибъ мы не знали слишкомъ хорошо, какъ скоро и какъ легко пріобрѣтаются у насъ *огромныя славы*, что онѣ дешевле пареной рѣпы, что у насъ почти ихъ столькоже, сколько людей пишущихъ и печатающихъ. Поэтому никто не удивится, если мы скажемъ, что намъ неизвѣстенъ огромный авторитетъ, которому обязана своимъ существованіемъ „Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи". И такъ мы взглянемъ прямо и смѣло на это новое литературное свѣтило, не зажигая глазъ и не боясь ослѣпнуть.

„Библіотека полезныхъ для Россіи свѣдѣній" есть не иное что, какъ довольно неудачная компиляція. Она назначается издателемъ для молодыхъ людей отъ 13 до 16 лѣтъ, а негодится даже для дѣтей 6 и 7 лѣтъ. Для первыхъ она не годится потому, что не можетъ сообщить никакихъ основательныхъ свѣдѣній рѣшительно ни о чемъ. Вообще энциклопедическія познанія вредны для молодыхъ людей; отрывчатыя статейки безъ начала и конца не могутъ показать предмета во всей его обширности, и притомъ такого предмета, каковы: Петръ Великій, Суворовъ, Троицкая Лавра, и т. п. При томъ же, молодые люди сами могутъ прочесть тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ заимствовался г. компиляторъ. Для вторыхъ компиляція не годится потому, что она не одушевлена ни мыслію, ни чувствомъ, что она лишена всякой заманчивости, всякой прелести, безъ которыхъ ребенокъ не возьмется за книгу. Представьте себѣ приставника, который бы, на примѣръ, провелъ всю жизнь свою въ Грановитой Палатѣ, и говоритъ вамъ, безъ всякаго одушевленія, безъ всякаго движенія, слова, сдѣлавшіяся для него привычкою жизни: „вотъ посохъ Іоанна Грознаго, вотъ сапоги Петра Великаго!" и проч. Г. компиляторъ точно съ такимъ же равнодушіемъ излагаетъ разные факты. Только одинъ разъ онъ одушевился чувствомъ и наговорилъ вотъ какихъ фразъ: И вотъ поднялась надъ нимъ (Петербургомъ) чья-то огромная, какъ небо, чья-то нерушимая, какъ время, и могучая какъ природа, воля; вы еще не очнулись, а городъ сдѣлался уже столицей обширной, уважаемой и мощно утвержденной имперіи; гордыня враговъ подавлена, и первый воитель вѣка разбитъ: внутренній порядокъ, *какъ стройная дѣва—обрученъ* съ новымъ перерожденнымъ народомъ; на мѣстѣ, гдѣ воздымался болотный туманъ, въ ясномъ воздухѣ воцарился орелъ, владычествующій *четырьмя морями*; гражданственность, умъ, доблести, богатство, слава, величіе—все явилось,

какъ бы очарованіемъ! — Шереметевъ, Меньщиковъ, Остерманъ, Апраксинъ, Кантемиръ, Долгоруковъ, Ѳеофанъ!—Прутъ!—Полтава!— Нейштатъ! Какой рядъ великихъ *видѣній*; какой чудный сонъ... не бойтесь, это *сущность*! (Авторъ вѣрно хотѣлъ сказать существенность??).

Языкъ этой книжки вообще не очень удовлетворителенъ. Нерѣдко попадаются фразы, подобныя слѣдующей: „Царь сидѣлъ въ первомъ ряду на большихъ креслахъ драгоцѣнно украшенныхъ, *имѣя* на головѣ шапку". Что это за *имѣя?* Оно напоминаетъ презабавный стихъ изъ одной переведенной съ италіянскаго оперы, напечатанной въ царствованіе Анны Іоанновны:

Уже *имѣется* вблизи заря утрення.

Впрочемъ, эта книжка написана съ смысломъ, и при всей несоотвѣтственности своей цѣли можетъ быть не безполезна. По крайней мѣрѣ, цѣль ея составленія и изданія похвальна, а это много значитъ.

(**В. Б.**).

181. **Вастола или Желанія. Повѣсть въ стихахъ, соч. *Виланда*. Въ трехъ частяхъ. Изд. А. Пушкинъ. Санктпетербургъ. 1836. 96. (8) [408]).

„Вастола" надѣлала много шуму [409]) и въ нашей литературѣ и въ нашей публикѣ: имя Пушкина, выставленное на этомъ сочиненіи, напоминающемъ своими стихами времена Тредіяковскаго и Сумарокова, подало поводъ къ страннымъ сомнѣніямъ, догадкамъ и заключеніямъ. Но критики и рецензенты поставлены этимъ магическимъ именемъ въ совершенный тупикъ. Имя при сочиненіи важно для всѣхъ, для критиковъ особенно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь могутъ же быть такія сочиненія, которыя, какъ первый опытъ неизвѣстнаго юноши, должны служить залогомъ прекрасныхъ надеждъ; а какъ произведенія какого-нибудь заслуженнаго корифея, могучаго атлета литературы, должны служить признакомъ гніенія художнической жизни, упадкомъ творческаго дара?... Напиши теперь Пушкинъ еще „Руслана и Людмилу" — публика приняла-бы холодно это произведеніе, дѣтское по идеѣ и вымыслу, но живое и пламенное по исполненію; но явись теперь съ „Русланомъ и Людмилою" опять какой-нибудь неизвѣстный юноша — ему снова рукоплескала-бы цѣлая Русь!.. Да, что ни говорите, а имя при сочиненіи важное дѣло! — При настоящемъ двусмысленномъ состояніи нашей литературы, появленіе почти каждаго новаго произведенія сопровождается какою-нибудь странною и совсѣмъ не-литературною исторіею; тоже случилось и съ „Вастолою". Пушкинъ издатель или авторъ этой поэмы?

вотъ вопросъ. Мы не хотимъ рѣшать его; намъ нѣтъ дѣла до частныхъ, домашнихъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ появленіемъ того или другаго сочиненія; мы видимъ книгу и судимъ о ней. Да! такъ бы должно быть, но случай-то вовсе изъ рукъ вонъ! Мы скорѣй повѣримъ, что какой-нибудь витязь толкучаго рынка написалъ романъ, который выше Ивангое и Пуританъ, драму, которая выше Гамлета и Отелло, чѣмъ тому, чтобъ Пушкинъ былъ переводчикомъ „Вастолы". Пушкинъ можетъ быть ниже себя, но никогда ниже Сумарокова. Равнымъ образомъ, мы никогда не повѣримъ и тому, чтобы Пушкинъ выставилъ свое имя на негодномъ рыночномъ произведеніи, желая оказать помощь какому нибудъ бѣдному рифмачу; такого рода благотворительность слишкомъ оригинальна; она похожа на сердоболіе начальника, который не хочетъ выгнать изъ службы пьянаго, лѣниваго и глупаго подъячаго, не желая лишить его куска хлѣба. Конечно, можетъ быть, это сравненіе покажется невѣрнымъ, потому что оба эти поступка, по видимому, имѣютъ мало сходства; но я думаю, что они очень сходны между собою, и именно тѣмъ, что равно беззаконны, при всей своей законности, неблагонамѣренны при всей своей благонамѣренности, и тѣмъ, что какъ тотъ, такъ и и другой, лишены здраваго смысла. И такъ, очень ясно, что послѣдній слухъ лживъ, по крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ вслѣдствіе нашего глубокаго уваженія къ первому русскому поэту. По этому, лучше оставить дѣло, какъ оно есть, не разгадывая и не объясняя его.

Но мы все таки не хотимъ вѣрить, чтобы эта несчастная и безталанная „Вастола" была переведена Пушкинымъ, не хотимъ и не можемъ вѣрить этому по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, „Вастола" есть произведеніе Виланда, какъ означено въ ея заглавіи. А что такое Виландъ? Нѣмецъ подражавшій, или лучше сказать, силившійся подражать французскимъ писателямъ XVIII вѣка; нѣмецъ, усвоившій себѣ, можетъ быть, пустоту и ничтожность своихъ образцовъ, но оставшійся при своей родной нѣмецкой тяжеловатости и скучноватости. Потомъ, что такое долженъ быть нѣмецъ, который хотѣлъ подражать французскимъ острякамъ и балагурамъ восьмнадцатаго вѣка? Если онъ человѣкъ посредственный, то похожъ на медвѣдя, котораго бы заставили танцовать французскую кадриль въ порядочномъ обществѣ; если онъ человѣкъ мысли и чувства, то похожъ на жреца, который, забывъ алтарь и жертвоприношеніе, пустился въ присядку съ уличными скоморохами. Очевидно, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, нѣмцу не годится подражать ни кому, кромѣ самаго себя, тѣмъ менѣе французскимъ писателямъ восьмнадцатаго вѣка. Теперь, что такое „Вастола"? По нашему мнѣнію, это просто

пошлая и глупая сказка, принадлежащая къ разряду этихъ нравоучительныхъ повѣстей (contes moraux), въ которыхъ выражалась, легкими разговорными стихами, какая-нибудь пошлая, ходячая и для всѣхъ старая истина практической жизни. Восьмнадцатый вѣкъ былъ въ особенности богатъ этими нравоучительными повѣстями; самыя повѣсти Мармонтеля, хотя онѣ писаны прозою, принадлежатъ къ томуже типу. Эти повѣсти всегда были нравоучительны, хотя и не всегда были нравственны, и очень понятно, почему ихъ такъ любилъ восьмнадцатый вѣкъ: лицемѣръ чаще всѣхъ говоритъ о религіи, безнравственный человѣкъ больше другихъ любитъ наставлять своихъ ближнихъ длинными поученіями о нравственности. „Вастола есть одна изъ этихъ нравоучительныхъ повѣстей, которыхъ бездну можно найти въ нашихъ прежнихъ образцовыхъ сочиненіяхъ, издававшихся въ пользу и назиданіе юношества. Теперь спрашивается, кто можетъ предположить, чтобы Пушкинъ выбралъ себѣ для перевода сказку Виланда, и такую сказку?... Можетъ быть, многіе скажутъ, что это естественный переходъ отъ „Анжело“: и то можетъ статься!...

Вторая причина, заставляющая насъ не вѣрить, какъ нелѣпости, чтобъ Пушкинъ былъ переводчикомъ „Вастолы“, заключается въ достоинствѣ перевода, въ этихъ стихахъ, которые Русь читала съ восхищеніемъ при Сумароковѣ, которые стала забывать съ появленія Богдановича, и о которыхъ совсѣмъ забыла съ появленія Пушкина. Мы не станемъ излагать содержанія „Вастолы“, потому что мы этимъ показалибы крайнее неуваженіе не только къ публикѣ, но даже къ самимъ себѣ: сказка не только пошла и глупа, но еще не благопристойна. Вмѣсто этого мы выпишемъ нѣсколько стиховъ:

. . . . . Подойдемъ къ тому густому лѣсу,
Который мглой не вдалекѣ
Салернски горы осѣняетъ. . .
Какое чудо въ немъ мелькаетъ?
А! вижу — въ чащѣ древъ удалый молодецъ
Надъ связкой хвороста стоитъ и размышляетъ.
Но гдѣ занять мнѣ кисть, гдѣ взять такой рѣзецъ,
Чтобъ, выставивъ во всемъ величествѣ натуру,
Я могъ изобразить точь въ точь его фигуру?
Какъ онъ недвижимъ на травѣ,
Копается въ своей претолстой головѣ,
Какую только лишь въ Москвѣ,
Или въ другихъ большихъ столицахъ,
При древнихъ князѣхъ и царицахъ,
Срывала на пирахъ съ поджареныхъ быковъ
Желѣзная рука россійскихъ дюжаковъ;
Какъ рыжій цвѣтъ волосъ представить вамъ словами,

Блестящихъ межъ деревъ огнистыми клоками,
Которые торчатъ вкругъ плоскаго чела
Подобно ржи въ копнѣ, что буря растрясла?
Огромный ростъ на лбу, скулы какъ роги,
Въ полфута уши, длинный носъ,
Широкую спину и — ноги,
Которыхъ складъ довольно косы
Короче — чудное игралище природы.
Какихъ немного въ наши годы.
Но кои отъ лица и стана своего
Не потеряли ничего,
За тѣмъ, что матери Изидѣ,
Кого случится въ странномъ видѣ
Въ насмѣшку свѣту произвесть,
Тому она сама покровъ въ такой обидѣ:
Даритъ другое что ни есть...

Это герой поэмы!—Каковъ?—А вотъ одинъ изъ его подвиговъ:

. . . .
Нечаянно въ одной долинѣ предъ собою
Онъ видитъ трехъ дѣвицъ прерѣдкихъ красотою:
На солнушкѣ рядкомъ
Они глубокимъ спали сномъ.
Перфонтій нашъ свои шаги остановляетъ,
Разсматриваетъ ихъ отъ головы до ногъ;
Всѣ части озираетъ
И вдоль и поперѣкъ.
То щуритъ на ихъ грудь, на нѣжныя ихъ лицы,
Свои татарскія зеницы,
Какъ постникъ на творогъ;
То вновь распялитъ ихъ, какъ будто что смѣкаетъ,
И такъ съ собою разсуждаетъ:
„Не жалко-ль, если разберу,
Что эти дѣвки, какъ теляты,
Лежатъ на солнечномъ жару!
Вѣдь ихъ печетъ вездѣ: въ макушку, въ грудь и въ пяты“ и проч.

Эти три дѣвицы были волшебницы; онѣ исчезаютъ изъ глазъ героя „Вастолы“, и переводчикъ выразилъ это исчезновеніе слѣдующимъ прекраснымъ и энергическимъ стихомъ:

Съ симъ словомъ *трехъ дѣвицъ присутство исчезаетъ.*

Предоставляемъ здравому смыслу читателей судить—Пушкина-ли это стихи?..

***182. Пѣсни, романсы и разныя стихотворенія.** Занятіе въ свободные часы *А. П.* Москва. Въ типографіи М. Пономарева. 1836. 70. (16) [410]).

Да не приводитъ васъ, читатели, въ смущеніе ни безграмотное

заглавіе этой крохотной книжки, ни таинственныя буквы, которыя должны означать собою имя автора: таинственный авторъ этихъ стихотвореній есть не кто иной, какъ извѣстный г. *Пуговишниковъ*[411]), а безграмотность заглавія ни сколько не унижаетъ ни достоинства безграмотныхъ стихотвореній, ни таланта г. *Пуговишникова*: онъ геній самородный, а грамматика геніямъ не нужна. Въ самомъ дѣлѣ, оставя всѣ шутки, въ стихотвореніяхъ г. *Пуговишникова* не достаетъ только грамматики и не соблюдены правила версификаціи, а во всемъ прочемъ они ни на волосъ не уступаютъ стихамъ *истиннаго* переводчика „Вастолы". На сторонѣ стихотвореній г. *Пуговишникова* еще то преимущество, что онѣ чужды неблагопристойности. Чѣмъ напр. худы эти стихи?

Къ моему генію.

Должно ли лирѣ золотой,
Быть рано мной забытой?
И жалкою остаться сиротой!
Ужель крылатый геній мой
Останется сокрытый
Въ пустынѣ гробовой?
Ужель мнѣ не блеснетъ
Отрадный его лучъ
Сквозь жизни грозныхъ тучъ?

Ужели оный пропадетъ
Съ привѣтною звѣздой;
Какъ яркая зорница
На сводѣ сумрачныхъ небесъ
Ужели вѣчно онъ исчезъ?
И заперта его темница
И развалился какъ утесъ,
Увялъ какъ юная вдовица.

Скажемъ, въ заключеніе, что стихотворенія г. *Пуговишникова* имѣютъ и другое преимущество предъ „Вастолою", что, превосходя ее въ художественномъ достоинствѣ, стоятъ только „два рубля".

***183. Пѣсни** *Т. м. ф. а.* Часть первая. Изданіе второе, пополненное. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Х. Гинце. 1835. 178. (8). Съ эпиграфомъ:

Faut-il gémir, faut-il chanter?
Chantons!
Lamartine.

Елисавета Кульманъ. Фантазія. *Т. м. ф. а.* Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Х. Гинце. 1835. 135. (8). Съ эпиграфомъ:

„Богъ послалъ ее на землю не для того,
чтобы оставить здѣсь, но чтобы показать
людямъ свое твореніе."
Надпись на пам. Кул.[412]).

Г. Тимофеевъ принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ и неутомимыхъ нашихъ поэтовъ: стихотвореніе за стихотвореніемъ, фантазія за фантазіею, повѣсть за повѣстью—успѣвай только читать!— Право, съ такимъ трудолюбіемъ, съ такою неутомимостью можно

поставить критику въ совершенный тупикъ: бѣдная не въ силахъ будетъ слѣдить за развитіемъ поэта и преслѣдовать его успѣхи.. Но наша критика (если только она есть) не можетъ назваться бѣдною, истощенною труженицей, сколько потому что у насъ мало дѣятельныхъ писателей, столько и потому что у нашихъ писателей дѣятельность рѣдко бываетъ признакомъ силы и разносторонности таланта, что, прочтя и оцѣня одно ихъ произведеніе, можно не читать и не оцѣнивать остальныхъ, какъ бы много ихъ ни было, въ полной увѣренности, что они пишутъ одно и тоже, и все также. Намъ кажется, что г. Тимофеевъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей. Чего не пишетъ онъ, какихъ стихотвореній нѣтъ у него?.. И повѣсти, фантасмагоріи, и пѣсни, и съ риѳмами и бѣлыми стихами, и съ припѣвами и безъ припѣвовъ, и, наконецъ, съ затѣйливыми посвященіями отцамъ, матерямъ, дядьямъ, братьямъ, сестрамъ, несчастнымъ, русскимъ, и пр. и пр. Онъ поддѣлывается и подъ мысль, и подъ чувство, хочетъ взять то странностію, то затѣйливостью, вычурностью, то простотою, безискуственностью—и что-же?—ничто не удается!.. Не смотря на все видимое разнообразіе его произведеній, они чрезвычайно похожи другъ на друга, онѣ всѣ сравнены уровнемъ посредственности. Въ нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній легко замѣтить блестки ума; но чувства, но фантазіи—нѣтъ и слѣдовъ!—

Взглянемъ на нѣкоторыя изъ его пѣсенъ, и спросимъ всякаго, справедливо ли наше мнѣніе объ немъ или ложно, безпристрастно или пристрастно.

Здѣсь все мрачно, все здѣсь дико,
Всюду пусто, всюду тихо.
Каркай воронъ, квакай жаба,
Пойте, войте, духи ада!
Каркай демонъ, квакай жаба,
Пойте, войте, духи ада!
Всюду мрачно, всюду тихо,
Все здѣсь пусто, все здѣсь дико!

Первымъ изъ этихъ куплетовъ начинается, а вторымъ оканчивается пьеса „Отверженный". Вы думаете, что герой этой пьесы есть какой-нибудь злодѣй, мучимый терзаніями совѣсти; ничего не бывало—это просто несчастный человѣкъ, съ которымъ никто не дѣлился душою, котораго никто не хотѣлъ приголубить. Гдѣ-жъ здравый смыслъ, гдѣ логика? Развѣ искусство состоитъ въ отсутствіи здраваго смысла, развѣ чувство идетъ наперекоръ логикѣ?.. Нѣтъ, милостивые государи, когда дѣло идетъ о творчествѣ, умъ ошибается противъ логики здраваго смысла, а чувство всегда согласно съ нею. Вамъ теперь смѣшно стихотвореніе Ломоносова „Заблудившійся

Амуръ", а въ свое время оно считалось чудомъ, дивомъ человѣческаго генія: что-жъ это значитъ? а то, что умъ сдѣлалъ глупость[413]); напротивъ, все созданное чувствомъ, никогда не можетъ казаться смѣшнымъ, никогда не можетъ устарѣть и обветшать. Обращаюсь къ этимъ двумъ куплетамъ; не мечутся-ли они въ глаза своей дикой странностью, своею нелѣпой нескладицей? Развѣ пародія на два стиха Мицкевича есть поэзія? Развѣ придуманная дикость есть фантастическое? Развѣ *демоны каркаютъ?..*

Спи малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки баю!
Жили, были
Братъ съ сестрою.
Демонъ въ брата
Поселился;
Братъ въ сестрицу
Вдругъ влюбился.
Клара съ братомъ
Разлучилась,
Клара въ келью
Заключилась.
Спи, малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки, баю!
. . . .
Въ мрачномъ лѣсѣ
Черезъ мѣсяцъ,
Путникъ встрѣтилъ
Трупъ холодный.
Трупъ былъ черенъ.
Уголь углемъ;
Вмѣсто носа,
Кость да яма,
Ротъ исклеванъ
Ястребами;
Лобъ источенъ
Весь червями;
Возлѣ трупа
Ножъ булатный..
Спи, малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки, баю!

Конечно отъ этихъ стиховъ и взрослый заснетъ спокойно и крѣпко, тѣмъ болѣе младенецъ; но скажите, Бога ради, къ какой стати пѣть надъ колыбелью невиннаго существа о такихъ отвратительныхъ мерзостяхъ?—Пьеска эта посвящена „любительницамъ чрезвычайно

страннаго", и это не добрѣ: лучше-бы посвятить ее вообще всѣмъ „любителямъ нелѣпаго"!—

Грамматика.

Еслибъ можно было сдѣлать,
Чтобъ въ *грамматикѣ* людей,
Богъ далъ болѣе *согласныхъ*
И поменьше *запятыхъ*;
Чтобъ отнынѣ и во вѣки,
Съ разрѣшенія судьбы
Существительное имя
Было *истина* у всѣхъ,
Съ *прилагательнымъ*—святая
И съ *числительнымъ*—одна,
Безъ пустыхъ *мѣстоименій*,
И безъ грозныхъ *падежей*!
Чтобъ *нарѣчье* было просто,
Какъ нарѣчіе дѣтей,
Безъ *страдательныхъ глаголовъ*,
Безъ *предлоговъ*, безъ прикрасъ;
Чтобъ *союзъ* и былъ союзомъ,
А не вывѣской одной,
Безъ условнаго *ужъ еслибъ*,
И холоднаго *или*;
Чтобъ святое *междометье*
Вылетало отъ души,
А не такъ какъ нынѣ въ свѣтѣ!..
. . . .
. . . .
И тогда ужъ изъ людей
Мы бы стали снова дѣти,
Но счастливѣе дѣтей!..

И это стихотвореніе написалъ *поэтъ*, *художникъ*, словомъ, человѣкъ съ талантомъ, съ дарованіемъ?.. Если такъ, то признаюсь, кто-жъ не поэтъ, что не поэзія?—Такая холодная, такая полезная аллегорія — откуда она вырыта?... Ужъ не изъ погребовъ-ли Сумароковыхъ, Грамматиныхъ [414]), Николевыхъ?—Или, и въ самомъ дѣлѣ, поэзія есть забава, игрушка, невинное препровожденіе времени?.. Можетъ быть—для иныхъ?—

Перелистываю всѣ стихотворенія г. Тимофеева, и вижу, что онъ иногда не чуждъ идей, какъ н. п. въ „Свободѣ Художника, Хандрѣ, Наполеонѣ" и пр.; но всѣ эти идеи не проходятъ чрезъ фантазію; все мертво, холодно, бездушно, вяло; все показываетъ, что онъ *дѣлаетъ* свои стихи, и, можетъ быть, дойдетъ до искусства дѣлать ихъ хорошо, не будетъ позволять себѣ, для рифмы, словъ подобныхъ „юбилеемъ" (вм. празднуемъ), а для мѣры, усѣченій въ родѣ Италья,

Флоренцья“ и пр. Но поэтомъ, художникомъ онъ никогда не будетъ, потому что до этого не льзя достигнуть ни навыкомъ, ни ученьемъ, ни прилежаніемъ, ни даже смертельною охотою.

Изъ всѣхъ пѣсенъ г. Тимофеева, намъ показалась[415]) одна „Простодушный“, не по своей художественности, а по какой-то наивности Вотъ она:

Говорятъ, есть страна,
Гдѣ не сѣютъ, не жнутъ,
Гдѣ все пѣсни поютъ
Гдѣ мужья видятъ женъ
Въ мѣсяцъ разъ, много два;
Гдѣ все пѣсня одна...
Гдѣ живутъ такъ и сякъ,
Чтобъ блеснуть, да пожить,
Да поѣсть, да попить.
Гдѣ уменъ, кто силенъ;
Всѣ отцы чудаки,
Гдѣ все носятъ очки.
Гдѣ все есть на прокатъ:
И друзья и жена,
И парча и родня.
Гдѣ все лѣзетъ, ползетъ,
Тихомолкомъ, тайкомъ,
Все бочкомъ, червячкомъ.
Гдѣ сквозь солнце льетъ дождь,
Гдѣ всегда маскарадъ:
Пой, пляши—радъ не радъ.
Гдѣжъ она, та страна,
Гдѣ не сѣютъ, не жнутъ,
Все поютъ, да ползутъ?..

Все что мы сказали о г. Тимофеевѣ, какъ поэтѣ, по поводу его мѣлкихъ стихотвореній, все это оправдывается, какъ не льзя лучше, и его фантазіею „Елизавета Кульманъ“. Это произведеніе рѣшительно ничтожно. Авторъ имѣлъ претензію возвысить нашу душу, умилить и разтрогать, представя намъ генія, помазанника провидѣнія, и—насмѣшилъ до слезъ. Этакъ не поминаютъ покойниковъ!..

Г. Тимофеевъ, въ нѣсколькихъ поэтическихъ картинахъ, представляетъ намъ развитіе внутренней жизни геніяльной дѣвушки. Но что такое геніяльная дѣвушка? Амалія, Миньона, Текла?... Это вопросъ посторонній, и мы почитаемъ неприличнымъ разсматривать его теперь. Скажемъ только, что г. Тимофеевъ представляетъ намъ душу генія-поэта, генія-художника—и его пьеса не есть поэтическій анализъ души художника: нѣтъ, это какая-то фантасмагорія, смѣлая по своей идеѣ, достойная бога Аполлона и опасная для Икаровъ... но у г. Тимофеева достало смѣлости взять на себя выполненіе такой

идеи!—Надо сказать, она необыкновенна потому только, что требуетъ слишкомъ много одушевленія, огня, роскошной фантазіи. Дѣло въ томъ, что у г. Тимофеева дѣйствуютъ геніи, силы природы, принимающія на себя человѣческія формы; у него является даже бѣдность во образѣ женщины. Согласитесь, что это мысль дѣтская, и по тому самому требующая фантазіи молодой, игривой, пылкой. Да! много надо поэзіи, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ невѣроятное, истиннымъ ложное, дѣйствительнымъ волшебное. Я не буду разбирать всей „фантазіи" г. Тимофеева, укажу только на одно мѣсто, которое показалось мнѣ курьознѣе другихъ. Геній разговариваетъ съ Елизаветою Кульманъ и описываетъ ей аллегорически Грецію, какъ страну, въ которую она должна направить свою дѣятельность и свои дарованія; едва успѣлъ геній исчезнуть, какъ входитъ учитель Елизаветы и предлагаетъ ей учиться по-гречески. „Елизавета въ изумленіи, стоитъ неподвижно отъ восторга; на глазахъ ея слезы. Она кидается въ объятія учителя"...

Мы почитаемъ „фантазію" г. Тимофеева оскорбленіемъ памяти Елизаветы Кульманъ во всѣхъ отношеніяхъ. Елизавета Кульманъ [416]), безъ всякаго сомнѣнія, была явленіемъ необыкновеннымъ, не какъ поэтъ, не какъ художникъ, а просто, какъ какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступленіе ея отъ своихъ обычныхъ законовъ. Мы читали въ „Библіотекѣ" статью г. Никитенки о Елизаветѣ Кульманъ, статью живую, одушевленную, горячую; только намъ показался невѣрнымъ и ложнымъ взглядъ автора на Елизавету Кульманъ, какъ на поэта; приведенные имъ стихи показываютъ, что она не была даже версификаторомъ, не только поэтомъ; не смотря на то, эта прекрасная статья заставила насъ удивляться Елизаветѣ, какъ чудесному и прекрасному явленію, промелькнувшему въ мірѣ падучею звѣздою. На память Елизаветы Кульманъ можно написать элегію, или другое какое-нибудь лирическое стихотвореніе; но написать такую фантасмагорію и заставить всѣ силы природы, небо, землю и адъ, принять участіе въ жизни этой необыкновенной, но отнюдъ не геніяльной дѣвушки, значитъ оскорблять ея память. Такого рода фантасмагорія моглабъ представить Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, какъ такихъ людей, въ геніяльности которыхъ убѣждено все человѣчество; еслибъ такая фантасмагорія была и неудачна, по крайней мѣрѣ, въ ней былъ бы смыслъ.

Должно однако присовокупить, что фантазія г. Тимофеева, лишенная даже призрака поэзіи, написана очень гладкими и бойкими стихами; что и въ ней, какъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Тимофеева, играютъ не послѣднюю роль вороны: г. Тимофеевъ очень любитъ воронъ!—[417]). **(В. Б.)**.

***184. Стихотворенія Александра Пушкина.** Часть четвертая. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1835. 189. (8) [418]).

Четвертая часть стихотвореній Пушкина заключаетъ въ себѣ двадцать шесть піэсъ, и въ числѣ ихъ извѣстный всѣмъ наизустъ „Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ", напечатанный, вмѣсто предисловія, при первой главѣ „Евгенія Онѣгина" перваго изданія; потóмъ, три большія сказки и, наконецъ, шестнадцать пѣсенъ западныхъ Славянъ, переведенныхъ или передѣланныхъ съ французскаго (исторія этого перевода извѣстна).

Вообще очень мало утѣшительнаго можно сказать объ этой *четвертой* части стихотвореній Пушкина. Конечно, въ ней видѣнъ закатъ таланта[419]), но таланта Пушкина; въ этомъ закатѣ есть еще какой-то блескъ, хотя слабый и блѣдный... Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что Пушкинъ перевелъ *шестнадцать* сербскихъ пѣсенъ съ французскаго, а самыя эти пѣсни подложныя, выдуманныя двумя французскими шарлатанами—и что-жъ?... Пушкинъ умѣлъ придать этимъ пѣснямъ колоритъ славянскій, такъ что, еслибы его ошибка не открылась, ни кто и не подумалъ бы, что это пѣсни подложныя. Кто что ни говори—а это могъ сдѣлать только одинъ Пушкинъ!—Самыя его сказки—онѣ, конечно, рѣшительно дурны, конечно поэзія и не касалась ихъ [1]); но все-таки онѣ цѣлою головою выше всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ другихъ нашихъ поэтовъ. Мы не можемъ понять, что за странная мысль овладѣла имъ, и заставила тратить свой талантъ на эти поддѣльные цвѣты. Русская сказка имѣетъ свой смыслъ, но только въ такомъ видѣ, какъ создала ее народная фантазія, передѣланная-же и прикрашенная, она не имѣетъ рѣшительно ни какого смысла. „Гусаръ, Будрысъ и его сыновья, Воевода"—всѣ этѣ пьесы не безъ достоинства, а послѣдняя рѣшительно хороша: такіе стихи, какъ, напримѣръ, эти, теперь очень рѣдки:

Говоритъ онъ: „Все пропало,
Чѣмъ лишь только, я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье—
Воевода все купилъ.
Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я—

---

[1]) Впрочемъ сказка „о Рыбакѣ и Рыбкѣ" заслуживаетъ вниманіе по крайней простотѣ и естественности расказа, а болѣе всего по своему размѣру чисто-русскому. Кажется, нашъ поэтъ хотѣлъ именно сдѣлать попытку въ этомъ размѣрѣ, и для того нарочно написалъ эту сказку.

От меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ—
И ему ты отдалась.
Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ на вѣкъ бѣжать".

Здѣсь есть чувство[420]); но прочее по большей части показываетъ одно умѣнье владѣть языкомъ и рифмою, умѣнье, иногда уже измѣняющее, потому что не рѣдко попадаются стихи, вставленные для рифмы, особенно въ сказкахъ, стихи, въ которыхъ отсутствуетъ даже вкусъ, видно одно savoir faire, и то не рѣдко съ промахами!..

„Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ" привелъ насъ въ грустное расположеніе духа: онъ напомнилъ намъ золотое время поэзіи Пушкина, то время, когда—какъ говоритъ онъ самъ о себѣ въ этой пьесѣ—

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мною всюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки чудные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, прекрасное было то время! Но что намъ до времени? оно прошло, а прекрасные плоды его остались, и они все также свѣжи, также благоуханны!...

Въ томъ же „Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ" поразило насъ грустнымъ чувствомъ еще одно обстоятельство: помните-ли вы мѣсто, гдѣ поэтъ, разочарованный въ женщинахъ, отказывается, въ своемъ благородномъ негодованіи воспѣвать ихъ? Въ первомъ изда-

ніи „Евгенія Онѣгина", при которомъ былъ приложенъ и этотъ поэтическій „Разговоръ", поэтъ говоритъ:

Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,
Любезный баловень природы!

Теперь эти стихи напечатаны такъ:

Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы!

Увы!... *Sic transit gloria mundi!...*[421]).

Но въ четвертой части стихотвореній Пушкина есть одно драгоцѣнное перло, напомнившее намъ его былую поэзію, напомнившее намъ былаго поэта: это „Элегія". Вотъ она:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю: мнѣ будетъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ-быть—на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной!

Да! такая элегія можетъ выкупить не только нѣсколько сказокъ, даже цѣлую часть стихотвореній!...

***185. Естество міра**, или вѣчность во времени, а пространство въ объемѣ. *А. Т.* Москва. Въ университетской типографіи. 1835. 17—65. (13). Съ эпиграфомъ:

„Должно всѣ правила извлекать изъ опытности, подъ руководствомъ разума. Сужденіе только соединяетъ и приводитъ въ порядокъ впечатлѣнія, получаемыя чувствами, потому что онѣ доставляютъ душѣ свѣдѣнія".
Опытъ Руководства къ Исторіи Философіи И. Д.

Устроеніе вселенной, или расположеніе естественныхъ видовъ по ихъ проявленіямъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1835. 80. (12). Съ эпиграфомъ:

„Высочайшая цѣль умственнаго образованія человѣка состоитъ въ совершенномъ развитіи врожденнаго ему самосвѣдѣнія, на которомъ основывается произшествіе его жизни, касательно внѣшнихъ обстоятельствъ, общаго міра и внутреннихъ принадлежностей особаго пребыванія“.

Изъ Предисловія Физики г. Велланскаго.

Очертательность естества, или наружная форма проявленій. *А. Т.* Москва. Въ университетской типографіи. 1835. VIII—45. (12). Съ эпиграфомъ:

„Умозрѣніе выходитъ изъ начала, признаннаго за истину, и идетъ черезъ рядъ послѣдствій по законамъ мысленія, къ истинѣ, для повѣрки же заключеній обращается къ природѣ и когда въ сей послѣдней находитъ подтвержденіе, причисляетъ ихъ къ свѣденіямъ, которыми по праву гордится умъ человѣческій, открывъ ихъ собственными средствами“.

Физика г. Павлова, с. 244. § 81.

Движимость естества или устремленіе видовъ къ равности отношеніямъ по ихъ проявленіямъ. *А. Т.* Москва. Въ университетской типографіи. 1835. 72. (12). Съ эпиграфомъ:

„Что есть вселенная?—Порядокъ“.

Пиѳагоръ. [422]).

Брошюрки г. А. Т. возбудили противъ себя самое ожесточенное гоненіе со стороны нашихъ журналовъ. „Библіотека для Чтенія“ осмѣяла ихъ по двумъ причинамъ: онѣ претендуютъ на умозрѣніе или высшіе философическіе взгляды, и преисполнены *сими* и *оными*. Извѣстно глубокое чувство антипатіи и омерзѣнія, которое возбуждаетъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ одно слово „философія“, извѣстна и ея ожесточенная ненависть къ проклятымъ *симъ* и *онымъ*. „С. Пчела“ ненавидитъ и боится всего, что выходитъ изъ границъ золотой посредственности, по одному подозрѣнію, что тутъ можетъ скрываться „философія“; но *сіи* и *оныя* она жалуетъ, и горячо, хотя очень неловко, отстаиваетъ отъ нападеній „Библіотеки для Чтенія“. Впрочемъ, брошюрки г. А. Т. родились, видно, не въ добрый часъ: не защитили ихъ отъ нападеній „Пчелы“ *сіи* и *оныя*. Я, съ своей стороны, не уступаю „Библіотекѣ“ въ ненависти къ *симъ* и *онымъ*, считая, по уваженію правъ собственности, дѣломъ беззаконнымъ по-

хищать *сіи* мѣстоименія у подъячихъ, которымъ *оныя* толико любезны и вожделѣнны, и притомъ не видя въ нихъ ни малѣйшей надобности; но къ „философіи“ питаю родъ какого-то суевѣрнаго уваженія, будучи убѣжденъ, что только въ ходѣ человѣческой мысли заключается историческій прогрессъ. Поэтому, хотя *сіи* и *оныя* и возбуждали меня противъ г. А. Т.; но его претензіи на мыслительность мирили меня съ нимъ: за хорошее и хорошо выполненное намѣреніе, за мысль, можно простить *сіи* и *оныя*. И такъ я взялъ въ руки одну изъ брошурокъ г. А. Т., желая увидѣть, какъ фантазируетъ человѣкъ о предметахъ такъ близкихъ, такъ любезныхъ человѣку, какіе задаетъ онъ себѣ вопросы и какъ рѣшаетъ ихъ. Я хотѣлъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ не нашелъ ничего необыкновеннаго, ничего новаго, или новымъ образомъ, новымъ путемъ объясненнаго, хотѣлъ защитить г. А. Т. противъ ожесточенныхъ враговъ „философіи“. Съ перваго раза мнѣ показалось очень трудно читать эту книгу, хотя писанную и русскими словами; но рѣшась на благое дѣло, я старался преодолѣвать всѣ трудности. Нѣсколько страницъ—и терпѣніе мое лопнуло.

Нѣтъ, г. А. Т. воля ваша, а такъ по русски не пишутъ!

„Но какъ природа всегда дѣйствуетъ одними положительными и непреодолимыми законами, то и при семъ случаѣ, то есть при совокупленіи степеней началъ, *веществящихъ* оными природу, процессъ *совокупленія* оныхъ *совокупляется*, вѣроятно, такъ-же, какъ въ доступной намъ наблюдательности совершается оный при химическихъ средствахъ и соединеніяхъ естественныхъ тѣлъ другъ съ другомъ въ природѣ, ибо при совокупленіяхъ или химическихъ смѣшеніяхъ тѣлъ оныя также совершенно измѣняются въ проявительности своей, какъ въ видѣ, такъ и въ качествахъ или въ свойствахъ своихъ, и представляются какъ бы новыми совершенно проявительными въ природѣ естества, то есть механическимъ воздѣйствіемъ одного начала противъ другаго или степеней оныхъ другъ противъ друга учреждается равновѣсіе въ природѣ между разными частями ея состава, или каждый видъ по степени началъ совокупленія своего стремится съ другими придти въ равность или располагается по онымъ между другими относительно и пока не придетъ въ равность отношеній съ прочими, то движется или перемѣняетъ мѣста своего существованія, что производитъ замѣчаемую нами безпредѣльная движимость въ природѣ между частями ея состава; придя же въ равность отношеній съ прочими, каждый видъ остается въ покоѣ или существуетъ, такъ сказать, подъ охраненіемъ равнаго воздѣйствіи началъ на его проявительность, въ томъ видѣ и качествѣ, какой свойственъ его природѣ проявленія или степенямъ началъ его состава, которыя до тѣхъ поръ въ немъ сохраняются или оный видъ не измѣняется (??!!..), пока воздѣйствіе окружающихъ его предметовъ не пересилитъ своими степенями его степеней началъ совокупленія, или, пока сила союза его степеней началъ соединенія въ силахъ противодѣйствовать напряженности противу него другихъ видовъ, пересиленіе коей (*кого* именно?) дѣлаетъ видоизмѣнность или разрушаетъ химическій составъ степеней началъ соединенія въ ономъ и переводитъ его въ новую проявительность или видъ,

въ которомъ уже другія степени началъ совокупленія находятся, по коимъ онъ въ природѣ проявляется въ новой формѣ и съ отличными свойствами отъ прежняго его очертанія и свойствъ, что мы безпрестанно можемъ наблюдать и видѣть въ природѣ при всѣхъ химическихъ средствахъ и соединеніяхъ тѣлъ, совершенныхъ даже человѣкомъ (.) чрезъ познаніе свойствъ и отношеній одного вида къ другимъ, то есть чрезъ механическое воздѣйствіе началъ (,) оныя (кто?) размѣщаются между собою въ природѣ относительно проявительностей каждаго въ приличныхъ мѣстахъ, или (,) по закону равновѣсія (,) стремясь къ оному (къ чему?) воздѣйствуютъ другъ на друга разностями своихъ проявленій, чѣмъ формируютъ стройность бытія и существованія вселенной, производя своимъ перемѣщеніемъ движимость".

Довольно! Это *одинъ* періодъ!.. Въ книжкѣ, напечатанной среднимъ шрифтомъ, онъ занимаетъ всего на-все *четыре* страницы безъ нѣсколькихъ строкъ.

Истинно философскій языкъ, но только совсѣмъ не русскій! Воля г. автора, а мнѣ кажется, что изученію философіи должно предшествовать изученіе грамматики, также какъ изложенію философіи должно предшествовать умѣніе ясно, понятно и толковито изъясняться на своемъ языкѣ. Вы хотите писать для людей свѣтскихъ, вы посвящаете вашу книгу дамѣ: тѣмъ болѣе должны вы стараться говорить живымъ народнымъ словомъ, а не мозаикою школьныхъ и подъяческихъ словъ, согласованныхъ между собою синтаксисомъ волостныхъ правленій; этого мало, вы должны дойти до педантизма въ отдѣлкѣ слова. Кто много знаетъ и у кого знаніе есть родъ вѣрованія, у кого умъ и чувство сливаются вмѣстѣ, тотъ имѣетъ право не уважать грамматики, потому-что, въ замѣнъ этого, въ его рѣчи будетъ жаръ, энергія, движеніе, могущество, слѣдовательно у того слогъ будетъ прекрасенъ, безъ всякаго старанія съ его стороны сдѣлать его прекраснымъ. Но кто о высокихъ истинахъ говоритъ также спокойно и хладнокровно, какъ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ и своей роднѣ,

тому надо крѣпко держаться грамматики, надо обтачивать свои періоды, задумываться надъ словомъ, размышлять надъ фразою. Такъ и дѣлаютъ всѣ люди безъ дарованія: посмотрите, каковъ языкъ въ сочиненіяхъ гг. Булгарина, Греча, и проч. Это просто паркетъ. Да и глубокость мысли нисколько не мѣшаетъ ясности изложенія, что хорошо понятно, то легко и свободно излагается, какъ бы высоко ни было. Философія есть знаніе истины: а истина есть свѣтъ!—

*186. **Викторъ или слѣдствія худаго воспитанія.** Сочиненіе *П.... С.......ва.* Санктпетербургъ. Печатана при Императорской Академіи Наукъ. 1835. 189. (8) [423]).

Авторъ этого романа, ужаснаго по вымыслу, по безсмыслицѣ, безграмотности, и убійственнаго по скукѣ, хотѣлъ доказать, какъ опасно ввѣрять иностранцамъ воспитаніе дѣтей. Старая, очень старая пѣсня! Скажемъ за тайну почтенному романисту, что гораздо безопаснѣе повѣрить воспитаніе ребенка грамотному нѣмцу или французу, чѣмъ безграмотному русскому, хотябы этотъ русскій и сочинялъ плохія романы.

Викторъ, герой романа, воспитанъ французомъ, и сдѣлался пьяницей, плутомъ, наконецъ разбойникомъ: онъ выѣзжаетъ съ своими холопьями на разбой, держитъ у себя въ подземельѣ трехъ благородныхъ дѣвушекъ, похищенныхъ имъ съ труповъ ихъ родителей и пепла ихъ жилищъ; наконецъ, онъ ранитъ своего роднаго сына, который ѣхалъ къ нему въ отпускъ изъ полку, и самъ умираетъ отъ сыновней руки. Ай, какая старая, перестарая пѣсня! Неужли и теперь все это дѣлается на Руси? Неужли у насъ нѣтъ ни правительства, ни законовъ? Не понимаемъ, какъ такія книжонки доходятъ до типографскихъ станковъ?..

*187. **Памятныя записки титулярнаго совѣтника Чухина,** или простая исторія обыкновенной жизни. Сочиненіе *Ѳадея Булгарина*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Александра Смирдина 1835. Двѣ части: I—XXV, 241; II—234. (12) [424]).

Падшій авторитетъ не льзя ни поднять, ни уронить,—такъ тяжелъ онъ. Поэтому, мы не хотимъ ни защищать знаменитаго *романиста двадцатыхъ годовъ*, ни вооружаться противъ него критическимъ перомъ. Теперь, наше дѣло—сторона! Почтенный авторъ увѣряетъ читателей, въ своемъ предисловіи, со всею искренностью, свойственною одному генію, что его новое произведеніе есть *чуха*: мы прочли нѣсколько страницъ и увидѣли, что скромный авторъ совершенно правъ.

*188. **О должностяхъ человѣка**, соч. *Сильвіо Пеллико*, переведено съ италіянскаго *Николаемъ Хрусталевымъ*. Одесса. У книгопродавца Д. Міевиля. 1835. XXII—217. (12). Съ эпиграфомъ:

„Правда бо безсмертна есть“.
Премудр. Солом. I. 15 [425]).

У насъ, въ Москвѣ, затѣвалось-было изданіе этого сочиненія Сильвіо Пеллико, и въ „Телескопѣ“ былъ помѣщенъ отрывокъ изъ этого перевода, но Одесса упредила Москву: честь и слава ей! Изъ этого видно, что Сильвіо Пеллико очень посчастливилось на Руси. Книга его вышла очень кстати къ великому посту, потому что по своему характеру она самая великопостная. Сильвіо Пеллико есть взрослый

ребенокъ, который съ наивнымъ убѣжденіемъ предлагаетъ самыя простыя и самыя ходячія житейскія правила; онъ можетъ быть очень полезенъ нашимъ взрослымъ дѣтямъ, которыхъ у насъ много. Переводъ очень хорошъ, а изданіе не уступаетъ лучшимъ петербургскимъ. Сильвіо Пеллико прославился своими страданіями и терпѣніемъ, съ которымъ онъ ихъ переносилъ. Кромѣ того, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ италіянскихъ литераторовъ: онъ участвовалъ въ изданіи журнала „Посредникъ" и написалъ съ полдюжины трагедій. Судя по его книгѣ „о Должностяхъ человѣка", эти трагедіи должны отличаться неимовѣрною энергіею мысли и чувства...

***189. Собраніе рифмъ по алфавиту.** Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1834—1836. Двѣ части: I—230; II—202. (12) [426]).

Вотъ что говоритъ авторъ этой курьезной книги, въ своемъ предисловіи:

1. Предметъ сего *собранія рифмъ*, былъ единственно, чтобъ услужить юношамъ, кои имѣютъ желаніе писать стихи, то чтобъ менѣе имъ затрудняться и обременять себя въ пріисканіи рифмъ, отъ чего иногда зависитъ даже перемѣна смысла въ сочиненіи, а не токмо въ одномъ окончательномъ стихѣ подбирая его въ рифму.

2. Собранныя здѣсь рифмы, на три литтеры оканчивающіяся, могутъ соединяться съ другими тремя, гдѣ случится, что придетъ въ рифму и правильное удареніе, на примѣръ *она* и *яна*, *Алкорана* № 1 и *багряна* № 274 и тому подобное; также на двѣ литтеры въ концѣ постановленныя: *дка* и *тка*, *бородка* № 16 и *глотка* № 169; или на одну только, напримѣръ: *за*, и *са*, *глаза* № 1 *власа* № 2, равно *бое*, *вое*, *рое*, *ба*, *па*, и прочее, что видимъ и въ избранныхъ стихахъ.

3. Посему многія изъ *полурифмъ* могутъ соединяться съ правильными рифмами, взявъ только не три, а двѣ послѣднія литтеры, напримѣръ: *изба*, *люба*, *ряба*; и одному напримѣръ: *за* и *са*, *жа* и *ша*, *ча* и *ха*, а также онѣ послужатъ съ пользою для собственныхъ именъ и названій.

4. Ссылка на литтеры: *а*, *е*, *и*, и прочее, при коихъ назначены номера, гдѣ изъ чего пріискивать сходственныя рифмы, сдѣланы для того, чтобъ избавиться отъ слишкомъ огромнаго печатанія, и большой удобности имѣть при себѣ собраніе рифмъ, и менѣе обременить того, кому угодно будетъ подбирать рифмы, и чтобъ не повторять однѣ и тѣ же слова въ разныхъ падежахъ, склоненіяхъ, временахъ лицъ и тому подобномъ.

5. Гдѣ случится, что собственное имя, глаголъ и прилагательное

или тому подобное, написаны не порознь, а вмѣстѣ, то это для того, чтобъ не ставить ихъ отдѣльно, и что они приходятся съ правильными рифмами, напримѣръ: *адмирала*, *адресовала*, *зелена*, *звѣна*, и прочее.

6. Ежели на литеру *а* покажется много излишнихъ и мало употребляемыхъ словъ; то сіе сдѣлано, чтобъ ссылаясь съ прочихъ литтеръ, на *а* въ остальныхъ не повторятъ одно и тоже слово въ разныхъ видахъ, гдѣ онѣ будутъ необходимы.

7. Причастія и дѣепричастія помѣщены въ разныхъ временахъ глаголовъ въ женскомъ родѣ (смотри *ла*), напримѣръ: *горюючи*, *бывшая* № 1, на *ала*: *горевала*, *бывала*; также: *бываючи будучи* № 213, на *ыла*: *была* и такъ далѣ о прочихъ частяхъ рѣчи.

Авторъ такъ умно и отчетливо объяснился съ публикою на счетъ изданія своей книги, что намъ ничего не остается сказать отъ себя.

В. Б.

***190. Провинціальныя бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова.** Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1836. Двѣ части: I—IV, 263; II—306. (12). Съ эпиграфомъ:

За все прочее пожалуй бранитесь,
Лишь за правду не сердитесь. [427]).

Авторъ этой книги говоритъ въ своемъ предисловіи:

Я не романтикъ, не классикъ: нѣтъ у меня ни эффектовъ, ни потрясеній, ни смертоубійствъ, даже ничего нѣтъ фантастическаго? чтоже это такое? Безымянный выродокъ; вотъ, скажутъ, авторъ не знаетъ эстетики: нѣтъ ничего трансцендентальнаго, индивидуальнаго, объективнаго, штиль не новый, слогъ простой и рубитъ съ плеча.

Вотъ какія рѣчи отпустилъ намъ Дормедонъ Васильевичъ! Мы, съ своей стороны, скажемъ только то, что въ его „Запискахъ", въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни идеализма, ни трансцендентализма: въ нихъ, напротивъ, абсолютный нигилизмъ [428]) съ достаточною примѣсью безвкусія, тривіяльности и безграмотности. Стиль, или, какъ говоритъ авторъ, *штилъ* его не новый: это правда; его слогъ допотопный, ископаемый, его языкъ есть языкъ Тредіаковскаго, Симеона Полоцкаго, Сумарокова. Его слогъ, говоритъ онъ, простой и рубитъ съ плеча: правда, онъ точно ужъ черезчуръ простоватъ, а какъ онъ рубитъ съ плеча, объ этомъ судите сами по отрывку слѣдующей курьозной пьесы.

Былъ, изволите видѣть, маіоръ Трубинъ, котораго дернуло жениться въ сорокъ-пять лѣтъ на молодой дѣвушкѣ; у маіора былъ любимый денщикъ, Козмичъ, обладающій столь великимъ умомъ, сколько прилично имѣть денщику. Черезъ пять лѣтъ послѣ своего брака, маіору надо было куда-то отлучиться съ своимъ денщикомъ. Послѣ

этого вступленія вамъ будетъ понятенъ слѣдующій отрывокъ, который выписываемъ слово-отъ-слова, безъ всякихъ перемѣнъ:

Мнѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, рюмилъ про себя маіоръ. Такъ и быть. Я долженъ это помнить и безпрестанно благодарить Бога, что онъ наградилъ меня сокровищемъ. У меня жена безцѣнная, но мнѣ пятьдесятъ лѣтъ—и я долженъ остерегаться.—Ну если... „Тутъ опять маіоръ задумался. Сія задумчивость была не изъ *тѣхъ*, *которая* въ *златомъ* видѣ намъ всѣ предметы *представляетъ*. Отъѣхавъ версты три, вдругъ, остановилъ онъ своего коня и вѣрному своему штал-мейстеру Данилѣ Козмичу далъ слѣдующій приказъ: Воротись, братъ Козмичъ, домой:—Надобно вамъ сказать, не прерывая рѣчи, что маіоръ своего слугу почти всегда братомъ Козмичемъ называлъ, хоть это нынѣ и не водится, однако онъ во всю жизнь свою отъ этой странной привычки отстать не могъ, и что можетъ быть, удивитъ болѣе всего, это то, что онъ не иначе почиталъ двуногое твореніе, человѣкомъ называющееся, какъ за себѣ подобнаго. „И такъ, братъ Козмичъ, воротясь домой, сказалъ маіоръ, скажи женѣ, чтобы она сегодня сидѣла дома и отнюдь никого не принимала Признаться тебѣ, мнѣ что-то не хочется, чтобы она безъ меня одна оставалась. И такъ воротись домой, а потомъ догоняй меня скорѣе“... Козмичъ, услышавъ бариновъ приказъ, остолбенѣлъ! Маіоръ спросилъ: „Развѣ ты Козмичъ не слышишь?“—Козмичъ заставилъ себѣ опять повторить и тутъ пробормоталъ что то про себя. „Ну чтожъ ты сталъ?“ вскричалъ маіоръ.—Помилуйте, сударь, что вы надъ собой дѣлаете! Развѣ не жили вы на свѣтѣ довольно, чтобъ узнать?“—„Что это?“ вскричалъ маіоръ, немного разсердясь, ты меня ужъ въ этомъ учить хочешь?“—Данило умолкъ и, не говоря ни слова въ отвѣтъ, поворотилъ иноходца и тихимъ шагомъ пустился вспять.

Теперь милостивыя государыни, такъ какъ вамъ извѣстно, что всякому позволено думать, то по вышеупомянутымъ локковымъ правиламъ, Козмичъ свое задумалъ, а мы оставимъ его покамѣстъ думать на дорогѣ и послушаемъ васъ.—То-то мущины, то-то мужья! —скажете вы. Да, сударыни, что дѣлать, согласенъ съ вами; плохо они, конечно, дѣлаютъ, и готовъ съ вами воскликнуть, что въ семъ случаѣ, сами себѣ горе накликаютъ. Но къ чему накликать? Какъ вы изволите знать, и безъ наклички часто горе бываетъ не во вредъ то вашей чести будь сказано. Но полно, воля ваша, съ примѣчаніями мы ввѣкъ не кончимъ. Вы же сами на меня прогнѣваетесь, что я заболтался. Вспомните, что мы Козмича въ трудныхъ размышленіяхъ на дорогѣ оставили, а паче всего вспомните опять и то, что я его обѣщался въ передній уголъ посадить, а вы увидите, что я его не даромъ, а за услуги сажаю. Ѣхавши дорогою, Козмичъ разсуждалъ такъ: „Вотъ господа, вотъ мужья! дѣлай по ихъ волѣ. Кому охота на каторгу? А мой баринъ самъ на бѣду накупается. Что теперь дѣлать? Какъ не сказать барынѣ, отъ барина мнѣ бѣда, и сказать ей, отъ барыни барину бѣда, какъ снѣгъ на голову. Боже упаси!... Е-ге! постой! „Вдругъ махнулъ Козмичъ пѣгаго иноходца и какъ изъ лука стрѣла къ воротамъ прилетѣлъ. Маіорша, сидя у окошка, печально на дорожку посматривала, по которой милый ея муженекъ поѣхалъ. Увидя Данилу, стремглавъ бросилась къ нему: „Что ты Козмичъ? не случилось-ли чего?“ „Нѣтъ сударыня, все славу Богу по добру по здорову! Баринъ приказалъ кланяться, приказалъ сказать, приказалъ доложить, не извольте дискать безъ него на барбосѣ верхомъ садиться: онъ дискать хоть и смирная собака, однако дискать шутокъ не любитъ и вѣрно де васъ укуситъ“. Отдавъ свой рапортъ, Козмичъ пустился по дорогѣ вслѣдъ за маіоромъ.

Маіорша возвратилась въ свою комнату и крѣпко задумалась. На правду напасть не мудрено, а особливо съ хорошимъ воображеніемъ, обдумавъ дѣло хорошенько, маіорша, такъ какъ и многіе прочіе, самымъ яснымъ образомъ открыла загадку и разсудила такъ. „Что значитъ этотъ повелительный приказъ?“ говорила она про себя. „А! я это ясно вижу: эти мужья насъ пробуютъ— и хотятъ узнать, далеко ли наше послушаніе простираться можетъ, но нѣтъ, полно, за тѣмъ-ли я посвятила ему молодость и *провождаю* дни мои со старикомъ, чтобъ повиноваться смѣшнымъ его *хотѣніямъ*.—Нѣтъ, я докажу, что женщины могутъ исполнить свою волю, когда только захотятъ, и не рождены быть невольницами. Довольно было ему моихъ угожденій“.

Вамъ милостивыя государыни, безсомнѣнія извѣстно, что у любезнаго пола *рѣшеніе, съ исполненіемъ почти въ одинаковомъ времени*, вовсе въ противность приказнаго порядка, гдѣ иногда *нарочитое*, время проходитъ; слѣдовательно маіорша вышесказанное свое рѣшеніе немедленно въ *исполненіе произвела*: на барбосѣ ну верхомъ ѣздить. Барбосъ, чтобъ огрызаться, не тутъ-то было! на барбоса пуще *навалилась*, доколѣ барбосъ, какъ сущій грубіянъ и сущая собака, милую ношу съ себя не сбросилъ и больно барынѣ ручку не укусилъ. Горько наша маіорша заплакала. Но что дѣлать? Своя была на то воля, а я часто примѣчалъ, что въ сихъ случаяхъ скоро болѣзнь проходитъ. Бальсамомъ и кое-чѣмъ руку примочили и *препорядочно* завязали: на другой день по возвращеніи маіора, не забылъ онъ при первой встрѣчѣ и будто ненарочно о гостяхъ спросить, на что желаемый отвѣтъ получилъ. Куда съ радости дѣваться? Обниманіе, цѣлованіе такое, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.—А между тѣмъ маіорша ручку спрятать не забыла. Маіоръ, чтобъ ручки цѣловать, одной руки нѣтъ какъ нѣтъ!—Что за пропасть! Вскричалъ маіоръ, что съ твоей ручкой сдѣлалось?—Ничего, мой другъ, это такъ!“— Какъ такъ? Ты меня до смерти напугала.—Нѣтъ, право, ничего... Я виновата, мой другъ, я... Ты вчера приказывалъ о барбосѣ, а я не послушалась, ѣздила на немъ, и онъ мнѣ руку укусилъ. „Тутъ опять маіорша немного прослезилась. Что я приказывалъ вчерась? вскричалъ маіоръ: когда? съ кѣмъ?—„Да, вчерась, съ Данилою“, отвѣчала маіорша съ увѣрительнымъ тономъ. Дѣло уже шло не на шутку, и Данило на ту бѣду явись въ компату. „Что я съ тобой вчерась къ женѣ приказывалъ?“ спросилъ его маіоръ.—Такъ, милостивый государь, *отвѣтствовалъ* Козмичь, я барынѣ сказалъ...—Что ты ей сказалъ“—Да, сударь, про барбоса.—„Что ты навралъ?“—Нѣтъ, милостивый государь, не навралъ, сказалъ Козмичь утвердительно... Прошу васъ только вспомнить теперь, про что вы мнѣ вчера приказали? Ну чтожъ, взгляните на барынину ручку, еслибъ я ей не то сказалъ?“. Говорятъ, будто бы маіоръ умолкъ, и въ собраніи царствовала нѣсколько минутъ та тишина, объ которой у насъ на Руси говорятъ, что тихій ангелъ пролетѣлъ; о чемъ каждый изъ нихъ думалъ, не умѣю доложить, но сказывали мнѣ, что съ тѣхъ поръ маіоръ Козмича за великаго человѣка почиталъ, не рѣдко его за урокъ благодарилъ, и будто-бы маіоръ сосѣдямъ своимъ подалъ добрый совѣтъ никогда того не запрещать, чего преступить еще въ голову не приходило, *поелику* изъ противорѣчія случиться можетъ то, чего изъ доброй воли не случалось.

Теперь, сударыни, сами извольте сказать не справедливо-ли я Козмича въ передній уголъ посадилъ?

Говорятъ, что эта пошлая сказка принадлежитъ Боккачіо [429]); если это правда, то удивительно, какъ она перешла въ фантазію рус-

ской черни. любой кучеръ или лакей перескажетъ вамъ ее посвоему. Кучера и лакеи любятъ соблазнительныя исторіи насчетъ господъ, въ этомъ нѣтъ никакого дива; но странно, какъ вздумалъ ее пересказывать г. Прутиковъ, этотъ старецъ, который безпрестанно твердитъ о нравственности, который недоволенъ всѣмъ современнымъ, и англійскимъ клубомъ, и новѣйшими романами, и новѣйшею литературою, и новѣйшимъ покроемъ платья, и новѣйшимъ поколѣніемъ, потому-что во всемъ этомъ видитъ совершенную безнравственность? Если повѣрить его мудрости, то въ настоящее время все безнравственно—даже троттуары, по которымъ ходятъ люди, и крыши домовъ, по которымъ ходятъ галки и трубочисты; что правда совѣсть, честь, существовали только въ старину, въ то время, когда люди хвастались безбожіемъ, щеголяли кощунствомъ, гордились числомъ обольщенныхъ женщинъ и убитыхъ противниковъ, когда судьи передъ зерцаломъ торговались съ просителями, словомъ, это время, такъ прекрасно характеризованное безсмертнымъ Грибоѣдовымъ. И вотъ какими средствами, вотъ какимъ путемъ, хочетъ почтенный старецъ обратить на истинный путь нашъ безнравственный вѣкъ! Но это явная ошибка въ расчетѣ со стороны автора: онъ, кажется, не понялъ нашего вѣка; едва-ли и нашъ вѣкъ пойметъ его. И это очень естественно: времена, а вмѣстѣ съ ними и понятія о нравственности переходчивы. Поэтому, да не осуждаетъ насъ почтенный старецъ, если мы объявимъ ему за тайну (для него), что его понятія о нравственности намъ кажутся совершенно безнравственными. Мы, люди новѣйшаго поколѣнія, мы презираемъ бракомъ по расчету, презираемъ этою торговою сдѣлкою, уничижающею достоинство человѣка и общества, но уважаемъ идею брака, какъ священнаго союза двухъ душъ, понимающихъ одна другую, союза любви, освящаемаго чувствомъ и религіею Поэтому, въ нашихъ глазахъ, старикъ, женившійся на молодой дѣвушкѣ, есть или глупецъ, стоящій на степени безсмысленнаго животнаго, или отвратительный сластолюбецъ, чтò едва-ли еще не хуже; и потому, намъ смѣшна и вѣрность маіорши, и любовь маіора, и еще смѣшнѣе показалась бы измѣна его сожительницы. Потòмъ, мы, люди новѣйшаго поколѣнія, слишкомъ уважаемъ идею женщины, слишкомъ горячо вѣримъ въ достоинство человѣческое и возможность его въ обоихъ пòлахъ, слишкомъ убѣждены въ добродѣтели женщины, которая способна возвыситься до святаго чувства любви, чтобы не вѣрить въ чистоту и твердость женщины; мы даже не почитаемъ за добродѣтель этой чистоты и твердости, а видимъ въ нихъ простое и обыкновенное исполненіе долга, даже и не исполненіе долга, а просто естественное состояніе женщины, потому-что добродѣтель

есть усиліе, побѣда надъ какимъ-нибудь порочнымъ или эгоистическимъ порывомъ, а любящая женщина не можетъ имѣть подобныхъ порывовъ въ отношеніи своей вѣрности къ мужу, слѣдовательно, у ней не можетъ быть не только борьбы съ преступнымъ чувствомъ, но даже и мысли о такой борьбѣ. Видите-ли, почтенный старецъ, мы обогнали васъ въ нравственности и, слѣдовательно, не только не нуждаемся въ вашихъ урокахъ, но еще почитаемъ себя въ правѣ задать вамъ порядочный. Ваша повѣсть не имѣетъ для насъ ни значенія, ни смысла; порядочная женщина не дочтетъ ея до конца и не позволитъ читать ее своей дочери. Ваша повѣсть можетъ доставить удовольствіе и пользу развѣ необразованному классу нашихъ бородатыхъ жрецовъ Бахусова храма, отмѣривающихъ православнымъ жестяными сосудами спиртуозную влагу. Ваша повѣсть моглабъ имѣть значеніе и смыслъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда еще бродили гибельныя правила осьмнадцатаго вѣка, когда честь женщины почиталась позоромъ, плебейскою манерою, неумѣніемъ жить въ свѣтѣ, когда бракъ почитался родомъ вуаля, накидываемаго на развратъ, родомъ привиллегіи на распутство. Но и тогда вамъ не мѣшало-бы имѣть побольше вкуса и запастись большею грамотностію, бо́льшимъ умѣніемъ выражаться на языкѣ понятномъ, живомъ, образованномъ, общеупотребительномъ, а не на какомъ-то старинномъ подъяческомъ жаргонѣ. Теперь-же, въ наше время, ваша повѣсть и всѣ ваши нравственно-сатирическія статейки даже не смѣшны, потому-что ужъ черезчуръ скучны и плоски. Вы сражаетесь съ тѣнью, съ призракомъ, вы мѣтите не туда, куда надо, вы прикладываете свои пластыри къ здоровымъ членамъ общества и не видите его истинныхъ ранъ, которыхъ, конечно, много, и которыя, безсомнѣнія, очень глубоки. Вы, напримѣръ, нападаете на моды: старая, очень старая пѣсня, такая старая, что въ сравненіи съ ней „*Выду я на рѣчиньку*“ кажется пѣснею сейчасъ сложенною. Моды ни сколько не вредятъ обществу. Кто, при большомъ состояніи, раззоряется отъ моды, тотъ мотъ, расточитель, который раззорился-бы, еслибы и не было моды; кто не имѣя состоянія, гоняется за модами, тотъ сумасшедшій, который остался бы сумасшедшимъ, еслибы и не было моды. Притомъ, если отъ модъ раззоряется одно сословіе, то богатѣетъ другое, слѣдовательно для государства нѣтъ вреда. Сверхъ того, нынче уже признано, что и подъ моднымъ фракомъ изъ дорогаго англійскаго сукна и подъ золотистымъ жилетомъ можетъ быть благородное и пламенное сердце; что модная шелковая шляпа можетъ покрывать голову великаго и глубокаго ума. Нынче всѣ согласны въ томъ, что странность и неприличіе въ одеждѣ обличаетъ скорѣе суетное желаніе отличиться, выказать себя странностію, обратить на

себя общее вниманіе, чѣмъ истинную мудрость. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который сшилъ-бы себѣ долгополый сюртукъ съ высокимъ лифомъ, на тѣ деньги, на которыя онъ могъ-бы сшить модный сюртукъ, этотъ человѣкъ оказалъ-бы себя или чудакомъ, что̀, разумѣется, не предосудительно, или глупцомъ, что̀ очень предосудительно. Такъ чтоже значатъ ваши нападки на моды, почтенный старецъ? Знаете-ли вы, что Россія, какъ и всякое государство, обязана своимъ образованіемъ, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, наиболѣе модѣ? Петръ Великій обрилъ наши бороды и перемѣнилъ нашъ костюмъ, что̀ было необходимо для нашего сближенія съ Европою и въ умственномъ отношеніи; онъ заставилъ насъ учиться языкамъ и наукамъ. На кого прежде всего пало бремя тягостной, но необходимой реформы? Разумѣется, на Дворъ. Двору стало подражать богатое дворянство, этому мѣлкое дворянство, этому и разночинцы, а теперь купцы и мѣщане. Если теперь образовываются по убѣжденію въ пользѣ и необходимости образованія, то тогда учились просто изъ моды, чтобъ не отстать отъ высшихъ себя. Общество можетъ идти впередъ только благоразумнымъ и тихимъ отстраненіемъ стараго и замѣненіемъ его новымъ. Да! мода есть благодѣтель обществъ. Я не понимаю, почему старинный, прочный, но неуклюжій и тяжелый берлинъ, лучше прочной-же, но легкой и красивой кареты? А кто изъ уродливаго берлина сдѣлалъ щегольскую карету? Мода, непостоянная, безпокойная мода, всегда скучающая, всегда недовольная настоящимъ. Модѣ обязаны мы всѣми удобствами нашей жизни. Что-же, почтенный старецъ, значатъ ваши нападки на моду? Развѣ безъ васъ никто не зналъ, что человѣкъ, посвятившій себя исключительно на служеніе модѣ, есть человѣкъ пустой, ничтожный? О, нѣтъ! вы хотѣли блеснуть умомъ, похвастать остроуміемъ—и ошиблись въ своемъ расчетѣ, потому-что кто нынче нападаетъ на моды, того не читаютъ...

Вы нападаете на англійскій клубъ, какъ на подрывъ домашней, семейной жизни — и опять не впопадъ! Можно имѣть свой домъ, любить до безумія жену, словомъ, быть хорошимъ мужемъ и отцомъ, и ѣздить въ клубъ. И почему-же не долженъ ѣздить въ клубъ или собраніе, человѣкъ, которому ограниченное состояніе не позволяетъ заводить у себя дома собранія и давать балы? Въ клубѣ не все же играютъ въ карты, тамъ и ѣдятъ, и пьютъ, и говорятъ, и читаютъ все, что представляетъ отечественная и иностранная журналистика. Кто-же охотникъ до картъ, тотъ и дома и въ гостяхъ можетъ удовлетворить своей охотѣ.

Вы нападаете на современную литературу, находите ее и безнравственною и безчинною; вамъ не нравятся многіе нынѣшніе

романы, вы говорите, что ихъ не льзя дать въ руки дѣвушкѣ: я не хочу защищать передъ вами современной литературы и нынѣшнихъ романовъ, потому-что это былъ-бы напрасный трудъ: мы не поняли-бъ другъ друга. Скажу вамъ только, что многіе изъ романовъ, на которые вы намекаете, никогда не оскорбятъ въ такой степени нравственнаго чувства женщины, какъ повѣсти въ родѣ вашей „Барбосъ или на своемъ поставлю".

Вы доказываете, что не должно пьянствовать, клеветать на ближняго, оплошно управлять имѣніемъ и проч. Это истины неоспоримыя, и мы отъ души-бы поблагодарили васъ, еслибы не выучили ихъ наизусть въ нашихъ азбукахъ и прописяхъ, по которымъ учились въ дѣтствѣ читать и писать. Жаль, что между этими полезными истинами, вы пропустили одну, и очень важную, а именно ту, что не должно писать и издавать книгъ, не выучившись грамотѣ, и не умѣя порядочно выражаться на отечественномъ языкѣ.

Да, почтеннѣйшій старецъ, Дормедонъ Васильевичъ, вы сражаетесь съ тѣнью, съ призракомъ, вы цѣлитесь не туда, куда надо, вы не понимаете истинныхъ недуговъ человѣка и человѣческаго общества, вы не знаете этого великаго правила, что „*la morale est dans la nature des choses*", а не въ скучныхъ поученіяхъ и тупоумныхъ остротахъ.

Я написалъ объ вашей книгѣ не для публики: публика не прочтетъ ее, можете быть въ этомъ увѣрены; я написалъ это для васъ, чтобы защитить передъ вами публику, показавъ причину ея невниманія къ вашей книгѣ: будьте-жъ мнѣ благодарны!... [430]).

*191. **Прекрасная Астраханка, или хижина на берегу рѣки Оки.** *Романъ, взятой изъ истиннаго происшествія Россійское сочиненіе. Въ двухъ частяхъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1836. Двѣ части:* I—IV, 42; II—76. (12) [431]).

Хотя „Прекрасная Астраханка" принадлежитъ къ одной и тойже категоріи съ „Провинціяльными Бреднями", но несравненно лучше ихъ, и потому заслуживаетъ бóльшаго вниманія. Чтеніе этого романа послѣ „Записокъ" Дормедона Васильевича, есть истинное отдохновеніе отъ труда тяжкаго, утомительнаго. „Прекрасная Астраханка" принадлежитъ къ числу лучшихъ россійскихъ романовъ, и только излишняя пышность воображенія автора мѣшаетъ ей нѣсколько превзойти даже самую „Черную Женщину", это произведеніе воображенія уже остывшаго и сдружившагося съ холоднымъ разсудкомъ. Мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ прекраснымъ романомъ, пересказавъ, сколько возможно, короче его содержаніе.

Къ роману, какъ водится, приложено предисловіе, отличающееся необыкновенною цвѣтистостью слога и глубокою ученостью; въ немъ авторъ увѣдомляетъ своихъ читателей, что городъ Астрахань стоитъ на берегу Волги и что въ немъ можно въ одинъ часъ встрѣтить *разныхъ націй народовъ*, и пр.

Было утро. На берегу рѣки Кутума стоялъ домъ купца Огурева. На балконѣ съ вызолоченными перилами, подъ зеленымъ зонтомъ или навѣсомъ, сидѣла прелестная Анастасія въ легкой лѣтней одеждѣ цвѣта невинности и любовалась природою. Анастасія была единственное дѣтище купца Огурева. Вдругъ она увидѣла шлюбку, на которой сидѣло шесть гребцовъ, съ веслами въ рукахъ, въ красныхъ рубахахъ, у коихъ *вро́та* были обшиты золотымъ галуномъ; съ чернобархатными шапочками на головахъ, которыя были украшены багряными перьями (вѣроятно, строусовыми). На кормѣ сидѣлъ и правилъ рулемъ и парусомъ молодой прекрасный юноша съ величественною осанкою, съ огненнымъ и вмѣстѣ дикимъ взоромъ, „умѣреннымъ неподражаемою улыбкою при встрѣчѣ со взорами прекрасной Анастасіи“. Поровнявшись съ балкономъ, онъ сталъ на одно колѣно и, простря свои руки къ Анастасіи, а потомъ на небо (но не къ небу), съ выразительностію сказалъ громко: „*Клянусь! ты будешь моею, или сія рѣка будетъ моею могилою!*“

Сей прекрасный, страстный и злополучный юноша, который произнесъ оныя патетическія слова, былъ сынъ знаменитаго *Стеньки Разина!*

Шлюбка начала скрываться изъ глазъ плѣнительной Анастасіи, которая услышала „громкій звукъ гобоя и вскорѣ сей куплетъ, пропѣтый хоромъ чистыхъ голосовъ“:

Душа красная дѣвица,
Ангелъ милой красотой!
Взоръ твой—свѣтлая денница—
Вдругъ плѣнилъ меня собой!

И такъ во времена *Стеньки Разина*, въ Россіи, не только прекрасно играли на гобоѣ, но и сочиняли прекрасные куплеты, которымъ позавидовалъ бы самъ г. Пуговочниковъ: этотъ фактъ надлежитъ принять къ свѣденію.

„Боже! кто сей незнаемый юноша, который влечетъ къ себѣ мое сердце и душу? Неужели это мнѣ суженый, коего судьба нарочно привлекла въ мѣста сіи, чтобъ я его увидѣла и полюбила!“ сказала сама себѣ Анастасія. „Ахъ! если это не сонъ, но одна мечта моего воображенія, занятаго романами, мною читанными“...

Видите-ли, какимъ прекраснымъ, витіеватымъ *стилемъ* объясняется прелестная Анастасія! По симъ рѣчамъ тотчасъ можно догадаться,

что оная дѣвица воспитана и образована. Пусть невѣжды вооружаются против романовъ, но романы и во времена *Стеньки Разина* приносили дѣвицамъ большую пользу! Такъ какъ я не читалъ романовъ, сочиненныхъ во времена *Стеньки Разина*, то и не могу судить о достоинствѣ оныхъ, но думаю, что сіи романы были благопристойнѣе „Постоялаго Двора“, забавнѣе „Черной Женщины“ и нравственнѣе „Провинціяльныхъ Бредней“ г. Прутикова.

Я пропускаю интересный разговоръ Анастасіи съ ея *горничною*, Анетою (а не Анютою), которая умна и лукава, какъ всѣ горничныя; еслибъ я вздумалъ выписывать всѣ красоты сего романа, то моя рецензія вышла бы больше онаго. Однако я не могу не выписать поэтическаго описанія, сдѣланнаго Анастасіею возлюбленному ея сердца:

„Онъ прекрасенъ какъ майскій день, величественъ какъ кедръ ливанскій!...“

Творецъ небесный! какъ краснорѣчиво выражали дѣвицы свои чувства, во время *Стеньки Разина*! ай! ай! какъ краснорѣчиво!...

Гдѣ это вы, сударыня, были? спросила мать Анастасіи! Вѣрно изволили заниматься чтеніемъ прекрасныхъ романовъ, коими набита голова и сердце ваше до такой степени, что вы даже забыли должное почтеніе къ вашимъ родителямъ, поздравить ихъ съ добрымъ утромъ, и по нѣскольку часовъ заставляете ждать ихъ до чаю!

Этѣ строки мнѣ кажутся немного странными: я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что, во время *Стеньки Разина*, чай былъ во всеобщемъ употребленіи, точь-въ-точь какъ теперь, что дочери тогда, какъ и теперь, поздравляли своихъ родителей съ добрымъ утромъ, особенно дочери купецкія, что матери, въ ироническомъ штилѣ съ дочерьми говорили во множественномъ числѣ; но я съ трудомъ могу вѣрить, чтобы романы тогда были въ такомъ гоненіи. Очевидно, что это еще вопросъ, вопросъ историческій и литературный, который должно изслѣдовать. Въ ожиданіи, пока явится ученый, который разрѣшитъ этотъ вопросъ, будемъ слѣдовать за нитью расказа.

Мать упрекаетъ мужа, что онъ позволяетъ дочери читать романы, „безъ чтенія которыхъ она была бы невинна, какъ ангелъ, и добродѣтельна, какъ мать ея!“... Мужъ отвѣчаетъ женѣ, что она сама смолоду до того любила романы, что забывала для нихъ обѣдъ и ужинъ. Но это читателю и безъ того видно, потому-что мать объясняется слогомъ книжнымъ и ораторскимъ, котораго купчихѣ временъ *Стеньки Разина* не льзя было пріобрѣсти безъ чтенія романовъ. Но женѣ не понравилось возраженіе мужа. „Сею насмѣшкою, говоритъ она, думаешь ты поселить въ единственной нашей дочери неуваженіе къ своей матери“. Пошло слово за слово, и старики побранились; въ этой ссорѣ мать Анастасіи отъ романическаго и книж-

наго языка постепенно перешла къ слогу простому, разговорному, который употребляется и теперь не токмо купцами и мѣщанами, но и чиновниками, въ домашнихъ объясненіяхъ съ ихъ сожительницами.

Вдругъ входитъ Стефанъ (сынъ *Стеньки Разина*).

„Боже!—вскрикиваетъ Анастасія—это онъ!—и упадаетъ въ обморокъ.

Такъ и должно! если дѣвицы, во времена *Стеньки Разина*, читали романы, то безсомнѣнія, должны были умѣть падать въ обморокъ. Конечно, нынче это выходитъ изъ моды, но во времена *Стеньки Разина* сей обычай существовалъ во всей силѣ.

Стефанъ, какъ образованный молодой человѣкъ, бросился помогать своей возлюбленной.

„Прочь, прочь!—кричитъ Марія *(мать Анастасіи: въ порядочныхъ и истинно классическихъ романахъ никогда не называютъ по отчеству героевъ и особенно героинь, хотя бы сіи были и купчихи)*. Что ты за птица, взлетѣвшая въ высокія хоромы? Если ты лѣкарь, то не нужны твои пособія; у насъ есть лучшее лѣкарство: святая вода, антидоръ, воскресная молитва отъ враговъ и супостатовъ, коихъ порученія ты, можетъ быть, принимаешь, и будучи столь прекрасенъ, думаешь соблазнить насъ, какъ святыхъ отцовъ въ пустынѣ, и посѣять здѣсь клевету и раздоръ? Но и того хуже, если ты сынъ убійцы и разбойника, проливающаго невинную кровь ищущаго случая излить ядъ свой въ нѣдра добродѣтельнаго семейства!... Удались, изчезни яко дымъ и прахъ!“—

Каковъ образчикъ краснорѣчія?... Знаете-ли, что̀ я въ немъ вижу?—А что̀?... Да ужь вѣрно то̀, чего никто не видитъ. Коротко и ясно: я сдѣлалъ историческое открытіе, нашелъ новый фактъ. О! не даромъ я давно подозрѣвалъ въ себѣ историко-критическую способность, даръ соображенія и богатыхъ выводовъ изъ самыхъ бѣдныхъ данныхъ. Да, въ этомъ случаѣ, я не уступлю самому г. Скромненку, который такъ много уже открылъ новаго въ нашей исторіи, хотя и не очень давно ею занимается. Дѣло вотъ въ чемъ: по сей краснорѣчивой рѣчи матери Анастасіи, я заключаю, что, во времена *Стеньки Разина*, преподаваніе риторики было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, что ей учили даже женщинъ. Замѣтилиль вы, что Марія, мать Анастасіи, выражается всѣми тремя родами слога: съ Стефаномъ *высокимъ*, съ дочерью *среднимъ*, а съ мужемъ *низкимъ*. Кому не извѣстно, что оное остроумное раздѣленіе слога на *высокій, средній и низкій,* относится къ отдаленнымъ временамъ и всѣми нашими учителями и законодателями краснорѣчія, отъ *Ломоносова* до гг. *Плаксина* и *Глаголева*, признается необходимымъ? Но посмотримъ, какое дѣйствіе произвела на Стефана громовая выходка Маріи.

Ужасное!... Онъ затрепеталъ всѣми членами и поблѣднѣлъ...

„Что это значитъ, государь мой? спросилъ его Владиміръ *(отецъ Ана-*

стасіи). Слѣдовательно слова жены моей справедливы... Отъ чего вы такъ трепещете?"

— Отъ несправедливыхъ ея упрековъ! отвѣчалъ Стефанъ, стараясь принять на себя спокойный видъ.

„А мнѣ кажется, возразилъ Владиміръ, поглаживая свою лысину, они не несправедливы; ибо честный человѣкъ оныхъ не боится и съ равнодушіемъ переноситъ всѣ насмѣшки и ругательства, и почитая себя непричастнымъ таковымъ укоризнамъ, еще болѣе возвышается въ душѣ своей, а вы... вы... молодой человѣкъ... ахъ! право ужасаюсь за васъ—и мнѣ кажется, что слова жены моей справедливы! Скажите: кого я имѣю честь видѣть въ моемъ домѣ, т.-е. кто вы именно".

Какъ очевидно различіе мущины отъ женщины! Краснорѣчіе второй пламенно и бурно, дышитъ чувствомъ; краснорѣчіе перваго спокойно, тихо, но глубоко и кипитъ мыслями Вотъ каковы были русскіе бородатые купцы во времена *Стеньки Разина*; да—не то, что̀ нынѣшніе, которыхъ въ краснорѣчіи загоняетъ всякій сельскій дьячокъ, доходившій въ семинаріи хотъ до синтаксическаго класса, и у которыхъ краснорѣчивы только окладистая борода, румяныя ланиты, толстыя чрева и туго набитые карманы. Неоспоримо, что свѣтъ день-ото-дня становится хуже, какъ увѣряетъ въ этомъ Дормедонъ Васильевичъ Прутиковъ!...

Наконецъ, Стефанъ прибѣгаетъ къ ловкой увёрткѣ, одной изъ тѣхъ геніяльныхъ выдумокъ, которыя вы можете найти въ народной русской сказкѣ въ лицахъ, подъ названіемъ „о Бальихъ Увёрткахъ и Непостоянныхъ Документахъ"—и миръ возстановился. Мать шепнула что-то дочери, и сія вышла.

„Вѣрно, сударыня, сказалъ Стефанъ, вы почитаете приличіе прекраснѣйшей вашей дочери быть въ обществѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, и чрезъ сіе лишаете какъ меня, такъ и самихъ себя удовольствія ее видѣть: если я здѣсь лишній, сію же минуту оставлю васъ въ покоѣ.

Quelle galanterie! quelle politesse! Молодые щеголи и франты XIX вѣка, краснѣйте: что̀ вы въ сравненіи съ денди XVII вѣка? тоже что нынѣшніе титулярные совѣтники въ сравненіи съ рыцарями среднихъ вѣковъ!...

„Ахъ, помилуйте, помилуйте! отвѣчаетъ Марія... Я сказала дочери, чтобъ она перемѣнила платье, ибо на ней надѣто утреннее *неглиже*, а это платье не годится при постороннемъ человѣкѣ".

Боже мой! какое знаніе приличій! Какое строгое исполненіе требованій хорошаго тона! И въ комъ-же? въ купчихѣ времени *Стеньки Разина!... O bon vieux temps!* Тогда тоже былъ въ употребленіи французскій языкъ, и даже въ бо̀льшемъ, чѣмъ нынѣ: можно побиться объ закладъ, что теперь ни одна купчиха, съ бумажною или парчевою повязкою на головѣ, въ цѣлой Астраханской губерніи, не пойметъ слова „*неглиже*".

„А мнѣ кажется, сударыня, возразилъ Стефанъ, что сія одежда болѣе дѣлаетъ прелестною дѣвицу, ибо ближе къ *натурѣ* и не принужденна. Еслибъ я когда-нибудь вздумалъ жениться, продолжалъ онъ, то никогда бы не позволилъ женѣ моей заключать въ тѣсные предѣлы стройную и природную свою *талію*, развѣ только въ такомъ случаѣ, когдабъ дражайшая моя половина была такъ толста, какъ ваша приходская попадья.

Какія аркадскія понятія о прелести, придаваемой женщинѣ костюмомъ! Вѣрно, во времена *Стеньки Разина* издавался какой-нибудь чувствительный „Дамскій Журналъ"!... И потòмъ, какое остроуміе со стороны молодаго человѣка XVII вѣка!... О! этотъ молодой человѣкъ *зналъ толкъ*!...

„Однакожъ вы здѣсь, вѣрно не новичекъ и не послѣдній насмѣшникъ?" сказала Марія...—Извините меня, сударыня, въ семъ неумѣстномъ сравненіи, отвѣчалъ Стефанъ. Произнеся сіи слова, цѣлуетъ еще руку Маріи, совершенно имъ обвороженной; но онъ имѣлъ другую цѣль, ибо зналъ, что отъ пріобрѣтенія благорасположенія Маріи зависѣло его счастіе.

Владиміръ, которому эти нѣжности показались смѣшны, началъ подшучивать надъ своею женою, которая, оставивъ *высокій* слогъ, отвѣчала ему *низкимъ*: „Не сойди-ка съ ума, плѣшивая обезьяна!" За симъ, Владиміръ разсказалъ Стефану, какъ его сожительница, въ продолженіе тридцатилѣтней ихъ брачной жизни, осыпала его бранью: одѣляла толчками и сдѣлала его плѣшивымъ, вцѣпляясь, какъ кошка въ крысу, въ его курчавые волосы, когда онъ увѣщавалъ ее плетью меньше скалить зубы съ молодыми мущинами и не безчестить себя. Признаюсь откровенно, это мнѣ не понравилось, и воля ваша, г. неизвѣстный, но тѣмъ не менѣе знаменитый авторъ „Прекрасной Астраханки", а тутъ есть противорѣчіе. Если Марія иногда выражалась немного сильно, такъ это потому, чтобы разнообразить свой слогъ, вслѣдствіе предписаній риторики; но чтобы она, начитанная романами, знавшая французскій языкъ, соблюдавшая строго *bon ton*, обладавшая такимъ краснорѣчіемъ—чтобы она, говорю, могла доходить до такого *mauvais genre*—это, право, неестественно. Впрочемъ, можетъ быть, такое обращеніе супруговъ между собою, во времена Стеньки Разина, почиталось за хорошій тонъ? Въ такомъ случаѣ, не спорю, но за то не хочу быть согласнымъ съ Дормедономъ Васильевичемъ Прутиковымъ, чтобы въ старину все было лучше нынѣшняго.

Супруги скоро помирились, и вошла Анастасія въ бѣломъ атласномъ платьѣ, опоясанномъ зеленымъ бархатнымъ поясомъ съ брильянтовою пряжкою, съ пукетомъ розъ, приколотыхъ къ груди, съ зеленою лентою, *унизанною* крупнымъ жемчугомъ, и брильянтовымъ склаважемъ [432]) на головѣ, съ браслетами на рукахъ. Какъ прекрасна она была въ этомъ костюмѣ, почти не измѣнившемся со временъ *Стеньки Разина* до нашего времени!...

Но этимъ не все кончилось: по приказанію матери, Анастасія принесла арфу, настроила ее и, сдѣлавъ нѣсколько аккордовъ, запѣла слѣдующій романсъ, сочиненный ею экспромтомъ:

Сіяетъ солнце надъ востокомъ
Въ лазурѣ — золотымъ лучемъ!
Пловецъ въ чолнѣ, ведомый рокомъ,
Въ одеждѣ рыцарской, съ мечемъ.
Присталъ къ симъ берегамъ Кутума,
Вступилъ въ незнаемый чертогъ!
Какая быть должна владѣльцевъ дума?..
Объ немъ?... Но вѣрно его Богъ
Руководилъ въ пути избранномъ,
Эгидой ангелъ осѣнялъ!
И онъ хотя сюда незванный—
Гостепріимство здѣсь спозналъ!
Хлѣбъ, соль ему здѣсь предлагаютъ,
Всѣ ласки и смиренный кровъ;
Но мысль его не постигаютъ?
Имъ небо лучшій всѣмъ покровъ!—
Скажи, скажи, пришлецъ *незнамый*!—
Зачѣмъ присталъ къ симъ берегамъ?
Коль хочешь быть теперь упрямой, —
Иди, оставь спокойство намъ?
Вотъ чувства, сердца выраженья!...
Скажи, скажи -- ты мнѣ въ отвѣтъ,
Зачѣмъ пришелъ въ *чужи* се:енья?
Какой намѣреній — завѣтъ? —

Сначала импровизація Анастасіи привела Стефана въ большое затрудненіе, но — говоритъ авторъ —

Оборотливый умъ просвѣщенный воспитаніемъ, недолго остается въ бездѣйствіи и находитъ скоро отвѣты на самую трудную задачу. Я знаю отечественныхъ поэтовъ, которые ни мало не думавши говорятъ то въ одну минуту, что̀ нашъ братъ сочинитель долженъ рѣшить въ теченіе цѣлаго мѣсяца; но щадя ихъ, я не смѣю здѣсь наименовать: ибо публика очень извѣстна объ ихъ талантахъ.

Мы думаемъ, что наши знаменитые поэты должны быть очень благодарны автору „Прекрасной Астраханки“ за его комплиментъ, а болѣе за пощаду, которую онъ имъ даетъ, за его скромность на счетъ утайки ихъ именъ.

Мой Стефанъ—(продолжаетъ авторъ)—будучи изъ числа не послѣднихъ въ своемъ родѣ, сейчасъ нашелъ, или пріискалъ скоро на заданную ему Анастасіей задачу отвѣтъ. Взявши у ней арфу и *акампанируя* пропѣлъ слѣдующее объясненіе:

На что, красавица прелесна!
Ты ищешь объясненья словъ?
При мудрости твоей чудесной
Я чту гостепріимный кровъ,

Въ которой принятъ я съ *пріязней*,
Не какъ пришлецъ, но какъ родной,
Твой взоръ, твой умъ всего опаснѣй,
Но клятвы я держусь одной,—
Она на вѣкъ языкъ связала:
Не смѣетъ сердце говорить!
Природа чувства мнѣ тѣ дала...
Но мыслю, что могу излить!
Тобой плѣненъ я съ *перва* взгляда,
Съ тобой хочу счасливымъ быть.
Когдажъ отнимется отрада...
Не стану я на свѣтѣ жить!
Оставь до время изъясненья:
Тебѣ, клянусь! .. откроюсь я!—
Прерви души моей мученья...
Иль кончу жизнь я — здѣсь стеня.

„Каковъ отвѣтъ! вскричала Марія: не ангельской-ли голосъ проникъ въ мою душу! О, сколь онъ очарователенъ, любезенъ, и какую прелестную гармонію вливаетъ въ сердца наши!—О! дочь! милая моя Анастасія! Вотъ лучшій учитель, могущій образовать твои способности! Что̀ эти надутые *эгоисты?* Эти сребролюбцы, ищущіе своей выгоды, которые занимаясь одинъ часъ твоимъ ученіемъ, стараются только превознести себя похвалами къ талантамъ, коихъ они ни когда не имѣли! Они превозносятъ тебя до небесъ, въ надеждѣ болѣе получить отъ насъ платы, но незнакомецъ, въ первый разъ насъ видѣвшій, доказалъ намъ, какъ они ничтожны! Бери, дочь моя! бери отъ сего господина уроки и ты будешь *идеаломъ* для всѣхъ образованныхъ дамъ въ нашемъ городѣ!—

Нужно-ли говорить, что Стефанъ согласился? Сынъ *Стеньки Разина* былъ отличный виртуозъ и любилъ Анастасію—чего-жъ лучше! Но довольно! прочтите сами романъ, а я не хочу отнимать у васъ удовольствія, расказавъ вамъ вполнѣ содержаніе этого прекраснаго романа. Да не та была и цѣль моя: я хотѣлъ только дать понятіе о неслыханныхъ красотахъ сего произведенія. Когда-же вы прочтете его сами, тогда я напишу на него настоящую критику, въ которой докажу, какъ $2 \times 2 = 4$, что современная русская литература совсѣмъ не такъ бѣдна, какъ думаютъ нѣкоторые безпокойные крикуны, что если она теперь немножко и вздремнула, за то часто грезитъ, и „Прекрасная Астраханка“ есть одна изъ самыхъ поэтическихъ, самыхъ плѣнительныхъ ея грезъ.

Во второй части есть ужасно высокая сцена, свиданія Стефана съ отцомъ своимъ *Стенькою Разинымъ:* въ этой сценѣ они оба говорятъ высокимъ слогомъ. Вообще этотъ романъ напоминаетъ собою лучшее произведеніе геніальнаго Дюкре-Дюмениля[433]), сперва сосланнаго неблагодарнымъ потомствомъ въ лакейскую, а потомъ въ подвалы: «Викторъ или Дитя въ Лѣсу“; но—почтенные читатели—„Прекрасная Астраханка“ только напоминаетъ „Виктора“, а не есть подражаніе

оному, хотя и обрѣтаются такіе невѣжды, которые думаютъ, что сіе *россійское сочиненіе* есть будто-бы пародія на оное французское произведеніе, что будто-бы „Прекрасная Астраханка„ есть тотъ же самый „Викторъ", перетесанный топоромъ и скобелью на россійскіе нравы. Вообще надо замѣтить, что у Дюкре-Дюмениля слогъ *прелестный*, а у нашего автора *высокій*, и потому пальма первенства должна остаться за россійскимъ сочинителемъ.

192. Отелло, фантастическая повѣсть, *В. Гауфа*. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданъ Д. Паглановскимъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Конрада Вингебера. 1839. 119. (12) [434]).

Въ Германіи была нѣкогда особенная литературная школа, школа *фаталическая*, одно изъ самыхъ несчастныхъ и жалкихъ заблужденій человѣческаго ума. Фаталисты лишаютъ человѣка свободной воли, дѣлаютъ его рабомъ и игрушкою какой-то неотразимой, враждебной и грозной силы, и наконецъ ея жертвою. Кому неизвѣстно „Двадцать-Четвертое Февраля" Вернера, „Прародительница" Грильпарцера, многія повѣсти Тика и другихъ? Гофманъ не принадлежитъ къ этой школѣ; фаталическое и фантастическое не одно и тоже. У Гофмана человѣкъ бываетъ часто жертвою своего собственнаго воображенія, игрушкою собственныхъ призраковъ, мученикомъ несчастнаго темперамента, несчастнаго устройства мозга, но не какой-то судьбы, передъ которою трепеталъ древній міръ и надъ которою смѣется новый. Гауфъ, молодой человѣкъ съ талантомъ, принадлежалъ къ школѣ фаталистовъ, но онъ ушелъ очень не далеко. Его „Отелло" нисколько не страшенъ, даже не смѣшонъ, а просто скученъ, что̀ всего хуже. Переводъ довольно плохъ. Изданіе могло-бы быть опрятнымъ, еслибъ печать не была изпещрена безконечнымъ количествомъ прописныхъ буквъ, употребленныхъ безъ всякой нужды. на зло здравому смыслу. Переводчикъ не только графу и барону, даже генію, театральному режиссеру и суффлеру низко кланяется прописною буквою. Не знаемъ, съ чего онъ также выдумалъ писать „*дрожжать*" вмѣсто „*дрожать*"? Неужели онъ этотъ глаголъ производитъ отъ дрожжей? Опечатокъ, или, можетъ-быть, грамматическихъ ошибокъ, довольно.

*__193. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ__, издаваемая книгопродавцемъ *Ф. Ротганомъ*, на 1835 годъ. Санктпетербургъ. 1855. Томы: XVI—VI, 230; XVII—204; XVIII—202; XIX—224; XX—205; XXI—214; XXII—173; XXIII—133; XXIV—145. (12) [435]).

Терпѣніе, постоянство и твердость характера—дѣло великое, признакъ души глубокой! Тщетно толковали г. Ротгану нѣкоторые журналы, что книжка въ пять, шесть или семь листовъ не составляетъ

тома, что надо не такъ держать свое слово передъ публикою; тщетно насмѣхались они надъ микроскопическими томиками „Библіотеки романовъ“: г. Ротганъ остался непоколебимъ, шелъ твердо своей дорогой, никого не слушалъ, никому не отвѣчалъ, и продолжалъ выдавать крохотныя книжки за огромные томы. Наконецъ, онъ уже и кончилъ ихъ за 1835 годъ, и обѣщаетъ такое-же число и въ такой-же толщинѣ за 1836. Даруй Фебъ ему успѣхъ и награди его прежнимъ постоянствомъ и твердостію въ исполненіи своихъ намѣреній!—„Записки доктора“, помѣщенныя въ этой „Библіотекѣ“, прелесть, наслажденіе, очарованіе! Правда, не всѣ пьесы доктора Гаррисона равнаго достоинства, между ними есть посредственныя и даже плохенькія, но за то сколько превосходныхъ! „Государственный человѣкъ, Страшная Гроза, Богатый и Бѣдный [1]), Вдова Клана“ и многія другія—выше всѣхъ похвалъ! Еслибы томики г. Ротгана превратились какимъ-нибудь чудомъ въ томы, еслибы онъ не переводилъ скучныхъ и бездарныхъ романовъ Миссъ Эджвортъ, то его „Библіотека“ была-бы порядочною книгою!

***194. Басни Крылова.** Въ восьми книгахъ. Тридцатая тысяча. Санктпетербургъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1835. 40. (64) [436]).

Мы не будемъ говорить о достоинствѣ этой книжки въ литературномъ отношеніи; въ немъ никто не сомнѣвается; притомъ-же *тридцатая тысяча*, выставленная на заглавіи, служитъ самымъ краснорѣчивымъ фактомъ въ подтвержденіе и безъ того уже всѣми признанной истины. Да, народъ знаетъ и любитъ Крылова, также какъ Крыловъ знаетъ и любитъ народъ. И такъ скажемъ объ этой книжкѣ нѣсколько словъ, въ отношеніи къ ея типографическому достоинству. Съ этой стороны, она возбуждаетъ живѣйшее удивленіе и живѣйшую радость, какъ доказательство, что у насъ распространяется вкусъ къ красивымъ изданіямъ, а вмѣстѣ съ нимъ и успѣхи книгопечатанія. Теперь вы можете носить „Басни Крылова“ и въ карманѣ, и въ ридикюлѣ; даже въ рукахъ дѣтей эта книжечка будетъ казаться миніатюрною игрушкою; представьте только себѣ — въ *шестьдесятъ-четвертую долю листа!* И вмѣстѣ съ этимъ изданіе красиво до изящности, мелко до невозможности и, для крѣпкихъ и молодыхъ глазъ, очень четко. Вразсужденіи мѣлкости, красивости и чоткости, буквы, право, не уступятъ англійскимъ и французскимъ. Конечно, люди съ слабыми глазами должны отказаться отъ чтенія этой книжки, даже люди съ здоровыми глазами не могутъ слишкомъ долго читать ее,

---

[1]) Были помѣщены въ „Телескопѣ“. Изд.

но это неизбѣжный и неотвратимый недостатокъ. Это изданіе Крылова радуетъ насъ еще въ томъ отношеніи, что можетъ произвести у насъ наклонность къ миніатюрнымъ изданіямъ. У насъ вообще любятъ книги in 8°, крупнымъ шрифтомъ и, особенно стихи, съ ужасными пробѣлами, такъ что стихотворенія, которыя вмѣстились-бы на пяти листахъ, издаются на десяти или двадцати. У насъ еще не было попытокъ издавать книги, какъ у иностранцевъ, такъ чтобы онѣ могли составлять дорожную библіотеку и, занимая небольшой шкапъ, представляли-бы все, что есть лучшаго оригинальнаго или переводнаго по части изящной литературы. Къ этой книжкѣ приложенъ прекрасно выгравированный на стали портретъ Крылова, дѣланный въ Лондонѣ. Не почитаемъ за нужное присовокуплять, *кому* публика обязана этимъ прекраснымъ изданіемъ: у насъ только *одинъ* книгопродавецъ занимается изданіемъ нашихъ лучшихъ поэтовъ и литераторовъ.

***195. Кальянъ.** Стихотворенія *А. Полежаева.* Изданіе второе. Москва. Въ университетской типографіи. 1836. 130 (12) [437]).

„Кальянъ" есть вторая книжка стихотвореній г. Полежаева, много уступающая въ достоинствѣ первой. Но и въ „Кальянѣ" еще блестятъ мѣстами искорки прекраснаго таланта г. Полежаева, не говоря уже о томъ, что онъ еще не разучился владѣть стихомъ. Лучшимъ стихотвореніемъ въ „Кальянѣ" намъ показалось „Раскаяніе". Вотъ оно:

Я согрѣшилъ противъ разсудка,
Его на мигъ я разлюбилъ;
Тебѣ, степная незабудка,
Его я честью подарилъ! (?)
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которы демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой!
Кинжалъ коварный сожалѣнья,
Притворной дружбы и любви,
Теперь потонетъ безсомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ —
Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья,

Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву казамата,
Рукой поносной оковалъ!
О, нѣтъ! свершилось!... жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ:
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной;
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды;
Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ ѳиміамъ.
Съ цвѣтовъ пустынныхъ къ небесамъ
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ и вой минувшей бури!

Мы не совѣтовали-бы г. Полежаеву переводить болѣе Ламартина и Делавиня: отъ французскихъ поэтовъ плоха пожива для перевода лирическому поэту. А фразами и декламаціею наша литература и безъ того богата.

196. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе *Николая Полеваго.* Часть первая. Москва. 1835. 505. (12). Въ типографіи Н. Степанова [438]).

Третья часть „Русской Исторіи“ г. Полеваго превзошла всѣ наши ожиданія. Это уже не просто ученіе для дѣтей, это уже книга для всѣхъ. Авторъ оставилъ, или, лучше сказать, сбился съ тона дѣтскаго раскащика на тонъ повѣствователя, историка. Но оставивши тонъ дѣтскаго раскащика, который, правду сказать, и въ первыхъ двухъ томахъ состоялъ только въ однѣхъ обращеніяхъ, къ „любезбезнымъ читателямъ“, онъ продолжаетъ свое прекрасное сочиненіе въ какомъ-то общедоступномъ и всѣхъ удовлетворяющемъ тонѣ. Его расказъ отличается изящностію и стройностію, представляетъ собою правильную, симметрически расположенную галлерею мастерскихъ картинъ, проникнутъ одушевленіемъ, полонъ мысли и, вмѣстѣ съ этимъ, отличается такою простотою изложенія, что, удовлетворяя самаго взыскательнаго ученаго, доступенъ и для дѣтей и для про-

столюдиновъ. Тѣсные предѣлы, назначенные себѣ авторомъ, не только не повредили достоинству его сочиненія, но еще были одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ возвышенію этого достоинства. Мы имѣемъ на счетъ этого свои понятія: мы убѣждены, что одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ „Исторіи Россійскаго Государства“ Карамзина заключается въ томъ, что она, объемля собою событія, не простиравшіяся даже до избранія Михаила, состоитъ изъ *двѣнадцати*, а не изъ трехъ, или много-много *четырехъ* томовъ. Мы не исключаемъ изъ этого недостатка рѣшительно всѣ опыты и предшествовавшіе труду Карамзина и послѣдовавшіе за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служитъ слишкомъ подробное изложеніе событій, эта свалка, этотъ свозъ и важныхъ, и пустыхъ фактовъ? Не вредитъ-ли это и общности событій, которыя должны врѣзываться въ памяти мастерскимъ изложеніемъ и уловляться однимъ взглядомъ? Не вредитъ-ли это и смыслу событій, который у историка выражается въ идеяхъ? Покажите намъ характеръ историческаго лица, такъ чтобы оно рисовалось въ нашемъ воображеніи, проходило передъ нашими глазами со всѣми оттѣнками своей индивидуальности; уловите идею событія и выразите ее не разсужденіями и разглагольствованіями, а изложеніемъ событія, такъ чтобы идея сама невольно бросалась, такъ сказать, въ глаза читателя; представьте намъ всѣ фазы жизни народа, всѣ ея переходы и измѣненія, оттѣните и очертите ихъ: вотъ долгъ историка. Для всего этого не нужно многотомныхъ изложеній фактовъ: все это виднѣе и яснѣе въ сжатомъ, сосредоточенномъ расказѣ. Разбираемое нами сочиненіе служитъ самымъ лучшимъ подтвержденіемъ справедливости нашего мнѣнія. Оно полно и обширно во всемъ смыслѣ этого слова; его первая часть могла-бъ быть гораздо короче, не къ ущербу, а къ усугубленію своего достоинства. Оно совершенно удовлетворяетъ тѣ требованія, которыя мы полагаемъ въ основу достоинства историческаго сочиненія. Характеры дѣйствователей въ ней изображены удивительно. По недостатку положительныхъ и фактическихъ свѣденій, мы не можемъ ни повѣрять ихъ сказаніями лѣтописей, ни ручаться за ихъ историческую вѣрность [439]); но можемъ смѣло увѣрить нашихъ читателей, что эти характеры не образы безъ лицъ, не мертвыя тѣни, а живыя созданія, которыя вы видите передъ собою, которыя имѣютъ для васъ не только смыслъ и душу, но и тѣло, но и образъ опредѣленный и типическій. Въ этомъ отношеніи, мы поспорили-бы съ почтеннымъ авторомъ только на счетъ Іоанна IV. Намъ кажется, что онъ не разгадалъ, или, можетъ быть, не хотѣлъ разгадать тайну этого необыкновеннаго человѣка. У насъ господствуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній на счетъ Іоанна Грознаго: Карамзинъ представилъ его

какимъ-то двойникомъ, въ одной половинѣ котораго мы видимъ какого-то ангела, святаго и безгрѣшнаго, а въ другой чудовище, изрыгнутое природою, въ минуту раздора съ самой собою, для пагубы и мученія бѣднаго человѣчества, и этѣ двѣ половины спиты у него, какъ говорится, бѣлыми нитками. Грозный былъ для Карамзина загадкою; другіе представляютъ его не только злымъ, но и ограниченнымъ человѣкомъ, нѣкоторые видятъ въ немъ генія. Г. Полевой держится какой-то середины: у него Іоаннъ не геній, а просто замѣчательный человѣкъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, изобразивъ такъ прекрасно, такъ вѣрно, въ такихъ широкихъ очеркахъ этотъ колоссальный характеръ. Въ самомъ расказѣ г. Полеваго, Іоаннъ очень понятенъ. Объяснимся. Есть два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямаго пути, дѣлаются мелкими негодяями, слабодушниками; вторые—злодѣями. И чѣмъ душа человѣка огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ онъ въ бездну преступленія, тѣмъ больше закаляется во злѣ. Таковъ Іоаннъ: это была душа энергическая, глубокая, гигантская. Стòитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Вотъ, четырехлѣтнее дитя, остается онъ безъ отца, и кому-же ввѣряется его воспитаніе? Преступной матери и самовольству бояръ, этихъ буйныхъ бояръ, крамольныхъ, корыстныхъ, которые не почитали за безчестіе и стыдъ лѣности, нерадѣнія, явнаго неповиновенія царской волѣ, проигрыша сраженія вслѣдствіе споровъ о мѣстахъ, а почитали себя обезчещенными, уничтоженными, когда ихъ сажали не по чинамъ, на царскихъ пирахъ. И что̀-жъ дѣлаютъ съ царственнымъ отрокомъ эти своекорыстные и бездушные бояре?... Онъ рветъ животное, наслаждается его смертными издыханіями, а они говорятъ: „пусть державный тѣшится". Кто-жъ виноватъ, если потòмъ онъ тѣшился надъ ними, своими развратителями и наставниками въ тиранствѣ?... Онъ любитъ Телепнева—и они вырываютъ любимца изъ его объятій и ведутъ его на мѣсто казни. Душа младенца была потрясена до основанія, а такія души не забываютъ подобныхъ потрясеній. Онъ дѣлается юношею и распутничаетъ: бояре видятъ въ этомъ свою пользу и подучиваютъ его на распутство. Но зрѣлище народнаго бѣдствія потрясаетъ душу юнаго Царя и вдругъ перемѣняетъ его: онъ женится—и на комъ-же? на кроткой прекрасной Анастасіи; онъ уже не тиранъ, а добрый государь, онъ уже не легкомысленный и вѣтреный мальчикъ, а благоразумный мужъ: какіе люди способны къ такимъ внезапнымъ и быстрымъ перемѣнамъ?.. Ужъ конечно не просто добрые и неглупые!... Онъ подаетъ руку

иноку Сильвестру и безродному Адашеву; онъ ввѣряется имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ, но поняли-ль они его?... *Люди народа*, они дѣйствуютъ благородно и безкорыстно, умно и удачно, но они оковываютъ волю Царя; эта воля была львиная и жаждала раздолья и дѣятельности самобытной, честолюбивая и пламенная... Своимъ вліяніемъ на умъ Царя, они спеленали исполина, не думая, что ему стоитъ только пожать плечами, чтобъ разорвать пеленки. Они, наконецъ, назначали ему и часъ молитвы, и часъ суда и совѣта, и часъ царской потѣхи, покорили эту душу тяжкому, холодному, чинному и бездушному этикету, а эта душа была пылка, нетерпѣлива, стояла выше предразсудковъ своего времени и втайнѣ презирала безсмысленными обрядами... И Царь надѣлъ иго, слушался своихъ любимцевъ, какъ дитя, казалось, былъ всѣмъ доволенъ; но его сердце точилъ червь униженія... У Царя есть сынъ и есть дядя—послѣдній обломокъ развалившагося зданія удѣловъ. Царь боленъ при смерти; въ это время Русь уже пріучилась страшиться крамолъ; наслѣдство престола было уже опредѣлено и утверждено общимъ, народнымъ мнѣніемъ: сынъ Царя былъ уже выше своего дяди—и что-же? При смертномъ одрѣ умирающаго вѣнценосца, возстала крамола: бояре отрекаются отъ законнаго наслѣдника, къ ней пристаютъ Сильвестръ и Адашевъ... Царь все видитъ, все слышитъ: его санъ, его достоинство поруганы: у его смертнаго одра брань и чуть не драка; справедливость нарушена: его сынъ лишенъ престола, который отдается удѣльному князю, который въ глазахъ и царя и народа казался крамольникомъ, хотя былъ и невиненъ, которому право жизни было дано какъ будто изъ милости... Этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ, нанесенная имъ рана была слишкомъ глубока: Царь возсталъ для мщенія... Трепещите, буйные и крамольные бояре! вашъ часъ пробилъ, вы сами накликали кару на свою голову, вы оскорбили льва, а левъ не забываетъ оскорбленій и страшно мститъ за нихъ... Царь выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назади было его сирое дѣтство, казнь Овчины-Телепнева, тяжкая неволя и ненавистная боярщина, наругавшаяся надъ его смертнымъ часомъ, оскорбившая и законъ, и справедливость, и совѣсть; взглянулъ впередъ: впереди опять тяжкая неволя и ненавистная боярщина... Мысль объ измѣнѣ и крамолѣ сдѣлалась его жизнію, и съ тѣхъ поръ онъ вездѣ и во всемъ могъ видѣть одну измѣну и крамолу, какъ человѣкъ, помѣшавшійся отъ привидѣнія, вездѣ и во всемъ видитъ испугавшій его призракъ... Къ этому присоединилась еще смерть страстно любимой имъ Анастасіи... И теперь какъ понятно его постепенное измѣненіе, его переходъ къ злодѣйству!.. Ему надлежало-бы свергнуть съ себя тягостную опеку, слушать совѣты, а дѣлать по своему, не питать вѣры,

но быть осторожнымъ съ боярщиною и править государствомъ къ его славѣ и счастію; но онъ жаждетъ мести, мести *за себя*, а человѣкъ имѣетъ право мстить только за дѣло истины, за дѣло Божіе, а не *за себя*... Мщеніе, можетъ быть, сладкій, но ядовитый напитокъ; это скорпіонъ, самъ себя уязвляющій... Кровь тоже напитокъ опасный и ужасный: она что морская вода, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ жажда сильнѣе, она тушитъ месть, какъ тушитъ масло огонь... Для Іоанна мало было виновныхъ, мало было бояръ—онъ сталъ казнить цѣлые города: онъ былъ боленъ, онъ опьянѣлъ отъ ужаснаго напитка крови... Все это вѣрно и прекрасно изображено у г. Полеваго, и въ его изображеніи намъ понятно это безуміе, эта звѣрская кровожадность, этѣ неслыханныя злодѣйства, эта гордыня и, вмѣстѣ съ ними, этѣ жгучія слезы, это мучительное раскаяніе и это униженіе, въ которыхъ появлялась вся жизнь Грознаго; намъ понятно также и то, что только ангелы могутъ изъ духовъ свѣта превращаться въ духовъ тмы... Іоаннъ поучителенъ въ своемъ безуміи, это не тиранъ классической трагедіи, это не тиранъ римской имперіи, гдѣ тираны были выраженіемъ своего народа и духа времени: это былъ падшій ангелъ, который и въ паденіи своемъ обнаруживаетъ по временамъ и силу характера желѣзнаго, и силу ума высокаго. По мнѣнію г. Полеваго онъ былъ выше отца своего и ниже дѣда, въ которомъ онъ видитъ какого-то Петра Великаго. И такъ, очевидно, что излишнее пристрастіе въ пользу Іоанна III заставило историка быть пристрастнымъ въ невыгоду Іоанна IV. Славный дѣдъ Грознаго нейдетъ ни въ какое сравненіе съ Петромъ: онъ былъ государь умный, хитрый, осторожный, благоразумный твердый, но только во дворцѣ, а не на полѣ брани; онъ обезпечилъ, благодаря своему осторожному уму и судьбѣ, самостоятельность Руси, въ которой впрочемъ долго еще самъ сомнѣвался; онъ возвысилъ въ глазахъ народа царскій санъ, учредилъ восточный этикетъ: и вотъ его заслуга! Но Петра мы знаемъ великимъ и во дворцѣ, и на полѣ брани, всегда простымъ и дѣятельнымъ; мы не столько удивляемся ему послѣ Полтавской битвы, сколько послѣ Нарвскаго сраженія; мы не столько удивляемся ему въ его борьбѣ со внѣшними врагами, сколько въ борьбѣ съ невѣжествомъ и фанатизмомъ народа...

Не имѣя ни времени, ни мѣста, а притомъ и ожидая послѣдней части „Русской Исторіи“ г. Полеваго, мы не можемъ входить въ ея подробное разсмотрѣніе и должны ограничиться общими замѣчаніями. Изъ историческихъ характеровъ съ особеннымъ искусствомъ изображены: Василій Шуйскій, Скопинъ-Шуйскій, Ляпуновъ,召Мининъ, Авраамій Палицинъ, потомъ слабый Михаилъ, искусный Филаретъ, Алексѣй и, наконецъ, патріархъ Никонъ—это доселѣ совершенно

новое лицо нашей исторіи, въ томъ смыслѣ, что мы еще не видѣли его ни въ какой прагматической исторіи. Всѣ эпохи и почти всѣ важныя событія показаны болѣе или менѣе, а иныя и совершенно въ новомъ свѣтѣ; такъ, напримѣръ, въ особенности царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ эпоху междоусобій, въ яркомъ свѣтѣ являются у историка мясникъ Мининъ и инокъ Палицинъ, эти два величайшіе героя нашей средней исторіи, которымъ однимъ Русь одолжена своимъ спасеніемъ, потому-что Пожарскій былъ только годнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Ничто такъ не поразительно, какъ дивная и горестная судьба этихъ трехъ великихъ мужей: Минина, Палицина и Никона, которыхъ колоссальные облики изображены историкомъ съ особенною любовію и особеннымъ успѣхомъ! Одинъ изъ нихъ мясникъ, которому каждый бояринъ, каждый дворянинъ, могъ безнаказанно наплевать въ лицо и разтереть ногою, умѣлъ не только возбудить патріотическій восторгъ согражданъ, но и поддержать его, согласить партіи, примирить вождей, понять Палицина, дѣйствовать съ нимъ за одно, управлять вмѣстѣ съ нимъ Пожарскимъ и достигнуть своей цѣли; и что-жъ стало съ нимъ потомъ? ему дали дворянство и боярство, но не пустили въ думу, гдѣ этотъ *мясникъ* могъ оскорбить своимъ присутствіемъ достоинство знаменитыхъ бояръ, которые всѣ были такъ доблестны, что и самъ Мстиславскій казался между ними геніемъ первой величины... Другой святой и великій инокъ, раздѣлившій съ нижегородскимъ мясникомъ вѣнецъ спасенія отечества, примирившій въ лютую минуту страсти вождей, утишившій ропотъ буйной сволочи продажею священныхъ сосудовъ, золотой утвари Лавры, является изгнанникомъ въ дальній монастырь, по волѣ полудержавнаго инока, и скрывается отъ глазъ изумленнаго его доблестію потомства въ неизвѣстной могилѣ... Третій, другъ и наперстникъ царя, мужъ совѣта и разума, возстановитель вѣры, гонитель невѣжества и предразсудковъ гибнетъ жертвою поисковъ опять тойже боярщины... Какіе люди! какая судьба!.. Честь и слава таланту, умѣвшему представить въ истинномъ свѣтѣ такихъ людей и такую судьбу!...

Намъ кажется, что г. Полевой ошибся въ объемѣ своего сочиненія: первая часть его слишкомъ велика, слишкомъ несоотвѣтственна съ стройностію цѣлаго; вторая и третья отличаются совершенною соотвѣтственностію другъ другу и удивительною перспективностію событій; но какова же должна быть, въ этомъ отношеніи, послѣдняя, т.-е. четвертая часть, которая должна вмѣстить въ себѣ событія отъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича до нашихъ дней?...

Если она числомъ листовъ будетъ равна третьей [1]), то будетъ казаться, въ сравненіи съ предыдущими, какъ-то перечнемъ событій, приложеннымъ въ видѣ дополненія. Мы увѣрены, что почтенный авторъ самъ сознаетъ свою ошибку и при второмъ изданіи, которое, безсомнѣнія, скоро будетъ потребовано публикою, исправитъ его и вмѣсто четырехъ томовъ, подаритъ насъ, по-крайней-мѣрѣ, шестью. Тогда мы будемъ имѣть исторію, настоящую и удовлетворительную... Лучшая явится тогда, когда наши историческіе матеріалы будутъ совершенно объяснены и разработаны критикою, а это будетъ нескоро!... [440]).

*197. **Очерки Константинополя.** Сочиненіе *Константина Базили*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1835. Двѣ части: I—XV, 276; II—285. (8). Съ эпиграфомъ:

> Le seul moyen de voir un pays tel qu'il est, c'est de le voir avec ses traditions et ses souvenirs.
>
> Chateaubriand [441]).

Г. Базили даритъ публику уже другимъ сочиненіемъ, знакомящимъ ее съ европейскимъ юго-востокомъ. „Очерки Константинополя" кажутся намъ несравненно лучшими, нежели „Архипелагъ и Грецiя". Главное ихъ достоинство заключается, безсомнѣнія, въ томъ, что они читаются съ интересомъ, ни на минуту не ослабляющимся. Онъ не представляетъ намъ почти ничего новаго или неизвѣстнаго; но у него, какъ у очевидца, и старое дѣлается новымъ. Онъ остался вполнѣ вѣрнымъ избранному имъ эпиграфу, и въ его книгѣ мы видимъ не сухой скелетъ, а живую Турцію, съ ея угасшимъ, но еще по временамъ вспыхивающимъ фанатизмомъ, ея невѣжествомъ, варварскимъ устройствомъ, борьбою стараго съ новымъ, предразсудокъ съ реформою и, наконецъ, ея дивнымъ Махмудомъ, на котораго книга г. Базили смотритъ съ своей точки зрѣнія. Однимъ словомъ, книга г. Базили есть пріятный подарокъ нашей публикѣ: она представляетъ чтеніе и полезное и пріятное. Если кто нибудь броситъ ее, не дочитавши, будучи не въ состояніи выносить отвратительнаго и ужаснаго зрѣлища кровопролитій, казней, униженнаго, поруганнаго человѣческаго достоинства, гордаго и фанатическаго невѣжества — въ этомъ будетъ виноватъ не г. Базили, а та страна, которую намъ нѣкоторые представляютъ обѣтованною и единственно блаженною на землѣ... Слогъ этой книги вообще не

---

[1]) Которая состоитъ изъ *двадцати-одного* листа.

дуренъ, но могъ бы быть лучше, могъ бы менѣе щеголять подъяческими словцами. Изданіе слишкомъ скромно.

* **198. Стелло, или голубые бѣсы.** Повѣсти, расказанныя больному Чернымъ Докторомъ. Сочиненіе графа *Альфреда де Виньи*. Съ французскаго. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1835. Двѣ части: I—XXI, 184; II—172. (12) [442]).

Плохой переводъ одного изъ лучшихъ сочиненій современной французской литературы! Въ немъ не видно и тѣни Альфреда де Виньи. Въ „Московскомъ Телеграфѣ" была переведена почти вся эта книга, и переведена прекрасно: какъ бы хорошо было, еслибы переводившій для „Телеграфа" издалъ вполнѣ свой переводъ и возстановилъ бы славу Альфреда де Виньи, запятнанную дюжими дланями петербургскаго переводчика!..

* **199. Бетта и Томсъ или докторъ Эннеръ и его открытіе.** Нравоучительная повѣсть для дѣтей и родителей. Перевелъ съ нѣмецкаго *С. П.* Дерптъ. Печатано въ типографіи И. Шюнмана. 1838. 125. (8). Съ пятью картинками [443]).

Прекрасная, хорошимъ языкомъ переведенная и красиво напечатанная книжка. Она полезна и для родителей и для дѣтей; для тѣхъ и другихъ она будетъ занимательна и увлекательна. Мы прочли ее съ живѣйшимъ наслажденіемъ и отъ души благодарили и автора и переводчика. При рѣдкости хорошихъ дѣтскихъ книгъ въ нашей литературѣ, эта есть истинное сокровище. Мы не сомнѣваемся, что она будетъ имѣть большой успѣхъ.

* **200. Дѣтская книжка на 1835 годъ,** которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прилежныхъ маленькихъ читателей и читательницъ *Владиміръ Бурнашевъ*. С.-Петербургъ, въ типографіи департамента внѣшней торговли. 1835. 417. (16) [444]).

Мы взяли эту книжку съ полною увѣренностію, что найдемъ въ ней пошлый вздоръ—и пріятно обманулись въ своемъ ожиданіи. Г. Бурнашевъ обѣщаетъ собою хорошаго писателя для дѣтей—дай-то Богъ! Его книжка истинный кладъ для дѣтей. Первая повѣсть „Русая Коса" безподобна. Именно такія повѣсти должно писать для дѣтей. Питайте и развивайте въ нихъ чувство; возбуждайте чистую, а не корыстную любовь къ добру, заставляйте ихъ любить добро для самаго добра, а не изъ награды, не изъ выгоды быть добрыми; возвышайте ихъ души примѣрами самоотверженія и высокости въ дѣлахъ, и не скучайте имъ пошлою моралью. Не говорите имъ: „это хорошо, а это дурно, потому и поэтому", а покажите имъ хорошее, не называя его даже хорошимъ, но такъ чтобъ дѣти сами,

своимъ чувствомъ, поняли, что это хорошо; представляйте имъ дурное, тоже не называя его дурнымъ, но такъ чтобы онѣ по чувству ненавидѣли это дурное. Помните, что основаніе Евангелія есть любовь, а любовь проявляется самоотверженіемъ своего эгоизма, готовностію жертвовать собою и своимъ счастіемъ для добра и правды. Развивайте также въ нихъ и эстетическое чувство, которое есть источникъ всего прекраснаго, великаго, потому-что человѣкъ лишенный эстетическаго чувства, стоитъ на степени животнаго. Но какъ должно развивать въ дѣтяхъ эстетическое чувство? Вотъ вопросъ, на который должны обращать особенное вниманіе писатели для дѣтей. Мы думаемъ, что для этого одно средство: давать дѣтямъ произведенія, сколько возможно доступныя для нихъ, но изящныя, но согрѣтыя теплотою чувства и ознаменованныя большею или меньшею степенью истиннаго таланта. Изъ этого видно, какъ рѣдки должны быть люди, обладающіе талантомъ, необходимымъ для дѣтскаго писателя, и какъ глупы люди, презирающіе этимъ родомъ литературной славы! Мы очень рады, что можемъ отдать г. Бурнашеву должную справедливость и увѣрить его, что мы почитаемъ себя въ правѣ многаго надѣяться отъ него. Думаемъ, что онъ и на 1836 годъ подаритъ своихъ читателей такою же книжкою, которая, разумѣется должна быть еще лучше первой, и въ которой мы найдемъ не одну повѣсть въ родѣ и достоинствѣ „Русой Косы". **В. Б.**

201. Предки Калимероса. Александръ Филиповичъ Македонскій. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1836. Двѣ части: I—272, II—198. Съ эпиграфомъ:

> И снова въ путь.
>
> Странникъ, ч. IV. [445]).

Кому неизвѣстенъ талантъ г. Вельтмана? Кто не странствовалъ съ его „Странникомъ" по всѣмъ странамъ міра, древняго и новаго, словомъ, вездѣ куда только влекла его прихотливая и причудливая фантазія автора? Кто не жилъ съ нимъ въ баснословныхъ временахъ нашей Руси, столь полной сказочными чудесами, столь богатой сильными, могучими богатырями, красными дѣвицами, сѣдыми кудесниками, всею нечистою силою, начиная отъ дѣдушки Кощея Безсмертнаго до лохматаго Домоваго и обольстительной Русалки стараго Днѣпра? Кто не помнитъ Ивы Олельковича, съ его „нѣтути" и кривыми ногами, кто не помнитъ Мильпы и Младеня? А Святославъ, Вражій питомецъ, его пѣстунъ — и кто перечтетъ всѣ эти фантастическіе полуобразы, этѣ пестрыя картины русскаго сказочнаго міра?... Да, все это носитъ на себѣ печать истиннаго, неподдѣльнаго таланта, котораго, правда, никогда не становится на что-

нибудь цѣлое, полное и стройное, но который тѣмъ не менѣе превосходенъ въ своемъ неоконченномъ, отрывчатомъ, прыгучемъ, такъ сказать, характерѣ. Сверхъ того, талантъ г. Вельтмана самобытенъ и оригиналенъ въ высочайшей степени; онъ никому не подражаетъ, и ему никто не можетъ подражать. Онъ создалъ себѣ какой-то особенный, ни для кого не доступный, міръ; его взглядъ и его слогъ тоже принадлежатъ одному ему. Болѣе всего намъ нравится его взглядъ на древнюю Русь: этотъ взглядъ чисто-сказочный и самый вѣрный. Кто бы сталъ поэтизировать древнюю Русь въ формѣ Вальтер-Скоттовскаго романа, а не въ формѣ полу-фантастической, полушутливой сказки—у того вышелъ бы не романъ, а какая-то пародія на романъ, что-то блѣдное, безжизненное, насильственное и натянутое. За примѣрами ходить не далеко. Въ свое время мы поговоримъ объ этомъ поподробнѣе. Да, мы твердо убѣждены, что древняя Русь (т. е. до временъ усиленія Москвы) годится только на сказки, оперы, фантазіи и фантасмагоріи. Г. Вельтманъ хорошо это понялъ, и потому его романы читаются съ удовольствіемъ. Они *народны*, въ томъ смыслѣ, что дружны съ духомъ народныхъ сказокъ, покрыты колоритомъ славянской древности, которая дышитъ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Онъ понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ, и, не давая намъ видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ *чуять* ее въ какомъ то призракѣ, неуловимомъ, но характеристическомъ, не ясномъ, но понятномъ. Одно это можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ неподдѣльности таланта г. Вельтмана. Въ романѣ, или повѣсти, гдѣ представляется жизнь дѣйствительная, талантъ иногда можно замѣнить знаніемъ жизни и людей, вѣрнымъ спискомъ съ существующихъ характеровъ, хорошимъ слогомъ, умными замѣтками о жизни, воспоминаніями собственной жизни. Конечно, и такой романъ все-таки не будетъ художественнымъ созданіемъ, но онъ можетъ занять на нѣкоторое время общее вниманіе, можетъ прожить хотя короткое время. Но въ созданіяхъ фантастическихъ, сказочныхъ—безъ таланта плохо. Какъ ни натягивайтесь, а все будете или смѣшны или скучны. Чѣмъ вымыселъ нелѣпѣе, тѣмъ онъ неудачнѣе, если сдѣланъ, а не созданъ. Гримаса должна быть къ лицу, если она мила; у фантазіи есть свои гримасы.

Г. Вельтманъ началъ свое поприще плохими поэмами въ стихахъ, но извѣстность пріобрѣлъ своимъ „Странникомъ", этою милою болтовнею въ стихахъ и прозѣ, о томъ и о семъ, а чаще ни о чемъ. Въ „Странникѣ" выразился весь характеръ его таланта причудливый, своенравный, который то взгрустнетъ, то разсмѣется, у котораго грусть похожа на смѣхъ, смѣхъ на грусть, который отличается

удивительною способностію соединять между собою самыя несоединимыя идеи, сближать самые разнородные образы, отъ кофе переходить къ индійской пагодѣ, отъ жида-фактора къ Наполеону, отъ перочиннаго ножичка къ Байрону, изъ настоящаго перелетать въ прошедшее и изо всего этого лѣпить какую-то мозаическую картину, въ которой все соединяется очень естественно, ничто другъ съ другомъ не ссорится, словомъ, все принимаетъ на себя какой-то общій характеръ. „Странникъ"—это калейдоскопическая игра ума, шалость таланта; это не художественное произведеніе, а дѣло и шутка по поламъ; вы и посмѣетесь, и вздохнете, а иногда и освѣжитесь болѣе или менѣе сильнымъ впечатлѣніемъ творчества. Какъбы то ни было, по крайней мѣрѣ, вы не утомитесь, не соскучитесь отъ этой книги, прочтете ее отъ начала до конца, безъ всякаго усилія: а это, согласитесь, большое достоинство. Много-ли книгъ, которыя можно читать—*безъ скуки, добровольно?..*

„Кощей Безсмертный" есть лучшее произведеніе г. Вельтмана. Такъ какъ онъ слѣдовалъ непосредственно за „Странникомъ", то и подавалъ блестящія надежды на талантъ г. Вельтмана. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ основательнѣе, какъ ожидать послѣ хорошаго произведенія того или другаго автора еще лучшее, послѣ этого еще лучшее. Постепенная зрѣлость въ послѣдующихъ произведеніяхъ есть самый вѣрный пробный камень силы таланта. Талантъ долженъ идти въ гору, если онъ хочетъ творить не для современниковъ, а для потомства; въ противномъ случаѣ, онъ есть явленіе, можетъ быть, прекрасное, но мимолетное, мгновенное, падучая звѣзда, воздушный метеоръ. Всѣ послѣдовавшіе за „Кощеемъ" романы г. Вельтмана были ознаменованы талантомъ и достоинствомъ, но всѣ они были ниже лучшаго его произведенія „Кощея Безсмертнаго". Въ его „Мартынѣ Задекѣ" замѣтенъ какой-то намекъ на мысль глубокую и прекрасную, но эта мысль выражена такъ загадочно, все созданіе, по обыкновенію, изложено такъ отрывочно, что, право, все это начинало походить на злоупотребленіе таланта, на какой-то *фокусъ-покусъ* фантазіи. Г. Вельтманъ играетъ на свой талантъ, и публика не безъ основанія боится, чтобъ онъ не проигрался...

„Александръ Филиповичь Македонскій" есть продолженіе „Странника". Авторъ начинаетъ такъ:

Хоть вы златницами меня обсыпьте и обвѣсьте,
Какъ идолу молитесь мнѣ,
Но съ тѣмъ, чтобъ я сидѣлъ на мѣстѣ,
И видѣлъ Божій міръ лишь въ книгахъ да во снѣ...
Не соглашусь!
Но если человѣкъ самой судьбою скованъ,

И счастье не везетъ... душа его на днѣ,
И онъ, какъ говорятъ попольски, замурованъ,
Но видитъ Божій міръ и въ книгахъ и во снѣ...
Что жъ дѣлать!

Въ самомъ дѣлѣ, это не совсѣмъ пріятно; но г. Вельтманъ этѣмъ нисколько не затруднился: онъ сѣлъ на гиппогрифа и поѣхалъ въ древность; вправо отъ него носились миѳы, какъ инфузоріи въ каплѣ воды; влѣво, по горамъ, тянулся *Гуристанъ* Азовъ, Финикіянъ, Скиѳовъ, Цельтовъ, Киммеріанъ, Хазаръ, Печенѣговъ!..

Счастливый путь г. Вельтману. Мы не въ силахъ слѣдовать за нимъ въ его продолжительномъ путешествіи въ такую даль: мы не можемъ и пересказать всѣхъ диковинокъ, какихъ онъ тамъ насмотрѣлся. Пусть читатели сами все узнаютъ изъ его книги.

Однакожъ намъ хотѣлось-бы дать какое-нибудь понятіе о его новомъ произведеніи: оно стоитъ, чтобы о немъ поговорить побольше, но мы все-таки боимся, что не съумѣемъ хорошенько сдѣлать этого. Однакожъ хоть какъ-нибудь...

Гиппогрифъ мой взвѣвалъ пыль преданій; не останавливаясь, проѣхалъ я Хіера-Залу Белистана; взглянулъ на бюстъ Александра Великаго... Необыкновенное сходство съ Наполеономъ!

Въ Тирѣ г. Вельтманъ увидѣлъ Пиѳію; она взглянула на него молча, сладостно—и скрылась за занавѣсомъ.

Читали-ль вы отвѣтъ пророчицы въ глазахъ?
Всѣ нервы въ васъ, какъ струны загрохочутъ,
Когда свѣтильники любви не въ небесахъ,
А на землѣ, блаженство вамъ пророчутъ!
О, звѣздный свѣтъ отъ голубыхъ очей!
О, кудри свитыя изъ утреннихъ лучей!
И бурею любви колеблемое лоно,
И эти лебеди Меандра—рамена!...
Тс! Пиѳія нисходитъ уже съ трона,
Въ объятья... да!... въ объятья сна!

Неправда-ли, что Пиѳія прекрасна, что въ нее можно влюбиться? Г. Вельтманъ такъ и сдѣлалъ—и сдѣлалъ хорошо. Ему оставалось только похитить ее; но какъ похитить Пиѳію?... Да, это хоть кого такъ поставило-бы втупикъ, но г. Вельтманъ недолго думалъ; онъ сказалъ самому себѣ:

Но я влюбленъ, влюбленъ я страстно;
А страсть есть тоже, что и власть:
Ей все возможно, все подвластно,
Страсть можетъ Пиѳію украсть.

Я такъ и сдѣлалъ. Ошибаются историки, которые похищеніе юной Пиѳіи приписываютъ Ѳессалійцу Иѳикрату.

Невозможно пересказать всѣхъ приключеній г. Вельтмана. Онъ познакомился съ Филиппомъ Аминтовичемъ, отцемъ Александра Филиповича Македонскаго; съ его супругою Олимпіею или Василиссою (не помню ея отчества, а справиться не имѣю времени), съ Аристотелемъ Никомаховичемъ, воспитателемъ Александра Македонскаго. Дочь Олимпіи, Ѳессалину, взялъ на воспитаніе самъ г. Вельтманъ. Онъ видѣлъ, какъ росъ Александръ, сопровождалъ его въ походахъ, былъ съ нимъ въ Вавилонѣ, и уже въ этомъ городѣ, получивъ изъ дому нѣжную записку въ стихахъ, разстался съ всемірнымъ завоевателемъ и возвратился къ намъ, въ Москву.

Похитивъ Пиѳію, г. Вельтманъ пустился въ путь; но принужденъ былъ оставить ее у Пелазговъ, которые жили на перепутіи двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна вела въ *Латыны*, а другая въ *Словены*. Перебравшись чрезъ Карпатскій хребетъ, онъ очутился въ садахъ *Одубешти* и пилъ тамъ превосходное вино, которое подкрѣпило его силы послѣ путешествія въ областяхъ Эреба; но желая возвратиться на родину, онъ отправился на станцію, чтобъ взять почтовыхъ лошадей. „*Ди-Граве Кяй*" вскричалъ онъ по-молдовански. „Пожалуйте подорожную", отвѣчалъ ему „*капитанъ де почтъ*" порусски. Носъ, глаза, усы, одежда и трубка въ зубахъ доказывали, что этотъ „капитанъ де почтъ" былъ или молдаванъ, или грекъ, или по крайней мѣрѣ, римлянинъ. Г. Вельтманъ разсердился на него за требованіе подорожной, махнулъ рукою—и скуфія полетѣла съ головы „капитана де почтъ".

— Вотъ тебѣ и подорожная!

— Какъ вы смѣете драться? вскричалъ онъ потерявъ равновѣсіе и папуши. Я благородный, я Калимеросъ!

— Будь ты хоть Кали-еспера-сасъ, мнѣ все равно.

Нѣтъ, я не Кали-еспера-сасъ, а Калимеросъ! Вотъ извольте посмотрѣть сами.

И капитанъ-де-почтъ досталъ изъ кованнаго сундука почтовый листъ бумаги, на которомъ было написано: „Cet enfant est né d'une des plus illustres tiges; qu'il soit nommé Alexandre Kalimeros".

— Чтó это значитъ? думалъ я, разсматривая черты капитана-де-почтъ; какъ онъ похожъ на бюстъ Александра Великаго, который я видѣлъ въ сирійскомъ храмѣ, а бюстъ Александра Великаго похожъ... о, это должно изслѣдовать!

— Не нужно лошадей! вскричалъ я.—Я отправляюсь въ глубокую древность изслѣдовать, дѣйствительно-ли ты Калимеросъ!

— Заплатите прежде за безчестье! вскричалъ капитанъ-де-почтъ, догоняя меня... Но я уже былъ за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.

— И это потомокъ великаго человѣка! думалъ я, пробираясь въ Македонію; о, справедлива нѣмецкая пословица, что счастье *глюкъ*, а несчастье *унглюкъ*!

И такъ—грекъ, капитанъ-де-почтъ, носилъ фамилію *Калимеросъ*

и былъ похожъ лицомъ на бюстъ Александра Великаго, видѣнный г. Вельтманомъ въ сирійскомъ храмѣ—*ergo* и Александръ Великій долженъ былъ прозываться Калимеросомъ. Потòмъ: извѣстно, что Наполеонъ происходитъ отъ одной греческой фамиліи, переселившейся въ Италію по паденіи византійской имперіи, что эта фамилія носила имя Калимеросовъ, и что греческое „Калимеросъ“ было переведено на италіянскій слово-въ-слово чрезъ „Buona parte“, чтó значитъ *добрая участь*; *ergo* Наполеонъ есть потомокъ Александра Македонскаго. Какая чудная генеалогія! По крайней мѣрѣ, чудная въ томъ отношеніи, что доставляетъ намъ неожиданное удовольствіе познакомиться съ Наполеономъ еще прежде знакомства съ его пращуромъ Александромъ Филиповичемъ...

Сначала романъ г. Вельтмана удивилъ насъ немного, мы думали: какъ можно тратить свое время на такія, конечно, очень милыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безплодныя вещицы? Это тѣмъ страннѣе, что талантъ г. Вельтмана годился-бы на что-нибудь подѣльнѣе и посущественнѣе... Чтò это такое? сказка не сказка, романъ не романъ, а если и романъ, то совсѣмъ не историческій, а развѣ *этимологическій*, потому что всѣ дѣйствующія лица помѣшаны на этимологическомъ производствѣ словъ; неужели г. Вельтманъ захотѣлъ быть изобрѣтателемъ особеннаго рода романовъ—*этимологическихъ*!...

Но послѣ мы поняли все: это не романъ, а тонкая, злая сатира на историческихъ мистиковъ и отчаянныхъ этимологистовъ. Вотъ доказательство: г. Вельтманъ доказываетъ, разумѣется, шутя, что *Омиръ* происходитъ отъ слова „*по міру*“, потому что творецъ Иліады былъ слѣпой старикъ и ходилъ по міру!... У грековъ г. Вельтманъ нашелъ и вареницы и кадки и боченки и все, чтó вы можете найдти въ московскомъ Охотномъ ряду... Очевидно, что это шутка!...

Но эта шутка написана мило, остро, увлекательно, очаровательно; читая ее, и не видишь, какъ перевертываются листы, и только съ досадою замѣчаешь, что близокъ конецъ. И такъ, читатель, который хочетъ только позабавиться и имѣетъ для этого свободное время, можетъ смѣло взяться за новый романъ г. Вельтмана.

* **202. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта,** содержащее извлеченія изъ путешествій извѣстнѣйшихъ донынѣ мореплавателей, какъ-то: Магеллана, Тасмана, Дампіера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картерета, Бугенвиля Кука, Лаперуза, Блея, Ванкувера, Ангркасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Биллинсгаузена, Галля, Дюперре, Паульдинга, Бичея, Литке, Дилона, Лапласа, Морелля и многихъ другихъ, составленное Дюмонъ-Дюрвилемъ, капитаномъ французскаго королевскаго флота, съ присовокупленіемъ картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисун-

камъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта. Часть вторая. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835. 355. (8).

— **Виды, портреты и изображенія** замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы, общественнаго быта различныхъ народовъ и историческихъ памятниковъ разныхъ странъ, принадлежащіе къ всеобщему путешествію. сочиненію Дюмонъ-Дюрвиля, составленные Сенсономъ, сопровождавшимъ Дюмонъ-Дюрвиля, въ его путешествіи вокругъ свѣта, въ 1826, 1827 и 1828 годахъ. Отдѣленіе второе. Рисунки ко второму и третьему томамъ Всеобщ. Путеш. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1836 [446]).

Трудъ г. Полеваго идетъ успѣшно [1]): въ то время когда петербургская компанія не можетъ еще управиться съ первымъ томомъ, онъ выдаетъ уже второй и, кромѣ того, рисунки къ третьему, который выйдетъ въ свѣтъ. Вторая часть Дюмонъ-Дюрвиля несравненно занимательнѣе первой, въ ней описывается Индія, эта чудная страна, предметъ изученія нашего времени. Одно изложеніе этой многочисленной религіи съ такими гигантско чудовищными формами и такими простыми и естественными идеями—заслуживаетъ величайшаго вниманія. Конечно, въ этомъ изложеніи нѣтъ большой учености, нѣтъ излишней глубины, но оно ясно и понятно, а это и лучше: книга Дюмонъ-Дюрвиля для всѣхъ.

Предразсудки, изувѣрство индійцевъ, сила ѳеократіи надъ ними, туземные обычаи, ихъ отношенія къ своимъ завоевателямъ, борьба и побѣда англичанъ надъ французами, могущество ост-индской компаніи—все это представляетъ такую живую, разнообразную и занимательную картину, что не льзя оторваться отъ чтенія этой книги. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно, сидя въ своемъ кабинетѣ, въ домашнемъ дезабильѣ, не подвергаясь никакимъ опасностямъ, не испытывая никакихъ трудностей, ѣздить по бѣлому свѣту и видѣть всѣ его чудеса!..

* **203. Оперы и водевили.** Переводы съ французскаго *Дмитрія Ленскаго*. Москва, въ типографіи Н. Степанова. 1835. Двѣ части. I—374; II—384. (8) [447]).

Г. Ленскій, безъ всякаго спора, есть лучшій нашъ водевилистъ: одно уже то, что онъ не украшаетъ своихъ передѣлокъ ни громкими предисловіями, ни замысловатыми эпиграфами, ни даже сценами изъ Гёте—даетъ ему неоспоримое первенство. Сверхъ того—смыслъ, грамматика, иногда забавные куплетцы—чего же больше отъ передѣлывателя французскихъ оперъ и водевилей?—А все это есть въ

---

[1]) Его разошлось уже тысяча экземпляровъ.

передѣлкахъ г. Ленскаго. Къ чести его можно отнести еще и то, что у него менѣе другихъ плоскихъ экивоковъ и неблагопристойныхъ остротъ, которыми наперерывъ щеголяютъ наши водевилисты.

Странный оборотъ приняло въ наше время драматическое искусство! Прежде хлопотали о развитіи характеровъ, нынче все заключается въ музыкѣ. Даже въ водевиляхъ слова какъ будто придѣланы къ куплетамъ, а не куплеты къ словамъ. О характерахъ забыли и думать. Какъ тутъ образовываться актерамъ? Имъ надо учиться пѣть, а не играть. Право, хотя-бы ужъ опять начали давать забытыя комедіи Коцебу! По крайней мѣрѣ, въ нихъ видны характеры, а это первое дѣло въ драматическомъ искусствѣ. Нынѣшнія пьесы видѣть можно, но читать, право, нѣтъ мочи. Я помиралъ со смѣху, читая нѣкоторыя пьесы г. Ленскаго, но это отъ того, что я воображалъ г. Живокини, для котораго нарочно нѣкоторыя роли поддѣланы, а безъ этого обстоятельства трудно-бъ было и улыбнуться. Нѣтъ, только та театральная пьеса хороша безусловно, которую можно съ удовольствіемъ и читать и смотрѣть. Про нынѣшнія пьесы не льзя этого сказать: онѣ пишутся для одной музыки, и какой музыки?—*водевильной*!..

* **204. Сорокъ одна повѣсть** лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, докт. Гаррисона, Е. Гино. Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Люка, Сентина, Тика, Цшокке, Ф. Шаля, и другихъ). Изданы *Николаемъ Надеждинымъ*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1836. Въ двѣнадцати частяхъ: I—287; II—261; III—259; IV—287; V—275; VI—276; VII—262; VIII—263; IX—227; X—246; XI—251; XII—236. (12) [448]).

Цѣлая библіотека повѣстей! Запасъ на цѣлую зиму для инаго семейства, погребеннаго въ глуши провинціи! Въ самомъ дѣлѣ, есть чего почитать! Мы не боимся нисколько нарушить приличья и показаться нескромными, сказавши, что эти повѣсти имѣютъ достоинство: издатель „Телескопа“ ихъ только издалъ, а не сочинялъ. Ему принадлежитъ выборъ, а хорошій выборъ для человѣка образованнаго не большая заслуга. Другое дѣло достоинство перевода: но и здѣсь отвѣтственность лежитъ не на издателѣ, потому-что повѣсти переводились разными лицами, а имъ самимъ переведены только немногія. Всѣ эти повѣсти были помѣщены въ „Телескопѣ“ и частью въ другихъ журналахъ, иныя были переведены съ стараніемъ, другія наскоро, отъ чего и достоинство перевода не равно: между переводами превосходными (къ которымъ можно отнести „Вендетту“ и „Завѣщаніе Диллетанта“), есть и посредственныя. Какъ-бы то ни было, это изданіе есть хорошій подарокъ для любителей чтенія.

* **205. Темные разсказы опрокинутой головы.** Соч. *Бальзака.* Съ французскаго. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1836. Двѣ части: I—282; II—173. (12) [449]).

Эти „Темные разсказы опрокинутой головы" суть ничто иное, какъ „Contes bruns", одно изъ самыхъ неудачныхъ произведеній Бальзака. Мы уже неоднократно имѣли случай говорить, что фантастическое не дается французамъ: эта книга можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ этой истины. Бальзакъ писатель съ большимъ дарованіемъ, а что онъ сдѣлалъ, когда вздумалъ представить въ формѣ повѣстей народныя преданія о мертвецахъ и разной чертовщинѣ?.. Его сказки не только не страшны, даже не смѣшны, а просто убійственно-скучны, что всего хуже. Переводъ довольно плохъ.

(**В. Б.**).

*206. О КРИТИКѢ

И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЯХЪ

МОСКОВСКАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ [450]).

Чтó такое критика? Простая оцѣнка художественнаго произведенія, приложеніе теоріи къ практикѣ, или усиліе создать теорію изъ данныхъ фактовъ? Иногда то и другое, чаще все вмѣстѣ. Потóмъ, чѣмъ критика должна быть? Частнымъ выраженіемъ мнѣнія того или другаго лица, принимающаго на себя обязанность судьи изящнаго, или выраженіемъ господствующаго мнѣнія эпохи, въ лицѣ ея представителей, которое есть результатъ прежде бывшихъ мнѣній, прежде бывшихъ опытовъ и наблюденій? Безсомнѣнія, она имѣетъ право быть тѣмъ и другимъ, но въ первомъ случаѣ, она должна быть шагомъ впередъ, открытіемъ новаго, расширеніемъ предѣловъ знанія, или даже совершеннымъ его измѣненіемъ [1]), должна быть дѣломъ генія; во второмъ случаѣ, она меньше рискуетъ, но за то можетъ быть увѣреннѣе въ самой себѣ, можетъ быть всегда истинною въ отношеніи къ своему времени. И такъ критика перваго рода есть исключеніе изъ общаго правила, явленіе великое и рѣдкое; критика втораго рода есть усиліе уяснить и распространить господствующія понятія своего времени объ изящномъ. Въ наше время, когда основные законы творчества уже найдены [451]), это есть единственная цѣль критики. Уяснить эти законы теоретически, подтверждать ихъ истину практически, вотъ ея значеніе. Теорія есть си-

---

[1]) Что и сдѣлалъ Кантъ съ искусствомъ, открывъ основные его законы, въ своей превосходной „Критикѣ Силы Судительной". *Изд.*

стематическое и гармоническое единство законовъ изящнаго; но она имѣетъ ту невыгоду, что заключается въ извѣстномъ моментѣ времени, а критика безпрестанно движется, идетъ впередъ, собираетъ для науки новые матеріялы, новыя данныя. Это есть движущаяся эстетика, которая вѣрна однѣмъ началамъ, но которая ведетъ васъ къ нимъ разными путями и съ разныхъ сторонъ, и въ этомъ-то заключается ея прогрессъ. Вотъ почему критика такъ важна, такъ всеобща; вотъ почему она завладѣла общимъ вниманіемъ и пріобрѣла такой авторитетъ, такое могущество. Дарованіе критика есть дарованіе рѣдкое и потому высоко цѣнимое; если мало людей, надѣленныхъ отъ природы бо́льшимъ или меньшимъ участкомъ эстетическаго чувства, способныхъ принимать впечатлѣнія изящнаго, то какъ-же должно быть мало людей, обладающихъ въ высшей степени этимъ эстетическимъ чувствомъ и этою пріемлемостію впечатлѣній изящнаго?... Ошибаются тѣ люди, которые почитаютъ ремесло критика легкимъ и болѣе или менѣе всякому доступнымъ: талантъ критика рѣдокъ, путь его скользокъ и опасенъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, сколько условій сходится въ этомъ талантѣ: и глубокое чувство, и пламенная любовь къ искусству, и строгое многостороннее изученіе, и объективность ума, которая есть источникъ безпристрастія, способность не поддаваться увлеченію; съ другой стороны, какова высокость принимаемой имъ на себя обязанности! На ошибки подсудимаго смотрятъ какъ на что́-то обыкновенное; ошибка судьи наказывается двойнымъ посмѣяніемъ.

Предметъ критики есть приложеніе теоріи къ практикѣ. Всякое критическое разсмотрѣніе, имѣющее своимъ предметомъ не прямо изящное, а что-нибудь имѣющее къ нему отношеніе, есть не критика, а полемика, какъ-бы оно ни было скромно, вѣжливо, тихо и безжизненно. Статья о мнѣніяхъ какого-нибудь журнала объ изящномъ есть критика; статья о самомъ журналѣ есть полемика или просто сужденіе. Статья о сочиненіяхъ истиннаго поэта, въ которой доказывается, почему онъ есть истинный поэтъ, или статья о сочиненіяхъ поэта-самозванца, въ которой доказывается, почему онъ есть поэтъ-самозванецъ, такая статья есть критика; статья о произведеніи человѣка, котораго никто не думалъ почитать поэтомъ и котораго сочиненія не идутъ подъ повѣрку теоріи есть полемика. Подъ словомъ „полемика" я разумѣю здѣсь не брань, не споры, а все, что́ называется рецензіею и простымъ выраженіемъ мнѣнія о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ. Цѣль критики высокая — повѣрка фактовъ умозрѣніемъ, и наоборотъ, цѣль полемики нисшая—защита здраваго смысла. Критика опирается на умозрѣніи, полемика на здравомъ смыслѣ. Я почелъ необходимымъ сдѣлать это раздѣленіе:

у насъ всякая статья, въ которой судится о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ, называется критикою.

Всякое дѣло должно быть сообразно съ обстоятельствами, владу съ отношеніями. Такъ и критика. Мы сказали, что̀ она такое; теперь, мы должны сказать, чѣмъ она должна у насъ быть въ Россіи. Въ Германіи, странѣ критики, критика идеальна, умозрительна; во Франціи, критика положительная, историческая. Какова-же должна быть критика въ Россіи?... Но можетъ-ли быть у насъ даже какая-нибудь критика, когда у насъ нѣтъ литературы? Г. Шевыревъ однажды коснулся этого вопроса и рѣшилъ, что у насъ критика должна, какъ у нѣмцевъ, предшествовать литературѣ. Мнѣніе, можетъ быть, не вѣрное, но остроумное! Не хочу разсматривать его; скажу только, что, по моему мнѣнію, нашей литературѣ должна предшествовать нѣкоторая образованность вкуса, или, другими словами, у насъ сперва должны явиться читатели, dillettanti, а потомъ уже и литература. Нѣмцы сдѣлались критиками вслѣдствіе своего характера, своего умозрительнаго направленія, слѣдовательно, у нихъ критика родилась сама; у насъ она есть усиліе или подражаніе, также какъ и литература. Я не знаю политической экономіи [452]) и потому не могу рѣшить, продуктъ-ли родитъ потребителей, или потребители родятъ продуктъ; по-крайней-мѣрѣ, у насъ сперва должны явиться требователи на литературу, а потомъ уже и литература. А то—смѣшное дѣло! Хотятъ, чтобы у насъ были поэты, когда ихъ еще не кому читать. Цвѣтущее состояніе нашей книжной торговли не только не опровергаетъ этого положенія, но еще подтверждаетъ его: тамъ, гдѣ съ равной жадностью читается и хорошее и дурное, гдѣ равный успѣхъ имѣютъ и „пѣсенники“ г. Гурьянова и стихотворенія Пушкина, тамъ видна охота къ чтенію, но не потребность литературы. Когда наша читающая публика сдѣлается многочислена, взыскательна и разборчива, тогда явится и литература.

Изъ этого ясно видно назначеніе критики въ Россіи. У насъ принесетъ пользу критика высшая, трансцендентальная: она необходима; но она у насъ должна являться многорѣчивою, говорливою, повторяющею саму себя, толковитою. Ея цѣлью долженъ быть не столько успѣхъ науки, сколько успѣхъ образованности. Наша критика должна быть гувернёромъ общества и на простомъ языкѣ говорить высокія истины. Въ своихъ началахъ, она должна быть нѣмецкою, въ своемъ способѣ изложенія французскою. Нѣмецкая теорія и французскій способъ изложенія—вотъ единственный способъ сдѣлать ее и глубокою и общедоступною. Нѣмцы обладаютъ умозрѣніемъ, но не мастерà посвящать профановъ въ свои таинства, ихъ можетъ понимать ихъ-же каста — ученые; французы зыбки и мѣлки

въ умозрѣніи, но мастера̀ мирить знаніе съ жизнію, обобщать идеи. Подражать-же исключительно нѣмцамъ пока безполезно, французамъ—вредно, потому-что, съ одной стороны, идея всегда должна быть зерномъ ученія, но не должна пугать своею глубиною, должна быть доступна, съ другой стороны, практическія начала безъ основной идеи—пустой орѣхъ, котораго не сто̀итъ труда грызть. Во всякомъ случаѣ, не надо забывать, что русскій умъ любитъ просторъ, ясность, опредѣленность: чистое умозрѣніе его не отуманитъ, но отвратитъ отъ себя; фактизмъ можетъ сдѣлать его мѣлкимъ, поверхностнымъ [453]).

У насъ любятъ критику — объ этомъ нѣтъ спора. Книжка журнала всегда разогнута на критикѣ, первая разрѣзанная статья въ журналѣ есть критика; какъ-бы не былъ дуренъ журналъ, въ какомъ-бы онъ ни былъ упадкѣ, но если въ немъ случится хоть одна замѣчательная критическая статья, она будетъ прочтена, заключающая ее книжка вынется изъ подъ спуда и увидитъ свѣтъ Божій; критикѣ больше всего бываетъ обязанъ журналъ своею силою. Безъ критики журналъ есть образъ безъ лица, анатомическій препаратъ, а не живое органическое существо. Почему-же такъ? Тутъ скрывается много причинъ: и оскорбленное самолюбіе, и личныя отношенія, но болѣе всего *жажда образованности*. Теперь очень ясно, чѣмъ должна быть въ Россіи критика, какая ея цѣль и какимъ путемъ должна она итти къ своей цѣли. Равнымъ образомъ, теперь ясно видно, какъ важна у насъ критика, какъ благодѣтельно вліяніе хорошей критики, и какъ вредно дурной.

Окончивъ эти предварительныя объясненія, которыя я почиталъ необходимыми, приступаю къ самому дѣлу.

Я не безъ намѣренія сказалъ о различіи критики отъ полемики, не безъ намѣренія далъ моей статьѣ заглавіе не просто „о критикѣ Московскаго Наблюдателя", но „о критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя": еслибы я сталъ говорить только о его критикѣ, то мнѣ было-бы не о чемъ говорить, потому-что собственно критическихъ статей въ „Наблюдателѣ" было не больше двухъ или трехъ, остальныя всѣ полемическія, въ томъ смыслѣ, какой я даю полемикѣ. Я буду разсматривать всѣ статьи по порядку, буду слѣдить всѣ мнѣнія шагъ за шагомъ.

Г. Шевыревъ есть исключительный и привиллегированный критикъ „Московскаго Наблюдателя": его статьи составляютъ лучшее украшеніе и даютъ нѣкоторую жизнь и движеніе этому журналу, который такъ бѣденъ жизнью и движеніемъ. Поэтому, на его статьи я долженъ обратить особенное вниманіе. Г. Шевыревъ литераторъ дѣятельный, добросовѣстный, оригинальный во мнѣніяхъ и слогѣ, литераторъ съ дарованіемъ и авторитетомъ: тѣмъ бо̀льшаго вни-

манія заслуживаютъ его критическія мнѣнія, а всякое вниманіе, будетъ-ли оно поддержкою или реакціею, есть признакъ уваженія. Опровергать можно только то́, что́ имѣетъ вліяніе на публику, а имѣть это вліяніе можетъ только талантъ. Вотъ что̀ заставило меня взяться за перо, вотъ съ какимъ чувствомъ и вслѣдствіе какой причины приступаю я къ разбору мнѣній г. Шевырева [454]).

Г. Шевыревъ дебютировалъ въ „Наблюдателѣ" статьею „Словесность и Торговля". Это была статья не критическая, а полемическая. Г. Шевыревъ изъявляетъ въ ней сожалѣніе, что наша литература превратилась въ промышленность, что она „подружилась съ книгопродавцемъ, продала ему себя за деньги и поклялась въ вѣчной вѣрности". Это выраженіе есть остроумная и чрезвычайно вѣрная характеристика современной нашей литературы. Вообще вся статья отличается какимъ-то грустнымъ чувствомъ негодованія и колкимъ остроуміемъ въ выраженіи. Въ ней много справедливаго, глубоко истиннаго и поразительно вѣрнаго; но выводъ ея рѣшительно ложенъ. Авторъ доказалъ совсѣмъ не то́, что́ хотѣлъ доказать, какъ увидимъ ниже. Послѣдуемъ за нимъ въ его статьѣ:

...Нашъ писатель то, что можно сказать однимъ словомъ, выражаетъ предложеніемъ; а предложеніе, достаточное для мысли, вытягиваетъ въ длинный, предлинный періодъ, періодъ въ убористую страницу, страницу въ огромный листъ печатный... Его слогъ, какъ проволока, можетъ до безконечности вытягиваться. — Но въ чемъ тайна всего этого? — Въ томъ, что цѣна печатнаго листа есть 200 или 300 рублей; что каждый эпитетъ въ статьѣ его цѣнится можетъ-быть, въ гривну, каждое предложеніе есть рубль; каждый періодъ, смотря по длинѣ, есть синяя или красная ассигнація!..

Все это очень остроумно и вѣрно; но сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ.

И такъ болтливость нашего слога, безконечныя плеоназмы, необдѣланные періоды, ряды синонимовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ на выборъ, всѣ этѣ свойства скорописи, одолѣвающей нашу литературу, имѣютъ начало свое въ томъ, что нынѣ слова—деньги, и слогъ чѣмъ грузнѣе, тѣмъ выгоднѣе. Отъ такаго слога растетъ статья, толстѣютъ листки книги, вздувается самая книга, какъ калачь у пекаря, наблюдающаго выгоды припеки.

На журналы я смотрю, какъ на капиталистовъ. Библіотека для Чтенія имѣетъ для меня пять тысячь душъ подписчиковъ. Сѣверная Пчела можетъ быть вдвое. [1]) Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любятъ хвастаться всенародно своимъ богатствомъ. И этѣ души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои оброчныя: за ними никогда нѣтъ недоимки; онѣ платятъ впередъ, и всегда чистыми деньгами, и всегда на

---

[1]) Фактъ очень невѣрный! У „Пчелы" нѣтъ и четвертой доли подписчиковъ „Библіотеки", да и которыхъ она имѣетъ, и тѣ, говорятъ, съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ.

ассигнаціи. Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саняхъ: ты думаешь, это сани. Нѣтъ это статья Библіотеки для Чтенія, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьею полостью, съ богатыми серебренными когтями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ чистый и опрятный — все это листы этой дорого заплаченной статьи, принявшіе разные виды саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ, да напиши повѣсть и пошли въ Библіотеку: вотъ и обѣдъ.

Вызови на страшный судъ того писателя, котораго первый романъ, внушенный вдохновеніемъ честнымъ и приготовленный долгимъ трудомъ, завоевалъ вниманіе публики! Спроси совѣсть его о второмъ, о третьемъ, о четвертомъ его романѣ! Въ слѣдствіе чего они явились? Не насильно-ли выпросилъ онъ ихъ у непокорнаго вдохновенія, у невнимательной исторіи? Не торопился-ли онъ всѣмъ напряженіемъ силъ своихъ, противъ условій Музы, чтобъ только воспользоваться свѣжестью перваго успѣха! Его насильственное второе, болѣе насильственное третье и четвертое вдохновеніе не было-ли плодомъ того безотчетнаго, но сладкаго чувства, что романъ теперь самая вѣрная спекуляція?

Повторяю, въ этихъ выпискахъ заключается самое вѣрное изображеніе современной литературы. Но что-же этимъ хотѣлъ сказать почтенный критикъ? Не противорѣчитъ-ли онъ самому себѣ? Теперь наши литераторы въ чести, живутъ своимъ ремесломъ, а не посторонними и чуждыми ихъ призванію трудами: это прекрасно, это должно радовать. Теперь талантъ есть богатое наслѣдство, онъ уже не ропщетъ на несправедливость судьбы, онъ уже не завидуетъ праву знатнаго произхожденія, доставляющаго всѣ выгоды, всѣ блага жизни: это утѣшительно, это отрадно!.. Но, полно, правда-ли, что „наша литература даетъ обѣды, *живетъ въ чертогахъ*, ходитъ по коврамъ, ѣздитъ въ каретахъ, въ лаковыхъ саняхъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекешь съ бобровымъ воротникомъ, возвышаетъ голосъ на аукціонахъ Опекунскаго Совѣта, покупаетъ имѣнія?...“ Нѣтъ-ли въ этихъ словахъ преувеличенія, гиперболъ? Не слишкомъ-ли далеко увлекся авторъ въ своемъ благородномъ негодованіи? Или не смѣшиваетъ-ли онъ вещей, ложно принимая олну за другую? Правда, намъ извѣстны два или три романиста, которые обезпечили на всю жизнь свое состояніе своими первыми романами, но это было еще до основанія „Библіотеки“: за что-жъ взводить на нее небывалыя вины, когда у ней бывалыхъ много? „Иванъ Выжигинъ“ явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлею, когда она была во всемъ цвѣту своемъ. Вслѣдъ за „Иваномъ Выжигинымъ“ появились „Юрій Милославскій, Дмитрій Самозванецъ, Рославлевъ, Послѣдній Новикъ“, а „Библіотека“ явилась уже послѣ всѣхъ нихъ. Повѣстями-же и журнальными статьями, даже при усиленной дѣятельности, можно только жить кое-какъ, но объ обезпеченіи своего состоянія нельзя и думать. Спрашиваю г. Шевырева: изъ участвую-

щихъ въ „Библіотекѣ“ помѣстилъ-ли хоть кто-нибудь болѣе двухъ или трехъ статей въ годъ?... А на три статьи, какъ-бы онѣ дороги ни были, право, не наживешь *чертоговъ*, не заведешь кареты, много-много развѣ купишь сани, да безъ лошадей на нихъ далеко не уѣдешь... Гдѣ-жъ логика, гдѣ справедливость? Странное дѣло, какъ сильно овладѣла г. Шевыревымъ ложная мысль, что въ нашъ вѣкъ поэты и литераторы превратились въ какихъ-то Великихъ Моголовъ!... Но объ этомъ будетъ ниже, когда дойдетъ до его статьи о „Чатертонѣ“. Нѣтъ, г. критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца и тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба!... И въ этомъ отношеніи, „Библіотека для Чтенія“ заслуживаетъ благодарность, а не упрекъ. Но вы видите въ этомъ вредъ для успѣховъ литературы, вы говорите, что наши вторые романы бываютъ какъ-то хуже первыхъ, третьи хуже вторыхъ, что наши повѣсти водяны, періоды длинны, обременены безъ нужды эпитетами, глаголами, дополненіями: все это правда, во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, да вы ошибаетесь въ причинѣ этого явленія. Вспомните, что каждый стихъ Пушкина обходился книгопродавцамъ въ красненькую, если не больше, а вѣдь стихи Пушкина отъ этого нисколько не были хуже; вспомните, что за „Пиковую Даму“ и „Княжну Мими“ „Библіотека“ заплатила деньгами, ассигнаціями, а вы сами хвалите этѣ повѣсти. Вотъ вамъ самый простой и самый убѣдительный фактъ. Онъ доказываетъ, что *истинный талантъ не убиваютъ деньги*, что

Не продается сочиненье [455]),
Но можно рукопись продать;

Конечно, вѣрная пожива отъ литературныхъ трудовъ умножаетъ число непризванныхъ литераторовъ, наводняетъ литературу потопомъ дурныхъ сочиненій; но это зло необходимое. Литература, какъ и общество, имѣетъ своихъ плебеевъ, свою чернь, а чернь вездѣ бываетъ и невѣжественна, и нагла, и безстыдна. Обращаюсь опять къ Пушкину: ему платили дорого, очень дорого, но посмотрите на его литературное поприще: его „Кавказскій Плѣнникъ“ былъ хорошъ, но „Бахчисарайскій Фонтанъ“ лучше, но „Цыганы“ еще лучше, а тамъ еще остаются „Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ, Полтава“: что-жъ вы говорите намъ о вторыхъ и третьихъ романахъ?... Эти вторые и третьи романы были хуже первыхъ оттого, что успѣхъ первыхъ-то былъ основанъ не на талантѣ, не на истинномъ достоинствѣ, а на разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ: одинъ гладко и грамотно написалъ, другой блеснулъ новостью рода, третій какъ-то нечаянно обмолвился: вотъ вамъ и вся тайна вся загадка; она не

мудрена и надъ ней не для чего ломать головы. Вы очень вѣрно изобразили состояніе современной литературы, но вы не вѣрно объяснили причины этого состоянія: *у насъ нѣтъ литераторовъ, а деньгами не льзя надѣлать литераторовъ:* вотъ что вы доказали, хотя и думали доказать совсѣмъ другое. Вы сами были вкладчикомъ „Библіотеки“, вы сами украсили ее статьею, такъ неужели ваша статья должна быть хуже оттого, что вы получили за нее деньги?.. Повѣрьте, что еслибы теперь нельзя было ни копѣйки добиться литературными трудами, наша литература отъ этого не была-бы ни на волосъ лучше.

Въ этой-же статьѣ г. Шевыревъ взводитъ странное обвиненіе на нашихъ писателей, говоря, что „наши пишущіе спекуляторы (въ подражаніе Европѣ) дарятъ насъ, по большей части, въ родѣ разочарованномъ или ужасномъ“. Полно, правда-ли и это? Мнѣ такъ кажется, наши романы съ этой стороны не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека.

По поводу этой мысли, г. Шевыревъ объясняетъ причину разочарованнаго и отчаяннаго характера европейскихъ романовъ, говоря, что она заключается въ вѣковой опытности и разочарованіи человѣчества. Это такъ, но тутъ есть и другія причины: вліяніе Байрона, стремленіе къ истинѣ, покорность модѣ, желаніе вѣрнаго успѣха и въ славѣ и въ деньгахъ, и пр. Вѣдь не всякій романъ, не всякая повѣсть есть поэзія, есть творчество: а если романъ или повѣсть есть не работа, а плодъ вдохновенія, то изображенная въ нихъ жизнь непремѣнно должна быть или ужасна, или крайне смѣшна...

Отъ этой полемической статьи перехожу къ двумъ собственно критическимъ статьямъ г. Шевырева. Первая изъ этихъ статей есть разборъ „Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго“, драмы г. Кукольника, вторая, „Трехъ Повѣстей“ г. Павлова. Въ этихъ статьяхъ г. Шевыревъ является критикомъ, дѣлаетъ насъ участникомъ своихъ критическихъ вѣрованій и даетъ намъ средство оцѣнить свой критическій талантъ. Этѣ двѣ статьи, еще при самомъ своемъ появленіи, удивили насъ до крайности, показались намъ неразрѣшимыми загадками; теперь мы имъ еще больше удивляемся, еще больше ихъ не понимаемъ. Критика на драму г. Кукольника и критика большая, въ двухъ книжкахъ журнала!.. Мнѣ кажется, что такая критика *себѣ дороже*... Но что̀ намъ до этого: всякій воленъ тратить свое добро на что хочетъ; посмотримъ лучше, какъ исполнилъ свое дѣло г. Шевыревъ.

Онъ начинаетъ краткимъ изложеніемъ хода событій эпохи, изъ которой почерпнуто содержаніе драмы г. Кукольника, и мимоходомъ

изъявляетъ сожалѣніе, что Карамзинъ не могъ окончить этой картины.

Какъ часто, дочитывая послѣднюю страницу XII тома, которая такъ чудно рисуетъ русскій хаосъ междуцарствія, при послѣднихъ словахъ „*Орѣшекъ не сдавался*", вмѣстѣ съ картиною эпохи я воображалъ картину самого историка. Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ креслахъ (?), свидѣтеляхъ его труда неутомимаго; одинъ (??), чуждый помощи (???), сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину, возвращая минувшее настоящему... и внезапно хладная коса смертная касается неутомимой руки писателя на самомъ широкомъ ея разбѣгѣ... перо выпало изъ перстовъ, вслѣдъ за тѣмъ, свинцовая завѣса закрыла отъ насъ Исторію Россіи — свинцовая, потому что, послѣ могучей руки Карамзина, никто еще до сихъ поръ не осмѣлился достойно (?) поднять ее, хотя и были нѣкоторыя усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы!

Не правда-ли, что этѣ строки очень странны? Мы не хотимъ упрекать г. Шевырева въ излишнемъ пристрастіи къ Карамзину: послѣ того, какъ насъ призывали молиться на могилѣ незабвеннаго мужа и шептать его святое имя [456]), насъ трудно удивить чѣмъ-нибудь въ этомъ отношеніи. Конечно, г. Шевыревъ, какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по своему образованію не долженъ былъ-бы принадлежать къ литературнымъ старовѣрамъ; но это другой вопросъ, который самъ собою рѣшится подробнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ критическихъ и литературныхъ мнѣній г. Шевырева... Покуда насъ удивляетъ только неловкость комплимента, сдѣланнаго г. Шевыревымъ памяти Карамзина. Хвалить вообще не такъ легко, какъ думаютъ; тутъ надо большое умѣнье, чтобъ иные насмѣшники не сказали:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

Вопервыхъ: что за двадцатипятилѣтнія кресла? Развѣ онѣ принадлежатъ къ преданіямъ нашей литературы, развѣ о нихъ всѣ знаютъ? Развѣ это точно фактъ, что Карамзинъ двадцать пять лѣтъ сидѣлъ въ однѣхъ креслахъ? Если-же это просто риторическая фигура, то довольно забавная... — „*Одинъ*" — да развѣ исторію пишутъ вдвоемъ? „*Чуждый помощи*" — это не правда: Карамзину помогали труды многихъ изыскателей. „Сильной рукою приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, *сшитую изъ ветхихъ хартій*, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину"... Помилуйте: да зачѣмъ-же онъ подымалъ эту завѣсу! Что онъ за нею видѣлъ? Вѣдь эта завѣса была сшита изъ лѣтописей, такъ стало-быть, онъ *на* ней, а не *за* ней долженъ былъ видѣть минувшее? И притомъ, что за странная

фантазія представить Карамзина въ такомъ неловкомъ и принужденномъ положеніи: одной рукой держится за тяжелый занавѣсъ, а другою пишетъ! Пускай этѣ руки были могучія, а все трудно... Воля ваша, а здѣсь не выдержана метафора, и потому страждетъ здравый смыслъ. Да впрочемъ излишне пылкое воображеніе всегда было врагомъ здраваго смысла... Что-же такое значитъ „осмѣлиться *достойно* поднять руку" для написанія исторіи — этого мы рѣшительно не понимаемъ.

Но этотъ неловкій комплиментъ составляетъ въ статьѣ г. Шевырева родъ небольшаго, хотя и эмфатическаго отступленія; обращаюсь къ главному предмету.

Кончивъ изложеніе или очеркъ событій эпохи, избранной драматикомъ, г. Шевыревъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, выражающее его основное понятіе о творчествѣ:

Кажется, исторія сама чертитъ путь драматику, сама даетъ главныя событія и характеры, сама располагаетъ дѣйствія.

Что̀ это такое? Не обманываютъ-ли меня глаза?.. Какъ! такъ сама исторія даетъ художнику планъ драматическаго созданія, а ему, художнику, остается только „не изкажать ея, быть вѣрнымъ ей, отгадывать кой-что утаенное временемъ и лѣтописью"?... Полно, не ошибся-ли я? Перечитываю—такъ, точно такъ!.. Какъ? такъ, стало-быть, *я* пишу историческую драму, *онъ* пишетъ, *вы* пишете, *они* пишутъ—и всѣ мы, какъ ни много насъ, напишемъ по неволѣ одно и тоже? Гдѣ-же свобода художника? Что̀-же его вдохновеніе, его творчество?.. Признаюсь, чудный рецептъ писать драмы! Удивляюсь, какъ послѣ этой статьи г. Шевырева не явилось нѣсколькихъ дюжинъ историческихъ драмъ!.. Только избѣгая длинныхъ выписокъ, не выписываю этого дивнаго рецепта слишкомъ въ двѣ страницы мѣлкой печати, гдѣ критикъ по пальцамъ высчитываетъ, что̀ и что̀ долженъ выставить въ своей драмѣ поэтъ, который-бы избралъ для своей драмы эту эпоху. Жаль, что г. Шевыревъ не показалъ намъ того закона творчества, на которомъ онъ основалъ право исторіи и свое собственное чертить путь фантазіи художника; жаль, что этотъ интересный законъ эстетики остается доселѣ тайною!.. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, всѣ пункты эстетическаго уложенія, на которомъ опираются мнѣнія г. Шевырева, доселѣ остаются для публики тайною. Мы, съ своей стороны, всегда думали, что поэтъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ исторіи, также какъ онъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ дѣйствительной жизни, потому-что, въ томъ и другомъ случаѣ, онъ былъ бы спищикомъ, копистомъ, а не творцомъ. Поздравляемъ поэта, если герой его романа или драмы совершенно сходенъ съ героемъ исторіи, котораго онъ выводитъ въ своемъ созданіи;

но это можетъ-быть только въ такомъ случаѣ, когда поэтъ *угадаетъ* историческое лице, когда его фантазія свободно сойдется съ дѣйствительностію. Разумѣется, это будетъ случай, а не расчетъ, удача, а не намѣреніе. Поэтъ читаетъ хроники, исторію, повѣряетъ, соображаетъ, сдружается съ избранною эпохою, съ избранными лицами; изученіе для него необходимо, но не это изученіе составляетъ актъ творчества: поэтъ ищетъ историческое лицо, зоветъ его къ себѣ и не видитъ его, пока оно само не придетъ къ нему, незваное и неожиданное, въ свѣтлую минуту поэтическаго откровенія, можетъ-быть, тогда, какъ онъ уже бросалъ и хроники и исторіи... Тоже и съ планомъ, ходомъ и всею композиціею созданія. Ему нужны только нѣкоторыя мгновенія изъ жизни героя, ему нужны только нѣкоторыя черты эпохи; онъ вправѣ дѣлать пропуски, неважные анахронизмы, вправѣ нарушать фактическую вѣрность исторіи, потому-что ему нужна идеальная вѣрность. Возьмите трехъ, четырехъ превосходныхъ историковъ той или другой эпохи, того или другого историческаго лица: эта эпоха, это лицо, у каждаго изъ нихъ, при всемъ сходствѣ, будетъ отличаться особенными противорѣчащими оттѣнками. Значитъ, и въ исторіи есть свое творчество, значитъ, и историкъ создаетъ себѣ идеалъ. Хроники однѣ, а идеалы, составленные по нимъ, различны. Иногда-же художникъ (особенно, когда его талантъ субъективенъ) имѣетъ полное право нарушить исторію въ исторической драмѣ, взявъ исторію только рамою для своей идеи. Филиппъ и донъ-Карлосъ Шиллера ни сколько не похожи на Филиппа и донъ-Карлоса исторіи: но, невѣрные исторической истинѣ, они въ высочайшей степени вѣрны вѣчной истинѣ человѣческой души, человѣческаго сердца, вѣрны истинѣ поэтической, потому-что не выдуманы, не придуманы, а родились сами!.. А какъ? этого не сказалъ-бы вамъ и самъ поэтъ, если-бы вы его спросили, отослалъ-бы, можетъ-быть, васъ съ вашимъ вопросомъ къ Шлегелю, къ Сольгеру [457]), къ Шеллингу...

Второй части этой критики не буду разбирать подробно. Въ ней критикъ доказываетъ не то, чтобы поэтъ погрѣшилъ противъ творчества, а то, что онъ не пошелъ по пути, начерченному самою исторіею. Потомъ изчисляетъ его промахи противъ здраваго смысла, а именно, что у него героемъ драмы является Ляпуновъ, а Скопинъ-Шуйскій играетъ самую жалкую и ничтожную роль, что отравленіе Скопина на пиру есть *тупоумное* злодѣйство и пр. Разумѣется, все это не касается законовъ изящнаго, потому-что драма совсѣмъ не изящна; разумѣется, легко выставить всѣ ея ошибки, потому-что когда умъ творитъ безъ участія чувства и фантазіи, то всегда дѣ-

лаетъ нелѣпости и промахи противъ здраваго смысла. Перехожу ко второй критической статьѣ г. Шевырева.

Эта статья еще удивительнѣе. Въ ней г. Шевыревъ разсуждаетъ о разныхъ предметахъ и, между прочими, о какой-то „*свѣтской*" повѣсти, и называетъ повѣсти г. Павлова „*свѣтскими*". Что это такое—„*свѣтская*" повѣсть? Не понимаемъ: въ *нашей* эстетикѣ не упоминается о „*свѣтскихъ*" повѣстяхъ. Да развѣ есть повѣсти мужицкія, мѣщанскія, подъяческія? А почему-жъ-бы имъ и не быть, если есть повѣсти „*свѣтскія*"?.. Ну, пусть ихъ будутъ — посмотримъ, что̀ дальше. Сначала критикъ говоритъ, что у насъ рѣдко появляются хорошія повѣсти: это мы знаемъ. Потомъ, что повѣсть есть вывѣска современной литературы: и объ этомъ мы тоже слыхали. Причину этого критикъ находитъ въ томъ, что „у всякаго есть своя жизнь, свой анекдотъ, свой расказъ, однимъ словомъ: *у всякаго своя повѣсть*". Но вѣдь, скажемъ мы, и прежде было тоже: отчего-жъ прежде повѣстей не писали? Потомъ критикъ говоритъ, что „съ тѣхъ поръ какъ стало такъ легко быть авторомъ", появилось много дурныхъ повѣстей и романовъ: истина неоспоримая! „Повѣсть тѣмъ болѣе доступна для всѣхъ и каждаго, что *ея форма есть таже проза*, которою всѣ говорятъ": признаемся—мы съ этимъ не совсѣмъ согласны. Потомъ критикъ говоритъ, что „жизнь есть какое-то складное бюро, со множествомъ ящиковъ, между которыми есть одинъ глубокій тайный ящикъ съ пружиною", что въ этомъ ящикѣ лежитъ женское сердце, что авторъ „Трехъ Повѣстей" слегка коснулся этого ящика, и что есть надежда, что когда-нибудь онъ и совсѣмъ откроетъ его. Послѣ этой прекрасной и поэтической аллегоріи въ восточномъ вкусѣ, критикъ говоритъ намъ, что авторъ вынулъ изъ ящика записку, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что человѣкъ вездѣ достоинъ вниманія, что сильные страсти и рѣзкіе характеры встрѣчаются и въ убогихъ хижинахъ крестьянъ. „Въ этихъ словахъ, говоритъ критикъ, заключается теорія автора и тайна современной повѣсти". Для кого-же эта тайна есть тайна, объ этомъ критикъ умалчиваетъ. Потомъ, критикъ говоритъ, что есть люди, которые „ищутъ повѣстей за тридевять земель, на горахъ Кавказа, въ степяхъ Африки, въ жизни великихъ людей, въ своей фантазіи (?). Нѣтъ, продолжаетъ онъ, найдите повѣсть здѣсь, около себя". Мы не понимаемъ, почему поэтъ долженъ ограничить себя только окружающею его жизнію, почему онъ не можетъ искать ея на Кавказѣ, въ Африкѣ, и въ жизни великихъ людей, и болѣе всего въ своей фантазіи. Намъ, напротивъ, кажется, что онъ именно только въ своей фантазіи долженъ искать повѣсти: жизнь у всѣхъ подъ руками, всѣ ея видятъ, многіе даже наблюдаютъ и понимаютъ, но воспроизводить могутъ только тѣ, у

которыхъ есть фантазія. Потомъ говоритъ, что въ „*свѣтской*“ повѣсти г. Павлова „Ятаганъ“ все просто, неизысканно, безъ внезапностей, что въ ней характеровъ немного, но что эти характеры глубоки, что повѣствователь долженъ быть психологомъ: со всѣмъ этѣмъ не льзя не согласиться.

Теперь, слѣдуетъ у него упрекъ автору за женщину, противъ которой онъ, будто бы, погрѣшилъ въ своей повѣсти „Аукціонъ“. Онъ называетъ ее „неизгладимымъ проступкомъ передъ лицемъ женскаго пола и непозволительнымъ злоупотребленіемъ таланта писателя“. Признаемся откровенно: мы и такъ уже нашли много непонятнаго и удивительнаго во мнѣніяхъ г. Шевырева: но это мнѣніе даже пугаетъ насъ: мы боимся, что оно не понятно намъ вслѣдствіе своей глубины и ограниченности нашей мыслительной способности. Онъ даже нападаетъ въ этомъ отношеніи на „Ятаганъ“, въ которомъ княжна кокетничаетъ съ соперникомъ своего избранника не изъ какой другой цѣли, какъ изъ любви къ этому невинному занятію... „Эта княжна, говоритъ онъ, лукаво помнитъ о какихъ-то ядовитыхъ бездѣлкахъ общества, о каретѣ, въ которой не льзя ѣздить ея солдату...“ Пусть думаетъ г. критикъ какъ угодно ему, но мы понимаемъ это иначе: намъ кажется, что здѣсь-то именно авторъ „Трехъ Повѣстей“ показалъ самымъ блистательнымъ образомъ свое знаніе и свѣта и человѣческаго сердца, въ этой чертѣ мы признаемъ высокую художественность. Мы желаемъ не меньше всякаго, чтобъ люди были хороши, но хотимъ, чтобъ ихъ показывали такими, каковы они есть; истина и разочарованіе терзаютъ насъ не меньше всякаго, но мы ищемъ ея, этой истины, но мы находимъ въ ея терзаніяхъ радость, наслажденіе своего рода, и насъ удивляетъ и смѣшитъ аркадская вѣра въ совершенство міра сего...

Нѣтъ, не такова женщина у насъ въ Россіи! Она едва-ли не лучше мущины; она его образованнѣе, потому-ли, что образованіе женское не такъ сложно, какъ мужское; потому-ли, что ей больше досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинѣ, рано увлекаемому службою...

Часъ-отъ-часу не легче!... Женщина едва-ли не образованнѣе мужчины, потому-что „женское образованіе не такъ сложно, какъ мужское“?... Но вѣдь образованіе нашихъ крестьянокъ еще малосложнѣе, такъ слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы наши крестьянки въ полосатыхъ понявахъ были идеаломъ женщинъ?—И неужели высочайшее совершенство образованія состоитъ въ несложности образованія?... Женщины у насъ едва-ли не образованнѣе мужчины, потому-что „ей болѣе досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинѣ?“... Но бѣло-румянымъ, черно-зубымъ и тучнымъ сожительницамъ нашихъ брадатыхъ торговцевъ еще болѣе времени

предаваться свободнымъ занятіямъ ума?... И онѣ точно предаются „свободнымъ" занятіямъ!... Воля ваша, а здѣсь нѣтъ логики!—Но послушаемъ еще критика.

Если когда мужчина въ Россіи будетъ достоинъ своего назначенія, это будетъ даръ женщины, плодъ ея заботливости о немъ. Посмотрите, какъ она посвятила у насъ себя воспитанію дѣтей, какъ она отказывается отъ веселій свѣта, какъ она сама себѣ создаетъ свободный гинецей, какъ любитъ дѣтскую и живетъ въ ней своими мыслями и чувствами!

Честь и хвала г. Шевыреву! Онъ нашелъ, наконецъ, эту утопію, эту землю обѣтованную, гдѣ женщина презираетъ мѣлочами суетности и самолюбія, гдѣ она велика исполненіемъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей въ скромномъ уголкѣ семейной жизни, отмежеванномъ ей природою, гдѣ она жена и мать, а не свѣтская женщина, не *femme savante*, не поэтъ!... Поздравляемъ его съ находкою!... Мы бы сказали объ этомъ болѣе, но такъ какъ это не относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ, то заключаемъ наше замѣчаніе стихомъ Грибоѣдова:

Блаженъ кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!

Слѣдующая за этимъ мысль поражаетъ своею вѣрностію и глубокостію, и намъ очень пріятно ее выписывать, хотя она тоже не относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ.

Изобразите мнѣ, г. повѣствователь, ту женщину, о которой вы сами говорите, что она оторвется отъ великолѣпной жизни, отъ родныхъ и пойдетъ за вами въ Сибирь, на край свѣта, повсюду, гдѣ только можетъ умереть за васъ... Изобразите мнѣ женщину еще выше этой, потому что къ высокимъ пожертвованіямъ мы часто бываемъ способны, но не бываемъ способны къ пожертвованіямъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ, не сопряженнымъ ни съ какимъ говоромъ славы, чуждымъ всякаго подозрѣнія въ тщеславіи, въ притязаніи на публичное мнѣніе; изобразите мнѣ во время пышнаго бала, который и пылаетъ, и гремитъ, и блещетъ, и ждетъ женщины... изобразите мнѣ ее во время такого бала, въ своей дѣтской, у колыбели, съ младенцемъ у ея груди, въ ту очаровательную полночь, когда все о ней думаетъ, все полно ею...

Да! это истинная женщина, и мы увѣрены, что всѣ наши повѣствователи будутъ изображать ее, когда она сдѣлается не фениксомъ, не исключительнымъ, подобно генію, но обыкновеннымъ явленіемъ. До того-же блаженнаго времени совѣтъ г. Шевырева останется безплоднымъ [458]).

Потомъ г. критикъ хвалитъ слогъ автора „Трехъ Повѣстей", его слогъ, въ самомъ дѣлѣ, цвѣтокъ благоухающій и прекрасный; мы вполнѣ согласны въ этомъ съ г. критикомъ, но намъ кажется страннымъ, что онъ называетъ его періодъ *округленнымъ*, его фразу *обточенною*: по нашему мнѣнію, эта похвала хуже брани. „Новый повѣствователь, говоритъ онъ еще, романистъ въ классическихъ

формахъ. Его фраза—фраза Шатобріана по щегольству и отдѣлкѣ, но украшенная простотою". Если это такъ, то, по нашему мнѣнію, это опять-таки не похвала, а порицаніе: мы уважаемъ *благородство* въ литературѣ, но не терпимъ *паркетности*, высоко цѣнимъ *изящество*, но ненавидимъ *щегольство*.

Вообще г. критикъ въ своей статьѣ довольно ясно высказалъ и прямо и околичностями, и общими мѣстами, что повѣсти г Павлова прекрасны; но что́ такое онѣ въ нашей литературѣ, какой ихъ особенный характеръ—объ этомъ онъ умолчалъ, и потому мы имѣемъ право и эту его статью отнести къ роду статей полемическихъ.

Теперь слѣдуетъ статья о „Миргородѣ" г. Гоголя. Почтенный критикъ, со всею добросовѣстностію, отдаетъ справедливость таланту г. Гоголя; но намъ кажется, что онъ невѣрно его понялъ [459]). Онъ находитъ въ немъ только стихію смѣшнаго, стихію комизма. Мы думаемъ иначе. Смѣшное выражается многоразлично, многохарактерно, такъ сказать. Въ этомъ отношеніи оно похоже на остроуміе: есть остроуміе пустое, ничтожное, мѣлочное, умѣющее найти сходство между Расиномъ и деревомъ, производя то и другое отъ „корня", остроуміе, играющее словами, опирающееся на „какъ-бы не такъ" и тому подобномъ, остроуміе, глотающее иголки ума, которыми можетъ и само подавиться, какъ мы уже и видѣли примѣры этому въ нашей литературѣ; потомъ есть остроуміе, происходящее отъ умѣнія видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, схватывать ихъ характеристическія черты, выказывать ихъ смѣшныя стороны. Остоуміе перваго рода есть удѣлъ великихъ людей на малыя дѣла; остроуміе втораго рода или дается природою или пріобрѣтается горькими опытами жизни, или вслѣдствіе грустнаго взгляда на жизнь: оно смѣшитъ, но въ этомъ смѣхѣ много горечи и горести. Остроуміе перваго рода есть каламбуръ, шарада, тріолетъ, мадригалъ, буриме; остроуміе втораго рода есть сарказмъ, желчь, ядъ, другими словами, оно есть отрицательный силлогизмъ, который не доказываетъ и не опровергаетъ вещи, но уничтожаетъ ее тѣмъ, что слишкомъ вѣрно характеризуетъ ее, слишкомъ рѣзко выказываетъ ея безобразіе, или удачнымъ сравненіемъ, или удачнымъ опредѣленіемъ, или просто вѣрнымъ представленіемъ ея, такъ какъ она есть. Смѣшное или комическое также точно раздѣляется: оно или водевиль, „Горе отъ Ума". Мы думаемъ, что смѣшное и остроумное перваго рода принадлежитъ барону Брамбеусу, повѣсти котораго не лишены литературнаго достоинства, хотя и лишены всякой художественности, какъ и повѣсти всѣхъ раскащиковъ-балагуровъ; а смѣшное г. Гоголя относится ко второй категоріи комизма. Мы опираемся въ этомъ случаѣ на то, что его повѣсти смѣшны, когда вы ихъ читаете, и пе-

чальны, когда вы ихъ прочтете. Онъ представляетъ вещи не каррикатурно, а истинно: въ его „Вечерахъ на Хуторѣ", въ повѣстяхъ: „Невскій проспектъ", „Портретъ", „Тарасъ Бульба" смѣшное перемѣшано съ серьознымъ, грустнымъ, прекраснымъ и высокимъ. Комизмъ отнюдь не есть господствующая и перевѣшивающая стихія его таланта. Его талантъ состоитъ въ удивительной вѣрности изображенія жизни въ ея неуловимо-разнообразныхъ проявленіяхъ. Этого-то и не хотѣлъ понять г. Шевыревъ: онъ видитъ въ созданіяхъ г. Гоголя одинъ комизмъ, одно смѣшное, и высказалъ нѣсколько мыслей вообще о смѣшномъ. Эти мысли кажутся намъ очень невѣрными, и мы сейчасъ-же повѣримъ ихъ. Но прежде сдѣлаемъ замѣчаніе объ одномъ чрезвычайно странномъ его мнѣніи. Хваля цѣлое и подробности „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ", онъ говоритъ:

Мнѣ не нравится тутъ одна только мысль, убійственная мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушаетъ нравственное впечатлѣніе цѣлой картины. Я-бы вымаралъ этѣ строки...

Мы никакъ не можемъ понять этого страха, этой робости передъ истиной! Критикъ не доказываетъ ни однимъ словомъ ложности этой мысли, напротивъ, какъ будто признаетъ ея справедливость, и въ тоже время негодуетъ на нее!... Странно!... Что касается до насъ, мы уже пережили этотъ аркадскій періодъ человѣческаго возраста, когда глаза страшатся свѣта истины, а потѣшаются ложными цвѣтами мыльныхъ пузырей!...

Смѣшное есть безсмыслица безвредная... Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ... Вы смѣетесь его неловкости, потому что неловкость есть въ своемъ родѣ безсмыслица; но если вы замѣтили, что онъ вывихнулъ ногу и стонетъ... Тутъ вамъ не до смѣху... Чувство состраданія изгоняетъ чувство смѣха... Такъ точно въ страстяхъ и порокахъ: они смѣшны до тѣхъ поръ пока безвредны... Ревнивецъ смѣшонъ въ Арнольфѣ Мольера и ужасенъ въ Отелло... Сумасшедшій смѣшонъ до тѣхъ поръ, пока не опасенъ себѣ и другимъ... *Безвредная безсмыслица—вотъ стихія комическаго*, *вотъ истинно смѣшное*.

Г. Шевыревъ довольно пространно и отчетливо развиваетъ намъ свою теорію комизма: въ ней много справедливыхъ и дѣльныхъ замѣтокъ, но основаніе рѣшительно ложно. Что̀ такое „безвредная безсмыслица"?—ничего больше, какъ безсмыслица! Давно уже рѣшено, что основаніе смѣшнаго есть несообразность, противорѣчіе идеи съ формою, или формы съ идеею. Это доказываетъ примѣръ, приведенный самимъ г. Шевыревымъ. Человѣкъ шелъ и упалъ—это смѣшно, безъ сомнѣнія. Но отчего? Оттого, что идущій человѣкъ долженъ идти, а не лежать: слѣдовательно въ случайности его паденія заключается противорѣчіе и съ его цѣлію и съ положеніемъ человѣка идущаго. Вы встрѣчаете на улицѣ мужика, который, идя, ѣстъ калачь—вамъ не смѣшно, потому-что эта походная трапеза

не противорѣчитъ идеѣ мужика; но еслибы вы встрѣтили на улицѣ съ калачемъ въ рукахъ человѣка свѣтскаго, человѣка *comme il faut*: вы разхохотались-бы, потому-что принятое и утвержденное условіями нашей общественности понятіе о свѣтскомъ человѣкѣ противорѣчитъ идеѣ походной трапезы среди улицы

О замѣчаніи г. Шевырева касательно фантастической повѣсти г. Гоголя „Вій", я имѣлъ случай говорить. Это замѣчаніе очень справедливо и основательно.

Статья о „Миргородѣ" есть лучшая изъ статей г. Шевырева, помѣщенныхъ въ „Наблюдателѣ" и болѣе другихъ можетъ назваться критикою: въ ней онъ, по-крайней-мѣрѣ, разсуждаетъ о смѣшномъ и фантастическомъ, предметахъ прямо относящихся къ искусству; но мнѣніе его вообще о характерѣ повѣстей г. Гоголя и о смѣшномъ кажется намъ невѣрнымъ.

Теперь слѣдуетъ пятая статья г. Шевырева „о Критикѣ вообще и у насъ въ Россіи". Въ началѣ этой статьи г. Шевыревъ какъ-бы мимоходомъ дѣлаетъ замѣчаніе на счетъ чьего-то мнѣнія, что „у насъ нѣтъ еще словесности, а есть уже критика" и потомъ задаетъ себѣ вопросъ: „можетъ-ли существовать критика тамъ, гдѣ нѣтъ еще словесности?" На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на нѣмецкую литературу, въ которой „Лессингъ, Винкельманъ и Гердеръ предшествовали Шиллеру, Гёте и Жанъ-Полю". Вслѣдствіе этого онъ думаетъ, что и у насъ можетъ быть тоже самое. Я еще въ началѣ этой статьи сказалъ мое мнѣніе на счетъ этой мысли. Потомъ онъ переходитъ къ важности критики у насъ въ Россіи и говоритъ, что „словесность наша до тѣхъ поръ не достигнетъ высокихъ созданій національнаго вкуса, а будетъ ограничиваться отрывками и мѣлкими произведеніями, пока не водворится у насъ критика національная, воспитанная своею наукою и основанная на глубокомъ изученіи исторіи словесности". Мы съ этѣмъ не согласны: мы думаемъ, что у насъ тогда будетъ литература, когда явится вдругъ нѣсколько талантовъ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь явились, не дожидаясь критики. Слѣдующая за этимъ мысль кажется намъ еще удивительнѣе. Г. Шевыревъ сначала говоритъ, что наука и преданіе враждебны другъ другу, первая, какъ нововводительница, безпрестанно движущаяся впередъ, второе, какъ цѣпь, мѣшающая ходу человѣчества: мысль, можетъ-быть, не новая, но глубоко вѣрная! Потомъ онъ говоритъ, что есть еще борьба искусства съ наукою и преданіемъ, и что въ этой борьбѣ заключается жизнь искусства.

Словесность производящая силится нарушить всѣ законы и уничтожить совершенно науку и преданіе. Наука хочетъ умертвить всякую живую силу

въ своемъ строгомъ законѣ и подчинить ее урокамъ опыта и правиламъ, ею постановленнымъ. Еслибы въ этой борьбѣ которая-нибудь изъ силъ восторжествовала, что̀ весьма возможно—то равновѣсіе и гармонія литературнаго міра были-бы совершенно нарушены. При исключительномъ торжествѣ науки, уничтожилась бы всякая новая жизнь въ мірѣ творящаго слова и на мѣсто ея воцарилось-бы мертвое и холодное подражаніе. Восторжествуй сила производящая: безначаліе, хаосъ, уничтоженіе всѣхъ законовъ красоты могло-бы быть слѣдствіемъ такого торжества въ литературномъ мірѣ. И откуда-бы могло послѣдовать возрожденіе жизни словеснаго міра и возстановленіе осиленнаго начала, еслибы, кромѣ этихъ двухъ враждующихъ силъ, не присутствовала третья, которая занимаетъ средину между тою и другою силою и является примирителемъ, равно наблюдающимъ права каждой изъ нихъ?—Вотъ мѣсто, которое, по моему мнѣнію, должна занимать критика въ литературѣ... Однимъ словомъ, согласить законъ и жизнь, не нарушать перваго и не попустить убійства второй: вотъ дѣло истинной критики! Торжествуетъ исключительно наука: освободить искусство; буйствуетъ искусство: возстановить на него науку—вотъ ея назначеніе.

Вотъ понятіе г. Шевырева о критикѣ. Но мы съ нимъ несогласны, оно намъ кажется ложнымъ, потому-что выведено изъ ложнаго начала. Между искусствомъ и наукою точно есть борьба, да только эта борьба есть не жизнь, а смерть, искусства. Вдохновенію не нужна наука, оно ученѣе науки, оно никогда не ошибается. Основной законъ творчества, что оно сообразно съ цѣлію безъ цѣли, безсознательно съ сознаніемъ, опровергаетъ всѣ теоріи и системы, кромѣ той, которая основана на немъ, выведенная изъ законовъ человѣческаго духа и вѣковыхъ опытовъ надъ произведеніями искусства. Слѣдовательно, не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку—теорію изящнаго; слѣдовательно искусство только тогда истинно и изящно, когда вѣрно себѣ, а не наукѣ, а если наукѣ, то имъ-же самимъ созданной. Правда, наука всегда силилась покорить искусство, но какое было слѣдствіе этого? Смерть искусства, какъ то доказываетъ классическая французская литература. Но когда искусство было свободно отъ науки, оно было полно жизни, истины, красоты эстетической: достаточно указать на одного Шекспира, чтобы сдѣлать это положеніе неопровержимымъ. Я, право, не знаю, какое вліяніе теорія, система, піитика, наука (назовите это какъ угодно), имѣла на Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Гёте, Шиллера?... Г. Шевыревъ указываетъ на новѣйшую французскую литературу, какъ на плачевный примѣръ буйства искусства, освободившагося отъ науки: но вопервыхъ, я никакъ не могу понять, въ чемъ состоитъ это буйство; вовторыхъ, точно ли новѣйшія произведенія французской литературы суть плоды искусства, творчества; не покорены-ли онѣ болѣе или менѣе духу моды, подражанія, расчета, особеннаго рода системы, что̀ для искусства не менѣе ги-

бельно науки? Критика не есть посредникъ и примиритель между искусствомъ и наукою: она есть приложеніе теоріи къ практикѣ, есть таже наука, созданная искусствомъ, а не создающая искусство. Ея вліяніе простирается не на искусство, а на вкусъ публики; она не для генія-творца, который всегда вѣренъ ей, не думая и не стараясь быть ей вѣрнымъ, а для направленія общественнаго вкуса, который можетъ измѣнять ей, сбиваемый съ толку ложно-изящнымъ или ложными системами.

Остальная и большая часть этой статьи состоитъ изъ обличеній критика „Библіотеки для Чтенія". Этѣ обличенія во всевозможныхъ неправдахъ, противорѣчіяхъ самому себѣ, наивномъ шарлатанствѣ, явной и откровенной недобросовѣстности, умышленныхъ нелѣпостяхъ, дышатъ благороднымъ негодованіемъ, неподдѣльнымъ жаромъ, остротою въ выраженіи, рѣзкостію и силою слога. Все это прекрасно, но знаете-ли что̀! Мнѣ, наконецъ, и только сейчасъ, сію минуту, пришла въ голову чудная мысль, что не должно и не изъ чего нападать на Барона Брамбеуса и Тютюнджи-Оглу: кто-то изъ нихъ недавно объявилъ, что „Москва не шутитъ, а ругается", и я вывелъ изъ этого объявленія очень дѣльное слѣдствіе, что какъ почтенный баронъ, такъ и татарскій критикъ „не ругаются, а шутятъ", или, лучше сказать „изволятъ потѣшаться". Теперь это уже ни для кого не тайна, и тѣхъ, для которыхъ оба вышереченные мужи еще опасны своимъ вреднымъ вліяніемъ, тѣхъ уже нѣтъ средствъ спасти. Постойте—виноватъ! *Эврика! эврика!* Есть средство, есть, я нашелъ его, честь и слава мнѣ! Для этого надобно, чтобъ нашелся въ Москвѣ человѣкъ со всѣми средствами для изданія журнала, съ вещественнымъ и невещественнымъ капиталомъ, т. е. деньгами, вкусомъ, познаніями, талантомъ публициста, свѣтлостью мысли и огнемъ слова, дѣятельный, весь преданный журналу, потому-что журналъ, также какъ искусство и наука, требуетъ всего человѣка, безъ раздѣла, безъ измѣнъ себѣ; надобно, что-бы этотъ человѣкъ умѣлъ возбудить общее участіе къ своему журналу, завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе, надѣлать себѣ тысячи читателей... Тогда „Библіотека для Чтенія"—поминай, какъ звали, а покуда... дѣлать нечего...

Нечего и говорить, какъ основателенъ и справедливъ упрекъ г. Шевырева критику „Библіотеки для Чтенія", что онъ судитъ о литературныхъ произведеніяхъ по личнымъ впечатлѣніямъ и отвергаетъ возможность положительныхъ законовъ искусства; но намъ страннымъ кажется то́, что основанія изящнаго, которыми руководствуется самъ г. Шевыревъ, остаются для насъ доселѣ тайною. Мы разсмотрѣли уже пять статей его, и только въ одной нашли нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о комическомъ или смѣшномъ и фантастическомъ. Мы ни-

сколько не сомнѣваемся въ добросовѣстности г. Шевырева, мы увѣрены въ его вкусѣ, но намъ-бы хотѣлось знать и его литературное ученіе въ приложеніи къ разбираемымъ имъ книгамъ...

(*окончаніе слѣдуетъ*).

О КРИТИКѢ

И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЯХЪ МОСКОВСКАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

(*окончаніе*).

Послѣ статьи г. Шевырева „о Критикѣ вообще и у насъ въ Россіи" слѣдуетъ разборъ одного изъ безчисленныхъ сочиненій, или, лучше сказать, одной изъ безчисленныхъ статей Аретина современной французской критики, знаменитаго Жюль-Жанена „Romans, Contes et Nouvelles litteraires; Histoire de la Poesie chez tous les peuples". Я не читалъ и даже не видѣлъ этой книги; можетъ-быть и не буду читать, не предвидя отъ ней особенной пользы, какъ отъ компиляціи, въ чемъ самъ авторъ очень наивно признается. Онъ написалъ ее для дѣтей и, потому-ли, или по чему другому, взялся знакомить своихъ читателей даже съ восточными литературами, которыхъ не знаетъ, рѣшась на это именно потому, что и „другіе объ этомъ не больше его знаютъ". Причина очень достаточная, оправданіе очень резонное, по крайней мѣрѣ, для Жанена! Чтожъ касается до насъ, то мы думаемъ, что здѣсь Жаненъ, какъ говорится, превзошелъ самаго себя въ этомъ миломъ невѣжествѣ, которымъ онъ гордится, какъ достоинствомъ, какъ заслугою: честь и слава ему! И такъ, я не буду повѣрять мнѣній г. Шевырева касательно Жаненовой книги: онѣ очень справедливы; не буду защищать ея отъ ожесточенныхъ нападковъ нашего критика: онѣ очень дѣльны, хотя немного и утрированы, потому что Жанена оправдываетъ нѣсколько его откровенность и потому что отъ автора не должно требовать больше того, что̀ онъ самъ обѣщаетъ. Если можно его обвинять, и обвинять сильно, какъ обвиняетъ г. Шевыревъ, такъ это за то, что онъ взялся не за свое дѣло; но и на это онъ можетъ отвѣчать: почемужъ никто не сдѣлалъ ничего въ этомъ родѣ лучше меня, а я выполнилъ, какъ умѣлъ, то̀, что̀ обѣщалъ. Короче сказать: касательно мнѣнія о самой книгѣ, мы почти согласны съ г. Шевыревымъ и прикладываемъ руку къ его приговору, даже и не читавши этого опальнаго произведенія литературнаго повѣсы Жанена. Но мы рѣшительно не согласны съ г. Шевыревымъ на счетъ его мнѣнія о самомъ Жаненѣ; его взглядъ

на этого писателя былъ бы очень справедливъ, если-бы не отзывался какимъ-то безотчетнымъ и безусловнымъ предубѣжденіемъ противъ всей современной французской литературы, предубѣжденіемъ, которое очень понятно въ татарскомъ критикѣ „Библіотеки для Чтенія", отводящемъ глаза православному русскому народу отъ своихъ проказъ, но которое совсѣмъ непонятно въ г. Шевыревѣ, не имѣющемъ ни-какой нужды придерживаться такого образа мыслей. Дѣло вотъ въ чемъ: г. Шевыревъ говоритъ, что весь Жаненъ заключается въ газетномъ фёльетонѣ, что вся сила, все могущество его таланта заключается въ слогѣ, имъ самимъ созданномъ и никому другому недоступномъ, не исключая даже гг. Брамбеуса и Тютюнджи-Оглу, которые, силясь подражать ему, только каррикатурно передражниваютъ его. Да, это очень справедливо: журнальная проза составляетъ главную стихію Жаненова таланта, главную, но не изключительную, какъ мы думаемъ. Жаненъ не ученый, не критикъ, а просто литераторъ, въ высочайшей степени обладающій талантомъ говорить на бумагѣ, литераторъ, каждая статья котораго есть бесѣда (*conversation*) [460]) умнаго, образованнаго и остраго человѣка, разговоръ бѣглый, живой, перелетный какъ бабочка, трескучій какъ догорающій огонекъ камина, дробящій предметъ какъ граненый хрусталь; присовокупите къ этому неподражаемую легкость и болтливость языка, легкомысленность въ сужденіи, неистощимую, огненную дѣятельность, всегдашнюю готовность говорить о чемъ угодно, даже и о томъ, чего не знаетъ, но, въ томъ и въ другомъ случаѣ, говорить умно, остро, увлекательно, граціозно, мило, хотя часто и неосновательно, вздорно, безстыдно: и вотъ вамъ причина народности [461]) Жанена. Что̀ Беранже въ поэзіи, то̀ Жаненъ въ журнальной литературѣ. Мы этимъ не думаемъ равнять великаго и истиннаго поэта современной Франціи съ журнальнымъ болтуномъ: мы только хотимъ сказать, что и тотъ и другой суть выраженіе своего народа и, потому, его исключительные любимцы. Но Жаненъ, какъ французъ по преимуществу, имѣетъ и другія качества, свойственныя одному ему и больше никому: онъ мило безстыденъ, простодушно наглъ, гордо невѣжественъ, простительно безсовѣстенъ, кокетливо продаженъ и непостояненъ во мнѣніяхъ. Эта умышленная и сознательная невѣрность самому себѣ, эта измѣнчивость во мнѣніяхъ, была-бы возмутительно-отвратительна въ англичанинѣ, особливо въ нѣмцѣ; но въ Жаненѣ, какъ во французѣ, она простительна, мила даже, какъ кокетство въ прекрасной женщинѣ. Онъ лжетъ, хочетъ васъ обмануть, вы это замѣчаете—и только смѣетесь, а не оскорбляетесь, не возмущаетесь. Жаненъ имѣетъ на это исключительную привиллегію, и этой-то привиллегіи не хотѣлъ замѣтить г. Шевыревъ. Онъ съ ожесточеніемъ нападаетъ на легко-

мысліе, съ какимъ Жаненъ за все хватается, на недобросовѣстность, съ какою все выполняетъ, и на какое-то хвастовство и недобросовѣстностью и невѣжествомъ; но онъ не хотѣлъ уяснить себѣ идеи, выражаемой словомъ „Жаненъ", не хотѣлъ увидѣть, что Жаненъ есть родъ журнальнаго паяца, который тѣшитъ публику и, между тѣмъ, безнаказанно даетъ щелчки тому и другому, пускаетъ въ оборотъ и дѣльную мысль и умышленный софизмъ, и все это часто изъ одного невиннаго желанія попаясничать, потѣшиться. Но пусть будетъ такъ: мы не хотимъ спорить насчетъ этого съ г. Шевыревымъ, но насъ крайне изумило его мнѣніе, что Жаненъ будто-бы „плохой романистъ"... Плохой романистъ!... Помилуйте: вѣдь это слишкомъ много значитъ, вѣдь это что-то чрезвычайно смѣшное, чрезвычайно жалкое, вѣдь плохой романистъ, какъ и плохой поэтъ, есть посмѣшище, притча во языцѣхъ, рыцарь печальнаго образа въ полномъ смыслѣ этого слова. Неужели такимъ считается во Франціи авторъ „Барнава"?.... У всякаго свой вкусъ, и мы не хотимъ переувѣрять г. Шевырева насчетъ истиннаго достоинства романовъ Жанена, но мы осмѣливаемся имѣть и свой вкусъ и почитать романы Жанена хорошими, а не плохими; равнымъ образомъ смѣемъ увѣрить нашихъ читателей, что и во Франціи, какъ и во всей Европѣ, не всѣ думаютъ о романахъ Жанена согласно съ г. Шевыревымъ. Что касается до насъ лично, мы имѣемъ вообще о французской литературѣ, а слѣдовательно и о романахъ Жанена, понятіе современное, всѣми признанное, для всѣхъ вообще и ни для кого не новое. Мы думаемъ, что французской литературѣ не достаетъ чистаго, свободнаго творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, общественности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредитъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что-бы тó ни стало. Все это можно приложить и къ романамъ и повѣстямъ Жанена и вслѣдствіе всего этого можно найти въ нихъ важные недостатки; но невозможно не признать въ нихъ слѣдовъ яркаго и сильнаго таланта. Жаненъ романистъ и повѣствователь, точь-въ-точь какъ всѣ модные французскіе романисты и повѣствователи, и мы только безусловнымъ предубѣжденіемъ г. Шевырева противъ всей французской литературы можемъ объяснить его немилость къ Жанену и слишкомъ смѣлый эпитетъ, придаваемый имъ ему, какъ романисту [462]). Поэтому, мы почли за долгъ заступиться за Жанена, какъ за романиста, сколько изъ любви къ истинѣ, столько и потому, что для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ „Библіотеки для Чтенія" противъ французской словесности: зачѣмъ же отбивать у этого журнала насущный хлѣбъ и помогать ему въ цѣли, которой онъ и безъ всякой чужой помощи, вѣроятно, успѣшно достигаетъ?...

Прибавимъ къ этому еще, что окончаніе статьи г. Шевырева привело насъ въ ужасъ: въ самомъ дѣлѣ, кто не почтетъ слѣдующихъ словъ какбы взятыми на выдержку изъ „Библіотеки для Чтенія"?

Вотъ какъ составляются иныя книги во Франціи! Вотъ чѣмъ угощаютъ французское юношество! Вотъ какъ извѣстный литераторъ наряжается добровольно въ лоскутья чужихъ трудовъ и самъ передъ своею публикою добровольно сознается въ этомъ!.. Что за нравственность въ той литературѣ, гдѣ безчинная хищность имѣетъ еще смѣлость быть мило откровенною?..

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобъ подозрѣвать г. Шевырева въ симпатіи съ барономъ Брамбеусомъ насчетъ французской литературы, но мы не можемъ понять, какъ можно по одному примѣру и по одному литератору дѣлать такое невыгодное заключеніе о цѣлой литературѣ и произносить ей такой грозный приговоръ?.. И что̀ худаго, что авторъ, издавая компиляцію, самъ предувѣдомляетъ читателя, что это компиляція?... Что касается до чужихъ лоскутьевъ, то въ нихъ и у насъ любятъ рядиться; только не любятъ въ этомъ сознаваться: а это развѣ лучше?... Право, слишкомъ уже приторны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобріановъ и Ламартиновъ, и мы очень-бы желали, чтобъ наши нравоучители или разтолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили-бы свое негодованіе!.. Эти возгласы, какія-бы причины ни производили ихъ, тѣмъ досаднѣе, что простодушная неосновательность во мнѣніяхъ часто можетъ имѣть однѣ слѣдствія съ хитрою неблагонамѣренностью, и что, вслѣдствіе того, иной добросовѣстный литераторъ можетъ попасть въ одну категорію съ витязями „Библіотеки для Чтенія"...

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсмотрѣть седьмую статью г. Шевырева, которая можетъ назваться и критическою, и полемическою, и филологическою, и художественною: разумѣю переводъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима". Да, я смотрю на этотъ переводъ не иначе какъ на журнальную статью, въ которой есть немного критики, очень много полемики, а больше всего шуму и грому. Дѣло въ томъ, что этотъ переводъ снабженъ чѣмъ-то въ родѣ предисловія, въ которомъ г. Шевыревъ не шутя грозится произвести ужасную реформу въ нашемъ стихосложеніи, изгнать наши бойкіе ямбы, наши звучные, металлическіе хореи, наши гармоническіе дактили, амфибрахіи, анапесты, и замѣнить ихъ—чѣмъ бы вы думали? — тоническимъ риѳмомъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, этимъ риѳмомъ столь роднымъ нашему языку, столь естественнымъ и музыкальнымъ?... нѣтъ! — *италіянскою октавою!*...

Статейка начинается жалобою на какого-то журналиста [463]), который

не хотѣлъ помѣстить въ одномъ нумерѣ своего журнала всего перевода седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима, а помѣстилъ его, въ видѣ отрывковъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ, чѣмъ повредилъ его доброму впечатлѣнію на публику· „Переводчикъ, говоритъ г. Шевыревъ, тогда отсутствовалъ, а отсутствовавшіе всегда виноваты, по извѣстной пословицѣ". Сначала этотъ упрекъ, какъ ни казался основательнымъ, удивилъ меня немного своею горечью, но когда я прочелъ октавы, то вполнѣ раздѣлилъ благородное негодованіе г. Шевырева на злаго журналиста и хотѣлъ сгоряча написать на него презлую статью. Въ самомъ дѣлѣ *перекроитъ въ отрывки экономическимъ разсчетомъ журнала* такой опытъ, которымъ затѣвалась такая важная реформа и который весь состоялъ изъ такихъ звучныхъ гармоническихъ октавъ, какъ слѣдующія:

Кружитъ шаги широкими кругами,
Стѣснивъ доспѣхъ, мечемъ махая праздно;
Межъ тѣмъ Танкредъ, хоть утомленъ путями,
Идетъ и напираетъ безотвязно,
И всякій шагъ соперника стопами
Уступленный, пріемлетъ неотказно,
И все къ нему тѣснится сгоряча,
Въ глаза сверкая молніей меча.
. . . . , ...
Потомъ кружитъ отселѣ и оттолѣ,
И вновь кружитъ оттолѣ и отселѣ,
И всякій разъ вскипая болѣ и болѣ,
Разитъ врага тяжелѣ и тяжелѣ,
Все, что̀ есть силъ въ горящей гнѣвомъ волѣ,
Въ искусствѣ опытномъ и въ ветхомъ тѣлѣ,
Все ко вреду Черкеса съединяетъ,
И счастіе и небо заклинаетъ:

О! только-бы узнать мнѣ имя этого варвара-журналиста, а то не уйти ему отъ меня!... Но пока послѣдуемъ за г. Шевыревымъ въ его объясненіяхъ затѣваемой имъ реформы.

Онъ говоритъ, что тогда его опытъ явился въ неблагопріятное время, потому-что „слухъ нашъ лелѣялся какою то нѣгою однообразныхъ звуковъ, мысль спокойно дремала подъ эту мелодію и языкъ превращалъ слова въ одни звуки" (?), а въ октавахъ его „нарушались всѣ условныя правила нашей просодіи, объявлялся совершенный разводъ мужескимъ и женскимъ риѳмамъ, хорей впутывался въ ямбъ, двѣ гласныя принимались за одинъ слогъ".

Понятно теперь для васъ, въ чемъ состоитъ реформа г. Шевырева?...

Думаю, что это понятно.

Но нужна-ли она и возможна-ли?...

Какъ ни непріятно и ни скучно заниматься разбирательствомъ такихъ вопросовъ, но я обрекъ себя на это и долженъ выполнить начатое, во что-бы тó ни стало.

Для чего намъ октавы? Для того-же, для чего намъ были нужны эпическія поэмы, оды, а теперь романы; для тогоже, для чего намъ нужны были героическіе гекзаметры, да еще съ спондеями, и элегическіе пентаметры. У всѣхъ народовъ были эпическія поэмы — стало быть, и намъ нужно было имѣть ихъ, да еще не одну, а дюжину; во всѣхъ европейскихъ литературахъ лиризмъ проявлялся въ формѣ надутыхъ одъ — стало быть, и нашимъ лирикамъ надо было надуваться; у грековъ и римлянъ поэмы писаны были гекзаметрами, а элегіи гекзаметрами и пентаметрами попеременно — стало быть, и намъ надо было гекзаметровъ и пентаметровъ, во чтó-бы то ни стало, а такъ какъ ихъ не было въ языкѣ, то, ради предстоящей потребности, сработали кое-какъ свои, замѣнивъ спондей хореемъ [1]); теперь, у италіянцевъ есть октавы—какъже не быть имъ у насъ?... Вы скажете, что ихъ октавы родились изъ духа и просодіи ихъ языка, что онѣ родились сами, а не изобрѣтены, что русскій языкъ не италіянскій, что два слога за одинъ можно принимать только въ пѣніи, а не въ чтеніи, для котораго преимущественно пишутся стихи, и Богъ знаетъ, чего вы еще не скажете!... Я самъ думалъ доселѣ, что размѣръ не есть дѣло условное, что наши ямбы и хореи не чистые ямбы и хореи, что они близки къ тонизму нашего народнаго риѳма и потому такъ подружились съ нашей поэзіею; а дактили, амфибрахіи и анапесты совершенно согласны съ духомъ нашего языка, потому что въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются цѣлые стихи дактилическіе, амфибрахическіе и анапестическіе. Равнымъ образомъ, я всегда думалъ, что гекзаметръ есть метръ искусственный, и потому тяжелый, утомительный для чтенія и никогда не могущій привиться къ нашему стихосложенію. Какъ-же хотѣть заставить насъ писать октавами, которые должно читать какъ прозу, въ которыхъ нѣтъ сочетанія, гдѣ объявляется разводъ мужескимъ и женскимъ рифмамъ?... Впрочемъ, я еще думалъ и то, что размѣръ не составляетъ сущности искусства, въ которомъ главное дѣло творчество, изящество, красота; что поэтъ имѣетъ право писать и ямбами, и хореями, и дактилями, и амфибрахіями, и анапестами, и гекзаметрами, и пентаметрами, и даже октавами, лишь-бы только хорошо писалъ.

---

[1]) Одинъ изъ литераторовъ и поэтовъ, нынѣ забытыхъ, а прежде считавшихся знаменитыми, изобрѣлъ-было и спондей; но его изобрѣтеніе имѣло одну участь съ изобрѣтеніемъ гекзаметровъ „профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ", Василіемъ Кирилловичемъ Тредіаковскимъ [464]).

Но г. Шевыревъ рѣшительно разувѣрилъ меня во всѣхъ моихъ теплыхъ вѣрованіяхъ насчетъ русскаго стихосложенія неопровержимыми доказательствами. Съ моей стороны осталось-было одно только возраженіе противъ него: я думалъ, что когда нововведеніе въ духѣ языка, то должно имѣть успѣхъ, а г. Шевыревъ не нашелъ ни одного послѣдователя; но и это возраженіе уничтожается само собою: мы узнаемъ, что

Давно мы не слышимъ бывалыхъ стиховъ. Если и слышимъ, то изрѣдка. Читаемъ все прозу и прозу. Можетъ быть, это безмолвіе, господствующее въ мірѣ нашей поэзіи, эта чудная тишина, эта пустыня пророчитъ какой-нибудь переворотъ въ нашемъ стихотворномъ языкѣ, въ формахъ нашей просодіи. Благодаря этой тишинѣ, слухъ нашъ отвыкнетъ отъ прежней монотоніи; нервы его окрѣпнутъ, вылѣчатся отъ расслабленія — и онъ будетъ способенъ выносить звуки и сильнѣе и тверже. Теперь едва-ли не совершается у насъ время перехода, ознаменованное бездѣйствіемъ почти всѣхъ нашихъ поэтовъ, которые, въ послѣднее время, водя слегка привычными пальцами по струнамъ, дремали, дремали, и теперь заснули на своихъ лирахъ и спятъ до новаго пробужденія!

И такъ — спокойной ночи, пріятнаго сна гг. поэтамъ!... Пока они проснутся отъ скрыпа октавъ г. нововводителя, мы рѣшимъ и безъ нихъ, почему этѣ октавы не произвели никакихъ слѣдствій: потому-что явились не много рано, во время перехода, а не по его окончаніи. Нашъ слухъ только окрѣпаетъ, но еще не окрѣпъ: новыя октавы немного дерутъ его. Но погодите, скоро онъ прислушается къ этому, особливо когда молодое поколѣніе, внявъ голосу г. реформатора, придетъ къ нему на помощь. Подвигъ великій, интересъ всеобщій, вопросъ міровой! Дѣло идетъ о судьбѣ искусства въ Россіи, которое непремѣнно погибнетъ безъ октавъ: такъ молодому-ли поколѣнію оставаться празднымъ, когда его дѣятельности предстоитъ такое обширное поле!...

Не хотите-ли знать, какъ пришла г. Шевыреву эта прекрасная мысль? Послушаемъ его самого:

Съ послѣдними звуками нашей монотонной музы въ ушахъ, я уѣхалъ въ Италію.... Долго я не слыхалъ русскихъ стиховъ, которые памятны мнѣ были только однимъ однозвучіемъ (??!!)... Вслушивался въ сильную гармонію Данта и Тасса... Обратился къ нашимъ первымъ мастерамъ — нашелъ въ нихъ силу... устыдился изнѣженности, слабости и скудости нашего современнаго языка русскаго... Всѣ свои чувства и мысли объ этомъ я выразилъ тогда въ моемъ посланіи къ А. С. Пушкину, какъ представителю нашей поэзіи [1]). Я пред-

[1]) Не знаемъ, не вслѣдствіе-ли ужъ этого посланія, Пушкинъ написалъ октавами свою шуточную и остроумную бездѣлку „Домикъ въ Коломнѣ": только октавы Пушкина состоятъ въ одномъ расположеніи риѳмъ и осьмистишіи строфъ, а во всемъ прочемъ онѣ не что иное, какъ правильные, цезурные пятистопные ямбы; въ нихъ нѣтъ даже развода мужескимъ и женскимъ стихамъ, а только разрѣшеніе

чувствовалъ необходимость переворота въ нашемъ стихотворномъ языкѣ; мнѣ думалось, что сильныя, огромныя произведенія Музы не могутъ у насъ явиться въ такихъ тѣсныхъ, скудныхъ формахъ языка; что намъ нуженъ большій просторъ для новыхъ подвиговъ. Безъ этого переворота ни создать свое великое, ни переводить творенія чужія мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ невозможнымъ (???). Но я догадывался также, что для такого переворота, надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени, надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки... Такъ теперь и дѣлается. Поэты молчатъ. Первая половина моего предчувствія сбылась: авось сбудется и другая.

Пока сбудется вторая половина предчувствія г. Шевырева, подивимся, какъ много новыхъ истинъ заключается въ немногихъ его строкахъ, выписанныхъ нами! Мы думали, что, напримѣръ, стихи Пушкина памятны всякому образованному русскому своимъ высокимъ художественнымъ достоинствомъ, а не однимъ своимъ однозвучіемъ: теперь ясно, что мы ошибались! Потомъ, мы думали, что „сильныя, огромныя произведенія Музы“ могутъ являться также хорошо и въ „тѣсныхъ и скудныхъ формахъ языка“, какъ въ широкихъ и богатыхъ, основываясь на примѣрѣ Шекспира и Байрона, которые заковывали свои исполинскія созданія въ бѣдные и однообразные метры англійскаго стихосложенія, и которые, право, не ниже хоть, напримѣръ, господина Виргилія, отца немного тощей мыслями „Энеиды“, хотя писанной богатымъ, роскошнымъ гекзаметромъ: и это наше мнѣніе оказалось ложнымъ. Наконецъ, „надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени—(вотъ въ этомъ-то мы вполнѣ согласны съ г. Шевыревымъ!)—надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки.... Такъ теперь и дѣлается... Поэты молчатъ“. А! такъ вотъ почему они молчатъ?... Они ожидали реформы, а не по неимѣнію голоса?... Боже мой! какъ много новаго можно иногда сказать въ немногихъ словахъ!...

Я самъ знаю недостатки моей копіи. Стихи мои слишкомъ рѣзки, часто жестки и даже грубы.

Мы съ этѣмъ совсѣмъ несогласны, но не хотимъ опровергать скромнаго переводчика, потому-что приведенныя нами въ примѣръ двѣ октавы его могутъ служить самымъ убѣдительнымъ опроверженіемъ этѣхъ словъ... Но довольно объ октавахъ!...[465])

Теперь слѣдуетъ разборъ г. Шевырева стихотвореній г. Бенедиктова.... Этотъ разборъ замѣчателенъ: онъ доставилъ новому стихотворцу большую извѣстность, по крайней-мѣрѣ, въ Москвѣ. И неудивительно: этотъ разборъ есть истинный диѳирамбъ, истинное изліяніе восторженнаго чувства: это доказываетъ и непомѣрное обиліе точекъ послѣ каждаго періода, и необыкновенная цвѣтистость языка...

наглагольной рифмы. Вообще это стихотвореніе есть шутка, написанная безъ всякихъ претензій на важность и нововведеніе.

Тѣмъ строжайшему разбору долженъ-бы подвергнуться этотъ разборъ; но, съ одной стороны, у кого достанетъ духа холодною прозою разсудка опровергать пламенную поэзію чувства, плодомъ котораго былъ этотъ вдохновенный разборъ; съ другой-же стороны, я твердо рѣшился ничего больше не говорить о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, тѣмъ болѣе, что моя рѣшительность сдѣлалась еще тверже, когда я прочелъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ новое стихотвореніе этого поэта „Кудри“, гдѣ онъ говоритъ, какъ пріятно *наматывать на палецъ кудри* и *припекать* ихъ *поцѣлуями*: что́ можно сказать противъ такой поэзіи?

Но оставляю въ сторонѣ вопросъ о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, взглянемъ на статью г. Шевырева, взглянемъ хладнокровно и даже холодно: мы не остудимъ этимъ ея теплоты. Сначала критикъ радуется звукамъ новой лиры, внезапно раздавшейся среди всеобщаго затишья нашихъ лиръ. И такъ еще старые поэты спятъ (да продлитъ Господь ихъ сонъ!), они еще не проснулись, а ужъ явился новый поэтъ—съ чѣмъ же? и съ октавою?... О, нѣтъ! съ прежними монотонными ямбами, хореями, амфибрахіями—но за то „съ глубокою мыслію на челѣ, съ чувствомъ нравственнаго цѣломудрія, и даже съ нѣкоторымъ опытомъ жизни“. Такъ, стало быть, и безъ октавъ можно еще быть глубокимъ въ мысляхъ и, слѣдовательно, глубокимъ въ чувствѣ?... Потóмъ, критикъ спрашиваетъ себя, что́ ему дѣлать отъ такой внезапной радости: поздравить-ли русскую публику съ великимъ поэтомъ, или сохранить строгую неподвижность, какъ будто недоступную никакому насилію впечатлѣнія, сказать только: *хорошо, но посмотримъ*! и тѣмъ взять на себя „душегубство неразвившагося таланта“?... Критикъ не долго думалъ и, разумѣется, рѣшился на первое, а мы пока остановимся на „душегубствѣ“?

Есть странное мнѣніе, что строгій и рѣзкій приговоръ можетъ убить неразвившееся дарованіе. Правда-ли это? Положимъ, если и можетъ—тогда чтожъ за бѣда такая?... Къ чему эти поэты, которыхъ заставляетъ замолчать первая выходка критики, какъ разкричавшагося ребенка лоза няньки?—Истиннаго и сильнаго таланта не убьетъ суровость критики, такъ какъ незначительнаго не подыметъ ея привѣтъ. Поэтомъ можетъ назваться только тотъ, кто не можетъ не писать, кто не въ силахъ удерживать вѣчно пламенныхъ порывовъ своей фантазіи. Вспомните, какъ встрѣченъ былъ Байронъ; вспомните, какъ встрѣченъ былъ нашъ Пушкинъ: чтожъ—испугался-ли тотъ и другой? Первый отвѣчалъ желчною сатирою и „Чайльдъ-Гарольдомъ“; второй тоже продолжалъ идти впередъ, и, какъ будто тѣшась надъ своими аристархами, припечаталъ ихъ поученія ко второму изданію „Руслана и Людмилы“. Въ истинномъ поэтѣ предпо-

лагается глубокая вѣра въ свое призваніе; притомъ-же, если критика несправедлива, она встрѣчаетъ сильную оппозицію въ публикѣ.

Въ западной Европѣ еще можетъ имѣть смыслъ это мнѣніе, у насъ же рѣшительно никакого; тамъ, если освистано первое произведеніе не развившагося таланта, этотъ талантъ можетъ умереть съ голоду, прежде нежели напишетъ второе произведеніе, которое должно поднять его во мнѣніи публики; у насъ, слава Богу, никто съ голоду не умираетъ, и вопросъ о жизни и смерти не рѣшается изданіемъ книжки стихотвореній. Нѣтъ, не нужно намъ поэтовъ, которыхъ талантъ можетъ убить первая строгая или несправедливая критика; у насъ и такъ ихъ много; если критика заставитъ хоть одного изъ нихъ благоразумно замолчать, то сдѣлаетъ очень доброе дѣло...

После могучаго, первоначальнаго періода созданія языка, разцвѣлъ въ нашей поэзіи періодъ формъ самыхъ изящныхъ, самыхъ утонченныхъ... Это былъ періодъ картинъ, роскошныхъ описаній, гармоніи чудесной, живой, хотя однообразной, нѣги, иногда глубины чувства, растворенной тоскою о прошломъ... Однимъ словомъ, это была эпоха *изяшнаго матеріялизма* въ нашей поэзіи... Слухъ нашъ дрожалъ отъ какой-то роскоши раздражительныхъ звуковъ... упивался ими, скользилъ по нимъ, иногда не вслушиваясь въ нихъ... Воображеніе наслаждалось картинами, но болѣе *чувственными*... Иногда только внутреннее чувство, чувство сердечное, и особливо чувство грусти неземной вѣяло чѣмъ-то духовнымъ въ поэзіи... Но *матеріялизмъ торжествовалъ... Формы убивали духъ...*

Вотъ приступъ г. Шевырева къ похвальному слову г-ну Бенедиктову. Послѣ этого приступа, онъ говоритъ:

Есть другая сторона въ поэзіи, другой міръ—міръ мысли, міръ идеи поэтической, которая скрыта глубоко. Въ нѣкоторыхъ современныхъ поэтахъ проявлялось стремленіе къ мысли, но было частію слѣдствіемъ не столько поэтическаго, сколько философическаго направленія, привитаго къ намъ изъ Германіи... Для формъ мы уже сдѣлали много, для мысли еще мало, почти ничего. Періодъ формъ, періодъ матеріяльный, языческій, однимъ словомъ, періодъ *стиховъ* и пластицизма уже кончился въ нашей литературѣ сладкозвучною сказкою: пора наступить другому періоду, духовному, періоду мысли!

Нужно-ли говорить, кто у г. Шевырева является главою этого ожиданнаго періода мысли въ исторіи нашей литературы?...[466]) Довольно—остановимся на этомъ.

И такъ, первый русскій поэтъ, созданія котораго проникнуты мыслію, есть—г. Бенедиктовъ!... Поздравляемъ г. Шевырева съ открытіемъ, а публику съ пріобрѣтеніемъ!... У насъ шутить не любятъ; какъ примутся хвалить, такъ какъ разъ въ боги запишутъ и храмъ соорудятъ. Но пусть такъ—похвала отъ убѣжденія не бѣда; но вѣдь убѣжденіе-то должно-же быть согласно съ здравымъ смысломъ?... Но отдавая должное г. Бенедиктову, г. Шевыревъ долженъ-

же былъ, по своему-жъ убѣжденію, не обижать заслуженныхъ корифеевъ нашей литературы?... Такъ г. Бенедиктовъ выше Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, не говоря уже о Козловѣ, Подолинскомъ, Веневитиновѣ, Ѳ. Глинкѣ и другихъ?... Когда у насъ былъ этотъ „періодъ картинъ, роскошныхъ описаній", эта „эпоха изящнаго матеріялизма"?... Кто ея представители?... Гг. Языковъ и Хомяковъ, изъ которыхъ первый есть неоспоримо поэтъ, поэтъ истинный, но поэтъ именно картинъ, роскошныхъ описаній, поэтъ изящнаго матеріялизма, второй же блистательный поэтъ выраженія, и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль, но сильный однимъ только выраженіемъ?... Если такъ, то мы совершенно согласны съ г. Шевыревымъ, но вѣдь гг. Языковъ и Хомяковъ не суть представители всей нашей поэзіи, но вѣдь они стоятъ и не въ первомъ ряду нашихъ поэтовъ, которыхъ, впрочемъ, такъ немного, но вѣдь остаются еще Пушкинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, впереди которыхъ нѣтъ никого, и за которыми стоятъ еще и другія дарованія, кромѣ гг. Языкова и Хомякова. Пушкинъ можетъ принадлежать къ періоду „изящнаго матеріялизма" только „Русланомъ и Людмилою". Развѣ въ Черкешенкѣ его „Кавказскаго Плѣнника" нѣтъ идеи, нѣтъ мысли? Развѣ его Зарема, Марія, Гирей, его Алеко, Земфира, словомъ вся поэма „Цыганъ" не суть произведенія мысли глубокой, могучей, поэтической? А Марія, Мазепа, Кочубей „Полтавы"—въ нихъ тоже нѣтъ мысли? А Годуновъ—неужели въ немъ меньше мысли, чѣмъ въ стихотворныхъ побрякушкахъ г. Бенедиктова? А „Онѣгинъ", этотъ живой, движущійся міръ лицъ, мыслей, чувствъ?... Теперь о Жуковскомъ. Конечно, многія его піесы, какъ-то: „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ Воиновъ, Пѣвецъ на Кремлѣ, Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-Побѣдителей", большая часть посланій, нѣкоторые переводы, какъ напр. „Пиршество Александра" изъ Драйдена, большая часть балладъ—конечно, все это не поэзія въ собственномъ смыслѣ, все это не больше, какъ прекрасные стихи, которые все-таки въ милліонъ разъ лучше стиховъ г. Бенедиктова; но за Жуковскимъ остаются еще его элегіи, романсы, пѣсни, переводныя и оригинальныя, его „Ахиллъ" и „Эолова Арфа", его переводъ „Іоанны д'Аркъ": развѣ во всемъ этомъ нѣтъ мысли, нѣтъ идеи, развѣ все это относится къ періоду „изящнаго матеріялизма, періоду формъ, поглощавшихъ идеи"?... Странно!... „Горе отъ Ума" тоже прекрасно однѣми формами и лишено мысли, идеи... Не понимаемъ!... И такъ даже самъ Пушкинъ ниже г. Бенедиктова?.. Поздравляемъ!... Вотъ вамъ заслуга, вотъ вамъ слава ваша, поэты!

Вотъ ваши строгіе цѣнители и судьи!

Да впрочемъ, что̀-жъ тутъ непріятнаго для поэтовъ? Они могутъ отвѣчать намъ стихомъ изъ той-же комедіи:

А судьи—кто?..

Повторяю—убѣжденіе прекрасно, но оно должно быть основано, по-крайней-мѣрѣ, хоть на здравомъ смыслѣ, если не на чувствѣ, не на умѣ, иначе это убѣжденіе будетъ хуже неспособности имѣть какое-либо убѣжденіе. Въ этомъ случаѣ, мы говоримъ смѣло и твердо: мы опираемся на публику, на всѣхъ образованныхъ людей, на здравый смыслъ, на умъ, на чувство. Другое дѣло—достоинство стихотвореній г. Бенедиктова: оно еще можетъ быть, до нѣкоторой степени и для нѣкоторыхъ людей, спорнымъ вопросомъ; но та́кія гиперболическія похвалы—воля ваша—онѣ похожи на оду какого-нибудь Гафиза или Саади персидскому шаху...

Но этѣмъ не все кончилось: вотъ еще мысль г. Шевырева, которая удивляетъ своею странностію, по-крайней-мѣрѣ, насъ:

Я съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрю въ то, что только два способа могутъ содѣйствовать къ искупленію нашей падшей поэзіи: вопервыхъ мысль; вовторыхъ, глубокое своенародное изученіе произведеній древнихъ и новыхъ народовъ.

Нѣтъ, эти два способа сами по себѣ ничего не значатъ; они могутъ имѣть смыслъ только при третьемъ способѣ: при появленіи на поприщѣ литературы истинныхъ и великихъ поэтовъ, которыхъ нельзя сдѣлать никакими способами.

Послѣ этого г. Шевыревъ говоритъ, что первая отличительная черта стихотвореній г. Бенедиктова есть мысль, и, въ доказательство, выписываетъ плохенькое стихотвореньице „Цвѣтокъ" и знаменитый „Утесъ". Второю отличительною чертою стихотвореній г. Бенедиктова онъ полагаетъ „могучее нравственное чувство добра, слитое съ чувствомъ цѣломудрія" [1]). Потомъ слѣдуютъ комплименты и выписки піесъ.

Теперь дохожу до статьи г. Шевырева о драмѣ Альфреда де Виньи „Чаттертонъ". Критикъ разсматриваетъ ее съ двухъ сторонъ: сперва въ отношеніи къ ея идеѣ, пото́мъ въ отношеніи ея художественнаго исполненія. Мы особенно займемся первою частью его статьи, которая и полнѣе, и подробнѣе, и гораздо важнѣе въ томъ смыслѣ, что въ ней съ горячимъ убѣжденіемъ выдается за непреложную истину ужасный парадоксъ. Во второй части статьи ска-

---

[1]) Это чувство цѣломудрія особенно выразилось въ его піесѣ „Наѣздница", которой мы не выписываемъ, хотя-бы это было теперь и кстати, потому-что имѣемъ свои понятія о чувствѣ цѣломудрія и боимся оскорбить въ нашихъ читателяхъ это чувство. [467]).

зано очень мало и сказано тò, что можно сказать объ этой драмѣ даже и не читавши ея, но зная характеръ и господствующую идею въ твореніяхъ де Виньи, и соображаясь съ сужденіями французскихъ критиковъ. Г. Шевыревъ отдаетъ справедливость автору за его умѣренность въ ужасахъ, на которые такъ неумѣренна вообще вся современная французская литература, за простоту и естественность въ ходѣ его пьесы, чуждой всѣхъ натяжекъ, подставокъ и театральныхъ эффектовъ искусственной музы Виктора Гюго. Г. Шевыревъ говоритъ, что отличительный характеръ нынѣшней французской литературы состоитъ въ ея зависимости отъ всѣхъ европейскихъ литературъ, такъ какъ прежде отличительный характеръ всѣхъ европейскихъ литературъ состоялъ въ зависимости отъ французской; но въ то же время г. Шевыревъ признается, что французы, беря чужòе, любятъ переиначивать его по своему, или, какъ онъ говоритъ, преувеличивать *(exagérer)*, и что поэтому, отличительный характеръ ихъ произведеній состоитъ въ *преувеличеніи (exagération)*. По его мнѣнію, поэзія Виктора Гюго есть „вогнутое зеркало, гдѣ исказилась поэзія Шекспира, Гете и Байрона, гдѣ романтизмъ (?) британо-германскій взбилъ хохолъ до потолка, вытянулъ лицо и всталъ на дыбы, и совершенно обезобразилъ свое естественное, выразительное лицо“, и что поэтому она есть „клевета не только на романтизмъ (?), но и на природу человѣческую“. Это совершенная правда, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ драмамъ Гюго, которыя суть истинная клевета на природу человѣческую и на творчество; но въ подражаніи-ли, въ зависимости-ли отъ Шекспира, Гете и Байрона заключается причина этого?... Намъ кажется, что эта причина гораздо ближе, что она въ господствѣ идеи, которая не связана съ формою, какъ душа съ тѣломъ, но для которой форма прибирается по прихоти автора, у котораго идея всегда одна, всегда готовая, всегда отрѣшенная отъ всякаго образнаго представленія, никогда не проходящая чрезъ чувство, слѣдовательно чисто философская, задача ума, рѣшаемая логически, и у котораго форма составляется послѣ идеи, вырабатывается отдѣльно отъ ней, составляетъ для ней не живое и органическое тѣло, съ уничтоженіемъ котораго уничтожается и идея, а одежду, которую можно и надѣть, и опять снять, и перекроить, и перешить, и въ которой главное дѣло въ томъ, чтобы она была впору, сидѣла плотно, безъ складокъ и морщинъ. Въ Гюго нельзя отрицать поэтическаго элемента, но онъ совсѣмъ не драматикъ, онъ идетъ по пути ложному, выбранному вслѣдствіе системы, а не безотчетнаго стремленія. И это очень понятно: онъ явился въ эпоху умственнаго переворота, въ годину реформы въ понятіяхъ объ изящномъ, и потому часто

творилъ не для творчества, а для оправданія своихъ понятій объ искусствѣ; словомъ, Гюго есть жертва этого нелѣпаго романтизма, подъ которымъ разумѣли эманципацію отъ ложныхъ законовъ, забывъ, что онъ долженъ былъ состоять въ согласіи съ вѣчными законами творящаго духа. Странное дѣло! Объ этомъ романтизмѣ толковали и спорили и въ Германіи и въ Англіи, но онъ тамъ не сдѣлалъ никакого вреда. Вѣроятно, потому, что его тамъ понимали настоящимъ образомъ. Обратимся къ Альфреду де Виньи. У него есть тоже идея и идея постоянная, но эта идея у него въ сердцѣ, а не въ головѣ, и потому не вредитъ его творчеству. Какъ всякій поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, онъ простъ, неизысканъ, естественъ, добросовѣстенъ, и потому болѣе поэтъ, нежели Гюго. Что-же касается вообще до всей французской литературы, то намъ кажется, что, несмотря на всю свою народность, она не народна, что всѣ ея корифеи какъ будто не въ своей тарелкѣ, и потому, при всей блистательности своихъ талантовъ, не могутъ создать ничего вѣчнаго, безсмертнаго. Французъ весь въ своей жизни, у него поэзія не можетъ отдѣляться отъ жизни, и потому его родъ не драма, не комедія, не романъ, а водевиль, пѣсня, куплетъ, и развѣ еще повѣсть. Беранже есть царь французской поэзіи, самое торжественное и свободное ея проявленіе; въ его пѣснѣ и шутка, и острота, и любовь, и вино, и политика, и между всѣмъ этѣмъ, какбы внезапно и неожиданно сверкнетъ какая-нибудь человѣческая мысль, промелькнетъ глубокое или восторженное чувство, и все это проникнуто веселостью отъ души, какимъ-то забвеніемъ самого себя въ одной минутѣ, какою-то застольною беззаботливостью, пиршественною безпечностію. У него политика поэзія, а поэзія политика, у него жизнь поэзія, а поэзія жизнь. И вотъ поэзія француза: другой для него не существуетъ. Онъ мастеръ еще расказывать, какъ справедливо замѣтилъ г. Шевыревъ; но его не станетъ на долгій расказъ, его расказъ—мимолетный эпизодъ, черта изъ жизни—и не романъ, а повѣсть его законный родъ. И посмотрите, какъ эта повѣсть удалась ему, какъ она владычествуетъ надъ его досугомъ, его мыслію. Но это опять-таки повѣсть французская, синтетическая картина внѣшней жизни, а не аналитическая исторія души, сосредоточенной въ самой себѣ, какъ у нѣмцевъ, и притомъ не въ фантастическихъ попыткахъ, не въ психическихъ опытахъ, которые всегда неудачны, а въ представленіи внѣшней, общественной жизни. Герой нѣмца сидитъ на бѣдномъ чердакѣ и, мученикъ мысли, то выпытываетъ изъ своей головы теорію звука, тайну его вліянія на душу, то, мученикъ своего разстроеннаго воображенія, представляетъ себя жертвою какого-то враждебнаго духа, то создаетъ себѣ идеалъ женщины и,

воспламененный имъ, возвышается до геніяльной дѣятельности въ искусствѣ, и потомъ, нашедши осуществленіе этого идеала не въ ангелѣ, не въ пери, а въ смертной женщинѣ, сдѣлавшись ея обладателемъ, начинаетъ ненавидѣть ее, своихъ дѣтей, самого себя, и оканчиваетъ все это сумасшествіемъ: вспомните „Кремонскую Скрыпку, Песочнаго человѣка, Живописца" Гофмана. У француза герой представляется иногда на чердакѣ, или въ какомъ-нибудь мѣщанскомъ пансіонѣ *матушки* Вокеръ[468]), но съ этого чердака душа его стремится не на небо, не въ преисподнюю, не въ міръ волшебства и фантазіи, жаждетъ не внутренней жизни, не любви сосредоточенной, затворнической, внѣ жизни, не тѣснаго міра вдвоемъ, томится не мыслію, не идеею, а рвется на балъ, на паркетъ, гдѣ море огня, гдѣ блескъ и радость, громъ музыки и танцы, гдѣ герцогини и маркизы, жаждетъ эффектовъ, хочетъ блистать, удивлять, желаетъ любви, но открытой, но могущей доставить ему торжество, возбудить къ нему зависть... Да—пусть будетъ все такъ, какъ должно быть — тогда все будетъ хорошо и прекрасно. Не хлопочите о воплощеніи идей; если вы поэтъ—въ вашихъ созданіяхъ будетъ идея, даже безъ вашего вѣдома; не старайтесь быть народными: слѣдуйте свободно своему вдохновенію—и будете народны, сами не зная какъ; не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте—и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!

Альфредомъ де Виньи овладѣла мысль о бѣдственномъ положеніи поэта въ обществѣ, о его враждебномъ отношеніи къ обществу, которому онъ служитъ, и которое, въ награду за то, допускаетъ его умереть съ голоду. Эту идею онъ выразилъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи „Стелло"[469]). Мы еще не успѣли изгладить грустныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на насъ судьбою Чаттертона, какъ его творецъ даритъ насъ опять тѣмъ же Чаттертономъ, но только въ новой формѣ, уже въ драмѣ, а не въ повѣсти. Въ мысли Альфреда де Виньи много истины. Но не такою показалась она г. Шевыреву, и онъ напалъ на нее стремительно, опровергаетъ ее съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ явную нелѣпость, какъ клевету на общество. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Не имѣя подъ рукою драмы де Виньи, мы принуждены воспользоваться нѣсколькими строками перевода г. Шевырева изъ предисловія автора:

Развѣ вы не слышите звуковъ уединенныхъ пистолетовъ? Ихъ удары краснорѣчивѣе, чѣмъ мой слабый голосъ. Не слышите-ли вы, какъ эти отчаянные юноши просятъ насущнаго хлѣба, и никто не платитъ имъ за работу? Какъ? Ужели націи до такой степени лишены избытка? Ужели отъ дворцовъ и мил-

ліоновъ, нами расточаемыхъ, не остается у насъ ни чердака, ни хлѣба, для тѣхъ, которыхъ безпрестанно покушаются насильно идеализировать ихъ націи? Когда перестанемъ мы отвѣчать имъ: „*desper and die!* (*отчаявайся и умирай*)!“ Дѣло законодателя излѣчить эту рану, самую живую, самую глубокую рану на тѣлѣ нашего общества, и пр.

Первая половина мысли Альфреда де Виньи очень вѣрна, вторая очень ложна. Поэтъ природою поставленъ во враждебныя отношенія съ обществомъ; общество предполагаетъ нѣчто положительное, матеріяльное, а царство поэта не отъ міра сего. Теперь, возможно-ли примирить поэта съ жизнію, не поссоривъ его съ поэзіею? Поэтъ погибаетъ часто жертвою общества, и общество въ этомъ нисколько не виновато. Объяснимся.

Является поэтъ съ истиннымъ талантомъ. Кто судья его таланта? Общество. Теперь, можетъ-ли оно судить всегда безошибочно и безпристрастно? Но общество имѣетъ своихъ представителей: слѣдовательно, на нихъ лежитъ отвѣтственность за гибель поэта! Хорошо: но развѣ эти представители также не могутъ ошибаться насчетъ его достоинства, особливо когда онъ не пріобрѣлъ еще никакого авторитета? Какъ назначатъ они ему пенсію, если онъ еще не показалъ своего таланта во всей его силѣ? А когда онъ покажетъ его, ему уже не нужно пенсіи: его творенія расходятся. Неужели общество должно кормить всякаго, кто только назоветъ себя поэтомъ? Въ такомъ случаѣ, оно само умерло-бы съ голоду. И всегда-ли общество является гонителемъ и врагомъ поэта? Оно изгнало Тасса, но не за поэзію, а за любовь, на которую не почитало его въ правѣ; оно изгнало Данта, но не за поэзію, а за участіе въ политическихъ дѣлахъ; оно низко оцѣнило Мильтона, за то какъ лелѣяло Расина и Мольера? Если Мильтонъ точно великій поэтъ, то общество потому не оцѣнило его, что, по своему образованію, было не въ силахъ этого сдѣлать. Чѣмъ-же оно виновато въ отношеніи къ поэту? Ничѣмъ. И между тѣмъ поэтъ все-таки умиралъ, умираетъ и будетъ умирать съ голоду, среди его, среди этого общества, столь благосклоннаго къ нему, столь лелѣющаго его. Въ чемъ-же причина этого противорѣчія?..

Альфредъ де Виньи показываетъ Чаттертона, питающагося почти подаяніемъ, выпивающаго склянку съ ядомъ; Жильбера[470]), при смерти проклинающаго своего отца и мать, за то что они выучили его грамотѣ и тѣмъ оторвали отъ плуга и обратили къ перу; Шенье, на гильотинѣ; ссылается на пистолѣтные выстрѣлы, на вопль: „хлѣба! хлѣба!“

Г. Шевыревъ говоритъ, что все это преувеличено даже въ отношеніи къ прежнимъ временамъ, и совершенно ложно въ отношеніи

къ настоящему времени; что нынѣ поэтъ богачь, весь въ золотѣ, окруженный мраморомъ и бронзою, не только всѣми удобствами цивилизаціи, но и всѣми ея прихотями, и, въ доказательство своего мнѣнія, съ торжествомъ указываетъ на Вальтеръ-Скотта, Гете, Байрона, даже на самого де Виньи, который, по его мнѣнію, клевещетъ на общество, заступается за бѣднаго собрата въ кабинетѣ, украшенномъ всею роскошью парижской промышленности, лежа на бархатной подушкѣ, и, когда кончилъ свою повѣсть о бѣдствіяхъ Чаттертона, весьма сытно и вкусно поужиналъ, въ полномъ удовольствіи отъ своего труда.

Вальтеръ-Скоттъ, Гёте и Байронъ!.. Да—это примѣры блистательные, но, къ несчастію не доказательные. Вальтеръ-Скоттъ точно было разбогатѣлъ, и разбогатѣлъ своими литературными трудами; но за то на долго-ли? Онъ умеръ почти банкротомъ. Богатство Гёте зависѣло не столько отъ его литературной дѣятельности, сколько отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ; не всякому, какъ Гёте, удастся выхлопотать у всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ привилегію противъ контрфакцій, и такимъ образомъ сдѣлаться монополистомъ своихъ произведеній [471]); а безъ этой мѣры нѣмецкій литераторъ не разбогатѣетъ. Что̀ касается до Байрона — о немъ и говорить нечего; Байронъ былъ лордъ Британіи!.. Г. Шевыревъ продолжаетъ:

Развѣ вы не помните процесса Виктора Гюго съ его книгопродавцемъ, процесса, который кончился не къ славѣ перваго поэта Франціи?.. Г. де Ламартину, вѣроятно, съ большимъ барышемъ окупились всѣ издержки его путешествія на Востокъ?.. Давно-ли Дюма, нищимъ пришедшій въ Парижъ, давалъ балы для своихъ друзей и парижскихъ красавицъ?.. Не драмы ли его дали ему средства объѣздить Швейцарію и Италію... Какой изъ современныхъ поэтовъ Франціи не ведетъ обширныхъ счетовъ съ Евгеніемъ Рандюэлемъ [472])? Какой изъ нихъ не ѣздитъ въ каретахъ, не живетъ въ комнатахъ бронзовыхъ, зеркальныхъ и бархатныхъ?..

Все это прекрасно, но все это, къ несчастію, мечты, а не дѣйствительность! Всѣ литературныя знаменитости современной Франціи живутъ въ довольствѣ, но не въ богатствѣ, живутъ, какъ порядочные *bourgeois*, и занимаютъ квартиры, удобныя и пространныя, хорошо и со вкусомъ меблированныя, но простыя и обыкновенныя, а не дворцы; нѣкоторые, можетъ-быть, имѣютъ и свои кареты, но бо̀льшая часть катается въ наемныхъ; золото-же, мраморъ и бархатъ они видятъ и часто, но только не у себя дома. Это можно сказать смѣло. Чтобъ жить такъ роскошно, какъ описываетъ г. Шевыревъ, надо получать полмилліона ежегоднаго дохода: а кто изъ нихъ ежегодно получитъ и пятую долю этой суммы? Нѣтъ, что̀ ни говорите, а огромный домъ въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ и родовое имѣніе, дающее въ годъ сто или двѣсти тысячъ ливровъ, вѣрнѣе и надежнѣе

всякаго таланта, всякаго генія, какъ бы тотъ и другой великъ ни былъ. Тамъ только получай и пользуйся, ни о чемъ не думая и не унижая своего человѣческаго достоинства житейскими хлопотами желудка ради; здѣсь безпрерывный трудъ и работа, часто уклоненіе отъ своего назначенія, иногда потеря души, для удовлетворенія бѣдной человѣческой природы, требованій прихотей и общежитія. Чтобы увидѣть во всей ясности всю неосновательность мнѣнія г. Шевырева, стóитъ только указать на поѣздку Дюма въ Швейцарію, которую онъ приводитъ, какъ доказательство несмѣтнаго богатства, стяжаннаго талантомъ: намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что мѣсто въ дилижансѣ, отъ Парижа до Базеля, стóитъ *шестьдесятъ франковъ*, и что потóмъ *шести сотъ франковъ* слишкомъ достаточно, чтобъ объѣздить всю Швейцарію; а Дюма ходилъ пѣшкомъ, что еще дешевле. Гдѣ-жъ логика?..[473]).

Правда, въ нашъ вѣкъ поэтъ не есть пасынокъ общества, напротивъ, онъ его любимое, балованное дитя; толпа уже не косится на него съ презрѣніемъ или лаемъ, но съ почтеніемъ разступается предъ нимъ и даетъ дорогу, даже не понимая, что онъ такое. Даже и у насъ, на святой Руси, сильный, богатый баринъ почитаетъ за честь знакомство съ извѣстнымъ поэтомъ, читаетъ его стихи, прислушивается къ говору сужденій, чтобъ умѣть сказать при случаѣ слова-два о его стихахъ, словомъ, смотритъ на поэта, не только не какъ на безполезную, но даже какъ на очень полезную мебель для украшенія своей гостиной, на нѣсколько часовъ. И у насъ, говорю я, богатый и знатный баричь, привиллегированный гражданинъ модныхъ залъ, бьется изо всѣхъ силъ, низко кланяется журналисту, чтобы тотъ помѣстилъ въ своихъ листкахъ его стишки и далъ ему право назваться *поэтомъ*. По-крайней-мѣрѣ подобныя явленія теперь не рѣдки. Но вотъ въ чемъ бѣда-то: общество иногда озолотитъ какого-нибудь Бальзака и допуститъ умереть съ голоду какого-нибудь Шиллера; надѣнетъ вѣнокъ на голову какого-нибудь г. Больвера и равнодушно пройдетъ мимо какого-нибудь Байрона. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно уважаетъ идею поэта; но всегда ли оно безошибочно въ выборѣ своихъ кумировъ?... Истинное чувство не для всѣхъ доступно, глубокая мысль не для всѣхъ понятна; яркость красокъ, мастерская обработка формъ скорѣе бросаются въ глаза толпѣ, составляющей общество, и сильнѣе раздражаютъ ея зрительный нервъ: потому-что въ этой толпѣ больше найдется людей со вкусомъ—этимъ плодомъ образованности и навыка, нежели съ чувствомъ—этимъ даромъ природы. Это можно приложить не къ одному искусству. Если вы съ жаромъ и убѣжденіемъ излагаете ваше задушевное мнѣніе, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсть этѣмъ извѣстность, обра-

тить на себя общее вниманіе, а не изъ чистой, безкорыстной любви къ истинѣ—то не хлопочите лучше: васъ никогда не замѣтятъ, вы всегда останетесь въ заднихъ рядахъ, васъ оцѣнятъ только немногіе, только избранные, а эти немногіе, эти избранные, не составляютъ общества, которое даритъ славою и авторитетомъ Да! не хлопочите, или перемѣните свой образъ дѣйствованія: замѣните основательную мысль звонкою фразою, теплое чувство громкою декламацiею, благородную простоту выраженія цвѣтистою вычурностію паркетною манерностію, изъ горячаго проповѣдника мысли сдѣлайтесь ловкимъ литераторомъ, который обо всемъ умѣетъ найдтись сказать и прилично, и умно, и красно: тогда толпа ваша — властвуйте надъ нею! Эта мысль очень вѣрна: самъ г. Шевыревъ утверждаетъ ее, сказавши, что общество развращаетъ поэта, что, въ замѣнъ своихъ милостей, своихъ даровъ, оно отнимаетъ у него независимость въ образѣ дѣйствованія, заставляетъ его поддѣлываться подъ свой характеръ, дѣлаетъ его своимъ льстецомъ. Да! нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поэтъ и общество стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что они естественные враги между собою. Съ одной стороны, общество его душитъ, прежде чѣмъ узнаетъ о его достоинствѣ; съ другой стороны, оно развращаетъ его своею благосклонностію. Конечно, у насъ есть и защита противъ него: въ первомъ случаѣ, какое-нибудь счастливое обстоятельство, дающее ему средство придти, увидѣть и побѣдить; во второмъ случаѣ, геній, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ большой талантъ, слишкомъ вѣрный инстинктъ творчества. Да! генія не убиваетъ обаяніе выгоды; оно убиваетъ Бальзаковъ, Жаненовъ, Дюма, но не Байроновъ, не Гёте, не Вальтеръ-Скоттовъ. Эти геніи могутъ быть даже людьми, низкими, душами продажными — и все-таки золото безсильно надъ ихъ вдохновеніемъ. Чѣмъ платилъ Гёте своимъ высокимъ ласкателямъ? Двустишіями на балы, плохими гекзаметрами, а не „Вертеромъ", не „Вильгельмомъ Мейстеромъ", не „Фаустомъ". На чемъ сбили Вальтеръ-Скотта экономическіе разсчеты и выкладки? На исторіи, а не на романахъ [474]).

Странно и непонятно, какъ г. Шевыревъ не хотѣлъ видѣть, что въ наше время истинный талантъ и даже геній можетъ точно умереть съ голоду, обезсиленный отчаянною борьбою съ внѣшнею жизнію, непризнанный, поруганный!.. Неужели онъ не читалъ или забылъ прекрасную статью „Литературное Сотрудничество", помѣщенную въ четвертой книжкѣ того журнала, въ которомъ онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе? Еслибы выписка не пришлась въ три или четыре страницы, мы представили-бы изъ этой статьи такой сильный и ужасный фактъ, передъ которымъ должна пасть

всякая теорія, всякое мнѣніе объ этомъ предметѣ [1]). Авторъ этой статьи французъ, онъ писалъ по собственному опыту, писалъ съ неподдѣльнымъ жаромъ и убѣжденіемъ. Онъ представляетъ юношу, котораго природа назначила быть поэтомъ, а отецъ велѣлъ ему быть медикомъ. Юноша сначала принуждаетъ себя, но природа беретъ свое, и онъ рѣшительно бросаетъ ненавистную науку. „Ты хочешь быть независимымъ ни отъ кого въ своихъ занятіяхъ, пишетъ къ нему отецъ, будь-же независимъ ни отъ кого и въ своемъ содержаніи". Молодой человѣкъ въ отчаяніи: внѣшняя жизнь опутываетъ его своими сѣтями, нищета и голодъ раздѣляютъ его высокій чердакъ, садятся съ нимъ за его шаткій столъ, ложатся съ нимъ на его жесткомъ ложѣ. У него нѣтъ денегъ, но есть талантъ, а слѣдовательно, и надежда: его голова горитъ, грудь тѣснится, и онъ торопится излить на бумагу тяготящее ихъ бремя, онъ работаетъ день и ночь. Драма готова; она, можетъ-быть, отличается всѣми недостатками перваго опыта, всею уродливостію, происходящею отъ несосредоточенности силъ, но она пламенна, жива, геніяльна. Онъ несетъ ее къ директору театра, но директоръ поручаетъ ее на разсмотрѣніе чиновнику театральнаго правленія, который, по недосугамъ, отдаетъ ее своей женѣ. Наконецъ пьеса одобряется; но она, какъ произведеніе молодаго человѣка, должна быть *поправлена* театральнымъ *поправщикомъ*, а этотъ *поправщикъ* имѣетъ похвальное обыкновеніе оставлять развѣ третью часть труда автора, а двѣ приклеиваетъ свои. Молодой человѣкъ въ негодованіи беретъ назадъ свою драму и уходитъ домой. Еще прежде этого написалъ онъ прекрасный романъ: принесъ его къ книгопродавцу, который, какъ человѣкъ благовоспитанный, принялъ его очень ласково и предложилъ ему триста франковъ, замѣтя однако, что въ условіи будетъ сказано: двѣ тысячи, чтобъ „не оскорбить самолюбія автора". Какъ отъ книгопродавца, такъ и отъ директора театра, молодой человѣкъ уходитъ съ своею рукописью домой, а дома его ждетъ хозяинъ съ требованіемъ платы за квартиру, трактирщикъ съ счетомъ, лавочникъ съ другимъ; за ними рисуется изображеніе голодной смерти и смотритъ на него, какъ на вѣрную добычу, а изъ-за этого скелета выглядываетъ, какъ примиритель и посредникъ, неясная мысль о самоубійствѣ... Юноша гордъ, какъ всѣ люди съ сознаніемъ таланта, благороденъ, какъ всѣ пылкія души, міръ для него отвратителенъ, люди гадки, жизнь гнусна; и вотъ раздается „уединенный выстрѣлъ пистолета", и вотъ умираетъ поэтъ среди общества, котораго онъ назначенъ былъ составлять славу, среди избытка роскоши

[1]) М. Н. 1835, кн. 4, стр. 714—722.

и успѣховъ цивилизаціи, среди шумнаго говора славы и изобилія, лелѣющихъ такое множество его собратій по ремеслу, которые, можетъ-быть, всѣ ниже его своимъ талантомъ. И это еще во Франціи, а чтоже въ Англіи, гдѣ кусокъ насущнаго хлѣба такъ дорогъ, гдѣ борьба съ внѣшнею жизнью такъ ужасна, требуетъ такихъ великихъ силъ, гдѣ люди такъ холодны, такіе эгоисты, такъ погружены въ себя и въ свои расчеты!.. Вѣдь не у всѣхъ-же поэтовъ отцы богаты или достаточны, не у всѣхъ поэтовъ отцы не почитаютъ поэзіи пустымъ дѣломъ и не насилуютъ воли своихъ дѣтей, да иные поэты и не имѣютъ вовсе отцовъ, а бѣдный вездѣ виноватъ... О! много, много должно раздаваться „уединенныхъ выстрѣловъ пистолета“!.. Альфредъ де Виньи, конечно, правъ!..

Эта исторія очень естественна и сбыточна, эта катастрофа очень возможна и неудивительна!.. Но Огюстъ Люше, авторъ статьи, на которую я ссылаюсь, представляетъ эту катастрофу иначе, описываетъ самоубійство другаго рода, болѣе ужасное и позорное, чѣмъ то, возможность котораго представилъ я отъ себя. У него молодой человѣкъ принимается за сотрудничество, входитъ во всѣ литературныя сдѣлки и подряды, дѣлаетъ свой талантъ средствомъ, искусство ремесломъ, лишается перваго, теряетъ способность понимать второе, и съ гордостію повторяетъ: „Моихъ актовъ играно до ста, а такого-то только семьдесятъ восемь, несмотря на то, что онъ прежде меня сталъ заниматься этѣмъ дѣломъ“!.. Такое нравственное самоубійство не гибельнѣе-ли физическаго?.. О! Альфредъ де Виньи очень правъ!

Назвавъ идею Альфреда де Виньи ложною, г. Шевыревъ говоритъ, что ея неосновательность повредила и художественному исполненію драмы: скажите, Бога ради, можетъ-ли это быть?.. Ложность основной идеи можетъ повести къ ложнымъ выводамъ въ какомъ-нибудь логическомъ изслѣдованіи, что н. п. и сдѣлалось съ г. Шевыревымъ въ его статьѣ о драмѣ де Виньи; но въ художественномъ произведеніи идея всегда истинна, если вышла изъ души. Да и какое дѣло поэту, вѣрна или нѣтъ его идея? Развѣ онъ философъ, изслѣдователь? Шекспиръ въ своемъ „Отелло“ выразилъ идею ревности, показалъ намъ ревность, не рѣшая, хорошее, или дурное это чувство. Возьмите любую застольную пѣсню Беранже, въ которой онъ, подъ вдохновеніемъ веселости, въ прекрасныхъ, гармоническихъ стихахъ, не шутя увѣряетъ васъ, что, кромѣ вина и любви, все на свѣтѣ вздоръ, которымъ глупо заниматься: мысль, само собою разумѣется, ложная, но пѣсня отъ того нисколько не хуже. Поэтъ весь зависитъ отъ минуты, которая навѣваетъ на него вдохновеніе; Шиллеръ былъ душа пламенновѣрующая, а посмотрите, какое безотрадное,

ужасное отчаяніе проглядываетъ въ каждомъ стихѣ его дивнаго „Resignation“... Еслибы идея Альфреда де Виньи была и ложная, его драма отъ того не могла быть хуже, потому что его идея ложна для васъ, для меня и для кого угодно, но не для него, который убѣжденъ въ ней и умомъ и чувствомъ, и потому мнѣ кажется очень неумѣстнымъ насмѣшливое предположеніе г. Шевырева, что „его сіятельство, графъ Альфредъ де Виньи, въ ту семнадцатую ночь, когда убилъ своего героя полу-голодною смертью, весьма сытно и вкусно поужиналъ, въ полномъ удовольствіи отъ своего труда“. Да! эта шутка мнѣ кажется тѣмъ болѣе неумѣстною, что де Виньи поэтъ съ истиннымъ талантомъ, поэтъ добросовѣстный, и что самъ г. Шевыревъ отдаетъ похвалу его драмѣ: а можетъ-ли быть хорошо художественное произведеніе, когда оно не выстрадано, не вычувствовано, а хладнокровно придумано головою, отъ нечего дѣлать? Гдѣжъ логика?...

Теперь остается поговорить еще о двухъ статьяхъ г. Шевырева: въ одной заключается его отчетъ публикѣ о спектакляхъ гг. Каратыгиныхъ въ ихъ послѣдній пріѣздъ въ Москву прошлаго года; другая содержитъ въ себѣ то, чего я тщетно ищу доселѣ — объясненіе направленія, вѣрованія, литературнаго ученія, задушевной идеи „Московскаго Наблюдателя“; эта драгоцѣнная для меня находка содержится въ первомъ нумерѣ этого журнала за нынѣшній годъ, и ее я разсмотрю послѣ всѣхъ, ею заключу мою статью и изъ ней выведу результатъ моихъ изслѣдованій касательно критики и литературныхъ мнѣній „Московскаго Наблюдателя“.

Г. Шевыревъ отдаетъ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него пріѣздомъ четы Каратыгиныхъ: этотъ отчетъ, разумѣется, очень благопріятенъ для петербургскихъ артистовъ. И немудрено: это артисты высшаго тона, и „Наблюдателю“ не возможно не симпатизировать съ ними и не превознести ихъ до седьмаго неба. Въ самомъ дѣлѣ, какая грація въ манерахъ, какая живопись въ позахъ, какая торжественная декламація! Все это такъ вѣрно напоминаетъ золотыя времена классицизма, немного напыщеннаго, немного на ходулькахъ, но за то благороднаго, бонтоннаго, аристократическаго, съ гладкимъ и выглаженнымъ стихомъ, съ пѣвучею дикціею, съ минуэтною выступкою! Правду сказать, въ нихъ только и превосходно, что эта внѣшняя сторона искусства, которая, конечно, важна въ артистѣ, но отнюдь не составляетъ его сущности, успѣхъ въ которой достигается изученіемъ, навыкомъ, рутиною, вкусомъ... Постойте — *„вкусъ“*! — остановимся на *„вкусѣ“*: давно я добирался до этого словца и до смерти радъ, что наконецъ добрался до него. Часто случается намъ читать и слышать выраженія: этотъ поэтъ

отличается „вкусомъ“, этотъ критикъ обладаетъ „вкусомъ“, у этого человѣка есть „вкусъ“. Такія выраженія выводятъ меня изъ терпѣнія; я ненавижу слово „вкусъ“, когда оно прилагается не къ столу, не къ галантерейнымъ вещамъ, не къ покрою платья, не къ водевилямъ и балетамъ, а къ произведеніямъ искусства. Это слово есть собственность, принадлежность XVIII вѣка, когда слово „искусство“ было равносильно слову „*savoir-faire*“, когда „творить“ значило „отдѣлывать, выглаживать“. Нашъ вѣкъ замѣнилъ слово „вкусъ“ словомъ „чувство“. Объяснимъ это примѣромъ. Вотъ картина, произведеніе великаго художника! Стоитъ передъ нею человѣкъ со вкусомъ: посмотрите, какъ умно и вѣрно судитъ онъ о ея перспективѣ, о ея отдѣлкѣ въ цѣломъ и частяхъ, о расположеніи группъ, о соотношеніи частей съ цѣлымъ, о колоритѣ; посмотрите, какъ быстро замѣтилъ онъ, что рука у этой фигуры не на своемъ мѣстѣ и длиннѣе, чѣмъ должна быть, что вотъ здѣсь слишкомъ густа тѣнь, а здѣсь не достаетъ свѣта. Его судъ вѣренъ, но холоденъ, какъ судъ о паштетѣ или бургонскомъ. И что дало ему возможность судить такъ о картинѣ? Свѣтская образованность, привычка видѣть много хорошихъ картинъ и слышать сужденія о нихъ знатоковъ, навыкъ, рутина, словомъ—*вкусъ!*—Теперь на эту-же картину смотритъ человѣкъ съ *чувствомъ*, хотъ и не знатокъ: онъ безмолвно, благоговѣйно смотритъ на нее, теряясь, утопая въ своемъ восторженномъ созерцаніи, и не можетъ отдать себѣ отчета, что его плѣняетъ въ ней: но за то какъ восторгъ его полонъ, чистъ, святъ, божественъ! Человѣкъ *со вкусомъ* станетъ восхищаться каждою бездѣлкою, бросающеюся въ глаза тонкостію своей отдѣлки и удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ внѣшней стороны искусства, но пройдетъ безъ вниманія мимо произведенія геніяльнаго, если оно не причесано и не прихолено по условнымъ правиламъ приличія. Человѣкъ *съ чувствомъ* не ошибается въ достоинствѣ художественнаго произведенія: онъ холоденъ къ такому, отъ котораго всѣ въ восторгѣ, онъ обвиняетъ себя въ невѣжествѣ, почитаетъ себя неправымъ и, на зло самому себѣ, не можетъ найти въ немъ той красоты, которая такъ бросается всѣмъ въ глаза; но за то онъ въ восхищеніи отъ такого произведенія, къ которому всѣ равнодушны, и здѣсь опять можетъ обвинять себя въ невѣжествѣ, въ „безвкусіи“, но, на зло самому себѣ, не можетъ перемѣнить своего мнѣнія. Я здѣсь представляю человѣка съ чувствомъ безъ образованія, безъ данныхъ для сужденія, безъ способности критицизма. И между художниками есть свои „люди со вкусомъ“, одолженные своимъ талантомъ, своими успѣхами одному вкусу, словомъ созданные вкусомъ—этимъ плодомъ образованности, просвѣщенія, ума,

но не чувствомъ— этимъ даромъ одной природы, который образованностію, просвѣщеніемъ и умомъ возвышается, но не дается ими. Да простятъ нашей смѣлости: къ такимъ художникамъ причисляемъ мы г. Каратыгина и г-жу Каратыгину. Они удачно усвоили себѣ внѣшнюю сторону искусства, они вѣрнымъ глазомъ измѣрили сцену, хорошо разочли эффекты, они въ высочайшей степени овладѣли искусствомъ блѣднѣть, краснѣть, падать въ обморокъ, возвышать и понижать голосъ, дѣйствовать жестами, играть слѣпыхъ, больныхъ — но не больше. А развѣ это не талантъ? развѣ такіе люди не рѣдки? скажутъ намъ. А развѣ вкусъ тоже не талантъ? развѣ люди со вкусомъ также нерѣдки? отвѣчаемъ мы.

Мнѣніе г. Шевырева о гг. Каратыгиныхъ давно уже всѣмъ извѣстно: еще три года назадъ тому бился онъ за нихъ, съ поднятымъ забраломъ, какъ прилично благородному рыцарю, съ соперникомъ безъ герба и девиза, съ забраломъ опущеннымъ, но съ рукою тяжелою, съ ударами мѣткими[475]). Г. Шевыревъ сошелъ съ турнира прежде своего соперника, но не побѣжденный имъ, а только раздосадованный его упрямымъ инкогнито. Кто изъ нихъ правъ, кто ошибается, не беремся рѣшить, но признаемся, что невольно симпатизируемъ съ таинственнымъ рыцаремъ, потому-ли, что таинственность всегда возбуждаетъ къ себѣ участіе, или потому, что наѣздники безъ щита и герба, не вписанные въ герольдію, къ намъ какъто ближе. Какбы то ни было, только во второй пріѣздъ г. Шевыревъ не сталъ сражаться, хотя неизвѣстный его соперникъ и опять вызывалъ его на бой. На этотъ разъ онъ безъ боя превознесъ своихъ любимыхъ артистовъ до седьмаго неба и выразилъ свое къ нимъ удивленіе множествомъ точекъ послѣ каждаго періода и каждой фразы, какъ онъ всегда дѣлаетъ, когда хочетъ выразить къ чему-нибудь свое удивленіе.

Въ этой статьѣ брошено кстати нѣсколько мыслей о „Ермакѣ“, драмѣ г. Хомякова. Г. Шевыревъ сперва говоритъ, что эта драма есть подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера, потомъ, что это не драма, но что въ ней видѣнъ зародышъ драмы, наконецъ, что „изъ ея лиризма выдвигаются (?) три могучія чувства, на которыхъ задуманъ колоссальный (??) и фантастическій (???) образъ Ермака“. Все это такъ справедливо, глубокомысленно и вѣрно, что противъ этого невозможно ничего возразить. Да, именно, здѣсь поневолѣ умолкаетъ всякая *неблагонамѣренность* критики и прекращаетъ нехотя *навѣты*... По крайней мѣрѣ, критика была-бы слишкомъ зла, слишкомъ неблагонамѣренна, еслибъ вздумала пользоваться такими для себя находками... И такъ—довольно; покажемъ, что мы умѣемъ и помолчать тамъ, гдѣ бы много могли поговорить[476]).

Изъ критическихъ статей „Московскаго Наблюдателя“, не принадлежащихъ г. Шевыреву, нѣкоторыя очень примѣчательны: назовемъ ихъ: „Музыкальная Лѣтопись“ г. Мельгунова, въ которой онъ отдаетъ отчетъ за всѣ примѣчательныя явленія нашего музыкальнаго міра въ началѣ прошлаго года, есть одна изъ такихъ статей, въ какихъ именно нуждаются наши журналы и какими они такъ бѣдны; она написана ловко, умно, живо, съ знаніемъ дѣла [477]). „Брамбеусъ и Юная Словесность“, статья г. Н. П-щ-на содержитъ въ себѣ обвиненія Брамбеуса въ похищеніи идей и вымысловъ изъ французской литературы, которую онъ такъ не жалуетъ. Тамъ, гдѣ авторъ статьи говоритъ вообще о продѣлкахъ почтеннаго барона, тамъ онъ и остеръ, и увлекателенъ, но гдѣ онъ сравниваетъ статьи Брамбеуса съ ихъ оригиналами, тамъ становится скученъ и утомителенъ. Вообще эта статья не произвела большаго впечатлѣнія на публику. Причина этому заключается, вѣроятно, въ томъ, что публика давно уже знала о похвальной привычкѣ барона ловко и безъ спросу пользоваться чужою собственностію, давно уже понимала, что онъ не пишетъ, а „изволитъ потѣшаться“: слѣдовательно усилія г. критика казались ей напрасными и были ею приняты холодно. Но особенно примѣчательны двѣ статьи, подписанныя буквою „—о—“: одна разборъ извѣстной оперы „Аскольдова Могила“, другая новой комедіи г. Загоскина „Недовольные“. Поговоримъ объ этихъ статьяхъ.

Въ первой статьѣ, „Аскольдова Могила“ разбирается не какъ музыкальное произведеніе, а какъ драма. Авторъ статьи, въ нѣсколькихъ строкахъ, передаетъ мнѣніе публики, отголосокъ большинства голосовъ о новой музыкѣ г. Верстовскаго; отъ себя же онъ говоритъ о другихъ, имѣющихъ отношеніе къ пьесѣ, предметахъ. Вообще у него нѣтъ вѣрныхъ и глубокихъ идей объ оперѣ, выведенныхъ логически изъ идей искусства вообще. Сначала онъ утверждаетъ, что опера непремѣнно должна имѣть смыслъ независимо отъ музыки, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые позволяютъ ей обходиться безъ смысла, ссылаясь на примѣръ италіянцевъ. Это вопросъ важный; но авторъ статьи ни чѣмъ не рѣшаетъ его, а если и рѣшаетъ, то очень неудовлетворительно, однимъ намекомъ. Если мы не ошибаемся, намъ кажется, что, по его мнѣнію, опера должна быть фантастическимъ созданіемъ. Если онъ имѣлъ точно эту мысль, то она достойна вниманія и гораздо бо̀льшаго и удовлетворительнѣйшаго развитія: на нее можно бы написать огромную статью, если не книгу. Если опера должна быть фантастическимъ созданіемъ, то, безсомнѣнія, она должна имѣть смыслъ, также, какъ его имѣютъ самыя, повидимому, безмысленныя повѣсти Гофмана. Мы думаемъ только, что для этого гармоническаго единства двухъ искусствъ поэзіи и музыки нужна

въ художникѣ и двойственность генія; но возможна-ли она, какъ явленіе положительное, а не исключеніе, и въ послѣднемъ случаѣ, состоитъ-ли она въ равновѣсіи генія въ обоихъ этихъ искусствахъ?.. Потомъ авторъ говоритъ, что содержаніе оперы должно браться изъ народныхъ преданій, чтобъ имѣть силу очарованія; что „Аскольдова Могила" грѣшитъ противъ этого правила; что времена Святослава далеки отъ насъ, какъ времена Навуходоносора, и также непонятны намъ. Все это высказано весьма увлекательно и искусно. За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе содержанія оперы. И все! [1]).

---

[1]) Замѣчательна въ этой статьѣ выходка автора противъ русскаго *кулака*. Здѣсь я обращаюсь къ вамъ, почтенный издатель „Телескопа", я вамъ подаю аппеляцію на васъ самихъ. Вы недавно сдѣлали возраженіе противъ этой выходки, которое мнѣ кажется не совсѣмъ справедливымъ. Вопервыхъ, вы несправедливо обвиняете „Московскаго Наблюдателя" въ ожесточеніи противъ г. Загоскина: онъ совершенно одного мнѣнія съ вами насчетъ этого писателя. Въ „Молвѣ" когда-то сказано было, что авторъ „Юрія Милославскаго" есть слава и гордость Россіи; „Наблюдатель" не говоритъ этого, и вѣрно никогда не скажетъ, но онъ признаетъ „Юрія Милославскаго" *первымъ* русскимъ историческимъ романомъ (разумѣется, не по старшинству происхожденія, а по достоинству; въ первомъ смыслѣ „Выжигинъ" его старѣе), а *первое* во всемъ есть неоспоримо слава и гордость народа. Потомъ—о русскомъ *кулакѣ*: я противъ него. Конечно, прежде надо условиться въ значеніи этого слова, а потомъ уже спорить. Вы смотрите на *кулакъ*, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ шпагою, штыкомъ и пулею. Оно такъ, но все-таки между этѣми орудіями силы есть существенная разность: кулакъ равно и дубина, есть орудіе дикаго, орудіе невѣжды, орудіе человѣка грубаго въ своей жизни, грубаго въ своихъ понятіяхъ, кулакъ требуетъ одной животной силы, одного животнаго остервенѣнія и больше ничего. Шпага, штыкъ и пуля, суть орудія человѣка образованнаго, они предполагаютъ искусство, ученіе, методу, слѣдовательно, зависимость отъ идеи. Звѣрь сражается когтемъ и зубомъ, естественными его орудіями; кулакъ есть тоже естественное орудіе звѣря-человѣка; человѣкъ общественный сражается орудіемъ, которое создаетъ себѣ самъ, но котораго не имѣетъ отъ природы. Еслижъ бываютъ безславные удары стилетомъ изъ-за угла, если были безчестные удары негодной шпажонки восьмнадцатаго вѣка—это ничего не доказываетъ: бываютъ безчестные удары и кулакомъ, изъ-за угла, въ темную ночь, въ глухомъ переулкѣ. А притомъ, и въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ—(говоря словами автора критики)—„зачѣмъ льстить этому классу народа, который, не смотря на великаго преобразователя Россіи, до сихъ поръ еще гордо поглаживаетъ за угломъ свою бороду и за угломъ радъ похвастать своими кулаками! Кулаки не помогли подъ Нарвой, и не кулаки, а *обученное* войско смыло подъ Полтавой пятно стыда кровью своего прежняго побѣдителя! Не кулакамъ обязаны мы, что знаемъ теперь, звонокъ-ли чугунъ на Аустерлицкомъ мосту, когда казачій конь бьетъ о него подковой, и красива-ли Сена, когда отражаются въ ней русскіе штыки". *Соч.*

— Я почитаю излишнимъ пускаться здѣсь въ метафизику *кулака*; скажу только, что по моему мнѣнію, всякое орудіе драки, естественное и искусственное, равно не достойны человѣка, которому природа дала другое средство борьбы и побѣды — мысль и слово!—чтожъ касается до краснорѣчивой фигуры вопрошенія выписанной здѣсь изъ „Московскаго Наблюдателя" замѣчу, что говорить о цѣломъ

Статья о „Недовольныхъ“ написана съ тоюже ловкостью, съ тѣмъже искусствомъ, съ тоюже увлекательностію, какъ и объ „Аскольдовой Могилѣ“. Но и въ ней искусство также въ сторонѣ; много дѣльнаго высказано *à propos*; но самое дѣло, то есть искусство, не тронуто.

Изъ прочихъ статей примѣчательна: „Историческіе и Филологическіе Труды Русскихъ Оріенталистовъ“ г. Григорьева. Это, какъ показываетъ самый титулъ статьи, есть сборникъ утѣшительныхъ извѣстій объ успѣхахъ въ Россіи оріентализма. Потомъ „Народныя Спѣванки или Свѣтскія Пѣсни Словаковъ въ Венгріи“ г. І. Бодянскаго, котораго г. Руссовъ недавно причислялъ къ миѳамъ, въ родѣ Гомера [479]). Эта статья написана съ талантомъ, знаніемъ и любовію, заключаетъ въ себѣ много дѣльныхъ и чрезвычайно любопытныхъ фактовъ касательно своего предмета. Намъ не понравились въ ней только двѣ вещи: употребленіе извѣстныхъ учено-юридическихъ словечекъ и одно выраженіе, вмѣстѣ и скромное и хвастливое. Вотъ оно:

> Мы еще такъ молоды въ семъ случаѣ, такъ недовѣрчивы къ себѣ, хоть, можетъ быть, и съумѣли-бы кой-что сказать наперекоръ другимъ, что лучше позаимствуемся *отъинуду* (?), представимъ чужое, но, по насъ, дѣльное, чего не успѣли сами добыть, нежели, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ, пускать пыль въ глаза православнымъ.

Воля ваша, господа, а по нашему, такая скромность хуже хвастовства. Къ чему эти оговорки? Если знаете—говорите смѣло, не знаете — молчите. А то вы както невольно напоминаете русскаго человѣка съ бородкою, который почесывая у себя въ затылкѣ, съ лукаво-простодушнымъ видомъ говоритъ: „*гдѣ-ста намъ? мы дураки; вотъ ваша милость другое дѣло*“...

Статья „Взглядъ на Системы Философіи XIX вѣка во Франціи“ еще не кончена. До сихъ поръ, она можетъ обратить на себя вниманіе двумя, тремя идеями, совершенно современными, показывающими, что авторъ ея понимаетъ истины, еще для многихъ у насъ недоступныя. Проникнутый, или еще проникаемый духомъ новой философіи, онъ вѣрно судитъ (тамъ, гдѣ судитъ, а въ этой статьѣ сужденій немного) о попыткахъ французовъ примириться съ религіею. Онъ говоритъ, что Франціи недостаетъ знанія, совѣтуетъ ей

классѣ народа, будто онъ за *угломъ* поглаживаетъ свою бороду и *за угломъ* радъ похвастать своими *кулаками*, значитъ также мало знаетъ этотъ народъ, какъ Аустерлицкій мостъ, на которомъ нѣтъ *чугуна* ни звонкаго, ни глухаго, который весь былъ и есть деревянный. Впрочемъ вся выходка о *кулакѣ* въ критикѣ на „Аскольдову Могилу“ кажется мнѣ привязкою; въ оперѣ это роковое слово только одинъ разъ упомянуто. Это именно и есть доказательство ожесточенія противъ г. Загоскина. *Изд.* [478]).

болѣе ознакомиться съ Германіею, указываетъ на послѣдователей Гегеля, развившихъ его религіозныя идеи. „*Понять или умереть*"—вотъ законъ нашего вѣка, говоритъ онъ. Надобно однакожъ замѣтить, что, до сихъ поръ, въ этой статьѣ больше ссылокъ, нежели мыслей, что авторъ както не смѣлъ въ своихъ приговорахъ, что, не одобряя эклектизма, онъ все-таки слишкомъ снисходителенъ къ нему, что, наконецъ, языкъ его чрезвычайно тяжелъ. Но не смотря на все это, нѣсколько не мудреныхъ, но вѣрныхъ идей, заставляютъ насъ возложить на автора [480]) благія надежды: явная потребность и совершенный недостатокъ философическаго знанія въ Россіи должны поощрить его къ трудамъ, болѣе серьознымъ. Правда, занятіе философіею болѣе, нежели какою-нибудь другою наукою, требуетъ того, что называютъ *самозабвеніемъ;* но за то она больше нежели какая-нибудь другая наука даетъ на это средствъ: сладко забыться въ чистой идеѣ, посвятить себя на служеніе ей и воспитать другихъ для этого служенія. Немногіе одобряютъ эту жизнь для „*отвлеченностей*", но авторъ знаетъ, что̀ такое „*конкретное*". Настоящее понятіе о „конкретномъ" смиритъ порывы житейской суетности и убьетъ умствованія пошлаго „здраваго смысла", для котораго конкретное—навозъ и картофель [481]). Но повторяемъ: отъ человѣка, который выходитъ у насъ съ какимъ-нибудь намекомъ на свои философскія познанія, мы вправѣ требовать бо́льшаго, требовать труда *для насъ*, если еще не наступилъ часъ автору *труда для себя*. Поэтому, мы считаемъ эту статью эпизодомъ занятій автора, плодомъ досуга, которому онъ самъ, вѣрно, не придаетъ большаго значенія. Чтожъ касается до „Наблюдателя"—очевидно, эта статья въ немъ случайная и не должна имѣть мѣста въ сужденіи о немъ самомъ.

Вотъ все, что́ показалось намъ примѣчательнымъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, по части чисто литературной критики „Московскаго Наблюдателя", въ прошломъ году. Можетъ быть, мы что́-нибудь и пропустили: это ужъ не наша вина. Есть вещи, о которыхъ даже грѣшно говорить въ слухъ; и потому мы умалчиваемъ, напримѣръ, о статьѣ „не Выдержки, а почти Выдержки изъ Большихъ Записокъ о Прошлыхъ Временахъ" какого то г. Авенира-Народнаго [482]); только позволяемъ себѣ замѣтить, что эта статья вѣроятно взята „Наблюдателемъ" изъ „Покоющагося Трудолюбца", или „Парнасскаго Щепетильника", а можетъ-быть и изъ другого какого-нибудь допотопнаго журнала: въ наше время трудно найти человѣка, который могъ-бы написать такую статью, и еще труднѣе журналъ, который бы ее принялъ въ себя. И такъ оставляемъ пропущенное или недосмотрѣнное и обращаемся къ послѣдней статьѣ г. Шевырева, которая

должна объяснить намъ идею „Московскаго Наблюдателя" и цѣль его литературныхъ усилій.

Эта статья называется „Перечень Наблюдателя" и украшаетъ собою первый нумеръ этого журнала за нынѣшній годъ. Г. Шевыревъ начинаетъ ее признаніемъ, что читатели журнала настойчиво требуютъ библіографіи и оправдывается въ причинѣ невниманія къ ихъ требованію. Для этого онъ очень остроумно дѣлитъ этихъ читателей на три класса. Къ первому у него относятся тѣ, которые „съ невиннымъ чистосердечіемъ ввѣряютъ себя совѣсти журналиста" и требуютъ его мнѣнія о книгѣ, для рѣшенія простаго вопроса, купить ее, или нѣтъ? Ко второму, люди лѣнивые, которые книгъ не читаютъ, а судить о нихъ хотятъ. Къ третьему „люди движенія, люди безпокойные, которымъ не сидится на мѣстѣ", которые „не любятъ, чтобы на улицахъ было всегда смирно, чтобъ долго не случалось пожаровъ".

Читателей перваго разряда „Наблюдатель" не хотѣлъ удовлетворять потому, что онъ совершенно чуждъ всякихъ карманныхъ отношеній, и что оставаться въ накладѣ при покупкѣ книги есть достойное наказаніе для невѣжества. Мнѣніе очень благородное! Но мы имѣемъ на этотъ счетъ свое, которое если не такъ благородно, за то заключаетъ въ себѣ побольше здраваго смысла. Мы думаемъ, что литературный спекулантъ, наказывающій невѣжество контрибуціею за дурныя книги, ничѣмъ не честнѣе молодцовъ, которые наказываютъ разсѣянность зѣвакъ, лишая ихъ кошелька или часовъ; долженъ-ли-же журналистъ своимъ молчаніемъ способствовать успѣхамъ литературныхъ спекулантовъ?... Нѣтъ, по нашему простому, плебейскому мнѣнію, журналистъ долженъ поставить себѣ за священнѣйшую обязанность неусыпно преслѣдовать надувателей невѣжества, препятствовать успѣхамъ мѣлкой литературной промышленности, столь гибельной для распространенія вкуса и охоты къ чтенію. Онъ не долженъ забывать, что книги, особенно догматическія, пишутся для невѣждъ, что дурная книга сообщаетъ превратныя понятія и дѣлаетъ невѣжду еще невѣжественнѣе. Представьте себѣ степнаго провинціяла, который сроду ничего не читывалъ, кромѣ календаря и писемъ отъ своей родни и знакомыхъ, но который долженъ покупать книги для своихъ дѣтей, которые хотятъ все читать; кто будетъ его руководителемъ въ выборѣ книгъ? газетныя объявленія, или собственное соображеніе? А вѣдь эти дѣти принадлежатъ къ молодымъ поколѣніямъ, которыя должны нѣкогда явиться честными и способными дѣятелями па служеніи отечеству, а вѣдь направленіе ихъ дѣятельности зависитъ отъ книгъ, по которымъ они учатся; или которыя они читаютъ! Неужели-же и этѣ поколѣнія, юныя и жаждущія образованія, должны

наказываться за невѣжество своимъ отцовъ?... Нѣтъ, милостивые государи; люди просвѣщенные и образованные не столько нуждаются въ вашихъ совѣтахъ, сколько невѣжды; допускать спекулянтовъ издѣваться надъ невѣжествомъ, значитъ способствовать его усиленію; значитъ отвращать его отъ свѣта знанія, отъ блеска образованности. Мы глубоко убѣждены, что библіографія есть одно изъ важнѣйшихъ, необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ отдѣленій благонамѣреннаго журнала[483]), и что смѣяться надъ добродушною довѣрчивостію читателей къ своему журналу значитъ не имѣть къ себѣ уваженія. Если другіе журналы дѣйствуютъ недобросовѣстно, неблагонамѣренно, это не даетъ вамъ права самимъ ничего не дѣлать, это, напротивъ, должно васъ обязать къ усиленной дѣятельности. Читателей втораго разряда „Наблюдатель“ не хочетъ удовлетворять потому, что „его сотрудники не намѣрены никому навязывать своихъ мнѣній“. Вотъ прекрасно! да ктожъ васъ просилъ навязывать публикѣ свой журналъ, въ которомъ такъ много вашихъ-же мнѣній?... Читателей третьяго разряда „Наблюдатель“ не хочетъ удовлетворять потому, что „его критика никогда не угождала ихъ безпокойной страсти къ зрѣлищамъ всякаго рода“. Помилуйте—какъ никогда? А статьи противъ „Библіотеки для Чтенія“, противъ барона Брамбеуса! Если на нихъ не сбѣгались какъ на пожаръ, такъ это потому, что ихъ огонь горѣлъ слишкомъ тускло, давалъ больше дыму, чѣмъ поломя, а не потому, чтобы онѣ были писаны умѣренно и скромно. Воля ваша, а это тактика „Библіотеки“, которая каждый мѣсяцъ бранитъ полемику, упрекаетъ за нее другіе журналы, и въ тоже время сама ругается очень неблагопристойно... Нѣтъ — этѣхъ причинъ намъ недостаточно — мы нашли другую: библіографія дѣло очень хлопотное, съ нею каждый день наживаешь по врагу, который готовъ вредить вамъ и клеветою и всѣми средствами; благоразумное-же молчаніе избавляетъ отъ этѣхъ непріятностей; и вотъ причина, почему „Наблюдатель“ не хочетъ отдавать публикѣ отчета въ новыхъ книгахъ. Оно и лучше!... Но всего забавнѣе, послѣ этихъ объясненій, встрѣтить слѣдующія строки:

Несмотря на это, должно говорить подробно почти обо всѣхъ произведеніяхъ литературы нашей, потому-что этого требуютъ. Всякая книга есть для публики вопросъ, на которой ожидаютъ отвѣта въ журналѣ. Публика не любитъ оставаться въ недоумѣніи; она не любитъ умолчаній, или недомолвокъ. Дѣло журнала — угождать иногда ея слабостямъ.

Вотъ въ этомъ мы согласны съ авторомъ статьи; но чему-же должно вѣрить въ его словахъ: первому или послѣднему? не умѣемъ отвѣчать на этотъ мудреный вопросъ. Видно, у всякаго своя логика, видно дважды два иногда бываетъ три, а иногда и четыре?...

Вслѣдствіе этой прекрасной логики, г. Шевыревъ обѣщается давать публикѣ отчетъ въ нѣкоторыхъ книгахъ и начинаетъ съ „Князя Скопина Шуйскаго", романа, написаннаго дамою [1]).

Отчетъ въ этомъ произведеніи начинается сожалѣніемъ г. Шевырева о томъ, что наши дамы принимаютъ мало участія въ литературныхъ трудахъ, что наша словесность есть общество слишкомъ исключительно мужское, отчего „обхожденіе и разговоръ въ сословіи литераторовъ отзывается *до нестерпимаго* (?) трубкою и пуншемъ". Въ самомъ дѣлѣ, это очень жаль, но къ счастію бѣду еще можно поправить: г. Шевыревъ нашелъ для этого вѣрное средство: „Появленіе многихъ дамъ въ сословіи писателей, говоритъ онъ, могло-бы имѣть, какъ я думаю, полезное вліяніе на общежитіе и нравы нашей литературы". Можетъ-быть, это справедливо, только мы не понимаемъ, что̀ такое „общежитіе и нравы литературы?" Притомъ, развѣ литература гостинная, развѣ она не цвѣтъ цѣлой цивилизаціи народа, не результатъ историческаго развитія всей его жизни?... Развѣ въ литературѣ требуется что-нибудь другое, кромѣ изящества, учености, достоинства и развѣ этѣ качества зависятъ не отъ таланта и генія, а отъ любезности писателей?... Развѣ тамъ, гдѣ женщины-писательницы толпами являются въ литературѣ, нѣтъ пошлыхъ и дикихъ поэтовъ, нѣтъ невѣжливыхъ и криводушныхъ журналистовъ?... Но я вижу, что моимъ „развѣ" конца не будетъ... А! вотъ въ чемъ дѣло! Изъ нашей литературы хотятъ устроить бальную залу и уже зазываютъ въ нее дамъ, изъ нашихъ литераторовъ хотятъ сдѣлать свѣтскихъ людей въ модныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, энергію хотятъ замѣнить вѣжливостію, чувство приличіемъ, мысль модною фразою, изящество щеголеватостію, критику комплиментами; короче — къ намъ снова зовутъ восьмнадцатый вѣкъ, этотъ золотой вѣкъ свѣтской (*profane*) литературы, этотъ вѣкъ Лагарповъ и Баттё, когда въ трагедію допускались не люди, а выше чѣмъ люди, когда въ нее могъ попасть только полубогъ, или герой, или, по крайней мѣрѣ, герцогъ и баронъ, что̀ конечно не меньше; когда лицо трагедіи должно было говорить не иначе, какъ принявши важную осанку, выступивъ ногою, вытянувъ руку, и непремѣнно высокимъ паркетнымъ слогомъ! А! такъ вотъ почему намъ съ нѣкотораго времени такъ часто толкуютъ о какихъ-то „свѣтскихъ" повѣстяхъ и „свѣтскихъ" романахъ!... Такъ вотъ гдѣ скрывалась задушевная идея, которую съ такимъ жаромъ развиваетъ „Наблюдатель"? Признаюсь, есть изъ чего и хлопотать! Но посмотримъ, что̀ дальше.

---

[1]) Этотъ романъ, самъ по себѣ, весьма замѣчателенъ; онъ имѣетъ большія достоинства [484]).

Дальше слѣдуетъ вторичное воззваніе къ дамамъ, вторичное приглашеніе дамъ взяться за перо и приняться за „свѣтскій романъ". И такъ — *place aux dames*!...

Я думалъ-бы скорѣе, что романъ „свѣтскій" будетъ областью женщины. Современное общество—это ея царство, ея жизнь; здѣсь утонченный взглядъ ея и вѣрное чувство могли-бы уловить такія краски и оттѣнки на картинѣ общества, которые всегда останутся недоступны для насильственныхъ пріемовъ писателя мужчины. У женщинъ есть этотъ особенный органъ „свѣтскаго" осязанія, передъ которымъ тупы чувства мужскія. Такимъ романомъ, я думаю, женщина могла-бы имѣть благотворное вліяніе и на наше общество.

Убѣдились-ли вы этими неопровержимыми доводами? — Я убѣдился, и теперь отъ души взываю „*place aux dames*!" Но я иду еще дальше, я не могу остановиться на одной литературѣ, потому-что въ данномъ случаѣ вліяніе женщинъ на наше общество все-таки будетъ слишкомъ односторонне и слабо. Если наше общество должно быть обязано своимъ образованіемъ не ученымъ и литераторамъ, не таланту, не генію, не наукѣ, не тяжкому труду избранниковъ, а женщинамъ—то было-бы слишкомъ несправедливо такъ ограничивать поприще ихъ дѣятельности: для такой высокой цѣли нужна полная эманципація женщины. Полумѣры ни куда не годятся, съ золотою серединою не далеко уйдешь. И такъ я составилъ свой собственный проэктъ касательно улучшенія нашего общества: онъ прекрасенъ, но первоначальная идея его все-таки принадлежитъ не мнѣ, а г. Шевыреву, слѣдовательно ему честь и слава, а мнѣ хоть спасибо. Вотъ въ чемъ состоитъ мой проэктъ. Наши дамы начнутъ писать „свѣтскіе" романы; но онѣ не должны и не могутъ остановиться на этомъ: таково свойство человѣческаго генія, онъ идетъ все впередъ. И такъ, дамы примутся со-временемъ и за историческій романъ; но чтобы писать историческіе романы, надо знать исторію, а исторія наука; и такъ вотъ шагъ въ область науки! Но наука одна, науки суть не что иное, какъ искусственныя ея подраздѣленія; науки смежны, соприкосновенны другъ къ другу; исторіи не льзя знать безъ археологіи, хронологіи, географіи, географія непонятна безъ математики, математическая географія такъ близка къ астрономіи, физическая, къ естествознанію. И такъ почему-бы дамамъ нашимъ не пуститься и въ науку, тѣмъ болѣе, что этотъ переходъ естественъ, что отъ „свѣтскаго" романа до философіи нѣтъ скачка?... Особенно имъ слѣдовало-бы заняться математикою: какія благотворныя слѣдствія повлекло-бы это за собою? Математики всѣ люди угрюмые, нелюбезные, и часто очень грубые! Что́ еслибы дамы стали съ каѳедръ преподавать всѣ знанія человѣческія! О, съ какою бы жадностію слушали ихъ студенты, какъ-бы смягчились университетскіе нравы, какіе успѣхи оказало-бы просвѣщеніе въ Россіи!

И такъ гг. профессоры всѣхъ четырехъ факультетовъ, неисключая и медицинскаго, будьте догадливы и вѣжливы — *place aux dames!*... Но науки соприкасаются съ жизнію и практика въ преподаваніи иногда замѣняетъ теорію — такова наука правъ; почему-жъ-бы дамамъ не заняться судопроизводствомъ не въ однихъ тѣсныхъ предѣлахъ аудиторій, но и въ судилищахъ, почему-бы имъ не быть сенаторами, предсѣдателями, совѣтниками?... Какое-бы благотворное вліяніе оказалось тогда надъ нашимъ обществомъ! Кончилось-бы взяточничество, по-крайней-мѣрѣ деньгами, ябеда превратилась-бы въ сплетни, съ просителями обращались-бы вѣжливо, съ подсудимыми кротко... А почему-жъ-бы дамамъ не заняться и военною службою, которая больше всѣхъ нуждается въ умягченіи нравовъ и урокахъ общежитія?... Здѣсь ужъ я и не въ силахъ вычислить всѣхъ благотворныхъ вліяній на общество: какое войско не одержитъ побѣды, когда имъ будетъ командовать прекрасная дама въ образѣ Беллоны; какая война не будетъ человѣколюбива, кротка, когда будетъ вестись дамами, какіе солдаты не сдѣлаются вѣжливыми, деликатными и ловкими, повинуясь такимъ милымъ начальникамъ?... Конечно, можетъ-быть, отъ этого пострадаетъ дисциплина, поразстроится порядокъ, потому-что начальство иногда будетъ манкировать своей должности, занятое балами, нарядами, а иногда и скованное такими обстоятельствами, въ которыхъ виновата одна природа, и именно природа дамская, но вѣдь и мущины подвергаются болѣзнямъ и на природу нѣтъ апелляцій...

Я, право, не шучу. Литературные сен-симонисты намъ говорятъ, что женщина имѣетъ право писать, потому-что она человѣкъ; что она обладаетъ тѣмиже способностями, какъ и мущина; политическіе сен-симонисты опираются на томъже, доказывая, что женщина должна и имѣетъ право заниматься общественными должностями. Такъ какъ я согласенъ съ первыми, то ужъ естественно не могу не согласиться со вторыми. Въ противномъ случаѣ, я показалъ-бы, что во мнѣ нѣтъ логической послѣдовательности здраваго смысла, а я имѣю большія претензіи на здравый смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эманципація, то ужъ полная, а то не изъ чего и хлопотать. И такъ — гг. поэты, литераторы, профессоры, судьи, генералы! будьте догадливы, будьте вѣжливы: *place aux dames!*... [485]).

Послѣ этой глубокой и прекрасной мысли, г. Шевыревъ очень занимательно изслѣдываетъ важный вопросъ о томъ: можетъ-ли дама успѣть въ историческомъ романѣ, кромѣ „свѣтскаго“: по его теоріи выходитъ, что не можетъ, но опытъ разувѣрилъ его въ этомъ. Въ извѣстномъ романѣ г-жи Коттенъ „Матильда и Крестовые Походы“, въ этомъ романѣ, который, ужъ мѣсяца два читаетъ мой камерди-

неръ [486]) и не можетъ нахвалиться, г. критикъ не видитъ большаго историческаго достоинства, потому что въ немъ „чувство и воображеніе господствуетъ надъ исторіею"; онъ не могъ иначе оцѣнить геніяльнаго произведенія г-жи Коттенъ и по другой еще причинѣ; но послушаемъ его самаго.

У меня-же была еще въ свѣжей памяти эта чудная „Елена" мисъ Эджевортъ, это созданіе нѣжное, идеалъ британской женщины. Я помню, какъ читая этотъ романъ, я, казалось, жилъ въ лучшемъ обществѣ, гдѣ и мысли и чувства становились благороднѣе, гдѣ узнавалъ я силу каждаго слова въ общежитіи и научался его взвѣшивать. Прочитавъ „Елену", я какъ-то почувствовалъ себя лучше; во мнѣ прибыло какой-то нравственной силы для того, чтобы дѣйствовать въ обществѣ *(какомъ? ужъ, вѣрно, въ свѣтскомъ!)*. Вотъ слѣдствіе „свѣтскаго" романа, написаннаго перомъ „геніяльной" женщины. *(Въ самомъ дѣлѣ, удивительное слѣдствіе!)*. Такимъ романомъ воспитывается общество *(какое—свѣтское?)*, и литература *(какая—свѣтская?)* сильно подвигаетъ его нравственный успѣхъ.

Г. Шевыревъ говоритъ все это не шутя; и я поговорю насчетъ этого безъ шутокъ. Я не возстаю противъ того, что онъ еще не забылъ „Матильды" г-жи Коттенъ, давно уже перешедшей изъ гостиной къ переднюю и дѣвичью: есть что̀-то умилительное въ защитѣ слабаго, что̀-то рыцарское въ покровительствѣ тому, что̀ всѣми признано за нелѣпость; но миссъ Эджевортъ [487]) не требуетъ особенной защиты: ея романы извѣстны всей Европѣ и превозносятся до небесъ барономъ Брамбеусомъ. Я не отрицаю, что представители дѣвичьей и передней могутъ становиться благороднѣе и возвышеннѣе въ своихъ чувствахъ и мысляхъ не только отъ „Матильды" или „Елены", но и отъ Курганова „Письмовника" и романовъ Александра Анфимовича Орлова, но я, собственно я, а не кто-нибудь другой, могу возвышаться душою только отъ художественныхъ, а не „свѣтскихъ" романовъ. Художественный и „свѣтскій» не суть слова однозначущія также какъ дворянинъ и благородный человѣкъ. Художественность доступна для людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, если у нихъ есть умъ и чувство; „свѣтскость" есть принадлежность касты. Художественность есть творчество, а творчество изображаетъ человѣка съ его страстями, его порывами къ добру и злу, его радостями и страданіями; „свѣтскость" же уничтожаетъ страсти, порывы, радости и горести, она подводитъ все это подъ уровень посредственности, равнодушія, ничтожности и скуки. Я этѣмъ совсѣмъ не думаю доказывать, чтобы между людьми высшаго общества не было людей съ душою и сердцемъ, людей съ талантомъ и доблестію: подобная мысль въ наше время была-бы жалкимъ и смѣшнымъ анахронизмомъ. Я говорю не о „свѣтскихъ" людяхъ въ частности; а о „свѣтскомъ" обществѣ вообще, гдѣ умолкаетъ умъ, боясь оскорбить своимъ превосходствомъ глупость,

гдѣ притаивается чувство, боясь оскорбить приличіе, гдѣ самый геній спѣшитъ принять на себя видъ посредственности и ничтожества, чтобъ не показаться смѣшнымъ и страннымъ. „Свѣтскость" еще сходится съ образованностію, которая состоитъ въ знаніи всего по немножку, но никогда она не сойдется съ наукою и творчествомъ: то и другое необходимо должно изсушиться и обмѣлѣть, жертвуя своимъ временемъ на выполненіе ея ничтожныхъ условій, дыша несвойственною ему атмосферою. Аристократія таланта не есть аристократія общества: Шекспиръ не на паркетѣ пріобрѣлъ свой мірообъемлющій взглядъ на человѣческую природу: Шиллеръ не на паркетѣ нашелъ небо и рай своихъ божественныхъ видѣній, которыя онъ передалъ намъ подъ человѣческими именами Амалій, Луизъ, Теклъ. Карловъ, Фердинандовъ, Позъ, Максовъ, Телей. Романъ долженъ быть изображеніемъ человѣческой жизни, а не паркетныхъ сплетней. и только идея человѣческой жизни, а отнюдь не идея паркетныхъ сплетней, можетъ возвысить и облагородить *человѣческую* душу. Романъ миссъ Эджевортъ „Елена" есть не что иное какъ пошлая рама для выраженія пошлой мысли, что „дѣвушка не должна лгать и въ шутку", есть пятитомный и убійственно-скучный сборъ ничтожныхъ нравоученій гостинной. Говорятъ, что главное достоинство этого романа состоитъ въ вѣрномъ изображеніи всѣхъ тонкостей, всѣхъ оттѣнковъ высшаго англійскаго общества, недоступныхъ для непосвященныхъ въ таинства гостиныхъ. Если это такъ, то тѣмъ хуже для романа. Я человѣкъ не свѣтскій, слѣдовательно не могу понять свѣтской стороны романа, но я всегда могу понять его человѣческую и его художественную сторону. Въ какихъ-бы формахъ ни проявлялась человѣческая жизнь, она понятна всегда и для всѣхъ; потому что преходяща форма, но вѣчна идея эстетическаго творенія. Прометей Эсхила, прикованный къ горѣ, терзаемый коршуномъ и съ горделивымъ презрѣніемъ отвѣчающій на упреки Зевеса, есть форма чисто-греческая, но идея непоколебимой человѣческой воли и энергіи души, гордой и въ страданіи, которая выражается въ этой формѣ, понятна и теперь: въ Прометеѣ я вижу человѣка, въ коршунѣ страданіе, въ отвѣтахъ Зевесу мощь духа, силу воли, твердость характера. Какое мнѣ дѣло, что у индійцевъ въ дѣла человѣческія вмѣшиваются боги и духи: это мнѣ нисколько не мѣшаетъ понимать Сакунталу: я оставляю въ сторонѣ все индійское и вижу одно человѣческое, а это человѣческое равно и одинаково и у индійцевъ, и у русскихъ, и у нѣмцевъ. Почему-жъ я не понимаю „свѣтскаго" въ романѣ миссъ Эджевортъ?—Потому что въ немъ нѣтъ ни чего человѣческаго, слѣдовательно ничего и художественнаго. Читая этотъ романъ, я невольно твержу стихи поэта:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

А я могу повѣрить этому поэту: онъ знаетъ свѣтъ не по слуху. Еще хорошо-бы, еслибы миссъ Эджевортъ представила мнѣ свѣтъ, такъ какъ онъ есть, въ сходствѣ съ этимъ изображеніемъ, которое сдѣлано человѣкомъ, тоже знающимъ свѣтъ не по слуху:

Между толпами бродятъ разныя лица, подъ веселый напѣвъ контраданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ: здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія [488]).

Вотъ поэтическая сторона большаго свѣта, которую я очень люблю въ художественномъ представленіи; миссъ Эджевортъ уловила только одну ничтожность и скуку большаго свѣта, и потому, просимъ не взыскать, ея романъ намъ кажется и пошлымъ, и безталаннымъ, и ничтожнымъ, ни чѣмъ не выше дряхлыхъ романовъ госпожъ Коттенъ и Жанлисъ. Мы не вѣримъ, чтобъ были такія души, которыя-бы могли возвышаться отъ „Елены“ миссъ Эджевортъ или отъ романовъ дѣвицы Маріи Извѣковой.

Переходя къ „Вастолѣ“ [489]), г. Шевыревъ удивляется, какъ могутъ быть такіе люди, которые сомнѣваются: Пушкина-ли это поэма или нѣтъ. А чтó-жъ тутъ удивительнаго, если смѣемъ спросить? На поэмѣ стоитъ имя Пушкина: для меня этого довольно, чтобъ имѣть право приписать ему эту поэму. Вы говорите, что Пушкинъ не въ состояніи написать такого дурнаго произведенія: а почему-жъ такъ! Вѣдь онъ написалъ-же „Анжело“ и нѣсколько другихъ плохихъ сказокъ? Да и какихъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ? Погодите, можетъ-быть Пушкинъ подаритъ насъ еще и октавами изъ Тасса. Г. Шевыревъ негодуетъ на „Библіотеку“ за то, что она „завлекательно объявила, что Пушкинъ воскресъ въ этой поэмѣ“ (какъ будтобы кто-нибудь сомнѣвался въ жизни его таланта) — а кто-жъ, смѣемъ спросить, не сомнѣвался въ этомъ?... Развѣ только одинъ „Московскій Наблюдатель“, и то потому, что Пушкинъ принадлежитъ къ числу его сотрудниковъ? Равнымъ образомъ, мы не видимъ ничего предосудительнаго и въ томъ, что „Библіотека“ стала укорять Пушкина въ томъ, что онъ издалъ такое произведеніе: если позволительно упрекать книгопродавцевъ за изданіе дурныхъ книжонокъ, то почему-же поэтъ долженъ быть свободенъ отъ этого упрека?..

Издать дурную поэму — въ волѣ всякаго, кто имѣетъ лишнія деньги. Отчего-же отнимать это право и у Пушкина? Читатель, понимающій толкъ въ поэмахъ,

развернувъ книгу, угадаетъ, что поэма не Пушкина, и не купитъ ея. Тотъ-же, который не отгадаетъ, пусть купитъ: невѣжеству только и наказанія, что остаться въ накладѣ.

Хороша мораль — нечего сказать! Можетъ-быть въ свѣтѣ надувать кого-бы то ни было, хотя-бы и невѣжество, почитается нравственнымъ? Мы этого не знаемъ; мы люди простые, не свѣтскіе, и обманъ почитаемъ во всякомъ случаѣ дѣломъ предосудительнымъ. Притомъ-же вспомните о провинціялахъ, между которыми есть и не невѣжды, но которые не имѣютъ возможности развернуть книги, не выписавши ея сперва и не заплативши за нее впередъ деньги; для нихъ достаточно имени великаго и перваго поэта русскаго, чтобъ не имѣть никакого подозрѣнія въ обманѣ...

Потомъ г. Шевыревъ говоритъ о „Пѣсняхъ" г. Тимофеева и высказываетъ обиняками, что онѣ не имѣютъ никакого достоинства и не стоятъ вниманія. Это очень справедливо, но насъ удивляютъ слѣдующія строки:

Мы готовы думать, что этѣ пѣсни принадлежатъ не тому-же автору, котораго имя встрѣчали мы подъ нѣкоторыми пріятными статьями въ прозѣ...

Что̀ это такое? Это — „свѣтскій" комплиментъ! Г. Тимофеевъ такой-же прозаикъ, какъ и поэтъ, но онъ недавно помѣстилъ въ „Наблюдателѣ" статейку своей работы „Любовь Поэта". А — понимаемъ!..

Отъ г. Тимофеева г. Шевыревъ переходитъ къ книгѣ Сильвіо Пеллико „о Должностяхъ Человѣка". переведенной въ Одессѣ г. Хрусталевымъ. Читателямъ „Телескопа" извѣстно наше мнѣніе объ этой книгѣ [490]). Сильвіо Пеллико много страдалъ и страдалъ съ тѣмъ рѣдкимъ терпѣніемъ, которое свойственно только или слишкомъ сильнымъ или слишкомъ слабымъ душамъ. Не беремся рѣшать, къ которой изъ этѣхъ двухъ категорій относится Сильвіо Пеллико, однако думаемъ, что душа сильная могла-бы вынести изъ своего заключенія что-нибудь посильнѣе и поглубже дѣтскихъ разсужденій о томъ, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, этѣ старыя истины онъ предлагаетъ своимъ добродушнымъ читателямъ и почитателямъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, отъ чистаго сердца, но отъ этого его книга ничуть не лучше. Г. Шевыревъ говоритъ, что Сильвіо Пеллико имѣлъ право говорить общія мѣста и преподавать сухіе, произвольно-догматическіе уроки, послѣ столькихъ страданій и послѣ своей книги „Prigioni"; не споримъ, у всякаго свой взглядъ на вещи, а, по-нашему, общія мѣста — всегда общія мѣста, кѣмъ-бы онѣ ни были сказаны, честнымъ человѣкомъ, или негодяемъ. За тѣмъ г. Шевыревъ приводитъ нѣсколько страницъ изъ книги Пеллико: этѣ выписки всего лучше могутъ оправдать *наше* мнѣніе объ этой книгѣ.

Статья заключается разборомъ „Записокъ Титулярнаго Совѣтника Чухина“ г. Булгарина. Въ этомъ разборѣ г. Шевыревъ очень мило и храбро нападаетъ на г. Булгарина за его невѣжливость къ дамамъ. Какъ счастливы наши дамы! Сколько у нихъ ревностныхъ защитниковъ и почитателей! За нихъ сражаются, имъ служатъ и въ журналахъ и въ вѣдомостяхъ!.. Дѣло вотъ въ чемъ: г. Булгаринъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего предисловія, что „женщины нѣжнѣе, сострадательнѣе, великодушнѣе мужчинъ“, а четырьмя страницами выше такимъ образомъ объясняетъ, почему литературный умъ не можетъ ужиться съ обществомъ: „А дамы? о дамахъ я ничего не смѣю говорить. *Place aux dames!* — Вѣдь умныхъ любятъ только умные люди, слѣдовательно литературному уму и тѣсно и душно въ свѣтскихъ обществахъ“. Чтò бы, кажется, дурнаго въ этой мысли? По нашему сужденію, эта мысль есть аксіома и, безсомнѣнія, лучше всего романа г. Булгарина. Но не такъ смотритъ на это дѣло г. Шевыревъ; послушайте, чтò онъ говоритъ:

> Каковъ комплиментъ и свѣтскому обществу и въ особенности дамамъ, которыя составляютъ лучшую часть его! Послѣ этого вѣрьте автору, когда онъ превозноситъ женщинъ... Мы не знаемъ, когда изъ-подъ его пера капаетъ правда, но здѣсь видимъ что-то въ родѣ чернильнаго пятна или неучтивости.

Послѣ этого, разумѣется, роману г. Булгарина достается порядкомъ. Намъ самимъ этотъ романъ кажется очень плохимъ и плоскимъ произведеніемъ, только по другой причинѣ: вслѣдствіе отсутствія таланта въ авторѣ, а не вслѣдствіе его неуваженія къ прекрасному полу. Мы тоже очень уважаемъ прекрасный полъ, но защищать его не намѣрены, потому что и въ одномъ князѣ Шаликовѣ онъ имѣетъ очень сильнаго защитника; чтò-же говорить о другихъ...

Слава Богу! наконецъ-то я добрался до идеи „Наблюдателя“! Онъ хлопочетъ не о распространеніи современныхъ понятій объ изящномъ; теорія изящнаго не входитъ въ него, искусство у него въ сторонѣ; онъ старается о распространеніи свѣтскости въ литературѣ, о введеніи литературнаго приличія, литературнаго общежитія; онъ хочетъ, во что бы то ни стало, одѣть нашу литературу въ модный фракъ и бѣлыя перчатки, ввести ее въ гостиную и подчинить зависимости отъ дамъ; цѣль истинно похвальная: кто не поревнуетъ ей! По крайней-мѣрѣ, теперь мы знаемъ, о чемъ хлопочетъ „Наблюдатель“, какая его идея, по-крайней-мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что онъ имѣетъ значеніе и смыслъ: а я только этого и добивался, и только чрезъ первый нумеръ его на нынѣшній годъ добился этого. Упреди я моею статьею послѣднюю статью г. Шевырева — и идея „Наблюдателя“ осталась-бы для всѣхъ тайною.

Пріятно думать, что теперь наши журналы издаются если не съ мыслію, то съ смысломъ, опредѣленнымъ и яснымъ. Хорошо-ли, дурно-ли— (не смѣю и не имѣю права судить объ этомъ) — „Телескопъ" и „Молва" хлопочутъ объ искусствѣ и литературѣ въ чисто-литературномъ смыслѣ, безъ постороннихъ цѣлей. „Московскій Наблюдатель" проповѣдуетъ свѣтскость и элегантность въ литературѣ, смотритъ на искусство и литературу съ свѣтской точки зрѣнія. „Библіотека для Чтенія" развиваетъ ту мысль, что умозрительныя знанія и все, проникнутое идеею, не только безполезно, но и вредно, что нѣмецкая философія—бредъ, что только положительныя, фактическія знанія еще годятся на что-нибудь, что ничему не должно учиться, что для того, чтобы все знать, довольно выписывать „Библіотеку для Чтенія" и „Энциклопедическій Словарь". „С. Пчела" и „Сынъ Отечества" одни чужды всякой мысли и даже всякаго смысла; но и у нихъ есть цѣль, опредѣленная и постоянная, это — подписчики...

Мнѣ-бы слѣдовало еще поговорить о переводныхъ критическихъ статьяхъ „Московскаго Наблюдателя"[1]), но это совсѣмъ безполезно, потому-что онѣ нисколько не гармонируютъ съ цѣлію этого журнала. Тамъ, въ западной Европѣ, свѣтскость не новость, рыцарство даже и литературное, давно уже сдѣлалось пошлостью. Но у насъ—другое дѣло; мы еще недавно надѣли бѣлыя перчатки, и потому ходимъ поднявши руки вверхъ, чтобъ всѣ ихъ видѣли; мы еще недавно перемѣнили охабень на фракъ, и потому безпрестанно охорашиваемся и оглядываемъ себя со всѣхъ сторонъ; мы еще недавно перестали бить нашихъ женъ и пляску вприсядку перемѣнили на танцы, и потому кричимъ громко „*place aux dames*", какъ-бы похваляясь своею вѣжливостью, и танцуемъ французскую кадриль съ такою важностію, какъ будто городъ беремъ... Это явленіе понятное и необходимое, но, кажется, уже и у насъ пора-бы ему сдѣлаться анахронизмомъ... Говоря безъ шутокъ, оно и есть анахронизмъ, смѣшный и жалкій...

Въ заключеніе почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о странномъ и опасномъ положеніи человѣка, который у насъ судитъ о чемъ-бы то ни было, и судитъ не въ пользу судимаго. „Скажи правду — потеряй дружбу": мудрая пословица. У насъ особенно всѣ авторитеты щекотливы и притязательны, точь-въ-точь мѣлкіе уѣздные чиновники. У насъ еще важность авторитета опредѣляется не заслугою, а выслугою, не достоинствомъ, а лѣтами. Кто началъ свое литературное поприще съ *двадцатыхъ годовъ* и началъ его надутыми

---

[1]) Изъ нихъ примѣчательна въ особенности статья Низара о Викторѣ Гюго.

стишками, продолжалъ журнальными статейками—тотъ уже авторитетъ, тотъ уже смотритъ на человѣка, осмѣлившагося сказать ему правду, какъ на буяна, приставшаго къ нему на улицѣ... Но всего горестнѣе, что у насъ еще не могутъ понять того, что можно уважать человѣка, любить его, даже быть съ нимъ въ знакомствѣ, въ родствѣ—и преслѣдовать постоянно его образъ мыслей, ученый или литературный; всего досаднѣе, что у насъ не умѣютъ еще отдѣлять человѣка отъ его мысли, не могутъ повѣрить, чтобы можно было терять свое время, убивать здоровье и наживать себѣ враговъ изъ привязанности къ какому-нибудь задушевному мнѣнію, изъ любви къ какой-нибудь отвлеченной, а не житейской мысли... Но какая нужда для этого? Развѣ должно прибѣгать къ божбѣ для увѣренія въ чистотѣ и безкорыстіи своихъ дѣйствій? Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія? Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служитъ ей?... О нѣтъ! пусть толкуютъ ваши дѣйствія, кому какъ угодно; пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли: но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ—идите впередъ, и да не совратятъ васъ съ пути ни разчеты эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни боязнь непріязни людской, ни обольщенія ихъ коварной дружбы, стремящейся въ замѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ лишить васъ лучшаго вашего сокровища—независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ!... [491]).

В. Бѣлинскій.

207. Просодическая реформа [492]). Между тѣмъ какъ англичане съ такимъ участіемъ и уваженіемъ говорятъ о нашей новой обсерваторіи, между тѣмъ какъ Куперъ пишетъ сатиры на политическія теоріи, а г-жа Лебренъ—портреты знаменитыхъ людей XVIII вѣка,—и мы, Москвичи, не остаемся безъ дѣла. Въ первой іюльской книжкѣ „Московскаго Наблюдателя“ громко возвѣщена реформа... въ русской просодіи. Авторъ остроумно рѣшаетъ нѣкоторые затруднительные вопросы. Знаете ли отчего замолкли поэты на Руси?—„Ихъ нѣтъ“, скажете вы. Неправда! это тишина передъ бурею: „они спятъ на лирахъ“, а пока они спятъ, „Московскій Наблюдатель“ навяжетъ имъ потихоньку другія струны, разбудитъ ихъ своими октавами, и они запоютъ... Васъ плѣняютъ стихи Пушкина! вы думаете, что они воспитали поэтическое чувство на Руси? стыдитесь! Они гладки, звучны; а это худо—они изнѣжили, разслабили нервы вашего слуха! Чтобы помочь этой бѣдѣ, явится переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“—съ шумомъ и скрипомъ потянутся передъ вами неслыханныя октавы. Но не затыкайте ушей ради Бога! это для вашей же пользы!

слухъ вашъ окрѣпнетъ такъ, что не только вынесетъ, полюбитъ стихъ Тредьяковскаго! вы избавитесь отъ многихъ горькихъ ощущеній, вы пріобрѣтете міръ наслажденій... подумайте... цѣлая „Телемахида“! Только потерпите: „терпѣніе горько, но плодъ онаго сладокъ“! Новое поколѣніе! — реформаторъ взываетъ къ тебѣ, откликнись на высокое воззваніе его октавою... Достойное новое поколѣніе, если оно займется преобразованіемъ нашей просодіи! въ нашъ вѣкъ какіе интересы могутъ быть выше? Смотрите! можетъ-быть, явится эпическая поэма! Эманципація женскимъ стихамъ! Полно имъ ходить объ ручку съ мужскими! По восьми, по шестнадцати свиваются они въ хороводы и поютъ въ одинъ голосъ! Ждите эпической поэмы съ итальянскою просодіей! Новое поколѣніе! Помоги!

Примѣчанія ко II тому.

1) «Телескопъ» 1833 г. № 23. Цензурн. разрѣшеніе отъ 7 ноября 1834 г. и 15 мая 1835 года (удовлетвореніе подписчиковъ за 1833 годъ растянулось на $1^1/_2$ года), стр. 297—328 и № 24, стр. 423—448. Переводъ нигдѣ не указанъ.

Нельзя сказать, чтобы переводъ былъ особенно удаченъ. Въ немъ много промаховъ: «послѣ *продолжительного* получаса»; «пьянѣе англійск*ой* каютъ-юнги, идущ*ей* изъ Индіи»; «прыгаемъ подъ гальваническимъ *штемпелемъ* (pile) золотой кучи»—слѣдовало сказать—подъ гальваническимъ (Вольтовымъ) столбомъ; нѣмецкая пѣсенка на стр. 5 переведена неточно (слѣдовало: мой любезный—всадникъ, всадникомъ долженъ быть онъ; конь принадлежитъ Императору, а всадникъ мой); «дождь синихъ *кордоновъ*» (на самомъ дѣлѣ: кавалеровъ въ орденахъ); «въ *блазонической матеріи*» (слѣдовало: въ геральдикѣ); «закутанная огромнымъ *катоганомъ*» (прическа 18 в.) и мн. др.

Для характеристики политическаго міросозерцанія переводчика имѣетъ значеніе то, что онъ оставилъ нетронутой злобную выходку противъ идей 18 вѣка въ началѣ IV главы (стр. 9).

2) «Телескопъ» 1833 г., № 22 и 23. Не воспроизводимъ статьи, потому что начало (въ № 22) перевода вовсе не подписано, а подъ концемъ (въ № 23) подписано: съ фр. *В. В.* Но думается, что это опечатка вмѣсто *В. Б.* потому что сотрудника «Телескопа» съ фамиліею на *В.* мы не знаемъ.

3) «Молва» 1834 г. № 45, стр. 292—295. Цензурное разрѣшеніе отъ 10 ноября 1834 г.

4) «Молва» 1834 г. № 47, стр. 322—330 и № 48 стр. 341—353, цензурн. разрѣшеніе отъ 23 ноября и 30 ноября 1834 г.

Эта рецензія является предварительною работою для появившейся 3 годами позже грамматики Бѣлинскаго и показываетъ, какъ долго подготовлялъ онъ свой трудъ. Разбираемаго автора, съ которымъ Бѣлинскій воюетъ—Ивана Ѳедоровича Калайдовича не слѣдуетъ смѣшивать съ его братомъ—извѣстнымъ археографомъ и филологомъ Константиномъ Ѳедоровичемъ Калайдовичемъ.

Любопытно, что Иванъ Калайдовичъ въ «Телескопѣ» же обратилъ на себя вниманіе обширнымъ разборомъ грамматики Востокова (1831 г. т. V). Вышучиваніе рецензента, пишущаго разборъ грамматики NN и затѣмъ заявляющаго, что онъ и самъ пишетъ грамматику, представляетъ собою прямое пародированіе отвѣта Калайдовича на «Антикритику» Востокова, заканчивающагося такъ: «Въ заключеніе моего отвѣта я прошу г. Востокова заплатить мнѣ равнымъ, то-есть, *строгимъ, но безпристрастнымъ* разборомъ грамматики моей, которую надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени». («Телескопъ» 1832 г., т. VII, стр. 130).

Бѣлинскій незаслуженно рѣзко отнесся къ Калайдовичу. Такой высокій авторитетъ, какъ Востоковъ, весьма пренебрежительно отнесшійся къ отзыву Полевого о своей грамматикѣ, къ критикѣ Калайдовича отнесся весьма почтительно и свой отвѣтъ ему заканчиваетъ такъ: «Справедливыми замѣча-

ніями рецензента о недостаточности моего синтаксиса и новымъ ученіемъ его о періодахъ постараюсь воспользоваться, когда займусь передѣлкою моей грамматики. Желалъ бы я также услышать мнѣніе его о послѣднихъ двухъ частяхъ сей учебной книги, о правописаніи и слогоудареніи». («Телескопъ» 1831 г., т. VI, стр. 274).

Иванъ Ѳедоровичъ **Калайдовичъ** р. въ 1793 г., учился въ московск. унив., служилъ въ московск. коммерч. судѣ, ум. 7 апр. 1853 г. Когда въ 1827 г. братъ его—археографъ—сошелъ съ ума, Иванъ Калайдовичъ, вмѣстѣ съ другимъ братомъ Петромъ, содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ затѣяннаго Константиномъ Калайдовичемъ журнала «Русскій Зритель» и редактировалъ послѣднія книжки журнала (первыя редактировали привлеченные имъ Погодинъ, Шевыревъ и др.).

Отдѣльно К. напечаталъ: 1) Краткое изложеніе правилъ для составленія ручного словаря нынѣшняго языка русскаго, съ прилож. пробныхъ листовъ словаря. М. 1826. 8°. 2) Грамматика языка русскаго. Ч. 1-я. Познаніе словъ. М. 1834. 8°. 3) Старинныя свѣдѣнія о болѣзни картофеля. М. 1847. 8°. Въ *журналахъ*: 1) Нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и вообще о формахъ временъ въ языкахъ церковно-слав. и русск. „Вѣстн. Евр.“ 1823. 13—14. 2) О степеняхъ прилагательныхъ и нарѣчій качественныхъ. „Соч. въ прозѣ и стих.“ 1823. 3. 3) Синонимы. Тамъ же, 1824. 4. 4) О залогахъ глаголовъ русскихъ. Тамъ же. 1824. 4. 5) О родахъ грамматическихъ въ языкѣ русскомъ. Тамъ же 1824. 5. 6) Опытъ правилъ для составленія русскаго производнаго словаря. Тамъ же 1824. 5, стр. 330—70. 7) Рец. на практическую грамматику *Н. Греча*. Спб. 1827. „Моск. Вѣстн.“ 1827, ч. VI, № 24, стр. 427. 8) Отвѣтъ на замѣчанія на книжку: „Краткое изложеніе правилъ“. „Сынъ Отеч.“ 1827. № 17. 9) Взглядъ на коренные языки. „Русск. Зритель“ 1828, кн. 1 и 2. 10) Отвѣтъ г-ну Ю. на разборъ Русск. Грамматики *Греча*. „Моск. Вѣстн.“ 1828, ч. II, № 7, 8, стр. 321, 424. 11) Слогъ г. *Полевого* въ грамматич. отношеніи. Тамъ же 1830, ч. II, № 7, стр. 265. 12) Формула степени родства. Тамъ же, 1830, ч. III, № 11, стр. 218. 13) Разборъ сокращ. русск. грамматики *Востокова* „Телескопъ“ 1831, т. V, 78 и 235. 14) Нѣчто въ отвѣтъ г. Востокову. Тамъ же 1832, т. VIII, 136. 15) Разборъ „Практическихъ уроковъ русск. грамматики *Греча*. Тамъ же 1832, ч. 7. 16) Отвѣтъ на разборъ соч. *Венелина*. Тамъ же 1832, т. X, 395.

Стихотворенія: 1) Деревня „Весен. Цвѣт.“ 1807. 3. 2) Разлука съ родными. „Другъ Юнош.“ 1810. 4. 3) Буря. Тамъ же 1810. 4. Ср. о Калайдовичѣ, кромѣ указанной статьи Востокова: 1) „Моск. Тел. 1828 г., № 8, стр. 371. 4 и № 8. 2) „Сѣв. Пч.“ 1853 г. № 330. 3) *П. Безсоновъ* въ кн. „Конст. Ѳед. Калайдовичъ“. М. 1862. (Изъ „Чтеній въ общ. ист. и древ.“). 4) Словари Геннади, Березина, Брокгауза-Ефрона. 5) *Барсуковъ*, Жизнь и Труды Погодина, т. II, 226—28. *Отзывы*: О „*Краткомъ изложеніи правилъ для* составл. ручн. словаря“: „Моск. Телегр.“ 1827, № 12, стр. 324. О „*Грамм. языка русскаго*“, кромѣ Бѣлинскаго: *N.*, въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1834, № 273

Къ грамматическимъ знаніямъ и работамъ Бѣлинскаго мы еще вернемся по поводу его грамматики. Покамѣстъ отмѣтимъ его стремленіе поставить изученіе грамматики на философскую почву.

5) Въ рецензіи на грамматику Ивана Калайдовича (см. выше, стр. 38) Бѣлинскій писалъ:

«Прочтите, напримѣръ, Principes de Grammaire Générale, mis à la portée des enfants, par Silvestre de Sacy: какія глубокія истины высказаны въ ней языкомъ самымъ простымъ, удобопонятнымъ. Дитя, пройдя эту книгу, положитъ самое твердое основаніе и изученію филологіи вообще и знанію родного языка въ частности».

Къ этому слѣдовало примѣчаніе:

«Большая часть сего превосходнаго сочиненія знаменитаго оріента-

листа и филолога уже переведена мною, и все оно, надѣюсь, скоро будетъ издано».

Намѣреніе свое Бѣлинскій въ исполненіе не привелъ. Но и въ незаконченномъ видѣ этотъ переводъ, конечно, лишній разъ свидѣтельствуетъ и о той любви, съ которою Бѣлинскій отдавался своимъ грамматическимъ изысканіямъ, и о томъ, что онъ вполнѣ свободно владѣлъ французскимъ языкомъ, не останавливаясь даже предъ сочиненіями научными.

6) «Молва» 1834 г. № 49, стр. 356—360. Цензурн. разр. отъ 7 дек. 1834 г.

7) Бездарная поэма Павла Свѣчина. (М. 1827).

8) Самимъ Бѣлинскимъ. (См. т. I, стр. 256—278. «Месть»).

9) Отвѣтъ Мольера на обвиненіе въ заимствованіяхъ: Je prends mon bien partout, où je le trouve.

10) «Молва» 1834 г. № 52, стр. 434—438. Цензурное разрѣшеніе отъ 29 дек. 1834 г. Переп. въ I т. изд. Солдатенкова, съ опущеніемъ примѣчанія о Лажечниковѣ.

11) Извѣстный въ свое время романистъ Константинъ Петровичъ *Масальскій* перевелъ, между прочимъ, «Донъ-Кихота» съ испанскаго. (Спб. 1838).

12) Николай Михайловичъ **Коншинъ** (род. 1793 г., ум. 31 окт. 1859 г.), мелкій поэтъ (элегіи; аллегорич. сказка «Владѣтель волшебнаго хрусталика» — Спб. 1825; до сихъ поръ распѣваемая студенч. пѣсня «Вѣкъ юный, прелестный, друзья, улетитъ» и др.) романтической школы, близкій пріятель Баратынскаго, который служилъ подъ его командой въ Нейшлотскомъ полку въ Финляндіи. Позднѣе былъ директоромъ училищъ въ Твери, директоромъ 4-й москов. гимназіи и (1850) директоромъ Демидовскаго лицея, откуда (1856) ушелъ съ большими непріятностями, по доносу, что беретъ взятки. Передъ смертью былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири. Въ 1833 г., вмѣстѣ съ барономъ А. Розеномъ, изд. альманахъ «Царское Село» со стихами Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Ѳед. Глинки, Деларю и др. «Графъ Обоянскій» вызвалъ насмѣшки не только Бѣлинскаго, но и «Сѣв. Пчелы» (1834, № 256). Подъ конецъ жизни К. занимался историческими розысканіями. Они въ рукописи хранятся въ Публичной Библіотекѣ. Ср. его автобіогр. записку въ «Ист. Вѣстн.» 1884, № 8 и ст. *А. И. Кирпичникова*, «Н. М. Коншинъ, эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма», «Русск. Мысль» 1897, № 5.

13) «Молва» 1835, № 1. Ценз. разр. отъ 4 янв. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошла.

14) Извѣстный своею ловкостью и изворотливостью парижскій книгопродавецъ 1830-хъ годовъ. Въ «Молвѣ» нѣсколько разъ приводились образчики его издательской снаровки и предпріимчивости.

15) Очевидно Бѣлинскій уличаетъ тутъ издателя «Домового» въ поддѣлкѣ подъ имя и фамилію Александра Полежаева.

16) «Молва» 1835 г., № 1. Цензурн. разр. отъ 4 янв. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

17) «Молва» 1835 г., № 2. Цензурн. разр. отъ 11 янв. 1835. Перепечатано въ изд. Солдатенкова съ опущеніемъ конца (со словъ «если г. переводчикъ, знакомый съ нѣм. языкомъ...»).

18) Романъ Булгарина.

19) Романъ Греча.

20) «Молва» 1835 г. № 3. Ценз. разр. отъ 18 янв. 1835. *Н. Щ.* — инициалы сибиряка-этнографа Николая Семеновича *Щукина*, умершаго въ 1880-хъ гг.

21) Рѣчь, должно быть, о выходившемъ тогда «Энциклоп. Лексиконѣ» Плюшара, для котораго, между прочимъ, Гречъ написалъ очень формулярно составленную біографію Ломоносова. См. т. I, стр. 448, прим. 201.

22) Черта біографическая. Всего хуже Бѣлинскій учился въ гимназіи математикѣ. По исторіи, русск. яз. и словесности, географіи получалъ 4 и 5, по математикѣ часто двойки. См. *Соловьевъ*, Исторія пензенской гимназіи.

23) «Кавказскій плѣнникъ» вызвалъ рядъ лубочныхъ подражаній. См. т. I, стр. 367. По недоразумѣнію, въ относящемся къ этому мѣсту примѣчаніи 140-мъ не даны болѣе точныя свѣдѣнія о вызванныхъ поэмами Пушкина лубочныхъ подражаніяхъ. Это 1) «Евгеній Вельской» (а не Бельскій, какъ сказано у Бѣлинскаго), романъ въ стихахъ. М. 1828. 2) «Киргизскій плѣнникъ», повѣсть въ стихахъ *Н. Муравьева*. М. 1828. 3) «Московскій плѣнникъ». Повѣсть въ стихахъ, соч. *Ѳ. С—ва*. М. 1829.

24) Александръ Карловичъ **Маздорфъ**, посредственный стихотворецъ и баснописецъ начала вѣка. Помѣщалъ басни и стихотворенія въ «*Вѣстн. Евр.*» (*1809 г.* № 21; *1810*, № 20; *1811*, № 6, 12; *1814*, № 6; *1815*, № 8, 14, 11; *1816*, № 3; *1817*, № 7, 8, 23—24; *1818*, № 1, 2, 4. 6, 7, 8, 14, 15—16, 17, 19, 21, 22; *1819*, № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10. 12, 13, 14, 15, 16, 22, 23—24); «*Духъ журналовъ*» (1816, № 35, 42); «*Благонамѣренномъ*» (*1818 г.* № 5; *1819*, № 2, 6, 9, 22). Ср. о немъ: 1) *А. Измайловъ* въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 4, стр. 135. 2) *Онъ же* въ «Благонамѣренномъ» 1820, № 4 и 5 и 1821, прибавл. къ № 11—12, стр 21. 3) *М. Н. Д.* въ «Вѣстн. Евр.» 1820, 3. 4) «Русск. Арх.» 1888, № 7 стр. 335. 5) «Остафьевскій Арх.». 6) «Русск. Арх.» 1871 г., стр. 965. 7) *Бестужевъ-Марлинскій*, Соч. т. XI, стр. 233.

Маздорфъ, служившій въ Симбирскѣ частнымъ приставомъ, въ 1817 году по болѣзни долженъ былъ оставить службу и умеръ въ крайней бѣдности въ январѣ 1820 (или концѣ декабря 1819), оставивъ безъ всякихъ средствъ жену и трехлѣтнюю дочь. Измайловъ помѣстилъ въ «Благонамѣренномъ» и «Сынѣ Отеч.» горячее воззваніе къ благотворителямъ, благодаря которому въ пользу семьи Маздорфа стали поступать пожертвованія. (См «Благонамѣренный» 1820, № IX, «Вѣстн. Евр.» 1820, № 8, стр. 324). «Спб. общ. любителей словесности» и «Вольное общ. росс. словесности», членомъ которыхъ состоялъ Маздорфъ, выдали семьѣ больше 400 р. (см. «Благонамѣренный» 1820, № 5). Измайловъ въ своемъ воззваніи называетъ Маздорфа «извѣстнымъ литераторомъ» и это довольно вѣрно. Правда, митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу пишетъ. «Покойный Маздорфъ за стишонки свои, кажется, не войдетъ въ мой словарь. Нынѣ имена такихъ стиходѣевъ составили бы словарь больше Моріерова въ X vol. in folio». Однако такой выдающійся молодой писатель, какъ кн. Вяземскій въ письмѣ (1818) къ Александру Тургеневу цитируетъ строчку изъ стихотворенія Маздорфа («Остафьев. Архивъ», стр. 142), а Марлинскій въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» (1825) полагаетъ, что о Маздорфѣ «можно съ похвалою упомянуть».

25) «Смѣшны мнѣ люди» — такой пьесы мы не нашли ни въ каталогахъ, ни въ Публичной Библіотекѣ. Вѣроятно, Бѣлинскій не точно цитировалъ заглавіе.

26) Шеллингіанское положеніе, къ которому Бѣлинскій возвращается и дальше въ этой же небольшой рецензіи. Оно настолько захватило Бѣлинскаго, что онъ не пропускаетъ примѣнять его и по отношенію къ какому-нибудь *Н. Щ.*, какъ не пропускаетъ случая поскорѣе подѣлиться съ читателемъ и другими завѣтными идеями русскаго шеллингіанства 30-хъ годовъ: «искусство есть представленіе явленій міровой жизни», «исторія есть трепетаніе вѣчной идеи жизни человѣчества» и др.

27) См. дальше примѣчаніе № 242.

28) «Молва» 1835, № 5. Ценз. разр. отъ 1 февр. 1835.

29) Французы собственно говорятъ о высшей *трагедіи* — haute tragedie.

30) Эта иронія вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ Константинъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отрицательномъ отношеніи къ Россіи» въ кружкѣ Станкевича. (См. т. I, стр. 427).

31) «Молва» 1835 г. № 5. Цензурн. разр. отъ 1 февр. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ лубочныхъ стиховъ съ комедіей «Дворянскіе Выборы», о которой см. т. I, стр. 429, прим. 40.

32) «Молва» 1835, № 7, цензур. разр. отъ 15 февр. 1835.

33) Цитировано невѣрно. У Пушкина сказано (Евгеній Онѣгинъ, Путешествіе)

Фламандской школы пестрый *соръ*.

За Бѣлинскимъ, вообще, водится грѣшокъ невѣрнаго цитированія. Ср. т. I, стр. 448, примѣч. № 202 и въ другихъ мѣстахъ, которыя будутъ указаны. Исправимъ, кстати, еще одну невѣрную цитату Бѣлинскаго. Въ «Литер. Мечт.» (т. I, стр. 327) онъ пишетъ: «Пошли аріи и романсы съ выводомъ верхнихъ нотокъ:

. . . . Богъ мой!
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.

Можно подумать, что арія начинается словами «Богъ мой». На самомъ дѣлѣ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» вотъ какъ это мѣсто читается:

Потомъ приносятъ и гитару
И запищитъ она (Богъ мой):
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой».

34) Бѣлинскій и позднѣе недостаточно цѣнилъ повѣсти Пушкина и даже въ цѣломъ огромномъ томѣ, посвященномъ разбору его литературной дѣятельности, сказалъ о нихъ всего нѣсколько словъ. Къ этому несправедливому отношенію намъ еще придется вернуться, а пока отмѣтимъ, что «Повѣсти Бѣлкина» вообще были крайне холодно приняты публикою и критикой.

35) «Молва» 1835, № 7, цензурн. разрѣш. отъ 15 февр. 1835.

36) О лубочномъ писателѣ Матвѣѣ Комаровѣ, называвшемъ себя «Житель Москвы» см. примѣч. Бѣлинскаго (т. I, стр. 373) и въ слѣдующихъ томахъ. Объ Орловѣ т. I, стр. 443, примѣч. 153.

37) Мы никакъ не могли доискаться, о какой статьѣ Булгарина здѣсь идетъ рѣчь. Дважды пересмотрѣвъ «Сѣв. Пчелу» за конецъ 1834 г., январь и февраль 1835 г., мы нашли нѣчто подходящее только въ статьѣ Булгарина „Краткое полюбовное объясненіе подписчика на журналы со всѣми журналистами, ихъ сотрудниками и авторами, прославленными въ журналахъ или

растерзанными въ нихъ», но эта статейка появилась въ №№ 42 и 43, вышедшихъ 22 и 23 февр., а статья Бѣлинскаго появилась 15 февр.

38) «Молва» 1835, № 7.

39) Обычныя для всего «телескопскаго» періода нападки на раціонализмъ 18 вѣка. Ср. т. I, стр. 358 и 438, примѣч. 109—110; т. II, стр. 154—156 и примѣч. 170; т. III, статью о книгѣ Дроздова и др.

40) «Молва» 1835, № 7.

41) Юмористическое «Ученое путешествіе на Медвѣжій островъ» Брамбеуса якобы представляетъ собою отрывокъ изъ «Записокъ послѣдняго предпотопнаго человѣка».

42) Французскій грамматическій терминъ: *орѳо*графія (правильное писаніе) борется съ *како*графіею (дурное писаніе).

43) См. т. I, стр. 390—91.

44) «Молва» 1835, № 8. Ценз. разр. отъ 22 февр. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

45) Тамъ же.

46) Едва ли Бѣлинскій точно цитируетъ заглавіе «Книжечки». Во второмъ прибавленіи къ «Росписи» Смирдина, такъ тщательно составленной извѣстнымъ Анастасевичемъ и обнимающей книги 1829—32 гг., ничего подходящаго мы не нашли.

47) Сенковскій, дѣйствительно, совершенно растаялъ и въ краткой, но очень доброжелательной рецензіи («Библ. д. Чт.» 1834 г., т. VII, отд. VI, стр. 21) воздалъ Павлу Павленкѣ «должную похвалу за его примѣчательный талантъ разсказывать анекдоты» и возлагалъ «надежды на скорое появленіе въ русской словесности новаго пріятнаго дарованія, возбуждаемыя этимъ опытомъ».

48) См. т. I, стр. 392 и примѣч. 203—204.

49) «Молва» 1835, № 9. Ценз. разр. отъ 1 марта 1835. Помѣщено въ I т. изд. Солдатенкова въ сокращенномъ видѣ.

50) «Молва» 1835, № 9. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

51) Тамъ же. Объ отношеніи къ Ершову см., кромѣ нижеслѣдующаго прим. 52, т. I, стр. 414, примѣч. 5.

52) Этотъ единственно-научный взглядъ былъ тогда еще довольно новъ и принципъ безусловно-точнаго воспроизведенія народнаго творчества далеко не былъ господствующимъ. Достаточно вспомнить сборники такого извѣстнаго этнографа 30-хъ и 40-хъ годовъ, какъ Сахаровъ. Даже Срезневскій на первыхъ порахъ не чуждъ поползновенія романтическаго подкрашиванія народной поэзіи. Взгляды Бѣлинскаго являются отголоскомъ руководящихъ круговъ московской интеллигенціи, тогда еще не подраздѣленныхъ на западниковъ и славянофиловъ и сообща устанавливавшихъ рядъ новыхъ научныхъ принциповъ. По методу, возвѣщенному здѣсь Бѣлинскимъ, собиралъ въ началѣ 30-хъ годовъ народныя пѣсни одинъ изъ главарей будущаго славянофильства Петръ Кирѣевскій. Объ этомъ сборникѣ много говорилось и въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ, къ которымъ, помимо кружка Станкевича, особенно тѣсно примыкалъ Бѣлинскій, именно въ домѣ Аксаковыхъ, гдѣ Бѣлинскій, тогда нѣжнѣйшій другъ Константина Аксакова, былъ свой человѣкъ. Раньше Кирѣевскаго, еще въ 1827 г. вполнѣ научно издалъ «Малороссійскія пѣсни» Максимовичъ, профессоръ москов. унив. и дѣятельный сотрудникъ «Телескопа». Въ 1834 г. Максимовичъ издалъ по тому-же методу точнаго воспроизведенія второй сборникъ «Украинскія народныя пѣсни».

Но больше всего все-таки Бѣлинскій обязанъ правильнымъ взглядомъ на способъ пользованія народною поэзіею Станкевичу. Еще за полтора года до появленія настоящей рецензіи, 15 дек. 1833 г., Станкевичъ писалъ Невѣрову:

„Пріятель твой Кирѣевскій издаетъ болѣе 1000 русскихъ пѣсенъ и стиховъ, которыя поются нашими нищими. Какое драгоцѣнное собраніе! Нѣсколько пѣсенъ будетъ напечатано въ „Денницѣ". Я видѣлъ нѣкоторыя листки ея. Эти пѣсни чудесны. *Вотъ еще достоинство*: *онъ, кажется, безъ всякихъ поправокъ, въ оригинальной грубости*". (Переписка, стр. 71).

А за четыре мѣсяца до напечатанія разсматриваемой рецензіи, 30 ноября 1834 г., Станкевичъ пишетъ Невѣрову длинное письмо, почти все посвященное «Коньку-Горбунку» и вопросу объ обращеніи съ народною поэзіею. Тутъ уже почти буквально все то же, что писалъ впослѣдствіи Бѣлинскій:

Изъ „Конька-Горбунка" я читалъ одинъ небольшой отрывокъ въ Библіотекѣ для Чтенія: это, какъ говоритъ Рудый Панько, соръ не соръ, земля не земля, прости Господи! чортъ знаетъ, что такое! плюнулъ, да и руки вымылъ!—Если вся сказка написана въ этомъ тонѣ,—что это? Что звучнаго въ этихъ стихахъ, риѳма за риѳмой, вялыхъ, натянутыхъ? Что путнаго въ этомъ немощномъ подражаніи народнымъ поговоркамъ, которыя уродуются, искажаются стиха ради? и какого стиха? „Конекъ-Горбунокъ" просто несносенъ! Жаль, если Ершовъ человѣкъ съ чувствомъ и талантомъ: его собьютъ этими глупыми восторгами! Развѣ не хвалятъ Брамбеуса? Развѣ не хвалили на слово „Тасса" Кукольника? Напрасно ты вѣришь болѣе другимъ, нежели своему чувству: оно вѣрнѣе всѣхъ сужденій. Впрочемъ я не читалъ всего „Горбунка"; но меня ожесточаютъ восторги пустыхъ людей, которые бѣснуются чортъ знаетъ изъ чего и портятъ людей съ талантомъ — а тотъ затѣваетъ сибирскія Иліады! Ну не вздоръ ли это? — Любопытны повѣрья народныя: собери ихъ, разкажи съ поэтическою простотой, сохраняя колоритъ, которымъ они облечены въ устахъ народа—и мы будемъ благодарны и отдадимъ справедливость человѣку, умѣющему цѣнить всякое достояніе человѣчества. И что за поэтъ, кто посягнетъ на эту святыню изъ самолюбія? Начнетъ ломать въ сонные хореи безискусственное сказаніе младенца! Это будетъ такая же поэзія, какъ всякая проза переложенная въ стихи; а поступокъ—не честенъ". (Переписка, 105—106).

53) Бѣлинскій и теперь и потомъ слишкомъ строго относился къ сказкамъ Пушкина, между которыми «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ» предстояло получить такую огромную популярность и сравниться по распространенности со сказками народными. Одной изъ самыхъ колоритныхъ сказокъ Пушкина, являющейся почти записью по рекомендуемому здѣсь методу, Бѣлинскій, впрочемъ, совсѣмъ не зналъ—о Балдѣ. Она появилась въ печати только послѣ смерти Пушкина и въ передѣланномъ Жуковскимъ по цензурнымъ соображеніямъ видѣ.

Въ своемъ дурномъ отношеніи къ сказкамъ Пушкина Бѣлинскій тоже повторялъ Станкевича. Въ указанномъ въ прим. 52-мъ письмѣ отъ 10 ноября 1834 г. Станкевичъ пишетъ:

Пушкинъ изобрѣлъ этотъ ложный родъ, когда началъ угасать поэтическій огонь въ душѣ его. Но первая его сказка въ этомъ родѣ еще имѣетъ нѣчто поэтическое; другія же, въ которыхъ онъ сталъ просто разказывать, не предаваясь никакому чувству, дрянь просто. Жуковскій еще умѣетъ ладить съ такими пустяками—но что за утѣшеніе для такого поэта быть сноснымъ?

54) «Молва» 1835, № 10. Ценз. разр. отъ 8 марта 1835. Подъ псевдонимомъ *Вадимъ*, котораго здѣсь недостаточно проницательно вышутилъ Бѣлинскій, выступилъ Вадимъ Васильевичъ **Пассекъ** (20 іюня 1807—25 окт. 1842), даровитый этнографъ, рано умершій и измученный неблагопріятными обстоятельствами жизни, но все-таки заявившій себя какъ изслѣдователь съ новыми, широкими горизонтами. Изданный имъ и имъ же въ значительной степени составленный сборникъ «Очерки Россіи» (5 книгъ, Спб. 1838—42)

принадлежитъ къ числу первыхъ цѣльныхъ попытокъ отучить публику отъ мысли, что изучать Россію значитъ изучать только ея государственную исторію. «Очерки», съ яркимъ отпечаткомъ славянофильскаго романтизма, но все-таки очень широко ставили задачу изученія массовой жизни Россіи, какъ главнаго фактора нашей исторіи. Пассекъ, въ 1832 г. женившійся на «корчевской кузинѣ» Герцена, извѣстной впослѣдствіи Татьянѣ Пассекъ, сначала принадлежалъ къ университетскому кружку Герцена и изъ-за этого лишился каѳедры въ харьковскомъ университетѣ, когда Герценъ и Огаревъ въ 1834 г. были сосланы. Впослѣдствіи онъ все больше и больше примыкалъ къ нарождающемуся славянофильству, что повело къ чрезвычайному охлажденію между нимъ и старыми товарищами. Въ вышученныхъ Бѣлинскимъ «Путевыхъ Запискахъ», если ихъ разсматривать въ связи съ позднѣйшею дѣятельностью Пассека, не трудно усмотрѣть серьезнѣйшее стремленіе изучить внутреннюю жизнь русскаго народа, ея психологическія и бытовыя основы; но въ этой ранней литературной попыткѣ Вадима столько риторической шумихи и приподнятаго паѳоса, что не трудно было и озлиться. О Вадимѣ ср. главнымъ образомъ І-ый томъ «Былого и Думъ» *Герцена*, «Изъ дальнихъ лѣтъ» *Татьяны Пассекъ*, «Исторію русск. этнографіи» *Пыпина* и весьма обстоятельное предисловіе *Всеволода Срезневскаго* къ перепискѣ Вадима съ И. И. Срезневскимъ («Русск. Ст.» 1893 г., т. 78 и 79) и его же статью въ «Книговѣдѣніи» 1894 г., № 4. Ср. также «Москов. Вѣдомости» 1842, № 87 (Некрологъ); «Москов. Губ. Вѣдомости» 1842, № 44, стр. 893 (Некрологъ); *Н. Р.*, Тамъ же, № 45, стр. 917—919. («Воспоминанія»); «Отеч. Записки». 1842, т. 25, № 12, стр. 125—151. (Некрологъ); *В М. Черняевъ*, въ «Харьков. Губ. Вѣд.» 1842, № 48, стр. 479—480 («О смерти В. В. П.»); предисловіе къ изданному въ пользу его семьи сборнику «Литератур. Вечеръ» (1844); *Вл. Анофрієвъ* въ «Русск. Вѣд.» 1895, № 223 («Могилы русск. писателей въ Москвѣ»); *Плетневъ*, Соч., т. II, стр. 258—59 и 453—54; *Некрасова*, Связка писемъ А. И. Герцена. «Сѣв. Вѣстн.» 1894, № 8, стр. 23—26; «Современ.-Календарь» Ступина на 1898 (съ портр.); *Бурцевъ*. Описаніе рѣдкихъ книгъ, ч. III, № 642; *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина. *Отзывы* о литер. работахъ Вадима: о «Путевыхъ Запискахъ» (кромѣ Бѣлинскаго): *Сенковскій* въ «Библ. д. Чт.» т. V. Объ: «*Очеркахъ Россіи*». 1) Библ. для Чт. 1838, т. 31, отд. 6, стр. 29—31; 1840, отд. 6. стр. 8—9. 2) Журн. Мин. Народ. Просв. 1840, ч. 27, отд. 6, стр. 221—238. (Статья *Ф. М.*). 1842, ч. 35, отд. 6, стр. 211—218; 1868. № 4, т. 138, стр. 232—233. 3) Литерат. Газета. 1840, № 24, стр. 561—564, № 53, стр. 1215—1219. № 88, стр. 2012—2015. 4) Литерат. Прибавл. къ Русск. Инв. 1838, № 49, стр. 972—974. 5) Маякъ. 1840, ч. 10, гл. 4, стр. 76—82. 6) Москвитянинъ. 1842, ч. 1, № 2, стр. 618—624, (Статья *Побѣдоносцева*). 7) Отеч. Записки. 1840, № 3, т. 9, отд. 6, стр. 20—24. № 6, т. 10, отд. 6, стр. 59—61 и № 9, т. 12, отд. 6, стр. 35—36. 1842, № 4, т. 21, отд. 6, стр. 45—46. 8) Современникъ. 1838, т. 12, стр. 82—84. 9) Сынъ Отеч. 1838, т. 5, отд. 4, стр. 129—132. 1840, т. 2, кн. 2, отд. 9, стр. 390 и т. 3, кн. 3, отд. 7, стр. 557—560. 1842, ч. 5, № 10, отд. 6, стр. 1—24. (Статья кн. *Кропоткина*). 10) Сѣв. Пчела, 1838, № 234. (Статья *Ф. Булгарина*). 11) Библ. для Чт. 1840, т. 39. отд. 6, стр. 7—8. Тамъ же, т. 42, отд. VI, стр. 8.

Объ: «*Историческомъ описаніи Москов. Симонова монастыря*»: 1) Отеч. Записки. 1843, № 8, т. 29, отд. 6, стр. 56. 2) Библ. для Чт. 1843,

т. 59, отд. 6, стр. 32—34. 3) Литер. Газета. 1843, № 25 и 26. 4) Современникъ. 1843, т. 32, стр. 90—91.

О ст.: «*Странное желаніе*»: «Отеч. Зап. 1844, т. 35, отд. VI, стр. 1.

55) «Молва» 1835, № 10. Вполнѣ правильное отношеніе Бѣлинскаго къ Луганскому-Далю значительно расходилось съ мнѣніемъ многихъ литературныхъ кружковъ. Разсказы Даля произвели фуроръ. Жуковскій и Пушкинъ были отъ нихъ въ восторгѣ. Пушкинъ подъ ихъ вліяніемъ написалъ «Сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ» и рукопись ея подарилъ Далю съ такою надписью: «Твоя отъ твоихъ. Сказочнику Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ». (*Мельниковъ-Печерскій*, біографич. очеркъ къ соч. Даля, въ изд. Вольфа, Спб. 1899). Но отношеніе Бѣлинскаго не можетъ быть поставлено ему всецѣло въ заслугу. За два года до его рецензіи, въ той же «Молвѣ» (1833, № 71) появился весьма ядовитый отзывъ, видимо принадлежащій Надеждину, который заканчивается такъ:

„Не отнимая у сочинителя способности изъясняться по-русски правильно и чисто, даже нѣкоторой затѣйливости и живости въ изложеніи, оба сіи разсказа можно прочесть безъ скуки. Но признаемся, не умѣемъ опредѣлить, что въ нихъ есть, кромѣ языка и изложенія. Мы отчасти похожи на Капитана, описаннаго въ первомъ изъ сихъ разсказовъ, который любилъ ко всякому слову прибавлять: *а между прочимъ водки*! Точно такъ же, чтобъ ни читали мы, вездѣ приходитъ намъ въ голову и срывается съ языка: *а между прочимъ смысла*!"

Почти одновременно съ отзывомъ Бѣлинскаго, появилась остроумная рецензія Сенковскаго («Библ. д. Чт.» 1836, т. XVII, Лит. лѣт., стр. 30—31) въ которой очень забавно вышучивался Даль (несмотря на то, что онъ былъ виднымъ сотрудникомъ «Библіотеки») его же собственнымъ стилемъ. Рецензія начиналась такъ: «Эй, кума Соломонида, не проплясать ли намъ какого-нибудь критическаго казачка по случаю этой литературы въ присядку» и заканчивалась тѣми же упреками въ отсутствіи «смысла», какіе дѣлала Далю «Молва» 1833 года, а также въ кудреватости и вычурности:

„А собрались, знаешь ты, мужики, дураки, заолешане, думали, гадали: „Куда-де онъ хитеръ, Казакъ Луганскій! будто хмѣль золотой, по тычинкѣ вьется; змѣйкой со словечка на словечко переходитъ; подбоченится, да и давай завивать кудри у сказки, либо небылицѣ, красной дѣвицѣ, русу косу расчесывать!" Они такъ помаячили, а кумъ Матвѣй, не съ того слова: „ты что, дядя Сафронъ, молчишь? Аль языкъ-то въ наймы отдалъ? Аль тебѣ сказки Луганскаго не любы?" А дядя Сафронъ, знаешь, мужикъ ряжій, грамотей, начетчикъ, по складамъ Еруслана Лазаревича прочелъ,—погладилъ бороду, усы раскинулъ: „Дураки вы", говоритъ „пироговъ наѣлись, и думаете, будто пообѣдали! Сказка *слово*, вѣстимо дѣло: да въ словѣ-то надобно *дѣло*, сирѣчь (уже такъ всегда говоритъ, какъ по печатному говоритъ, дядя Сафронъ), сирѣчь, смыслъ, чтобы слово сквозь уши пролетало, а мысль на ретивомъ оставалась; а то слово да слово, красиво и пестро, да не тепло: отъ него уму-разуму потѣхи нѣтъ! Пожалуй, намелю я вамъ словъ съ три короба, а сказки все-таки не будетъ. Языкъ-то безъ костей: торгуй словами, да и разуму-то могарычи плати. Ась?" Тутъ дядя Сафронъ крякнулъ вотъ этакъ—„Гмъ!" и пошелъ, а я подслушалъ, да и маракую: „Сѣмъ-ка я запишу, да пошлю къ грамотнымъ: авось въ словахъ-то Сафрона какого толку добьются, и Казаку Луганскому вѣсть дойдетъ, что дядя Сафронъ баялъ". И послалъ я, кумушка Соломонида; не знаю, что скажутъ. Чай скажутъ: „Ладно, братъ Емеліянъ! Какова литература, такова и критика".

56) «Молва» 1835, № 10. Въ изд. Солдатенкова не вошла.

57) «Молва» 1835, № 11. Цензур. разр. отъ 15 марта 1900.

58) «Обозрѣніе Журнальныхъ Кабинетовъ» —въ свое время очень извѣстное юмористическое обозрѣніе журналистики, растянувшееся на цѣлый

годъ («Моск. Вѣст.» 1830, ч. 2, стр. 383—89; ч. 3, стр. 84—92, 181—187; ч. 4, стр. 310—323; ч. 5, стр. 209—221; ч. 6-ая, стр. 216—232). Статья представляетъ собою пародію на политическія отношенія европейскихъ кабинетовъ и излагаетъ журнальныя отношенія въ формѣ разныхъ трактатовъ, коалицій, дипломатическихъ конвенцій, наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ и т. д. Главный выводъ изъ статьи (онъ и заставилъ Бѣлинскаго заявить, что ему чуждъ такой образъ дѣйствій)—то, что всѣ журнальные приговоры и взгляды имѣютъ всегда какую-нибудь заднюю цѣль: или отомстить, или предупредить дурное отношеніе къ своему журналу и т. под. Остроуміе статьи довольно тяжеловѣсное. Подписана она иниціалами *NN*, которые Надеждинъ часто ставилъ подъ своими статьями, но въ дѣйствительности Надеждинъ принималъ въ ней только нѣкоторое участіе, а главнымъ образомъ статья написана Погодинымъ, которому, кромѣ Надеждина, помогалъ тутъ еще пріятель его Томашевскій (см. *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. III, стр. 87, и *Бестужевъ-Рюминъ*, Характеристики, стр. 245).

Ознакомленіе съ «Обозрѣніемъ Журнальныхъ Кабинетовъ» дало намъ еще нѣсколько мелкихъ черточекъ для нашего утвержденія, что «Литературныя Мечтанія», являясь въ *общемъ* необыкновенно яркимъ выраженіемъ индивидуальности Бѣлинскаго, въ *частности* представляетъ собою рядъ заимствованій—вплоть до отдѣльныхъ выраженій. Такъ «предокончаніе» «Литер. Мечтаній» (т. I, стр. 367) начинается словами

Берегъ! Берегъ!..
Истертое выраженіе.

На самомъ дѣлѣ это вовсе не «истертое выраженіе», а прямо начало послѣдней изъ статей, входящихъ въ составъ «Обозрѣнія». Заканчивая обозрѣніе журналовъ, Бѣлинскій восклицаетъ: «Гляжу на нихъ (журналы) съ грустною улыбкою и говорю:

И все-то благо, все добро (т. I., стр. 378).

Совершенно такая же фраза есть и въ «Обозрѣніи»:

«Не шутя же, по совѣсти, я всегда восклицаю и другихъ восклицать убѣждаю, смотря на наши журналы

И все то благо, все добро» (Моск. Вѣст.» 1830, ч. V, стр. 232).

59) Чтобы понять смыслъ этого заявленія на столбцахъ «Молвы», нужно вспомнить безпощадность, съ которою, до сотрудничества Бѣлинскаго, журналъ Надеждина преслѣдовалъ Полевого. На стр. 427—28, I-го тома, мы приводили образчики тѣхъ грозныхъ окриковъ въ недостаточномъ патріотизмѣ, которыми непрерывно донимали Полевого въ «Телескопѣ» и «Молвѣ». Но рядомъ съ этимъ шло столь же безпощадное и неутомимое преслѣдованіе Полевого по всякому удобному и неудобному случаю. Въ лучшемъ случаѣ Полевой обзывался «шарлатаномъ» (см. въ особенности примѣчаніе Надеждина къ ст. Востокова въ т. VI «Телескопа» за 1831 г., стр. 255—56). Но сплошь да рядомъ Надеждинъ не гнушался даже называть Полевого «московскимъ второй гильдіи купцомъ» и дѣлать постоянные намеки на его торговую запутанность, на его протестованные векселя и связанный съ этимъ неаккуратный выходъ книжекъ. Полевой вообще въ полномъ смыслѣ слова третировался въ «Телескопѣ» и «Молвѣ» en canaille.

Такимъ образомъ появленіе чрезвычайно благосклонной рецензіи Бѣлинскаго въ органѣ главнаго врага Полевого (съ Булгаринымъ и Гречемъ По-

левой началъ примиряться уже въ началѣ 30-хъ гг.) было явленіемъ совершенно экстраординарнымъ. Напирая на свою «независимость», Бѣлинскій прежде всего имѣлъ въ виду Надеждина, который, по свойственному ему безразличію, весьма легко сдался. Забывъ ожесточенную семилѣтнюю войну съ Полевымъ, съ которой онъ началъ свою литературную дѣятельность, Надеждинъ даже не воспротивился тому, чтобы Полевой, этотъ «шарлатанъ», «невѣжда» и дерзкій разрушитель литературныхъ и политическихъ традицій былъ приглашенъ Бѣлинскимъ къ участію въ «Телескопѣ» (См. примѣч. 131).

60) Въ большой статьѣ Марлинскаго, посвященной «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ» («Москов. Телеграфъ» 1833, ч. 52 и 53 и соч. т. 11) непонятны слѣдующія послѣ этого мѣста слова—«по мнѣнію тѣхъ же самыхъ людей» и т. д. Марлинскій объ «Аббадонѣ» не писалъ, да вообще «Аббадону» въ 1835 г. не ругали (позднѣе—въ 1841 г. на нее напала «Литер. Газета»). Объ ней появились только 2 рецензіи: Бѣлинскаго и Плаксина въ «Сынѣ Отеч.» (1835 г., № 169), тоже очень благосклонная.

61—62) Соотношеніе генія и таланта составляетъ одну изъ любимѣйшихъ темъ Бѣлинскаго, къ которой онъ возвращается много разъ. Стремленіе Бѣлинскаго поставить геніевъ внѣ обычныхъ условій развитія творческой психологіи можетъ быть принято только съ очень существенными оговорками, изъ которыхъ многія дѣлалъ впослѣдствіи самъ Бѣлинскій. Намъ придется еще вернуться къ этому предмету. См. прим. 233.

Къ числу такихъ оговорокъ можетъ быть отнесено «угадываніе» новыхъ литературныхъ родовъ, будто бы составляющихъ привилегію геніевъ. Ни Шекспиръ, ни Мольеръ, ни Гёте не «угадывали» новыхъ литературныхъ родовъ и часто до простого совпаденія заимствовали у своихъ современниковъ и предшественниковъ. А какой-нибудь Клингеръ пишетъ трагедію «Sturm und Drang», которая открываетъ собою величайшій періодъ нѣмецкой литературы. Вальтеръ Скоттъ далеко не «изобрѣлъ» историческій романъ, а кромѣ того время показало, что современники слишкомъ увлекались, когда произвели его въ геніи.

63) Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Типъ художника, «борющагося между влеченіемъ своего генія и обольщеніями жизни», принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ сюжетовъ нѣмецкой и отчасти французской литературы начала вѣка. Начиная съ «Вильгельма Мейстера» Гёте, типы художниковъ, весьма близко подходящихъ къ Рейхенбаху Полевого, разработаны въ «Franz Sternbald's Wanderungen» Тика, въ романахъ Новалиса и особенно Гофмана, который вообще является однимъ изъ главныхъ источниковъ «Аббадоны». Бѣлинскій мало еще зналъ въ то время Гофмана и почти не зналъ Новалиса и Тика, которыхъ хорошо зналъ Полевой, и потому недостаточно оттѣнилъ элементы подражательности въ романѣ Полевого. Ср. статью объ «Аббадонѣ» *Н. Козмина* въ «Журн. Мин. Нар. Пр. 1899 г. № 4.

64) Впослѣдствіи Бѣлинскій значительно холоднѣе (см. въ рецензіяхъ 1841 г.), относился какъ къ Элеонорѣ, такъ и ко всей вообще «Аббадонѣ» къ которой Полевой позднѣе прибавилъ эпилогъ. Въ немъ любовь отвергнутой Рейхенбахомъ Элеоноры превращается въ жгучую ненависть. Отмѣтимъ, кстати, небрежность, съ которою недавно переиздана «Аббадона» въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина—взятъ только текстъ отдѣльныхъ изданій 1835 и 1840 г., безъ «Эпилога Аббадоны», напеч. въ «Сынѣ Отеч.» 1838 г. (№ 7 и 9).

65) «Молва» 1835, № 12. Ценз. разр. отъ 22 марта 1835.

66) Военный историкъ Димитрій Петровичъ *Бутурлинъ* (1790—9 окт.

1849), авторъ фактическихъ сочиненій: «Военная исторія походовъ Россіи въ 18 столѣтіи» (Спб. 1819—23, 4 т.); «Исторія нашествія Императора Наполеона въ Россію въ 1812 году» (Спб. 1823 — 24, 2 ч.); «Картина войнъ Россіи съ Турціею» (2 ч. Спб. 1829); „Картина осенняго похода 1813 г. въ Германію» (Спб. 1830). Другія соч. Бутурлина вышли позже появленія рецензіи Бѣлинскаго.

67) «Молва» 1835, № 12.

68) Эта рецензія непосредственно не подписана, но ясно, что подпись подъ № 68 (стр. 84) относится и ко всѣмъ предыдущимъ рецензіямъ. Бѣлинскій всегда ставилъ такъ свою подпись подъ рядомъ рецензій.

69) Собраніе театральныхъ пьесъ (оригинальныхъ и переводныхъ), изданное Академіею Наукъ въ 1786—94 гг. въ 43 ч., по иниціативѣ кн. Дашковой.

70) «Молва» 1835, № 12.

71) Не останавливаясь предъ авторитетомъ Пушкина и Жуковскаго, Бѣлинскій преслѣдовалъ (до извѣстной степени преувеличенно строго) ихъ «народныя» сказки, потому что считалъ ихъ искаженіемъ дѣйствительно народнаго творчества. Ср. примѣч. 52 и 53.

72) «Молва» 1835, № 12. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

73) Французскій драматургъ и писатель для юношества (1763 — 1842). У насъ Бульи очень усердно переводили и Бѣлинскому могли быть извѣстны: „Безцѣнные примѣры для благовоспитанныхъ людей обоего пола и всякаго возраста“ (М. 1815); „Золотые часы цвѣтущаго возраста» (М. 1815); „Совѣты моей дочери» (М. 1815); «Сказки дочери моей» (Спб. 1816); «Награда ученымъ мужамъ» (Спб. 1819); «Молодыя женщины» (М. 1823); «Матери семействъ» (М. 1825); «Новыя повѣсти» (Спб. 1826); «Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи» (М. 1826); «Другъ молодыхъ дѣвицъ» (Спб. 1831); «Повѣсти для моихъ маленькихъ пріятельницъ» (М. 1831); «Награда добродѣтели и благонравія» (Спб. 1835).

74) «Молва» 1835 № 12. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

75) «Молва» 1835, № 13. Ценз. разр. отъ 29 марта 1835. Общій тонъ отношенія Бѣлинскаго къ старымъ писателямъ тутъ совершенно лишенъ исторической перспективы и научнаго спокойствія. Впослѣдствіи, въ статьяхъ о Пушкинѣ, Бѣлинскій съумѣлъ стать на историческую точку зрѣнія и безпристрастно отнестись къ писателямъ, которые для своего времени были дѣйствительно замѣчательнымъ явленіемъ. Но теперь, когда еще въ литературѣ были сильны старыя традиціи, когда старыхъ писателей ставили какъ образецъ для современности, Бѣлинскій не могъ къ нимъ относиться спокойно.

76) Бѣлинскій и здѣсь и впослѣдствіи (въ статьяхъ о Пушкинѣ) черезчуръ строго относился къ Василію Майкову, въ которомъ ничего, кромѣ неблагопристойности не хотѣлъ видѣть. Болѣе внимательное изученіе Майкова выяснило, что при всей своей грубости онъ и въ «Елисеѣ», и особенно въ басняхъ весьма типично и правдиво отразилъ жизнь своего времени, что̀ въ ту эпоху надутости и пренебреженія къ реальной дѣйствительности было заслугою не малою. См. изслѣдованіе *Леонида Майкова* въ его «Очеркахъ изъ исторіи русск. литературы» (Спб. 1889), перепечатанное въ «Русск. поэзіи» С. А. Венгерова.

78) Свѣдѣніе невѣрное. Въ «Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», изданное «Обществомъ любителей отечественной словесности» (6 ч. стиховъ и 6 ч. прозы. Спб. 1815—23), на ряду съ дѣйствительными корифеями, включались также Востоковъ, Волковъ, Род-

зянка, Вельяшевъ, Барановъ и т. п., четвертостепенные поэты, которыхъ и тогда никто не считалъ геніальными.

78) Отношеніе Батюшкова къ М. Н. Муравьеву имѣетъ источникомъ чисто личное чувство благодарности и благоговѣнія, которое онъ питалъ къ памяти своего благороднаго воспитателя.

79) Конечно, на ассигнаціи.

80) «Молва» 1835, № 13. Объ Ушаковѣ см. т. I, стр. 387 и примѣч. 191 и т. II, стр. 353—62 и примѣч. 373 и 379.

81) «Молва» 1835, № 13.

82) Фамилія этого плохого романиста-этнографа не Калачниковъ, а Калашниковъ.

83) Въ № 32 «Сѣв. Пчелы» за 1835 годъ, *Ю. Д.*, разбирая и очень хваля «Ангарскіе пороги», между прочимъ писалъ: «Всякъ, кто былъ въ Сибири и знакомъ съ тѣми мѣстами, куда переноситъ насъ Г. Н. Щ., долженъ согласиться, несмотря на однообразный взглядъ и пристрастное мнѣніе сочинителя статьи, помѣщенной въ «Молвѣ», что онъ въ особенности отличается вѣрностью въ описаніи мѣстностей и въ изображеніи характеровъ жителей страны» и т. д.

84) «Молва» 1835, № 14. Ценз. разр. отъ 5 апрѣля 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

85) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

86) Очевидно описка вмѣсто *де-ла Моттъ Фуке*.

87—88) «Молва», 1835, № 14. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

89) «Молва» 1835, № 15. Ценз. разр. отъ 12 апрѣля 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло, съ опущеніемъ примѣчаній.

90) Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе

91) Намеки на статьи Шевырева, о которыхъ см. дальше статью «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Москов. Наблюдателя».

92) Тутъ уже *почти* взятъ надлежащій тонъ по отношенію къ Гоголю, но, все-таки, только въ ближайшей большой статьѣ (появившейся не въ № 5, а въ №№ 7 и 8 «Телескопа») Гоголь будетъ возведенъ въ надлежащій литературный рангъ.

93) «Молва» 1835, № 16. Цензурн. разр. отъ 19 апрѣля 1835.

94) Въ этомъ шутливомъ самопризнаніи констатирована одна изъ главнѣйшихъ особенностей всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго, которая для него всегда была лѣтописью его собственнаго духа. Что̀ его въ данный моментъ волновало, то онъ и спѣшилъ скорѣе вылить на бумагѣ при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Эта-то «предурная привычка» и сообщала его писаніямъ такую удивительную цѣльность. Ср. наше предисловіе къ I т. (стр. VII).

95) Мы хотѣли провѣрить отзывъ Бѣлинскаго, который вообще былъ крайне щепетиленъ по отношенію къ неблагопристойностямъ въ печати и даже отказывался цитировать Бенедиктовскую «Наѣздницу» (см. примѣч. 310). Но въ Публичной Библіотекѣ перваго изданія «Таинственнаго монаха» (кстати отмѣтимъ, что авторъ его—извѣстный Рафаилъ Зотовъ) не оказалось, а въ послѣдующихъ на указанномъ мѣстѣ ничего подходящаго нѣтъ.

96) «Молва» 1835, № 16.

97) Тамъ же. Обѣщанный разборъ, см. № 128 (стр. 241).

98) «Молва» 1835, № 17. Ценз. разр. отъ 26 апр. 1835.

99) Ср. т. II, стр. 72—73 и примѣч. 54.

100) «Молва» 1835, № 17 и 18. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ примѣчаній Надеждина.

101) Въ «Молвѣ» 1833 г. (№№ 44, 45, 46, 47, 48, 50; отвѣтъ Шевыреву и др. № 56) появился рядъ «Писемъ въ Петербургъ», подписанный иниціалами *П. Щ.* о гастроляхъ четы Каратыгиныхъ въ Москвѣ. Статьи *П. Щ.* вызвали возраженія Шевырева и др. въ №№ 52, 53, 54 и др. Ср. примѣч. 105.

102) Выраженія Шевырева и въ полемикѣ съ П. Щ., и въ статьяхъ «Моск. Наблюдателя», о которыхъ см. примѣч. № 451 и дальнѣйшія.

103) Кто такой *П. Щ.*, о которомъ съ большимъ уваженіемъ Бѣлинскій говоритъ и позднѣе, въ статьяхъ о «Московъ. Набл.», нельзя было доискаться. И это очень жаль, потому что исторіи русской театральной критики, весьма бѣдной именами серьезныхъ дѣятелей, слѣдовало бы отмѣтить имя этого талантливаго рецензента. Въ своихъ немногихъ, но блестяще написанныхъ статьяхъ *П. Щ.* проявилъ и хорошее образованіе, и прекрасный вкусъ и цѣльное эстетическое міросозерцаніе.

104) Запомнимте это опредѣленіе литературнаго ранга Гоголя. Оно намъ понадобится скоро для выясненія роли Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Гоголя. Ср. т. I, стр. 477 и примѣч. 199, т. II, примѣч. 257.

105) Трудно понять, въ чемъ тутъ Бѣлинскій видѣлъ самостоятельность своего «мнѣнія». Мочаловъ, съ перваго выступленія на московскую сцену, имѣлъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ и еще въ первый пріѣздъ Каратыгиныхъ въ Москву — въ 1833 г., когда ихъ обаяніе было прямо огромно, *П. Щ.* писалъ: «публика раздѣлилась на партіи, ожесточенныя непримиримо другъ противъ друга. Одни превозносятъ *Г. Каратыгина* до небесъ, видятъ въ немъ необычайное чудо, приходятъ въ восторгъ отъ каждаго движенія, выходятъ изъ себя при каждомъ словѣ; другіе напротивъ возстаютъ противъ него съ неумолимою жестокостію, отрицаютъ въ немъ всякое сценическое достоинство, негодуютъ на каждый жестъ, оскорбляются каждымъ звукомъ... Говорю безъ преувеличенія. Я видѣлъ людей, которые не обинуясь провозглашали, что самъ Тальма нашелъ бы чему поучиться у русскаго артиста; зато слышалъ и другихъ, кои спрашивали громко, не будетъ ли играть *Г. Каратыгинъ* Отелло, дабы видѣть, кто лучше: онъ или *Г. Мочаловъ меньшой*, трагикъ Нижегородскаго ѳеатра». («Молва» 1833 г., № 47). Черезъ 2 мѣсяца послѣ гастролей Каратыгиныхъ въ Москвѣ, Мочаловъ гастролировалъ въ Петербургѣ и та же «Молва» устами «Любителя Театра» становится органомъ восторженныхъ похвалъ ему. Вообще Мочаловъ былъ по меньшей мѣрѣ равносильнымъ Каратыгину любимцемъ публики. Говорить, что параллель между этими артистами-соперниками, параллель, безпрерывно проводимая публикою на каждомъ представленіи, будетъ встрѣчена возгласомъ «fi, donc»—было со стороны Бѣлинскаго преувеличеніемъ. Ср. о Мочаловѣ т. III, по поводу знаменитой статьи о немъ Бѣлинскаго 1838 г.

106) Несмотря на нѣсколько риторическую форму восторговъ Бѣлинскаго, то, что онъ здѣсь говоритъ о своихъ чувствахъ, слѣдуетъ понимать буквально. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что артистическая игра заставляла его «обмирать», когда даже въ простомъ разговорѣ Бѣлинскій, какъ писалъ Станкевичъ Невѣрову въ 1833 г. «способенъ вспыхнуть, прослезиться отъ

всякой прекрасной мысли, отъ всякаго благороднаго подвига» (Переписка, стр. 93).

107) «Отелло» давался въ 30-хъ годахъ въ переводѣ Вельяминова (Спб. 1808), который сдѣланъ не съ подлинника, а съ французской передѣлки Дюси. Шекспировскій «Отелло» появляется у насъ только въ 1836 г. въ переводѣ И. И. Панаева, который, впрочемъ, тоже очень неточенъ, потому что переведенъ съ французскаго перевода.

108) Превосходнѣйшая параллель, ставшая ходячей. Этимъ значительно расширялся самый горизонтъ оцѣнки, раздвигались рамки явленія, оно входило въ составъ большого цѣлаго. Если еще къ Каратыгину и Марлинскому присоединить Брюлова, то получается цѣлая однородная полоса въ развитіи русскаго искусства. Слабую сторону параллели, какъ и по отношенію къ Марлинскому, составляетъ отрицаніе «природнаго» таланта Каратыгина. Вѣрнѣе опредѣлялъ Каратыгина Станкевичъ, который въ это же самое время (26 апр. 1835 г.) писалъ Невѣрову: «Каратыгинъ здѣсь! Душа моя, сердись, не сердись, а онъ сталъ вдвое хуже прежняго: гримасничаетъ, дѣлаетъ фарсы, реветъ; но все-таки онъ съ рѣдкимъ талантомъ». (Переписка, стр. 132).

109) Этою превосходною статьею, по высокому паѳосу и яркому выраженію благородной личности автора, приближающейся къ «Литератур. Мечтаніямъ», Бѣлинскій блестяще дебютируетъ на поприщѣ критики театральной. Какъ и въ «Лит. Мечт.», онъ не сказалъ тутъ ничего новаго въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Главная задача статьи—выясненіе ходульности и приподнятости игры Каратыгиныхъ всецѣло составляетъ заслугу *П. Щ.*, который въ 1833 г. своими нападками вызвалъ цѣлую бурю. Въ «Молву» посыпался рядъ возраженій: Шевырева, — *л.* — (Н. Ф. Павловъ?) и др., такъ что Надеждинъ къ одному изъ возраженій долженъ былъ сдѣлать такое примѣчаніе: «Замѣчанія Г. *П. Щ.* на игру петербургскихъ артистовъ произвели такое движеніе между московскими литераторами, что редакція *Молвы*, по тѣснотѣ ристалища, не можетъ доставить возможности всѣмъ являющимся витязямъ броситься въ кипящую схватку» («Молва» 1833 г. № 57). Впрочемъ, и самому *П. Щ.* принадлежитъ только частное примѣненіе къ игрѣ Каратыгиныхъ общаго принципа естественности игры, который въ то время уже побѣдоносно вытѣснялъ ложно-классическія французскія традиціи. Какъ примѣръ того, что новыя требованія были уже тогда очень распространены, можно привести хотя бы уже упомянутые въ примѣч. № 105 отчеты «Любителя театра» о гастроляхъ Мочалова въ Петербургѣ. Мы здѣсь тоже находимъ рядъ весьма здравыхъ разсужденій о манерности «французской школы», ея неестественности, о томъ, что чувство и простота главное условіе сценическаго воздѣйствія и т. д. Приведенная въ 108-мъ примѣч. выдержка изъ «Переписки» Станкевича показываетъ также, что по существу ничего индивидуально-оригинальнаго Бѣлинскій не высказалъ. Но несравненное одушевленіе и сила проникновенія придали не новымъ мыслямъ глубокій интересъ. Черезъ 25 же лѣтъ, когда всякое воспоминаніе о статьяхъ *П. Щ.* и др. исчезло, а сочиненія Бѣлинскаго были изданы, его театральныя рецензіи послужили и продолжаютъ служить недосягаемымъ образцомъ высокаго отношенія къ тому роду критики, который, увы, такъ рѣдко подымается у насъ выше простыхъ отмѣтокъ. По воодушевленію и высотѣ тона къ театральнымъ рецензіямъ Бѣлинскаго подходятъ только театральные отчеты Аполлона Григорьева, но они, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не собраны и затеряны въ такихъ изданіяхъ, какъ «Русск. Міръ», «Якорь» и т. п.

110) «Молва» 1835, № 18. Ценз. разр. 3 мая 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

111) *Татьяна Петровна Пассекъ*, «Корчевская кузина» Герцена, въ которую онъ въ молодости былъ влюбленъ, урожденная Кучина, жена Вадима Пассека (см. выше примѣч. 54, р. 25 іюля 1810, ум. 24 марта 1889). Впослѣдствіи пріобрѣла извѣстность своими воспоминаніями о Герценѣ, Огаревѣ и др. («Изъ дальнихъ лѣтъ» 3 т. Спб. 1878—1889. Первоначально печатались въ «Русск. Старинѣ»). Бѣлинскій не былъ тогда знакомъ съ Пассеками, а то, что книга печаталась «за глазами переводчицы» онъ могъ узнать изъ непосредственнаго источника—типографіи Степанова, съ которой имѣлъ тогда безпрерывныя сношенія, какъ редакторъ Молвы».

112) «Молва» 1835, № 18. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

113) См. выше примѣч. 14.

114) «Молва» 1835, № 19. Ценз. разр. 10 мая 1835.

115) Мы сами не могли доискаться, откуда взята эта цитата, а справки у лицъ, занимавшихся нашей исторіографіей, пока не привели къ опредѣленнымъ результатамъ.

116) Эта формула находится въ извѣстной связи съ міросозерцаніемъ, которое самъ Бѣлинскій впослѣдствіи назвалъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ «абстрактнымъ героизмомъ» и за которое такъ жестоко себя ругалъ. Однако, усматривать тутъ своего рода pendant къ формулѣ «Искусство для искусства» было бы ошибочно. Въ той формѣ, какъ Бѣлинскій понимаетъ «знаніе ради знанія», нѣтъ ни тѣни той кастовой надменности, того холоднаго индифферентизма, которымъ переполняются узкіе спеціалисты, ничего знать не хотящіе, кромѣ своей науки. Изъ общаго смысла статьи совершенно очевидно, что Бѣлинскій хлопочетъ только о томъ, чтобы въ основу науки положить не грубо-матеріалистическіе и мелко-практическіе житейскіе интересы, а идеальный интересъ къ познанію истины. По существу тутъ нѣтъ отвлеченія отъ жизни, какъ у дѣйствительныхъ жрецовъ формулы «знаніе ради знанія», а напротивъ того, все сводится къ пламенному желанію поднять уровень жизни, погрязшей въ мелкихъ интересахъ, одухотворить ее, наполнить «дыханіемъ жизни Божіей». Въ устахъ Бѣлинскаго «знаніе ради знанія» имѣетъ только одинъ смыслъ: учитесь и изслѣдуйте не потому, что это будетъ выгодно «спекуляціи и торговлѣ», а потому, что цѣль жизни мыслящаго человѣка—познаніе «цѣли своего существованія». Своею формулою Бѣлинскій прежде всего провозглашаетъ *независимость* научной мысли.

117) Основное положеніе шеллингизма. Ср. т. I, стр. 318 и 417 (прим. 25-ое).

118) Извѣстный геттингенскій профессоръ исторіи Арнольдъ-Германъ-Людвигъ *Гееренъ* или *Геренъ*, какъ его у насъ называли (Heeren, 1760—1842), былъ въ 30-хъ гг. чрезвычайно популяренъ въ Россіи и особенно въ москов. университетѣ, гдѣ имя его было у всѣхъ на устахъ, и у профессоровъ, и у студентовъ. Прямо «по Герену» читали и Надеждинъ, и Погодинъ. Послѣдній составилъ «Лекціи по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра» (М. 1835—36) и издалъ Гереновское «Руководство къ познанію Древней политической исторіи» въ переводѣ своего слушателя, кандидата А. Каяндера (М. 1836). До того появилось въ переводѣ Ростислава Орлова Гереновское «Руководство къ исторіи политич. системы Европ. государствъ и колоній ихъ» (Спб. 1832—34, 3 ч.).

119) Виднѣйшій изъ современныхъ русскихъ «всеобщихъ» историковъ—

В. И. Герье, считаетъ исходнымъ пунктомъ послѣдняго періода римской и всемірной исторіи не Августа, а Пуническія войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и въ разсматриваемой рецензіи Бѣлинскаго, ученый историкъ дѣлаетъ сопоставленія на мотивъ: «посредствомъ завоеванія городъ Римъ становится *міромъ* (urbs-orbis)». («Энциклоп. Слов.» т. XXVI, стр. 757). Было бы чрезвычайно интересно узнать отъ людей, спеціально занимающихся исторіею русскаго изученія классическаго міра, въ какой степени Бѣлинскій, возставая противъ обычнаго дѣленія (компиляторъ Кайдановъ не свои же дѣленія устанавливалъ), имѣлъ право сказать «мнѣ кажется» и ему ли первому принадлежитъ сопоставленіе: «Римъ» и «міръ», которое, конечно, могло возникнуть только на русской фонетической почвѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ представлялъ бы большой интересъ, какъ новое подкрѣпленіе подмѣченной еще кн. Одоевскимъ замѣчательной способности Бѣлинскаго самому додумываться, при небольшомъ количествѣ фактовъ, до важныхъ и цѣнныхъ выводовъ. «Бѣлинскій», говоритъ Одоевскій въ своихъ воспоминаніяхъ («Русск. Архивъ» 1874, ч. I, стр. 339), «былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ натуральней философіи развивалъ цѣлый органическій философическій міръ— sui generis».

120) Это мѣсто легко можно истолковать ложно, какъ нежеланіе вводить въ кругъ историческихъ изученій доисторическій бытъ. На самомъ дѣлѣ, если разсматривать рецензію Бѣлинскаго въ связи съ историческими взглядами всего его кружка, то становится яснымъ, что Бѣлинскій хотѣлъ только *разграничитъ* исторически-достовѣрное отъ неподлежащаго точному констатированію. Основатель критической исторіи древняго Рима, знаменитый Нибуръ, которымъ тогда бредилъ Полевой, кружокъ Станкевича и лучшіе научные кружки наши, оставляя въ сторонѣ эпоху римскихъ царей, какъ періодъ баснословный, начиналъ свою «Römische Geschichte» съ первыхъ записей фактовъ «общественной жизни».

121) То же выраженіе научно-обобщенныхъ взглядовъ кружка, которымъ насмѣшливо поучаетъ Бѣлинскій Кайданова на всемъ протяженіи рецензіи. Имя Кайданова часто будетъ встрѣчаться у Бѣлинскаго какъ синонимъ устарѣлаго и младенческаго отношенія къ задачамъ исторіи и потому дадимъ о немъ нѣсколько свѣдѣній.

Иванъ Козьмичъ **Кайдановъ**, род. видимо въ Малороссіи около 1780 г., происходилъ изъ духовнаго званія, до 1801 г. учился въ кіевской Духовной Академіи, былъ нѣкоторое время учителемъ переяславской семинаріи, затѣмъ поступилъ въ спб. педагогическій институтъ. Въ 1807 г., получивъ званіе старшаго учителя гимназіи, вмѣстѣ съ другими лучшими воспитанниками, былъ отправленъ въ Германію, гдѣ оставался съ 1808 до 1811 г., занимаясь, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Геерена (см. примѣч. № 118) въ Геттингенѣ. По возвращеніи былъ назначенъ сначала адъюнктъ-профессоромъ, затѣмъ профессоромъ въ царскосельскій лицей, гдѣ преподавалъ до 1841 г. исторію, географію и статистику. Ум. въ 1843 г. Въ 1826 году былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Кайданову принадлежитъ рядъ имѣвшихъ огромное распространеніе учебниковъ: 1) „Основанія всеобщей политической исторіи". Ч. I. „Древняя исторія". Спб. 1814. 2) „Руководство къ изученію Всеобщей политич. исторіи". Спб. 1817—37. 6 изд. 3) „Хронологическая и синхронист. таблица". Спб. 1819—1821.

3 листа. 4) „Краткое начертаніе Всемірной исторіи". Спб. 1822—1854. 16 изд. 5) „Начертаніе исторіи государства Россійскаго". Спб. 1829—34. 4 изд. 6) „Извлеченіе изъ рукоп. лекцій, преподав. воспит. Импер. царско-сельскаго лицея". Спб. 1832. 8°. — Тоже. Кн. 2-я, въ коей содержится: Излож. исторіи открытія Америки и морского пути въ Восточную Индію, и излож. исторіи реформ. въ зап. церкви и происх. Голландской республики. Спб. 1839. 8°. 7) „Краткое изложеніе дипломатіи Росс. Двора, со времени восш. на Всероссійскій престолъ дома Романовыхъ до конч. Императора Александра I". 2 ч. Спб. 1833. 8°. 8) „Краткое начертаніе Россійск. исторіи". Спб. 1834—47. 7 изд. 9) „Учебная книга Всеобщей исторіи. Древняя исторія". Спб. 1834—44. 5 изд. 10) Тоже. „Исторія среднихъ вѣковъ". Спб. 1837—43. 3 изд. 11) Тоже. „Исторія 3 послѣднихъ вѣковъ и первой половины XIX в. Спб. 1841—43 2 изд. 12) „Обзоръ Всеобщей исторіи, или указ. на главнѣйшія событія, случившіяся въ свѣтѣ отъ сотворенія міра до нашихъ временъ". Спб. 1836. 16°. Нѣсколько небольшихъ статей Кайдановъ помѣстилъ въ „Сынѣ Отеч.": „Освобожденіе Швеціи отъ тиранства Христіана II, короля датскаго" (1812, № 10); „Крестовые походы" (1819, № 47); „О войнѣ 1812 г." (1833). Слава учебниковъ Кайданова была такъ велика, что ихъ перевели на нѣмецкій, французскій, румынскій и польскій яз.: „Kurzer Abriss der russischen Geschichte". Uebersetzt von *C. Fr. Storch.* Mitau. 1839; „Krótki rys historyi powszechney". Przetłumaczył *Franc. Zatorski.* Wilno. 1832. 6 изд.—Варшава. 1850; „Rys historyi powszechney", переводъ *Бентковскаго*, Варшава, 1825—28 и *Рогальскаго* 3 изд. 1825—46; „Précis de l'histoire de Russie", переводъ *J. Languen.* Спб. 1842 и 2 изд. Ib. 1845. Румын. перев. *Асаки* „Начертанія ист. гос. рос." по указанію Геннади напеч. въ „Ешій" (?) въ 1832 г., но въ каталогѣ отдѣленія *Russica* Публичной Библіотеки, которая собираетъ самомалѣйшую брошюру о Россіи и всѣ переводы русскихъ авторовъ, румынскихъ переводовъ Кайданова не указано.

Учебники Кайданова и историческіе взгляды его, представлявшіе въ 1810-хъ и даже 1820-хъ гг. извѣстный прогрессъ въ сравненіи съ старыми учебниками Екатерининскихъ временъ, еще державшихся въ школьномъ преподаваніи, въ 1830-хъ казались устарѣлыми не одному только кипѣвшему новизною Бѣлинскому. Кайданова вышучивалъ уже раньше его „Московскій Телеграфъ". Мало одобрительно относился къ нему и Погодинъ. Бывшій его ученикъ по Лицею — декабристъ Кюхельбекеръ писалъ въ своемъ дневникѣ подъ 28 окт. 1833 года:

„Добраго нашего И. К. Кайданова историческій слогъ ни на что не похожъ. Изъ его всемірной исторіи помѣщенъ въ „Сынѣ Отечества" отрывокъ, въ которомъ онъ описываетъ войну 1812 года: тутъ при имени каждаго русскаго генерала нѣсколько риторическихъ эпитетовъ и приложеній, — тотъ нашъ Декій, тотъ Фабій, а тотъ Эпаминондъ, другой безтрепетный герой, готовый всѣмъ жертвовать славѣ, третій мудрый, прозорливый вождь; словомъ, ни одинъ не пропущенъ безъ подобающей ему чести. Не такъ пишутъ исторію" („Русск. Стар." 1883, т. 39, стр. 125). Другой ученикъ—болѣе поздней эпохи (1832—38) — А. Н. Яхонтовъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ царскосельскаго лицеиста":

„Профессоръ Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ въ ту пору былъ уже старикомъ и жилъ своею старой (?) репутаціей. Ученикъ Герена, онъ издалъ свой учебникъ, теперь давно забытый, при составленіи котораго широко пользо-

вался исторіею Ансильона, и ограничивался чтеніемъ своей книжки, вставляя иногда свои краткія объясненія. Все это выходило сухо и скучно, вслѣдствіе чего мы занимались этимъ предметомъ вяло и неохотно. Весь курсъ всеобщей исторіи оканчивался у насъ воцареніемъ Людовика XVI; о первой французской революціи мы отъ Кайданова не слышали ни единаго слова!" („Русск. Стар." 1888, т. 60, стр. 113).

Ср. *Селезневъ*, Очеркъ ист. царскольск. Лицея, *Ровинскаго*, Словарь гравированныхъ портретовъ, и другіе словари. *Отзывы* объ учебникахъ Кайданова: О „*Руковод. къ познанію всеобщ. политич. исторіи*". 1) *А. Измайловъ*, въ „Сынѣ Отечества" 1817, № 33. 2) Тамъ же, 1821, № 38. 3) „Сѣв. Пчела" 1826, № 105. 4) „Сынъ Отеч." 1827, № 76. 5) *М. П. Погодинъ*, въ „Моск. Вѣстн." 1827. ч. 6, стр. 49—71. 6) „Сѣв. Пчела" 1831, № 119. 7) *Савельевъ*, въ „Маякѣ" 1840, ч. 6, гл. 4, стр. 51—78. О „*Краткомъ начертаніи всеобщей исторіи*". 1) *Булгаринъ*, въ „Сѣв. Арх." 1823, № 5. 2) „Сѣв. Пчела" 1827, № 76. 3) „Отеч. Зап." 1840, т. VIII, отд. VI, 25; 1843, т. 30, отд. VI, 9; 1844, т. 33, отд. VI, 86. 4) *Е. Кемницъ*, въ „Учителѣ" 1863, № 11—12, т. 3, стр. 601—602. О „*Начертаніи исторіи государства Россійскаго*". 1) „Моск. Телегр." 1829, т. 30, стр. 226—238. 2) „Сѣв. Пчела" 1829, № 136. 3) „Атеней" 1830, ч. 1, стр. 108—109. 4) *М. Погодинъ*, въ „Московъ. Вѣстн." 1830, ч. 2, стр. 348—355. 5) „Карман. кн. для любителей русской старины на 1830 г.", стр. 273—274. Объ „*Извлеченіи изъ рукописныхъ историч. лекцій*". 1) „Моск. Телеграфъ" 1832, № 2, 249. 2) „Отеч. Зап." 1839, т. IV, отд. VII, стр. 34. О „*Краткомъ изложеніи диплом. Россійск. Двора, со вступленіемъ на престолъ дома Романовыхъ*". „Сѣв. Пчела" 1833, № 52. Объ „*Учебной книгѣ всеобщей исторіи*": 1) „Сынъ Отеч.", ч. 184, стр. 495. 2) „Литерат. прибавл." 1838, № 44. 3) „Библ. для Чтенія" 1837, т. 23, отд. VI, стр. 18. 4) Тамъ же, 1838, т. 27, отд. VI, стр. 33. 5) „Отеч. Зап." 1847, т. 18, отд. VI, стр. 26. 6) Тамъ же, 1842, т. 21, отд. VI, стр. 64. 7) Тамъ же, 1843, т. 28, отд. VI, стр. 9.

122) Жюльенъ-Луи *Жоффруа* (1743—1814)—знаменитый французскій театральный критикъ, создавшій этотъ родъ журнальной литературы въ фельетонахъ „Journal des Debats". Человѣкъ наглый и продажный, онъ вообще выдавался своею рѣзкостью и грубостью. Низкопоклонный шовинистъ, онъ нападалъ на все отступавшее отъ традиціи и въ томъ числѣ на все иностранное. Бѣлинскій, конечно, могъ его знать только по наслышкѣ. Хотя фельетоны Жоффруа и вышли въ 1819 и 1820 г. въ 6 т. подъ заглавіемъ „Cours de littérature dramatique", но Бѣлинскому они едва ли были извѣстны, потому что больше онъ о Жоффруа не говоритъ нигдѣ.

123) „Молва" 1835, № 19. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

124) Тамъ же.

125) Покамѣстъ отношеніе къ журналу Шевырева довольно почтительное. Вскорѣ закипитъ ожесточенный бой.

126) „Молва" 1835, № 20. Цензурн. разр. отъ 17 мая 1835 г.

127) Въ „Фантастическихъ путешествіяхъ" барона Брамбеуса.

128) 1835 г., т. VIII, отд. VI, стр. 52—55, насмѣшливый отзывъ Сенковскаго какъ о самой книгѣ, такъ и о переводѣ, относительно котораго злой рецензентъ, между прочимъ, говоритъ: „не беремся рѣшить, какому вѣку онъ принадлежитъ: вѣроятно, Корсунской эпохѣ искусства Русскаго слова".

129) Василій Николаевичъ **Берхъ** (18 мая 1781—21 дек. 1834) — трудолюбивый, но совершенно лишенный высшихъ взглядовъ на задачи исторіи историкъ русскаго флота и царей изъ дома Романовыхъ, по специальности гидрографъ. Важнѣйшія изъ отдѣльно изданныхъ имъ сочиненій: „Древнія государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя". 6 ч. Спб. 1821; „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны". 2 ч. Спб. 1821—23; „Хронологическая исторія открытія Алеутскихъ острововъ". Спб. 1823; „Первое морское путешествіе россіянъ". Спб. 1823; „Собраніе писемъ Императора Петра I", 4 ч. Спб. 1829—30; „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота". 4 ч. Спб. 1831—36; „Царствованіе царя Алексѣя Михайловича". 2 ч. Спб. 1831; „Царствованіе царя Михаила Θедоровича". 2 ч. Спб. 1832; „Царствованіе царя Θедора Алексѣевича". 2 ч. Спб. 1834. Перечень остальныхъ многочисленныхъ работъ Берха см. въ III-мъ томѣ нашего „Критико-біографич. словаря". (Ст. *М. Н. Мазаева*).

Александръ Ивановичъ **Вейдемейеръ** (1789—11 марта 1852) принадлежитъ къ тому же типу собирателей груды фактовъ. Бѣлинскому могли быть извѣстны изъ его сочиненій: „Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны" (Спб. 1831, 1832 и 1835 и 2 ч.) и „Царствованіе Елизаветы Петровны" (Спб. 1834 и 1835, 2 ч.). Въ своемъ, вполнѣ правильномъ, отношеніи къ Берху и Вейдемейеру Бѣлинскій повторялъ Полевого (его статьи о Берхѣ въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1831, ч. 37 и 1833, о Вейдемейерѣ: „Московскій Телеграфъ" 1831, ч. 42; 1834, ч. 55). Ср. „Критико-біогр. Словарь" т. V ст. *В. Θ. Боцяновскаго*.

130) Въ т. VIII «Библ. д. Чт.» 1835 г. Сенковскій, въ общемъ относясь къ изданію Полевого какъ къ предпріятію «важному и похвальному», вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что «только меньшая часть помѣщеннаго въ I-мъ томѣ заслуживаетъ этой чести» (отд. V, стр. 18).

131) Отношеніе къ Полевому продолжаетъ быть (см. прим. 59) чрезвычайно благожелательнымъ. Когда писалась эта рецензія, уже состоялось приглашеніе Полевого въ «Телескопъ» и «Молву». Какъ только Бѣлинскій взялся въ апрѣлѣ 1835 г. за редактированіе «Телескопа» (см. примѣч. № 355), онъ написалъ Полевому слѣдующее письмо:

«М. Г. Николай Алексѣевичъ! Я принимаюсь за изданіе журнала, принимаюсь не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ дѣтскаго тщеславія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не по сознанію въ своихъ силахъ и въ своемъ назначеніи, а изъ увѣренности, что *теперь* всякій можетъ сдѣлать *что-нибудь*, если имѣетъ хоть искру способности и добра... Какъ бы то ни было, но мнѣ было бы пріятно имѣть читателемъ того человѣка, который съ такимъ благороднымъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ старался водрузить на родной землѣ хоругвь вѣка, который воспиталъ своимъ журналомъ нѣсколько юныхъ поколѣній и сдѣлался вѣчнымъ образцомъ журналиста... Да, мнѣ пріятно и лестно думать, что вы будете иногда, въ рѣдкіе часы вашего досуга, перелистывать книгу, мною составленную, хотя, можетъ быть, для васъ это будетъ ни пріятно и ни лестно... Но ваше вниманіе ко всякому благородному порыву, ваше расположеніе и ласковость къ молодымъ людямъ, сколько-нибудь принимающимъ участіе въ дѣлахъ книжнаго міра, ваша снисходительность къ слабости силъ при честныхъ намѣреніяхъ, въ чемъ я имѣлъ удовольствіе увѣриться собственнымъ опытомъ, заставляютъ меня надѣяться, что вы не отка-

жетесь принять моего приношенія. Николаю Ивановичу (Надеждину) было очень пріятно исполнить мое желаніе» (Пыпинъ, т. I, стр. 144).

132) «Молва» 1835, № 21. Ценз. разр. отъ 23 мая 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

133) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ стиховъ изъ «Дитяти поэзіи» и сопоставленія со стихами «Въ понедѣльникъ я влюбился» и т. д.

134) Бездарное подражаніе «Кавказскому плѣннику» — «Киргизскій плѣнникъ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Муравьева*». М. 1828.

135) «Молва» 1835, № 22. Ценз. разр. отъ 31 мая 1835.

136) Стихи Державина

137) Въ повѣсти Масальскаго «Донъ-Кихотъ» («Библіот. д. Чт.» 1834, т. VII) помѣщикъ Левкоевъ, начитавшись новѣйшихъ нѣмецкихъ философовъ, прямо впадаетъ въ «болѣзнь, извѣстную подъ именемъ мономаніи. Онъ обо всемъ могъ говорить связно и основательно, но едва рѣчь, даже слегка и мимоходомъ, касалась философіи, какъ въ головѣ его возставалъ хаосъ, въ которомъ всѣ отвлеченныя выраженія новѣйшихъ философовъ — дуализмъ, идеализмъ, идеотизмъ, трансцендентализмъ, макрокозмъ, микрокозмъ, потенцъ, индивидуальность, реальность, объективность, субъективность и прочая, безпорядочно летали и кружили, какъ хлопья снѣга во время сильной вьюги». Левкоевъ все время говоритъ жаргономъ шеллинговской философіи о связи съ «всеобщей жизнью» и т. п. и его за это собираются посадить въ сумасшедшій домъ. Другая попытка «Библ. д. Чтенія» убить русскихъ послѣдователей нѣмецкой философіи — есть, очевидно, повѣсть «Піюша, о которой см. дальше, стр. 357—362.

138 — 40) Рядъ шутливо-выраженныхъ, но до дна души проникшихъ основъ идеалистическаго міросозерцанія кружка. Не хотѣлось унижаться до серьезнаго разговора съ такимъ представителемъ пошлости, какъ Брамбеусъ, не хотѣлось говорить съ нимъ о томъ, что̀ составляло святыню, и Бѣлинскій отдѣлывается насмѣшками. Но по существу предъ нами вся программа періода если и «абстрактнаго», то все же истиннаго «героизма», когда почти въ каждомъ письмѣ Станкевича говорилось о «подвигѣ жизни» и цитировалось Шиллеровское «Resignation», съ его отказомъ отъ наслажденія или, по выраженію Бѣлинскаго, «объяденія земными благами». «Надобно или дѣлать добро, или приготовлять себя къ дѣланію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи, и потомъ, чтобы добрыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствовать себя въ умственномъ отношеніи». Такую программу ставилъ себѣ Станкевичъ и терзался, что недостаточно дѣлалъ для ея осуществленія (Переписка, 89). Богатый, молодой, красивый, обаятельный другъ и вдохновитель Бѣлинскаго считалъ малодушіемъ даже мечты о благахъ «животной жизни», о личномъ счастіи. «Я не молюсь о своемъ счастіи», писалъ Станкевичъ въ тѣ же годы и даже мѣсяцы (письмо отъ 6 авг. 1835); «съ меня довольно быть человѣкомъ. Я говорю: Господи! буди въ сердцѣ моемъ и дай мнѣ совершить подвигъ на землѣ; и если слезящій взоръ обратится къ нему съ другою, невольною молитвою, я говорю, — но да будетъ, не якоже азъ хощу, но якоже ты хощеши. Когда же вся тяжесть пожертвованій безъ вознагражденія представляется мнѣ, я прибавлю: Господи! если возможно, да мимо идетъ чаша сія!» (Переписка, стр. 144).

141) Марія *Коттенъ* (1772—1807), въ свое время знаменитая французская романистка. Бѣлинскій къ ней относился несправедливо, ставя на одну доску съ манерной и афектированной г-жей Жанлисъ и нѣсколькими

строками дальше причисляя ее къ «литературной сволочи». Г-жа Коттенъ, положивъ въ основу своихъ произведеній исторію собственнаго, весьма благороднаго сердца и собственныхъ несчастій, дѣйствительно много говорила о самоотреченіи, но въ этомъ не было ничего ханжескаго и святошескаго. Произведенія Коттенъ или какъ ее называли у насъ *Коттенъ*, усердно переводились въ началѣ вѣка на русск. яз. и несомнѣнно хорошо были извѣстны Бѣлинскому: «Взятіе Іерихона» (Спб. 1805); «Амелія Мансфельдъ" (М. 1810 и 1817); «Елисавета Л.» (М. 1810 и позднѣе 4 изд.); «Мальвина» (М. 1816—18); «Матильда»—самый знаменитый романъ Коттенъ (3 изд. М. 1806—1821); «Наталья Беллозонъ» (М. 1817). Одинъ изъ разсказовъ Коттенъ «*Елизавета Л.*» (Лупалова) далъ тему знаменитому разсказу Ксавье де-Мэстра «Параша Сибирячка», въ свою очередь обработанному въ извѣстной драмѣ Полевого. Пушкинъ тоже называетъ г-жу Коттенъ «чопорной» и «приторной» (Рецензія о Лобановѣ), но все же не такъ безжалостенъ и не отсылаетъ ея произведенія въ лакейскую, какъ Бѣлинскій (см. дальше, стр. 508).

142) Въ то время это слово, теперь въ печати почти не употребляемое, не было еще такою рѣзкостью и у Бѣлинскаго оно встрѣчается нѣсколько разъ.

143) «Молва» 1835, № 22. Въ изд. Солдатенкова не вошла.

144) «Молва» 1835, № 23. Ценз. разр. отъ 7 іюня 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Водевили Александра Ивановича *Булакова* (1815—1836) пользовались большою извѣстностью. Ср. о немъ: *В. Григорьевъ* и *П. Савельевъ* въ «Спб. Вѣд.» 1837 г., № 8; *Вольфъ*, Хроника Петерб. театровъ; *А. Э. (Экземплярскій)* въ «Энц. Сл.» Брокгауза-Ефрона.

145) «Молва» 1835, № 23. Въ изд. Солдатенкова вошло въ сокращенномъ видѣ.

146) Тамъ же.

147) Слишкомъ поэтъ. Домыслы Вельтмана имѣютъ очень мало научнаго значенія.

148) Въ изд. Солдатенкова и др. слово «*Скептиковъ* напечатано безъ кавычекъ и не курсивомъ и не прописною буквою, благодаря чему фраза совершенно потеряла свой смыслъ. Подъ «Скептиками» тутъ разумѣется такъ называемая «Скептическая школа» русской исторіографіи и тогда эта строчка становится очень интересной для характеристики способности Бѣлинскаго всецѣло отдаваться всякому новому настроенію. Меньше года тому назадъ Бѣлинскій, отдаваясь настроенію своихъ товарищей-историковъ (ср. т. I, стр. 380), горячо защищалъ всю совокупность ученія «Скептиковъ» и даже одни догадки и предположенія главы школы Каченовскаго давалъ какъ фактъ, безъ всякихъ оговорокъ (см. т. I, стр. 429, примѣч. 38). Но теперь, какъ это видно изъ дальнѣйшаго примѣчанія № 158, скептическое направленіе уже не владѣло всецѣло умами ближайшихъ друзей Бѣлинскаго и вотъ онъ, не имѣя претензій на самостоятельность въ области историческихъ разысканій, тоже отъ него отходитъ и уже ловитъ всякій «новый и сильный фактъ противъ Скептиковъ».

149) «Молва» 1835, № 23. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

150) Тамъ же.

151) Михаилъ Евстафіевичъ **Лобановъ** (род. 8 ноября 1787, ум. 5 іюня 1846), посредственнѣйшій одописецъ, драматургъ и плохой переводчикъ Расиновскихъ трагедій, пользовавшійся, однако, извѣстностью и даже попавшій въ члены Россійской Академіи, а передъ смертью (1845) въ ординарные академики Академіи Наукъ (при почти полномъ отсутствіи историко-литер. трудовъ). Учился

въ спб. іезуитскомъ пансіонѣ и педагогич. институтѣ, послѣ чего преподавалъ русск. словесность въ домѣ гр. Строгоновыхъ. Въ 1810 поступилъ на службу по духов. вѣдомству, съ 1813 по 1841 служилъ въ Публич. Библіотекѣ. Былъ друженъ съ Гнѣдичемъ, Оленинымъ, отчасти Батюшковымъ. Онъ привыкъ къ хорошему отношенію къ себѣ критиковъ изъ пріятелей (Гнѣдичъ, Сомовъ, Воейковъ); дурно къ нему относившійся Пушкинъ высказывался о немъ только въ частной перепискѣ. Неудивительно, что отзывъ Бѣлинскаго страшно взбѣсилъ самолюбиваго драматурга, настолько не сознававшаго своего ничтожества, что онъ рѣшился конкурировать съ Пушкинскимъ «Борисомъ». Въ рѣчи «Мнѣніе о духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной», произнесенной въ собраніи Россійской Академіи 18 янв. 1836 г. (напечатана позднѣе въ «Трудахъ» Россійской Акад. 1840 г., ч. III) онъ изступленно накинулся на «нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія» въ современной журналистикѣ, которыя ведутъ къ тому, что распространяются «пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и слѣдовательно будущихъ заблужденій или преступленій...» Весь этотъ грозный окрикъ относился исключительно къ Бѣлинскому, потому что остальная журналистика состояла: изъ болѣе чѣмъ благонамѣренной «Библ. для Чтенія», вѣчно нападавшей на французскую литературу, въ которой Лобановъ видѣлъ главный источникъ зла; изъ «Сына Отеч.», изд. Гречемъ, изъ «Сѣв. Пчелы», изъ «Москов. Наблюдателя» Шевырева и Погодина. «Москов. Телеграфа» уже не было, а бывшій его редакторъ уже заключилъ тогда союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ. Насколько же упреки въ «безвѣріи» и т. п. могутъ быть примѣнимы къ Бѣлинскому 1834—36 гг., читатель и самъ можетъ судить. Черезъ нѣсколько строкъ Лобановъ выдаетъ себя головою, когда приходится болѣе детально говорить о журнальныхъ ужасахъ: «Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей Словесности, всякій благомыслящій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ—совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство...» Вотъ въ этомъ-то «буйствѣ» и «наглости» рецензентовъ, т.-е. все того же Бѣлинскаго, и лежалъ источникъ гнѣва вышученнаго академика. И гнѣвъ этотъ былъ такъ безмѣренъ, что не довольствовался просто обличеніемъ въ «безвѣріи», хотя по тѣмъ временамъ, да еще исходя изъ стѣнъ академіи, такое обвиненіе само по себѣ было средствомъ достаточно сильнымъ. Какъ истинно-бездарный человѣкъ, Лобановъ былъ лишенъ такта и въ той же рѣчи предлагалъ Академіи ни больше ни меньше какъ заняться *дополнительнымъ цензурированіемъ книгъ!*

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ», вопіялъ Лобановъ, «цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто-жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности».

Дикая выходка Лобанова встрѣтила достойный отпоръ въ Пушкинѣ, который въ III-ей кн. «Современника» за 1836 г. помѣстилъ статью «Мнѣніе

М. Е. Лобанова о духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной». По общедоступности сочиненій Пушкина не останавливаемся на возраженіяхъ его, которыя сводятся къ тому, что нападки Лобанова совершенно не имѣютъ подъ собою фактической почвы («кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества?») и лишаютъ русскую литературу дарованной ей «законной свободы мысли».

Ср. о Лобановѣ, кромѣ словарей Брокгауза, Геннади, Ровинскаго и др.: О переводѣ *«Ифигеніи» Гнѣдичъ*, Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ. Спб. 1815. Объ *«Одѣ россійскому воинству»*: *Пожарскій*, въ «Демокритѣ» 1815, 4. О перев. трагед. *Расина «Федра»*. 1) *О. Сомовъ*, «Сынъ Отеч.» 1823, 46. 2) *С. А(ксаковъ)*, «Вѣстн. Евр.» 1824, 1. (Письмо въ ред.). Объ *«Элегіи на кончину Софіи Дмитріевны Нарышкиной»*: «Сынъ Отеч.» 1824, 31. О трагедіи *«Борисъ Годуновъ»*: 1) «Молва». 1835, № 23. 2) *Ф. Булгаринъ*, въ «Сѣв. Пчелѣ». 1835, № 64. О статьѣ *«Мнѣніе о духѣ словесности»* 1) *А. С. Пушкинъ*, «Современникъ», 1836, т. II, 94 и Сочиненія. 2) «Отеч. Записки», 1846. т. XIV отд. VI, 35. (Отзывъ *Бѣлинскаго*). О *«Жизни и сочиненіяхъ И. А. Крылова»*: 1) «Отеч. Зап.» 1847, № 3, т. 51, отд. 6, стр. 1—8. 2) «Современникъ». 1847, т. I, отд. III, стр. 124. Разнаго рода свѣдѣнія о Лобановѣ: 1) *Араповъ*, Лѣтопись русск. театра. 2) *Тихоновъ*, Ник. Ив. Гнѣдичъ. Спб. 1884. 3) *Вигель*, Воспоминанія. 4) *Сухомлиновъ*, Ист. росс. акад. 5) *Пушкинъ*, письма. 6) *Батюшковъ*, Примѣч. къ его соч. т. III. (ст. *В. И. Саитова*). 7) *П. А. Плетневъ*, Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Соч., т. 2. 8) *В. Майковъ*, Критич. опыты. 435—444. 9) «Починъ», Сборн. общ. люб. росс. слов., т. I, стр. 211. 10) *С—въ*, въ «Нов. Зрит.» 1820. (Письмо къ сочин. замѣч. на тр. Танкредъ, пер. съ фр. *Н. И. Гнѣдичемъ*). 11) «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1846, ч. 50, 6, стр. 40 (Некрологъ). 12) «Сѣв. Пчела». 1846. 127. (Некрологъ). 13) *А. О. Круглый*. «Ист. Вѣстн. 1880, 8, стр. 664—709, «Лобановъ и его отнош. къ Гнѣдичу и Загоскину». 14) «Русск. Стар.» 1883, 39 (Іюль), стр. 23. (Письма Батюшкова къ Гнѣдичу»). 15) «Ист. Вѣстн.» 1896, № 6, стр. 253 (Смѣсь). 17) «Моск. Вѣд.» 1896, № 152. *Отдѣльно изданныя* произведенія Лобанова: 1) Элегія при гробѣ Князя Смоленскаго. Спб. безъ года. 8°. 2) Ода Россійскому воинству. Спб. 1813, 8°. 13 стр. 3) Ода на прибытіе Императора Александра (въ Спб.), Іюля 13 дня 1814. Спб. 1814, 4°. 4) Элегія на кончину Софіи Дмитріевны Нарышкиной. Спб. 1824, 8°, 6 стр. 5) Ифигенія въ Авлидѣ, трагедія *Расина*. Спб. 1815. 6) Хоръ при открытіи Бюста въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Спб. 1816. 7) Федра, трагедія *Расина*, въ пяти д., перев. *М. Лобанова*. 1823. 8° Переводъ посвященъ Имп. Елизаветѣ Алексѣевнѣ. 8) Борисъ Годуновъ. Трагедія въ 3 д. Спб. 1835, 8°. 9) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Спб. 1847. Въ *Журналахъ* помѣщены: Отрывки изъ Ифигеніи, тр. *Расина*. «Чтенія въ Бес. л. р. слов.» 1813, 13. Ожиданіе вѣстника изъ Парижа. «Сынъ Отеч.» 1814, 16. Пѣсня: Ѣздилъ Русской, бѣлой царь... «Сынъ Отеч.» 1814, 27. Ода на прибытіе Им. Александра. «Сынъ Отеч.» 1814, 35. Элегія. «С. Отеч.» 1814, 41. Посланіе къ друзьямъ. «С. Отеч.» 1815, 1. Посланіе къ русс. писателямъ «С. Отеч.» 1816. 2. Пѣснь на взятіе Парижа. «С. Отеч.» 1816. 13. Элегія при гробѣ кн. Смоленскаго. «С. Отеч.» 1816, 15. Смерть Ипполита «Поляр. Звѣзда». 1823. Отрывокъ изъ Федры, тр. *Расина*. «Журн. Изящ. Иск.» 1823, 1. Тоже. «Соч. въ пр. и ст.» 1824, 4. Мнѣніе о духѣ словесности, какъ иностр., такъ и отечеств. «Труд. Росс. Акад.» т. III, 1840.

Къ портрету побѣдителя. «С. Отеч.» 1842, № 10, III, 1. Біографія Н. И. Гнѣдича. «Тамъ же». 1842, № 11, I. 1. Біографія Крылова. «Тамъ же: 1847, № 1. Черты изъ жизни Екатерины II. «Древ. и Нов. Россія». 1879, № 1 и 2.

152) «Молва» 1835, № 24—26. Ценз. разр. отъ 30 іюля 1835. *Т. м. ф. ъ.*—псевдонимъ К. А. Тимофеева, о которомъ см. т. I, стр. 414, прим. 4 и въ дальнѣйшихъ томахъ.

153) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

154) Тамъ же. Отношеніе Бѣлинскаго къ Броневскому черезчуръ строгое и явно вызвано вліяніемъ Полевого, который полемизировалъ съ Броневскимъ. Простымъ компиляторомъ Карамзина Броневскаго, все же, нельзя назвать, потому что въ распоряженіи его была масса историческихъ матеріаловъ, никѣмъ до него не использованныхъ (см. *Иконникова*, Русск. Исторіографія). Еще менѣе можно назвать Броневскаго компиляторомъ Полевого. Полевой превосходилъ Броневского талантомъ и способностью къ обобщеніямъ и вообще широтою взглядовъ, но собственно фактическій матеріалъ, которымъ Полевой пользовался, никогда не отличался ни новизною, ни обиліемъ.

Тонъ отношеія къ Броневскому тоже черезчуръ пренебрежителенъ. Своими «Записками морского офицера» онъ все-таки занялъ извѣстное мѣсто въ литературѣ. Его занесъ въ свой «Опытъ истор. русск литературы», Гречъ, а Марлинскій, сравнительно, посвятилъ ему очень много мѣста въ своемъ небольшомъ «Взглядѣ на русск. словесность»: «Броневскій, авторъ записокъ морского офицера, изобразилъ, будто въ панорамѣ, берега Средиземнаго моря. Онъ привлекаетъ вниманіе разнообразіемъ предметовъ, слогомъ цвѣтущимъ, быстротою разсказа о водныхъ и земныхъ сраженіяхъ и пылкостью, съ которой передаетъ намъ геройскіе подвиги непріятелей, друзей и сыновъ Россіи. Онъ счастливо избѣгъ недостка множества путешественниковъ, утомляющихъ подробностями. Онъ занимателенъ всѣмъ и нигдѣ не скученъ; жаль только, что языкъ его неправиленъ» (т. XI, стр. 237, 38).

Впрочемъ, задѣтый замѣчаніями Броневскаго о «Исторіи Пугачевскаго бунта», Пушкинъ тоже довольно зло отозвался о Броневскомъ и приблизительно въ томъ же тонѣ, какъ Бѣлинскій. Но и онъ, однако, прямо заявляетъ, что возражаетъ въ виду того, что узналъ, что безыменная статья объ его трудѣ написана Броневскимъ, т.-е., значитъ, человѣкомъ съ извѣстнымъ литературнымъ положеніемъ.

Довольно характернымъ является въ разсматриваемой рецензіи преклоненіе предъ Шиллеромъ-историкомъ. Съ точки зрѣнія исторіографіи нашихъ дней странно видѣть идеалъ историческаго сочиненія въ «Исторіи отпаденія Нидерландовъ», которая относится къ той эпохѣ, когда исторія столько же была наукою, сколько одною изъ областей художественнаго творчества. Но въ тридцатыхъ годахъ слава Шиллера-историка, по крайней мѣрѣ у насъ, была еще очень велика. (Ср., напр., письмо харьков. профессора Цыха къ Погодину у Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. IV, стр. 195). Бѣлинскому, не читавшему по-нѣмецки, «Исторія отпаденія Нидерландовъ» тогда еще цѣликомъ не переведенная на русск. яз., могла быть извѣстна только по двумъ отрывкамъ, напеч. въ «Сынѣ Отеч.» 1812 г., ч. I («Вступленіе въ исторію освобожденія Соединенныхъ Нидерландовъ») и «Московъ. Телегр.» 1833 г. (ч. XLIX, № 4 и ч. L, № 5 и 6—Осада Антверпена, подъ предводительствомъ принца Пармскаго въ 1584 и 1585 годахъ»). Всего вѣроятнѣе, что Шиллеръ-историкъ былъ извѣстенъ Бѣлинскому со словъ Станкевича, который писалъ Невѣрову въ концѣ 1833 года: «Каченовскій еще не давалъ намъ

темъ, но я непремѣнно намѣренъ писать что-нибудь о Новгородѣ или его торговлѣ. Описаніе торговли и отношенія Голландскихъ городовъ въ Шиллеровой исторіи «Отпаденія Нидерландовъ» увлекло меня» и т. д. (Переписка, стр. 73).

Владиміръ Богдановичъ **Броневскій**, только что тогда умершій (р. 1784, ум. 7 апр. 1835), учился въ морскомъ корпусѣ, принималъ участіе, подъ командой Сенявина, въ Средиземной кампаніи 1805—1810 гг. Позднѣе служилъ въ черноморскомъ флотѣ, съ 1819—28 былъ инспекторомъ тульскаго дворянскаго училища, съ 1828 по 32 — помощникомъ директора Пажескаго Корпуса. Во время пребыванія въ Тулѣ собирался издавать «Тульскія Вѣдомости», но ему отказали въ разрѣшеніи. Онъ былъ членомъ Россійской Академіи. Написалъ Броневскій не мало: 1) «Записки морского офицера, въ продолж. кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, отъ 1805 по 1810 годъ». 4 ч. Спб. 1818—1819. 8°. Изд. 2. Спб. 1836—1837. 8° 4 ч. 2) «Обозрѣніе южнаго берега Тавриды въ 1815 году». Тула. 1822. 8°. Эта книга переведена на нѣмец. и польскій языки: «Blicke auf die südliche Küste Tauriens im Jahre 1815. Aus dem russ. übersetzt von *I. H. Neuenkirchen*. St. Petersburg. 1825. 8°. «Podròz do Tayryki:» Tlumaczyl z rossyyskiego. *M. R.* Wilno. 1828. 8°. 3) «Письма морского офицера, служащія дополн. къ запискамъ морск. офицера». М. 1825. 8°. 2 ч. 4) «Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 году». М. 1828. II. 2 ч. 5) Въ книгѣ «Картина войны Россіи съ Турціею въ царств. Имп. Николая I-го. Съ присовокупл. подроб. опис. битвы Наваринской. Съ картою театра войны Россіи съ Турціей и съ планомъ битвы Наваринской», составленной Булгаринымъ и Броневскимъ (Спб. 1830. 8°), послѣднему принадлежитъ опис. Наваринской битвы. 6) «Исторія Донского войска, описаніе Донской земли и Кавказ. Минер. водъ». 4 ч. Спб. 1834. Отрывки изъ этихъ сочиненій и другія однородныя статьи печатались въ «Благонамѣренномъ» 1818 г. (№ 2, 7, 8, 9), 1819 (ч. V и VI), 1821 «№ 9, 13), 1822 г. (№ 7 и 49), 1823 (№ 2), 1824 (№ 3, 7, 17, 18); «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1824 г. (№ 11), 1825 г. (№ 3, 4); «Вѣстн. Евр.» 1818 г. (№ 14, 16), «Журналѣ древ. и новой словесности» 1818 (№ 2); «Русск. Вѣст.» 1818 (№ 21), «Сынѣ Отеч.» 1818 (№ 12, 49, 52, 25, 37, 41, 42, 44, 27, 29, 30, 31) 1819 (№ 4, 5, 6, 19, 20, 22), 1821 (№ 8, 23), 1822 г. (№ 9, 10), 1833 (№ 12 — 14), 1834 г. (№ 18—19); «Сѣв. Архивѣ» 1826 г. (№ 6). Многое, напр. разборъ «Исторіи Пугач. бунта» Пушкина въ «С. Отеч.» 1835 г. (январь), Броневскій помѣщалъ анонимно. Броневскій, кромѣ того, перевелъ «Маперинга» Вальтеръ-Скотта (М. 1824). Ср. о немъ, кромѣ Словарей Старчевскаго, Геннади, Брокгауза и др.: «Рус. Инвалидъ»» 1822 г., № 5, стр. 20; «С. Отеч.» 1818, ч. 50, № 49 и 50; *С. К.*, въ «Моск. Вѣд.» 1835, № 32 и 45; «Русск. Инв.» 1835, № 91, стр. 364; *С. К.* (*Крашенинниковъ*) «Тамъ же», № 117—119; «Сѣв. Пчела». 1835, № 81. «Спб. Вѣд.» 1835, № 82, стр. 327; *Венгеровъ*, Русс. Книги; *Пыпинъ* «Ист. русск. этногр.»; *Сухомлиновъ*, Изслѣд. и статьи I, 451—52; *Соколовъ*, Русск. Мор. Библіотека, стр. 145—146, 156; *Андреевъ*, Прогулка по Тулѣ, «Москвитянинъ» 1843, т. I, № 2, стр. 599; *Сухомлиновъ*, Ист. Росс. Академіи, VII, стр. 319—20. *Отзывы* о его книгахъ: 0 ст. «*Рыцарскіе обычаи донскихъ казаковъ*»: «Сынъ Отеч.» 1833, № 49—50. 0 «*Запискахъ морского офицера*»: 1) *А. Измайловъ*, «Благонамѣр.» 1818, 10. 2) «Тамъ же». 1818, ч. IV, стр. 109. 3) «Благонамѣр.» 1819, 2. 4) «Сынъ Отеч.» 1819, № 3. 5) «Русск. Вѣстн.» 1819, № 5. 6) «Тамъ же».

1819, № 13—14. 7) «Сынъ Отеч.» 1820, №№ 48—50, зам. *В.* 8) *М.* «Сѣв. Пчела». 1837, № 296. Объ «*Обозрѣніи южнаго берега Тавриды*»: —*нъ*, «Благонамѣр.» 1822, № 37. О «*Путешествіи по южному берегу Тавриды*»: *Булгаринъ*, «Сѣв. Арх.» 1823. Объ изд. перев. соч. *В. Скотта*: «*Маннерингъ или астрологъ*»: «Лит. Листки». 1824, №№ 19—20. О «*Письмахъ морского офицера*»: «Отеч. Зап.» 1826, ч. XXVI, стр. 279. Объ «*Исторіи Донского Войска*» (кромѣ *Бѣлинскаго*) «Библ. для Чтенія», 1834, т. VII, отд. V, стр. 1—34; «Сѣв. Пчела». 1834, № 237, № 270 и 271 (Антикритика автора). «Литерат. Прибавл.» 1834, № 97; «С. Отеч.» 1833 г. и 1834 г.; т. 44-ый. О его разборѣ «*Исторіи Пугачевскаго бунта*» *Пушкина*: «Современникъ». 1836, т. Ш, стр. 109 и соч. Пушкина. Отвѣты Броневскаго разнымъ критикамъ: Отвѣтъ Полевому, «С. Отеч.» 1829, № 7; Отвѣтъ на письмо Новочеркасскаго жителя. «С. Отеч.» 1833, № 49—50; Отвѣтъ на письмо Скаллозуба, Донского Старшины, «С. Отеч. 1833, № 51—52.

155) Въ «Москов. Телегр.» 1827, № 5 («Завоеваніе Азова»).

156) «Молва» 1835, № 24—26.

157) Взъѣвшись на 18 вѣкъ, Бѣлинскій ужъ не упуститъ ни одного случая, удобнаго и неудобнаго, чтобы не задѣть его. Ср. I, 358, 438; II, стр. 154—56, прим. 39, 170 и др.

158) «Молва» 1835, № 27—30. Ценз. разр. отъ 14 авг. 1835. Подъ псевдонимомъ *К. Эврипидина* помѣстилъ въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» рядъ пародій Константинъ Аксаковъ, въ то время одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго. Бѣлинскій, замѣщавшій уѣхавшаго за границу Надеждина, почти всѣ ихъ снабдилъ шутливыми примѣчаніями. Пародія Аксакова представляетъ интересъ для исторіи нѣкоторыхъ взглядовъ Бѣлинскаго (ср. выше примѣч. 148).

Мотивы, послужившіе къ написанію драматической шутки изложены авторомъ въ предисловіи:

«Въ тридцатыхъ годахъ русскую исторію преподавалъ въ московскомъ университетѣ М. Т. Каченовскій, имя котораго навсегда останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки. Студенты были увлечены скептическимъ его взглядомъ· Молодость любитъ критическое направленіе и охотно сомнѣвается. Повидимому, это противорѣчитъ стремленію вѣрить,—стремленію, которое составляетъ отличительную черту молодости, но здѣсь противорѣчіе только видимое, ибо самое сомнѣніе молодость часто принимаетъ на вѣру. Въ такомъ, очень нерѣдко одностороннемъ, влеченіи къ спептицизму лежитъ часто прекрасная основа: все испытать, все провѣрить своимъ умомъ, ничего не принимать безъ труда и ради авторитета.

Увлекаясь тогда, вмѣстѣ съ другими, скептическими мнѣніями профессора, я увидѣлъ потомъ ихъ ошибочность. Тогда, подъ вліяніемъ этого скептицизма, написалъ я, съ одобренія товарищей, эту пародію, въ которой преувеличилъ до крайности мнѣнія противниковъ, представивъ Олега государемъ эпохи развитой и просвѣщенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была пародія и на стихотворныя идеализаціи исторіи въ появлявшихся тогда нѣкоторыхъ патріотическихъ драмахъ, и вообще на звучность стиховъ, иными принимаемыми еще и теперь за поэзію».

Общій тонъ пародіи виденъ хотя бы изъ разговора между Олегомъ и волхвомъ. Волхвъ приходитъ къ князю и въ ужасѣ разсказываетъ, какой ему приснился странный и дивный сонъ

На сѣверѣ, между лѣсовъ дремучихъ,
Возникнетъ нѣкогда великій градъ,

Владыко царствъ, исполненъ силъ могучихъ,
Правительственной мудростью богатъ.
Воздвигнется въ немъ зданіе науки,
Ему названья въ русскомъ словѣ нѣтъ.
И въ этомъ зданьи нѣкогда ученый
Торжественно всѣ дивныя твои
Дѣла постыднымъ омрачитъ сомнѣньемъ
И, наконецъ, отвергнетъ вовсе ихъ.
Онъ скажетъ и доводами докажетъ.
Что не было, Олегъ, тебя совсѣмъ;
Что это вымыслъ, ложное преданье;
Что ты народа басня, что ты миѳъ.

Олегъ, *въ бѣшенствѣ и съ ужасомъ.*

Я миѳъ?

Волхвъ.

Отчаянье твое понятно.
Погибнетъ все, когда отвергнутъ даже
Существованье самое твое.

Олегъ.

Я миѳъ?

Волхвъ.

Спокойся, князь! Еще есть средство...

Олегъ, *не слушая.*

Какъ, варвары? Я миѳъ? Но сердце бьется
Такъ пламенно въ груди моей! Но кровь
Такъ горячо бѣжитъ по этимъ жиламъ?...
Но этимъ грознымъ уступаютъ силамъ
Всѣ козни, всѣ усилія враговъ!...
Нелѣпость! вздоръ! О еслибъ только могъ я,
Ученому злодѣю моему
Я-бъ доказалъ свое существованье и т. д.

И вотъ, чтобы доказать будущему скептику ученому, что онъ не миѳъ, Олегъ рѣшается предпринять походъ на Константинополь, прибить къ вратамъ его свой щитъ и вообще оставить прочный слѣдъ въ аналахъ писанной исторіи.

Кромѣ этого основного мотива, въ пародіи есть и побочные эпизоды, какъ, напр., внезапно завязавшійся романъ между греческою царевной и однимъ дулѣбомъ изъ войска Олегова, такой же романъ между кіевлянкой Людмилой и кіевляниномъ Всеславомъ, который погибаетъ въ поединкѣ съ варяжскимъ скальдомъ Ингелотомъ и, наконецъ, третій романъ между тою же греческою царевною, которая прельстила дулѣба, и самимъ Олегомъ. Соль всѣхъ этихъ эпизодовъ заключается въ ихъ книжномъ, напыщенномъ языкѣ, немыслимомъ, конечно, въ устахъ первобытныхъ сыновъ X вѣка.

159) «Молва» 1835 г., № 27—30.

160) Переводъ статьи изъ «Revue des deux Mondes» объ Александрѣ Дюма, съ нападками на него за разрушеніе брака, проповѣдь развода и «апотеозъ прелюбодѣянія» (стр. 252).

161) Ср. II, 96 и примѣч. 94, 305.

162) Брадаманта—героиня поэмы Аріоста «Неистовый Орландъ», совершаетъ подвиги наравнѣ съ рыцарями-мужчинами.

163) О связи съ шеллингизмомъ этого взгляда на жизнь какъ на подвигъ, который съ первыхъ шаговъ Бѣлинскаго красной нитью проходитъ чрезъ всѣ его писанія см. т. I., примѣч. 23, 25, 28 и т. II. примѣч. 138—140.

164) Ср. т. I, стр. 332 и 431, примѣч. 50. Бѣлинскій очень часто возвращается къ однимъ и тѣмъ же не только мыслямъ, но и выраженіямъ и сравненіямъ.

165) По справкѣ съ этою статьею оказалось, что тутъ опечатка. Не Феликсъ Фенъ, а Феликсъ *Неффъ*, швейцарскій пасторъ (1798—1828), съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ отдавшій себя улучшенію быта самыхъ глухихъ горныхъ деревень Швейцаріи. Въ указанномъ XX т. «Телескопа» напечатана біографія этого святого человѣка, раннею смертью заплатившаго за свою непомѣрную работу на пользу ближняго.

166—167) На стр. 126 отнесены къ «сволочи» г-жи Коттенъ и Жанлисъ, тутъ люди бездарные обозваны «подлыми». Таковъ уже всегда въ своихъ увлеченіяхъ «неистовый Виссаріонъ». Вся вообще эта небольшая рецензія принадлежитъ къ интереснѣйшимъ изъ маленькихъ по объему статей Бѣлинскаго перваго періода. Ставши послѣ «Литер. Мечт.» присяжнымъ рецензентомъ «Молвы», Бѣлинскій пишетъ часто по десятку отзывовъ въ недѣлю о книгахъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно ничтожныхъ. Но сколько страсти вноситъ онъ въ разборъ каждой дрянной книжонки, какъ бы ничтожна она ни была! По поводу какого-нибудь лубочнаго пѣсенника Гурьянова онъ съ величайшимъ одушевленіемъ говоритъ о своей «непремѣнной обязанности» «преслѣдовать литературнымъ судомъ» шарлатанство и бездарность, по поводу какой-нибудь вздорнѣйшей «Ночи на Рождество» Баранова онъ горячится не меньше, чѣмъ по поводу величайшихъ произведеній всемірной литературы. Таковы уже основныя свойства этой цѣльной натуры, духовное богатство которой неисчерпаемо и бьетъ фонтаномъ какъ бы мимоходно ея не коснуться. Викторъ Гюго гдѣ-то сказалъ, что Маренго маленькая деревушка, но при ней произошло великое сраженіе. Для Бѣлинскаго все превращается въ литературныя Маренго, при которыхъ благодаря своей страсти къ «отступленіямъ», онъ даетъ генеральнѣйшія сраженія. Вотъ и теперь ничтожный романъ невѣдомой г-жи Монборнъ даетъ ему поводъ отразиться какъ «солнцу въ малой каплѣ воды» существеннѣйшими сторонами своей духовной личности. Рецензія прежде всего интересна какъ выраженіе взглядовъ Бѣлинскаго на женщину въ эпоху, когда онъ смотрѣлъ на нее глазами нѣмецкой поэзіи и въ частности Шиллера. Если бы клеветники, такъ старавшіеся испортить юбилей 1898 года, получше бы знали Бѣлинскаго, какой эффектъ могли бы они произвести цитатами изъ рецензіи о Монборнъ. До такихъ геркулесовыхъ столбовъ только одинъ Бѣлинскій и способенъ былъ доходить. Никакіе Гречи и Булгарины не доходили до того, чтобы объявить эмансипированныхъ женщинъ достойными непечатнаго эпитета. Но именно эта-то неслыханная рѣзкость вѣчно-единой, вѣчно-вѣрной своей необузданно-восторженной и не знающей средины натуры и дала возможность Бѣлинскому чрезъ нѣсколько лѣтъ выступить съ діаметрально-противоположными взглядами и буквально молиться на ту самую Жоржъ Зандъ, которую онъ теперь называлъ непотребной женщиной. Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять психологическій путь, по которому шло измѣненіе его взглядовъ въ данномъ

случаѣ. Будь у него обычная практическая точка зрѣнія на женщину, какъ на хозяйку, или порнографическая, какъ на самку — ему трудно было бы вдругъ начать думать по другому. Но въ высказанной имъ въ рецензіи о Монборнъ точкѣ зрѣнія ничего подобнаго нѣтъ. Тутъ нѣтъ и тѣни порнографическаго элемента, столь свойственнаго большинству разсужденій о «дамахъ», нѣтъ подмигиванія и подхихикиванія и вмѣстѣ съ тѣмъ полное отсутствіе узко-практической точки зрѣнія. Въ основу разсужденій Бѣлинскаго положено стремленіе «выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества», совершить «подвигъ жизни» и женщинѣ тутъ отведено самое почетное мѣсто—«возбуждать въ мужчинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувства долга и стремленіе къ высокому и великому». Словомъ, точка зрѣнія безконечно идеальная и оттого-то великому идеалисту было такъ легко измѣнить свое отношеніе, разъ позднѣе дѣятельность Жоржъ Зандъ представилась ему съ точки зрѣнія другого, столь же великаго идеала—свободы человѣческой личности. Трудно практику стать идеалистомъ и идеалисту практикомъ, потому что тутъ разница органическая, а замѣнить одинъ идеалъ другимъ, столь же возвышеннымъ—для этого достаточно только сознать свою ошибку.

Но и тогда, когда Бѣлинскій буквально молился на Жоржъ Зандъ и теперь онъ одинаково строго смотрѣлъ на бракъ. Въ эпоху своего жоржъ-зандизма Бѣлинскій защищалъ только свободу чувства, но никакъ не свободу чувственности, а теперь не находилъ достаточно рѣзкихъ словъ для брака, въ основу котораго положены разныя практическія соображенія. Сущность брака для Бѣлинскаго и теперь не обрядъ, а любовь.

167) Взглядъ на женщину, здѣсь и далѣе высказанный, можетъ быть названъ Шиллеровскимъ по преимуществу. Шиллеръ былъ кумиромъ Станкевича и Бѣлинскаго. Вся послѣдующая страница рецензіи о Монборнъ какъ бы представляетъ комментарій къ «Пѣснѣ о колоколѣ», съ ея воспѣваніемъ великой роли женщины въ нѣдрахъ семьи.

168) «Молва» 1835, № 27 — 30. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ почти всѣхъ цитатъ и нѣкоторыхъ фразъ, связанныхъ съ этими цитатами.

169) Мы всюду соблюдаемъ ороографію подлинника, но подчасъ она рѣшительно сбиваетъ съ толку своею непослѣдовательностью. То у Бѣлинскаго «грѣза», то «греза», то «сказка», то «скаска», то «этѣхъ», то, какъ здѣсь, «этихъ» и т. д. Относительно «этихъ» и «этѣхъ», впрочемъ, можно сказать, что, какъ и въ другихъ книгахъ того времени, «эти» почти всегда ставятся у Бѣлинскаго при именахъ мужескаго рода, а «этѣ»—при именахъ женскаго рода.

170) «Молва» 1835, № 27—30. Опять рядъ выходокъ противъ 18 вѣка. На пространствѣ листа сколько разъ уже воевалъ Бѣлинскій съ 18 в. Если обратить вниманіе, что всѣ эти разы въ сущности являются однимъ разомъ, потому что всѣ рецензіи помѣщаются въ одномъ и томъ же соединенномъ № 27—30 «Молвы», то происхожденіе выходокъ становится весьма яснымъ. Волнуемый негодованіемъ противъ 18 вѣка, Бѣлинскій садится писать рецензіи. Сами по себѣ пустѣйшія книжки, о которыхъ онъ пишетъ, не заслуживаютъ и двухъ строкъ. Но Бѣлинскому надо излить все, что накопилось у него въ душѣ и неудержимо рвется наружу и вотъ разборъ дряннаго романа г-жи Монборнъ превращается въ цѣлый манифестъ по женскому вопросу, по поводу Поль-де-Кока бичуется 18 вѣкъ и т. д.

171) Ср. для характеристики міросозерцанія Бѣлинскаго какъ моралиста т. I, стр. 319 — 20 и соотвѣтствующія примѣч.

172) Тутъ уже съ полною очевидностью выясняется о какомъ «18 вѣкѣ» говоритъ Бѣлинскій. О томъ, который не вмѣшивался «не въ свои дѣла», который равнодушно относился къ «злу, угнетенію», «неправосудію», который, какъ его безпрерывно въ этомъ уличаетъ Бѣлинскій, только думалъ о личномъ наслажденіи. Это не тотъ 18 вѣкъ, который дорогъ и лучшей полосѣ 19 вѣка и скоро сталъ безконечно дорогъ самому Бѣлинскому.

173) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Поль-де-Коку см. т. I, стр. 151—54. Нельзя не отмѣтить, что бичеваніе Поль-де-Кока было отчасти самобичеваніемъ недавняго его переводчика. Но всего менѣе останавливался Бѣлинскій предъ самобичеваніемъ.

174) Мало пристала эта кличка къ Поль-де-Коку. Но вѣдь рецензія помѣщена все въ томъ же № 27 — 30, гдѣ сенъ-симонизму было задано по поводу романа г-жи Монборнъ. Рецензентъ еще весь кипитъ негодованіемъ противъ «сенъ-симонизма» и надо его пристраивать гдѣ только можно, хотя бы даже по поводу Поль-де-Кока.

175) «Молва» 1835, № 27—30.

176) Въ тѣ времена, когда самые выдающіеся изъ писателей такъ гнались за тѣмъ, чтобы казаться исключительно свѣтскими и, слѣдовательно, обезпеченными людьми, неоднократныя печатныя заявленія Бѣлинскаго о своей бѣдности являются весьма знаменательною психологическою чертою.

177) «Молва» 1835, № 27—30. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

178) Намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Бѣлинскій подробно писалъ о Лажечниковѣ позднѣе—въ «Москов. Наблюдателѣ».

179) «Молва» 1835, № 27—30. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

Намѣреніе подробнѣе говорить о Квиткѣ-Основьяненко не было приведено въ исполненіе ни въ «Телескопѣ», ни позднѣе. *Исько Матыренко*—псевдонимъ знаменитаго слависта Бодянскаго, товарища Бѣлинскаго по университету и довольно усерднаго сотрудника «Телескопа».

180) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

181) И это намѣреніе въ исполненіе не было приведено, какъ не было исполнено и выраженное дальше въ этой же рецензіи желаніе обстоятельно поговорить о преподаваніи словесности.

Рядъ обѣщаній поговорить «обстоятельнѣе» показываетъ, съ какимъ жаромъ взялся Бѣлинскій за веденіе «Телескопа» и «Молвы», предоставленное ему Надеждинымъ (см. прим. № 355).

182) Еще гимназистомъ пензенской гимназіи Бѣлинскій преподавалъ русск. яз. въ низшихъ классахъ той же гимназіи (См. въ воспоминаніяхъ его ученика Буслаева, которыя будутъ приведены въ XII т. настоящаго изданія). Въ Москвѣ онъ давалъ уроки въ домѣ кн. Волконскаго, кн. Черкаскаго, М. П—скаго (ср. прим. 427), Кавелина и др. Педагогическіе пріемы у него дѣйствительно были своеобразные. Онъ стремился не столько къ тому, чтобы начинять голову ученика фактическими свѣдѣніями, сколько къ тому, чтобы давать ему общее развитіе и научить самостоятельно мыслить. Подробности будутъ даны въ разныхъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, въ XII т.

183 — 184) «Молва» 1835, № 27 — 30. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

185) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца (теперь о переводѣ...).

186) «Молва» 1835, № 31—34. Ценз. разр. отъ 31 авг. 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца (Всю эту повѣсть....).

Авторъ «Наслѣдницы» — кажется Петръ Панкратьевичъ, сынъ довольно талантливаго поэта Панкратія Платоновича Сумарокова (1763—1814), почти безвинно запутавшагося въ поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій и за это попавшаго въ Сибирь, гдѣ онъ издавалъ «Иртышь, превращающійся въ Ипокрену». Петръ *Сумарковъ* родился, видимо, въ Сибири въ 1800 г. («Сборникъ Импер. Истор. Общ.», т. 62, стр. 312). Другихъ біограф. датъ о немъ нѣтъ. Кромѣ «Наслѣдницы» издалъ: «Повѣсти и разсказы» 4 ч. (М. 1833—37). Нѣсколько стихотвореній его было помѣщено въ «Моск. Телеграфѣ» (1826, № 6, 7), въ альманахѣ Максимовича «Денница» (1831 г.), въ «Полярной Звѣздѣ»; повѣсть «Выигрышъ и проигрышъ» въ «Отеч. Зап.» 1841 г., т. 19, Ср. Отзывы о его «*Повѣстяхъ и разсказахъ*»: «Библ. д. Чт.» 1837, т. 23; «Моск. Телегр.» 1834, № 2; «Литер. Приб. къ Русск. Инв.» 1837, № 48; «Сѣв. Пчела» 1834, № 48 и 1837, 223. Эти отзывы въ общемъ тоже дружелюбно относятся къ автору.

187) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ незначительными опущеніями.

188) Въ дополненіе къ тому, что̀ сказано нами въ т. I (стр. 155), это мѣсто показываетъ, что у Бѣлинскаго съ самаго начала его литературной дѣятельности была привычка слѣдить за иностранными журналами.

189) Опредѣленіе Бульвера замѣчательно вѣрно и говоритъ о тонкомъ эстетическомъ чутьѣ. Бѣлинскій не поддался огромной репутаціи Бульвера и поставилъ его на надлежащее мѣсто. Дальнѣшая дѣятельность Бульвера вполнѣ подтвердила скептическое отношеніе Бѣлинскаго: онъ написалъ множество романовъ, довольно замѣчательныхъ, но о геніальности ихъ уже никто и рѣчи не заводилъ.

190) «Молва 1835, № 31—34. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

191) Тамъ же. Въ изданіе Солдатенкова вошло съ опущеніемъ отзыва о переводѣ. Ср. о Поль-де-Кокѣ выше примѣч. №№ 173—174. По обыкновенію, 18 вѣкъ тутъ является синонимомъ распущенности.

192) Это безсмертное въ исторіи литературной безвкусицы приравниваніе Гоголя Поль-де-Коку, пущенное Брамбеусомъ, нашло себѣ усердный подголосокъ въ Булгаринѣ, который, впрочемъ, въ статьяхъ, вызванныхъ смертью Гоголя, гордился тѣмъ, что это онъ первый проницательно усмотрѣлъ въ Гоголѣ Поль-де-Коковскіе элементы («Сѣв. Пчела» 1852 г., № 99).

193) «Молва» 1835 г., № 31—34. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитируемыхъ стихотвореній.

194) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Врачъ-путешественникъ по Сибири Францъ Іосифовичъ (Михайловичъ) *Бѣлявскій*, также *Белявскій* (въ 1824 кончилъ курсъ, служилъ нѣкоторое время въ Сибири, въ 1828 поселился въ Москвѣ, гдѣ умеръ 22 дек. 1859), очень можетъ быть былъ лично извѣстенъ Бѣлинскому: онъ принималъ нѣкоторое участіе въ «Телескопѣ» (статья «Поѣздка въ Березовъ» въ XIII т. «Телескопа» за 1833 г.). Это не помѣшало, правда, появиться въ «Телескопѣ» 1834 г. (т. XXI) весьма насмѣшливому разбору его книги «Описаніе Минеральныхъ водъ», подписанному, въ pendant *Надоумкѣ*, псевдонимомъ *Докторъ Правдодумко*. Но на этотъ разборъ въ «Телескопѣ» же (т. XXIII) была помѣщена весьма

рѣзкая отповѣдь, подписанная псевдонимомъ *Докторъ Вразумко*. Учено-литературные труды Бѣлявскаго:

1) Поѣздка къ Ледовитому морю М. 1833. 8°. 2) Описаніе минеральныхъ водъ естеств. и искусственныхъ. 2 части. М. 1834. Съ портр. и табл. 3) Карманный гомеопатич. лечебникъ, съ подроб. излож. симптомовъ болѣзней, поименов. по алфав. на фр., лат. и русск. яз. М. 1835. 12°. 4) Вѣрный способъ леченія женск. и дѣтск. болѣзней по методѣ Ганнемана, составл. для чадолюбив. матерей, изъ нов. гомеопат. соч. и практ. наблюд. М. 1836. 12°. 5) О гальвано-магнитномъ леченіи болѣзней, излечиваемыхъ посред. гальвано-магнитныхъ токовъ. М. 1846. 8°. 6) О гальвано-магнитномъ леченіи болѣзни посред. гидро-электр. токовъ. М. 1847. 8°. а) Продолженіе къ монографіи объ электро-магнитномъ леченіи. II отдѣлъ. М. 1853. 8°. б) Гальванизмъ въ примѣненіи къ медицин. практикѣ. III отдѣлъ монографіи, съ 7 политип. М. 1859. Ср. о немъ: *Геннади*, въ «Библіогр. Зап.» 1859 г., т. III, № 4. и его же «Словарь»; *Змѣевъ*, Врачи-писатели; *Венгеровъ*, Русск. книги. Отзывы о его сочиненіяхъ: О «*Поѣздкѣ по Ледовитому морю*»: 1) «Молва». 1833, № 85. 2) *Вл—ръ, Б—шевъ*, «Сѣв. Пчела». 1833, № 157. 3) *Н. Ю.*, «Тамъ же», 1833, №№ 174—175. 4) «Журн. Мин. Вн. Дѣлъ». 1832 г., X, отд. III, стр. 30 — 44. 5) *Мартосъ*, въ «Сынѣ Отеч.» 1834 г., № 28. Объ «*Описаніи минеральныхъ водъ*», 1) «Библ. для Чтенія» 1834, т. VII, отд. V, стр. 35. 2) *А. Н.*, «Сѣв. Пчела». 1834, № 130. 3) Д-ръ *Правдодумко*, «Телескопъ». 1834, т. XXI, 523 — 552, 592 — 609. 4) Д-ръ *Вразумко*, «Тамъ же», 1834, т. XXIII, стр. 346—364. О «*Карманномъ гомеопат. лечебникѣ*»: *А. Н.*, «Сѣв. Пчела», 1835, №№ 181 и 182. О «*Гальвано-магнитномъ леченіи*»: 1) «Отеч. Зап.» 1847, т. XL, отд. VI, стр. 30. 2) «Другъ Здравія». 1847, № 20. 3) Д-ръ *Ш—скій*, «Записки по части врач. науки». 1848, № 2, отд. 2, стр. 246—248. 4) *А. Савельевъ*, «Сѣв. Обозр.» 1848, № 2, т. II, отд. V, стр. 1—19.

195) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

196) Тамъ же. Въ имѣніи Слободка, принадлежавшемъ знаменитому своею бездарностью метроману графу Дмитрію Ивановичу *Хвостову* (р. 19 іюля 1757, ум. 22 окт. 1835) протекала рѣчка Кубра. Хвостовъ воспѣлъ ее въ своихъ стихахъ и льстецы-прихлебатели, совершенно безсовѣстно эксплуатировавшіе писательское тщеславіе Хвостова, страшно восхищались этими стихами и стали его звать «пѣвцомъ Кубры». Хвостову чрезвычайно понравилось такое титулованіе и онъ самъ тоже началъ называть себя не иначе какъ «пѣвцомъ Кубры». Когда Полевой разъ зацѣпилъ его мимоходомъ, не на шутку возмнившій о себѣ Хвостовъ подалъ докладную записку попечителю моск. университета, которая была озаглавлена такъ: «Его Превосходительству А. А. Писареву отъ пѣвца Кубры графа Хвостова, съ жалобою на журналиста-пасквилянта Полевого». Самъ скупавшій свои сочиненія, чтобы потомъ хвастать, что его стихи отлично идутъ, Хвостовъ посылалъ также въ разныя изданія хвалебныя о себѣ статейки и стихи и между прочимъ послалъ въ казанскій журналъ «Заволжскій Муравей» стихи: «Къ безсмертному пѣвцу Кубры». Хвостовъ, щедро оплачивавшій малѣйшую хвалу либо своею протекціею, либо прямо деньгами, имѣлъ льстецовъ и въ печати. Въ ряду ихъ особенно выдавался еще болѣе бездарный, чѣмъ Хвостовъ, сентиментальный поэтъ кн. *П. И. Шаликовъ*, издатель «Дамскаго Журнала» (1768—1852). Онъ столько тянулъ съ Хвостова денегъ за свои неприлично-льстивые отзывы, что его даже исключили за это изъ «Общества любителей росс. словесности».

Ср. *Колбасинъ*, Пѣвецъ Кубры, во «Времени» 1862, № 6, стр. 161, 164—165 и др. Изъ болѣе позднихъ статей о Хвостовѣ отмѣтимъ ст. *П. О. Морозова* въ «Русск. Ст.» 1892 г., т. 74 и 75 (писана впрочемъ, въ 1876 г.).

197) «Молва» 1835, № 35. Въ изданіе Солдатенкова вошла съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ и примѣчаній.

198) Въ типографіи Николая Степанова печатались «Телескопъ» и «Молва». Здѣсь же чрезъ годъ была напечатана грамматика Бѣлинскаго. Въ 1838 г. Степановъ становится изд. «Московъ. Наблюдателя» редакціи Бѣлинскаго.

199) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. «П... прожужжитъ» очевидно—Пчела (Сѣверная) прожужжитъ.

200) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

201) «Молва» 1835, № 36. Ценз. разр. отъ 13 сент. 1835 г. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца (намъ обѣщана и т. д.).

202) Подобно Шевыреву, Погодинъ вскорѣ станетъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ Бѣлинскаго. Но покамѣстъ онъ не имѣлъ еще никакихъ основаній дурно къ нему относиться. Въ университетѣ Погодинъ тогда еще принадлежалъ къ молодымъ профессорамъ, внесшимъ новый научный духъ въ преподаваніе; въ литературѣ онъ примыкалъ къ лучшимъ кружкамъ шеллингистовъ, органомъ которыхъ былъ его замѣчательный журналъ «Московск. Вѣстникъ». Квасного патріотизма и угодливости въ Погодинѣ было тогда меньше, чѣмъ въ Надеждинѣ, да и Бѣлинскій по общественно-политическимъ взглядамъ своимъ былъ въ 1835 г. совсѣмъ иной.

203) Подъ псевдонимомъ *Сергѣй Скромненко* писалъ товарищъ Бѣлинскаго по университету и кружку Станкевича талантливый, рано умершій историкъ Сергѣй Михайловичъ **Строевъ** (1815—21 мая 1840). Ученикъ Каченовскаго, Строевъ съ жаромъ усвоилъ себѣ ученіе московскаго профессора о недостовѣрности тѣхъ свѣдѣній о древней русской исторіи, которыя мы имѣемъ, слишкомъ довѣряясь Нестору и другимъ лѣтописцамъ. Строевъ—самый видный изъ «скептиковъ», если не считать главу школы Каченовскаго, который, однако, былъ мало продуктивенъ. Онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ Погодинымъ, который въ 1835 былъ переведенъ съ каѳедры всеобщей исторіи на каѳедру русской, получивъ при этомъ оффиціальное порученіе защищать русскую старину отъ «навѣтовъ скептиковъ». Полемику переѣхавшій по окончаніи курса въ Петербургъ Строевъ велъ грубовато и съ нѣкоторою недобросовѣстностью. Нельзя, конечно, придавать особеннаго значенія тому, что Погодинъ, прочитавши направленную противъ него книгу Строева: «О недостовѣрности русск. исторіи», заносилъ въ дневникъ: «прочелъ Строева. Показываетъ дарованіе, но какъ подло». (*Барсуковъ*, т. 4, 220), но и Станкевичъ писалъ Невѣрову: «Строевъ, наконецъ, развилъ свои способности въ Петербургѣ: изо всей своей братіи [1]) онъ одинъ былъ честный, хотя и несовѣстливый и не слишкомъ умный малый. Теперь его выходки противъ Погодина неблагородны. Прекрасно вывести на чистую воду ошибки ученаго, но что̀ ты скажешь объ этомъ: ему стали замѣчать его ошибки, и онъ отвѣчаетъ, что это *ловушки*... Какъ благородно! Если онъ сдѣлалъ ошибки безъ намѣренія и не хочетъ

---

[1]) Строевыхъ было много братьевъ, изъ которыхъ, кромѣ него, подвизались на учено-литературномъ поприщѣ извѣстный археографъ Павелъ Строевъ (1796—1876) и переводчикъ и журналистъ Владиміръ Строевъ (1812—1862). Людьми съ университетскимъ образованіемъ и способностями были также братья Строевыхъ—Николай и Михаилъ. См. у Барсукова въ „Жизни Погодина" и въ его біографіи Павла Строева.

сознаться въ нихъ,—это безсовѣстно; если онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ ловушку—какая уловка!» Строевъ въ это время видимо уже началъ расходиться съ старыми товарищами. Вслѣдъ за сейчасъ цитированными словами, Станкевичъ прибавляетъ: «И этотъ человѣкъ говоритъ, что критики Бѣлинскаго пахнутъ кабакомъ! Я не одобряю слишкомъ полемическаго тона у Бѣлинскаго; но это душа добрая, энергическая, умъ свѣтлый, за которымъ ему не угоняться» (Переписка, стр. 141).

Въ Петербургѣ Сергѣй Строевъ, при помощи брата своего Павла, попалъ въ Археографическую Коммиссію, а въ 1837 году онъ былъ посланъ за границу съ порученіемъ привести въ извѣстность русскіе и славянскіе памятники въ разныхъ европейскихъ архивахъ. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ Строевъ изучилъ архивы Гамбурга, Реймса, Парижа, Берлина, Дрездена, Праги, Вѣны, Зальцбурга, Инспрука, Мюнхена, Швейцаріи, Мангейма, Франкфурта, Вольфенбютеля и Кенигсберга. Вернувшись, онъ приступилъ къ описанію своихъ находокъ, но въ печати своего труда ему увидѣть не удалось. Онъ умеръ въ Москвѣ отъ злѣйшей чахотки 21 мая 1840, наканунѣ получивъ извѣстіе, что трудъ его (представленный въ рукописи) получилъ полную Демидовскую премію

Въ отдѣльномъ изданіи Строевъ напечаталъ: 1) «О недостовѣрности древней исторіи и ложности мнѣнія, касательно древности русскихъ лѣтописей». Спб. 1834. 8°. 2) «Критическій взглядъ на статью подъ заглавіемъ: Скандинавскія Саги». М. 1834. 8°. 3) «О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ лѣтописей.» Спб. 1835. 8°. 4) «Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи, Часть 1-я». Спб. 1836. 8°. 5) Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящ. въ публичн. библіот. Германіи и Франціи. Съ снимк. изъ рукоп. М. 1841. 8°. 6) «Акты историч. собр. и изд. Археогр. комм. подъ ред. *С. Строева*, прот. *Григоровича* и *М. Коркунова*. Т. I—III. Спб. 1841. 4°. *Тоже*, Т. IV—V. Спб. 1842. 4°. Указатель къ нимъ Спб. 1843.

Установить то, что Строевъ помѣщалъ въ журналахъ не легко, потому что онъ не все подписывалъ. Такъ безъ надписи напечатана интересная студенческая работа его 1) «О пользѣ изученія Россійской исторіи въ связи съ Всеобщею» («Телескопъ», 1834 г., т. 30).

Подписанныя именемъ или псевдонимомъ статьи: 2) О недостовѣрности древней исторіи («Сынъ Отеч.» 1834. № 49—50). 3) «Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи» (Тамъ же. 1835, № 3). 4) «О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей» (Тамъ же. 1835. № 11). 5) «Послѣдній отвѣтъ защитнику г. Погодина (Тамъ же, ч. 176, стр. 248). 6) Рецензіи на «Акты, собранные Археогр. Комиссіей» (Тамъ же 1837, ч. 183 и 184). 7) «Отчего у насъ нѣтъ критики» (Тамъ же, 1840, III, стр. 539). 8) «Королевская парижская школа для чтенія хартій» («Журн. М. Нар. Просв.» Ч. XVII). 9) Извлеченіе изъ Сарторія «О торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ съ Россіею до конца XIV вѣка» (Тамъ же, ч. XXII). 10) «Первоначальное образованіе и распространеніе нѣмецк. двора въ Новгородѣ» (Тамъ же. Ч. XVII, переводъ). Въ «Сынѣ Отеч.» 1829 г. (ч. 129, стр. 38—49) есть статейка—11) «Статистическія свѣдѣнія о Владимірскомъ намѣстничествѣ въ 1792, 93 и 97 г. (Извлеченія изъ отчетовъ Влад. Каз. палаты)», подписанныя *С. Строевъ*. Если это Сергѣй Строевъ, то ему было тогда 14 лѣтъ. Въ «Сѣв. Пчелѣ» Скромненко

помѣщалъ много рецензій и небольшихъ замѣтокъ, а въ «Журн. М. Нар. Просв.», кромѣ названнаго, разнаго рода замѣтки, отчеты и рецензіи: 12) Лѣтопись Нестора, перев. на французскій языкъ, Л. Пари (рец.). Ч. VI, стр. 466. 13) О просвѣщеніи во Франціи. Ч. VII, стр. 130. 14) Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ по части статистики, этнографіи и Русской исторіи. Ч. XI—XII. 15) Извѣстіе о Реймскомъ евангеліи. Ч. XVI, стр. 413. 16) Славянскія рукописи въ Парижской королевской библіотекѣ. Тамъ же, стр. 411, 640. 17) Письма о памятникахъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ Берлинской королевской библіотекѣ. Ч. XVIII, стр. 559. 18) О матеріалахъ для исторіи сѣверо-европейскихъ государствъ, хранящихся въ Кёнигсбергскомъ тайномъ архивѣ. Ч. XX, стр. 372. 19) О Славяно-Русскихъ письменныхъ памятникахъ, осмотрѣнныхъ въ Германіи. Тамъ же, стр. 391. 20) Славянское евангеліе, на которомъ присягали короли французскіе при своемъ коронованіи. Ч. XXI, II, стр. 70. 21) Русскій историческій сборникъ (рец.). Ч. XXII, VI, стр. 10. 22) Акты юридическіе, изд. археограф. коммисс. (рец.). Ч. XXI и XXII, VI, стр. 33, 86. 23) Царствованіе Петра II, соч. К. Арсеньева (рец.). Ч. XXV, VI, стр. 44. 24) Недѣля въ Вольфенбюттелѣ. Лит. приб. къ «Журн. М. Нар. Просв.» 1840, стр. 54.

Ср. о немъ: 1) «С. Отеч.» 1840, IV, стр. 545. 2) «Моск. Вѣдом.» 1840. № 45 (Некрологъ). 3) «Спб. Вѣд.» 1840. № 118, стр. 535—536. (Тоже). 4) «Москвитянинъ». 1841, ч. 1, № 1. 5) *А. А. Котляревскій*. Сочиненія, т. 4, стр. 251, 269. 6) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина. IX, 110; XII, 211—212. 7) *Бурцевъ*, Опис. рѣд. русс. книгъ. Ч. III, № 575. 8) *Милюковъ*, Главныя теченія р. ист. мысли. 9) *Барсуковъ*. П. М. Строевъ. 10) *Иконниковъ*. Скептическая школа. 11) *Его же*, Русск. Исторіографія. 12) «Сынъ Отеч.» Ч. 176, стр. 183.

Отзывы о статьяхъ его и книгахъ: объ «*О недостовѣрности древн. Русск. исторіи*»: «Библ. для Чтенія». 1835. VIII, отд. VI, стр. 51. О «*Критич. взглядъ на статью Скандинав. Саги*»: «Телескопъ». 1834, т. 20, стр. 198. Объ «*О мнимой древности. первоб. сост. и источн. нашихъ лѣтоп.*»: «Библ. для Чтенія». 1835, X, отд. VI, 20. О «*Библіот. полезныхъ свѣд. о Россіи*», кромѣ Бѣлинскаго: «Сѣв. Пчела». 1835. № 268. Объ «*Опис. памятниковъ славяно-русск. литературы*»: 1) *М. Погодинъ* «Москвитянинъ». 1841, ч. 3, № 6, стр. 490—498. 2) *Н. Полевой*, «Русск. Вѣстн.» 1842, т. 5, стр. 71—72. 3) «Библ. для Чтенія», 1841, т. 47, отд. VI, стр. 21. 4) *Бередниковъ*, въ «Журн. М. Н. Просв.» 1844, т. XLII, № 5. 5) IX Присужд. Демидов. наградъ. Объ «*Актахъ Арх. Эксп.*» «Сынъ Отеч.» ч. 183, стр. 465; ч. 184, стр. 74.

204) Придирки довольно мелочныя и даже неосновательныя.

205) Обѣщаніе, не приведенное въ исполненіе.

206) Конечно, иронія. Погодинъ крайне пристрастно и придирчиво относился къ Полевому.

207) «Молва» 1835, № 36. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

208) Чрезвычайно хвалебную рецензію Бѣлинскаго о 3-ьей ч. смотри стр. 440—46.

209) «Телескопъ» 1835, т. 26 (№ 7 и 8). Цензурн. разр. отъ 1 и 21 сент. 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ и съ исправленною ороографіею, что не только лишаетъ статью значенія какъ памятника языка, но и приводитъ подчасъ къ извращенію авторскихъ намѣреній. Такъ Бѣлинскій пишетъ «*гуморъ*», а редакція или корректоръ

Солдатенковскаго изданія передѣлываетъ въ *юморъ* и получился несоотвѣтствующій авторскимъ намѣреніямъ смыслъ (ср. т. I, стр. 373 и примѣч. 149; т. II, пр. 252 и 254). Неточность воспроизведенія примѣчанія на стр. 234 привела къ полной безсмыслицѣ. Въ Солдатенковскомъ и другихъ изданіяхъ примѣчаніе заканчивается такъ:

«Зачѣмъ же обогащать педантовъ новымъ примѣромъ высокаго въ выраженіи».

Смыслъ этихъ словъ нѣтъ никакой возможности понять. Что значитъ «высокаго въ выраженіи?» Но дѣло объясняется очень просто, если воспроизводить точно и подчеркнуть слова «*высокаго въ выраженіи*»: тогда становится яснымъ, что «высокое въ выраженіи» есть терминъ, именно терминъ піитикъ недавняго прошлаго.

210) Объ Иванчинѣ-Писаревѣ см. т. I, стр. 433, прим. 69.

211) См. прим. 7.

212) Здѣсь Бѣлинскій вполнѣ вѣрно и съ полнымъ соблюденіемъ исторической перспективы относится къ сантиментализму, къ которому исключительно полемически и слишкомъ современно отнесся въ «Литер. Мечт.». Ср. т. I, стр. 349 и 435, примѣч. 82.

213) На теоретическихъ взглядахъ Бѣлинскаго въ области поэтики мы остановимся детальнѣе въ примѣчаніяхъ къ ненапечатанной при жизни его статьѣ объ искусствѣ.

214) Очевидно, русская передѣлка греческаго слова χαρισ — ласка, милость.

215) Какъ всякая характеристика, желающая охватить огромный промежутокъ времени и непремѣнно усмотрѣть единство тамъ, гдѣ его, можетъ быть, и нѣтъ—однотонная характеристика греческой поэзіи, здѣсь сдѣланная, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Гомеръ всего менѣе выбрасываетъ изъ круга своего творчества «обыкновенное, повседневное, домашнее» и является величайшимъ реалистомъ всемірной поэзіи, а уже о греческой комедіи и говорить нечего—ее и переводить-то цѣликомъ на ново-европейскіе языки зазорно. Характеристика Бѣлинскаго гораздо больше подходитъ къ ложно-классической поэзіи.

216) Включеніе «Энеиды» въ число «заблужденій талантовъ» весьма интересно для разрѣшенія вопроса о связи воззрѣній Бѣлинскаго и его мнимаго учителя — редактора «Телескопа». Въ какомъ коренномъ противорѣчіи находится это съ преклоненіемъ предъ древнею литературою *во всемъ ея объемъ*, которымъ проникнуты статьи Надеждина! Включеніе въ то же число «заблужденій талантовъ» «Освобожденнаго Іерусалима», «Потеряннаго Рая» и «Мессіады» тоже является эмансипированіемъ Бѣлинскаго отъ университетскихъ взглядовъ на эти произведенія. И Надеждинъ, и Шевыревъ не иначе какъ съ величайшимъ почтеніемъ о нихъ говорили и содѣйствовали даже появленію эпопей Тасса въ русскомъ переводѣ: Надеждинъ, какъ редакторъ, давая у себя мѣсто переводамъ Раича и Шевырева, а Шевыревъ—самъ переводя и даже стараясь ввести въ русскій языкъ Тассовскую октаву (см. т. II, стр. 478—82 и 514—515).

217) Этотъ взглядъ на Шекспира Бѣлинскій уже высказалъ въ «Литер. Мечт.», но здѣсь онъ обоснованъ гораздо глубже. Тутъ значеніе его выводится не изъ того, что онъ «холоденъ», а изъ того, что высшій принципъ творчества—истина.

218) Обычное въ то время, и у Бѣлинскаго въ особенности, преувеличеніе «генія» Вальтеръ-Скотта.

219) Ср. дальше примѣчаніе 242.

220) Никогда не забываетъ Бѣлинскій выставленный имъ уже въ «Литер. Мечт.» лозунгъ—«гордись, гордись своимъ высокимъ назначеніемъ, человѣкъ», и безконечно варьируетъ его на разные лады и съ упоеніемъ его повторяетъ. Это и дѣлаетъ его настоящимъ пророкомъ идеи личности на Руси и того самоуваженія, которое въ такой же степени является характернымъ для новой русской общественной мысли, въ какой самоуничиженіе характерно для русскаго человѣка 18 вѣка и начала 19-го. Люди прежнихъ поколѣній съ особеннымъ усердіемъ говорили о своемъ ничтожествѣ, о томъ, что они черви: когда ихъ одолѣвали земныя побужденія — о своемъ ничтожествѣ предъ сильными міра сего, въ моменты душевнаго просвѣтленія и освобожденія отъ преклоненія предъ благами земными—о своемъ ничтожествѣ предъ Богомъ и вѣчностью. Но Бѣлинскій всегда гордо носилъ голову и всегда съ упоеніемъ говорилъ о роли и назначеніи человѣка, всегда цѣнилъ въ себѣ Бога и забывалъ червя. Это-то и настраивало его такъ побѣдно и наполняло душу его чувствомъ восторга, и поселяло въ немъ убѣжденіе, что начинается новая, свѣтлая полоса въ русской литературѣ.

221) Это говорилось въ журналѣ Надеждина-Надоумки, который изображеніе въ литературѣ «грязныхъ пятенъ» считалъ оскорбленіемъ «народной нашей чести». Ср. т. I, стр. 429, прим. 40 и др. мѣста о Надеждинѣ.

222) Полный переводъ «Дзядовъ» на русск. яз. появляется въ 60-хъ гг. и позднѣе. Но одна изъ лучшихъ частей поэмы — вторая, появилась въ 1829 г. въ очень хорошемъ переводѣ Врончеӈки (Въ «Невскомъ Альманахѣ» 1829 г.).

223) Петръ Ивановичъ *Макаровъ* (1765—1804), артиллерійскій полковникъ, сотрудникъ «Вѣстн. Евр.» и редакторъ «Московск. Курьера». О немъ будетъ сказано подробнѣе по поводу весьма ему сочувственной характеристики въ статьяхъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ.

224) Изъ ряда эпитетовъ, здѣсь употребленныхъ Бѣлинскимъ, къ знаменитой въ свое время французской романисткѣ и писательницѣ для дѣтей, графинѣ **Жанлисъ** (1746—1830), больше всего подходитъ эпитетъ «лицемѣрной богомолки». Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ ея жизни и литературной дѣятельности, потому что ихъ можно найти въ такомъ общедоступномъ изданіи, какъ «Энц. Словарь» Брокгауза и Ефрона (ст. *А. И. Кирпичникова*). Но мы приведемъ списокъ русскихъ переводовъ произведеній г-жи Жанлисъ и тогда станетъ понятнымъ, почему Бѣлинскій такъ яростно на нее всегда накидывался. Произведенія Жанлисъ переводили у насъ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, что они какъ бы превратились въ домашняго, внутренняго врага здраваго вкуса. Больше сорока лѣтъ подъ рядъ переводили эту жеманницу, при чемъ первымъ переводчикомъ былъ самъ Карамзинъ (въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1787 г.). Вотъ хронологическій списокъ отдѣльно изданныхъ переводовъ Жанлисъ, большинство которыхъ, вѣроятно было прочитано Бѣлинскимъ: 1) Голубокъ, въ 1 д. Перев. съ фр. *Сергѣй Тишевскій*. Спб. 1789 г. 8°. 2) Зелія или искренность, въ 5 д. М. 1789. 8°. 3) Дворецъ правды. М. 1791. 8°. 4) Новое дѣтское училище или опытъ нравств. воспит. обоего пола и всякаго состоянія юношества, 3 части. Спб. 1792. 12°. *Тоже*, изд. подъ названіемъ: Аделія и Федоръ, или письма о воспитаніи. М. 1794. 12°. *Тоже*, другой перев. ч. I. Тамбовъ. 1791. 8°. 5) Добрая мать, ком. въ 3 д. Перев.

Е. Б. (*Елисавета Баскакова*) М. 1796. 12°. 6) Слѣпая въ Спа, въ 1 д. Пер. съ фр. *Е. Т.* М. 1797. 12°. 7) Іосифъ, узнанный братьями своими. Пер. *Матневъ*, М. 1799. 12°. 8) Безразсудные обѣты, или ослѣпленіе. 3 части. М. 1802. 12°. *Тоже*. Изд. 2-е. 4 части. Орелъ. 1820. 12°. 9) Аделаида, или торжество любви. Пер. *Иринархъ Нелидовъ*. Спб. 1803. 12°. 10) Матери соперницы, или клевета. Пер. *Петръ Домогацкій*. 6 ч. М. 1803—1805. 12°. 2-ое изд. 8 ч. М. 1816. 12°. 11) Двѣ славы, нов. нравоучит. повѣсть. М. 1804. 12°. Изд. 2-е. М. 1812. 8°. 12) Ида, истинная повѣсть. Спб. 1805. 12°. 13) Герцогиня де ла Вальеръ. Перев. *А. Ч.* 2 ч. съ тремя портрет. М. 1804—1805. 12°. *Тоже*. Пер. *Андрея Чеботарева*. Изд. 2-е. 4 ч. М. 1815. *Тоже*. Перев. Кн. *Петръ Шаликовъ*. 4 ч. М. 1815—16. 12°. 14) Новыя повѣсти, изд. *Иванъ де-ла-Кроа* Ч. I. Митава 1805. 8°. 15) Религія есть единств. основ. щастія и истинной философіи. Пер. *Владиміръ Болховитиновъ*. 2 ч. М. 1805. 8°. 16) Госпожа Ментенонъ, 4 части. М. 1806. 12°. *Тоже*. Нов. изд. 4 части. Орелъ. 1825. 12°. 17) Богомолка, М. 1806. 12°. *Тоже*. Изд. 2-е. М. 1816. 12°. 18) Альфонсина, или материнская нѣжность. 6 част. М. 1806—1807. 12°. *Тоже*. Изд. 2-е. 6 част. М. 1815. 12°. 19) Артуръ и Софронія, или любовь и тайна. Пер. *Яковъ Лизогубъ*. Спб. 1807. 12°. 20) Рыцари Лебедя, или дворъ Карла Великаго. Пер. *Кошанскаго*. 6 ч. М. 1807—1808. 8°. *Тоже*. Нов. перев. съ фр. 8 ч. М. 1821. 12°. 21) Графъ Коркъ, или великій человѣкъ. 2 ч. М. 1807. 16°. 22) Вездѣ есть добрые вельможи. М. 1807. 12°. 23) Сенклеръ, или жертва наукъ и худож., пов. съ фр. Спб. 1807. 8°. *Тоже*, другой перев. М. 1808. 12°. 24) Духъ, или изображ. характ. прав. и мыслей, выбр. изъ всѣхъ ея соч. 2 ч. М. 1808. 8°. 25) Остроумныя мысли и пріятные анекдоты, подъ именемъ: записокъ Феліціи Л***. Съ фр. 2 ч. М. 1808. 12°. *Тоже*, подъ названіемъ: Воспоминаніе Феліціи Л***. М. 1809. 16°. 26—27) Осада Ла-Рошели, или нещастія и совѣсть. Пер. *А. И. М.* 2 ч. М. 1808. 12°. *Тоже* подъ заглавіемъ—Геройство семнадцатил. знатной дѣвицы, или оклевет. невинность. Пер. съ фр. *Иванъ Кобрановъ*. 3 ч. М. 1808—1809. 12°. *Тоже*. Изд. 2-е. 4 ч. Орелъ. 1816. 12°. *Тоже*. Изд. 3-е. 4 ч. М. 1816—1817. 16°. 28) *Велисарій*. Съ фр. 2 ч. М. 1808. 8°. Тоже. Изд. 2-е. М. 1821. 12°. *Тоже*. Перев. Сенатора *Захарова*. 2 ч. Спб. 1808. 12°. 29) Маленькій ла-Брюіеръ, или карт. юнош. нравовъ сего вѣка. Перев. Платонъ *Рудамаевъ*. Спб. 1808. 8°. 30) Размышленія. Съ фр. *Д. Б.* М. 1808. 12°. 31) Награжденное гостепріимство, въ 1 д. Пер. *Иванъ Раевскій*. М. 1808. 16°. 32) Ручная книга для путешествующихъ... на Англ., Нѣм., Ит., Фр. и Росс. яз. М. 1808. 8°. Изд. 4-е, испр. и умнож. Лейпцигъ. 1814. 12°. 33) Молодой дикой, или опасн. стремленіе перв. страстей. 2 ч. М. 1808—1809. 12°. 34—35) Альфонсъ, или сынъ любви. 3 ч. М. 1809. 8°. *Тоже* подъ заглавіемъ—Альфонсъ или побочный сынъ. Ч. I.—II. Спб. 1809. 8°. 36) Дельфина, или приключенія графа М***... 2 ч. М. 1809. 12°. 37) Эльмира и Вольнисъ, или возвр. во Францію фам. эмигрантовъ. Пер. *Степанъ Смирновъ*. Спб. 1810. 12°. *Тоже*. Другой перев. Спб. 1810. 38) Маленькіе эмигранты, или переп. дѣтей... Пер *I. С.* 2 ч. М. 1811. 12°. 39) Цвѣты, или артисты. Съ фр. *В. Ч... въ*. М. 1811. 12°. 40) Екатерина Бурбонъ и Маргарита де-Валуа. 2 ч. М. 1815—1816. 41) Дѣвица де-ла-Файетъ, или вѣкъ Лудовика XIII. 4 ч. М. 1815—1816. 12°. 42) Повѣсти. Перев. *Н. Карамзинъ*. Изд. 2-е. 2 ч. М. 1816. 8°. (Первого изд., кажется, не было и 2-мъ это изд. считалось потому, что повѣсти уже были напечатаны въ журналѣ, именно въ «Дѣт Чт.»

1787 г. 43) Новый способъ наставл. малолѣт. дѣтей. 2 ч. Орелъ. 1816. 12°. 44) Іоанна Французская, ист. новость. 2 ч. М. 1816. 12°. 45) Исторія Генриха Великаго. Пер. Кн. *Петръ Шаликовъ*. 3 ч. М. 1816—1817. 8°. 46) Плацидъ, или долина Баттюсковъ. 4 ч. М. 1817—1818. 12°. 47) Отборныя статьи изъ журн. для юнош. 2 ч. Спб. 1817—1818. 8°. 48) Новыя повѣсти. Пер. Кн. *Петръ Шаликовъ*. 2 ч. М. 1818. 12°. 49) Гортензія, или жертва ром. и путеш. М. 1820. 12°. 50) Повѣсти изъ соч. г-на *Буфлера* и г-жи *Жанлисъ*. Спб. 1820. 12°. 51) Знатные не по породѣ, или добродѣтель во всякомъ званіи найти можно, 6 ч. М. 1822. 12°. 52) Петраркъ и Лаура. Пер. *А. В.* 2 ч. М. 1822. 18°. 53) Шесть нравственныхъ новостей. М. 1824. 8°. 54) Елизавета Баварская, историч. отрывокъ. Орелъ, 1826. 12°. 55) Альфонсъ и Далинда, или волшебство искусства и природы, нрав. пов. 1830. 12°. 56) Разсказы для дѣтей. Пер. *С. Леонтьевой*. Спб. 1871. 16°. (Дѣт. Библіот. изд. Гольдшмидта).

225) «Добренькій» французскій писатель Жанъ-Пьеръ Клорис-де-**Флоріанъ** (6 марта 1755—13 сент. 1794), авторъ сентиментально-добродѣтельныхъ театральныхъ пьесъ, приторно-слащавыхъ пастушескихъ романовъ и довольно хорошихъ, простыхъ и естественныхъ басенъ, былъ у насъ популяренъ не менѣе г-жи Жанлисъ. И его ревностнѣйшимъ образомъ переводили и читали: не считая множества мелкихъ произведеній въ журналахъ прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, вышли отдѣльнымъ изданіемъ: 1) Нума Помпилій, второй царь Римскій. Пер. *Григорій Шиповскій*. 2 ч. Спб. 1788. *Тоже*. Нов. изд. Спб. 1799. 8°. 2) Шесть новостей. Спб. 1788. 8°. 3) Эстелла, пастуш. повѣсть. Пер. *Александръ Козловъ*. Спб. 1789. 8°. *Тоже*. Пер. *М. К.* М. 1789. 8°. 4) Новости: Греческая, Испан., Португ., Франц. и Нѣм. Пер. *Николай Яценковъ*. 2 ч. М. 1789. 8°. 5) Новыя повѣсти. пер. *П. Безакъ*. Спб. 1790. 6) Галатея, пастушеская повѣсть. Пер. *Алексѣй Печенѣговъ*. М. 1790. 8°. *Тоже* Пер. *А. Ханенко*. Спб. 1799. 12°. 7) Новыя новости. Спб. 1793. 8°. 8) Гонзалвъ Кордуанскій, или возвращ. Гренада. Пер. *Григорій Шиповскій*. 3 ч. Спб. 1793. 8°. *Тоже*. Изд. 2-е. Спб. 1818. 8°. 9) Леокадія, Гишпанская повѣсть. Съ фр. Спб. 1794. 8°. 10) Флоріановы повѣсти. Изд. *Вышеславцовъ*. 2 ч. М. 1798—1800. 12°. 11) Добрый сынъ, въ 3 д. Пер. *Павелъ Ивановъ*. Спб. 1800. 12°. 12) Добрая мать, въ 1 д. Пер. Кн. *И. В.* М. 1801. 12°. 13) Санкъ, португальская повѣсть. Съ фр. М. 1801. 14) Обманутый плутъ, или награжд. простодушіе. М. 1802. 12°. 15) Вильгельмъ Тель, или освобожд. Швейцарія. Съ ист. карт. и съ присовок. нов. соч. сего автора, подъ назв: Розальба. Сицил. пов. М. 1802 и 1817. 8°. 16) Донъ-Кихотъ ла-Манхскій, соч. *Серванта*. Пер. съ фр. *Флоріанова* перевода, *Василій Жуковскій*. 6 ч. М. 1805. 16°. *Тоже*. Изд. 2-е. 6 ч. М. 1815. 17) Элiезеръ и Нефтали. Съ карт. М. 1805. 8°. *Тоже*, подъ заглав. Элiезеръ и Нефталимъ, въ 4-хъ пѣсняхъ. Пер. *А.* и *Я. Бабиковы*. Спб. 1808. 18) Валерія, изъ соч. Флоріана. Пер. *С. Мамонтовъ*. Спб. 1819. 16°. 19) Батменди, изъ соч. Флоріана. Пер. *П. Мамонтовъ*. Спб. 1819. 16°. 20) Театръ. Пер. *Козьма Барановъ*. 2 ч. М. 1821. 12°.

226) Владиміръ Васильевичъ **Измайловъ** (5 мая 1773—4 апр. 1830), одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей сентиментальной школы. Происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, родился и умеръ въ Москвѣ. Учился въ моск. унив. гимназіи, служилъ въ гвардіи, которую оставилъ съ чиномъ премьеръ-маіора. Онъ былъ страстный поклонникъ идей Руссо въ его воз-

зрѣніяхъ на природу и воспитаніе и одно время даже завелъ пансіонъ, въ которомъ хотѣлъ приложить на практикѣ теоріи «Эмиля». Пансіонъ, однакоже, просуществовалъ недолго, хотя пользовался хорошею репутаціею. Человѣкъ непрактичный, Измайловъ разстроилъ свое состояніе и умеръ въ бѣдности. Послѣдніе годы жизни этотъ поклонникъ Руссо и чувствительнѣйшій писатель поступилъ въ цензора. Но, по свидѣтельству Ксенофонта Полевого, «дѣйствовалъ честно и благонамѣренно; мы (Николай и Ксенофонтъ Полевые) отдохнули, когда онъ сталъ цензуровать «Москов. Телеграфъ» послѣ Аксакова» («Записки» Кс. Полевого, стр. 233). Когда въ 1828 г. раздраженный нападками «Моск. Телеграфа» Каченовскій подалъ въ моск. цензурный комитетъ отвратительную жалобу на цензора Сергѣя Глинку за то, что онъ даетъ слишкомъ много воли «купцу» Полевому, Измайловъ, оставшись въ меньшинствѣ, весьма благородно защищалъ право свободной литературной критики (см. его особое мнѣніе у Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 272—74). Литературная дѣятельность Владиміра Измайлова вся сложилась изъ подражанія Карамзину и Руссо. Наиболѣе извѣстное изъ его произведеній—«Путешествіе въ полуденную Россію», написанное въ тонѣ «Писемъ русск. путешественника», но почти лишенное фактическаго содержанія и все состоящее изъ описаній сентиментальныхъ чувствованій автора, вызванныхъ созерцаніемъ красотъ природы. Изъ повѣстей его болѣе замѣтная—«Ростовское Озеро», воспѣвающая жизнь поселянъ на лонѣ природы. Современники очень цѣнили Измайлова какъ переводчика. Совсѣмъ умолчавъ о скучныхъ повѣстяхъ его и другихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, Марлинскій пишетъ о его усердной переводческой дѣятельности (одни мелкіе переводы составили 6 ч.): «Слогъ переводовъ Вл. Измайлова цвѣтистъ и правиленъ, подобно переводному слогу Каченовскаго. Оба они утвердили своими игривыми переводами знакомство нашей публики съ иноземными писателями». Измайловъ былъ извѣстенъ и какъ журналистъ. Въ 1804 г. онъ издавалъ интересный педагогическій журналъ «Патріотъ», въ 1814—«Вѣстн. Европы», въ 1815—«Россійскій Музеумъ, или Журналъ Европейскихъ Новостей», въ 1827 издалъ альманахъ «Литературный Музеумъ». Въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ» (1816) Воейковъ даетъ такую характеристику: «В. В. Измайловъ, дѣйствительный явный Галломанъ, чувствительный писатель 1-го класса, помѣщенъ на вакансію Ж. Ж. Руссо, при рескриптѣ, въ которомъ сказано: на «безрыбьи и ракъ рыба»! пользуется привилегіею выпускать въ Благовѣщенье изъ клѣтокъ чижиковъ и завѣдуетъ департаментомъ истерикъ».

Отдѣльно изданные сочиненія и переводы В. В. Измайлова: 1) Вечеръ, или семейственная прогулка. М. 1796. 12°. 2) Путешествіе во Полуденную Россію, въ письмахъ, ч. I. М. 1800. 12°. *Тоже*. Изд. 2-е. 4 ч. М. 1802. 12°. *Тоже*. Изд. 3-е. М. 1805. 12°. Нѣмецк. пер. *Рихтера* Лейпцигъ. 1804. 8°. 3) Стихи Его Имп. Велич. Александру Первому, при восшествіи на престолъ М. 1801. 4°. 4) Атала, или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ. Соч. *Г. Шатобріана*, перев. съ фр. М. 1802. 16°. 5) Молодой философъ. М. 1802. 8°. 6) Картина политич. и историч. Европы въ концѣ XVIII вѣка. Соч. *Сегюра*. Пер. съ фр. М. 1802—1803. 8°. *Тоже*, 1805 и 1807. 7) Стихотворная рѣчь о независимости ученаго мужа, соч. г. *Мильвоайе*, пер. съ фр. М. 1806. 8°. 8) Дипломатич. переписка, служащ. къ картинкѣ Европы г. *Сегюра*. Пер. съ фр. М. 1808. 8°. 9) *Руссовы* письма о ботаникѣ, съ доп. его Ботанич. словаря, съ объясн. трехъ лучш. методъ *Турнефорта*, *Линнея* и *Жусьи*, и съ ботанич. часами, изобр. без-

смертн. *Линнеемъ*. М. 1810. 12°. 10) Переводы въ прозѣ. 6 частей. М. 1819—1820. 12°. 11) Молодая Индіянка, въ 1 д., въ стих. Соч. *Шамфора*. М. 1821. 8°.

Журнальныя статьи: Въ «*Пріят. и полезн. препровожд. врем.*» 1794: Чувства мои надъ гробомъ доброй Маріи, ч. II, 101. Платокъ, ч. II, 126. Отрывки изъ новаго Иорика, ч. II, 363. Добрый крестьянинъ, ч. IV, 6. Ростовское озеро, ч. V, 15; ч. VI, 291. Минутное блаженство, ч. VI, 81. Щастливые супруги, идиллія, ч. VII, 8. Чувство любви, изъ *Сенъ-Пьера*, ч. VII, 18. Эпитафія маленькому павлину, ч. VII, 143. Отрокъ, мужъ и время, изъ *де-Монтанкло*, ч. VIII, 21. Пріятности брака, ч. VIII, 38. Стих., ч. VII, 111. Въ «*Аонидахъ*» (рядъ стихотвореній): 1796, кн. I, стр. 120, 158, 180, 192; ч. II, 299. Кн. III, 41, 150, 155, 159, 183. Въ «*Вѣстникѣ Европы*»: Молодой философъ, пов. 1803, № 5 и 6. Письмо къ издателю, 1806, 17. Надгробное слово соч. І. Левандою (кр.). 1810. 16. Фенелоново замѣчаніе о древн. историкахъ 1813. 1 и 2. Любоп. и неизв. путешествіе во внутренность Африки (изъ ин. журн.) 1813. 1 и 2. Завѣщаніе холостого старика. Съ нѣм. 1813. 3—4. Аристидъ и Катонъ Утическій. Параллель, (Изъ Лакретелля). 1813. 3—4. Представл. отъ алфав. литеръ къ араб. цифрамъ. Съ нѣм. 1813. 3—4. Слабости великаго человѣка или анекдоты о Лихтенбергѣ. 1813. 3—4. Авторъ и книгопродавецъ. 1813. 5—6. Удовольствіе. Сказка. Съ фр. 1813. 5—6. Судъ о Вольтерѣ (Шатобріанъ). 1813. 5—6. Изслѣдованіе о розѣ. 1813. 5—6. Шиллеровы мысли о томъ, что̀ низко и неблагородно въ изящн. искусствахъ. 1813. 5—6. Объ искусствѣ плавать и летать по воздуху, (Изъ Esprit des Journaux) 1813. 7—8. Случай, какихъ немного. (Соч. Шмитъ). 1813. 9—10. Сельское заведеніе въ Гофвилѣ (съ фр.). 1813, ч. 67. Развалины Москвы. 1813. 9—10. Объ истинныхъ удовольств. въ жизни. (Изъ Ривароля). 1813. 11—12. О подражаніи, выраженіи и соч. въ живописи. Съ фр. 1813. 11—12 и 14. Любовь и дружба. Разговоръ. (Изъ ин. журн.). 1813. 15. О Пелоріѣ. 1813. 16. Характеры. Подраж. Вовенаргу. 1813. 16. Нѣчто о модѣ. (Изъ ин. журн.). 1813. 16. Пиренейскіе пастыри. (Изъ Жанлисъ). 1813. 17. Къ читателямъ Вѣстника отъ изд. 1814. 1. Объ школѣ, или свѣтъ и уединеніе, пов. (подп. В. И.). 1814. 2, 3 и 4. О нов. кн.: Исторія медиц. въ Россіи, соч. В. М. Рихтеромъ. М. 1813. (Кр.). 1814. 5. Сироты въ Малороссіи, или цвѣты: Иванъ да Марья. Пов. 1814. 7 и 8. Противорѣчія, или гордость ума и слабость сердца, пов. (подп. В. И.). 1814. 10. Естеств. наука въ ея нравств. отнош. или пріятность и польза Ботаники. 1814. 11. О жизни и соч. Подшивалова. 1814. 13. Религія и философія. (Русск. соч.). 1814. 17. Московск. бродяга (подп. —ъ—). 1818. 2. Рядъ *стихотвореній*: 1803, 2, 7; 1807, 21, 23; 1808, 18; 1809, 23; 1813, 1 и 2, 11—12, 13; 1810, 9. Въ «*Патріотѣ*»: Введеніе. 1804. 1. Увѣдомленіе. 1804. 2. Химическій романъ (подп. Патріотъ). 1804. 3. О русск. старин. воспитаніи (подп. В. И.). 1804. 4. О чертѣ Россійск. Исторіи, приведенной въ Декадѣ. 1804. 6. Къ читателямъ Патріота. 1804. 12. Стихотворенія: 1804. 2, 3, 12. Въ «*Другѣ Просвѣщенія*»: Письмо къ издателямъ. 1805. 9. Въ «*Моск. Зрит.*»: 1806. 5. Въ «*Русск. Вѣстникѣ*»: Стихи: 1808. 7. Въ «*Аглаѣ*»: Стихотворенія: 1808. 7, 8; 1810. 2, 5. Въ «*Р. Музеумѣ*»: Къ тѣни, взывавшей съ того свѣта. 1815. 2. Невидимка, или таинств. женщина. Пов. 1815. 7. Въ «*Сынѣ Отеч.*»: Московск. бродяга (подп. —ъ—). 1818. 23.

Въ «*Трудахъ Люб. Рос. Слов. при М. У.*»: 1817. 9. (Стихи); Взглядъ на истинное достоинство писателя. 1818. 10. Въ «*Поляр. Звѣздѣ*»: 1824. (Стихи). Въ «*Нов. Лит.*»: День Рождества. (Изъ Вашингтона Ирвинга). 1825. 6. Въ «*Моск. Телеграфѣ*»: О ботанич. номенклатурѣ на русск. яз. 1827, ч. XVIII, № 24, стр. 266. Въ «*Литерат. Музеумѣ*» *1827 г.*: Русск. Наблюдатель въ XIX в. Краткое обозр. 1826 г. Въ «*Русск. Архивѣ*»: 1869. 603. (Стихи Гречу). Не знаемъ, гдѣ была напеч. статья Измайлова «Новѣйшая Журнальная Критика» (см. «Моск. Тел.»1829, № 1, 107). Измайловъ писалъ мемуары (*Барсуковъ*, Жизнь Погодина, т. VIII, стр. 238), но они не изданы.

Ср. объ В. В. Измайловѣ:

1) *Евгеній*, Свѣтскіе писатели. 2) *Старчевскій*, Спр. энц. словарь. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Березинъ*, Энц. словарь. 5) *Брокгаузъ-Ефронъ*, Энц. словарь (ст. *А. Лященко*). 6) «Сѣв. Вѣстн.» 1805, 8, стр. 94—95. 7) «Вѣстн. Евр.» 1806, 14, стр. 118—20. 8) «Другъ Просв.» 1806, 10. 9) *Н. И. П.* (*Иванчинъ-Писаревъ*) «Литерат. Газета», 1830, т. II, 66, стр. 242—244. 10) *М. Макаровъ*, «Дамск. журн.» 1830, ч. 30, № 20, стр. 90 — 92. (Некрологъ). 11) «Спб. Вѣдом.» 1830, № 54, стр. 363. (Некрологъ). 12) *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, Отеч. галлерея. М. 1832, ч. I, стр. 166—175. 13) *К. Б.* (*Константинъ Бороздинъ*), Опытъ историч. род. Измайловыхъ. Спб. 1841. 8°. 14) «Москвитянинъ» 1844, ч. IV, № 7, стр. 49 (въ ст.: «Поэму говорить о смерти поэта»). 15) *М. А. Дмитріевъ*, Мелочи, стр. 96, 100 — 102, 190, 101, 108, 222 и въ «Москвитянинѣ», 1854, т. I, стр. 200, отд. I. 16) *Воейковъ*, «Русск. Архивъ» 1866, в. 5, стр. 762—63. («Парнасск. адр.-календ.»), 17) *Карамзинъ*, Тамъ же, 1869. 599—603 (Письма къ нему). 18) Тамъ же. 1880, 3, 462 — 464. (Письма къ А. С. Пушкину). 19) *К. А. Полевой*, «Ист. Вѣстн.» 1887, 6, 508—539 («Записки») и въ отдѣльномъ изд. 20) *Анучинъ*, «Русск. Мысль» 1891, 8, 68—70. («Столѣтіе писемъ русск. путешеств.»). 21) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды *М. П. Погодина*, II, 142, 272, 274; VIII, 238; IX, 395; XI, 349. 22) «Остафьевскій Архивъ», т. I. 23) *Сергѣй Глинка*, Записки. 24) Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866. 25) Письма къ Измайлову Ѳ. И. Глинки и др. въ «Моск. Обозр.» 1877 г. 26) *Гречъ*, Опытъ. 27) *Вигель*, Записки. М. 1891, ч. 3, стр. 139. 28) «Р. Инв.» 1830, № 124. 29) *Марлинскій*, Взглядъ на русск. словесность. 30) *Галаховъ*, Истор. Хрестоматія.

Отзывы: О «*Молодомъ философѣ*»: «Моск. Мерк.» 1802, I, 210. 2) Тамъ же, 1803, № 3 («Мнѣніе»). О журналѣ «*Патріотъ*»: 1) Сѣв. Вѣстн.» 1802, II, 136. 2) «Журн. Росс. Слов.» 1802. I, 54. О «*Путеш. въ полуденную Россію*»: «Вѣстн. Евр.» 1806, 1. О «*Переводахъ въ прозѣ*»: 1) *А. Измайловъ*: «Благонамѣр.» 1819, 7. 2) «Русск. Вѣстн.» 1819, 13. О ст. «*Русск. Наблюдатель въ XIX в.*»: «Моск. Вѣстн.» 1827, ч. III, № 11, стр. 278. О ст. «*Краткое обозр. 1826 г.*» «Моск. Вѣстн.», ч. III, № 11, стр. 274. О журн. «*Литерат. Музеумъ*»: 1) «Моск. Телеграфъ», 1827, № 12. 2) *Погодинъ*, въ «Моск. Вѣстн.» 1827. О ст. «*Новая журн. критика*»: «Моск. Телегр.» 1829, № 1, стр. 107.

227) Въ «Литер. Мечт.» См. т. I, стр. 347 — 77 и наши примѣчанія тамъ же, стр. 443—44. Изъ оговорки Бѣлинскаго, что онъ повторяетъ свое мнѣніе «по собственномъ размышленіи и по соображеніи съ общимъ мнѣніемъ» видно, что новый взглядъ на Марлинскаго обратилъ на себя большое вниманіе, вызвалъ толки и упреки, но многихъ привлекъ своею вѣрностью.

228) Рѣчь объ «Иванѣ Выжигинѣ» Булгарина.

229) Ср. т. I, стр. 373, пр. 149 и т. II, пр. 209.

230—31) Значительно-преувеличенныя похвалы Одоевскому, къ которому намъ еще придется вернуться, интересны съ біографической точки зрѣнія. Какъ мы уже много разъ указывали, къ числу важнѣйшихъ вліяній на Бѣлинскаго и предшествующихъ его дѣятельности настроеній слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ поставить московскій шеллингизмъ конца 20-хъ годовъ, наиболѣе рельефно представленный въ лицѣ Одоевскаго. Мистическіе порывы къ добру, страстное исканіе правды, желаніе постичь смыслъ жизни. искреннее презрѣніе ко всему пошлому и мелкому—вотъ та *органическая* связь, которая роднитъ Бѣлинскаго и Одоевскаго, та общая почва, на которой могло развиться *душевное* вліяніе, которое одно только и устанавливаетъ преемственность поколѣній.

232) Псевдонимы Одоевскаго.

233) Совсѣмъ теперь исчезнувшія изъ литературной памяти «простонародныя» повѣсти Погодина для своего времени были чрезвычайно замѣчательнымъ явленіемъ. Весьма благосклонно отнесшійся къ нимъ Бѣлинскій, собственно говоря, даже недостаточно оттѣнилъ ихъ исключительное положеніе въ ряду приподнятыхъ повѣстей конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. Это былъ совсѣмъ новый міръ, до того никѣмъ еще не разработанный. Типъ свахи, прославленный Гоголевской «Женитьбой», Погодинъ первый вывелъ во всей его бытовой яркости. Столь же нова была вся остальная бытовая обстановка повѣстей Погодина. Въ общемъ позднѣйшаго читателя, свидѣтеля славы Островскаго, какъ Колумба «темнаго царства», повѣсти Погодина изъ купеческаго быта прямо поражаютъ своимъ здоровымъ, жизненнымъ реализмомъ и тою колоритностью, которая 20 лѣтъ спустя, когда появились комедіи Островскаго, показались «новымъ словомъ». Истиннымъ-то Колумбомъ «темнаго царства», какъ оказывается, былъ этотъ историкъ, о беллетристической дѣятельности котораго огромное большинство читающей публики и не слыхало никогда. Талантъ второстепенный, Погодинъ и самъ какъ-то не придалъ значенія своей піонерской работѣ и вскорѣ отсталъ отъ «простонародныхъ» сюжетовъ, чего бы, конечно, не сдѣлалъ талантъ первостепенный, который тѣмъ и отличается отъ таланта второстепеннаго, что *всецѣло* проникается тѣмъ или другимъ настроеніемъ и *всего* себя посвящаетъ ему, благодаря чему и привлекаетъ къ нему всеобщее вниманіе. Какъ это всегда бываетъ и въ исторіи мысли, и въ исторіи искусства, второстепенный талантъ тутъ первый ступилъ на новый путь, первый приподнялъ уголокъ завѣсы, за которой скрывался новый міръ, а уже потомъ пришелъ талантъ большой, завершилъ начатое и подготовленное талантомъ маленькимъ и забралъ себѣ всю славу открытія.

Бѣлинскій своимъ постояннымъ утвержденіемъ, что геніи открываютъ новые горизонты, особенно содѣйствовалъ утвержденію этого взгляда, какъ намъ кажется совершенно не подтверждаемаго исторіею литературы вообще и русской въ частности. На самомъ дѣлѣ геніи и крупные таланты только эффектно и для всѣхъ наглядно *завершаютъ* то, что̀ до нихъ незамѣтно для себя и для другихъ дѣлали дарованія второстепенныя. Было бы неумѣстно подробнѣе здѣсь остановиться на развитіи нашей мысли. Но, начавъ съ Погодина, не преминемъ въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ отмѣчать въ каждомъ конкретномъ случаѣ еще рядъ примѣровъ піонерской работы второстепенныхъ талантовъ,

и совокупность ихъ явится комментаріемъ къ чрезмѣрному поклоненію Бѣлинскаго предъ оригинальностью геніевъ. Ср. примѣч. 61—62.

234) Это предсказаніе совсѣмъ не оправдалось См. прим. 64. Къ повѣстямъ Полевого мы еще вернемся.

235) Къ повѣстямъ Павлова, имѣвшимъ въ свое время очень большой успѣхъ и надѣлавшихъ большой цензурный переполохъ (см. ниже), Бѣлинскій отнесся довольно сдержанно, и дальнѣйшая карьера Павлова показала, что онъ былъ правъ. Изъ Павлова серьезнаго беллетриста не вышло. Къ общему очерку дѣятельности Николая Филипповича **Павлова** (1805—64) мы еще вернемся, а пока отмѣтимъ для характеристики общественно-политическаго міросозерцанія Бѣлинскаго въ срединѣ 30-хъ годовъ, что онъ и не замѣтилъ и не отмѣтилъ тѣ общественно-политическіе выводы, которые, какъ теперь кажется, сами напрашивались по прочтеніи повѣстей Павлова. Даже самая безобидная изъ трехъ повѣстей—«Аукціонъ», по существу есть злая сатира на свѣтскую пустоту и легкомысліе, но что касается «Именинъ» и «Ятагана», то вполнѣ понимаешь тотъ переполохъ, который они должны были произвести въ извѣстномъ освѣщеніи. Герой «Именинъ»—не «музыкантъ-плебей», какъ его дальше называетъ Бѣлинскій (стр. 210), а даровитый крѣпостной съ блестящими музыкальными способностями. Благодаря этимъ способностямъ, онъ получаетъ порядочное воспитаніе, самостоятельно живетъ въ Москвѣ, вращается въ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ не знаютъ о его происхожденіи и завязываетъ тѣсную дружбу съ однимъ богатымъ молодымъ человѣкомъ. Тотъ увозитъ его въ свою деревню и тутъ у крѣпостного виртуоза завязывается романъ съ единственною дочерью богатой помѣщицы, институткой. Кромѣ институтки, съ нимъ обращаются довольно пренебрежительно, даже и не подозрѣвая, кто онъ такой, а просто потому, что онъ «музыкантъ», слѣдовательно, не ровня остальнымъ членамъ общества, настоящимъ господамъ. Разговоръ за званымъ обѣдомъ въ домѣ любимой дѣвушки раскрываетъ ему весь ужасъ его положенія:

„Мирно обѣдалъ я, вдали отъ хозяйки, на унизительномъ краю стола; и по, какой то, особенной смѣтливости слугъ, каждое блюдо подавали мнѣ послѣднему, отъ чего и случилось, что изъ множества раковъ мнѣ достался одинъ, а спаржу, салатъ и клубничный пирогъ я видѣлъ только въ почтительномъ разстояніи. Но этѣ маловажныя обстоятельства не въ силахъ были раздражить моей щекотливости. Для нея готовилось другое истязаніе получше, подѣйствительнѣе. Недалеко отъ меня сидѣлъ, какой то, господинъ съ молчаніемъ на устахъ, съ унынiемъ на лицѣ, худощавый и по виду пречувствительный. Подъ конецъ уже обѣда развязался его языкъ, и онъ началъ съ кѣмъ-то разговаривать черезъ столъ. Я не обращалъ туда никакого вниманія, завоеванный моимъ сосѣдомъ, какъ вдругъ мое сердце забилось, лице вспыхнуло и глаза остановились, прикованные къ этому худощавому чувствительному человѣку. Чуткой слухъ мой поймалъ его слова:

— „А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей штуку“.—

Сосѣдъ мой замѣтилъ мнѣ на ухо:

— „Тотчасъ видно не музыканта! Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму“.—

„Вы понимаете, что я чувствовалъ, чего мнѣ хотѣлось, но не то было время. Теперь я не посовѣтовалъ бы такъ распространяться при мнѣ про домашнія дѣла своего оркестра, а тогда я могъ только покраснѣть, задрожать и съ тоскою глубокаго оскорбленія взглянуть на другой конецъ стола, туда, на милую Александрину, какъ будто за тѣмъ, чтобъ въ ея добрыхъ, человѣколюбивыхъ чертахъ найти защиту отъ обиды, чтобъ утѣшиться, чтобъ помириться съ людьми, увидѣвъ на ея благородномъ лицѣ: она не скажетъ этого, она не продастъ музыканта! Да, это было такъ“.

Александрина дѣйствительно совсѣмъ иначе относится къ «музыканту», платитъ ему взаимностью и даетъ ему клятву, что кромѣ него не выйдетъ ни за кого замужъ. Но тутъ «музыкантъ» считаетъ своею обязанностью объявить кто онъ:

„Знаете ли, на кого смотрите? Знаете ли, кто стоитъ предъ вами? Знаете ли, кому Вы поклялись?.. Я крѣпостной человѣкъ".

„Я выговорилъ смѣло и оробѣлъ: я вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ болѣе равенства между нами, и выпустилъ ея руку.

Не такъ быстро свалился я съ лошади, когда персидская сабля разнесла мнѣ черепъ, какъ поблѣднѣла моя Александрина и упала ко мнѣ на руку. Нѣжное твореніе!.. Отъ одного слова не устояла на ногахъ! Мнѣ нужно было только назвать себя, чтобъ испугать самую горячую любовь... повѣрите ли? я безъ жалости взглянулъ сперва на ея закатившіеся глаза, на ея помертвѣлое лицо... Какое-то глубокое презрѣніе къ женской слабости охолодило мое сердце. Я сказалъ слово, но я былъ тотъ же... Кудажъ дѣвались краснорѣчивые взгляды, алыя щеки, эта жизнь первой весны, этотъ яркой цвѣтъ красоты и юности?.. обморокъ обидѣлъ и меня и любовь".

Но худшее было впереди, когда «музыкантъ» вернулся къ своему пріятелю, у котораго гостилъ:

„Что съ тобою? ты разстроенъ? ты вѣрно знаешь?" сказалъ мнѣ Владиміръ Семеновичъ, когда я вошелъ къ нему въ комнату.

— „Что такое? Ничего не знаю" отвѣчалъ я.

— „Я сей часъ отъ твоего барина", продолжалъ Владиміръ Семеновичъ; „я предлагалъ ему наконецъ за тебя 10 тысячъ рублей. Онъ говоритъ, что теперь съ радостію бы взялъ, но не можетъ, а не можетъ потому, что, какъ я узналъ, деревня, и ты самъ, проиграны. Только не отчаявайся: я думаю, мы найдемъ средства сладить съ твоимъ новымъ господиномъ, хоть, сказываютъ, онъ человѣкъ тяжелый. Куда же ты"?..

— „Пойду въ свою комнату спать"...

— „Я вышелъ, я шелъ, не знаю куда; вся кровь вступила мнѣ въ голову; вѣчность страданій умѣстилась въ одну ночь; по настоящему, я откупился тогда отъ нихъ на цѣлую жизнь и въ здѣшнемъ и въ будущемъ мірѣ!.. Какіе-то странные образы летали передъ моими глазами; кто-то нашептывалъ мнѣ на ухо про смерть, про мщеніе... То казалось, что я вижу свадебный ужинъ, за которымъ сидитъ Александрина съ женихомъ, а я стою у нихъ за стуломъ, съ тарелкой и женихъ приказываетъ мнѣ: „Петрушка, подай воды!" То казалось... (тутъ офицеръ засмѣялся, но его губы затряслись, точно отъ судороги гнѣва), что я вижу моего бывшаго барина... за столомъ, на которомъ лежатъ кучи золота и карты... блѣднаго... разстроеннаго... онъ держится за пятерку и кричитъ: „бейте, идетъ остальное, и Петрушка вашъ... Я его ни за какія деньги не хотѣлъ отпускать на волю, но такъ и быть, бейте"... и пятерка падаетъ направо."

„Эти отвратительныя привидѣнія носились передо мною по широкой Волгѣ, она бунтовала подъ моими ногами... Я помню, что я стоялъ на ея крутомъ берегу, я смотрѣлъ въ бездну, я мѣрилъ разстояніе между жизнію и смертію... Я помню, что я очутился въ спальнѣ моего барина... Лампада теплилась передъ образами, и первые лучи утренней зари прокрадывались сквозь закрытые ставни. У меня въ рукѣ была бритва. Я смѣло подошелъ къ кровати, съ отвагой убійцы отдернулъ занавѣсъ, но... я говорю правду... рука моя опустилась прежде, чѣмъ я увидѣлъ, что въ постели никого не было. Да, у меня не достало бы силы на такое дѣло. Все, однакожъ, я долженъ благодарить Провидѣніе, что онъ не ночевалъ дома: онъ проигрывалъ послѣднее и—проигралъ. Жаль, что мы теперь не встрѣтимся съ нимъ! Вѣрно онъ предчувствовалъ, что на землѣ негдѣ ему спрятаться отъ меня, и спрятался на три аршина въ землю. Богъ ему судья!.. онъ сдѣлалъ лучше, что поставилъ меня на карту".

Чтобы положить конецъ своему невыносимому положенію, разсказчикъ—герой повѣсти, бѣжалъ куда глаза глядятъ. Какъ безпаспортнаго бродягу, его поймали, онъ объявилъ себя непомнящимъ родства и его сдали въ солдаты. Это было для него величайшимъ блаженствомъ. «Никому жизнь солдата не

представлялась въ такихъ очаровательныхъ краскахъ! Я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти!» Какъ солдатъ, разсказчикъ выдвинулся блестящею храбростью въ персидскомъ походѣ и былъ произведенъ въ офицеры.

Таковъ остовъ этой замѣчательной повѣсти. Но можно ли получить хотя какое бы то ни было представленіе о ней по пересказу Бѣлинскаго? Цензурныя препятствія тутъ ни при чемъ, потому что стороною, намекомъ, многоточіями ничего не стоило дать понять въ чемъ дѣло, если бы самъ критикъ иначе отнесся къ повѣсти.

Не даетъ отзывъ Бѣлинскаго точнаго представленія и объ «Ятаганѣ». Здѣсь героемъ разсказа является молодой корнетъ, разжалованный за дуэль. И онъ и его полковникъ влюблены въ красавицу-княжну, но полковникъ настолько слѣпъ, что не замѣчаетъ взаимныхъ чувствъ корнета-солдата и княжны и даже дѣлаетъ его повѣреннымъ своихъ намѣреній жениться на княжнѣ. Пока онъ ничего не подозрѣваетъ, полковникъ обращается съ разжалованнымъ хорошо, но когда узнаетъ правду, начинаетъ его притѣснять, доводитъ до нарушенія дисциплины и его подвергаютъ тѣлесному наказанію. Корнетъ не выноситъ оскорбленія и ятаганомъ закалываетъ полковника. Повѣсть заканчивается тѣмъ, что полковника съ музыкой и барабаннымъ боемъ торжественно хоронятъ, а на другой день убійцу его тоже съ барабаннымъ боемъ прогоняютъ сквозь строй.

Если присмотрѣться къ отзывамъ другихъ критиковъ, то становится яснымъ, что игнорированіе общественной стороны повѣстей Павлова было выраженіемъ цѣлой полосы литературной жизни, совершенно индифферентной къ такого рода вопросамъ. Объ отзывѣ Шевырева, который даже увидѣлъ тутъ какой-то апоѳеозъ свѣтской жизни, см. дальше въ статьѣ «О критикѣ и литер. мнѣніяхъ Москов. Наблюдателя» (т. II, стр. 467—70). Но поистинѣ поразителенъ отзывъ Сенковскаго. Слегка посмѣявшись надъ «отличіями, оказываемыми крѣпостному генію», онъ затѣмъ дѣлаетъ такой общій отзывъ: «Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же непріятную истину: *въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ никакой идеи. Что онѣ доказываютъ? Ничего.* И ничего потому, что это частные случаи, обстоятельства исключительныя, изъятыя изъ общей, повсемѣстной жизни, которыя прилагаются только къ тѣмъ, кто въ нихъ находился. Надобно, чтобы (произведеніе) выражало какую-нибудь прикладную идею, ведущую къ полезному умозаключенію и примѣняющуюся ко всякому лицу. Кромѣ общей идеи, въ повѣсти могли-бъ еще быть мысли. На мысли не споткнешься въ нихъ» («Биб. д. Чт.» т. IX, отд. VI, стр. 8).

Читающая публика оказалась куда чутче критиковъ и проницательнѣе цензуры, которая совершенно безпрепятственно пропустила книжку. Пошли толки и разговоры, которые приняли такіе размѣры, что гр. Уваровъ (цензура была тогда въ вѣдѣніи мин. нар. пр.) увидѣлъ себя вынужденнымъ доложить объ нихъ Государю. «Государь Императоръ, прочитавъ книгу со вниманіемъ и отмѣтивъ въ ней неприличныя мѣста, нашелъ, что третья статья («Ятаганъ»), по всему содержанію, смыслу и цѣли, не должна бы быть пропущена цензурою». Государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласился съ мнѣніемъ Уварова, который находилъ, «что по смыслу цензурнаго устава, трудно обвинить автора или цензора, и что запрещеніе книги могло бы только содѣйствовать ея извѣстности». Кончилось тѣмъ, что начальнику

моск. цензуры, попечителю Голохвастову, былъ объявленъ выговоръ, а цензуровавшему книгу Снегиреву строгій выговоръ. «Сообщая объ этомъ начальству московскаго учебнаго округа, мин. нар. пр. просило обратить вниманіе цензурнаго комитета на самый эпиграфъ книги: «*домашнія дѣла*» [1]), а также и на виньетку, представляющую чудовище, поражаемое кинжаломъ рукою невидимаго». Виньетку приказано было отобрать у типографщика Степанова и «пріобщить къ числу запрещенныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало запрещеніе перепечатывать книгу Павлова» (*Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 454—55).

236) Ср. дальше въ статьяхъ о «Моск. Наблюдателѣ».

237) Пріемъ, употребленный здѣсь Бѣлинскимъ, т.-е. обзоръ исторіи русской повѣсти, сдѣланный для того, чтобы подойти къ Гоголю — не былъ совершенною новостью въ нашей критической литературѣ. Бѣлинскій шелъ тутъ преимущественно по стопамъ Полевого, который справедливо гордился тѣмъ, что первый въ нашей критикѣ сталъ приводить писателя въ связь съ общимъ ходомъ литературы. Но Бѣлинскій пошелъ значительно дальше своего предшественника тѣмъ, что всегда чрезвычайно широко раздвигалъ непосредственныя рамки своихъ разборовъ, быстро переходя на общіе вопросы и вводя каждое литературное явленіе въ цѣлую историческую цѣпь аналогичныхъ явленій. Этимъ, между прочимъ, объясняется то, что Бѣлинскій «повторяется», что въ его статьяхъ множество разъ говорятся однѣ и тѣ же вещи о ходѣ русской литературы. Онъ не могъ этого избѣгнуть какъ потому, что всякое литературное явленіе онъ старался объяснять органически, такъ и потому, что идея исторической преемственности въ ходѣ русской литературы еще была очень мало популярна въ то время. Настоящей исторіи литературы еще не было, были только сборники литературныхъ фактовъ, въ родѣ «Опыта исторіи русской литературы» Греча, справедливо названной Бѣлинскимъ «литературнымъ Адресъ-Календаремъ». Первымъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ освѣщеніемъ хода русской литературы были «Литер. Мечт.», первымъ очеркомъ новой русской повѣсти—статья о Гоголѣ.

238) Въ этомъ мѣстѣ точно что-то оборвано или недосказано, или просто пропущено. Слѣдующую фразу (посмотримъ, нѣтъ ли...) слѣдовало бы начать съ красной строки и, кромѣ того, въ ней пропущено существительное послѣ словъ «между нашими».

239) Ср. объ этомъ опредѣленіи, навсегда опредѣлившемъ значеніе Гоголя, примѣч. 257.

240) Черезъ полгода, однако, Бѣлинскій самъ будетъ съ увѣренностью утверждать, что законы творчества «теперь найдены» (см. т. II, стр. 456).

241) Съ теоріей творчества, здѣсь развиваемой Бѣлинскимъ, намъ еще придется имѣть дѣло при общемъ обзорѣ эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго.

242) Формулу «гдѣ жизнь, тамъ и поэзія» Бѣлинскій уже разъ назвалъ «аксіомой» (т. II, стр. 55). Если, однако, мы не ошибаемся, то эта «аксіома» въ этой своей формѣ была неособенно давняго происхожденія. По крайней мѣрѣ первый *тезисъ* латинской диссертаціи Надеждина гласилъ: «Ubi vita, ibi poesis». Правда, отсюда еще не слѣдуетъ, что тезисъ представлялъ собою что-нибудь дѣйствительно новое. На самомъ дѣлѣ тутъ не «тезисъ», а посылка, цитированіе. Надеждинъ только повторилъ то, что

[1]) Въ дѣйствительности эпиграфъ латинскій: Domestica facta.

уже твердо установилось въ хорошо извѣстной ему нѣмецкой литературѣ, величайшій представитель которой—Гете далъ знаменитую формулу поэтическаго творчества:

Greift nur hinein in das volle Menschenleben.

Но, все-таки, въ русской литературѣ опредѣленность Надеждинской формулировки, кажется, была новостью.

Было бы, однако, большою ошибкою прибавить это наше указаніе къ числу фактовъ, устанавливающихъ преемственность и связь между Надеждинымъ и Бѣлинскимъ. Тезисъ диссертаціи находится въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи съ ея содержаніемъ, что надо диву даваться, какъ изъ вѣрнаго положенія можно придти Богъ вѣсть къ какимъ выводамъ. И изъ примѣчаній нашихъ и изъ приложенныхъ статей Надеждина читатель уже хорошо знаетъ, что Надеждинъ былъ злой гонитель «жизни» въ литературѣ, что онъ требовалъ отъ писателей, чтобы они «очищали» жизнь, брали изъ нея только свѣтлое и возвышенное. Такимъ образомъ общность между Надеждинымъ и Бѣлинскимъ исключительно формальная. То, что у Надеждина было пустой и противорѣчащей всей его дѣятельности вывѣской, у Бѣлинскаго проникло въ самую глубину его сознанія и дало литературные идеалы, діаметрально противоположные тѣмъ, которые защищалъ Надеждинъ.

243) См. примѣч. 257.

244) Эту пьесу Бѣлинскій, вѣроятно, зналъ только по пересказу, литературному или устному. Въ русскомъ переводѣ «Тимонъ Аѳинскій» появляется въ 1846 г. («Новоселье» 1846 г. т. III, вольные очерки изъ драматической повѣсти Шекспира «Тимонъ Аѳинскій», *Н. Полевого*).

245) Объ этой повѣсти см. дальше—II, стр. 357—62

246) Въ отмѣчаемой мимоходной характеристикѣ весьма замѣтно сказалось общее индифферентное и даже полупренебрежительное отношеніе къ народу въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, которое составляетъ отличительную черту первой половины дѣятельности Бѣлинскаго. Сосредоточивъ пока свой органически въ немъ сидѣвшій демократизмъ на борьбѣ съ свѣтскостью и аристократизмомъ въ литературѣ (см. дальше статьи о «Моск. Наблюдателѣ») и на возвеличеніи понятія о человѣческомъ достоинствѣ, Бѣлинскій 30-хъ гг. не чувствовалъ тѣхъ спеціальныхъ симпатій къ мужику, которымъ запечатлѣнъ конецъ его дѣятельности. Дальше мы еще не разъ будемъ имѣть случай отмѣчать такое же полупренебрежительное отношеніе Бѣлинскаго къ мужику (ср. т. I, стр. 384 и пр. 180; т. II, стр. 402, и пр. 378 и 405). И это, помимо того, что даетъ важный матеріалъ для исторіи выработки міросозерцанія Бѣлинскаго, еще лишній разъ доказываетъ, что «Дмитрій Калининъ» создался не на почвѣ народническаго протеста, а явился результатомъ простого, ничѣмъ теоретически не обоснованнаго чувства возмущенія насиліемъ и жестокостью.

247) Ошибка, повторенная и дальше. Надо—Филемонъ.

248) Неправильная орѳографія имени *Аѳанасій* идетъ чрезъ всю статью.

249) Главное достоинство превосходныхъ формулировокъ идеи народности въ литературѣ, которыя Бѣлинскій даетъ и здѣсь и въ «Литер. Мечт.» (т. I, стр. 383—84) всего менѣе заключается въ ихъ теоретической новизнѣ. Теоретически эти мысли составляли уже общее мѣсто. Вотъ что, напр., говорилъ «О народности въ изящныхъ искусствахъ и преимущественно въ словесности» одинъ изъ банальнѣйшихъ «словесниковъ» того времени.—В. Т. Плаксинъ

въ одномъ изъ банальнѣйшихъ журналовъ—«Сынѣ Отеч.» Греча и Булгарина, говорилъ даже нѣсколькими мѣсяцами раньше появленія разсматриваемой статьи Бѣлинскаго («Сынъ Отеч.» 1835 г., январь):

«Ежели каждый человѣкъ въ произведеніяхъ своихъ вообще, и преимущественно въ словесныхъ, выражаетъ свой образъ мыслей, свой характеръ; то, безъ сомнѣнія, оставляя на сихъ произведеніяхъ слѣды собственныхъ свойствъ, сообщаетъ имъ и тѣ черты, коими онъ сходствуетъ съ своими соотчичами или, такъ сказать, сонародниками. И чѣмъ выше талантъ, тѣмъ болѣе, тѣмъ яснѣе отражаются въ немъ самомъ и въ произведеніяхъ его народныя мнѣнія, вѣрованія, свойства, права и обычаи; такъ что геній, созданный на службу отечеству, проявляетъ въ себѣ всѣ его добродѣтели и причуды, какъ гладкая поверхность водъ морскихъ изображаетъ звѣздоносный ликъ небесъ съ бурными тучами. Итакъ совокупность изящныхъ, и особенно словесныхъ произведеній народа изображаетъ его характеръ, а историческій ходъ ихъ представляетъ картину образованія и измѣненій народнаго духа или характера» (стр. 19).

Надеждинъ, въ январѣ 1836 г. помѣстившій въ «Телескопѣ» статью «Европеизмъ и Народность», тоже весьма правильно опредѣлялъ народность, какъ «совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ» («Телескопъ» 1836, т. 31, стр. 256).

Но только одинъ Бѣлинскій съумѣлъ сдѣлать изъ вѣрныхъ посылокъ вѣрное примѣненіе къ конкретнымъ фактамъ литературной дѣйствительности. Плаксинъ, когда дѣло дошло до перечисленія «народныхъ» произведеній далъ такой списокъ: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ, Вадимъ, Свѣтлана, Борисъ Годуновъ, Русланъ и Людмила, Царь-Салтанъ, Россія и Баторій (драма бар. Розена), Клятва при Гробѣ Господнемъ, Наѣзды (Марлинскаго), Лейтенантъ Бѣлозоръ (его же), Испытаніе (его же), Поѣздка въ Германію (Греча), Конекъ-Горбунокъ». Бо́льшая половина этого списка рѣшительно не выдерживаетъ критерія истинной народности: «Пѣвецъ во станѣ русск. воиновъ» написанъ въ ложно-классическомъ стилѣ, «Вадимъ»—въ стилѣ нѣмецко-романтическомъ, «Царь-Салтанъ» и «Конекъ-Горбунокъ» слишкомъ нарядны, повѣсти Марлинскаго слишкомъ вычурны. Ничтожная «Поѣздка въ Германію» и бездарнѣйшая драма Розена указана, о Гоголѣ же ни полслова. Вотъ какъ расходится теорія и практика, когда нѣтъ внутренняго чутья.

Статья Надеждина во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательна и содержитъ рядъ блестящихъ и вѣрныхъ мыслей. Останавливаться на ней не стоитъ, потому что лучшія мѣста ея имѣютъ чисто-научный интересъ (по исторіи образованія русскаго языка и его связи съ церковно-славянскимъ и другими славянскими языками). Отмѣтимъ только, что по свойственному ему отсутствію чувства мѣры и такта, Надеждинъ, начавъ съ очень широкаго и просвѣщеннаго взгляда на законъ взаимодѣйствія различныхъ культуръ другъ на друга, затѣмъ пропѣлъ такой охотнорядскій гимнъ русскому кулаку, что даже скромный Лажечниковъ краснѣлъ за эту дикую выходку (см. т. I, стр. 429). А подъ конецъ статьи весь вопросъ о народности въ литературѣ былъ сведенъ къ чисто-политической программѣ, выставленной такъ называемой теоріей «оффиціальной народности»:

«Въ основаніе нашему просвѣщенію положены православіе, самодержавіе и народность. Эти три понятія можно сократить въ одно, относительно

литературы. Будь только наша словесность народною: она будетъ православна и самодержавна».

Съ такимъ мѣриломъ литературной критикѣ нечего было дѣлать, потому что исполненная патріотическихъ возгласовъ бездарная драма барона Розена его выдерживала лучше повѣстей Гоголя, и случая-то не имѣвшаго выказать въ какомъ-нибудь «Миргородѣ» свою несомнѣнную преданность самодержавію и православію. Такимъ-то образомъ сильный умъ Надеждина, изойдя изъ вполнѣ вѣрнаго положенія, забрелъ Богъ вѣсть куда и вмѣсто литературной формулы далъ формулу чисто-политическую.

Безвкусица Плаксина и отклоненіе въ сторону Надеждина выясняютъ намъ заслугу Бѣлинскаго въ данномъ случаѣ. Какъ и всегда, сила Бѣлинскаго не въ томъ, что онъ додумался самъ до новыхъ и вѣрныхъ положеній, а въ томъ, что онъ глубоко и всецѣло ими проникался и съ помощью своего удивительнаго чутья умѣлъ вѣрно примѣнить теоретическое мѣрило къ практическому опредѣленію литературныхъ достоинствъ. Поэтому онъ не отвлекался отъ ясно поставленной и опредѣленно-намѣченной цѣли и содѣйствовалъ установленію правильныхъ критеріевъ, раздавалъ патенты на геніальность и народность не Розенамъ и Кукольникамъ, а Гоголямъ и Кольцовымъ.

250) Знаменитыя фразы и восклицанія изъ разныхъ псевдоклассическихъ драмъ:

Qu'il mourût—восклицаніе Горація въ трагедіи Корнеля того же названія.

Julie.
Que vouliez-vous qu'il fit contre trois.
Le viel Horace.
Qu'il mourût.

Moi,—восклицаніе Медеи въ трагедіи Корнеля того же названія.

. . . . . *Moi.*
Moi, dis-je, et c'est assez.

Ахъ, Я Эдипъ—восклицаніе Эдипа въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» (Дѣйствіе II, явл. 1-ое).

251) Ср. тѣ же мысли въ «Литер. Мечт.» (т. I, стр. 321—22) и указанныя въ примѣчаніяхъ къ нимъ противорѣчія. Въ то же противорѣчіе впадаетъ Бѣлинскій и здѣсь, потому что верховнымъ принципомъ, въ концѣ концовъ, для него, все-таки остается «благодѣтельное вліяніе на нравы».

252) Это цитата изъ повѣсти кн. Одоевскаго «Насмѣшка Мертвеца». Повѣсть не стоитъ тѣхъ необычайныхъ похвалъ, которыя ей здѣсь расточаются: «гуморъ» ея не особенно «грозный» и не «кусаетъ до крови». Но въ русской литературѣ еще не свиснулъ тогда настоящій «бичъ, свитый изъ шипящихъ змѣй», не было ни «Ревизора», ни «Мертвыхъ душъ», и довольно банальныя насмѣшки Одоевскаго надъ большимъ свѣтомъ выростали для непривычнаго глаза въ нѣчто гораздо болѣе значительное, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности.

253) «Сонъ въ лѣтнюю ночь» могъ быть извѣстенъ Бѣлинскому только по разсказамъ пріятелей или по какому-нибудь изложенію въ журнальной статьѣ. Въ руск. переводѣ пьеса является только въ 1841 г. (Переводъ Росковшенко въ «Библ. д. Чт.» 1841 г.).

254) Тутъ Бѣлинскій впервые употребляетъ выраженіе «юмористическій» и именно такъ, что его нельзя смѣшать съ «гуморомъ». Ср. т. I, стр. 443, прим. 149.

255) Изъ рецензіи Шевырева на «Миргородъ» въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835 г. (Ч. I, отд. V, стр. 410).

256) «Слышу» прославлялъ Шевыревъ въ сейчасъ указанной рецензіи. Въ Поль-де-Коки Гоголя пожаловалъ Сенковскій («Библ. д. Чт.» т. III, отд. V, стр. 31—32, разборъ «Новоселья»). О выраженіяхъ Qu'il mourût и др. см. прим. 250. «Я Россъ»—слова Рослава, героя трагедіи Княжнина того же названія:

Въ Зафирѣ я княжну враговъ россійскихъ зрю,
И еслибъ днесь ея и было сердце вольно,
Чтобъ пламень погасить, *я Россъ*, сего довольно.

257) Тутъ Бѣлинскій доходитъ до той высоты своихъ похвалъ Гоголю, которая опредѣляетъ и историческое положеніе прославленнаго имъ писателя и его собственное положеніе, какъ перваго человѣка, безъ всякаго колебанія властною рукою возведшаго Гоголя на царственное мѣсто. По прекрасному выраженію Аполлона Григорьева, «имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени—Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова, — сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія,—постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ» (Соч., I, стр. 233).

Но ни относительно кого изъ названныхъ Григорьевымъ великихъ именъ роль великаго истолкователя ихъ не была такъ рѣшительна, какъ относительно Гоголя. Пониманіе значенія Гоголя началось только со статьи Бѣлинскаго о немъ. Читая здѣсь такъ просто выраженную мысль «комическое одушевленіе Гоголя всегда побѣждается глубокимъ чувствомъ грусти и унынія», «Гоголь есть поэтъ жизни дѣйствительной» и всѣ остальныя, столь «банальныя» и «элементарныя» теперь опредѣленія таланта Гоголя, испытываешь приблизительно то же впечатлѣніе, какъ читая въ лѣтописи нѣсколько строкъ сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи. Какъ тамъ эти нѣсколько строкъ даютъ основу всему тому, что въ теченіе длиннаго ряда поколѣній заучивается и варьируется на разнообразнѣйшіе лады, такъ и здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ даются опредѣленія, ставшія затѣмъ достояніемъ всѣхъ школьниковъ. Кто изъ насъ не употреблялъ еще въ гимназическихъ сочиненіяхъ фразъ о томъ, что юморъ Гоголя всегда перемѣшанъ съ грустью, что онъ поэтъ жизни дѣйствительной и т. д. Но вѣдь всѣ эти, теперь ставшія банальнѣйшими истинами, опредѣленія въ моментъ своего появленія были совершеннѣйшею новостью. Не будемъ здѣсь говорить о критикахъ въ родѣ Булгарина, который, вторя Сенковскому, даже послѣ смерти Гоголя съ послѣдовательностью, достойною лучшей участи, утверждалъ, что Гоголь есть русскій Поль-де-Кокъ, плохо къ тому владѣвшій русскимъ языкомъ. Что Булгаринъ? Полевой, проницательный Полевой, тоже одинъ изъ отцевъ русской критики, когда появились «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», совѣтовалъ автору брать примѣръ съ Марлинскаго! «Посмотрите-ка на одного сказочника, который написалъ повѣсть: Лейтенантъ Бѣлозоръ! Вотъ художникъ!». Какъ тутъ при всемъ уваженіи къ историческимъ заслугамъ Полевого не вспомнить Крыловское

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ.

А чѣмъ дальше шла дѣятельность Гоголя, тѣмъ Полевой, какъ увидимъ позднѣе, все больше и больше ее не понималъ. Умница Сенковскій давалъ

отзывъ объ отдѣльномъ изданіи «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Ив. Никифоровичемъ», который былъ не особенно многословенъ, но зато рѣшителенъ: «Мы всегда были того мнѣнія, что повѣсть очень грязна». Вотъ и весь отзывъ. (По поводу же перваго появленія повѣсти въ «Новосельи» онъ и сравнилъ автора съ Поль-де-Кокомъ. См. прим. 256). И это былъ законодатель вкуса огромной публики «Биб. д. Чт.». О той же повѣсти рецензентъ «Сѣв. Пч.» говорилъ: «зачѣмъ показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?» Цѣли нѣтъ у Гоголя! Не увидѣлъ, значитъ, рецензентъ у Гоголя тѣхъ незримыхъ слезъ сквозь видимый смѣхъ, которыя Бѣлинскій усмотрѣлъ въ Гоголѣ раньше, чѣмъ Гоголь самъ такъ формулировалъ свое творчество.

И сопоставляя то, что эта знаменитая формула вылилась у Гоголя только въ 1840 г. (въ 7-й главѣ «Мертвыхъ душъ»), т.-е. цѣлыхъ 5 лѣтъ спустя послѣ отзыва Бѣлинскаго, сущность котораго заключается именно въ томъ, что Бѣлинскій усмотрѣлъ серьезность задачъ, тоску и уныніе тамъ, гдѣ вся публика и самые благосклонные цѣнители видѣли только забавные анекдоты, можно поставить вопросъ такъ: типичный представитель творчества безсознательнаго,—творчества, великаго тѣмъ, что оно отражало жизнь во всей ея полнотѣ, Гоголь и самъ не понималъ всѣхъ тѣхъ сторонъ, которыя лежали въ немъ скрыто и были разъяснены только геніальною прозорливостью Бѣлинскаго.

Близко знавшій Гоголя Анненковъ прямо говоритъ въ біографіи Станкевича:

„Неизвѣстно, что сталось бы съ Гоголемъ, впечатлительнымъ до крайности, если бы Москва раздѣлила сомнѣнія и холодность петербургской публики, но здѣсь онъ встрѣтилъ участіе, поднявшее, какъ намъ хорошо извѣстно, нравственную бодрость его и сообщившее ему увѣренность въ своихъ силахъ. Послѣдняя все болѣе и болѣе росла съ тѣхъ поръ... Нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій первый положилъ твердый камень въ основаніе всей послѣдующей его извѣстности, начавъ первый объяснять смыслъ и значеніе его произведеній. Можно думать, что Бѣлинскій уяснилъ самому Гоголю его призваніе и открылъ ему глаза на самого себя. Для этого есть нѣсколько доказательствъ несомнѣннаго, историческаго характера!“

Анненковъ не приводитъ этихъ доказательствъ и потому представятъ извѣстный интересъ наши доказательства, что предъ нами не простая гипотеза.

Мы сейчасъ приведемъ отзывы двухъ людей, чрезвычайно близкихъ къ Гоголю, знавшихъ его не только по писаніямъ, но по тѣсному личному общенію. Они имѣли возможность узнать его душевный складъ не только по произведеніямъ, но и изъ личнаго наблюденія, изъ интимныхъ разговоровъ, изъ того, что онъ съ ними дѣлился своими планами и намѣреніями. Совершенно, значитъ, очевидно, что будь ему самому ясна его тоска, онъ бы не имѣлъ ни возможности, ни охоты скрывать ее отъ ближайшихъ людей. И тѣмъ больше, значитъ, славы Бѣлинскому, лично не знавшему еще тогда Гоголя и только чуткимъ сердцемъ изъ произведеній писателя понявшему то, что составляетъ основу его творческихъ настроеній.

Одинъ изъ отзывовъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, принадлежитъ Шевыреву, «гоголефилу», какъ онъ себя называлъ впослѣдствіи, и человѣку, убѣжденному, что онъ много сдѣлалъ для установленія репутаціи Гоголя. И въ самомъ дѣлѣ, въ первой своей рецензіи о повѣстяхъ Гоголя («Моск. Наблюд.» 1835 г., № 1) Шевыревъ употребляетъ эпитеты не шуточные. Статья

начинается съ вопроса: «Кто изъ русскихъ читателей не знаетъ теперь о знаменитой ссорѣ Ивана Ивановича съ Ив. Никифоровичемъ?» Весь отзывъ вообще преисполненъ похвалъ, рецензентъ, разобравъ «Тараса Бульбу» считаетъ возможнымъ «поздравить нашу словесность съ такимъ созданіемъ, которое обличаетъ талантъ многосторонній, рѣшительный и кисть широкую и смѣлую въ повѣствователѣ». Но все же и въ этомъ очень благосклонномъ отношеніи чувствуется что-то явно-покровительственное и нѣтъ и намека на *великое* значеніе Гоголя, на то, что онъ открываетъ собою новую эпоху въ исторіи русской литературы. А главное, Шевыревъ даже приблизительно не чувствуетъ незримыхъ слезъ сквозь видимый міру смѣхъ.

Какъ опредѣляетъ онъ сущность комизма Гоголя: «Мы не знаемъ гдѣ это, въ какомъ углу Малороссіи, въ Миргородѣ или въ Диканькѣ, авторъ этихъ *хохотливыхъ* вечеровъ открылъ кладъ до сихъ поръ до такой степени невиданный въ нашей литературѣ: это кладъ простодушнаго, искренняго, ни у кого незанятаго и неистощимаго смѣха. Я думаю, что онъ нашелъ его въ Малороссіи, что онъ откупорилъ этотъ веселый духъ изъ завѣтной кубышки какого-нибудь малороссіянина, потому что въ литературѣ русской, и простонародной и образованной, мы не находимъ преданія о такой *простодушной* веселости». Затѣмъ идетъ рядъ разсужденій о томъ, что составляетъ сущность смѣшного въ искусствѣ и постоянное увѣреніе, что смѣхъ Гоголя «неистощимый и *простодушный*». Такимъ образомъ этотъ закадычный пріятель Гоголя и ученый эстетикъ былъ на сто верстъ далекъ отъ истиннаго пониманія Гоголя. Одинъ только «недоучившійся студентъ» Бѣлинскій, у котораго не было еще въ распоряженіи ни «Ревизора», ни «Мертвыхъ душъ», который могъ опереться только на одну авторскую фразу въ концѣ «Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» («Скучно, господа, жить на этомъ свѣтѣ»), понялъ сокровенный смыслъ творчества Гоголя, понялъ, что въ этомъ мнимо-простодушномъ смѣхѣ кроется червь глубочайшей тоски.

При всемъ своемъ педантствѣ, Шевыревъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей журналистики, и какъ критикъ двумя головами стоялъ выше Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ. Хоть не вполнѣ вѣрно, но все же онъ до извѣстной степени понималъ Гоголя, наконецъ считался его истолкователемъ и ходатаемъ предъ публикою. Слѣдовательно, публика прислушивалась къ его голосу и не будь противодѣйствія Бѣлинскаго, такъ и осталась бы при мнѣніи, что Гоголь веселый, забавный увеселитель.

Во всей критической литературѣ о первомъ періодѣ дѣятельности Гоголя есть только одинъ отзывъ, который въ одной фразѣ отчасти, но совсѣмъ съ другой стороны, подходитъ къ основной мысли статьи Бѣлинскаго. Этотъ отзывъ принадлежитъ Пушкину, который былъ не только великимъ поэтомъ, но и человѣкомъ замѣчательнѣйшаго литературнаго вкуса. Такимъ образомъ, если бы даже и было такъ, что во всей литературѣ вѣрно поняли Гоголя только Пушкинъ, да Бѣлинскій, то и это было бы очень характерно. Но на самомъ дѣлѣ и самый отзывъ на годъ позже появился, чѣмъ отзывъ Бѣлинскаго (въ «Современникѣ» 1836), и не имѣетъ въ себѣ и десятой доли выразительности и рѣшительности Бѣлинскаго. А вѣдь въ критикѣ рѣшительность, властность приговора—главное условіе воздѣйствія на читателя. Вотъ этотъ отзывъ Пушкина. Какъ далекъ общій тонъ его отъ восторженнаго дифирамба Бѣлинскаго и какъ онъ, все-таки, центръ тяжести смѣха Гоголя видитъ въ его простодушности:

„Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ „Вечеровъ на хуторѣ“: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, *простодушной* и вмѣстѣ *лукавой*. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ *смѣяться*, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, представя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій Проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ *васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія*, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ“.

Въ этомъ отзывѣ первый моментъ своимъ неопредѣленнымъ сходствомъ поражаетъ слухъ фраза, что Гоголь заставляетъ «смѣяться сквозь слезы». Но вѣдь это, однако, совсѣмъ не то, что «незримыя слезы», кроющіяся за «видимымъ смѣхомъ», и совсѣмъ не то, что утвержденіе Бѣлинскаго: «оригинальность у г. Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, *всегда* побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти». Не говоря уже о томъ, что Пушкинъ говоритъ *только* о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», онъ вѣдь къ ней подходитъ, какъ къ трогательной и умилительной повѣсти, *тѣмъ не менѣе* заставляющей васъ смѣяться. По Пушкину, способность Гоголя смѣшить такъ велика, что *даже* въ грустной по задачѣ повѣсти вы смѣетесь сквозь слезы. Слѣдовательно, по Пушкину, въ Гоголѣ смѣхъ всегда побѣждаетъ слезы; между тѣмъ какъ по Бѣлинскому совсѣмъ наоборотъ — грусть побѣждаетъ всегда въ Гоголѣ смѣхъ. Пониманіе діаметрально-противоположное.

Вся дальнѣйшая дѣятельность Гоголя показала, что правъ былъ Бѣлинскій, а не Пушкинъ. Историческое значеніе Гоголя въ томъ, что смѣхъ его былъ горькій, а не простодушный. А историческое значеніе Бѣлинскаго, слѣдовательно, въ томъ, что онъ первый и единственный, который это растолковалъ русской публикѣ.

Чтобы покончить съ ролью Бѣлинскаго какъ перваго человѣка, понявшаго одновременно и *великое* значеніе таланта Гоголя, и безграничную горечь его мнимо-веселаго смѣха, намъ остается еще опредѣлить соотношеніе статьи съ мнѣніемъ о Гоголѣ кружка Станкевича.

Соотношеніе это безусловно очень велико. Гоголь былъ истиннымъ любимцемъ всего кружка:

„Станкевичъ и весь кругъ его“, сообщаетъ Анненковъ, „поняли съ перваго раза смѣхъ, производимый созданіями Гоголя, весьма серьезно, почти такъ, какъ понималъ его впослѣдствіи самъ авторъ. Что касается до поэзіи, то людямъ, искушеннымъ въ этомъ дѣлѣ, легко было угадать ея оттѣнокъ на лицахъ и описаніяхъ Гоголевской фантазіи. Станкевичъ, смѣтливый отъ природы, уже не могъ никогда вспоминать нѣкоторыхъ подробностей въ его картинахъ безъ того, чтобъ не потерять совершенно хладнокровія. Такое дѣйствіе производило на него, напримѣръ, воспоминаніе о жидѣ (въ Тарасѣ Бульбѣ), который, снявъ верхнюю одежду, сталъ вдругъ похожъ на цыпленка. Да и въ первое знакомство съ Гоголемъ одно предчувствіе юмористическаго элемента, которымъ такъ обильны его творенія, повергало Станкевича въ припадокъ неудержимаго смѣха. При первомъ чтеніи повѣсти Гоголя: „Коляска“, на которое собрались нѣкоторые друзья Станкевича, едва произнесены были слова, открывающія повѣсть и еще не заключающія въ себѣ ничего особеннаго, раздался общій дружный хохотъ съ трудомъ побѣжденный“.

Такъ встрѣчали молодые люди будущаго знаменитаго писателя нашего, угадывая въ его веселости и въ смѣхѣ, имъ порождаемомъ, первые симптомы литературной возмужалости, вмѣстѣ съ признаками пробуждающагося народнаго сознанія“ (Біографія при „Перепискѣ“ Станкевича, стр. 77 — 78).

Слова Анненкова и разсказъ о чтеніи „Коляски“ вполнѣ подтверждаются тѣмъ, что сообщалъ въ своихъ воспоминаніяхъ виднѣйшій послѣ Станкевича и Бѣлинскаго членъ кружка—Константинъ Аксаковъ.

„Въ тѣ годы только что появлялись творенія Гоголя, дышащія новою небывалою художественностью, какъ дѣйствовали они тогда на все юношество, и въ особенности на кружокъ Станкевича! Во время нашего студентства вышло *Новоселье*, альманахъ; тамъ была повѣсть Гоголя: „О томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Помню я то впечатлѣніе, какое она произвела.

Что можетъ равняться радостному сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣхъ! Какъ само постепенное появленіе изданій геніальнаго художника оживляло, двигало общество! Радъ я, что испыталъ и видѣлъ все это. Станкевичъ цѣнилъ очень вѣрно и тонко художественность Гоголя, особенно въ бездѣлицахъ!—Вскорѣ послѣ выхода его и моего изъ университета Станкевичъ досталъ какъ-то въ рукописи *Коляску* Гоголя, вскорѣ потомъ напечатанную въ Современникѣ. У Станкевича былъ я и Бѣлинскій; мы приготовились слушать, заранѣе уже полные удовольствія. Станкевичъ прочелъ первыя строки: „Городокъ Б. очень повеселѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ въ немъ стоять кавалерійскій полкъ“... и вдругъ нами овладѣлъ смѣхъ, смѣхъ несказанный; всѣ мы трое смѣялись, и долго смѣхъ не унимался. Мы смѣялись не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшного, но отъ того внутренняго веселья и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя. — Наконецъ смѣхъ нашъ прекратился и мы прочли съ величайшимъ удовольствіемъ этотъ маленькій отрывокъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ созданіяхъ Гоголя — и полнота, и совершенство искусства“ („День“ 1862, № 40, стр. 4).

Такимъ образомъ, въ общемъ, увлеченіе Бѣлинскаго Гоголемъ не составляетъ личной его заслуги. И все же онъ былъ безусловно оригиналенъ въ самой существенной части своего приговора—въ признаніи Гоголя главою современной литературы. Тутъ онъ былъ оригиналенъ не только по отношенію къ Станкевичу и другимъ членамъ кружка, но, если можно такъ выразиться, по отношенію къ самому себѣ, къ самымъ недавнимъ собственнымъ взглядамъ своимъ. Сознаніе *великаго* значенія Гоголя какъ бы пришло къ нему полубезсознательно, въ моментъ геніальнаго критическаго наитія. Взгляните въ самомъ дѣлѣ на постепенный ростъ его восторженнаго отношенія къ Гоголю. Въ „Литер. Мечтаніяхъ“, въ той части ихъ, которая появилась въ декабрѣ 1834 г., Бѣлинскій посвящаетъ Гоголю не больше 5 строкъ и не больше чѣмъ довольно благожелательныхъ:

„Г. Гоголь, такъ мило прикинувшійся пасичникомъ, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его Вечера на хуторѣ близъ Диканьки? Сколько въ нихъ остроумія, веселости и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды“ (т. I, 390).

Вотъ и весь отзывъ. Какъ мы уже замѣтили своевременно, слово „*необыкновенный* талантъ“ здѣсь не нужно понимать въ современномъ употребленіи. На языкѣ того времени оно соотвѣтствовало нашему скромному „*незаурядный*“. И весь тонъ отзыва этому вполнѣ соотвѣтствуетъ. Гоголь еще только „подаетъ надежды“, ему посвящено 5 строкъ, въ то время какъ не только Марлинскому посвящены страницы, но даже „удивительной повѣсти“ Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ“ удѣлено больше вниманія. Но вотъ проходитъ всего 3 мѣсяца, появляется „Миргородъ“ и въ предварительной за-

мѣткѣ (см. II, стр. 94 — 95) взятъ *почти* надлежащій тонъ. Бѣлинскій имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи весь тотъ литературный матеріалъ, который заставитъ его возвести Гоголя въ надлежащій литературный рангъ, но онъ еще не вдумался въ него всецѣло, не провелъ его чрезъ все то напряженіе чувства, на которое онъ способенъ въ моменты высшаго подъема своего критическаго чутья и потому еще не достигъ вершинъ своей вдохновенной прозорливости. Мало того, чрезъ недѣлю онъ прямо заявляетъ „я пока еще не вижу генія въ г. Гоголѣ“ (II, 101). Приступая, наконецъ, къ самой статьѣ, о которой теперь рѣчь, Бѣлинскій разгорается только постепенно. Въ началѣ ея еще никакъ нельзя догадаться, что онъ подъ конецъ возьметъ такой высокій тонъ, поставитъ Гоголя во главѣ всей современной литературы, возведетъ въ рангъ генія, замѣщая имъ „мѣсто, оставленное Пушкинымъ“. Это пришло само собою, въ моментъ высшаго напряженія энтузіазма, въ минуту полной дѣятельности *великаго сердца*.

258) Все въ той же уже указанной (прим. 255) рецензіи Шевырева (стр. 403).

259) Ср. прим. 242.

260) «Молва» 1835, № 38, ценз. разр. 29 сент. 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ примѣровъ дурного перевода.

261) Ср. прим. 488.

262) Совсѣмъ теперь забытый ирландскій поэтъ и романистъ Чарльзъ Робертъ *Матюренъ* (1782—1825) пользовался въ эпоху романтизма огромнымъ успѣхомъ, благодаря своей любви къ изображенію страшныхъ преступленій, къ ужасамъ всякаго рода, привидѣніямъ и всему сверхчувственному. Его романъ «Мельмотъ-Скиталецъ» читался у насъ съ захватывающимъ интересомъ и заглавіе его долго было даже чѣмъ-то въ родѣ нарицательнаго слова для обозначенія непосѣдливыхъ, все куда-то рвущихся людей. Въ русск. переводѣ, кромѣ названныхъ здѣсь «Альбигойцевъ» имѣются: «Мельмотъ-Скиталецъ» (Спб. 1833) и «Исповѣдь Англичанина, употреблявшаго опіумъ» (Спб. 1834). Въ европейской литературѣ еще большею извѣстностью, чѣмъ «Мельмотъ-Скиталецъ», пользовалась мрачная драма «Бертрамъ».

263) Правильнѣе *Льюисъ* (Lewis), англ. писатель (1773—1818), прославившійся своимъ мрачно-фантастическимъ романомъ «Монахъ» («Monk», отчего его даже одно время называли, въ отличіе отъ другихъ Льюисовъ— *Monk-Lewis*). По-русски Льюисъ переведенъ не былъ и Бѣлинскій съ нимъ былъ знакомъ либо по французскимъ переводамъ, либо по статьямъ объ англійской литературѣ.

264) «Молва» 1835, № 38. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

265) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

266) «Телескопъ» 1835, № 9. Ценз. разр. отъ 1 октября 1835. Въ изданіе Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца цитируемаго тріолета Карамзина, что до извѣстной степени скрашиваетъ несправедливую аналогію, которую Бѣлинскій здѣсь проводитъ.

267) Происхожденіе народной поэзіи Бѣлинскій, какъ и всѣ его современники, представлялъ себя гораздо проще, чѣмъ смотритъ на него позднѣйшее изученіе предмета.

268) Компанія довольно странная. Когда владычествовалъ Тредьяковскій? Въ отзывѣ о Ронсарѣ, котораго Бѣлинскій, почти навѣрное можно сказать, зналъ только по наслышкѣ, сказались отголоски очень стараго теченія, и именно пренебреженія, съ которымъ отнесся къ Ронсару Буало въ своемъ

«Art poetique». Романтическая школа ставила Ронсара очень высоко за его лирическія стихотворенія.

269) Эта оцѣнка Баратынскаго не принадлежитъ къ блестящимъ страницамъ критическаго формуляра Бѣлинскаго. Мы еще вернемся къ ней по поводу позднѣйшей большой статьи Бѣлинскаго о Баратынскомъ.

270) Восторги «Венеціанскою ночью» Козлова настолько же преувеличены, насколько Баратынскій несправедливо униженъ. Красота «Венеціанской ночи» крайне условна и вся ея «роскошь» и «таинственность» сводится къ весьма банальнымъ описаніямъ Италіи, лишеннымъ колорита дѣйствительности и сводящимся къ частому употребленію словъ «мирты», «октавы Тасса», «Брента», «гондола», и т. д. Бѣлинскій вспомнилъ о ней вѣроятно потому, что «Моск. Набл.», приложивъ къ I кн. романсъ Глинки на слова «Венеціан. ночи», перепечаталъ (изъ «Поляр. Звѣзды» 1825) и все стихотвореніе.

271) Въ этомъ детальномъ перечисленіи хорошихъ стихотвореній Бѣлинскій, столь несправедливый въ общей оцѣнкѣ Баратынскаго, снова вполнѣ на высотѣ своего тонкаго вкуса. Онъ указываетъ именно все то, что̀ дѣйствительно хорошо у Баратынскаго.

272) О противорѣчіяхъ, между требованіемъ «современности» съ одной стороны и проповѣдью самодовлѣющаго искусства съ другой, см. т. I, стр. 362—63; 424, пр. 30; 426, пр. 36; 432, пр. 62; 439, пр. 118; 441, пр. 141.

273) Очевидно, намекъ на разсказы о томъ, что даже экскременты Далай-Ламы имѣютъ цѣнность для вѣрующихъ тибетцевъ.

274) «Молва» 1835, № 39. Ценз. разр. отъ 5 окт. 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитаты изъ романа.

275) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. *В. В. В.*—псевдонимъ одного изъ братьевъ Строевыхъ — Владиміра Михайловича. Ср. примѣч. 203.

276 — 79) «Молва» 1835, № 40. Ценз. разр. отъ 12 окт. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошли.

280—81) «Молва» 1835, № 41. Ценз. разр. отъ 19 окт. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошли.

282) Гречъ по происхожденію былъ нѣмецъ.

283) «Молва» 1835, № 41. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

284) Взгляды, подробнѣе развитые въ рецензіи на грамматику Калайдовича (выше стр. 28—42) и позднѣе въ собственной грамматикѣ.

285) «Молва» 1835, № 41.

286) Тамъ же. Отношеніе Бѣлинскаго къ *Гуслистому*, повидимому, очень несправедливо, если судить по слѣдующему заявленію, напечатанному въ «Нов. Вр.» и другихъ газетахъ 1898 г. (см. «Книжный Вѣстн.» 1898 г. № 27) петербургскимъ педагогомъ В. П. Геннингомъ:

„Въ 1823 г. учитель Алексѣй Гуслистый напечаталъ „Россійскій букварь для обученія дѣтей грамотѣ по новѣйшему способу, не заставляя ихъ заучивать ни одного склада“.

Въ этомъ „Букварѣ“ авторъ, первый изъ русскихъ педагоговъ, совершенно самостоятельно, не зная трудовъ Стефани, указалъ на звуковой способъ обученія грамотѣ и вѣрно опредѣлилъ его сущность. „Чтобы умѣть читать, надо умѣть вѣрно выговаривать звуки и правильно сливать ихъ одинъ съ другимъ“.

Біографическихъ свѣдѣній о Гуслистомъ не сохранилось. Можетъ быть, при посредствѣ вашей уважаемой газеты, кто нибудь изъ имѣющихъ какія-либо достовѣрныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Гуслистаго соблаговолитъ доставить ихъ въ С.-Петербургъ по слѣдующему адресу: Вас. остр., 9 линія, д. 46, гимназія д-ра Видемана, преподавателю В. П. Геннингу, собирающему матеріалы для біографіи А. Гуслистаго. Жаль и обидно будетъ, если вовсе порастетъ память о русскомъ Стефани“.

Біографическихъ свѣдѣній о Гуслистомъ дѣйствительно нѣтъ. Изъ отзывовъ о его трудахъ можно указать: о *„Двухъ способахъ обучать дѣтей“*: «Моск. Телеграфъ». 1828. № 14. 287—97. О *„Способѣ обучать дѣтей читать по-русски“*: «Моск. Телегр.» 1831. № 14. 255. О *„Краткой системѣ Россійск. Граммат.“*: 1) «Современникъ» 1838, т. 12, стр. 57. 2) «Библіот. для Чтенія» 1839, т. 32, отд. VI, 20. 3) «Сынъ Отеч.» 1839, XII, отд. IV, стр. 143 — 146.

Гуслистый издалъ слѣдующія руководства: 1) Два способа обучать дѣтей (и возрастныхъ) чтенію въ 40 часовъ на какомъ угодно изъ европ. діалектовъ, но преимущ. пис. для Россійск. грамматы СПБ. 1828—1829. 8°. 2) Россійскій букварь для обученія дѣтей грамотѣ по общепринятому способу не заставляя ихъ заучивать ни одного склада. Изд. 2-е, испр. и полнѣе объясн. въ трехъ част. съ 4-мя грав. и иллюстр. картинк. СПБ. 1830. 8°. Г. Геннингъ выше указываетъ 1-ое изданіе 1823 г. Его нѣтъ въ Публичной Библіотекѣ и оно не указано въ современныхъ каталогахъ. Тоже другое изд., подъ назв.: Способъ обучать дѣтей по Русски безъ заучиванія складовъ въ самое короткое время (въ 30 час., или уроковъ); и писать по диктовкѣ (въ 50 ч., или уроковъ), гдѣ и прилож. и обыкнов. способъ обуч. чтенію, заставляя заучивать склады. Изд. 2-е. СПБ. 1831. 8°. Тоже. Изд. 2-е. М. 1833. 8°. 3) Прописей Россійскихъ полнѣйшее собраніе, которое, кромѣ образцовъ трехъ почерковъ или Росс. Англ. Франц. и Готич. заключ., въ себѣ и объясн. какъ при обуч. чистопис. вмѣстѣ обучать легчайш. способ. и диктовкѣ въ самое короткое время (не болѣе двухъ мѣс. со дня начатія чтеніемъ). СПБ. 1831. 2°. 4) Подарокъ матерямъ, или искусство пособлять однолѣтнему малюткѣ правильно и въ скоромъ времени говорить, а двухлѣтняго учить читать по слуху. М. 1832. 12°. 5) Отвѣтъ критикамъ, разсуждающ. при моемъ объявленіи: Краткая система Росс. Грамматики, заключ. въ себѣ многія нов. правила и критич. разборъ другихъ граммат. и проч., по которой обучаясь, легко можно изучить и грамматику употребит. иностр. языковъ, какъ то Франц. Латинск. и Нѣмецк. М. 1835. 8°. 6) Краткая система россійской грамматики, излож. по урокамъ съ вопросами, отвѣтами и задачами. М. 1838. 8°.

287) «Молва» 1835, № 42. Ценз. разр. 25 окт. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Ср. отзывъ о Библіотекѣ Ротгана выше, стр. 237—40.

288—291) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошли.

292) «Молва» 1835, № 43. Ценз. разр. 2 ноября 1835. Обычное восторженное отношеніе къ Вальтеръ-Скотту. Ср. прим. 61—62.

293) Одинъ изъ псевдонимовъ Сенковскаго-Брамбеуса.

294) Ср. примѣч. 324 и 392.

295) Ссылка на настоящее примѣч., по недосмотру, опущена въ текстѣ. Ее слѣдовало бы поставить на 267 стр., при заглавіи статьи № 145 — «Московск. Новости». Статейка помѣщена въ «Молвѣ» 1836 г. № 44. Ценз. разр. отъ 9 ноября 1835. Въ изд. Солдатенкова вошла съ опущеніемъ конца, что значительно измѣнило тонъ рецензіи. См. прим. 297.

296) Бѣлинскій подробнѣе говорилъ о смѣшныхъ, сантиментально-добродѣтельныхъ романахъ Извѣковой въ 1843 г. по поводу сочиненій Зинаиды Р—вой. Надъ плохими романами Извѣковой потѣшались еще современники. Такъ въ «Дневникѣ Студента» (С. П. Жихарева) подъ 18 апр. 1805 находимъ такую запись:

„Не сочинять же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа тол-

стѣйшей барышни Извѣковой, за который недавно бѣдняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсѣмъ острую, эпиграмму

Извѣковой романъ съ Извѣковой и сходенъ,
Онъ такъ же, какъ она, дороденъ,
И такъ же ни къ чему негоденъ.

Безжалостно высмѣялъ Извѣкову Батюшковъ въ своемъ «Видѣніи на берегахъ Леты», гдѣ она фигурируетъ вмѣстѣ съ сочинительницей драмы «Густавъ Ваза» Титовой:

Потомъ за нею обѣ дамы,
На дамъ живыя эпиграммы и т. д.

Однако, еще въ 1836 г. академикъ Д. И. Языковъ въ статейкѣ объ Извѣковой въ «Энц. Лексиконѣ» Плюшара (т. V, стр. 189, подъ *Бедряга)* увѣряетъ, что ея «сочиненія, написанныя до вступленія въ супружество, заслужили вниманіе отечественной словесности». Съ именемъ Извѣковой появились слѣдующія «сочиненія»:

1) Стихи на побѣды, одержанныя росс. войскомъ надъ турками, подъ предв. графа Каменскаго. Спб. (1806?). 4°. 2) Эмилія, или печальныя слѣдствія безразсудной любви. М. 1806. 4 части. 3) Стихи къ русскимъ героямъ. 1806. 4) Альфонсъ и Флорестина, или счастливый оборотъ, драма въ 4 д. М. 1807. 12°. 5) Милена, или рѣдкій примѣръ великодушія. Спб. 1809. 16°. 6) Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою. 3 ч. Спб. 1809. 24°.

По свидѣтельству Языкова, «между ея бумагами найдено нѣсколько сочиненій въ стихахъ и прозѣ, которыя до сихъ поръ остаются въ рукописи». Видимо, первый или первые романы Извѣковой изданы безъ ея имени, иначе какъ же объяснить эпиграмму, написанную Жихаревымъ въ 1805, между тѣмъ какъ первый романъ съ ея именемъ вышелъ въ 1806. По указанію Языкова, Марья Евграфовна **Извѣкова** родилась въ дворянской семьѣ Зубцов. у. Твер. губ., 12 февр. 1794 г., но это явная ошибка (повторена и всѣми другими словарями) — не въ 11 же лѣтъ она стала сочинять романы. Въ 1811 г. вышла замужъ за дѣйств. ст. сов. Ѳ. Н. Бедрягу, послѣ чего «совершенно посвятила себя домашнимъ обязанностямъ и только для отдохновенія принималась за перо». Ум. 15 янв. 1830 г. въ С.-Петербургѣ.

Ср. о ней: 1) *Голицынъ*, Словарь писательницъ. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Плюшаръ*, Энц. Лексиконъ, 5, стр. 159. 4) *Толль*, Наст. Словарь, 2, 250. 5) *Руссовъ*, Словарь писательницъ, стр. 25. 6) *Брокгаузъ-Ефронъ*, Энц. Словарь. 7) *Бѣлинскій*, Сочиненія, въ изд. Солдатенкова, VII, 158—159. 8) *Dupré de St-Maur*, Anthologie russe, 1823 г. pg. XXV. 9) *Макаровъ*, въ «Дамск. Журналѣ» 1830, ч. 32, № 51. 10) «Молва» 1857, стр. 356 и 403. 11) *К. Н. Батюшковъ*, Сочиненія, подъ ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. I и III. 12) *Жихаревъ*, Записки.

297) Полуироническая въ началѣ защита свѣтскости и модности чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ становится все страннѣе и страннѣе. Статейка въ общемъ производитъ почти тягостное впечатлѣніе. Можно было высмѣять людей, съ чрезмѣрнымъ азартомъ нападающихъ на моды, думая, что не вѣсть какія высокія чувства обнаруживаютъ, но зачѣмъ же было серьезно рекламировать модный журналъ и приглашать на него подписываться? Защиту модъ см. также дальше (стр. 427—429).

298) «Молва» 1835, № 44. Этой рецензіи нѣтъ въ изд. Солдатенкова и нѣтъ въ спискѣ книгъ, рецензіи на которыя пропущены въ немъ по незначительности. Но все-таки есть нѣкоторое основаніе думать, что подпись *В—ъ* означаетъ Виссаріонъ: авторъ видимо постоянный рецензентъ и какъ-то очень уже присяжнымъ тономъ говоритъ о себѣ «таково мое мнѣніе», «обращая нѣкоторое вниманіе на всѣ вновь издаваемыя руководства для дѣтей» и т. д. Что касается авторитетности, съ которою рецензентъ говоритъ о географіи, то это вполнѣ подходитъ къ Бѣлинскому: онъ очень любилъ географію и хорошо ее зналъ, а какъ человѣкъ, постоянно занимавшійся элементарнымъ преподаваніемъ, интересовался и слѣдилъ за литературою учебниковъ.

299) «Молва» 1835, № 44. Въ изд. Солдатенкова не вошло. См. дальше стр. 307—315.

300) Тамъ же.

301) «Богатоновъ» и «Добрый малый»—комедіи Загоскина. «Ссора двухъ сосѣдовъ» — очевидно не совсѣмъ точное заглавіе комедіи кн. Шаховскаго «Ссора или два сосѣда».

302) «Телескопъ» 1835, т. XXVII, ценз. разр. отъ 24 ноября 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ значительнѣйшей части цитатъ.

303) О нападкахъ «Сѣв. Пчелы» «Журнал. замѣтку» (стр. 297—306).

304) Когда въ 1833 г. появилась драма Кукольника «Торквато Тассо» Сенковскій-Брамбеусъ писалъ по поводу ея: «Для меня нѣтъ образцовъ въ словесности: все образецъ, что̀ превосходно, и я такъ же громко восклицаю «великій Кукольникъ» передъ его видѣніемъ Тасса и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю «великій Байронъ» передъ многими мѣстами твореній Байрона» («Библ. для Чтенія» 1834, т. I, отд. V, стр. 37 и соч. т. 8, стр. 24—25). Въ этомъ обыкновенно усматривается только проявленіе безвкусицы, которая мирно уживалась въ Сенковскомъ рядомъ съ крупнымъ умомъ и несомнѣннымъ талантомъ. Намъ, признаться, въ отзывѣ о Кукольникѣ чудится не столько безвкусица, сколько тонкая насмѣшка, потому что одновременно съ провозглашеніемъ Кукольника «великимъ», онъ ставилъ ему въ примѣръ «гибкость и величавую красу языка» автора драмы «Россія и Баторій», совершенно уже бездарнаго барона Розена. У Сенковскаго была вообще манера дурачить и онъ даже ученыя рѣчи произносилъ, которыя по существу были издѣвательствомъ надъ легковѣріемъ слушателей. Но какъ бы то ни было, чрезъ нѣкоторое время, когда его стали донимать за преувеличенныя похвалы Кукольнику, Сенковскій въ приведенныхъ Бѣлинскимъ словахъ преспокойно объявилъ, что это съ его стороны была шутка.

305) Ср. примѣч. № 94.

306) Отголоски общаго дурного отношенія Бѣлинскаго къ дѣятельности Пушкина въ тридцатыхъ годахъ. Ср. то же отношеніе въ «Литер. Мечт.» т. I, стр. 364; т. II, пр. 419.

307—308) *Трилунный*—псевдонимъ поэта «Библ. для Чтенія» Дмитрія Юрьевича *Струйскаго* (1806—3 янв. 1856); *Дмитріевъ*, Михаилъ Александровичъ (23 мая 1796—3 сент. 1866). О нихъ еще будемъ имѣть поводъ говорить.

309) Рѣчь, вѣроятно, объ отзывѣ друга Станкевича Невѣрова въ «Журн. М. Нар. Пр.» 1836, ч. 9.

310) Бѣлинскій всегда былъ чрезвычайно щепетиленъ по части неблагопристойностей въ печати и какъ здѣсь, такъ и позднѣе упорно отказывался цитировать «Наѣздницу». Стихотвореніе дѣйствительно, можно сказать безъ

всякой pruderie, неприличное, однакоже, не такое, чтобы и цитировать его нельзя. Приведемъ его для характеристики щепетильности Бѣлинскаго:

Люблю я Матильду, когда амазонкой
Она воцарится надъ дамскимъ сѣдломъ
И дергаетъ поводъ упрямой ручонкой
И дѣйствуетъ буйно визгливымъ хлыстомъ.
Довольна *усѣстомъ* красивымъ и плотнымъ,
Алеей съ конца пролетая въ конецъ,
Она—властелинка надъ статнымъ животнымъ,
И тяжко подъ нею храпитъ жеребецъ,
Скрежещетъ объ сталь сокрушительнымъ зубомъ,
И млечная пѣна свивается клубомъ,
И шея крутится упорнымъ кольцомъ,—
Подъ *дѣвою дѣвственникъ* топчется, пляшетъ,
И мордой мотаетъ, и гривою машетъ,
И ноги, какъ нехотя, мечетъ потомъ,
И скупо идетъ прихотливою рысью,—
И въ рѣзвыхъ подскокахъ на *знойномъ сѣдлѣ*,
Любуясь сама своей тяжкою рысью,
Наѣздница въ пыльной рисуется мглѣ:
На губкахъ пунцовыхъ улыбка играетъ,
А ножка-малютка вся въ стремя впилась.
Матильда въ галопъ скакуна поднимаетъ
И зыблется, хитро на немъ избочась,
И носится вихремъ, пока въ утомленіи
На каріе глазки не ляжетъ туманъ...
Матильда спрыгнула въ роскошномъ волненіи
И кинулась бурно на мягкій диванъ.

Грубость, именно грубость и непристойность, а не «страстность», чѣмъ она многимъ тогда казалась, этой игры нечистаго воображенія, этого сопоставленія дѣвственницы и жеребца, этихъ усѣстовъ, этого знойнаго сѣдла и т. д. дѣйствительно изъ ряда вонъ выходитъ.

311) Осмѣяніе и, можно сказать, уничтоженіе Бенедиктова составляетъ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ литературномъ формулярѣ Бѣлинскаго. На ряду съ Кукольникомъ и Марлинскимъ, Бенедиктовъ былъ для Бѣлинскаго олицетвореніемъ той литературной пошлости и приподнятости, борьбу съ которой онъ поставилъ главною задачею своей дѣятельности. Онъ повелъ атаку съ необыкновенною стремительностью и одинъ во всей журналистикѣ, ко всеобщему удивленію и возмущенію, вступилъ въ борьбу съ репутаціею, которая начинала принимать небывалые размѣры. «Появленіе стихотвореній Бенедиктова», говоритъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «произвело страшный шумъ и гвалтъ. Петербургскіе чиновники, профессоръ московскаго университета Шевыревъ и большинство петербургскихъ литераторовъ, начиная съ Жуковскаго, пришли въ совершенный экстазъ. Жуковскій, говорятъ, бѣгалъ съ ними по царскосельскому саду, пораженный новымъ явленіемъ. И только одинъ Пушкинъ остался хладнокровенъ. Прочитавъ Бенедиктова, на вопросы, какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ, онъ отвѣчалъ, что у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутой чашей». Изъ столицъ восторгъ не замедлилъ перейти въ провинцію. «Не одинъ Петербургъ, вся читающая

Россія упивалась стихами Бенедиктова», свидѣтельствуетъ Я. П. Полонскій. «Онъ былъ въ модѣ—учителя гимназій въ классахъ читали стихи его ученикамъ своимъ, дѣвицы ихъ переписывали, пріѣзжіе изъ Петербурга молодые франты хвастались, что имъ удалось заучить наизусть только что написанные и еще нигдѣ не напечатанные стихи Бенедиктова. И эти восторги происходили именно въ то время, когда публика съ каждымъ годомъ холодѣла къ высокохудожественнымъ произведеніямъ Пушкина, находила, что онъ исписался, утратилъ звучность, измѣнилъ рифмѣ и все чаще и чаще пишетъ бѣлыми стихами» (предисловіе къ соч. Бенедиктова изд. 1883—84 г.).

Но краснорѣчивѣйшимъ выраженіемъ огромнаго успѣха первой книжки «Стихотвореній Владиміра Бенедиктова», выпущенной имъ въ 1835 г., можетъ служить то, что къ концу года ее больше не было въ продажѣ. «Ослѣпленная блескомъ и гармоніей бенедиктовскаго стиха», свидѣтельствуетъ Гербель, «публика, восторгъ которой не зналъ предѣловъ, буквально утопала въ морѣ звуковъ и раскупала книжку нарасхватъ, такъ что въ самомъ непродолжительномъ времени понадобилось новое изданіе, которое и вышло въ началѣ слѣдующаго года». («Русск. поэты»). Черезъ три года, въ 1838 году, когда вышла вторая книжка стихотвореній Бенедиктова, имя его еще пользовалось такимъ обаяніемъ, что она разошлась въ количествѣ 3000 экземпляровъ—цифра для того времени совершенно небывалая. Съ такою быстротою не расходились Пушкинъ и Лермонтовъ.

Но этотъ успѣхъ былъ послѣднимъ. Для того, чтобы разошлись дальнѣйшія изданія, потребовался уже длинный рядъ лѣтъ. Реакція начинала сказываться, чадъ первыхъ восторговъ проходилъ, и хотя Шевыревъ (см. дальше статью о «Моск. Наблюдателѣ») и другіе панегиристы Бенедиктова и произносили всуе, рядомъ съ его именемъ, имена Пушкина и Жуковскаго, находя его вполнѣ достойнымъ фигурировать въ такомъ сообществѣ, но все-таки отпоръ, данный Бѣлинскимъ, уже начиналъ оказывать свое дѣйствіе. Въ продолженіе всей своей критической дѣятельности Бѣлинскій никогда не упускалъ случая такъ или иначе задѣть Бенедиктова и мало-по-малу онъ побѣждалъ ложный вкусъ публики. Когда въ 1835 г., среди общаго хора похвалъ новоявленному генію, раздались укоризны Бѣлинскаго въ «Телескопѣ», онѣ были встрѣчены общимъ негодованіемъ. Сердились даже свои—Невѣровъ, напр. (ср. Переписку Станкевича, стр. 201), сердился молодой Тургеневъ (ср. его воспоминанія о Бѣлинскомъ). Но къ началу сороковыхъ годовъ хвалители уже говорили куда скромнѣе, а Бѣлинскій, напротивъ того, все властнѣе и властнѣе и даже безъ тѣхъ смягчающихъ оговорокъ, какъ въ первомъ своемъ отзывѣ.

Въ печати Бѣлинскій былъ первый критикъ, выступившій противъ Бенедиктова. Но если обратиться къ внутренней жизни кружка, давшаго Бѣлинскому лучшія его настроенія и мысли, то, какъ и всегда, окажется, что Бѣлинскому тутъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, сила чувства и страстность задора. 10 ноября 1835 г., значитъ за двѣ недѣли до того, какъ статья о Бенедиктовѣ была доставлена въ цензуру (а писалъ Бѣлинскій статьи всегда въ послѣднюю минуту) Станкевичъ писалъ Невѣрову:

„Бенедиктова я читалъ и не соглашусь съ тобою. Онъ не поэтъ, или пока заглушаетъ въ себѣ поэзію. Изъ всѣхъ его стихотвореній мнѣ нравятся два: „Полярная звѣзда“ и „Два видѣнія“. Во всѣхъ другихъ однѣ блестки, мишура. Увлекая тремя, четырьмя счастливыми стихами, онъ вдругъ холодитъ тебя какимъ-нибудь вычурнымъ словомъ, которое онъ считаетъ за прелесть! Что не стихъ, то фигура; ходули безпрестанныя. Чувство выражается просто. Ни въ одномъ стихотвореніи Пушкина нѣтъ вычурнаго слова, необыкновеннаго раз-

мѣра,—а онъ поэтъ. Бенедиктовъ блеститъ яркими, холодными фразами, звучными, но безсмысленными или натянутыми стихами. Наборъ словъ самыхъ звучныхъ, образовъ самыхъ яркихъ, сравненій самыхъ странныхъ—души нѣтъ". (Переписка, стр. 156).

Тутъ вся сущность статьи Бѣлинскаго, но безъ несравненнаго блеска его воодушевленія и безъ его рѣзкости, которая въ данномъ случаѣ сыграла главную роль, потому что надо было вышибать клинъ клиномъ и яркости прославленія противопоставить яркость отрицанія. Какъ всегда, значеніе отзыва не въ томъ, что Бѣлинскій былъ оригиналенъ въ своихъ мысляхъ и вкусахъ, а въ томъ, что онъ ринулся на борьбу съ ложными мыслями и ложнымъ вкусомъ со всею стремительностью своей боевой натуры. Ср. прим. 333.

312) «Молва» 1835, № 45, ценз. разр. 16 ноября 1835. Эта небольшая рецензія составляетъ еще одну яркую иллюстрацію къ тому, что сказано нами въ примѣч. 166—167. «Кровь кипитъ» у Бѣлинскаго даже по поводу плохого учебника географіи.

313) Бѣлинскій былъ совершенно правъ, нападая на то, что компиляторъ обратился къ такому устарѣвшему источнику. Но самъ по себѣ Иванъ Андреевичъ **Геймъ** (1758 — 16 окт. 1821) былъ не только «статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ». Уроженецъ Нижней Саксоніи, Геймъ получилъ хорошее образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ, въ 1779 поѣхалъ въ Россію гувернеромъ дѣтей А. А. Лопухина, а съ 1781 опредѣлился на службу въ моск. унив., сначала лекторомъ нѣмецк. яз. и суббибліотекаремъ, а затѣмъ профессоромъ исторіи и статистики. Много разъ былъ деканомъ и четыре трехлѣтія (по выбору профессоровъ) — ректоромъ. Для своего времени Геймъ, державшійся въ главномъ предметѣ своихъ занятій и сочиненій — географіи и статистикѣ методовъ и пріемовъ, установленныхъ Ахенвалемъ и Шлецеромъ, стоялъ вполнѣ на высотѣ научныхъ требованій. По-русски Геймъ напечаталъ:

1) «Начертаніе всеобщаго землеописанія». М. 1811. 8°. 2) «Статистика соединенныхъ Великобританскаго и Ирландскаго государствъ». М. 1811. 3) «Первоначальныя основанія новѣйшаго всеобщаго землеописанія» М. 1813. 4) «Начертаніе всеобщаго землеописанія по новѣйшему раздѣленію государствъ и земель». 2 ч. (М. 1817 и 1819). 5) «Опытъ начертанія статистики главнѣйшихъ государствъ по нынѣшнему ихъ состоянію», ч. 1. М. 1821. По-нѣмецки Геймъ изд. въ 1789 г. въ Геттингенѣ огромный „Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopaedie des russischen Reiches nach alphabetischer Ordnung" (больше 1000 стр.). Популярность Гейма какъ географа была такъ велика, что составленная *«по Гейму»* книжка, уже при Бѣлинскомъ имѣвшая 9 изд., держалась потомъ еще двадцать лѣтъ—17-ое изд. вышло въ 1859 году!

Кромѣ географіи, Геймъ очень много сдѣлалъ въ области практической лингвистики, издавъ рядъ словарей и пособій для изученія иностранцами русскаго языка и русскими иностранныхъ (списокъ ихъ см. въ словарѣ *Геннади*). Въ 1811 г. Геймъ издавалъ „Moscowitische Zeitung".

Ср. о немъ: 1) *Евгеній*, Словарь свѣт. писателей. 2) *Снегиревъ-Евгеній*, Словарь. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Вернадскій*, въ „Словарѣ проф. Моск. унив." 5) *Березинъ*, Энц. Словарь. 6) *Брокгаузъ-Ефронъ*, Энц. Словарь. 7) Querard, France litt. IV. 8) „Отчетъ Моск. унив." за 1821—1822 гг. 9) „Энц. лексиконъ", т. XIII. 10) „Отеч. Зап." 1821, ч. VIII, стр. 266—269. 11) „Сынъ Отеч." 1821, № 45, стр. 228—231. 12) „Моск. Вѣд." 1822, № 55. 13) *Весинъ*, Истор. обзоръ учебниковъ географіи. *Отзывы*: О *„Франц. и россійск. словарь"*: „Русск. Вѣстн." 1809, № 7. О *„Полн. россійск.-франц.-нѣмецк. словарь"*: „Московск. Вѣд." 1827, № 4, стр. 335. О *„Начертаніи всеобщ. землеописанія"*: 1) „Сынъ Отеч." 1818,

№ 10. 2) Тамъ же, 1820, № 7. Объ „*Опытѣ начертанія статистики*": „Вѣстн. Евр." 1830, № 6, стр. 92. О „*Краткой географіи*", кромѣ Бѣлинскаго: 1) „Московск. Тел." 1831, № 16, стр. 518. 2) „Библіот. для Чтенія" 1843, т. XLIII, отд. VI, стр. 21.

314) «Молва» 1835, № 45. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

315) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. У Бѣлинскаго невѣрно приведены иниціалы и фамилія автора. Книжку сочинилъ довольно извѣстный впослѣдствіи финансистъ и политико-экономъ *Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ* (1806 — 1878). Рецензія, съ которою полемизируетъ здѣсь Бѣлинскій, появилась въ «Библ. для Чтенія» 1835, № 12, отд. VI, стр. 7—8.

316) «Молва» 1835, № 45. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Это предувѣдомленіе о помѣщенной выше статьѣ (№ 149) мы помѣстили, однако, послѣ, потому что хотя оно и появилось въ свѣтъ раньше — 16 ноября, но было написано послѣ того какъ большая статья Бенедиктова (ценз. разр. 24 ноября) была сдана въ печать.

317) «Молва» 1835, № 46—47. Ценз. разр. 30 ноября 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца (спрашиваемъ, захочетъ ли и т. д.). Бѣлинскій здѣсь проницательно опредѣлилъ сущность духовной физіономіи Зеленецкаго, который въ теченіе всей своей дальнѣйшей 25-лѣтней литературной дѣятельности остался такимъ же человѣкомъ добрыхъ намѣреній по преимуществу. Относительно говоря, Зеленецкій вѣрно хранилъ завѣты молодости и отразилъ въ своихъ книгахъ и статьяхъ тотъ умственный подъемъ, которымъ характеризуется внутренняя жизнь московскаго студенчества начала 30-хъ годовъ. (См. т. I, стр. 419—20). Однокурсникъ Станкевича, Строева, Красова, Ефремова, Бодянскаго, Зеленецкій на всю жизнь сохранилъ «уваженіе къ высокимъ человѣческимъ предметамъ» и «любовь къ мыслительности», слѣдилъ за современностью, живо интересовался литературно-философскимъ движеніемъ 40-хъ годовъ. Но таланта у него было мало, взгляды его были лишены опредѣленности и неудивительно, что и критика къ нему всегда относилась холодно и неопредѣленно. Мы видѣли, какъ къ нему отнесся Бѣлинскій; приблизительно такъ же къ нему въ концѣ 40-хъ годовъ отнесся представитель слѣдующаго поколѣнія Валеріанъ Майковъ. Но столь же холодно отзывался о немъ и представитель старыхъ литературныхъ понятій — Плетневъ, и только Сенковскій видѣлъ въ немъ человѣка новыхъ, ненавистныхъ ему философскихъ стремленій и потому вышучивалъ его.

Константинъ Петровичъ **Зеленецкій**, р. въ 1812 г., въ 1834 г. кончилъ курсъ словеснаго факультета моск. ун., гдѣ затѣмъ въ 1838 г. получилъ степень магистра русск. словесности. Съ 1837 до самой смерти — 12 апр. 1858 г. былъ профессоромъ русск. словесности въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ; съ 1837—56 былъ цензоромъ.

Отдѣльнымъ изданіемъ напечаталъ: 1) Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. 2 книжки. М. 1835—1836. 8°. 2) Четыре повѣсти. М. 1837. 12°. 3) Изслѣдованіе значенія, построенія и развитія слова человѣч. и прилож. сего изслѣд. къ языку Русскому. Разсужденіе. М. 1837. 8°. 4) Объ изяществѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ. („Годичный Актъ Ришельев. Лицея". 1838 г.). Одесса. 1838. 4°. 5) Система и содержаніе философскаго языкоученія, въ приложеніи къ языку Русскому. Спб. 1841. 8°. 6) Біографія Михаила Трофимовича Каченовскаго. (Изъ „Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн."). Одесса. 1844. 8°. 7) О началѣ и образователяхъ языка Церковно-Славянскаго. Рѣчь. (Изъ „Годичн. Акта Ришельев. Лицея". 1844 года). (1844). 4°. 8) Изслѣдованіе о риторикѣ въ ея наукообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ она къ общей теоріи слова и къ логикѣ. Од. 1846. 8°. 9) О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историч. судьбахъ. Од. 1846. 4°. 10) Объ

особенностяхъ русск. яз. и объ отнош. его къ яз. западно-европейскимъ. Изъ „Годичн. Акта Ришельев. Лицея“ 1848). Од. 1848. 4°. 11) Теорія поэзіи. Од. 1848. 8°. 12) Общая риторика. Од. 1849. 8°. 13) Лекція о главн. эпохахъ въ исторіи поэзіи. Од. 1849. 14) Исторія русск. литер. для учащихся. Од. 1849. 8°. 15) Курсъ русской словесности для учащихся. 1. Общая риторика. 2. Частная риторика. 3. Піитика. Од. 1849. 16) Піитика. Од. 1849. 8°. 17) Частная риторика. Од. 1849. 8°. 18) Исторія Красной площади. М. 1851. 19) Объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящества. Рѣчь. (Изъ „Годичнаго акта Ришельев. Лицея“. 1851.). Од. 1851. 4°. 20) Теорія словесности. Курсъ гимназическій. 4 ч. Спб. 1852—54. 21) Болгаринъ Николай Степановичъ Палаузовъ. (Изъ „Одесск. Вѣстн.“ 1853, № 78). 8°. 22) Введеніе въ общую филологію. Од. 1853. 8°. 23) О художественно-націон. значеніи произвед. Пушкина. Рѣчь. (См. „Годичн. актъ Ришельев. Лицея, 1854 и „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1855 № 3. ч. *LXXXV*, стр. 213—246). Од. 1854. 4°. 24) Записки о бомбардированіи Одессы 10-го апр. 1854 г. Од. 1855. 8°. 25) О русскомъ языкѣ въ Новороссійскомъ Краѣ. Од. 1855. 26) О русской литературѣ въ эпоху преобразованія по отнош. къ обществу, соврем. этой эпохѣ. („Торжеств. актъ Ришельев. Лицея“. 1856—57“, 41 стр.). Од. 1857. 8°.

Въ 1848 г. Зеленецкій издалъ альманахъ „Альціона. Учено-Литерат. Сборникъ“. Вып. 1-й. Одесса. Изъ *Журнальныхъ* статей, не выходившихъ отдѣльными оттисками, намъ извѣстны: 1) Жизнь и дѣятельность Бларамберга. „Зап. Од. Общ. Ист. и Древн.“ 1849. 2) Кавказскія минеральныя воды. „Москвитянинъ“ 1853, ч. II, № 6, отд. VII, стр. 41. 3) Свѣдѣнія о пребыв. Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ и примѣч. къ опис. Одессы, помѣщ. въ Евг. Онѣгинѣ. Тамъ-же, 1854, т. III, отд. V, стр. 1. 4) Записки на пути по Херсонской губ. „Вѣстн. Имп. Русск. Географ. Общ.“ 1857, ч. XXI, кн. 6, отд. II, стр. 200—277. 5) Св. Дмитрій Ростовскій, князь Кантемиръ, Ломоносовъ и Карамзинъ. 6) Введеніе въ словесность. „Журн. М. Нар., Пр.“, ч. XVIII. 7) Объ особенностяхъ языка Русскаго, объ отношеніи его къ языкамъ Западно-Европейскимъ. Тамъ-же, ч. 73. Разнаго рода замѣтки Зеленецкій помѣщалъ въ „Одес. Вѣстн“. и „Новор. Календарѣ“. Ср. о немъ 1) *Михневичъ*. Ист. обзоръ Ришельевск. Лицея. Одесса. 1857, стр. 87. 2) „Торж. актъ Риш. Лицея“, 1858, стр. 21—23. (Некрологъ). 3) „Изв. И. Арх. Общ.“ 1859, вып. 5. 4) „Од. Вѣстн.“ 1859. №№ 41 и 42. (Крат. некр. и о погреб. его). 5) „Библіогр. Зап.“ 1859. № 20. (Списокъ произв.). 6) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина. 7) *В. Майковъ*, Крит. опыты, стр. 487—493. 8) *Шевыревъ*, Исторія Моск. унив., стр. 572, 73. 9) Словари *Геннади*, *Толя*, *Березина*, *Брокгауза-Ефрона*. Ср. также въ наст. изданіи т. I, стр. 417, прим. 23. *Отзывы* о его литературныхъ трудахъ: Объ „*Опытѣ изслѣдов. нѣкот. теоретич. вопросовъ*“, кромѣ Бѣлинскаго: 2) „Библ. для Чтенія“ 1835, X, отд. VI, стр. 21. 3) Тамъ-же, 1836, т. 16, отд. VI, стр. 30. О „*Четырехъ повѣстяхъ*“: 1) „Библ. для Чтенія“ 1837, кн. 22, отд. VI, стр. 47. 2) „Литерат. Приб.“ 1837, № 21. Объ *Изслѣд. значенія, постр. и разв. слова человѣч.*: 1) „Библ. для Чтенія“ 1837, т. 22, отд. VI, стр. 58. 2) „Сынъ Отеч.“ 1848, т. 5, кн. 9, отд. VI, стр. 3. О „*Объ изяществѣ въ древнемъ и нов. мірѣ*“: 1) „Современникъ“ 1839, т. 15, стр. 58—59. 2). „Отеч. Зап.“ 1839, т. III, отд. VII, стр. 52. 3) *П. А. Плетневъ*, Соч. II, Мелкіе крит. разборы, стр. 278, 279, О „*Системѣ и содерж. философ. языкоученія:*“ 1) „Отеч. Зап.“ 1841, т. XV, отд. VII, стр. 52. 2) „Маякъ“ 1841, ч. XV, стр. 91. Объ „*Изслѣдов. о риторикѣ*“: 1) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1846, т. 52, отд. 6, стр. 149—151, 2) „Отеч. Зап.“ 1846. № 12, т. 49, отд. 6, стр. 81—85. 3) „Современникъ“. 1846, т. 44, стр. 104—107. 4) „Од. Вѣстн.“ 1846. № 92. 5) „Библ. для чтенія“, т. 80, отд. VI, стр. 38. 6) *П. А. Плетневъ*, Соч. II, Мелкіе крит. разборы, стр. 552—554. Объ „*О языкѣ церковно-славянск., его началѣ, образов. и историч. судьбахъ*“: 1) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1846, т. 52, отд. 6, стр. 99—103. 2) „Современникъ“ 1846, т. 42, стр. 354—356. 3) „Од. Вѣстн.“ 1846, № 38. 4) „Отеч. Зап.“ 1846, т. 49, отд. VI, стр. 27. Объ „*Объ особенностяхъ русск. яз. и объ отнош. его къ яз. зап.-европ.*: 1) „Отеч. Зап.“ 1848. № 10, т. 60. отд. 6, стр. 65—72. 2) „Современникъ“ 1848, т. XI, отд. III, стр. 61. О сборникѣ „*Альціона*“: 1) „Москвитянинъ“ 1849, № 1, стр. 37. 2) Сынъ Отеч.“, 1847, кн. 1, отд. 6, стр. 55—57; 1848, т. 5, кн. 9, отд. 6, стр. 1—3. 3) „Отеч. Зап.“ 1848, т. 60, отд. 6, стр. 7. 4) „Современникъ“ 1848, т. XI, отд. III, стр. 61. Объ „*Общей риторикѣ*“: „Сынъ Отеч.“ 1850, т. 2, кн. 4, отд. 6, стр. 1. Объ „*Ист. русск. литературы*“: 1) „Библіот. для чтенія“ 1849, т. 96, отд. 6, стр. 33—35. 2) „Москвитянинъ“ 1849, № 14, кн. 2, стр. 30; 1851, т. 8, кн. 2, стр. 526. 3) „Современникъ“ 1849, № 10, т. 17, отд. 3, стр. 105—106. 4) „Сынъ Отеч.“ 1850, т. 2,

кн. 4, отд. 6, стр. 1—16. 5) „Од. Вѣстн.“ 1849, № 69 и 70. 6) „Сѣв. Пчела“ 1849, № 186. 7) „Отеч. Зап.“ 1849, т. 66, 6, стр. 1. О „*Пiитикѣ*“: „Сынъ Отеч.“ 1850, т. 2, кн. 4, отд. 6, стр. 1—16. О ст. „*Св. Димитрій Ростовскій, князь Кантемиръ, Ломоносовъ и Карамзинъ*“: „Библ. для Чтенія“, т. 106, отд. VI, стр. 53. О соч. „*Частная риторика*“: „Сынъ Отеч. 1850, т. 2, кн. 4, отд. 6, стр. 1—16. О ст. „*Жизнь и ученая дѣят. Бларамберга*“: „Современникъ“ 1849, т. XIV, отд. III, стр. 127. Объ „*Исторіи Красной площади*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1851, № 12, т. 79, отд. 6, стр. 50—51. 2) „Москвитянинъ“ 1851, № 19 и 20, кн. 1 и 2, стр. 598—600. О „*Объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящества*“: 1) „Отеч. Зап.“, 1851, № 11, т. 79, отд. 6, стр. 18—23. „Москвитянинъ“ 1851, № 21, кн. 1, стр. 179—183. 3) „Сынъ Отеч.“ 1851, кн. 9, т. 5, стр. 5—9. О „*Теоріи словесности*“: „Отеч. Зап.“ 1851 № 7, т. 77, отд. 6 и 1852 № 2, т. 80, отд. 6, стр. 81—82. О „*Запискахъ о бомбард. Одессы 10-го апр. 1854 г.*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1855, № 4, т. 99, отд. VI, стр. 65. 2) „Спб. Вѣдом.“ 1855. № 88. Объ „*О русск. яз. въ Новоросс. краѣ*“: 1) „Од. Вѣстн.“ 1856, № 13 и 21. 2) „Моск. Вѣдом.“ 1856, № 45. О соч. „*О русск. литерат. въ эпоху преобразов. по отнош. къ общ. соврем. этой эпохѣ*“: 1) „Одесск. Вѣстн.“ 1857, № 193. 2) „Современникъ“ 1857, т. CXVI, № 12, отд. IV, стр. 33—42. 3) „Русск. Инв.“ 1857, № 275.

318—321) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошли.

322) Тамъ же.

323) Выступленіе Бѣлинскаго на литературное поприще не прошло незамѣченнымъ. Онъ тотчасъ пріобрѣлъ себѣ горячихъ поклонниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нажилъ и ожесточенныхъ враговъ. Однако, какъ тѣ, такъ и другіе, въ печати не выступали и статейка Булгарина была первымъ, сколько-нибудь крупнымъ, нападеніемъ. Оттого-то Бѣлинскій такъ быстро на нее и отозвался.

324) Больше полугода тянулись въ «Сѣв. Пчелѣ» Булгаринскія «Путевыя записки въ поѣздку изъ Дерпта въ Бѣлоруссію весною 1835 года», дѣйствительно очень скучныя. «Прекурьезныя вещи», которыя Бѣлинскій собирался выловить изъ нихъ, вѣроятно заключались бы въ подчеркиваніи общаго пошлаго тона «Записокъ». Чего-нибудь особенно-выдающагося изъ обычно-пошлаго пошиба Булгарина мы въ нихъ не нашли.

Вражда Булгарина противъ «Библ. д. Чт.» выражалась главнымъ образомъ въ помѣщеніи разныхъ протестовъ обиженныхъ рецензіями и другими выходками Сенковскаго авторовъ: Кукольника (№№ 159 — 161), Глаголева (№№ 183—186), А. С. (№ 224), И. Ертова (№ 229). Причина этой размолвки недавнихъ друзей была самая простая: поссорились между собою издатели «Энцикл. Словаря» Плюшаръ и издатель «Библ. д. Чт.» Смирдинъ, отъ которыхъ въ различной степени зависѣла почтенная троица заправилъ петербургской журналистики. Кромѣ того, между Гречемъ и Сенковскимъ вышли «контры» изъ-за вліянія на щедраго и податливаго Смирдина. Кончилось тѣмъ, что Гречъ оставилъ «Библіотеку», гдѣ только-что былъ объявленъ главнымъ редакторомъ, и сталъ главнымъ редакторомъ «Энцикл. Лексикона», а главнымъ редакторомъ «Библіотеки» былъ объявленъ Сенковскій. Булгаринъ, конечно, взялъ сторону своего соиздателя. Ср. прим. 392.

325) Статейка Булгарина, поскольку она касается Бѣлинскаго, приведена здѣсь почти цѣликомъ.

326) Какъ Булгаринъ, такъ и Бѣлинскій, перепечатывая это указаніе, впали въ грубую фактическую ошибку. Цитируемое мѣсто рецензіи Сенковскаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться возраженіемъ на «Литератур. Мечтанія» по той простой причинѣ, что «Литер. Мечт.» стали печататься въ «Молвѣ» въ *сентябрѣ* 1834 года, а цитируемое мѣсто взято изъ рецензіи на «Мазепу» Булгарина, появившуюся во II т. «Библ. для Чтенія» 8 мѣся-

цами раньше—въ *январь 1834* г. Ознакомленіе съ сейчасъ названной рецензіей дало намъ еще одно цѣнное указаніе для подтвержденія того, что мы сказали по поводу «Литер. Мечт.», какъ статьи, всего менѣе интересной съ точки зрѣнія новизны. Въ прим. 9 къ «Лит. Мечт.» (т. I, стр. 414—416) мы показали, что одну изъ центральныхъ мыслей статей—«у насъ нѣтъ литературы», отнюдь нельзя назвать собственною «фантазіею» Бѣлинскаго. Въ ряду приведенныхъ тамъ доказательствъ первое мѣсто и совершенно рѣшающее должно занять начало статьи Сенковскаго о «Мазепѣ»:

Критика?... Вы ожидаете отъ меня Критики?... Извините: у насъ нѣтъ Критики! Такъ утверждаютъ многіе изъ насъ, многіе изъ нашихъ собратій. Не далѣе какъ въ началѣ января, одни изъ насъ кричали, что въ прошломъ году не вышло у насъ ни одной книги; другіе, что у насъ не стóитъ заниматься Словесностью, ибо она не представляетъ труженикамъ своимъ ни какихъ существенныхъ выгодъ; третьи, что у насъ нѣтъ единства въ Словесности; четвертые, что у насъ нѣтъ литературнаго міра; пятые, что у насъ нѣтъ Критики; шестые, что у насъ нѣтъ—нѣтъ даже Литературы!... И такъ, вотъ до чего мы дожили!

У насъ нѣтъ Литературы! Что же такое значатъ 12,000 званій Русскихъ книгъ въ каталогѣ нашей книжной торговли? Это вѣрно 12,000 Голландскихъ сельдей! Мы такъ вѣжливы къ другимъ народамъ, что говоримъ и пишемъ всякой день: Литература Санскритская, Литература Испанская, Скандинавская, Турецкая, Персидская, Татарская,—даже Литература Монгольская, хотя она состоитъ вся изъ одной исторической книги и ста восьми книжекъ Ганджура; мы притомъ такъ образованы и учены, что говоримъ и пишемъ это очень правильно, по голосу всей Европы; все это мы говоримъ и пишемъ,—а когда взглянемъ на наши 12,000 сочиненій, то съ униженіемъ, со стыдомъ, потупя глаза и покраснѣвъ, какъ раки въ кастрюлѣ, произносимъ у насъ нѣтъ Литературы!... И это говорятъ Русскіе Русскимъ же? И это говорятъ въ глаза народу, у котораго были Ломоносовъ, Державинъ, Озеровъ, Крюковской, фонъ-Визинъ, Карамзинъ и Грибоѣдовъ,—у котораго теперь есть Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Марлинскій, Булгаринъ, Загоскинъ, не считая другихъ по двадцати пяти уважительнымъ причинамъ? Воля ваша, а вы очевидно издѣваетесь надъ нами, беззащитными читателями, или—не хотите понять значенія слова „Литература". Но если вы дѣйствительно тому вѣрите, если вы не-шутя пришли въ эту степень сплина, я скажу вамъ весьма простое средство мигомъ исправить дѣло: сдѣлайтесь Монголами!... У васъ будетъ Исторія почтеннаго Ламы Сананъ-Сецена и Ганджуръ въ 108 прекрасныхъ книжкахъ,—и на другой день вся ученая Европа скажетъ, что у васъ есть Литература.

Съ кѣмъ тутъ спорилъ Сенковскій, и самъ то не разъ подчеркивавшій бѣдность нашей литературы, сказать трудно. Просто съ общимъ мѣстомъ.

327) Не въ бровь, а въ глазъ Булгарину, который принималъ участіе въ качествѣ польскаго легіонера въ походѣ Наполеона въ Испанію. Весьма знаменательно, что уже теперь, когда Бѣлинскій былъ политически не менѣе благонамѣренъ, чѣмъ «Сѣв. Пчела», Булгаринъ не останавливается передъ произнесеніемъ такихъ словъ, какъ «измѣна» и «ренегатъ».

238) Перефразировка послѣднихъ стиховъ извѣстной, ходившей по рукамъ эпиграммы, написанной, вѣроятно, Пушкинымъ и Баратынскимъ

Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

329) См. о немъ въ слѣдующихъ томахъ — въ рецензіяхъ 1839 г. о «Георгѣ Милордѣ Аглицкомъ».

330) Къ Николаю Гавриловичу *Курганову* (1725—1796) въ то время

было принято относиться только насмѣшливо, хотя его «Письмовникъ» нѣкогда сыгралъ крупную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, пріохотивъ къ чтенію людей, до того никогда и книгу въ руки не бравшихъ. См. о немъ въ дальнѣйшихъ томахъ (подъ 1845 г. по поводу «Сельскаго Чтенія»).

331) См. о немъ въ рецензіяхъ 1839 г.

332) Для читателя, однако, было совершенно ясно, что *Пси*, хваставшій, что его «издѣлій», и расходится «по четыре тысячи экземпляровъ», конечно—не кто иной какъ Булгаринъ. Бѣлинскій упорно называетъ автора рецензіи *«г. Пси»*, но въ дѣйствительности статейка подписана: *Кси*.

333) «Телескопъ» т. XXVII. Цензур. разр. отъ 4 дек. 1835. Въ изд. Солдатенкова, конечно, не вошло. У насъ это примѣчаніе не совсѣмъ точно озаглавлено. Надо было сказать: *Примѣчаніе къ стихотвореніямъ К. Эврипидина «Воспоминаніе» и «Скала»*. Объ Эврипидинѣ см. примѣчаніе 158. Приводимъ стихотворенія, какъ очень интересный и важный pendant къ статьѣ Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ. Если сравнить второе изъ этихъ стихотвореній «Скала» съ приведеннымъ въ статьѣ Бѣлинскаго стихотвореніемъ «Утесъ» (см. выше, стр. 282), то становится совершенно яснымъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ талантливой и очень тонкой пародіей. Можно смѣло поручиться, что безъ примѣчанія Бѣлинскаго никто бы и не замѣтилъ тонкой ироніи. Нашелся бы, быть можетъ, и новый Шевыревъ, который призналъ бы Эврипидина восходящимъ свѣтиломъ. Помѣчены стихотворенія *ноябрь 1835*, а статья Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ цензурована 24 ноября 1835. Если затѣмъ присоединить сюда письмо Станкевича отъ 10 ноября 1835 г. (оно цитировано въ примѣч. 311-мъ), то предъ нами обрисовывается цѣлый эпизодъ изъ жизни кружка: всѣ члены его были одинаково взволнованы успѣхомъ стиховъ Бенедиктова, вмѣстѣ обсуждали эту безвкусицу и затѣмъ каждый по-своему выразилъ волновавшія его чувства: Станкевичъ, чуравшійся журнальной работы, ограничился письмомъ къ другу, Аксаковъ, въ то время переживавшій шаловливый періодъ жизни—далъ пародію, а Бѣлинскій ринулся въ литературную битву, отразивъ, конечно, въ содержаніи статьи достояніе всего кружка, но въ стремительности нападенія—только собственную силу чувства.

Вотъ стихотворенія Эврипидина:

Воспоминаніе.

Кто отдастъ мнѣ молодость, время незабвенное,
Время наслажденія? —
Ты, Воспоминаніе, чувство драгоцѣнное,
Чувство утѣшенія!
Я стою задумчивый: ты лучемъ живительнымъ
Гонишь мракъ минувшаго —
И картины тянутся призракомъ плѣнительнымъ
Счастія мелькнувшаго!
Время ихъ окутало сумрачною дымкою,
Многое скрывается...
Горесть въ душу бѣдную входитъ невидимкою,
Сердце надрывается!
Это слезы радости, это слезы сладкія
Милаго свиданія:
Отъ скупаго времени я хожу украдкою
Въ міръ Воспоминанія;
У Сатурна стараго, тамъ оно, игривое,
Крадетъ дни минувшіе,

И страдальцу видятся времена счастливыя,
Радости уснувшія.
Снова вижу дѣву я въ тишинѣ торжественной,
Въ дымкѣ фантастической!
Снова слышу голосъ я дѣвы той божественной,
Голосъ мелодическій!
И стремлюся радостно я къ мѣтѣ таинственной,
По пути страданія:
Вѣрный другъ идетъ со мной, спутникъ мой единственный—
Ты, Воспоминаніе...

К. Эврипидинъ.

Ноябрь. 1835.

Скала.

Скала наклонилась надъ бездной морской
И въ воды отважно глядится;
На ней, недовольный долинъ красотой,
Орелъ бурнокрылый гнѣздится.
Ее обвиваетъ волнистая мгла,
И, въ сизомъ покровѣ тумана,
Стоитъ, чуть видна, вѣковая скала,
Какъ призракъ бойца-великана.
Печально вылъ вѣтеръ, и мраки легли
На землю густымъ покрываломъ,
Неслись на скалу и взлетали валы —
Скала имъ въ отвѣтъ напѣвала:
„Бейся, море, со мной, мой старинный злодѣй,
Высылай своихъ ратниковъ шумныхъ!
Ихъ напоръ встрѣчу я твердой грудью моей,
И назадъ отобью ихъ безумныхъ!
Не прокатится валъ по моимъ раменамъ,
Не омоетъ высокой вершины —
Я стою — не боюсь: и на зло временамъ
И на зло твоей злобѣ старинной.
День придетъ, можетъ быть, такъ угодно судьбѣ,
На послѣднюю битву я стану,
И паду я въ борьбѣ, но паденьемъ тебѣ
Нанесу я смертельную рану:
Глубоко, глубоко: до песчанаго дна
Не засыплешь своими песками!
Широко, широко: не сольется она,
Не замоешь своими волнами!“
Насталъ грозный часъ, и двѣ тучи сошлись,
И надулося гнѣвное море,
И воздухъ и воды и огнь собрались,
И горе противнику, горе!
Скала уперлась и готова на бой—
Небесный палитъ ее пламень,
Съ чела ея льется потокъ дождевой
И волны взбѣгаютъ на камень!
Но буря сильнѣе, сильнѣе, и вотъ,
Дитя первобытной природы,
Скала заскрыпѣла, качнулась впередъ,
И рухнула въ бурныя воды!
Ударъ былъ ужасенъ, и въ пыль раздробясь,
Все море на воздухъ взлетѣло;
На днѣ его гордо скала улеглась,
Любуясь на славное дѣло;
Но море, вошедши въ предѣлы свои,
Волненіе бури смирило,
Собрало опять голубыя струи

И въ цѣльное зеркало слило.
И солнце взошло на лазоревый сводъ
И, міръ озаряя лучами,
На чистой и гладкой поверхности водъ,
Глядѣлось опять съ небесами.

К. Эврипидинъ.

Ноябрь. 1835.

334) «Телескопъ» 1835, т. XXVII. Цензурн. разр. отъ 4 дек. 1835. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ.

335) Поэтъ-крестьянинъ Ѳедоръ Никифоровичъ *Слѣпушкинъ* (1763—1848). О немъ см. дальше въ рецензіяхъ 1840 г.

336) Цитата приведена такъ, что можно ее счесть за стихи Кольцова. На самомъ дѣлѣ стихи взяты изъ романса Лажечникова «Сладко пѣлъ душа-соловушко». Ср. т. I, стр. 446—47. Прим. 195.

337) Въ литературной и личной жизни Кольцова Бѣлинскій сыгралъ огромную роль. Но объ этомъ удобнѣе поговорить въ связи съ знаменитой статьею Бѣлинскаго о Кольцовѣ, относящейся къ 1846 г.

338) «Молва» 1835, № 48 — 49. Ценз. разр. отъ 20 дек. 1835. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

339) Рѣчь, должно быть, объ Adrien de Montluc'ѣ, издавшемъ въ 1715 г. «Comédie des proverbes». (Querard, La Françe littéraire, т. VI).

340) «Молва» 1835, № 48—49. Холминъ—дѣйствующее лицо «провинціальныхъ очерковъ» Загоскина «Три жениха», только-что появившихся въ «Библ. д. Чт.» (1835 г. т. X) и еще свѣжихъ въ памяти. Сурскій—герой Загоскинскаго романа «Рославлева».

341—42) Повѣсть Погодина. См. примѣчаніе 233.

343) Знаменитый разсказъ воспитателя Ипполита—Терамена въ 5 дѣйствіи Расиновской «Федры» о смерти Ипполита. Начинается словами — A peine nous sortions des portes de Trézène.

344) Изъ извѣстной въ свое время комедіи Загоскина же «Г. Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» (Спб. 1817).

345) «Молва» 1835. № 50. Ценз. разр. отъ 26 дек. 1835.

346) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

347) «Молва» 1835 г., № 51—52. Ценз. разр. отъ 1 марта 1836.

348) Въ т. XIII за 1835, статья начиналась такъ:

«Московская шутка? Это что за новость? Москва начинаетъ шутить? Г. Кони ошибается: милостивый государь, Москва,—мы говоримъ о Москвѣ пишущей и печатающей, — никогда не шутитъ; Москва ругается. Прошу не нарушать ея литературныхъ правъ и преимуществъ. Это такъ вѣрно, что если кому въ Петербургѣ прійдетъ охота ругаться, онъ долженъ послать свою статью въ Москву и ругаться оттуда».

349) «Молва» 1835, № 51—52. Въ изд. Солдатенкова не вошла.

350) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Кличка «Славянофилъ» въ 30-хъ гг. еще не имѣла того смысла, который она получила въ 40-хъ годахъ. Это терминъ начальныхъ лѣтъ 19-го столѣтія, когда «Славянофилами» называли приверженцевъ Шишкова, противниковъ Карамзина и «новаго слога» его.

351—53) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Къ Борису Ѳедорову намъ еще придется вернуться.

354) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

355) Въ маѣ 1835 г. Надеждинъ вторично уѣхалъ за границу и передалъ веденіе „Телескопа" и „Молвы" Бѣлинскому.

Это было вполнѣ естественно. Со вступленіемъ Бѣлинскаго въ число сотрудниковъ, онъ и количественно и качественно становится душою журнала и больше всего содѣйствовалъ тому, что „Телескопъ“, по вѣрному замѣчанію Анненкова, „изъ эклектическаго, поверхностнаго и какъ-то беззаботно-умнаго журнала превратился въ критическій журналъ, съ эстетическимъ характеромъ, съ ясною и строгою цѣлью—опредѣлить отношенія литературныхъ дѣятелей къ поэзіи, мысли, обществу и нравственности“ (біографія Станкевича, при „Перепискѣ“, стр. 104). Надеждинъ отлично понималъ, какой интересъ придавалъ его хирѣвшему журналу притокъ новой, живой силы, и далъ Бѣлинскому полный просторъ высказываться какъ ему угодно. Въ литературныхъ сферахъ быстро замѣтили переворотъ во внутренней жизни журнала и, какъ мы уже знаемъ изъ „Журнальной замѣтки“ (стр. 297—306), полемика съ „Телескопомъ“ сосредоточилась на борьбѣ съ „безбородыми Гегелями и Шеллингами“. Вотъ почему нѣтъ особенно замѣтной разницы въ общемъ направленіи между „Телескопомъ“ первой половины 1835 года, когда Бѣлинскій былъ только виднѣйшимъ сотрудникомъ, и второй половины, когда онъ становится, кромѣ того, редакторомъ журнала. Больше всего эта разница выразилась въ томъ, что вынужденнымъ образомъ усилилось сотрудничество Бѣлинскаго, такъ какъ ему пришлось почти на одномъ себѣ вынести отсутствіе статей. Первоначально предполагалось, что всѣ „безбородые Гегели и Шеллинги“ будутъ вести журналъ. 22 апрѣля 1835 г. Станкевичъ писалъ Невѣрову: „Надеждинъ, отъѣзжая за границу, отдаетъ *намъ* „Телескопъ“; постараемся изъ него сдѣлать полезный журналъ, хотя для иногородныхъ. По крайней мѣрѣ, будетъ отпоръ Библіотекѣ и страннымъ критикамъ Шевырева“ (Переписка, 133). Какъ это, однако, часто бываетъ въ артельныхъ редакціяхъ, весьма скоро тяжесть веденія вся легла на Бѣлинскаго. Уже 1 іюня Станкевичъ сообщаетъ Невѣрову нѣчто иное: „Надеждинъ передаетъ свой „Телескопъ“ Бѣлинскому; съ 7 № онъ поступитъ въ его распоряженіе, а мы *понемногу всѣ станемъ ему помогать*. За это берутся и еще нѣкоторыя особы. Разумѣется, что я не стану тратить времени на „Телескопъ“. Но каждое воскресеніе мнѣ остается два-три часа свободныхъ, въ которые я могу заняться для него; кромѣ того, мы всегда будемъ обществомъ совѣщаться о журналѣ (стр. 135). Черезъ 2 недѣли мы узнаемъ, что Станкевичъ въ „Телескопѣ“ принимаетъ „не самое дѣятельное участіе“ (стр. 141). Нѣсколько переводныхъ статеекъ онъ, впрочемъ, далъ, изъ которыхъ самая интересная—Вильма о Гегелѣ, появилась уже по возвращеніи Надеждина (въ №№ 13—15 за 1835 г.). А вскорѣ Станкевичъ исчезаетъ въ деревню и участіе его въ журналѣ сводится къ тому, что онъ разстраиваетъ Бѣлинскаго такими соболѣзнованіями: „Душевно жалѣю, что тебѣ позволили издавать „Телескопъ“: одна „Молва“ завалитъ тебя дѣломъ“ (Пыпинъ, I, стр. 144). Изъ другихъ членовъ кружка Аксаковъ—Эврипидинъ и Красовъ давали стихи, но этого, конечно, было мало для наполненія журнала. Приглашенный Бѣлинскимъ Полевой (см. прим. 131) былъ очень растроганъ тѣмъ, что Бѣлинскій „потрепалъ лавры старика“ (Пыпинъ, I, 145) и обѣщалъ свое сотрудничество, но ничего не далъ. Ему, съ его огромной семьей и огромными долгами, надо было устроиться при большомъ дѣлѣ, и притомъ хозяиномъ, а не сотрудникомъ. Связей съ другими литературными кругами у Бѣлинскаго не было, а такъ какъ къ тому же денегъ для привлеченія сотрудниковъ Надеждинъ не оставилъ, то все и свелось къ дѣятельнѣйшему сотрудничеству самого Бѣлинскаго. Въ „Телескопѣ“ онъ за полгода своего редакторства помѣстилъ четыре статьи: „О русской повѣсти и

повѣстяхъ Гоголя", „О стихотвореніяхъ г. Баратынскаго", „Стихотворенія Владиміра Бенедиктова", „Стихотворенія Кольцова", а „Молва" почти исключительно состояла изъ его отзывовъ. Неудивительно, что при такой массѣ дѣла Бѣлинскій, къ тому же совершенно неопытный въ чисто-технической сторонѣ журнальнаго издательства, не успѣвалъ во-время выпускать №№ журнала. За полгода (съ іюня по декабрь) ему слѣдовало бы издать 12 №№ „Телескопа" (выходившаго еженедѣльными выпусками), а въ дѣйствительности онъ выпустилъ только 6 (съ 7—12). Невыпущенные въ срокъ №№ 1835-го г. были доданы Надеждинымъ въ срединѣ и концѣ 1836 г. предъ самымъ запрещеніемъ журнала. „Молва" менѣе, но все-таки запаздывала и выходила иной разъ по 4 №№ заразъ. Послѣдній № за 1835 г. цензурованъ 1 марта 1836 г.

Въ вышедшихъ подъ редакціей Бѣлинскаго №№ 7—12 „Телескопа" за 1835 г. помѣщены слѣдующія статьи:

№ 7: 1) Объ изящныхъ искусствахъ и современной драмѣ (Изъ *В. Гюго*), стр. 307—341. 2) Пѣснь Налы изъ Махабгараты, стр. 342—346. 3) Домикъ въ долинѣ (*Просперо Дино*), стр. 347—388. 4) Къ***. *В. Красовъ*, стр. 389—390. 5) Пѣсня. *Его-же*, стр. 390—391. 6) О русской повѣсти и повѣстяхъ Г. Гоголя. (Арабески и Миргородъ), стр. 392—417. 7) Чаттертонъ, драма *Альфреда де-Виньи*, стр. 418-440. 8) Американцы верхней Калифорніи. *Ф. Врангель*, стр. 441—456. 9) Смѣсь, стр. 457—461.

№ 8: 1) Лютеръ на вормскомъ сеймѣ. (*Минье*, переводъ, кажется, *Станкевича*), стр. 462—494. 2) Великая тайна. *А. Кольцовъ*, стр. 495—496. 3) Молитва. *В. Красовъ*. 4) Три стихотворенія. *Его же*, стр. 497—499. 5) Домикъ въ долинѣ (оконч.), стр. 500—533. 6) Къ***. *В. Красовъ*, стр. 534—535. 7) О русской повѣсти и повѣстяхъ Г. Гоголя (оконч.) *В. Бѣлинскій*, стр. 536—603. 8) О торговомъ снош. народовъ с.-з. Америки между собою и съ чукчами. *Ф. Врангель*, стр. 604—613. 9) Смѣсь, стр. 614—624.

№ 9—12 (т. XXVII):

Науки. Политическое состояніе Закавказскаго края въ исходѣ XVII вѣка, или что сдѣлало Русское правительство для этого края со времени присовокупленія Грузинскаго царства (*Ореста Евецкаго*), стр. 241. О новѣйшей религіозной живописи Нѣмцевъ, стр. 419.

Изящная словесность. Ничего (стих. *А. Башилова*), стр. 184. До Гетманщины (стих. *Л. Якубовича*), стр. 433. Къ Зевесу (*Его-же*), стр. 434. Воспоминаніе (стих. *К. Эврипидина*), стр. 465. Скала (*Его-же*), стр. 467. Французскіе проповѣдники въ нынѣшній постъ. (*Ф. Шаля*), стр. 34. Дѣвушка съ золотыми глазами, повѣсть *Бальзака*. Третій и послѣдній эпизодъ въ Исторіи Тринадцати, стр. 68, 188, 327. Двѣ пѣсни изъ поэмы *Тегнера*: Фриттіофъ, стр. 345.

Критика. О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ. *Ю. Венелина*, стр. 1, 143, 275. О стихотвореніяхъ Г. Баратынскаго (*В. Бѣлинскаго*), стр. 123. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова (*Его-же*), стр. 573. Стихотворенія Кольцова (*Его-же*), стр. 470. Взглядъ на рецензіи Г. Булгарина, помѣщенныя въ 175, 176, 177, 193 и 194 №№ Сѣверной Пчелы на текущій годъ (*Фр. Крузе*), стр. 504. Донъ-Жуанъ Австрійскій или Призваніе. Драма въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ. Казимира Делавинь (Ст. *Жюль-Жанэна*), стр. 383, 484.

Смѣсь. (Разныя извѣстія).

Кромѣ статей Бѣлинскаго, тутъ ровно нечего читать. Еще менѣе интересна, внѣ подавляющаго количества рецензій Бѣлинскаго, „Молва" второй половины 1835 года. Нѣсколько стихотвореній Эврипидина, Туманскаго, какихъ-то Троешилова, Волкова, М. Ст...вича, С. С—каго, Ш..., нѣсколько случайныхъ корреспонденцій изъ провинціи, нѣсколько научныхъ замѣтокъ румына Хиждеу, рядъ мелкихъ переводныхъ разсказцевъ и статей и одна оригинальная повѣстушка какого-то Ив. Полевиста (кажется, псевдонимъ)—вотъ и все содержаніе листка.

356) „Молва" 1835, № 37. Ценз. разр. между 13 и 29 сент. 1835 г.

Эта рецензія по недосмотру попала не туда, куда ее въ хронологическомъ порядкѣ слѣдовало помѣстить. Въ изданіе Солдатенкова не вошла.

357) „Телескопъ“ 1836 г., т. XXXI, стр. 155—71, 341—52, 472—93 и 630—64. Цензурн. разрѣш. отъ 2 янв., 22 февр., 5 марта и 17 марта 1836 г. Въ изд. Солдатенкова вошло съ небольшими опущеніями. См. примѣчаніе 355-ое.

358) Мы не могли догадаться о чемъ тутъ рѣчь и серьезно ли говорится объ одномъ изъ „знаменитѣйшихъ нашихъ писателей“. Неужели это намеки на „Графа Нулина“?

359) Объ этомъ невѣрномъ пониманіи эпитета „образцовый писатель“ см. примѣч. 78.

360) Мерзляковъ по преимуществу критиковалъ Хераскова (въ „Амфіонѣ“ 1815) съ точки зрѣнія ложно-классической теоріи эпопеи.

361) Въ „Литерат. Мечтаніяхъ“.

362) Къ числу самыхъ яркихъ проявленій великаго сердца въ Бѣлинскомъ принадлежитъ его способность къ самобичеванію и сознанію своихъ ошибокъ. Ему, не знавшему никакихъ компромиссовъ тамъ, гдѣ онъ былъ убѣжденъ въ вѣрности своихъ взглядовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ совершенно чуждъ тотъ ложный стыдъ, который заставляетъ менѣе сильныхъ духомъ людей упорствовать въ отстаиваніи разъ принятой позиціи. Съ этой чертой намъ предстоитъ еще много разъ встрѣчаться, въ особенности во второй половинѣ дѣятельности Бѣлинскаго, когда она ему помогла выкарабкаться изъ той тины, въ которой онъ завязъ, благодаря теоріи „разумной дѣйствительности“.

363) Очень интересное указаніе для исторіи знаменитыхъ статей о Пушкинѣ. Онѣ появились только въ 1844 году, но задуманы и „уже писались“ девятью годами раньше.

364) Повтореніе мыслей, высказанныхъ въ началѣ „Литер. Мечт.“.

365) Повтореніе оттуда же насмѣшекъ надъ обозрѣвателями (главнымъ образомъ надъ Марлинскимъ). Статья вообще является повтореніемъ большинства мотивовъ „Литер. Мечт.“.

366) Александръ I и его указъ о чиновникахъ 6 авг. 1809 г.

367) „Сѣв. Пчела“ частенько стала нападать въ 1835 г. на „Библ. д. Чт.“. Ср. примѣч. 324 и 392.

368) Псевдонимъ Сенковскаго.

369) Для исторіи установленія русской орѳографіи будетъ не безъинтересно отмѣтить по поводу употребленія здѣсь и дальше слова *эти*, что встрѣчавшееся въ предыдущихъ статьяхъ употребленіе при именахъ женскаго рода мѣстоименія *этѣ*, начиная съ 1836 г. исчезаетъ въ «Телескопѣ».

370) Бѣлинскій тутъ очень придирчивъ. *Большая* часть сотрудниковъ, привлеченныхъ „Библіотекой для Чтенія“, пользовались несомнѣнною литературною извѣстностью. Вотъ этотъ списокъ:

К. И. Арсеньевъ. Е. А. Баратынскій. Баронъ Брамбеусъ. Ѳ. В. Булгаринъ. А. Ѳ. Воейковъ. Кн. П. А. Вяземскій. Ѳ. Н. Глинка. Н. И. Гречъ. В. И. Григоровичъ. Д. В. Давыдовъ. И. И. Давыдовъ. В. А. Жуковскій. М. Н. Загоскинъ. И. Т. Калашниковъ. М. Т. Каченовскій. И. В. Кирѣевскій. Казакъ Луганскій. И. И. Козловъ. И. А. Крыловъ. Н. В. Кукольникъ. М. Е. Лобановъ. А. М. Максимовичъ. А. П. Максимовичъ. Марлинскій. К. П. Масальскій. А. И. Михайловскій-Данилевскій. А. С. Норовъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій. А. Н. Очкинъ. В. И. Панаевъ. П. А. Плетневъ. М. П. Погодинъ. А. Погорѣльскій. Н. А. Полевой. А. С. Пушкинъ. С. Е. Раичъ. А. Г. Ротчевъ. Рудый-Панько. П. П. Свиньинъ. О. И. Сенковскій. И. Н. Скобелевъ. И. М. Снигиревъ. Н. Г. Устряловъ. В. А. Ушаковъ. Б. М. Федоровъ. Гр. Д. И. Хвостовъ. А. С. Хомяковъ.

Кн. А. А. Шаховскій. С. П. Шевыревъ. А. В. Шидловскій. А. С. Шишковъ. В. Н. Щастный. Д. И. Языковъ. Н. М. Языковъ. П. Л. Яковлевъ. И. М. Ястребцевъ. Г. М. Яценковъ, и другіе.

Изъ 57 именъ, здѣсь названныхъ, мало извѣстными можно здѣсь назвать не болѣе 5—6: Очкина, Шидловскаго, Щастнаго, Ястребцова, Яценкова. А затѣмъ тутъ были налицо всѣ литературныя знаменитости эпохи.

371) Заимствуемъ это объявленіе изъ № 177 „Сѣв. Пчелы" за 1833 г. Оно представляетъ также интересъ для того, что сказано въ „Литер. Мечтаніяхъ" о „Смирдинскомъ періодѣ" и Смирдинѣ (т. I, стр. 390).

Съ 1834 года будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ, *книгопродавцемъ Александромъ Смирдинымъ,*

Библіотека для Чтенія,

Журналъ Словесности, Наукъ, Художествъ, Промышленности, Новостей и Модъ, составляемый изъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ лучшихъ Русскихъ Писателей.

Долговременный опытъ и наблюденіе хода книжной торговли удостовѣряютъ, что главными причинами непрочности существованія большей части Литературныхъ Журналовъ было съ одной стороны изданіе оныхъ отдѣльными лицами, основывавшими свои расчеты болѣе на личномъ трудолюбіи, нежели на правильно устроенномъ содѣйствіи постоянныхъ и извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ сотрудниковъ, а съ другой, можетъ быть, недостатокъ денежныхъ средствъ, столь необходимыхъ для исправности изданія и для пріобрѣтенія матеріаловъ.

Посему многія повременныя изданія, сначала быстро возвысившіяся на степень извѣстности, потомъ столь же быстро склонялись къ упадку; наконецъ Издатели оныхъ нашлись въ совершенной невозможности удовлетворять принятымъ на себя обязанностямъ подписки, что равномѣрно вредило и Словесности, и пользамъ читателей. Нерѣдко, чтобы оживить ихъ существованіе и разбудить любопытство публики, прибѣгали къ самому крайнему средству, *къ рѣзкости сужденій,* даже къ войнѣ съ цѣлымъ литературнымъ міромъ. Истина, приличіе, развитіе юныхъ талантовъ, вкусъ читателей и успѣхи просвѣщенія, страдали отъ сего въ равной степени.

Побуждаясь чувствомъ усердія къ пользамъ отечественной Словесности, я рѣшился употребить весьма значительный капиталъ на то, чтобы, при содѣйствіи большаго числа Русскихъ Писателей, пользующихся славою и извѣстностію на поприщѣ Словесности, Наукъ и Художествъ, основать повременное изданіе, которое, по своему внутреннему достоинству, по важности содержанія и благородному тону, не уступало бы лучшимъ иностраннымъ Журналамъ сего рода, а на будущее время могло бы остаться памятникомъ настоящаго періода Русской Словесности и того покровительства, коего Августѣйшій Монархъ ее удостоиваетъ.

Слѣдующая программа, уже удостоенная одобренія Высшаго Начальства, дастъ подробное понятіе о разнообразіи плана сего изданія, и о приспособленіи его къ потребностямъ и вкусу читателей всякаго рода.

Журналъ, подъ названіемъ: *Библіотека для Чтенія,* съ 1-го января 1834 года будетъ выходить ежемѣсячно, книжками.

Каждая книжка заключаетъ въ себѣ около 18 печатныхъ листовъ. Двѣ книжки составятъ одинъ томъ, съ особымъ къ нему заглавнымъ листомъ и оглавленіемъ. Въ концѣ каждаго года будетъ ко всѣмъ шести томамъ прилагаемъ общій алфавитный, аналитическій указатель предметовъ и собственныхъ именъ.

Въ семъ Журналѣ участвуютъ почти всѣ извѣстные своими дарованіями и произведеніями въ стихахъ и прозѣ Русскіе Писатели.

Литературная и ученая редакція, выборъ статей и составъ ежемѣсячныхъ книжекъ поручены опытнымъ по этой части Литераторамъ.

Журналъ *Библіотека для Чтенія,* имѣющій предметомъ одну лишь общую пользу читателей, остается совершенно чуждымъ всякаго духа партій, и не принадлежитъ ни къ какой исключительно литературной кастѣ. Всѣ благонамѣренныя и прилично изложенныя мнѣнія найдутъ въ немъ открытое для себя поприще.

Для соблюденія достоинства, приличнаго изданію, поочередно украшаемому всѣми извѣстнѣйшими въ Словесности нашей именами, Библіотека для Чтенія не входитъ въ споры ни съ какими иными Журналами, и не отвѣчаетъ ни на какія выходки и критики.

Для изданія употребится хорошая бумага и красивый шрифтъ.

372) Не будущій другъ Бѣлинскаго—Иванъ Ивановичъ Панаевъ, о которомъ еще будемъ имѣть случай много говорить, а дядя его Владиміръ Ивановичъ *Панаевъ* (1792 — 1859), авторъ идиллій и повѣстей въ стилѣ бѣдной Лизы.

373) Окончательно исчезнувшій изъ литературной памяти *Ушаковъ* совсѣмъ не заслуживаетъ такого радикальнаго забвенія. То, что сказалъ Бѣлинскій въ «Литер. Мечт.» о главномъ его произведеніи: «Киргизъ-Кайсакъ былъ явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ», остается вѣрнымъ и до сихъ поръ. Именно явленіемъ «неожиданнымъ». Когда мы, заинтригованные отзывомъ Бѣлинскаго, познакомились съ «Киргизъ-Кайсакомъ» и перенеслись въ настроеніе читателя эпохи его появленія, то не могли не быть крайне удивлены какъ содержаніемъ повѣсти, такъ и исполненіемъ. Повѣсть вышла въ 1830 г., когда послѣдніе остатки сентиментализма уступали побѣдоносному напору романтизма, когда Марлинскій ослѣпилъ всѣхъ блескомъ своей вычурности, а Гоголь и Пушкинъ-новеллистъ еще не выступали. У Ушакова еще не было образцовъ здороваго реализма, а между тѣмъ повѣсть написана замѣчательно просто, безъ всякихъ вычуръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вполнѣ вѣрно говоритъ Бѣлинскій, «съ глубокимъ чувствомъ».

Но всего болѣе «неожиданное» впечатлѣніе производитъ «Киргизъ-Кайсакъ» общественною стороною своей основной идеи. Трагическій узелъ разыгрывающейся въ ней драмы въ томъ, что князь древнѣйшаго рода не хочетъ отдать свою дочь замужъ за любимаго ею офицера Славина послѣ того, какъ онъ узналъ, что этотъ офицеръ не дѣйствительный, а только пріемный сынъ одного мелкаго чиновника и что на самомъ дѣлѣ Славинъ незаконнорожденный сынъ крѣпостной киргизки и казака. Перенесясь въ настроеніе 1830-го года, можно ли особенно негодовать на родовитаго князя, не желающаго породниться съ гулящей крѣпостной киргизкой? А между тѣмъ авторъ честитъ его всяческими поносящими кличками, громитъ его спесь, выставляетъ совершеннымъ ничтожествомъ, между тѣмъ какъ сынъ крѣпостной—идеалъ благородства и утонченной душевной организаціи. Въ общемъ, какъ чрезвычайно яркій протестъ противъ сословныхъ предразсудковъ, «Киргизъ-Кайсакъ» занимаетъ совершенно одинокое мѣсто въ произведеніяхъ не только 30-хъ, но и 40-хъ годовъ.

Сочетаніе литературныхъ и идейныхъ достоинствъ привело къ тому, что повѣсть произвела очень сильное впечатлѣніе, и автора ея прямо причисляли къ корифеямъ беллетристики. Еще въ 1849 году Мизко, сотрудникъ «Отеч. Зап.» эпохи Бѣлинскаго, въ своей извѣстной книгѣ «Столѣтіе русск. литературы» (Одесса 1849) писалъ объ Ушаковѣ:

„Киргизъ-Кайсакъ“ Ушакова, при появленіи своемъ, былъ по достоинству лучшимъ романомъ: впрочемъ, познаніе сердца человѣческаго и удачная характеристика общественныхъ нравовъ, соединенная съ поэтической идеей созданія, состоящею въ противоположности отношеній героя и героини въ общественномъ быту, дѣлаютъ этотъ романъ достойнымъ занять почетное мѣсто въ нашей литературѣ“ (стр. 317—18).

Представитель младшаго поколѣнія 40-хъ годовъ Валеріанъ Майковъ, разбирая въ 1846 г. «Исторію русск. литературы» Аскоченскаго, гдѣ Ушаковъ и Погодинъ причислены къ лучшимъ нашимъ новеллистамъ, совершенно не-

справедливо (см. выше прим. 233) ставитъ негодующій восклицательный знакъ при имени Погодина, но противъ Ушакова не протестуетъ.

Все, что дальше писалъ Ушаковъ, не идетъ ни въ какое сравненіе съ «Киргизъ-Кайсакомъ». «Котъ-Бурмосѣка»—скучная аллегорія, «Досуги Инвалида» написаны бойко и живо, но какъ-то мелки, переполнены смѣшными нападками на женщинъ и сбиваются на анекдоты, а юмористическіе его разсказы, въ родѣ «Піюши», о которой сейчасъ Бѣлинскій поведетъ рѣчь, ниже всякой критики. Этимъ изступленнымъ пасквилемъ Ушаковъ отомстилъ Бѣлинскому, за то, что онъ въ своей рецензіи на „Досуги Инвалида" (см. выше, стр. 90—91) констатировалъ паденіе и опошленіе таланта, недавно подававшаго надежды.

Біографическія свѣдѣнія о Васильѣ Аполлоновичѣ **Ушаковѣ** весьма скудны и ихъ приходится устанавливать сопоставленіемъ разныхъ отрывочныхъ данныхъ. Онъ родился въ старой дворянской семьѣ въ 1788 или 89 году, учился въ Пажескомъ Корпусѣ, въ 1811 году выпущенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ рядахъ котораго былъ раненъ подъ Бородинымъ. Но онъ затѣмъ оправился и принималъ участіе въ заграничномъ походѣ 1813—14 годовъ. Раны, однако, давали себя чувствовать и Ушаковъ въ 1819 г. вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ и поселился въ Москвѣ. Съ конца 20-хъ годовъ онъ особенно близко сошелся съ Полевымъ. Тѣмъ удивительнѣе, конечно, дико-извращенное изображеніе въ „Піюшѣ" Бѣлинскаго, который тоже очень близокъ былъ съ Полевымъ, всегда высоко ставившемъ его какъ нравственную личность. Но дѣло въ томъ, что сближеніе Бѣлинскаго и Полевого произошло въ срединѣ 1835 года, а „Піюша" уже въ іюнѣ того же 1835 года появилась въ „Библіотекѣ для Чтенія". Ушаковъ былъ человѣкъ образованный, много читалъ на иностранныхъ языкахъ и особенно интересовался теоріею сценическаго искусства, которое внимательно изучалъ во время пребыванія за границею. Онъ былъ лично знакомъ со многими европейскими сценическими дѣятелями. Воспоминанія объ Ушаковѣ рисуютъ его какъ человѣка очень прямого и до грубости правдиваго. Съ этимъ не особенно вяжется месть Бѣлинскому за рецензію о „Досугахъ Инвалида". Но на что только не способно оскорбленное литературное самолюбіе? Впрочемъ, въ оправданіе Ушакова можно сказать, что о Бѣлинскомъ въ средѣ его литературныхъ враговъ ходили самые дикіе слухи.

Ушаковъ умеръ въ концѣ марта 1838 г., отъ послѣдствій неудачной ампутаціи ноги, къ которой надо было прибѣгнуть вслѣдствіе того, что Ушаковъ гомеопатическимъ лѣченіемъ запустилъ свои раны.

Въ отдѣльномъ изданіи изъ написаннаго Ушаковымъ появилось: 1) Киргизъ-Кайсакъ. Повѣсть. М. 1830, 2 части. Тоже. Изд. 2-е, 2 ч. М. 1835. Переводъ на нѣм. яз.: Der Kirgis-Kaissak. Erzählung von *W. Uschakow.* Aus dem Russ. übers. v. *C. Goldhammer.* Leipzig. 1831. 2) Котъ Бурмосѣко, любимецъ Халифа Аль-Мамума. Вост. пов., изд. *В. Ушаковымъ.* М. 1831. 3) Досуги Инвалида. 3 ч., заключ. въ себѣ повѣсти: 1) Матушка мадамъ, 2) Марихенъ, 3) Поручикъ любимецъ. М. 1832—1835. 4) Послѣдній изъ князей Корсунскихъ. (Библіот. ром., пов. и путеш., изд. *Н. Н. Улитинымъ,* т. VI). М. 1837. 5) Были и повѣсти, 2 части, 1838.

Въ журналахъ напечатано: 1) Отвѣтъ кн. В. Ө. Одоевскому. „Сынъ Отеч." 1825, 21. 2) Признанія франц. журналиста. „Сѣв. Арх." 1826, № 12—13. 3) Путешествіе по трактирамъ. Тамъ же, 1826, № 16. 4) Любитель театра, Тамъ же, 1827, № 3, 174. 5) Образованность и ученость. Тамъ же, 1827. № 3. 6) Вечеръ у литераторовъ. Тамъ же, 1827, № 6. 7) Святки. Тамъ же, 1827, № 7. 8) Солдатъ. Тамъ же, 1828, № 3. 9) Русскій Театръ. „Московск. Телеграфъ", 1829, № 9, стр. 140; № 10, стр. 268; № 11—24; № 15, стр. 357;

№ 16, стр. 500 (о „Недорослѣ"). 10) Киргизъ-Кайсакъ, первая глава изъ романа. Тамъ же, 1829, № 13, стр. 35.—2-я глава, въ № 14, стр. 165. 11) Рец. на „Вильгельма Теля" *Шиллера*. Тамъ же, 1829, № 20, 488. 12) Рец. на „Крымскіе сонеты" *Мицкевича*. Тамъ же, 1829, № 23, 336. 13) Разборъ „Димитрія Самозванца" *Булгарина*. Тамъ же, 1830, № 6, стр. 193. 14) Польск. литература. Тамъ же, 1830, № 9—10. 15) Губернскій городъ. (VIII глава изъ ром. Двадцать шестое число). „Полярная Звѣзда" 1832 (Альманахъ). 16) Письмо къ Булгарину о музыкантахъ. „Сынъ Отеч." 1832, № 13. 17) Іона Ѳаддеевичъ. Ром. Тамъ же, 1832, № 49. 18) Сельцо Дятлово. „Библ. для Чтенія" 1834, IV, отд. 1, стр. 125. 19) Громъ Божій. Тамъ же, 1835, VIII, отд. 1, стр. 161. 20) Піюша, каррикатура. Тамъ же, 1835, XI, отд. 1. 21) Баронъ Войденлобъ. Тамъ же, 1836, XIX, стр. 152. 22) Бѣдная Серафима. Тамъ же. 1836, XVII, отд. 1. 23) Густавъ Гацфельдъ. Повѣсть, „Отеч. Зап." 1839, т. VII, отд. III, стр. 5. 24) Преміеръ-Маіоръ. „Новоселье" 1845 (1846). 25) Хамово отродье. Картинка русск. быта. „Сто русск. литераторовъ", т. III, 1845.

Въ некрологѣ Ушакова въ «Литер. Приб. къ Русск. Инвалиду» 1838 г. сказано: «Ушаковъ оставилъ по себѣ романъ, который, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ быть изданъ въ свѣтъ".

Ср. объ Ушаковѣ: 1) „Сынъ Отеч." 1825, прибавл. („Возраж. на ст., помѣщ. въ 13 и 14 кн. „Моск. Телегр."). 2) *Н. Полевой*, „Моск. Телегр." 1825, 14. (Г-ну *Ушакову*). 3) „Журн. Мин. Народн. Просвѣщ." 1838, ч. 19, № 9, стр. 732—741 (Некрологъ). 4) „Литерат. Приб. къ Русск. Инвалиду" 1838, № 17, стр. 337—338. (Некрологъ). 5) „Отеч. Зап." 1845, т. 42, отд. V. 6) „Сто русск. литерат.", т. III, 1845. (Портр.). 7) *Бѣлинскій*, Сочиненія. 8) *Вольфъ*, Хроника спб. театровъ, ч. I и II. 9) „Русск. Стар." 1878, № 9, стр. 352—368 („О Царѣ Горохѣ"). 10) *К. А. Полевой*, „Ист. Вѣстн." 1887, апр., 28—30, іюнь, 564—565. („Записки") и въ отд. изд. „Записокъ". СПБ. 1888, стр. 137—139, 231, 267—269, 270—271. 11) *В. Майковъ*, Крит. опыты, стр. 417. 12) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, VIII, 49, XII, 277. 13) Словари *Старчевскаго, Березина, Ровинскаго, Граната*. 14) *Фрейманъ*, Пажи, стр. 169 и 842.

Отзывы: о „*Киргизъ-Кайсакѣ*": 1) „Гирлянда" 1831, стр. 17—21 (ст. *В. Б—ва*). 2) „Литерат. Газета" 1831, т. 3, № 5, стр. 42. 3) „Моск. Телегр." 1831, ч. 37, стр. 257—259. 4) *Гречъ*, въ „Сѣв. Пчелѣ" 1831, № 15. 5) *Н. Ю.*, Тамъ же, 1832, № 272—276. 6) „Сѣв. Меркурій", 1831, № 12 и 26. 7) „Телескопъ", 1831, ч. 1, отд. 8, стр. 383—392. 8) Тамъ же, 1834, т. 24, стр. 449. 9) „Библіот. для Чтенія" 1835, XI, отд. VI, стр. 4. О „*Котѣ Бурмосѣкѣ*": 1) „Гирлянда" 1831, ч. 2, № 28 и 29. 2) „Телескопъ" 1831, ч. 4, отд. 7, стр. 387—388. 3) *К. Т.*, въ „Сѣв. Меркуріи" 1831, № 39. 4) „Моск. Телегр." 1831, № 13, стр. 106. О „*Досугахъ Инвалида*", кромѣ Бѣлинскаго: 1) „Моск. Телегр." 1832, ч. 45, № 12, стр. 542—549. 2) *Н. Ю.*, въ „Сѣв Пчелѣ" 1832, № 250 и 251. 3) „Библіот. для Чтенія" 1835, X, отд. VI, стр. 10. О „*Преміеръ-Маіоръ*", „Телескопъ" 1834, т. 21, стр. 350. Объ пов. „*Марихенъ*": „Телескопъ" 1836, ч. 31, стр. 475. О пов. „*Піюша*" „Телескопъ", 1836, ч. 31, стр. 481. О пов. „*Сельцо-Дятлово*": *В. К. Кюхельбекеръ*, въ „Русск. Стар." 1884, т. 41, февр., стр. 340. („Дневникъ"). О ром. „*Послѣдній изъ кн. Корсунскихъ*": 1) „Библ. для Чтенія" 1837, XXI, отд. VI, стр. 12. 2 „Литерат. Прибавл." 1837, № 11. О „*Хамовомъ Отродьѣ*": „Москвитянинъ" 1845, ч. V, отд. 1, № 9, стр. 116.

374) Рѣчь, конечно, идетъ объ извѣстномъ баснописцѣ Александрѣ Ефимовичѣ Измайловѣ, за свой реализмъ прозванномъ „писателемъ не для дамъ"; но не совсѣмъ понятно, почему Бѣлинскій называетъ его „Г. Измайловымъ". Измайловъ уже тогда былъ покойникъ († 1831).

375—77) См. примѣч. 249.

378) Ср. примѣч. 246.

379) Бѣлинскій тутъ съ крайнимъ добродушіемъ отнесся къ грубой каррикатурѣ Ушакова, которая являлась прямымъ пасквилемъ на него. Конечно, онъ не служилъ въ военной службѣ, какъ Кривошеинъ, не соблазнялъ чужихъ женъ и т. д., но его звали Виссаріонъ, его „выгнали" изъ университета, онъ толковалъ „о непреложныхъ законахъ изящнаго", онъ „судилъ и рядилъ о

Фихте и Гегелѣ", онъ давалъ уроки, онъ получилъ деньги „изъ московскихъ журналовъ за трансцендентальную и верхоглядную критику, то-есть за то, что людьми порядочными называется бранью въ печати", онъ „хорошія книги" „цѣнилъ ниже поношенныхъ лаптей" и т. д. Кромѣ него, никто изъ сотрудниковъ „Телескопа" (а вѣдь только о немъ и могла идти рѣчь, потому что всего-то на всего въ Москвѣ былъ только еще одинъ журналъ—тяжеловѣсный, профессорскій и бонтонно-свѣтскій „Москов. Наблюдатель" Шевырева и Погодина) въ 1835 г. не пользовался никакою извѣстностью даже въ литературныхъ кружкахъ и, конечно, только его и могъ имѣть въ виду разсвирѣпѣвшій Ушаковъ.

380) „Воспоминанія о Сиріи", появившіяся съ подписью *Осипъ Морозовъ*, дѣйствительно принадлежатъ Сенковскому и вошли въ I т. его сочиненій.

381) Принадлежитъ Сенковскому.

382) См. выше „Журнальную замѣтку" (стр. 297—306).

383) Очевидно, въ дѣла политическія. Бѣлинскій въ то время относился безусловно отрицательно ко всякимъ революціоннымъ попыткамъ.

384) См. дальше № 177 (стр. 384—97).

385) Не совсѣмъ точно сказано. Кукольникъ отстаивалъ себя только противъ упрековъ въ искаженіи турецкихъ названій и турецкой исторіи и доказывалъ, что онъ, не будучи оріенталистомъ, все-таки пользовался достовѣрными источниками („Сѣв. Пчела" 1835 г., № 159—161).

386-87) Въ первыхъ книжкахъ „Сына Отеч." за 1836 г. появились три статьи о „Русской Критикѣ въ 1835 году", подписанныя *В. В. В.*—псевдонимомъ *Владиміра Строева*. Въ нихъ собственно не мало доставалось Сенковскому за то, что онъ злоупотребляетъ своимъ остроуміемъ и дѣлаетъ „бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ". Основными свойствами критики „Библ. д. Чт." Строевъ считаетъ: „зависть къ чужому успѣху и открытое пристрастіе", но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страшно расшаркивается передъ умомъ, ученостью и остроуміемъ Сенковскаго въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя цитированы Бѣлинскимъ (См. „Сынъ От." 1836, ч. CLXXV, стр. 52). Въ этихъ статьяхъ были и вылазки противъ „Молвы" и „Телескопа", которые „для пользы современнаго просвѣщенія съ особеннымъ усердіемъ и прилежаніемъ занимались порицаніемъ мертвыхъ и бранью живыхъ". Бѣлинскій не названъ, но, конечно, рѣчь о немъ, потому что прямо сказано: „Быть не можетъ, чтобы издатель (Надеждинъ) согласился на напечатаніе большей части статей, помѣщенныхъ въ его журналѣ, еслибъ не находился въ чужихъ краяхъ» (Ibid., стр. 253). Этими выходками Строевъ отомстилъ за презрительный отзывъ о немъ Бѣлинскаго (см. выше, стр. 250—51). О Строевѣ см. примѣч. 203 и въ дальнѣйшихъ томахъ.

388) Статьи съ подписью „сообщено" встрѣчаются во всѣхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, не исключая „Молвы" и „Телескопа". Грѣхъ „С. Пчелы" былъ не въ томъ, что она помѣщала „сообщенныя" статьи, а въ томъ, что она помѣщала ихъ не безкорыстно...

389) Усиленныя нападки „С. Пч." на „Библ. д. Чт." идутъ чрезъ весь 1835 г. Поссорились недавніе друзья изъ-за своихъ издателей. См. примѣч. 324 и 392.

390) Въ 1835 г. вышла анонимная книжка „Авторскій вечеръ. Странный случай съ моимъ дядею". Спб. 1835. 12°. 174 стр. Книжка направлена противъ недобросовѣстности критики барона Брамбеуса, хотя онъ прямо въ ней и не названъ. Сенковскій прищелкнулъ книжку отзывомъ въ 16 строкъ („Библ. для Чт.", т. XIV, отд. VI, стр. 11). Тогда разобиженный авторъ

раскрылъ свой анонимъ и въ „Письмѣ къ издателямъ Сына Отечества" (ч. CLXXVI, стр. 39—50), подписанномъ—*Павелъ Крутеневъ, Симбирскъ, 3-го февр. 1836*—донельзя беззубо и бездарно отвѣчалъ Сенковскому. Здѣсь онъ, между прочимъ, обѣщаетъ въ скоромъ времени издать „уже не книжку, а книгу", подъ заглавіемъ *Оракулъ*, которая „обнаружитъ всѣ достоинства Брамбеуса». Но книга эта не вышла и имя Павла Крутенева больше въ литературѣ не встрѣчается.

391) „Литер. Прибавленія къ Русск. Инв." въ слѣдующемъ, 1837 году, съ переходомъ къ Краевскому, значительно оживились. Но въ 1836 г., послѣднемъ году редакторства Воейкова, они влачили самое жалкое существованіе, безъ подписчиковъ и сотрудниковъ.

392) Въ литературныхъ кружкахъ было достаточно извѣстно, что грызня между Сенковскимъ съ одной стороны и Булгаринымъ и Гречемъ съ другой была основана на томъ, что каждый изъ нихъ хотѣлъ эксплуатировать исключительно въ свою пользу довѣрчивость и искреннее уваженіе къ литературѣ Смирдина. Ср. примѣч. 389.

393) Все тѣ же Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ, пожалуй, еще Воейковъ. Больше журналистовъ и не было въ 1835 г. въ Петербургѣ. „Обороты большіе" дѣлали редакторы „Библ. д. Чт." и „С. Пчелы". Къ „мелкимъ оборотамъ" долженъ былъ прибѣгнуть „Сынъ Отеч.", который шелъ плохо. Дальнѣйшія насмѣшки надъ *возрожденіемъ* относятся къ „Сыну Отечеству", который съ появленіемъ „Библ. д. Чт." сталъ подтягиваться и между прочимъ изъ еженедѣльнаго изданія, много посвящавшаго мѣста чисто-фактическимъ извѣстіямъ политическаго свойства, превратился въ двухнедѣльный журналъ, старавшійся развить у себя отдѣлы литературный и критическій.

394) До 1830 г. центромъ журналистики была „Москва", гдѣ издавались значительнѣйшіе журналы того времени: „Москов. Телеграфъ", „Вѣстн. Европы", „Москов. Вѣстникъ", „Атеней".

395) Въ „Моск. Наблюд." принимали участіе: Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ, Гоголь, Павловъ, Шевыревъ, Одоевскій, Даль, Вельтманъ, Андросовъ, Погодинъ, Мельгуновъ, Срезневскій, Полевой, Кирѣевскій и др.

396) Воззрѣніе Шиллера. Намъ придется еще вернуться къ нему при анализѣ эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго.

397) Эта огромная цифра объясняется, конечно, не занимательностью изданія, почти лишеннаго литературно-общественнаго характера (газету арендовалъ тогда ничтожный кн. Шаликовъ), а тѣмъ, что къ „Моск. Вѣд." прилагались казенныя объявленія и подписка на нихъ была обязательна для всѣхъ казенныхъ учрежденій.

398) „Своя Семья" — дѣйствительно уродливая, огромная стихотворная „повѣсть" *Н. Прокоповича*. („Моск. Набл." 1835 г., т. II, стр. 5—33). „Грязной", всегда очень строгій къ нескромностямъ въ печати, Бѣлинскій (ср. примѣч. 310), очевидно, назвалъ бездарную повѣсть Прокоповича за слѣдующую сцену (колдунья, подговоренная золовкой, „испортила" молодую жену купеческаго сына):

Сна лишенный и покою,
На стенанья и на крикъ,
Съ перепуганной семьею
Прибѣжалъ отецъ-старикъ.
Отворяютъ дверь свѣтлицы,
Тамъ Иванъ полу-нагой ..

Ай!—и бросились стрѣлой
Прочь стыдливыя сестрицы...
А мужчины всѣ вошли,
Надивиться не могли.
Передъ ними молодая
Съ перекривленнымъ лицомъ,
Горько, жалобно рыдая,
На полу свилась кольцомъ.
И кричитъ она и проситъ,
Вся въ жару, въ пылу, въ огнѣ...
„Мужа, мужа дайте мнѣ!"
Ваня къ ней—она поноситъ
Ваню бранью площадной:
„Гдѣ тебѣ, такой сякой!..
Дайте мужа молодого;
Чортъ ли въ этомъ старикѣ?"
Тутъ Иванъ отца родного
Отозвалъ, и въ уголкѣ
Что-то съ горькими слезами
Долго на ухо шепталъ...
И отецъ, какъ услыхалъ,
То обоими руками
Буйну голову схватилъ
Чуть объ стѣну не разбилъ.

399) „Молва" 1836, № 1. Ценз. разр. отъ 2 января 1836 г. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

400) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ многихъ цитатъ.

401) Обычное невѣрное цитированіе (Ср. примѣч. 33). Надо

Отмѣнно-длинный, длинный, длинный
Нравоучительный и чинный. (Графъ Нулинъ).

402) Придирки неосновательныя: *Загодя*—превосходный провинціализмъ, вошедшій во всеобщее употребленіе, *Докапо*—очевидно, опечатка вмѣсто *дакапо*—музык. терминъ (da capo — сначала).

403) Въ „Библ. для Чт." (т. XII, отд. V, стр. 1—18) Сенковскій, съ обычнымъ своимъ отсутствіемъ чувства мѣры, процитировавъ одно мѣсто изъ „Постоялаго двора", говоритъ: „Это послѣднее мѣсто, о супружеской любви, превосходно. Мы не читали ничего лучшаго ни на какомъ языкѣ. И подобныхъ мѣстъ въ „Постояломъ дворѣ"—множество» (стр. 10). Надо думать, что въ этомъ нелѣпомъ преувеличеніи и кроется причина того, что Бѣлинскій въ своей огромной, но, нельзя не сознаться, крайне неинтересной рецензіи отнесся черезчуръ придирчиво къ произведенію, которое заслуживало лучшаго отношенія. „Постоялый дворъ" написалъ Александръ Петровичъ *Степановъ* (1781—25 ноября 1837); произведеніе это имѣетъ свое мѣсто въ исторіи русской беллетристики. Мы еще къ нему вернемся.

404) „Молва" 1836 г., № 1. Къ взглядамъ Бѣлинскаго на народную поэзію намъ еще придется вернуться.

405) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова рецензія вошла съ опущеніемъ всей второй половины (со словъ: но читатели должны уже имѣть и т. д.), любопытной по горячности, съ которой Бѣлинскій отстаиваетъ интересы Полевого. Ср. примѣч. 59. Начало рецензіи, при всей своей бѣглости, чрезвычайно интересно какъ матеріалъ для изученія отношенія лучшихъ круговъ

интеллигенціи 30-хъ гг. къ народу: рѣчь точно идетъ о папуасахъ, которыхъ еще надо научить „первоначальнымъ человѣческимъ идеямъ" и которымъ за глаза довольно одной азбуки. Однакоже, обязанность просвѣщать этихъ папуасовъ уже поставлена. Ср. прим. 246.

406) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

407) Кажется, Бѣлинскій тутъ ошибся. Изъ журналовъ, кромѣ „Молвы", о „Библ. полезныхъ свѣдѣній" появилась рецензія только въ „Библ. д. Чт.", но она неблагопріятна. Зато очень подходитъ то, что̀ здѣсь сказано къ отзыву „Сѣв. Пчелы" въ № 268 за 1835 годъ:

Хотя ни въ заглавіи, ни въ предисловіи къ этой книгѣ не выставлено имени ея автора, который скромно называетъ себя издателемъ, но эта *скромность* и достоинство самой книги даютъ намъ право догадываться, что она принадлежитъ одному молодому ученому, пламенному защитнику новой исторической школы, въ короткое время показавшему и критическій свѣтлый взглядъ свой на науку, и свѣдѣнія свои.

По этой характеристикѣ, въ связи съ тѣмъ, что слово *скромность* здѣсь подчеркнуто, нетрудно было догадаться, что книга принадлежитъ *Скромненко—Сергѣю Строеву*. Бѣлинскій, конечно, отлично зналъ о новомъ трудѣ своего недавняго пріятеля и фраза „намъ неизвѣстенъ огромный авторитетъ" и т. д. есть только полемическій пріемъ. О дурныхъ отношеніяхъ между кружкомъ Станкевича и всего больше Бѣлинскаго, установившихся съ конца 1835 г., см. прим. 203 и 386—87.

408) „Молва" 1836, № 2. Ценз. разр. 22 февр. 1836. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ.

409) Шумъ этотъ, главнымъ образомъ, надѣлалъ Сенковскій. Странное обозначеніе на обложкѣ перевода *„издалъ* А. Пушкинъ" дало ему поводъ написать одну изъ тѣхъ мефистофелевскихъ рецензій, на которыя онъ былъ такой мастеръ. Онъ не то притворился, что дубовый переводъ ему все-таки кажется Пушкинскимъ, не то выругалъ Пушкина за то, что поэтъ „далъ на прокатъ свое имя" какому-то „бѣдному литератору, для того, чтобы лучше покупали книгу" („Библ. для Чт.", т. XIV, отд. VI, стр. 33—34). Въ результатѣ публика была совершенно сбита съ толку. Взбѣшенный Пушкинъ заявилъ, что „Вастолу" перевелъ „гражданинъ и литераторъ заслуженный", но что послѣ посыпавшихся на книгу оскорбленій онъ „не можетъ рѣшиться наименовать настоящаго переводчика". Такое объясненіе не могло особенно содѣйствовать разъясненію путаницы и вотъ почему Бѣлинскій такъ старается непосредственнымъ разборомъ бездарнаго перевода показать, что Пушкинъ тутъ только очень снисходительный „издатель". Имя дѣйствительнаго переводчика выяснилось только въ 1888 г. изъ замѣтки въ „Кіев. Старинѣ" (№ 1—3). Какъ эта замѣтка, такъ и позднѣйшія разысканія Б. Л. Модзалевскаго показываютъ, что „Вастолу" перевелъ плодовитый, но бездарный поэтъ и переводчикъ Ефимъ Петровичъ *Люценко* (12 окт. 1776 — 26 дек. 1854), лицейскій учитель Пушкина, попавшій, благодаря извѣстной россійской „слабости", въ затруднительное положеніе. Повидимому, Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ „издалъ" переводъ, т.-е. напечаталъ на свой счетъ, а выручку предоставилъ Люценко. Ср. *Б. Л. Модзалевскій*, Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Спб. 1898. 8°. 16 стр. (Оттискъ изъ „Русск. Старины").

410) „Молва" 1836 г., № 2. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

411) Біографическихъ свѣдѣній объ этой печальной „извѣстности" никакихъ нѣтъ. Добылъ онъ свою „извѣстность" альманахомъ „Феноменъ", изд. совмѣстно съ П. Соболевымъ (М. 1832) и книжкой „Умершіе колдуны или явле-

ніе мертвецовъ. Сельская баллада". (М. 1832. 12°). На основаніи инициаловъ (*А. М. Пуговишниковъ*), выставленныхъ на обложкѣ „Умершихъ колдуновъ", можно предположить, что онъ сынъ московскаго купца Михаила Пуговишникова, издавшаго въ 1811 г., совмѣстно съ москов. протоіереемъ Іоанномъ Михайловичемъ *Кондорскимъ*, книгу: „Нравственный пластырь для называющихся старообрядцевъ, или доброжелательное посланіе отъ нѣкоего ревнителя ко благочестію Св. Грекороссійскія Церкви Христовы, къ наставнику Ѳеодосіевскаго согласія при воззрѣніи на послѣдняя, то-есть: 1-е на приближающійся часъ смертный, 2-ое на будущій страшный судъ и 3-е на неумытное дѣлъ нашихъ мздовоздаяніе, соч. П. Іоанна Кондорскаго и Москов. купца Михаила Пуговишникова". 2 ч. М. 1811.

412) „Молва" 1836, № 2. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ большинства цитатъ.

413) Бѣлинскій тутъ впалъ въ непонятную эстетическую ошибку. „Заблудившійся Амуръ" не есть оригинальное стихотвореніе Ломоносова, а представляетъ собою переводъ извѣстнѣйшаго стихотворенія Анакреона, которое, кромѣ Ломоносова, переводили изъ поэтовъ 18 вѣка Сумароковъ, Львовъ и Державинъ. Оно въ собраніе стихотвореній Ломоносова такъ даже и вносится подъ заглавіемъ „Изъ Анакреона" (Ломоносовъ ему не далъ заглавія и помѣстилъ его какъ иллюстрацію къ одному изъ положеній своей „Риторики"). Мы назвали ошибку Бѣлинскаго эстетической, потому что стихотвореніе замѣчательно мило по наивности пріемовъ. Сравнивая переводы Ломоносова съ позднѣйшимъ, очень удачнымъ и легкимъ переводомъ Державина, можно, конечно, сдѣлать замѣчанія относительно языка перевода Ломоносова, но это не касается содержанія стихотворенія, будто бы созданнаго „умомъ", а не „чувствомъ". Ср. соч. Ломоносова, изд. подъ ред. М. И. Сухомлинова, т. I, и соч. Державина, подъ ред. Грота, т. II.

414) Николай Ѳедоровичъ *Грамматинъ* (13 ноября 1786 — 17 янв. 1827) тяжеловѣсный поэтъ и филологъ, переводчикъ „Слова о полку Игоревѣ" и „Суда Любуши". Мы еще къ нему вернемся.

415) Очевидный пропускъ слова—сносной, удовлетворительной или чего-нибудь въ этомъ родѣ.

416) О Кульманъ см. подробнѣе по поводу статьи 1843 г. о Зенеидѣ Р-вой.

417) О Тимофеевѣ см. по поводу разбора Стихотвореній М. Демидова (1842).

418) „Молва" 1836, № 3. Ценз. разр. 5 марта 1836. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ.

419) Начиная съ „Литер. Мечт.", Бѣлинскій упорно твердитъ объ упадкѣ таланта Пушкина. Его за это не разъ называли и до сихъ поръ продолжаютъ называть плохимъ діагностомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1835—36 гг. Пушкинъ напечаталъ: „Пѣсни западныхъ Славянъ", „Сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ", „Скупого Рыцаря", „Капитанскую дочку"; тотчасъ послѣ его смерти въ 1837 обнародованы: „Мѣдный всадникъ", „Русалка", „Арапъ Петра Великаго"; въ 1839 г. „Каменный гость"—списокъ убійственный, который могъ бы навсегда ухлопать репутацію Бѣлинскаго какъ эстетическаго судью, если бы тутъ все дѣло не сводилось къ оптической аберраціи: *напечатаны* всѣ перечисленныя произведенія послѣ того, какъ Бѣлинскій констатировалъ упадокъ таланта Пушкина, но начаты и написаны они всѣ не позже 1833 г. А 1835 и 36 годы ничего не прибавили къ наслѣдству Пушкина.

420) Выходитъ какъ будто, что Бѣлинскій не зналъ, что „Воевода" и

„Будрысъ“ переведены изъ Мицкевича. При первомъ появленіи въ свѣтъ этихъ стихотвореній не было указано, что они заимствованы изъ писателя, имя котораго неудобно было тогда называть. Они были напечатаны въ 3-ьемъ томѣ „Библ. для Чт.“ 1834 г. подъ заглавіями: „Будрысъ и его Сыновья. Литовская баллада“ и „Воевода. Польская баллада“. Даже въ Анненковскомъ изд. 1855 года еще нѣтъ имени Мицкевича.

421) Не совсѣмъ понятно. При чемъ тутъ „gloria“?

422) „Молва“ 1836. № 3. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитаты.

423) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

424) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. *Чуха*—то же, что чепуха, чушь.

425) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Бѣлинскій всегда относился къ Сильвію Пелико иронически. Ср. стр. 511.

426) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

427) „Молва“ 1836. № 4. Ценз. разр. отъ 17 марта 1836. Въ изд. Солдатенкова напечатана съ значительными сокращеніями цитаты. Рецензія эта связана съ любопытнымъ эпизодомъ изъ жизни Бѣлинскаго, разсказаннымъ (повидимому, не безъ извѣстныхъ прикрасъ) въ воспоминаніяхъ о немъ Лажечникова:

„Пріѣхавъ однажды въ первыхъ тридцатыхъ годахъ изъ Твери въ Москву, я хотѣлъ посѣтить Бѣлинскаго и узнать его домашнее житье-бытье. Онъ квартировалъ въ *бель-этажѣ* (слово было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой.

Красивъ же былъ его бель-этажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачечная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, обхватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье; скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что̀ я видѣлъ, что̀ я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя!

Между разными средствами, которыя мы отыскивали съ Бѣлинскимъ, чтобы вывести его изъ этого ужаснаго положенія, придуманъ былъ одинъ и одобренъ нами: идти ему въ домашніе секретари къ одному богатому аристократу, страшному охотнику писать и печататься. Онъ извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ, помнится, Прутикова. Обязанности секретаря состояли также, какъ и прачекъ, въ томъ, чтобы чистить, штопать и выглаживать черное литературное бѣлье его превосходительства. Зато столъ, квартира, прислуга въ богатомъ домѣ и небольшое жалованье, чего же лучше! Дѣло было легко уладить. Прутиковъ не разъ обращался ко мнѣ съ просьбою, по дружбѣ, взглянуть на его творенія и, если мнѣ не въ тягость, поправить кое-гдѣ грамматическія и другія погрѣшности. Но когда догадался, что это занятіе не по мнѣ, сталъ уже просить меня пріискать ему въ помощники надежнаго студента. Подъ этотъ случай попался Бѣлинскій.

Вскорѣ онъ водворенъ въ аристократическомъ домѣ, пользуется не только чистымъ, но даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей (одна дочь его пр-ва музыкантша), располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, однимъ словомъ—ка-

тается, какъ сыръ въ маслѣ. Но вскорѣ заходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственною рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ съ своимъ добромъ, завязаннымъ въ носовой платокъ, и съ сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря. Шаги его направлены къ такой же убогой квартиркѣ, въ какой онъ жилъ прежде. Голова его высоко поднята, глаза его смѣло смотрятъ въ небо: ни разу они, также какъ и сердце, не обратились назадъ къ великолѣпнымъ палатамъ, имъ оставленнымъ. Онъ чувствуетъ, что исполнилъ *долгъ* свой.

А. Н. Пыпинъ, приведя разсказъ Лажечникова, прибавляетъ къ нему, что имя „почтеннаго старичка"—*А. М. П—скій*, что онъ былъ „человѣкъ стараго вѣка, по своему времени хорошо свѣтски образованъ, безъ малѣйшаго таланта и даже безъ хорошаго знанія русскаго языка, но одержимый страстью печататься". Однако, часть „Провинціальныхъ бредней" нашла себѣ пріютъ въ „Новомъ Живописцѣ", составлявшемъ приложеніе къ „Московск. Телеграфу" 1830: Кн. II—статьи: 1) 1-ое апрѣля, 2) Фехтованіе, 3) Экипажи, 4) Приличіе. Кн. VIII: 5) Обѣдъ. Въ „Атенеѣ" 1828 г. Прутиковъ помѣстилъ: 1) „Кузины" въ № 3, и „Планъ новѣйшаго романа: „Барбатонъ и Аврора", въ № 22. О „Провинц. бредняхъ" писалъ также Сенковскій („Библ. для Чт." т. XV). Онъ ихъ тоже жестоко вышутилъ.

428) Это слово употреблено здѣсь, конечно, такъ, какъ его употреблялъ Надеждинъ въ „Сонмищѣ Нигилистовъ" (см. т. I), т.-е. какъ синонимъ пустоты.

429) У Боккачіо нѣтъ такой сказки. Сообщаемъ это послѣ справки у переводчика и первокласснаго знатока Боккачіо—Александра Николаевича Веселовскаго.

430) Какъ это часто бываетъ съ Бѣлинскимъ (ср. примѣч. 166—167), малѣйшій предлогъ, ничтожная книженка даетъ ему поводъ выступить съ цѣлымъ манифестомъ о своемъ міросозерцаніи, о 18 вѣкѣ, о роскоши и т. д. Съ защитою моды Бѣлинскій здѣсь выступаетъ уже второй разъ (ср. прим. 297).

431) „Молва" 1836 г., № 4. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ части стиховъ.

432) *Склаважъ* (испорченное франц. слово esclavage) — теперь уже неупотребляемое названіе дамской брильянтовой парюры въ видѣ цѣпи.

433) Очень уже пренебрежительное отношеніе къ писателю, котораго никакъ нельзя поставить на одну доску съ какимъ-нибудь безграмотнымъ сочинителемъ „Прекрасной Астраханки". Французскій романистъ и дѣтскій писатель Франсуа-Гильомъ *Дюкре-Дюмениль* (1761 — 1814) пользовался огромною извѣстностью по всей Европѣ. Въ его „моральныхъ" романахъ, въ которыхъ добродѣтель неизмѣнно награждается, а порокъ наказывается, есть, все-таки, проблески таланта и настоящей фантазіи. Бѣлинскому онъ былъ ненавистенъ, потому что его пошло-моральные романы и повѣсти пользовались чрезмѣрною популярностью у насъ и переводились въ несмѣтномъ количествѣ. Вотъ списокъ этихъ переводовъ:

1) Лолотта и Фанфанъ или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на обитаемомъ островѣ. Пер. *Ѳ. Розановымъ*. 4 части. М. 1791. 8°. — Изд. 2-е, М. 1793, 8°.—Изд. 3-е, М. 1795, 8°.—Изд. 4-е. М. 1804. 12°. 2) Алексисъ, или домикъ въ лѣсу. Пер. съ фр. *Алексѣй Печенѣговъ*. М. 1794. 8° — Изд. 2-е. М. 1800, 8°.—Изд. 3-е. М. 1804. 12°. 3) Яшенька и Жеоржетина, или приключенія двухъ младенцевъ, обитавшихъ на горѣ. 4 части. М. 1796. 8°. — Изд. 2-е,

4 ч. М. 1804. 8°. 4) Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленія престарѣлаго отца. Пер. съ фр. *Савва Крыловъ*. 4 части. М. 1798—1799. 12°.—Изд. 2-е, 4 ч. М. 1807, 12°.—Тоже, Харьковъ. 1819—1820. 12°. 5) Викторъ, или дитя въ лѣсу. Съ фр. перев. *Ѳедоръ Загорскій* и *Филиппъ Горличъ*. 4 части. М. 1799—1800, 12°.—Изд. 2-е, М. 1801, 12°.—Изд. 3-е (а на титулѣ 2-е). 6 частей. Орелъ. 1821, 12°. 6) Катинька, или найденное дитя, истинное происшествіе. Съ фр. перев. *Константинъ Кириченко-Остромоевъ*. 4 части. М. 1802, 8°—Изд. 2-е. Орелъ. 1820. 12°. 7) Вечера моей бабушки, новыя волшебныя сказки, въ пользу малыхъ дѣтей. Съ фр. 2 части. М. 1802—1803. 12°.—Тоже, подъ назв.: Вечера моей бабушки. М. 1803. 12°. 8) Целина, или дитя тайны. Съ фр. перев. *Филиппъ Горличъ*. 6 частей. М. 1802—1803, 12°.—Изд. 2-е. М. 1807. 3 части, 12°. 9) Поль, или оставленная аренда. 12 книжекъ, или 4 части. М. 1802—1803. 12°. Тоже книга вышла подъ заглавіемъ: *Леонъ* или таинственное дитя. Съ фр. 4 части. М. 1802—1805. 12°. 10) Юлія, или исторія человѣческаго сердца. Съ фр. 4 части. М. 1803. 12°. 11) Пальмиръ и Вольмениль, маленькіе сироты, или деревушка при берегахъ Дюрансы. Съ фр., 8 книжекъ. М. 1805, 12°.—Изд. 2-е, М. 1819. 12°. 8 частей. 12) Мишель, или отеческій домъ. Съ фр. перев. *Степанъ Смирновъ*. 4 части. М. 1807. 8°. 13) Елмонда, или дочь гостинницы. Съ фр. 5 частей въ 10 книжкахъ. М. 1808—1809. 12°.—Изд. 2-е, 10 ч. М. 1816—1817. 12°. 14) Мальчикъ наигрывающій разныя штуки колокольчиками. Съ фр. 4 части. М. 1810. 12°. 15) Таинственная сирота, или развалины на берегу рѣки Темзы. 4 части. Съ фр. М. 1817. 12°. (Тоже что „*Поль*" и „*Леонъ*"). 16) Эмиліо, или вечера моего отца. 4 тома. М. 1819—1821. 12°. 17) Источникъ Святыя Екатерины, или отцомъ проданный сынъ. Съ фр. 8 частей. М. 1820. 12°. 18) Аравитскій замокъ, или Нарциза, дитя нещастія. Съ фр. перев. *М....ъ В....ій*. 4 части. Орелъ. 1827. 8°.

Кромѣ того, появились въ *журналахъ*: 1) Любовь и честность. Повѣсть. „Вѣстн. Европы" 1804, ч. 13, стр. 175. 2) Часы. Повѣсть. Тамъ же, 1804, ч. 14, стр. 259. 3) Нещастный вечеръ. Пов. Тамъ же, 1804, ч. 14, стр. 290. 4) Добрая служанка. Пов. Тамъ же, 1804, ч. 16, стр. 17.

434) „Молва" 1836 г. № 4. О Вернерѣ см. т. I, стр. 441, примѣч. 145, „Прародительница" *Грильпарцера* могла быть извѣстна Бѣлинскому потому, что она была поставлена въ 1829 въ переводѣ Ободовскаго.

435) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

436) „Молва" 1836 г., № 5. Цензурн. разр. 21 марта 1836 г. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Книгопродавецъ, о которомъ съ такою нѣжностью здѣсь говоритъ Бѣлинскій, несмотря на вражду къ „Библ. для Чтенія"—Смирдинъ.

437) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

438) Тамъ же. Отношеніе къ Полевому продолжаетъ быть чрезвычайно благожелательнымъ. Ср. прим. 59 и 405.

439) Обычная скромность. Ср. т. I, стр. 416, прим. 21.

440) Четвертая часть „Русской Исторіи" совсѣмъ не появлялась.

Несмотря на то, что Бѣлинскій здѣсь уклонился отъ какихъ бы то ни было притязаній на научную авторитетность своего мнѣнія, его взглядъ на Іоанна имѣетъ свое мѣсто въ исторіи отношенія русской науки къ Грозному. Н. К. Михайловскій, написавшій цѣлое изслѣдованіе объ „Иванѣ Грозномъ въ русской литературѣ", разсмотрѣвъ мнѣнія Щербатова, Карамзина, Погодина и Полевого (въ его „Исторіи русскаго народа") говоритъ:

„До сихъ поръ мы видѣли людей, или въ недоумѣніи останавливающихся передъ Иваномъ IV, какъ передъ неразрѣшимой загадкой, или пытающихся такъ или иначе разрѣшить эту загадку, но, во всякомъ случаѣ, возмущенныхъ въ своемъ непосредственномъ чувствѣ кровавыми ужасами Іоаннова царствованія. Признавая огромное историческое значеніе за нѣкоторыми эпизодами этого царствованія, они съ колебаніями или даже совсѣмъ не распространяютъ своего почтительнаго удивленія на самую личность Грознаго. Первымъ, кто рѣшился совсѣмъ отвлечься отъ непосредственнаго чувства и создать нѣкото-

рый апотеозъ Грозному, былъ совсѣмъ не историкъ и притомъ, страннымъ образомъ, именно человѣкъ страстнаго чувства, человѣкъ, который не только говорилъ, но и писалъ и жилъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша", — какъ выразился про него Некрасовъ, — „неистовый Виссаріонъ", какъ его называли друзья, словомъ—Бѣлинскій. „Русская исторія для первоначальнаго чтенія" Полевого вызвала въ 1836 году рецензію знаменитаго критика, въ которой читаемъ: „есть два рода людей" и т. д. (см. по нашему изд. II, 442, 8 строкъ до словъ: „Вотъ, четырехлѣтнее дитя"). Остановившись на эпизодѣ болѣзни Грознаго, Бѣлинскій продолжаетъ: „Трепещите, буйные крамольные бояре!" и т. д. (стр: 443—44, до 20 строки на 444 стр., до словъ: и силу ума высокаго).

Мнѣ неизвѣстна „Русская исторія для первоначальнаго чтенія", но если планъ ея не очень отдаляется отъ плана „Исторіи русскаго народа" того же автора, то можно удивляться, что Бѣлинскій не замѣтилъ вышеприведенныхъ особенностей взгляда Полевого на Грознаго. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что Бѣлинскій не приложилъ большихъ стараній къ изученію Грознаго и его эпохи и, съ свойственною ему пылкостью, увлекшись собственною фантазіей, нарисовалъ портретъ Грознаго „нѣтовыми цвѣтами по пустому полю", какъ говоритъ кто-то у Островскаго. Мудрено, конечно, думать, чтобы эта пламенная лирика въ прозѣ оказала какое-нибудь вліяніе на отношенія русской литературы къ Грозному царю. Но все-таки именно съ этихъ поръ мы встрѣчаемъ рядъ величаній Грознаго.

Началось съ Кавелина, именно съ его замѣчательной статьи „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" (1846 г.). Между прочимъ, если не ошибаюсь, Кавелинъ первый провелъ параллель между Грознымъ и Петромъ I, каковая параллель потомъ часто повторялась, повторяется и теперь. (*Михайловскій*, Соч. т. VI, изд. 1897, стр. 145—146).

Н. К. Михайловскій полагаетъ, что устанавливать связь между „лирикой въ прозѣ" Бѣлинскаго и позднѣйшими восхваленіями Грознаго мудрено. Но если, однако, изъ сейчасъ приведеннаго взять свѣдѣнія, что „величаніе" Грознаго началось съ Кавелина, то связь устанавливается самая простая и естественная. Почти въ то самое время, когда писалась рецензія, Бѣлинскій былъ учителемъ юнаго Кавелина. Какъ мы узнаемъ впослѣдствіи изъ воспоминаній Кавелина, самыя занятія шли не очень регулярно. Но учитель постоянно бесѣдовалъ съ даровитымъ ученикомъ о многомъ, что его волновало и „мудрено" ли предположить, что онъ ему передалъ и свой взглядъ на Грознаго. Черезъ 10 лѣтъ, когда Кавелинъ выступилъ на учено-литературное поприще, между нимъ и Бѣлинскимъ осталось то же соотношеніе: Бѣлинскій былъ главаремъ цѣлаго движенія, а Кавелинъ продолжалъ къ нему относиться съ величайшимъ благоговѣніемъ.

441) „Молва" 1836, № 5. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Полемика въ концѣ противъ „нѣкоторыхъ", прославляющихъ Турцію, относится, конечно, къ Сенковскому, всегда рисовавшему восточную жизнь въ розовомъ свѣтѣ.

442—443) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

444) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ конца. Позднѣе Бѣлинскій не удостаивалъ такихъ похвалъ совсѣмъ ихъ не заслуживавшаго Бурнашева. О немъ и о взглядахъ Бѣлинскаго на дѣтское чтеніе еще будетъ рѣчь.

445) „Молва" 1836, № 6. Ценз. разр. 17 апр. 1836.

446) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Этотъ отзывъ является какъ бы продолженіемъ отзыва, помѣщеннаго выше (т. II, стр. 401—403, № 179).

447) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Колкости въ началѣ относятся къ Кони.

448) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Въ этой вдвойнѣ дружеской рецензіи (издавалъ Надеждинъ, переводили товарищи по „Телескопу") Бѣлинскій, все-таки, остался безпристрастнымъ, отмѣтивъ и слабыя стороны.

449) Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

450) „Телескопъ“ 1836 г., т. 32, № 5 и 6.

Ценз. разр. отъ 21 марта и 17 апр. Въ изд. Солдатенкова напечатано съ небольшими пропусками въ 5 мѣстахъ.

451) Фраза чрезвычайно характерная. Для Бѣлинскаго никогда не было сомнѣній относительно того, чѣмъ онъ въ данный моментъ увлекался. Онъ переживалъ теперь эстетическій моментъ своей духовной жизни и твердо убѣжденъ, что „законы творчества уже найдены“. Не очень-то ихъ нашли и понынѣ. Ср. т. I, стр. 429, пр. 38.

452) Обычное выдаваніе себя головою. Ср. т. I, 416, пр. 21.

453) Все это разсужденіе о задачахъ русской критики является программою собственной дѣятельности Бѣлинскаго, сила которой именно въ ея ясности и опредѣленности. „Чистое умозрѣніе“, при всей его любви къ философіи, всегда было ему чуждо, его всегда интересовало только немедленное приложеніе „умозрѣнія“ къ разрѣшенію ближайшихъ насущныхъ вопросовъ духовной жизни.

454) Тонъ отношенія къ Шевыреву все еще остается такимъ же почтительнымъ, какъ въ „Литер. Мечтаніяхъ“. Ср. т. I, стр. 441, пр. 142.

455) Бѣлинскій вторично (ср. т. I, стр. 448, пр. 202) невѣрно цитируетъ этотъ замѣчательный стихъ.

456) Ср. т. I, стр. 344 и слѣд.

457) Карлъ *Сольгеръ* (1780—1819)—нѣмецкій эстетикъ, профессоръ въ Берлинѣ, романтикъ и шеллингіанецъ. У насъ онъ былъ въ большой чести въ москов. университетскихъ кружкахъ, откуда о немъ и дошли слухи до Бѣлинскаго. Одинъ изъ видныхъ профессоровъ новаго типа И. И. Давыдовъ, замѣтивъ даровитость поступившаго въ 1836 г. въ московск. университетъ Иринарха Введенскаго, далъ ему переводить „Эстетику“ Сольгера, но изъ этого ничего не вышло. (*Барсуковъ*, Жизнь Погодина, т. V, стр. 26).

458) Ср. рецензію о Монборнъ (II, 142—149 и прим. 166—67.

459) То, что говоритъ здѣсь Бѣлинскій о Гоголѣ, не прибавляетъ ничего существенно новаго къ тому, что онъ гораздо ярче и съ гораздо большей страстью сказалъ въ спеціальной статьѣ о Гоголѣ. (II. 186—236). Но читателю будетъ интересно слѣдить за изложеніемъ статьи Шевырева и убѣдиться въ томъ, какъ далекъ былъ этотъ называвшій себя „гоголефиломъ“ критикъ отъ истиннаго пониманія Гоголя, отъ котораго требовалъ „безвредной безсмыслицы“. Ср. II, пр. 257.

460) Французское поясненіе приведено неудачно. Слѣдовало сказать—causerie.

461) „Народность“ тутъ, конечно, употреблено вмѣсто теперешняго—„популярность“.

462) Обстоятельность, съ которою говоритъ Бѣлинскій о Жаненѣ несомнѣнно указываетъ, что этотъ писатель хорошо былъ ему знакомъ и не только по переводамъ, въ числѣ которыхъ былъ и его собственный (I, 175—177). Бѣлинскій много говоритъ о его фельетонахъ, а на русскій яз. переводились главнымъ образомъ романы Жанена.

463) Этотъ „какой-то журналистъ“ не кто иной, какъ Надеждинъ, помѣстившій въ т. 3-мъ и 6-мъ „Телескопа“ за 1831 годъ седьмую пѣснь Шевыревскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“. Первому отрывку предшествовалъ тотъ самый проектъ просодической реформы („О возможности ввести

итальянскую октаву въ русское стихосложеніе", „Телескопъ" т. III, стр. 263—299 и 466—491), которую здѣсь навсегда такъ безжалостно убилъ Бѣлинскій.

464) Не могли доискаться о комъ рѣчь.

465) Этимъ злымъ насмѣшкамъ надъ курьезною затѣей Шевырева предшествовала небольшая замѣтка „Просодическая реформа", которая по ошибкѣ помѣщена нами не въ надлежащемъ мѣстѣ (II, 456).

466) Бенедиктова Шевыревъ и поставилъ во главѣ „новаго періода". Ознакомленіе съ восторгами Шевырева еще разъ убѣдитъ читателя, съ какою большою эстетическою опасностью Бѣлинскій боролся въ своей статьѣ о Бенедиктовѣ (II, 274—290), и какъ необходимо было противопоставить этимъ восторгамъ не менѣе сильное отрицаніе. См. II, прим. 577.

467) См. II, 310.

468) Кажется, одна изъ фигуръ Бальзака.

469) Въ русскомъ переводѣ „Стелло" появилось дважды. См. стр. 447, № 198. Кромѣ того отрывки изъ него печатались въ „Сѣв. Пчелѣ" 1835 г.

470) Жильберъ—извѣстный французскій поэтъ-сатирикъ (1751—80). Въ двадцатыхъ годахъ и позднѣе упорно держалась пущенная Шарлемъ Нодье легенда, что онъ умеръ отъ нужды и передъ смертью обращался къ родителямъ съ укоризнами, приводимыми здѣсь Бѣлинскимъ со словъ Альфреда-де-Виньи. Въ дѣйствительности, злой по отношенію къ своимъ врагамъ, но льстивый предъ сильными міра сего, Жильберъ былъ человѣкъ, хорошо обезпеченный разными пенсіями и подачками. Онъ велъ свѣтскій образъ жизни и во время прогулки верхомъ въ Булонскомъ лѣсу упалъ съ лошади и черезъ 2 недѣли умеръ отъ послѣдствій ушиба. Передъ смертью онъ написалъ приводимое нами дальше стихотвореніе, первая строчка котораго получила огромную извѣстность (перешла и въ русскій языкъ: „мнѣ нѣтъ мѣста на пиру жизни") и подала поводъ думать, что ранняя смерть 29-лѣтняго Жильбера явилась слѣдствіемъ нужды. Изъ обращенія же къ воспоминаніямъ дѣтства легенда создала проклятія тѣмъ, которые его оторвали отъ плуга и сельскихъ занятій:

Au banquet de la vie infortuné convive,
J'apparus un jour, et je meurs;
Je meurs, et sur la tombe où lentement j'arrive
Nul ne viendra verser des pleurs.
Salut! champs que j'aimais, et vous, douce verdure,
Et vous, riant exil de bois!
Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature,
Salut pour la dernière fois! и т. д.

471) Понятіе о литературной собственности было еще тогда вновѣ. Вотъ почему можно было считать проявленіемъ Гетевской практичности и умѣнія устраивать свои дѣла то, что онъ сдѣлался „монополистомъ своихъ произведеній». Въ Россіи право литературной собственности устанавливается только съ 1828.

472) Какой-нибудь парижскій магазинъ предметовъ роскоши?

473) Эти свѣдѣнія о цѣнахъ проѣзда Бѣлинскому, очевидно, сообщили либо только-что вернувшійся изъ-за границы Надеждинъ, либо, всего вѣроятнѣе, Василій Боткинъ, тоже тогда только-что пріѣхавшій изъ поѣздки за границу.

474) Участникъ разорившейся въ 1826 издательской фирмы Балантейна м Кэмпбелля, Вальтеръ Скоттъ принялъ на себя погашеніе обязательствъ въ милліонъ рублей и, чтобы покрыть этотъ гигантскій долгъ, сталъ работать съ

лихорадочнымъ напряженіемъ, изготовляя по печатному листу въ день. Въ ряду этихъ подневольныхъ, большею частью слабыхъ, произведеній мало чистой беллетристики, и главное мѣсто занимаетъ 9-томная, мало-критическая „Исторія Наполеона". О ней-то, очевидно, и говоритъ Бѣлинскій.

475) Рѣчь о рецензіяхъ *П. Щ.* См. примѣч. 101, 103, 105.

476) Подробнѣе объ отношеніи Бѣлинскаго къ Хомякову см. по поводу ст. „Русская Литература въ 1844 году".

477) О Николаѣ Александровичѣ Мельгуновѣ, большомъ пріятелѣ Станкевича, еще будетъ сказано.

478) Ср. примѣч. 249.

479) Рѣчь о полемической брошюрѣ историка Степана Васильевича *Руссова* († 1842). „Разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества" на 1835 годъ въ № 37, 38, 39,—О мнѣніяхъ касательно Руси" (Спб. 1836. 8°. 96 стр.).

480) Статья, начало которой, безъ подписи автора, помѣщено въ V томѣ „Моск. Наблюд." закончилась только черезъ $1^1/_2$ года, въ XII томѣ, гдѣ подъ нею стоитъ подпись *И. Ефимовичъ.* Свѣдѣній о личности этого писателя, на котораго Бѣлинскій возлагалъ извѣстныя надежды, нѣтъ. Но, видимо, онъ сошелся впослѣдствіи съ кружкомъ Бѣлинскаго; въ „Моск. Набл.", когда журналъ перешелъ къ Бѣлинскому и его друзьямъ, есть разборъ „Руковод. къ логикѣ", подписанный *И. Ефимовичъ* („М. Набл.", 1839 г., т. I). Въ томъ же году въ „Литер. Приб. къ Русск. Инв." (1839, № 16) появилась его статейка „Гете и Шиллеръ или превращеніе растеній и философія Канта". Статейка совсѣмъ небольшая, но написана не безъ одушевленія.

481) Ср. примѣч. 116.

482) Псевдонимъ Михаила Николаевича *Макарова* (1789—1847), автора многочисленныхъ статей историко-литературнаго характера, неимѣющихъ серьезнаго значенія и вращающихся больше въ области анекдотовъ.

483) Ср. примѣч. 166—67.

484) „Князь Скопинъ Шуйскій", — написанъ фрейлиной Олимпіадой Петровной *Шишкиной* (1 іюля 1791—11 мая 1854). Мы еще къ ней вернемся по поводу рецензіи Бѣлинскаго на ея „Прокопія Ляпунова" (1845).

485) Ср. II, примѣч. 166—67.

486) Сказано больше для красоты слога: „Камердинера" у Бѣлинскаго никогда не было, хотя вообще его матеріальныя обстоятельства были въ то время довольно удовлетворительны. Отношеніе къ г-жѣ Коттенъ (см. прим. 141) тоже черезчуръ строгое. „Матильда" лучшій романъ Коттенъ.

487) Еще несравненно болѣе несправедливо, чѣмъ къ г-жѣ Коттенъ, относится Бѣлинскій къ миссъ *Эджевортъ*, одной изъ самыхъ извѣстныхъ женщинъ-писательницъ (1763—1849). Ея литературная физіономія далеко не ограничивается тою пошлою „свѣтскостью", съ которою воюетъ Бѣлинскій. Въ извѣстной чопорности, манерности, условности она несомнѣнно повинна и Бѣлинскій былъ правъ, когда хотѣлъ парализовать ея вліяніе. Но Эджевортъ посвятила себя не только изображенію свѣтской жизни, къ наиболѣе пошлымъ сторонамъ которой она, сказать кстати, относится тоже весьма отрицательно. Миссъ Эджевортъ одна изъ первыхъ ввела въ свои произведенія народный (ирландскій) элементъ и Вальтеръ Скоттъ, въ апогеѣ своей славы, прямо заявлялъ, что подъ ея вліяніемъ у него явилось желаніе ввести въ литературу бытъ и преданія своей родины. Миссъ Эджевортъ писала также очень много для дѣтей. Правда, писала въ обычномъ тогда морализующемъ стилѣ.

Та дѣтская книжка ея, которая могла быть извѣстна Бѣлинскому въ русскомъ переводѣ, называлась: „Дѣти съ ихъ характерами, повѣсти, могущія возбудить въ юныхъ читателяхъ желаніе добродѣтелей и открыть въ сердцахъ ихъ сокрытые недостатки“ (2 ч. М. 1827). Однако, авторъ, очевидно, умѣлъ находить доступъ къ лучшимъ сторонамъ дѣтской души. Когда въ 1847 г. въ Ирландіи свирѣпствовалъ голодъ, бостонскіе школьники въ нѣсколько недѣль по собственной инціативѣ собрали 150 тоннъ муки и много рису и отправили ихъ по такому адресу: „Миссъ Эджевортъ для ея бѣдныхъ.“

488) Цитата изъ „Бала“ кн. Одоевскаго.

489) См. прим. 409.

490) См. т. II, стр. 421—422.

491) Мало-по-малу разгораясь, статья чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ становится все лучше и сильнѣе. Въ началѣ идутъ довольно мелкія придирки, но какъ только Бѣлинскій перешелъ къ войнѣ со свѣтскостью въ литературѣ — статья получила историческое значеніе, какъ необыкновенно мѣткій ударъ въ начинавшую принимать опасные размѣры литературную язву. Въ примыкающихъ къ этой статьѣ замѣткахъ о „Современникѣ“ (см. т. III) Бѣлинскій съ пламеннымъ напоромъ продолжаетъ войну со свѣтскостью и ведетъ ее съ несомнѣннымъ успѣхомъ. На это есть прямыя свидѣтельства. Тотчасъ послѣ появленія разсматриваемой нами статьи Станкевичъ писалъ Бѣлинскому (30 мая 1836): „Братъ писалъ мнѣ, что ты послѣднею статьею о „Москов. Наблюдателѣ“ рѣшительно убилъ Сергѣя Петровича (Шевырева) и что онъ самъ отъ себя отрекается... въ часъ добрый“ (Переписка, 175). Въ борьбѣ Бѣлинскаго съ литературною свѣтскостью характернымъ является то, что она отнюдь не была слѣдствіемъ какой-нибудь радикальной теоріи, отнюдь не вытекала изъ демократическихъ тенденцій, которыя тогда еще были совершенно чужды Бѣлинскому. Мы знаемъ, что онъ въ это время даже защищалъ моды и роскошь (см. II, 428 и прим. 430). Борьба со свѣтскостью была для него теперь борьбою съ отсутствіемъ истиннаго чувства, съ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ эпизодомъ эпохи „абстрактнаго героизма“, съ удовлетвореніемъ безотчетныхъ порывовъ къ высокому, съ презрѣніемъ къ пошлости и мелочности.

Какъ статья „О критикѣ и литерат. мнѣніяхъ Москов. Наблюдателя“, такъ и предшествующій ей отчетъ „Ничто о ничемъ“ являются первыми серьезными вылазками противъ Шевырева, въ исторіи литературной репутаціи котораго Бѣлинскій сыгралъ такую роковую роль. Главные эпизоды войны Бѣлинскаго съ Шевыревымъ еще впереди и относятся къ сороковымъ годамъ. Шевыревъ во многихъ отношеніяхъ былъ противникъ весьма замѣчательный. Ни карьеристомъ, ни человѣкомъ себѣ на умѣ, какъ его главнаго соратника по теоріи смиренномудрія—Погодина его нельзя было назвать. Интересы духовные въ немъ преобладали. Образованіе онъ имѣлъ хорошее, спеціальныхъ знаній у него тоже было много, какъ по исторіи всеобщей, такъ и по исторіи русской литературы, и нѣкоторыя его работы не утратили интереса до сихъ поръ. Какъ профессоръ, онъ, во всякомъ случаѣ, будилъ мысль стремленіемъ къ широкимъ обобщеніямъ и желаніемъ создать опредѣленное міросозерцаніе. Вотъ почему въ началѣ и срединѣ тридцатыхъ годовъ онъ пользовался симпатіями лучшей части студенчества, на ряду съ Павловымъ и Надеждинымъ, и былъ представителемъ новаго теченія университетскаго преподаванія (ср. I, стр. 419). Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ вся его дѣятельность приняла совсѣмъ иное

направленіе. Педантизмъ взялъ вверхъ надъ возбужденностью первыхъ лѣтъ профессорства. И такъ какъ живого, внутренняго чувства у Шевырева не было, то онъ всегда терялъ чувство мѣры, но терялъ его не въ порывѣ страстнаго увлеченія, а именно какъ педантъ, потому что искусственно взбадривалъ себя. Въ его хватаніяхъ черезъ край никогда не чувствовалось глубокой вѣры, а всегда явственно проступала напыщенная надутость. Это онъ, главнымъ образомъ, довелъ теорію „смиренія", какъ главной исторической черты русскаго народа до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она является полнымъ искаженіемъ реальныхъ очертаній дѣйствительной исторической жизни. Это онъ, главнымъ образомъ, а не славянофилы, какъ обыкновенно думаютъ, провозглашалъ, что „Западъ сгнилъ". Не было у него также непосредственнаго, живого пониманія искусства и, за исключеніемъ обусловленнаго личною пріязнью „гоголефильства", его литературныя сужденія въ значительной долѣ своей несостоятельны и пошлы. Воображая себя глубокимъ цѣнителемъ всѣхъ родовъ искусства и литературы, Шевыревъ на самомъ дѣлѣ былъ лишенъ эстетическаго вкуса и наговорилъ много такого, что̀ прямо стало образчикомъ педантической напыщенности и безвкусицы. Добродушія, отчасти примирявшаго съ Погодинымъ, у него не было и тѣни. Шевыревъ былъ злой самолюбецъ, никогда не прощавшій, если его задѣвали, и всегда вносившій во всякую полемику самое тяжелое раздраженіе. Отъ него нельзя было отдѣлаться однимъ вышучиваніемъ и пародированіемъ, какъ это дѣлалось по отношенію къ Погодину, надо было вести съ нимъ споръ серьезно. И такъ какъ онъ, защищая свое міросозерцаніе, ничѣмъ не былъ стѣсненъ и имѣлъ полную возможность выдвинуть весь свой запасъ аргументовъ и нападокъ, между тѣмъ какъ противники вынуждены были еле-еле намѣчать свои доводы въ самыхъ общихъ и неясныхъ очертаніяхъ, то и они, въ свою очередь, не могли не быть раздражены. Все это сдѣлало Шевырева предметомъ страстныхъ нападокъ Бѣлинскаго и его друзей. Изъ всѣхъ представителей теоріи „оффиціальной народности" только съ нимъ однимъ и стоило спорить: Булгаринъ былъ слишкомъ омерзителенъ, Гречъ слишкомъ мелокъ, Сенковскій въ сороковыхъ годахъ уже выдохся, Погодинъ былъ забавенъ по преимуществу и только борьба съ Шевыревымъ и доставляла наслажденіе побѣды. Болѣе детально намъ придется еще говорить о Шевыревѣ въ примѣчаніяхъ къ дальнѣйшимъ томамъ.

492) Эту замѣтку, напечатанную въ XXVII томѣ „Телескопа" (№ 9) за 1835 г. (ценз. разр. отъ 1 октября 1835) слѣдовало бы помѣстить раньше. Выходка, видимо, является отголоскомъ настроенія всего кружка: въ письмѣ къ Невѣрову отъ 28 сент. Станкевичъ пишетъ:

„Какъ тебѣ нравится №№ 7 и 8 „Телескопа", изданные Бѣлинскимъ? Замѣть въ послѣднемъ прекрасную статью: „Лютеръ на Вормскомъ сеймѣ". 9-й готовится. Въ немъ осмѣлились пошутить надъ Шевыревымъ, который съ важностью говоритъ о реформѣ въ русской просодіи и хочетъ ввести итальянскую.... Не говоря уже о нелѣпости этой мысли, подумай, какъ не стыдно въ нашъ вѣкъ, богатый человѣческими интересами, думать о перемѣнахъ въ просодіи? Талантъ самъ создаетъ ее" (Переписка, 149).

Акварельный портретъ Бѣлинскаго, приложенный ко II тому.

Въ *краскахъ* этотъ портретъ дается здѣсь въ первый разъ. Но онъ уже разъ былъ воспроизведенъ безъ красокъ въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1881 года (№ 10), гдѣ даны слѣдующія свѣдѣнія:

Оригиналъ портрета Бѣлинскаго, прилагаемаго къ настоящей книжкѣ „Историч. Вѣстн.“, обязательно доставленъ намъ Павломъ Густавовичемъ Моравекомъ при слѣдующемъ сообщеніи:

„Посылаемый мною вамъ портретъ В. Г. Бѣлинскаго составляетъ большую рѣдкость. Онъ достался мнѣ отъ покойнаго дяди моего князя П. Д. Козловскаго, бывшаго въ 1837—1838 гг. инспекторомъ Межевого института въ Москвѣ, директоромъ котораго былъ въ то время С. Т. Аксаковъ. Какъ и когда дядя мой познакомился съ Бѣлинскимъ, мнѣ неизвѣстно, но онъ говорилъ мнѣ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ Бѣлинскій часто бывалъ у него до самаго отъѣзда своего въ Петербургъ въ 1839 году.

Въ это время и былъ написанъ, по желанію дяди, портретъ съ Бѣлинскаго однимъ изъ воспитанниковъ Межевого института, отличавшимся умѣньемъ рисовать съ натуры. По словамъ дяди, портретъ былъ очень похожъ“.

Получивъ отъ г. Моравека портретъ, о которомъ идетъ рѣчь, мы показывали его А. А. Краевскому, какъ лицу, близко знавшему Бѣлинскаго, начиная съ 1839 года. Г. Краевскій не только удостовѣрилъ намъ сходство портрета, но прибавилъ, что въ немъ схвачены черты Бѣлинскаго гораздо вѣрнѣе, нежели во всѣхъ извѣстныхъ до сего времени портретахъ и бюстахъ его.

Воспроизводя съ этого портрета точную копію, считаемъ необходимымъ сказать, что оригиналъ сдѣланъ акварелью и очень полинялъ отъ времени, но тѣмъ не менѣе обличаетъ искусную руку. *Ред.*

Съ своей стороны прибавимъ, что князь Козловскій былъ дѣйствительно очень друженъ съ Бѣлинскимъ. Въ письмѣ къ брату (іюнь 1838 г.) Бѣлинскій, сообщая о своемъ поступленіи учителемъ въ Константиновскій Межевой институтъ, между прочимъ говоритъ: „Инспекторъ, князь Козловскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, уступилъ мнѣ лучшую половину своей квартиры“. (Русск. Ст.“ 1876 г., т. XV, стр. 343).

Пользуемся случаемъ принести искреннюю благодарность Павлу Густавовичу Моравеку (нынѣ инспектору Спб. Екатерининской женской гимназіи). Онъ съ полною готовностью отдалъ въ наше распоряженіе принадлежащій ему драгоцѣнный unicum для тѣхъ довольно сложныхъ операцій, которыя потребовало красочное воспроизведеніе портрета.

A 3604/26

20.79.2.1/2